

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://prishvinmihail.ru/> Приятного чтения!

Дневники 1932–1935гг. Михаил Михайлович Пришвин

1 января. Вчера мы с Павловной вечером засиделись (я приводил в порядок альбомы, она чулки штопала) да-леко за полночь и, ложась спать, забыли поздравить друг друга с Новым годом.

Пропал праздник! (Разгром Дома печати за то, что Не-лидов прочитал свое: «пропал фельетон»).

На полях: Счет:

Имеется в кассе: 1081.81

1741.85

2823.66 получено от Гиз'а 495

3318.66

31го/ХН взял 200руб., из них отдал Григорьеву 140р. (100 долг, 40 гаю – фунт) и Павловне 20руб. Павловне 20 р. Павловне 130 р.

За разборкой альбома. Разобрав, устроив свои фото, я сказал Павловне: – Если уцелеют мои снимки до тех пор, когда у людей начнется жизнь «для себя», то мои фо-то издадут и все будут удивляться, сколько у этого худож-ника в душе было радости и любви к жизни. Да, вот если бы все люди бросили подсаживать друг друга и стали за-ниматься тем, что каждый из них любит, для чего каждый рожден, – что бы это было!

– Нельзя, – ответила Павловна, – только редчайшие люди способны заниматься тем, что хорошо. Людей надо подгонять.

– Да, вероятно... – сказал я и, вспомнив сегодняшний рассказ Григорьева, передал его Павловне. Он мне расска-

5

зывал, что иногда, возвращаясь в поезде из Москвы, он открывает глаза и видит вокруг себя, какие-то существа сидят очень жуткие, достают из грязных мешков что-то, кладут это в рот немытыми руками, жуют и через жов го-ворят о том, где это для жова можно достать, где что вы-дают, спорят об этом, иные ругаются, иные так сцепятся, что забывают класть в рот кусок... Вот тогда является соб-лазн, – что это не люди...

– Понимаешь? – сказал я. – Он боится за себя, что и он такой же, но гордость отделяет себя от них, гордость...

– Это не гордость, – ответила Павловна, – это жа-лость.

В эту ночь, как бывает, отчетливо пронеслись в моей голове оба моих путешествия, в Свердловск и во Влади-восток, все до точности вспомнилось и ни на чем сердце (родственное внимание) не задержалось: везде спех, суета, страх, стон, злоба; через толщу вверженных в бедствие людей невозможно было, как раньше, пробиться к природе, загореться там любовью, как раньше, и с родственным вниманием вновь посмотреть на людей. Вот, кажется, тут-то, именно в эту точку моего обычного счастья художника и направлено почему-то ядовитое жало. Я чувствую безошибочно, что именно в той самой точке встречи своего луча с лучом другого человека, отчего являлось со-радо-вание, теперь заложен на тебя капкан или стрихнин... а то еще очень страшно думать, что потребность в со-радова-нии и совсем не вернется и что лучей уже и нет никаких, а только сам привык искать это и пишешь, и уже и вовсе нет того, кому хочется сказать, и не будет.

Вот дадут в Москве комнату, пойду я к вождям РАППа и всякого рода МАППа и [пойму] и раскрою тайники их душ, вникну в те родники их тайных лучших желаний, из которых потом что-нибудь хорошее, новое сложится. Я искренно отрешусь от себя, выброшу весь балласт свой, чтобы подняться до них и почувствовать ту великую сущ-ность, ради которой теперь родной сын колет своего род-ного отца. Я переживу там в Москве эту тему жизни столь

6

непонятную и странную всему христианскому и дохрис-тианскому, всему культурному миру...

Единственное, что теперь остается на радостную па-мять, это одержанные победы, и, по-видимому, этот мо-тив борьбы и делается тем основанием, на котором про-цветет потом наше время, если ему случается процвести.

Люди с толку сбиты, но, конечно, постоянно стремятся возвратиться к этому же толку, и оттуда опять их сшиба-ют, отчего является страх и раздвоенность: рад бы туда, а нельзя...

Как будто это я напрасно жалуюсь и приписываю вре-мени отсутствие людей в моих последних путешествиях: если вспомнить старые путешествия, то ведь в них каких-нибудь особенных людей не встретил.

О «пропал фельетон» – раздражение коммунистов по-нятно, потому что буржуазным

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
фельетоном дразнить коммуниста это все равно, что красным дразнить быка... или, напр., меня дразнить Пильняком.

2 Января. Полонский только что сказал в РАППе, что он перестроился, что связь с попутчиками считает грехом – «грешен, грешен!» – говорил он – и вот теперь его пере-строили извне (памятуя: «не всякий глаголящий Господи» и проч.): выгнали из «Нового мира». И в общем верно, так и следует, для того времени он был хорош, теперь другое... Мне все так понимается, что самый ход времени, его уско-рение в ритме есть совокупность всех мировых условий, и только флюгер может быть вполне с ним согласован... И очень возможно, что разная политико-литературная мелкота, бездарная, беспринципная именно и существует, чтобы [чуять] вперед и, как флюгер, сигнализировать пе-ремену. Какой-нибудь Брик... И наоборот, чуть что-нибудь свое – и отстал, и если отстал, тут уже не уверяй, что пе-рестроился и что грешен, конечно, пропал.
Ни на какой стройке, будь они самые грандиозные, ни от какой цифры нельзя получить уверенность в правоте

7

большевицкого дела и даже вовсе понять значительность самого факта (из-за легиона мелочей, вихря пыли танцу-ющей мелкоты), если только не чувствовать универсаль-ный ход времени (для этого некоторым надо прямо ви-деть, что делается за границей).

Мало-помалу легенда о нашей революции за границей на почве их кризиса растет и крепнет, чтобы в конце кон-цов слиться с нашей государственной легендой и ликви-дировать то, что мы считали «жизнью» с ее почти что вечными биологическими и культурными устоями.

Бывало, после работы приду, лягу и как убитый! Те-перь лягу и не сплю, время провожаю, в голове мечта. Вскину разум свой – и так понимаю: не везде же так жизнь, как у нас, во всем-то мире... Вот бы на этом успокоиться и уснуть, но потому что ведь если это просто наша бо-лезнь, то придет здоровье и болезнь пройдет. Но если – думаешь – бы там было здоровье, то почему же они до-пускают такую чуму и даже отдают нам сюда на постройку крепости против самих себя машины, оружие и лучших своих мастеров. Значит, не могут согласиться между со-бой, и время у них, как и у нас, само идет, разделяя людей, обрекая всех их на бессилие... Так отказывается разум по-нять и опять мечта и вопрос: «Кто нас ведет по черному пути?» Вот как больно станет, схватишься за сердце, вос-кликнешь по старой привычке: Господи, Господи! и тут петух предрассветный закричит. Вот так и ночь пройдет вся в мечте.

На полях: Но понимать эту ликвидацию надо приблизитель-но по такому примеру: вот я, известный Михаил Пришвин – не какой-нибудь блудник Пильняк – взял бы и стал писать безымянно; ведь для истин-но культурного мира я бы остался в писании своем такую же лигностью, как был, и только ликви-дировал бы внешнюю свою оболочку, назовем ее в про-тивоположность лигности индивидуальностью. По этому примеру надо и все понять: если ликви-дируется поп, то темярге безымянно действует свя-щенник, убивают отца как физическую слугай-ность, гтобы истинный отец невидимо вступил

8

в свои обязанности, изживают себя в обманном приспособлении к Христу, разбивают этот фетиш и освобождают безымянного истинного Христа...

И очень возможно, что спор наш о массе и личности путается только потому, что личность подменяется инди-видуальностью.

4 Января. В предрассветный час вышел на двор с соба-ками и очень обрадовался звездам после стольких дней серой «сиротской» зимы. Пока собаки мочились, я так разговаривал со звездами. – Сколько заветного моего вы помогли мне высказать! Теперь неужели же перед новой встающей правдой окажется, что все было неверно? Нет, все останется в глубине душ, но говорить об этом долго не будут. Как странно, что в двадцать-двадцать пять лет я вполне лично мечтал о мировой катастрофе и находил в этой мечте всего себя, теперь в катастрофе почти нет никаких сомнений, и, тем не менее, очень мало в ней ра-дости. Да, да! вот именно теперь так и понимают «мещан-ство»: что-то вроде антропоморфизма, вмешивание лично-интимного «гуманного» и т. п. в государственные планы. Это правда, но ведь и обратно есть правда, пока не имею-щая своего ходячего названия: это претензия государства стереть все личное.

Вечером собрание бригады. Вот как забили мою голо-ву, перестаю понимать... Ведь и так можно представить, что нас трогать никто не хотел и все долги между тем взя-ли с нас с огромной лихвой: что им машины (чугун), если за них взяли с нас все сырье.

Лошадь купили на корм собакам за 15 руб. шести лет, а Марья Павловна говорит, что у них по 7 руб. продают (кормить нечем).

7 Января. Рождество.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Генералы обманули. Лева опять закрутил, вероятно. Петя впился в звероводство. Ежедневно пишу прошения о комнате в Москве и мало-помалу сам в это вверился, что без комнаты – пропадешь.

9

Мучительно и воистину «смертельно» тоскую. Думаю о лошади, которую мы купили за 15 р. на зарез для корма собак, лошадь молодая, здоровая, всего ей 6 лет. Марья Павловна говорит, что 15 р. дорого, у них по 7 руб. Вот явление, кажется, одно, а если взять меня и Максима Горького, то получится два разных толкования, его опти-мистическое, мое пессимистическое. Он скажет, что это индустриальный прогресс, что это трактор выбросил ло-шадь на съедение собакам, и социальный прогресс: ведь это разоренные единоличники бросают хозяйство, ло-шадь и бегут в производство. Мне же думается по-иному, пусть прогресс, но... прогресс бывает разный, хороший хо-зяйственный прогресс не допустит такого безобразия, ло-шадь хоть есть можно, а чугун не лизнешь. Впрочем, если смотреть, что все это война, то, конечно, лошадям – мор.

Петя говорит, что они в общежитии встанут мокрые от сырости, что едят суп-брандахлыст и пшеничную кашу, но что «жить можно и учатся все с великой страстью». Да, вот это надо непременно иметь в виду при суде над современностью, надо свои привычки совершенно отбросить... Только все эти студенты забыть до того «нагрузкой», что кроме специальности ничего не узнают. Впрочем, «диа-лектика» и «материализм» заменяют им все. Однако и тут не надо думать, [что] они верят, ведь верить-то некогда. Является даже и такая мысль о «вообще»: есть ли такие верящие люди в марксизм и ленинизм, что кто-нибудь, оставшись сам с собой, сказал: верю и действую и даже знаю... нет! но приходит другой, и, опасаясь его, он дейст-вует как бы по личной вере. Да, лично-то нет вовсе людей (как в «Кашеевой цепи»: героя нет – заяц герой). Лич-ность состоит в согласованности с заданиями ... но где очаг, горнило, где рождаются директивы? Хотя бы в лите-ратуре (ну, вот, напр., «Венька» берет перевес и придумы-вает, однако Венька мальчишка, не из себя же он берет). Кто их гонит? Приходится признать, что существует ми-ровая равнодействующая разных сил, которая на каждую личность – как императив.

Алекс. Н. Толстой – вот уже год хлопочет о разреше-нии ему съездить за границу, чтобы сладить делишки

10

с валютой (переводы). Случилось, Горький устраивал у себя вечер и позвал Толстого. А на вечере этом был Ста-лин. Алеша, известно, когда ему надо, может быть при-писка: хитрым очаровательным. Сталину до того понра-вилась его болтовня, что он отозвал его будто бы в сторону и спросил, не надо ли ему чего-нибудь... Было как в сказке, ведь можно было полцарства просить. Но Алеша сумел, как в сказке, попросить только колбасы... И поехал за гра-ницу. (По этому поводу приходит следующее: у одного муд-реца были два сына, блаженный Мишук и хитрец Алеша. Пережив большую жизнь, блаженный Мишук добыл себе опытный ум и стал таким же мудрецом, как отец, но Але-ша хитрец сошел на нет...)

У Горького.

Н. написал книжку и получил приглашение к Горько-му. В приемной человек 20 народу. У секретаря Крючкова три телефона. Бесперывно звонят, и секретарь с разным лицом отвечает, как будто на три телефона – в нем три лица. Бесперывно приходят пакеты с надписью: «секрет-но», «секретно – спешно».

Повестка Творческое бюро

Получил повестку – на клочке [клетчатой] бумаги плохая машинопись: «"Творческое бюро" делает смотр очеркистам Союза. Что вы написали в 31-м году? Явка обязательна».

А ведь очень возможно, что это «творческое бюро» явилось следствием книги моей о творчестве «Журавли-ная родина».

Вольфила. Читаю о Блоке у Белого... Ужасно стыдно смотреть на самого себя: пришел талантливый зверь и че-рез талант соприкасается с идеями и по-своему обживает эти идеи, и через это его тоже за человека принимают, са-жают за стол, и оттого он чувствует себя хорошо и даже пишет об этом, что был там-то и слушал, что [люди] гово-

11

рили там. Талант + романтизм, т. е. личная утонченность. Нехватка в идеях возмещается чувственностью... Но, ве-роятно, все сводится к чему-то одному, иначе как могли мы быть вместе. Подумать.

Миша растет на руках, еще ничего не говорит, рожицы делает такие уморительные, что все равно как и говорит. Через все это начинаю понимать, что многие люди просто лишены самого чувства понимания ребенка... Это совсем особенное чувство. Так есть чувство охотника (воля), оно может и не быть у другого, и чувство романтика или мис-тика...

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

На полях: ритм

неповторимость и гувство ребенка

Революция движется линейно, события и лица проходят в это время без ритма, а время общей жизни мира (солнце всходит и заходит) идет ритмически: сколько раз солнце взойдет и закатится, пока вырастет и кончится человек. Поэзия есть светлая атмосфера, заря сознания человека. Пусть рухнет быт, но ритм жизни и без быта может питать поэзию – конечно, опираясь на то же солнце (всходит и заходит). Но это понимание (мое) не «революционно» – это биологизм – все революционное движется по линии (не по кругу). Ритм движения по кругу с уходом и возвращением... восходом и закатом – здравствуй и прощай, дедушка внуку сказку рассказывает про Ивана Царевича... А то вот предполагается линейный ритм, положим, едем в поезде, и колеса мерно отщелкивают: «погуляй-погуляй!» Вот именно, что все является и пропадает без возвращения: усвоили и бросили, как выжатый лимон. И дедушки нет... Движение по линии на луну, теснота внутри 1 нрзб.: умерших и больных выбрасывают без слез. Личность за шиворот и в чан... Тут тоже стихия. Вспомнить Чемреков. Образы из сектантской поэзии. Родину, мать, отца, друга – все ради движения вперед без возвращения...

12

На полях: Солнышко увижу – скажу «здравствуй», и увижу закат, говорю «прощай». Но если я еду в поезде и вижу на полках все тех же самых людей...

Девка-парень. В дер. Плющиха (здесь) выросла девчонка, не признававшая себя за девчонку: рубашку, штаны носила... били ее за это смертно. Выросла парнем, грудь уматывала полотенцем. В солдаты пошла – вернули. [Же-нилась] на девке, жили на хуторе – развели, взяла другую (духовный гермафродит). Очень красивая. Звали парня этого Ленька.

Бозенька. В одной семье ожидали ревизию и вынесли иконы в чулан. Коммунисты приехали, сели за стол. В это время входит маленькая девочка и спрашивает: – А куда вы дели Бозеньку?

Лина (Акулина) Никитична – с дочкой своей приехала к Зоиной матери и попросила ее новое платье на вечер, чтоб раз надеть на свадьбу: «Люди, – сказала она, – не-интересные, [самые] серые, не стоят того, чтобы для них новое платье шить». Зоина мать дала платье. Сыграли свадьбу. Молодые приехали с визитом к Лине Никитичне и, увидев на ней новое домашнее платье, говорят: – Какой хорошенький ситчик! – В это время дочка Лины и говорит: – Это что, а вот мама на свадьбу брала платье, вот это платье! Мама взяла его у Зоиной мамы и говорит ей: «Не хочу новое делать на свадьбу, люди такие серые, не-интересные...»

Помни друг, теперь уже не миновать тебе того, перед чем ты трепетал в своей жизни. Да, было время, можно было тогда устроить свою жизнь так, чтобы это втайне оставалось и переходило в наследство детям и внукам, как «грех». Теперь все раскрывается, и человек наконец-то должен увидеть то самое, что прикрывалось таинственным словом «смерть», он должен увидеть то, что страшнее всякой смерти: увидеть себя без всякой личной тайны, как есть себя самого без тайн и отбора в себе лучшего, без надежд («Исправлюсь, няня, милая, прости, я исправлюсь!»), а она: «Нет тебе прощения!» – и стегает крапивой)

13

вой)... «Всеобщая конкретизация» или «Страшный суд» (Страшный суд или всеобщая конкретизация с уплотнением жилищ до последней возможности).

Символизм – встреча текущего мгновения с вечностью, а место встречи – личность. Все верно, пока личность настоящая, но как только явился «изм» и творчество символа стало методом («творческое бюро») и личности стали всякие, то символизм стал ерундой... Вот против этого (не против личности, а чтобы негодники-то не укрывались под символизмом, идеализмом, христианством и т. д.) идет революция и ее диалектика и материализм: из-за этого, но своего не достигают: негодники и тут вьют себе гнездо.

8 января. В предраассветный час и то капель, значит, снег осядет, и давно пора, вчера по такому снегу ходил на лыжах и пришел еле живой.

Дыхание жизни и смерти.

Темно и ужасно все нависло, капель.

Есть глубже тоски слой души, царство безнадежности. Вести оттуда тем ужасны, что не оставляют от прошлого ничего: как будто жизни во времени вовсе не было, и все прошлое такое же тусклое пятно, как это серое небо. По-инному сказать: вот ты жил и копил всю жизнь, а когда пришел черный день, то из копилки нечего взять. Это именно и есть то, что ускользает от обыкновенного сознания, когда думаешь о жизни подвижников: борьба с чертями – это совершенные пустяки в сравнении с этим смертным дыханием... Я вижу три возможных выхода. Один «пессимистический», но верный: это вперед признать «ни-что» и затем жить без очарований.

Другой выход (мой выход): это когда видишь не темное небо, а чистое, звездное, – спешить копить в себе радость и успевать, пока не прошло, давать жизнь другим и

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru так за-крепляться вовне радостью (сила родственного внима-ния, творчество). В эти радостные моменты представля-ется, что смерти нет, что этой силой творчества она будет

14

побеждена. Но когда приходит час, то все равно все твор-чество жизни сметается. Раз пройдет, и звезды вернуться, два, три... И так живешь, терпишь, зная, что пройдет, как раньше проходило. Но есть и конец, когда на одной стороне лежит груды ненужных тебе совершенно твоих собственных за-слуг, как приготовленных досок и камней для твоей моги-лы, на другой – ты сам в безнадежности, верней, ты сам без себя самого, какой-то «плюс на минус», или даже чис-тый нуль. В христианской кончине это предусмотрено, и пустой конец заделывается страданием, самораспятием. Мне это и несвойственно, и близко, и всегда было так, что придет час, и я так сделаю. Третий путь – это путь приписка: не свой, и даже не путь, а постороннее разрешение вопроса заглушения личной тревоги, общественно-принудительный, пчели-ный труд, когда некогда чувствовать радостно-звездное небо, и тусклые сумерки, и ночь, когда некогда думать, размышлять о конце и кресте. Именно такая жизнь теперь подошла, и всякое углубление, личное мирозерцание и пр., Христос, и поэт, и философ – все против нее. Со-гласно с этим является скорая философия для простака – «диалектика», и люди крайне упрощенные, а между тем всемогущие. 9 января. Та творческая радость, какою жил я так дол-го, не допускает насилия над собой (искушение многих), а если нет, то путь христианский (христианская кончина).

А что значит «христианский»?

Община о. Николая Опоцкого, в Велебицах. Он собрал верующих мужиков («где два-три во имя мое...») и повел. Стали богатеть, выстроили нефтяную мельницу. Дело духовное осталось у о. Николая, а материальная часть пе-решла к мельнику. Началась глухая борьба, зависть. Од-нажды о. Николай уехал в Петербург на несколько дней, пионеры христианства взяли топоры и пошли друг на дру-га. После того как их [оставил] о. Николай, коммуна рас-палась. Причина: о. Николай должен был овладеть мате-риальной стороной и ее не выпускать из рук.

15

Коммуна Щетинина (Чемреки).

Щетинин соблазнил Легкобытова своей премудростью (казначей пропал: пошел искать Христа). Отдался ему в рабство. Явился «народ». Щетинин как бы бог на небе, а Легкобытов переводит на земное: здесь, в человеке, на земле. Представляя себе то, что было, они переводили на себя и в своем кружке видели разрешение времен. Грех, общий всем сектантам... (претензия на универсализм *pars quo totum*¹) (точь-в-точь и у нас теперь: и, как Легкобытов, каждый думает обобрать своего Щетинина и выбросить.) Мережковский и Легкобытов (между прочим: барин и му-жик: и почему-то по этой линии сочувствие Легкобытову; точно так же это же сочувствие большевикам против ин-теллигенции); с пастилой и с духами – кто смешней? В результате: даже Блок (и, вероятно, Белый) не вы-держивают пробы на жизнь. (Еще: Легкобытов у Ремизо-ва, встреча: педераст...) Эллинизм... (педерастия) Послед-нее разложение: Розанов. А Распутин?

В результате: «Христос» самых высоких представите-лей искусства был «бумажным» в сравнении с силой Лег-кобытова. И вот теперь именно эта «сила» господствует. До того все похоже! – ведь даже «Блок и чан». Предложе-ние Блоку: бросься в чан к нам и будешь вождем народа. Не Блок бросился, а Ленин. И пошла новая порода – «вос-кресшая интеллигенция», вожди...

Итак, слабость, как нравств. упрек христианству (ис-кусство – выражение слабости).

В чем Легкобытов уязвим: он выступает против куль-туры за землю, но попадается сам на крючок культуры и весь уходит в «принципы», имеющие свойство обыгры-вать жизнь (землю) и над ней измываться (Фарфорова коммуна).

Предсказание:

Чемреки разбрелись кто куда, когда в 14 г. объявили войну. Так и с нами, вероятно, будет: начнутся какие-то всемирно великие события, и наше дело в свете их померк-

1 pars quo totum (лат.) – части целого.

16

нет и перестанет. Так это мне, но другие думают, что у нас не «секта», а целое универсальное движение...

10 января. Все эти зимы у соседки рано в темноте раз-горалась русская печь, и мне было видно, как старая кол-дунья действовала там, непрерывно меняя кочергу на ухваты и рогачи с большими горшками. Нынче там, на-против темно, а старуха жива: дров нет, старуха перешла на буржуйку и невидимо в другой комнате коптит свои стены. Кончилась сказка.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru и вот еще наш московский «тайный прикрепитель» – тоже был! и как скоро явился бытовой ритм в этом в сущности паскуднейшем деле. Каждый месяц мы ездили в Москву и оттуда привозили чудесные вещи, выходило вроде подарков. Злейшая идея разделения, положенная в основу «закрытых распределителей», как-то не задевает особенно обладателей книжек, и С. добродушно назвал эти закрытые распределители тайными прикрепителями. И вдруг потребовали наши книжки (им срок на три месяца) и дали другие. Почему? Мы догадались: новые книжки выдали всем нам, а избранным дали другие в какой-ни-будь сокровеннейший источник, в святая святых. Мы же пришли в свой тайник, – нет ничего, пусто, как и везде. Все перекочевало к святым. И это коммуна!

Привезли немного баранины, чаю нет, приписка: са-хара^ крупы нет... Смотрю рано в темное окно и думаю [тоже] о старухе: нет у нее дров, печь не [горит], сказки нет у меня под пером.

Читаю Белого «Памяти Блока». Не согласен с эпитетом «национальный» поэт. В нем есть нечто подчёркнуто личное для этого эпитета, и даже заодно выпирающее про-тив черни... (Вообще) самое опасное для поэта и художни-ка – попытка перехода от личных мотивов к гражданским, ведь тут вот что, никакого «волеизволения» – только элек-трич. разряд... Или жизнь под совлианием того и другого, как живет небо и земля.

Вечером собралась Бригада (Загорская бригада писа-телей), приехал «генерал» от Совкино (Новогрудский?).

17

Самое интересное – это «Родник радости» – страна ра-дости СССР, куда теперь дети бегут из Европы.

На полях: Левые эсеры: они помогали большевикам спускать зверя, а когда зверь был спущен, большевики долж-ны были прибирать его к рукам, но эсерам как буд-то хотелось... Они должны были верить в «сти-хию».

Итак, две встречных легенды, одна легенда создается теми за границей, кто недоволен там и мечту о лучшем сливает с тем, что слышит о СССР. Другая (тоже) легенда тех, кто живет в СССР и, тоже недовольный, об этой жизни создает легенду «правды» («Вавилонская башня» и проч., что все насквозь гнилое). Этим последним другая легенда кажется ложью. Напротив, те творцы (строители) все ар-гументы этих «переживающих» называют мелочью.

Вольфила о Блоке. Я так думаю по-старому об этом, что вода и берег – вот все (а у Блока вода – стихия, бе-рег – государство). Вот именно как вода подтачивает бе-рег – есть в этом отличие: вода ударяется в берег и ей ни-чего, но люди, поэты и о скалу! (государственность). Выступай, как [люди], как «человек»-гражданин, но по-эзия – бороться... в поэзии ничего нет против свинца. Чу-десно, что Пушкин пустил свинец в врага и даже попал. Но скифы пустили поэзию и... обиделись на... государство. Другой вопрос, как революционеры взялись за госуда-рст-во. Без этого же быть ничто не могло...

12 января. (Сочельник?)

Думал через Блока о Легкобытове как его антиподе, и вот Легкобытов разложился на Горького, Ленина, Ста-лина и других *dii minores*¹. В существе легкобытовском есть, во-первых, злая насмешка над тем, что называют «богом» и, главное, «небом» (бог на земле: человек), вто-рое – это презрение, злость, ирония и т. д. перекидыва-ются и на культуру и ее носителей (Блок), но сами, начи-наясь от этой же культуры (Горький от уличного романа «Разбойника Чуркина», Сталин читает Шекспира, и т. д.),

1 dii minores (лат) – младшие боги.

18

робеют лично перед высшими ее носителями и устремле-ны к тому, чтобы вождей перевести на службу к себе. Сла-вянофильский, народнический приписка: соловьевский вообще, «барский» и всякий «народ» совершенно отме-таются. Мое личное положение какое-то среднее, тоже и у ме-ня есть специальное тяготение к господскому столу (при-ятно их высшее общество), [которое] парализуется, впро-чем, достоинством своего таланта неподкупного; и также есть враждебность, ирония к их барству и слабости; с дру-гой стороны, чувствую уважение (и даже силу власти над собой) к нравственной силе Легкобытова. Я чувствую в этом даже и что-то родное, что и я такой же, если бы не талант мой. Выбор у меня выходит такой: на одной сторо-не какой-то ослабленный Христос, ищущий себе нравст-венные подпорки в народе, на другой – диавол, в высшей степени некультурный хам, но твердый как железо-Просто «ни хуя!» (нет ничего и никаких) = ничто, *nihil*. То философское *nihil* есть в свою очередь богатство перед бытовым «ни хуя!». Нигилизм выдумал барин, и *nihil* в этом понимании являет собой скорее фокус аскетизма, чем действительное ничто. Истинное же, воплощенное в быт ничто, страшное и последнее «ни хуя» (или «нет ни-чего и никаких») живет в улыбающемся оскале русского народа. Загеркнуто: Вот это разделяет барина, интелли-гента,

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru поэта и всякого культурного человека от нашего. Иногда это бывает в улыбке Максима Горького, на каком-то снимке видел где-то я: Ленин и Сталин так улыбаются («ни хуя!»). Откуда это? (Казначей-то ведь ушел за Бо-гом...) Есть [материализм] – нигилизм цинический евро-пейского мещанства, где фетишизируется вещь, так вот наш нигилизм относится к этому вещественному и разрушает его вконец: тут происходит какой-то пир – пляс на границе материального и духовного (ни хуя!).

Интеллигент и барин, играя в нигилизм, как бы с жиру бесятся (и тут тоже и Блок) – вот откуда и пропасть между «народом» и интеллигенцией... На этом плясе голыть-бы «скифы» и построили свою идеальную Скифию (нет ничего, а они сочинили: барство). Надо анализировать

19

это «ни хуя» до конца, чтобы понять, почему же из него выходит не Скифия анархическая, а военный социализм... не Блок, а Сталин. Надо, я думаю, разобрать в отдельности каждого авто-ра формулы «ни хуя»: он ненавидит мещанскую вещь, ин-теллигентскую «идею» барского бога, потому что все это не его, и то время, когда он мог бы в этом принять учас-тие, давно прошло, и самая родина вне этого «святого» для него вконец испоганена. Он живет на людях и с людь-ми, и с виду как будто он групповой человек, но этого нет: он индивидуалист и только терпит товарища по несчас-тью...

В этом кишасщем «ничто» действительно нет ни хуя, и все это надо прибрать к рукам и направить по линии ка-зарменной государственности, а не вольной Скифии. Ме-жду тем среди этого кишасщего «ничто» ждет не дождется своего освобождения честолюбивый Легкобытов... казна-чей ушел за богом, подсел мудреца и взял власть: тот мудрец, имея «ключ к царствию божию», господствует над ним, рабом, а раб, уничтожив бога, оголил от бога си-лу, и она стала его государственная власть – сила, оголен-ная от бога, стала властью, и всякая такая власть есть власть над человеком. Но ведь это же путь и Горького, и Сталина, и всех властолюбцев. Вот что означает хохот Легкобытова и улыбки Горького, Ленина, Сталина. Ски-фы пали, потому что (бессознательно) протянули руки к власти (выбрав товарищем того, кому вся культура и вся высшая «Скифия» – «ни хуя»). Собственно говоря, все революционеры пали. И совершается совсем не то, о чем думали. Но тем фактичнее должно доказываться, что именно это есть революция и коммунизм...

Итак, Легкобытов, Горький, Ленин, Сталин...

А Щетинин – это Помазанник (мудрость Алексея Гри-горьевича): так и подсидели царя во имя человека: точь-в-точь!

13 января. Институт нихуевников. Фельетон или «забавная страница». Исчез фельетон, исчезла забава – в самое сердце ударило, все назвали до-

20

кладчика о «пропал фельетон» контрреволюционером, троцкистом и разгромили Дом печати, – подумайте: толь-ко за то, что он намекнул о недостатке забавной страницы в нашей плановой прессе! Но вот погодите, об этом инци-денте там, где надлежит серьезно подумать, и там, где нет ничего беспланового, решат в плановом порядке начать институт забавников и нихуевников (Инзабних).

В этом институте будет допущено, что такие категории и явления, как любовь, мысль, мечта, музыка и всякого рода искусство до балета и от балета до рождественской елки – все это анархично, как текущая вода, и во времени всесильно, т. к. нет такого берега, которого, напр., в тыся-чу лет не размост текущая вода.

Сколько лет, тысячу или больше? бежала вода Волги, оттачивала камень, подмывала, размывала берег, и мы учились жить по текущей воде: мы думали, глядя на под-точенный берег, что пусть камни теснят воду, – во време-ни нет предела силе вольной стихии воды, рано или позд-но всякий берег размостится и рухнет. Но вот теперь эту воду ввели в другое русло: камень остался, а вековечное назначение воды подтачивать берег и тем обретать себе свободу кончилось: вода вертит большую электротурби-ну, а за шлюзом постоянный присмотр оагеркнуто: и ре-монту чуть начало размываться, сейчас же приступают к починке.

И нас, поэтов вольных стихий, высшее начальство приглашает бросить избитые и неверные образы прошло-го и перенести внимание от стихии, природы внутрь са-мого человека, который рано или поздно всякую стихию должен прибрать к рукам и заставить действовать по свое-му... хотелось сказать «желанию», но не вышло: желания-то нет никакого, а просто размножение людей создает нужду, и эта нужда технику, необходимую, чтобы можно было всех накормить...

Но мы забыли, что воду взяли только лишь как пример анархической вольности музыки, поэзии, искусства, люб-ви... Неужели же и все это, составляющее собственно жизнь, тоже будет приложено, чтобы вертеть какую-нибудь элек-тротурбину для пользы дела размножения людей на зем-

21

ле и удовлетворения их элементарных потребностей? Как будто бы нет, но только, может быть, это «нет» говорит наше прежнее гуманитарное и всякое воспитание, а на са-мом деле и возможно: запрут все начисто и самую любовь поймут окончательно как силу размножения на земле высшего работника человека и запрут в специальных кол-хозах с хорошим подбором племенных производителей по всем правилам генетики и евгеники. Да или нет? Тут разум ничего не может ответить, и разница в ответах раз-ных людей больше всего зависит от их здоровья: а совер-шенно здоровые и разумно устроенные люди будущего, вероятно, даже и вопросом таким не будут задаваться...

14 Января. Продолжается сиротская зима. Вот-вот ко-рова отелится, и у хозяйки бродят в голове нечестивые мысли: как бы устроить так, чтобы не поить теленка до-рогим молоком, а как-нибудь от него вовсе избавиться. Хозяйки уже нашли средство в значительной мере избав-ляться от расхода молока на теленка: поят кофе-здоровь-ем.

На полях: Придумчивые и решительные люди однако находят иные средства. Так вот насуют шерсти в горло и когда теленок...

Теленок-мученик. Один гражданин выдумал подморо-зить теленка так, чтобы он жив остался и можно было за-резать, и в то же время и таким уродом стал, чтобы разре-шили его зарезать. Так он оставил теленка в морозную ночь на дворе и время от времени выходил с фонариком смотреть. Когда ноги у теленка до того отмерзли, что он свалился, гражданин втащил его в хлев. Утром пошел просить разрешения резать. Но вышло так, что сосед его бедняк тоже теленка поил и все видел через забор... Ко-миссия была тоже догадливая, и так рассудила: мученого теленка отдали бедняку на зарез, а теленка, которого поил бедняк, велели допоить предприимчивому гражданину. Вот бедняку вышла жизнь: и молоко полилось от коро-вы в свой рот, а не в телячий, и отведал соседской теля-тинки.

22

– Так и надо, – говорили мужики на базаре, – надо самому башкой работать, а не смотреть на других. Выду-мал что, морозить, да кто же теперь не морозит телят.

– Ну, а как же надо-то...

– Как?..

И оказалось, вот как делают теперь самые догадливые. Насуют теленку в горло шерсти и, когда теленок начинает корчиться, зовут комиссию. Пусть вскроют и найдут шерсть, можно сказать, что теленок сам нализался шер-сти...

Свинья-наследница. Говорят, что сейчас в городе по всем учреждениям в поисках правды ходит глубокий ста-рец, похожий на Апостола. Дело его состоит в том, что вы-думал он себе завести поросенка и достал очень породис-того. Прокормил год, выросла отличная свинья, собрался с силами, купил хлеба, овса, откормил свинью и пошел за разрешением резать ее. Комиссия осмотрела свинью, при-знала ее племенной, резать не разрешила в течение пяти лет. Вот старик и ходит по учреждениям и уверяет всех, что ему не дожить, что свинья у него останется наследни-цей. – Мыслимо ли, – говорит старик, – чтобы человек жил для свиньи...

Мужики на базаре опять все набросились на Апостола и говорили ему:

– Дурак, дурак, такую свинью вырастил и пошел до-кладывать...

– Ну, а как же?

– Как? Это нельзя на каждый случай сказать как. Ведь вот и у вас, как везде, часто меняются председатели: ты узнай, может быть, он не записал, а в памяти держит. А ког-да узнал, что свинья в памяти, жди, когда сменился пред-седатель, и как сменился, спешу, режь без всяких разре-шений, ничего не будет. А так по апостола жить, как ты, [каждая] свинья верх над тобой возьмет, и ты помрешь...

15 Января. Зима так проходит: началось сильными морозами без снега, и так было долго и очень досадно, по-

23

тому что мороз без снега всегда злей почему-то. После то-го стало мягко и пошел снег и падал каждый день, созда-вая для охотников ежедневно «пороши». Однако без [мороза] так везде распушились снега, что ходить в лесах стало невозможно – собаке по уши! – и охота около Рож-дства кончилась. А сиротская зима и теперь продолжа-ется.

Вчера был Вася Карасев. Ссылка ни в чем не повинного отца, по-видимому, прошибла и его комсомольски-про-стеганную душу. Так и все они петушатся до времени, [по-том] ушибленными отходят с позиций и переживают то же самое, что и все люди, а новые опять петушатся за счет своей юности и невежества. Но среди них, однако, есть за-мечательные дарования (что-то вроде [администрато-ров]), удивительные дипломаты, – очень возможно, что они-то и есть невидимая «соль» комсомольства. Идеологическое расхождение.

Спросите любого о Реомюре, все скажут, что это тер-мометр, и только редкий из редких, какой-нибудь узкий специалист – и то из специалистов специалист по

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru термо-метрам, и тоже из этих специалистов по биографиям изобретателей в области физики – скажет, что Реомюр не термометр, а человек, изобретатель термометра... Жив ли теперь этот замечательный физик – едва ли: ведь я был еще мальчиком маленьким, когда мать моя оттаивала занесенное снегом окошко, чтобы взглянуть на Реомюр. В какой стране он жил? Не знаю, – ведь все так коварно подстроено на этом кладбище науки, чтобы человек совсем исчезал, а созданная им вещь похищала себе его имя. Но, вероятно, так и надо, и хорошо и справедливо: разве он сам-то, Реомюр, изобретая термометр, сколько-нибудь думал о человеке, он был просто физик и смотрел на все с физической точки зрения. Человеком в памяти людей остается только тот, кто был человеком тогда при жизни своей, а не физиком, или химиком, мы можем вспомнить оагеркнуто: Гёте; приписка: Христа... Нет, это правильно, вполне справедливо, что какой-то гражданин Реомюр

24

мало-помалу превратился в изобретенный им термометр и стал по-своему вечно жить, то поднимаясь вверх во время теплой погоды, то опускаясь зимой...

Так вот, молодые товарищи, вот в чем наше идеологическое расхождение, вы стремитесь к тому, чтобы люди вышли из жизни Реомюрами, а я хочу, чтобы каждый человек осознал себя как сам человек при жизни...

17 января. Сегодня вечером еду в Детское Село. Разговор с Павловной:

– Странно, Павловна, в литературе меня наперерыв стремятся все похоронить вместе с «классиками», на улице называют «дедушкой», а я сам иногда себя чувствую не только не дедом, но даже не отцом, а так, будто я все еще мальчик и жизни настоящего взрослого делового человека еще и не хлебнул. Что это, неужели это от приржденного моего таланта...

– Да, – ответила Павловна, – талант, конечно, как талант... а главное, я думаю, это что ты еще можешь ребенка произвести... Вот когда это пройдет совсем, то перестанешь себя чувствовать мальчиком: игра кончится, и даже обиду не будешь чувствовать...

18 января. Поездка сорвалась, достали билет только на 20-е. И аппетит поездки пропал: есть слух, что Ленинградское издательство писателей подверглось разгрому РАППа, подобно московскому. По-видимому, мы накануне полной перемены условий вознаграждения авторов. Как-то выбьется Алеша Толстой, а ведь как-нибудь выбьется.

У Зои еще есть некоторые механические остатки религиозного миропонимания; так, она еще крестится перед едой, если нет никого посторонних. Впрочем, она скажет даже, что и в Бога верит, но и в этом убеждении заметно линяет: в Бога, скажет, верю, а в загробную жизнь нет.

Первого своего ребенка она родила честно, считая грехом все средства против деторождения. Но, испытав прелесть материнства в советских условиях, к следующему

25

разу непременно прибегнет к аборту... И нельзя иначе, тут или погибни в старом завете, или линяй. Непременно! Как болеет и линяет птица, точно так же и женщина лично в этой линьке совершенно бессильна. Ребенок ночью час-то кричит, а Зоя весь день была на службе, и, когда ночью сидит она при керосиновой свечке, раскачиваясь часами, баюкая, и ее тень с нечесаными громадными волосами часами тоже качается на стене, – заглянешь случайно, выходя на двор, и подумаешь: «Как это несовременно и как неразумно, не хватает сверчка и часов с кукушкой».

Случается, всю ночь прокричит, а на службу идти надо – какая же тут будет работа, можно себе представить! Ребенок переходит на руки к бабушке, матери мужа, потом, когда бабушке надо готовить пищу для Зои и убирать комнаты, ребенка переносят в дом к другой бабушке, матери Зоиней. Обе эти бабушки частью по избытку любви, частью чтобы поскорее унять крикуна, пичкают его всем самым с их точки зрения хорошим, сладким и вкусным, и не по часам, как надо бы, а как вздумается. Вот через это, по всей вероятности, ребенок неумоимо кричит по ночам, Зоя качает и баюкает – утром не добудешься! а пыль на рояле как грифельная доска: сегодня напиши пальцем, завтра так [запылится], что никаких следов от вчерашнего. Бывает, созовет гостей, заиграет «Дунайские волны», поднимется пыль, – все начинают чихать и хоть глаза закрывай. Скажешь: «Зоя, как ты, нет у тебя ни иголки, ни тряпочки, ты бы хоть пыль обмела на рояле». Так и фыркнет: «Я не хозяйка, и не хочу быть хозяйкой».

Возмутительное положение, а между тем, как подумаешь, и она права: прежде рожали детей, как и теперь, главным образом, по деревням, бабы высыхали с детьми, а дети кто выжил, кто помер – много выживало, достаточно. Более зажиточные держали прислуг, нянек, даже кормилиц. Мыслимо ли теперь все делать самой советской женщине. Она справедливо мечтает о будущей [советской] квартире, куда она возвращается после службы и [советская] прислуга делает все так, чтобы только лечь в чистую кровать и отдыхать. С другой стороны, то

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
покрестит-ся, то потихоньку сходит к заутрене, или вдруг вздумает

26

заниматься самообразованием и для этого почему-то про-ходит математику. Одним словом, Зоя линяет.

Петин выходной день. Взяли Бию и пошли по лисьим следам. Рабочие на производстве (устройство рыбного пруда) поймали ласку и упустили. Мы стали искать. Рабочие начали помогать. Производитель работ с трудом по-ставил их на место (крики: – Да я не усну, пока не уви-жу. – Зверек-то больно хорош). Когда все принялись за работу, производитель взял лом и стал нам помогать. Ра-бочие не выдержали и опять все у нас. Часа два провози-лись. Сколько было веселья. (Русская детская природа) Ласку выгнали, и Бия ее задушила. (Самый-то мой безо-бидный сюжет, а нельзя напечатать: разве могут рабочие на два часа забросить производство, нечего сказать, удар-ники!)

Художником в «образованном» обществе называют мастера, который умеет так сделать, что публика, почуяв, напр., приближение весны, скажет: «весна, как у Левита-на» – или, приехав издали к морю, узнает его и скажет: «прекрасно, совсем как у Айвазовского». Мне же хочется в художнике видеть убедительно заставляющего и на мо-ре и на луну смотреть собственным «личным» глазом, от-чего каждый, будучи личностью неповторимой и являясь в мире единственный раз, привносил бы в мировое хра-нилище человеческого сознания, в культуру, что-нибудь от себя самого...

Отчего мы страдаем? Оттого, что беспокоимся о средст-вах существования (простыня все редеет, редеет, а достать негде), второе – что очень трудно работать не для себя, третье – двоиться тяжело: про себя так, а на людях иначе, а в summa summagum1: нет радостей, праздников, подар-ков, и ждать лучшего тоже нельзя: ждут войну («пропал фельетон»).

Еще особенно тяжело нам, живым отцам, что отец – свидетель не только плохого, но и хорошего в прошлом,

1 summa summagum (лат) – сумма сумм, конечный итог.

27

что он не может быть не самим собой, что он живой, зна-чит, нельзя же, выжав его сок на пользу обществу, прямо-таки без оговорок выбросить на помойку, как выжатый лимон... Герой современности – это сын, который своего родного отца как нечто личное и прошлое приносит в жертву обществу (понимая общество как «не я» – «я» исчезает в тот момент, когда председатель дает ему слово); и это до того теперь очевидно, что является вопрос о лик-видации всех «я» как класса. (Рапповцы думают, что бо-рются с бурж. искусством, а на деле – с корнем всякого искусства, с личностью.)

Я сам долго отрицал советскую общественность пото-му, что каждый член ее про себя был совсем другой чело-век, чем на людях, и мне казалось, что сумма лиц, самоот-рицающих себя, дает ничто, нереальность; теперь вижу, что нет, и сумма отрицающих себя личностей дает вели-чину отрицательную. Да и что значит неискренность? В момент самоотрицания на обществе человек тут же пре-образуется, утверждает себя общественно, возвращаясь потом к себе самому, как к мусорной яме. Мы же по-обы-вательски роемся в этой яме и говорим: «вот неискренний человек».

Пример: учительница в субботу в школе учит детей против Бога (антирелигиозная пропаганда)], а в воскре-сенье рано в темноте, закутавшись в черный платок, идет к заутрене отмаливать грех (Бог не должен простить и пре-вращает религию учительницы в мусорную яму). Пример: Художник-мистик N. пишет портрет Ленина и этим живет (3-ю тысячу теперь кончает): ведь в конце-то концов он делает Ленина, а не Бога, в которого будто бы верит ([Свя-того] Духа).

Странное дело: Григорьев рассказал про карьеру Вить-ки, что Витька попал в руки знаменитому инженеру-элек-трику], тот его полюбил, научил, и теперь Витька, почти мальчик, является директором электрического «гиганта». Но вот, напр., к отцу его, бедному человеку, привезли три сажени дров, свалили, и их нужно было переложить в са-

28

рай. Отец за Витьку, и тот приезжает в автомобиле, разде-вается и [перекладывает] дрова.

Я сказал об этом: – Вот так партиец.

– Это случайность, – ответили [мне], – его скоро вы-прут. Партия таких хороших не терпит.

«В чем дело?» В том, что поступок этот, глубоко «лич-ный», «хороший», «вольный», но никак не советски-пар-тийный, характеризует скорее добрые отношения сына с отцом где-нибудь в Америке.

И так что нам, детям (буржуазной) культуры, пред-ставляется хорошим – это в лучшем случае безразлично пролетарскому моралисту. В чем же пролетарская

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
мораль-ная сущность? Вероятнее всего то, что я написал о Реомюр-ре: был человек Реомюр, а превратился в термометр, да еще до того, что никому и в голову теперь не приходит, что Реомюр – человек. Так вот от нас требуется фактически, чтобы всякое «я» превратилось в ударника (= Реомюр) и не чувствовало в этом утраты, обиды и т. п. личных чувств. Или пчела самородящая – в пчелу бесполоую ра-ботницу.

Мне нравятся, напр., ясли на тракт, фабрике, но я не могу слиться с пролетарскими писателями в похвале яс-лей: я похваляю ясли, имея в виду, что в Америке еще лучше нашего устраивают фабричных детей, я, если хочу быть пролетарским писателем, должен найти ясли, каких на свете не было; напр., что ребенок, увидев в яслях свет, еду и ласку, оттолкнул бы мать и не пожелал возвращаться в лачугу (тема пролетарская: общественность против рода). Список возможных пролетарских тем: 1) Сын против отца вплоть до оправдания отцеубий-ства. [Развить другие «номера»]

Хозяйственный разговор.

Говорили мы сегодня о сене, что удачно закупили этим летом, а вот теперь едва ли, потому что мужиков перего-нят в коллективы – Нет, – сказала Павловна, – не пере-

29

гонят: их нельзя перегнать всех, и дальше все трудней бу-дет, потому что ведь остаются-то мужики самые хитрые, и еще учатся хитрости от жизни, а в коллективах стано-вится все хуже. Какой хитрый мужик теперь, возьмем для примера тестя Тимофеева...

Так вот, как живет Тимофеев тесть, узнал [я] от Пав-ловны. У него жеребец, воронежский битюг. Взял он, что-бы избавиться от [мясной] повинности, раскормил битюга, посадил на цепь и продал за 800 рублей. Сам же за пустяк купил годовика, тоже битюга. Годовая лошадь – жеребе-нок, обложению работой не подлежит, а для себя все де-лать можно: и пахать, и боронить, и дрова возить. Стоил он 100 руб., значит 700 р. в корма и 1 нрзб. А там моло-дой подрост, его подкормил, продал...

И пошло, и пошло.

Птицы прилетели к тому месту, где был храм, чтобы рассесться в высоте под куполом. Но в высоте не было точки опоры: храм весь сверху донизу рассыпался. Так наверно и люди приходили, которые тут молились, и те-перь, как птицы, не видя опоры, не могли молиться. Неку-да было сесть, и птицы с криком полетели куда-то. Из лю-дей многие были такие, что даже облегченно вздохнули: значит, Бога действительно нет, раз Он допустил разру-шение храма. Другие пошли смущенные и озлобленные. И только очень немногие приняли разрушение храма к са-мому сердцу, понимая, как же трудно будет теперь дер-жаться Бога без храма – ведь это почти то же самое, что птице держаться в воздухе без надежды присесть и отдох-нуть на кресте...

– А может быть и так, – думали они, – что все это от-рицание приводит каждого к пересмотру того, что счита-лось и действительно было положительным, но изнаси-лось и требует капитальной очистки и возобновления. После революции все имена должны приблизиться к сво-им телам, и так, что если назовет кто-нибудь имя, поло-жим, Бог, то это и будет сам Бог с существом своим, а не просто имя-звук, как было допрежь. Вот именно потому так и тревожно теперь жить, что каждому нужно устано-вить существо того, что он просто лишь называл...

30

На полях: Раньше на кресте этого храма любили птицы от-дыхать, а под куполом множество их гнездились...

На полях: – Революция требует от каждого имя к телу при-близить, и если Бог, например, то гтобы имя Бог, ставши пустым, пропало, а явилась безымянная сущность... Революция идет за сущность и против имени пустого.

20 Января. Сиротская зима продолжается. Время как бы остановилось. В предра-светный час жутко... оттепель-ное небо, и слышу я: «Проснись, писатель, друг мой, и больше не жди к себе нечаянной радости, подарка и же-ланного гостя, закрой калитку и ложись спать прямо в за-платанных своих штанах и дырявых валенках».

Вся ли наука такая, – не берусь судить, та наука, кото-рая исследует причины явлений, делает открытия и уста-навливает законы, имеет свойство скрывать личности своих творцов, и человек науки часто даже имя свое пере-плавляет в сделанное им изобретение: так вот физик Рео-мюр до того скрылся в ртутный термометр, что редкий при слове Реомюр подумает о человеке. В искусстве нет никаких законов, форм и тем, укрывающих личность, ни за какую темой, самой великой, даже за Богом, не скроет-ся художник, – что делать, страшно сказать, но ведь в «Тайной Вечере» Леонардо больше Христа...

На полях: Всякий истинный художник непременно по своему лигному вкусу смещает кагество и потому явля-ется революционером.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Ну так вот, начинаем рассказ. Жили–были два брата, Реомюр и Леонардо. Реомюру хотелось прославиться, и он стал заниматься полезными для людей физическими силами. Леонардо хотел Бога прославить и сам в себе ума–лялся до последнего червя. Великий Аллах...

Все эти мысли пришли мне в голову от ужасной обиды в нашей беспощадной жизни: обидно, что они обогнали... они узнали какой–то секрет, раскрывающий им тайный замысел всякого художника. Теперь больше не укрыться...

31

Раньше не смели, но пятилетка им помогла, осмелились и перешли черту. Теперь храм искусства подорван [произ–веденными танками], и это больше не храм, а груда кам–ней. Но мы, художники, как птицы, вьёмся на том месте, где был крест, и все пытаемся сесть...

– То совершенно отрицательное, чему мещанство про–тивопоставляет свое бытие: «бей отца!» и «чи отца». Последнее, конечно, сильнее, потому что сын же сам де–лается отцом...

Трагизм коротенького бытия сына, идущего против отца...

Медведи.

Обложка и разворот.

Тигрик облаял медвежью берлогу в одном из самых глухих уголков бывшей Олонецкой губернии в Карго–польском уезде в десяти верстах от села Завондошье, в Нименской даче, в квартале 13–м. Павел Васильевич Григорьев, крестьянин и полупромышленник, услышав подозрительный лай, отозвал Тигрика, продвинулся очень осторожно через еловую чащу и на небольшой по–лянке под выворотнем в снегу разглядел довольно боль–шое чело берлоги.

Приписка: Это не диво на севере. У Павла есть один сродст–венник, кум Ермоша, так он раз медвежат обидел, явилась медведица, кажется, – пропасть бы. А он ударился на землю. Медведица обнюхала его...

Кум Ермоша одного порядоного медвежонка да–же ремешком застегал.

Спокойный характером и опытный охотник Павел, чтобы совершенно увериться, прошел на лыжах возле са–мой берлоги, он хорошо знал, что зверь никогда не встанет, если идти не останавливаясь. Так он прошел и уверился, продушина в снегу была от теплого дыхания, медведь ле–жал в берлоге приписка: был у себя. После того охотник сделал на лыжах круг, по которому он время от времени будет, не приближаясь к берлоге, ходить и следить, не вы–шел ли зверь. Проходя этот круг, он время от времени на–

32

клонялся и концами пальцев оставлял следы, чтобы по этим чирканьям узнавать самому этот настоящий круг от ложных. Немало потом он наделал этих ложных кругов, чтобы сбить охотников по чужим берлогам. Через не–сколько дней после этого события Тигрик облаял и вто–рого медведя в двадцати верстах от села Завондошье той же Нименской дачи в квартале 17–м. В этот раз зверь ле–жал под выворотнем на виду. Павел чуть не наехал на не–го, в самый последний момент отвернув лыжи. Всего в трех шагах от себя он видел спящего зверя, полужансенный снегом темно–бурый круг. Только уже после, когда неда–леко отсюда он нашел другую, покинутую лежку того же самого зверя, он догадался, что медведь был большой, и вот эта догадка и была первой причиной того, что обе берлоги достались не Вологодским, а нашим Московским охотникам. Вологодские давали по пятьдесят рублей за берлогу, Павел просил по девять рублей за пуд, рассчитыв–вая на большого зверя. Во время переговоров с Вологодой Павел на счастье послал письмо в Москву в Союз охотни–ков.

Загеркнуто: Мне слугилось быть в Союзе, вероятно, в тот самый день, когда было полугено это письмо. Стремясь обделать свои дела обыденкой и к ве–геру приехать к себе в Сергиев, я быстро обегал издательства и редакции, оставался один «Ого–нек», но сил моих не...

Эта волна медвежьего запаха, попавшая сначала в нос Тигрика, потом в сознание охотника Павла в Завондошье, в Вологду, в Москву, очень возможно, и не дошла бы до ме–ня, если бы я не устал от беготни по своим делам в Москве, где бываю всегда обыденкой. Мне оставалось заглянуть в «Огонек», но вблизи находился «Московский охотник», и я решил на короткое время завернуть к ним в чайную и отдохнуть. Чудесный мир в этой чайной комнате, где собираются охотники и часами мирно беседуют, загерк–нуто: кто старые о былом, оагеркнуто: кто молодые о будущем. Никаких разномнений. Все очень похоже на сказку, соединяющую старого и малого. Приписка: В этот девственный мир оагеркнуто: еще не проникли,

33

не спорят о формализме, конструктивизме и других лите–ратурных поветриях. Нет такого места на земле, где бы так дорожили писателем, если он хорошо изображает охо–ту. Тут я однажды пожилому охотнику...

Сейчас нет на свете такого места, где бы так дорожили писателем, изображающим

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru охоту. Но было раз, одному пожилому охотнику я дал Гоголя, и тот открыл ему целый мир. Как счастлив был этот человек, не читавший Гоголя, как я завидовал ему. Но теперь вышло так, что тот же ста-рик завидовал мне: я, всю жизнь занимаясь охотой, ни разу не бывал на медвежьей берлоге. «Да как же вы?» – спрашивали меня удивленно. Тут я познакомился с пер-вым письмом Павла и обещал, если все сладится, ехать. Так медвежья волна дошла до меня. Отдохнув в чайной, я отправился в «Огонек» и между прочим проболтался в беседе с редактором о предстоящей медвежьей охоте. Известно, какое преувеличенное изо-бразительное значение придают фотографии в иллюстри-рованных журналах. Пыл редактора передался и мне, я обещал ему, если поеду, взять с собой их фотографа. «Если убьете медведя, – сказал редактор, – решусь на об-ложку и дам разворот». Я не понял, он пояснил: на облож-ке будете вы с медведем, и на обеих страницах разверну-того журнала все фотографии только медвежьи. «Будьте уверены, – сказал он еще раз, прощаясь, – у вас будет об-ложка и разворот». Невозможно автору давать честное слово и клясться в правде написанного, все это читателем принимается лишь за изобразительный прием. Я даю не писательское, но охотничье честное слово нашего Московского союза, что не о себе думал, когда в ответ на присланную мне через несколько дней телеграмму о благополучном продвиже-нии переписки с охотником Павлом подтвердил согласие ехать и просил телефонировать в «Огонек» о фотографе. Мне хотелось сделать удовольствие охотникам, зная, как все они любят сниматься с ружьями, зверьями и собаками. Но оказалось, что медвежьи охотники люди серьезные, им важен медведь, приписка\ не собственные лица на бу-

34

маге. Лишний человек, особенно фотограф, для них толь-ко горе. Они были в отчаянии и только из уважения ко мне позвонили и фотографу. Тот по телефону запросил, первое, может ли он на охоте пользоваться лестницей, и второе, где достать спецодежду, в которой ему можно легко бегать. В чайной до вечера был оагеркнуто: гоме-рический хохот, и медвежьи охотники успокоились: фо-тограф не будет мешать и в решительный момент убежит.

Вскоре после того Павел прислал последнее письмо, в котором неясно просил за одну берлогу шестьдесят руб-лей, а за другую по весу зверя. На неясное письмо был дан неясный телеграфный ответ, но с точным обозначением дня приезда. Дело было покончено, медведи остались за московскими охотниками, а Павел стал проверять круги, каждый раз прибавляя к этим оагеркнуто: настоящим медвежьим окладам приписка: отметки своими пальца-ми по снегу оагеркнуто: с чирканьем пальцев по снегу и ложные.

Первая берлога.

Одни говорят, будто первое впечатление всегда обман-чиво, и проверяют его. Другие, напротив, отдаются пер-вым впечатлениям как единственно верному источнику познания мира. Я принадлежу к последним и верно могу говорить только о том, что впервые увидел своими глаза-ми и удивился. Весь вопрос для меня только в том, чтобы увидеть предмет именно своими глазами. Никогда ни од-ного впечатления не получал я от зверей в зоопарках та-кого, чтобы оно имело какое-нибудь значение и для дру-гих. В зоопарке я не могу смотреть на медведя своими глазами, и он там не у себя: медведь в зоопарке, как гово-рят, сам не свой. И если бы в настоящем лесу на одно мгновение мне удалось увидеть настоящего медведя, просто по своему делу переходящего поляну, мне кажет-ся, я знал бы о нем во много раз больше, чем целыми дня-ми разглядывая его в зверинце или на улице, заключенно-го в цепи.

Где-то в Америке есть огромный парк, где медведи жи-вут на полной свободе. Там можно остановиться в гости-

35

нице и, гуляя в парке, можно встречаться с медведями или наблюдать их целыми днями у помойной ямы, занятых вылизыванием банок с остатками сладкого консервиро-ванного сгущенного молока. Мне довольно бы увидеть бы-ло хоть одну банку с консервами, чтобы мое впечатление как открывающее что-то новое совершенно потеряло свою силу, и где-то в глубине сознания стало скучно и не уди-вительно: медведь у банок с консервами не настоящий, он не у себя, он сам не свой. Мне думается даже, что если бы случайно пришел медведь в наши Московские леса и мне удалось бы поохотиться на него приписка: убить в этих условиях, то едва ли бы захотелось отрываться от дела и рассказывать об этой охоте: убил и убил. Но о медведе в Каргопольских бесконечных таежных лесах рассказ со-вершенно другой. Там теперь, как представлю себе эти се-верные худые высокие ели, эти снежные пуховички, по [пушинке] насевшие на торчках бурелома, непременно вспоминаю и грустное лицо женщины с рыбьим хвостом, и смешного старичка приписка: двух дев Сильвию и Оли-вию, и Аполлона, и чего-чего только там нет! Но самое удивительное, что когда я ехал потом обратно, я опять узнавал оагеркнуто:

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
эти снежные фантастические образы; приписка: в снегах Сильвию и Оливию и только по ним приписка: этим фантастическим образом догадывался, где мы были и сколько было до дому. Самый же фантастический образ и в то же время самый действительный, по которому я чувствую себя самого, свою кровь, свое сердце и ум, это темно-бурая голова из-под выворотня, занесенного снегом, она вырастала из снега, как на восходе луна, как солнце, так же медленно и неуклонно и неизбежно, а я стоял в восьми шагах и целился...

На полях: Разбор сражения.

Сирин и Алконост, северная Сильвия и южная Оливия.

Полная луна, Венера в кулак, Большая Медведица, все небо со всеми звездами так освещали снега, что мы различали следы не только лисиц, зайцев и белок, но даже щепочки тетеревей и белых куропаток. В семи верстах от

36

станции было село Завондошье. В двух комнатах избы Павла на полу разоспалось все его бесчисленное семейство, Тигрик не стесняясь ходил по старым и малым. Но когда мы постучались, пришли в движение, спящих ребят убрали в одну комнату. Расчистили стол. Возник самовар, и фотограф очень осторожно, вполголоса, как в самых хороших домах, спросил бородатого хозяина Павла Васильевича:

– Скажите, пожалуйста, Василий Павлович, где у вас здесь уборная?

Нас пропасть разделяла с фотографом: зачем нам его фотография? а наши животрепещущие разговоры ему представлялись спецразговорами. А между тем, какие же это спецразговоры, если от того или другого решения, как оказалось потом, зависела жизнь... У меня не было штуцера, я взял легенькую свою бекасиную гладкоствольную двадцатку с жаканами. По книгам я знал, что с жаканами да еще при двадцатке выходить на берлогу рискованно. Мне так представлялось, что действующим лицом я и не буду и пушу свои пули только при несчастье. Все оказалось по-иному. Я был хозяин берлоги, другой хозяин был чех – буду условно называть его Грек, – стендовый стрелок со штуцером, но тоже новичок, третий охотник, старый медвежатник, не имел берлоги, он ехал распорядителем, защитником, учителем. Мы стали сразу звать его «Крестным».

– Я бы не вышел на берлогу с двадцаткой, – сказал он, – но мы будем вас защищать, выходите оагеркнуто: На вторук»

– Нельзя ли мне посмотреть и стрелять во второго медведя? – робко попросился я. оагеркнуто: – Непременно на первую, – сказал Крестный.

– А может быть, второго не будет, – ответил Крестный, – кто же будет описывать нашу охоту? И я знаю, вас не удовлетворит положение фотографа, без страсти вы не напишете.

И, не бросая жребия, предложил чеху первую берлогу с первым выстрелом уступить.

37

Загеркнуто: Тот согласился

На полях загеркнуто: Мне пришлось согласиться, чтобы не прослыть трусом. Отказаться – значило прослыть трусом. Конечно, и жаканом можно отлично убить, но... Всякое время имеет свою технику и своего артиста. Будь теперь эпоха охоты на медведя с рогатиной и я на высоте загеркнуто: умения искусства с ней обращаться, то это несколько не страшно: гибнут неискусные, артисты гибнут случайно. Теперь время штуцера с экспрессными, ужасно разрушительными пулями, а с жаканом идут кустари, я не в эпохе, я не первый – вот что обидно.

Мы спали два-три часа и утром, не торопясь, пили чай. Великий дипломат и политик в медвежьих делах, наш Крестный только в самый последний момент, когда все было собрано, решительно заявил Павлу: мы даем или по 60 р. за берлогу, или по 9 р. за пуд, но одну берлогу на вес, другую... мы не согласны. Павел опустил голову и крепко задумался. Это не был подмосковный лукавый мужик с его штучками, присказками и всякими финтифлюшками. Северный охотник думал прямо, глубоко, решительно и верно. И когда он сказал коротко: «на вес», Крестный возликовал, это значило, медведи были не шуточные. Лошади были готовы, все собрано, только садиться, и вдруг фотограф требует лестницу. Нельзя же смеяться в глаза. Мы осторожно уверяем, что охота безопасна, а лестница не поможет. Но фотограф даже и не понимает наших намеков: ему решительно нужна лестница. Мы начинаем сомневаться в своих предположениях. Приносят и погружают длинную лестницу. Фотографу выпало великое счастье. Я не видел таких дней весны света под Москвой, как это было на севере. Таежный лес был пронизан золотыми лучами: лазурь, золото, голубые следы рысей, лисиц, зайцев, белок, куропаток, глухарей, тетеревов. Глаза разбегались. И как особенно пахло снегом на солнце!

Дорогой назывался след саней в глухом лесу. Сани и без разводов то и дело застревали. Задетые дугой навис-

38

шие глыбы снега часто рушились на голову. Фотограф сзади то и дело кричал. Мы останавливались. Он снимал. Каждый раз Крестный ворчал:

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

– Опять представление! Или так:

– Ну, опять Станиславский.

А лес такой серьезный: ни одной дорожки, ни одной тропинки, и если лыжница, то это очень деловая лыжница и всем нашим возницам известно, кто это, зачем и куда прошел. И вот наша лыжница, все остановились: это след Павла к медведю. Мы встали, скинули тулупы, наладили лыжи. Крестный и Чех достали свои штуцера с экспрес-ными пулями. Я вынул из футляра свое щегольское бека-синее ружье, и тут сердце мое екнуло: с таким ружьем на медведя, и выстрел мой непременно. А фотограф распоря-жается: – Поверните голову к солнцу! Лица не видно, сдвиньте шапку...

Крестный шепнул мне:

– На него никакого внимания, идите за окладчиком. Сейчас я запрещаю говорить. Исчезла красота сияющего лазурью и золотом север-ного леса. Мысль только о том, чтобы не задеть лыжей мороженные с треском отлетающие как [кости] сучки. Вер-ста показалась за десять верст. Мы перешли тончайший магический круг оклада, внутри его где-то лежал медведь. оагеркнуто: Павел Окладчик остановился и показал рукой на север, в чашу. Было понятно: там спал медведь, и мы делали новый последний обход на поляну с востока к челу берлоги. как бы я счастлив был, если бы только возможно было миновать ответственного выстрела и стоять в помощь. Вернулись мучительные минуты гимназических экзаменов, когда, бывало, вынимаешь билет и молишься: «да минует меня чаша сия». А может быть, я с этими сво-ими птичьими охотами только представлялся охотником? Что если все это было только для литературы, как мы сей-час для фотографии, и сейчас все узнают, что я бумажный охотник? Что если и мое словесное искусство тоже обман... и так вся жизнь обман на обмане?

39

Показалась поляна с редкими тонкими елками. Павел остановился и показал... Все кончено: он показал. Если сейчас выскочит зверь и уйдет, я плачу за берлогу. Он отходит назад. Крестный обгоняет меня и зовет. Чех справа. Впереди группа елочек, за ними виднеется выворотень, под ним в сугробе дырка величиною в оагеркнуто: луну месяц или блин, совершенно правильная, темная и, кажется, рыжая; понимаю во всем ужасном значении блин: это чело.

Мы ближе и ближе. Ружье наизготовке. Не отмерзли бы пальцы. В двадцати шагах короткое совещание шепо-том: Чех идет вправо в обход берлоги, на случай если у медведя есть выход назад, Крестный становится влево защитником, если я промахнусь приписка: зверь будет не сразу убит и полезет в драку. Я остаюсь на месте один против чела. Лыжи должны быть оставлены. Я погружа-юсь выше пояса в снег, чело исчезает. Барахтаюсь без по-мощи, не знаю, что делать, ничего не видно, некого спро-сить, теперь только самому догадаться, но если я в этом не могу. В книгах нигде нет о [преодолении] снега. А Крест-ный как-то устроился влево от меня высоко и шепотом ве-лит мне продвигаться к челу. Я лезу, шаг, два, три... Огля-дываюсь влево. Там шепчет: «до елочек». Как до елочек, но ведь они же против самой берлоги в семи-восьми ша-гах! Я слушаюсь и лезу. Там я уминаю снег под собой, вы-ходит ступенька, потом другая, третья. Кто меня научил? Я утвердился и наконец вижу чело.

Что там делалось сзади, я не слышал, я совсем забыл о фотографе, о его лестнице. Я вижу чело и через него ры-жую стенку выворотня. Боюсь карабкаться выше и вдруг провалиться, а Крестному наверно видно и ниже...

Чех растерялся и не понимает задачи беречь зад берло-ги. Крестный покрылся белыми и красными пятнами, ма-шет, шепчет, говорит. Чех подается. Чех подается и вот...

Как это ясно теперь мне, что вся ужасная борьба в себе самом свободного гордого человека с трусом необходима, и без этого к человеку нет интереса и вкуса. В этом все: трус – необходимая сила творческого сознания. А потом вдруг черта, за которой нет борьбы, и это уже больше не

40

я в своей сложности, а механизм, работающий с такой же точностью, как стальная пружина в часах. Такою чертой для [меня] было ясное слово Крестного:

– Лезет!

Я не видел, но знал, и все кончилось. Что-то зашевели-лось на рыжем: нос, уши? Я ждал, и мушка стояла на этом уверенная, неколебимая. Стало показываться и нарастать медлительно, верно и неизбежно, уши такие, как в зоо-парке, и линия шерсти между ушами, а мне нужна линия между глазами, и до этого, если все так будет расти, неско-ро, как все равно если смотреть на восход луны и метить-ся мушкой...

Неужели всему этому огромному времени мерой была наша секунда? В обыкновенном мире между тем соверша-лись обыкновенные мелкие события, только я на своей высоте не придавал им никакого значения. Откуда-то сза-ди меня с высоты, верхоты

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
с приписки: невидной мне лестницы послышался голос фотографа Крестному:
– Станьте немного левее.

– Поди к... оагеркнуто: черту, – ответил отчетливо голос Крестного.

Приписка: Скажу «к герту», но это было гораздо хуже и со-вершенно невозможно в устах хорошо воспитанно-го Крестного.

В это время показалась желанная линия между глаза-ми, совершенно такая же, как в зоопарке, сердце мое оста-новилось от задержки дыхания, весь ум, вся душа моя пе-решла в указательный палец, и он сам сделал, как тигр, свое роковое движение. Вероятно, это было в момент, когда медведь, развер-тываясь медленно от спячки, устанавливается для своего прыжка из берлоги. Он вдруг показался весь с лапами и брюхом, запрокинулся назад и уехал в берлогу.

Все кончилось, и приписка: зима, вдруг процвело. Открылся солнечный радостный мир. Медведя вывола-кивают, он приписка карандашом: не очень небольшой, но все равно. Крестный обнимает меня и поздравляет с первой берлогой. Он просит прощения у фотографа. Чех

41

поздравляет, такой славный малый, так он сияет от радос-ти. Фотограф нас расстанавливает, фотограф приказывает наклониться, сделать шаг вперед, шаг назад, повернуться к солнцу, к тени, улыбнуться. Мы во всем подчиняемся радостно и добродушно. Ведь он же все-таки не убежал, и в приписка: значении лестницы мы, конечно, ошиб-лись. Фотограф мнет нас как воск, выжимает как из губки наше вино. И вот, кажется, все. Он хочет снять берлогу от-дельно и просит срубить перед ней дерево. Нет, мы не да-дим. С нами делай что хочешь, но дерево рубить мы не да-дим. И как дать! Быть может, именно из-за этой группы елочек медведь и выбрал себе лежку под этим выворот-нем. И не эти ли самые елочки маячили мне, когда я в глу-боком снегу продвигался к челу, и говорили: быть или не быть охотником? Вторая берлога.

«Разбор сражения» с первым медведем у нас продол-жался до тех пор, пока мы не уснули. И что было совсем удивительно и ново: после дня, проведенного на морозе, в волнении, вовсе не захотелось, как обыкновенно, вы-пить. Загеркнуто: и так было понятно так открывалось во всей очевидности происхождение выпивки как потреб-ности иллюзии в жизни, не удовлетворяющей всего чело-века. Перед сном окладчик потребовал от нас раннего вста-вания и лишней подводы, это значило, что ехать за этим медведем далеко, а отдельная подвода необходима, при-писка: ...для чего? Не надо бы спрашивать. Павлу при-шлось неохотно сказать: «для медведя», потому что мед-ведь непременно большой. Мы не очень этому верили, имея в виду, сколько, согласившись на расплату по весу, окладчик прогадал: вместо шестидесяти рублей за берло-гу он получил только по 9 р. за 4 пуда медведя. И потом, сколько еще вероятности было подшуметь лежащего от-крыто медведя...

Весело мне было встать спозаранку и будить товари-щей, ведь сегодня я ответственности не несую, я почти толь-ко свидетель. Так и сказал я, поддразнивая чеха:

42

– Как приятно отделаться, посмотрим и мы на вас, мо-лодой человек!

На эти слова наш Крестный улыбнулся. Он был де-сятки раз на берлогах, и ни разу одно не было похоже на другое. И как ни рассчитывай, ответственная роль часто достается последнему. Были такие слова, я запомнил их хорошо, но когда мы приехали оагеркнуто: к лыжнице на место и стали заряжать ружья, все слетело. Девяносто-летний старик, помню, впервые взялсь по моей просьбе за перо, чтобы описать свою жизнь, и писал он совершенно как оагеркнуто: юноша; приписка: маленький ребенок. Так и на неведомой [тропе] медвежьей охоты, признаюсь, чисто юношеские чувства были во мне. Я представлял себе, что Чех, такой же неопытный, как и я, не сумеет нанести медведю убойную, поражающую рану. Огромный медведь сбрасывает охотника в глубину снега. Я быстро подхожу и всаживаю медведю два жакана между глазами. Невре-димый Чех вылезает из-под медведя... Так вот, моя роль – ни в каком случае не стрелять и беречь заряды для траги-ческого случая. Мы теперь идем на лыжах в новом порядке: впереди окладчик, за ним Чех, хозяин берлоги, потом Крестный, за мною сын Павла несет лестницу для фотографа. В этот раз нам идти далеко, целых два километра. Сегодня я, не стесненный обязанностью, свободно и радостно все на-блюдаю. Сколько громадных выворотней, целые стены! Солнце и оагеркнуто: лазурь, как вчера. На самой высо-те мачтовых елей обыкновенные шишки теперь в лучах, как золотые шары на лазурной эмали. Редко приписка: но было птичка сядет на верхний палец мачтовой ели. А следы в этой таежной глуши только рысьи...

Окладчик сделал знак остановиться. Что-то случи-лось. Лицо его встревожено. Не ушел ли медведь? Мы сто-им, он исчезает и возвращается. Еще продвигаемся, и опять он делает знак и опять исчезает. Загеркнуто: Крестный шепчет От одного к другому, дошло и до меня: окладчик круг потерял. Мы так и поняли: поземок замел

его чирка-

43

нья пальцами по снегу, и теперь он не может найти среди ложных кругов свой настоящий. Мы были спокойны. Ружья замкнуты предохранителями. Но мы ошибались. Мы были в кругу. Окладчик не круг потерял, а берлогу. Почему он нам не сказал? Если бы мы знали, все бы пошло по-другому...

Из частого ельника мы продвинулись к полянке. Павел вышел из густоты, за ним вышел из густоты Чех, Крестный вышел, я поравнялся с крайнею елкой, довольно большой, приписка: краешком глаза видел я возле себя с правой руки выворотень сделал еще один шаг к поляне, и за мною сделал шаг мальчик с лестницей. На поляне было сухое дерево, очень толстое, желтое, с обломанной вершиной. Последняя мысль у меня была приписка: в моем обыкновенном состоянии перед новым: «как же по такому признаку, огромному сухому дереву, Павел не может узнать своего круга?» И в тот самый момент Павел узнал и сделал знак остановиться. Мы все ошиблись, мы дума-ли, Павел узнал свой круг, а он берлогу узнал и показал на меня. Как он мог сделать такую большую ошибку – остановить нас? Как мог он не знать, что при остановке медведь непременно поднимется. Но я видел возле себя только мальчика с лестницей, и за мальчиком были и возчики. Как они увязались, как мы их просмотрели. Возможно, Павел видел и не рассчитывал, что медведь пропустит мимо себя так много людей. А может быть, просто сам растерялся и остановился, ведь его дело только показать, и он показал...

Ружье висело у меня на плече, замкнутое предохранителем. Я услышал сзади себя тревожный шепот мальчика:

Дяденька, дяденька!

И оглянулся.

Мы потом смерили: тот выворотень был ровно в трех шагах от меня. Я услышал рев под собой: два раза. Сбро-сился с лыж и утонул. Но ружье мгновенно само собой стало к плечу. А там, в трех шагах показалось и стало расти. У меня очень отчетливо в голове: «совершается то же самое, что и вчера, действуй совершенно так же, как и вчера». И опять началось это оагеркнуто: долгое медлен-

44

ное время, как и вчера: нарастает, нарастает. Вот и знако-мая полоска между ушами, вот она становится шире, шире, сейчас скоро покажутся глаза и тогда, конечно, пре-красно выйдет, как и вчера: мушка моя опять на стальном пьедестале, ум и вся сила собрались в указательном пальце. И вдруг все переменяется. Полоска лба становится все уже, уже, показывается точка носа, уходит тоже назад, и обнажается горло. Но я не знаю, могу ли я в горло стрелять. Я не знаю, а надо. Мушка моя разделяет горло напо-полам. Вот это верно, а дальше неверная решимость: что будет, то будет. И указательный палец делает свой тигро-вый прыжок.

Разбор сражения.

Мне казалось, все происходило на большом простран-стве, стрелки были далеко от меня, но потом с точностью, проверяя друг друга, установили, что стрелки были от меня Крестный – в четырех шагах, Чех от него – в шести или семи.

Почему же Крестный не выстрелил, когда медведь под-нимался почти вплотную возле меня? Он же знал лучше всех, что через широкую шею нельзя угадать позвонок и что, если бы и угадать, жакан из двадцатки может и не разрушить позвоночник, что одно только конвульсивное движение лапой смертельно раненного огромного зверя довольно, чтобы снести мне череп. Гибель моя была неиз-бежна, и Крестный не выстрелил.

Открывается самое удивительное: относительность времени. Оказывалось из расспроса моего мальчика, он загеркнуто: увидел заметил медведя по движению ла-пы под выворотнем: одна лапа, прикрывавшая в спячке глаза медведя, стала медленно отодвигаться, и тут он ска-зал свое: «Дяденька, дяденька!» И потом все это: как он лез из берлоги, рычал, вырос больше меня, утонувшего в снегу, обнажил свое горло, и последовательный ряд мо-их действительных мыслей вплоть до нажима указатель-ного пальца на спуск заняло только время, необходимое Крестному, чтобы обернуться на рев. Чех все видел, но прямо за медведем стоял народ, и мелькнувшее смущение не дало ему времени выстрелить.

45

И потом, как же немного нужно времени, чтобы подви-нуть предохранитель. Но когда при нажиме на спуск вы-стрела не последовало и я на мгновение отвел глаза с мед-ведя на предохранитель и подвинул его приписка: и вновь стал целиться, огромный широкий зад зверя, удаляясь, мелькал в частом ельнике. Я наудачу в густ[оту] послал два жакана. В частом месте, очевидно, был какой-то про-межуток, видимый Чеху, он успел туда послать две свои пули из штуцера. И вдруг после того зверь круто повернул из густ[оты]... к поляне в сторону выстрела. Он показался мне на повороте с огромной красной раной в левом боку и шел не скачками, а

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
рысью. Крестному этого не было видно, я успел ему крикнуть: «Стреляйте, завертывает!» Он мгновенно продвинулся, увидел и выстрелил. Зверь опять круто повернулся в сторону выстрела, обнажил голову для Чеха, тот выстрелил в голову, и оагеркнуто: огромный бурый медведь ткнулся огромным неподвижным темно-бурым пятном приписка: остался лежать на белом снегу.

И все это было от самого начала и до конца, кто поверит? в одну долю минуты. На полях: Павел белый – конец

Мы все смотрели друг на друга приписка: каждый внутри очень спокойные и с удивлением говорили: у вас лицо совсем белое. Было так странно это слышать при-писка: про себя, когда внутри было все так спокойно и на-чинался праздник победы и каждый надеялся, что именно его пуля была решительной. Но почему же это снежное спокойствие духа от самого момента смертельной опасности вызвало каким-то особенным тоном своим воспо-минание, когда голова моя приписка: однажды уже све-силась с острова жизни...

Павел, мы все заметили, сделался таким же белым, как и мы. Было странно это. Он же не делал различия между жаканом из легкой двадцатки и [пистонной] разруши-тельной экспрессной пулей из штуцера, а с медведем по-стоянно встречался в лесу. Я догадываюсь, Павел побелел потому, что если бы медведь был упущен, вина легла бы

46

на него, и это [было] двенадцать с половиной пудов, по де-вять рублей, – сто двенадцать рублей пятьдесят копеек, поди-ка найди их. приписка: в этой тяжелой 1 нрзб. жизни Павлу тоже очень хотелось жить, как и нам

Неприятная картина.

Но разве и вся-то наша жизнь не похожа на горную цепь, острые вершины которой – мгновения наших по-бед, а все остальное между вершинами оагеркнуто: гра-фически выражает собой долгие годы разбора сражений. Опасная охота у нас была [острой] вершиной – [мгнове-ние]. Вот почему, конечно, мы не устаем заниматься до но-чи воспоминанием приписка: [спускаться] в долину всех подробностей этих нескольких десятков секунд нашей битвы с медведем. Легко можно было заметить, почему тот или другой иначе представляет себе картину: каждому хочется, каждый надеется, именно его пуля была реши-тельной. Мы пробовали рассказывать каждый по отдель-ному плану, складывать их, вместе обсуждать. Уступая друг другу, мы кое-что выяснили, но только вскрытие зве-ря могло нам дать верную картину и полную оценку стрель-бы. С огромным трудом вывезли зверя из леса, и ночью он прибыл. Утром его втащили в избу, и мы приступили к вскрытию. Я не участвовал в работе, сидел на лавочке с фотографом. приписка карандашом: Медведь лежал но-гами к святому углу, на спине, а передние ноги, как [ги-гантские] волосатые руки, закинул к печке. Перед моими глазами были громадные мозолистые ступни зверя, со-вершенно такие же, как человеческие, дальше брюхо, и в конце передние ноги, закинутые вверх, как гигантские ру-ки. Будь это гигантская человекообразная обезьяна, едва ли бы я стал раздумывать о нашем волосатом предке, обе-зьянье сходство раздражает и не дает возможности думать. Медведь с занесенными вверх волосатыми руками, каж-дая из которых одним движением могла бы снять мне че-реп, давал больше простора воображению: мы тоже были когда-то такими же сильными телом своим, питаюсь где кореньями, где медом приписка: ягодами, собирая все долго, трудно.

47

А ножик уже начинал свое дело и открывал на шерсти белую полоску подкожного жира. приписка: Мне оагер-кнуто: вспомнилось представилось время, из эпохи ка-менного века, когда первобытные люди потрошили уби-того мамонта, оагеркнуто: Теперь же и в свете этой картины как-то особенно жутко представилось наше вре-мя: литератор, секретарь охотничьей газеты, бухгалтер и фотограф [на месте] первобытного человека

– Вот бы снять, – сказал я фотографу.

– Неприятная картина, – ответил он – и удалился. Скоро открылись белые пальцы ног, и шкура с когтями

на них упала: сходство с ногой человека стало порази-тельным. А когда обнажились руки, то они там были сов-сем синие от тесноты в них мускулов, и тогда еще больше унизительно я почувствовал в своем теле невозвратимую утрату: так очевидно было, что экспрессная разрушитель-ная пуля в процессе развития жизни была создана за счет силы когда-то гигантского тела нашего предка.

При первом взгляде на открытую первую рану в пра-вом боку, ту самую, от которой медведь повернул и [по-шел ко] мне с огромным красным пятном, стало очевид-ным, что мои жаканы были тут ни при чем, они разбились, наверное, о частые елки. Эта рана была от разрыва пис-тонной экспрессной пули при ударе о ребро. Взрыв разбил три ребра, и осколок кости был найден даже в сердце. Обо-лочка пули со многими осколками была тоже в сердце, од-но легкое было иссечено, как дробинками. И с

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru такой раной зверь бежал еще сорок шагов и мог бы раздробить черепа множеству людей, если бы они вышли с голыми руками. Эта рана Чеха, первая рана, повернула зверя в сторону выстрела и Крестного, и вторая пуля прошла оба легких и приписка: околосердечную сумку оагеркнуто: сердца разорвалась в правом боку, все там размесив до невозможности разобратся. И все-таки зверь бежал и, вероятно, еще несколько шагов был опасен. Но последняя штуцерная пуля попала ему в ухо, оагеркнуто: раздробила разнесла мозги, и он ткнулся. Вот какая живучесть была у нашего волосатого предка, и как мало этого теперь осталось у нас. И, главное, за это было обидно.

48

Этот гигант, без сомнения, сам налил свои синие мускулы, он сам искал себе овес, коренья, ягоды, мед огромной работой изо дня в день приписка: малину, по земляничке, по [раскопанной] муравьиной кочке. А Чех, бухгалтер нашего охотничьего союза, едва ли даже имел понятие о производстве нитропорохов, гремучей ртути, баллистики. Он просто выпросил себе у приятеля два десятка этих пуль, хранившихся у того еще с довоенного времени. Приписка: И тот, кто этим занимался, сидел где-нибудь в лаборатории, в библиотеке, увлеченно [работал, изобретал] понятия не имея, для чего оно все творится, кто будет им пользоваться.

Огромное вскрытое животное даже в избе не [издавало] запах: перед спячкой кишки и желудок его были очищены каким-то [сильным] слабительным и казались даже хорошо промытыми. Это особенно с симпатией обращало внимание на чистоту гигантского тела.

Что, может быть, продолжая «разбор сражения» в глубину истории борьбы первобытного человека с пещерным медведем, я был один? На проверку я смотрел на Чеха, тоже смотревшего на медведя, и спросил его, о чем он думает:

– Эти синие руки... – сказал он. Приписка: Чувствую по этому я догадался, он то же думает, не умея передать: ^

Больше не мог он никак выразить свои домыслы, но я его понимал, он думал о том же самом, о дроблении, ничтожестве своего тела, и он тоже завидовал с грустью и уважением...

Слава.

Было немного жалко медведя, но и слава хороша! В деревне собрался народ, Приписка: и началось вокруг медведя оживление... [разглядывали, говорили, поднимали, качали его]. Было похоже на остатки древнего культа, существующего [со времен охоты на медведя с рогатиной], принесли рогатину – когда это было! Столько воды утекло с тех пор, когда охотник осмеливался на подъеме всаживать рогатину, что есть голоса в специальной охотничьей

49

литературе, будто никогда этого не было и все это сказки. Я сам начинал уже задумываться приписка: поддаваться над возможностью охоты с рогатиной. Но как сомневаться, если в этом медвеьем углу старик принес к убитому медведю ржавую рогатину и стал показывать нам приемы. Было это, люди были другие, недаром грущу я о синих руках.

Нет того человека-гиганта, но медведь тот же самый, и слава отдается маленькому человеку из бухгалтерии со штуцером.

Очень дорого было перевозить большого медведя приписка: бухгалтеру, но своего я взял и в неупакованном виде привез на ст. Вандыш. Так уже давно не били медведей, что начальник станции, из новых людей, растеялся при виде медведя и схватился за книгу; там он вычитал, что для пересылаемых животных в неупакованном виде требуется ветеринарный надзор. После долгих уговоров приписка: уверений; загеркнуто: расказов такого старого медвежатника, как Крестный, что в прежнее время постоянно возили без упаковки во множестве [убитых] медведей. Мне было очень интересно узнать, что каждый медвежатник вез медведя в Москву и к Лоуренсу, начальник согласился, только взял расписку и сам продиктовал ее содержание: «Отправляю медведя в неупакованном виде и принимаю на себя все последствия». Медведь по пути не ожил, и последствий не было, но у меня украли кошелек с квитанцией на медведя.

Я очень волновался, опасаясь и в нашем Сергиевском начальнике встретить формалиста и мучиться с медведем, пока он не протухнет. Списав номер квитанции от шкуры другого медведя, пригласив выйти со мной двух своих товарищей, я постучался в комнату ОГПУ. Там никого не было. Начальника не было, помощника, весовщика. Потом увидели мы всех их возле медведя, и с ними еще множество людей. Нарастающая слава разбила все формальности. Меня спрашивали не о квитанции, а как и где был убит медведь. Явился ломовик, медведя понесли на подводу. Десятки школьников бежали за едущим медведем.

50

дем. Кто-то из знакомых видел в окно, кто-то встретился. К трем часам дня весь

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
город говорил о медведе и стали являться любопытные, охотники, знакомые...
приписка: поздравляли Через три дня слава, все нарастая, заполнила все
уголки...

Три года приписка: живу я на этой улице туго росла здесь слава моя как писателя.
Правда, все знают меня, но почему-то лучше бы не знали. Есть особенные коренные
люди, сидят приписка: часами на лавочках перед своими домиками и насквозь все
проглядывают, их называют коблы. Они знают меня и с ненавистью говорят: «Вот
пи-са-тель идет». Иногда молодые огарки и оскалепки остаются как пораженные
и вдруг, выпучив глаза, [скажут] в упор: «Жу-ковс-кий!» Все меня знают на моей
улице, но уже на другой я должен давать свой адрес: «рядом с Мел-ковым», а
Мелков лошадиный драч. В уезде постоянно нимаешь лошадь и говоришь: «возле
Мелкова». Оагерк-нута: Так было три года, я знаменитый, но еще знаменитей
Мелков. И вот сегодня я слышу: – А где тут драч живет? – Другой отвечает: –
Рядом с охотником. – А не он это мед-ведя убил? – Он самый.
Я привык бояться своей писательской приписка: ли-тературной славы приписка\ в
родной стране она от-чуждает и делает иностранцем. Есть огромная народная толща,
где все враждебно этой известности. Потом, есть множество людей, кто глубоко
почитает невидимого ав-тора, но в живом виде не переносит и думает: это
ненасто-ящий приписка: и стремится уколоть и, читая, не верит славе. И потом,
сколько же их теперь развелось, писате-лей, [разных] журналистов, [поэтов], как
узнать среди них настоящего? Всякий разумный человек должен бежать от такой
«славы». Но вот я медведя убил, оагеркнута: и ко-блы, глядя на меня оскалепки и
огарки почтительно рас-ступаются, коблы между собой говорят, нарочно, чтобы я
слышал: – Курица, и то в сердцах бросается, а поди-ка медведь... Вот кто-то
спрашивает кобла: – Где тут драч Мелков живет? – Рядом с охотником приписка:
писате-лем: ^ – Это что медведя убил? – Он самый, писатель, из-вестный по всей
Московской губернии.

51

Загеркнута: Так три года я со своей писательской известнос-тью был «рядом с
Шелковым», но убил одного медведя, и Мелков стал «рядом с писателем».
Слава. Жалко немного медведя, но и слава хороша. Вот уж слава так слава! Скажи я
теперь, что написать о медведе во много раз трудней, чем убить его, и собери
плебисцит, весь народ и все народы СССР, образованные и невежест-венные,
разделятся на две враждебные стороны: исчеза-ющая малая часть согласится с тем,
что написать гораздо труднее, а огромная масса на смех подымет всякого, кто
вздумает не только отдавать первенство труду писателя, но даже просто поравняет
его и скажет: достать трудно в лесу медведя, но трудно и создать его из слов.
27 Января. Детское Село.

Мечта в рамках плана, все равно что река в берегах: тут спор большой, берег
говорит – «удержу», а вода – «раз-мою». Так точно и книга пишется в большом
споре твердо-го плана, «идеи» с потоком жизни, стремящимся размыть
предустановленный твердым разумом план. Не будем же скрываться и на первой
странице запишем «идею» Даурии.

Все начинается от чувства безысходной тоски при виде всего живого, погибающего
напрасно в природе. Это чувст-во свойственно многим и по-разному сплавлялось в
идею: были у нас «Цветочки» франциска Ассизского, был Руссо, Гёте, было
толстовство с его непротивлением, был, нако-нец, натурализм, механицизм,
биологизм и много друго-го. Но замечательно, – сколько великих начал, а конец
наших отношений к природе массового человека непре-менно то, что мы называем
«мещанством».

Приписка: В. Лихтенштадт. Науг. фил. идеи Гете. Гиз. 1922 (23).

29 января. Возвратился к себе. (Уехал 20-го и по 28-е пробыл в Детском Селе).
Замятин подал через Горького письмо Сталину: «Выс-шей мерой наказания для
писателя является запрещение печататься...» Следуют примеры. Заключение:
«Обещаюсь

52

вернуться тотчас после разрешения печататься». Говорят, что Сталин не дочитал
письма, сказал «черт с ним!» и раз-решил. Микитов говорит, что Замятин по
гордости своей должен вернуться.

«Лихо одноглазое» – зовут Разумника в обществе О. Форш. Сама же Форшиха похожа
на среднюю ведьму.

Чумандрин (новый бездарный писатель), вернувшись из Германии, сказал, что там
революция будет нескоро: «их свобода разбаловала» (прямо две половинки с К.
Ле-онтьевым).

Лаврухин и Чумандрин. Лаврухин умный и талантли-вый пролетарий, написал хорошую
книжку, из него [вы-водится] писатель, а вместе с тем, как [выведется] писатель,
задохнется внутри него Чуманд-рин? Вот есть средний
европеец, который составляет ис-тинно безверную мещанскую чисто одетую Европу.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Так есть мещанин от большевиков, выполняющий ныне дело революционной государственности. Это представитель мелкоты завистливой и уверенной в себе совершенно, как европейский мещанин уверен в английских штанах, что они в полоску и т. д. Представитель ком-мещанства, по-стоянно дробясь и мельчая – чем мельче, тем крепче схва-тывается частицей за частицу другого мещанина, и так получается безликая сила, подобная чуме. Европейский мещанин страшен самим своим фактом, думаешь: «что же дальше-то будет?» но он непосредственно не страшен пи-сателю, вернее сказать, ему нет никакого дела до большо-го искусства и мысли. Чумандрин сам писатель совершенно бездарный, совершенно в себе уверенный и диктующий настоящим писателям так же писать, как он сам. Уничто-жив все русское искусство, Чумандрин найдет себе жир-ную почву и на ней разбогатеет, как европейский мещанин, и забудется. Тогда только вновь очнется искусство и понемногу опять кое-где появятся редкие реликтовые цветы его...
Мишка Призент – фактотум Демьяна Бедного (как у Шалапина Исай и т. п.) – вел дневник, в котором запи-

53

сывал суждения Демьяна о Сталине. Вот однажды Демьян звонится в «Правду» и дает нагоняй за то, что его не печатают, а оттуда ответ, что вовсе печатать не будут. И тут же пакет от Сталина с выдержками из дневника Бедного. Так совершилось падение Демьяна. Вот слава-то Богу! редко ведь сукины дети достигают такого высокого положения. Говорят, из Кремля чуть-чуть не выперли. В конце концов, становится забавно глядеть, как все непременно падают. Интересно, как кончится Горький, успеет умереть до па-дения или тоже рухнет. Вот острие: на Красную площадь героем или... и все от того, сумеет ли человек умереть во-время. Сила его в добрых делах...

Шалапин возвращается... Говорят, Горький уговорил: «надо себя связать с революцией».

31 января. Продолжается оттепель. Начал Даурию.

Вспоминаю рассказы о вожде: как мы потешали вож-дя и как вождь нас потешал. Баритон Рейзен редко поет в Москве. Вождь позвал его в ложу: «Почему редко поешь в Москве? – Квартиры нет. – Тебе что, в 12 комнат? – Ну, довольно три». Ночью звонят к Рейзену, будят, приглаша-ют квартиру посмотреть. Оказалось, квартира в 6 прекрас-ных комнат с мебелью, и все сделано с такой поспешнос-тью, что в одном из шкафов выселенный буржуй брюки забыл.

Рассказ о сыне Щедрина, проживавшего в глубокой бедности в Ленинграде. Он написал Сталину просьбу пен-сии, т. к. живет в нищете. Сталин позвал своих людей, ве-лел устроить и завтра в 12 дня доложить. Из Москвы это передали Медведю (нач. ГПУ). Всю ночь искали Щедрина и нашли на рассвете. У него жена молодая. Усадили в авто и повезли в распределитель. Пока Щедрин себе выбирал одежду, жена уже набрала на 2У2тыс. Ряженных богачей даже шофер не узнал. А пока рядили, дома устраивали квартиру: выселили из смежных комнат жильцов, все окле-или, убрали, расставили мебель, столы, на столах всякие яства разложили. И даже книгу о Щедрине положили на

54

стол. «Вот это о вашем батюшке. – Толстая, – ответил сынок, – я толстых книг не читаю». Ведь он совсем дура-чок и был несчастьем для отца.

На полях: Некоторые говорят, гто Ал. Ал. Кроленко (выли-тый П. П. Чигиков) приставлен к Разумнику от ГНУ. Мы были у него в гостях. Библиотека: три шкафа – мой дом. Нагало «Война и Мир»: о гем го-ворят: анекдоты о вожде и цензуре. Мои рассказы о замуженных лошадях и телятах. Всякий разговор возможен в такой гостинной.

На полях: Груздев Илья Александр. Съездовская 29 кв. 17. Кро-ленко Ал. Ал., Алянский Самуил Миронович (Изд. пис, просп. 25 окт. д. 13).

1 февраля. После вчерашней страшной бури сегодня тихо и морозно.

Вот теперь только начинаю понимать Щедрина («Чу-жую беду руками разведу»), все понимаю, анализ тоски, стыда и желания уйти, исчезнуть. Хочется выучить и вез-де повторять: «Нужно, чтобы люди стыдились не только поражений, но и побед и одолений, не только неудач, но и удач; чтобы в случае неудачи они чувствовали на своем лице пощечину, а в случае удаче – две. Только тогда вы-яснится вполне, что нравственный уровень общества на-столько гнил, что пощечина сделалась единственно воз-можным мерилом для оценки поступков и действий».

На полях: Наяривают.

«Уйти в неизвестную раковину»

Чистка (см. Неизданный Щедрин ст. 250–251).

Было это или не было? самая возможность предчувст-вовать и предсказывать, быть новым через 50 лет дает ру-чательство за то, что в какой-то мере тогда было то же по-ложение для совестливого человека, что и теперь.

Ну, какой это князь – наш «князь»! и все-таки между нами есть классовая рознь:

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
через остатки его гвардейства мне передается эта классовая неприязнь
(привилегии] офицера и разночинцы). Так наверно у нынешнего пролетария есть
неприязненное «классовое» чувство к интелли-

55

генту. Эта неприязнь получила теоретическое, государственное и прямо боевое
утверждение под именем «классовой борьбы». Рассказывали мне, что некто во время
чистки принес кипу фотографических снимков, на которых в группах везде был он:
группа лиц – это им расстрелянные... Разумеется, чистка сразу прекратилась,
человек оказался потрясающе «чист»...

На полях: Тайный прикрепитель

Назвали двух видных писателей (Л. и П.): что будто бы они в ГПУ. Разница между
ними была будто бы в том, что одному дали сначала гепоушный паек, и он, чувствуя
не-ловкость в поедании дареного пайка ни за что, поступил на работу в ГПУ;
другой, напротив, узнав, что П. получает гепоушный паек, очень хороший, сам
поступил в ГПУ, и после того ему тоже дали паек.

Что же это? похоже становится, что скоро один за дру-гим, скрывая друг от друга,
все будут в ГПУ?

4 февраля. Один день вчера был спокойный мороз, и сегодня снова мягко метет.
Вспоминаю, кто-то серьезно говорил: «Не верьте, это клевета: Ольга Форш вовсе не
хотят добывать, пусть рабо-тает...» Значит, относительно кого-нибудь другого,
писа-теля возможно и такое решение – добить, чтобы не мог больше работать.

5 февраля. Рассказывали, будто на вечере у Горького Авербах, заметив, что
Толстой сидит нарочно спиной к какому-то знаменитому пролетарскому писателю и
вре-мя от времени обертывается к нему и просит подать ему то редиску, то
ветчину, вдруг встал и начал чистить «гра-фа» до последней степени неприлично.
Толстой, все вы-слушав, сказал, что отвечать ему не будет, потому что Авербах
для него есть [образец] полнейшей бездарности. Так сошлись талант (спец-человек)
и охочий к власти (парт-человек). Там и тут, конечно, довольно пустопорож-них
людей, жалких на стороне таланта и наглых на сторо-не власти. Но в общем,
огромно большая часть пустопо-

56

рожних сейчас сидит около власти. Превосходно, что не хватает бумаги и закрылось
300 журналов. Одновременно открываются специальные журналы, где пустоболтам жить
трудно.

Самосохранение на людях: общее дело, партия, власть; в себе: талант,
специальность.

Верно вплоть до спора с Р.: он не советует брать комна-ту в Москве, и лучше
углубиться в себя и быть честно с самим собой в стороне, отказываясь от
«благ»... напро-тив, я...

7 февраля. Если бы я, напр., пришел в РАПП, повинил-ся и сказал, что все свое
пересмотрел, раскаялся и готов работать только на РАПП, то меня бы в клочки
разорвали. (Так было, напр., с Полонским и со многими другими). Причина этому
та, что весь РАПП держится войной и су-ществует врагом (разоблачает и тем
самоутверждается); свое ничто, если оно кого-нибудь уничтожает, превраща-ется в
ничто: и вот, конечно, это должно возбудить гнев, если некто из вражеского стана
сдается и сам себя без боя превращает в ничто (прямой убыток).

О. Форш написала книгу «Сумасшедший корабль», пробовал читать, не мог, манерно.
Книга ужасно не по-нравилась, и ругают ее отчаянно.

Слышал такой разговор: «Нет, что вы! мы решили ее (Форш) не добывать, пусть
работает». Значит, могут и так решить, чтобы добить и заставить перестать
работать.

8 февраля. Сел за Даурию и перестал заниматься фо-тографией. Мне дана одна
струна, или, сказать вернее, ли-рическая нотка, одна для всего, так что если я
чем-нибудь занимаюсь, то одним только, напр., музыкой, или фото-графией, или
рассказом, или стихами; но чем бы ни зани-мался, по всему видно, что это я,
только я так могу; есть люди, которым дана не одна нотка, а сто, но моей одной
довольно, чтобы знать о себе, о своей личности как непо-вторимой: раз был,
заявил о себе и больше никогда не повторюсь.

Культура – это связь людей в пространстве и времени.

57

9 февраля. Вчера фаворский сказал, что фотография передает случай, а живопись
событие... и что на этом пути фотография, конечно, может считаться
самостоятельным искусством.

Жизнь есть единство, и не только событие, но каждый случай в ней есть явление
целого. Но, конечно, надо впе-ред понимать целое, чтобы узнавать его появление в
част-ном (впрочем, если не понимать, то хотя бы допускать). Если взять в пример
фотографию, то целое, как невиди-мое изображение, а проявление, как явление
целого в час-тном.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

На полях: Вопрос о возможности работать

Писатель яркий, вроде Белого, главным образом не тем нетерпим, что у него иная идеология, а тем, что он, как «известный», имеет индивидуальность кричащую, – выросшую за пределами революции. Отсюда ясно, что чем больше показываться на людях, тем, значит, больше навлекать на себя вражду.

10 февраля. «Классовую борьбу» теперь при подавлении враждебных классов надо понимать как борьбу за государство. Весь наш писательский разлад и состоит в том, что принудительная сила государства распространилась теперь и на искусство и его работников. До сих пор все художники были как бы вольноотпущенниками государства, и им предоставилось свободное самоопределение, иллюзия, по-видимому, необходимая для худ. творчества. И поскольку государство теперь лишает его грамоты вольности, он является естественным врагом государства. Путь полит. деятеля становится прямо противоположным пути художника, и требовать от художника полит. деятельности, и наоборот, от политика – искусства все равно что устроить искусственно заворот кишок...

На полях: Перемешать искусство с политикой все равно, что устроить искусственно заворот кишок...

Сталин в легендах бесконечно привлекательней Ленина: Сталин решительный, честный, готовый помочь... Мне

58

думается, что скоро он поймет, какой перегиб делает политика в отношении искусства, и что-то произойдет. Конечно, если только этот перегиб не является вестником войны, распада, вообще какого-то конца...

Максим Горький. Большой человек – все равно что открытый сосуд, вызывающий во всяком желании заткнуть его пробкой. Так вот и заткнули Максима Горького всей коммуной.

Прежде чем полюбить врага, нужно так сделать, чтобы его забыть и потом, достигнув блаженства (как солнце), встретить прежнего врага само собою с любовью, потому что солнце Господнее льет с одинаковой любовью свет свой на праведных и неправедных.

Но как же забыть-то врага? Взяться за такое большое дело, которое он по малости своей не мог бы даже и видеть, а не то что мешать. Это великое чувство жизни, та самая «предустановка» целого, благодаря чему каждое частное явление, каждый частный случай был как проявление целого.

(В чем дело? Ведь я именно так и жил. Вчера мы с Павловной вспомнили свою жизнь простую в лесах и сказали согласно: «мы хорошо жили».)

Итак, вот и выход из тупика: к нынешним («классовым») врагам нужно подходить со своим миром (солнечным) и стараться любовью осветить в темноту их. Надо различать их, как делает солнце с предметами, т. е. надо вступать в общение с каждым лично, а не иметь дело с их собранием (Солнце никогда не должно вступать в принципиальный спор, потому что свет больше принципа – он факт.)

Самое большое в мире теперь [то], что между нами (понимая себя как личность) и чудом стала физика. Борьба была с природой (смертью), борьба личности за бессмертие, и победила физика. Молодость, идеализм! Так было в молодости с самим творцом физики Реомюром, конечно, он хотел тоже преодолеть смерть и преодолел: сам превратился в термометр. Верно так и все христианство, как

59

[борьба за бессмертие]: все стало физикой, и сам Христос перешел в Воскресенье, Рождество, куличи, крашеные яйца и другие подробности быта.

Война выясняет нам жизнь как счастье («ее свободу») в пределах всегда возможного плена (рабства) и смерти. Отсюда вывод на мирную жизнь: надо быть всегда готовым умереть или отдаться в рабство; это дает спокойствие, но не счастье. Счастье в том, чтобы не попасться скоро в плен или под пулю. На этом счастье и зиждется все искусство.

12 февраля. Снова вернулось тепло, метелица, и в белом чернеют строения Лавры, знаменитая колокольня с разбитыми колоколами и все...

– Чего ты смотришь? – спросил меня маленький мальчик.

– А что это, – спросил я, указывая на здание Лавры, – ты знаешь?

– Знаю, – ответил он бойко, – это раньше тут Бог был.

Как это вышло славно у мальчика: что, значит, если и нет теперь, то все-таки же он был. Вот именно... Итак, если кого-нибудь верующего спросят о Боге на чистке, то он, веруя, смело может сказать: Бога нет (думая про себя: был).

На чистке. «Как относишься к религиозному культу? – Бога нет». Сильно сказано было, и чистке был бы конец, но какой-то ядовитый человечек из темного угла попросил разрешения задать вопрос и так задал: – Вы сказали, что теперь Бога нет, а позвольте узнать, как вы думаете о прошлом, был ли раньше Бог. – Был! – ответил N.

На полях: За пределом необходимости нагнана царство свободы...

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Маленький порядок возле себя тем хорош, что вызывает чувство большого порядка, что-то вроде готовности к самообороне при всяком неожиданном бедствии (только в этом часто, почти всегда, бывает иллюзия та, что данный момент (настроение) принимают за длительное со-

60
стояние... Как же закрепить в себе эту готовность? Вот тут и подходим к жертве... Сейчас же к жертве и так один + два + три получится нечто, и когда придет беда (смерть), то сумма жертвы (скопленная добровольно смерть) станет против той определенной смерти (смертью смерть!)
Все переменится скоро от радио, электричества, воздухоплавания, газовых войн, социализма и дойдет до того, что каждый будет отвечать за оброненное внутренне слово (вроде Бог). Все слова, улыбки, рукопожатия, слезы получают иное, внешнее, преломленное, условное значение. Но в глубине личности спор о жертве (Троица) останется и будет накапливаться. Быть может, настанет время, когда некоторые получат возможность шептаться, больше и больше, воздух наполнится шепотом, или нечленораздельными звуками, или даже теми начальными словами, которыми говорят маленькие дети, и наконец как у детей, выйдет первое слово... и тут начнется эпоха второго пришествия Христа. (Слова, записанные от прохожего чело-века.)

Начинаются слухи, подобные тому, что Буденный исчез (куда он может исчезнуть, как не в Китай!). В противоположность всем прежним демонстрациям перед возможностью войны, теперь о всем чок-молчок, и это больше всего убеждает, что опасность войны очень серьезная.

Дорогой, не углубляйтесь в чтение таких умных книг. Вам кажется, что этим самоуглублением Вы достигаете высшей ступени относительно окружающего Вас общества, на самом же деле Вы через умные книги становитесь просто умнее себя самого, и это воображаемое более умное существо в Вас презирает, в сущности, не окружающую среду, а Вас самого настоящего, без книг, просто сказать: чужими мыслями Вы убиваете в себе собственное творческое всегда гениальное дитя...

Н. сказал, что сила их в вере в Д. Я спросил: – Но если в Д. что-нибудь на 1/2 сант. переменится? – Они тотчас переменятся на 1/2 с. – А если на метр? – То и они на метр. – А если Д. насквозь переменится? – То и они насквозь. – Какая же это вера? – Поди вот, а есть такая вера.

61

– Это не вера, а устремление. Анти-христ: как физика-Люди возвращаются в природу, как физик[и]... Жертва отвергается (а ведь жертвуют добровольно...) Вот я писатель, поэт, многих чарую, и после меня рас-сказы мои (напр., «Черный араб») долго будут чаровать, и будет Пришвин жить, как свет... Но пусть какой-нибудь наблюдатель будет изучать подробности жизни Пришвина и по ним, не обращая внимания на его книги, создаст образ Пришвина-человека и пустит его в свет, как один из секретарей пустил «франса в халате» или как Вересаев пустил своего Пушкина. «Черный араб», конечно, одолеет, но тут спор во времени: «Черный араб» успел обмануть бдительность «секретарей», вырвался. Однако секретари могут предупредить самое появление (вот сейчас идет именно такая предупреждающая работа). На этом примере еще можно видеть и революцию: революция как «Черный араб» (за границей) и та революция, претензию суда над которой берут все 1 нрзб., претерпевающие.

«Любовь» в природе может быть совершенно безликой, но именно эта самая любовь и является моментом, определяющим на земле явление человека как личности...

«непорочное зачатие» надо понимать как явление чего-то совсем нового, сверхнатурального, т. е. личного сознания; и, тем не менее, психологический и всякий опыт нам показывает, что зачатие и порочное и непорочное – явления одной и той же силы жизни, и даже может быть, что сознание есть трансформация половой силы...

14 февраля. Вечером с прогулки случайно по звуку колокола зашел в церковь и попал на всенощную – Сретенье (с 1-го на 2-е фев. по ст.). Хорошо пели, неглупо говорил священник. И так представилось, что ведь так было по всей стране, до тундр включительно: везде разыгрывалась та желанная пьеса, которую напрасно пытаются дать на театре поэты при содействии государств всего мира, пьеса эта учит нас, как надо умирать... Но почему же нет пьесы, которая бы учила нас тому, как надо жить?

62

Вот что было еще... что церковь может справедливо получить затрещину не только с левого бока, но и с правого, но что по существу ее невозможно убить (разве только вернуть человека в «физику»). Второе, что в религии дана совокупность всех сил (Бог) творческих и цельность как идеал и что это через человека явилось, но выше его... И третье, что секретарь Анат. Франса («Франс в халате»)... вообще подсматривание – это болезнь, и бездарность, и глупость...

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Вернее сказать, этот «материализм» есть глу-пость, как исход...

«Уметь жить», это значит так сделать, чтобы ко всем людям без исключения при всяких условиях стоять ли-цом, а не задом...

Уметь умереть, это значит (сохранить лицо свое перед Господом) лицо свое удержать как лицо в последнее мгно-венье жизни. А уметь жить, это сделать так, чтобы ко всем людям без исключения при всяких обстоятельствах сто-ять лицом, а не задом...

На полях: Хорошо жить, это знагит уметь стоять к людям лицом, а не задом. А уметь умереть, это знагит, когда останешься перед самым концом непременно без людей, то все равно сохранять лицо... перед Бо-гом.

17 февраля. Вчера был чрезвычайно светлый день, на-пряженно светлый. На площади столб с надписью: «Лоша-дям останавливаться строго запрещается. Штраф 3 руб.». У самого этого столба лошадь, за ней целый ряд до мель-ницы, а мельница – это самая старая церковка. Я остано-вился, чтобы снять эту чепуху, столб с запрещением и оче-редь лошадей. Мальчик спросил меня, что я делаю, а я спросил мальчика о церкви. «Теперь это мельница, – ска-зал я, – а раньше что было? – Тут раньше, – ответил мальчик, – Бог был». Слово это услышала пожилая жен-щина и начала барабанить свое житейское: что вот был Бог, а теперь... Мужики ее поддержали, возмущение нарас-тало. Но вышел человек вроде переодетого монаха, ста-рик, и сказал: – Не шумите, братья, церковь эту делали люди, и теперь за грехи людей Бог же допускает в ней

63

мельницу. Возьмите каждый с себя пример, вспомните. Вот я когда был молод, гремели у меня деньги в кармане, а нищий просит – я, бывало, скажу: «Бог подаст». Теперь я стар. Пошел вчера в баню, спина чешется, а потерять не могу достать. «Товарищ, – говорю молодому человеку, – потри мне, старику, спину». Он же обернулся, как, бывало, я: «Бог подаст» – говорит мне, старику: «Бог потрет». Как только монах сказал «Бог потрет», мужики все расхохотались и, приговаривая «Он тебе потрет, он по-трет!» – понесли кули зерна в церковь.

18 февраля. Вчера посетил меня бухгалтер Ш. 58 лет, написал повесть о колхозе, не выдав его, чисто карьерная вещь.

Класс психологически – это «я вдруг кем-то стал» (Пашка и Мишка сразу узнали друг друга). И вот из этого «я есть нечто в союзе с другим таким я» и есть партия и класс; одновременно с этим являются и враги: без-парт., вне-клас, буржуазия, прошлое; на первых порах даже и квалифиц. рабочий есть не класс (Мишка сказал: – «а ра-бочему высшему зачем к ним в партию лезть, какой рас-чет?»)

Выходил из ворот с собакой. Кто-то сказал: «Вот по-следний любитель идет». В первый раз понял значение этого слова, раньше думал, что любитель вроде дилетан-та. Нет, в этой обстановке любитель – это значит не слу-жащий, а просто (свободный) человек, занимающийся тем, что он любит. Замечательно, что в новой обстановке и спорт всякого рода имеет этот налет выполнения како-го-то задания, лыжники, напр., выезжают группами, име-ют какой-то сосредоточенно-озабоченный вид, и всегда при этом есть один или два ковыляющие далеко позади и без всякой надежды догнать. Любитель, который выхо-дит из дому сам по себе, исчезает. «Вот он – вот послед-ний идет!» Любитель, человек, сумевший свой долг, свое служение сложить по собственной своей, любителя, воле.

На востоке японцы расстреливают Шанхай. На западе говорят о разоружении. Почему же вместо разговоров

64

просто не запретят японцам. Все понимают в выступле-нии японцев сговор.

Каждый день мы чувствуем, что внимание правитель-ства к нашей жизни делается рассеянное, нас забывают. И скоро будет время, возможно, спросят меня о моих за-нятиях, и когда я отвечу, что пишу Даурию, все расхохо-чутся: «в такое-то время он пишет Даурию!»

21 февраля. Нерль заболела, похоже на бешенство: слюна бежит, на ногах чуть держится. В спешке J нрзб. определили Дубца, куда же девать Нерль? Решили подо-ждать до утра. Дал есть, очень хорошо поела. Потом вле-тела Зоя как ураган: «Папа, что же вы так, Нерль может всех перекусать. – Что же делать? – Застрелить немед-ленно». Нескоро и вероятно никогда не привыкну к этой длинной снохе.

22 февраля. Нерль умерла вчера ночью почти так же, как мать Кента. Труп отправили на исследование. Начал сегодня прививки (к 9 у. 10 раз). Нерли 5 лет (или уже 6?). С нее одна из лучших моих фотографий, о ней один из лучших рассказов «Нерль». У нее было короткое чутье, но великое понимание хозяина и нежность. При ласке она мурлыкала, почти как кошка. Грациозная шаловливость в глазах, ум, и иногда грусть. Я ее любил больше за мать Кенту, о которой плакал. Но о Нерли как-то не то: вероят-но, потому, во-первых, что она неважная охотница, во-вторых, самое чувство охоты сильно подорвано во мне фотографией.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
На полях: корову 1-й раз огуляли: 22 ноября отелится. Огуляли корову.
Приезжал вчера Лева. У него отдел достижений. Так вошел в роль! «Папа, ведь один бы год еще, и мы всему миру покажем!»
«Вот мы стерегли "факты" и сохраняли вокруг них свою злобу и месть. За это время росла легенда о счастливой стране Советов и собирала народы: может быть, легенда объединит народы, люди друг друга обнимут. А мы,

65

секретари жизни, честные обладатели ее протоколов?» (Старинная тема: Председатель (Стебут) и Секретарь (Филиппьев)) («а как лег в могилу Ст[алин], ветер песню пел»). Председатель европеец, секретарь китаец. Вот и Даурия (святая плоть, живой материал, женственность, задушевность, верность, одухотворенная материя. Из этого рождается месть... (месть – разрешение). Вот и сейчас: Япония как европеец, Китай как Восток (если поднялся, то месть). Природа мести: сверхличное возмездие за поправленную личность; от обиды личной до смертной обиды, – смерть и кара на обидчика – как отличить от погрома? и вот именно на этой точке дело жизни опять повертывается к европейскому «герою» в виде луча света солнечно-го над пожаром, освещавшим всю ночь горизонт (Европа не должна и не может закатиться, но она пройдет через восточную чистку точно так же, как мы, все образованные люди, проходим ее...)

Страх за близость войны проходит: потому что Япония и на Китай-то не хватит. Но возможно, говорят, что нечто стоит за спиной Японии...

На полях: фамилия Дауров в Вост. Сибири. 23 февраля. Второй укол.

Если писатель должен сделаться политиком, то он войдет в политику как частное лицо, потому что писатель должен быть, прежде всего, самим собой. Но малейшее отклонение его от общей линии будет замечено, разъяснено. При такой неуверенности и отсутствии права высказываться за себя лично ведь невозможно же писать, но я хочу написать все-таки целую книгу «Даурию»...

Реализация себя в богатстве или во власти – это все равно; тут разрастается личность паразитивно: власть делает то, что человек и глуп, а не чувствует этого, ум других приливает к нему рекой, этот рост силы изнутри кажется свободой (что хочу, то делаю) извне, объективно, это самый верный плен (цари – это пленники). Художник, часто отказываясь от власти, удовлетворяет себя свободой, которая является как потребность и уже условие

66

жизни личности. Есть конечно и высшее состояние, когда человек жертвует властью, богатством, личностью своей (душой: «за други моя», «душу погубим»).

24 февраля. Третий укол.

Вчера сильный мороз с сильным ветром. Эсеры исходили из данного (земля, народ), большевики – из того идеального, что надо создать. Те и другие идеализировали, народники прошлую жизнь, большевики будущую.

фотографическое: никогда никакое лицо не может быть дурно, если на нем красиво расположены светотени.

Когда-то (при Мережковском) поднялся вопль о распыленности человека, теперь явилась (с их точки зрения) вещь худшая в тысячи раз: это организованная пыль. (Распыленность и опыленность).

Петя говорит, что под диктовку событий на Дальнем Востоке жизнь у них в вузе совсем переменялась, только и разговоры, что о войне. Как будто брешь в стене пробили и выход нашлся. Ребята рвутся на войну.

Строители и Простожители.

Н. вошел в комнату, секретарь парт-ячейки хохочет один. Не мог удержаться и рассказал: что на парт, собрании вдруг вышел партиец из колхоза и выложил всю правду. Так вот это смешно, что уж очень начисто выложил. Смешно! (человек этот погубил себя). Спрашивается, почему же это смешно (правду сказать). Потому что люди теперь разделяются на строителей новой жизни и на тех, кто хочет просто жить (Строители и Простожители). Строителям надо построить, простожителям прожить. Простожитель, имея в виду получить кусок хлеба для жизни, должен аргументировать свою претензию строительством, но не ссылаться на право простожительства, как обыкновенно делают простодушные одиночники. Точно так же и смешон бы был писатель, который требовал бы свободы слова самой по себе (то же, что свободы жизни самой по себе). Хотя меня самого искушает вопрос: если не жизни, то нельзя ли просить хотя бы свободы слу-

67

чая, чтобы писатель так мог начинать повесть: – Принципиально я согласен с вами, готов жить и умереть для хорошей принципии, но вот какой был случай однажды в Московской области...

Свобода относительна, и если взять ее просто, как *n-berti*, то это баловство.

Если в февральский солнечный день палочка, сама по себе играя в руке живого человека, встречается с велико-лепно-сверкающей сосулькой, то, конечно, палочка

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
дела-ет свое дело и сосулька падает. Так в нашем доме явился внук, очень болезненный, и разбитая сосулька... Спросил ее, зачем она служит, – ответила: первое, что надо иметь независимые карманные деньги, второе, нет никакого же-лания с ребенком сидеть. «Так может быть, ты бы служи-ла не где попало, в каком-то трактире конторщицей, а де-лала то, чему учится муж, чтобы ему потом помогать в звероводстве... – Нет, мне хотелось одно, поступить в му-зык, техникум, но раз я отказалась, то мне все равно, что звероводство, что трактир». На предложение Ефр. Павл. не служить, а помогать дома всем, она ответила, что не хо-чет быть у «папы» прислугой. И так, ходит на службу, но-сит ребенка в ясли, три дня в яслях, две недели на руках Павловны (в яслях простужается или заражается). Из-за этого трактира вся наша жизнь разбита, Ефр. Павл. неко-гда убирать комнаты, меня загнали работать в угол. Плач, писк, заугольный шепот свекрови и затаенная ненависть невестки... Если не предупредить, то кончится скандалом совершенно так же, как вышло со свиньей.

25 февраля. Приезжал на собств. автомобиле Пиль-няк с французами. – Как живете? – Я помолчал. – Зна-чит, плохо. – А вы? – С меня, как с гуся вода. – Какой гусь... вот у нас вчера и гусь подох.

На полях: Хорошо в Америке? – Нет, дикари (Пильняк). И у нас процесс того же естественного одигания при-ведет к Америке.

Разумник показал мне записную книжку Блока, оказа-лось, у него был сифилис и ведь не случайный, а законный

68

(«идеологически оправданный»). Так вот, поэты, ваша судьба: Блок – от сифилиса, Есенин – повесился, Мая-ковский – застрелился.

26 февраля. Мороз сломило, метель. 5-й укол.

Англичанин прост в обращении и не фальшиво, а очень искренно прост и внимателен к другому, но главное не это, а что в условиях этой простоты, искренности и даже от-кровенности у него остается незаметно для других свое собственное «я», с чем он никогда не расстается. Русские в будущем должны сделаться похожими в этом на англи-чан. И сейчас встречаются тоже люди (Коноплянцев по рождению, Замятин – воспитал себя в этом, Жинкин под-ражает и много других).

На полях: Теленок издох («мугеник»)

Пожар в Госплане (800 человек делали год одно дело и все оно сгорело). Оценка «тяги в Китай» (конечное: вой-на (отрицание) как выход). Полонский умер в Магнито-горске от тифа. Начинается сыпняк (вот почему вдруг мы-ло-то подешевело!). Да, вот оно опять возвращение (война, голод, сыпняк) – Газ и бактерия (вместо черта и ведьмы: нынешние военные газы – это прежние черты, а ведьмы – это бактерии). Мировая растущая легенда о СССР в ли-цах: 1) Стол легенды – творящие легенду иностранцы, подверженные кризису. 2) Кухня легенды – повара...

В царство небесное принимают каждого лично, а в это царство земное принимают непременно с условием без-личия «наравне с другими». «Личность» признают лишь в процессе сдельщины (ударники). Так вот почему, когда интеллигент идет с повинной, то его стараются бить: это хотят добить в нем последние остатки личного, а именно ту свободную решимость отдался. Вот именно большая разница, берут ли человека или он идет добровольно. До-бровольцев нет.

Р. сказал, что «если бы разрешили добровольно идти помогать Китаю, то охотников нашлось бы до неограни-ченных чисел и прямо сказать, я сам бы пошел».

69

27 февраля. 6-й укол.

Утром тепло и легкая метель. К11 дня прояснело, и как только вышло солнце – явился мороз, и с ветром было очень неприятно. (Редчайший случай).

Вчера вечером, когда шли к Григорьеву, все небо было закрыто и только намеком единственная светила через матовую тусклость звезда, какая же это большая звезда, если одна только могла осилить тусклое небо!

Б. приходил иногда гостем в церковь и погружался, представляя себе, что он соприкасается с недрами на-родной души. На самом деле православный христианин в церкви постоянно действует, молясь, он работает очень напряженно. Чтобы видеть это, надо присмотреться к тем, кто прикладывается и ставит свечи угодникам. Писателя и вообще художника я понимаю так, что в его произведении лично он, как человек, совершенно не ви-ден, но если кто хотел бы допытываться о личности этого художника, желая понять его произведение и с этой сто-роны, то, чтобы для тайновидца открывались бы все со-кровеннейшие, все самые затаенные человеческие уголки души художника без всяких комментариев. Так вот, чи-тая, напр., Блока, можно легко догадаться, понять, как он приходит к какой-то роковой болезни... Но вы, следопыты поэтических душ, открываете просто, что у него был сифи-лис, и потом публично поверяете свое открытие, и она под-ходит к стихам Блока, имея в голове мысль о сифилисе.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Да, если по-настоящему напишешь, то в конце-то кон-цов разберут тебя всего. Открытие Коперника о движении Земли приобрело ре-волюционное значение не потому, что само по себе имело какое-нибудь особенное содержание (по теории относи-тельности теперь можно сказать и так и так), а что отвеча-ло революционному духу человеческого времени (нужно было движение). Вот и теперь революция хочет привести в движение застойную атмосферу, собравшуюся под по-нятием земля, природа...

70

Устанавливаю, что широкоугольник можно применять для выделения из ландшафта темы (лица) посредством обращения всего остального ландшафта, как в иконогра-фии, в перспективный фон.

29 февраля. 8-й укол. Касьяна именины. Вернулась тихая мягкая погода. Я вышел на улицу, и мне стало очень хорошо по причине какого-то воспоминанья, которое не доходило до сознания, а было во мне, как приятный запах. Через несколько минут борьбы за то, чтобы вспомнить, мне стало понятно: запах самого легкого мороза утром на свежем снегу вызвал во мне запах гиацинта, вероятно, это было когда-то вместе: гиацинт на морозе, и теперь одна часть – мягкий мороз при пороше – вызывал часть от-сутствующую – гиацинт. Анализ этот дал мне в свою оче-редь удовольствие в сознании, что у меня само собой иногда может выйти праздник, на морозе будет пахнуть цветами.

Петя рассказывал, что у них есть «Урусовщина» (по то-му коммунисту Урусову, который «перегнул») и есть Ку-рочкинщина (по Курочкину, студенту, исключенному за анекдоты вроде рассказа о черкесах, что у них женщины работают, а черкесы пляшут). «Каждый коммунист знает, что все беспартийные – оппортунисты». (Думаю, что это противоречие изживется при объявлении войны.) В обра-щении: «гнилой либерализм», – под это можно подвести все: и дружбу, и любовь к родителям...

1 Марта. Лева рассказывал о последнем свидании с Полонским, и мне вспомнился Воронский, когда он был исключен из партии, меня поразило, что Воронский вдруг поседел. Точно так же и Полонский за неделю до смерти вошел в редакцию «Известий», и Лева изумился: Полон-ский был седой. Он не пережил, как Воронский, своего па-дения. (Сыпняк бьет именно таких людей.) Вот надо куда смотреть, а не в свое писательское положение. Теперь ин-тересны события внутри партии, этого современного ры-царско-монашеского ордена. Вот, напр., Воронский растет

71

и вырастает в такую величину, о какой никогда не смел и думать. В это время он уверен, что растет он согласован-но с партией, что он и партия единство. И вдруг росстань, в одну сторону идет партия, а я, Воронский, в противопо-ложную, и если я пойду в сторону партии, я откажусь от себя, пойду по себе – вся прошлая жизнь, партия, рево-люция – заблуждение. Вот в это время видные люди и пишут в газетах отречения от себя.

Соблазны Пильняковщины.

Григорьев по своему дарованию должен бы быть пред-седателем правления какого-нибудь треста и попал в писа-тели по склонности к чудачеству. Говорили вчера о «пиль-няковщине», – он с завистью, как неудачник (автомобиль и проч. блага): жизнь по волюшке. Говорили о «человеч-ке» внутри таланта, что этот человек все время как бы рвется вон из нравственных уз. Пушкин попробовал удов-летворить человечка и погиб на дуэли. Есенин попал в пет-лю. Маяковский... Но если этого человечка оградить от со-блазнов, то откроется путь подвига (Разумник): «Я не могу, – сказал Григорьев, – у меня живот».

3 Марта. Мягкая погода, чуть метет. Бегут по улице барышни, их не видишь, – так они чем-то одна на другую похожи: бегут, бегут, как поземок, и больше ничего не остается от них.

На полях: бегут, обезлигка.

Чувствую вину и упрекаю себя: на глазах совершается трагедия великая, а чувство не хочет, чтобы взять эту жизнь и подвинуть к уму на рассмотрение, а может быть, наоборот, – что чувство жизни все не может угомонить-ся, все наводит на ум, и это он не хочет, он очень устал...

Пришел слух, что Полонский отравился. Это очень по-хоже на правду.

После ликвидации мужика (единоличника) заметно усилилась по всему фронту борьба с личностью во всяких ее проявлениях. Пальцы сжимаются, узел стягивается.

72

Остается только этот узел, как ручную гранату, швырнуть на кого-то. Война на носу по внутреннему строю фактов. И так же извне складывается: пока одолевал Китай, каза-лось, минует чаша сия, но торжество Японии – это для нас, по-видимому, означает войну. Одно уже то внушает беспокойство, что с нашего разрешения по нашей дороге, к нашей границе японцы подвозят войска.

Тема нашей жизни – это рождение легенды среди ев-ропейских народов о счастливой стране на востоке. – Правды нет! – Есть вера. Точь-в-точь с физикой Бога: нет

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
физики (правды), а Бог есть (вопреки физике). Наша ле-генда рождается внутри
физики, а не наперекор ей, и, тем не менее, явно против физики. Она как бы
изнутри разру-шает физику: свой собственный физический атом разру-шает физику и
начинает легенду (не-физику). Почва этому неиспытанная жизнь, которой обладает
класс рабочих (вот почему в Евангелии рыбаки взяты). Вера – это сгу-щенное
желание жизни. Человек, желающий охранить ве-ру, не должен давать счастье.
Неужели наше время, наша жизнь отдана для дела физики веры (социализм занят
фи-зикой Бога: подвозкой материалов для физического во-площения).
Конечно, все это нынешнее свержение личностей и вся-ких зародышей авторитета для
настоящей личности не-что вроде пикировки (подщипывают корешки, чтобы че-рез это
раздражение капуста лучше росла). И вот задача каждого из нас научиться так
выносить «чистку», чтобы чувствовать не внешнюю боль, а радость внутреннего
рос-та. Вот это все, все, мои друзья, зарубите у себя на носу как основное
правило, силу, оружие и вообще условие непобе-димости (бессмертия) личности
человеческой и вместе с тем торжество человека всего во всей природе.
Так вот отчего написано (+) (смот. назади). Именно я верчусь вниз, в корнях
своих. Между тем период кон-чился (литературный рост мой от начала нэпа и до
конца: приветствовал радость свидания с утраченными вещами: хлеб, молоко и
проч., очень простое). Теперь надо вполне

73

так же себя чувствовать, как в период между революцией и нэпом, но, конечно,
умней: надо радость не на встрече с хлебом (через это с солнцем) устраивать,
а... войти в «суть» (физика Бога).

4 Марта. Сияющий день, ни одного облачка. Сильная сверкающая всюду капель. Орут,
[надрываются] вороны. Поют синицы. При ослепительном солнечном свете снег пахнет
какими-то душистыми цветами...

Сегодня в газете впервые передовая посвящена Япо-нии. С одной стороны, вот-вот
война, с другой – приуче-ны, как заговорили о войне, значит, – нет. Все-таки
боль-ше за.

Дуняше 35 лет, не молодая. Разговаривали с ней о вой-не, я сказал: «Ну, а
помните, ведь с Японией война кончи-лась нашим развалом, помните, как все
радовались, когда получена была телеграмма, что четыре наших лучших броненосца
потоплены и как этому у нас тогда все радова-лись, ликовали! Помните? – Нет, не
помню, – ответила Дуня, – в каком году это было, когда?» Подсчитал, и вот
казалось так недавно, просто вчера это было, а вышло почти 30 лет тому назад,
когда Дуне было всего 7 лет!

Неужели же Япония опять сыграет в нашей судьбе ро-ковую роль?..

Как ты думаешь, дед?

5 Марта. Светлый час до восхода солнца. Неужели Япония опять сыграет в нашей
судьбе роко-вую роль?

Вот желал бы я знать, существует в нынешнем госу-дарстве СССР – не таится ли
традиция реванша (как на Д[альнем] В[остоке] определенно] ненависть к японцам):
«Это, мол, вам не с царскими драться войсками» (в такой маске).

Еще бы интересно было у историков спросить, всякая ли революция кончается войной
(и если да, то... парал-лельное формирование универсальных идей).

Вообще на заметку: в ту первую войну, от которой раз-горелась наша революция...
позвольте! ведь вся почти ин-

74

теллигенция радовалась успехам Японии. Так. Теперь опять Япония (через 28 лет)
выступает, но интеллигенции уже нет (бессильные остатки, ничто), зато теперь
мужики за Японию (впрочем, тоже ничто). Если подсчитать, то их будет 2/3
населения: 40 тех + 80 этих = 40 от Европы + 80 от Востока. Когда не власть,
оружие и голод будут опреде-лять разделение, а идеи, то вероятно в такой же
пропор-ции распределится Евр-азия: 40_– евр, 80 – азия.

Архимедовы круги. Нас учили в гимназии героизму ученых и в пример приводили, что
Архимед, когда во вре-мя войны напали на его дом, кричал «Циркулос!» и проч.
Если теперешним молодым людям это рассказать, то они поймут этот «героизм» как
отрицательное явление. Впро-чем, и в наше время уже было сомнение. И потому
сомне-ние, что Архимед был гений, а с тех пор геометрией стали заниматься самые
обыкновенные люди и в великом чис-ле. Вот применительно для такого среднего
ученого, ко-нечно, Архимедово восклицание «просто смешно».

Когда Екат. Мих. входит утром, то говорит непременно: «Какой ужасный холод!» и
в тоне ее слышится обвине-ние – не скажет прямо, но думает бессознательно:

«таких холодов при царе не бывало». Вслед за этим она шепчет жене что-то вовсе
ужасное и уже прямо в бровь и боро-ду. – Что она сказала? – Соль подорожала на
1/2 копа – А еще что? И т. д. За чаем же идет уже прямо: – Бывало-то к чаю
[плюшки] Филиппова по 5 копеек, а что сейчас за 5 копеек купишь? Все, все
упало... и т. д. А люди какие! Бы-вало, утром раненько встанешь, самовар

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
поставишь, и пока согреется, тысячу дел переделаешь...
Вечером Лева приехал, ходили к Григорьеву и беседовали о событиях, понимая их так, что к этому именно шли, и вот этот час наступил. – Годика два бы нам про-держаться старикам, – сказал я, – все бы увидели. – Как продержаться, – ответил Григорьев, – трудно, едва ли...
Лева вчера был на сожжении Полонского. У него одно-го были кожаные перчатки, и потому он один мог взять горячую урну и вез ее в автомобиле, чувствуя ее теплоту.

75

Знал бы Полонский это, неделей раньше зайдя к Лева про-ститься...
В литературе, как говорят, прочное и неоспоримое по-ложение осталось только у трех писателей, все они три «счастливица» отлично зарабатывают и вообще блистают (у кого автомобиль, у кого особняк, у кого квартира за 30 тыс. и т. п.), это три кита: Леонов, Лидин и Пильняк. Леонов глупенький, Лидин, имитатор, может писать и жить на все руки, Пильняк – «мне все как с гуся вода»...

Все утро фотографировал снег в лесу.

Рано утром сильный мороз, до -30° , и туман. Мало-по-малу туман рассеивается и является яркое солнце. К по-лудню капель, снег мажется. На верхушки деревьев при морозе и солнце садится иней такими большими кристал-лами, что они долго держаться не могут, чуть поседеет са-мая верхушка березы, иней рассыпается, и если засло-ниться от солнца стволом, то, кажется, летят целые рои золотых пчел. Вот бы снять! На теле березы [белом белое] и ничего не поймешь, а [линзы] объектива не схватят сне-жинок.

6 Марта. День такой же яркий, как и вчера, только ту-ман спозаранку держался дольше. Павловна с Дуней ездил-ли за пайком.

О войне, электричестве, размножении людей и буду-щем человечестве («решим все мировые загадки»). Очень смешно (Фед. Кузьм. Бабуркин). а между тем надо непре-менно решить, а не можешь сам решить – тебя погонят вслепую по чужому решению. Дело в том, что решение уже есть, но нет повода ему проявиться. В жизни людей быва-ют такие моменты, когда «мысль изреченная есть ложь». Люди все стоят на позициях, но какие это позиции, ска-зать не могут, их позиции лежат как бы запечатанными в конвертах, которые могут быть вскрыты лишь в момент общего решения.

На полях: Итак, Бабуркин решает мировые загадки, может быть, именно потому, что загадки эти решенные лежат у него же в запечатанном конверте, кото-

76

рый вскроется в день «мобилизации» (до призыва на трубу Архангела).

Ответ на анкету:

– На ваши вопросы могу ответить лишь устно и людям избранным приписка: и то по особо важному поводу, потому что мне 60 лет и я имею 30 лет стажа работник са-мой высшей квалификации. Я не могу быть открытым для всех точно так же, как все высшие учреждения в государст-ве не могут быть доступны для всех. Кроме того, я считаю теперь время наше очень близким к моменту, когда все на-ши скрытые мысли обнаружатся сами собой в действии. Я и потому не могу ответить вам, что в своих мыслях, ко-торые выскажу, могу ошибиться, т. к. вскоре при мобили-зации всего человека мои частные мысли могут оказаться неверными и для самого себя.

7 Марта. День такой же яркий, но с ветром, и потому холодно было и среди дня. Петина болезнь проходит.

Н. спросил меня: – А разве вы знаете, что такое счас-тье? – Знаю, – ответил я, – счастье это возможность быть самим собой. – Н. был поражен, задумался и вдруг ска-зал: – Да, это правда.

8 окошке моем против далекой Лавры есть одно такое стекло, что в нем все на улице переиначивается и ходуном ходит: колокольня лезет высоко вверх, проволока от звон-ка вьется змеей, человек то правильно идет, а то бывает сам идет правильно, а голова рядом, или женщина вдруг разделится, как оса, пополам. Долго я не мог понять между [крышами и] прочим, что это вдали, действительно кача-ется человек, или сердце мое бьется сильнее, когда я пи-шу, и через такое стекло какой-нибудь постоянный пред-мет приходит в кажущееся движение. Вчера дознался, что там водопровод и человек действительно, набирая в ведро воды, качается. Думаю я сегодня и пишу напряженно о соболе, а сторо-ной, куда на полную мысль сил не хватает, тоже побочно и слабо работает мысль, там я спрашиваю: но как же он не устанет, этот человек, ведь качает с утра до ночи и каж-

77

дый день? Вопрос повторялся, а ответа не было. Когда ра-бота о соболе была закончена, вопрос тот глупый явился лишь на смех: человек же не один качает, их за день сотни придут за водой, потому и не устает. Но вот ведь и в жизни так, потому человек не устает жить, что в колодце много жизни, и людей приходит

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
великое множество.

На полях: Мелогъ (двуперстие) от полноты веры (так же ca-sus ъеш1). Разумника жизнь.

8 [Марта]. Второй день предвесенней метели. Жен-ский день. Напечатан мой рассказ «Мать» (в «Извести-ях»). Вишневская («Рязанская баба») говорит, что прихо-дится опять братья за натуральное хозяйство, значит, женщина получает признание («мой женский день»).

На полях: Тема: Женский день. До-гъ – новая женщина на служ-бе Юор. – ни-гего не зна-гит – мать все делает... мать празднует «женский день» (власть женщи-ны) и до-гъ празднует с флагами.

9 Марта. Город завален снегом.

Выкидыш. В одном селе корова теленка сбросила, со-ставили акт, и мужика освободили от необходимости поить теленка молоком. Вскоре к этому мужику пришел сосед, у которого отелилась корова, и говорит: «Иван Пет-ров, дай мне твоего дохлого теленка». Иван Петров дал, но, конечно, взял некую мзду. А потом так и пошло, все, у кого телилась корова, приходили за мертвецом, выки-дыш предьявляли, а своего теленка резали. И еще, гово-рят, корреспонденция была в газете, о повальных выки-дышах.

Бывает, жизнь такого-то общества до того напрягает-ся, что во всех своих мельчайших частях становится еди-ной, каждая мелочь, каждый пустяк становится как бы на цельном животном шерстинкой на шкуре и стоит задеть... задел – и война! – чувствует весь организм. Так вот было

1 Casus belli – юридический термин времен римского права, бук-вально обозначает «формальный повод для объявления войны».

78

общество русское во время раскола, и в этом смысл дву-перстия. Так же вот и теперь жизнь стала сквозная, «оп-портуниста» стало возможно узнать не только по глазам, но даже издали по походке. Все стали психологами. Вот представить себе такое общество, чтобы каждый пустяк, «шерстинка» мог бы вызвать взрывы, подобные «casus belli».

Боюсь, что Разумник подвизается из-за гордости и до такой степени силен, что не сломится. И если бы ему уда-лось «пересидеть» и стать... Да, конечно, если бы и эти превосходные люди стали у оагеркнуто: власти... (как это назвать?), то непременно бы им пришлось стать у власти, а если бы стали у власти, то нас непременно бы насильовали, как и большевики. Никакой разницы!

Труд человека нельзя сравнивать с электричеством: труд состоит из догадок, в одно мгновенье поглощающих большие сроки «равного времени», из случаев счастливых и несчастных...

Труд «равного времени» и творческий труд. Машина должна взять на себя «труд равного времени», а человек остаться с творческим трудом. Но куда же девать дураков, неспособных трудиться от себя самого и наслаждаться, куда девать обезьян, которые будут хвататься за кажущу-юся «легкость» творческого труда и почет (как теперь на-ши «писатели»), куда девать имитаторов-жуликов (Лео-нов, Лидин и Пильняк).

До сих пор такой труд обставлялся тайнами и особен-ным почетом и препятствиями, а потом обставляли так в том смысле, что это личное свойство (культ личности), отчего дурак и нахал и обезьяна говорили: «куда нам».

Расчленить труд и время (характер времени: ров-но-длительное, мгновенное в догадке и «случае»), труд и личность (напр., как устранить влияние соедин. сил[ы] бездари против даровитого большого человека). Работа и ритм. Итак, во время писания Даурии надо прикоснуть-ся душой к «проблемам» советского опыта: 1) Организа-ция труда (к главе сценария «апофеоз»). 2) Вопросы нац-меньшинств.

79

11 Марта. Яркое солнце и злой ветер. Весь город за-сыпан снегом. Соснин телеграфировал о перенесении зве-ров. совещания на 16-е. Узнать о литературе о 1) соболь, 2) песцы, 3) олени (пантовые).

Р. Роллан разрывается... Если бы он мог сам всего себя целиком поставить в наши условия, то он непременно бы превратился в интеллигентного оппортуниста. Если бы он знал, что самый вызывающий тон его письма с личной подписью (знаменитости) вызывает желание у нас вычис-тить его и раскулачить. Ведь он говорит именно теми сло-вами, как, напр., говорил Золя во время Дрейфуса – все это отжило, пусто и вообще сказать эти слова можно лишь в условиях личного благополучия, пожалуй даже, эстетиче-ского. (При падении вкуса в обществе крупный автор опирается на социализм: А. франс.) Роллан бьет в бара-бан в то время, когда именно в том и состоит трудность, что надо молча подкрадываться... Впрочем, я это говорю отчасти, конечно, от зависти, хотел бы сам интересно «от-крыть» китайцев, а вот об этом бьют в барабан. Нет, это не зависть, т. е. я не завидую положению Роллана, а досад-но, что открывать-то мне после барабана нечего: правда, раз об

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
этом в барабан ударили, то голос твой будет лишь подголоском, а по-своему сказать об этом тебе не дадут.

12 Марта. Яркий и сильно морозный день. Ночной приезд Ивана Острога. Внезапные блины. Всенощная (классовая борьба).

Не только мы, униженные и оскорбленные, ждем ново-го пророка, но и торжествующая революция жаждет встречи с ним. Весь мир ждет. И вот тут Р. Роллан пытается заменить собой (пустоболт).

«Троцкизм» – это соц. словесность, подобная керенщине, с той разницей, что керенщина в вопросе распада слова и дела глуповата, а троцкизм в этом до того дошел, что производил впечатление сознательно подготовленного вреда коммунизму. И чтобы спасти революцию, понятно, надо было сбросить последний балласт гуманизма и дать

80

ход классовой борьбе в таком понимании, что она есть не только принцип, но и личное дело каждого, кто признает себя революционером, все же остальные являются троцкистами или оппортунистами.

«Классовая борьба» – это жестокая сила, необходимая, как цемент, в распавшемся от слабости государстве. Прямо противоположен классовой борьбе «гуманизм» (керенщина, троцкизм, троцкизм – это доведенный до своего абсурда гуманизм). О классовой борьбе надо судить параллельно с биологической борьбой, первая есть борьба по воле человека, вторая есть борьба «на волю Божию» (за существование). Классовая борьба нам кажется чудовищно жестокой сравнительно с биологической только потому, что там ведь, в деле природы, и спора нет. Мы привыкли проти-вопоставлять био-борьбе гуманизм. Теперь же, с вырожде-нием гуманизма, с необходимостью прибегнуть к грубой силе мы создаем какой-то био-гуманизм (т. е. принципы (слова) человеческие, а сила (дело) звериная).

Классовая борьба (слова человеческие, а дело звериное) наживает себе двух врагов и зажигает против себя две силы: в защиту человека зажигает религию, а в защи-ту зверя (зверь ведь тоже обижен) она поднимает против себя животность, или силу земли (и то и другое существу-ет и, возможно, растет в реальности своей силы, но гума-низм (либерализм) абсолютно разбит, это у нас понима-ют, а в Европе мало, пример Роллан).

На полях: Животность и религия или Красные яйца.

На полях: NB Религия – это вопрос, но от силы животности кумаговым платком не отделаешься. С этой силой рано или поздно (даже и скоро: голод и тиф заста-вят) придется поспитаться.

Христианство относительно зооборьбы очень точно было против (смертию смерть), но именно пало разложен-ное био-борьбой, вошедшей в человеческое дело в форме гуманизма, либерализма; во время богоискательства счи-талось, что религию разложил гуманизм, либерализм, которые создали индивидуализм. И все были против ин-

81

дивидуализма. Ошибка их была в том, что для борьбы с индивидуализмом они хватались за прошлое. Мереж-ковский делал слабые попытки считаться с материализ-мом] революции.

8-го Марта Красюковские граждане отпраздновали по-беду над внутренней эмиграцией «графьев» плясом в цер-кви. Каждый получил чашку чая с пирогом, ударница Ко-мариха – премирована портретом Сталина.

Из арабских сказок

– И они ехали много дней и ночей, где росла лишь тра-ва да парил дух Аллаха.

– Ибо нужда ожесточает сердце человека с низменной душой, тогда как человека с возвышенной душой она об-лагораживает.

14 Марта. Старая весна.

Не удивительно ли, что с водворением Нэп'а, т. е. раз-решения торговли, одновременно возродилось искусство и существовало весьма благоприятно для сов. власти око-ло десяти лет с тем, чтобы с запрещением торговли совер-шенно исчезнуть. Вместе с искусством исчезли из жизни игра, праздники, подарки (советская игра (физкультура), советские праздники, сов. подарки («премии»)).

День морозно-яркий, чуть ветер. Фотографировал [по-косившиеся] избушки в Глинкове. Мороз и солнце во вре-мя весны света создают для обоняния особенную среду, подобно тому стеклянному песку, на котором в научных опытах выращивают, примешивая разные питательные соли, растения. Мороз не пахнет и солнце тоже без запаха. Но никогда не чувствуешь такого тонкого аромата, как весной света.

Вероятно, это воображение при отсутствии возбудителя запаха бывает особенно напряжено и само создает в нейтральной среде запах. Чаще всего мне пахнет на морозе при солнце гиацинтом, но бывает всякое воспо-минание, волнение сопровождается запахом и таким силь-ным, что оглядываешься по сторонам, узнавая, нет ли где-

82

нибудь цветов. Бывает, вспомнишь событие в прошлом, сопровождавшееся этим запахом, но чаще просто пахнет, и не знаешь откуда. Бывает, какой-нибудь предмет извне напомнит собой и запахнет. Так сегодня при виде Глин-кинской церкви мне очень сильно пахнуло ладаном.

Теперь уж действуют не они, а те силы, которые они вызывали: они же сидят, созерцают дело рук своих и ворчат потихоньку.

15 [Марта]–18 [Марта]. Воля ваша – жизнь моя!

В Москве. Погода мешалась, снег, тепло, а 18-го подморозило и стоял яркий морозный день.

Тема: «Воля ваша – жизнь моя!» Последний распад общества. Можно вложить в «уста» даурской женщины, которая бросается в Амур с молитвой: помоги Господи ни-чего не простить.

Корове проволокой кругом обвели рога, и концы проволоки скручивали плоскогубцами до тех пор, пока рог к рогу как бы чуть-чуть [не] струнулись. Тонкую эту проволоку замаскировали шерстью. Корова помычала, обалдела, оглумела и быстро начала гаснуть.

Деревенская девочка сидит за столом и бессмысленно заучивает стихи о множестве тракторов, преобразующих деревенскую жизнь. Ее отец, мужик-молчун, сидит, слушает с уважением и вдумывается. Каждая строфа оканчивается словами: «Ударник, скажи свое большевицкое на-до!» И молчун после каждого раза спрашивает вдумчиво девочку: «Что надо-то?» И девочка отвечает: «не знаю» и «отвяжись».

Нападение Загорского Горсовета на жилища наши: внедряют рабочих в квартиры писателей.

Возвращение к картофелю.

19 [Марта]. Зима все дуется. Чистые лунные ночи. Но все-таки теперь есть на снегу особенный запах весны света. И оттого обращаешь внимание даже при луне на гнезда грачей.

83

На полях: взять на понт

Нападение уплотнителей (делегатка Лебедева из-за новых калош готова на что угодно идти). Наша победа благодаря приезду партийца Пашки (переговорили по-своему ребята). Как ни признавай интеллигента за рабочего – ничего не выйдет. «Рабочий»: это не значит работает, как, напр., иностранец, иностранный рабочий не есть еще непременно «рабочий». Признаки типа: 1) глубина жизненной переделки до битости, 2) заостренность самолюбия от предшествующей черной переделки, унижения и от последующего возвышения через власть, 3) параллельно этому объединенность заостренно-самолюбивых существ в «класс». Напротив, интеллигенция характеризуется: 1) образованность – на этом объединение и устранение от себя обязательного черного труда и связанной с ним черной переделки.

На полях: Черная переделка. Происхождение власти: – Можешь убить или нет? – Могу. – Властвуй.

Все равно как и теперь РАПП: если докажешь способность свою к классовой борьбе (а кто это?) – властвуй.

Характеристика черного труда: это не то что просто физический неквалифицированный труд; это труд ненавистный (происхождение его – деревня, где крестьянин сидел по необходимости). Прав Чумандрин, видевший за границей рабочих: «их свобода разбаловала». Те рабочие тоже интеллигенты. Возможно предположить большевицкого рабочего у китайцев (вообще в аграрных странах). Суровость парт, дисциплины пришла на смену суровости жизни и стала условием жизни новых людей: [признается] военно-госуд. сила, но отнюдь не сила труда; интеллигент превратился в спеца; общество раскололось на спецов и партийцев. Вопрос: возможно ли, чтобы из партийцев вышли спецы? Этот вопрос равняется: возможно ли, чтобы из спецов вышли партийцы? Всякий спец уже отдал себя своему спец-делу и в остальном хочет просто жить. Всякий партиец в принципе аскет и если «живет», то фуксом, и он отдался партии, если отдастся второй раз специальности, то на партию его не хватит.

84

Иа полях: Партгеловек, даже самый распушенный, в принципе – аскет.

Спец, даже «мученик» науки, живет для себя. Вот тут-то и вся заковка. Власть и война: Парт. – война, спец. – мир. Самое главное разделение – отношение к войне (роковой вопрос: а где вы были, товарищ, во время гражд. войны?) И тоже: классовая борьба.

Заковка:

Рождение власти из черной пены жизни (ведь вот: самолюбие спеца удовлетворяется открытием, богатством, славой; самолюбие парт-человека – властью? (вернее, падают во власть).

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Спец-человек – материалист, анархист – мир – тут «земля», «жизнь» и свобода, быт, церковь.
Парт-человек – идеалист, государственник – война – тут принципы, власть, религия (не церковь).

Никогда не было так ясно, что церковь в отношении дела Христа есть «оппортунизм».

20 (Марта). Солнечно с ветром. Хорошо стало ночью: тихо и луна до невозможности яркая (бывает ли так свет-ло зимой?). Пишу Даурию (Амур).

Достать в среду книгу по истории первых веков христианства (церкви). При свете нынешней жизни выяснить: 1) Характер и значение христианских принципов (параллельно нашему «социализму»). 2) Возникновение церкви и государства как единства и причины распада. 3) Искусство эллинское и новое в отношении всех трех категорий: принципов христианства, церкви и государства.

Союз на крови (государство). Союз на любовном раде-нии (христианство) и отсюда линии государства, церкви, искусства. Бледные лучи тех костров в нашей нынешней замшаной церкви, в социализме, искусстве. Нынче загорелся костер крови.

Усредненная мораль.

Молодые люди нынешние познакомились с государственной работой раньше, чем с личной этикой, и оттого

85

при необходимости оперировать в области этики переносят в нее опыт свой из работы в каком-нибудь учреждении. Так, напр., в финансовом отделе до того свыклись с тем, что средний человек если сыт, то и добр, а голодный непременно зол, что часто путают и вместо того, чтобы сказать, напр., «вот голодный!» – скажут «вот злой!», или вместо «человек истинно добрый» – «вот человек истинно сытый». И тут же наведут справки – нельзя ли с него что-нибудь содрать.

Часто бывает тоже большая путаница с понятиями класс или борьба, если переносить эти понятия прямо с листа из учреждения на живых людей. Сам не раз, имея высшее покровительство в государстве, как писатель, по-падал в списки лишенцев и кулаков только по тому признаку, что имею домишко в три окошка на улицу. И если, достигая какого-нибудь места, видишь, что оно занято уже хорошим человеком, то тебя успокоят и скажут: – У тебя же есть связи, гони его, не унывай, нужна борьба.

21 [Марта]. Яркий морозный день с ветерком. Полнолуние. Роскошная зимняя ночь. Удивительно, просто невероятно! С утра до ночи Ефр. Пав. ругается на власть и, казалось, такой контрреволюционерки нет другой. Но вот вчера я сказал о Леве, что ему придется поступить в партию. – И очень хоро-шо, – ответила Павловна, – я разве против? Я ругаю не-годяев, но причем тут партия? И очень хорошо, если Лева поступит, на его месте был бы негодяй, а вот честный ком-мунист будет, и сколько он добра сделает!

На полях: будущее в подсознании... проявляется в лигностях разных открытие о войне

Вы же видите, что жизнь наша бежит и не только через год или месяц, а через неделю чувствуется перемена. Между тем, кто из нас скажет о перемене вперед. Пусть скажут, что перемена зависит от такой-то группы, и все равно в этой группе знают за неделю, за месяц, а за год

86

уже никто ничего не скажет. Перемена накаплиется в людях, в личностях и находится у них в подсознательном состоянии. Личности, однако, разные, один осознает пере-мену раньше, до другого не скоро дойдет. И вот если бы свободно высказываться, хотя бы, напр., в мечтах, подоб-ных романам или стихам, то, конечно, массы скорее бы сознавали себя и жили, чем... Так было в либеральном обществе.

А в прежнем китайском «открытия» личностей счита-лись опасными и должны были проходить через совет мудрецов, которые решали, возможно ли догадку открыть для народа, или, напротив, закрыть, забыть о ней и само-му догадчику возможно скорей отрубить голову. У нас те-перь жизнь идет по-китайски, причем догадчики более и более становятся в такое положение, что по множеству недозволенного им нет никакого расчета догадываться.

Вот сейчас скопилось в людях так много «неоткрыто-го», что каждый с часу на час ждет перемену. Коммунист обыкновенно говорит о войне и разные приводит доказа-тельства, что посылают на Дальний Восток войска, про-тив Польши роют окопы и т. п. Но простые граждане в вой-ну совершенно не верят из-за того, что чувствуют великое скопление злобы и невозможность в такой обстановке на-чать войну.

22 Марта. Жаворонки пекут.

Электрический трамвай остановится один – и все оста-новятся, если кончится ток. И точно так же и быт...

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
После сильного утреннего мороза в полдень в лесу солнце...
Создалась та нейтральная морозно-солнечная чистая среда, в которой и яркая мысль, и яркое чувство порождают свои запахи. В лесу были из снега на пнях и елочках пасхи и куличи такие вкусные, что мне явственно запахло ванилью и сладостно мелькнула прелесть похороненного быта. Сегодня у нас Ефр. Пав. пробует испечь жаворонки. Я уверен, что у нее это не выйдет, не взойдет тесто или

87

сгорят. Ведь быт движется силой, подобной электричеству, один трамвай остановится – и все станут, если кончится ток; вот так и быт, если внутренняя сила, движущая его, кончилась, то никакое личное усилие его не спасет. Дорогой друг, живу так себе, стараюсь сохранить пристойность в неприличном для писателя положении. Так именно я себе представляю свое положение сравнительно, напр., с положением Максима Горького: одно неприличие! Писатель-коммунист именно должен жить под охраной фашистов и, в крайнем случае, ГПУ. Но так жить, как я, в провинции невозможно. Какая-нибудь делегатка, имеющая виды получить новые калоши, врывается в мое жилище и начинает обмеривать сотни раз обмеренную площадь, находит лишние 6 метров и предлагает добро-вольно впустить рабочего в мой кабинет (внизу для рабочего сыро). Сбудешь делегатку, явится фининспектор]. Пойдешь жаловаться. Председатель слушает и есть яблоко. – Бросьте яблоко! – крикнешь. Он отложит, но после того уж, конечно, ничего не сделает. В конце концов, измучишься и начинаешь сочинять письмо Сталину.

На полях :

– Жить хогешь?

– Хогу.

– Ну так слушай.

И опять тихо и опять:

– Побойся ты Бога!

И сказка про белого быгга: Жить хогешь...

Горький американцам: «"Насилие", как вы и "многие" понимают его – недоразумение, но чаще этого оно – ложь и клевета на рабочий класс Союза Советов и на его партию... На мой взгляд, можно говорить о принуждении».

Это из ответа Горького американцу, который пишет ему, что рабочий класс в СССР насилует крестьян. («Известия» № 81.1932 г.). Теперь это «не насилие, а принуждение» обижит всю страну и, пожалуй, будет венцом славы Максима Горького.

88

«Святые» народники, в сущности, и породили это дитя: это изнанка их «святости» явилась, т. е. изнанка (воля к власти) давно уже показывалась и так ярко осрамила Виктора Чернова (селянский министр), но в изнанке оказались тоже слои, и это вот уже самый последний слой «заподлицо». Итак, Горький – это заподлицо святых народников. Ни Ленин, ни Сталин, полагаю, не могли бы уже потому, что за «святость» никогда и не брались. Такое дитя могло родиться только среди писателей-моралистов.

Два мужика. Луна светила ярко. Лошадь шла потихонечку. В розвальнях ехали два пьяненькие мужика. Молодой научал старого чему-то потихоньку, и, когда доходил в этом научении до какой-то вероятно последней мерзости, старый как бы громко стонал:

– Побойся ты Бога, Никифор!

И молодой тоже громко ему отвечал:

– Жить хочешь? Молчание.

– Спрашиваю тебя, жить хочешь?

– Хочу.

– А хочешь, так слушай.

И снизив голос, продолжал научать до тех пор, пока старик опять не стонал.

– Побойся ты Бога.

И опять Никифор резко:

– Жить хочешь?

Луна светила ярко. Лошадь шла потихоньку. Тени домов совершенно скрывали идущих вровень с лошадью людей на тротуарах. Резкие тени на серебряном снегу обрывались на перекрестках, люди показывались на свету, один, другой, третий... не люди, а человек, один в лицах своих, шел, шел, и ему с улицы задавали вопрос:

– Жить хочешь?

– Хочу, – отвечал он и заключал свой договор на какую-то величайшую мерзость.

Свидетельницей была чистая луна.

На полях: Люди сейгас говорят, а больше молгат об одном и том же.

89

Лева начинает явно посмеиваться, когда при получении особенно резких известий о тяжести жизни я хватаюсь за возможность близкой перемены... «Сколько раз уже

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru предсказывал старик и никак не успокоится». А я на-чинаю «пророчествовать», когда до меня доходят какие-то волны общего чувства (все говорят об одном и том же, или даже молчат об одном: говорят и молчат об одном). Но все-таки верно то, что в такие моменты большевики как-то извертываются, и перемена бывает, хотя и не та. Происходит перемена не нравственная, а просто, оказы-вается, жить еще можно («вышли из положения»), и тут другая волна подкатывается, тихая, черная, узкая из ту-мана с шепотом: и царствию такому не будет конца. Вот к примеру было только что с Японской войной – вот-вот война, а теперь явно, что нет. Молодежь-то как, было, за-кипела, как захотелось на войну. Нет, успокойся, нет и не будет. И весь Китай разберут и поделят на сферы влияния, и выйдет Европа из кризиса, а мы даже и петушиться пе-рестанем.

23 Марта

Дорогой мой!

Соблазн является в виде легкости жизни, вот, напр., если это женщина, то кажется, что с этой новой женщи-ной жизнь будет легкой, и я успею с ней хорошо пожить. На самом деле, если поживешь подольше, то в иной форме выступают те же черты неминуемости, но это когда еще... Тут всегда скрывается эротика – истинная причина обмана (хочется неизведанного: своя же баба да на чужом огороде и то слаще). Змея, обновляясь, сбрасывает старую шкуру, а мужчина жену. (Керенский, Калинин, Буденный et tutti quanti).

Вчера 100 лет со дня смерти Гёте. Наши хвалили за безбожие и намекнули на мещанство личной жизни (50 лет прихлебателем у князька). Итак, «мещанство» у всех от Гёте (Веймар) до Горького (валюта). Разница: Веймар по-мог Гёте написать «Фауста», и в этом случае «мещанство»

1 et tutti quanti (итал.) – и иже с ними.

90

превращается в «землю» или «мать». А у Горького наобо-рот: Горький за валютку с возможностью жить в доме принца в Италии отдает своего «Фауста». Вот и все о ме-щанстве, кажется, нечего больше сказать.

Разве так еще: приписка: Так ли я понимаю мещанст-во: это есть... мещанство есть первенство, отданное за че-чевичную похлебку. Из этого не следует, что сама похлеб-ка есть источник мещанства. Но бывают времена такой суровой борьбы с мещанством, что одно только напоми-нание о хорошей похлебке соблазняет людей. Так вот те-перь эту роль раздражающей похлебки играют земля, природа, семья, праздники, подарки, игрушки. Дело кон-чено! быт движется силой, подобной электричеству, пре-кратится ток – не один, а все трамваи остановятся; так точно никакое личное ценное не может вернуть к разру-шенному быту с наряженной землей, доброй природой, древними праздниками, подарками. Нет, если мы после долгих странствий радостно говорим «и вот земля пока-залась!», то пусть это будет новая какая-то земля, на кото-рой все так по-новому должно устроиться, что человеку и незачем, и невозможно будет соблазняться чечевичной похлебкой.

Сказать точно, где это было так, что показалось, будто старого нет на земле ничего: нашей росы нет, нашего ту-мана, и птицы не те, и бабочки. Но и зато человека того нет, нашего, пушкинского.

Поиски неведомых стран («Колобок» и подобные пу-тешествия) эротического происхождения (манит своего рода девственность и перемена: «на чужом огороде»).

24 [Марта]. Весь день метель (перемена). Несмотря ни на что – грачи явились в малом числе, Петя видел их где-то у навоза.

Какой-то известный профессор (по рассказу Пети) у них прочитал лекцию о необходимости оздоровления людей посредством кастрации больных, подбора производите-лей с искусственным оплодотворением. Но мысли про-фессора были признаны с точки зрения построения соци-ализма контрреволюционными.

91

Кастраты духа, продавшие первенство за чечевичную похлебку.

На полях: Психология прыжка

Приходил из Педтехникума студент, еле грамотный мальчишка, прочитал несколько глав повести, запутался. Спросил его, для чего пришел. Ответил: чтобы распутать. Мотивы писания: что-то вроде прыжка из царства необ-ходимости в царство свободы; кстати, это точно прихо-дится теперь к молодежи. Между прочим, и я сам чувство-вал в себе этот прыжок, когда от агрономии перескочил в литературу.

25 Марта. «Неисчислимые безымянные карлики со-здают культуру. Гигантам эта работа служит необходимым предположением, но они, вместе с тем, убирают неизбеж-но накапливающийся мусор» (Ю. Велльгаузен «Израиль-ско-иудейск. религия»). На полях: «Только при гибели народа... он (Яхве) возвысился далеко за его пределы и стал богом геловегества и вообще вселенной... Через это возник тот вид ре-лигии, который в Новом Завете называется бого-служением в духе и истине» (Велльгаузен).

На полях: Амос – пророк социальной революции?

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Итак, необходимые предположения:

- 1) Рождающая женщина.
- 2) «Земля» в христианстве.
- 3) Веймар (и Христина) у Гёте.
- 4) Павловна у меня и мой домик в Сергиеве.
- 5) Чечевичная похлебка.
- 6) «Мещанство».

«Признак настоящих пророков (навиимов) по Иере-мии тот, что они предвещают несчастье, что они плывут против течения, и что они вопрошающим их не льстят». 28 Марта. Зима держится, но в полдень снег уже мяг-нет. У нас в Сергиеве нигде еще не видно грачей. Проводил Ник. Иван. Чувствую возрастающую ненависть к мошкаре, отравленность, проникающую до сердца. И самое сердце

92

как будто вот-вот откажется служить. Спасаться бегст-вом, или, напротив, приближаться так, чтобы приножи-валось. Решить с точки зрения чисто гигиенической.

29 Марта. Молюсь: Господи, не дай врагам погубить и эту весну мою. Чудесное солнечное время: середина окна от солнышка вытает, а вокруг легкие морозные узоры; так и день в се-редине пламенеет и показывается на дороге вода, а утром и вечером легкие прекрасные морозы...

Раскрылось из книги:

– Да не возвратится угнетенный посрамленным; ни-щий и убогий да восхвалят имя Твое. Восстань, Боже, за-щити дело Твое, вспомни вседневное поношение Твое от безумного. (Псал. 73, ст. 21)

На полях: Это продолжение книги Иова: тот переносит не-справедливость, сохраняя верность Богу, этот уси-ливает, просит отмстить, а я: прошу у Бога дать силы не простить.

Вера в Воскресение. (Конец иудейск. религии).

– Эсхатологические представления поднимаются на более высокую ступень. Выдвигается всеобщее воскре-сение мертвых, суд над всеми жившими когда-либо на свете, рай и геенна (вместо или после ада). Народ уступает место отдельной личности, будущая жизнь переносится на тот свет, на небо, и становится вечной. Этим переворотом сде-лан переход от Ветхого Завета к Новому. Иудейство подго-товило ту почву, на которой христианство сразу укрепил-ось (Ю. Велльгаузен. «Израильско-иудейская религия»).

На полях: ...но если скажем: нет Бога! то сейгас же на его мес-то явится диктатор.

А. Гарнак («Сущность христианства») говорит, что те-ория мизерабилизма (религия несчастных) может приве-сти к внешнему предверию, но ключа к пониманию рели-гии она не дает. «Впрочем, эта его претензия представляет собой лишь применение общей исторической моды, кото-рой суждено царить дольше других мод, так как по ее спо-

93

субу действительно многое темное может быть освещено. Но до сути дела представители ее не доходят, полагая вти-хомолку, что совсем и нет такой сути». На полях: Знание пригин явления не дает нам его качества.

«Чудо» не есть пригина, как думали, оно теперь отходит в область творчества качества. Что про-исходит (пригина). Как мы живем на земле (каге-ство).

Будьте как дети! Дети никогда не смешны, на-гинается смешное, когда геловек сложился и ка-кая-нибудь гертогка окостенела особенно и оста-лась в общем облике неподвижной...

День прошел, как самый большой праздник, чего стоит жизнь одного только моего окна: какими чудесными узо-рами разукрасил его мороз поутру, как от солнца протаяла сначала середка, потом исчезло все и на краях, а вечером опять заузорилося; так и весь день, как окно: в середине пламенеет воздух, плавится снег, и выступает вода на до-роге, а утром и вечером все обрамляется легко-морозны-ми зорями: день, как в раме, день, как окно в грядущее...

Один и с Богом не спасешься...

Весь город наполнился играющими мальчишками. И вероятно, так по всей нашей ровно-климатической зоне у детей праздник. Даже наш вузовец бородатый Петя при-ехал с подбитым глазом, но говорит, что и он в свою оче-редь в ответ коварно залепил в затылок мокрым снегом с такой силой, что враг покачнулся.

Глядя на бой ребят из окна, думал о смешном в челове-ке, что вот мальчишки все время хохочут, а никто из них не смешон, между тем, когда смотришь на взрослых из то-го же окна, то непременно в каждом за исключением пе-чальных и старых находишь смешное: один закостенел, выпятив грудь, у другого выдулись щеки и через это идет, как индюк, третий остановился на какой-то думе, идет и спотыкается, у иного надулся живот и так без конца. А ребята все гибкие,

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
быстрые, смеются без перерыва, а не смешны. Будьте же как дети!

94

«Заклучены ли мы беспомощно в цепь неумолимой не-избежности, или же существует Бог, восседающий у кормила мира, Бог, Чья властвующая над природой сила может быть испрашиваема и переживаема нами?» (А. Гарнак).

– Если нет, то на место Бога станет властный человек и изловит тебя, рыбку живую, сетью свободы (или на удочку, на приманку свободы) и будет ради общего дела... (Ответ некоего N)

Другой отвечает: – Бог так переменчив, что описание Его вида дает лицо, отошедшее в прошлое... Было время, когда главное в религии была личность человека, отнесенная к Богу. Теперь все мы чувствуем, что этого мало, что один и с Богом не спасешься (Проповедник Духа и не-зримых помощников).

Есть два коренных вопроса, – отчего все взялось на земле, или какая всему причина, и второй вопрос, – как мы живем и как надо жить (качество). Знание причин явления не дает нам его качества, от которого собственно мы исходили, когда задали себе вопрос «почему?» Мало-по-малу из этого детского «почему» явились наука и техника, которые вытеснили вопрос о качестве жизни (искусство). Из этого вовсе не следует, что наука «виновата». Нет, наука – не подлежащая критике сила (как солнце и ветер), но просто она ждет хозяина (как всякая сила природы). Вот в Даурии и надо представить оправдание науки и перемену хозяина.

«Они (исторические оценки) вытекают из познания, унаследованы от той долгой-долгой эпохи, когда от знания и науки ожидали всего; когда верили, что с их расширением можно объять и покрыть все потребности ума и сердца» (Гарнак).
Вожжи. Вдали поезд. Стрелочник, очень старый, вышел закрывать шлагбаум. Рабочий, тоже пожилой, везущий казенный товар на фуре, сказал: «Пропусти!» Стрелочник ответил: «Ступай!» Рабочий потянул, а вожди оборвались. Стрелочник начал хохотать, приговаривая: «Ну и вожди!» А рабочий в ответ ему: «И не говори!»

95

И когда я подошел, старик мне с хохотом: «Ну и вожди!», а рабочий вслед за ним: «И не говори!» Эти граждане смеялись над своим собственным государством.

30 Марта. Постепенно шаг за шагом солнце одолевает мороз, хотя бой идет открытый, без облаков, один на один. Под козьей горкой на свалке у навоза собрались все грачи [стаей], черным-черно. И везде в городе слышны грачиные крики у гнезд.

Они все более и более... Но и я крепну в себе. Только одному нет и с Богом спасенья. Впрочем, если правильно с Богом, то один никогда и не будешь: это те костенеют в себе, кто неправильно...

До чего все забиты! Вычитал в газете, что Халатов, ссылаясь на Ленина, объявил, что издавать надо только партийное. «А что если, подумалось, в этом собрании кто-нибудь спросил бы: "Cujusvis hominis est errare¹. Ленин был человек. Мог бы Ленин ошибаться?"» Так вот, какие бы последствия были от такого вопроса. Отсюда совершенно ясно, что революцию движет сила, подобная религии, и скорее всего той религии, которая некогда двигала воинственные племена (Бог живых – покойники в ад; личность продолжается безлично в деле своем для общины). Cujusvis Тут вопрос стоит отчасти в методе, – убеждением действовать по смыслу христианства или насилем (в плен брать). Провал христ. церкви был в допущении войны («на супротивных даруй»). И уже на эту войну стала другая война, которую Горький характеризовал «не насилем, а принуждением». Христианское «убеждение» в устах Керенского... (убеждение как слабость).

Хлысты. Психика возникновения – «Христы»: Христос живет всегда в человеке и есть для каждого возможность явиться сыном Божиим и дальше быть распятым. И вот тут тончайшее разделение: иной имеет лишь путь

¹ Cujusvis hominis est errare (лат.) – Каждому человеку свойственно ошибаться.

96

Христов, чтобы в конце мучительных колебаний умереть в надежде получить оценку себе как сыну Божию; другой (хлыст) объявляет в себе Христа, начинает свое царство и вступает в борьбу с царством другого Христа.

Как художник Фаворский ни за что ни про что полу-чил свет. Кожевников встретил своего ученика, он кончил курс педагог, техникума, а теперь, как партиец, стал в Пти-цетресте директором рабфака. Между прочим, поговори-ли об электричестве, что при настойчивом требовании Москвы Пришвину дали одну лампочку, а Григорьев до сих пор сидит с пятилинейной; что вот есть художник Фаворский, почти мировое имя, – тот даже не смеет и по-просить...

Прошло несколько дней. Художник Фаворский идет по улице и видит – рабочие ведут электричество. – Куда это? – спрашивает. – Художнику, – говорят, – Фаворскому ведем электричество.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Вышло, как в сказке арабской.

На полях: Ищу покоя – покой весь в «Отге наш».

Председатель горсовета Каширин писателей записал в списки лишенцев и кулаков, и когда нужно было во что бы ни стало достать сколько-то метров жилплощади, ему подвернулся писатель Григорьев. Правда, уплотнение разрешалось лишь добровольное, но что поделаешь: по-слал обмерить, а потом и ордер дал на вселение. Григорьев не пустил и решился на борьбу хоть до смерти. Лицо его перекошилось, щеки задергались (лицевой нерв). По-шел объясняться... Приходит, говорит. Каширин бессмысленно смотрит на него и ест яблоко. Не вытерпел Григорьев: «Бросьте яблоко!» Тот бросил, но разговор уже был плохой. А мальчишка пришел, и Каширин сразу же вычеркнул Григорьева из списка лишенцев. Выходит, что Григорьев не умел разговаривать... Но и должен же кто-то крикнуть: брось...

31 Марта. Серый, ветреный и холодный день. Почти новее не таяло.

97

Мои все братья, сын Лева теперь и множество подоб-ных и сам я в глубине души ненавижим попов (воспомина-ние – Оптину Пустынь). В чем тут дело? Почему каждого мальчишку при виде попа тянет к озорству? У Левы почти содрогание, как от змеи (в глубине и у меня), а мать, а дя-ди-купцы? Чтобы такой хороший, естественный человек переменялся к попу, нужен грех: тогда через страх, уни-ление, смирение и пр. – но вдруг может выпрямиться и послать все к черту... Никому не поверишь, если явится в рясе. Но если какой-нибудь простой огородник неожи-данно, не отрываясь от работы, начнет проповедовать ле-то Господне благоприятное... он поразит!

Вывод: надо взяться за картофель и совершенно исчез-нуть от писательства.

1 Апреля. Серый день, как вчера, но мягкий. Дорога еще держится.

Евангелие так написано, что кто по природе своей при-емлет мир, тот находит себе Христа учителем радости да-же чисто земной: нам такие люди представляют Христа и в браке, и с детьми, и в поле с лилиями; если же я скло-нен к войне и разделению небесного от земного, то всем известны слова: «не мир, но меч» и много других, несом-ненно утверждающих отречение от мира, аскетизм. К это-му разнопониманию на почве разнотурности человека присоединяется время; изменяются во времени знания, состав общества – в наше время, напр., бесполезно и даже вредно представлять Христа с чудесами вроде воскресе-ния мертвых, потому что чудеса теперь возможны только за пределами наших точных знаний. Евангелие читать на-до так, чтобы одним глазом смотреть сквозь себя на Хрис-та, а другим на современную свою повседневную жизнь (дневники писать) и на общую (газеты читать). Какой-то инстинкт вроде самосохранения оберегал меня погружаться в религиозную философию и даже просто в тонкости христианской морали; но я всегда знал, что на том месте, где у других мысль, у меня это место от-мечено чувством, вернее, просто заметкой, по которой в будущем всегда можно найти отвечающее этому чувству

98

понятие. И теперь, когда я пошел по этим заметкам, что-бы расставить соответствующие мысли, с удивлением спрашиваю себя: но почему же молчат теперь те, кто рань-ше меня все понимали...

Механизация этики, проходящей через госаппараты, к человеческой личности такая этика доходит в форме во-енного приказа, – какая же тут этика!

Аскетизм имеет только рабочую ценность, а отвлечен-ный аскетизм часто от дьявола: аскетизм рабочий должен сопровождаться великой радостью, потому что он все си-лы собирает для достижения радостной цели.

Забота (в евангельском смысле) становится поперек жизни, она уничтожает самую задушевную сторону (Гар-нак) нашего естества.

2 Апреля. Пасмурно. Мокрый снег.

Дубец вдруг оступился и покатился по лестнице, потом судороги, и кончился так же, как Кента и Нерль.

3 Апреля. Пасмурно. Мелкий снег.

Лева ночью приехал после борьбы за комнату. Послал письмо к самому. Жду чудес. Не дожусь... вот и проверим чудеса по себе.

Христос и Евангелие вне политики... Можно свидетель-ствовать о неверии, но привлекать за неверие человека неверующего нельзя. И ничего нет безумней, как навязы-вать веру. Тот, кто верит, должен о вере молчать и убеж-дать нас особенным делом, через которое мы сами пове-рим.

Христос и Евангелие в отношении политики по сущест-ву ничего не говорят, потому что на такой высоте, в таком плане и самой политики нет, но, конечно, через все планы жизни надо пройти, чтобы достигнуть высшего.

Уже по одному тому надо Евангелие, чтобы люди всех стран и всех жизненных положений, взяв эту книгу в ру-ку, могли сойтись между собой...

На полях: Понятно из практики писательства моего: нахо-дишь в муках и злобе, а делаешь так, гто как будто не было ни труда, ни злости, ни мук. И еще: все лиг-ное перевести в общее.

Нельзя идти против зла, потому гто гасто зло имеет миссию зла против зла для перемены жизни, так гто есть два зла: заднее зло и передовое.

– Верь! – Не верю. – Верь, негодяй! – Не верю. – Верь, что не веришь! – Верю. Но все-таки насильно верить нельзя и не верить, на-оборот, если будут заставлять верить, станешь не верить, и если не верить будет обязательно, то поверишь непре-менно. Так что вера обратна насилию.

Антисоциальный человек (Матвеев), физический ин-дивидуалист, заключает себя в бригаду и делается соци-альным и своеобразно приносит «пользу».

Теперь и хороший человек плохим покажется, потому что хороший в упадке злится и забыл то, что он сделал, когда был счастливым.

Кулак, осознавший себя в коммунизме: нынче нет большевиков и нет кулаков: кулак осознал себя в больше-визме и стал [совсем] как большевик.

Павловна. Слова ее редко бывают полноценными, обыкновенно слова ее как бы опыты чувственного мыш-ления: «скажу, а потом увижу – не так, и перемену». Вот почему, будучи очень умной, она часто говорила нелепо-сти и через минуту их переиначивала даже и не очень лов-ко в противоположное.

Романтизм и скепсис разные дети одного упущенного мгновенья жизни, разные дети истока, «духовной жизни». (Ненасытимость религиозного чувства. Мгновенье, кото-рое ничем не оправдывается, ни служением науке, искусству [ни] добрыми делами). Много-много подумать: недавний сон: и все ведь по-новому! Одной сказать можно, и ее нет (невысказанное – высказать = невозможность).

На полях: Романтизм – это не взять мгновенье и пытаться возместить, скептицизм – взять и увидеть «не то». Ангел упущенного мгновенья жизни.

3–4 [Апреля]. Все так же пасмурно, снег идет, тает, но не хлестко, дорога еще держится.

Левина борьба за комнату с Союзом Писателей кончи-лась тем, что предназначенную мне комнату отдали сек-ретарю ячейки. Замечательно, что на мою угрозу выйти из Союза – чуть не последовало возмущение с принятием мер (знаем мы эти меры!) и что секретарь ячейки угрожал застрелиться, если ему не дадут комнаты (с женой развел-ся), что приняли во внимание и даже отвечают: «но ведь он застрелится». Но ведь вопрос был о книге, я говорил, что Пришвину придется отказаться от литературы. Итак, пусть Пришвин не будет писателем и даже удавится, лишь бы не застрелился секретарь ячейки. Встреча: партчело-век и спецчеловек. Особенно интересно, как все, Халатов, Селиванович и др. оагеркнуто: переменились были ка-кие, когда узнавали факт [про] Пришвина, и какие стали, когда ознакомились с обстоятельством.

На полях: Обдумать: на Дальнем Востоке русские угились над китайцами и корейцами господствовать.

5 [Апреля]. Пасмурно, медленно тает. Множество гра-чей собралось в овраге под Козьей горкой и живут там, потому что на дне оврага вытаял навоз.

Волна настроений, связанных с войной и просто обыч-ным календарным предвесенним положением дел, вдруг прокатилась, и теперь еще меньше прежнего люди ждут перемен. Ряд людей, самых крепких, имевших уверен-ность в том, что они «пересидят» время «классовой борь-бы», теперь говорят: «едва ли возможно пересидеть».

Вейание (люди так глупы!)

Зависть – ненависть (люди так злы!)

(Этого сколько угодно: лезут и давят друг друга)

Наполях: Вейание. Зависть – ненависть (ударение нена, на втором слоге).

6 Апрель. Медленно тает в тумане. Завтра Благовеще-нье: переезжают.

Приезжал по делам картофеля загадочный человек Прокопий Захарыч Шпекторов. Мои говорят, будто он

жулик, а по-моему, тронутый. Впрочем, идея его помеша-тельства очень распространена между определенной груп-пой людей, читателей Нилуса, антисемитов. Они научают себя, что власть в католической церкви давным-давно за-хватили евреи и тайно руководят всем миром. С этой точ-ки зрения большевики являются лишь их слепым орудие-м. Идеяка так себе, довольно вульгарная и, скорей всего, является невольным выходом полуобразованного челове-ка из скотинного состояния, требующего причины и ви-новника. Эти люди не в состоянии представить себе, что в результате столкновения разнородных исторических сил может создаться гнусное состояние, в котором вино-ваты все и никто.

На полях: тогки две:угить или нет

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Хочу продумать свое отвращение к учительству. (Хочу не учить, а душевно беседовать, размышлять сообща и догадываться.)

В одной точке времени жизнь собирается, как электричество, происходит вспышка от соприкосновения, и это освещает срок этой жизни, и назад и вперед.

7 Апреля. Мокрый снег. Медленно тает. Воды нет в оврагах и нет проталин. А зяблики здесь, сидят на телеграфных проволоках; если же зяблики здесь, то значит, все тут и только не показываются. Вот было ночью (на 8-е) загорелся на нашей улице д. Каптерева, и то ли воды не было, то ли пожарная машина была не в порядке, разыгрался такой силы пожар, что жаворонок, притаившийся в городе от холода, принял тепло от огня за весеннее, свет от пожара за восходящее солнце, и вдруг поднялся и запел, глупенький, среди ночи.

8 Апреля. С утра дождь мелкий, а в полдень так ливанул, так разлилась наша канава, что Ив. Ив. не мог прийти и кормить кроликов, и пришлось кормить самому. Этот день и надо считать решительным в повороте от весны света к весне воды.

102

Ночью явился Лева и привез радость: по жилищному вопросу у нас вдруг победа и по всему фронту. Самое главное, что явился выход спастись от литерат. мелкоты (бюрократии).

История христианства особенно ярко представлена примером мгновенного обрастания иерархией и бюрократией всякого живого движения души. Возле малого подвига – малое число, но вот если такой подвиг, как блаж. Августина, то вырастает целый сонм благочестивых бесов. Так все на свете поднимается вверх при солнце и оттого бросает свою тень. Солнце и не знает о тени, но всякая нечисть пользуется и в тени делает свое темное дело... А у нас теперь перед всякой возможностью тени стоит очередь и топчет все, что должно подниматься для них же, для тени; вот этот табун, по-видимому, и сыграет такую же роль, как 1 нрзб и пр. – Это не союз писателей, а табун... табун писателей.

На полях: На плохой коней: Спец в процессе производства делается вредителем, администратор (хозяин) бюрократом. И так, разделенный с самого нахала ге-ловек – надвое (хозяина и работника) дробится все больше и больше до пыли, – полугается не бюрократия даже, а мелкократия (объединенная пыль).

На хороший конец: Законы и препоны разрушая, является лигность... (бл. Августин и церковь) или же инаге...

Зло исчезает, как голод: как манит поесть, когда голоден, каждое представление о хорошем куске обещает при успехе как бы жизнь вечную, полную счастливых возможностей, а поел и нет ничего, голод исчез и обман его; так, вероятно, и готовность к злу, на 90% исходящая прямо от голода. Злые все на что-нибудь голодны: иному власть нужна – пусть насытится властью... Пусть? вот в том-то и дело, что допустить невозможно... Зло надо (по социализму) через труд пропустить. (Труд – это фильтр всех алчущих и жаждущих жизни) (но как его организовать: даровитые пойдут в «спецы», бездарные в «головку»: се-редина по-прежнему – огромное большинство! – будет в обиде; ясно, что фильтр устроится таким образом, что

103

серединный человек найдет свое место и будет... (Продолжение следует)

Еще тема: Нужно ли учить людей и если да, то кто должен быть учителем?

(Соблазн это? – учить только примером, как учат ремеслу: вот вещь и вот смотрите, как я ее сделал; итак, учить это все равно что... показывать вещи в своем происхождении... непременно вещи, потому что неученый человек идей не понимает. – Не учите, а делайте: и люди на ваших вещах и на вашем примере сами научатся. (Продолжение следует)

9 Апреля. Начались просовы: дно оврагов в полевом цвете и такие же забереги. Слышал под снегом пролетающих сарычей. В Салтыковке слышали журавлей. По самому последнему пути привез Шершунович экспортный лес. Рассказывал он о старухе у Ненакова. Эта старуха до того расстроена, что постоянно говорит с чугунами и всякими хозяйствен, предметами как с живыми, причем если она в хорошем настроении, то все они у ней господа: чугуны оагеркнуто: барин, сковорода, барыня. «Ну, барин, – говорит чугуны, – вылезай!» Или о сковороде: «Ну, барыня, садись!» И так ничего без «барин» и «барыня», даже метелка: «Ну, мети, мети, барыня, чище». И топор у ней барин, и ложка, ножик, вилка, столик, тарелка, корзинка... Но только это бывает в редчайшие дни. Обыкновенно же она говорит с ними злобно, ругает, отчитывает, швыряет и даже бьет, постоянно приговаривая: «Бога забыли, ока-янные!» Особенно достается чугуны, который, вероятно, слишком велик и для старухи непосилен, с чугуна обыкновенно все и начинается, и, по всей вероятности, этот чугуны и есть у нее причина всех причин, большевик. «Нечего сказать, – [говорит] ему старуха, – довели, довели! У, окаянный, разлопался!»

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Сомнение в несомненных вещах.

Приподнятый оптимизм будущего у большевиков скрывает в себе, в своем существе пессимизм в отношении настоящего («буржуазного»): своего рода хилиазм. И вот 104

именно этот пессимизм возбуждает у каждого такого че-ловека, который без того и не задумался бы, сомнение в несомненных вещах...

«Мышиный» человек попал в сферу влияния атмосфе-ры сомнения в несомненных вещах и – от кадетов попал к славянофилам, собственно говоря, он находился на ста-дии партии мирного обновления и увидел славянофиль-ство в Китае...

Дать человеку, живущему в провинции, квартиру в Москве, в две-три комнаты с собственной кухней, – это все равно, что дикое растение пересадить с корнями в парк на удобренную землю с искусственной поливкой и защит-ными деревьями.

Издавательство кончилось тем, что пе-ред самым въездом пустили секретаря ячейки и Халатов, Селиванович и друг, должны были отступить. Тогда [на-писал] к Сталину, и тот через три дня устроил. Семь лет борьбы за комнату! И сейчас же

злоба на Союз трансфор-мировалась в сострадательное презрение: какой же этот жалкий табун, какая нищета жизни, если из-за комнаты могут забыть литературу!

11 Апреля. По морозцу под ярким солнцем ходил в «Смену». Если солнце ласкает одну и ту же щеку теплом, а снег холодом, то смущенный нос чувствует в этой чистой нейтральной среде всевозможные запахи: что бы только пахучее ни пришло в голову – сейчас же этим тут и запах-нет, ландыш – ландышем на снегу, церковь покажется – пахнет ладаном.

В дровах, прислоненных к стене, нашел целый иконо-стас, демонстративно зачеркнутый крестом из белил. Кос-тя сказал, когда я снимал уголок: «Вы себе представить не можете, сколько в народе еще есть предрассудков: даже в нашем колхозе, я не сомневаюсь, что есть верующие». Тон Кости такой, как будто христианская религия дав-ным-давно уже прошла и невежество это до того глубоко, что снова становится убедительным как правда, сказан-ная ребенком, и вина за все переходит на церковь: пало то, что должно было пасть.

105

Убеждают ли коровы в том, что колхоз этот хороший. По существу, конечно, нет, если коров много, а люди жи-вут между собой как собаки. Но было так, что мужики на-говорили, будто в этом колхозе коровы наполовину пере-дохли от бескормицы, а люди разбежались от голоду. Вот когда после того увидишь, что коровы не только целы, а их в три раза больше, чем было прошлый год, и люди в наше трудное время едят не только картошку с молоком, но и мясо, то коровы убеждают, что и жизнь в колхозе, во всяком случае, лучше жизни тех, кто злобно поносит.

С блуждающей мыслью шел я по городу и, увидев ру-чей, пробивший грудю навоза, почему-то задумался о Ло-макине: что этот пьяница истинный человек только в пья-ном виде, а доктора, жена, друзья сделали его трезвым и самым жалким существом... Так вот ручей пробил навоз, но почему же я подумал о Л., он же ничего не [пробил]. Тогда я разогнал блуждающие мысли, определился, и ока-залось, что этот ручей бежит возле самого дома Ломаки-на, изначит, топографическая действительность совершен-но самостоятельно каким-то образом [повлияла] на ход моих блуждающих мыслей. Но бывает и наоборот.

Итак, чего я добивался через Союз писателей семь лет, комнаты в Москве, необходимой мне для писания, вдруг явилось через два дня после письма к Сталину – и уже це-лая квартира! Письмо мое было такого тона, что вот-де враги, и было названо в письме, кто враги: бюрократия – враги довели до письма... тон человека гордого и с боль-шим достоинством... Словом, всякий скажет, что просьба эта о жилище скорее похожа на просьбу договора: дайте возможность жить – буду писать. И вот все так – эта квар-тира в корне изменяет направление мысленных чувств (у мыслей самые глубокие корни находятся в чувствах). Укрепленность явилась... злоба исчезла... и жажда мести... Это просто оздоровление оагеркнуто: «польза через вред»

На полях: Когда во время писания я затрудняюсь в словах и не могу [отойти] от трафаретных фраз, то шепгу

106

это устно какому-нибудь близкому геловеку и герез это полугаю дар писать дальше. 12 Апреля. Еще один золотой день безоблачный с ут-ренным морозиком. На голубом небе сегодня над городом пролетели белые чайки.

В семье «худой мир» (лучше бы «добрая ссора»). Зоя – это рохля с затаенной постоянно сверлящей обидой.

Начинаю думать, что подзаборная молитва (Господи, помоги не простить) может быть понята и христианами вот в каком смысле: человек обиженный просит Бога дать ему силы для борьбы с его обидой как с общественным злом (вроде «избави нас от лукавого»). Беру пример та-кой: Союз писателей не дает мне комнату для моей работы, которую я понимаю как работу общественную, Союз мою комнату отдает

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru своему чиновнику; эту обиду я могу мгновенно забыть, если другая организация даст мне комнату; но я не должен ее забывать и бороться с Союзом дальше не загеркнуто: за себя уже лично, а за то зло, которое делает Союз, помогая чиновникам и отвергая писателей.

«Прощение» часто бывает от эгоизма: самому стало хорошо и личное в обиде отпадает, как голодная злоба при насыщении, – наелся и «простил». Такого рода прощение часто приписывают доброте, на самом же деле это просто ленивый эгоизм, противоположное начало, одна из самых распространенных разлагающих сил старой Руси. Истинно моральный человек при обиде должен в своем личном найти обиженное неличное, «ближнего» и «мстить» за эту свою обиду в борьбе с общественным злом (словом, надо бороться не персонально с обидчиком, а с лукавым, и очеркнуто: даже как это высказано в христианской молитве: «но избави нас от лукавого», что другими словами означает: «помоги мне забыть личные обиды (отпустить должникам)» и не простить обиды, нанесенные [мною] в лице моем всем хорошим людям (обществу)»).

Христос подчеркивал в борьбе с фарисеями, что слово больше свидетельствует о внутреннем человеке, чем дело, а теперь мы постоянно говорим: ты покажи нам на деле, а не на словах...

107

13 Апреля. Еще один золотой, точь-в-точь как вчера, день. Утром по насту иди, куда хочешь. Лес, хотя и завален снегом, но весь звенит от зябликов. В Константинове же снег сбежал с полей.

С 25-го по 10 мая будто бы будет разрешена охота.

Лева ночью приехал с ордером на квартиру в 4 комнаты. Осенью переезжаем с Павловой, а Петя будет на моем месте. С квартирами у Сталина, как в арабских сказках: в самую последнюю минуту отчаяния является сам калиф и вдруг устраивает своей волей все счастье.

Разговор: – Есть ли сознательная воля за спиной наших событий? (Единственное «да» – это приверженцев сумасшедшего Нилуса). – Нет, мы послушные исполнители равнодействующей всех мировых сил...

Решено: писать Даурию как можно проще и наполнять ее «делом».

14 Апреля. С утра наволочь, после обеда несколько сумное солнце. Начались песни певчих дроздов. Затрещали рябинники. Снег медленно тает, в городе езда на санях только сторонкой, а по середине мостовой загремели колеса. Река не выходит из берегов и бесшумно спешит. Весна постепенная, но без обмана.

15 Апреля. Разрешение охоты задержалось, потому что в Москве спор идет из-за тетерева: некоторые стоят за общее разрешение, другие хотят запретить токи. Сработал «Страшный китаец». Получил согласие от Ив. Ив-а жить у нас (в подвале).

16 Апреля. День, как вчера после обеда – полусолнечный. Река бежит не спеша, слушаешь – будто на лодке быстро едешь с отличными гребцами: слышен переплеск воды, но не весел.

Жизнь человеческая («вначале бе») начинается делом и как будто слово кончает все, но сами слова не конец, а скорее мосты, соединяющие концы и начала (культуры): одно пережилось, кончилось, другое рождается, и между

108

ними слово, как мост. Мы все, напр., переходим по мосту Пушкина.

Еще я думал, что вся жизнь земная в конце концов переходит внутрь человека для того, чтобы перемениться в единстве, значит, человек на земле является как бы транс-форматором жизненной силы. Взять хотя бы этот исчезающий Жень-Шень: он настолько слился с существом человека, что уже и трудно сказать, есть ли у него что-нибудь свое. Так некогда верили в философский камень – смешно теперь! а между тем со временем и наши нынешние внутренние филос. камни точно так же будут смешны.

На полях: Чтение книг о геловегеском опыте часто бывает полезно не тем, кто открывает ваши личные недостатки, а тем – и это самое очеркнуто: главное и важное: открывает все ваши личные достоинства и дает уверенность.

Был на постройке плотины. Работают саратовские, рассказывали, что пришли сюда как в царство небесное, что там деревня 400 дворов и петуха не услышишь, все съедено.

Приезжал этот несчастный маньяк антисемит и получил от нас с Григорьевым головомойку. Вот мое горе, что не умею, не нахожусь и не смею говорить, возражать, когда что-нибудь утверждают, кричать могу, видно, нет дара «рассуждения».

Бывает, чтение книг о человеческом опыте не только, как обыкновенно, открывает глаза на свои личные ошибки в жизни, но, наоборот, утверждает вас в правильности вашего пути, – вот тут уж книга дает большую радость. Мне кажется, я нахожу эту радость в чтении и своем личном толковании Евангелия.

Начинаю понимать психологию ее представления о мне как двуличном человеке: дело

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
мое, – книги, встречи, слава – все это одно лицо приписка: очень яркое
(общественное), и другое лицо: раздражающая нехватка для нее половой силы и
вообще холодность супружеских отношений – это раз; и еще, что я-то сам как
образованный чело-

109

век (барин) в отношении ее двоюсь, люблю бар, а живу с ней. И так, в ее
представлении я человек двуличный и пустоболт. В представлении всех она великая
хозяйка, и я жив благодаря ей, но это самая большая тайна, о кото-рой и она не
знает, – что хозяйка она никуда, вечно окружена прислужками, тоже никчемными,
притом каждый шаг ее ставится мне на вид в непрерывном ворчании. Никто об этом
не знает, и даже Лева едва ли отдает себе в этом отчет. На самом деле мы
держимся вместе потому, что я соединил с ней свою мечту и моя поэтическая
ра-дость соединилась с ее земной радостью. Вот это одно, те-перь уже больше в
воспоминаниях, и удерживало меня всегда от разрыва отношений.

17 [Апреля] и 18 [Апреля]. Старое 5-е Апреля по на-родным приметам разгар
половодья.

На дворе оба дня дрызготня, с вечера заходят дожде-вые тучи, а ночью выпадает
снег, те промежуточные дни весны, оагеркнуто: когда совсем надо дома сидеть.
Сегодня лежал слой белого нового снега и таял весь день в тумане, к самому
вечеру пошел мелкий дождь и по-лучился тот хаос весны воды (половодье), когда
все птицы чужестранные летят к нам, а местные при первом утрен-нем свете спешат
на токи.

Петя о своем товарище Кирпичникове сказал, что они друг к другу похолодели: «Он
рано остался без призора и очерствел, в нем идеализма нет». Маленькие дети в
кол-хозе на меня тоже производили именно такое впечатле-ние: одеты, ходят в
парах, а почему-то нет света в глазах, как у диких деревенских детей.
Самое важное в мире – это рождение человека... Но по-чему тут нет пророков, а
только системы «воспитания», родильные дома, енгеника и т. п. Почему
единственный в мире родник счастья на земле, семья, относится к чему-то
почтенному, но... «брак – могила любви». Не потому ли, что «идеализм»,
освящающий семью, исходит не от семьи, а от тех, кто ее не имеет, не может
иметь, а хотел бы тоже счастья, как все. А потом этот подвиг в семьях пережива-

110

ют и перечвякивают. Жили-были, пережили, перечвяка-ли революцию, и опять пошел
народ наливать соком, и так стало прекрасно: яблоньку посадишь – и она твоя.
Одна волна кончилась – все уверились, что японцы кончили свое дело: отняли
Маньчжурию, а Шанхай устро-или для отвода глаз. И вдруг там около Шанхая опять
война, и у нас в Харбине белогвардейцы врываются в управ-ление КВЖД. Мы теперь
до того привыкли, поднимаясь на волну, думать, что хотя вот кажется, катастрофа
неиз-бежна, но большевики опять как-нибудь извернутся, что и в этот раз не
особенно беспокоимся, но...

Каляевка наводит на мысль, что современность нашу надо понимать как следствие
подвига тех начальных ре-волюционеров, напр., Каляева.

По апост. Павлу мир природы (падающая капля воды – упадет ведь...) после Христа
(т. е. для тех, кто живет во Христе) является нам в ином понимании... Предметы
ду-ховные, пневматические – для такого представления о природе надо быть просто
поэтом... в чем же гарантия за-крепления поэзии?

20 Апреля. Сквозь облака солнце. Ни тепло, ни холод-но. Вода медленно стекает. В
лесу большом снег хотя и рых-ло-зернистый, но глубокий, ходить нельзя. На полях
пес-трота, на опушках проталины и угревы. В городе чисто, высушено. И все-таки
откуда-то издалека приехал мужик на санях. До чего это удивительно ладно
апрельский сол-нечный луч сочетался с песней жаворонка. Кто сочетал? Поэт? Если
поэт, то какой-то поэт без слов, как почти вся-кий человек. Если поэт, то
поэтическое это началось, мо-жет быть, далеко до человека: бабочка и вошь остыли
и остались в полусне зимовать на подоконнике, а когда пришла весна света и луч
проник в окошко, бабочка поле-тела к свету и стала трепетать на стекле, а вошь
поползла в комнату, искать темноту. Дальше – больше, и так при-летел жаворонк
на свет и запел, и поэт и художник света явились в каждом земледельце...

111

Чтобы явились на свет поэзия, религия и философия, должно было явиться личное
сознание, как свет из пор-ванного электрического провода: какое-то нарушение в
об-ласти пола и явление эроса (любовь). Так что первона-чальный бог – это
Эрос...

У Розанова есть догадка о происхождении греческих богов: он предполагает, что
вначале это, как у наших хлыстов, было творчеством живых богов (хлыстовские
пророки, богородица).

Лучший вид свободы изображен в «Троице» Рублева: умная беседа о жертве с
последующим согласным реше-нием. Лично я ненавижу резкие споры (помню

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru Гершензо-на!) с умственной истерией и насилием темпераментов: это война. А свобода людей в совете: не хочешь, не можешь сказать – слушай и дождайся, когда найдет и на тебя же-лание сказать, посоветовать со своей стороны.

22 Апреля. Разрешена с 20/V–15/V охота. Утром слу-шал тетерева, вечером ждал вальдшнепа и не дождался, потому что в лесу еще мало проталин. Но дрозды поют от-четливо и прекрасно. Самая середина весны воды.

Вычитал у Розанова, что похоть в крови, значит, penis только исполнительный орган, но скопцы, создавая по-средством своей операции внутреннюю секрецию, благо-даря этому и получают свое «блаженство» (то, что у нас теперь делают для «омоложения»).

Милиционер Каляевки Гусаров предлагает ехать с ним на охоту в Нушполу 1-го Мая (через неделю). Надо бы по-ехать.

Человек за книжку в закрытый распределитель и пра-во что-нибудь представлять из себя, что-нибудь значить, отдал все, что получил от родителей, школы гуманизма, старших, родных, друзей. Он остался страшно пустым и убогим, но с пронзительным взглядом, открывающим насквозь и главного врага своего, сохранившего в себе се-бя самого, и союзника своего, человека точно такого, как сам...

112

23 Апреля. Дождь-парун (суточный самое меньшее). Вот когда половодье и санной дороге совершенный конец.

«...и вдруг станет все ясно: в скрытом виде мы уже ев-ропейская колония, мы их рабы хуже негров и отдаем им последний кусок, и всякого рода чистка, раскулачивание хлещут хуже всяких плетей и палок, – куда тем! Нам как рабам остается только эсхатология и хилязм, т. е. чаяние блаженной жизни в будущем, когда совершится Страш-ный Суд (всемирная пролетарская революция). Хоро-шенько же если углубиться в психологию раба смиренно-го и буйствующего ("сознательного"), то разницы особой между ними и нет: смиренный ждет, когда злодеев Бог по-карает, а сознательный, безбожный берет это дело на себя (так и быть должно в процессе мировой трансформации религиозного чувства от бога-факта, вне меня лежащего, до бога-духа, живущего во мне)». (Записано по словам Г. Т. С.)

– Какие факты внутреннего значения могут против-стоять такому пониманию действительности. Возьмем искусство, литературу, – где найти хоть одно признание, которому можно поверить и принять за факт, убеждающий в новом пролетарском сознании? В ближайшее время под этим углом зрения пересмотреть новую литературу, чтобы поэзия предстала образом правды: поэт правды хо-тел, одной только правды, и в свидетельство ее стала поэ-зия. Большинство хочет правды...

Итак, товарищи, я пересмотрел новую литературу и вот что скажу: большинство писателей берут перо ради прав-ды, но у них сил нет. Правда писателя должна явиться в образе поэзии, – у большинства писателей не складыва-ется поэзия; другая, меньшая часть, ищет поэзии и поль-зуется правдой жизни как материалом. Где писатели, под пером которых правда является в образе поэзии, и мы ви-дим, что за словами стоит человек, как это было у Пушки-на, Гоголя, Достоевского. Представьте себе, что один из этих писателей вздумал бы написать статью под заглави-ем: «мой путь в пролетарскую поэзию», как это сделал Луговской (убедительно, и здесь может быть и верно, а может быть и подстроено).

113

24 Апреля. Вербное.

Продолжается дождь в виде облачной сырости, все раздрызгло, везде шум воды, всюду от земли поднимается пар, тронулся березовый сок, почки надулись и пахнут. Самый центр, самая сила весны воды. Постановление ЦК доставило столько же удовольствия, сколько успех борь-бы за жилище в Москве. Наконец-то сломалась эта чека мысли и любви, всепроклятая организация мелкоты, пы-ли человеческой: какой ужас, – организованная пыль! – «Погоди радоваться, она тебе еще покажет!»

25 Апреля. Дождь продолжается.

Лева – это мать, все равно как и я – мать моя и до точ-ности.

26 Апреля. День ольхи.

С утра было пасмурно, и потом часов уже в 8 утра по-сле трехдневного дождя явилось во всем блеске солнце. Весь лес был в каплях и сиял, но самое главное, это что каждое дерево, если смотреть против солнца, курилось, прямо как будто дерево горело внутри, и это дым шел. Че-рез этот пар, насыщающий воздух, лучи солнца прямо лу-чами так и являлись. Каждый ствол был кругом и до вер-ху заткан паутиной, и на ветвях кое-где уже раскинулись паутинки-зеркальца – пауки, вероятно, только что зара-ботали, и муравьи выбрались наверх, и по муравейнику просушивались большими черными пятнами.

Это надо назвать «день ольхи», потому что у нее пол-ный расцвет и только она одна цветет. Снимал остатки той белой дороги, которая так долго остается лежать

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
на черной земле. Я нашел в лесу эту белую дорогу под водой, она и там не
растаяла...

Вечером с Павловной ходили на тягу и видели одного вальдшнепа, а тетерева с
разных сторон отзывались на чуфыканье.

Будем ждать день Ранней ивы.

Первое чувство при соприкосновении с природой – это смириться, отдаться, даже
припасть. Человек слабым

114

приходит к природе, а уходит сильным. «Новый человек» к природе относится как
завоеватель, не покоряется, а по-коряет... 1-й тип – человек-земледелец, 2-й –
промыш-ленник. 1-й – художник, 2-й – ученый. Надо помирить искусство и науку.
28 Апреля – 29 Апреля. В 2 ч. д. отправился в Дерю-зино. Вечером были с Саней на
тяге – пусто! вальдшнепа в нынешнем году почти нет. Ночью было ветрено,
тетерева токовали, был в Березняках, утром в 1/2 8 ч. вер-нулся.

1-го Мая сойдутся два праздника: рабочий и Пасха. У колхозников душа надвое:
единоличники и живут лучше, и у них праздник. У Сани полная растерянность и
укреп-ляется лишь в том, что единоличников в конце концов ликвидируют (значит,
он прав и он может, исходя из это-го, и в остальном все индивидуальное
оспаривать). Уве-рился не в справедливости существующего, а в его неми-нучести.
Несколько старух нашли нищего, и он у них стал по-пом. И вот 1-го мая хотят
бороться с рабочим праздником. Обложат их на 2000 р. – вот и конец. Практика
показала, что можно и без церкви жить. Церковь – средство дер-жать народ в
повиновении. Вот русский! ему и в голову не приходит, что церковь может быть
независимой, что дело не в церкви, а в Христе...

Маленький просвету него был, когда воскликнул: «Ну, а совесть – это сами,
правда, Христос – это сами». Но де-ло в том, что «сами» – нет уже, а есть только
«я – сам», это последнее прибежище. О, если бы в самом себе найти убеждение,
тогда было бы и «сами», но тут тени... И еще линия чисто материального,
ежедневного, вот тут неплот-но: одну корову удержали тем, что старуха не пошла в
кол-хоз, другую завели, когда вышло разрешение держать колхозникам личных коров.
А церковь? Тут одни только падающие тени прошлых веков (6 старух и нищий в роли
попа: зубы вставил и за-пел). Если бы это шло и шло, но к этим теням поставлен

115

вопрос: так 1 нрзб покажите же. И каждый вопрос от-крывает новое бессилие и
упадок, смерть, тлен, а жить хо-чется, в этом сравнении жить-быть хоть
как-нибудь, жить-плыть, хватаясь хотя бы за соломинку, и то – уже правда.
30 Апреля. Суббота (великая). В Дерюзине давно раскулачили попа, а попадья,
чтобы сохранить за собой дом, развелась с попом, и он после того перешел в
Бого-родское. Конечно, стали следить, – не ходит ли поп к по-падье, потому что
если бы удалось захватить его дома, то можно бы развод аннулировать и дом
отобрать. И раз сов-сем было удалось, видели, как вошел, но когда искали, поп
удрал. Так [подумали], а на самом деле поп во время обыс-ка лежал в куче навоза,
и это было очень остроумно, пото-му что никому в голову не пришла мысль о
навозе: все-таки поп. Церковь же без попа долго стояла без службы. В са-мое
последнее время, однако, верующие старухи нашли какого-то старого беззубого
нищего, одели его, обули, на счет общины вставили зубы и объявили попом. Теперь
старухи с беззубым нищим во главе будут звонить и петь Пасху против
государственного рабочего Мая...

В то время, когда в деле воспитания детей все силы го-сударства положены на...
странно было бы писателю по-гружаться в оагеркнуто: вопросы радости
индивиду-ального воспитания... Или, скажем, вот я, великоросс, – раз дело идет о
восстановлении национ. меньшинств, не должен ли я помолчать об интересах моей
национальнос-ти, имевшей в истории до сих пор столько преимуществ.
На полях: (притом не выгодней ли помолгать о своем языке, преданиях и сказках –
пусть всему этому радуют-ся меньшинства, а у нас зато Москва...)

Или взять себя как сложную личность, в то время как многие миллионы простейших
существ пробуют все са-моопределиться как личности – разве я могу настаивать на
особенных правах такой сложной личности.

Итак, если все взвесить, то писать, кроме как для несо-вершеннолетних, нечего...

116

На полях: Ароматное воспоминание (сегодня раскрылись пог-ки геремухи, бузины,
вгера заургали лягушки)

Путь к звероводству: комнату с поэзией, тайнами запе-реть, а в остальном все на
деловой план (разум).

Приехал молодой человек (из молодых ранний) интер-национальной наружности,
назвался очеркистом, сотруд-ником газеты «Стройка» (по фам. Аквилон, – так
назвал-ся) и задал мне вопрос: «Сейчас искренно писать нельзя, но вы пишете
искренно и вам можно верить, – что нужно для этого?» Я отвечал и много

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru беседовал, имея, конечно, в виду, что он агент. Отвечал же я в том духе, что если бы и дана была свобода писать, – все равно сами бы писате-ли не решились бы, потому что все «против» было бы и против государства. Из похода в Дерюзино. Я в 11 у. поел ухи из свежего су-дака, доставленного из Московского распределителя. По-том лег поспать, потом напился чаю и в У22-го вышел и был в пути 3 часа и все на воздухе. А когда мы сели чай пить в Дерюзине (в У26-го), Саня спрашивает: «Где вы это, Мих. Мих., свежей рыбки достали, пахнет от вас, и так хорошо!» Через 6 часов учуял от меня запах судака! Вот бы его завтра пустить на демонстрацию, чтобы шел он, как собака, с агентом и указывал пальцем на каждого, кто пасхи наелся. Да и вообще, если бы этим заняться, отби-рать чутьистых людей из деревенского люда, то непре-менно явились бы гении носа, как гении голоса – певцы, или гении слуха – музыканты, да, наверно, и не в одном только смысле практического приспособления для охоты или полицейской службы, но создалось бы особое худо-жество, обонятельная поэзия... Лева приехал.

Буду в мае собирать в Москве материалы по зверовод-ству и с помощью их придам своей книге «Даурии» чисто рациональный характер.

1 Мая. Пасха.

Влажное небо, и как будто с утра над ним происходит борьба между двумя силами, темной и светлой. Очень

117

тепло, и сказать невозможно, чем кончится борьба на вер-ху, победой солнца или дождя... Лева наелся пасхи рано и поехал в Москву доставать грузовую машину для пере-возки вещей в московскую квартиру.

Борьба рано окончилась, по великодушию своему Бог уступил и дал погоду самую прекрасную, какая только бы-вает на свете. Рабочий праздник явно использовал Пасху.

– Поздравляю с 1-м Мая! – сказал некто сидящий на лавочке. – Хотел бы с Пасхой поздравить, да нельзя. – Отчего же нельзя? – Оттого что яйца посинеют... Все почки наклюнулись, и даже шоколадные березы, если ближе подойти, все уже в зеленых крапинках. Цветет волчье лыко, и так начинаются встречи с самыми милы-ми и дорогими родными. Вальдшнепы сильно тянули. Пе-тя вечером приехал с демонстрации. Говорил, что у них как в военных лагерях, и хвалился, что дальше всех за-швырнул гранату.

Приехал П. К. Малявский. «Наша молодость!» – сказа-ла Ефр. Павл. Вспомнили и перебрали всех общих знако-мых (25 лет тому назад!). Получилась как бы расшифровка жизни, потому что все за 25 лет так или иначе реализова-лись: большинство умерли, а кто живет, то знаешь, ви-дишь насквозь его жизнь. И одна только жизнь осталась для меня нерасшифрованной. Как мучительно вспоми-нать! И вот вам ключ ко всей жизни, такой как будто инте-ресной и сложной, ключ в тайную комнату, где некогда уже совершился надо мной Страшный суд.

Вот опять весна, всюду опять парочки (кстати, у лягу-шек почему-то плохо в этом году: везде их очень мало – или рано, или погибли). А ведь такой «Страшный Суд» переживает почти каждая весталка: из-за отблеска или отражения жизни жертвует самую жизнь... Но так движет-ся, может быть, и вся культура (надо бы детей рождать, а они Бога, книги...)... И тем не менее, если ты это упустил, прозевал даже ради всей культуры, – на Страшном Суде тебя осудят. Впрочем, кажется, можно сознательно (так принято думать), нельзя прозевать. Вот распределить бы

118

людей в отношении к этому: 1) грех в упущении 2) грех в допущении.

2 Мая. Цветет ранняя ива. Начинает осина. Кукушка прилетела на голый лес. Разгар тока лягушек. Зяблик ур-чал – перед непогодой (говорят, «северница запела»).

Вальдшнепы плохо тянули. Совет Ив. Ив.: если хочешь не растирать ноги, носи шерстяной чулок на голую ногу. Пе-тя приехал, рассказывал про бешенство Соснина, – вот открытие: некто Перелешин прислал шкурку зверька для определения проф.

Огневу, и тот назвал зверька, как во-дится, именем приславшего шкурку. Это событие откры-ло, что Перелешин раньше был помещиком и сейчас жи-вет в бывшем своем имении и станция ж. д. носит имя Перелешина. Отсюда вывод, – вот каких людей прослав-ляет Огнев. И еще, на собрании студентов постановили допытать воздержавшихся при голосовании, – почему они воздержались, применяя слова тов. Сталина о гнилом ли-берализме в шести условиях.

На полях: Хитрость – это обломок мудрости и служит вме-сто ума. У сватьи хитрость при гордости – редкое соетание. У Петра хитрость с идеализмом: жи-вет огонь плохо, болтает, особенно при женщинах, и этим удовлетворяется.

На полях: Если принимать геловека, то надо принимать его не таким, как хоgetся видеть герез 1000 лет, а та-ким, как он есть. Всякая революция потому и кон-гается реакцией, гто не хоget признать гелове-ка, как он есть.

Даурия вянет. Больше всего угнетает, что если бы и раз-решили личную свободу в

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
писании, то сам бы не стал пи-сать: правда, как станешь писать, если самый процесс писания с его побуждающими мотивами является процес-сом, враждебным нынешним предпосылкам государст-венного строительства.
Первое враждебное в нем – это что писатель непре-менно говорит от себя лично и о том, что он увидел, притом говорит, не обращая внимания на лай, потому что общест-

119

во обыкновенно вначале и не может раскусить значение его слов (так было с Достоевским, Толстым).

Второе, он говорит не всем вообще и не классу, а лич-ностям, способным продолжить его личное творчество.

Третье, писатель подписывает свое имя, в то время как революция стремится на грифельной доске класса стереть все имена, соединяя дело вождей приблизительно таким же порядком, как в Библии соединяется закон Ветхий и Новый (Ленин с его нэпом теперь уже похож на Ветхий завет).

На полях: Закон революции: всякое имя, кроме имени вождя.

есть обманное имя. Угеньый. если ты хогешь сохра-нить свое имя, будь вождем масс, художник, писа-тель, музыкант и обыватель даже – все должны писать, петь, играть лишь от имени революции. И, в гастности, мой «искренний» тон, обращение к родным существам всего мира, включая растения и животных... Хорошая сторона процесса в том, гто в нем заклугается совершенная гибель эстетиз-ма, обыкновенно подменяющего собой этику и ре-лигию. Слово должно быть деловым и серьезным.

На полях: Судя по рассказам, РАПП соединял в себе все поро-ки с госуд. тожки зрения, там были и мошенники, и анархисты. То, гто в первой революции понима-лось, как сущность коммуны, теперь осуждено как «обезлигга», и я думаю, в народе это именно и воз-буждает злобу (представляется вроде того, гто коммунизм от церкви, а это новое от дьявола)

3 Мая. Холодно, ветрено с утра, вечером тепло и тихо, дождик. Петя убил 1-го вальдшнепа. Лева прислал телеграмму, – что завтра будет машина для перевоза ве-щей в Москву.

5 Мая. Вчера ночью отправлены вещи в Москву. По-слал телеграмму о деньгах издательству. Написал Горько-му о необходимости устроить Григорьева.

Погода, начиная с 1-го Мая – «майская», притом на-пряженно теплая с таящейся угрозой, хотя все замыслы, намеки обыкновенно кончаются теплыми тихими зоря-ми. Быстро все оживает, третьего дня еще стояли березки

120

только в шоколаде, вчера на почках показались зеленые хвостики, а сегодня березки уже распускаются. Нашел сморчок.

Брюсова называли «преодоленной бездарностью», на самом деле у него большой талант и еще больший иссле-довательский ум. Он, по-видимому, отнесся к таланту своему как ученый к подопытному животному: все узнал, а от кролика, живого существа, осталась одна шкурка. Как он сам говорит: могу двигаться вперед, лишь «нарушая» (а надо: – «не нарушить пришел, а исполнить»). Вот, вот, вот! я, почти невежда в сравнении с Брюсовым, поэтиче-ское насекомое перед микроскопом, в то же время имею в себе недостижимое для Брюсова, за один мой маленький рассказик истинный Судья не возьмет всего Брюсова, по-тому что он пришел нарушить, испытать, а я, ничего не нарушая, исполнить.

В настоящее время неудачу с РАППом приписывают их невежеству, и Горький постоянно твердит: «учитесь, учи-тесь!». Но что значит это «учиться»? В понятие «учиться» нашего времени входило также и «слушаться старших» (в смысле уважения культурной связи с людьми; культура нашего старого времени – это своего рода универсальная семья, в которую я, учась, вхожу с трепетом и послушани-ем).

Теперь писатель «учится» больше нашего – чего сто-ит один Шкловский!

Вчера на рассвете я был в лесу на вырубке с редкими огромными деревьями, – это были ели, сохранившие те-перь и на свободе все тяжкие следы старой борьбы за су-ществование в тесном былом лесу, сосны были тут, как пальмы, а на елях целые стороны отмерших сучьев висе-ли, торчали, спрашивали вас или рассказывали свою ис-торию. И почти каждое дерево это рычало: это дятлы за-давали свою знаменитую весеннюю барабанную трель. Бесчисленные певчие дрозды, каждый по-своему воскли-цал и вещал короткими словами, каждый повторял одно и то же: так один вещал на наш человеческий язык очень отчетливо: «две вещи, две вещи!» Другой:

«от-личаю, от-

121

личаю!» Третий: «испол-няю!» Четвертый: «про-зе-вал!» Конечно, они все вместе с дятлами, тетеревами (тетерки все время вхохтали), сарычами, зарянками и всякими птицами служили, вероятно, и им самим неведомую обед-ню, но мы, люди, в их возгласах узнавали каждый свое, и это вполне понятно: мы, люди, в родстве с ними, но за то мы и люди, чтобы в этом всеобщем родстве установить связь и

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
единство.

Лично я выбирал себе из всех звуков лесной обедни два эти восклицания: «Исполню!» и «Про-зевал». Я принимаю это «исполню» очень радостно в своей скромности, смиренности подлинном и в сознании теперь, – что я дал людям зерно растения, которое при хороших условиях может размножиться и наполнить хлебом весь мир; и пусть погибнет, но это не моя вина; я лично дал, я исполнил свое. А другой голос «прозевал» говорил мне о девушке, которая откинулась в кресле, закрыла глаза, вдруг вспыхнула и прошептала: «За такое чувство можно все отдать». А я ей читал в это время с бумажки исповедь своей любви к ней, все видел, и почему-то не смел... И так прозевал я, пропустил навсегда единственную предоставленную мне минуту блаженства в жизни самой по себе. Так было назначено мне променять жизнь свою на бумажку. И это не сознательно (то было бы еще хуже), а «за грехи» или по назначению. Вместо того остались бумажки, – мои «тру-ды». Сокровище жизни, ядро ее, зерно, ток ее электрический – все, что из огня, из света, из неба голубого, из зелени, из песен птиц – все, все решительно в этом зерне, и вместо этого бумажка с распятым автором. Смешно говорить в обществе – так ничтожно все, так я мал, но в малом этом – все мое. Бумажка – это вполне в замену, как если накоптить монету, приложить к белой бумаге и кружок вырезать: пусть монета погибнет, кружок остался, и кружок этот теперь уже есть все мое, и потому я поэт самой чистой воды, такой поэт, который в недостатке своим восхищается жизнью и раскрывает ее сладостно-прекрасные недра...
На полях: Преувелигиваю.

122

Как мне жизнь презирать, если я ее не вкусил, как мне гордиться своим талантом, если талант, или метаморфоза жизни в бумажку, был моей роковой бедой, а не следствием моей воли и сознания. В своем таланте я жил, как животное, имеющее сверх двух третий глаз: два глаза простые были проткнуты, а третий наверху глядел выше оагеркнуто: половой цели самки, цели житейского [своего] счастья... И это прекрасно и нужно для людей, только я лично желал бы иметь два зрячих глаза, как у всех людей, чем два слепых и один не для себя, а для раскрытия недр жизни.

Вот, по-моему, «буржуазией» в литературе надо называть тех писателей именно, кто возносит это свое дело превыше просто-жизни и на этом утверждает свое особенное писательское «я» и даже вступает в горделивый союз с другими такими «я» «от станка» для высшего управления жизнью... Настоящий пролетарский писатель должен чувствовать в отношении к жизни некоторую свою увешливость, и вот этих-то истинно даровитых писателей и надо поддерживать: сам он, как человек в своем личном сознании увешливый, получает поддержку на своем пути от общества и в обществе от тех же увешливых (пролетарских) людей...

Человек на земле среди животных – это прежде всего животное увешливое, восполняющее свою бедную жизнь собиранием единства мира в родстве.

Хитрость – это обломок мудрости и служит вместо ума... Вот почему хитрость имеет двойную оценку: у мудрого человека хитрость входит в состав разума, у глупого в состав его глупости. Мудрец же бесхитростный – это блаженный и бесхитростный дурак. Точно так же, как хитрость, надо оценивать и политику и дипломатию: у мудрого человека политика есть оружие мудрости, у глупого – глупости.

Есть болезнь – гипертрофия сознания, и от этой болезни идут разные мании, в том числе и литературная. Здоровый сознательный писатель должен чувствовать се-

123

бя, как человек до некоторой степени увешливый, и вот именно это сознание своего недостатка и делает его нормальным человеком. Напротив, когда человек своим писательством гордится, достигает, пролезает в ряды известности – это есть мания, или обломок гипертрофии личного сознания. Можно набрать тысячи примеров маниакальности нынешней литературы, хотя, с другой стороны, для современного писателя открывается в наших условиях и путь к здоровью: это что в литературе все-таки свободней, чем на службе, тут легче добыть себе средства существования и можно постоянно ездить, менять места и людей без всякого риска попасть в летуны, а напротив, занять положение уважаемого очеркиста. Это путь выхода из мании в жизнь, путь оздоровления и очищения литературы от самозванных поэтов и писателей.

Чудеса. Сегодня был в Карбушине, где зимой снимаю чудеса и сказки зимы. Там в березовом лесу молоденький подрост, деревца высотой от годового ребенка до трехаршинного «великана»-человека. Вот когда зимой навалит снег, все эти елочки принимают формы фантастических существ, часто воинственного даже вида, но в действительности слабых и безобидных: тронул, – снег опал, и все кончилось. Трогательно бывает смотреть на эти елочки весной, когда снег упадет с верхних ветвей, а нижние, опускаясь вместе с оседающим снегом, согнуты шатром, тогда почти каждая елочка – шатер. Бывает, к вечеру ставит теплеть, ночью до утра

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
лет теплый весенний дождь, встанешь утром – все елочки освобождены, а если снег совсем бежал, то и с брусничкой встречаешься, и тогда все елочки мне, [хорошо] знакомому и сочувствующему им человеку, кивают и говорят разом: здравствуйте. А то бы-вает не дождь, а полуденное солнце так разгорится, так подействует на снег, что он отпускает плененные ветви и не сразу, а изредка: стоишь, смотришь и вдруг там прыг-нет вверх освобожденная веточка – «здравствуйте!», там другая – «здравствуйте!», там третья... И так это хорошо вспомнить свои фантастические зимние фигурки, всегда почти грустные во сне и плену, теперь кажется, будто это не я, а Иван Царевич пришел и пробуждает спящее царство.

124

Миша пошел! За эту неделю с Мишей нечто произошло: из существа, готового отвечать на всякую ласку улыбкой, он вдруг превратился в капризного самовольника, улыб-нешся ему, а он отвернется или вдруг с криком и слезами потребует выполнить то, что ему захочется (слышу сей-час, женщина говорит: «он не плачет, а требует»). И это явилось именно после того, как он определенно стал хо-дить, пошел и потребовал. Не могу сказать, чтобы это пре-вращение было для нас приятно, своего рода большевизм.

Войны, все кровавые распри человека – есть путь к единству. Человек существует на земле вовсе не из-за се-бя, а для единства. На пути единства происходит некое кровавое смещение: зайца, напр., раньше ели лисицы, а теперь человек есть зайца, а лисицу кормит кониной.

На полях: Эту тему надо провести в дальнейшем. Петр Карлыч Малявский.

– Это Зоя Алексеевна играет на рояли? Да? Она много играет? Ах, и я когда-то играл, и у меня была своя рояль, и я хотел и мог бы стать музыкантом. В чем дело? А вот в чем. У соседки моей была худенькая девочка, она была такая прекрасная в нищете, у нее были гениальные спо-собности к музыке и, знаете? я отказался от себя, я [отдал] рояль девочке и я спас ее, понимаете – я спас девочку, она стала известной пианисткой.

П. К., конечно, все это придумал. Он такой бедный, та-кой несчастный внутри и такой маленький, такой мелкий в повседневной жизни (придирается, брюзжит, а главное, вечно ноет: хранитель музея Госзнака и учитель). Всякое общество, и особенно женское, возбуждает его к творчест-ву легенды о себе, он этим и удовлетворяется, и тут его праздники: только бы слушали, и он будет безостановоч-но говорить в идеальном духе и, большей частью, прямо излагать какую-нибудь чужую мысль, чужую книгу.

7мая. Береза цветет. Она так цветет, что как раз к это-му поспевают и самые еще младенческие клейкие и светя-щиеся на солнце листики. Осина, напротив, очень мрачно цветет, надувается как-то, цветет, а цвета нет.

125

Путру на самой маленькой траве, на каждой иголке ее висела капля росы.

8 мая. Сегодня едем с Павловной в Москву смотреть на Левино дело: жилье. Вот что мне приходило в голову в эти дни.

Куда ни пойдешь (рыбные пруды, пашня, лес, огороды, птичий трест и т. п.), везде совершена работа, и вся она сделана массой полуголодной (из Саратова за фунтик хле-ба). Все делается под страхом голодной смерти, и потому узнать себя в своих делах человек не может. Оттого писа-тель выродился в очеркиста. Все рассчитано на массового человека, который в среднем за кусок хлеба при голоде готов на все, как рыба, массой идущая в верховья рек.

На этом движении масс теперь и должен новый писа-тель (пролетарский) строить свою «идеологию», тогда как старый (Шекспир) изображает личность на фоне жи-вотной жизни масс.

На полях: рыбные пруды: Дер су.

На полях: Как имя умирает в гисле.

Осматривал карповые пруды. – Есть ли интерес к ры-бе, как в охоте с удочкой, или сетью. – Нет, карп, как сви-нья. – В чем же интерес? – В жизни воды (материал для «Новой Даурии»). Рыбаку тоже интерес в жизни воды, но чисто поэтический, а рыбоводу жизнь воды научная. Это вместе с тем есть и путь от личного дела – какое бы оно ни было прекрасное – к общественному, от случая к пра-вилу.

12 мая. Вернулись с Павловной из Москвы. Комен-дант по заселению. Гниющий быт в домиках и «[жизнь]» человека на 15 метрах с итальянским окном и тюлем. Все на тюль, оттого что он есть в кооперативах, тюль и разно-цветные колпачки на лампах. После всего-то, – какое бла-женство! Тюль, и герань, и абажурчики, – все атрибуты мещанства, а между тем после всего (преображение му-жика в рабочего, домовладельца в служащего) – совсем иное значение (герань в Москве – основа декоративного

126

цветоводства), тюль впускает свет и закрывает квартиру от глаза, тюль – это знак перехода от избы к московской квартире (полна Москва деревенских девок). Тюль –

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
это рай: тюлевый рай и деревня, городской тюлевый рай в но-вом доме в семье шофера и деревенская грязная жизнь. Жизнь раздевается (старые песни забыты, сарафаны в му-зеях, без одежды сказок и всяких заманок личного счастья труд у земли стал бессмысленным, потому что все на свете легче его). Все бегут от земли.

В зверокомбинате: как имя умирает в числе: было имя лисице в малом хозяйстве и стало ряд Г № 21й: фермер-ское звероводство. Но вообще звероводство, в заказни-ках – это другое: новые звери, нутрия, ондатра (тут инте-рес научный: мыши – в особенности).

У Тальникова. Слушал критику РАППа из его уст (меньшевистских) и думал: «А может быть, РАПП идет по верному пути, вот хотя бы низвержение формалистов...»

Говорят, в новом союзе писателей (без РАППа) Горького облепили мелкота и подхалимы, и выйдет еще почище РАППа. Конечно! Это вот если бы все перевернуть, а то прическа на другую сторону, было а 1а РАПП, а теперь а 1а М. Горький. Вот бы так перевернуть жизнь, чтобы голе-настоящая сов-полудева уступила в почете место деревенской бабе, тогда и прическа бы переменялась: аборт или роды? мы сейчас на аборт рассчитаны, а если бы переключились на роды, то в литературе само собой произошла бы пере-мена. Надо всю жизнь так устроить, чтобы в конце ее пи-сатель и всякий художник стали собственниками своего восприятия. А тут что происходит? Я получил впечатление от жизни, положим, в каком-нибудь новом заселяющемся доме. Это впечатление было от обилия тюля на больших современных тройных (италь-янских) окнах, и это впечатление от тюля непосредствен-но переходило в мысль о разумности, чистоте и легкости городской жизни сравнительно с деревенской, вслед за этим звено за звено цеплялся ряд мыслей о том, что землю бросают из-за легкости индустриальной работы и человек,

127

бросивший землю, к ней не вернется, что и женщина тоже, узнав прелесть многожества с абортами и [родами], не захочет рожать и чистить навоз, что для оздоровления жизни всей необходимо... и так далее. Все эти волнующие мысли в дальнейшем, ища завершения, непременно встре-тили бы образ и явился бы сюжет из самой жизни. Теперь нет – вслед за первым восприятием и первыми звеньями робких мыслей является сомнение в возможности напи-сать и поворот на генеральность линии мыслей. По хам-ству человека или по закону приспособления тот же тюль переиначивается в «достижение»: были грязь, мужик, вши, вонь, матерное слово, и вот тюль, и цветы, и герань... И так я о том умолчал, потому что я не хозяин своего вос-приятия. Но случилось, я в тот же день прочитал в «Прав-де» о катастрофе с животноводством 2 нрзб. как хозяин и одиноличник: тут явилось у меня, что, пожалуй, можно будет написать и по первому своему восприятию. Как прикажут... И каждая попытка писать нравственно разру-шит писателя.

Освобождение писателей от РАППа похоже на осво-бождение крестьян от крепостной зависимости и тоже без земли: свобода признана, а пахать негде, и ничего не по-пишешь при этой свободе. Но так не надо понимать, что нет бумаги, или не печатают. Земля писателя не в бумаге и не в праве писать о том или другом. Земля писателя и всякого художника в твердой уверенности... его собст-венной личности: как крестьянину для его работы нет на-добности считаться с движением или неподвижностью земли, так и писателю его личное восприятие...

15 Мая. Вчера в последний раз ходил на тягу. Очень сильно пахнет березовым листом, и на солнце всякий зе-лennyй клейкий лист блестит, как стальной. Осина еще в коричневых листьях (сережки у нее тоже сначала быва-ют темными, и потом особенно красивые темно-зеленые). Комары начались. Весь вечер наблюдал, как дятел дает на весь лес свою барабанную трель, ударит и оглядывается во все стороны, замрет и еще ударит, и так множество раз.

128

Прилетел другой, сел на самую верхушку и, озаренный солнцем, стал часто пищать, вот он пищал, пищал так су-етливо, и задорно, потом улетел. А первый дятел продол-жал рычать на том же самом месте. Вдали спорили между собой кукушки, которая перекричит. Ястребок пропищал своим тонким голосом. Вышла очень холодная, строгая заря, и это моя старинная примета, что когда зацветает черемуха, непременно бывает холодно. Певчие дрозды, вероятно, боятся холода, почти совсем не пели, но под послед не выдержали и пели очень хорошо, и я слушал их до последнего.

Когда солнце садилось, я думал, что вот и моя жизнь садится, кончается, но когда оно село действительно, яви-лась заря, и на заре жизнь моя продолжалась, и вот начали птицы стихать одна за одной, перестал барабанить дятел, кукушки успокоились, под конец сильно взялись певчие дрозды, проплыл над лесом вальдшнеп – хор-хор! и вслед за тем весь хор дроздов затих постепенно. Когда совсем стемнело, последний какой-то дрозденек во сне отчетли-во пропищал: «Покойной ночи, хозяин Михайло Михай-лович!» Нет, и тут жизнь моя не кончилась: явились

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru над малинником звезды, а с левой руки из темного большого леса сверкала между стволами половина луны. Нет, конечно, самому сильному, мудрому и прекрасному человеку можно достигнуть такого чувства жизни, такого сильного, чтобы смотреть на все, как я сейчас смотрю и вижу свет через тесные стволы бора: так надо умудриться смотреть за стволы человеков, прежде всего через себя самого и своих ближних. Бессмертие человека существует как самое сильное чувство жизни. Страх смерти – это упадок, аскетизм – борьба за жизнь. И так поневоле, как хочешь, так и думай, но жизнь приходится складывать непременно надвое: тяжелую борьбу свою, пока не победишь, оставлять для себя и хранить как тайну: правда, кому нужно это знать, всякий борется по-своему. Но победы надо знать всем. Так вот все эти весенние песни птиц, и заря, и звезды, и луна – все это этапы побед человека. Хорошо!

129

Кому нужны мои слабости? Я их храню про себя и стараюсь подальше спрятаться от людей, чтобы они, подсмотрев меня в слабую минуту, не поспешили сделать вывод. Я прячусь от них до победы и, когда выйдет у меня, то и я выхожу и звоню: победа! победа! И если я слышу, другой тоже поет, и третий, я радуюсь и все радуются, и у нас хор.

Зачем вы стремитесь войти черным ходом в мою кухню? Вы хотите перенять у меня то, к чему я приведен.

Если мне хорошо, то и все хорошо, а если плохо, то и все плохо. Значит, надо, чтобы человек чувствовал себя по возможности хорошо и по хорошему судил других, а не по слабости. Вот женщина, ведь каждая женщина с какой-то точки своей прекрасна: есть такая точка! и есть так, что можно с какой-то точки всякую женщину размотать как зло. Где же правда? Тут нет вопроса, а вот где вопрос, – как устроить свою жизнь, чтобы неизменно смотреть по хорошему и в то же время понимать и ясно чувствовать всю ту бездну горя, через которую проносишь хорошую весть... Необходимость подвига (только не по книге, хотя бы самой священной, а в своем собственном дне и по себе). Нужна для подвига память (забываться нужно, но нельзя забывать и пропускать жизнь).

На полях: Этика у разных народов и классов разная, но и поэзия разная... Есть у писателей этика, без нее писатель только эстет. У русских поэтов главным образом этика давала материал для поэзии: в совершенной гармонии выступает это у Пушкина, а Толстой, Гоголь, Достоевский [сильны] этикой и в борьбе за красоту как бы рассыпают звезды над пропастью геловегеской жизни.

Революция зовет к делу, поэзия – к звездам – как согнать одно с другим? Душа рвется, [раздирается] на гasti, кровь бежит. И вот здесь пятно крови, а там рядом зеленая пахугая трава. Я на траву смотрю, сам весь в крови, и сохраняю в травке этой для всех людей будущее, погибая на поле сражения, умирая, смотрю на звезду и гerez себя, гerez боль встречаю друга и пишу ему о звезде.

Но разве можно это сделать методом, или пройти по герному ходу к поэту на кухню, узнать

130

его секреты и варить себе суп и славу революции по генеральной линии?

План в городе:

1) Быть везде, все видеть и не покидать пустыни, чтобы не сорваться и не отдать первенство за чечевичную похлебку.

2) Строгая работа над книгой по строгому плану дать звероводство...

Паек, домик в Загорске и квартира в Москве, все очень хорошо сходится, но это личное достижение уже достаточно, чтобы приглушить то острое чувство связи с болью народа... Растворить притупленность возможно лишь большой работой над книгой.

Ошибаюсь ли я? Мне так чужется, будто сталинская революция стукнулась в тупик и начала ослабевать: сталь и чугун задавили жизнь, вместо мяса – на чугун.

Вчера читал о Гапоне и Азефе... и думал, что подлецов и мошенников гораздо выгодней пускать в купцы, чем в политики. Каждый самый отъявленный негодяй в тор-говле отводит себе душу в увлечении «делом» и через то часто бывает полезен, но политик приставлен непосредственно к человеку, и зло власти тут действует без буфера «дела» (конечно, это надо обдумать со всех сторон).

16 Мая. Цветет черемуха. Листья осины только-только вышли из младенческой темной окраски в зеленую и уже качаются по-осиньему на своих череночках очень тонких; только эти нежные листики еще не шепчутся, как малень-кие дети, когда начинают ходить, а говорить не могут.

Получил ответ Горького на мою просьбу дела и пайка С. Т. Григорьеву.

Петя на июнь-июль назначен в Пушкино по соболям. Согласно с этим и моя работа [связывается с] Пушкиным с июня, а в мае надо в Зоопарк.

Все мы знаем очень хорошо о внутреннем содержании физического человека, и это знание почему-то не мешает

131

нам восхищаться красивым лицом так сильно, что это восхищение в стихах, картинах, музыке переживает иногда, не теряя свежести, целые столетия и даже тысячелетия!

Но почему же знание законов природы часто отнимает охоту смотреть на природу с лица, и поэзия природы как будто глазу боится, предпочитая суеверие древних волшебников знанию? оагеркнуто: это раз, и второе, что знание, в свою очередь, привыкает смотреть на поэзию природы не как на силу, а как на занятие для отдыха и развлечения. Эта братоубийственная война науки с искусством не в наши дни началась, а много столетий тому назад

Позвольте же мне с этого начать книгу о звероводстве, и тем быть в полном соответствии с самим собой, потому что мое заветное желание сохранить поэзию природы приписка: показать торжествующее лицо жизни в соответствии с научным знанием.

Знание в борьбе с религией обыкновенно задевает искусство.

Вот поколение моих времен было воспитано на следопытах, героях американских романов – «индейцах». Мы из-за них бежали в Америку. И так писали до сих пор, хотя давно бы пора первобытного следопыта в этих романах заменить современным следопытом, 3 нрзб. от природы и вооруженным всей силой современного знания законов природы. [Таких] как Арсеньев «В дебрях Уссурийского края», к сожалению...

20 Мая. В среду приехал в Москву. Начал хорошо работать. Погода стоит все еще очень прохладная. Цветут в Москве яблони. Сегодня с утра что-то молчат аэропланы, вероятно, и у них это выходной день.

В состав понятия этики входит сила (причина происхождения: «падающего толкни»), эта «сила» есть способность защищать свою нравственную мысль: когда интеллигенция пала, то у большевиков была только эта «сила», и она насильствовала: и потом из этой «силы» должно (?) вырасти все то, что пало.

132

Не искусство пало, а этика. Сила русского искусства была в этике.

«РАППы» были ужасны тем, что ограничивали поле художественных исканий почти до запрещения. Они прекращали художественные искания, заранее предрешая их результаты.

Женщина с носом. Если бы у нее нос вырос как-нибудь потом, то она, сохранив уверенность в своей [женской] привлекательности, как-нибудь бы затушевала влияние носа. Но беда, что нос явился раньше всего, и по носу сложилось все [несчастное] серое существо...

Свет дает нам видимость мира, но сам себя свет, вероятно, не видит, как мы, живые существа, живя, не можем объяснить себе жизнь.

На полях :

Всюдность жизни. Белка.

Олень и оводы. 18 герных соболей.

22 [Мая]. Был вечером у Реформатских (Надежда Ба-сил., Александр Александрович). Читал начало «Даурии». И вот тут было мне что-то вроде упрека за те места, которые открывали критикам удар в малосоветское место. Вообще задача писателя теперь такая, чтобы стоять для всей видимости на советской позиции и в то же время не расходиться с собой и не заключать компромиссы с мерзавцами. На этом пути создается абсолютно корректный чиновник. Глубокий же спрос времени – это на искренне исповедующего революционную веру человека, побивающего ма-рателей революции их же оружием. Нет, вероятней всего, они просто хотят игры...

23 [Мая]. После обеда сильная гроза. Аэропланы, не обращая внимания на бурю, летали против ветра...

24 [Мая]. Ложные гипотезы впоследствии бывают полезны тем, что в ошибках вскрывают истинные побуди-

133

тельные мотивы их создания. Так вот в 60-х годах свирепствовало механистическое мировоззрение и было обязательно для каждого передового студента, как «нет бога кроме Аллаха» для магометанина. Теперь наука отвергла гипотезу происхождения живого существа просто из «зем-ли», но зато прежнее верование перекинулось на строение общества, и происхождение личности из «масс» объясняется почти как происхождение живого существа из неорганической среды. Отсюда понятно, почему именно механистическое мировоззрение в 60-х годах считалось революционным: оно подготовляло марксизм.

25 Мая. На полях: Купить: чернила, конверты (по ходу). Зоопарк. Обед. Замошкин. Военохотсоюз. Зверо-вод.

27 Мая. Фиса и Маруся, Фиса работает, Маруся кончается 7-милетку и готовится на делопроизводителя. – Я выходная!

Проститутки и поклонение женщине (сознание своей силы, власти...)

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Женщина в акте зачинает, и ее половой орган есть На-чало, а мужчина в акте
кончает, и у него Конец. Итак, эти вещи правильно называть надо начала и концы.
Прежде всего, конечно, исторический момент в его де-ловом осуществлении, так
сказать, деловой императив, формирует по-новому приписка: самый тип человека
СССР похожим на американцам с другой стороны, под давлением этого и сам человек
присматривается к другим, замечает, у кого лучше выходит, и сам подражает (это
я, спускаясь по лесенке в отхожее место, подумал о шедшем впереди меня, видно,
недавно бывшем деревенском чело-веке, но теперь одетом по-городскому и, главное,
внутрен-но каком-то важном и крепком, – этот не допустит, чтобы на него наседали
или на ногу наступали).

Милиционеры похожи на иностранцев и даже на ка-ких-то завоевателей...

Слепой летчик...

134

Организации по охране дикого зверя

1) Зоопарки 2) Заповедники 3) Охотпром. биостанции 4) Видовые запуски 5)
Заказники 6) Общества охраны природы 7) Общества краеведов 8) Опытные
доместика-ции на зоофермах (ондатра, нутрия)

Лисиц доморощенных выпускать нельзя: они ночью спят, а днем гуляют.

Простота жизни животных в Зоопарке и параллельно людей, наводнивших Москву.

28 [Мая]. Великолепнейший день. В Зоопарке пара крякв прижилась в вольере
лосенка, и вот сегодня откуда-то взялся селезень, быстро летел он над головами
детской экскурсии, между черными стволами в аллее под тяжелы-ми кронами, пересек
выгул пятнистых оленей, маралов и потом... очевидно, зная, [пролетел прямо] над
большим лосем и так низко над ланями, что они чуть не шарахну-лись, а потом
прямо пал на утку, потоптал ее и улетел. После того оба супруга, как [ни в чем
не бывало, подня-лись] и пошли, переваливаясь и побраниваясь... Селезень-боец в
это время возвратился на утиный пруд...

Разговор возле антилоп: а мясные... (эта простота лю-дей... именно простота их в
зоопарке, вся простота на фоне простоты жизни животных)

Бюллетени. Страус гонялся за страусом и первая лама смотрела на них
встревоженно. Черепаха-забияка дралась (день прекрасный), пока ее не опрокинули.
Комитет по охране природы. Зоопарк, ближайший Московскому, Казанский,
Свердловский, Тифлисский, маленький Вологодский, Омский.

Писать автобиографию, как вы просите, я не могу, по-тому что использую ее
постоянно в таких своих сочине-ниях вроде романа «Кашеева цепь», «Охота за
счастьем» и др. и после такого большого преломления трудно воз-вращаться к
первоначальным фактам. приписка: Из мо-их произведений автобиографических вы
знаете, что са-мое острое. Что касается оагеркнуто: моего отношения к революции
влияния революции на мое писательство,

135

то она бы повлияла благоприятно, и безмерно лучшая часть моих сочинений написана
после Октября. Что каса-ется революции эпохи господства РАППа в литературе, то
об этом очень затрудняюсь что-либо сказать, т. к. не со-брался еще с силами
после оагеркнуто: ее чувствитель-ных и не освоил всего ее значения, опасаясь
делать за-ключение.

Мое переживание революции было несколько раньше [реального] ее наступления, и
тоже можно догадаться из этих сочинений, что биографически случилось так, что
революция застала меня как художника слова за художест-венным освоением
биографического... Создалась тревога, которая в конце концов привела к написанию
большого и трудного во всех [отношениях] романа «Кашеева Цепь».

Что касается той литературы, которая делается не всем человеком, а в
значительной степени мастером, который... то к этим [можно прибавить] мои
краеведческие работы, из которых известны «Башмаки»... и множество отвечаю-щих
времени произведений, которые раньше я называл очерками, но ввиду 2 нрзб.
бездумного, [теперь] начал называть «поэмами» («Девятая ель» и др.).

Меня очень смущает [смысл] времени, прошедшего под господством Раппа. Я был так
наивен, что жил веруя, буд-то я самый настоящий подлинный писатель – [художник],
который в [произведениях утверждает] существом своим врожденные всем [качества,
противоположные] мещанст-ву, буржуазии. И для меня было совсем неожиданно, что
такой, как я, истинно пролетарский писатель... В этом не-доумении я писать не
мог ничего органического, но в по-следнее время решил [оставить] свою природу и
теперь ишу [материалы] будущего: очеркисты, газетчики... [мно-го будет] но
писатель, который синтезирует в себе...

31 Мая. Мы, люди передовые, только потому и про-двигаемся вперед, что к этому
подготовлены предками (слова для варваров).

В «Нов. Мире» помещен рассказ Сергеева-Ценского и статья к 30-тилетию его
литературной деятельности.

136

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Статья эта шельмующая. N. N. заметил редактору, удобно ли по поводу 30-летия помещать такую статью, а редактор на это ответил, что Горький считает его за вредного нам человека. Давно ли тот же Горький писал Р. Роллану, что во главе современной литературы идут Ценский и Пришвин.

Слышал, что Ценский целую неделю добивался свидания с Горьким, и когда обозленный (платил за номер в день по 20 р.), наконец, сошелся с ним, то разговор был та-кой; Горький: – Вы пессимист. Ценский: – Вы оптимист. Интеллигенция как сила антигосударственная кончи-лась совершенно, сохранилась некоторая степень протес-та, но не принудительного характера, и постановление ЦК о едином союзе (верноподданных) писателей уничтожает и этот протест. Теперь еще нужно некоторое время для за-бвения...

Постановление ЦК рассчитано не на подъем интелли-генции, а на ее бессилие.
1 июня. На ближайшее рассмотрение: 1) в две недели получить собаку и сейчас же узнать о военном охотничь-ем обществе.

2 июня. Холода и дожди. До 15-го июня закончить 4 листа «Даурии». (Даурия. Путешествие). С 15-го по 1 ав-густа = 1 У2 месяца закончить вторую часть «Даурии».

3 июня. Можно пользоваться любой вещью с успехом, совершенно не понимая ее, как пользуются массы людей электричеством или радио; впрочем, не всякая вещь име-ет начало в сознании, мы ничего, напр., не знаем о проис-хождении жизни, что же это? Или есть какой-нибудь на-чинатель жизни с высшим, чем наше, сознанием? Или, быть может, просто мы же люди [правильно] всё начали, а потом, понижаясь сознанием, забыли надолго... и еще так может быть, что какой-нибудь великий мор всю жизнь погубил на земле, и так она выпала из сферы мирового со-знания совсем; и когда постепенно опять стала создавать-

137

ся жизнь, то нам, новым людям, старое человеческое дело представилось божьим. Социалистическая маскировка достигла самого высо-кого совершенства, и много людей (из простых) веруют в это все (включая мощи Ильича), как надлежит веровать стадному существу (ведь человек это все, стадность тоже присуща ему). Тезис – приписка: зависит от себя, и можно тезис и антитезис методически разрабатывать, углубляя до бес-конечности, и даже можно индивидуально пользоваться выводом из сопоставления их, и еще больше, – можно и довольствоваться этими частными, как делают индиви-дуалисты, выводами. Но полный органический синтез зависит не от одного себя, этот синтез подготовлен всей совокупностью условий жизни общества и действует на личность как социальный заказ. Скажу больше: самая личность рождается и вырастает в процессе этого синтеза. И мы должны условиться в терминах приписка: опреде-лениях: индивидуальностью будем называть порождение частного интереса, а личностью – интереса общественно-го. Так, напр., можно сказать «юридическая личность» и нельзя сказать «юридическая индивидуальность».

Маскировка социальным заказом – это обычное явле-ние современности и, что самое страшное, маскируется в социальный заказ и действует подобно категорическому императиву стадность человеческая, та самая стадность, которая создает кошмарные давящие веками человечест-во легенды... Вот на Ценского теперь несомненно навали-вается этот кошмар, которому он противопоставлял всег-да через свою трепещущую индивидуальность личность человека. Так часто бывает: то, чего боишься, к тому в ла-пы и попадаешь.

Когда не только напишется хорошо, но и вообще вый-дет в любом деле какая-нибудь удача и все кругом гово-рят: «вот хорошо!» – мне лично всегда приписка: часто бывает так, что я немного обманываю, принимая похвалу целиком на себя, потому что все самое хорошее всегда вы-

138

ходило у меня легко и до того случайно, что всю похвалу целиком принимать приписка: как мастеру по-настоя-щему не следовало бы... И я думаю, это раздваивание вся-кого творящего что-нибудь новое надвое в оценке и на-граде: «за труд» и «за счастье» очень похоже на состав земельного дохода в капиталистическом обществе: счас-тье таланта совершенно то же самое, что рента, получае-мая без труда.

Может ли удовлетворить эта «рента» здоровое и боль-шое самолюбие? Нет, лишь тогда я буду доволен вполне, если у меня будет полное сознание, что данную вещь сде-лал «я сам». Вот я и работаю, вот я ищу мучительно, и вдруг оно «выйдет» как бы не от меня, и тогда меня хвалят, а я пользуюсь этой похвалой исключительно чтобы дальше искать и мучиться, и вот это искание и мучение есть имен-но то, что отделяет меня от природной [составляющей] моего счастья, моя индивидуальность, есть личность, в фо-кусе которой собираются лучи социального оагеркнуто: заказа поручения.

Так похвала за «удачные» вещи открывает мне путь для разделения индивидуальности

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru и личности. И еще вот тоже стыд.

На полях: Еще и так бывает очень гасто у критиков оагерк-нито: политиков, гто, догадываясь о несуществующем, на художественное произведение они смот-рят тупо в упор [как] на слугайную вещь и оценивают ее по внешнему виду. Положим, какой-нибудь автор пишет про аэроплан, и они говорят: вот хорошо, [такой] автор полезен [как] аэроплан. Но если я только благодаря аэроплану понял прелесть тон-кого птигьего пера, по-новому взглянул на птицу и пишу о птице, скрывая первоначальный мой вос-торг и поет перед аэропланом, осветившим мне знаение птицы, то я какой-нибудь врун-биоло-гист... индивидуалист... На самом же деле именно по силе остроты вос-приятия природы надо судить об убеждениях ав-тора, потому гто только...

5 июня. Ездил к себе на свои именины. Пил воздух у Троицы. Все хорошо, нет реки. Но если бы река была, воздуха бы не было такого: на реке были бы фабрики.

139

Аэропланы обратили внимание многих людей, непри-частных к эстетике, на птиц: только при аэропланах стала понятна прелесть неслышного, свободного полета птиц, их перьев... А еще на аэроплане сидит человек точно так же, как я за столом, т. е. со всем своим человеческим доб-ром, а как чувствует себя птица, нам неизвестно.

Лев Тихомиров бежал от нереальности революции к самой жизни и, я думаю, эта «жизнь» (Суворин и пра-вые) тоже была для него нереальна (должна бы, по край-ней мере...), вот променял «кукушку» на... Распутина... Тут ужасно в его положении было, что не то, так вот это, из одной политики в другую, а надо было просто жить, как все, без особенной политики, в своей самости почувство-вать реально мир, а потом можно бы и вернуться... У меня относительно политики так было: «это само делается». Последняя реальность, молекула мира – это личность, которая вырастает на основе чувства «я – сам», в этом все различие между людьми: нереально-влекомые и действую-щие.

Тайный мир: сам с собой и механическое оформление извне.

11 июня. В. П. – существо случайное, подавшее повод для процесса понимания жизни или для утверждения мо-его нематериального существа (без нее бы как-то не по-сметь). (Отсюда происходит «Прекрасная Дама», непороч-ное зачатие и проч.); этот процесс, истребляющий посылки стадного общеинтеллигентского социализма, порождая-щий личность, самость. Художник должен обладать такой личностью, и тем он противопоставлен соц. материализ-му. В. П. была моей жертвой, но не я. В. П. – дама с секретом; я угадываю: ненормальная сексуальность, сдерживаемая всеми силами; это желание переходит в ненормальность. Для таких дам (и есть муж-чины такие) дом свиданий с психиатрическим надзором: возможность легкого излечения.

12 июня. какое прекрасное утро! чувствую, будто го-лубь жизни радостно трепещет в груди, и оттого очень хо-

140

чется собрать к большому столу много приятных людей, рассказывать им, слушать, и особенно вместе запеть. Но нет этого, невозможно собрать, и вот вместо всего хора я сочиняю один у себя за столом и, конечно, тружусь, из-за желания быть вместе с людьми.

Никогда не делать ничего «на слабых вожжах» («в за-пас»).

Сейчас приходится делать карьеру в третий раз, и нуж-но очень остерегаться избытка почета: сейчас место пи-сателя-вождя пусто, его ничего не стоит занять. Надо суметь продвинуть себя насколько соответствует делу и остаться на прежней позиции человека, не ищущего власти, а удовлетворенного своим делом.

14 июня. 1) Отдать 100 р. за собаку. 2) Поручение.

Наполях: [короткое] гутье, светлый глаз, мраморный нос и бульдожья гелюсть – все признаки вырождения.

То время, когда подступает к самому сердцу реаль-ность... я и до сих пор остался поэтом этой реальности... и она противопоставлена социальному (нереальности, не-живому). Но это я про тот социализм, а что теперь у нас? Государство – это во-первых. 2-е: государство, растущее не из себя: государство – эхо... Государство не для себя. Государство – орудие, т. е., я хочу сказать: не нами это на-чато и понято будет вне нас... в связи...

Когда мне хорошо, то я никогда не забываю благода-рить кого-то и прославлять его от всей души, и вот за это, когда я в несчастье, мне уже не надо унижаться и просить о чем-нибудь Бога: помощь мне дается сама собой, и я обыкновенно замираю, как куколка на зиму, и жду, без просьб и молитвы, всегда уверенный, что если только до-живу, то будет непременно опять хорошо, и как только это случится, получшеет, то сразу же я и начинаю свое: тебя Бога хвалим!

141

Подвал.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
– А все-таки я где-то в самой глубине чувствую в себе прямо тупую точку совести, где нет ответа, и я просто боюсь, что какой-нибудь просто мальчишеский этический вопрос придется на эту точку, и я ничего не скажу. Диво б хоть речь шла о чем-нибудь неразрешимом – нет же! просто окажется моя отсталость в чувстве человека (это было у меня всегда, и в то же время чувство закрытого моего же подвала, где есть все. Подвал этот временно открывається...)

17 [Июня]. Выехал из Москвы в Сергиев с собакой «Кашей».

18 [Июня]. Пробовал собаку. Кашей понравился.

19 [Июня]. Троица. «Смешанный человек» (партиец из троцкистов = советский либерал: сущность всех либералов в том, что они говорят, но не делают, другие за них делают и с позором их отменяют). Либеральная природа троцкизма (процветание наук и искусств).

«Партийный кулак» – сын деревенского кулака, но тот, имея потребительский идеал, участвует и в производстве (часто первый работник в селе), этот исключительно потребительский тип и даже если кому-нибудь поможет, то исключительно за счет казны.

Эти «кулаки» очень организованы, действуют везде шайками, у них перед позицией тыл, есть куда отступить. Наш «красный профессор» С. – этот тип, в один год прославился от Москвы до Владивостока.

Все либералы полезны своей критикой, но оагеркнуто: у них не может быть цельной идеи, потому что в глубине своей исходят из личного мотива (напр., Голицын потому сделался либералом, что... И так же любой троцкист).

Две точки зрения: 1) Создание нового зверя (Зооферма, Звероводчество и проч.)

2) Поиски профессоров. Находка Зоопарка.

142

22 Июня. Утром возвратился в Москву. Мое главное понимание жизни за эти дни сосредоточилось на мысли, что мужики одолели большевиков: кулак, вернее, сын кулака составляет главную массу партии, и Москва – это деревня по человеческому своему составу...

23 Июня. Когда теперь услышишь, что вот такого-то ученого или писателя «разъяснили» и он через это вдруг потерял свой авторитет, то замечательно равнодушие его друзей, и часто сам бываешь недоволен собой: знаешь, что это «разъяснение» просто разбой, а между тем чувствуешь себя даже под влиянием. Это происходит от стадности нашей, мы рады примкнуть, когда перевозносят кого-нибудь, и кажется в то время, будто мы тоже имеем в этом свое убеждение, но когда вдруг «разъяснят», мы изменяем авторитету именно потому, что примыкали по стадности.

Старый цыган, левый карман почему-то зашит.

Встретил на Кузнецком Чулкова и Фаворского. Рассказывали друг другу анекдоты, фаворский сказал, что их бывш. 1 нрзб. тоже деревенско-кулацкого происхождения. Теперешнее унижение их он считает временным. – Но скука, – ответил я, – это характерно перед какой-то переменной. – Ну да, и я говорю к тому, что как сейчас – это временное...

Борьба за средства существования без искоренения существа человека возможна лишь до некоторого предела (лица крестьян и рабочих).

За обедом в доме Печати встретила Нина Петровна из Детского отдела (ГИЗла). Предлагала составить номер «Октябренька» (по радио), 200 р. – у4 листа. Интересно попробовать написать для радиопередачи о Дальневост. зверях (Телеграф. 4-й подъезд наверху).

Вечером были Чувиляевы, разговаривали о добродушии царского правительства и о новой эпохе: что царство наше существовало расширением и кончилось, потому

143

что достигло предела, а теперь новая эпоха строительства началась и будет продолжаться именно так, пусть даже иностранцы придут и даже возвратится монархия – все равно! иностранцы, или монархисты, или социалисты, те или другие будут заниматься не расширением, а строительством.

Еще мы говорили о том, что вместе с добродушием эпохи кончилась эпоха писателей-моралистов, какими были до революции все крупные писатели: Толстой, Гоголь, Достоевский...

Масло св. Митрофания.

Вчера читал Записки Льва Тихомирова, и для меня было обращение революционера к православию очень понятно, только очень трудно войти в понимание, когда но-вообращенный смазывал щеку маслом св. Митрофания от зубной боли. Сегодня читаю М. Шагинян о Гёте, и очень близко мне ее понимание Гёте как волевого человека, познающего мир через «дело». Но когда она при этом смазывается маслом от Маркса и Ленина, отдаваясь, припадая, я перестаю ее понимать.

Может быть, масло св. Митрофания действительно излечивает, как свидетельствуют миллионы верующих, но дело мое такое, что я ничего «на веру» принять не могу, а

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
критики эта вера не выдерживает...

Еще вот что есть общего у М. Шаг[инян] и Льва Тихо-мирова]. До обращения Тихомиров переходил от одного мучительного вопроса к другому, а после обращения, как сам говорит, вопросы его мучить перестали, если бы и явился какой вопрос, то для его разрешения достаточно стало справиться в творениях св. отцов. Так и у Шаг[инян]: все вопросы освещены диалектикой Маркса и Ленина.

На полях: скепсис

Вот когда начинаешь понимать значение и необходи-мость скепсиса, – все относительно, так и тут: когда схо-ластика переходит черту, за которой нельзя ни смеяться, ни острить, то жизнь просто за жизнь, за себя, начинает бороться всеми средствами.

144

«Дело», как у Гёте, дело впереди, – это понимаю и очень это близко, но почему же непременно это дело должно быть марксизм, индустрия и вообще все, что угодно пра-вительству, а не самому писателю. И действительно ли «практика» правительства есть дело реальное, а не фан-тастика. Впрочем, это для взрослых, а для наших ребят все, что говорит Шагинян, драгоценно.

Никак не могу отвязаться от мысли, что переход преж-него революционера на позицию защиты самодержавия и православия сопровождался теми же эмоциями, как ны-нешний переход некоторых интеллигентов в марксизм и ленинизм (я по себе это чувствую).

25 июня. Наконец-то встреча с Ценским, – прямо пи-рат! А во мне он Николая Угодника увидел. Замошкин предсказывает, что неопределенное бытие в литературе будет не менее года. Тройский, заняв пост вождя литера-туры, будучи необразованным человеком, должен скоро погибнуть, во всяком случае, наживет себе много непри-ятностей. И сейчас уже везде говорят, будто он где-то в со-брании высказался о необходимости в литературе «социа-листического реализма» (!). Горький будто бы сторонится.

26 июня. Завтра (27) закончат переписку «Даурии», и завтра же я поправлю; 28-го отдам Смирнову. 29-го пушу на оформление и вечером можно уехать.

В иной среде, особенно у актеров и военных, с юности в гибкое время тело садится как бы в корсет условных движений: актерская личина, военная выправка. Но гиб-кое тело как бы заключается в два скелета: один природ-ный, внутренний, другой внешний, и юное тело силой своей жизни делает незаметным тот и другой скелет. В ста-рости, когда таких людей было много, нам не бросалось в глаза очень резко, что второй, условный скелет обвисал, мы простили старой актрисе, если она закатывала глаза, или военный старик петушился. Теперь, когда эпоха пере-менилась, то этих людей в двух скелетах видишь...

145

1 июля. Тысячу лет и больше пересыхало болото, но почему же именно пересохло при мне?

За этот год произошло нечто очень большое, что имен-но, назвать не могу, но только иначе я стал понимать и прошлое, и современность. Раньше (эпоха нэпа: «Кашеева цепь») мне казалось, что из прошлого должно отобратиться достойное и на нем вырасти новая Россия. Теперь про-шлое просто прошло, и новая страна уже родилась и рас-тет.

Смерть одних идет на радость другим, и третьи живут как свидетели подлости самого факта продолжения жиз-ни: они видят, как, подчиняясь неизбежному, женщина выходит за другого и мужчина за глазами своей покойной подруги разделяет выселенькие коленца. И так, изме-ной когда-то любимому, а не во имя любви и осуществле-ния сыновьего долга переменяется мир. «Там прошлого нет и следа». И напор этой «жизни» (икры) столь велик, что... (в этой икре два сорта: 1) зернистая икра, это все охот-ники жизни, поднятые непосредственно силой любви: это полмира, и другие полмира 2) икра паюсная – люди дело-вые, занятые добыванием средств существования: 1) лю-бятся и 2) добывают средства для любви (два глагола.) Большой грех делаться на основе биологии икры песси-мистом... Вот Пушкин... Он же умирает...

На полях: охотники и трудовики революция дорога

Революция очень дорога, ее альтернатива – гаснуть в пауперизме или в мещанстве, вернее, в том и другом: ни-щета подрывает силы, а мещанство их забирает к себе, как в санаторий. Вот теперь в новую эпоху колхозного нэпа будущее показывается не как возрождение (эпоха нэпа), а прямо, как Америка: прет человек, и нет ему удержу...

2 июля. Вчера приехал в Москву. Хорошо у Е. П., но тесно. Через два, много три дня чувствуешь, что меша-ешь – и тебе тоже мешают. Что бы я хотел? Чтобы у меня для занятий была совершенно отдельная комната и чья-нибудь рука в ней наводила порядок.

146

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
В Москве живу среди хаоса строительства, – стук гальки (мостят), вечный крик, свист детей, квартира недоделанная, жильцы хлопают дверьми, так, что вскакиваю с постели. Сегодня забрался в наш сквер и там «приходил в себя». Вот и надо теперь взяться, наконец, за устройство.

Думал о том, что попытку связать Восток с Западом уже сделала христианская церковь (да и самый зародыш ее, эллинизм и юдаизм – их синтез и есть Запад и Восток).

Похоже, как будто мы поднимаемся в гору, чтобы видеть первоначальную жизнь на скалах от солнца. Часто приходится заставлять себя на мысли о религии, искусстве, бытовой украшенности: как на верху той голой горы очевидна прямая зависимость всего этого от досуга. И еще видно, как искажается лицо человека от забот о хлебе...

Надо уметь не так работать, как отдыхать. Так надо научиться отдыхать, чтобы работа была в охоту, как у даровитых мастеров-художников. Вот у художников отдых только в работе (так работали купцы, предприниматели, богатые мужики, талантливые кустари, все они находили в труде личное удовлетворение).

Конечно, никто и никогда не убедит меня в том, что я дурак, бездарный или вредитель даже; но если все-таки часто слышать об этом, то время от этого начинает пропадать, я начинаю вместо того, чтобы тратить время на дело, тратить его на бесполезное раздумье: «да уж не дурак ли я?», отвечая в конце концов себе: «нет, не дурак».

Смерть Карпова.

В «Моск. Охотнике» поздоровался со мной один охотник с седыми усами, сказал: «Я вас знаю по книгам и по фотографии». Имя его оказалось не то Баснин, не то Баскин. Он мне сказал: – А Карцов умер! – Карцов! – Я смутился. Карцов, глубокий старик, поинтерист, год тому назад, ссылаясь на Горького, прислал мне свое огромное сочинение «Поинтер», листов на 50, с просьбой дать отзыв и рекомендацию для напечатания. Старик не мог себе ясно представить, в каком положении находилась наша

147

охотничья печать. Напрасно я писал ему, разъяснял, он неизменно отвечал мне, чтобы я вдумался глубже в важность вопроса о поинтере, намекая мне на мой дурной уклон в сторону немецких легавых. После длинной такой переписки я, наконец, собрался с духом, упаковал рукопись и отправил автору обратно. С этого разу переписка прекратилась, и вот отчего я смутился, услышав, что он умер: – Значит, – сказал я, – рукопись вернулась к нему незадолго до смерти. – Да, – ответил Б., – но он не обижался на вас, он о вас перед самой смертью сказал: «Прекрасный охотник и писатель отличный, только одно жаль: несчастный легашист!»

«Трудящийся сквер»

Союзтранспорт работает по ночам: стелют на Песчовой ул. мостовую.

Сегодня утром дворник сказал, что рабочие разбегаются по деревьям коров разводиль (постановление ЦК). Вот так аппарат: постановили раз – и крестьяне бросились вон из деревень на строительство, постановили два – и рабочие побежали в деревню.

Вижу массы людей и делю их на: 1) все те, кто поглощен добыванием средств существования – трудящиеся, 2) охотники, т. е. кто сверх борьбы за существование имеет к чему-нибудь охоту: художники, любовники, дельцы-авантюристы, утописты, халтурщики. Пробовал считать, выключая детей и стариков, – охотников получается ничтожная часть процента.

Вокруг меня хаос: аэропланы (сегодня бросали пропеллеры); подозрительный домик вроде постоянного, с качелями, там открыто пьют, ругаются (ст. Русь); новый дом строится для военных; вспахан пустырь и огород; коровы... рынок (Бутырский); и никто не скажет, не объяснит, что именно делается: стучат, гремят, возводят, а что именно, спросите – и никто не скажет... потому что или все пришлое, или дело пришло само; и присмотрись, везде строят, неинтересно.

В этом хаосе ритма нет никакого, но если жить самому среди хаоса, то сердце твое, отбивая удары, усваивает ви-

148

димое глазом из хаоса, начинаешь чуть-чуть разбираться и в этом хаосе.

В «Новом Мире» Смирнов сказал, что Даурию не прочел, а прямо Тройскому передал (скорее всего, читал, но не понравилось). И я теперь завишу исключительно от каприза этого ничего не понимающего в литературе чело-века (он требует от писателей «социалистического реализма»).

Приходили Новиков-Прибой, Дудинцев и Н. Говорили, что Пильняк возвращается из Японии.

Обедал в Праге. Сел, вижу чисто белый хлеб, очень обрадовался, но меня выставили в другой зал: тут «прикрепленные». Щи, ужасная котлета и ягоды = 6 р.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

40 к. И то впроголодь.

В мво 4000 членов. Пользуется, конечно, шайка. Это просто в члены, а вот в шайку попасть! Сегодня опять правление будет обсуждать, разрешить мне натаску соба-ки или нет. Учреждение бюрократическое на потеху вы-сшего комсостава.

На полях: Ресурсы: Увелигитель 2000

Соводжю000 Ружье 500 3500руб.

Иллюзия Асфальт жертва

Мы все ненормальные.

4 Июля. Телефон поставили, но не действует. Комары. Где-то хором галчата пищат. Нелепость кладки: выдума-ли угловые башни так сложить, что один ряд кирпичей выступает над другим, – будто бы красиво! Между тем, получается лестница и свободно можно лазить воров: так вот забрался уже вор в третий этаж и унес блюдо с залив-ным.

Или выведу завтра в Завидово, или сегодня же в Загорск.

Человек переживает другого просто по силе оагерк-нута: жизни века, и если только этой силе не ставить

149

границ, то слабым и старикам всем бы настал конец от не-винных убийц. Насколько возможно, однако, мы маски-руем смену поколений посредством юбилеев, пенсий и всевозможных знаков почтения к старшим и моральных правил для младших. Во всяком случае, попрекать стари-ка в том, что он живет, говорить ему, как в деревнях: «Ког-да ж ты, старый хрен, подохнешь!» и проч. в человеческом обществе избегают. И тем не менее...

Уссурийская долина, это уже не Даурия, но именно тут ночью, когда в 3-х метрах от вагона уже ничего нельзя было разобрать, и приходили в голову мысли о какой-то Новой Даурии, чтобы создать ее вновь по верному плану, чтобы герой ее Дерсу не умирал с луком в руке, как даур от казаков, а побеждал, как свет и разум побеждают тем-ные силы, и к нажитому отцами явно прибавлял бы нечто новое свое.

Так, желая изобразить героя Новой Даурии победите-лем, я стал искать образцы в отношении физической смер-ти, избегая, конечно, примеры смерти «мучеников науки» от взрывов реторт, отравления, заразы – и т. п. Мне при-шло в голову, что новый Дерсу умрет, как физик Реомюр. Приписка:Ъ смысле односторонне-физического понима-ния смерти я не знаю, как умер знаменитый физик, да и на что знать нужно это, если я понимаю смерть как за-вершение творческих сил. С этой точки зрения на смерть, Реомюр умер до того хорошо, что решительно все люди при слове Реомюр думают не о покойном физике, а о тер-мометре Реомюре.

Приписка: Или вот я писатель Михаил Пришвин, у меня есть замегательные страницы, которых я никогда не гитаю, и даже книг своих нет. Но я слышу иногда, спрашивают Пришвина в книжном магазине. И это уже Реомюр! Сам же я лигно продолжаю жить дальше, как бы после себя...

Вот это интересно: связь с самим собой умер-шим. Через эту связь понять связь поколений.

Есть еще капли Боткина. И почему тоже Дерсу не мо-жет умереть в каких-нибудь целебных каплях своего име-

150

ни. Чуть захиреет человек и перестанет понимать соци-альный заказ своего времени для творчества, как кругом говорят: «Дайте ему поскорее два грамма Дерсу Узалы!» Конечно, в живом человеке есть сопротивление такой смерти без легенды о «последнем из могикиан» или вели-ком завоевателе Наполеоне. Мне тяжело, живому, сочи-няющему новую книгу человеку признать, что я уже Рео-мюр, как-то даже чуть-чуть и смешно: не человек, а термометр... или еще хуже, как вышло в борьбе со старо-стью у Мечникова: получилось так, что при имени Меч-никова каждый думает о простокваше. Или вот, как от на-родного комиссара Семашко остались аптеки или Фигнер Вера и 1-е Марта. Но это происходит от нашего старого ге-роически-иллюзорного воспитания. Если в Новой Дау-рии, начиная с Дерсу, идеалом каждого творческого тру-женника будет посмертное превращение в создаваемую личным усилием для всех полезную или красивую вещь, то и наш нынешний смешок отпадет...

На полях: Разработать.

Бывало, длинным зимним вечером, когда в комнате становилось холодно и надо было решить вопрос, топить ли сейчас печку, или попробовать так переспать, мать моя зажигала свечу и начинала ею протаивать замерзшее на полпальца окно. Протаяв дырочку, она всматривалась, повторяя:

– Ну, посмотрим, что скажет наш Реомюр.

– А кто это Реомюр? – спрашивает маленький маль-чик Курымушка.

– Термометр, – отвечает мать.

– Не человек?

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

– Нет, градусник.

– А как же он скажет?

Мать в эту минуту увидит цифру и вскрикнет:

– Страсти какие, сорок по Реомюру, скорее печку топить!

– Как же он скажет? – продолжает Курымушка.

– Вот видишь, он и сказал: «очень холодно, спешите печку топить!»

151

Вот что замечательно в нашем купе – это один железный язычок, надавишь на пуговку, он высунется, и дверь тогда может отодвинуться только до него: посмотреть можно, а выйти нельзя. Но кто-то же сотворил язычок и остался безмянным! Новая Даурия: перестанут быть, как у нас, имена, или, напротив, все достигнутое людьми будет названо их именами?

С нами ехали не одни научные исследователи экспедиции, в вагоне полно было ботаников, зоологов, геологов и всяких техников.

На полях: Когда утром конгаются по радио урок гимнастики под музыку, то хаос города складывается под тот же ритм, и кажется, будто где-то в [большой дали] играет та же музыка и тот же учитель гимнастики дирижирует...

В дом Печати членов привлекали хорошими обедами, а когда теперь членов стало довольно (4000), а всех кормить нечем, то назначили перерегистрацию с тем, чтобы к обеду допустить только активных. – А кто будет допускать? – спросил я.

– Все блат, – ответили мне, – чистый блат.

Так некоторые думают теперь про всякое большое общество, что во главе его всегда есть банда, которая и пользуется всеми благами общества, а члены питаются крохами, падающими с их стола.

15 июля. 5–14 провел в Охотхозяйстве.

Сегодня в трамвае в давке и грохоте вдруг понял мертвую тишину улицы большого города, мне представилось, что гремит это так себе и оно не важно, и что вот живет и действительно заполняет собой пустоту и тишину делающей живой, того нет здесь совсем. Мне были отчетливо понятны уличные грохоты в мертвой тишине как нечто постороннее ей самой, не имеющее с ней ничего общего... Так, значит, собственно мертвую тишину я раньше не слышал и понимал в этом ходячем выражении совсем другое, вроде того, что на море называется «мертвой зыбью». И очень возможно, что это понимание далось мне, потому что я вышел на улицу в такую тишину из редакции «Нового Ми-

152

ра», где познакомили меня с поэтом Безыменским: какое-то было мое «все равно» по отношению к нему и его «все равно» в отношении меня, и тоже «все равно»

Тройского в отношении моей рукописи и мое «все равно» к Тройскому, который решает в литературе все и ничего в ней не понимает. И то же я видел в глазах Белоконь, и, вероятно, в «Новом Мире» я это увидел через очки, надетые для понимания дела в Охотхозяйстве, а раньше вынес его из Дал. Востока.

В Охотхозяйстве партчеловек расчистка...

15 июля. Левино рождение (3-е старое). Мы с ним едем в Сергиев. Вчера соседи обиделись, что взяли у них без спроса помойное ведро. – Почему же ты не купишь свое? – спросил я. – А где же его купить? – спросил Лева. Думали, думали и не могли придумать, как и где можно достать ведро.

Дом радифицирован, сегодня в 1/2 7-го я уже слышал 6 условий т. Сталина, Кармен, а потом начался урок танцев... Радио меня выгоняет на улицу, потому что я не могу уходить в себя. Да, я выхожу из себя и делаю, чтобы не быть с собой. Есть особенный внутренний слух, или вернее, чувство размера жизни, к сожалению, только не всегда умеешь им владеть и применять для понимания... Бывает, вдруг понимаешь движение и грохот на улице как нечто внешнее, и внутри всего этого хаоса слышишь совершенную тишину, мертвую и пустую, как пространство без воздуха. Это приходит иногда, если бульжная мостовая внезапно переходит на асфальт и внезапное изменение звуков как бы встряхнет тебя, и ты вдруг начинаешь слухом отличать мертвую внутреннюю тишину улицы от внешнего грохота. А то бывает, вдруг нечто случится, какое-то мгновение личной жизни вспыхнет среди грохота – и вдруг остановился трамвай, все бегут, окружают, наклоняются, глядят под трамвай: задавило какую-то женщину, и то живое, личное, – это был ее предсмертный крик. Через несколько

153

ко минут трамвай идет дальше. Ему надо идти. На этом сходятся все, что ему надо идти, и будет он идти непременно. И ты, человек, бери пример с этого трамвая, уверься окончательно, что другой человек после тебя непременно будет жить, хотя бы для этого ему пришлось проехать так по тебе, что все кости твои в коже твоей слеглись, как в мешке. Выбрось вон из головы самую мысль о сопоставлении личного твоего мира с тем существом, кто идет после тебя: тот человек как трамвай, он должен идти, на том сходитесь весь мир, что он должен жить.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

На полях: Солнце идеально.

Я раньше думал о необходимости иллюзии свободы для художника, да, хотя бы иллюзии. Но сейчас думаю так, что если свободу творчества считать иллюзией, то что же будет реальностью?.. Вот в этом и есть сопоставление сегодня и завтра, личность и общество, я и они, и даже солнце и земля: солнце всегда идеально и лично, земля материальна и безлика, только благодаря свету мы различаем и все от-личное на земле исходит от света... Мы высимся – это к свету, мы движемся – к свету, и всякое вперед – это от солнца-идеи, но не от материи земли. Да, то, что «иллюзия» – идеализм – это от солнца, а когда тянет материя вниз, мы называем материю реальностью.

На полях: Если бы скалы могли сказать, я бы узнал от них, кто солнечный свет – это только иллюзия, впрочем, совершенно необходимая для «жизни», которая, в конце концов, есть тоже иллюзия. Скалы бы назвали реальностью тяготение.

20 июля. Вчера приехал из Сергиева. Сдал очерк с фото. Сегодня вечером в Завидово. 21-го в Таксимо. 23-го возвращение. 24-го [может быть] 25-го возвращение в Москву.

Поезд 5.20. За час: 4.20. Дорога 1 час: 3.20 или г/2 4-го = выехать, а приехать 8.20 Завидово – 10.20.

30 июля. Вернулся в Москву 25-го вечером, 27-го поехал в Сергиев и вернулся вечером 29-го, закончив За-

154

видовский цикл от 5 по 30 июля: весь июль, зато две отличные собаки и много эмбрионов для охотничьих рассказов.

Переживаю горе: старуха моя не хочет уже ехать со мной на охоту, развалилась и стала злющая такая, что вчера прямо бежал из дому и даже думал: а может быть, и в большинстве случаев, когда говорят о ком-то, бросив-шем жену, – что ему и ничего больше не остается, как бросить ее. Происхождение же злобы в неравенстве: одному хочется жить, другой не может угнаться, хочет и не может – отсюда и злоба. Такая женщина собирает в себя ос, – женщина-осиное гнездо. И удивительно! В нынешнем году у нас в сенях выросло огромное осиное гнездо, я таких огромных никогда не видал, почти в чайник! Разрушителем же моей жизни был внук Миша.

31 июля. Охотники лавиной движутся, а я, обладая временем и деньгами, сижу из-за Павловны: стало невозможно жить из-за ее воркотни в Сергиеве, бежал – и вот охота, а я в Москве мету веником свою пустую комнату. Посылаю через Леву ультиматум: или она пусть переместится в отношении меня и за мной приедет, или я перемещу все и сам уеду на Урал к Васье Каменскому. Таким образом, в Сергиеве я могу быть лишь 4–5-го.

дела: 1-го и 2-го купить набойку. Сегодня: 1) охотби-лет и порох 2) Шульц из Товарищества писателей 3) Пильняк.

Беседа у Пильняка во время грозы и бури. Говорили о возможности нового журнала под редакцией Пильняка. Так и веет от Пильняка международностью, и я через это настроился и говорил об универсальности искусства и о том, что от иностранцев надо ждать вопросов. Пильняк же говорил, что писатель потерял связь с читателем и что вот как только приедет Сталин, он ему об этом и о всем прочем скажет. Эта затея журнала есть попытка заполнить пустое место, которое получилось из-за ухода РАППа. Но РАПП, не имея силы, держится вместе тесной группой, а группы

155

в пустом месте нет, и вот Пильняк. В «товариществе писателей» будто бы Шульц делает карьеру и затея журнала Пильняка принадлежит ему. Теперь становится понятным, почему Шульц приглашает меня. Значимость Пильняка устанавливается на его связи с иностранцами, отсюда ненависть его к монополии Горького с его «выжившими из ума» Роменом, Шоу и т. п. Итак, действующие лица: Горький, Авербах, Леонов и Пильняк – это главные! да, и это главные!

На полях: Пришвин, Ценский, Григорьев, (Белый?) Н.-Прибой.

3 августа. Убил первого тетеревенка против З. боло-та, в черном пере.

Мне предложили вопрос...

загеркнуто: Вы меня спрашиваете. Извините, я слишком настрадался в молчании и буду резким в ответ на ваш вопрос. Я смотрю сейчас на писателей приблизительно как на кроликов: их подкармливают, и они жуют. И в этом смысле я понимаю ваше предложение «написать что-нибудь о технологии языка»

О кроликах (ответ редактору).

Уважаемый редактор,

Вы просите меня «написать что-нибудь о технологии языка». Вы употребляете в отношении к слову инженерный термин, но скажите, почему к писателю нет по крайней мере такого же приписки: честного отношения, как к инженеру? Каждый техник имеет право на универсальную информацию в своей технике приписки: области, и оттого он универсален в своем труде. Почему же писателя кормят какими-то тенденциозными вытяжками из европейско-американской культуры (у нас и

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru у них) и не дают ему возможности, как инженеру, быть в курсе «технологии» мирового общения в вопросах искусства слова. Лично я оагеркнуто: не очень нуждаюсь долго не нуждался в этом общении, потому что смолоду был при-

156

обиден, и на всяком месте при всяких условиях от этого заряда оагеркнуто: теперь долго я воспринимал все универсально... Да, вы, конечно, понимаете, что искусство слова не музыка и не живопись, музыкант и художник по-лучают свой материал, краски и звуки, в универсальном виде, мы, писатели, имеем материал от матери, бабушки, кормилицы, и особенная трудность писателя против художника и музыканта состоит в том, чтобы этот материал приписка: глубоко «провинциальный» [славянский] сделать универсальным, и эта трудность [языка] гораздо больше, чем [звук].

Между тем писатель нуждается во всемирной связи гораздо больше, чем техник, и даже больше, чем музыкант и художник. Правда, звук у музыканта и художника – их материал, звуки и краски интернациональны на полях: Писатель имеет материалом слова матери или бабушки, и особенно трудно писателю против других... Теперь принято к языку подходить извне, минуя мать и бабушку. Это почтенное дело дает нам пока только лите-раторов. Возможно ли выучиться «на писателя» по Шклов-скому? – это для меня вопрос. Вероятно, в отдельных слу-чаях и это «чудо» возможно приписка: напр., Бабель), только зачем тратить на «чудо», если родные матери и няни в колхозах и няни в яслях даром учат прекрасной устной словесности, предоставляя личности пронести это слово в хранильницу мирового искусства. Вот это и есть у писателя технология... Что мне рассказывать вам о тех-нологи – как я читал классиков и вел дневник своих упражнений? – все это совершенные пустяки приписка: леса на постройках.

Для меня как писателя весь труд состоял в преодолении своего провинциального и выходе моего родного личного, мохового, елецкого слова в мир общего понима-ния. Вот это да, об этом и следует говорить.

Я вам скажу кратко: путь провинциального слова к уни-версальному проходит по следу нарастающей индивиду-альности, и когда данный индивидуум становится лич-ностью, в этом самом процессе и слово родное делается словом универсальным.

157

В вашем предложении написать о технологии языка я угадываю верно «заднюю мысль»: считая Пришвина пи-сателем «не нашим и разъясненным», Вы принимаете его формально, как учителя языка – это раз, и второе – вы ожидаете, что он откроет этим секрет своих чар, и можно бу-дет потом искусственно разводить чародеев, как кроликов.

Оглянитесь вокруг себя: на этом пути создано великое множество литераторов, которые пожрали бумагу и отня-ли ее у писателей, как в некоторых глупых, подхалимных хозяйствах кролики пожрали и отняли у коров зерно и се-но. На этом пути в писательской среде создалась культура подхалимства, всезнайства, приписка: дутых величин доносов, ябедничества, попрошайства и, главное, самое главное и ужасное несчастье: рать сия набежала из при-писка: напрасно встревоженных самолюбий неудачни-ков, подобных кроликам, заслуженно 1 нрзб. Вы запоздали со своим теперь уже истинно провинци-альным подходом к языку извне. Во всех областях хозяйст-ва производство перестраивается на качество, предпола-гающее личность (лозунг: долой обезличку!). Точно так же и в литературе в настоящий момент каждый писатель не о внешнем должен писать, а все внешнее принять лич-но и писать о постороннем, о другом так же страстно, как о себе. Это очень большой вопрос, и я удивляюсь, откуда я на-брался такой храбрости, чтобы его поставить. Для вопро-сов я совершенно забит своими переживаниями во время диктатуры Союза пролетарских писателей. Мне кажется, я так много пережил про себя в эти годы вынужденного молчания, что знаю все и на все могу ответить, но меня некому спрашивать. Я сознаю в себе какую-то дремлю-щую силу слов, очень большую, но замкнутую... Я вернул-ся точно к тому мучительному долитературному своему положению провинциального оагеркнуто: агронома ис-кателя, чающего движения воды, чтобы выбраться к свету универсального.

На полях: в последние два года как будто мысль, которая на-зревала во мне десятки лет 1 нрзб. лигное, мое было исключено...

158

Загеркнуто: По аналогии мне теперь представляется печальная судьба одного старика, такого даровитого и честного человека, что мы с моим другом лесничим это-го почти неграмотного человека отправили на курсы лес-ной рационализации и 1 нрзб.»

По окончании курсов наш протеже поступил на рубку леса, где вследствие особенно трудного 1 нрзб. государ-ственного положения хозяин лес рубит, но не разводит. Недавно мы получили от него письмо с описанием ужас-ного своего положения.

Письмо кончалось:

– Ваш несчастный, в темном углу сидящий рационализатор.

Да, конечно, мы, писатели, теперь потеряли своего читателя. Да, любой техник находится в курсе мировой техники, а мы, советские писатели, совершенно ничего не знаем, что делается в мире в области литературной связи оагеркнуто: спросите Пильняках Я жду теперь, что ко-гда наладится связь нашей нынешней провинциальной ли-тературы с миром, я услышу вопросы со стороны и вступ-лю в [новый] период творчества: буду отвечать на вопросы. И Вы, дорогой мой редактор, перестраивайтесь по линии коренных вопросов к писателю и бросьте эту пустую и вредную [технологию] отнимать приписка: эту «тех-нологию» отнимания у коров сено для кроликов.

Заря искусства остается обыкновенно в художнике при себе. Даже если и удалось создать что-нибудь, то все, что предшествовало созданию, остается невыказанным, об этом смешно и стыдно сказать. Но если не удалось ничего и солнце не взошло, то заря внутри себя остается единственным светом... Долго бывает больно возвращаться к этой заре неудачнику, но потом, когда все перемелется, свет остается светом, в воспоминании эта заря является радос-тью, и говоришь себе: «Свети, дорогая, свети всем, мне лично больше ничего не нужно!» И вот удивительно! Вот истинное чудо! Вслед за этим словом солнце всходит, и когда отказался от всего личного, начинается совсем не-ожиданно новая большая прекрасная личная жизнь.

159

Так бывало не раз со мной, и вот отчего, когда прихо-дишь в тупик, я не отчаиваюсь, а замираю на темное зим-нее время и жду со всей страдающей тварью весны – вос-кресения.

Светопись, или, как принято называть, фотография тем отличается от больших искусств, что постоянно об-рывает желанное как невозможное, и оставляет скромный намек на сложный, оставшийся в душе художника план и еще, самое главное, некоторую надежду на то, что когда-нибудь сама жизнь в своих изначальных истоках прекрас-ного будет «сфотографирована» и достанется всем. Но в огромном большинстве случаев и этой надежды нет, а остается документ жизни и про себя пережитый, никому неизвестный восторг. Сколько я пережил такого восторга, снимая на Дальнем Востоке то скалы, похожие на лица [разных] людей, то силуэты, цветы... Мне казалось каж-дый раз, что беру с собой все, но почти каждый раз после проявления оказывалось, что я увлекся и в композиции вышел за пределы возможного для фотографии, отчего не осталось ни картины, ни документа. Сколько раз после таких неудач я давал себе слово применять фотографию только для документов, углубления реального: вот мой рассказ, – не верите? – смотрите документ. И сколько раз я забывал...

В промышленности обрабатывающей есть много путей показать то, чего нет: прекрасно отделанные бритвы не бреют, а числом их достаточно, топоры не рубят, пилы не пилят, а в газетах все было представлено в числах как «на-ши достижения»... Но вот в 20-м году под Москвой в Клин-ском уезде погиб от винтовочной пули истребителей по-следний лось, а теперь их там живет около ста...

8 Августа. Стоит жара. Леса горят везде. В Москве не продохнуть. На обратном пути рассказывала ударница-ткачиха, что работает на 6 станках и получает 110 р. У нее семья большая. – Что же не просите? – Просила, но что просить? сколько, вы думаете, надо теперь на 5 человек, нет, вы скажите, ну, прошу, скажите же... Все будто бы

160

с фабрик бегут: некоторые малину лесную собирают, не-которые грибы, а то везет два мешка еловых шишек, а на-зад за это везет мешок с булками. Рассказывала, как она продала в Торгсине серьги за 1 р. 60 к. золотом и, выбирая себе товары на эти деньги, обошла все Торгсины в Москве и до сих пор не решается, что купить («так, боюсь, весь отпуск в Москве пробегаю, а ничего не куплю, – разве ку-пить колбасы? или сахару? или крупы?»). Раньше золотом получала в месяц 18–20 руб.! Если написать об этой ударнице, то скажут, что это в от-сталом производстве, близком деревенскому, а надо смот-реть вверх, там, где производятся машины. Вот это «вверх» и есть основная ошибка, перегиб в сторону индустрии.

10 Августа. Огромные лесные пожары. Запрет охоты. Вечером смотрел в звездах на дубль ве как на скелет моего прошлого и боялся вообще за свое чувство мира и жизни. Вот и надо опять окунуться на охоте и сосредоточиться.

Может ли быть красота в правде? Едва ли, но если правда найдет себе жизнь в красоте, то от этого является в мир великое искусство: таким великим искусством была русская литература до революции.

Да, конечно, и эта правда в образе партийной газеты «Правды» есть правда, но она ничего, кроме себя (прав-ды), знать не хочет и оттого она сама по себе, а

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
искусство само по себе. Так вот и живем теперь: искусство без правды и правда без красоты и личности человека.

Есть понимание жизни ремесленника: дело сливается с личностью, так что каждый является творцом жизни (через личность к общему делу). Есть понимание капита-листическое: человек делит время на две половины, одну он отдает в конвейер, другую бережет для себя лично, надеясь в будущем улучшить свое положение в сторону личной жизни. Во всяком случае, в деле конвейера он лично не участвует и прогресс видит в том: поменьше в конвейер, побольше себе (индивидуализм). На этом базисе развивается чувство необходимости, выражаемое законом, с другой стороны, чувство свободы личной. И Бог – это беско-

161

нечность, пройдя которую, необходимость превращается в свободу, смерть – в жизнь вечную.

Социализм все переносит в конвейер, так, чтобы конвейер (общее дело) был личным делом каждого оагерк-нуто: (в настоящий момент рабочий старается не думать – «не искать» – а только работать). Значит, это путь к личному через школу общего дела (кто не работает, тот не ест). Значит, обратно [к] ремесленному миру: не через личное к общему, а через общее к личному (Легкобытов говорил: «бросьтесь в чан!»). Тем, кто не личность – прос-то: терять нечего, но как же личность отбросить, разум, сознание? Это больше, чем богатому бросить богатство. (Вначале слово или дело, сознание или бытие. У Розанова Нов. Завет или Ветхий.) Надо «поверить» в это общее как в Бога. И еще дальше: надо верить в «Ильича» как в Маго-мета. Совершенно то же, что и религия. Два трудных по-ложения: 1) Личность не должна бросаться в чан (Блок); 2) Находящийся в чане (партии) не может выйти из него и жить лично (Георг. Б.)

Разобрать как антитезу Ильичу: мое отвращение к учительству – в этом я чувствую основной грех («ильи-чество») (личность моя передается другому через сотво-ренную вещь (как Реомюр). Ильич, как и Легкобытов, – злобные неудачники, реализующие личность свою в маске общего дела.

На полях: Общее дело предстает сознанию тоже лигно, как «Ильиг» самому же Ильигу, как Маркс и т. п. Тира-ния в том, что лигность является не как сама по себе, а ради общего дела.

Мантейфель подвирает (всякий, кто говорит – подви-рает, только молчание и дело: правда).

11 Августа. Стало прохладней, брызнул дождик, но пожары продолжают, и от дыма горько во рту.

Звезды были на небе как бусы в избах кустарей, пере-шедших в производстве своем с бус на ампулы: бусы эти многоцветные, пережиток старого времени, висят в избах без всякой связи с текущей жизнью, – вот так и звезды,

162

когда-то ангельские душки, теперь разъясненные и совер-шенно ненужные реликты, висели, проглядывая неясно через дым горящих лесов...

На полях: Сталин и Маркс прямо лбами встречаются входяще-го, направо от них божница с гетверговой, а может быть, и венгальской свегой, все простенки оклеены одной и той же многократно повторенной бу-мажкой с фабрикой и словами: Семена Семеновига Зайцева малиновые коврижки. И на этой самой коврижковой фабрике на стене против Сталина висит плакат с диаграммами достижений в индус-трии и сельском хозяйстве. Под самим же Стали-ным [семейные фотографии].

Как же все это сошлось вместе в избе одного и того же хозяина, – что это?

Скрытое равноду-шие, пренебрежение к истории или мудрость или так: мы, конегно, хорошо или плохо живем и ни о чем не знаем, а вот что без нас делают. Семья (быт) под вождями – это самое болото, где и сваривают-ся воедино малиновые коврижки и гетверговые све-ги с тракторами и комбайнами.

12 Августа. Начался дождь, и стало прохладно. Будем ждать разрешения на охоту.

Был у меня Катинский (обе-щал флажки). Утром с Левою ходил под Ильинки натаски-вать кашея. У Торбеева озера тетеревей так много, что «деревья гнутся». Идея рассказов егерей: между полясами Кирсан и Ко-маров: кто говорит, тот мало делает, а кто делает, тот мол-чит: слово и дело; слово ценою дела; правда любит селить-ся в деле: не всякое дело есть правда, но правда живет всегда в деле, и если даже явится правда в красоте, то та-кая красота всегда бывает действенной. Разве я не могу написать роман из современного быта? Могу лучше других, но я боюсь, что, написав такой роман, выйду из своей сферы на легкий дешевый путь и уже не вернусь к своим воробьям. Вот эту идею можно предста-вить в личности, которая не может поступить в партию. А что другой не может выйти из партии – это взять от Мих. Петр. Седова: это его все прошлое, его религия. С него же

163

выписать происхождение «общее дело как свое личное»: душа общего дела в подпольных кружках, потом в собра-ниях, выступлениях.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Озеро Ханка.

Если я, писатель, рассказываю и в чем-нибудь специ-альном сделал промах, приврал, то не только это «ниче-го», но даже посмеются над тем специалистом, который, читая мою сказку, упрекнет меня в такого рода вранье. Но если не художник, а ученый привирает, то это невозмож-но, и какой бы он ни был великий ученый, ему зачтут это как органический порок. И это оттого, что художество вытекает из личного, в искусстве на первом месте стоит личность художника, преломляющая качественно по-сво-ему действительность, а в науке цель в достижении исти-ны, обязательной для всякой личности. Вот отчего бывает так неприятно, если ученый – и вдруг начнет привирать. Да, настоящий ученый молчалив, и он ставит на первый план дело, и потому ему надо что – а не как сказать; на-против, художнику первее всего слово, и ему важнее не что, а как сказать.

Однако, бывает, научная истина или жизненная правда селятся в красоте, и вот тогда художник, создатель такой красоты, признается всемирно великим и творение его переживает многие столетия. Наше словесное искусство до революции было на этом пути, и, я думаю, из материа-ла этого опыта надо создавать всем нам нового писателя: блуждая в исканиях истины, он не будет оагеркнуто: привирать, как этот ученый, потому что его истина и его правда будут жить в красоте.

На полях: Для художника всегда: «внагале слово», для угено-го: «внагале дело».

Или для художника сознание определяет бытие. Закон потому закон, что если запрет, то всем, значит, я не потому [являюсь] другом общего, что уважаю закон, а потому, что если все расхватят, мне ничего не достанет-ся; но зато, когда будет можно, то я стану в очередь и свое получу. Закон складывается именно в интересах личнос-ти, а интересами общества лишь прикрывается. И обще-

164

ственный деятель бывает: 1) живет личным талантом, а обществом пользуется, как материалом; 2) под маской общества сам лично устраивается. Откуда же также бе-рутся, как, напр., Екатер. Семеновна?

На полях: Звероводное дело на Д. В. двигалось [вперед] крес-тьянским путем и барским. 1-й путь. Довбня. Пой-мал дикого оленя и от него [пошло]... Довбня кулак и лекарь. 2-й путь. Стадо диких оленей забрело. Ян-ковские... Сидеми... Аскольд Гамов. Романтигеские острова.

Когда болит голова, хорошо иному лежать неподвижно с горячим компрессом на лбу, другому с холодным, я же лично лежать не могу, я выпиваю пять-шесть рюмок креп-кого вина, пока это не пересилит боль, и отправляюсь бродить без всякого плана и без всяких обязанностей до полного изнеможения... когда же действие вина ослабеет, то сама судьба приведет меня [непременно] к лесу, на мо-ре, [даже] в пустыне к новому целебному источнику. При чем же тут Дальний Восток? Вот остановка трамвая, со-вершенно такая же, как и у нас, но здесь люди становятся в очередь, и я тоже к ним, стою долго, и я бы стоял без конца, мне ведь никуда не нужно спешить, я [брожу без плана]. Вдруг один гражданин посмотрел на проволоку и сказал:

– Расходитесь, граждане, тока нет. Все зашумели: как он узнал?

Один любознательный мальчик из очереди бросился догонять его, остановил.

– Гражданин, как вы узнали, что тока нет и трамвая скоро не будет?

Гражданин что-то ответил. Публика ждет. Мальчик возвращается.

– Он говорит, что если трамвай идет, то дрожит про-вод.

Вот и все! Только-то! Все разошлись, и я тоже за по-следним в очереди, он к морю, и я за ним.

Приписка: При гем тут Дальний Восток? но вот именно там ведь я замегал, бывало, когда болит голова и наги-наешь бродить: везде и всегда...

165

Пароходик собирается на Русский Остров, это совсем близко, как в Ленинграде «на острове». Да и не все ли рав-но, если болит голова... не до экзотики. Вот разбросанные домишки, вот огромные брошенные укрепления, казар-мы, опять домишки, тайга. Собака залаяла и вышла из-за деревьев. Увидев меня, собака завиляла хвостом, и вслед за ней вышел пожилой человек, кое-как одетый, совсем по-домашнему, но что главное и что поразило меня: его [выражение] лица, и у собаки [выражение], и в глазах что-то, и это самое «что-то» у собаки в глазах. Я встречал раза три в жизни подобное сживание, хозяин и собака стано-вятся на одно лицо. В одном городе я, заметив странность, осторожно сказал знакомому, и тот удивился: вот новость, нет человека в городе, кто не знает, что Каштанка похожа на Леонида Ивановича. Пока я всматривался в незнаком-ца, тот тоже по-своему меня разобрал и вдруг неожиданно сказал:

– Вы – хороший человек, здравствуйте!

– Здравствуйте, – ответил я, – как вы распознаете хо-роших людей?

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

– Не я, – сказал он, – собака моя – зайдем покурить.

В нескольких шагах был старый домик, на [скамье] сидела за самоваром старушка. Мы сели, и хозяин с большой радостью мне стал рассказывать, как это бывает у русских, «всё».

Каштанка до точности распознает людей оагеркнуто: хороших и плохих достойных и негодных, даже корейцев от китайцев узнает. По ее лаю, если считать, выходит на 100 человек 49 оагеркнуто: злых негодяев и 51 оагеркнуто: добрых достойных, значит, 49 хороших идет на поглощение 49 дурных, и весь мировой прогресс, т. е. добавка лучшего к прошлому, основана на двух процентах избытка достойных людей... Прогресс Владивостока 2% – Семенов и Арсеньев...

Чай сменился вином...

Дорогая Фега Евсеевна, я ничего не мог написать за все это время и совсем не занимался литературой. Очень извиняюсь, что ничего не написал для Вашей газеты за это

166

время: изо дня в день все откладывал, и так время прошло, довольное долгое. Со мной вообще это бывает: не могу писать, не хочется, а насиловать себя не могу. Что же касается самого ответа на Ваше письмо, то ведь в нем ни-какого вопроса, кроме как о присылке рукописи, не было. Обижаться Вам на меня за это не следует, как и я не обижаюсь на Вас, что в последнем письме своим обещали почти немедленно выслать за счет моего гонорара и тоже с 3-го Мая по этому поводу «keine Zeile»¹. оагеркнуто: Я вас уверяю, что кроме желания сделать Вам удовольствия лично, фотография – это единственный побудительный мотив для работы в die Grüne Rast².

Неужели же и Вам, моей старой читательнице и переводчице, не наскучило приписка: обидно такое положение, что, обладая моими за 25 лет написанными сочинениями, совершенно неизвестными в Германии, Вы должны для [печатания в обычной] газетке переводить мои охотничьи рассказы без надежды даже, что их когда-нибудь издадут книжкой.

17 [Августа]. Лес горит. Предсказывают, что 20-го начнутся холода и дожди. Учредительное собрание писателей может кончиться тем, что последние сокровенные мнения будут обнаружены, и в литературе станет, как в лесу, когда в него гоняют скотину.

И что можно ждать от съезда? Какой разговор может быть о подсадках в лесу, если в нем нельзя прекратить пастьбу скота?

На полях: Цап-царап и – под ноготь!

18 [Августа]. Спас.

Иногда появляются на улицах благородные старушки, одетые точь-в-точь, как, бывало, одевалась моя мать и тет-ки: правда, мать моя должна бы старше быть этой моды, но, по-видимому, это была последняя мода перед револю-

1 keine Zeile {нем} –

2 die Grüne Rast (нем.) –

167

цией, так что более молодые старушки принуждены были остаться в костюмах своих матерей. Почему-то я не очень люблю встречаться с этими остатками приписка: прошлого [реликтового] общества человеческой жизни, хотя в природе ископаемые и разного рода реликты растительные и животные имеют для меня особенную притягательную силу. Вероятно, разница тут в отдаленности, третичная эпоха, напр., Бог знает когда была, и личные счеты наши с ней совершенно покончены. С другой стороны, реликты, например, [растений] и среди них особенно знаменитый корень жизни Жень-шень является и в наше время существом действенным, изумляет, что он на десятки тысяч лет пережил свое время и у нас живет, сохраняя себя, и действует на нас, как современник; реликтовые люди, персы, греки обыкновенно [поражают], что живы [сейчас]. И вот через них чувствую сам себя молодым и хочется жить. Надежда забыть свое время. Реликтовая страна...

Вот казармы, срытые по Японскому договору, могучие бетонные укрепления, запустение все больше и больше, вот наконец море, скалы и лес. Загеркнуто: ...бежит морем туман, и понимаешь это, – что он должен подняться при встрече с хребтом Сихотэ-Алинь.

Тут уже нет реликтовых старушек 60 годов, тут вся природа реликт, вот папоротник с виду как будто обыкновенный, но из-под земли у него торчит ствол: это древо-видный папоротник третичной эпохи, – это реликт, это значит, он пережил, приспособился и остался самим собой. Свидетель третичной эпохи десять тысяч лет тому назад [кажется] мне таинственным существом. Вот виноград вьется по хвойному дереву, – какая степная экзотика. Как это удивительно думать, что корень Жень-шень уцелел и люди [живут]... Да, но почему же все-таки люди... А впрочем, какие люди, если это реликты отдаленных эпох: [грек], перс... А, так вот в чем секрет, я догадался: старушки-реликты мне тем неприятны, что я сам

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
жить хочу, двигаться, а они напоминают мне, что моя жизнь прошла и пора превращаться в реликт... Ах, вот оно в чем дело!

168

Пендрие, когда, уезжая в Париж, бросал жену с ребенком на страдание в СССР, вероятно, так рассуждал: «ей привычно страдать, и она лишь немного больше обычно-го претерпит, тогда как если я попаду в беду – я пропал: такой тяжести я не перенесу и буду не я». И он, рассудив все за и против, с легким сердцем оставил жену, поехал в Париж и там очень скоро нашел себе другую. Он еще и так говорил: «Я терпеть не могу в прошлом копаться и, чуть миновало оно, стараюсь всегда глядеть в будущее».

Писателю интересен вовсе не пролетарий, ожидающий от литературы решения моральных вопросов или отдыха. Интересен ему человек просто деловой, сильный и до того поглощенный, что ему и в голову не приходит считаться с искусством. И вот однажды такой человек был расстроен чем-то, взялся читать и вдруг... Интересно писателю вообще остановить живого человека и заставить его по-смотреть и на себя, и на дело свое со стороны...

Нет! Я хочу сказать, что искусство движется, как река, в неподвижных берегах, по существу враждебных ему: как раньше просто было бедному поэту в виду роскошных квартир противопоставлять заруделому мещанству свою голодную и все-таки прекрасную свободу! Теперь берега нашей бедности, свободы и поэзии так расширились, что стали невидимы, поэту до Америки надо целое великое море нищеты переплыть, и когда переплыл в Америку, то в своем утомлении, вероятно, забудет о достоинстве бедности и мещанству Америки обрадуется больше, чем себе-бедному.

20 Августа. После вчерашнего дождика роскошное светлое утро и нет даже никаких следов лесного пожара. С высоких елей в лучах солнца золотом падали сверху капли вчерашнего, сохраненного тихой лунной ночью в ветвях дождя. И от этого мне было радостно до того, что я, в который не помню уже раз, собрался думать о способе всегда искать эту радость и жить надеждой найти ее. Моя литература и есть след моего усилия искать и задерживать эту радость. Мне сейчас приходит мысль перечитать себя критически с этой точки зрения.

169

Цикл вчерашних мыслей: наша поэзия происходит из недр природы, когда мы десятки тысячелетий в борьбе за кусок хлеба тесно сближались с ней; поэзия эта вышла как победа, когда стальной узел необходимости был развязан. Теперь лишь в эпохи особенно глубоких потрясений мы делаемся способными понимать в прямом смысле слова «хлеб наш насущный» или видеть в корове Аписа; с этой стороны жизнь стала легкая, несерьезная, а главное, пройденная: мы теперь охотимся там, где раньше боролись, и в согласии с этой охотой была и наша поэзия, – не фактор борьбы, а знамя победы. «Стальной узел», развязанный здесь, однако, завязался в другом месте: трагедия жизни перешла из пещер в погреба больших городов, в литейные и отделочные цеха заводов. Стальной узел жизни теперь завязан здесь, и наша этика в глубочайших своих основах здесь рождается, и силы всех лучших людей устремляются сюда, чтобы развязать этот узел. Но причем тут поэзия? Разве дело так зашло далеко, что можно уже праздновать победу? Нет, дело тут в самом начале, и не до жиру тут, а быть бы лишь живу...

Но разве нельзя, чувствуя место борьбы, изменять согласию поэтический ритм журавлиной родины? Яблоко прекрасного сада – во все эпохи всё яблоко, но только песнь наша о яблоке разная и журавлиная родина иная. Мне кажется, у современного человека страсти должно быть больше.

Земледельческий труд и теперь самый тяжелый, как был он и в доисторические времена. Но в прежние времена там, где была тяжесть, там был и весь смысл жизни, и тягость эта понималась универсально, «как власть земли»; теперь тягость жизни больше у какого-нибудь литейщика на заводе или обитателя сырого подвала, но все-таки от земледельческого труда если уходят, то к нему не возвращаются: он не труднее, но ритм жизни и смысл ее перешли в город: там живут, здесь прозябают и всегда отстают в смысле: свинец и сталь нужнее, чем стрелы и ветровки, а свинец и сталь на заводе. Пусть свинцом, железом и сталью будут люди добывать новую свободу, но победу

170

будут трубить журавли, и сейчас мы охотимся там, где раньше боролись, а в будущем мы добьемся общей радости в природе.

Если мы понимаем иногда наши полеты во сне как отзвуки древних полетов наших предков: ближайших к нам крылатых предков, то почему бы, понимая живое вещество на земле в единстве человека ли, зверя, птицы, не считать их ночным повторением дневных полетов нашего собственного тела в его птичьем существовании. Глядя на ласточку – ведь у нее тоже голова, как у нас, и ведь прямо удивительно – тоже [глаза] два, и две крохотные ножки, и на них есть пальчики: так вот вникая в

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
жизнь родного существа днем и мечтая через это о себе летающем, почему бы из этого не сделать ночью полет во сне? К чему надуманные возвращения к птеродактилям, если моя же плоть на глазах летает в образе птицы и если ум мой догадывается устроить такие подпорки, что не только во сне, но и днем я могу обгонять в воздухе всех родных, предшественников моей мысли? А в мечтах о ком-мунизме – наша плоть и фактическое слияние ее в моменты больших массовых подъемов разве тоже не проявляется это единство?
Поэзия океанских островов предполагает их девственность: надо, чтобы человек, сойдя с корабля на неведомый остров, увидел следы невиданных зверей... Если раздумать не только о человеке на острове, но даже и о звере, то бедность этой ограниченной островом жизни сравнительно с жизнью материка сразу же погасит островную поэзию, но толчок, данный мореплавателями, породил целую эпоху робинзонады, и мы до сих пор не можем освободиться от сказочных чар островов. Гостиница «Золотой Рог» далеко не на той высоте, что-бы можно было в ней устроиться и спокойно работать: в глубине ее где-то роятся китайцы, и их жизнь идет независимо от жильцов. В самый же день приезда у вдовы Арсеньева мы встретили одного местного жителя, который обещал в своем доме предоставить нам комнату.

171

22 Августа. (10 Августа) Сегодня солнце встало омраченное, хотя не было ни облачка (от дыма?).

Мemento дупеля: 13 Сентября (по новому) – Кержач и 20 верст до Филипповского луга.

Вальдшнепы 13 октября (по старому) – до Софрина, от Софрина по узкоколейке и 4 версты. Спросить охотника рядом с кузницей в красном домике.

Москва, Остоженка, Второй Обыденский, 10, квартира 11, Фадееву.

Пришлю за объективом двадцать пятого четверг пять вечера.

Дорогая Фега Евсеевна, я не писал Вам, потому что работа моя была задержана огромными трудностями в [получении] и устройстве себе жилища в Москве; затем работа моя приняла направление такое, что выкроить из нее отрывка для *die Grüne Rast* невозможно. Все было так, что день за днем проходит, и все кажется: вот завтра; Вам эта психология должна быть понятна, потому что Вы тоже писали мне еще 3-го мая, что на днях вышлете мне мелкие вещи для фото, о которых я Вас просил. [Не писали] тоже о них с тех пор, но если окажется, что Вы их выслали, а они не дошли до меня, то простите и объясните совершенно особенными для Вас неизвестными условиями нашей жизни.

Относительно моего сотрудничества в *die Grüne Rast* с целью пробиться в лучшее и более соответствующее мне положение, как я вижу, надо оставить надежды. Из мно-жества написанного и напечатанного мы с Вами даже не имеем возможности составить и напечатать книгу о жи-вотных: это ли не поражение! И пусть все объясняется режимом экономии, – факт налицо: рассказы наши не вышли за пределы художественного кругозора воскресного любителя охоты. В связи с этой неудачей Ваши безрезультатные попытки [публикации] других моих сочинений отняли у меня охоту для новых попыток так основательно, что я не могу подогреть себя и [перестал] даже мечтать о новом объективе для Лейки с автоматической наводкой на фокус.

172

Моя литература до такой степени выходит из меня са-мого, из моей охоты писать, что заставлять себя, если не хочется, как многие делают, я положительно не могу. У нас предполагаются огромные перемены в организации литературного дела. Быть может, я через это получу тол-чок писать на социальные, злободневные темы и, быть может, приписка: и в Германии будет лучше тогда мы с Вами опять сделаем [опыт] «охотничьей карьеры».

загеркнуто: Книги мои здесь имеют какого-то неведомого и до того верного гитателя, кто купить их можно бывает лишь две недели после выхода. Если бы у нас было довольно бумаги и в особенности если бы мои книги здесь [сгитались] бы полезными, то и было бы [возможностей] больше...

23 Августа. Человека нет, сохраняется он только у са-мых хороших на смертный час. У Ценского, как и у Андре-ева, нет юмора, и у Ценского, кажется, еще недостаток в преднамеренности. Толстой и Достоевский не смеются тоже, а Гоголь смеется, Лесков шутит, Пушкин... Есть юмор у Пушкина? Если... должен быть: у Пушкина есть все.

Есть большие писатели без смеха и есть маленькие – тоже не смеются, и есть маленькие – удачно смеются, есть и большие смеются. Только очень большие могут не смеяться, талант же средних, не умеющих смеяться – по-дозрителен, маленький, если умеет смеяться, какой бы он ни был маленький, есть талант. Итак, правило: если ты сомневаешься в своем таланте, попробуй писать юморис-тику – будет выходить, ты талант во всяком случае.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Есть женщины, которые много работают, прямо убиваются на работе, и так устраивают, что помочь им нельзя; через это они устанавливают свою абсолютную власть и всех близких на каждом шагу попрекают своим трудом. Отчасти была такая моя мать (женщина!) и особенно Павловна (женщина и еще крестьянка!). На этой почве, из-за огорода – помидоров и проч. – создался у нас разлад. И это еще большой вопрос, так ли Зоя плоха, как представляет мне ее ежедневно Павловна.

173

Майхэ. Браконьеры.

Майхэ вблизи моря сливается с рекой Батальяндзой и образует при слиянии небольшое озеро, поезд пройдет по одному мостку, через Майхэ, по другому через Батальяндзу, тут кромками озера дойти до р. Майхэ вблизи [воды] крикнуть лодку: на той стороне у самого берега находится оленеводческий совхоз Майхэ. Так по рассказам просто, и днем, конечно, легко разобраться, но поезд пришел в темноте. Мы вышли двое и какая-то девушка с [че-моданом]. – Как доехать в Майхэ? – спросили мы. – Я иду в Майхэ, – ответила она. И мы пошли в темноте за ней. Ночь была сухая со звездами и комаров не было уже, а кореец почему-то развел громадный костер перед своей фанзой и, очень старый, совсем седой, сидел у огня. Мы загляделись, – до того это было красиво и для нас в незнакомой природе таинственно, как будто это огнепоклонник сидел. Слепленные огнем, мы не могли разглядеть в темноте озера. – Где же озеро? – спросили мы девушку. – Зачем вам озеро? – Так нам же надо в совхоз Майхэ. – Совхоз... а я иду в деревню Майхэ, совхоз Майхэ обратно, на той стороне железной дороги.

Мы вернулись, перешли линию. И тут началась путаница. По всей вероятности, мы попали на рисовые плантации и, вероятно, это были арыки, куда мы поминутно проваливались: тонули в грязи, выбирались и опять, и опять – позади огонь того корейца, впереди звезды и больше ничего. Через час ночь стала нам жаркой, ужасно пить захотелось, а конца все не было.

Есть такое особенное чувство, и кто его не испытал: это бывает, когда вокруг тебя все предстанет с полнейшим к тебе равнодушием. Бывает, конечно, это чаще всего в гостинице. Но уже и гостиница достаточно вошла в быт, чтобы и в ней чувствовать хоть кое-что, да своим. Но вот ночью, среди маньчжурской природы, на рисовых полях, которых отроду никогда не видали. Как чуждо и непонятно горит огонь, как бы ни на земле, ни на небе, и то покажется, то спрячется. Вдруг свистнул кто-то. Мой спутник понял, что это свистят пятнистые олени, мы прислушались – еще свистнули, еще: очевидно, олени издали по

174

ветру почуяли нас или услышали разговор и давали свои тревожные сигналы. Мы пошли на свист и скоро пришли к воде. Пробовали напиться – вода была соленая, и это значило, что море было близко и мы находились как раз против оленьего парка. Стали кричать лодку. Напротив в скале чуть видимо на черном звездном небе зажегся огонь, и в скором времени послышался плеск весел. Пока-зался китаец, и вот бы только нам садиться в лодку, вдруг китаец вскрикнул «боюсь!», ударил веслами в обратную сторону и скрылся во тьме. Через короткое время он опять появился. Как оказалось, он принял нас за браконьеров, предупредил, и когда там приготовились, посадил нас в лодку с чистой совестью.

Домик заведующего С. Ф. Юдина оказался действительно, [как нам говорили], врезанным в скалу. Мы спросили: – А разве есть браконьеры?

Зоопарк. Если бы в киноаппарат снимать историю края в сторону прошлого и будущего, то в прошлом, очень не-давно, только в восьмидесятих годах прошлого века, тайга на месте Владивостока начинает заметно плешиветь: и еще в этих годах тигры с одной сопки, ныне находящейся почти в центре города, хватали и уносили в тайгу часовых. Сопка эта теперь называется Тигровой, на ней нет ни одного дерева, и по камням и бетону ныне снятых укреплений бродят [домашние] козы. Так и на всех сопках Владивостока: домашние козы. В будущем, как в Японии, конечно, оголенные сопки будут покрываться садами и парками. Когда придет будущее, скоро или так себе, – неизвестно. В настоящее время характерна дикая тайга, неисследованная природа, и сам Владивосток поражает близостью к неизведанной природе: через несколько часов на поезде, какой-нибудь час в сторону и...

В 80-х годах еще тигры хватали часовых с Тигровой сопки, теперь сопки голые. Так недавно еще, прикрываясь широколиственной маньчжурской флорой, с сопки вниз глядели тигры, теперь на всех плешивых горах бродят домашние козы. Но прямо из городом сопки покрыты кустами, и прежняя девственная тайга с тиграми очень недале-

175

ко. Было интересно придумано: прямо за городом, где сопки уже порывы кустарником, разбросать вольеры с дикими животными, чтобы зоологический парк имел совершенный вид природы дробей Уссурийского края. Недавно сюда был

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru доставлен тигр прекрасного вида, еще молодой: принц из тигров. Один кинорежиссер с оператором взду-мали снять этого тигра в момент, когда он хватается дикую козу. Им это нужно было для пьесы «Китайцы» и средств для инсценировки они не пожалели. Вот они, Литвинов и М[ершин], рассказывали... (Все знают пьесы, но не видят, что для производства этих пьес создалась особая ки-ноармия, члены которой обладают бесстрашием военной армии (особая армия – целый мир).) Сколько приходится слышать удивительных рассказов о том, как деятели кино добывают себе материал на море и суше, и в воздухе, и в дебрях лесов, и в дебрях столиц. И что если бы эту их жизнь, как они добывают, записать и сравнить с тем, для чего это делалось, с пьесами? Что перевесит, правда их – или жалкий вымысел, штампованный киносценаристом?

Вот маленький опыт. В пьесе приписка: китайцы, если бы удалась киносъемка, тигр бросается в тайге на дикую козу, убивает ее и съедает. После того, по всей вероятности, входит какой-то герой, и зрители, потрясенные предшествующей дико-зверской сценой, силою, верят, что действие происходит действительно в дебрях Уссурийско-го края.

На полях: Стоит ли кинопьеса своего материала?

А вот как было в самой-самой действительности при добывании материала. По указанию режиссера Литви-нова за городом в сопках некоторая площадь тайги была огорожена крепкой проволочной сеткой и хорошо замаски-рована маньчжурскими растениями. Сюда была пущена дикая коза, только что пойманная в тайге. Клетка с голо-дным тигром так прилажена, что стоит дернуть за верев-ку, дверца открывается и тигр выходит в тайгу прямо про-тив козы. Отлично опытный оператор М[ершин], хорошо замаскированный, направляет свой объектив, дает сиг-

176

нал. Дверца открывается, тигр осторожно выходит, огля-дывается, пригибается и делает гигантский прыжок не на козу, а в чашу. Крепкая сетка отлично спружинила, и тигр летит обратно торчмя головой. Он делает скачок в проти-воположную сторону, и опять то же самое: назад торчмя головой.

И вот если бы в театре устроить как-нибудь параллель-ный спектакль, чтобы во время отдыха в антракте зритель посмотрел бы на тигра, как он летит [обратно] торчмя го-ловой и как меняется физиономия тов. М[ершина] во вре-мя киносъемки. И после того как в пьесе тигр разорвал козу, хорошо бы отдохнуть на такой действительно быв-шей сцене... Владивосток, в августе 1931 года. Ошеломлен-ный неудачей голодный тигр медленно направляется к козе, чем ближе, тем тише... Но он не пригибается, как кошка для прыжка, нет. И коза, видя уже тигра, не бежит, а занимается травой.

Приписка: Как это понять? Думается, гто в плену и голод меньше знажит, гем страх и жажда свободы. Быва-ет, даже хищник из хищников, пленный соболь на первых порах не [бросается на] голубя, как будто в плену еще надо угить, гтобы соболь был сободем, хватал голубя, а тигр козу...

И вот было при съемке в августе 1931 года, тигр робко подбирается к козе и нагиная лизать.

Тигр подбирается робко к козе и начинает осторожно лизать козе ляжку. Тов. М[ершин] опытный оператор, и он, конечно, как оператор на стороне жизни против сочини-теля, он, быть может, хочет поработать для творца, а не для сочинителя, он не растерялся и вертит ручку своего аппарата. Но тигр своим грубым языком долизался до мя-са, козе стало больно и она приписка: «пик!» – коза оа-геркнуто: вдруг пикнула, и от этого пика... Только раз один: пик! и уссурийский тигр в ужасе бросается, делая скачок в чашу и летя оттуда обратно к козе торчмя голо-вой. Теперь удивленная коза подходит к несчастному...

Так в точности было в августе 1931 г. за городом Вла-дивостоком в зоопарке.

177

Но мы еще на одну ступеньку спустимся к правде и по-смотрим, как для опытной [съемки] в кино добываются в тайге эти самые козы...

На полях: Теперь, когда я это пишу за многие тысячи верст от Уссур. края, мне приходит мысль: не тот ли это был тигр, о котором [говорили, тигр прекрасного вида, молодой принц из тигров]. Что, если так? Огень, огень возможно, а если бы и не так, то пусть будет так, и вот мы теперь спустились еще на ступень ближе к действительности, гем спусти-лись от пьесы «Китайцы» и нашли тигра в сопках за городом.

Этот документ о том, как был пойман тигр [за городом], вруген в Зверокомбинат на ходу: «вот, может быть, вам годится» оригинал письма, веро-ятно, остался в деле, мне же досталась машино-пись...

Возможно ли от этой правды спуститься еще к боль-шей правде о тиграх. В отделе экспорта товаров второсте-пенного значения мне [выдали] справку, что в 30-м году было доставлено тигров 20 штук и что все...

Как видно, дальше в сторону правды идти некуда, дальше начинается легенда, и

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
новая правда начинает рас-ти, враждебная легенде, что служащему для извлечения валюты уж надо [забыть] о легенде, [как] враждебной сти-хии.
Так [служащий] с тигром попал впросак. Не зная леген-ду, отправил тигров с незавязанными головами, и все-все тигры пришли без усов. Надо вообразить себе зрелище: тигры без усов. Оказалось, у тигров есть какой-то один ус, который открывает доступ ко [всякому] женскому сердцу, и корейцы, каждый веруя, что вырванный им ус есть на-стоящий, вырвали дочиста все. Но какая же цена тигровой голове без усов!

Как странно, что, спускаясь от вымысла к правде, мы еще утратим ее совершенно, потому что если валюту за правду считать, то какая же это правда, если должна опи-раться на легенду: какая цена голове без усов и какая цена усам без сказки.

178

– Бросать надо такое занятие! – сказал я в отделе экс-порта товаров
второстепенного значения на полях: бри-гада-ревизия, – вы питаете суеверие.
Бриг[адир]ответил:

– Если мы удовлетворим потребность в суеверии, то мы получим золото и [помощь] в строительстве Правды, если же мы в борьбе с неписанным суеверием бросим тиг-ров, мы будем питать контрабанду.

Все было так, но правда куда-то исчезла, вдруг растая-ла. Но как же так, с чего начинать? Какой-то герой... сочи-нитель пьесы, чтобы овладеть сердцем любимой женщи-ны, отправляется в тайгу убить тигра. Чтобы подготовить зрителя к восприятию этого ужаса, надо изобразить, что тигр разрывает козу. Все было хорошо, и вдруг во время [съемки] вымысел расходится с правдой: на сцене тигр разрывает козу, а в жизни – он лижет, на сцене мы бо-ремся с суеверием, в жизни им пользуемся... Что же делать сочинителю пьес, если вздумал с правдой считаться? По-звольте, но причем тут сочинитель? он действует во мне-нии, ему лишь было бы красиво и приписка: в лучшем случае правдоподобно, ведь красота может быть прос-той без всякого отношения к правде? С грустью ответит правдолюбец на эти слова, что да, красивость может быть создана и без правды, но... этого так много на свете, скоро такую красоту будут все шить на швейной машине, но ес-ли – случится же так! правда явится нам в красоте, то ведь такие творения переживут многие столетия... Итак, выбор: писать сценарии из материалов 1 нрзб. или же писать, как я, добывая материалы [в живой жизни], жерт-вуя красотой в слепой надежде, что правда когда-нибудь приведет меня к красоте.

Жень-Шень.

Мы так привыкли думать, что Европейские [ученые] и Тибетские индусы между собой живут как правда и вы-мысел и еще верней, как наука и религиозное суеверие.

24 Августа. Начались дожди. Заосеняло. Ждем разре-шения охоты.

179

«Отвлеченные темы» при разговоре с попом: о кротах, о пчелах (Анна Дмитриевна). Ефр. Павл. предана дому, а не лицу. Из этого понятно ее подчас полное пренебрежение к моему личному быту (вот 3 ночи уже мучусь, не сплю, прошу ее достать подуш-ку, а она не достает, «забывает», летние брюки так у нее в сундуке и пролежали, не собралась... и т. п. без конца). И нельзя обижаться – она безмерно предана дому. В ого-роде у нее каждое отдельное растение плохо живет (очень запущено), но их много, и «в общем» выгодный, хороший огород, числом берет. Вот это «крестьянское» определяет нашу революцию с ее массами и обезличкой. Задушевно беседует с любимой гусыней и вдруг сама собственной ру-кой зарежет за то, что «бесполезна».

загеркнуто: 1) Яйца курицу неугат. Вы не можете сами и об-ращаетесь к нам заугеньем, вратете: наугусь, а...

Требования старого писателя от молодых:

1) Молодой писатель полагает, что в Марксе, Ленине и Сталине все вопросы философии, этики, искусства ре-шены (диамат), и если взять технику у старых мастеров, то каждый может сделаться писателем.

2) Отсюда вытекает сектантское отношение к мировой литературе, из которой молодому писателю поступает для личного рассмотрения не все, а только угодное началь-ству.

3) Литература приравнивается к технике: коммунисты учатся у старых инженеров до тех пор, пока сами не будут инженерами. Но художников делает не техника, а искание правды в красоте.

4) Писатель не инженер еще потому, что даровитый писатель без всякого партстажа может стать на точку зре-ния коммуниста и в творениях может быть в политграмо-те сильнее, чем коммунист. Поэтому молодой коммунист, приступая к литературе, должен выбросить не только ком-чванство, но и весь задор моральный, порождаемый от пребывания в партии.

5) Писатель свободен в выборе темы: яблоко...

180

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Стал добираться до идеальной жены писателя и дошел до Софьи Андреевны Толстой и отсюда перешел к себе: очень опасно писателю критиковать свою жену, потому что писательство идет от обратного жизнепродолжению. Вот как это выходит: жена – это душа семьи, и оттого она думает не о личности, а о семье в том смысле, что семья – это будущее (надо дитя вырастить, накопление запаса; по семье и общество: все в будущем, а личность – это настоящее; писатель в своей личности собирает жизнь в настоящее, это большое хотение и осуществление в настоящем; там «мессия придет», здесь «он пришел»; там готовятся к будущему, здесь нечего готовиться: оно стало как настоящее. Крестьянки пренебрегают личностью для ржи, полководец людьми для победы (Керенский и солдат: «мое будущее – могила»; тут двусторонняя гибель, и обществу, и личности).

Русский народ лично не жил (т. е. не пользовался для жизни культурой лично), и потому от него не остается памятников культуры. Культура тут привязывается к временному, напр., религия для государства, и когда гибнет государство, гибнет и религия. Таков путь русского государства, но тем самым определяется особенно оригинально жизнь русского как личности: понятно, в этом случае надо брать не среднюю жизнь в семье, в народе, в государстве, а ту особенную жизнь вне семьи, общества и государства, это будет, вероятно, бродяга от физического до духовного состояния или интеллигент.

29 Августа. Дожди. Осень. Браконьеры.

Антивоенный конгресс (USSR как одно из явлений капит. кризиса после войны. Ликвидация кризиса, 1 нрзб USSR).

На полях: реальность – лигн(ое).

Совесть Щедрина в то время была так же растревожена, как теперь у нас растревожена совесть среднего человека, и, как у него, прямота и честность в поступках человека являлись как бы конечной последней реальностью, так и теперь жажда честного дела и честного слова стала

181

скрытой всеобщей потребностью, больше всего этого хочется, когда мало-мальски насытился хлебом.

Анна Дмитриевна разговор о кротах и пчелах считает отвлеченным, а конкретным (предметным) считает разговор в личном отношении к человеку в его повседневной жизни. В этом половина правды, потому половина, что личное (не электричество и трактор) распадается на личное усилие людей в обеспечении продолжения рода (Мессия придет) и личное, настоящее как конечная цель (Мессия пришел). Самый глупый женский разговор ближе к делу, чем «отвлеченный» (о кротах и пчелах и тракторах), но он именно тем утомительней для нас отвлеченного, что напоминает нам о нашем бессилии в осуществлении иного личного (Мессия пришел). Шестов и Бабель живут как дома среди этого бабьего лепета; Розанов, Ремизов тоже умели в это вникать. Розанов на этом создал свою поэзию. И анти-это: идейный, всегда в буднях своих книжный Мережковский и вся эта хлыстовщина до (ужас сказать)... си-филитика Блока (семья Розанова – наследственный си-филитис, Блок – личный и несчастливый).

Любящий человек обнимает другого вниманием самым близким к самому трудному и ежедневному (мимо моего окна женщины в разговоре идут на базар: их певучая речь о всем живом и съедобном). Вы говорите, что нефть и чугун, – пусть! Но вы должны это «отвлеченное» лично представить.

«Тело наказывай, а души не тревожь!» (Гиляровский. Рассказ о наказаниях. Мы же будем рассказывать, что у нас было наоборот: «душу наказывай, тело не тревожь».

1 Сентября. Вчера прочитали в «Известиях», что охота разрешена была еще 29-го, в тот день, когда мы с Петей браконьерили. Узнав, пошли сообщить членам кружка. Правление берет с нас деньги, но им дела нет до любительской охоты.

Другой союз (писателей) снова прислал анкету «соц. происхожд. и проч.» – в тысячный раз!

182

Завтра с Петей идем в Иовлево.

Материалы разбиваю на: 1) Реликты 2) Голубые песцы 3) Хуа-лу Олень-цветок.

Пафос реликтов: человеческая буква ять (двуперстие, Иванов-Разумник).

2 Сентября по 7 [Сентября]. Прошли утром через Тураково-Алексеево-Кресты – в Иовлево и 7-го утром вернулись из Иовлева через Колывань-Тураково в Сергиев. В Алексееве – охотник Василий Кузьмич Антипов, в Иовлеве Степан Григорьевич Мошаров (жена Катерина Ивановна). Долгие луга: Кобылино-Кресты-Спас-Тор-Беево, Кашеево, Сухарево, Бурцево. Урожай орехов, грибов и белок.

Определялись по мыслям – так бывает приметой ель, как пальма, с которой лапник обрубил для охвата угольных ям: на такой ели только у самой вершины пучок ветвей и, когда заблудишься, то стоит только забраться повыше, увидеть эту ель, и вот конечно, ты сейчас же и определил, куда тебе надо идти. Но вот, бывает, идешь среди однообразных кустов, между которыми клочками, где только можно,

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
выбрана трава, идешь и подумает: «Вот здесь эту вкусную траву не ско-сили почему-то, и она засохла напрасно, почему же ее не скосили и на такой прекрасной поляне?». И вот, положим, через много часов под вечер оказалось, что мы заблуди-лись и выбраться из лесу нет возможности, а хочется есть, и ни корочки хлеба, и морозит, а спичек не взял. Вот тогда делаешь отчаянное усилие на быстром ходу узнать, где ты, по каким-нибудь признакам и не можешь узнать, – везде ореховые кусты с поломанными ветками, полянки с выкошенной травой, иногда на полянке красный гриб, иногда черный, изредка белый. Что делать? В голове хаос, мысли, как у зверя, проходят потоком: пройдет, и не вер-нуть ее никогда. Но вот простая догадка явилась на во-прос, вставший еще утром: «почему вот эта вкусная трава засохла напрасно и ее в свое время не взяли косцы с той прекрасной обширной поляны?». Вот явились теперь до-

183

гадки – ответ: «потому не взяли эту траву косцы, что она еще до покоса засохла». Батюшки светы! а ведь поляна с этой сухой травой та же самая, на которой утром явился вопрос и к вечеру при новой встрече с ней созрел ответ. Какая радость! теперь мы непременно будем сыты сегод-ня и ночуем в тепле. Так вот, бывало, человек в лесу, раз-думывая на ходу, определяется в силу своей способности думать о каждой безделице.

На полях: И еще тоже наводит на мысль сухая трава, гто мысль моя блуждала, а сухая трава на поляне оста-валась, и мысль моя, разделенная на утренний во-прос и вегерную догадку, сошлась в единстве благо-даря тому, гто сухая трава оставалась на месте. И так, знагит, все: негто стоит, ивокруг него дру-гое движется, а то, гто, кажется, стоит, движет-ся вокруг себя, так все...

Маневры. Почему неприятно? Потому что в этом нет своей воли и только самым высшим командирам «инте-ресно». Основная ошибка и М. Горького в том, что он, выс-ший командир, думает, будто его маневры интересны «для всех». «Ужо тебе, строитель!». Социализм Евгения из «Мед-ного Всадника», «Униженных и оскорбленных», послед-него в первых, всех тружеников науки, искусства, людей сосредоточенных в себе, замкнутых...

Какая прохлада, лазурь в небесах, аромат желтеющих листьев! Но почему же ты не можешь быть беспечным, как раньше, разве не то же самое теперь? жил среди фарисеев, и теперь то же, и всегда будет то же самое отношение... Не-приятность: прежде был класс... теперь кусок поперек гор-ла... но и то неверно... Ты страдаешь просто как писатель, что тогда ты имел возможность своим хорошим «делом» заполнять внутреннюю пустоту, теперь все стало серьез-ней: ты должен в этой «пустоте» или пустыне стать на свои ноги.

Пендрии теряют основу – запас легкомыслия: не дума-ет о прошлом и славе... а мы все Пендрии...

Анти-война. Это рождено – пусть капитализмом, но отрицание есть отрицание, а не «да», и кто-то другой ска-

184

жет «да», и вот, зорко всматриваясь в неминуемый ход со-бытий, мы должны готовиться к «да»...

Лес был завален верхушками, пролезая по ним, мы за-лезли в осинник пятилетнего возраста, в нем догнивали дрова, сложенные иногда в такие [громадные] поленницы, что казалось, это были остатки мостов. А уже рубили но-вый лес. Вот и вредительство... Происхождение вредителя в том, что хороший Х, вступая в борьбу с дурным Y, дол-жен бороться с ним, тратив все свое хорошее на зло, кото-рым он должен победить основное зло: война – это расхо-ды на пушки, и контр-война – расходы на пушки; или власть – требует бюрократии, но там не все бюрократы, там 1 нрзб., а здесь все...

Может ли в этих условиях родиться новый человек с мировым «да»... Новый человек из силы земли и солнца, там в недрах – забытого? неизведанного? – родники от-кроет. Все эти отрицательные силы (капитализм, война и пр.) ведут к тому, но не их же нам прославлять!

Петушки. В конце лета в выводках тетеревей и глуха-рей у петушков мешаются перья: на серой младенческой основе пера появляются пятна черные. Так и у молодых нынешних писателей перья мешаются. Читаешь, – все хорошо по старинке написано по классикам настоящим или же по тем, которых дурной вкус эпохи признал за классиков: неплохая, но серенькая литература; и вдруг на сером [редкие] пятнышки новых перьев линяющего писа-теля, неожиданный реверанс в сторону нового времени, семинарская «похвала» государственной линии. Главное, что никому такая «похвала» и не нужна, всякий предста-витель главной линии, читая эту «похвалу», поморщит-ся... приписка: (Губер) Есть писатели из старых петухов, те напишут о строительстве, не мешая перьев, но так на-пишут ловко, что никак не узнаешь в холодном и закон-ченном языке того прежнего писателя (М.)

Есть, однако, из старых, кто решил искренне покаять-ся в прошлых ошибках, пишет

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
о своем покаянии, не по-дозревая, что оно никому не интересно и вообще совсем
даже неважно.

185

Есть даровитые писатели-танцоры, они как будто на резиновых каблуках ходят
неслышно-изгибчиво, все вби-рают в себя, в свой талант и, увлекаясь, своим
писанием дают какой-то обманчивый ореол вокруг правды. А нужен писатрль, знающий
правду и такой даровитый, что правду эту сумеет поселить в красоте, а ведь
только это и надо пи-сателю, чтобы жизненную правду суметь поселить в двор-це
красоты.

Буква ять – у реликвий и реликт без ять... Ять, как при-вычка. Сегодня вы
приехали жить в неприятное место: там дрова, там навоз, там... Завтра вам лучше,
вы начинае-те работать, послезавтрего что-то вышло, и вы невольно соединяете
свою радость с дровами, навозом – и это хо-рошо, без этой старой привычки нельзя
было бы жить и творить на земле. Но есть и опасность в таких привыч-ках: когда
сила творчества почему-либо ослабевает, то начи-нает казаться, что новые условия в
том виноваты, как же: раньше направо от меня были дрова, налево кричал пе-тух,
напротив собака висела на заборе, и солнышко ее драз-нило пятнами, и я писал, а
теперь и это место... Словом, я подменяю внутреннюю свою какую-то причину
внеш-ней, связываюсь с ней и остаюсь на земле как реликвия...

Так оагеркнуто: некоторые до сих пор, давно утра-тив живую веру, ведут образ
жизни 17-го века, ссылаясь на веру в двуперстие, есть оагеркнуто: грамотеи
оста-новившие свое личное продвижение в творчестве культу-ры из-за какой-нибудь
буквы, привычной, как была для всех нас буква «ять»... Все это реликвии, а то
есть релик-ты, существа, сохраняющие себя при всяких условиях, им не только
буква «ять» не препятствие, а взята хотя бы тигра, оставляющего свой след на
снегу уссурийского края: ему не была препятствием перемена зимы, [звери
третич-ной эпохи остались до] нашего времени, и он сохранил в себе совершенного
тигра, красивого и страшного зверя, в новых условиях. Есть из [растений] корень
Жень-Шень, продолжающий тысячи лет жить как корень жизни, и вот именно этот
корень и наводит на понимание реликта как корня жизни.

186

На полях: В процессе жизнетворчества надо освоить мате-риал, но не доходить до
привычки с поглощением себя своим материалом: тогда, если привычка возь-мет
верх, и полугится не реликт, а реликвия.

Ландшафт – это человек сам с собой; пустота среди грохота в городе и живой крик
раздавленного; и в деревне под вечер выйти из избы к сенному сараю: месяц
молодой приписка: молодой и мокрый от росы, первое осеннее бормотание тетерев,
рев коров... Ночь – это буря: гармо-ния и дикий рев; дремлющее начало: все
засыпают, и вдруг дикий рев! Тогда значительна жизнь в себе самом (город: крик
раздавленного в пустоте; деревня: в ночной тишине рев жизни).

На полях: После ясно-звездной ноги в сентябре, если не мороз, то бывает такая
обильная, такая мокрая седая роса, гто и утренний бледный месяц кажется мок-рым.
9 сентября. Сегодня из расчески вылетел еще один зуб, и явился вопрос, можно ли
где-нибудь теперь достать расческу. И так почти по всем предметам «ширпотреба» и
во всей стране. А сколько выщербляется из нравствен-ного мира людей и ничем не
заменяется необходимым для уверенности в завтрашнем дне. И ты, гражданин
совет-ский, разве не чувствуешь, что, живя в случайном и хва-тая случайное
(сегодня что-то дают, спешите!), ты сам пре-вращаешься в случай и тем самым
выходишь за пределы закономерности... Но это психология обывателя или уста-лого
рядового в осажденной крепости. Вожди и передовые бойцы живут верой в светлое
будущее. Так было, когда Керенский сулил светлое будущее, а рядовой ему ответил,
что его будущее – могила. Но то был момент гибели вож-дя: да, «могила» солдата
была могилой вождя. Это теперь учитывают и спешат восстановить ширпотреб, т. е.
удовле-творить, заглушить... Впрочем, сам человек, социально разделенный и
обессиленный, не страшен, строить без че-ловека нельзя, – вот где источник
тревоги.

Наполях: Да, бывало в истории геловегства не раз, гто вслед за смертью
какого-то рядового солдата сле-

187

дует гибель вождя, но, конегно, должно погибнуть безвестно большое гисло
рядовых, пока дойдет оге-редь до того, кто влечет за собой гибель вождя. Итак,
существует предельный рядовой, определя-ющий тем или другим действием своим дело
вож-дя. И я так себя самого понимаю и отсюда у меня до сих пор было сознание,
гто если я поднимусь и ста-ну за Советы... и прог.

Вопрос в том, существует прямое вредительство или же оно само собой выходит как
следствие неверных посы-лок? Например, как можно предположить, что при
обсуж-дении плана пятилетки вовсе забыли о человеке-потребителе... И нынешняя
нехватка в «ширпотребе» не есть ли то же самое, что в царской войне явилось в

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
решительный момент как нехватка снарядов? Были ли Сухомлинов прямым вредителем? Нет же, все вытекало из системы, и я лично думаю...

Корень плохого вот в чем. Раньше казалось, что вот если я целиком поднимусь и стану грудью за советы, то советы победят весь мир; а теперь последствия моего подъема кем-то уже предусмотрены, теперь, герой, ты ни-кого не обманешь, тебя отметят, наградят, обласкают, а потом изучат, разберут, разъяснят и отправят на склад к Бухарину и другим почетным реликвиям. Выходит, что стараться-то не из чего, и я, как солдат Керенского, пред-вижу для себя только могилу.

Но позвольте, можно же...

В истории Керенского и рядового явился нам момент предельности воли вождя и предельности веры и послушания рядового. Большевизм по началу своему и был го-лосом предельного рядового, но дальше игра началась сно-ва. Так вот, Михаил, ты, кажется, у края: ведь это ты себя самого считал всегда предельным рядовым и большевизм выразил... нет! это невыразимо... как только выразится, так и конец состоянию...

Итак, вот тема: вождь и предельный рядовой.

Много рядовых должны были безвестно погибнуть, пока не дошло до того предельного, благополучие которого является победой вождя, а его упадок и смерть опреде-

188

ляют плен народа и гибель вождя. Об этом предельном рядовом я хочу написать свою повесть, потому что мне это ближе всего, я сам всегда хотел быть предельным; не герой, не вождь, не тот, кто обещает будущее, а тот, кто заключает в себе совесть события, рядовой человек, чающий во тьме света и совершенно необходимый для собы-тия, но незнаемый, – вот кому я сочувствовал и в своем русском социализме, и в русском искусстве.

На полях: невольном империализме, на войне, и в социализме и в искусстве.

То же самое имя писателя.

Лучше всего это видно в искусстве, где за именем стоит человек; имя – это обещание, власть, а за ним, среди мно-жества существ, безвестно определяющих победу имени, мне дорого предельное рядовое существо, определяющее содержание и правду в творчестве. Его нельзя назвать или выдвинуть вперед, потому что от этого почему-то обык-новенно кончается красота в искусстве, но без него красо-та бесчеловечна. Именно вот в этом все и состоит, чтобы правда нашей собственной жизни поселилась в красоте, – тогда будет большое искусство, тогда создается великое имя. Так вот, в этом явлении именитого лица меня интере-сует предельный рядовой, чающий сам безымянно опре-деливший победу и явление имени.

Круг. Урожай грибов белых, красных и черных. Уро-жай рябины и орехов (20 лет тому назад, в 13 году перед войной, тоже, листьев не видно, все орехи: положил ме-шок в короб, берешь и всыпаешь и вдруг 3 пуда, поднять не можешь, а надо идти, умру, а вынесу). Заготовщики грибов где-то уксус достали и немного дают. В Иовлеве на деньги кроме яиц (70 р.) ничего не купишь, а в колхозе ря-дом торгуют маслом (9 р. фунт). Полки людей за орехами, по 100 чел. ночует в деревне чужих. Нашел белый и рубль: на полянах с редкими березами старыми белые грибы. Птицу всю в [чашу] загнали. Клещей урожай. Траву косят в кустах рывками, и вдруг целая поляна не кошена и трава засохла. Вот вопрос: «почему же рядом рывками брали в кустах, а тут целая поляна не кошена?» Так, было, стал

189

вопрос, и, может быть, и дал бы ответ, догадался, но ря-дом с поляной на скошенном явился глазу белый гриб в полной и такой удивительной красе, что другой вопрос явился и стал; мучительный это вопрос о правде и красо-те, что если правда, то она почему-то заслоняет у нас со-бой красоту, а если красота, то в ней правды нет, – как же их согласовать так же просто, как все согласовано в этом грибе? Но и этот вопрос был перебит, из-за кустов вышли два охотника по грибам, оказались оба рабочие с Возне-сенской фабрики. Мы разговорились, они говорили мне о пользе собирания грибов и об отдыхе: – Вот это отдых! А другие это считают за старый предрассудок. – Конечно, это старый отдых, есть и новые. – Да, новые: за бутыл-кой – это новый, а за грибами – старые...

Блуждание. Вечерняя догадка о сухой траве – первое, а второе о разноречии правды и красоты, что если правда поселится в красоте, то и создание искусства будет совер-шенно (справка об этом выше). Так вот оказалось, что вопросы никакие не пропадают, а сами по себе вырастают в ответ, как грибы появляются из-под земли на свет. И еще, что самое удивительное, это что по мыслям можно место искать на земле: утром на месте стал вопрос, а вечером по ответу на вопрос вспомнишь место.

11 сентября. Со стихами приходил учитель Горьку-шин из дер. Душищево (возле Рогачева, Редриковы горы). Зоя с матерью поехали квартиру искать в Салтыковке. Вчера был Лева, – вот и Лева какой был советский че-ловек! и то теперь сбит с

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru толку. В распределителях нет ни-чего. Вокруг нищета и злоба в атмосфере безнадежности. По-видимому, скоро должна быть перемена в политике... «Состояние духа» (бывает, скажешь по-старому и уди-вишься роскоши досуга старого времени: считались, напр., с каким-то «состоянием духа!»), – так вот, «состояние ду-ха» у меня очень похоже на то, как бывает в путешествиях при долгом ожидании поезда или парохода, не живешь, а стараешься лишь «провести время», а так как совершенно не видно конца вынужденному сиденью, то мучит со-весть: «разве в твои-то годы можно проводить время!»

190

Между тем, работа из рук валится, не хватает не то бензина, не то воды, как где-то было с трактором: не хва-тило воды, мужики поссут – он поедет немного, остано-вится – опять поссут. Так живешь и едешь рывками весь какой-то обоссанный. Проснешься ночью, выйдешь на крыльцо и удивишься: звезды все еще висят! И начинаешь с усердием всматриваться в это – небесно-божье бесчело-вечие. Мало-помалу, однако, от этого почему-то стано-вится лучше, начинаешь размышлять о причинах подав-ленности и находишь их, первое, в том, что утром сегодня, расчесывая волосы, выломил зуб из расчески и подумал: «Где я достану, если гребень вовсе сломается!» Это я поду-мал, а потом прочитал в газете, что в каком-то не касаю-щемся моей личной повседневной жизни отношении мы в 2 У2 раза перегнали Америку. Сопоставляешь газетное, идейное с этим обывательским состоянием и пробуешь, конечно, защитить себя. Пусть, думаешь, он вождь, а я ря-довой – ладно! Только я не простой рядовой, я близок к рядовому предельному, смерть которого... Да вот смерть! Сколько рядовых должно безвестно погибнуть, пока не дойдет до предельного, смерть которого влечет за собой непременно гибель вождя...

Раздумывая о нынешнем циничном отношении народа к вождям, я прихожу к мысли, что это деревенская этика перекинулась в государственную, в русском деревенском народе на всякое свое близкое начальство смотрят как на необходимое зло, и в начальники идет последний человек. С другой стороны, есть какой-то неназываемый началь-ник, вмещающий в себя всю совесть и правду всякого де-ла, он, этот предельный рядовой, пожалуй, даже не выра-жается персонально, а все-таки он есть, и без него все бессовестно и победы никакой быть не может. Вот почему теперь и берутся за писателей, – что без этого предельно-го рядового, писателя, никакой победы не может быть. Но, с другой стороны, вызов предельного рядового, быть мо-жет, есть дело вредителя, который хочет покончить с ним и сделать все совершенно бессовестным, погубить весь «исторический опыт» и все распустить в грязь.

191

Темные последователи Нилуса видят этого вредителя в жидах, М. Горький в «кучке приписка: международ-ных хищников-капиталистов». Я же все это считаю сует-верием, принимающим частное за общее. Тем не менее, вредитель, конечно, есть, как существо с бесчисленными именами и лицами, – общее имя ему Кашей Бессмертный. Но это же старый знакомый, встречаясь с ним, я выпрям-ляюсь, я чувствую себя в сфере того предельного рядово-го, для которого вожди и начальники лишь маленькие люди...

Так вот, простояв целый час с непокрытой головой под звездами в сентябрьскую ночь, я вроде как бы помолился и ложусь спать, с удивлением повторяя странные слова: «Спаси, Господи, люди Твоя!»

НВ. Горький причину вины, зла видит в «кучке между-народных хищников» капиталистов, но известно, что крупнейшие капиталисты евреи, – вот мост, на котором большевик сходится с последователем Нилуса, крайняя левая и крайняя правая.

12 Сентября. Тепло, ясно и опять сухо. Без дождей едва ли дупеля полетят, но я думаю, надо все-таки прове-рять болота в Итлари.

Вчера приезжала некая Афанасьева, делегатка от ком-сомола, просить меня принять участие в чествовании Горького (40-е лит. деятельности). Вел я себя, как ведут в изгнании опальные генералы. Она говорила, что в дет-ской литер, снова линию повели на фантастику и сказку (уже и статья Чуковского).

Так окончилась пора индустриально-утилитарного ис-кусства. Эта линия, конечно, произошла из генеральной линии государства, имеющей в виду только полезное.

Ис-кусство, напротив, является из бесполезного, и если от не-го бывает польза, то она является нам не из авторского загада, а из последующего приспособления явления ис-кусства к жизни: это дело критиков и школьных учителей.

Журн. «Охотник», ред. Ларский, бездарность, понятия не имеет об охоте, над ним главн. ред. – ветеринар Ни-

192

Кольский, с 4-мя ромбами. Был раньше редактором че-ловек с тремя ромбами, вел плохо, прибавили ромб, стал редактировать человек с четырьмя ромбами, но дело,

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
ока-залось, было не в ромбах...

Иван Постный 13 Сент. Поезда в Итларь. Патроны 50

Загеркнуто: Конегно, прежде всего возможностью таких от-ношений между разными народностями харак-тером таких глубоких прекрасных отношений русского с китайцем, а потом и диалектикой жизни старого Лувена и мальгика. Казалось... Трогательной прежде всего, конегно, возмож-ностью таких прекрасных отношений людей со-вершенно разной культуры, разной национальнo-сти и рода занятий. Впрогем, есть множество...

Была весна, прошла, и вспомнить нечего. Осенью ста-новится уже странно: «как же ты пропустил весну?»

Новая песнь. Не во мне дело, я давным-давно, когда взялся за перо, чувствовал «новую песнь», а вот важно, что теперь все так, даже люди как бы предназначенные рождением и воспитанием для охраны старого, теперь вы-нуждены к хоровому сознанию: старое совершенно про-шло, и нужна новая песнь.

13 Сентября. Иван Постный. Дупелиный пролет. Утром в 10.30 собираемся с Петей в Итларь на разведку. Лева пробует переменить московское жилище за Бутыр-ской заставой на две комнаты в Леонтьевском.

Властелин должен быть не нашим (викинг или божий помазанник), если же он наш, то это последний человеши-ко, вроде тех, кто идет в деревенское начальство. Так во время революции власть упала с небес [и дальше] падает.

Поиски корня жизни – с разделением всего на релик-вии и на реликты. Название книги «Корень жизни».

15 [Сентября]. Вечером вернулись. Район Итлари: Перово, Горки, Караш, Борушка, Токарево, Пирогово,

193

Григорово. Урочище Ценское. В Перове: Андрей Ивано-вич – Евдок. Александр.

Рыжовы. История с секретарем сельсовета в Иреметьеве. Привязался: «охота не разреше-на». Как начальство запомнило запрещение, а разрешение знать не хочет.

Пьян, с папкой: – В Иреметьеве до сих пор на Ивана Постного три дня гуляют...

Так пришлось в на-шем краю, что на Ивана Постного приписка: (запомнить:

достного) летит к нам самая жирная птица дупель и в де-ревне, празднуя Постного святого, три дня гуляют. – Сло-во за слово и дошло до ругани, дошло до «в морду дам». Чем бы это кончилось, но я вспомнил и крикнул ему: – Утри нос! – Он медленно поднес руку к лицу, стал вы-тирать, а я ему: – Вот сейчас сам вытер, а если дальше будешь хрипеть, утру я тебе. – В ГПЭУ! – закричал он и рысью бросился в прогон. Это один полюс (начальство). Другой полюс был, когда мы уезжали: молодой пьяный парень терроризировал весь вокзал (бюрократизм и анар-хизм). И все-таки русская правда у большевиков. Точно так же, несмотря ни на что, дальневосточная правда, и в частности, даже китайская – у японцев. Так выпадает. Вот именно, не с «точки зрения» это, не «взгляд», а так выпа-дает роль сложения из равнодействующих бесчисленных, неучитываемых сил. Выпала роль Японии принести на Запад китайскую правду, и она может сколько угодно бес-чинствовать. Так точно выпала роль большевикам, фа-шистам в Италии... Отношение к этому должно быть как к наводнению: – историческая стихия мало чем отлича-ется от стихии физической.

Ели из одной чашки с Андреем Ивановичем, боялись обидеть его, а он и не понимает, что нам это противно. Так же крестьянин не понимает желанья отдельной комнаты... И если это продолжить, противопоставляя весь быт крес-тьянина интеллигенту, вплоть до Страшного Суда, то ему этот Суд предстанет в виде изъязвленного человека на од-ной постели, праведник вытрет язвы и рядом уснет; напро-тив, интеллигент представит праведника борцом за личное сознание (требуется: отдельный ватерклозет). Известно, что путь борьбы за личное сознание приводит человека

194

к отдельному теплomu нужнику приписка: ватерклозе-ту, а путь коммунизма иногда кончается клоакой нашего вокзала с дыркой из мужского в женское отделение-Известно, что путь борьбы за личное сознание приво-дит человека мало-помалу по мере его цивилизации к не-обходимости иметь отдельную комнату, а впоследствии и собственный отдельный теплый ватерклозет. И вот те-перь, когда некоторые хотят превратить коммунизм в обез-личку, в клоаку, подобную вокзальной в провинции с дыр-кой в перегородке мужского и женского, призыв к борьбе за личное творческое сознание представляется исходя-щим из желания иметь свой отдельный теплый ватеркло-зет... И даже в литературе простое повторение местоиме-ния «я» иным кажется замаскированным желанием теплой уборной с ванной и кухни с газовой плитой.

Дорогая Фега Евсеевна, мне досадно, что я Вас выну-дил писать большое письмо и повторять то, что Вы уже много раз мне повторяли. То, что Вы пишете мне о легко-сти устройства вещей, если налицо успех, я уже испытал и до сих испытываю

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru у себя: за моими рассказами до сих пор здесь издатели и редакторы охотятся. До революции приписка: группы писателей и поэтов, и проч., и проч. мы здесь диктовали условия издателям и определяли их деятельность. Теперь у нас издатель один, – государство, «успех» для всякого маленького писателя обеспечен, раз он хочет быть просто полезным государству. (Но государство нуждается не только в полезных писателях, а в совести и правде литературы. Мы, старые писатели, большие мастера и частью даже прямо классики русского слова, не можем сразу справиться с этой огромной задачей: приспособиться и остаться самими собой. Во всяком случае, дело не в «успехе», а в чем-то бесконечно большем. И вот это большое искание часто отнимает силы и охоту от «успеха» и маленьких дел. Надо ли переживать социальную революцию? Возможен ответ, что не надо. Но если кто ее пережил, то другой, имеющий хотя бы самую превосходную [интуицию], не переживая сам, никогда не поймет ни на-

195 шей бесконечной жадности к жизни, ни нашего бесконечного к ней оагеркнуто: презрения равнодушия.) В скобках выпустить. Вообще я славу свою у себя на родине пережил, и она не помолодеет, если придет от немцев. Буду совершенно откровенным, интересуюсь «успехом», во-первых, с точки зрения добывания валюты для моего фото-спорта, а во-вторых, мне очень хочется доставить удовольствие Вам, с такой радостью и заботливостью выполняющей мои желания. Загеркнуто: Недавно я виделся с Пильняком и в разговоре упомянул Вас, он сказал: приписка: он с большой похвалой отозвался о Вао «Я был у нее, это такая хорошая женщина!» Вся беда в том, что плохо пишется. Я написал, было, значительную часть приписка: 4 листа книги «Даурская земля» и отдал ее для печати в «Новый Мир». В ней проходит мотив сочувствия китайцам, явившийся под непосредственным впечатлением от нападения Японии. Теперь я свое сочувствие считаю наивным, бросил сюжет и стараюсь весь материал представить как «поиски корня жизни». Торопиться мне незачем, т. к. материальная сторона моей жизни вполне обеспечена моими старыми книгами, – ну, вот я и позволяю себе роскошь сидеть над вещью. И согласитесь, что нельзя же из-за фотографии... Во всяком случае, вопрос месяца или двух.

Сегодня за чаем я стал говорить: – Зоя, конечно, за эту зиму многого добилась, теперь ей никакой труд не страшен. – Конторщицей сделалась, – вставила Павловна, – так мы все бы могли: ребенка бросила. – Что же делать? – сказал Петя. – Ей надо бы шесть лет сидеть прикованной к ребенку, а теперь она... ведь она не только просто конторщицей, она счетовод и даже заменяет бухгалтера, это не маленькое дело: заменяла целый месяц на трикотажной фабрике бухгалтера. – В ответ на это Павловна сказала: – Вот и мне бы надо было в бухгалтерши! Ах, дура я, дура! была бы бухгалтершей, а теперь всю жизнь на тебя, на осла, даром истратила. – И в слезы.

Вот я и попал в эту глухую борьбу молодой бухгалтерши с матерью: «Мамочка! Зюечка!», кажется, так ласково, 196

а Зюечка всю ночь плачет и не дает Пете спать, а Павловна точит меня день и ночь и не дает мне работать. Начинаю думать, что в этом роде везде и только не видно с лица. Все такие вопросы решаются, в конце концов, приспособлением, иначе невозможно бы жить. Итак, приспособление в таком плане. Петя с Зоей переселяются в Салтыковку, Миша к старухе, и найдем туда прислугу. Корову продаем. В 6-й день молодые будут приезжать. Так Павловне будет легко, и она до некоторой степени перестанет мучить меня. Но все-таки надо сделать так, чтобы в Москве можно было работать, в Москву, собственно, и надо перенести свой рабочий кабинет и так постепенно устроиться, чтобы можно было долго и по-главному жить, а сюда ездить, как ездят сезонники с отхожих промыслов.

Как ни бейся, но ни за что не скажешь, кто виноват у нас, кто неуживчив, у кого дурной характер. Я вспыльчив, но чрезвычайно отходчив, она мелочна, коплива до крайности и т. п. Если бы с самого начала относиться к ней как к ребенку и держаться на некотором расстоянии, чтобы она не смела и думать переступить некоторую черту, она бы могла остаться драгоценным другом. Я же, открыв ей полную близость к себе, в то же время тем самым показал и невозможность ей быть в моем деле со мной. И вот теперь... я не знаю, когда я пообедаю, когда помоюсь, когда получу от нее белье, и она в этом издевается надо мной, как только может, зная, что только в этом я от нее завишу. Итак, отдать ей тут все, пусть тут у нее будет ее царство, а самому прочно устраиваться в Москве.

Самое большое вредительство, конечно, война. Некоторые видят вредителей в кучке приписка: международных хищников-капиталистов, другие считают, что во всем виноваты «жиды». Я лично представляю себе вредительство как процесс насилия человека над другим человеком с разрушением в нем лично-творческого оагеркнуто: процесса жизни. Капитализм? Мне этого мало приписка: мне этого мало, или много:

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
для меня это общее место, я художник и мыслю в образах: первовредителем и на-сильником я считаю Кашея Бессмертного. Приписка: Ни-

197

какой моралист за это меня не осудит. Я художник, при-писка: я личная сущность, я дух личности, и потому я не могу откладывать борьбу с Кашеем на завтра: я сейчас, сию минуту, чтобы взяться за перо, должен чувствовать в себе силу приписка: уверенность борьбы с кашеем. Как человек, пропитанный культурой города, я особенно живо чувствую радость при встрече с природой и силу этой радости проповедую в своих охотничьих рассказах для борьбы с силой зла Кашея Бессмертного. Приписка: И так, я в своей повседневной жизни постоянно меняю ружье на перо и так по-своему борюсь с вредительством, поселяя радость. Рабочий, напр., 11-го химического за-вода, принужденный вдыхать в себя вредные газы, член нашего охотничьего кружка, читая мои рассказы, очень хорошо меня понимает: мой рассказ даст ему бодрость в выполнении долга, побудит его в свободное время вый-ти на воздух, а не отдаваться пьянке. Я таких ребят знаю лично, им в голову не придет думать, что я своими расска-зами увожу читателя в несуществующее Берендеево цар-ство. Это может сказать только тупой педагог, так ярко, так правдиво изображенный Корнеем Чуковским (Лит. изд-во) и мной самим тоже неплохо в описании детства Курымушки в романе «Кашеева цепь».

На меня такого тупого педагога наслали в доистори-ческое время, до постановления Цека партии о свободе мысли художника. Этот вредитель приписка: выполняя волю пославшего представил мою художественную кон-цепцию зла частью как биологизм, и с тех пор я как писа-тель «разъясненный» и устранен от читателя, я не могу с ним перекликнуться, и охотничьих моих рассказов больше нигде не печатают: временно Кашей-вредитель торжествует.

Ну, ладно же! Если новых писать нельзя, я возьму ста-рые, признанные классическими, общеизвестные, школь-ные: «Ярик», «Нерль», «Ленин на охоте» и множество дру-гих, соберу все в том «Записки охотника» – вот будет хрестоматия-то. Книгу издала «Молодая гвардия».

К статье Чуковского: он пишет, что инженер не может обойтись в своем восприятии без сказки, потому что ин-

198

женер значит изобретатель. Позвольте сказать, что писа-тель и есть главный, самый главный инженер, потому главный, что просто инженерное изобретение есть собы-тие, а писатель изобретает поминутно...

18 Сентября. Вчера Лева привез решение переехать в Москве на Леонтьевский, меняя площадь в 46 кв. метров за Бутырской заставой на 26 (две комнаты) в центре. Та-ким образом, я могу начинать выполнение своего плана. Сегодня еду смотреть и, если понравится, 21-го мы пере-едем.

20–21–22–23 Сентября. Итларь. Ездили с Петей на дупелей, не нашли, убили: 3 вальдшнепа, 4 куропатки, 1 тетерева, 2 чирка, 1 бекаса.

В косых лучах вечернего солнца огромная страшная синяя туча, пронесло и опять... Две сороки на верху ели, – прекрасные! Вечер у пруда и Андрей Иваныч с язвой в же-лудке.

В чем дело? В жизни хоть раз каждому доводится по-смотреть на самого себя со стороны бесчувственно. А еще бывает, и на мир так смотришь, как будто это все уже ви-дел...

Колхозник подвез нас от терочного завода до Боруш-ки. – Ни-че-го! Много не заработаешь, а харчи ни-че-го! – больше ничего он не мог сказать о колхозном житье, и получалось от его слов, будто он не в коллективном хо-зяйстве участвовал, а жил у хозяина. Редкий день у кого-нибудь покажется кусочек сахара. Тут вот и думаешь, что в это самое время М. Горький опять справляет свой юби-лей, достигая такой славы, какой не знал ни один писа-тель в мире (Павловна говорит «самозванец»).

Утро. Косые лучи солнца сквозь мокрую траву, и отто-го под ногой трава ярко зеленая, как изумруд. Пахнет пре-красно. Дрозды трещат. В небе грачи строятся... Только все это не для людей. Народа тут нет.

24 Сентября. Юбилей Горького.

199

За спиной Толстого, Чехова, пользуясь их простодуши-ем, прошел этот хитрый самозванец русской культуры, и теперь, когда все покончено с русской правдой и совес-тью, когда по градам ходят в лохмотьях, а по весям в ред-ком колхозном доме даже в праздник [не] увидишь кусо-чек сахару, когда маленькие дети там, у земли, никогда не видят ни баранки, ни сладкого, наш отец, обедаясь ита-льянским вареньем, на глазах всех устраивает себе оче-редной юбилей.

Постепенно Горький как бы сбрасывает с себя гуманитарно-босаяцкие одеяния, орех раскрывается, является самое ядро русского хама.

Едва ли на свете какой-нибудь человек при жизни сво-ей обладал такой славой.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Настоящая слава распространяется во времени, переходя медленно в широкие слои общества по мере их просвещения (Гейне, Пушкин). Горький начинал с «ширпотреба» и при жизни своей высосал свою славу из последнего октябренька даже: ему же честь – честь...

Что же останется? Литературно – третьестепенный писатель, ничтожный публицист и такой же ничтожный оратор...

Вот на улице что-то гремит, – телега это мужицкая гремит на замороженных колеях или по нехватке дегтя сама телега его издает всевозможные звуки, или отряд пионеров в честь Максима Горького под барабан, распугивая от себя птиц и животных, отправляется на прогулку «в природу»?

Горький к этому своему юбилею определился окончательно и стал самой яркой, самой показной личностью социальной революции. Он обобрал, восхищаясь, всю бескрайнюю широту души русского человека с его огромной землей, гостеприимством, праздностью, вольной волей, чтобы показать нам, какая с государственной точки зрения скверная это и фантастически-бесполезная земля. Он почти убедил, почти всех, что Россия была – ничто, какой-то праздный грех и прах. Мало того! Теперь, когда встречаешь еще какого-нибудь доверчивого, правдивого и совестливого человека, то думаешь: наверно, он и су-

200

ществует только для того, чтобы за спиной его проходил где-нибудь еще какой-нибудь маленький Максим Горький...

Нынче вся страна существует как флаг соц. революции для всего света, на поддержку этого флага поднят весь народ и Максим Горький во главе, именно он, а не какой-нибудь Сталин.

На полях: Проба пера «Пионер»: слишком острое, собирает с бумаги шерсть и сразу же забывается. Но если не налегать, то можно долго писать... а впрогем... перо гертежника Чертежник как будто лугше, не забывается нисколько.

Терошный завод (село Караш ст. Итларь): Симуляция.

Бывало, раньше мужик на своей яровой полосе выберет местечко посуше, наверху, и там у него картошка или гречиха, пониже, где лучше земля – там овес, а внизу лен, и вот как цветисто получается: гречиха – розовый ситчик, картошка темно-зеленая цветет по-своему, овес зеленеет светлый, лен в самой нежной зелени, и на светло-зеленом прячутся и не могут скрыться голубые цветочки. Теперь нет мужика, а колхозникам велено для терошного завода одну картошку сажать: куда глаз хватит, до самого горизонта везде картошка. На днях ударил мороз, всю зелень убило и почернело вокруг. И убирают-то мрачно. Бывало, темно, огонек, семья: «Просим милости к нашей теплинке!» Теперь машина пришла, и колхозники без слов, без теплинки, без радости выгоняют себе трудодни, памятуя: кто не работает, тот и не ест.

Чуть позажиточней кто, – раскулачили. Андрей Иваич Рыжов, старик, раскулаченный, занялся кротами, ловил их, [скоро переловил] всех, кротов не стало, поехал к Ростову – и там кротов повывели, неделю ездил, привез две пары. А между тем, за кротов все больше и больше дают «симуляции» (так переиначивают мужики стимуляцию, т. е. какой-то процент цены за крота натурой, главным образом мануфактурой). Просто очень выгодно бы теперь из-за большой «симуляции» заниматься, а кротов выловили. И еще открылась язва в желудке. В большом

201

голом обобранном доме на печке теперь умирает старик-кротолов...

Начало рассказа.

По улице несли покойника, и за гробом шло очень много людей. Бухгалтер трикотажной фабрики, выглянув из окна, понял, что это не за покойником люди, а хвост за папиросами, и сейчас же, крикнув товарищам: «выдают папиросы!» – бросился вниз. В это время его помощник подошел к конторке, быстро что-то сделал в книгах и возвратился на место. – Вот так фунт! – воскликнул бухгалтер, возвращаясь на место. – Я думал, выдают папиросы, а оказалось, покойник! – Выдают покойников? – засмеялся помощник.

25 Сентября. Сегодня Леву призывают, но не возьмут: астigmatизм.

Кашея-вредителя (в Лит. изд.), конечно, не напечатали, но книжку («Записки охотника») будто бы освобождают. И вообще установилась тактика: разрешать все острые вопросы в личном порядке, – «на тебе, отвяжись!» В этой линии каждому ловкачу можно жить очень хорошо. Вот был назначен паек 80 лучшим писателям, а получают его 280, причем писатели вроде Григорьева сидят без пайка, а машинистки получают. По этой линии идут разные Леоновы, Лидины, советские мещане. Хорошо бы поднять Герцена! Вот это идея: перечитать, поднять всех старых писателей и, с одной стороны, их глазами взглянуть в наше время, с другой – глазами советского раба на них посмотреть и так поразмыслить о материалах собственной жизни с окончательной целью написать Кашея.

Читал о «бомбардировке протонов», о завоевании стратосферы и думал о тех, кто

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru жил без радио и аэропланов, и дальше еще – кто жил без железных дорог, и еще дальше – без огнестрельного оружия, и... жили не хуже нас, и, вероятно, не лучше. В чем же дело, – в «жизни» или в роли фактора «сознания», вроде бродильного грибка, или в достижении личного бессмертия?

202

Есть три понимания: первое – это «грибок сознания» (психология ученого), второе – дело жизни, т. е. чтобы всю метафизику, весь романтизм ученого направить на пользу человека (эта наша советская идея), третье – цель всего бытия вселенной бессмертная личность (христианство). Вот три миропонимания, которые можно представить как троицу: космос, человек и дух. Итак, новое время характерно, с одной стороны, прозрением в космос, и... по-человечески на этом все кончается, живется ни лучше, ни хуже древних (2-е), и личность (3-е) замирает, – вот тут и Кащей...

Кашей прошлого (буква ять) и Кашей будущего. 1-е – это когда движение жизни задерживается от привязанности к пережитому (буква ять), 2-е – ради одного движения губится жизнь (а «жизнь» – это есть настоящее, есть радость). Кашей – это вот еще что: взять наших мужиков, ведь они все индивидуалисты и всякую общественную работу делают нехотя; система колхозных трудодней – это единственное средство принудить их работать для общества. Но, конечно, отдельные крестьяне есть отличные общественники, и вот то, что они со всей радостью делали бы от себя, теперь им из-за ленивых анархических масс приходится делать под палкой; для них-то именно государственное принуждение и является Кашеем. Горький – это типичный анархист. Как же вышло, что он стал ярмом государственником?

Вот как вышло: большевики взяли власть, из этого все и вышло. Взяли... – «Надо было» – «Не надо было» – вот на чем разошлась интеллигенция. Власть была взята для того, чтобы этой силой уничтожить капитализм и устроить трудовое государство. Анти-большевики считали, что госуд. власть брать нельзя, потому что людей переделывать надо не принудительно-материальным путем, а путем духовного перевоспитания (иные, лев. эсеры, представляли себе это перевоспитание как бы взрывом скопленного в гуще народной добра, другие, меньшевики, – постепенным ростом пролетарского сознания вместе с ростом ка-

203

питализма). Большевики оказались правыми, власть надо было брать, иначе все вернулось бы к старому.

Монархия держалась традицией, привычка заменяла принуждение. В новом государстве новый план потребовал для своего выполнения принуждение во много раз большее, а люди все те же и еще хуже... В конце концов рост государственного принуждения привел к столкновению коллективного сознания и личного и в творчестве к торжеству количества над качеством, «сознания» (идеи) над бытием, предписания над бытом («я в декрете» – скажет женщина, а не «я беременная»), в производстве громадных, подобных пирамидам, заводов над предметами широкого потребления, в человеке – покорный слуга-автомат над критической личностью. Дошло до того, что всякий личный избыток (творчество ученых и т. п.) стали обращать в общее хозяйство, всякий недостаток и вытекающий из него бунт гасить персонально (пайком или ссылкой).

На полях: Неверный шаг правителя многомиллионного народа по силе своей увеличивается на месте применения во много миллионов раз, и потому... Поправка на себя, на свое зрение: я смотрю на все с точки зрения человека, не согласного с тем, что в начальное время революционеру надо было брать власть; этот угар прошел в моей юности, и я смотрю на ту революцию как на мой же угар, повторенный в миллионах и переживаемый. Но в личности угар «проходит» безответственно: я ошибся, я и поправился; в обществе один ошибся, а поправляет другой, и все видно, и за все каждый отвечает; в этом и есть разница в нашем и оагеркнуто: том, прежнем и нынешним: угар проходит, остается долг. Теперь совершается как бы Страшный Суд над всею русской мечтой. Все, кто шел против царя, должен был на себя взять его дело: будь сам царем: «сами комиссары, сами председатели». И если я, простой революционер, задет, то как же задет Горький! Итак, из всего прошлого, из всей мечты теперь нечто выходит, и мы все в ужасе видим, испытываем на себе то,

204

что выходит: мне это Кашей, другому Максим Горький. И оно будет все дальше выходить незнаемое... Посеяли, а теперь жнем.

27 сентября. Утром до обеда мелкий дождь из тумана. Мы с Петей ходили за прислугой в Бобошино и за весь день не нашли ни одного вальдшнепа. После обеда явилось солнце, в бобошинском болоте нашли двух бекасов и гаршнепа. Вечером у черного моста была тяга вальдшнепов, протянуло четыре, взяли двух (в 7 в. после 1-й звезды). Тишина, деревья, расцвеченные и как восковые. Вальдшнепы летели

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru беззвучно, как летучие мыши. Так тепло, что теперь в самом конце сентября при наступлении ночи светило... зажег свою лампочку.

На полях: Растут волнушки в большом гисле, и рыжики изредка попадаются. Кто место знает, берет еще белые. А опенки переросли. В Бобошине общественная заготовка грибов, прямо немывые с улитками ве-лигиной в тайное блюдетко опенки варят в котлах.

Не помню теперь я больше снов и не выхожу навстречу случаю, даже без надежды живу на перемену к лучшему, а держусь больше привычки и повторяю собой то самое, что повторял мой народ многие тысячи лет (китаец).

28 Сентября. Беседовал с Дуней, говорит – жалуется, что жизнь все хуже и хуже и что теперь даже смешно, когда одумаешься: мы говорим «в первые трудные годы революции» или в «то голодное время», а между тем теперь уже стало хуже того времени; и, главное, скучно: день ото дня не отделяется, не успел оглянуться – недели нет и вспомнить нечего, кроме худого: все стали нервные, не наедаются, злятся. Заключение Дуни: «Если жизнь скоро не улучшится, значит, всех нас хотят уморить».

Вечером ходил на пруды и был поражен: плотина закончена, стоит теперь закрыть шлюзы, и вода будет до самого города. И вот тут раскрывается М. Горький и ему по-добные: он смотрит на плотину и радуется; мы смотрим на людей и горюем и не хотим видеть плотины.

205

Приходил некий человек, имеющий 7 чел. детей. Он говорил, что все и всюду ждут чего-то нового, он имел в виду апокалипсическую новую песнь («и храмов больше не будет»). Говорили мы еще, что капитал в существе своем исходит из личной инициативы... капитал имеет родником своим... источник капитала есть личная догадка-Собственность: вот река, пришел человек, зачерпнул воды, и эта вода есть уже его собственность, и владелец ведра есть уже царь: так все мы цари. Весь вопрос в том, ликвидируется кризис за границей и все идет к продолжительному миру, или, напротив, кризис разрешится новой войной. В первом случае внутри нашей соц. государственности должна проникнуть собственность, и установится некое-торое равновесие, в противоположном...

29 Сентября. Происхождение «новой песни» понятно: люди в отчаянии сбрасывают последний балласт, эту религию Сына Человеческого, и от этого им кажется, будто они выше летят, в царство духовной свободы, где храмов уже нет и песнь новая. Пустыня изжита, и уже никто не в состоянии начать подвиг в дебрях лесов, как преп. Сергей, но есть новая пустыня, недоступная обыкновенному смертному, это пустыня новых внешних знаний, священных в существе своем уже потому, что они преграждают вход всем и требуют непременно особенной личности в человеке, определяемой избранием (много званых, но мало избранных). И не из тех физических пустынь явятся теперь к нам про-роки, достигающие ясности духа путем умерщвления плоти, они придут к нам из пустынь высшего знания и мудрости, обретаемой в самой жизни духа...

Попик бедный в пожелтевшем и позеленевшем от времени подряснике идет по улице, принимая на себя насмешки и даже камни ребят; понимаешь, рассуждая, что это герой идет, превосходящий мужеством всех окружающих, и в то же самое время чувствуешь сам в себе неприязнь к этому подвижнику: правда, зачем он идет, раздражая всех исключительно только своим внешним видом, одеждой и волосами, именно с целью этого отделения

206

и раздражения оставленными духовенству Петром Великим. Останови этого попика и спроси...

30 Сентября. Люди эти, религиозные или определившие мысль свою проходить в берегах религии, попали в такую муку, о которой когда-то читали в Житиях Свя-тых, но в возможность повторения их в наше время прос-то не верили. Первое время они, встретив библейскую муку, переносили ее геройски, подогревая себя надеждой скорого конца и своего торжества. Так проходили годы, и десяток лет прошел, и вошли в середину второго десятка, а из муки как-то ничего не выходило, так что мука стала уже обыденностью. Мало-помалу стало очевидностью, что мука эта не имеет конца впереди, а назад все позабывается, и в воспоминаниях ни плохого, ни хорошего ничего не встает. Тогда муки больше не стало, это оказалась не мука, а такая жизнь, сама настоящая жизнь. Вот тогда только люди эти поняли в самом сердце своем, что все прежнее кончилось и прошло, и вот именно, что вся сумма страданий не дала никакого смысла, не пошла в заслугу, не перешла в спасение, не дала воскресения, это самое и открыло глаза, и стало ясным для всех их, что целая эпоха и связанное с ней верование в необходимость духовно-целительного страдания прошла. Тогда ветер, проходящий через пустыню с этими догоревшими кострами, стал открывать среди них редкие искры, раздувать... Там и тут стали появляться люди, проповедующие новую жизнь,

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru в которой больше храмов не нужно, и все совершенно новое, и песнь другая. ...это, кажется, целительный ветер; вот хотя бы эта моя больная злоба и мои статьи сразу же отпадают: не помо-жешь этим, вложи меч свой в ножны. И слышится призыв: «Люди, люди, приготовьтесь к новой жизни, в новом граде, созданном на вашей крови». (Жизнь Дуни: жила 15 лет, проклиная большевиков и их строительство, и однажды вышла постирать белье и вдруг увидела плотину, перешла ее и приняла как свою. Так все вообще рождается в муках, из чего вовсе не следует, что муки целительны и неизбежны.)

207

1 Октября. Сегодня восход холодный в морозном тумане. Я слился с жизнью природы, и в душе вдруг, как голубь, затрепетала радость жизни. И я понял в это мгновение, что это чувство есть чувство личности и что отсюда исходит, в этом рождается чувство собственности: хочет-ся жить и все делать своим. И бороться против собственности значит бороться и против личности, и победить собственность значит уничтожить все личное в человеке и превратить его в раба. Нет, надо бороться не с собственностью, а с определенной, пережитой формой собственности, вроде собственности на землю. Надо изменить лишь применение силы личного и обратить чувство собственности на творчество, отвечающее времени... До сих пор революция была в самую личность, и вот из этой раны ис-текает моя злоба. Так была одно время во мне почти ма-ния преследования, и вдруг как-то я ее понял, рассмотрел, и она прошла. Так точно надо ждать ликвидации моей ка-кой-то срывной злобы (Артем)...

2 Октября. Заливка явилась на наш двор. Революцию начинает обыватель («хлеба!») и кончает

чиновник (бывш. идеолог). Революция наступает, когда оба эти элемента в состоянии недовольства (сейчас обыватель недоволен, а чиновник в общем стоит за правитель-ство), и вот почему такое гонение на «идею» (идея должна быть только строго советская).

3 Октября. Куплена и застрелена лошадь для собак. Явилась комсомолка от «Ком. Правды», просила «охотни-чьей романтики». День сияюще-теплый. Принес вальд-шнепа.

Молодые охотники! охотничий инстинкт обыкновенно переживает самого охотника, и оттого нравственно дрях-лых охотников нет, и если кто из вас охотник, то значит, он всегда молод душой и будет молод до гроба. Нет, молодости мне у вас не занимать, а называю вас «молодыми» ис-ключительно в смысле вашего небольшого опыта и стрем-люсь в этом смысле дать вам хорошие советы.

208

Первое, отправляясь на охоту, не надо бить в барабан, как делают это в наше время пионеры. На многие кило-метры вокруг себя... распугивают все живое вокруг себя галдежом возле своего лагеря. В лесу надо ходить тихо, все замечать и думать. Лучшим учителем для охотника является кошка, с нее надо брать пример на первых порах, а потом постепенно переходить к собаке и смотреть на нее. Да, на первых порах я не рекомендовал бы в лес брать с собой собаку: надо учиться подкрадываться, как кошка, и брать добычу просто руками, [просто] подманивая. Та-ким образом, вы можете наловить себе сколько угодно молодых тетеревей, выходить у себя дома и где-нибудь на чердаке устроить тетеревиный ток. Вы можете подманить [даже] лисицу писком на выстрел из лука и сразить ее стрелой. И вообще, я думаю...

Люди, не понимающие инстинкт охотника, часто осуж-дают убийство зверей и птиц от своей жалости к ним. Так и мы сейчас от жалости к человеку судим дурно о строи-тельстве. До того плохо живут люди, так мучатся, что ра-доваться строительству можно только со стороны, как де-лал это Максим Горький, проживая у фашистов в Италии, или как иностранцы, которым показывают «достижения» (рассказ «Плотина»).

5 Октября. Вчера написал и сегодня отправил в «Ком-сомольскую правду» в удовлетворение спроса на «роман-тику» письмо «Завет охотникам», которое будет напеча-тано перед моим рассказом «Смертный пробег». «В желудке и кишках у меня кухня с вонючими газами, и это нисколь-ко не мешает мне наслаждаться солнечным светом и аро-матом цветов. Так точно прочнейшая зависимость моя от общества (тоже кишки!) не должна препятствовать мне быть самим собой. А вы хотите, чтобы я забыл лицо свое и занялся кишками...»

Трутень. Пока дети росли, ей казалось, что муж-пья-ница зачем-то нужен ей, но когда дети выросли и все опре-делились, она вдруг поняла ненужность этой главы семей-

209

ства и выгнала его, выбросив из окна его самовар, пальто, примус и малярную кисть. Он шел пьяный летом в мехо-вом пальто с примусом, самоваром и малярною кистью, ругался, бил самовар о мостовую. Народ окружил его, все смеялись.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Он. Дождь и хлопья мокрого снега, растворились все хляби небесные. Седой старик в лаптях, в юбке из грязных мешков, с корзиной в руке стучит под окнами и собирает ради Христа. И как подумаешь только, что «я» у этого нищего такой же единственный и исключительный орган восприятия мира, т. е. я хочу сказать, что с его фактической и невольной «точки зрения» его бытие важнее всего в мире, а я, например, я – М. Пришвин со своими рассказами просто даже неведомое существо, а также Пушкин приписка: какой там я! – даже сам [Пушкин]. Ему просто и некогда о нас знать... Итак, этот Он идет и месит грязь. Вот я об этом и хочу сказать, что Он, по всей вероятности, не только не мечтает, как я, о всяких волшебных возможностях, а даже ему жизнь есть тяжкое бремя, и он, если бы не веровал в Бога, с наслаждением лег бы под забором в грязь и к завтраму умер. И, тем не менее, на одной точке земли Он исключает меня, и на каких-то весах мы совершенно равны, его «я» и мое. Да, вот Он и заворачивает ко мне. Он просится в мой дом...

Царедворцы.

Писатели проникли ко «Двору». Быть при Дворе стало необходимостью для писателя, имеющего виды на положение и славу. Лучше всего это видно по Толстому, который прошлый год еще заявил Разумнику, что он теперь «стоит за сов. власть», а в нынешнем году уже и переселяется в Москву. Все эти писатели, Толстой, Леонов, Пильняк (тоже хитрец) и сам Максим, мне представляются всегда как бы на пружинах, такие они все умные и хитрые, и, главное, живучие. Среди стариков остаются очень немногие независимые, типа Белого, а молодежь, конечно, есть всякая, конечно, среди молодых есть живущие исключительно во власти своего таланта.

210

6 Октября. Пора вставлять зимние рамы. Корову (яловая) ликвидируем, останемся на зиму без молока, но с мясом. Зоя уедет учиться, вообще уедет от нас к Пете. Внука надо взять у старухи, и пусть он будет с Павловной. Буфет и все хозяйство к Павловне. Собираемся в выходные дни. Марья Павл. приедет на помощь, и будет хорошо. Я буду наполовину и даже на 3/4 слевой в Москве. Подготовить прочную обстановку для независимой уединенной работы (Москва – для борьбы за это). Пределы планов строителя лежат в материалах, а не в совести (совести у строителя нет). Но материал ограничивает и даже рушит планы.

8 Октября. Сергиев день. Мороз. Утро белое. (Белое утро) Белое утро.

Бывает, человек до последнего доходит в тоске по человеку, а вот жизнь не складывается, случая такого не выходит, чтобы завязались какие-нибудь глубокие личные отношения; при такой нехватке основной нельзя удовлетвориться каким-нибудь занятием, все равно, астрономия это или марксизм: тогда мир разделяется на внутренний и внешний так резко, что... Ну, вот как бывает, от бесчеловечья вся сердечная жизнь вкладывается в какую-нибудь собачонку, и жизнь этой собачонки становится фактом безмерно более значительным, чем какое-нибудь величайшее открытие в физике, обещающее в будущем человеку даровой хлеб. Виноват ли такой, отдавший свое чело-веческое чувство собаке? Чем он виноват, если не было в нужный момент человека? Где же он был, человек? Он был чем-нибудь занят или до крайности раздражен добычей пищи и в этом раздражении прошел мимо своего человека и не заметил его.

На полях: Где же геловек?

Зоя – нытик, т. е. существо, скрывающее свой эгоизм в нытье. Кроме того, по недостатку ума, что ли, перед ней всегда не сама жизнь, а какая-то линия жизни: «вот так

211

бы надо, как следует, как люди делают, как все, а у меня для этого нет возможности» и проч. Возможно, что для нее губительно влияние матери, возможно, что сознает свою помеху Петинной жизни. Петя, конечно, в курсе, и, значит, в плену.

Ну, вот белое утро. Просмотрел наш овраг, через Каляевку перешел на глиновскую капусту, где нашел тогда куропаток: капусту убрали, куропатки исчезли. Краем озими спустился к речке и через Вифанию попал на Афанасьевские зеленя и домой. Кружок сделал от 8 ч. у. до 2 д. Вальдшнепы есть (видел 5), но стайки не выдерживают, вероят-но, от мороза.

Кончил Дрянского (Записки мелкотравчатого) и вспомнил Зворыкина – это соврем. Дрянский. Оба очень талантливы до тех пор, как не выходят из сферы охоты, а как вышли – полный провал. Это происходит от избытка привязанности к самому материалу и оттого недостатка «легкомыслия», необходимого для перехода к иному материалу. У охотничьих писателей вся затея выходит из самой охоты:

затейник-писатель в охоте рождается, а вне охоты он просто тужится, надумывает («Амазонка» Дрянского). Я, хотя и не утонул в охот, материалах, но тоже испытываю в сильной степени их давление.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
(Умер К. К. Гедройц, оказывается, знаменитый, мирово-ученый, почвовед. Неужели это мой Гедройц за время моего обывательства так вырос? Похоже на плотину.) Наука была подвигом даже и в своем безбожии. Теперь же она не только подвиг, но и среда для подвига, подобно прежней «пустыне». Пусть копошатся техники в приспособлении к пользе науки, ученый думает не только не о пользе, а даже отвлекается вообще от человека. Даже и в маленькой научной работе первое условие «объектив-ность» сопровождается чувством, подобным отрыву от земли летчика: отрываешься от человеческого. И в самых человеческих науках дело идет не о живом нашем человеке. И вот, если теперь какой-нибудь ученый верует в Бога и стремится согласовать со своей верой науку, то он дела-

212

ет точно то же самое дело, которое делали отцы-пустын-ники. Бог остается тем же самым, человеческая пустыня изменилась. Понятно, прежнюю пустыню, размножаясь, заняли люди, общество. Личный простор для подвига остался в науке, и новый пророк или «преподобный» бу-дет первым ученым (это рассуждение старо само по себе, но ценна в нем смена пустынь).

9 Октября. Опять белое утро. На дворе обглоданная собаками лошадиная голова. Ворона прилетела на антен-ну, кричит всем воронам и сорокам: летите, одна боюсь. На все антенны сели вороны, осмотрели, сообща все ре-шили: опасно! и улетели. После того прилетели сороки и прямо к голове, они, конечно, не глупее ворон и опас-ность знают, но рассчитывали на свое проворство, спо-собность урвать и улететь: скок-скок! и нет...

В это время в окно к нам с улицы постучались стеколь-щики. Павловна не торопясь стала одеваться: подождут. Выслала Маню, пришла Маня: за две рамы 100 р.! Павлов-на не торопится: подождут, выслала Маню. – Больше 5 р. не спускают. – Спустят! – Идет сама, дает 80. Стеколь-щики уходят. – Вернутся! – Стекольщики долго стоят у ворот, она смотрит на них из-за гардины. – Уходят! – Не уйдут! – Ушли к сапожнику. – Вернутся». – Ушли под гору, ушли, вернуть? – Сами вернутся...

В это время вороны, пролетая, увидели пирующих на лошадиной голове сорок и спустились. Моя пулька пора-зила одну, сороки окружили мертвую и чекотали, пренеб-регая опасностью, как будто хотели поднять ее. Странная жизнь! Тысячи лет проходят по жизни возле человека, со-вершаются великие открытия в звездах, в звуке, во всем, но жизнь этого самого близкого человеку существа оста-ется совершенно незнаемой, и никто не может сказать, по-чему сороки при самом легком открывании окна припис-ка: рамы улетают, а тут после выстрела окружили ворону, чекают и как будто кричат: «поднимайся, поднимайся, улетай!»

В это время Павловна заметила из-за гардины возвра-щение стекольщиков и шепотом на весь дом говорила,

213

сияя: «идут, идут». Стекольщики принялись за работу, а я отправился в сберкассу достать для них денег, кстати, надо было дать в газету объявление о пропаже коровы. После кассы на базаре встретил Мих. Филип. Стрелкова, соседа, узнал, что корову он вчера нашу видел около «1-го номера» (Смычки) и прогнал ее за переезд. – Наверно, милиционер отвел ее, надо идти в милицию, – сказал он. Это я намотал себе на ус, а объявление все-таки дал. Ви-дел в редакции Варю Розанову, пишет на машинке. Смеш-но, что дочь Вас. Вас. Розанова эту свою работу в газетке «Вперед» ставит в связь с литературным прошлым «на-шей семьи».

Купил на базаре арбуз и два белых хлеба, арбуз 3 р., хлеба по 3 р., все вошло в мой мешок и получилось вроде как бы я несу футбол. Встретилась, идет с базара Мария Виссарионовна. Нам с ней было по пути. Разговаривали о том, что люди нынешнего общества столь же различны в своем материальном положении, как и старого, я, напр., имея паек в Москве, здесь корову и деньгами в месяц до 1000 руб., представляю из себя теперь высшего «буржуя» старого времени, она, имеющая возможность мазать кар-тошку постн. маслом – прежний средний класс, а ниже люди, не имеющие возможности мазать картошку, разные служащие, бухгалтера и т. п. Говорили, что факт переме-ны существует, но к чему ведет эта перемена, неизвестно, что злоба в интеллигенции уменьшилась, все пристрои-лись и повиливают хвостиками, а в народной глубине зло-ба нарастает все больше и больше. Мелькнула мысль опи-сать нашу повседневную жизнь в борьбе за существование, вот как утром начал описывать ворон и сорок у лошадиной головы – эту действительность и рядом строительство, как идеализм. Строительство всегда и везде было жестоко к человеку. Европа как мировой строитель в сравнении с Востоком. Поэзия строительства должна быть бесчело-вечна.

Встретился Пет. Конст. Кочерыгин, доктор. Я ему по-казал свои пальцы: обжег реактивами, заживут и опять трескаются, и опять заживают, и вот уже 4 месяца. – Нер-

214

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
вы! – сказал доктор, – теперь масса болезней объясняется нервами, рак, подумайте, рак сплошь да рядом в 30 лет, и все от нервов, подумайте только, рак от нервов! И у вас это от рака, все от рака, ах, извините: от нервов, а сами знаете, нервы разве возможно лечить, надо условия переменить. – Ну, – ответил я, – нервы в моем возрасте каждый должен сам лечить, вот возьму, уеду на охоту и вылечу. – Не вылечите! – засмеялся он и побежал лечить людей. Это последний из могокан, последний из тех наших старых добрых бегунов-докторов. Ему, с утра до ночи имеющему дело с больными людьми, невозможно прославлять строительство. И, в сущности, «нервы» для него – это «объективная причина», ссылка на злое время, своего рода протест. Приди я к нему, как обыватель, с трешницей, он бы просто принялся лечить мне пальцы, чем-нибудь помазал бы, ну, хотя бы посоветовал носить резин, напальчники и меньше раздражать кожу. Теперь же встреча со мной для него – это отвод души, и «нервы» это не дело, а философия или политика. Вернувшись домой, я сдал покупку и сейчас же в милицию. Там в стойле нашел я «Червонку», человек возле нее объяснил, что Червонку нашли на коровьем базаре, какой-то пьяненький вел ее, еще бы немного и пошла бы на мясо. – А этого озорства, – сказал я, – как будто у нас раньше не было. – Какое же это озорство, – ответил он, – корова беспризорная, каждый может взять ее и вести куда угодно, это не озорство. – Мне нужно было, как оказалось, составить протокол и уплатить три рубля. Пошли к дежурному, тот взглянул на меня и сказал: «не нужно протокола». В милиции, как не раз я замечал, меньше бюрократич.-бумажного окостенения, чем в других учреждениях, и многое делается, как и в революцию, «на глазок». – То-то обрадую хозяйку! – сказал я в стойле первому человеку. – А за протокол-то бы вам, – сказал он, – пришлось бы платить 15 руб. плюс здесь 3 – вот и 18! Теперь же вы заплатите 5. – Ему надо было сказать «три плюс два в его пользу». Это было удивительно, что только два! Червонку я вел за веревочку по всему городу. – Хорошая корова, сытая! – говорили одни, а другие отвечали: – А сам-то! – К сожалению, жена

215

сапожника где-то пронюхала, что корова в милиции, и предупредила Павловну: – Хоть и мало вашего молочка пьем, а вот обедать бросила и прибежала. – Во время обеда с Павловной с горечью говорили, что вот мне, писателю, все утро пришлось отдать корове, а молодая сноха сидела и готовилась к экзамену в вуз: ей некогда. Тоже и Петя такой, всюду его посылаешь насильно, всегда ему некогда. Итак, я сегодня через сорок и ворон вник в чрезвычайную зависимость современника от «конской головы» и пришел к необходимости изучения быта на фоне строительства. Быт надо изучать во время посещения знакомых домов, путем расспроса хозяек, и доходить до конской головы, и сквозь конскую голову провидеть «природу». Напротив, выведывая строительство, надо приблизиться к «идею». Строительство: 1) Каляевка, 2) Птицетрест, 3) Рыбный Совхоз, 4) Игрушки. 10 октября. Утро мягкое и сизое, отчего эта синева, трудно сказать, быть может, это дым рассеялся и не может подняться, а может быть, ночь, сама от себя сырая и тяжелая, оставляет эту дымку до тех пор, как сильный свет делает ее незаметной. Тепло и великая тишина. Солнце за легкими облаками, а кое-где на чистом небе есть даже и облако летнее. Мороз вчера поднажал, и вальдшнепов на их местах больше я уже не нашел. Теперь в тишине уснуть бы гончих или в рог затрубить.

Много раскрылось секретов в лесу: вот елка, оказалась, жила все лето незаметно для всех в тесной дружбе с осиной и теперь приняла на себя всю ее золотую листву. Открылась рябина совершенно, одна только ягода красная на черных сучках. Одна счастливая ворона где-то достала целую кишку и клюет ее на лужайке. Десятки других ворон сидят вблизи на дереве и дожидаются случая, который даст им возможность овладеть этой собственностью. Но несколько ворон трудолюбивых с хорошим характером избрали себе рябину, грузно уселись на голый и клюют красную ягоду вместе [с] двумя грачами (значит,

216

еще есть грачи!) и галкой. Прекрасная панорама лесистых холмов открывается по дороге от Глинково в Тураково.

Семья. Лодыри теперь невозможны в семье, каждому члену семьи не только надо приносить домой жалованье и паек, но еще на свой лад уметь извертываться в добывании разных льгот сверх пайка и жалованья, улаживать, рыскать, выуживать, сговариваться, хлопотать и т. п. при-том не так чтобы дожидаться приказа от старших, а само-му по своему загаду быть всюду добытчиком. Ребенок, больной, неумельный или нытик в большинстве случаев решают судьбу той или другой семьи. Дорогой друг, не пишу Вам, потому что старое совершенно прошло, а новая песня не складывается. В то же время я чувствую, что становая жила моя (как любил говорить А. М. Ремизов) цела. И вот получается, как с ози-мью под снегом: живешь, а не растешь, и оттого другому, родственнику, нечего сказать, он там

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru сидит, я здесь. Пом-ните, я говорил Вам о необходимости иметь в Москве жи-лице. 11 [Октября]. Сильный мороз. Белое утро. Пробовал Заливку, гонял зайца до обеда. Быт, который собираюсь я изучать, нереален, потому что недостаток в питании создает неверную оценку дейст-вительности, правда, под влиянием голода мы создаем се-бе иллюзорное представление о предмете своих желаний, и это представление вмиг исчезает при насыщении (то же, между прочим, бывает при половом голоде).

12 [Октября]. Мягкое утро. Через электрический свет пробило живое, и оказалось, это широко-золотая заря с прослойками голубого, заря, как лицо всей жизни. Вче-ра, наконец, явился монтер и дал свет, и вечером у нас опять стало свободно...

На востоке все лично, на западе – механизм. Но не-приятность к механическому, вероятно, возникает от бессилия... На востоке работают для удовлетворения лич-

217
ного вкуса, на западе – удовлетворяют массы (не я лично, а все – в этом все, и это, демократизм, порождает социа-лизм и коммунизм; в коммунизме против капитализма + государство – механизм...) Быт наш складывается. 1) Проявить 2) Заготовка патрон 3) Порядок Вальдшнепов с собакой не нашлось, но вечером один протянул... Убито два гаршнепа.

13 [Октября]. Очень тепло после ночного дождя. Ве-чером жду Леву с Новиковым-Прибоем. Завтра по пути в Бобошино у нас вырвется гончая и, чтобы поймать ее, убьем зайца и так начнем за день до срока разрешения. Два хитреца: Толстой и Пильняк. Толстой открыто по-лез к меценатам и даже из Детского села переезжает в Москву, он даже прямо и сказал оагеркнуто: Разумни-ку, что он теперь пришел к убеждению, – он за совет-скую власть. Это надо понимать так, что Толстой признал полное отсутствие силы и какого-нибудь значения в том, что мы по-старому называли «общественным мнением», и, установив этот факт, признал «за «совесть» советскую власть. – Вот Пильняк, – сказал я Григорьеву, – хитрее, он берет тоже все от власти и живет у нас как иностранец, но притом считается с «общественным мнением». – А раз-ве еще это существует? – спросил Серг. Тим. – Мы этого сами знать не можем, – ответил я, – ведь это мы же сами, но если смотреть на Толстого, то нас нет, а если на Пиль-няка, то как будто живем. А вот приезжал один мученик, походил по «нам» и говорит, что он слышит новую песнь, так точно он чувствует Бога, хотя храмов уже почти и нет... Вы спрашиваете меня, и я вам отвечаю молчанием, по-тому что мое «да» и мое «нет» будут одинаково ложны. Я вам отвечу, когда кончится болезнь, но когда мы будем здоровы, вы не будете и спрашивать. Мы должны теперь работать в молчании и за великое и единственное счастье считать, если из этой работы что-нибудь станет выходить. Но вообще люди увидят плоды своих рук [нескоро]. При-дет время, и мы вдруг все увидим сделанное, обрадуемся

218
и будем жить без таких вопросов, как живут вообще люди в здоровом обществе. Возможно, к этому не мы, а наши внуки придут, [не] те, кто в своей жизни знал только ни-щету.

13 Октября. Бабье лето, все более и более короткое, в эту осень повторялось множество раз, и наконец пришел такой день последний перед зимой, теплый-теплый, се-рый, но довольно прозрачный и такой тихий, что каза-лось, будто кто-то по мокрой душистой листве идет и шеп-чет: «тише, тише, не разбудите, зайцы спят». И вот до чего хорошо в такой день на рассвете с громким порсканьем пустить гончую и затрубить с отзвуком в лесистых хол-мах: вставайте, зайцы, вставайте!

14 Октября. Мы – браконьеры (за день до разреше-ния охотились и убили зайца в Горбах, вблизи Слабнева). Ночевка у Морохина. – Тимофей, с его головой, и бонда-рем! («Маленькая кадочка 100 р., а большой и цены нет». На это я сказал: – Вот бы Тимофею да бондарем!)

Охотничьим промыслом теперь в Москов. обл. можно хорошо жить, а раньше, до революции, было нельзя. Это отчасти потому, что прожиточный ми-нимум уменьшили, и заработок служащих стал «охотничьим» (жалованье 200 р., значит, 4 пуд. рж. муки = равняется довоенным 4 р.; а 4 р. охотник и в прежнее время везде мог заработать; к этому еще, что на 65% можно покупать ситца: «симуля-ция» (стимуляция)).

15 Октября. Неудачное начало охоты: явились «дру-зья» Санька Старшинов и Раевский, подпустили свою со-баку и сбили гон. Заяц у меня на спине. В шалаше под Ильинками.

20 Октября. Сергей и Вахх. Именины Серг. Тимоф. Григорьева.

Последние дни провел в Москве, где встретился со сво-им жилищем и, наконец-то! обрадовался: теперь Москва-Загорск с его дебрями соединяются во мне в одно «поле».

219

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Встретил Ю. Н. Верховского, – он или не он? так поста-рел! и отчего-то неприятно, хочется, чтобы не узнал, ми-мо прошел. Но он узнал, и по мере того, как мы в разгово-ре сближались, он молодец, и мне стало представляться даже, что мы, старики по виду, были как юноши – тот же Слон Слонович. Решил написать «Олень-Цветок» по это-му мотиву: старики встретились и вдруг помолодели. Кру-гом говорили, что это действие пантов, на самом деле: со-храненная молодость. Весна Уссурийская и осень; промежуток лето: – Лето его прошло, как лето Уссур. края: в жарком тумане руши-лись скалы, так быстро жизнь проходила, как перемена в горах Сихотэ-Алиня. Вчера еще не ходили возле моря: под скалой, – сегодня ходят поверху, а та скала упала, рассыпалась до самого моря. Какая перемена! А камень все тот же, только раньше его точила сверху вода, а теперь неустанно лижут волны и шутиливо набрасывают на ост-рые камешки крендельки скелетов морских ежей. Лето человека прошло в разрушении, все рушилось и все внут-ри оставалось нетронутым...

Был в «Смене». Думал, что встречу друзей вроде Луни-на, милых, любящих, но беспомощных. Встретил, как всю-ду теперь, чиновников, не понимающих и даже не читав-ших меня, но зато имеющих власть: им приказали вызвать Пришвина, и они вызвали. Раньше Пришвина фуксом под соусом проводили наверх друзья, теперь злодьюги-чинов-ники бесстрастно поднимают на лифте по телефонному распоряжению старшего мецената.

Замыслил еще написать «Завидово» (Повестка для собрания егерей военно-охотничьего общества – т. е. вве-дение в понимание современной охоты, описание хозяйст-ва, собрание и рассказы и поездка к лосям). Увидел своими глазами на Тверской, что она не Твер-ская, а Горькая, и потом услышал, что и дело Станиславско-го Худож. театр – тоже стало «имени Горького» и город Нижний теперь Горький. Все кругом острят, что, напри-мер, памятник Пушкина есть имени Горького и каждый

220

из нас, напр., я, Пришвин, нахожу себя прикрепленным к им. Горького: «Обнимаю Вас, дорогая, Ваш М. Пришвин, им. Горького». Как это происходило? Конечно, постанов-лением собрания (хоть что постановят), но за спиной соб-рания кто? Лютый враг Горького, или же это он сам, гря-дущий в имени...

Встретился изобретатель Иван Острый, [идет] из Мос-совета с папкой, говорит: «у них пороху не хватило». И вытащил из папки план нового изобретения, это для праздника революции башня в 500 метров высоты из про-волоки, каркас что-то в 2 1/2 тонны поддерживается свер-ху большим воздушным шаром, и вся башня унизана электрическими лампочками и – тоже изобретение Ост-рого – портретами вождей из никелиновой проволоки по асбесту, проволока при накале краснеет и красными чер-тами по белому асбесту дает лицо вождя. В Моссовете будто бы восхищались, но не оказалось материалов для воздушного шара: «пороху не хватило». Удивительно, как все одно к одному: ну разве Максим Горький не этот воз-душный шар?

– А если ветер, – спросил я изобретателя, – что же будет тогда с башней?
– Ветер ничего, ответил он, – еще интересней, если светящаяся башня будет ходуном ходить, а бури, вероят-но, не будет.

А еще говорят «Вавилонская», да мы Революционную-то башню, захотим, в неделю к празднику представим.

Карьера Горького меня теперь больше не зlobит, на-столько это выходит из всех наших рамок: воистину баш-ня из проволоки для рекламы Совета. Все-таки же инте-ресно, как он сам во всем этом: может ли еще смеяться и перешепнуться хоть с кем-нибудь о себе внешнем.

Наш поезд по пути в Сергиев раздавил старика. Это всех подавило. Я думал о том, что «душа» есть общее имя тому, что мы разумеем, когда говорим каждый за себя «я», и что за душой есть еще дух, объединяющий все души. И так от этого раздавленного старика я перекинулся к то-

221

му нищему в Сергиеве с корзиной под дождем в рубище у окна... Не он ли так кончился? Я думал тогда о его душе, сравнивая со своей: что и его душа ведь сама по себе единственна, что с «душевной» точки зрения тут «всё». Но какая бессмыслица: старик этот с великой радостью бы лег под забор и погасил эту душу. Но нет! Он верует, значит, живет в сверхдушевном мире. Если же не... то надо бы им умерщвляться.

Вот еще из Москва-темы: существует ли общественное мнение? Оно – в молчании и анекдотах; во всяком случае, это не сила, на которую можно опираться, пользоваться, рассчитывать; это сила, подобная сну: видел сон и забыл, а день проводишь под его тонким влиянием; сон или вли-яние мертвых. Есть или нет? Разговаривали за ужином о способах сохранения мас-ла, вроде того, чтобы подсолить и в воду, а воду сливать время от времени, вначале же можно просто держать в све-жем виде за форточкой. – Да, вот за форточкой! – вспом-нила Зоя. –

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
С моей подругой раз было в Москве в голодное время. Вышла она из дому, видит у ног большой сверток, посмотрела, – сало! Сообразила: сало было спущено на веревочке из форточка, и веревочка оборвалась. Она взяла сало и решила: если бедные люди – отдать, а если богатые и дурные, то съесть.
Приписка: К сожалению, сало потеряли бедные люди, и пришлось отдать.
Охотовед, пожилой человек, проходил с легавой по лесу мимо крольчатника. – Тут с собакой нельзя ходить, – резко сказал ему заведующий крольчатником, тоже пожилой человек. – У вас нет объявления. – Вы культурный человек и должны знать без объявления. Слово за слово, оба поругались, заведующий крикнул охотоведу бранное и опасное слово: «Помещик!», тот ему ответил: «Ты сам помещик!»
И они действительно оба вышли из помещиков.
Есть тип женщины: ей большевики – смертельные враги, а сама от себя говорит, как большевики: так, она за

222

труд в собственном смысле слова считает черным труд, она... и т. д. Вообще «большевики» у нее значит собствен-но вредители.
28 Октября. Продана Червонка за 2200 руб. Тимофею. Ходил с Петей на зайцев. В полумраке увидели на кусту мелятника какую-то птицу, и оказалось самое невозможное: галка. Если бы узнать, по каким мотивам галка устроилась ночевать или даже присесть на тонкий куст ольшаника, то можно бы о галке написать целую повесть. Нет такого знатока, и так это обыкновенно, чем ближе к человеку муха, тем меньше мы ее знаем: очевидно, при-выкли и не обращаем внимания. А вот еще было в этот раз. Петя, пробуя ружье, ранил ворону, она отлетела немного и села на дерево. Другие вороны покружились над ней и улетели, но одна спустилась и села с ней рядом. Петя подошел так близко, что всякая не раненая ворона непременно бы улетела. Но эта осталась сидеть и после выстрела упала вместе с первой, раненой раньше вороной. Как бы теперь узнать, что это было: присела ворона к раненой по чувству парности с ней, как у нас, людей, говорят: по дружбе или симпатии? Быть может, эта раненая ворона была дочерью, и мать, как обыкновенно, присела для защиты ее ребенка, как у Тургенева описана тетеревиная матка: раненая, вся в крови прибежала на манок. Так постоянно бывает в куриной породе, но при мысли о хищной вороне является и такая неприятная мысль: вторая-то ворона, присевшая к раненой, быть может, чуяла кровь и, опьяненная мечтой о возможности близкого кровавого пира, села потеснее к обреченной на смерть вороне и уже по возникшему чувству собственности не хотела оставить ее в минуту опасности?..
На полях: Но если в первом слугае объяснение есть опасность антропоморфизма, т. е. перенесения на ворону ге-ловегеских гувств, то в этом последнем слугае есть опасность вороно-морфизма, т. е. – гто если воро-на, то уж непременно хищница. Сколько же есть хищников среди людей, а между тем...
Вчера от ЦК комсомола приезжал Алексей Вас. Кондаков с приглашением прочитать об очерке у них в семина-

223

рии. Верю и знаю, что у хороших комсомольцев есть иск-реннее желание сблизиться со мной, но тоже я знаю, что за спиной их ведется интрига по всей вероятности – по-степенно ввести меня в сутолоку наружного дела, быть может, даже и прославить, сделать «своим», как Горького, и так обезличить и обезвредить. Ну, это шиш! Вся труд-ность состоит в том, чтобы уловить момент уклона своего от себя самого. Вот Горький на этом и попался, он, вероятно, и до сих пор все думает «перехитрить» и вырваться писателем из государственной клетки...
План доклада.

Три рода понимания жизни вокруг себя: 1) из себя са-мого, по себе, как понимают многие женщины и все ху-дожники; 2) тоже из себя, но по чувству долга, революци-онной этики; 3) Умным человеком в собственном смысле можно назвать только такого человека, кто понимает дру-гих не по себе, может и на себя, и на все посмотреть со сто-роны: так понимает большинство мужчин и все ученые, вообще «разумники». Но самое умное то и другое. Первое понимание личное в том смысле, что целью его является личность (мы раз-личаем) (искусство или раз-личие и от-сюда качество). Второе понимание – цель его закон и ме-тод, количество. Кашеева цепь – есть попытка изобразить эту борьбу личности (художника) с законом (революции). Работа над очерком есть попытка согласования: научного изучения предмета с худож. синтезом.

На полях:

На одной стороне: свобода На другой: долг На третьей: закон Искусство – свобода Рев. этика – долг Наука – закон

Огерк – «полубеллетристика». Огерк Блока о Ко-лобке: поэзия и еще гто-то.

Коралл и медуза: медуза свободна. Два парных ко-ралла – революция и наука. Мой вызов: за свободу.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Кораллы в медузу: она сохраняет в себе все и свободна.

224

Пример: как создался Черный араб. «Русск. Ведомости». Переселенцы. Т. Успенский так и не мог оторваться. Охотн. рассказы – наибольший отрыв. Художник должен иметь свободу, потому что он должен своими глазами видеть, и до тех пор пока он не увидел, он ничего не может сказать. Наше расхождение: я не могу как нужно и должен сначала сам увидеть: является промежуток. Художник должен иметь время освоить материал, и в этом состоит сущность «свободы» художника: эта свобода не есть абсолютная, отмечающая избранника от других граждан, эта свобода есть производственно-деловая величина, обусловленная необходимостью творчества.

На полях: Доклад охотникам:

Что такое социальный заказ?

Влияние очеркизма: Почему вы не пишете о заводах? Потому что нет соц. заказа художнику. Типы крестьян и типы пролетариев.

Моя литература есть вызов художника – пусть грачи, но я художник, а больше – это зависит от вас. Мои три пути: искусство, наука и революционная этика: в революции я испытал себя – я не могу иметь успеха, потому что я доверчив, в науке – к математике неспособен.

На полях:

Пример огерков:

Черный араб – пример борьбы за искусство.

Каляевка – пример поглощения долгом искусства: прошло время – я ошибся; но мне говорят: «А если бы вы не ошиблись, не было бы [огерка] "Каляевка"».

Пример внутренней динамики – движение: важна борьба, и все равно, в какую сторону: современный огерк не несет этой борьбы – и современный роман.

26 октября. 28-го вечером – репетиция доклада 29-го. Крах очеркизма.

225

Моя ошибка в Нэпе дала мне свободу (Кашеева цепь). Моя ошибка или ошибка критиков? свободу художника подменить долг[ом] госуд. человека. Создалась пустыня. Соц. заказ нечто вроде грамоты вольности (Пушкин и декабристы). Очерк пришвинский носит характер борьбы, и те маленькие рассказы егеря – это победа, это дары. (Современный очерк и современный роман) Начало: Сорадование: как Горький сорадовался, и вся большая русская литература – это сорадование. Оно еще и тем хорошо, что стыдно жить претензией. Даровитая книга есть грамота вольности: своей воли, и претензия на гениальность есть самое дурное. Итак: среди вас – друзья, и я: не учитель, а...

29–30 [октября]. Пленум оргбюро. 30-го моя речь «Сорадование». Победа. Воистину, Бог дал! самое удивительное, это что вынесло меня по ту сторону личного счета со злом и оба героя, бонапарты от литературы Горький и Авербах, получили в моей речи по улыбке. Может быть, повлияла моя молитва в заутренний час об избавлении себя от ненависти к злодеям. И, по-видимому, да, в этом году суждено мне было побороть и страх, сначала, а потом, кажется, и овладеть своей болью от ненависти к злодеям.

На полях: Никто другой из писателей не мог бы сказать подобную регь, слишком все в страстях, мной про себя пережитых. Напр., Пильняк в отгаяньи, кто его выругали в Красной Нови, и он сейгас в этой беде.

После меня говорил Белый... как построить литературный Днепрострой, и что он, кустарь, хочет государству передать свой станок, и что передать он может равным, ученым, понимающим, в чем дело. Каким-то образом он хотел присоединить к моему сорадованию знание.

После вечера захотелось выпить кружку пива, и тут встретился гном-звездочет, ключ Рогова в молчании, диктует... Задача: прямая существует? – Да, существует. – А ее направление? – Много направлений. – В таком случае,

226

нам говорить не о чем. (Элизе Реклю). Подход его: – *Après nous le déluge?*1 – Лева не понял, и это сразу его определило. Потом ко мне: – *Conditio sine qua pop?*2 – И под конец: – Я вам дам нечто, конечно, диктуя, дам. Слушайте. Прямая линия... прежде всего, существует она или нет? – Существует. – Прекрасно. Ее направление? – Много направлений... – После этого нам разговаривать не о чем. – И отвернулся.

31 [октября]. Авербах складывается с Белым: Днепрострой. Белый оглядывается на сорадование и хочет включить его, Авербаху нет времени доискиваться в себе этого: вот, напр., Евдокимов написал плохой роман... и т. д. Интересно бы допытаться у Белого, будет ли в его Днепрострое сердце... и как добраться до него: личность... Станок передает государству, а сам? Клычков и Чулков: молчание.

На полях: Красный романтизм. Социалистический реализм.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
1–2 [Ноября]. Бахметьев (примаз[авшийся] старик, Иудушка), как и все на пленуме, вылез весь сам из своего моха = Ефремину (критик, старик-прилипало, вероятно, из старых учителей). Каменский Вас: «В чем дело, нам же лучше будет». Пильняк – представил каждого писателя, как он сам, путешественником и поклялся в верности советской власти, упирая на совесть (вероятно, тут у него какая-то шивка, или заплата). Авербах – ГПУ. Ермилин – мопс. Киршон – в литературе по-семейному, все свое, пу-лемет, высшее неприличие. Фадеев – весь в «ракушках». Клычков – индивидуалист, кулак (выступил, и все-таки выиграл, потому что продемонстрировал свободу слова, а Чул-ков «проспал»).

Аналогия «Головокружение»: тогда в коллективизации крестьян пострадали зарвавшиеся головки, теперь в кол-лективизации] писателей – РАПП. Эта сила теперь вы-ходит за пределы группы и действует внутри крепкого

1 *Après nous le déluge?* (фр.) – После нас [хоть] потоп?

2 *Conditio sine qua* поп? (лат.) – Обязательное условие?

227

коммунистического] центра – «ядро» – среди всех писа-телей. (Сила их: организация, наглость и понимание ли-тературы для того, чтобы рукой схватить за душу каждо-го.) Пильняк сказал о собрании «всем колхозом».

Итак, вопрос: успех мой есть ли победа или пораже-ние? – Вам же лучше будет, – сказал В. Каменский. Будем слушать, во что превратится «сорадование».

Как Иов Многострадальный верил все-таки, что его страдания допущены самим Богом, так верил Н., что РАПП действует с разрешения ЦК (– Ну, помучь, – ска-зал он РАППу, – Иов выдержит).

Серафимович: мертвые хватают живых (против Авер-баха).

Лидин доносит, что я работаю над такими материала-ми, которые делают меня контрреволюционером (охота).

Евдокимов, ругая Авербаха, чтобы не подумали о нем, будто он все сводит к личным счетам, пропел осанну Фа-дееву.

История слова «сорадование», как оно обратилось в «термин» (Субботский). Позиция Авербаха. Евдокимов: докопался, что евангелического происхождения, а между тем здесь сорадовались: скажи Пришвин 7 месяцев назад то же самое, показали бы ему сорадование!

Я сказал, что прежних литераторов выковывала звери-ная конкуренция, теперь же этого нет, теперь государство покровительствует литераторам, как нигде в мире, теперь это занятие выгодное, и оттого каждый литератор талант-ливый окружен литераторами, по существу ничего общего с литературой не имеющими. В дальнейшем я предлагал средства для искоренения паразитов литературы (пере-устройство журналов, критики и т. п.). Эта мысль моя пе-редана в «Известиях» от 31/X в том смысле, что раньше была звериная конкуренция, а теперь это кончилось и, бла-годаря поддержке правительства, творчество разлилось по стране широкими волнами.

4 [Ноября]. Итак, на пленуме я провел 29-е, 30, 31, 1, 2, 3 = 6 дней. Увидел всё, и это «всё» оказалось ничто. Каж-дый из ораторов личную обиду от РАППа представлял

228

обществу под углом своего личного зрения и оттого волей или неволей, сам того не сознавая, вывертывался весь со всем своим существом. Не знаю, хватит ли пальцев на од-ной руке, чтобы сосчитать людей, искренно выступивших за пределы своей обиды (Белый, Пришвин, Серафимович, Фадеев, Вс. Иванов).

Настоящий писатель Иов. Бог – оагеркнуто: Партия ЦК. Дьявол – Авербах. Иов не знает о договоре Бога с чертом для испытания, но вера его сильна. Тут же не ве-ра, а....

На полях: Цель бога (ЦК) – выявить силу веры людей своих, гтобы потом использовать как органы информа-ции.

Через речь Пильняка понял о пустоте всех клянущих-ся в верности партии.

5 Ноября. На мерзлую землю налетела пудра, и соба-ки гоняли очень хорошо, но я не зарядил ружье и патроны забыл: бяляк, уже почти белый, чуть мне в ноги не стук-нулся.

Итак, каждый вылезавший на кафедру вылезал со всем своим добром. Так прочитали Пильняка: он заключил личный договор с властью, чтобы в пределах договора са-мому жилось хорошо. Воскликает «по совести!» А какая тут совесть... Главная совесть в своем праве на кусок хле-ба. Право это из общей убежденности в правоте дела ре-волюции. Но много ли таких людей (с глубокой совестью)? Обыкновенно революционная ретивость выходит из эго-изма: напр., Киршону как драматургу совершенно необхо-димы соврем, условия революции, и он их отстаивает.

В то время как мы говорили о сорадовании, хлеб вско-чил в 70 р. за пуд и масло – 18 р. фунт! И это осенью, что же будет весной? (В Москве шутят: – Ну, как поживае-те? – Слава Богу, в нынешнем году живем лучше, чем в бу-дущем»).

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
6 ноября. Ночью до 12 легла пороша, а потом начала таять. Мы до рассвета вышли, чтобы успеть погонять хо-

229

тя бы одного зайца, пока снег не сойдет. Как мы шли в ху-дых сапогах по грязи, какое было сырое туманное утро, как было ужасно мертво! – не охотник, если по великой нужде придется ему проходить лесом здесь, жизнь про-клянет. Каждая елка является душем, и внизу в хвойном лесу все черно. Снег сохранялся еще только в мелятнике, но и тут он был весь пробуравлен капелью. Оттого зайцы жировали вне леса и ложились в опушках, и то, вероятно, вставали зайцы только молодые. Мы погоняли одного на бол[отных] княж[еских] местах и скоро убили. Потом за-блудились в тумане и вышли к дерюжинским сараям.

Вот я думал о чем: люди в нашей бедственной жизни варятся, но не свариваются в единство. Получается меха-ническая смесь, но не соединение.

7 ноября. Пленум показал, что Союз писателей есть не что иное теперь, как колхоз, а раньше это была дерев-ня, разлагаемая по правилу: divide et impera. Все насквозь лживо и едва ли найдется хоть один человек, кто, вне се-бя, стоит за сов. власть. Те же, кто стоят за нее, стоят, потому что связали себя с судьбой этой власти, ставшей условием их личного существования. В этом отношении молчаливо составилась некоторая градация совести; одно дело партизан с орденом Красного знамени, другое дело Пильняк, устроивший свои отношения с властью в целях личного бытия как знаменитого советского писателя. Пильняка треплют в журналах не по смыслу, а именно по «совести», как трепали Полонского и др. подобных «счаст-ливцев». Некоторые (Огнев) пробуют каяться в своей инт[еллигентской] совести в надежде докаяться до проле-тарской, но это им никогда не удастся, потому что в совес-ти пролетарской нет ничего, – пустота, в которую оагерк-нуто: вливается врывается иное историческое содержание приписка: во всяком случае, не гуманитарного характе-ра

На полях: Переживается без остатка

1 divide et impera (лат) – разделяй и властвуй.

230

8 наше время все переживается без остатка, и мы на вчерашний день смотрим хуже, чем на утильсырье.

Если только нашему Союзу предстоит жить, то рано или поздно непременно должна начать формироваться и утверждаться в своих правах личность.

9 ноября. Беседа с комсомольцами, ударниками в ли-тературе, не освобожденными от производства. Связался черт с младенцами! И совсем не развиты, и не смелы. Мне прямо сказали: «таких рабочих, чтобы открыто стали об-суждать вопросы револ. этики, в Москве не найдете». На-до смотреть, однако, что среди множества есть какой-то один будущий...

10 ноября. Тройский делает тем писателям, кто из них может около него торчать или имеет влиятельную руку в редакции, всем другим, имеющим доступ по записи у секретаря, чуть ли не через неделю после заявления не-возможно бывает продвинуть свою вещь: при личном сви-дании он все обещает, а его аппарат отодвигает и в конце концов возвращает. Так все мои дальневосточные очерки были возвращены, причем два из них были совершенно исчерканы, и мне было предложено из двух сделать один. Моя Даурия лежит 6 месяцев и будет лежать без движе-ния сколько угодно. Так развивается злость на Тройского, а между тем он сам и не подозревает своего вреда. Резуль-тат несогласованности частей аппарата вследствие незна-ния предмета самим редактором.

Лева, устроив квартиру и телефон будто бы для моей работы, не замедлил ввести в нее девицу, не то невесту, не то жену, не то любовницу, и теперь оба сидят за перего-родкой, читают вслух, смеются, играют в бляшки: прямо Дафнис и Хлоя, а мне зарез! Работай они даже за одним столом, погружаясь в дело, как я, то, будучи в одном дело-вом ритме, мы бы не замечали друг друга, а здесь каждую мысль, приходящую в голову, встречает и отпугивает враж-дебная волна другого ритма. И никакого просвета на бу-дущее, потому что Лева может работать с грехом пополам

231

на стороне, в конторе, редакции, но дома... у себя... вот это и ужасно, что у него нет того «у себя» или «внутреннего дома», в котором молитвенно совершается работа писате-ля. Вероятно, мне придется метаться между Москвой и Сергиевым в вечном раздражении.

В сущности, если научиться сдерживать себя до такой степени, чтобы можно было обдумывать свое положение, то все можно уладить и переменить в свою пользу. Одна-ко медлить нельзя: в таком улаживании и обдумывании у меня от Зои пропал целый год работы.

13 ноября. Три дня ожидал встречи с редактором «Нов. Мира» Тройским. Сказал сдержанно: – Моя руко-пись Даурия у вас лежит без движения полгода, а я

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
изба-лованный, вот уже лет 20, как печатают мои вещи сразу – но я это не об
обиде говорю, а что заключил договор на книгу Даурию и теперь книга должна скоро
выйти... – Помню! – сказал Тройский – я велю разыскать рукопись и прочту...
Какой же все-таки сукин сын! Это совершенная обезьяна Горького и, кажется, он
думает создать лит. эпоху имени Тройского. Надо совершенно неслышно на
тапочках с резиновой подошвой повернуться к нему ж... и сгинуть, как не был.
Чем дальше отходим от пленума, тем гнуснее создается положение писателя в СССР:
ведь если мою сказанную речь и Белого исказили на свою пользу, то как же в
невидных и неслышных делах! И дале-ко ли можно уехать на лжи!
15 ноября. Сергиев.

Позвольте сказать, вот интересно: бывает иногда, ка-кая-нибудь огромная
общественная группа, в сознании каждого ее члена обреченная на гибель, долго
держится и, не распадаясь, живет исключительно благодаря тому, что каждая
единица обреченного дела думает о себе, что она-то при общей гибели, быть может,
как-нибудь и спа-сется. И тоже бывает при этом, что явно [обреченное] де-ло
радостно получает твою поддержку оттого, что при спасении этого дела спасаешься
и ты. Так жили и боро-лись моряки перед Цусимским разгромом.

232

Сейчас вот тоже все основано на собственном личном спасении. На этом личном
страхе утратить почву под нога-ми и держится принцип «непогрешимости» папы. Вот
хо-тя бы для примера сейчас: все свалили на Авербаха, а пар-тия, глядевшая 2 1/2
года на его действия, непогрешима. И даже мой христианский парадокс относительно
Авер-баха, что он лично тут не виноват, Иудушка Бахметьев поспешил истолковать
как выпад на непогрешимость ЦК.

Итак, я ставлю вопрос, можно ли считать это законом в психологии общества, что
принцип непогрешимости со-здаётся и поддерживается исключительно личным
инте-ресом трусливых обывателей?

Земля голая. Мороз. В валенках по сухой земле идет медленно старуха: чуть идет,
и ведра на коромысле у нее висят, не покачиваясь, как приделанные, только черная
холодная вода в этих ведрах очень живая, волнуется и вот-вот, как рыба,
выпрыгнет из железа и убежит от полу-мертвой старухи.

О пятилетке нет больше лозунгов: не удалась. Общее уныние. – Если теперь, –
сказал Н., – стать далеко и смотреть так, что все наше строительство провалилось,
то причина этого будет: 1) в чрезмерном, подавляющем всякое личное творчество
развитии бюрократии.

«Каковы бы ни были монахи сами, но учение их уже потому правильно, что в нем
более практической реаль-ности, чем в учениях уравнительного оптимизма. Монахи
пессимисты для земли» (К. Леонтьев).

На полях: орудия всесмесительного разрушения... О новой песне...

18 ноября. (Выходн. день) Пороша.

Почему-то луна, если обрывочком светит под утро, ка-жется особенно яркой. И
действительно, лисьи следы при луне были видны совершенно отчетливо. Чистое небо
возле луны было как чернила, а на востоке на облаках будто пороша лежала
полоской, – там начинался рассвет. Пороша легла с вечера и перестала, русак при
луне за ночь

233

находил Бог знает сколько, и к одной и той же жировке с разных концов в выходной
день собралось множество охотников. Когда ободнялось, моя Золова подняла русака,
и все собаки чужие, бродившие на жировке, ринулись ей на помощь.

Поэма Клычкова Мадур-Ваза имеет один убийствен-ный недостаток: читая, думаешь:
«а как же в подлиннике, у самих вогулов?» Особенно подозрителен конец: герой
совершил великие подвиги ради спасения своего народа, но когда у него отнимают
возлюбленную, то он отказыва-ется от всех своих достижений. Хорошо использован,
ка-жется, бунинский прием (песнь о Гайявате) перевода с со-хранением некоторых
оригинальных слов: очень скоро эти слова становятся знакомыми. Надо попробовать
про-зу так переводить.

О победе страха и злобы: не победа, а просто проходит острота, проживешь и
будешь умным.

И еще: это, собственно говоря, не страх и не мания пре-следования, напротив, это
приспособление здорового ор-ганизма и вполне естественное состояние.

«Непогрешимость» (см. выше) исходит в одном случае от Бога, в другом от «масс»
(помазанник Божий = избран-ник масс; именем Господа Бога = именем масс).

Новая волна. Каждый раз, когда подходит волна, люди думают: «но вот теперь уж
большевикам конец!» И каж-дый раз уходит волна неприметно, а большевики
остаются. Теперь наступает голод, цены безобразно растут, колхозы разваливаются,
рост строительства приостанавливается... Эпоха коммунизма является на Руси
школой индивидуа-лизма. Это в особенности отчетливо видно у писателей.

Тройский. Я поехал от «Известий» на Дальн. Вост. раз-рабатывать свою тему

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
«звероводство». Тройский вслед за мной посылает Лидина и потом печатает его, а меня нет. Рукопись Даурия лежит у него 6 месяцев, и, когда я прошу

234

ее отдать, он говорит: «я велю ее разыскать». Вероятно, это влияние Горького и окружающих его шептунов, того же Лидина, Леонова и др. Тройский – несовершеннолетний и жулик, вероятно, весь изолгался. Красный романтизм. Одна существенная черта, свойственная романтизму: – непрактичность.

Все забываю записать это, и вот наконец вспомнилось главное впечатление от XV годовщины Октября: 17 лет смотрел на портрет Ленина равнодушно, и вот теперь, когда к Ленину присоединили Сталина в огромном числе и самых крупных размерах, то почему-то стало их обоим жалко. Да, сначала жалко стало, а потом и предположение явилось, почему это: вероятно, потому, что... трудно это выразить. Вот хотя бы Горький, – тут неприятно, а жалости и помину нет, напротив... хотя, конечно, и незavidно. Слава Горького пуста, и только досадно за человека: ведь он мог бы человеком быть, а не чучелом. Но слава Ленина и Сталина не пуста, тут совсем другое, тут как бы приговор быть всегда у всех на виду: мы, мол, будем петь «славься да славься», а ты будь тут, быть может, тебе и не хочется, и понимаешь ты хорошо, какой это вздор, но нам непременно надо петь «славься», и ты будь. О, тяжела ты, шапка Мономаха! А потом еще в нашем народе к начальственному лицу всегда подлое отношение, всегда скрытое презрение и внешнее преклонение. А кроме того, для на-стоящей славы теперь нет резонансу, «раздаться»-то славе некуда, человек к человеку вплотную стоит, а не то что как было раньше-вчера с Павловной вспоминали то счастливое время, когда «массы» думали, что после смерти все мы встретимся. – Все с сотворения мира? – спросил я. – Зачем все, – ответила она, – там остаются только самые умные, добрые и образованные. – А похуже куда же? – Необразованные? те опять рождаются и достигают образования, а то почему же все движется вперед, сравни-ка наше время и теперь...

235

– Вот еще как выходит, что встречаться-то не с кем: с родными так, слава Богу, прожил жизнь, и встречаться, может быть, и ничего бы раз встретиться, но так, чтобы из-за этого свет переделывать, не стоит. Друзья тоже прошли. И только вот одна невеста моя, с ней бы я встретился, я бы все отдал за это, я готов до конца жизни на железной сковороде прыгать или мерзнуть, лишь бы знать, что на том свете с ней встречу и обнимусь. (Хорошо бы опросить людей, кому с кем хочется встретиться, значит, кто кого недолюбил).

26 ноября. 23-го поехал в Москву и вечером слушал Белого, 25-го вечером вернулся в Сергиев севой. Сегодня Лева пошел с Коптелиным на охоту.

Лева, прослушав Белого, сказал мне: – Раньше я думал, что ты, папа, одинокий чужак, а теперь по Белому и по тебе вижу, что то была особая порода людей и ты не один, было такое общество необыкновенных людей. – А мне удивительно, – ответил я, – в нынешнем обществе литераторов, до какой степени подлости может дойти человек и еще писатель!

27 ноября. Слепая пороша. За 6 часов ни одного следа!

Встретил Тимофея и за ним целый обоз единоличников, везут хлеб сдавать по новому декрету. Старинная злоба, но... что же делать, если на заводах рабочие голодные? на [кого] же злоба? все совершается как логический вывод из далеких посылок.

28 ноября. Небо нависло. Рассветало снизу: просто белел снег до тех пор, пока не открылись следы лисиц, потом зайцев, белок и так вплоть до тончайших цепочек горностаев, кончая полебочкой.

Прочитал свою книгу «Журавлиная родина», которую не читал после ее выхода в свет в 29 году. Приятно было открыть, что книга хорошая, и главное, что уже и совершенно не «разъясненная». И понятно: поди-ка попробуй разъяснить, как бы эта книга сама тебя не разъяснила.

236

В речи Белого (Краеведческая секция) было советское же дело представлено с лицевой недоступной самим коммунистам стороны. Выходило из слов Белого так, что ца-рящее зло при посредстве творческой личности превращается в свою противоположность. Сам он своим личным примером показывает, как плодотворно можно работать и при этих условиях. Да, это верно: вот именно-то при этих условиях и надо напрягать свои силы и делать лучшее.

Лева, выслушав Белого, сказал, что он вдруг понял через Белого и меня: так, раньше он считал меня одиноким чужаком, а тут оказалось, что это было целое общество из таких людей.

29 ноября. Итак, вот как легла зима. В ночь на 25/ХІ пошел снег, сначала мокрый, и летел до ночи. Утром 26-го летел с бурей, и навалило так, что ходить в лесу

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru стало тя-желовато. Заваленный лес совершенно оглох. Мокрый снег обмерз на деревьях и при малейшем ветре начинался в вершинах разговор, перешептывание, перестукивание. Все говорят, что такой снег уже не может растаять. Лева пробовал пойти на охоту 26-го, но вернулся. 27-го зайцы не вышли, я напрасно морился. 28-го весь день в Горбах гоняли одного беляка, он не выходил из чащи, и так мы его и не убили.

Получил из Москвы письмо с адресом наполовину мос-ковским, наполовину загорским. Письмо было написано на двух карточках сберкассы: «Тов. Пришвин!» на одной стороне и переходило на другую карточку, а с той обратно на другую сторону первой. Какая-то девица, очевидно из сберкассы, писала, ссылаясь на мое выступление на пле-нуме и стенограмму в «Литер, газете», – что я говорил о какой-то редакции, просившей рассказ о собаках; так вот какая это редакция, «а то у меня в голове есть не-сколько рассказов о животных». И все! Женщина, искусство, личность писателя – тут уже все скрыто, сберкасса, редакция, кабинет зава, кабинет писателя, – все сровнено и нет ничего. Такие растут теперь комсомольцы, вузовцы,

237

услышавшие «звон» («да не знаю, где он»). Это и есть «массы». Все они хотят жрать, лезут, как лососи, и навер-но вылезут. Но увы! наш романтизм теперь пропал навсе-гда... Всенародная мешалка-флобер сказал, что Бог создал самку, а мужчина из нее сделал женщину.

Пора покончить и перевести на смех это чувство злобы на разных захватчиков вроде Евдокимова, самозванцев и проч. Пора начать смеяться...

Жизнь человеческую, всю ее кашу, я представляю себе так, будто кто-то мешает ее, и твердое на низу постепенно растворяется, и что растворилось, при нагревании обра-щается в газ. Мы, писатели, в существе своем должны быть в 3-м состоянии, где нет индивидуумов, «Я», а толь-ко личности, составляющие «Мы».

На полях: Погему обо мне никто не пишет? потому гто гело-век, близкий земле, агроном, леснигий понимают мое писание как вещь в себе, сущую правду, о кото-рой они сказать не могут ни чего, потому гто не критики. А критики не могут, отвыкли, они уги-теля школы...

А впрочем, потому, может быть, мне кажется, слабо написано обо мне, что всегда пишу действительно сла-бые??. Напр., кто написал о Льве Толстом так, как он сам о себе написал и раскрыл сам себя в своих сочинениях...

1 декабря. Москва. Диспут о докладе Белого. Отдал ему на чтение журавл. родину. Деталь (вопрос) Ответ: личность, без личности не может быть детали.

Цивилизация и Культура.

«Один из моих принципов заключается в том, чтобы не вкладывать в произведение своего "я". Художник в сво-ем произведении должен, подобно Богу в природе, быть невидимым и всемогущим; его надо всюду чувствовать, но не видеть» (Флобер).

238

М. Пришвин. Биографический анализ пришвинского очерка.

Мой принцип: вкладывать в произведение ту часть сво-его «я», которая бывает и у других, отчего читатель при-нимает это «я» за свое собственное, вследствие чего «я» автора делается еще более невидимым, чем если следо-вать принципу Флобера. Всякая деталь должна являться из момента встречи всей личности художника с материалом... деталь – это момент вечного.

Стандарт допустим как условие встречи с деталью: при таких-то условиях, напр., рано утром, является способ-ность раз-личать, значит, добывать детали.

Основная тема лекции:

Если художник слова обладает талантом, то он не в со-стоянии переписать страницу своего сочинения без изме-нения. И точно так же в процессе творческой своей жизни он неизбежно вследствие скуки повторения должен пере-менять и совершенствовать форму. Отсюда вывод: худож-ник должен искать встречи личности своей с материалом, вследствие чего форма родится как бы сама собой. Можно облегчить чрезвычайно эти роды изучением формальной стороны творчества, но это изучение не может стать на место «жизни», т. е. зачатия формы от встречи живой лич-ности художника с материалом.

Вопрос о «быть понятным» решается в процессе сотво-рения личности.

Аксиома творческого труда: что добро перемогает зло, значит, из совокупности жизненного творчества получа-ется некий плюс. И надо быть личностью, чтобы понимать этот плюс. Вот в этом знании общего дела есть сущность личности, потому что просто индивидуум знает только себя. Итак, мы будем называть личностью общественно-сознательного индивидуума.

Цивилизация и культура – взятые внутрь творческой личности означают следующее: культура – это связь меж-

239

ду людьми в их творчестве, цивилизация – это сила ве-щей.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Культура – это связь людей, цивилизация – это сила вещей. Например, в «Капитале» Маркса представлена эта сила вещей, выступающая в виде золотой куколки, заключающей в себе и любовь, и знание, и все другие атрибуты человеческой личности. Антитеза этой капиталистической силе вещей, или цивилизации, есть союз творческих личностей, связь людей, культура.

Перестроив «я» в «мы», т. е. создав личность, можно делать художественное исследование («Башмаки»). «Знание» само по себе не дает понимания материала, но оно дает дисциплину, пройдя которую, личность постигает «других»; следовательно, знание является силой в творчестве лишь при наличии личности: через само знание ничего не узнаешь.

4 декабря. Вчера приехал из Москвы. Дождь – посадка. Ветер. Цивилизация является как сила внешнего принуждения, культура начинается во внутри-личном побуждении. Цивилизация действует через стандарт, культура создает детали. Наука первая пошла на службу цивилизации, и потому в широком представлении вся наука является как бы ответчицей за стандарт цивилизации.

Решаю начинать собирание библиотеки. Едва ли будет Лева учиться, но я буду выбирать книги, имея в виду этого советского необразованного парня. Вместе с тем и сам буду читать с ним.

Манина отца мы прозвали, как некогда в Ельце председатель исполкома, не предусмотрев узнать имя покойного красноармейца, во время надгробной своей речи принужден был называть его «товарищ покойник». Мы же назвали так Манина отца за то, что ее родные, когда она вздумала поступить на фабрику, а им нужна была в деревне работница, решились вызвать ее такой телеграммой: «приезжай, умер отец». Павловна, сама крестьянской природы, почувала обман – вот ведь что, – почувала, значит,

240

в деревенском быту так бывает, – и ехать Мане не велела, и вскоре оказалось, что отец ее жив-здоров. С тех пор мы и зовем его «товарищ покойник».

Хотя, как говорил Белый, закон (наука) «многочастен», но все-таки он безлик, потому что мы постигаем закон не в момент веления, а только в процессе исполнения, и олице, повелевшем «быть по сему», ничего не знаем. Конечно, существует личность ученого, открывающего закон, но эта личность не входит как необходимая составная часть в самый закон. Возьмем изобретателя термометра Реомюра: ведь если сказать Реомюр, то всякий подумает о термометре, но не о творце его, потому что личность ученого умирает в открытом им законе и только имя механически присоединяется для обозначения факта. Напротив, в худож. произведениях мы видим личность, переходящую в форму приписка: и создающую качеством напр., если скажут Рембрандт, то перед нами встает не термометр, как при Реомюре, а сам Рембрандт, личность творца, еще более реальная, чем при жизни, и так все: Гёте, Толстой приписка: (даже Галилей: я умираю, а она все-таки вертится!)^ Леонардо, Ницше; с другой стороны, бином Ньютона, Пифагоровы штаны, свеча яблочкова: бином, свеча, штаны, но не личности. Я купил себе два реомюра, значит, два термометра, а если я купил себе два Врубеля, то это значит имею два зафиксированных момента худож. творчества личности Врубеля. Возьмите луну, какой мы сделали ее на земле: этот удивительный тазик существует не только для влюбленных, но, напр., зимой в лунную ночь, когда проходят волки по саяту... Приписка: Для художника Жизнь на земле – это единство, и каждое событие в ней есть явление целого, но ведь надо все-таки носить в себе это целое, чтобы узнавать его появление в частном. Это целое есть свойство личности: надо быть личностью, чтобы узнавать проявление целого в частном.

Что же такое деталь? Это есть явление целого в частном.

241

6 декабря. Снег от дождей не растаял, но осел и оледенел, сейчас идет мельчайшая крупа, все еще тепло и сильный ветер.

Вопросы цивилизации и культуры сводятся к стандарту и личности в производстве. Я этот вопрос пересмотрел в производстве кустарных и фабричных башмаков. Я пришел к заключению, что высокие мастера (волчки), артисты, в новом стандартном производстве должны оставаться артистами и создавать модели для стандартного производства. От башмаков к искусству, к цивилизации и культуре. Капитал: необходимо сохранить личность для творчества качества. Искусство является хранилищем творческой личности. Личность в производстве есть трансформатор, посредством которого количество переходит в качество.

загеркнуто: Лицо и лигина... Лицо края

Белого надо понимать из Европы, где художники в отношении цивилизации так же бессильны, как мы в госуд. колхозе. Игра на том, что мы назвались груздем (революция – факт культуры) – Полезай в кузов! – велит Белый...

21 декабря. Дождь. Посадка снега, но, может быть, даже и совсем сгонит.

В «тот голод» (как говорит Тарасиха) прошлое окинулось как большая и настоящая

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru жизнь. И когда торговлю дали, то радовались, конечно, не новому, а возвращению старого. Теперь эта половина жизни, советская, далеко вниз перетянула чашу весов и стала нам как хотя и под-лая, но настоящая жизнь, а то что было до революции, то все призрачно.

23 декабря. Если ты художник, то твоя аргументация должна быть средствами искусства, следовательно, если я написал и опубликовал сочинения в области худож. слова, то мне больше и нечем аргументировать. Но... обо мне молчат и проч. (Начало доклада Очерк)

Разгар писания «Корень Жизни» и вдруг отняли свет до Марта без всякого предупреждения. У писателей отня-

242
ли, но оставили своей шпане. Не отсутствие света поколе-бало повесть, а мое раздражение. Самые мрачные мысли. Вызвал Леву. Начинаем борьбу за электрическую лампочку. Обидно, стыдно... Впрочем, никто похвалиться лучшим не может, потому что если и есть «лучшее», то оно поти-хоньку выкрадено лично для себя (у Якута горят лампы: это через ГПУ).

Народничество, толстовство или, может быть, право-славие? или, может быть... (это чувство «люди»)... покло-нился на площади: «виноват» (Достоевский); христиан-ство Достоевского и Толстого – в каждом живом существе Бог... святая плазма трудящихся, рабочий, мужик угнете-ние, народность и... природа (земля).

28 декабря. Продолжается гнилая погода. Наст. Сегодня закончил вчерне «Корень жизни» (Секрет мо-лодости и красоты). Если только не окажется перегрузки в сторону оленеводства и описание этого будет читаться легко, то вещь будет очень хороша именно тем, что, не-смотря на ее глубокое содержание, она будет читаться всеми.

Прочитал Дневник Соф. Анд. Толстой, ч. I. и так подумал: – Если бы сама земля могла сознать, что ее пашут, то заворчала бы, застонала, перешла бы на короткие свя-зи и рождала на хлеб, а «бурьян». С этой точки зрения «освобождения» земли Толстого очень легко обвинить в допущении «эксплуатации» своей графини. Но тут надо что-то ближе знать. Вот, напр., Ефр. Пав. для всех достой-нейшая женщина, но только я знаю, что в работе у нее ха-рактер невозможный, как только она берется за лопату в своей огородной работе, она диктатор, восточный де-спот, и возле нее все рабы, притом она читает мораль, за-носится и БОГ знает что! с ней работать невозможно, и я предпочитаю делать свое дело, уверенный, что оно даст в тысячи раз больше даже в смысле кормежки, чем ее ого-род. Со стороны же кажется, будто я, как Толстой, сочи-няю, а она все делает. И даже тот упрек, что Толстой при-

243
ходил к ней для «послесловия к "Крейцеровой сонате"» (на это она жалуется), весьма возможно, если бы знать подробности, было необходимым звеном в их борьбе, вполне возможно, что это было единственное средство восста-новления мира с ней; и даже пусть она бы в этом акте, как часто пишет, не испытывала наслаждения, – ей наслаж-дением было испытывать свою победу во время акта.

М.М.ПРИШВИН ДНЕВНИКИ

1932

1933

1934 1935

Рождество (7 января–25 декабря). Стоит без дви-жения ровная на точке замерзания погода чуть ли не ме-сяц (в жизни своей не помню). Под Рождество на палец пороша. И порхает-летит весь день легкая-легкая: дунь ветер – все снесет. В Бобошине на охоте. Убили зайца и тетерева. Радость в темноте: огоньки и дым из труб.

Вырождение начинается с мужика, потом попы вы-рождаются, а до баб еще долго не доходит.

Егор – пушник (культура жульничества и вранья – егоровская). Баба его буковатая. Котенок лезет. – Ну тебя к шути. – С печки: – А шута теперь нету. – Где же он? – В лесу. – А где в лесу? – В земле.

Попа не приняли: требует пирогов и по-матерному ду-ет. У Тимофея корь, мы у Егора. – Не пойду: у него хорь.

Рассказы Тимофея о последней борьбе единолични-ков: Цык сы-сы-ры.

10 января. Вчера с Петей убили зайца (я из-под него); другого гоняли с Бутузом весь день и подстоять не могли.

Раньше охотничье общество бездельничало, Бутурлин, напр., писал «еще и еще о гнезде бекаса», но зато в нем бы-ли любители и знатоки охоты. Теперь личностей в охот-ничьем кружке нет, но зато для государства заготавливается много пушнины.

11 января. Читал Чехова «Черный монах». Явление личности сопровождается разрушением среды близких (семьи). В этом рассказе представлено разрушение от не-совершенства личности, так что оставляется возможность,

247

что личность, возвышаясь, поднимает за собой и среду близких (семью): Толстой, Розанов – как в «Черном море», но процесс замаскирован удачей (сдобрен славой и деньгами).

Остается набело проработать четыре главки повести «Корень Жизни», дня на четыре и конец. Ух!

Мне остается теперь сделать одно только маленькое последнее несущественное признание о своей нынешней жизни, наполненной моим любимым делом и часами отдыха в своей семье, – я скажу прямо: жизни сравнительно с другими очень счастливой. Но, конечно, я не бессмертный олень с несменяемыми костяными рогами, мне приходится и теперь иногда очень расстраиваться, колебаться, и во всем сомневаться. Тогда я замечал за собой, что непременно как бы какая-то посторонняя сила приведет меня к той скале, – помните? как я рассказывал: скала, если прилечь на нее, как сердце чуть-чуть постоянно колышется. И я, как в молодости, точно так же и теперь ложусь на эту скалу и через сколько-то времени я уже не я, нынешний сильный и отлично устроенный человек, я – прежний молодой человек, ясно вижу до мельчайших подробностей все, что было двадцать лет тому назад в виноградной куще, и по-прежнему с болью великой этой скале, этому камню как самому близкому другу своему говорю: – Охотник, охотник, зачем же ты ее тогда не схватил за копытце?

На полях: Весенний туман, когда олени сбрасывают старые рога – я тоже, как олень, все с себя сбрасываю. В тоске ищу...

25 января. После сильных «крещенских» морозов сегодня метель. Занимаюсь перепиской и чтением «Корня». Отправка феге. Вчера читал у Тальникова. Вещь в целом мне все еще не ясна. Всех, кажется, останавливает, что от женщины взяли лишь голубой свет «Анна Ивановна по-лулежала на кушетке» и голубой свет... вопрос: как разрешается и возможна ли встреча: так же разрешается, как

248

и свет: голубой свет предшествует солнцу, следовательно], не Анна Ивановна, а солнечная женщина: здоровье и смех.

Два прилично одетых с портфелями. – Как дела? – Ничего, а как у тебя? – Хорошо, конечно, вообще-то дела никуда не годятся... – По-ни-ма-ю!

Чувство природы оценивается только силой... Если оно слабое чувство, то оно является чем-то вроде вкусного соуса люб[ующихся] существ, дачников и т. п., если же оно сильное чувство, то оно всегда имеет косвенное отношение к другому человеку (социального происхождения): луна, созданная чувством жизни, звезда-Общий путь всех русских больших писателей – это выйти из сферы искусства к чему-то более важному для человека (Гоголь, Толстой, Достоевский). На этом пути, однако, все эти великие люди имели однообразный конец в демонизме.

Теперь представим себе обратный путь: художник не отдается во власть выманивающих его из сферы искусства идей, а напротив, как только идея начинает выманивать его, соблазнять, отрывая от земли, он самую идею выбрасывает и за то самое, снижаясь, получает в свое видение новую деталь. (Так построена «Журавлиная родина»). На этом же пути разрешить все вопросы только средствами искусства, оставаясь художником до конца, Пришвин находит свою скромную [задачу сближения], родственного внимания (Гаечки), имеющего общие корни с первобытным анимизмом (Дерсу: люди). Он враг грубого очеловечивания (Холстомер), но он в природе находит выросший слой человечества, который дает нам зверя в родстве (Со-баки).

Наша маленькая луна. Вульгаризация науки (Лаплас и причина за качество: «а почему?»). Пустая научная луна (ничто) и луна, в свете которой у душистого сена столько зачинаясь людей. Причина эта, все равно что внутренность вместо лица. – Какое прекрасное лицо! – Ничего особенного, это потому что у него хорошее пищеварение.

Так вот качество и агент качества личность.

249

На луну потому приятно смотреть, что в ее свете вы входите в мир хорошо расположенных друг к другу людей (звезды особенно): это природный аккумулятор самых лучших чувств людей друг к другу: вот отчего сила эта по-могает некоторое время и жить в тесноте. (Дачи, пикники...)

31 января. Мой юбилей в секции Краеведения.

Человек на две половины: один почетно-общественный, другой сам с собой: чем больше тот, тем труднее доступ к этому. Вот где происхождение тайны.

На полях: 1-го/Н. Ездили на «Пиковую даму». 3 февраля. Великая метель.

Союз русских людей: Клычков, Евдокимов, Григорьев и т. п.: Васька Каменский, Чувиляев, Ремизов, Павловна, Тарасиха (так, прибавляя одного к одному «русских», посмотреть души живые и мертвые: внутрь всех их про-смотреть через Павловну).

Молочницы: – Стала бы я возить молоко, кабы на работу брали, никто не возьмет:

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
кровь горлом идет. – А ты кровь свою не показывай! – За мужа получаю 26 руб.
9 февраля. Думаю часто о Белом, что, напр., он может сколько угодно врать,
очевидно, укрывая нечто; но воз-можно, и укрывать-то нечего. Он скорее актер,
чем писа-тель. Мне он рассказывал о происхождении своих «сим-фоний», будто бы
они произошли возле Лебедяни, притом на скаку... Я ничего в нем не понимаю, мне
иногда кажет-ся, что он переливает из пустого в порожнее...

Р. заболел.

Русский по одежке принимает, по уму провожает, ев-рей по уму встречает, а по
одежке провожает (Левин читал меня и восхищался, но когда побывал у меня в
крысиной комнате в д[оме] Герцена, раззнакомился).

Юбилей... вдруг позвонился с поздравлением Семашко! И так понемногу все придут.

Сегодня ночью видел мать

250

свою, и она мне про невесту мою сказала, что она – здесь. – Какая же она теперь,
– спросил я, – старая? – Напротив, цветущая и такая говорливая!

После того я стал думать с болью, что я-то стар и узна-ет ли даже она меня.

Итак, мне было 28 лет, когда я провел с ней недели две в Париже, и вот $60 - 28 = 32$
года я про-жил под влиянием. И в этом все поэты = «муза» = то, что в «корне»:
истратить мгновенье или удержать? Размноже-ние.

10 февраля. Леве сказать: 1) Ехать в Питер 2) Подтя-нуть юбилей.

11 февраля. Поехал в Москву. Вечер Белого. Аудито-рия как лик автора. Белый и
Мережковский.

12 февраля. Голова болит. Весна света в Москве: буль-вары и дети. Пленум,
причесанный Луначарским.

Реализм положительный, реализм отрицательный (мелкобурж.) и социалист, реализм.
Теперь явилась для человека, желающего иметь свободное суждение, новая
опасность: если мне видится факт мерзости и у меня яви-лось естественное желание
на это плюнуть, то меня могут за это наказать: эта мерзость со стороны «отриц.
реализ-ма» через несколько десятков пятилеток диалектически должна будет стать
«благом», и ты должен видеть это впе-ред и это благо социализма в будущем должен
считать ре-альностью, а мерзость настоящего есть нечто для тебя не-реальное.

Вот, напр., разговор с завед. изд-вом Шульцем. – Т. Шульц, вы снижаете гонорар,
а между тем деньги пада-ют и на них купить ничего нельзя: ржаная мука 125

руб-лей стоит, а в след. неделю наверно 150 р. и т. д. – Нэ! верно! – ответил
Шульц, – теперь будет много политот-делов (на заводах, совхозах, колхозах), и
если будет много политотделов, то заводы, совхозы и колхозы будут рабо-тать
лютче, и если работать будут лютче, то будет больше бляк (благ) и рубль будет
стоять дороже.

251

Социалистический] реализм дает выход каждому мер-завцу и дураку, а потому если и
явится святой социалис-тический реалист, то под его маркой укроются сотни
жу-ликов...

Если взять «язычника» (эвдемониста) в аспекте поло-жительного реализма – да!
христианское отрицание – нет! и христианское утверждение «тот свет» и отсюда
утверждение каждой минуты бытия... То чем же это при-писка: эта диалектика
отличается от соц. реализма?

Робко... даже, как воры, берут из христианской мисти-ки материал и преподносят
его в форме «диалектики». Писать и говорить о Христе можно, называя его
Промете-ем. Вот будет революция, когда не побоятся ни Бога, ни Христа и даже
колокольного звона.

Соц. реализм – это транскрипция философии «того света». Следующий этап нового
сознания будет в транс-крипции личности с ее подвигом, героизмом и т. д.

Пролетарии – это те же евангельские рыбаки («я сын пьяницы и проститутки»): там
и тут презрение к роду-племени.

15 февраля. Г. едет за Павловной, завтра «Евг. Онег.». 18-го Лева едет Ленинград
17 – чтение у Никитиной.

Говорят, что речь Луначарского на пленуме («добить врагов, чтобы не хрипели») –
это рука нищего, протяну-тая за подачкой (подайте, ради Антихриста). Вид
сквер-ный: вставной глаз, парализованная щека, весь зеленый. Говорят, будто бы
Луначарский будет назначен председа-телем Оргкомитета и вскоре уедет лечиться, а
за него все будет делать Субоцкий. Говорят, что будто бы так и надо, чтобы
писатели попали под управление военной руки: книга сильней артиллерии. Это не
новая мысль, но в сте-пени приближения к осуществлению тут есть новое.
В приспособлении сокровенно растет индивидуаль-ность очень грубая (на Западе она
уже давно живет, и уже наслоилось против нее: «кризис индивидуализма»).

252

Пьеса Мейерхольда «Вступление» – это политический очерк, в исполнении которого
театр драматический поль-зуется средствами кино. И вообще сам Мейерхольд,

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru ка-жется, и состоит именно в передаче движения, подобно как передает это кино. Через это и получается так, что второй раз на ту же пьесу Мейерхольда идти не хочется. Фосфорически курящийся след проходящей жизни. Так кричат, что плохо понимаешь в этом крике слова, чуть что, и непременно кричат во всю мочь. И тоже много свистят. Не только быт, но и всякий атом быта разбивается, и сила этого разбоя (раз-боя), конечно, совершенно отрицательная к «благам» жизни, и берет наше внимание к этим пьесам. У Ремизова, у Белого и еще, конечно, у Гиппиус и других было это художество за счет разбоя атомов быта с тонко причудливыми образами курящейся фосфоресценции. Это творчество из ничего, и сам творец в прямой жизнен-ной силе своей поврежден в чем-нибудь до конца. Вот в этом повреждении основ он имеет сходство с пролетари-ем, т. к. сущность пролетария и состоит в лишенности благ... 17 февраля. Читал «Корень» у Никитиной, это было все равно что в нужнике где-то (сволочь-то какая!), не-чистое место. Прямо после чтения грохнула рояль. Мер-зость запустения, похожая на речь Луначарского. Марка литературы быстро падает. Необходимость стиля – «я у себя». Закрепление.

Чистка:

1) О папке с левой (решить).

2) Приступить к чтению дневника систематическому с разглавлением, тематизацией и проч. Начать с одной ка-кой-нибудь (взять с собой).

3) Лева в Ленингр.: 1) Пересмотр договора, 2) Вызволе-ние книг, 3) Молод. Гвард., 4) «Счетчик».

4) По возвращении Левы: 1) Юбилей, 2) Пушкини, 3) «Волки», 4) Известия – гонорар и проч. Статья в «Ли-тер, газ.».

Наполях: Панферов

253

18 февраля. Вся эта компания писателей, окружаю-щих оагеркнуто: Гронского Н., тем отвратительна, что, пьянствуя с ним, льстя ему, ничуть не влияет на него в пользу литературы, и каждый из них обыгрывает Н. ис-ключительно в пользу себя самого. Все они теперь так прилились к Н., что если бы какой-нибудь писатель не их круга, напр., Ценский, вздумал заявить в газете, как Але-ша Толстой, о своей солидарности с партией и властью, то, пожалуй, его статья об этом так и провалялась бы в столе у Тройского. Мало статьи, надо выпить, т. е. фактически сделаться своим, а не только идейно; и, пожалуй, вот именно потому и нельзя выпить и стать своим, что хочешь работать идейно или попросту честно. Мне кажется, однако, что если отказаться временно от претензии на «1-е место», то можно «в данном отрезке времени» оставаться порядочным писателем, пример Ша-гинян и Новиков-Прибой. Еще можно бороться за сущест-вование посредством таланта, а также юродства.

У А. Белого взяли чемодан с дневником и тем самым взяли его самого, – как это глупо! писатель лег в чемодан, пришел некто, взял чемодан и унес.

Пленум для Белого оказался пленом. Доигрался моло-дец!

20 февраля.

Вчера приехал из Москвы, значит, проболтался там 8 дней.

Наполях: 11–19

Теперь везде принято говорить «на данном отрезке времени». – это стало необходимо, т. к. всякий расчет на дальнейшее время невозможен. Исчезли всякие воскресенья, субботы, пятницы, остались одни выходные дни и рабо-чие; годы и месяцы потеряли свое прежнее значение аст-рономически предустановленного плана жизни, и собы-тия стали развиваться «на данном отрезке времени».

В моем характере в отношении всякой аристократии есть «непокладистость», и почему-то вообще «там» меня

254

не любят: все равно как в старое время у Стаховичей, так и в наше время у Тройского (какой-то я не «вхожий» чело-век) «неловко» себя чувствуешь (что это?).

21 [февраля]. Солнечный день. Весна света.

Облака еще нельзя назвать кучевыми, но очень к этому близки: как вата, клочками. После вчерашней метели те-терева до полудня оставались под снегом, несмотря на солнечный день, видно, им там хорошо замереть в пухлом снегу.

Думаю о белках: понятно, если большой запас, то пом-нишь о нем легко, но мы видели по следам, что вот здесь белка через снег пробилась в мох, достала спрятанные там с осени два ореха, тут же их съела, потом, отбежав деся-ток метров, опять нырнула, опять оставила на снегу скор-лупу от двух-трех орехов и через несколько метров сдела-ла третью полозку. Нельзя же предположить, чтобы она чуяла орех через толстый слой снега и обмерзшего моха. Значит, помнила с осени о двух орехах во мху в стольких-то сантиметрах от ели одной и от другой... Притом, помня, она могла не отсчитывать сантиметры, а прямо на глаз с точностью

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru определяла, ныряла и доставала.

А еще я думал о Евдокимове, Лидине, Толстом и всех этих хитрецах, окружающих Тройского: до чего живучи и хитры эти грызуны! Еще я думал о давлении политическо-й власти на дух человека, что если бы такое давление на воздух, то от этого сам воздух бы стал твердым; так вот и дух человека теперь перешел в твердое состояние, и что-бы сдержать его от взрыва, требуется все большее и боль-шее давление. Как же может писатель в это-то время ис-кать своего расширения или свободы! вот почему явилось такое множество жуликов из писателей. От всего этого можно бы умереть, но спасает перемен-ность всего: все происходит «на данном отрезке времени».

Если к жизни подходить со стороны техниче-ского ин-тереса и связанного с этим спорта, то все моральные «во-просы» исчезают; даже если война, то стоит сделаться снайпером, и война так же интересна, как и охота, а сколь-

255

ко в ГПУ, в милиции талантливых артистов! Да и все ар-тисты в отношении моральных вопросов снайперы. Ар-тист может быть морален лишь в своей тематике или же тем, что он на своем творческом пути, освобождаясь, счи-тается с моральными вопросами (и то это очень редко).

На полях: О соц. реализме

Рядовой артист – это прыгун, плут или лицемер (два врага нашей квартиры: балетный танцор Кузнецов и порт-ной Сидоров). Но все-таки большими и великими артис-тов делает их встреча с человеческой этикой... Вот пусть СССР и артист: правительство от артиста ждет, чтобы он принял к сердцу тему устройства социализма в одной стране, окруженной со всех сторон враждебными силами. Но в том-то и дело, что правительство, как политик, как снайпер, тоже аморально, как и артист. Оно может подей-ствовать, конечно, не на таких жуликов, как Толстой или Леонов, а на таланты от станка: возможно предположить, что артист от пролетариев, охваченный моральными условиями своей среды, обманется и всерьез возьмется за моральную тему. Тут, однако, препятствием является са-мый станок: условия лит. труда настолько отличны от фабричного, что станок и среда оставляются без-мораль-но.

Словом, я хочу сказать, что в наших условиях самый факт занятия искусством предполагает особый класс сво-бодных людей, непременно развращающих своей свобо-дой тех морально-связанных людей (пролетариев), кто бы вздумал заниматься искусством. Условием создания про-летарского искусства должно быть исчезновение пролета-риев как класса и вообще классового строя, как теперь: рабочие, служащие, образованные и проч. Если же глубже идти, то дело сводится к обобществлению таланта (инди-видуальности), подобно как разница в качестве земли (рента) объявляется госуд. собственностью. Боюсь, что в конце концов в социализме все сводится к уравнению индивидуальности, тогда как в капитализме, наоборот, к ее возвеличению... Капитализм (индивидуальность) – социализм (общество) – X? (личность).

256

23[февраля]. Вчера лева приехал из Питера.

24 [февраля]. Семейное празднование юбилеев, свадьбы и т. п. приписка: с блинами Если я люблю свою женщину или занимаюсь дома в часы отдыха каким-нибудь любительством, собака там у меня есть любимая или птица, или так что-нибудь: есть маленький коврик, который я каждое утро прячу под мат-рас, а вечером на ночь расстилаю с любовью для своей босой ноги у кровати, и множество всего другого интим-но-личного, как и у всех; в том числе, конечно, разные мечтания, желания, почти беспредметные, – так вот, ес-ли я люблю все это, ценю, невольно придаю какое-то все-му этому живому личному особенное значение, то как вдруг все это унижится, потеряет всякое значение и мало того! стыдно станет за все, когда это личное, бесполезное вдруг предстанет перед глазами общества. И пусть перед этим объективным глазом все мое личное явится как ни-кому не нужный хлам плюшкинской кладовой – не в том дело, а страшно, что ты сам заражаешься этим общим оа-геркнуто: глазом судом и тебе самому становится стыд-но, что ты в такое-то время занимался такой ерундой.

На полях: Параллель: в старой России хозяйки страшились внезапного гостя:увидит! с другой стороны: как го-товились к встрече попа, гтобы дать всему своему застоинному благообразию.

Так вот сколько раз, прочитав злобную заметку о своих книгах, проникался этим самоуничтожающим чувством к своей плюшкинской литературной кладовой и сколько раз восстанавливался во всем этом своем хозяйстве, когда друзья подавали свой голос за мой хлам как за драгоцен-ное и самое нужное для них дело. Тогда при наличии ни-чтожных тиражей... личной бедности, скудости жизни при помощи друзей «счастье» переносилось на далекое буду-щее время, на жизнь «после меня», а здесь оставалась как счастье радость труда. Быть может, когда-нибудь создаст-ся такое

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
общество, что все, отдавая свое «счастье» будущему, здесь будут жить одной
только радостью творчест-

257

ва, но теперь радостью творчества живут единицы, а все вокруг хотят и ценят
только «реальное» будто бы или положительное счастье. В таком обществе, чтобы
не стать всеобщим посмешищем, надо скрывать свою радость, быть может, даже
маскировать ее видимостью счастья. Сегодня ночью я почувствовал себя на войне, и
вдруг все стало понятным. Напряжение столь сильно, что внутрененный «классовый»
враг, по всей вероятности, очень скоро превратится во внешнего (что-нибудь на
востоке произойдет). Едва ли теперь уже явится «передышка» в литературе. Она
должна на время или совершенно исчезнуть, как в 18 г., или, может быть,
писатель научится писать не любя, а ненавидя: писатель вроде Белого, ху-дожник
вроде Мейерхольда.

Война с появлением внешнего врага сразу может вы-явить для масс смысл революции.
Тогда все пойдет по-другому, но...

(Заявление)

Дела: Волки. Пленка. Почта (Галине – заявление). Тройский. Паспортизация мамы.
Бумага (10 к.) Кесарь. Гвардия. Мейерхольд.

Вечером праздновали с Григорьевым... Он дал тему: о чем говорят супруги. О чем
мы говорили с Павловной 30 лет? В лесу у костра: – Мих. Мих., что же так сидишь,
ты бы сучков собирал и т. д.

26 февраля. Прощеный день.

Вспоминали с Павловной, как в наше время в этот про-щенный день мужики старые и с
ними малые волокли сани на гору и оттуда скатывались «на долгий лен», значит,
чтобы лен бы выростал длинный. В то время казалось нам, что нет конца глубине и
прелести народных верова-ний, обычаев. Правда, что может быть прелестней этих
стариков, влекущих на гору сани, и какая же радость де-тям! Но вот вдруг как бы
всем память отшибло, и куда что девалось! А между тем наверно Венеру будут
впоследст-вии выкапывать из пепла...

258

Вчера приходил студент, какой-то Чемоданов, и так со-шлось, что с 11-го завода
рабочий Боков собрался и с ним Костя. Читал Чемоданов рассказ о классовом враге,
пред-ставленном им в образе поджигателя. Я предоставил кри-тиковать самих же
ребят, и они славно разделали Чемода-нова за банальность. Договорились до того,
что «враг» для писателя неинтересен даже такой, как на него обрати-ли внимание
газеты: «действует в колхозах такой-сякой» и проч. Враг – это кто мешает нам
творить жизнь и радо-ваться творчеству. Мы не хотим счастья, пусть оно
доста-ется другим: будущим поколениям и даже будущим наро-дам; но мы должны
радоваться творчеству жизни...

Я рекомендовал им для изображения врага пользо-ваться Гоголем: он же именно этим
и занимался...

Да, вот хорошо бы найти гуцу, окунуться в ней и борь-бу изобразить друга с
врагом, причем враг и друг попере-менно занимают места официального друга и
официаль-ного врага. Мы же, в глубине своей, должны держать нить творчества
жизни и обоих героев незаметно «про себя» проверять. И хорошо бы это написать в
форме пьесы. Дер-жаться себя самого, а смотреть на Гоголя...

9 Марта. Резкие морозы по утрам, до 20°, а в полдень на солнце капель. Весна
света в полном разгаре.

Читаю сборник статей по искусству портрета, и вот что меня поразило: ведь я же
не живописец, мне даже терми-нология их неизвестна, и все-таки я всю их
философию почему-то не только понимаю, но принимаю близко к серд-цу, как будто
дело идет даже не об искусстве, а о самой жизни. Да, вот так это, наверно, и
было: я не очень-то со-знавал себя художником, но по природе чистый худож-ник,
мыслил образами, а относил это к жизни, понимая, что и все так более или менее
должны мыслить.

В ГИХЛе видел корректуру «Скорая Любовь». В «Крас-ной Нови» набирают «Корень
жизни». Шульц печатает «Жур. родину». Дело идет!

Встретился военный из Обкома Свердловска, говорит, будто в анкете рабочие
Уралмашстроя подавляющим чис-

259

лом голосов предпочли Пришвина, «Кашееву цепь» и «Чер-ного араба». Эх, если бы
не «враг», то какую бы вещь я мог бы еще написать! Какие дремлющие силы
развернулись бы, и, конечно, я бы взялся за пьесу и какую бы пьесу-то написал!
Но враг начеку...

Вот я на краеведческом своем вечере объявил свой юбилей, и меня чествовали
искренно, как никого из писа-телей не чествовали за все 15 лет сов. власти.
Скосырев как председатель секции краеведения захотел заработать на моей
придумке: он заявил в Оргкомитете, что секция устроила Пришвину юбилей, никто не

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru догадался, а вот секция устроила. Авербах на это возразил: «Пришвину надо не юбилеи устраивать, а назначить пересмотр его сочинений». Никто не возразил, и Скосырев скис. Я ему подал заявление о пенсии и об издании моих книг. «Можно заранее сказать о неудаче, – ответил он. – Да я же не юбилея, я пенсии прошу. – Разве пенсии...»

Кстати, Оргкомитет у писателей называется Моргкомитетом. И так верно! Не жди от них ничего: это враг! Тактика борьбы: как можно меньше попадаться ему в поле зрения. Все дело в выигрыше времени: книги мои свое дело делают, они завоевывают публику, а «Морг» тем временем сам как «морг» попадет в поле зрения «всевидящего ока», как попал в свое время «РАПП». Тем только и хорошо в нашей жизни, что все скоро меняется...

10 Марта. Павловна ездила в распределитель, приехала в восторге: достала для меня две пары подштанников. – Да ты посмотри, какие! Великие дни весны света: разгар полдней, утренний аромат снега, мороза и света. Вечером даже не во сне, а перед сном был в Люксембургском саду и видел там все до мельчайших подробностей. В этот раз... храм любви, посвященный идее единства: любовь одна. В этом смысл христианского брака: кто мог, кто умел, кому удалось – живет по линии счастья, которая во всякий момент может оборваться, кому не пришлось – живет с женой по линии

260

долга и «в поте лица», но с надеждой на возможное счастье. Во всяком случае, смысл Люксембургского сада именно в единстве. И еще: мне теперь не так уже больно, как радостно, как будто мне остается собрать самые вкусные плоды этого сада.

Оправдание радости.

Рассказ Ив. Ив. о 60-ти голых на 6 x 7. Монашка достает из могилы золото (голая с голыми стариками). Наивный мужик (контроль. часы: раз-два-три: в трех местах). Ужас, но успех оправдывает. Глаза мои открыты (оправдание радости). Очень характерно: спортивное чувство: два мошенника – кандидаты в оценщики в Торгсине (оба выставляют друг друга классовыми врагами). Спорт в поиске классового врага. Радость спортивная (внешняя) и радость творческая (внутриатомная): характерна ее всюдность). Граница спорта и творчества (спорт аморален...)

11 [Марта]. Сияющий день. Снимал до обеда портреты безобидных существ, не жалея времени: очень возможно, что Снегурочка кончает дни и что больше уже не будет дней солнечно-морозных, чистых... Барометр падает. Вечером увлекся диапозитивами.

12 [Марта]. Пасмурно. Перелет снежинок.

Иногда приходится употреблять иностранное слово не потому, что у нас нет своего, а потому, что не имели мы опыта в содержании обозначаемого словом понятия. Так, напр., мы говорим иногда «эгалитарный» вместо «уравнительный», желая этим указать в отношении гражданского равенства на опыт французской революции. Долго с удивлением прислушивался я к произношению нашим народом буквы П в слове ГПУ: меня именно удивляло, что звук П дается не с мягкой гласной «е», как следовало бы ожидать в русской простонародной речи, а по-иностранному «пэ». Однажды, прогуливаясь по полотну жел. дороги в Сергиеве, я дошел до второй будки и там у нового колодца прочитал такую надпись: «Никто не

261

смеет подходить к этому колодезю, кто подойдет, будет отведен в Гыпы у». Вот тут-то я сразу и понял, что в слове Гепеу после «пе» слышится не «э», а «ы» и что Гепеу – мы говорим, образованные, а самый простой народ говорит Гыпыу.

15 Марта. На 14-е ездили поздравлять Дуничку, и как раз тут началась весна: стало киснуть, но, конечно, дорога еще совершенно не тронута.

Москва – ужас! движение людей от входа к выходу в трамвае совершенно как в мясорубке мясо пропускают. Это путь от скандала к скандалу.

Человек до того несчастен, что перестал уже о себе думать как о человеке, забыл себя: разговаривают все о картошке. Поверх сознания мчится жизнь фантастическая, непонятная. Ее нельзя понять, потому что она выше понимания нашего. И человек именно тем и спасается, что может забыть и говорить о картошке... и вот надо же наконец-то понять, что в такое-то время совсем даже неприлично обижаться или отстаивать свое достоинство. Мне вдруг стало понятно, что редактор попросил взять из сборника «Скорая любовь» рассказ «Белая собака», в котором упоминается неодобрительно паспортная система. Я понял вдруг, что не по личной злобе, не из-за вредительства запрещен был сборник «Записки охотника», а действительно, в то время когда люди принуждены забываться в деле добывания мороженой картошки и разговорах о ней, неприлично напоминать им о свободе.

Вернулся паспорт. Запретили аборт. И половую жизнь скоро тоже загонят в твердые берега. Не приходится вздыхать о «свободе»: эта блядь хорошо показала себя. Вот

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru когда привыкнут к палке (что так нужно), тогда мало-по-малу опять... А так надо... Да, Авербах прав: надо Пришви-ну не юбилей устраивать, а назначить пересмотр его сочи-нений. Наступил конец либерализма, питавшего старую революцию. Мои книги действительно устарели. Надо ис-кать в творчестве нового русла.

262

Коммуна в доме Ильича потому не удалась (не жизнь, а санаторий), что в нее собрали одних стариков (ветера-нов революции). Старый человек ищет молодости и...

Наполях: Преде. РИКа Казаринов. Райком партии Фомин.

Смирнов Виктор Василиг 1-Майская, д. № 1 во дво-ре (вегер).

16 Марта. Продолжает тихо киснуть.

Купил тройник Гейма за 2000 руб. какая вещь! Кто был ее начальный хозяин? кто второй? сколько было всего, а вещь ничего не скажет и будет одинаково служить. Так вот и государство создается, как вещь, и после не будут знать интимной стороны ее происхождения.

Говорят, что крестьяне уже помирились с формой кол-хоза. Следовало бы вмешаться в гущу народа, пересмотр-реть «От земли и городов».

Если бы даже и оказалось... да, оказалось бы, что... Я думаю о любви и браке: оказалось бы, что в брачные планы не должна входить «любовь», или что в строитель-стве государства можно обойтись без личной свободы, то в поэзии без этого дышать невозможно. Наше дело осо-бенное, личное, со своей свободой и любовью мы должны быть...

22 Марта. Крестопоклонная.

Весна, начиная с 1-го ст. Марта постепенно, не теряя дня, движется вперед: туманно-серые дни.

Разыгралась эпидемия сыпняка во всей силе, как в 19-м году. Впереди война...

Другой раз подумаешь в отчаянии, что не стоит и жить. Но вот написалась же в этих услови-ях эта вещь «Олень-цветок», такая милая вещь в такое-то время! и она останется, и ради того, чтобы оставалось после себя, и следует жить, и в этом одном опора и начало спокойствия даже и во время эпидемии и войны.

Встретил у Мандельштама жену Грина и спросил ее, как поживает ее хозяин, Александр Степанович. С ней ис-терика. Грин-то, оказалось, уже восемь месяцев тому на-

263

зад умер от рака. А Пяст еще жив. Это оттого все теперь пропускаешь, что ценность жизни личной понизилась: перемена через смерть стала не очень большой: не то ка-жется важным, что он еще где-то в своем углу живет, а что он с тобой, независимо от этого, живет. Из-за этого уже мало стремишься и навещать их...

На полях: устраивается государство

Вот еще мысль... Темный мужик, полудикарь, раньше вопил: «земли, земли!» Теперь эта земля раскрылась в «ширпотреб»: массы хотят мануфактуры, ботинок, книг. Крик «земли!» раскрылся в спрос достижений цивилиза-ции. И вот эта безмерная чудовищная жажда жизни, – этот «спрос» встречается с недоступным «предложением» капиталист, хозяйства... В этой жажде масс «жить» и со-стоит вся сила большевиков, ведь вся эта жажда бывает только в аграрных странах, все это от земли...

После того как в разрушительной [свободе] революции массы отвели себе душу, приходится перестраиваться на созидание: как неохотно, как скучно, как голодно и гнус-но после «свободы». Постепенно возвращаются атрибуты полицейского государства: сначала водка, теперь паспорт, аборт уже запрещен и скоро, наверно, явятся поощритель-ные меры к прочному браку. Государство собирается в ку-лак.

Чумандрин, вернувшийся из-за границы, сказал, что их там свобода разбаловала и у них от этого ничего не выйдет. Сошлись с К. Леонтьевым. А наши разные каде-ты, эсеры и проч. – какое баловство! Интересно бы попы-таться Авербахов, Чумандринных и др., как психологически их «свобода» перешла в закон. Авербах-то просто – карь-ера, но там где-нибудь у Фадеева и Чумандринна, наверно, происходит как бы трансформация «свободы» в «закон» – и вот это интересно.

Возможно, еще у литераторов и такой путь: через со-прикосновение с искусством слова он даже и чувственно получает личную свободу и этот «дар» принимает как дар своих пролетарских убеждений (веры) и для закрепления этого чудесного дара в себе с мечом в руке обращается

264

к прошлому, тормозившему это проявление дара, и назы-вает его «классовым врагом». (Так вот кустарь Розанов считает изобретателем радио Ленина: до Ленина не было.) Проявление дара сопровождается верой, что он свойствен всем и только надо уметь его открыть: люди, однако, сла-бы для этого лично и не могут, им надо помочь: если удаст-ся истребить классового врага, то все будут творцами жизни.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Это молодость: индивидуалист понимает себя как коммунист. И вдруг осложнение: «дар» (если он действительно дар) есть свойство личности, и без личности ком-мунизм перерождается в «ширпотреб»...

28 Марта. 25-го выехал в Москву по телеграмме Варв. Ник., 27-го утром вернулся. Новое знакомство: Всев. Эм. Мейерхольд и Зинаида Николаевна. (25 веч. у Мей-ерх., 26 – юбилей Каменского)

Когда председ. юбилея хотел начать свое слово, вдруг грянул оркестр ОГПУ, и долго не могли его остановить, а Каменский сидел высоко на столе, на шутовском кресле, изображая из себя монумент; речь Луначарского по радио тоже не удалась. – Ну, же, Анат. Вас, – подгонял confere[n]-cier. Молчал. А когда председатель взял слово, чтобы от-менить речь, вдруг заговорил в трубу такую ерунду, что хоть уши затыкай. Вышел срам с р а д и о: да, не юби-лей, а какой-то Срамсрадио. Но если вдуматься и про-йти за кулисы Срамсрадио, то причина во внешних не-поладках, оказывается, лежит в существе вещей: как это могло случиться, что Сов. правительство устроило юби-лей певцу крестьянских бунтов? Но, конечно, самому юби-ляру все это как с гуся вода, ему только бы досидеть до конца на шутовском кресле и потом собрать свой урожай...

Не забыть о весне: гусенята еще могли подбираться под курицу, но все вместе они уже – сила! раз нашло облако, курица собрала детей, накрыла их и уснула. Курица очень устала и уснула так крепко, что и солнце не могло ее раз-будить. Она уснула совсем, и гусенята, почуяв солнце, за-хотели встать и когда все сразу, не сговариваясь, подня-лись, то подняли и курицу.

265

приписка: Гуси. Смерть курицы.

Нашли гнездо диких гусей. Яйца подложили под кури-цу. Старая курица: не неслась. Ее муки по доставанию корма. Уснула. Гуси подняли ее. Упала. Посмотрели и по-шли к воде, там стадо домашних, с осенью улетели.

На полях: В ту же весну: кукушка положила яйцо в гнездо, и кукушонок выкинул маленьких, и родители все кормили его.

Радость. Радость техника, изобретателя и спортсмена: мускульная радость и умственная: снайпер в удалстве своем не заметил даже, – кого он бил: очень радовался, и вдруг оказалось, что бил своих.

Я же говорю о той радости, которая имеет своим кор-рективом другого человека...

30 Марта. Весна движется очень медленно, оагерк-нуто: хотя без обманов. На склонах пестро. Дорога еще держит.

На полях: Мужичий анархизм: – воля ваша, жизнь моя!

Презрение к власти у русского крестьянина было так велико, что при малейшей попытке начальника выйти из своего начальнического положения крестьянин так ра-достно встречал в нем человека, будто вот закончилось какое-то обязательное неприятное представление и стало жить хорошо. Да, эта «любовь» была именно от презре-ния к власти. И нынче опять-таки, если и есть что, то это не служба, а услужение. Не знаю, как дальше, но до сих пор было так, что у всех начальствующих кровно русских в лице бродила всегда какая-то особенная улыбочка. Я ее давно заметил, и она мне говорила: «Этот страх – одно представление, а там внутри нет ничего».

И вот тут-то мы встречаемся с немцами: не потому, что они умнее, а что они власть всерьез принимают, – вот в чем мы расходимся и отчего у них в государстве всегда все выходит, а у нас ничего. И вот именно из-за презрения приписка: народа к власти она у нас все упрощается и отвлеченно действует, как будто она даже совсем и не земная и не от нас...

266

К примеру, вот Тройский: пьяница, невежда полный и стал во главе всей литературы; это не из-за принципа, что вот-де рабочий, а... Нет! это опять-таки явление пре-зрения нашего: на пустом месте вот, пожалуйста! и так в глубину до «всякая кухарка», могущей будто бы управ-лять государством. В этой знаменитой кухарке сказалась вся сила русского разрушительного анархизма и ныне ста-новится лицом к лицу с немецким пониманием «всерьез».

«Двенадцатая ночь» (Шекспира) Шут: – Друзья хва-лят меня и делают из меня осла, а враги прямо говорят мне, что я осел. Следственно, с врагами я научаюсь само-познанию, а друзья меня надувают.

Гёте:

– Размышления поэта относятся собственно только к форме; сюжеты предоставляет ему жизнь слишком щед-рою рукою; содержание само бьет из полноты его внут-реннего мира; вне сознания встречаются они, – так что в конце концов не знаешь, кому же принадлежат эти бо-гатства.

Но форма, хотя она во всей полноте уже присуща ге-нию, требует познания, требует мысли; и именно думать надо, чтобы пригнать форму, сюжет и содержание друг к другу, чтобы они сливались в одно целое, проникали друг друга.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Поэт стоит слишком высоко, чтобы принять чью-нибудь сторону. Веселость и сознательность – вот прекрасные дары, за которые он благодарит Создателя: сознательность для того, чтобы не отступить перед страшным, веселость для того, чтобы сделать изображение всего радостным.

Эпидемия. Доктор встретился вчера и жалуется мне: – Отчего это? Вот у нас повальный сыпняк, и мы все знаем, что это от голода, а между тем сказать мне вслух, что тиф от голода, нельзя. – Понятно, – ответил я, – правительство старается всеми средствами поддержать в населении бодрость. – Значит, – сказал доктор, – ложь во спасение...

267

Сосед мой Стрелков, драч, отвезен в сыпной барак. Сегодня Павловна задумалась у окна: заметила дощечку у крыльца Дуни, смотрела на нее и думала. Вчера этой дощечки не было, а сегодня с утра – доска! так что, видно, принесена ночью. – Видишь, – сказала Павловна, – Рыжий, должно быть, умер. Дуня вчера вечером ходила к нему и, видно, узнала, что кончился, а потом, когда в темноте возвращалась, эту досочку и отодрала и нынче ночью еще отдерет – вот и гроб. В собрании говорили что-то вроде стихов: «Ударник! скажи свое большое веское надо!» А Маня спрашивала соседку: – Что надо-то? – Стихи были длинные, каждая строфа заканчивалась: «Ударник, скажи свое большое, веское надо!» И каждый раз Маня ту и другую соседку спрашивала: – Да что надо-то?

Эта мрачная женщина ходила в кожаной куртке с нагачом и одно время многим говорила: «застрелюсь, скоро застрелюсь». Но вдруг начала быстро менять, менять мужей и стала веселой.

Глухари. Кому случалось видеть глухаря на току очень близко, тот знает, что глухарю в это время трудно, каждое перышко трепещет: мука! да и у всех животных это смертное дело. Тетерева после тока измучены. Только человек из этого мучения сделал себе удовольствие. И жизнь человека, присмотритесь ближе, вспомните знакомых: одни стремятся возратить любовь к ее мучительному прошлому и подчиняют ее «долгу», другие поют о свободной любви. И все раскрывается так: «долг» – это размножение и государство; «свобода» – торжество личности.

1 Апреля. С утра вопрос: солнце или дождь? – Я думаю, – сказал Ив., – солнце в конце концов одолеет. Облака с юга, и там все реже и реже.

Пошел теплый дождь: такая радость на окнах. А мужики все еще на санях. На днях я стоял в распределителе в очереди часа полтора, чтобы уплатить и получить чек на продукты. Время

268

от времени вне очереди подходили «доплатные»: при мелких покупках большинство таким образом проникало в кассу вне очереди, под предлогом доплатить к чеку; на всех доплатных в очереди, понятно, все кидались с остервенением. И вот, когда я пришел за продуктами, оказалось, я ошибся и мне нужно было доплатить 55 коп. У меня был отдельный чек на булочку в 75 к. Я, избегая неприятностей в очереди, предложил продавцу вместо 55 к. чек на 75, и пришлось объяснить, почему: избегаю ссор. Тогда вдруг меня поняли, и все стали наперерыв помогать мне устроиться так, чтобы не пропало моих двадцать копеек.

Некоторые предлагали перемениться чеками, но ничего не выходило: все расстраивалось из-за какой-нибудь мелочи. Дело дошло до бесконечной молочной очереди, и оттуда кто-то с огромным сочувствием предложил взять консервную баночку с тыквой. Продавец достал было уже эту баночку, но в самый последний момент оказалось, она стоит на четыре копейки больше, а продавец деньги принять не может. – Вот что, – сказал он, – пусть будет по-вашему, 20 копеек остаются у меня, и вы их всегда у меня получите. – А если, – спросил кто-то, – он раз в месяц бывает здесь? – И два, и три, – ответил продавец, – и год пройдет, я вас не забуду. – И вся масса людей, измученная вечными ссорами, скандалами в трамваях, в кассах, в очередях, теперь за слова продавца «никогда не забуду!» стала, как хор в древней трагедии.

Нет, конечно, человек в невидимом состоянии живет среди нас и дожидается.

«Человек» – это о чем теперь не говорят, а он, конечно, есть. И молодежь хорошая таится для смены нас.

Мы начинаем к злу привыкать, как к барину. Сейчас он бесится, но мы знаем: не надо на глаза попадаться, а когда переберется, мы опять будем работать: без нас, работников, ему все равно не обойтись. Даже и так, что чем злей он [дерет], тем лучше, тем скорей переберется.

Кому не ясно, что Тройский – прощелыга, все знают, а ему хоть бы что.

269

15 Июля. Вчера потерял почти записанную тетрадь. Надо будет время от времени вписывать сюда то, что припомнится.

Стрекоза – как она вымокла, обсохла и улетела. Куст ранней ивы: в нем гнездо, – как вводила меня птичка, сидя хлопала крыльями, а куст гудел пчелами и проч.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Про-буждение насекомых на прелой листве ранней весной. Смерть бабочки белой от стирания пыльцы, день спари-вания капустниц, у бочага, река бочагами. На тяге дере-во – кристалл в каплях: жизнь дерева-леса и жизнь лю-дей.
Начало колхоза. Колхозник должен быть зажиточным человеком – из-за этого взяли верх твердозаданники, а Андрей выбит. Принимают со своими семенами.
Воробей на Никольской.

Разум необходимость], потому что прямая есть крат-чайшее расстояние между двумя точками, и разумному не остается другого пути. Но там, где необходимость диктует свою волю, едва ли возможна радость... Непутевый...

С огорода у меня тетерева – первая природа, петухи – вторая и паровозы – третья. Народ, а с ним и сама приро-да приняли чугунку, и поезда с [паровозами] стоят почти так же «поэтично» для всех, как облака, проплывающие на небе. Рожь стоит лицом к небу, – молодая, цветет. Рожь налила на 3/4 и время определилось, а колоски стали вис-нуть.

Кашеева цепь – Бог даст!

Мануфактура и религия: – нынче не джуже мануфакту-рой интересуемся.

Диамат: мы с Петей по грязной дороге, обходили лесом и вдруг стало нельзя обойти.

Трамвай – коллектив (всеобщая драка, два вылети вон, а трамвай идет).

Весенний мороз: ток наверху елей, заблудился, на вос-ходе солнца наверху петух токует на пять верст.

270

16 июля. Левина болезнь и анализ нежности к жен-щине.

Вчера на выставке за XV лет живопись: есть работы очень хорошие, но как советская жизнь с однообразным бытом, – тоже и здесь из-за тематики скучно и очень на-турально в отношении тем. И вдруг среди этой мертвечи-ны копия мадонны Леонардо, – какая красота!

Говорят, что положение Горького пошатнулось.

Мелькает мысль о 3-й книге «Цепи» с охватом эпохи богоискательства до Он[ежско]-Бел[оморского] канала (непуганые птицы, Китеж, Данилов, Петр I.)

16 июля. Катынский, любя свою жену, с которой раз-велся, и особенно сына, который остался с женой, сошел-ся с другой женщиной из-за того, чтобы ее мальчик заме-нил ему любимого своего ребенка. Но оказалось, что свой родной сын незаменим. И остается из-за своего сына вер-нуться к старой жене. И она-то ждет, и он ее любит. Будут счастливы.

Сборы в поездку на Онего-Белом. канал и Соловки.

1) Лева передаст в МТП «Корень» и возьмет обратно рукопись.

2) Взять с собой: 1) «Непуг. птиц», 2) «Колобок», 3) 5 эк-земпляр «Скорая любовь», несколько «Собак» и рукопись «Жень-Шень».

3) фото. Все объективы, линзы, призму, круговую съемку. Проверить уклон на 1/2 т. и в теле на 1,5 т. Сделать глиц. камеру, взять чипов, штатив и темную [камеру].

4) Снести Шекспира и заказать вкладыш.

5) Счет: на книжке 3400 + 500 р. = 3900 р. + 600 (на ру-ках) = 4500 р. (+ возможности из Союзпушнины: 3000 р.).

5) в МТП о займе.

6) в МТП о Каляевке.

7) Документ от Союзпушнины.

18 июля. Съезд семьи со внуком. Полная разгадка Зои: ее внешность

грубо-эффектная: чрезвычайно высо-

271

кая, брюнетка, элементарная хитрость, заменяющая ум и проч. приписка: мещанское воспитанно «как нельзя» подходят под вкус простолюдина: они видят в ней прин-цессу, а втайне каждый простой человек оагеркнуто: ждет обожает принцессу. «А я довольна Вузом: аналитическая химия».

Видите, не просто химия, а какая-то... Это род кокетст-ва (женщина поняла).

Христианский реализм: реальность – это вера моя в Христа и в связи с верой строительство церкви, а сама по себе жизнь на земле людей и даже сама земля – не реаль-ны, иллюзорны.

Социалистический реализм: реальность – это вера моя в социализм и в связи с этой верой строительство социа-лизма, а сама по себе жизнь людей – иллюзорна.

Вот, например, из ст. Горького «Кочки и точки» (зре-ния): кочки – это кочки зрения: что, напр., сейчас голод и в иных местах родители живьем едят детей и проч. и проч., а точка зрения Горького: «действительность ве-личественна и прекрасна. Необходимо, чтобы литература достигла высот действительности». Для этого нужно, что-бы писатель верил в социализм и участвовал в его строи-тельстве.

Так теперь получается, что никакое умствование боль-ше не обманывает людей и не

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
удовлетворяет, люди, как Фома Невер[ующий], хотя «вынь да положи!», т. е. хотя, чтобы человек мысль свою показывал вещь, которую он сам и сотворил. Социализм и христианство? Если нет у тебя вещей, созданных во имя того или другого, то слова эти мертвые: вера без дел.

Вера без дел мертва, но дела мои настолько малы, что по ним я не осмеливаюсь говорить о вере и оттого люблю очень слушать и ужасно боюсь, как бы при этом меня са-мого не спросили: «А ты-то како веруешь?»

21 Июля. Петя документы выправил. Покупается про-визия.

272

Телеф. Лева: о бумаге Союзпушнины и броне, и день-гах.

На полях: доброе дело.

Лева «огалинился»

Мысль об этой любви до того близка к самой любви, что думать об этом и любить в моем возрасте стало почти как то же самое и отличается от прежнего эротического только тем, что теперь я все понимаю и свое прежнее без-умие, узнавая в других... То, что нам со стороны кажется у людей мимолетным, почти как у бабочек-однодневок, и до смешного однообразным, если то же самое взять по себе. – будет роман.

22 Июля. Петя поехал за билетами, чтобы завтра в путь. Вновь сказание о Кашее. Каждый человек теперь, будь он и силен, и умен, и талантлив, и сдержан до край-ности, имеет свою злую судьбу: от этого никуда не денешь-ся, никак не обойдешь и, если даже случаем попадешь в исключительное положение, это отдельное благополу-чие скажется разрушительно на нравственном сознании, явится тупость, равная смерти.

Причина этому, конечно, голод... каждый в борьбе за па-ек организуется, т. е. определяющим моментом организа-ции является голод, или вернее страх голода, прикрытый ходячей идеей: «голод» – или истощение – тощий Ка-щей, злой – Кашей-Тощей – Тощий Кашей, злой: стере-жет сундук с золотом.

«Новый Мир» 1932 г. № 1. Страница из романа Гладко-ва и Шолохова для сравнения.

Гладков гражданский пи-сатель для «Русского богатства» эпохи конца народниче-ства, это последняя реакция. Явление такого писателя вытекает из внутренней его удаленности от материала: он пишет как натуралист по внешним видимым чертам, ни к чему не обязывающим внутреннего человека. Вот, к при-меру, взять Халатова, который бы сбрил себе бороду: для нас это было бы целое событие, и в Москве все бы, кто имел дело с ним, целый день только бы и говорили о том,

273

что Халатов сбрил бороду. Но для слепых в этом никакого бы события не было, хотя они тоже знали бы Халатова во всяком случае не хуже, чем мы. Так вот Гладков – это пи-сатель внешнего, без отношения его к самому себе, без родственной связи со своим материалом. Эта родственная связь художника со своим материалом по существу вне нашей воли, и мы властны только в культуре этой связи, т. е. в совершенствовании природной частности вплоть до выявления ее универсального значения. В этом отноше-нии Гладков растет не из себя, а чисто из заданной гене-ральной линии, понимая эту линию отвлеченно, как по-нимает кукла волю ее хозяина. На самом деле генеральная линия находится в нас самих, и каждый из нас, лично действуя, поминутно ее изменяет, прибавляя новое, от-брасывая устарелое, и тем самым утверждая ее...

Когда у нас хотят выразить, что «дело не так просто», или «в глубине этот факт имеет другое значение», то гово-рят: «тут диалектика»

Мало того, чтобы родство было с материалом, надо еще пройти какому-то сроку, чтобы в этом родстве обвык-нуть и, быть может, даже вовсе и не замечать его и обре-сти через это чувство личной свободы.

Каждую перемену к лучшему в своей личной судьбе он понимал как тактический шаг Кашея, которому для того это нужно сегодня, чтобы завтра тем с большей силой на-жать.

Добрые дела мы очень часто делаем именно так, что правая рука не знает о левой, и тем не менее в обратно-евангельском смысле: мы не делаем, а от-дельваемся.

Так, есть враги, с которыми надо драться, а есть, от которых надо отделяться, сохраняя в себе доброе расположение духа, добрыми делами. Настоящее доброе дело должно совершаться с чувствительным самолишением. А бывает еще, что грехом считаешь, если что-либо уступишь из се-бя: «нельзя уступить».

Наполях: Гулаг

274

23 Июля.

21 Июля Союзпушнина – 2000 руб. Подходн. налог 40 пете (на дорогу [продукты]) 70 руб. Галине (на распред. и дорогу) 31 руб. Пете 300 руб.

Билеты до Медвежьей Горы 180 руб. _

1379

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Из «Пионера» 100 Перспектива:
МТП = 26-го обед 2000 руб. Из «Пионера» 300 руб. «Молодая Гвардия» 1800 руб.
«Мур[зилка]» 300 руб.
Гершензон 600 _
5 тыс.

Союзпушнина 1600 руб.

5 руб. на квартиру 10 р. на еду

Кемь. 26 июля. Выехали с Петей 23 июля. Болезнь Ле-вы. Метод лечения.

Проводы: Лева с Галиной и чувилы. Найденный каран-даш.

24 июля. [Ленинград]. Разгар сенокоса и уточки. Петя в борьбе за бронь. Поездка на острова. Парко. Прошлое прошло: чувство замерло, ничего не шевелится.

Облуплен-ный дворец. На Стрелке: «лежать нельзя» – все лежат, как тюлени.

Распределительское сукно я вывернул, и стал костюм в зеленых шашечках, и за то я «иностранец!» Ни-где не слышно смеха, не видно улыбки: как тюлени (вы-ходной день). На лодочке голяк положил весла, не знает, куда ему и надо ли двигать. Кавказцы. В вагоне интелли-гентные] карелы американского происхождения.

25 июля. Петрозаводск и Онега. Эм-гора (Медвежья гора) Эмгора = М-гора. Из устного Онежского названия

275

Медвежья гора стало сокращенное письменное М-гора. а из этого вернулось в разговорную речь как Эм-гора. и это все правильно, все это словесное переустройство со-ответствует содержанию: Медвежья гора и Эмгора: на Медвежьей горе жили медведи, на Эмгоре расположилась теперь база ОГПУ по строительству 0[него]-Беломорско-го канала.

Железнодорож. бегунья и перемена плана: не в Эмгору, а в Соловки.

Ледниковый ландшафт: сельги. В вагоне люди молча-ли: первая ступень цивилизации: не болтать: живи сам с собой и делай; не болтают и отвечают кратко. Быт исчез. Вор в шляпе с голубой лентой. Служитель на просьбу «чаю»: «ошпаришься!» и когда дал другой: «охота вам па-риться».

Железнодорожный служащий: «Я забыл свою родину».

Сег-озеро и Сегожа: плывут остатки подвозной дороги: подвозная дорога на мокрых местах уже сгнила. Сегожа разлилась, и озеро Сег-озеро, наверно, тоже изменилось. Тема: вся перемена в водной системе, изменен путь семги. Пароход на канале. Переселенная Май-губа (до этого ст. Масельга).

Надвоицы. В бинокль: вспомнил Надвоицы, внизу узнавал долго и вдруг увидел: черные неподвижные кам-ни как беззубая почерневшая челюсть... а тогда было как белые зубы. И так за 30 лет народ русский: то русло почер-нело... а вода бежит по иному пути.

На полях: Не было жалко, но мелькнул вопрос о возможности жалости к гужому геловеку.

Река Выг. Болото и осушение. Марниковое болото и девочка, каменные плиты – серые бараньи лбы, и серая ржавчина болота: первое начало: вода и камень, теперь – торф.

Великое сооружение или просто шлюзированной река.

Тундра? Леса перевелись или «еще много лесу», и что будет взамен: вода – рыба, недра, поселочки... (будущая колонизация)

276

Вечером 8 ч. Кемь. На пропускном пункте. Гостиница. Суточное дежурство, клопы. Кашель.

Вопрос о возможности жалости к чужому человеку.

Кемь по-прежнему знаменита своим собором и по-пре-жнему порог шумит. Старик оборванный в скуфейке. Го-лос из окна: – Сколько государство тратит на эту дрянь!

Ш[кловский] говорил, что сомнения были, – выйдет ли канал, и когда вышел – не могут и оценить, что такое: недо- и пере-ценить, я должен оценить.

Сег-озеро: леса и торф, болото, плиты камня, страшно: «а вдруг останешься здесь!» Язык торфа, лесов и камней и солнца, и язык строителя: сделал и растерялся.

На полях: Я делаю, гто мне велят, но дело у меня выходит не всегда именно так, как хотят.

На полях: книжка Арнольду Яковлевигу, а оказалось Якову Арнольдовигу – утрагивается имя – вмиг стер-лось.

26 июля. Скатерть-самобранка.

Вчера на вокзале подвода – ящик, в ящике вещи – 5 руб., на вещи кум, а мы пешком. И вдруг сегодня начальник Услуга Яков Арнольдович Бухбанд распорядился, и скатерть-самобранка и все... Объялись: салат, северная зелень опасная, бактерии на ней, надо кипятком. Болезнь Пети.

Бродили по Кеми: старое убожество: клопные доми-ки, порог, старая церковь, –

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
«дяденька, хлеба!»», «дядень-ка, пожертвуй на самолет...»

В 8 веч. Петю поставили. Поездка на пристань, прово-жает: секретарь] Владимир Филиппович Довгань (Уме-ров Сайд Ягья, Кычин Петр Павл. – работники КВО).
Услуг – Слаг – Лаг.

На пристани Попов Остров, бандит (тридцатипятник) Григорий Моисеевич Приблудов (Герой Горького, татуи-ровка «Маруся» на груди. 2-й 35-ник: Скворцов Иван Дмитриевич. 3) Змиев Кузьма Андреевич: всем трем по-

277

слать карточки по адресу АК ССР Мурм. ж. д., ст. Кемь, почт., Попов остр. П-й отд. Лагпункта.

Высокий человек на 10 лет (41 г.) веселый... жена? 5 ме-сяцев не получал... – Ничего, получишь: живет. – Ну, как живет, ведь крестьянка, колхозы... – Бывает же и ниче-го. – Нет, похоже, ей дали 7 лет.

До Попова Острова на катере, управление заключен-ными: из Владивостока, родился в Маньчжурии (Снимок островка 3 раза).

«Ударники»: бандит Гриша и Довгань: анархист и госу-дарственный.

Моя болезнь. Отъезд в 3 ч. ночи.

Едем по белому Белому морю, вода мягкая, чистая – до того тихо.

27 [Июля]. Встреча начальника, Владимир Петрович Солодухин... На барже («Клара») сидит «Навал»: успели друг у друга украсть, и среди них женщина (КР) мирит, а у нее в это время украли. Навал: 1) 58 КР, 2) 35 – тридцати-пятники (1-я ступень урки, 2-я высшая уркаганы), 59-3 бандиты. Блатной язык: борьба с ним: блокировать, фи-лонить и пр.

Нам показывает Михайлов Сергей Васильевич, пом. начальника отдела КВЧ (культурно-воспитат. часть). От-казчики религиозники...

Чайки покинули не только от пожара (куклы в церкви делали), а люди злые: от людей ушли.

Шум леса.

Осмотр Ширпотреба: производство Шахматов и музы-кальных инструментов, пошивочные мастерские-Колонисты идут в токарные: динамика, в столяры: по-жилые русские, в полировщики восточники: студент-ки-таец (троцкист): заика: кропотливые.

Шахматы – 6000 в месяц: «поднасытились» (шашки: барабан инженер с 2 нрзб.)

Лучший токарь Пастухов 180% (тридцатипятник) са-молюбивый и с ним «ничего не сделаешь».

278

Балалайки 2000 в месяц – хотят 3500 (т. е. насколько можно по цеху). Деки из фанеры, хотя из ели.

Колонисты работают по 6 час, через 2 часа перекурка.

Производство 150 шаровар и 250 гимнастеров в день.

В театре венгерка Нирмой, певица (вмещает 500 чело-век). штат 14, теперь 10.

15% осталось старых аборигенов, остальные разбре-лись: [кончен] срок или переброшены на материк.

Пение венгерки (шпионаж): год одиночки: русский язык и проч. Художник Курбатов, актер Полковников, пи-сатель Виленский, «героиня»: «песня без слов» т. е. видом своим говорят «Рудневы».

Наполях: Кишкин

28 июля. Пушхоз: Лисий Остров – мост – Песцовый остр. – Лопушки – (Ондатровое болото). Редко-редко в какую весну покажется грач или галка. Соловки – это юг на севере. Сырость = много насекомых (огородная бе-да). Все синицы, а больших нет. Глухарь есть, – нет тете-рева. Гага питается съедобной мидией (раковина в труху), ныряет на 150 метров.

Биолог Кишкин. Торфянистые, изредка подзолистые почвы: столетие с-х. культур.

Рыцари древнего искусства: – Вы играете на флейте? Преображенский храм и чайки. Кореец-шпион.

Цикута – яд, которым отравлен Сократ.

29 – Кан. сист. Секирная гора.

30 – Сельскохозяйственная опытная станция. Музей. Татуировки.

31-го – Зеленые горы. Концерт. 1-го Августа.

Приписка: Беседа с ущемленцем Марташевым (трепа-нация черепа, 8 ран) 2 ч. ночи отплытие с Соловков: 6 у. прибыли. Вонючая гостиница. Внезапное пробуждение: «разрешите доложить, остался кусок газетной бумаги».

Хлестаковское положение.

279

Лошади, две пары, переезд на другую улицу. Бухбанд: патефон и балалайка.

Вечером: инженер и несмыаемое оскорбление приписка: то, о чем и Лева говорит: не про-щу. Юродство Бухбанда, его внимание и невнимание, внимание: пригоровьте им на дорогу всего понемножку, семги... Мне: «малосольная, недурна» («Нет ГПУ»). Ущем-ленцы и перерожденцы, напр., перерожденец Михайлов: «у меня их не один»...

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru он не удивился и сказал: «он у меня не один». Ущемленец Довгань – и снова красные петлицы, а между тем себя самого нет: петлицы вернулись, а сам себя потерял и ноет, болит несмываемая обида. И то же самое инженер... готов в любое захолустье на голод, лишь бы «свободным», т. е. смыть обиду (плен). А если перейти от обиды в другую сферу творческого труда, выкопать мо-гилу и действовать. – Это слишком глубоко, – сказал он. И жена сказала: – Вероятно, у него нет семьи.

Так что мы подошли к истокам жизни: творчеству и се-мье (в другом плане: Христос и род; и обе темы в «зеленые озера»).

На полях: Рыбы ребра... Всегда он грязный... урки-художники

– Барыню, барыню! – раздались голоса. Начальник приказал: – Интернационал! – Бочка, вся улица. Цвет-ники. Урки – все художники. Большинство урок – худож-ники, но, конечно, не все, как и писатели не все урки...

Капельмейстер Поп: рыбы ребра, пучками брови, впа-лые щеки, глаза голубые – Всегда он грязный, – сказал начальник (за 5 дней оделись).

Бухбанд и рыба и Мурман: вот кривая – план, вот встречный план, а вот что на деле... дальше идти некуда: просто запирают в губе и черпают рыбу. Какие темпы! И от темпа к балалайкам. Только тара. Тара воздух – тара клепка. Дальше идти некуда: пойдете смотреть оркестр... Патефон!

Наполях: Кузов

Сюжет: Песцы с команд[орских] островов от шума ле-са на берег моря. Тюлень уснул на камне, разогрело солн-це. Отлив. Песцы уничтожили, растащили и зарыли. Но-вый прилив ничего не нашел.

280

Два красноармейца гнались за вором, был отлив, пере-бежали по сухому, проверили документы: все в порядке. Прилив. Два бревна, один переплыл... Другой нырнул и не возвратился. Отлив: зацепился винтовкой за камень.

Квартира. Внешняя сторона: я – Хлестаков, дежурн. комендант, завтрак: – Чего-нибудь из мясного закажете? и проч. Внутренняя сторона: родственники Довганя уеха-ли на дачу, просили кого-нибудь для охраны в квартиру...

29 Июля. «Чайка» у канал, системы.

12% площади пресная вода. Таяние льда – целый осо-бый период и оттого запоздание. Но солнце очень греет, и оттого обильная жизнь насекомых, и на снегу бурые гу-сеницы толстянки и проч.: на ночь все они уходят в снег. Зима в три раза мягче, чем в Москве. В декабре комар-тол-кун бывал. Островной климат... Валдайская командировка. Альпийские озера (про-зрачность).

«Взмет» (обнаженная морена).

Титанические сооружения в 4 террасы.

Совхоз Исааково. Подъем на Секирную: ангелы высек-ли женщину.

Моль-чехлоноско: щитки из березовых листиков, и в этой броне ползает и поедает чернику.

Пенистое гнездо травяной цикады (соловецкий плевок).

Сели на лавочку. На чертополохе работали опылители шмели. Монахи пчел не водили: трата сахару: потому что ветер унесет рой в море.

Остров поднимается 17 см в столетие. *Zostera marina* – водяная трава, свидетельница времени, когда Белое море соединялось с Балтийским (в Ледовитом океане нет).

В Белом море теперь видообразование, из таких видов, напр., сельдь (соловецкая) и треска.

Море – смерть земноводным, откуда же взялись ля-гушки? (Ящерицы живородящие откуда-то приехали: эк-зоты).

Валдайская губа, где мы с Кишкиным (Михаил Нико-лаевич) вышли: спаривание жуков-восковиков на Иван-чае.

281

Оза – каменное нагромождение.

Бородатые лишайники.

Короеды скрываются в валежнике.

Белки откусили молодой елочке верхушку, и оттого дерево бросило сучья вниз, и стало гнездо, а то бывает, су-чья бегут вниз для защиты от солнца.

Распад дерева: борьба гриба с насекомым: насекомое укрылось под корой дерева и уснуло, но гриб ожил рань-ше него и стал через него, спящего, прорастать и насквозь пророс.

На пне было беловатое пятно, это был гриб, и был слизняк, слизняк съел гриб.

Rana temporaria, серая лягушка: весной массовое скоп-ление слизи в кладке: температура поднимается и сохра-няет от холода.

Вороника (водяника): монахи квасок варили.

Фунтики на березах – массовое явление на Соловках: жук-долгоносик.

Распад дерева: личинка лубоеда начинает от дырочки, где зимовала, есть лубок,

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru оставляет канал, и канал все шире и шире так, как личинка растет: жрет и растет, оставляя экскременты, и на этом навозе зеленеет растение: канал превращается в лес.

Заращение муравейника: по краям растения и по бокам пластины моха, нет больше муравьиной кислоты, и все лезет в муравейник, все и человек: тут много энто-молоду материалу.

Рослянка: посадил комара, и он растворился.

– Чего, чего нет! – воскликнул Михайлов: – и рослянка, и время...

– А человек-то какой! – ответил я. – Сколько знаний, сколько любовного внимания к жизни.

Это мое о человеке не только не возбудило Михайлова, а как будто вернуло его к серой действительности.

– Человек-то какой! – сказал я. Михайлов ответил:

– У меня их довольно, есть еще и лучше: вот я скоро их использую для экскурсий с урками.

– Ну, а вам-то самому разве не интересно?

282

– Для меня интересов нет: я должен делать для других, а для себя – ничего. «Перерожденец». И то же самое презрение большевика к «личнику» или «ущемленцу», в то же самое время требование личного отношения в творчестве генеральной линии. Эта идеальная линия, и вдруг о себе, что вот 8 ран и череп и усылают на Дальн. Вост. Но это «личное» не должно быть принципиальным.

Вереск цветет – зенит лета.

30 Июля. Сельхоз. Скот Холмогорский.

Разработка вопроса корма свиней обезвоженной морской капустой.

Поголовье 98 голов – племенное ядро – 250 с молодняком.

В плане 4200 лит. в год, 20% дают уже 5000 кг в год. У монахов скот дареный, разный, 1000 кг в год. Слаба жиромолочность. Предстоит над этим работа путем селекции.

Свиноводство с 25 года: 80 маток до 135 голов. Кру[глая] англ. белая. Лошади на 1/2 сборные.

Птицы – несутся хорошо, но не высидывают. Отблеск 22-х лет, последний монастырский жеребец завода Воронцова-Дашкова.

40 гектар пахотной земли при монахах, теперь 600 гектар (пахотной) ответ: 81 га пропашной клин + 500 га других культур.

Завозят только зерно.

С 25 г. Опытная станция.

Выбор видов и сортов по скороспелости: соловецкая и карельская репа: 2-х месячный вегетативный период, а кормовая – 2 у2. 2-х строчный посев через одну грядку, чтобы можно было убирать. Урожай в два раза.

Турнепс: до 30 тонн с гектара. Северные семена в направлении к югу лучшего качества; то, что хорошо на севере, на юге лучше.

283

Картофель – опыты картофеля из семян.

Морковь – «Нантская», думали, что нельзя ее вырастить в Ленинграде, а оказалось до 20 тонн, а в среднем 10 тонн.

Карельская брюква «Красносельская», цветная капуста «Снежный шар» – скороспелость.

Силосовый подсолнечник.

Ловчие посева: ловят насекомых.

Капуста до 25 футов в кочане. Вредитель: капустная муха.

Масличные: белая горчица, рыжик, тмин – на семена и на силос ячмень – 6 лети, опыт до 7-го Июня (посев).

Лето на материке теплее, но зима на острове много теплее, чем на материке.

Почему монахи не возделывали хлебов? Они вышли из России и оттуда принесли опыт: они запаздывали с посевом, напр., капуста 15 мая надо, а у них 15 Июня, а мы решили на раннее из-за капустной мухи.

Морковь в парниках до стрелки и потом со стулом в бурьянах в грунт.

Освоение верховых болот... торфяных почв и много, и лучшие, другие песчаные подзолистые 10%.

Фотопериодизм: лук и огурцы 12 часов, искусственные ночи. Растут в тени. Буйный рост с 29.VII – темные ночи.

Севооборот: Овес – Вика + Овес – многолетн. травы 5–6 лет (или то же, но рожь).

С 29 года началось освоение болотных почв: известкование 3 тонны на га на 4–5 лет.

Павел Владимир. Дроботковский нач. сельскохоз. части.

Завед. опытной станцией Кази Зоде Керим (тюрок). Выслать Митгол АК ССР Услон ОГПУ фотографии.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Музей.

См. «Листики»: виды растений.

Хозяйственный прогноз по климатологическим реагентам, напр., по времени цветения вереска предсказывать поспевание картофеля.

Зима 120 дней.

284

Сектор «Конец Зимы» 40 дней (начало весны) – до 1-го появления живородящей ящерицы.

Весна 50 дней до массового появления комаров.

Средний срок начала зацветания вереска – середина соловецкого лета – начало темных ночей.

Лето 60 дней: Июль–Август.

Позднее лето (сектор) – с 1-го – 20 Сент.: начало расцветивания берез на фенопунктах.

Конец осени: 20 окт. – губительные утренники, конец листопада.

Зима: начало осыпания хвои у ели.

Академия Наук. Шмидт: сказать: биостанция ликвидируется, спасти материал для науки; просит Мих. Ник. Кишкин.

На полях: – Они обеспегены гораздо лугше, гем мы! (Ольга Аркадьевна)

31[Июля]. Поездка на Зеленые Озера (Филимоновы).

Одноглазый! все улыбается (юрод[ивый]).

Бадан. Сирень. Черемуха пенсильванская и виргинская, калина, Rosa feroza; рябина из Швеции.

Проф. Полибин все привез из Ленинградского Ботан. сада: Ясень маньчжурский, Клен кутаисский 1200 метров над уровнем моря – там, здесь выдержал! Каштан кутаисский, дуб уссурийский, черемуха маньчжурская, даурский шиповник, аянская вика (у Камчатки), сибирская лиственница, сибирский кедр, шиповник амурский, желтая акация, яблоня сливолистная, черемша (сибирск. лук) против цинги.

65-я параллель.

Последнее замерзание Зеленых озер, когда темные но-чи, как белое одеяло спускаются лебеди. 18–20 саженей над уровнем моря... Озеро 18 метров глубины.

фото: зарубка монаха в 1845 году не заросла: такой медленный рост.

Смерть последнего монаха Симеона, модельщика (куклы): пошел зуб выдернуть, заразился от инструмента и умер.

285

2 Августа. Утро: запись. Решение ехать на Мурман. Поручение Пете к помощнику начальника Услуга Кичину:

1) удостоверение на рыбные промыслы и Новострой, 2) литер, и плод, карта до Мурманска, 3) пища, 4) какая-либо карта, 5) время отъезда и приезда, 6) к кому в Мурманске, 7) разрешение на фото? и 8) пакет. Есть!

Один из этапных сегодня пробовал убежать. Стрелок попал ему в голову.

Убеждая меня ехать на Мурман, Бухбанд говорил: «книжонку о рыбе напишете». И пальцами показал даже толщину «книжонки».

На стене были написаны угрозы бракоделам и филонам. Что это филоны? –

Общелагерное слово: фальшивый инвалид лагеря особого назначения. – А что такое ляп-пард? – Это если кто-нибудь в мороз сядет в лесу на пень, нагадит в штаны, примерзнет. – Какой же это ляп-пард, это типичный филоны, ляп-пард – это всепожирающий.

Обзор Кемского Лагпункта. «Зачет рабочих дней» про-исходит на воздухе, то же что и чистки. Бородатый юрис-консульт (ужасное лицо) приписка: (из кожи лезет): тип страстно примазывающегося. А кому остается немного, вот-то старается!

Вольнонаемных вовсе нет: сами. Труд коллектива. Ударная рота. Наш провожатый староста с во-дянистыми глазами. Кармен – за вооруж. бандитизм: 1-я бригадирша. Мальчик 8 лет, как взрослый (страшно, а они удивляются...)

Невский проспект: «глядите, никто... силен сам...»

Жизнь кипит (сравнительно] с угрюмостью Соловков).

Конвейер – подштанники, ватники, рубахи... напиши на материи имя, и оно рядом с тобой пойдет, и вместе с тобой придут подштанники (взято с Форда: автомобиль). Вагонная система. Почему не влечет в человечину... с ин-тересом будешь смотреть, как черпают селедку в закрытой губе, а вагонная система... потому что селедка есть селедка, а тут человек в положении селедки, и вот это нехоро-

286

шо. Тип нового провожатого: складывается с Михайло-вым: вероятно, очень мало тех, кто может обходиться с [потенц.] человеком: два-три Довгань, Кичин, Умеров – и все: интеллигенция из сотрудников ГПУ.

Вечером концерт с Михайловой: певица говорила: я не говорю о карьере: голос пропадает, кашляю, кровь... – пусть! но ребенок, свидеться с ребенком. В школе

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
как звездочка (приодетые урки-музыканты).
Что делает практика! местные люди труднейшее для говора сокращение
«Беломорско-Балтийский лагерь» выговаривают с такой скоростью, что слышится
просто ка-кой-то флаг, а между тем это Бел-балт-лаг – попробуй-ка без практики
выговорить Бел-балт-лаг – труднее будет, чем турка курит трубку, чуднее Фенимора
Купера.

...как черт на воде, а поставь на землю – ничего. На землю поставь – не любит.
Но 165 – Ксендз – прораб – Андерсен

Ребят, как жеребят.

Бригада Ярченко культ.

Бригада Шагиньянц – крестьянская бригада

Его освободили по ноябрьские [праздники], а его бри-гада осталась: избили:

Шагиньянц – взломщик.

Григорий Ильич.

Шлюз № 10 Канала самое замечательное звено ББ ка-нала, потому что шлюз этот
связан с плотиной, замыкаю-щей реку Выг так, что значительная часть воды
Выг-озе-ра, не находя обычного выхода, бросается в стороны, от этого берега
озера расширяются, острова тонут, вообще создается новая география, и даже
железнодорожный путь приходится переносить. Эта замечательная плотина
со-проводается другой особой водосливной плотиной, сде-ланной для того, чтобы
пропускать иногда через себя из-быток воды озера. Эта вторая подсобная плотина в
системе шлюза № 9 в свое время как особенно замечательное со-оружение было
напечатано в «Известиях» и названа шлю-зом. Небрежность эта была очень больно
замечена всеми, кто работал на этом страшно тяжелом участке. Тут была...

287

Приписка: фотография.

Чтобы попасть на Беломор. канал, мы приехали к Мед-вежьей горе, где у красивой
речки находится строитель-ная база Б[еломоро]-Б[алтийского] В[одного] П[ути]. И
вдруг счастливая встреча возле самой станции «Мед-го-ры» совершенно изменила наш
план путешествия. Прежде чем ехать по готовому плану, нам захотелось хоть одним
глазом заглянуть в лагерный быт Соловецкого острова, давшего главные силы в
строительстве канала приписка: тема: перековках А после того как мы
удовлетворили это наше желание, мы продолжали наблюдать лагерь на мате-рике, в
Кеми. На полях: Ужо тебе, Строитель чудотвор-ный

Дальше нам захотелось ехать в Лапландию на Ново-строй, чтобы потом при осмотре
Беломор. канала можно было понимать работу. Мы заглянули также в Хибины,
опять-таки имея в виду значение канала в транспорте апа-титов, ловчорритов и
других минералов внутрь страны. Потом в Мурманске мы встретили первые суда,
пришед-шие по Беломорскому каналу, и участвовали в народном празднике по случаю
этого события исторического значе-ния. Тогда все полученные впечатления
связались, и канал для нас выступил в единстве с жизнью пред- и за-поляр-ного
края, и канал предстал нам в истинном своем значе-нии, начиная с решительного
[императора] Петра, прота-щившего флот посуху тем путем.

Приписка: Природа, – гто поймешь, если под водой скрыт 1 нрзб.

Большой человек Беленький (родственник тов. Име-нитова) и маленькие люди,
труженики – ученые Тодмант и Мантейфель.

Тема: урка-общественник, романтик – ему вся слава, крестьянин-индивидуалист –
ему ничего.

Вопрос: чьей силой создан канал? Ответ: первое, крес-тьяне, потом люди города,
больше как руководители, и, наконец, инженеры, работавшие как специалисты – это
основная работа, а потом уже идут блестящие бригады

288

бывших соц. вредителей, оправдавших на деле свою соци-альную близость к
пролетариату.

Вопрос: почему же вся слава отдается этим послед-ним?

Ответ: потому что с крестьянами было очень мало воз-ни, они, каждый
индивидуально, легко примкнули к ра-боте, и имена этих тружеников распыленно
исчезли в гро-маде строительства.

Шлюз: Шлюз открыт, но не надо забывать, что их 19. Пароход в шлюзе можно
показать на славу и можно опу-стить. (Голос сверху: как глубоко вы опустились!)

И так же водопад: он теперь ручной.

Все ценят искренность и правдивость моих писаний и очень хотят ею подчеркнуть
свое дело... Я же говорю: будьте уверены сами в своем деле, и тогда без всяких
ва-ших усилий я присоединю свое имя.

Клавдия Ивановна Подольская: героиня-Бубенцы в Повенце.

Кровь из носу, а сделай – говорит чекист инженеру, который необходимо в
сомнении. – На носках!

Плинер – заместитель Гулага. Френкель: где он и что.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Я долго не понимал, что такое перпендикуляр. Лагери есть дело ОГПУ, но, конечно, ОГПУ не есть толь-ко лагери...

Авербах: – Стоило распугать птиц? – Я хотел отве-тить: – Когда распугивали, нас об этом не спрашивали. Но птицы опять собираются.

Люди:

Дама в Академии наук в Хибинах: – Вас. Ив.!

Кондриков Вас. Ив.

Успенский

Фирин

Именитов Дмит. Ильич

289

Подольская Клавдия Ивановна

Довгань Владим. Филип.

Бухбанд

Дехтерев

Часовой и носок

Кемская бандитка недокованная

Кармен – цыганка

Луженый самовар

Семеров геолог

Сороколет

Капитан Слон

Три врача

Бессемянка

Монашка

Монах

Штурм: монашки с цветами. Рыжий поселенец в Хибинах Старушка в Надвоицах Ананьев

Алексд. Георг. Чернова зав. гостин. в Хибинах Кишкин

Анисимов Александр Ив. Михайлова певица в Кемии Семья инженера N в Кемии

Ребята-вкладыши: Михайлов и друг. Гернаш Кавеч.

Капитан Ч. (интересн. статья)

Котельников

Завед. лагпунктом Новостроя латыш Касперович

Чохоткин

Седов

Струмилин

Проф. Иванов, рыбы ребра

Москвин

Борисов

Времен, комендант Солодухин – еврей Жена: голодающая Тодмант и Беленький

Досрочник (нехорошо)

290

Мне долго бы пришлось рассказывать о том, почему же это все выходило так, что я, имея намерение посмотреть Белом, канал, изездил весь Север. И я тоже не могу здесь, конечно, передать хоть сколько-нибудь связно о всем ка-нале. Из всей массы своих впечатлений я выберу [проис-ходящее] в Надвоицах, для меня самом интересном узле всего канала.

«Перековка» человека в лагерях состоит в том, что бро-дяга, анархист или мелкий собственник, крестьянин или собственник [специальных] знаний заключается в систе-му действий, непосредственно полезных для советского государства.

Предполагая, что принципы сов. государства являются лучшей целью всего человечества, все равно как раньше было Бог, заключение человека в дело осущест-вления этих принципов тем самым является и делом ис-правления.

Я всегда начинаю свое дело, как мне велят, но вещь вы-ходит всегда не такой, как мне велят.

Путь пройден, моря соединены. Прочно, скоро и дешево.

С отвращением иду на слеты, со скукой слушаю и по-сле с удивлением нахожу, что это необходимо и дает ка-кое-то содержание (NB вспомнить и развить).

25 Августа. Дмитров. Слет ударников. Тяжело, что Горький одряхлел. Какой слезливый... от старости, или от сентиментальности? «Пытка светом» – сказал Горький, – за то, что занимался литературой (4 юпитера, говорящее] кино, простое кино, десятки [людей]).

Ты этого хотел, и вот тебе «счастье» (пытка светом).

Спрашиваю Б.: – Чем вы подтвердите вашу мысль? Давайте же объясняться посредством вещей: пусть вещи наши, дело рук наших за нас говорит... Еще ошибка: это схема... Для него все в сроках: в таком-то году совершится, и после того...

А для нас все совершается в данный момент. Напр., если господствующее направление стандарт, то,

291

значит, в то же самое время зарождаются и действуют си-лы в направлении воскрешения личности.

«Лебедя». Что это великое сделано в краю непуганых птиц? такое чудесное, что даже мои лебеди им представ-ляются в сравнении с этим каким-то вздором... Плотину в Надвоицах можно понимать по сравнению с подобными плотинами в капиталист, странах, и тогда эта плотина ничего не представляет особенного. И то чрезмерное восхищение ею у нас в этом случае должно представляться как потребность человека, и особенно простого человека с татуировкой на груди, делать себе ку-миры. На самом деле плотина эта не кумир, а родина, точ-но такая же родина, какой мне сделался когда-то, урожен-цу черноземной стороны, северный край непуганых птиц. (Родина Борисова)

Вопрос Авербаха: – Стоило ли распугать птиц?

Иной начинает от «да» и сводит на «нет», другому в на-чале все «нет» и «нет», а конец переходит в «да» при-писки: кончается все утверждением. Итак, важно не мое утверждение или отрицание, а самый процесс моего твор-чества, протекающего в направлении положительном или же отрицательном...

Березу пробило в золотые пряди, липа тоже начала выгорать. Два чужие голубя прилетели к нам на крышу и удивленно сверху, как новые люди, рассматривая наш двор и огород, стали привыкать к нашим делам. И они, правда, не были ничем ниже тех людей, на крышу дома которых они прилетели. Я даже не знаю, были ли они ни-же тех людей, которые ставили себе великие цели в науке, искусстве, технике и управлении. Во всяком случае, было ясно, что «распорядиться этими птицами по-своему» не является показателем человеческой доблести. И тоже по-своему изменить географию края непуганых птиц есть дело, требующее объяснения, а не просто тем самым из-менением географии уже великое дело. Я даже нахожу, что мало практической целеустремленности, напр., то, что по каналу будут лес перевозить и апатиты. Я ценю это

292

дело перемены географии тем, что многие бездомные лю-ди, отчаянные, потерявшие всякую радость бытия, в про-цессе творчества новой географии возродились и, пересо-здав географию края, нашли себе в нем новую родину.

Положа руку на сердце, говорю, что слушаюсь и всегда начинаю дело приблизительно так, как мне велят, но вещь, сделанная мною, всегда выходит не совсем такой, как мне заказывали, и что самое главное, вот эта разница против заказа неустранима из вещи оагеркнуто: и явля-ется свидетельством моей личности.

Б. ставит вопрос о возвращении к натуральному хо-зяйству и кустарничеству в целях возвращения человеку «счастья», теряемого им в стандартном производстве, на-правленном к освобождению человека от труда, запове-данного Богом Адаму. Таким образом он ставит вопрос: личность или машина. Он противится также открытию недр, электричеству и т. п. Я же думаю, что силы эти долж-ны быть открыты и впоследствии лично освоены, т. е., я хочу сказать, что ни электричество, ни радио не могут мешать личному «счастью» если... будут проведены по личному желанию: электричество должно быть своим, колхозник будет иметь не только корову свою, но и свой аэроплан.

Ошибка «горьких» в том, что, сманивая массы к социа-лизму, они обещают в будущем им легкий труд: работать будут машины, а люди гулять; когда же дело коснется строительства, то воспеается труд.

Ошибка других, – что они всю беду сваливают на ма-шину и электричество.

Машина должна помочь человечеству трудиться. Ма-шина и электричество ставят новые задачи перед личнос-тью: овладеть этой силой.

Умом куда труднее работать, чем руками, но все стре-мятся работать не руками, а головой.

На полях: Петр Федоровиг Семеров Неймаер Петр

293

Пришли люди и трудились: не хотели, а надо. Через 500 лет стало свободно, а жили тут, потому что тут чело-век был покорен, и родина тащила. Такая природа всякой родины. Вот и канал...

Кого оагеркнуто: губит забирает и обезличивает стандарт и конвейер? Того, кто и раньше был скотиной: безликою. вопят слабые... Сильный осваивает эти силы, и они ему служат. Точно так, как жалуются на электри-чество, некоторые еще на старость, от которой люди будто бы «из ума выживают». Тех, кто был глуп, старость от-крывает: он глуп; точно так же и в стандарте: бездарен и будь [рабом], ты был рабом и остаешься им...

1 Сентября. После месячного дождя, 29-го Августа погода стала укрепляться. 29-го вышли в Кобылино (12 в.). Остановились у Трусова Ивана Федор, (до 40 лет скрывал от матери, что курит – вот какая крепкая женщи-на; 70 лет мать объявила, что выходит замуж за работни-ка – раньше жила с ним; вот тут в решительном разговоре

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru забылся, вынул папиросу и не спрятал; сумел отговорить попов; вышла за другого; судом свою часть; на суде помирился). 30-го в Долгих лугах; трава некошеная (из-за дождей). Убили только двух и [всё]; вернулись 31-го утром. Гришка Приблудов (с прекр. дамой на руке). Индивидуально совсем неукротимый. Глубочайшее презрение к начальникам: выявление гео-коренного анархизма; от-вращение к нему честного начальника: обнажение госу-дарственника такого-то столетия. Смирить Гришку никто не может. Существует, однако, общественность таких же гришек-бандитов, и этой гео-общественности он может договорно подчиниться, и государств, человек может до-говориться с такой-то группой бандитов.

На полях: одному говорил товарищ нагальник, другим гражданин. Вспоминается об Анке из Сегожи. Председатель Моск-вин подал с гордостью ее исповедь и обещание исправить-ся, в конце бумаги с похвалой упоминается сама настави-

294

тельница: несомненно это и писала. Прочитала вслух. Всех тронуло. И вдруг голос: – Да кто же это? – Ответ: – Ан-ка... – Так это Анка! – Общий смех. Но этим началась ка-рьеря Анки и ее «начальницы».

В том-то и дело, что дело одинаково выгодно и ворами, и начальникам. Дело расширяется: воры объединяются в бригады: одна бригада перед другой: одна: «мы вырвем красное знамя»; другая: «нам его принесут!» а начальни-кам] ордена... Так Анка делается ударницей и делегирует-ся в Дмитров на съезд, и М. Горький плачет от ее слов о том, как она «исправилась». Мы так себе представляли, что действительно исправленный человек ни в коем слу-чае об этом говорить не станет. Дело в толковании слова «перековка»: мы понимаем ее в смысле «перековать мечи на орала», т. е., сохраняя мате-риал, создать новую форму; воры понимают перековку, вероятно, в том смысле, как перековывают лошадей: ло-шадь хромала в старой подкове, в новой она бежит; а то и так бывает, что перекуют обратно, и на дороге след оста-ется обратный истинному движению. Одним словом, пе-рековка на блатном языке, вероятно, имеет иное значение, чем в общем. И вот Горький от речи Анки, конечно, как иностранец в России, понимал перековку в интеллигент-ном смысле. Жалкое впечатление... Вообще Горький, хит-ря, всегда думал, что он умнее воров (в том числе и капи-талистов) и что их он перехитрит. И так оно верно вышло в отношении капиталистов (владельцев сейфов), но воры обыкновенные его перехитрили. И, конечно, можно вос-хищаться (и должно) деятельностью нашего правительст-ва в отношении воров, но только нельзя понимать «пере-ковку» в глубоко моральном смысле и реветь, как Горький. Тем не менее приходится стоять за Горького, по-видимо-му, уже последнего защитника «нашей» морали.

Гришка Приблудов к начальникам относился по-раз-ному: в огромном большинстве случаев он говорил «граж-данин начальник», скрывая в «гражданин» обыкновен-ное, повседневное свое к ним презрение. В редких случаях, желая к такому-то лицу выразить особенное свое презре-

295

ние, он говорил: «господин начальник!» и только одному Москвину из всех бесчисленных он говорил всегда одина-ково: «товарищ начальник!»

Из снимков выясняется, что Надвоицкий водопад вме-сте с Шаваньской водосливной плотиной и другими ис-кусственными сооружениями являются материалом для главного моего рассказа (Взрыв аммонала).

Взрыв аммонала.

(В краю непуганых птиц)

После взрыва: 1) Мальчик на шлюзе с удочкой. 2) Лю-ди работу найдут. 3) Птицы возвращаются. 4) Экзоты (огурцы) – новое. Лебедь – сигнал мира. Видел только лебедей, а теперь человека. Они (на слете) понять не мо-гут, что лебеди мои – это не просто дикие, как их понима-ют, а наши человеческие птицы. Плотина как таковая еще не достижение, и вопрос «стоило ли распугать птиц?» при одной плотине остается вопросом; плотина – родина об-щественной личности: это моя плотина и в то же время это и наша плотина.

Наша плотина.

(В краю непуганых птиц)

...если моя и наша: лебеди с нами, лебеди должны вер-нуться (Борисов и родина).

Наша родина должна вернуть-ся к нам с лебедями...

Сила природы (электричество) нам неприятна до тех пор, пока она нам чужая.

Итак, я не протестую против «завоевания» сил приро-ды, но я хочу, чтобы в завоеванной силе каждый мог бы найти то же самое, что в природе находит человек лично и называет это своей родиной... Родина – это участок мо-его личного труда в общем деле...

2 сентября. Вчера после обеда опять пошел дождь, и опять пошло по-мокрому.

В наше время люди живут совсем не как у Тургенева, но охота одна, а впрочем,

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
даже и тургеневские лишние
296

люди встречаются. Самая охота с легавой, конечно, та же самая, что и в дворянское время: те же самые тетеревиные выводки, бекасиные и дупелиные высыпки и на последнее прощание с осенью серые куропатки и вальдшнепский пролет. Необходимость где-нибудь ночевать по-прежнему приводит в избу крестьянина. Спрашиваешь обыкновенно почище, попросторней и где поменьше детей. После не-которого раздумья спрошенный обыкновенно говорит, что колхозники все на работе, и вдруг, спохватившись, ра-достно находит: а вот идите к единоличнику, он... и пр.

Тип раскулаченного в большом доме, и мебель увезли, тоска старого человека: как мы работали – как они; того не хочет понять, что о себе и немногих говорит, а их мно-го, и они все заодно.

Яблоневый сад: что сад! с меня взяли... и растащат; зво-нок! звонок не сняли. Крыша соседа мохом заросла: вот кому жизнь, что наработал и т. д. пророчество: все кон-чится голодом. Тоска старости: дочерей [замуж], сыновья ушли. Курит (одно спасенье). Я не курю: у меня мать креп-кая. – И у меня мать крепкая. До 40 лет потихоньку ку-рил. Она замуж за работника в 75 лет (с работником рань-ше жила): для чести. Успел попа уговорить не венчать. Какие неприятности, а не посмел табак. Она бросила это-го и за другого. Суд. На суде судья отдельно говорил со мной, и я сказал, что уважаю мать и готов допить, докор-мить. Мать позвали. Она согласилась: и я не посмел, хоте-лось курить, а не посмел. Но пошли домой. Со всех сторон мне верные, теперь я хозяин. – Ну, мать, говорю, ты моя мать и я тебя уважаю, а я дому все-таки голова. – Вынул кисет, свернул сигарку и закурил.

Развить строительство канала (перемену планов и проч.) как творчество: и что каждый, как в творчестве, находил себе родину и приемы: напр., как штурм и прорыв плоти-ны и тысячи мешков забросали... и как взрыв убил, и ни-кто не хотел, а он подорвал, – это, и второе, договор с на-чальниками.

297

Думали, что Калинин в Колонном зале будет пожимать руки ворам, но, видно, наверху раскусили суть «переков-ки»: умно сделали, значит, в совокупности жизни госу-дарства есть понимание этого... я думаю о высшей совести, но нет! не совесть ведет, а величина дела: чувство большо-го не дает вторгнуться маленькому и его собой заменить; это чувство большого государственному человеку дается вместо совести... вот почему с большим человеком легче всегда и скорей... Характерно, что строители канала сами еще не поймут как следует, что они сделали.

Не труд меня упрекает, а лень, что вот жизнь даром в труде проходит, и нет времени определиться, – куда же она и для какой цели идет...

4 сентября. Вырвался денек без дождя, и мы его ис-пользовали: прошли через Торбеево–Бобошино–Дерю-зино–Ильинки – охотой по часам около 40 верст, а убили одного рябчика, причем из-под собаки и на чистой вы-рубке.

5 сентября. Пролежал (желудок).

6 сентября. Весь день работал в фотолаборатории.

7 сентября. Прочитал Пушкина «Историю пугачев-ского бунта» и «Капитанскую дочку». Наконец-то дождался до понимания «Кап. дочки» и тоже себя: откуда я пришел в литературу. Утверждение мира в гармонической просто-те («мечты и существенное» – сходятся). Пушкин отсы-лает своего Онегина и вообще «героя нашего времени» к Пугачеву (Швабрин) и оставляет себе то простое, что есть в «Кап. дочке». И теперь читаешь и как будто у себя на ро-дине... именно это родина; моя родина не Елец, где я ро-дился, не Петербург, где наладился жить, то и другое для меня теперь археология, а Петербург даже и официальное имя свое потерял; моя родина, непревзойденная в прос-той красоте и, что всего удивительней, органически соче-тавшейся с ней добротой и мудрости человеческой, – эта моя родина есть повесть Пушкина «Капитанская дочка».

298

Плотина – водопад, большое инженерное сооружение, создавшее в краю новую географию. И новое русло реки и все это новое возникло по тем же самым законам приро-ды, как и старое русло и водопады Выга: не мог инженер делать иначе; все, чем отличается новое человеческое твор-чество от старого, – это сроки: те сроки больше челове-ческой жизни и оттого представляются как бы предвеч-ными, новые сроки меньше срока человеческой жизни: старые Надвоицкие водопады рождались в сроках тысяч, десятков тысяч лет, новое огромное сооружение, изме-нившее всю географию Выговского края, создалось всего в один год с небольшим! И оттого, когда смотришь на ста-рый водопад, думаешь о вечности и ее творце, а водопады из-под человеческой руки прямо подводят мысль к твор-ческой родине самого человека. Я думал даже просто о се-бе самом, глядя на удивительный водосливный

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
гребень Шаваньской плотины: именно думал я, что моя родина не Елец, где я и
(проч. смот. выше).

Так вот бывает же так! Созерцая красоту дела, созданного руками тысяч людей,
писатель нашел свою родину оагеркнуто: в «Капитанской дочке» Пушкина.

– О чем задумались?

Не сказать же, что о «Капитанской дочке»...

Мы едем. Я спрашиваю тов. Борисова, отдавшего сверх-силы на каком-то участке
(кажется, 161), награжденного и ныне работающего спокойно на охране какого-то
другого участка (кажется, 181) – о его родине и не тоскует ли он о ней тут на
севере, близко к полярному кругу. Мне казалось, он понял меня и сразу стал
горько жаловаться:

– Места себе не нахожу, – тоска! так вот и тянет, и тянет к себе.

– Вы с юга...

– Да нет же... и это мне теперь все равно.

Оказалось, я о родине обыкновенной говорю, а он о своей «Капитанской дочке», об
участке (кажется, 161), куда он вложил свои сверх-силы. Этот участок канала стал
его настоящей родиной, и здесь на чужом участке он испытывает настоящую тоску
по родине.

299

Рассказ о двойной березке.

Там, в Хибинах, где только камень и нет ничего по большой человеческой правде,
строился город: там ничего человеческого в прошлом не было, и никаких местных
мастеров не было, ни плотников, ни печников, ни каменщиков, ни[каких других]: и
не было ничего сделанного, ни дорог, ни полей, ни прудов, ни мельниц, ни домов.
И оттого, что в прошлом ничего не было и все надо было вновь создавать, то
непреренно надо было все делать по большому размаху, по большой человеческой
правде... Тут надо было рвануть, взмахнуть, человек-строитель был как орел и
летел, размахивая крыльями огромной правды.

Слышу сызмальства, будто старики как-то из ума выживают: был умный человек и
вдруг к старости сделался глуп оагеркнуто: и оттого постоянно был настороже, как
бы самому не попасть в такую беду. Думаю, однако, умному из ума выжить
невозможно, а эти чары молодости прикрывают собой глупость, и вот когда
оагеркнуто: молодость проходит чары рассеиваются и естественная глупость
обнажается, кажется, будто человек из ума выживает. Среди этих чар молодости
для [меня] лично величайшим врагом моим является самохвальство...

Все зависело, конечно, от того, как отнесется ко мне начальник, самое лучшее...
Странствуя по северному строительству, я прибыл под самый конец в описанный мной
почти 30 лет тому назад Край непуганых птиц, где прошел теперь Беломорский
канал. С волнением думал я, дадут ли мне хорошо посмотреть на избранный мной в
начале литературной деятельности для описания край, возможно ли будет сделать
снимки с тех камней, по которым бежали когда-то сфотографированные и помещенные
в книге моей водопады. Все зависело, конечно, от начальника, который... дело в
том, [первое,] если начальник не слышал никогда моего имени и делает для меня
лишь выполняя волю другого начальника, второе, если начальник имя слышал, но не
читал, и, наконец, если меня начальник лично читал.

300

Секретарь доложил обо мне: писатель Пришвин. – Пришвин! – воскликнул начальник.
– Пришвину надо показать все на свете и топор.

Так говорят...

13 Сентября. Погода начинает налаживаться. Сегодня едем с Котынским и Петей в
Гаврилов Посад на дупелей и серых куропаток.

Фаворский кончил «Жень-Шень».

Слышал там о Флоренском, что его выслали и будто бы семье сказали – куда-то
близко, а письмо получено из Свердловска, на пути в г. Свободный: где же
находится г. Свободный, точно не знают, будто бы на Амуре.

Города растут нынче искусственно, как шампиньоны. Могучая сила поднимает города,
но лиц нет.

Ищу в себе единства (для себя самого, для домашнего пользования, чтобы веселым
быть и работать).

Быть самим собой – значит понять себя в единстве.

Новые впечатления разбивают это единство, и что трудно после путешествия, на
что много уходит времени – это найти корни этих впечатлений в себе, т. е. свести
их к единству.

Разве мало отличных людей ушло в себя совершенно, отдав свои руки на физическое
строительство государства: так они отказались от личной претензии на власть и
живут мудрецами.

13–14–15 Сентября – ездили с Петей в Гаврилов Посад на дупелей. Убили 5 бекасов,
1 коростель, 3 чирка и 16-го в 5 ч. у. вернулись домой.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Был такой случай на охоте. Петя промахнулся в бекаса и попал в меня. Я почувствовал удар в кончик уха и в обе ноги повыше колен. В голове мелькнуло, что в первый момент никогда не бывает очень больно и что рана, быть может, и серьезная. Но бекас, в которого Петя промазал, летел на меня, и я, отложив вопрос о ране, взял его на вскидку так ловко, что он, упав на землю, как мячик подпрыгнул

301

с кочки на кочку в направлении своего полета. Потом ока-залось, что только одна дробинка пробила мочку уха, а те, что по коленям ударили, в тело не вошли. Очень приятно было взять такого бекаса, а о Пете надо никому ни слова.

Так вот, всегда понимая себя как труса, на деле, когда подходило в упор что-нибудь, я всегда оставался на высоте, только редко это случалось. И вот об этом, собственно говоря, вероятно, и тоскует постоянно моя душа и чего я секретно желал бы больше всего на свете, это какого-нибудь военного дела – этой военной славы: и вот такое мальчишеское желание на старости лет!

Еловый островок. Раньше, 28 лет тому назад, я попал на островок с некоторым риском для жизни, теперь пришел на него по мостику через падун. До захвата падунов в человеческие руки, говорят, тут постоянно жила выдра. Теперь ей тут жить невозможно, людям каждый момент может вздуматься закрыть плотину, и выдра останется голая на голых камнях. Я отошел в глубину островка и по-челому-то обратил внимание на старое упавшее дерево. Умирающие естественной смертью деревья в лесу всегда интересны для наблюдателя: в них кипит всегда могучая жизнь и как будто множество существ спешит на помощь умирающему дереву, чтобы успеть всякую труху превра-тить в новую зелень.

Отодрав кору этого дерева, я увидел под ней гусеницу лубоеда: она, поедая лубок, оставляла за собой открытый сверху канал в несколько миллиметров ширины; поедая лубок, маленькое насекомое двигалось так медленно впе-ред, что уже в нескольких сантиметрах от ее работы поза-ди на ее экскрементах успела развиться какая-то зеленая растительная жизнь. И когда через несколько минут по-сле этого, уже на той стороне, где расположились Надвои-цы, ко мне подошел средних лет человек и представился мне как прораб озеленения, я невольно вспомнил о лубо-еде, тоже озеленяющем свой канал. Прораб озеленения тоже начал свое дело после того, как канал был готов: он делал газоны, а возле домов охраны плотины и шлюзов разбивал цветочные клумбы.

302

Так вот, казалось мне, существует два подхода ко вся-кому человеческому делу: один из природы самого челове-ка, и тогда не кажется работа человека чем-то особенным: он сознательно и общественно продолжает дело всякого живого существа на земле: двигаться вперед и озеленять свой сад – след для потомства. И другой подход есть, ко-гдаходишь внутрь человеческого общества, совокупно пробивающего себе канал: кажется, создается нечто сов-сем небывалое и все против природы.

18 Сентября. Ясное морозное утро. Белая трава. Пар от воды. Блеск от листьев... Петушки ровно белые один в один, и несколько тысяч, и все кричат ку-ка-реку, и курочки тоже белые все, как вы-литые из формы...

Не на борьбу с природой, а в помощь ей, потому что ра-зум есть высшая сила природы, ей благодетельная, а не противная. В помощь природе в борьбе за порядок. Разум на помощь природе в борьбе за порядок. Дайте силу!

Узнавать себя в целом от вещи к вещи все дальше и даль-ше, чтобы наконец понять себя самого в единстве про-шлого, настоящего и будущего...

19 Сентября. Погода опять вернулась к дождю. Вчера был Лева с Галиной: не знаю точно, действительно ли Ле-ва становится хуже, или то, что он сошелся с женой и тем отдалился от меня, – стал мне просто виднее.

Мысль о Б[остреме] дает мне такой рассказ: «Женский день». В одной квартире живет художник с женой и тещей и чекист с товарищем. Жена художника и теща ничего не делают: жена учится музыке, хотя ей под 30; художник не-сет крест и лезет в невыносимое ярмо из-за возможности жене «жить в звуках». Чекисты, возмущенные «бабой», выпороли ее крапивой на глазах художника, приговари-вая: не играй, не играй! За это оба друга попали в Соловки за «перегиб». Передать сущность «интеллигентщины». Разговоры, споры об электричестве и проч. разногласиях. Конеч: «дали мне за это катушку» – А художник? – По-нял, конечно, и вскоре освободился. Не знаю, пишет ли...

303

Жень-шень, Даурия, Золотой рог. Итого, Золотой рог – 14 листов

20 Сентября. Ночью вылился дождь весь, перед рас-светом звезды явились, и с ними коснулся души человека ритм времен сотворения мира. И тут же где-то по крыше, не мешая тому большому ритму, мерно падали капли. Не-угомонный моторчик где-то спешил, натуживался...

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
План: отделать по-новому «В краю непуганых птиц» и «Колобок». Начать 3-ю книгу «Кашеевой цепи».

Собака Черныш умела мастерить необыкновенно кра-сиво стойку и тем до того пленяла судей на полевых испы-таниях, что они забывали о цели, для которой назначена эта собака – охота – и давали собаке этой дипломы, собст-венно говоря, за фигуру, а не за чутье. Я тоже, поняв кра-соту этой стойки, пленился и приобрел эту собаку для своей охоты. До того красива была работа собаки, что до начала охоты, много раз бывая в лесу и болоте, я не при-давал никакого значения, что все эти фигурные стойки, подводки были ложные: птица находилась лишь в очень редких случаях. Только уже когда началась охота и яви-лась ясная цель прогулок с собакой, убить птицу – я с ужа-сом понял бессмысленную пустоту этих фигурных стоек. И когда изо дня в день я стал приходить домой с пустым ягдташем, я возненавидел эту собаку, отдавшую всю свою вольную жизнь за фигуру. На улицах города, в трамваях, всюду, куда бы я ни заглянул, мне стали встречаться акте-ры, поэты, художники, тоже отдавшие бесплодно жизнь свою за фигуру. И особенно часто я стал узнавать и пони-мать таких женщин, их оказалось великое множество, но одна меня возмущала особенно: я знал ее в юности, когда она вышла замуж за моего друга земского доктора... и... в разные эпохи появляется: доктор – труженик – по-движник – она живописью – скульптурой – [музыкой] – чем-чем! Доктор сидит с детьми... Революция все смела... И вот нужно же! когда собака моя... и стала показывать разные... ко мне позвонили, и вошла седая старушка... пря-мо вот доктор: жена, дети...

304

Пессимистов полных нет на свете: появляясь, они уми-рают. Те, кто называет себя пессимистом, притворяется: потихоньку живет себе, наслаждаясь какой-нибудь стра-стишкой. Нищая старая в лохмотьях, очень серое небо, грязь, дождь, а она ходит и просит: жить хочет... Вот этому мы научились и этим отличаемся от интеллигенции, ко-торая живет идеей и этой идейной жизнью гордится перед обывателями, которые просто живут из-за куска хлеба. Революция всех вернула к куску: «идея» пропала (капля на носу Бальмонта).

КОНЕЦ ВЕКА = НАЧАЛО ВЕКА от 1905 г. до 1917 = 12 лет.

Когда весть пришла, что Лев Толстой умер, я пришел к оагеркнуто: Ремизову Алпатову и сказал ему: «умер Толстой». Загеркнуто: Ремизов Он знал. Я вдруг не вы-держал и зарыдал. Много раз я потом это со стыдом вспо-минал: ведь лично же я не знал его и не был толстовцем; я был молод и не мог, как старики, слезы свои ронять без-лично, от события. Главное, что Толстого никак жалеть-то было нельзя, до того он гордо прожил и много взял. Приходится думать, что это я не от старости, а от оагерк-нуто: дикости своей и, вероятно склонности к актерству не сдержался: разрыдался; надо было как-то выразить се-бя по случаю необычайного события, и так я наивно сыг-рал, а после ужасно стыдился. Алпатов смутился на мину-ту, как будто готовый и сам заплакать, но собой овладел и сказал невнятно, смущенно и как всегда с запинками, с мычанием, с эканьем, мэканьем и всеми этими лишними звуками, как говорят люди, умеющие говорить с другими, как с самим собой:

– Мне кажется, – сказал Алпатов, – мы с тобой не о Толстом, а о себе плачем... сиротно нам... интеллигенция сидит в нас еще: живем идеями.

Это я хорошо помню, он так сказал это «живем идея-ми», что выходило совершенно бессмысленно: как это можно, правда, жить – есть, пить, говорить, веселиться и размножаться идеями. Вот именно в этом у нас с Алпа-товым и была какая-то малая разность: я был просто ху-

305

дожник и в своих религиозно-революционных исканиях, совершенно искренних на поверхности, внутри себя, ко-нечно, бессознательно актерствовал. Алпатов был глубже меня, и, мне кажется, у него что-то было подлинное в ис-каниях, или, может быть, он глубже меня обманывался? Впрочем, теперь, когда прошло столько времени с тех пор, и если я сейчас по-новому вгляжусь в его жизнь, понимая ее по себе, объясняя по себе же теперь, когда я стал в сто раз умнее, чем был тогда, некоторые факты, казавшиеся мне столь загадочными тогда, – может быть многое, то-гда нелепое, объяснено. Алпатов к нам в Петербург явился, как мы думали все, от самой земли: загорелый, здоровый, и вдруг [неожиданно] покраснеет или какими-то нечлено-раздельными звуками станет объяснять себя, совсем со-бьется, и вдруг откуда ни возьмется: вдруг соберется весь, загорится и так страстно и так ясно картиной представит мысль и так надолго возьмет в плен все наше общество, что...

28 Сентября. С 8 ст. Сент. (Рождество Богородицы) = 21-го н. с. валовой пролет вальдшнепов (Бабые лето). Сто-яли все время роскошные дни: утром невидимое солнце борется с туманом и с разным успехом, рано, в 7–8 утра или до 11 дня побеждает. Очень тепло, вчера в одной ру-башке ходил. Сегодня вечером ударил

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
мороз, и ожидаю белое утро.

Прошлую ночь наконец-то после нескольких лет видел мать во сне. Мне снилось, будто раз уже это было, тоже, значит, было во сне (повторный сон): мать моя умерла, и когда ее хоронили, то она очнулась и ожила. Так снится, будто это было давно, лет десять тому назад, и после, когда проснешься, все кажется; будто сон этот был у меня давно, только я забыл его, и теперь во сне он опять вспомнился и так повторился. Теперь снилось мне, будто снова мать моя умерла и мы ее уложили на стол где-то, похоже, в часовне. Прошел день или два, я все горюю и думаю: как раньше, когда мать была жива, мне жилось хорошо, как приятно было знать, что есть где-то тебе верный прият...

306

Но делать нечего, сегодня надо идти хоронить. Я подхожу к ней и думаю: вероятно, уже началось разложение, и целовать покойницу я не буду, так просто всмотрюсь в лицо ее, поклонюсь и прошусь. Открываю какую-то занавесь, всматриваюсь и вот вижу, какие-то морщинки возле губ ее стали раздвигаться. Сзади меня, кажется, стоят няня и Лидя, я им говорю: смотрите, смотрите! а там на лице уже не только морщины выравниваются а и губы зашевелились, вот и глаза открываются, живые, черные, блестящие, лицо становится молодым, прекрасным: мать моя опять оживает. Через некоторое время тем же самым путем я вернулся из Соловков в Медвежку, чтобы потом из Повенца всем каналом проехать в Сороку. Я приехал в Медвежку из Соловков с глубоким убеждением в том...

Купить Некрасова.

3 Октября. План: в течение Октября написать очерк Б.Б.В.П., который пойдет и в сборник, и в книгу, а неиспользованная часть книги пойдет в новой как приложение.

4 Октября.

Книжка ГИХЛа 3420 р. Расход с 18/1X
М. Гвардия 282 Из Загорской кассы 200 р. Зое
1700 (Сент. = Окт.) 100 р. Павл.

дополучить 130

За паука 361 От левы 500

пальто и проч. 200

В секретере 1910 р. было пища распред. 100 (Загорск) Получено из Ленинграда
600 1100 из Сборника 606 р.

9009 р.

8 Октября. Загеркнуто: Положение в стране относительно света у нас теперь так, что на электричество еще нельзя положиться, а керосиновые лампы забросили и хорошую очень трудно достать.

307

«Кто человека уважает приписка: понимает, тот и самовару не даст убежать».

Так я сказал, а мужик в кухне ответил: – Разумно и великолепно!

Наполях: Мой страх эпидемия

Б. вчера вернулся. Говорили о мистиках наших, бывших богоискателях, что их позорное поведение в ГПУ характерно почти для них всех. Почему же так, ведь, кажется, эти люди, имевшие дело с конечными вопросами жизни, должны бы оагеркнуто: успеть больше других оагеркнуто: по возможности достой[но] приготовиться ко дню своего страшного суда? Потому что лично они все были оторваны от органического целого, вместо кровной связи с целым пользовались символикой и в своих поступках не могли быть реальными. (Это тема 3-й книги «Кашеевой цепи»).

Еще прошлый год я испытывал страх в своем бытии, а в позапрошлом году прямо страдал манией преследования. Я был уверен, что победил в себе этот страх героическим своим поведением, и в этом мог бы даже точно указать на некоторые свои поступки. Но Б. рассказал о себе, что у него было точно так же и теперь без всякого героизма и [страдания] тоже прошло, и то же было у многих его знакомых. Значит, исцеление мое было не от моего героического поведения, а просто потому, что прошла эпидемия вследствие перемены режима на нынешний либеральный. Это типичный пример самообмана.

Есть люди, до того скомпрометированные в своих собственных глазах, что вечно подозревают относительно себя какой-нибудь заговор. Они иначе не представляют себе большевиков, как заговорщиков или актеров кукольного театра, приводящих в движение всех нас, как кукол...

Наполях: герой и трус

Надо, и это есть одна из главных задач человека, достигнуть в себе самом понимания своего независимого,

308

чисто личного и единственного в мире прото-существа. Это не совсем то, что называют «индивидуальностью», которая может явиться посредством разложения

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru целого. Я же думаю о прото-существе в созидательном процессе, растущем в сфере органического целого.

Б. говорит, что он боялся за себя. Я ему на это ответил, что это подозрение в себе труса может быть нереальным, что вот я лично вечно подозреваю в себе труса и часто боюсь чего-то неопределенного, но теперь знаю твердо, что, когда доходит до последней крайности, я выхожу из трудных положений без стыда для себя и в счастливых случаях, может быть, мог бы быть и героем. Как теперь хотелось бы полететь и сделаться героем стратосферы. И это очень многие... Жизнь такая ужасно нудная, а тут вот пример такого блестящего выхода. И кажется, будто есть какая-то возможность, какое-то кольцо потянешь, ухватиться и полететь.

9 октября. Совещание о сборнике Б.Б.В.П. 1-й тип. Господствующий тип в наше время – это филистер «перековки» человека, имеющий в голове постоянную мысль о том, как бы всякого встречного человека «использовать» для того дела, которому сам служит (тип вышел из политики, из ГПУ).

2-й тип. Это современный «герой» вроде летчика Во-допьянова: сам по себе он ничто, но его посылают лететь, и он героически расшибается и обращается в ничто. При неразвитии своем и молодости в нем нет личности, а значит, и никакой собственности, он весь в потенции, в готовности действовать. Его состояние похоже на того передержанного мужчину, к которому может прийти всякая женщина и взять его. Во что бы то ни стало, к чему бы то ни было пристать. И так он пристаёт к мотору на самолете и сам превращается в летающую машину. Смерть ему совсем не страшна. Молодых людей в этом роде великое множество, и герои для будущей войны у нас теперь налицо. 3-й тип, это грядера, [организатора] вроде американских

309

пионеров: Кондриков, Успенский и много других – это герои стройки...

Разговор с Шкловским о птицах, что индустрия не губит птиц, а напротив, – птиц становится больше, все равно как и рыб, но только в устроенных хозяйствах охотиться неинтересно и в карповых прудах не хочется рыбу ловить.

11 октября. Вчера и сегодня мороз. В тишине лист валится сам. Девочка из Каляевки, лицо в кулачок, худенькая идет в школу с подругами и рассказывает им сон, как сказку: ехали в телеге, вдруг телега пропала, одно колесо, и она едет на колесе одна... Девочка поглощена сказкой-сном, листики падают...

Вспоминаю весну – как давно-то! тот угрев на вырубке, когда в прошлогодней листве все шевелится, бегают.

На ранней иве кипучая жизнь: пчелы, шмели и гнездо птички, и сама птичка пробовала меня отманить, сидя на ветке, трепетала крыльшками.

Стрекоза свалилась в воду с былинки (или как-то иначе), а потом целое утро всплзала на нее и обсыхала – так все утро прошло раннее, началось утро большое, и стрекоза улетела.

Началось действие относительно машины. Представляю себе, насколько же я тогда приближусь к «природе»! Тяга в Ивлеве: дерево – кристалл, жизнь дерева. Ток наверху елей. Стрельба по зайцу.

12 октября. Пусть большое дело остается неприкосновенным в своем росте и в нем торжествуют личности твердых вождей, но и маленькие люди возле большого дела не должны оставаться в совершенной тени...

Один из маленьких, почуяв проходящий через себя ток силы, называемый государственной властью, не будучи в состоянии глубоко задумываться, стал надуваться, да так и остался оагеркнуто: надутым и таким уверенным в кожаной куртке с красными нашивками.

Другой, напротив, обо всем рассуждал и в этих мыслях худел и тощал: все его мысли были совершенно правиль-

310

ны и недостатком своим имели только одно, что вертелись около какой-то частности, принимаемой за целое.

Мир как органическое целое: все велико и гениально, что являет в своем выражении целое; ромашка с белыми лучами своими совершенно так же гениальна, как солнце. И творческий разум человека является таким же представителем целого мира, как и ромашка, но тут надо, вероятно, разум как явление целого, и разум...

До сих пор еще ни один поэт не посмел так освоить достижения разума, чтобы неразумные поняли этот свет так же просто, как солнечный, и перестали думать о деятелях разума как о заговорщиках против их естественного бытия. Загеркнуто: Но поэты должны в конце концов показать нам всем, что разум тоже естественный, что разум тоже «природа». Или, может быть, не в поэтах тут дело, а в жизни, чтобы... Но, скорей всего, не поэт виноват, а оагеркнуто: жизнь вредитель жизни, Кашей бессмертный, направляющий достижения разума для своего частного пользования.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Старику, чтобы видеть новое, нужно очки надеть, а молодому для понимания прошлого нужен бинокль. Но редкий старик надевает очки, и еще реже молодой человек догадается в том, что если он не разберется сам в прошлом опыте, оагеркнуто: прошлое оно рано или поздно схватит его самого своей мертвой рукой. Покров – весенний день – солнце – вальдшнепы: совсем апрель, только тихо в лесу: ворон крачет, да человек кричит где-то, да самолет рычит, да синичка пищит.

На другой день тоже ясно, только сильный мороз, а там пошли опять дожди.

18 октября. Туман стал расходиться только к обеду и то сверху: там показался бледный кружок, а потом стал как луна, а когда это стало солнцем и бросились лучи, то в лесу все еще был туман, и лучи в лес прошли сквозь туман...

311

23–28 октября. В Москве. Переписка «Отцы и дети». Получение машины (26-го).

Шофер Пав. Сем. Супко. Разговор о собственной машине. Привели машину в Загорск.

30 октября. Назначение акад. пенсии. В 10 у. выехали с П. С. Супко, левой, Петей в Москву, там забрали паек, купили бензину, захватили Галину и в начале 4-го обедали в Загорске.

31 [октября], умерла Теща.

1 ноября. Ученье в городе.

2 ноября. Супко, Лева и Петя и я ездили в Москву за бензином. Завколонкой «смахлевал». Всеобщая готовность к жульничеству. Не забыть тип коменданта завода: маленький бюрократ, нахал в рабочем стиле, т. е. вытяжка оагеркнуто: скверного грубого из раб. среды, – продукт разложения деревни (легион их); нельзя кричать на него и грозить ему (вскроешь в себе господина): надо улаживать и собирать против него материалы постепенно.

3 ноября. Поправил окончательно «Отцы и дети». Готовлюсь к выступлению перед микрофоном для детей о Беломор. 10-го в 5 веч.

Конспект рассказа. 10 стр.

1) – В этом году, милые дети и внуки мои, мне минуло 60 лет от роду, я – дедушка (Михаил Михайлович Пришвин) и полжизни, 30 лет, я пишу оставка: для взрослых. Для детей писал я только маленькие рассказы, которые многие из вас знают. Первая моя книга называется «В кр. непуг. птиц», в ней описывается оагеркнуто: тот самый Онего-Беломорский, или Выговский край, то место Карелии, где прошел теперь знаменитый Беломорский канал, соединяющий моря Балтийское и Белое. Вот как в то время я описывал природу этого дикого лесного края. Рассказ. «В кр. неп. птиц». 2*/2 стр. Остается 61/2.

2) Город Повенец казался прежде очень далеким: По-венец всему свету конец. Теперь Повенец – дв. пут. Мой

312

Повенец: уши медведей. Первый шлюз. Васильки и озеленение. Все о шлюзах. Удильщик.

3) Осударева дорога или Водораздел.

4) оагеркнуто: Слет: Перековка пахана.

5) Телекинка.

6) Выг-озеро.

7) Надвоицы.

4 ноября. А. Жид – не больше, как показатель разложения, и сам, конечно, маска на шесте, вроде Белого. Я не верю вообще ни в какие заявления верности сов. власти и даже напротив: всякое такое заявление есть заявление о своей пустоте. Явление СССР есть факт вне чувств личных, вне всяких иллюзий и нуждается в искусстве только для агитации. К СССР можно примкнуть только скрытно, в деле потонуть с надеждой на воскресение. А они примыкают «именами», как это было бы глупо, если бы это за правду считать! Крайний пессимизм переходит в оптимизм непременно: не здесь, а «там», и такое все христианство с его «деланием» иной жизни, чем какая есть. Задача христианина – вызвать в другом охоту к делу через выявление в нем личности. В социализме настоящего времени задачей является поставить личность перед необходимостью (свобода есть сознание необходимости: «кровь из носа, а давай!»). Христианские птицы, как гуси, летят треугольником, советские фалангой. В христианстве личность (гора сдвинется), в социализме необходимость (го-сударство: «[кровь из носа]»). Культура «личного» привела к либерализму, разложению государства, и отсюда возвращение к необходимости (фашизм на западе, большевизм на востоке). Итак, разложение культуры личного привело к необходимости явления внеличного («кровь из носа» и проч.).

Мы все перестали ходить друг к другу «в гости».

Но это все нас в ужас не приводит: Пройдет год-два, – изменится оно; Как ни нелепо наше суло бродит, в конце концов является вино.

(Фауст. II ч. Мефистофель).

313

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Не стану, дети, спорить с вами: Черт стар, – и, чтоб его понять, Должны состариться вы сами.

Природному – вселенной мало всей, Искусственное ж требует пространства
Закрытого.
(Гомункул).

9 ноября. Лада прыгнула на грудь Б[острему], облила его губы, нос, бороду, а он даже и не вытирался; вероятно, добрейший человек, он был очень растроган этой бурной лаской и говорил мне: – Вот, Михаил Михайлович, у этого животного надо учиться понимать мир как органическое целое.

Тема для разработки: всякая нравственность, истекающая как догма, коренится в каком-то органическом недостатке преподающего ее человека. Рассмотреть под этим углом зрения мораль Толстого, Гоголя, Достоевского («Дневник писателя»).

Знаю многих евреев, похожих на русских, и лично я даже не обращаю на это никакого внимания и не вглядываюсь, но чтобы Солодухин оказался евреем, – это меня поразило. Представьте себе гиганта блондина в военной форме...

7-го утром летел снег, вечером был дождь. 8-го – снег и 9-го снег, с 9-го на 10-е мороз, и так 10-го была порошка, неважная, но следы зайцев и белок, вглядываясь, можно было понять в лесу. Охотился самостоятельно на сине-ручку. убил двух. Интересный момент, когда в бинокль поймал белку. Всякая охота интересна одинаково, поэтому что всегда содержит в себе находчивость, смекалку и награду за это счастьем. Надо только войти...

9-го был в ГИХЛе. Организуется поход к Сталину для освобождения ГИХЛа из Огиза. С автомобилем вышло вроде счастливого случая на охоте. А я-то и не знал, что просил. Я думал, много машин, хватит, а их нет, и учреждения ждут годами. Маши-
314

на дана как демонстрация нашей власти – что, мол, у нас только и понимают, какое значение для государства имеет худ. литература. Дальше стало мне как хорошему пан-тачу: если пантач нарастит раньше панты, его раньше выпускают в парк, а если раньше в парк, он к гону сильнее, если лучше вынесет гон, лучше перезимует и еще раньше нарастит панты. Так вот и если у меня автомобиль, то... все пойдет как у здорового пантача.

Подходит пора сокращения в мыслях и чувствах в том направлении, чтобы ясно и просто было и, главное, до дна: чтобы ведро, опущенное в колодец за водой, тукалось о дно...

14 ноября. Суббота. Закончена книга «В краю н. п. (Беломорский канал)».

5 ут. Сколько лет я носился с правилом: «приспособляйся, оставаясь самим собой», а сейчас начинаю думать, что всякое приспособление к жизни идет за счет самого себя, если же человек приспосабливается, оставаясь самим собой, то эта «перековка» совершается в том смысле, что «сам» обращает свои подковы в обратную сторону своему движению и так обманывает тех, кто за ним гонится. Может быть, так надо понимать настоящее жизненное приспособление, что такой человек в своем движении вверх сбрасывает балласт... Так или иначе, но каждый, и даже последний мошенник и честный дьякон-интеллигент, разбивающий себе лоб кадиллом в угоду «новому», про себя думает, что это он «сам». Вот ввиду-то всего этого у некоторых является страх к приспособлению, и они в своей жизни теперь ничем не отличаются от старых раскольников (Разумник Вас. Иванов) (Рассказ о девушке-скрытнице).

У 6-го с Коптелиным вышли на зайцев. Буруз не гонял. Целый день – до 1/2 6-го вечера прощлялся. Лес завален снегом, но на дорогах под снегом грязь и вода. Вечер солнечный и до 1/2 6-го светила заря.

Думал о качестве человека нашего времени и теперь: вот как очевидно, что ни от радио («портной Сидоров»),

315

ни от самолетов это качество не улучшилось, и ведь это не по догадке и под влиянием идей, а на глазах совершилось; зато выросло дело, в которое и уходит все качество чело-века.

Тема: некто выиграл машину и стал собственником ее. Ему нельзя применять ее для наживы. Жена стала ухаживать за ней, как за животным, но громада не слушалась ее и стояла. Второе: как безучастно относились к машине шоферы, которые любили машину только через профес-сию: собственник и общественник. «Душа» машины.

12-го с Петей я в первый раз проехал на машине без то-го болезненного волнения; проехал по городу, базаром, по шоссе, лавировал, завернул. Вероятно, ездить буду. Найти шофера Цветкова (в почтовом гараже).

Хорошо бы на работе своей о канале надписать: «Доб-рый папаша, к чему в обаянии...» И я бы написал, но мне это нельзя теперь, и я пишу так, что Ванюшка остается в обаянии. И так надо и так хорошо, что я не могу: Ванюшка должен расти в «обаянии»; правда извне пересиливает мою личную правду, превращая ее в балласт: я сбрасываю этот балласт и через это действительно делаюсь «сам» и выше

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
лечу... («приспособление»: ?).

Бог – это все, что есть, а черт – все, что кажется. Бог – это образ сущего, черт – образ ничто. Бог – правда, черт – обман.

Всякий художник непременно имеет дело с Мефисто-фелем.

Написать Молотову: Глуб. тов. Молотов,

оагеркнуто: я получил машину с Вашего разрешения я приобрел машину и начал с ней делать свои опыты. Уверяю Вас, что только после получения машины я узнал, какая нужда в них и сколько учреждений дожидаются долго своей очереди. Но я Вас уверяю, что Вы не ошиблись, считая меня как писателя тоже за «учреждение»: я кое-что сделаю при помощи этой машины, и в моих руках она будет сохранна.

316

Своим широким пониманием значения деятельности писателя Вы меня очень обрадовали, примите мое искреннее и глубокое уважение.

Ночью в жертву человеки Приносились, стон стоял, Мчались огненные реки, – Утром был готов канал

(Фауст, часть II).

На полях: Женщина игрушка

16 Ноября. Лева вчера привез охотников собаку про-бовать, а ночью поднялась страшная снежная метель. Ок-на все разубраны и занесены.

Разговор с Б. о пантеизме и «да будет воля Твоя!»

Из тех, кто говорит «да будет воля Твоя!», только того я пойму, кто дошел до этого, испытал «да будет воля моя». Но... у нас, в старой России через православие и Достоев-ского в чувстве природы как будто уже прямо и давалось это «да будет воля Твоя!», что-то вроде «святой плоти». (Как же в это чувство вставить машину?) Еще вот что: уход за машиной собственника и уход служащего шофера могут быть равны, но собственник и служащий по-разно-му чувствуют машину: служащий имеет импульсом свое личное положение в обществе и есть часть машины: что ему прикажут, то он делает, собственно говоря, едут и на нем, – а собственник едет сам: он повелитель.

Метель и догадка: понимание пришло через 32 года: значит, то чувство продолжает же как-то жить! Метель обещает встречу на том свете, но эта встреча невозможна, потому что нет ответа с той стороны, и должно быть, лю-бил не ее, а себя. И так ясно, что она не любила. И так все бедно!

Значит, насколько же нам жизнь ценна, что о таком пустяке плачут оагеркнуто: всю жизнь десятки лет!

Мужик сказал: – Мы раньше думали-гадали, где рай и верить этому или не верить, а рай-то как раз тут и был: мы жили в раю (Б. рассказал).

317

Основная ошибка Алпатова: через Достоевского «Иди-ота», Алешу Карамазова и др. он усвоил себе особенное тонкое романтическое чувство к женщине (а может быть, через сказки Кота Мурлыки и Марью Моревну), и вот это тонко-поэтическое чувство и было всему помехой и за-прещало выход естественному, прямо даже обыкновению собачьему половому напряжению.

– Дело какое-то большое делается, но человеку от это-го дела никак не лучше (сказал А.). – Какому человеку, нашему прежнему? – Да, но теперь народился человек, который вовсе не знает прошлого и настоящее считает в сравнении с тем неизвестным, ужасным прошлым – прекрасным.

17 Ноября. Отдал в ГИХЛ «Непуганых птиц» и начал писать «Колобок». Яснеет решимость пересмотреть глу-бину Достоевского и Толстого, в особенности же Достоев-ского.

19 Ноября. Пробуем уехать в Москву. Страшный мо-роз. Машина не заводится. Полигамия и моногамия и моноандрия и полианд-рия – вынужденная моногамия и полиандрия – но и при-родная есть тоже не постоянство, а одно переходит в дру-гое; вообще даже голубиная парочка, если разобрать ее по существу, не вольна в своем единстве. Настоящее единст-во заключается в личности и соединено с «долгом».

О машине – собственник или служащий: в отношении сбережения машины служащий может поступить не хуже собственника, т. к. «положение» в обществе шофера зави-сит от его отношения к машине. Разница тогда, если собст-венник сам управляет. Три категории людей: 1) человек едет, как партчеловек. приказывая спецчеловеку везти се-бя, как кучеру, 2) Спецчеловек – есть механический чело-век, продолжение руля, 3) Человек имеет свою машину и лично ей управляет. Нотипси-лус – это мое «дитя», или «присыпуш», или «душа в непоказанный час рожденного ребенка», имею-

318

чая стремление воплотиться. Это душа поэта, выходящая на простор у ног Галатеи. Я же не знал второй части «Фауста», когда писал «Жу-равлиную родину», между тем Алпатов кончает тем же, чем Фауст: осушением болот («Золотая луговина»).

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Когда сидишь за рулем, то все кажется, будто тихо едешь.

24 ноября. Средние морозы стоят и так солнечно, что за февраль принимаешь, думаешь – уже поздно, прохладит зима, а это еще слишком рано. Этот свет за весенне-летние забойные дожди.

Работаю над «Колобком». Хорошо бы собрать книгу вроде «Скорая любовь». Название: «Богатая смесь».

Люба достала Перуанский бальзам. Завтра еду лечить ревматизм правой руки.

С тех пор как Лева женился, его как пробкой закупорило: и помчал назад.

Борьба с машиной т. е. превращение ее в свою лично-одушевленную вещь. Опасность поглощения себя машиной. В городе уже все знают. Машина – это все равно что власть, чин генерала и т. п. Машина, значит, большевик, это разрыв со старухами. В то же время все хамье из местного начальства становится почтительным, ведь хамья-то больше, и в общем плюс.

27 ноября. 1-й день электролизации (нечетн. в 1 ч. д. до 15/ХН).

«Резиновый человек». Наш человек «будничный», еже-дневный (как назвать?)

прерывается смертью, и этот первичный ток жизни возбуждает непрерывный вторичный ток, который мы называем культурой. С другой стороны, экономист-государственник тоже человека понимает не лично, а смешанно (резиновый); если, напр., он видит дрянного человечешку, то он знает, что это так и есть во всем человеке, т. е. он свойства, присущие личности, пере-

319

носит оагеркнуто: как качество в качество всего движущегося человека: вот это и усваивают теперь как новое диалектическое и материалистическое миропонимание в царстве экономистов (экономист господствует).

«Кавыч» – разбирается в пределах бывшего и в нем индивидуальность определившуюся стандартизирует (к Зеленым озерам). Большие люди и маленькие: Тодмант и Беленький, пушторг. Небывалое.

1) Кавыч и Бухбанд, 2) Кавыч и биолог, 3) Кавыч и Пушхоз: большие и маленькие люди, 4) Кавыч и ширпо-треб, 5) К. и отказчица, 6) К. и Зеленые озера.

29 ноября. Второй раз ионизация. Что-то с сердцем становится неладно, не хватает воздуха, жмет.

Неустанно возвращаюсь к мысли о человеке, что два основных понимания человека как индивидуальности не-повторимой, личности в этом смысле бессмертной – это одно, и другое, – что личность есть переменные свойства реального человека, все равно как цвет зари есть только коротко являющийся отблеск заходящего или восходящего солнца.

Утвердить реальность в личности есть то же самое, что признавать бессмертие, – как это сложно и как это разби-лось в истории; с другой стороны, как просто видеть бес-смертие человека, если только все личное в нем признать свойством. Наша трагедия состоит исключительно в об-мане личного. «Да будет воля Твоя!» – это крик отчаяния сокрушенной личности, переходящей в иную окраску ка-чества... Но в природе рядом с индивидуальностью само по себе существует чувство целого.

1) Прокладку под гайку карбюратора

2) Ручки

3) Прокл. грязевика

4) Капот

5) Шурупы с прокладками для пола

1 декабря. По пути в Москву, на рассвете (3-й элект-ролиз, сеанс).

320

Пуля в дуле.

Всю жизнь заговариваю себя считать деньги и носить револьвер и всю жизнь не могу приняться за счет и со-браться купить оружие. Но мой приятель, еще довольно молодой человек, вот уже года три как завел себе браунинг № 2 и по темным улицам всегда ходит с рукой, опущенной в карман. Он говорил мне, что у него отлично вы-работался рефлекс на три случая: днем у него револьвер без пули в дуле, но при нападении он мгновенно может передернуть, и первая пуля из обоймы переходит в дуло; второй случай для более опасных мест: пуля в дуле, но с предохранителем; и если в темном переулке подходит человек, пальцы сами собой в кармане подвигают предо-хранитель на бой. Столько забот и за три года ни одной встречи, и в обойме взяли все перемешались семь патрон, и даже обидно: кругом раздевают безоружных, а тут вот будто знают. Случилась недавно с моим приятелем в его семье маленькая пертурбация: он решил наконец объ-явить своей сожительнице Лидии конец их совместной жизни и сошелся со старой женой. После объяснения он нанял себе грузовик и приехал за вещами. – Никаких ве-щей ваших у меня нет! – ответила Лидия. И действительно вещей никаких не оказалось. На суде Лидия плакала и уверяла судей, что вещей никаких и не было. А между тем это я уже сам знаю, кроме того многого, чего не видел своими глазами: у приятеля моего было два пальто; одно меховое с бобр, воротником, другое летнее на [подклад-ке],

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru было два пальто... Да и самый факт говорит за себя: ходит оборванец. Так вот и ходит теперь с пулей в дуле на случай разденут...

На полях:

Экзамен на шофера Облдортранс Кузнецк. 12 комсомольская 23 Генрихсон (в 5 вех.) Загорск Гараж Союзтранс

Сговорился с ГИХлом: Лукин прочтет «В краю», и мы с ним тогда подработаем и кончим вопрос об оформле-нии.

Заходил к Авербахам: победа!

321

В Сергиеве есть очень старый священник, когда он идет по улице, вокруг него вьются мальчишки венком и все кричат: «Долгогривый, долгогривый!», а священник по-вторяет: «Ну и деточки, ну и деточки!» Мне кажется, и на меня так все 16 лет в литературе кричали: «Долгогривый!» И теперь вот оагеркнуто: видишь, как те же самые «де-точки» почтительнейше расступаются. Все произошло, потому что я не побрезговал вникнуть в жизнь, подошел вплотную, сам увидел своими глазами и остался самим собой.

Я писатель, который в смутном стремлении всегда чувствует свой правый путь. Начало: дор[огие] тов[арищи]! дела мои в литературе заметно поправляются. Мне удалось в этом году написать вещь, «Корень Жизни», которая и сама по себе лучше дру-гих моих вещей, и заметно имела успех, будучи напечатана еще лишь в «Красной Нови». Вы теперь в современной литературе назовете очень немного имен тех писателей, кто был до революции небезызвестным и сейчас не отста-вая идет в уровень со временем. Невольно является во-прос, и это самый лучший вопрос, который вы можете мне сейчас задать: «каким образом вы уцелели, Михаил Ми-хайлович, и как это вы сохранились?» И я вам отвечу очень искренно и верно, применяя слова Гёте на себя: я писатель, который в смутном своем стремлении всегда чувствует свой оагеркнуто: правый верный путь. Что такое «смутное стремление?» я не могу разобрать в целом, и не хочу, но в отношении, напр., языка все мне очень яс-но. В смутном стремлении своем к самовыражению я всег-да не умом, а сердцем своим знал, что устная народная словесность у нас не в пример значительнее, чем словес-ность письменная, литература. И я шел путем всех наших крупнейших писателей, шел странником в русском наро-де, прислушиваясь к его говору.

На полях: Слово и понятие.

Собственность – жизнь: да будет воля твоя

322

4 декабря. Всего 4 раза был в электрокабинете и рука почти уже здорова. С малых лет забили меня человеком так сильно, что я до сих пор повторяю это слово – человек, не решаясь сам лично войти в это понятие и раскрыть его самостоя-тельно. По-моему, как я понимаю это сейчас, есть два че-ловека: один человек, все равно как электрический ток в прерывателе, является искрами; одна искорка мелькнет и ее уже нет, и уже другая светит, и так весь человек, как ток, распадается на искорки-личности – и я сам, тоже ис-корка-личность, смотрю на другого по себе и знаю его и чувствую как себя самого; глядя так на бесчисленные искр-ькзагеркнуто: личности, я научаюсь их различать, и сущность человека мне является в его искре-личности. Человек в другом понимании нам не виден, как ток, бегу-щий по проволоке, и личности людей нам ценны не сами по себе, а лишь как переменчивое свойство текущего не-видимо человека.

Экономисты, государственные люди имеют дело имен-но с таким человеком: если они видят негодяя, то не при-ходят в отчаяние от силы зла, а стараются найти причины проявления человека в форме негодяев и тем или другим мероприятием устранить это нежелательное явление; в этом управлении количеством добра и зла они находят себе отраду жизни и оправдание всем своим необходимым жестокостям.

Для одних личность есть реализация человека. Для других реальность заключается в человеке, а личность есть лишь его переменное свойство. Искусство и религия имеют дело с человеком-личностью. Экономика – с чело-веком.

Человек формируется в жизни как личность. Личнос-ти...

Наука работает на пользу будущего человека, кото-рый будет летать в стратосфере и проч.: «геооптимизм» и М. Горький.

«Новый человек» = не существующий лично. Чело-век – предмет веры: то был бог невидим, а то человек не-видим; и тоже бессмертен и всемогущ и вездесущ.

323

Я очень склонен к этой вере и, вероятно, в этой вере живу; но я чувствую другое по соседству с собой и, как слепой, познаю ту дорогу костылем.

Эту тему о двух человеках продолжить и дойти до яс-ности.

Собственность: личная жизнь как источник всякой собственности: чувство жизни, распространное на весь мир – тоже собственность, и во всем этом: да будет воля моя – вот пантеизм; но есть «да будет воля Твоя!» – это я в себе не чувствую: в

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
этом я как слепой, и так я ограничен жизнью и собственностью.
6 декабря. Человек в пустыне человеческой: весь быт рушился, все христианские понятия, даже друзья перестали «в гости» ходить: им некогда; вся жизнь внутренняя перешла в наружу, а дома усталый человек должен остаться с самим собой, чтобы «духу набраться». И вот тут-то начинается Робинзон на необитаемом острове. Напр., Бострем и начальники паспортов: вот два полюса: Б. проповедует брать на себя тяжесть, – это жизнь дает, и начальник, который сотни рабочих пропустит в день, от-казывая в паспортах: «тебя сюда не звали, поворачивай оглобли». Если «повернет» – конечно, схватится – разо-брать: закон борьбы за существование.

Речь на конференции МТП 10/ХИ 33.

1) Устная словесность неграмотного народа питала не-посредственно крупных русских писателей приписка: Пушкин ходил на ярмарки, Толстой выходил на большую дорогу. Моя деятельность.

2) Каким языком говорит современный пролетарий. То же богатство. Задача пролетарского писателя и опас-ности погружения: личность, самость – Робинзон.

3) Наука и образование.

Итак, 1-е дело молодого писателя – это приблизиться к живому языку и личности пролетария. 2-е – организовать свою личность.

324

Надо много учиться, чтобы понимать язык пролета-рия.

Улица Белинского д. 5-А во дворе.

17 декабря. На Тверском бульваре рано поутру на де-рево села утомленная ворона с большим куском чего-то в носу. Немедленно налетело много других ворон, очевидно, преследующих счастливую и богатую. Все сидели мол-ча и совершенно неподвижно. Ворона с куском в носу была очень утомлена и тяжело дышала. Она ведь не могла этот большой кусок проглотить, и не могла слететь вниз и начать расклеивать: тогда все бросятся и начнется за кусок общая драка. Ей оставалось только сидеть на месте и держать в носу кусок, или же лететь, зная, что за ней го-нятся. Она сидела до тех пор, пока в этом положении сов-сем не устала и кусок чуть не выпал из клюва. Тогда она полетела, и все другие жадные вороны погнались вслед за богатой.

Вот какое ужасное положение богатой вороны, и точно такое положение всякого богатого хищника в капиталис-тических странах.

Простой рассказ.

Московские вороны: что покачулась и кусок выпал у нее из клюва. Все вороны бросились, и в свалке одна ловкая овладела куском и унесла. Все скоро догнали ее и гнали до тех пор, пока утомленная ворона не села на де-рево. Она тяжело дышала и скоро, как и первая, уронила кусок. И опять свалка, и опять жадные гонят счастли-вую...

19 декабря. Основание карьеры в том, что более высо-кое положение само по себе дает высшую точку зрения, вместе с тем и ум, и знание, и волю, и власть; человек в этом движении вверх получает сладость необычайную, и отсюда объяснение странному явлению, что хотя там наверху и очень беспокойно, и очень опасно, и нет време-ни, нет воли и пр. и пр., но все стремятся к высшему поло-

325

жению. Однако у нас маленькие люди это хорошо поняли и начинают бояться карьеры, застревая на средних мало-ответственных местах.

Приписка: Никола. Мороз сломило.

«Карьера»: карьерист... основана на том...

Выступление свое на конфер. молодых авторов считаю единственной ошибкой за весь этот счастливый год: у них не молодость, а собачья старость. Если выступать, то на-до, напр., на съезде писателей, и так, чтобы уж надолго осталось. А лучше оставаться с собой, как было раньше.

«Нужно знать ужасы долголетнего заключения, чтобы понять, какую отраду доставляет узнику вид проходящего облака и сияние звезд ночью».

(Из письма Нечаева к царю)

20 декабря. Политграмма.

Обезьяны в первое время дрались только на кулачки, но раз одна лядащая хлопнула большую и добрую оре-хом. Добрая хватила за это лядащую кулаком, а лядащая, смекнув дело, ударила добрую камнем в голову и сразу ее прикончила. От потомков этой лядащей и злой обезьяны постепенно явился на свет Каин и от него капитализм и кулаки, захватившие в свои руки, подобно злой обезья-не, орудия производства. Мне дали очень сложный механизм, посредством ко-торого я могу со страшной быстротой передвигаться. Это огромное преимущество перед другими гражданами я по-лучил за...?

Второй вопрос: как бензин из нефти и нефть от жизни (миллиарды неисчислимые жизнью легли на образование нефти), так и быстрота моя от спящего в машине

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
труда. Значит, теперь, при социализме, распоряжаться этим трудом я имею право лишь в силу того, что машина входит в мой полезный для государства труд как орудие производства: я еду по делу и если на охоту, то для отдыха: я весь деловой; но вот я выиграл машину (и поехал за клюквой): ушел от долга = мой талант = счастье.

326

21 декабря. 10-раз ионизация; остался до 23-го: доктор назначил через месяц еще серию в 10 раз.

Ужасная история с очерком о канале. Разговор с Авербахом. Понял: безразличное время в литературе перед грозой: РАПП обходит позицию.

24-го чудесная «Двенадцатая ночь».

Разговор с Чувиляевым: о том, что только большой механик на всей высоте знания может понять себя в гармонии органического целого; а если маленький, то ему лучше не вникать глубоко в машину, а любить ее, как корову (тоже божья тварь) (значит, есть оправдание моему механику Безродному, который прямо сказал, что излишнее чтение – вредно).

Скажет иногда человек нелепость, вроде как Безродный сказал, что для понимания машины вредно много читать, а разберешься, и выйдет, что человек, сказавший это в простоте, мудро сказал. Вот именно, что знание только на своей вершине дает личности понимание мира как целого; если же не вершина, которой достигать может лишь избранный, то оно питает не творца, а изобретателя (Иван Острый – изобретатель с претензией на творца, Безродный – тип суетливого: в суете свертывает стандарт на свое: его изобретательства хватает только на то, чтобы заменить стандартные части: вредитель стандартных машин).

Человек натур, хозяйства самый маленький всегда в гармонии (Хлеб наш насущный), а пролетарий «хочу все знать» может стать в равное положение лишь при условии достижения уровня творчества высшего знания. Итак, я сейчас приближаюсь, кажется, к пониманию смутного моего стремления: мне хочется машину сделать Машкой и смотреть на нее как крестьянин смотрит на корову: божья тварь (пусть Безродный как «изобретатель» сам делает, а этот выиграет ее и будет понимать по-крестьянски).

Солнцеворот.

327

В первый раз появляется механик Генрихсон Алексей Матвеевич (Комсомольск. 23), эстонец, герой катастрофы на комсом. Страстно любит машину (Машина чхает, значит, ехать хочет). Ездил с ним до Софрина заряжать аккумулятор. Снег идет в электричестве. Таинственные грузо-вики и их сигналы. Машины с потушенными огнями (как корабли на море): нельзя разъехаться. Рубели. Появление крестьянской] подводы. Открылись все снежные [завалы] совхоза (в свете прожектора). Пленники невежества: заело тормоз, и просидел двое суток.

Генрихсон готовил трактористов (30 десят. – 2 трактора): механику до того много приходилось чинить, что он нашел выгодней для себя самому пахать, и вспахал. Тракторист разлегся в лесу курить, отдыхать, а машина работает: боится, что не сумеет пустить. Беда: машин не делали, а людей нет. Для машины необходим цельный человек, не издерганный в собраниях, в карьере (вроде Безродного). Писатель, изучи машину и согласно с ее требованиями нарисуй черты ее хозяина, какой он должен быть.

Наставления Генрихсона: избегай пользоваться стартером: кто этим пользуется, изнашивает машину – раз, и второе: понять машину лучше можно лишь при заводе ручкой: тут все чувствуешь и узнаешь, чего машина хочет. Люди похожи, а когда ближе узнаешь, совсем непохожи; так и машины все разные, и только при заводе ручкой узнаешь характер именно вот этой машины. Пока выяснишь, что Машка, когда мотор начинает давать обороты, любит подсос, но опять-таки не чересчур; зажигание любит не совсем позднее, скорее пораньше.

Машине это лучше всего! – сказал Генрихсон.

26 декабря. Научился сам, совершенно один, продувать бак: перевортываю бензиновый провод так, чтобы конец, вводящий в карбюратор бензин, стал выше бака, тогда отвертываю кран – бензин не выливается, а я дую в этот конец и бурлю.

328

27 декабря. Опять сильный мороз: зима вышла ранняя и суровая.

Местные власти замучили машину Генрихсона, а он попал в это положение из-за бензина. Итак, машина хороша, если есть бензин, а он государственный. Это зависимость непосредственная от состояния всего организма, чуть что – и конец. В ремесле кризис не существует: там зависит от личности (запасся материалом на 10 лет), здесь личность вся видна, как внутренности маленькой рыбки в аквариуме: нет бензина и кончено.

«Народ наш великорусский теперь гнилье, осталась от него труха и оттого, если ты

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
политик приписка: эконо-мисту бери себе еврея в помощники, – если управитель техник – набирай немцев, эстонцев, латышей... Возможно-но, эти "подсобные" народы и держат "Россию" на высоте. Остается только искусство, но такое свойство искусств, что они могут процветать и при наличии великого упадка и разложения, все равно как простой народ в несчастье и беде своей нищеты на языке может оставаться веселым и остроумным до последней степени». (Сказки N.)

Ужасное для машин свойство русских дорог даже и шоссейных: зимой от езды на лошадях, от бесчисленных крестьянских обозов превращаться в бесконечную ру-бель, которой катают белье: от руба до руба ступают ров-но все лошади, а машина, попадая на эти рубы...

Вечером при луне по морозу бродил по городу и видел на узорнозамороженных окнах тени от листьев комнат-ных растений и думал при этом: до чего же все-таки жизнь во всем объеме своем привлекательна и как сильна кровь! сколько унижений переносят, сколько подлостей творят ежедневно, лишь только сохранить бы счастье хоть ка-кой-нибудь жизни приписка: жизнёнки... И так вот жи-вут кое-как, перебиваются изо дня в день.

...среди Сергиевской мелкоты показывался один вели-кан великолепный. И такой весь народ наш: труха и в тру-хе иногда великаны.

329

Возвращаюсь к мысли о человеке среднем, поставлен-ном ныне в положение борца: это восхождение подобно «хозяину и работнику»: какая-то внешняя причина за-ставляет человека подниматься на несвойственную ему высоту или выводит из иллюзии к реальности.

28 декабря. Ездил в Москву с Генрихсоном на машине выправлять Павловне хлебную карточку. Встретил до Москвы 4 грузовика, сидят на месте, и ни одного живого. Один просил вентиль, другой заплатку, третий – насос, четвертый просто сидел в отчаянии и ничего не просил. Когда мы ехали обратно вечером, тот, который просил вентиль, развел большой костер. Мы его спросили, отку-да он взял такие хорошие дрова. – А мы, – ответил он, – дрова постоянно с собой берем, неровен час застрянешь, ведь, долго ли до греха, и замерзнешь. – Дрова берут, а вентиль и резину... приписка: насоо.

– Где же хорошие шоферы? – спросил я.

– Хороших, – сказал Г., – не увидишь, хорошие про-ехали, они сейчас дома.

У одного заело задние тормоза, и он двое суток сидел, разобрать мог, а причину так и не выяснил.

Малейший уклон в сторону – и сиди в снегу и раскачи-вай час машину. След машины шел далеко от шоссе через канаву и дальше, а там было натоптано, будто полк про-шел: видно, спяну пустил, перенесся через канаву, а от-туда его волокли... Мороз (30°). Стекло намерзает. Правим через дырочку. (Вентиль: сидит при костре на морозе 30°: грех вышел, не-ровен час и пропадешь).

Не машина виновата, а люди. Машина ожидает хозяи-на, как невеста женихов выбирает, ждет она немца, а при-шел славянин.

На полях: Дым и мороз.

В сильный мороз ехать приходится быстро, если тихо, то от дыхания намерзает стекло в кабине и ничего не ви-

330

дишь, а при быстрой езде ветер проникает в кабину хотя бы настолько, чтобы назад отбросить от стекла влагу ды-хания.

Мороз для всех одинаков, но дымки тянутся к небу из всех домиков по-разному: одни топят березой, другие осиной, третьи даже навозом, у одних больше, у других меньше...

31 декабря. Жестокие морозы и лунные ночи.

Вчера Лева был с Галиной. Очень расстроился. Таких добродушных бездельников в стране, вероятно, больше и нет. Решил окончательно переговорить с ним и с «секре-тарством» его покончить.

Читал речь Литвинова. Быть войне с японцами или нет? и еще: может ли устоять наше государство в этой вой-не? Сталин сказал, что «ни одного вершка»... – (это надо иметь в виду, когда некоторые редакторы в рукописях вы-черкивают вершки и требуют метрической системы).

Снова начинаю чувствовать глухое сопротивление в лит. среде: очень возможно, что начинается ущерб моего юбилейного полнолуния. Хорошо, что успел издать много книг.

Встреча Нового года.

Политика: есть внутреннее убеждение чувством через соприкосновение с народом в какой-то особенной нашей мерзости, разложении нравственного существа человека, при наличии которого невозможно ожидать впереди ни-чего хорошего. С другой стороны, сообразая события ис-торические (разные пакты, Америку и проч.), прибавляя к этому неизбежность той «мерзости» при переходе от старого к новому,

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
оставляешь себе надежду на лучшее. Я вижу лучшее лишь в отсрочке войны, чтобы
возможно стало мало-мальски и подкормить, и подсобрать рассеянного в пыль
человека. Если война, то можно всего ожи-дать...

331

По-прежнему «держаться ближе к лесам, дальше от ре-дакций»...

В течение Января закончить «Колобок», печать в «Крас-ной Нови» и в ГИХЛе.

С февраля опыты с машиной: поездка в Нижний на за-вод и проч. вокруг темы:
«машина ищет себе хозяина». Приучить машину, как собаку.

М.М. ПРИШВИН ДНЕВНИКИ

1932 1933

1934

1935

1 Января. Перевалит в начале февраля на 7-й десяток. «Творческий вечер» в МТП
2-го Янв.

1) Чтение и творческий вечер (быть может, в связи с предложением 1 нрзб.
группы).

2) Объяснение настоящего [смысла] моих занятий: как и почему я собрался на
Север; 1-я книга: Канал: готова: Отцы и Дети – приложение; водопады. Чтение:
Надвои-цы. Весь остальной Север. Чтение: Соловки.

1) Чтение актера или чистка – мое начало Белом, края: Язык. Былины и школа.
(Ныне: искусство и обществен-ность).

5 Января. Литер Атор.

Стучат в калитку. Я из форточки:

– Кто там?

Тонкий женский или детский голосок:

– Здесь живет литер... атор? Я переспросил:

– Писатель Пришвин? Ответ:

– Сейчас посмотрю.

И, видно, читает вслух по записке:

– Комсомольская, 85, дом Пришвина, Литер Атор. Спускаюсь вниз, открываю калитку.
Входит во двор

здоровенная девица.

– Вы Литер Атор? – спросила она.

– Я сам.

И она пригласила меня читать на вечере Куркрола при МТП.

335

– Не знаю, – сказал я, – не понимаю даже, что значит Куркрол.

– Товарищ Атор, – изумилась она, – как же это вы не знаете: Куркрол – это курсы
кролиководства.

Такие вот бывают недоразумения с этими сокращени-ями постоянно.

– Вы не знаете даже, какие книги я написал, вы зовете меня просто из
любопытства, и самое лучшее было бы для вас, если бы я пришел с обезьяной.

– Нет, мне товарищи ничего не поручали, мы даже не знали, что у вас есть
обезьяна.

8 Января. С утра болит голова. Является Генрихсон. Регулирует машину, едем в
Красную Сторожку. После обеда гости: Котнисон и Бострем. Разговор о войне.

Охота на лосей 12 (?) 10-го вечером телеграмма.

10 Января. Похороны Андрея Белого. Красные не приняли, не почтили даже Белого, и
он был похоронен как белый.

Он смотрел на все через себя как на материал свой: во все входил и выходил из
всего, оставляя книгу как след своего переживания. На большевиках он споткнулся:
они его пережили.

И его желание, скользнув по цветам на земле, по воде на реках и морях, по небу,
звездам, луне и солнцу, не рас-крылось в любовь.

Зажимаю в пресс книгу и, чувствуя нечто человеческое в этом, – как будто над
человеком недавно что-то подоб-ное проделывали, – вдруг вспоминаю похороны
Андрея Белого.

Заведующий крематорием и «речь скажет от Оргкоми-тета т. Киршон». Заведующий:

«прощайтесь! прощайтесь!» Киршон: «анализируем его творчество». Люди,
обслужи-вающие крематорий, являются примером для людей госу-дарственных.

336

14 [Января] (Новый старый год).

Ехали от Москвы до Пушкино в полной темноте, и ни-кто не протестовал: ведь ехали
все усталые, дремали, и не до того, чтобы ссориться. Этим состоянием
воспользовал-ся кондуктор, выгадал в свою пользу свечку и зажег толь-ко после
Пушкино.

Кто-то набросился в трамвае на кондукторшу, что она не назвала станцию. После
того как шум кончился и оби-женный человек вышел, за кондукторшу заступился

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru не-кий человек. Он говорил, что нельзя требовать много от женщины... ведь сколько у нее обязанностей лишних сравнительно с «нашим братом»: надо губки намазать, глаза подвести, подбрить брови и мало ли что. «Вот моя жена прямо как в город попала, достала сурику и мазать губы, и щеки и под глазами суриком, – вот ведь чудо-то! а раньше в деревне ведь грому боялась, чуть ударит, она упадет, и мы ее накрываем подушками».

15 января. Не дело, не призвание, а миссия.

Пружина, которую нажимали до тех пор, пока она не перестала пружинить.

Мы вчера ехали из Москвы до Пушкино в полной темноте, после Пушкино кондуктор принес свечу: явно, что он от Москвы до Пушкино на нашей темноте в пользу себя сэкономил свечу. Все были так подавлены и трудным днем, и тьмой, что никому и в голову не пришло протестовать.

По сдаче «Колобка» окончить сезон и отступить.

Белый сгорел, как бумага. Он все из себя выписал, и остаток сгорел, как черновик.

Один пришел из жизни в литературу, другой из литературы смотрел на жизнь.

Белый, Мейерхольд и другие вольнодумцы.

Ребенок – душу...

337

17 января. Жить или переживать себя воображений на бумаге? Я оагеркнуто: говорю» поступаю: пережил, а потом после это изобразил на бумаге. А другой телесно вовсе и не переживал, а с пером в руке мысленно переживает, сам не зная, куда приведет его это бумажное переживание. Так он доверяет себя бумаге и получается, в случае любви, напр., не самая любовь, а как бы вексель любви. И так человек не любил, а давал векселя. И любовь, и революция такие у них нереальные.

19–20 января. Москва. Среда изобретателей в глупом положении, благодаря глупому доктору Беляеву, написавшему роман.

Изобретателей полно в стране, но нет хранителей стан-дарт: все механики стремятся обойти стандарт и по-своему, [взять] бензину под свечи, а если бы это надо, то Форд сделал бы...

Вы молчите... – я скажу. И все в этом: люди знали до меня и молчали, я пришел и сказал. И только оттого, что я сказал, делается всем так, будто впервые это только и увидели.

Вопросы Павлику:

1) Заводка холодного мотора. Причины скорости за-водки. Роль прерывателя. Положение рычага зажигания. Почему стартер ухудшает (между тем как совместная за-водка от руля и стартера – всеобщая практика).

2) О ремонтной мастерской и проч.

3) Просмотр аккумулятора.

4) Регулировка зажигания.

5) Регулировка тормозов.

6) Смазка (кулачн. валов распредел.)

7) Индив. свойства машины – отчего?

8) Регул, силы тока.

9) Почему вода вскипает?

23 января. Как сделать, чтобы, не уступая ничего из себя, завоевать широкого читателя?

338

Это было всегда моим сокровенным желанием, при-крытым с поверхности формулой Мережковского: «что пошло, то пошло» и оагеркнуто: вероисповеданием убеждением Иванова-Разумника: что оценка писателя на-стоящего возможна только в будущем («на том свете»). Охотничьи и детские рассказы мои были в опровержение этого демонизма, и в особенности «Корень жизни».

То, чем отец, начиная, как бы играл, то сын, его наслед-ник, продолжает серьезно, и старая свободная игра обра-щается в дело и является долгом. Вычитал у Гоголя в «Портрете», что законы естествен-ной истории являются средством Божиим, ограждающим нас всех от проникновения в жизнь нашу чудес антихрис-та. Значит, хотя и нет на свете «чудес», но самые законы природы, не допускающие этих «чудес», сами по себе яв-ляются чудом божественного происхождения. Не то же ли самое пытаюсь я найти в преодолении человеком маши-ны? Посредством законов природы силы ада и неба всту-пили между собою в борьбу. Законы даны против дьявола, магии, но дьявол их обратил на соблазн человеку: машина стала повелевать...

24 [января] ездили на Машке в Пушкино, смотрели зверей...

Изучить жизнь дороги (повесть: Дорога).

После ранних и суровых морозов как бы в возмещение взятого ими не вовремя тепла теперь во время московских крещенских морозов стоит мягкая погода с оттепелями.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Лошади в оттепель, останавливаясь на дороге, протаивали желтые кружки, другие лошади на ходу попадали в них и выбивали в этих слабых, рыхлых, растепленных местах ямы. Вся дорога при замерзании покрылась такими яма-ми, и автомобилисту она стала настоящей желтой опас-ностью.

Несметные стаи овсянок и полярные пуночки. Передувы (бросает машину)
Разрыхленные, взмешанные места (на первую ско-рость)

339

Разъезжаться с машиной

Какие-то деревни, церкви, леса (мне-то до них какое дело!)

Страшные лесенки (рубели) Сено обняло машину

Полные сани пьяных мужиков вскачь неслись на ма-шину

Детский бич

Вдали красный тормозной огонек

25–26 января. Оттепель. Моросит. Валенки следят в комнате.

Почта, телеграф у нас падают все ниже и ниже, ми-лицию сократили и в ночные сторожа взяли пьяниц с ко-лотушками. На улицах банды воришек: бледное дитя в лохмотьях с горящими глазами. Да и везде, если не в «до-стижения», а в человека смотреть, то мало хорошего.

27 [Января]. Все оттепель.

Автомобиль развывает снобизм. Но чувство ближнего, когда себе плохо, и по этому плохому находишь товарища и будто бы ему сочувствуешь, – тоже неверно. Так народ-ники намотали на себя «мужика». И вот почему марксист-ты подходили к пролетарию бесчувственно.

Вечером разговор с Б. Он забил себе голову мечтой о натуральном хозяйстве. Эта мечта европейского проис-хождения и поддерживается его личным несчастьем: это против конвейера; а у нас-то как раз и не хватает конвейе-ра (сплошь ворье), и у нас не система, а момент высшего напряжения (занимайся сколько хочешь натур, хозяйст-вом. Да, занимайся, а не мечтай!)

Приходил за деньгами на пропитие Ломакин. Несом-ненный и очевидный факт катастрофического понижения жизни в Загорске: дети на улицах – сплошь воры, колхоз-ники в чайных – сплошь матерщина небывалая. Если не война немедленная (тогда все по-иному), то необходима какая-то чистка.

340

Житие Серафима: их ошибка – это догма и огради-тельная черта (ограда)...

Молчание: не молчание, а управление, сдержанность (на очередь).

Нимфа во сне: церковь (мистик) и книга (поэт).

«Социализм – это зажиточная жизнь через честный общественный труд» (Сталин).

Станок Гриндей (79 отв. в блоке цилиндров), станок Дип, Лоренц. Стандартизация и унификация. Переселение станков с запада на восток. Тезис – стандартная деталь и антитезис – специальный станок находит свое заверше-ние в синтезе многих специальных станков, которые со-ставляют завод. См. станок Агапова.

В стране создается универсальный станок, который освободит человека от физического труда и даст возмож-ность мозгу заниматься лишь созданием нового. В то же самое время у нас в Загорске как раз к партсъезду вовсе погасло еле-еле влачащее тусклую жизнь свою электри-чество. А лампы керосиновые давно расстроены. Негде купить стекла. Единственное разбитое стекло обвязал тонкой проволокой и кое-как освещаюсь. И вот обыватель так по себе и смотрит: за своим перевязанным проволоч-кой стеклом не видит универсального станка. И когда придет война, этот обыватель по-прежнему будет ждать поражения: чуть что... а между тем, стоит лишь мало-маль-ски устроить такого человека в материальном...

Вероятней всего, так и будет: войну будут откладывать до «зжиточ-ной жизни».

29 января. Вчера второй раз пустил мотор сам. Маши-на дала вспышку, чхнула, я подхватил большим газом и подсосом, пошла стрельба и чмокание от подсоса, и так минут на десять: сосу, она чмокает с благодарностью, чха-ет, я еще, еще, и, наконец, ровным гулом она благодарит меня. Я стал убавлять газ и, когда начались на малых обо-ротах легкие перебои, дал чуть попозднее зажигание, и ма-шина вся горячая с ровным дыханием не идет, а как будто спит и вся горячая видит во сне свой пробег по дороге в горах у берега моря.

341

Шофер до того занят, что ему нельзя ни чувствовать себя, забываясь, отдельно, как это сплошь и рядом бывает на ходу, ни мыслить, бродя глазами по горизонту и обла-кам: мысль шофера прикованная. И так хорошо бывает, когда позади женщины щебечут, как птички, не обращая никакого внимания ни на [шофера], ни...

Стандарт борется со своеволием мысли, и оттого чело-век, не только управляя, но даже просто как пассажир са-дясь в машину, всегда заметно глупеет.

Напряли на кривое веретено:

Ломовиками были, сбондили ящик с чаем, напряли на кривое веретено и получили катушку.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
30 января. Поставили спидометр, ездили на... Дорога взмешена, внизу между пригорками возле мостиков – мезиво, выезжаем на первой скорости. Признания Павлика: сколько аварий! и все по причине ненормальной скорости, которая следствие выпивки. Грудью руль сломал. Старуху в снег толкнул, оглянулся, а она в снегу на коленках стоит, молится Богу, благодарит, что не попустил чудовище. Мистический инженер Сологуба.

Тайна техники: величайшая тайна чисел является обыкновенному человеку в виде простой какой-нибудь гайки, которую каждому просто можно отвинтить и опять завинтить; если отвинтишь – гора сойдет с места, завинтишь – вернется гора и станет как была. Но не в этом дело, что двигается гора силою и желанием ребенка, а что кажется, будто об этом задумываться нечего, что это вполне естественно и так быть должно и непременно должно выйти, если гайку отвернуть или завернуть.

Таким образом, таинственный сологубовский инженер захватывает себе на службу великие кадры существ, ничего не понимающих, кроме того, чтобы гайку завинтить и отвинтить. Своей собственной необыкновенной гениальной мыслью таинственный инженер как бы похищает мысль других людей, и они живут бессмысленно, выполняя его предначертания: [включаю зажигание] и дается искра – я еду, и больше мне ничего не нужно, да и некогда

342

мне задумываться, при быстрой езде мне даже трудно иногда заглянуть на инструментальную доску машины, чтобы свериться с показателем скорости.

1 февраля. Все продолжается тепло, так -5 С. Читаю Белого, кончаю «Колобок». Думаю о вырезанной статье Каменева и последней речи Луначарского: что... это им единственный путь выслужиться... В этом и есть наше различие, это основа всему: любить врага и убить врага. Можно убить, но разрядка силы любви (творчество) через это столь велика, что человек на другое остается мало пригодным...

Б. говорит, будто бы на Украине лишают теперь себя жизни морозом: выпьет на морозе две бутылки и заснет. Мне тоже это приходило в голову и пугает меня, что на-счет конца нет у меня принципа.

Вечером был фаворский.

Читая Белого о людях, с которыми я тоже имел дело, начиная свою литературу, наконец-то я понял, почему всегда чувствовал разделяющую меня с ними бездну, это потому, что лучшие из них искали выхода из литературы в жизнь, а я искал выхода из жизни в литературу. Бессознательно подчиняясь их заказу, я старался подать литературу свою как жизнь, т. е. шел тем самым путем, каким шли наши классики. А они все, будучи индивидуалистами, вопили истерически о преодолении индивидуализма до тех пор, пока революция не дала им по шее (Блок, Белый, Мережковский, Гиппиус, даже бедный Иванов-Разумник).

Что же такое «жизнь» в этом понимании? Это, прежде всего, значит быть вместе с другими (как в революции, их манила этим революция).

Разобрав бездну с символистами, беру бездну с эсерами и так определяю: эсеры пользовались мужиком как материалом для своих политических идей, и их этика была в конце концов эгоистически групповая, но вовсе не народная, как они ее представляли (Савинков, доплыв до мелкого места, все обнажил, и Чернов). У народников ме-

343

ня встречал костяк группов[ого] политика, маскированный универсальностью, у символистов костяк индивидуалиста...

3 февраля. Испытал ужас: человек исчез у меня под машиной, и человек этот Лева! Царство Берендеево и царство Сталина Москва: первый урок в Москве, все трудности – это выезд из переулка.

Путешествие из Москвы с беспомощными людьми (две женщины, будто квасом налиты). Метель. Мужики: «пора бы бросать ездить на машинках».

Павлик и Иветта (романические возможности автомобиля).

Выход книги «Жень-Шень». Перечитываю и удивляюсь, – откуда взялось!

В художественном творчестве с самого первого момента, начала подъема, бывает соблазн прекратить подъем и отдаться изображению испытанного... И если художник поддастся искушению и начнет досрочно писать картину, он будет во власти демонов искусства, его создание будет изложением жизни, скрежетом зубовым, самообожанием и отрицанием уважения к другому человеку.

Для того чтобы дать картину в гармоническом сочетании [многих] планов, нужно выждать соответствующий момент в подъеме, когда перевалил через себя к другому. Этот перевал очень труден для всякого, потому что бывает в нем один такой момент, когда приходится выпустить вожжи из рук, или все равно как броситься с высоты, доверяясь парашюту и в то же время оагеркнуто: сомневаюсь зная, что: «а может быть, он и не раскроется». Риск при творчестве состоит в том, что ты утратишь в себе художника и останешься обыкновенным человеком, каким-нибудь

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
бухгалтером, и должен вперед помириться и при-нять свое бытие в жизни как
бухгалтера. Ты бросаешься в бездну с последними словами: – Ладно, если нет –
при-нимаю [контору]: буду жить просто бухгалтером. Вот ко-гда согласишься на
это, жить на земле бухгалтером, то
344

демоны оставляют тебя, и ты как творец являешься хозя-ином дела и создаешь
прекрасное.

Белый не дошел до этого перевала и, далеко не достиг-нув «жизни», остался во
власти своих демонов. Блок – бо-лее счастливый в таланте – по существу тоже не
дошел до перевала и обнажил демонизм свой в Христе «Двена-дцати». А Ремизов? Они
все, большие писатели и поэты того времени, искали томительно выхода из
литературы в жизнь и не могли найти, потому что не дошли до той вы-соты, когда
литературное творчество становится таким же самым жизнетворчеством, как дело
уважающего себя и понимающего свое дело бухгалтера. Литературно-демо-ническое
самомнение закрывало им двери жизни. И они все были такие, и Мережковские, и
Брюсовы, все! Я долго не понимал, почему я себя в их обществе чувствовал
не-ловко до крайности, как будто я сам не в состоянии стать на их высоту и
подглядываю за ними: у меня не было их чувств, а я думал, что не было у меня
литер, вкуса, культу-ры и образования. Только теперь я понимаю полярную
противоположность наших стремлений: они стремились из литературы выйти в жизнь,
а я хотел из жизни войти в литературу и просто сделаться писателем. С точки
зре-ния их ведь это было невозможно ограниченное устрем-ление и, конечно, мне
это приходилось затаивать... Вот отчего иногда было ужасно стыдно быть в их
обществе.

- 1) Замошкину
- 2) Наседкину
- 3) Русаковой
- 4) Смирнову
- 5) Борисову
- 6) Горькому
- 7) Реформатским
- 8) Игнатовым
- 9) Иванову Р.
- 10) Тальникову
- 11) Воронскому
«Жень-Шень».
- 12) Филимонову
- 13) Пильняку
- 14) Менделеевой
- 15) Авербаху
- 16) Ценскому
- 17) Шкловскому
- 18) Слетову
- 19) Семашко
- 20) Ворошилову
- 21) Новикову-Прибой
- 22) Петряеву
- 23) Федосову
- 24) Юдину

345

Автор просит Вас прочитать эту книгу и, если найдете в себе охоту, прислать о
повести свой отзыв по адресу...

Умница.

Жена сказала: – Какая умная собака наша! – Я спро-сил: – Какая? – Она: – Бьюшка.
Как же... сегодня ночью воры выломали у нас доску в заборе, а она, умница... – Я
подумал глупо: а она взяла да эту доску прибила... – А она, умница, – продолжала
жена, – нырь в эту дыру... – Я подумал: умница Бьюшка догнала воров и задала им
перцу. А жена говорит: – А она, умница, понюхала следы и вернулась домой – В чем
же ум? – спросил. – А что дверь свою знает: не ушла, а вернулась.

Завтра 6 Фев. (23 Янв.): 61 год.

В Москве я самый старый шофер. Если события так бу-дут лететь, как летят, то
можно не пугаться близостью своего конца: много будет всего!

7 февраля. Метель. Сдан «Колобок». Свобода!

План: изучение темы «Дорога» (молчание!). Завтра бу-магу из Оргкомитета.

Добиться гаража в Москве. На-учиться ездить в Москве. Сдать экзамен. Осмотр
заводов. Подготовка поездки в Нижний.

Страшный шофер: чуть опасность – Павлик от страха смеется; я думал, что он
человек особенный, но храбрый; но я рассказал ему, что у меня человек исчез под

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
автомо-биль и оттуда раздался крик: папа! – это был мой сын. Павлик и тут засмеялся, захохотал. Тут мне стало страшно.
Метель. Дорога: это чей-то след в кружке. По следу. Повалило. След исчез. Горы: о машинах. Застряли. Мужики: пора бы бросать на машинках ездить.
У2 8-го утра. На вокзале в Москву.

Невозможно нигде найти такую страну, как вырезал ее гравер-мороз 8-го февраля 1934 года на окне вокзала в Загорске, когда мы стояли в очереди за билетами к мест-ному поезду, уходящему в Москву в 8.10 утра. Как раз в это время чистый голубой восток озарился, и гравюра на окне стала цветной, из голубого и красного.

346

Тройский точно так же заедает Ценского, как и меня чуть не заел, только вот что я его подавил (или он пода-вился мною). Ценский упал в обморок, сердце... Такие личности теперь похожи на те высокие сосны, которые ве-тер легко валяет, потому что они стоят без защитной сре-ды. (Малейший укол – и всю ночь не заснешь, и так вто-рая, третья ночь...) Так срезало Белого.

«Ученый еврей».

Ученый еврей, страдающий от самолюбия до... малень-кий человек...

Шкловский, когда Горький одобрил мою работу, «Ка-нал» – сказал мне: – Это лучшая работа из всех. А когда моя работа провалилась, на вопрос Филимонова, почему работа Пришвина не пошла, ответил: – В ней есть одно только живое место.

Приписка: Шкловскому: – На всякого мудреца довольно про-стоты.

Записался на ионизацию руки, начиная от 9-го по не-четным дням до 1-го Марта.

Получил от Оргкомитета бумагу к Свистуну. Вечером у Замошкина.

Гений Белого приписка: рассеянный гений.

Мысль о снежной метели: мужик сказал: пора бы на машинке ездить бросать.

По-прежнему, как это Толстой, это стихия, а у нас смерть: (неизбежность) но и то: герои-ческая смерть (стратосфера).

Из всего этого два мира: лошадь и машина, мужик и шофер (а как ведь мужик должен ненавидеть машину!).

9 февраля. Хлопоты о гараже. Ионизация – обед (1 ч. – 3 ч.). Чернила Брюсов пер.

ГИХЛ: «Колобок», «Крас-ная Новь», 30 дней, МТП: Мой очерк, «Жень-Шень».

10 февраля. 30 дней и ГИХЛ и Влад. Влад. Ермилов. 1-я ионизация. Добывание медиц. свидетельства. Неудача у Свистуна. Визит Григ. Ильича Именитова.

347

Все яснее тема смерти: мужицко-толстовская и героев стратосферы (две дороги: снежная метель), борьба и сми-рение: когда тонешь, то борьба.

Новая дорога до известного предела, а потом: дело не стоит борьбы: в этом и есть старая дорога и новая дорога.

НВ. Я тону и борюсь с волной, и вот граница борьбы и ясное сознание: жизнь того не стоит – и смерть! А там (стратосфера): до конца.

Нашел человека, который не верит в войну, а вооруже-ние понимает как накладные расходы на ночного сторо-жа...

Дела на 10-е: отправить в 30 дней «Строитель Кондри-ков». Позвонить в 8 у.

Ракову; в Автоснаб и обратно в «Огонек» (около 12 д.). Звонок Воронскому.

Дальнейшее само скажется.

Появление Евг. Ив. Ракова (шофер): романтические приключения: фактически жена, а не расписались, а она: расписались, но фактически не живем. «Жук» (в смысле жулик).

Узнал, что «Машкой» нельзя назвать: жизнь – 3 года; Бьюик увезли: нашли с помятым буфером, сломанным крылом и в крови.

Появление Савина.

Город, улицы как реки и на реках машины.

Совет Н. И. Савину: бросать старый дом и родной го-род и все это сохранять в себе, воспроизводить и так вос-крешать: тогда старое сохранится в новом и новое нельзя создать без этого старого... Где же мера, как узнать – что надо бросать и в себе сохранять, или защищать имущест-во (ведь и защищать-то надо): это каждый раз надо само-му чувствовать.

13–15 февраля. Салончик Тальникова. Соблазн или надо: начинает тянуть всмотреться в природу «обычно-венного человека» и до конца выявить его подлость. Надо ли это в смысле того сосуда с гадами, который надо было проглотить апостолу (как Гоголю пришлось, да не оси-лил), или же это соблазн от чтения книги Белого («Нача-

348

ло века»): тот соблазн из потребности сохранить хорошее самомнение, унижая относительно себя среду?

Еврейский пессимизм (Именитов, Тальников): на него натыкаешься, как на стену в тупике: напр., в разговоре о РАППе они объясняют сущность РАППа стремлением

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru группы захватить в свои руки «листаж» и самим только печататься и т. п., т. е. объясняют не идейными побуждениями, а личными или групповыми потребностями; как будто действуют личности без лиц, в лицах они видят одно только личное: вероятно, такого рода «пессимизм» характеризует большую группу марксистов.

Сегодня 1) – У210-го рукопись: проверить и сдать в «Краен. Новь» 2) – в 1/212-го – до У21-го – визит кольцову 3) – в 1 ч. – У2 2-го – электризация.

1) У210 – У212-го проверка 2) У212 – У21-го телеф. кольцов 3) 1 ч. – У2 2-го электризация 4) 2 часа – «Новь» и Лукин до 2.45 м. 5) Обед от 3 ч. до У2 4-го 6) 3 1/2 – 4 У2 – отъезд.

16 февраля. В основе всех моих удачных вещей лежит непременно остро пережитое, с риском для себя. Так вот и с Машкой вышло. Но, кажется, этот опыт с машиной так не прошел: стал чувствовать сердце.

На 16-е: 1) Сборник для детей. 2) О «страничке» 3) Фо-то для «Огонька».

18 [февраля]. Воскресенье (Прощеное). Блины. – (Петя, Лева).

Разговор с Костей: Тракторист: каждую борозду продувает карбюратор, губы от керосина облезли, выхлопная труба задушила газами, стук мотора, дым, – отошел в сторону: летят журавли! проклятие машине (виновата не машина, а колхоз), нет хозяина машине: керосин не процежен. Генрихсону надоело чинить, стал пахать: машина ехать хочет и наслаждение делом – пахотой.

19 февраля. (Вел. пост). «Вставить машину».

349

20 февраля. Видел в Москве из окна первые кучевые облака.

Закрепляюсь в автоклубе. Беседовал с инженером Балль Степан Станиславович.

Порядок знакомства с делом: I) Га-раж с профилакторием (1-й и 2-й ремонт) II) Станция обслуживания (Гладышев) III) Рем. мастерские и заводы (Гараж № 1 и Г. № 2)

Ремонт: части для замены сношенных должны быть не те, что в проекте первом. Такого завода еще нет.

1) Психотехнический институт. 2) Институт охраны труда (институт Эрисмана).

Дашкевич занимается историей автомобиля.

Коробка скоростей – главная причина расстройства здоровья шофера. Заменяется дизель – электро.

Баранка (руль).

Психика шофера по себе: машина вынула душу из человека (семья, водка, земледельческое прошлое).

Инженер должен внушить шоферу, чтобы он себя понимал за одно с машиной.

Конференция областная 27, 28, 1-го марта, всесоюзная – 9 марта.

Вот еще тема: география дорог – в песках, по чернозему, по глине, в жаре, стуже и т. д. «Влип в тормоза».

Итак, пока Новая дорога разбивается на три отдела для изучения: 1) Машина 2)

Человек 3) Дорога. Сюжет:

Костя тракторист и поэт. Не любит машину: каждую борозду продувает, керосин сжег губы, вонь, грохот, и вот летят журавли. Плуг оставил с проклятием. Отходит покурить: журавли... А мотор остановился, и не может завести. Выбился из сил... Механик Генрихсон с утра до ночи чинит тракторы. Чтобы не сидеть в мастерской, решил сам пахать, и тут явилось счастье в пахоте (как быстрая езда: наслаждение властью, мощью).

...можно: Костя не может завести; Генрихсон находит причину и радуется: машина чхает, машина ехать хочет, и машина – это лучше всего!

350

Два последних лета я не жил на Журавлиной родине из-за трудности переезда от меня из Загорска туда, хотя весь переезд сорок верст! С вещами на паре рублей за две-сти, пожалуй бы, и отвезли, да ведь и назад двести, да раза два-три надо за лето все-таки съездить и за провизией, и для связи в делах. Очень дорого выходит, да так вот и остался дома сидеть, и прошло два года, я стал тосковать по болотам, как будто действительно, как журавль, заблудился и потерял свою родину.

Однажды ночью и даже прямо во сне мне пришла в голову мысль о том, что выходом в моем положении будет машина: сорок верст для машины какой-нибудь час – один час – и я на Журавлиной родине. Эта мысль, как бы-вает во сне у охотников, возникла в особенно остро-радостном чувстве природы, где уже не журавли летали и не обыкновенные синицы, а какие-то прелестные пти-ницы. Утром, сохранив в себе одно лишь чувство прият-ности сна, я мало-помалу от птиницы до птиницы, как по лестнице, добрался до мысли о машине, и мне показалось, что ведь это возможно: теперь их делают у нас, и, если я теперь заявлю, меня запишут в очередь и рано или поздно дадут.

Недолго думая, написал я Молотову, мотивируя невоз-можностью при современных условиях транспорта зани-маться своим краеведением и что, может быть, самая

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
машина увлечет меня и сделается предметом моего изучения и описания. Переписав на машинке это короткое письмо, я решил прогуляться по городу и занести на почту это за-казное письмо. Когда я через полчаса, отправив письмо, возвращался, то увидел на своей улице как раз против моего дома несколько сгрудившихся грузовиков и среди них нечто маленькое и подобное легковому автомобилю. Это, оказалось, наш известный механик Генрихсон, сам собрав-ший себе из какого-то хлама машину, столкнулся с грузови-ком, вернее, грузовик налетел на него и, конечно, разбил вдребезги небольшую самодельную машину и сам тоже свалился в канаву. Другие машины собрались помогать. Дома я рассказал жене об этом совпадении: отправил письмо с просьбой машины, и как раз машина разбилась

351

у меня перед окном. Жена не стала толковать это печаль-ное событие в худую сторону: она просто не верила, что из моего письма что-нибудь выйдет, и больше значения придавала не письму к Молотову, а сну моему о птиницах на Журавлиной родине. Приписка: – Какие же это птицы такие? – спросила она, – синенькие, или какие? – Да, си-ненькие, – ответил я, – как ты узнала и на что это тебе? – Она задумалась и ничего не сказала. Только уже через три дня, когда пришла бумага от Совнаркома с распоря-жением Молотова дать мне машину, она приняла всерьез совпадение сна моего, решения написать и столкновения перед окном. Однако, она не надеялась, что я раздобуду 5000 р. для уплаты за машину, и не стала толковать это в худую сторону. Я не суеверный человек, но бороться с собой приходится, и это всегда неприятно. Вот почему, когда я через несколько дней, обегав издательства, на-скреб необходимую сумму для выкупа автомобиля и жена этому обрадовалась и не вспомнила о печальном предзна-меновании, я очень обрадовался и стал даже толковать все обратно, к хорошему, как предупреждение об опаснос-ти: постоянно, мол, думай о случае с Генрихсоном у тебя под окном, и с тобой никогда ничего не случится.

Одновременно с получением письма от Совнаркома я, вообще по природе своей бесконечно далекий от ма-шин, стал понимать себя в положении земледельца или кустаря, которому достался по билету лотереи автодора автомобиль: это может быть отличным сюжетом расска-за, в котором можно будет изобразить психологию земле-дельца и нового для нашей страны человека, водителя ма-шины. Много раз я к этой теме старался подойти и с этой целью не раз осматривал большие заводы. И нет! я не мог найти случая, чтобы не одной головой, а всей личностью, целью соприкоснуться с машиной и отсюда, из этой но-вой среды понять нового нужного нам человека, пролета-рия, хозяина и повелителя машины в его отношении к своему земледельческому прошлому. Теперь же так выхо-дило, что машина как волшебная сила, могущая в любой момент переносить меня к птиницам на Журавлиную ро-дину, входила в состав моей творческой личности.

352

Понимая себя самого в образе земледельца, выиграв-шего автомобиль, я стал представлять себе возможные последствия такого начала. Пусть этот крестьянин не во-шел в колхоз из-за старинной вражды с некоторыми свои-ми односельчанами и примазался скворешничком на краю города: пусть в своей высшей природе он коммунист, но жизнь заставила быть единоличником. Получив машину, он сначала выдумал превратить ее в грузовик и много за-рабатывать. Но такое положение невыгодно утверждало его как единоличника. После долгой мучительной борь-бы с самим собой он не хочет отдаваться во власть своего «счастья», а, напротив, решает сам владеть счастьем сво-им: он будет по-прежнему скромно жить своим огородом и молоко от коровы менять на хлеб, а машина ему будет только любовь, только счастье: он с женой будет ездить летом на этой машине за грибами и клюквой. Вот эта меч-та в будущем самому овладеть машиной, чтобы ездить за малиной, грибами и клюквой, мало-помалу вовлекает быв-шего земледельца в серьезное изучение машины и, начав с пустяков, с мечты о клюкве, он входит через машину в круг больших вопросов всей современной культуры.

Зачем выдумывать, сочинять, если можно прямо жить как в сказке: не на бумаге будет у меня, а в жизни, и только свой действительный роман с машиной я буду записы-вать.

26 Октября. Как мы получили машину.

22. Смазка машины с Петей – 25 24. в Пушкино – 80

1350

Из бочки в 150 лит. взято 22/1 б. бидон в 17 лит.

24/117 + 2 малых. 27. Первый раз самостоятельно (один) завел Машку с горячей водой и горячим маслом.

29. Второй раз завел, без нагрева масла.

30. Третий раз завел. Поставили спидометр на 3313000 приписка: + 1350. Ездил к Переславлю: 33203

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

33130 = 73 к.

353

3/П. Поездка в Москву 33381 – 33203 = 178 12/11. Поездка с Петей 33414 33

3881 389

Итого 1245

389 = 1534

11/ш с Петей накат, маш. 33500 12/ш. с левой 21 килом.

17/ш. за Петей 33611

Жизнь машины.

26 Октября получена машина, по Москве – 20 клм.

28 по Москве и до Загорска – 80 клм.

30 до Москвы и обратно – 150

1 ученье в городе 10

2 Москва – Салтыковка и обратно 220 6 с Петей учеба 20

7-го с Павлом с. 30

12 с Петей 30

16-го с Гагинским (1-й урок) 30

17 – второй урок Гагинского без машины

18 – третий урок Г. 30 к. 2 раза по 30 клм.

60 к. 14-го/ХП за бензином и маслом с Безродным 30

28? Туда же с Павлом Супко 15 к.

24 с Генрихсоном до Софрина 60 к.

28 в Москву 160 к.

1 янв. с Петей 80 к.

6 янв., нефтесклад, пожар 10

8 Красная сторожка 30

12 Селково 80

18 Переславль 100

1245 к.

22 февраля. (1-я неделя).

Вчера Н. в 30-днях привел цитату Маркса о машине (из «Die heilige Familie»), где будто бы Маркс хочет понять машину вроде как бы некую человеческую сущность (колена, зубчатки, шестерни – с человека). Найти это место.

354

Есть что-то страшное в машине, когда она застывает без работы, и то же, но по-другому, когда она работает. Чтобы машину понять, надо иметь особое чувство (вероятно, общечеловечности), подобное чувству природы. Свой мускул? нет, – это чужой мускул в некровной связи со мной... не-кровная, неродовая, неродственная связь с моими предками...

Я не считаю это в себе за невежество, если я о чем-нибудь не знаю и молчу: невежда – это кто говорит о том, чего не знает. И я даже лично для себя усвоил правило, имеющее значение личной гигиены: не очень беспокоиться о своем незнании, тем более ни в каком случае за это не упрекать себя; необходимость в том или другом знании подсказывается ходом жизни моей, и когда жизнь поспеет для данного знания, оно усваивается с большой радостью.

Быть может, надо иных людей охранять, беречь от поверхностного удовлетворения любознательности до того момента, когда это бывает надо. Знание как залежь торфа или угля, и не тот образованный, кто использует ту или другую залежь, а кто чувствует себя способным использовать всякую залежь. Человек должен скопить в себе такое нечто, чтобы оно в соприкосновении со знанием давало огонь (сознания).

Наполях: дырогга

государство как машина

Весна света: оагеркнуто: запах снега на солнце. Зимняя одежда поизносилась.

Едем в автобусе, держимся от качки за поводки вверху, – скоро, скоро весна: у всех женщин под мышкой открылось по дырочке.

Государство как машина, и если мы видим трудный переход земледельца от сохи к трактору, то ведь еще труднее переход его к новому механизму государства. Везде родственная личная связь заменяется знанием: хозяином положения являются «спецы» всякого рода. Не сученой ниткой, как раньше,шивается наше государство, а машинной...

355

Дорога.

Москва–Ташкент... 3950 км, из них только 432 машины шли по шоссе. Остальное – суглинистый тракт, с крутыми подъемами, черноземный и песчаный проселок, солончаки, овраги, зачастую только очертания дороги в условиях песчаной почвы, где совершенно отсутствует вода, заболоченные места, высохшие арыки, верблюжьи тропы, заброшенные еще в прошлом столетии почтовые тракты, голая степь-целина,

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
сыпучие барханы с крутыми откосами.

22 февраля, (продолжение)

В третьем часу дня за мной прислали машину из Моск-вы «от ЦК». Я думал, еду чуть ли не к Сталину, а оказа-лось, к Стецкому, и там оказался Шумяцкий, и все «от ЦК» было подстроено, чтобы поймать автора и заказать ему фильм для кино.

Приемчик! а между тем, нам с левой из-за этого приемчика на дороге плохо пришлось: шофер «вставил» машину.

Лежит гора бревен, вдруг покатилося сверху бревно, шофер от бревна бросил машину, а там человек, – кто по-верит, что причина гибели человека было бревно, а не шо-фер?

Мальчишка уцепился ладонями за ящик грузовика и мчится, болтаясь, как неживой. Колесо машины попадает в яму, мальчишка отрывается и летит под колесо легковой машины...

Мы спешили попасть в Москву к 5 ч., полагая, что в ЦК – раз за мной в Загорск машину прислали – какое-то решающее заседание о положении сов. литературы.

Ма-шина летит по 80 кил. в час. Впереди шлагбаум. Поднята правая сторона, и через нее проходит грузовая машина, и наша идет тоже по правой ей навстречу. Наш шофер по-сле 80 килом, снижает скорость до 40, но после 80 ему ка-жется, будто он едет очень тихо. И это (главное), и что, может быть, на скользком пути тормоз не сдержал, и, воз-можно, отблеск солнца с дороги ослепил, – шофер наш вставил машину в заднее левое колесо грузовика. Раздал-ся скрежет машины и стон человека: это Лева ударился

356

лбом о толстое стекло и навзничь упал... Буфер сломался, погнута ось, громадная шишка на голове и в глубине ду-ши, на самом дне как бы глухая боль о потере себя в суете, в ненужном стремлении. И после в Москве среди моря ма-шин все кажется, что они все так, что и их вызвал в суету какой-то пустой дух... Так мы приехали в ЦК, и оказалось не заседание, а просто Стецкий под маркой ЦК вызвал нас, чтобы заказать сценарий для кино... Пустой дух...

Дети любят ужасно машину, но, попав в нее, засыпают.

Из машины человек выходит, как рассидевшаяся кури-ца, клуха, когда ее сгоняют с места и она глумная, оше-ломленная начинает ходить по двору. Так мы ходили во-круг ЦК в поисках пропуска...

В зеркальце виднелись бледно до бесцветности голу-бые глаза шофера, устремленные в странной неподвиж-ности в одну точку: как будто это были не живые глаза, а специальные объективы для целесообразного фотогра-фирования пути и последующей сигнализации двум пятерням, вращающим баранку руля. – Можно ли его спросить, способен ли он вникать во что-нибудь, не отно-сющееся дороги и машины? Мы рискнули спросить, и, к удивлению нашему, со стороны руля глухим человеке-ским голосом... [шофер должен быть в единстве с маши-ной] –

23 февраля. С Лукиным (Юрий Борисович) за прав-кой «Колобка». Появление Пяста. Совещание у Шумячко-го о сценарии с Филимоновым: у Пудовского грипп. Так пусть и будет: делать не буду, а если хотя-т – пусть из моих делают.

24 февраля. Статья в «Литературке» «Михаил При-швин»: бездарная и сдержанно отрицательная: ни рыба, ни мясо, и отвечать нельзя. Приходится работать, «не об-ращая внимания», но, конечно, если удастся найти благо-приятный поток, надо воспользоваться: на очереди, зна-чит, если предоставится возможность, надо подобрать своих людей.

357

Проект письма в «Лит. газету».

Уважаем, тов. редактор, в № помещена статья Л. «Ми-хаил Пришвин», не содержащая никаких новых мыслей о моем творчестве, а имеющая замыслом умалить «идею» автора до охотничьего домика с умными собаками. Эта статья является отрывком рапповской травли моего твор-чества, прекращенной статьями Горького, отводящими мне определенное и видное место в общем советском твор-ческом литературном пр[оцессе]. К этому имею сообщить, что или вследствие ориентации Горького, или вещь моя сама за себя, повесть нашла себе сочувствие в ЦК партии: Культпроп в самое последнее время предложил мне создать фильм, отражающий природу именно в моем понимании. Вместе с тем, я также знаю, что одно лицо, чрезвычайно авторитетное для нас с Вами, высказалось о необходимос-ти создания действенного пейзажа как раз в том духе, как это делаю я. Вследствие всего сказанного прошу Вас на-метить о моем творчестве статью, все равно для меня, за или против, но дающую мне импульс к творчеству и отве-ту, содержательную, а не пустую, сознательно умаляю-щую значение моего творчества и по своей бессодержа-тельности и совершенной бездарности не позволяющую мне взяться за ответ.

Постановили: Не посылать этого, а послать Леву.

Закончен у Лукина «Колобок».

Вечер Литвинова. Спокойное отношение: будут крепко цепляться – да, нет – и нет:

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
на нет суда нет. Кому «Жень-Шень»?

- 1) Сестре Анне Артем. Свечиной за чудесное исцеление руки +
- 2) Алекс. Арк. Литвинову +
- 3) Екат. Русаковой

Ваше письмо об этой вещи понимаю как от Марьи Мо-ревной и в свою очередь, Катериночка в Красной шапочке, примите легенду мою о Жень-Шень себе как завет от Ива-на Царевича оагеркнуто: найти оагеркнуто: беречь свой Жень-Шень.

358

(4) Борисову Троф. Михайловичу. 15) Арсеньевой Марг. Ник.

25 февраля. 9-я процедура и последняя.

Филимонов зарвался: Шумяцкий понял так, что ЦК обращается к Пришвину дать природу на фильм, а за дело берется сценарист средней руки. Мне Литвинов понра-вился. Я решил сделать опыт и отложить тему дороги. За 2У2 месяца (1/2 июня) вещь должна быть окончена.

Загеркнуто: Либретто: «Природа» и враг (японец): первое и наверху и у меня, второе лишь наверху.

27 февраля. В 1 ч. д. предстоит разговор с Шумяцким и потом с Литвиновым. 1) Отстранение Филимонова: я бу-ду сам: выйду из своей работы, поеду на съемку, словом, до конца работаю (арт. подготовка к «сумме»). 2) Фильм посвящен природе и охоте Приморья Уссур. края, вклю-чая в обстановку действия и чувство близости врага. 3) Ис-ходным материалом для сценария берется сочинение автора «Новая Даурия» и «Корень жизни». Историч. об-рамление: война 1905 г. – строит. 1934 г. Приписка: 29 20 + 29 = 49 л. 4) Режиссер Литвинов 5) Технический кон-сультант 6) 1-го Марта Литвинов у меня с консультантом.

Тема.

Природа южно-уссурийского края в историческом об-рамлении войны 1905 г. и тревоги на границе с Маньчжу-рией в последнее время.

Внутренний план: жизнетворчество в образе корня жизни Жень-Шень.

Более широкий план: напряженный ход строительст-ва, передаваемый изображением пантового хозяйства от 1-го пойманного дикого оленя кончая современной науч-но-опытн. станцией.

Еще более широкий план: природа приморского края как условие строительства, враги и друзья пантового хо-зяйства: тигр, барс, красный волк.

Обрамление: Тигровая сопка во Владивостоке.

359

1 ч. дня. Сговорились: Шумяцкий, Орликова, Литви-нов: 3-го Марта окончательный договор с директором. Над Литвиновым тяготеет подозрение в документализме (или натурализм, а надо реализм). Каганович будто бы сказал, что нам в кино надо дать кусок земли, которую «сов. гражданин должен любить и за нее стоять и пока-зять ее иностранцам не стыдно». Как раз тут вот и есть мое Приморье. «В общем» только сейчас понимаю, что за-каз ЦК мне фильма есть событие.

1Марта. Разбирая с Пястом Бальмонта, я вспомнил из Белого («Начало века») о том, как Брюсов, оскорблен-ный, побил Бальмонта и как на другой день Бальмонт пришел к Брюсову: «добр!» – сказал о нем Брюсов Бело-му. Так вот и я сказал Пясту теперь: «он – добрый». Пяст принялся хохотать, удивленный, что на Бальмонта можно смотреть с этой стороны. И вообще качество «добрый» ныне выцвело, как, бывает, красный флаг становится от времени белым: добрый теперь почти значит слабый.

Вчера в лесу встретился человек с рыночной корзинкой и остановил меня: – Я, – сказал он, – целый год искал встретиться с Пришвиным: правда, что вы сказали, что от нас, от черни, от простого народа одна лунь останется? Позвольте, гражданин Пришвин, ведь я тоже защищал планету: у меня и бок, и нога болят от войны. Мне гово-рят: «твоя война империалистическая», а я им отвечаю: это все равно, человек идет на войну не по своей воле, все равно я планету защищал, получил рану, и на вот: одна лунь. А как верно вы сказали, будто вырезано: останется одна лунь.

Наполях: Я за планету воевал

Обсуждали с Любой разделение людей нашего време-ни на бесчувственных (строителей) и терпящих: нужда бесконечная! Дальше и дальше отходит «народ», глуше и глуше жалобы, все это замирает вдали... Спасайся сам! Всякий слабый за твою доброту ужалит.

Экспозиция: Тигровая сопка от тигра до апофеоза труда.

360

Действ, лица

Сапер-химик 20–45 л. Илья Астахов (с Арсеньева) Невеста – женщина превращается в Хуа-лу – олень-цветок

Лувен – искатель корня жизни Шесть маньчжуров

Пациенты Лувена: разные народности Дальнего Вос-тока.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
2 Марта. Вчера вечером у Бострема поднялась тема о жизни на лезвии между луною и планерами: если с луною, то проваливаешься в прошлое, если с планерами, то теряется то высшее чувство мира как целого с конечным своим заключением: «да будет воля Твоя!» И так вот жи-вешь на острие, как акробат, по чувству утраты, пустоте догадываешься, что клонишься в сторону дельцов, или, наоборот, поднимается сочувствие к безвинно терпящему человеку с гневным протестом вплоть до готовности к кон-цу и возмездию... если взять анализ чувства, возникающе-го при управлении машиной и работе на огороде, да будет воля моя и да будет воля Твоя, то это как раз и выразит нынешнюю антиномию.

Вопль земли достигает все-таки верхов, и одним из от-ветов на это, вероятно, и есть попытка расширить темати-ку литературы включением «природы».

3 Марта. Лорх Александр Георг. Улица Новослобод-ская, д. 31, к. 24.

Агроном-картофельник: приходил за со-ветом ко мне как к автору лучшей книги по картофелю, написанной 30 лет тому назад; почему радио, аэроплан за это время выдумали и еще больше – государственный ме-ханизм советского строя, но книга моя по картофелю так и осталась единственной?

Вчера был Литвинов с помощником и репетировали роль мою на сегодня. Я выступаю как путешественник: сколько времени исследовать, столько же и собираться. Через две недели – черновой сценарий, а они: – органи-зованная группа во главе с человеком, который будет сно-ситься со мной.

361

Мой метод работы: сценарий должен быть произведе-нием словесного искусства, но не шпаргалкой для режис-сера. Я работаю с режиссером и труппой, начиная от этого заседания кончая постановкой.

Приписка: Арсеньева Марг. Ник. Владивост., Федоровская, 7, кв. 4.

Дело с кино покончено: я в седле. Пункт б) параграфа 1-го договора принимаю как свидетельство историческо-го поворота в отношении искусства: «...показ без нарочи-той предвзятости и голой агитационности; идейность произведения должна вытекать из его внутренних худож. свойств». Ефр. Павл., услышав это, ахнула и сказала: – Вот бы так и во всем: кому нужно мученье людей в этих ма-леньких колхозах? пусть бы остались большие и образцо-вые, а маленькие жили бы как знают, и у них от большого само бы по себе все переменялось к лучшему. Да верно раз у вас наверху перемена, это и до них дойдет.

Разговор с Шумяцким о кинозайцах и многолетней борьбе с ними за идейность фильма.

Первый зевок на представлении.

Сюжет для рассказа: девочка, выросшая в городе, услы-хала в граммофоне пластинку, в которой между прочим поет канарейка; услышав канарейку, городская девочка, зная, что всякий раз перед пением в граммофоне заводит-ся пружина, спросила: – А кто птичку завел?

Видел, как маленькие дети на улице смотрели на солн-це, под которым ветер нес облака: детям казалось, что солнце мчится и то ныряет в летнее уже, кучевое облако, то вырвется и летит по голубому. Дети заметили даже, что облако это новое, не как зимой, и восхищенно смотрели на небо и обсуждали все вместе. По-видимому, людей мучить можно сколько угодно: поэзия остается в детях, в зародышах...

Приступая к мысли о чем-нибудь серьезном, нам те-перь необходимо, как при запоре, касторку принять: осво-бодиться от «незыблемых» начал, усвоенных в либераль-но гуманное время.

362

4 Марта. Удачно начал переделку повести в сценарий. Оставить для решения вопрос: верно ли, что всякую дра-матургическую вещь лучше всего написать как чисто ли-тературно-художественный жанр (повесть, рассказ, по-эму), и уже после создания этого найти драматургическое ядро и дать сценическое оформление?

Конец думаю вывести к пониманию зрителем в строи-тельстве оленьей фермы всего нашего строительства с до-гадкой, что Япония находится близко. И закончить над-писью: «Ни пяди чужой земли не берем и своей не отдадим ни вершка».

Вечером Петя приехал.

5 Марта. Разряжали, заводя, Машку и накатывали: 30 килом. Чувство тревоги всегда сопровождает шофера, а если она его оставляет, то скоро бывает авария... Вообще скоро перейдешь к деловым поездкам...

Пристрелка маузера: постоян. мушка на 70 мет., тогда на 100 шагов бить полной мушкой под цель (испытать), на 70 шагов – 50 – 30 мелкой мушкой под цель...

Работа над сценарием: человек вынужден оставить свою родину и создать новую. (Новая родина).

Как бы ни старался вести себя человек, все равно дру-гому человеку остается от него такое, чего он сам не знает в себе, потому что не в состоянии посмотреть холодно на себя со стороны. Он только может узнавать это, расспра-шивая, и вести

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
себя потом, считаясь с этим, но обо всем ему никогда не узнать, и всегда, может быть, явится такой человек, который в нем увидит такое, чего никто не видел. Надо жить, помня всегда об этом «всевидящем» глазе.

6 Марта. К лыжам липнет снег, лисицу нельзя обло-жить. Продвигаю 1-й акт. Читаю сценарий «Крестьяне» про колхоз и свиней: нет языка, нет воздуха, но зато мно-го страшной правды.

7 Марта. Утром закончил 1-й акт. Знаю, что напишу хорошо, но сказочно, оагеркнуто: слишком поэтично

363

и тонко: возможно, что выйдет не ко двору и лучше зара-нее быть готовым к провалу. Но работается чудесно.

После работы три часа бродил в снегах на солнце. Ве-чером намечиваю второй акт: любовь.

8 Марта. Пасмурно. Теплеет.

Второй акт набросал. От левы: соглашаются на 20: пусть бы и соглашался, а то ведь медведь не убит. Важное известие: Авербаха бахнули! Вечером был у Григорьева: какой умный человек и живет впустую! Узнал, что Семаш-ко засел в «Детгиз». Замечательная статья Бухарина о со-временных идеях Запада и проч.: ни дать, ни взять то, о чем говорит «беспредметник».

До поездки к Дуничке: 9,10,11,12,13 = 5 дней; хорошо бы за эти дни начерно сшить весь сценарий.

9 Марта. Пасмурно, весенеет.

Работа над 3-им актом. Писатель над чем думает, то са-мое он и есть на то время, пока пишет, а кто он, когда не пишет, что остается в нем вне воображения, в этом его обыкновенно не судят (разговор с Пястом: Бальмонт до-брый – смешно; тут улыбка снисходительная, но есть пакостники, – в этом остатке обывателя в художнике производят раскопки и судят как обывателей: Вересаев Пушкина).

Незнакомка и обновки (с вещью переживаешь то же самое, что с человеком: оагеркнуто: вещь невеста, вещь жена: живешь и живешь; вещь прожила долго и стала лю-бимая старая вещь.

10 Марта. Постепенно становится все мягче и мягче. Бострем высказал интересную мысль (не знаю только, его ли собственная), которая не раз и мне приходила в голову: это, если я для своей книги беру материалы из природы, то критику моя книга должна быть как сама природа, и чтобы о ней верно сказать, он должен стать к ней в такое же отношение, как я был к природе.

Литературный сценарий не должен быть протоколом нумерованных кусков фильма: это худож. произведение,

364

но в то же время должен содержать в себе возможность для [режиссера] дать себя легко разобрать на сценарные куски.

11 Марта. Всю ночь не спал: подвело «дитя природы» (держится умненько, но как только забудется и переста-нет держаться, Господи веси! – куда понесет?)

Цена разума определяется в соотношении его с други-ми рабочими силами организма, вот как в автомобиле венчающий его движение разум шофера – и никак не больше, никак не сам по себе. Нет разума без дела, как все равно «вера без дел мертва». Deus ex machine стало не парадоксом, а действительно ведь появился: одно то, что в Москве погибает и уродует-ся в день около 300 человек от машины: deus e. т. стал трагическим лицом.

«Вторая природа» (то, что раньше было deus ex machi-не): [теперь] намечается некое преодоление Deus'a путем всеобщего воспитывающего детей восторга перед героя-ми воздуха, льдов и т. п.

К этому: «заводная птичка» и противопоставление смерти толстовского крестьянина и героя стратосферы.

Deus ex machine в настоящее время должен быть рас-крыт как личность: изучение машины.

Котынский (Военное, общ.) 4. 71. 28 (от 11 до 4)
(ул. Белинского)

12 [Марта] – были у нас Реформатские, фаворский, Кожевниковы.

16 Марта. 14-го ездили с Павловной поздравлять Ду-нечку (1-е Марта), к нам присоединились в Москве Лева, Галина, Андрюша. (У Игнатовых. Соф. Яков, плоха). Было очень хорошо. Уговорились съехаться у нас 12-го.

Погода раскисла, автомобили обдают с ног до головы. Вечером были у меня Литвинов и Калик: «не ожидали».

Думаю, что надо оведьмить женщину («Бурундук») и добыть жену. Лувена овосточить, маньчжуров превра-

365

тить в хунзузов. Изобразить Тайфун (взять в ремарки: как рушатся скалы и проч.). Подумать о титрах.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

На машине, если ей самому управлять...

На машине летишь в час сто километров, но если сам управляешь, то оагеркнуто: не только сохраняешь в себе весь труд пешехода расходуешь...

Пусть летит автомобиль по 100 километров в час, а пе-шеход идет только пять-шесть: от этой скорости шоферу не только не легче, чем пешеходу, но еще много труднее. Сравнительно во столько же раз, во сколько скорость воз-растает, расходуется энергия человека сравнительно с пе-шеходом.

17 [Марта]. В 9 у. заложил «Машку», провез Павлов-ну до Зверосовхоза и вернулся около 12 д. с Петей.

Среди дня было + 10°. Утро – сильный туман. К обеду солнце. К вечеру мелкий дождик. Наклюнул месяц, ти-хонечко где-то, очень несмело для самого близкого друга журчит вода, а какое нежное небо и звезды... все старое лучшее, оказалось, живет со мной, и я думаю: именно вот в этом и есть смысл жизни, чтобы летающий 300 км. в час человек сохранил в себе весь опыт пешехода и это да: ве-душый летчик сохраняет, и весь вопрос в пассажире; и так же машинист должен содержать в себе пахаря...

На полях:

конструктивизм моя жизнь... кино

О конструктивизме. Мы все понимаем и чувствуем это на каждом шагу, что всякая форма рождается, и даже не-пременно рождается она в труде, в туге и прямо в мучени-ях. Мы тоже знаем, что форму можно заимствовать и обле-кать в нее любое содержание. Мы еще знаем, что подобный «формализм» или конструктивизм является вреднейшим суррогатом творчества, известным под названием «халту-ра», что халтурщики – это не только воры, а еще и воры с претензией на творцов. И все-таки, зная это, мы стре-мимся все больше и больше «открывать» методы творче-ства и давать их в руки вора.

366

Вчера с приезда продрал акт строительства и прозы в одиночестве.

Явилась необходимость в появлении другой женщины Арсеньева, «жены», и вот вопрос: явить ее посредством кораблекрушения или естественно из той же самой жиз-ни?

18 [Марта]. Дождь.

Решено взять жену Арсеньеву из будней, а не из моря (Хуа-лу пусть повадится к стогу ходить, а она смекнет и ему скажет: она его любила раньше).

Пошлость, испугавшая Гоголя, возможна при некото-рой сытости и застое. У нас при голоде и движении зло не является в форме пошлости, а в ненависти людей друг к другу в борьбе за существование.

19 [Марта]. Туман и дождь продолжается. Снег осе-дает, дорога совершенно темная и мокрая, но воды еще нет и нет грачей. Забота о месте для Машки.

Сегодня закончил предпоследнюю главу «Хуа-лу», от-лично слепив жену для Арсеньева. Остается заключение. После того отделяю в мелочах и переписываю. Оста-нется время, сделаю фото.

20 [Марта]. Серо, тает, ночью был дождь. Отправляю завтра заказное Разумнику и Коноплянцеву. Кроме того, Разумнику «Жень-Шень», помечено 21-м.

21 [Марта]. Туман утренний с обещанием солнца. Та-ет. Под снегом вода, и снег стал зернистый. Грачи везде (массовый прилет).

Вредный человек все равно как клоп: его не раздавишь, пока он не напьется крови; можно сказать, что на этом оглупении сытого врага зиждется возможность нашей ве-ры и надежды на лучшее. В наше время предупредитель-ные меры невозможны, и оттого при появлении вредителя приходится ждать, пока он достаточно навредит и будет обнаружен, а сколько это стоит? на этом, вероятно, и наш голод стоит...

367

Если брать жизнь по статьям: то, другое в отдельности, то достижения наши, как это пишут в газетах, безмерны. Но если взять совокупность условий жизни, отношений между людьми однородными и разнопоставленными, т. е. тот качественный синтез жизни, называемый бытом, то жизнь эта из года в год падает. Взять хотя бы для первого примера почту в Загорске...

22 Марта. Утро. Точно то же, что и вчера: ничтожный мороз, недостаточный, чтобы заморозить воду в канаве, и стерегущий туман, – обеспечивающий днем таяние при + 3–4°.

Острия фашизма и большевизма сходятся друг против друга в семье: это ведь семья создает «органического» ра-ботника жизни, соединяющего в себе небо и землю, ново-го человека и древнего, внука и деда в сказке; напротив, в большевизме создается общественный человек, подне-бесный герой стратосферы (вот откуда надо брать объяс-нение, почему жизнь процветает лишь на новостройках и прогрессивно падает в обыкновенной «провинции»).

23 [Марта]. Такое удивительно ровное, незаметно нарастающее движение весны: день в день смотрится как в зеркале: самый легкий утренник в тумане, и в полдень до

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
вечера тает. Снег стал крупитчатый и под ним вода.
Машиной надо уметь управлять, все равно если это и машина есть государство.
Человеку надо чувствовать себя в отношении машины человеком, повелителем.
Вот вопрос: нужно ли проникаться техникой кино, чтобы им овладеть, или,
напротив, подойти к кино при-близительно как к типографии... Сейчас со сценарием
«Хуа-лу» я подхожу как к типографии: ведь я почти не бывал в кино. Параллельно
этому хорошо бы взять [кинокаме-ру] и набрать такого материалу, который бы сам
собой определил и сюжет, и тему.
Занят окончательной отделкой сценария: остается три-четыре дня (начал 4-го
Марта). Сценарий как будто очень
368

хороший, но в нем один лишь недостаток: фильм полу-читается ниже книги: это не
творчество, а приспособление к кино. Возможно ли кинотворчество, т. е. начало
дела и конец его исключительно средствами кино и для кино.
24 Марта. Вчера вечером проливной дождь и потом снег: утром сегодня все белое и
опять течет, грязь... Дела-ют мост для выезда Машки. Делаю фото для сценария.
В сберкассах пахнет советскими деньгами: только в советское время в
сберкассах стало пахнуть деньгами.
В прежнее время я был много богаче: ведь 800 р. за лист получал! но тогда было в
магазинах так много всего, что я как покупатель представлял из себя ничтожество;
теперь, наоборот, я не деньги ищу, а вещей: в любом мага-зине ведь я все могу
купить и хожу как человек всемогу-щий: как все относительно.
О границе сознания: есть граница сознания, за которой все как «за границей»,
если думать о том, что вне себя и навязано средой, и есть граница сознания, если
смот-реть внутрь себя: слишком далеко и не достанешь туда... В наше время
действия масс определяются сознанием из «за границы».

От автора.
В тексте сценария приведены снимки, рассматривая которые, читатель может
убедиться, что они являются первообразами всего сценария.
Этот рассказ для киносцены «Хуа-лу» является не про-стой переработкой повести
«Жень-Шень (Корень жиз-ни)». Эта же повесть была создана на основе материалов,
добытых на Дал. Вост. главным образом посредством фо-тоснимков, сделанных руками
автора. Работа над сцена-рием заключалась не оагеркнуто: столько в обыкновен-ной
переделке литературного произведения в сценическое, а скорее в переделке как в
возвращении автора к перво-образам, возникшим на основе фотоснимков.
Считая отличительной особенностью кинематографа как искусства его специфическую
правдивость, автор счи-тает не лишним привести в сценарии некоторые из его
369

фотоснимков, сыгравших определенно роль первообра-зов как повести «Жень-Шень»,
так и сценария «Хуа-Лу».

Крестьянин хороший сам не ест сахар, а дает поросен-ку: в этом доблесть,
непонятная горожанину.

25 [Марта]. Продолжаю думать о вреде «открытий» методов творчества для всех:
открывается путь жуликам, между тем как подлинный творец идет по неоткрытым
путям. «Открытие» тем хорошо, что истинно творческие натуры побуждает искать
новых путей.

Не оставлять мысль о «новой семье» (против фашиз-ма). Пока что... можно
опираться на «естество» (напр., если захотеть, то как легко можно жить
убийством, но почему-то убийство сравнительно очень редко: человек по при-родной
сущности своей держится за жизнь и предпочита-ет лучше рожать, чем убивать:
«добро перемогает зло»; и так мало-помалу создадутся новые формы).

Все, о чем плачет современный человек, – это род с его «счастьем» и родственным
вниманием.

Стол немножечко высок, стул низок – руку ломит, но ничего, как-нибудь отсижу,
как-нибудь напишу, и так все, как-нибудь прожить, лишь бы поспеть к сроку, а
после срока встает еще срок, и опять «как-нибудь доживу»... и так вся жизнь
остается в тетрадках и книгах.

27 Марта. Закончен сценарий «Хуа-лу». Работа была с 4-го Марта: $27 - 4 = 23$ –
два дня гулевых = 21 день, т. е. 3 недели. Судьба сценария зависит от «счастья»:
как по-кажется начальству: я сделал, что мог. Но если бы это была даже блестящая
вещь для сцены, все равно она не прибавляет мне ничего в смысле творчества и не
дает ни малейшего удовлетворения, потому что все-таки она ху-же, чем вещь, из
которой я ее переделал. И если ехать на Дальний Восток, то надо взять
[кинокамеру] или ту же лейку, но снимать, имея в виду пьесу, чтобы пьеса
возни-кала непосредственно из фото.

370

Длинный и толстенький заспорили между собой, кто у них старший, кто большой.
Длинный стал хвалиться: я длинный, мне дальше видно: я и большой. Толстый,

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
ве-сельный человек, ответил длинному: если бы твоя правда была, то на руке средний палец назывался большим, а этого нет: самый длинный палец на руке называется средним, а самый коротенький и толстый, как я, большим.

31 Марта. Переменилось сегодня утром движение весны медленное в тумане с деньками серыми до + 5°, гля-дящими, как в зеркало, один в другой (весь март!). Север-ный ветер и при солнце днем – 3.

Воспользовался морозом и вывел Машку к воротам.

Бострем («интуит») и академик (логик) – два типа со-временности (очень ярко: помнить, наблюдать, развивать). «Интуит» жалок, если он не оседлал, не едет на черте (на-пр., Фаворский тоже интуит, но он не жалок). Жалок он в тот момент, когда проявляет претензию на влияние по-мимо сотворения вещей (старое мое: собачка против па-ровоза = интуит против логика = сказать ничего нельзя). Консерватор стремится удержать то, что имеет, рево-люционер создать новое. Москва в 6 у. Только что рассвело. Старуха в тулупе у ворот спит на стуле. Иду посередине улицы (нет машин). Светофоры темны. По сторонам собираются

кучками какие-то постоянные, местные гнездовые люди, дворники и всякие домовники, метут... Грузовик тянет на веревке 1 нрзб., осыпанного известкой... Начало движения: Машка, вся раздушенная бензином и маслом, вымытая, вылощенная, упругая, про-мчалась одна, подавая сигналы, и пошло, и пошло.

Вечер: дети с улицы в подвалах робко кричат: нас поко-лотили!

Март[кин], ж. д. служащий, идет со мной до вокзала и рассказывает о причинах отсталости транспорта: чело-век обижен, голова у него кружится – вот вся причина, и как все хуже и хуже из года в год, из месяца в месяц: вот

371

выдавали по 4 селедки – теперь ничего, постного масла и т. д., и т. д.! Пришли к новому вокзалу: – вот тебе дости-жение! – «Старый вокзал был лучше и не меньше: в нем только что квартиры – из-за квартир нескольким служа-щим все достижение?» И так, живет обыватель, непри-знанное существо в СССР – нечто вроде лиценца жизни (праволишенцы и жизнелишенцы): ударники (герои) и обыватели, и так тоже города и оагеркнуто: даже об[ла-сти]... скоро возникнет понятие «советского обывателя», как возникли советский патриот и др.

«Хуа-лу» в переписке. Завтра 1-го поправляю и пере-даю начальству. Верю, что сценарий превосходный, но знаю, что это ниже много моей книги.

Видел «Петербургскую ночь» Рошала: этот психологизм мне напоминает фотографию, залезающую в живопись: портрет – под Рембрандта, пейзаж под Левитана, – так точно жалко кино озвученное, залезающее в психологию Достоевского. Все и так, и не так: что-[то] вроде иллюст-раций, существующих лишь потому, что существует основ-ная вещь. Даже придумка такая удивительная, как связь через песню музыканта-творца с каторжниками: все это дается, воспринимается как напоминание о народн[иках], но не народн[ики]...

Надо в кино, как и в фотографии, пользоваться их соб-ственными средствами... И если там в этих ресурсах нет идей, то пусть лучше будет кино без идей, как американ-ские фильмы, чем идеи эти будут доставаться из литера-туры. Исходить кино должно от документа...

...массовому человеку очень хочется сняться, чтобы увидеть себя самого, не кого-нибудь, а себя самого. Фото-граф тоже хочет снять жизнь и увидеть ее, жизнь, как она есть: самую жизнь; и мы, когда видим хороший снимок, радуемся ему, принимая тоже за самую жизнь. На самом деле обманывается массовый человек, что на карточке увидел себя самого: он увидел от себя самого очень малое, при дальнейшем своем развитии он захочет иметь порт-

372

рет, сделанный художником; так точно и мы скоро тоже отходим от обмана, что жизнь, даваемая фотографом, есть «самая» жизнь... Мы от фотографического переходим к более глубокому глазу и доходим до внутреннего...

Художник оставляет на материале след своей личнос-ти, чем больше он вложил себя в материал, тем и материал должен быть живей; но на известной границе...

фотография есть голос самого материала, это счет ма-териала, предъявленный художнику (а то ведь художник, забыв о первоначальном материале, может взять себя как материал и говорить о себе); снимок – это документ мате-риала...

25 Марта. Продолжаю думать о вреде «открытий» методов творчества для всех: открывается путь жуликам, между тем как подлинный творец идет по неоткрытым путям. «Открытие» тем хорошо, что истинно творческие природы побуждает искать новых путей.

3 Апреля. (Страстная).

Утренники. Днем при солнце тает. Определилось, что благодаря постепенному таянию в марте, несмотря на обилие снега, вода полая небольшая и даже вовсе не было разлива.

1-го Апреля сдал сценарий. Получу ответ 7-го. Не могу представить себе, чтобы

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru мне отказали, до того все счастливо сходится в моей работе. Я думаю, что основной признак пьесы для кино должен быть тот, что эта пьеса может быть исполнена только средствами кинематографии. С этой стороны ни «Гроза», ни «Петербургская ночь» не выдерживают критики («Гроза» просто опера даже).

Почему пьеса «Гроза» в кино как бы сплющивается? Сознание поглощается, пожирается зрением, не остается места домыслам, этическому раздумию: женщина бросается в воду, и человек выходит из кино просто подавленный. И так все: вышел, и все кончено.

373

Задача 1-я: изучить, верней, вызнать изобразительные средства кино как такового и 2-я: возможности создания сценария без посредства литературы, потому что переделка с литературной всегда понижает вещь.

4 [Апреля]. При утреннике загорелся денек, вот какой день прекраснейший! Рад, что покончил с рассказом для кино, и как ни думаю, не могу найти в нем такого уязвимого места, чтобы можно было опасаться. По всей вероятности, возьмут, и начнет моя тетрадка обрастать, и сколько всего навернется, какой это вырастет ком!

Смотрю на пьесы в кино и впервые понимаю высокое достоинство драматического театра, его человечность: похоже на то, как, глядя на аэроплан, начинаешь понимать впервые прелесть птичьего полета, птичьего пера. И вот бы где, в пьесе для театра, показать бы свою проникновенность в природу. Так вот у Шекспира в «Ромео» утро, когда влюбленные слышат пение птицы, и одному кажется, будто это поет соловей, ночная птица, и значит, можно еще вместе побыть, а другому – что это утренний жаворонок и надо спешить расставаться. Вот бы так, на таких сценах построить всю пьесу.

Иногда я думаю, что мои успехи на старости лет в литературе в советское-то время, когда все против тебя, объясняются сторонами моей личности, с точки зрения культурного человека отрицательными. Я помню, в Клинском земстве агроном составил обо мне свое мнение по виду и по диплому как о человеке культурном, но однажды, взглядевшись в меня, понял, что я тоже, как и они все, «шпана». В советское время меня тоже принимают за чужого, культурного человека, и злы на меня и почтительны и тешатся тем, что вот и «графа» или «князя» буржуазной литературы они используют, не подозревая, что я-то и есть настоящая русская шпана.

Долго мы с Шумяцким согласно нападали на современных выскочек в литературе, и когда я сказал, что на-

374

стоящих талантов вообще чрезвычайно мало, он вдруг в том же согласном тоне ответил: – Даже если считать, что специалист как человек с флюсом, то ведь тоже, как редко встречаешь человека с флюсом. Это очень типично для большевика: попадет ему «флюс» и пойдет, и пойдет. Между тем явно же, что именно они, политики-марксисты – лица с флюсами, а не мы.

Надо продолжать наблюдение над «новой дорогой».

Надо начать особую тетрадку «прошлое», в которой время от времени обращаться к себе и понимать свою жизнь как дерева: в таком-то году, напр., начала расти его большая ветвь и т. д.

«Нимфа»: это «незнакомка» прежде всего: своя жена, да на чужом огороде и то слаще... – вот где корень искусства: неизведанность; она, конечно, не дух, а между тем и не телесна, как будто тело ее иное, чем наше, легкое, летящее: это эрос, но не пол. Эрос может осуществляться вне пола, и пол тоже – вне эроса. У достойных, однако, пол осуществляется в эросе... Нимфа – это образ сочетания пола и эроса: она является как испытание, в счастливых случаях обращается в «музу», в несчастных – в проститутку.

Есть некий страх перед возможностью обнаружить моральную нечуткость, свою лишенность понимания высшей жизни, которая пройдет мимо тебя, и ты без нее обойдешься, как будто ничего и не было (у Чехова рассказ о замечательном докторе и его жене). Есть оторопь в неожиданно, врасплох берущих тебя моральных положениях, как будто всем настоящим людям давно известных, а тебе в первый раз. Вот напр., можно ли всерьез говорить о черте, как у Гоголя в «Ночь перед Рождеством», что черта захватить силой божественного начала и заставить его служить тебе, и ты чтобы не утратил себя от такого прикосновения с чертом (Б. сказал, что это «демонизм», но, по-моему, демонизм – это обратно, когда черт едет на тебе, а не ты на черте).

375

Есть страх сорваться на элементарных вещах... У матери моей был этот страх и беспомощность перед чем-то высшим твоего понимания, но другим известным (какая-то ненаходчивость... заминка... и стыд до покраснения...). Но это

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru гарантирует новое выражение старого, если взяться всерьез. Так вот: если машина черт, то Б. бежит от него в натур, хозяйство, а Н. пытается овладеть чертом и на нем достать черевички царицы. Все это разрастается в со-временный вопрос... Нельзя спросить – справиться у другого, потому что там встретишь или «находчивость» и тем себя углупишь, или догму, связывающую тебя по рукам: ты должен сам пережить то, что деды пережили и внуки знают (находчивы). Большевизм и фашизм в отношении к семье, – вот куда надо смотреть, чтобы лучше понять. У нас решение этого вопроса такое: «семья при всем прочем будет существовать естественно»: этический центр будет перенесен из семьи в общественную жизнь.

6 Апреля. Люди жить хотят, – дайте им жить!

Вчера по раннему утру – 10 мороза, а днем + 5.

Роскошная прогулка в Зубачево (вчера) по насту: лес завален снегом: лесоснег, зайцеслед: глухомань, лисослед, тетерок на снегу: зайцеслед у ручья, ручепесня из-под снега; тресколед; маткотетерев... солнпевоздух на морозе. Многозапах на морозе: резеда, левкой...

Лавров о безвыходности выходного дня: безвыходные выходные дни: все та же обстановка, те же условия: а раньше музыка в церкви; я сказал, что нам, охотникам, есть выход: а вот Лева: ему выход в шайке: шайкочувство и пан-чувство: посади Леву одного в деревню!

Ручепесня и внезапный угрожающий тресколед. Слушал и думал о кино: почему-то кажется такой нелепостью звуко съемка при сопоставлении с музыкой, – только представить себе звуковой снимок – как материал, кусками связанный в симфонию; между тем на фотоснимках зиж-дется фильм. Почему?

376

– Я думаю правильно, а выходит в иной оценке, и от этого в другой раз страшно подумать и потом начать от себя (вдруг выйдет не так), и вот человек, боясь сам себя, глядит на других и поступает с уверенностью как все.

Отвез Петю в Пушкино. Чудесное «сорочье царство». Поля все пестрые и местами уже и черные, но в лесу глубокий снег. Это случилось от солнца, греющего в середине дня очень горячо поля, но не проникающего в леса. Весна теперь определилась: первая половина (март) про-шла в теплом тумане, и вода незаметно сбегала, а вторая половина проходит при сильных утренниках до – 10°: гре-ет только днем, и значит, тоже таяние очень постепенное. Так все вместе это и не дало разгуляться водяному хозя-ину.

Вечером, когда мы зажгли фары, в лучах света нам два раза попались белые ночные бабочки: с этого и началась весна. Никогда раньше я не замечал так рано ночных ба-бочек, заметил благодаря машине.

Лева привез известие, что сценарий в ЦК принят к по-становке. Это свидетельствует не о достоинствах сцена-рия, а скорее о недостатках кино и в то же время смелых и решительных исканиях правительства в этой области.

7 [Апреля] (25 [Марта]). Благовещенье. По-прежнему морозно-солнечное утро и после таяние снега на полях.

Был в Москве. Подтвердилось принятие сценария. И в то же время гаснет желание дальше работать... Вече-ром слевой и Галиной приехали домой: весь домик пах-нет куличами.

8 [Апреля] (26 [Марта]) Воскресенье (Пасха). Ночью не было мороза (0), утро серое. Видимо, насту-пают перемена.

Склоняюсь к мысли отправить Леву вместо себя. Вчера видел Кишкина, бывш. заключенного в Солов-ках, и узнал от него, что там теперь уже все переменялось, бандитов нет, а только изолятор политических. Прихожу к заключению, что поездка на север дала мне только воз-можность ремонта своих старых книг, но по существу, как Дальн. Вост., не дала ничего. И то же будет, если я поеду на Дальн. Вост.

Вечером были Б[остремы]. Разговор обычный: он – что нужно возвращаться к натуральному хозяйству, я – что надо оседлать черта (машину) и ехать на нем за чере-вичками.

Путь к кино – это путь от сложнейшего к простейше-му, но не из кинотехники, как у «гениальных режиссе-ров». Если я мог написать «Говорящий грач» и другие дет-ские рассказы, то, значит, я могу написать и сценарий.

Читаю Гоголя и думаю о смехе, что вот Гоголь смеется, а все ученики его уже смеяться не могут: А. Белый, Реми-зов, Мейерхольд и все, и это их всех ставит под вопрос. Мне кажется, новейшая литература тоже характерна от-сутствием смеха. Вещь может быть, конечно, талантливой и без юмора, но юмор есть признак таланта, и почти безо-шибочно можно сказать, что автор вещи смешной талант-ливый человек.

9 Апреля. Ночь прошла на нуле. Утром туман. В лесах завалено снегом. Видел в двух местах на дороге сброшен-ную человеком ветхую одежду: видно, что носил

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
человек эту дрянь только потому, что было холодно, и как только потеплело, бросил.

Ненависть родственная сына к отцу и всей среде, как у Островского в «Грозе», или в той же пьесе ненависть по-стороннего человека, так сказать, универсальная, боюсь сказать, пролетарская ненависть вообще, распространенная режиссером, между прочим, и на ту среду, которой писатель Островский касался диалектически: любя, ненавидел.

Островский хотел бы исправить эту среду, режиссер уже после гибели ее вбивает в могилу осиновый кол. От этого совсем не получается той драмы, которая нас волну-

ет в «Грозе». Получается картина мучений немножечко тронутой женщины с безвыходностью лирического чувства в ее потоплении. Публика уходит, не размышляя, как в драме, а подавленная или удовлетворенная жестоко-стью, которая вообще людям приятна и в китайском театре, напр., сознательно используется для наслаждения публики.

Из этого рождается вопрос: имеет ли право «гениальный режиссер» заноситься в творчестве зрелища, до полного забвения мотивов, которыми руководствовался писатель, создавая свою пьесу?

Формалисты, все зная в создаваемой ими вещи, в то же время не имеют для нее внутренней самооценки. Я это вывожу от Шкловского, который был уверен, что созданный им «Канал» очень хорош (Шумяцкий поздравлял меня с тем, что я там отсутствую: вышла столь ничтожная вещь!).

10 Апреля. Опять прихватил морозик, хотя и ничтожный, но все-таки не таяло. Лева привез Калика с ассистентом, и мы обсуждали мой сценарий. Узнал, что комиссия ЦК есть действительно сам ЦК и что, значит, постановка «Хуа-лу» дело конечное. Говорят, что такая скорость рассмотрения сценария беспримерна, что и не так-то легко дается положительное решение: забраковали сценарий Горького, забраковали два сценария Шкловского.

11 Апреля. Всю ночь мелкий дождик, прошел сквозь рассвет, остался на раннее утро, и вот уже сейчас утро большое, а он все моросит. Это решает переход во вторую половину весны.

Калик намекнул на поправки:

- 1) Подчеркнуть в строительстве Арсеньева социальное начало.
- 2) Придать строительству больше действия в деталях.
- 3) Времена года привести к единству.
- 4) Продлить роман Арсеньева с Маней.

379

На полях: О ругани и навозе и ст. газете

...боль от утраты и схождение с человеком: человек раскрывается...

С полдня после утреннего дождя начала понижаться температура, и к вечеру начали замерзать лужи при северном ветре: вот классический весенний обман!

На ночь приехала Зоя за алиментами и рассказывала о своих отношениях со студентами в вузе: это как в деревне, где каждый парень стремится похватать девушку (надо иметь большой ум, чтобы правильно располагать своей половой возможностью). Роман Пети с Зоей в литер, пла-не: тот и другая не той среды, но она, достигая сближения, снижается (сел на колени – потерпела, а в результате: случись что, – и заступится, и «дружба»), он же борется, не снижая своего достоинства, и берет трудом и талантом: в конце он создает среду, а она теряется в среде и удивляется, когда его усвоенная новая этика оказывается старой и бьет по ней же. Конечные причины: в его внутреннем родстве со средой... и в ее... (целый год мы с ней прожили и ни разу не поссорились: где она?)

12 [Апреля]. К утреннему чаю вышла Зоя, и после разговора у меня совсем переменилось о ней мнение: отталкиваясь от матери, она находит себе новую среду: еще началось в школе: она зарвалась, и тут 1-й удар = моему удару на Кавказе: я впервые понял, что надо жить про себя и не всегда высовываться и что надо пропускать; по этой лестнице мучительный спуск на дно, где люди тебя радостно встречают.

Мученье состоит не в абсолютном зле быта деревенского класса, а в том, что женщина другого класса должна пройти через рогатки этого «низшего» класса: гордая деревенская девушка просто даст парню по харе, если он попробует сесть к ней на колени, а интеллигентка должна терпеть, если сядет: тут потом боль, но в результате обретается среда.

Хорошие люди: Марья Ильинична вроде Клавдии Ива-новны или Пешковой. Булкин: это прекрасный человек,

380

но политик: из 6 условий Сталина он работает над тем, в котором рекомендуется перерабатывать интеллигенцию. «Еще вот я о ругатне скажу: если не прав пусть самый главный, его можно ругать, и после он: ну, милые, поедем сегодня навоз

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru возить. Когда начинаешь о своем говорить – смотрит в сторону». А вот еще: одеться нельзя: лисицу сняла и несет под мышкой, подготавливает беличью шубу (котиковую).

Приехали Лева с Петей, и мы ездили в Красную Сторожку на тягу: в лесу полная зимняя картина, снег по пояс! а в Пушкине как другая страна: снега нет и Петя уже трех вальдшнепов убил.

Против Краен. Сторожки живет Николай Васильевич Святухин, мастер по краскам. В этой избе, где живет он теперь, некогда поселился его отец: кончил юрид. факультет, а жил в лесу в избушке, огород имел и земли 20 десятин. Теперь огород зарос лесом: госфонд; а сын с 8 лет, потеряв отца, вот теперь живет в этой избе.

В Иудине у охотника Майорова продается за 200 р. собака Плакун (костромич). На полях: В Красной Сторожке – совхоз: огромный автокомбайн (У2 килом, без погинки и бензину пуды). Ехал – муж, жена, сын держали дрожащую лошадь, сзади корова. Машина проехала, сзади другая. Лошадь вырвалась: мать упала 1-й машине под заднее колесо, а колесо двухтонки с двумя тоннами груза проехало по голове, а сын застрял ногой в телегу и лошадь мчала его. Шофер не виноват: он даже не видел ведь заднего колеса. Виновата машина.

13 Апреля. Валит снег при – Г и так, что валом: зима зимой! Весь день снег.

Лева не сумел вовремя объяснить с Союзпечати, и мне предъявили иск в 4000 р. Я стал его упрекать, слово за словом и получился очередной истерический скандал точно такой, как было у мамы и Лиды. Лева хочет жить без труда, одной игрой, как ребенок, и оставаться честным: трудиться и хочет, но не может, плохо образован. Лидя трудилась весь день и ничего не производила.

381

14 Апреля, (стар. 1-е Апреля). С прошлой ночи и весь день, и эта вся ночь, и утро вторых суток валом валит снег под северным ветром при – 5°. Не всякую зиму даже бывает такая метель. Все завалено снегом, заморожено, занесены окна. Свет в комнате от свежего снега стал зимний, бело-синеватый, как от головы хорошего рафинада. Каждая крыша курится, свету не видно... Такая же метель и в моей душе. Я живу только в силу опыта всей своей жизни, что это проходит и радость возвращается.

На полях: человека не любит

Все думал и думал, какое основание в словах Е. П., – что будто бы я не люблю «человека». Я подал ей реплику: – Человека! что же, Ломакина прикажешь любить? – Нет, – говорит, – Ломакин – это масса, нельзя массу любить, а в человеке можно найти любимое. – И так я думал: «А разве все описанное мной в собаках, природе и людях не есть это самое "любимое" мной в человеке? Во всяком случае, – думал я, собирая свои "добрые дела", – они метель в моей душе. Я живу только в силу опыта всей своей жизни (что это проходит и радость возвращается) не хуже других уже по тому одному, что я им не придаю никакого значения и действительно не помню их».

Между тем без какого-нибудь основания Павловна тоже не скажет. Вчера при разговоре с Зоей узнал я, что Павловна спала на одной постели со своей бывшей невесткой, и тоже с Галиной, и что люди вообще, любя человека, спят с ним, муж с женой, друзья, товарищи. А я не могу спать даже с женой, я просто не засну, если рядом со мной спит человек. И вот это в тайном понимании Ефр. Павл. и дает основание ей заключить, что я не люблю человека: не добрые дела делать, не писать хорошо и влиять на жизнь, а надо спать с человеком... И вот это верно, а я брезгую всяким, значит, и не люблю. Спать вместе – это своего рода этика любви и ее корректив, без этого любовь к человеку есть «мечта».

На полях: плохая Мать...

382

Я сказал: – Мучение мое состоит в том, что я делаю большое мужское дело, а сердце мое чисто женское. – Вот это верно так верно! – ответила Павловна. И еще к этому я так думаю: вот этот отпечаток на женском сердце мужских дел с сопровождающей это печатание мукой и радостью делает меня писателем. И это же самоудовлетворение дает мне свободу на всяком месте быть «самим собой», и, может быть, именно это приводит к тому, что Е. П. понимает «нелюбовью к человеку». Павловна вчера представила мне, разбирая Зою как мать, деревенскую женщину старого времени, как она успевает среди огромной работы все сделать своему ребенку: во время жатвы и в избе, когда убирает или готовит обед. И рядом Зоя нечесаная, обмоченная, огаженная ребенком. А теперь без него как «богородица». Так вот эти две женщины: баба и «богородица» сошлись как свекровь и невестка: вот истинные враждебные «классы»... как два этапа всей мировой культуры от обезьяны до Дарвина. С точки зрения свекрови, любовь – это, как у животных, долг, а у невестки это музыка.

Надо помнить, что это «деревенское» как сила рода является и в городском

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
индивидууме: Антонина Васильевна Касьянова, молодая женщина, успевает служить в Торг-сине и ребенка хорошо обхаживает и дом для мужа в по-рядке.
17 [Апреля]. 17-го на тяге под Рогачевом: ветер, холод-но, а тянули. Я мазал.
18-[го] утром пробовали пробиться в Переславище, но застряли в Селкове. Вечером были на той же тяге: опять холодно, мертво. Петя убил одного. 20-го отвозил Петю в Пушкино: Павловна разбила нос, у меня «прострел».
Сколько уже времени тянется эта изморная весна, и не было еще ни одного утра теплого и ни одного вечера тако-го, как бывает: с пением всех зябликов, всех дроздов, с ко-ротким обещанием тетерева перед самой тьмой токовать непременно на утренней заре: «приходите, приходите, по-

383
слушайте!» и наступлением ночи с весенними звездами и сказочно-волнующим гуканьем сов.

Автомобильные фары там и тут открывали при въезде в город светящиеся зеленые точки на земле и повыше и еще повыше, это светились на земле глаза собак, на за-борах кошки и на крышах.

Злые шоферы грузовых машин, нажимая, загоняли в грязь.

Перекликнулись с далекой машиной светом и тьмой. Попали в колдобину.

Там, где зимой была «желтая опасность», теперь ока-залось, эти желтые кружки наверху были оттого, что вни-зу были выбоины в мостовой, и это влияло так на весь слой зимнего снега, что в этом более слабом месте полу-чалось и зимой углубление желтого цвета. Теперь эта желтая опасность превратилась в белую: каждая из этих ям была залита водой, скрывающей истинную глубину ямы. Мы попали в одну колдобину так, что Павловна взлетела вверх, как мячик, и разбила себе нос о перекла-дину кузова.

В Иудине Петя пошел к Майорову узнавать о собаке Плакуне, а я остался в машине. Приходит подвыпивший молодой парень и говорит, оглядывая машину: «Крокоди-лы! еб. в. м., взять бы за колесо да в канаву!» Между тем, недалеко отсюда, в Селкове, как рассказывали, что на ма-шине охотиться приезжал Ворошилов. Так что и сам Воро-шилов мог ясно услышать «крокодила». Езда на машине на охоту уничтожает в конец поэзию вольного странника-Звук мотора на второй скорости, как пчела жужжит. На хорошей дороге мотор поет победную героическую песню (штатная должность «героя»).

Та «масса», которая является как сопротивление лич-ности, и та среда, которую создает личность победным своим продвижением: Авербах валится на Пришвина как «масса» (и действительно он не один: РАПП), но за При-швина работает история. Так вот бы и Зоя, дочь полицей-ского: масса и Зоя, а туда, куда вклинилась Зоя, там побе-

384
да – и не прежняя Зоя, и не прежняя «масса»... Значит, создавая новое, мы должны переделать и личность (Зою), и среду («массу»).

Булкин – идеальный представитель генеральной ли-нии, но неправ в отношении к новому, к перемене: он кон-серватор революции... а ведь это в лучшем случае, а ниже все приспособленцы – бюрократы, жулики, действующие именем революции. Вот это и обманывает: кажется по чувству жизни, что такое должно отмереть, и это верно, оно отомрет, но ошибка, что оно не есть всё: скорее всего, оно есть эквивалент твоего же отмирающего прошлого, твоей собственной ограниченности. Так движется революция, вечно сбрасывая старые шкурки (Старые шкурки) и обнажая непобедимое зерно: сейчас же оно обрастает шкуркой, но тут же и разбивает-ся–в этом и есть революция...

Итак, 1) Зоя, девушка иного класса, обладает тем же, чем и девушка пролетарского класса: честь девушки, охра-няемая против «животности» массы.

2) Девушка деревенская, охраняющая себя ударом ку-лака по лицу.

А Зое это нельзя: за это ее разъясят, как...

3) Петя, презирующий все уступки и спасающий себя работой: он всех побивает делом: окончательный «реви-зор» ведь есть сотворенная вещь: это с мужской точки зрения; а с точки зрения Зои достижение среды: это моя среда: т. е. она так оценивает.

И вот у Зои: уступка – кровь.

21 Апреля. Всю зиму не был на охоте, все занимался учебой на автомобиле, чтобы весной выезжать на машине и охотиться в прекрасных, недоступных без машины мес-тах. Пришла весна недобрая. В холодный ветренный вечер 18-го Апреля выехал я на машине на тягу и в ожидании начала тяги сел на спиленное и почему-то не увезенное дерево. И эти полчаса, проведенные на сыром дереве¹, от-
1 Заболел от машины, когда утром после ночного мороза заво-дил ее неодетый. На охоте не простудился простудишься примега-ние М. М. Пришвина на полях.

385

няли у меня всю мою мечту ездить на машине в неизве-данные места и охотиться: на

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
другой день, 19-го, я почувствовал боль в пояснице, больше, больше и к вечеру кричал. 20-го доктор Кочерыгин установил начало ишиаса и предложил лечить его гомеопатией. Он говорит, что многие аллопаты теперь переходят на гомеопатию из-за недостатка лекарств.

– Попробуем! – сказал он, – я на вас поучусь. Решил попробовать и одновременно Леву направил

в Москву, чтобы после недельного лечения гомеопатией перейти на аллопатию. Сегодня, 21-го к вечеру прибыло лекарство, и я начинаю принимать.

21 – перед ужином № 1.

Приписка на полях: Заболел от машины, когда утром после ногного мороза заводил ее не одетый... на охоте не простудился.

Сегодня 21-го (нужно же так, чтобы именно когда я заболел) совершился перелом в природе: сегодня 1-й настоящий теплый день после ночи с теплым дождем, убравшим весь снег. Все прибрано, тепло, теперь бурно двинутся соки, надутся почки и будут золотиться сережки ореха и ольхи. Такое несчастье! а между тем я не плачу: я приучил себя давно к необходимости мучения и, когда оно пришло, переношу его, как будто делаю необходимое, неизбежное дело. Перенесу эту весну внутрь себя, и пусть у меня там где-то внутри развертываются мои собственные березы.

А. М. Коноплянцев восхищен «Жень-Шенем» и считает, что повесть войдет в мировую литературу. Я сам это думаю и стараюсь только не придавать этому большого значения, а то возомнишь о себе, и это будет мешать дальнейшим исканиям.

22 Апреля. Второй апрельский сияющий день.

– Если на пути моем препятствие, то я не должен чувствовать жалости и просто снять его, но если на стороне человек обижен, я ему помогу.

386

23 [Апреля]. Этот нарастающий месяц в первый день рождения тонким серпиком мы увидели с Галиной в Москве, когда вышли из дома навестить Анну Дмитриевну. Увидел я серпик с правого глаза. – И я с правого! – воскликнула Галина радостно, – только вот почему-то рожки вниз висят: это, говорят, нехорошо, к дурной погоде. – Но отличная погода: ночью легкий морозик, но солнце великое рано уничтожило все ночные следы, и какое чистое, голубое небо! Но я, увидевший месяц с правого глаза, сижу, прикованный к креслу, обложенный подушками и не знаю, когда этому будет конец.

В. Герасимова. Панцирь и Забрало. Это Чехов, исследующий ныне лишних людей среди партийцев и комсомольцев. Любимый тип: чересчур старается в общественной работе и тем вскрывает свое происхождение из другого класса.

Вчера я хотел пропустить одну мысль через сознание Ефр. Павл. Эта мысль была о том, что будет ли когда-нибудь лучшая жизнь людей на земле. Мысль поселилась во мне через письмо А[лексея] Максимовича, который о конце моей книги «Жень-Шень» – «вступаю в предрассветный час творчества новой, лучшей жизни людей на земле» – написал мне, что жизнь человека протекает в строго отмеренных пяти актах трагедии и что ничего лучшего в этом течении быть не может, а я пишу о лучшей жизни по Горькому. Вот я и думал об этом, что Горький до того изуродовал христианский оптимизм, пропустив его через науку, что о лучшем нельзя даже сказать, не возбуждая подозрения в услуженстве Горькому. Между тем в основе всякого творчества лежит стремление к лучшему (воплотить себя в лучшую, небывалую вещь: значит, в состав лучшего входит и реализация личности).

«Лучшее» – это выражение общего движения...

Вот я и спросил Е. П., будет ли лучше. – И уже сейчас заметно! – ответила она. И рассказала о прислугах, что Паша была на собрании прислуг, и делегатка из Москвы говорила им не как раньше против хозяек, а напротив, что хозяйек надо слушаться и не гулять по ночам: лучше дома

387

оставаться и чем-нибудь заниматься своим. И еще говорила о том, что каждая прислуга может принять участие в общественном деле, и если докажет способности, ей дадут стипендию в 60 р. в месяц на учебу.

Увидев свою племянницу Пашу в положении прислуги новой, Е. П. вдруг поняла «лучшее» и стала на сторону власти.

На полях: [советы] писателям (ходы)

Процесс шелушения во время революции: в ходе революции рождаются полезные мысли, их подхватывают и поручают осуществление лицам, охраняющим государственную линию партии. В дальнейшем рождаются новые мысли, перебивают старые, а люди, их охраняющие оагеркнуто: сидят и, значит, вредят; приписка: потому что мысли наверху текут быстрее, чем внизу. И если люди не движутся вслед за мыслями времени, они вредят. После того как вред этих людей обнаруживается, их отбрасывают вместе со старыми мыслями. Так был отброшен Авербах, Тройский, как шелуха, и так всюду все шелушится. В этом процессе шелушения отдельные люди,

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Сталин, Ворошилов, Горький, сидят и не меняются, как вот и я сам тоже на своем посту долго сижу, и все попытки сбросить меня не удаются...
В печи революции не до искусства, и те, кто гонит художников в печь революции, являются палачами искусства (это было миссией РАППа). Для государства искусство есть лишь один из приемов агитации, между тем искусство – это сами люди, сцепленные, слитые в одно, как капли в воде: искусство, как дождь из облака, падает на землю и течет рекой по земле в берегах: государство и занято этими берегами, но как земля и вода, косная и живая стихии не могут слиться в одно, быть одним и тем же, так не может слиться между собой искусство и государство. Так вот точно и общество с личностью должны быть в постоянной борьбе: личность всегда остается сама, и если она сливается с обществом, то, значит, она умирает.
25 Апреля. Ночью теплый дождь, утром солнце. Петя говорит, что лягушки урчат. Сегодня, наверно, запрыгали.

388

Ход моей болезни. 23-го на машине приехал Соловейчик, лысый, щупленький еврейчик-всезнайка, болтун. Однако его сила в том, что в курсе времени, он знает, что *lumbago* (прострел) лечат синей лампой, он посылает меня в Красный Крест. 24-го я еду в Красный Крест и через полчаса болезнь проходит. А кочерыгин живет в этом городе 30 лет и не знает, что в Кр. Кресте есть синяя лампа, и, проникнутый антипатией к новому, говорит, что в аптеках нет лекарств, и переходит от аллопатии к гомеопатии. Хороший человек, опытный врач и садится в калошу, а Соловейчик, пустой хвостун, невежда, вылечивает. И оказывается, Синяя лампа чудеса совершает: приносят человека на носилках, а выходит он сам. Рассказ о двух докторах: Синяя лампа: опыт бытового рассказа.

Когда Лева пригласил ко мне доктора от Горкома писателей Соловейчика, то он был в большом замешательстве: правда, он не раз слышал имя Пришвин, но он не мог определить, достаточно ли это имя известно, чтобы он, не роняя своего достоинства, мог поехать из Москвы куда-то в Загорск. Он для пробы спросил: – Пришвин это драма-тург? – Лева ответил, что нет, он беллетрист. Это ничего не говорило, и Соловейчик решил идти напролом: – Получает паек в [городском] распределителе? – Да. – По литературе А? – Да. – Хорошо, – сказал С, – еду.

Даже заслуженное удовлетворение и совсем относительное благополучие приводит к моральной лени и готовности объяснять в хорошую сторону причины, способствующие твоему личному хорошему состоянию. Мысль не решается заглянуть туда, а коротенькие чувства ведь всегда готовы стоять за свое добро. К счастью, у меня в душе как будто сторож стоит и допускает покой только на время. Теперь никто не спрашивает о моральной мотивировке поступков, лишь бы поступки эти согласовались с генеральной линией партии и давали бы продукцию в количественном и качественном отношении. Именно вот это и определяет наше время: про себя живи, как тебе только хочется: властвует затаеннейший человек.

389

26 [Апреля]. Выходил гулять до обеда и вечером был на тяге на княжеских местах. На солнце до + 30. Жарко. Пыль. Южный ветер. Позеленение лужаек. Шоколадные березы. Раскрылись, зеленая, почки черемухи. Ползла трава. Ночью от лягушек каждая лужа гудит.

Вальдшнеп вдали храпнул, и как будто от этого сморчок попал на глаза, а рядом цветы анемоны и волчье лыко. Месяц горит, а звезд еще нет. Сильнее напрягаются березы, простираются вверх, как руки: все птицы вечерние и я с ними. Далеко где-то рыдает, буксуя, автомобиль.

О «Жень-Шень» даже рецензии нет нигде. Это уже и совсем безобразие.

Проект письма к Горькому:

Дорогой Алексей Максимович, осенью прошлого года на Медвежьей Горе т.

Корабельников предложил мне от Вашего имени взять на себя руководство группой молодых писателей, которые взялись написать книгу о Беломорском канале. Я не отказался, но в Москве тот же т. Корабельников, спустя большой промежуток времени, принес уже готовый по главам распечатанный план и от Вашего же имени просил меня написать 7-ю главу. Через некоторое время т. Авербах передал радостно, что Вам очерк мой очень понравился, однако в последний момент очерк этот был снят, и Авербах сказал, что Горький желает сам лично объяснить мне причины, почему очерк не напечатан. С тех пор всю зиму, десятки раз я звонил к т. Крючкову с просьбой назначить свидание с Вами, и он под разными предлогами мне в этом отказывает. И наконец я посылаю Вам свою новую книгу «Жень-Шень» и приписка: снова против Вашего обыновения не получаю от вас ни строки.

Я лично, Ал. Макс, не обижаюсь, потому что я чужак и по жизни прохожу [«верхним чутьем»], но я представляю на своем месте любого человека, и выходит очень обидно. Представьте, будто Вы Пришвин, а я Горький.

Заггеркнуто: Я сочувствую Вашей деятельности, искренно рад, что Вы взяли на себя труднейшее дело лите-

390

ратурного вождя, сам, как знаете, в своей скромной области художественного слова не мало тружусь на общую пользу. Я не заслужил такого отношения и прошу Вас объяснить мне причины оагеркнуто: Вашего недружелюбного ко мне отношения. Между прочим, меня весьма интересует Ваш отзыв о повести «Жень-Шень». Я мнил эту повесть созвучной нашей эпохе, но никто не отозвался и не удостоил даже рецензии. И вообще... Был Лесков, о нем молчали. Допустим, что Пришвин в десять раз слабее Лескова, но я не могу доказать, что о Пришвине в десять раз меньше написа-но, чем о Лескове, который замалчивался. Я Вам писал, что Вы – единственный мой критик: у меня целый ящик Ваших писем о всех моих вещах. Загеркнуто: И о самой важной моей вещи

Загеркнуто: Я до того не могу Вас представить в отношении себя

Не все Вами написанное я принимаю: Вы много написа-ли и сейчас пишете [много] неверного, с моей точки зрения. Во всякую минуту я готов об этом сказать Вам в глаза. Но я никогда не допускал себе думать и кому-либо говорить дурно о Вас как о человеке. И сейчас я думаю, что, по всей вероятности, и Корабельников что-то наврал, и Авербах прибавил, и Крючков не о всех моих звонках доложил, и, быть может, и книга моя, на которой было написано «от чистого сердца», до Вас не дошла.

Я Вам писал, что Вы были единственным моим крити-ком во все 30 лет моей литературной деятельности и мне тяжело терять единственного. Мне казалось, что я написа-л повесть, созвучную эпохе, я получил сотни писем от комсомольцев, от стариков, но ни одного от литератора. И в газетах даже рецензии не дали. Положение в сто раз хуже лесковского.

28 [Апреля]. Весна явилась вдруг: – Не верю, – говорит девушка, – не верю, что пришло тепло. И какое тепло: ночью + 15°, днем 20–30 в тени. В эти несколько дней всё сготовилось, всё распускается, ранняя ива цветет.

Давно ли снега лежали в лесах? теперь цветы.

391

Я вышел из дому в 23/4, по дороге в Зубачево шел, по линии. Восток был закрыт, и о начале рассвета птицы ска-зали, и пошло! и в каждой луже гамели лягушки наверное, весь воздух наполнен урчанием, и то рывкнет, то кряхтит. По ту и другую сторону 1 нрзб. и сколько птиц поет в темноте, как это прекрасно, и никто не хочет прийти и послушать. И точно так же редки люди, занятые вопро-сами религии, и все их меньше и меньше, потому что просто ведь даже физически более крупные люди исчеза-ют. Людей становится больше, но они сами все меньше и меньше: люди дробятся: слабых лечат, не дают умирать и так вот: и грамота – это способ легче жить (одним тем можно жить, что знаешь, где что взять: доктор Соловей-чик стал знаменитостью, потому что через родственницу знает, в какой аптеке какое лекарство можно достать).

В 4 у. услышал токовика. Бросился полем. Увидел бе-лый подхвостник. Переполз к кусту. Стрелял без мушки на неизвестное расстояние. Не обратил внимания на вы-стрел. Мушку от неба спустил на тетерева и попал в кры-ло. Явился домой с петухом.

Приписка: Понижение интереса к судьбе разных народов и ни-гего не ждешь ни от кого сверх того, гто есть.

29 Апреля. Даже в глухом хвойном лесу нет ни клочка снега, но подснежная пленка осталась на дороге: тут сейчас-тье, вся земля каждую весну в сорочке рождается. В это время некоторые замечательные деревья цветут, и в особенности хороша ранняя ива: ведь ничего кругом нет зеленого, ни одного листика, даже намека, какого-ни-будь зеленого хвостика на почке, – все кругом шоколад-ного цвета, и тут вдруг на всем темном целое дерево цве-тов, и каждый цветок похож [на] маленького желтенького цыпленка; от дерева, цветущего ранней весной, далеко пахнет медом, и сюда летят и первые пчелы, и шмели, и бабочки, и множество мелких крылатых существ; дере-во и пахнет, и гудит. Я, наблюдая работу насекомых часа-ми, не раз удивлялся тому, что когда одна бабочка поки-нет цветок, как будто совсем его опустошила, и пересядет на другой, другая бабочка садится на первый цветок и на-

392

чинает находить в нем такое, чего первая бабочка не на-шла, а после этой является третья, и так весь день: всем хватает на дереве!

Еще хороши бывают в это время ручьи. Недавно только вода в снегах и льдах пробивала себе путь с таким шумом и ропотом. Я не мог себе представить тогда молчаливого ручья. Теперь ручей, овладев всем, разбив все препятст-вия, чуть шелестит, по мягким уже зеленеющим подвод-ным травам, как будто он мягкий и шелковый.

Жизнь машины измеряется не как у нас летами – столько-то лет, или как у гончих осенями: столько-то осе-ней, а пространством, километрами пройденного пути: сто

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
тысяч километров – это предел бодрой жизни, как со-рок лет – бабий век, после чего машина живет на ремон-те, и это уже как у человека старость или жизнь бесконеч-ная.

Недавно умер в нас в городе старик, который вечером на лавочке с газетой Times в руке рассказывал комсомол-кам свои впечатления от тронной речи Луи Наполеона в Париже, и о знакомстве своем с бароном Геккереном, убийцей Пушкина, и о Николае Первом, которого не раз видел из окна проезжающим в коляске по Морской. Князь этот умер теперь, но не в этом дело, а что годы старости его проходили как бесконечное время... И вот это самое бесконечное время наступает у машины после 100 тыс. ки-лометров пути...

29-го с Петей илевой на тяге в Красной Сторожке: не тянули. 30-го ездили на тягу к Рогачеву – не тянули; приписка: пробовали проехать к [Перехлопову] и в Са-наторий^Λ в ночь на 1-е в 1 ч. ночи выехали в Красную Сторожку на петухов и вернулись в восемь утра. Желтая опасность превратилась сначала в белую (вода), теперь в зеленую: ямы заложены зелеными хвойными лапками, и постепенно в серую: мы приехали с помелом, которое мело след за нами (хвойная лапа в буфере). Машка стала послушной.

На полях: мельгают народы

393

Религия (Шлейермахер).

Религиозное размышление есть лишь непосредствен-ное сознание, что все конечное существует лишь в беско-нечном и через него, все временное – в вечном и через не-го. Искать и находить это вечное и бесконечное во всем, что живет и движется, во всяком росте и изменении, во всяком действии, страдании, и иметь и знать в непосред-ственном чувстве саму жизнь лишь как такое бытие в бес-конечном и вечном – вот что есть религия.

Это молодой человек, который был у меня и рассказы-вал о своем чтении, – что почему-то в его сознании писа-тели старые, включая Горького и кончая мной, обладают как бы особыми витаминами, что новые, хотя тоже неко-торые и хорошо пишут – не имеют этого чего-то; этот мо-лодой человек очень наивен: ему ведь всего 20 лет, он сын портного и служит в столовой по хозяйственной части. Я раньше приписывал силу стариков этике, что этика от-личает их литературу от европейской, но сейчас думаю, что «витамины» коренятся в религиозном чувстве старых писателей. И это же отличает и старых большевиков от совр. коммунистов... у тех тоже вера была, этих движет си-ла инерции; вера двинула, одна только вера! и она продол-жает двигать, но к ней, живой вере, присоединяется сила инерции, освобождающая отучастия в основной двигател-ной работе многие части механизма: в машине появляю-тся счетчики, гудки, светов. сигналы: начальная скорость... Народы земного шара в старой географии Водовозова являлись интересными и представлялись носителями ценностей, у нас небывалых, и каждый писатель старался в другом народе открыть нам, чего нет у нас; теперь осо-бенности народов стираются, и становится у всех как у нас. Мы подошли к одним и тем же мотивам у всех, и эти мотивы экономические, политически-военные, торговые снижают интерес к жизни другого народа; ничего нового! все как у нас в каком-то отношении; напротив даже, имен-но у нас самих, мы сами и являемся теперь для всех носи-телями того интересного, о чем говорили нам старые гео-графы.

394

На полях: религия – рассуждение

Восторги весны, эти для всех скрытые ночи и пробуж-дение птиц – все это основа счастья. Я боюсь, что это «счастье» нельзя конкретизировать и назвать «землей», «весной», «садом»: все частное в сравнении с целым тре-бует иного выражения; не рассуждать, а делать.

Мне нужно на все лето бросить всякие определенные литер, работы и обновиться в игре и безделии. По всей ве-роятности, из этого выйдет 3-я книга «Кашеевой цепи»: «Легкобытов».

2 Мая. Какие дни! березы распускаются, все зеленеет. Приезжали киношники, Литвинов и Калик. Мне предло-жили ввести 3-е (злое) лицо и «красавицу» превратить в «графиню Эльвиру», потому что купцы из Внешторга сказали, что иначе для иностранцев это будет скучный фильм. Фильм пущен в производство 29-го Апреля.

7 Мая. Так все и продолжается в ежедневном велико-лепии небывалый май. Всякий мальчишка спешит бросить что-нибудь в авто-мобиль, и маленький, самый крошечный бежит с чуроч-кой...

Вчера в Рогачеве пулей влет убил петуха, и притом в полумраке, без мушки. Рассказ о двух паразитах науки: М. М. Смирнов, сын священника, обдирает золото и камни с икон и прячет все в стену. Встречает Павла Лизихина, любителя чтения (всю черную работу на жену): Лизихин обделал. Арест: ночью к стене подъехал автомобиль: Смирнов указал, и Лизихин выстучал и выбрал. Все сходится на стоянке

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
неолитического человека...

8 Мая. Великолепие продолжается, но все-таки в природе чувствуется как бы смущение (вероятно, вот-вот переменится).

395

Первый раз выезжал самостоятельно, ездил 5.30 у.– 10 у. в Посеево смотреть гончую: верст 60 без малейшей усталости. Вчера весь день пробился: не заводилась машина. Пришел к заключению, что виноват зазор в прерывателе, но сам без щупа изменять не решился. Генрихсон сделал в пять минут. Сколько раз замечал, что машина, когда ставишь на ночь, в полном порядке, а к утру то свеча перегнута, то зазор изменился и т. д.

Зимняя дорога – одно, летняя – совсем другое: стоянка в сарае, куры засрали; остановил, нажал пуговку – стал мотор, и машина как беседка: кукушка, токует тетерев; во Франции (Гриша сказал) машина как часть дома: дома имеет право на револьвер, только не на улице, и в машине тоже.

9 Мая. Опять непомятое утро во всем великолепии. Лес оделся, и как будто зеленые горы стали перед нами. Все поет. Но я, как всегда, в это время лишаюсь способности, как все говорят, творить, и как я понимаю, дополнять от себя, чего не хватает в мире: теперь нечего дополнять, все полно, и не мне, а кому-то другому прийти и взять это счастье.

На полях: трактор заводила баба

Возвращаюсь к своему опыту с машиной, чтобы ее, как черта, оседлать и достать царицыны черевички. Сюда как материал история Святухина: сын анархиста: «я – царь!» (жизнь леса и машина). Выиграл машину, и сын «безвыходного» анархиста (полбутылки вина в день), сев на черта, достиг коммуны (его борьба с машиной). В совхозе трактор баба (не думая) заводит полдня (с 3 утра), и тетерева привыкли, не обращают ни малейшего внимания. Всюду заводят на зорях утренних тракторы – такой рев! Всю весну воды рыдали автомобили (выбиваясь из грязи). Всю зеленую весну на зорях – тракторы.

1) Бензин налить, 2) Разумнику 200, 3) гараж.

Подработалась фибровая гаечка приписка: накладку на прерывателе, и от этого ток высокого напряжения стал

396

разряжаться на массу, свечи не дали искры, горючая смесь не воспламенилась, и мотор не завелся.

Цветет черемуха, гроза... Начинаю думать за рулем.

Охота – это движение: охота – это поэзия движения, но если машина берет на себя движение, то тем самым как бы вынимается душа из охоты, это все равно как было в старое время движение к святыням пешком за тысячу верст, и вот взять бы этим богомольцам и пуститься к святым местам на машинах с выхлопной бензиновой трубой под собой.

Тревога моя о том, что результат человека [подводит], я просто даже не могу себе представить это, но вот тут-то и надо быть особенно осторожным: это обманчивость успеха, я продвинулся вперед действительно, а в воображении это продвижение является гораздо в большей степени: верить этому, удовлетворяться этим никак нельзя...

Учусь заезжать в ворота задом, это и развороты на пятках у меня еще не на высоте.

На полях: Глупы куры, но они раньше лошадей привыкли к машинам, и как ни мгится теперь скорей шофер, ему теперь огонь редко таким образом удастся себе жаркое добыть.

Вы, дети коммунистической революции, теперь только по книжкам можете знать о нашем прошлом времени, когда мы выводили своих героев, как отшельников из пустынь природы и городов, на страницы нашей литературы. В то время казалось нам, что чем глубже колодцы наши, тем и вода в них неминуемо должна быть приписка: непременно свежей. Но теперь как-то все совсем переменялось, мы пережили голод и знаем, как в пустынях плохо, когда нечего есть и особенно когда нет сытого разбега, чтобы голодная жизнь превратилась в поэзию... Мы пережили разрыв всех тканей, соединяющих нас с обманом благополучия сотворенного предками мира, и требования к герою предъявила не поэтическая мнимая возможность, а действительность во всей наготе своих обычных-венных нищих пустынь с сухими колодцами.

397

Вот этому лесу, где мне так часто приходится бывать, всего каких-нибудь двадцать пять лет, он вырос с тех пор, как умер один из наших прежних героев Анзимиров Иван Ферапонтович. Все тридцать десятин, возделанных когда-то его собственными руками, заросли теперь лесом так густо, что с дороги, проходящей в нескольких саженьях от участка, нельзя заметить избу с сараями, жилище, в котлом провел свою трудную жизнь анархист.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Красная сторожка.

Было имение «Голубая сторожка» в двенадцати верстах от Сергиевой Троицы. Барина выгнали мужики и под влиянием пришлых необыкновенных людей устроили на этой земле коммуну, переименовав в названии урочища голубое на красное: Коммуна «Красная сторожка». Через короткое время те идеалисты, переименовавшие голубое на красное, рассеялись по другим местам, а мужики разделили землю сначала на участки, а потом мало-помалу вернулись к трехполке, и несколько лет деревня Красная сторожка ничем не отличалась от всех доколхозных вековых деревень. Во время колхозной пертурбации бывшие коммунарники «Красной сторожки» явились злейшими врагами коллективизации и по большей части все разбежались кто куда. После того как оставшимся гражданам пришли новые люди и организовали советское хозяйство «Красная сторожка».

10 Мая. Жара. Расцвет черемухи. Ходил на «купеческие места» и соединял «Красную сторожку» с Горьким: мы ведь, интеллигенты, все, по существу, дети анархистов, а Горький именно и есть Вакула-кузнец, который, оседлав науку (черта), хочет добыть черевички царицыны...

Вчера в Наугольное ездил с Морозовым и Ефр. Павл., в Наугольное на тягу, и так меня занимает езда, что ждешь конца тяги, чтобы ехать на машине: первый раз в жизни понимаю наслаждение в управлении («освоил машину»). Всю жизнь зреет у меня вопрос, почему люди стремятся к власти: вспоминаются министры, которых студенты били бомбами, цари; мне казалось маленькому, что к власти

398

стремятся особенные люди долга, вроде самых старших; вероятно, это и верно по верхней линии истории; но вообще власть оказывается просто сладка: просто очень приятно сидеть за рулем, я это понял по автомобилю.

Леву завтра опять тащат в суд (кассация). Лева едет на Урал. 12-го приедет Павлик: 13-го экзамен. Машину поставим на регулировку.

12 Мая. Вчера начался сильный ветер, и стало свежее-вато... по-майски.

Завтра едем с Петей в Москву на экзамен. Итак, возвращаюсь к своей теме: новая дорога. Начинаю «любить» шоссе.

Думаю о «мы, дети анархистов»: что в анархисте основное противоречие: царя не признает, но «я – царь» – это он утверждает, и оттого в быту анархист есть непризнанный царь, прокладывающий действием путь к своему царству или же отъединением; скопляет в себе силу «я» является властелином (не то...)

Каждому хочется жить, и от того каждый человек нашего прошлого времени приспосабливается к новому времени; на этом пути приспособления в другом, подобном себе человеке он, понятно, видит мертвеца, лезущего в молодые, он даже в старом друге своем видит свою обезьяну. Вот отчего в наше время люди не любят друг друга, избегают встречаться. Мертвые прежде всего не могут любить (Григорьев-то!). Сознывая это, лучшие люди бросаются с головой в работу и спасаются в творчестве.

13 Мая. Ездили с Петей в Москву на Машке, сдали экзамен и поставили Машку на профилактику.

Где-то в подмосковной деревне у нас засорился карбюратор, остановились и были атакованы мальчишками: это маленькие ростом, но вполне взрослые и готовые люди, даже иногда в кепках с длинными козырьками: всё знают; они похожи на ту голь, которая в начале революции была впереди.

399

Испуганные автомобилем куры спешат к своему дому, и если он находится по ту сторону автомобиля, то летят и бегут прямо на машину и оттого попадают под колеса.

Если тихо ехать и погудеть корове, то она, бывает, останавливается, сообразит положение и послушается, уйдет с дороги.

В Москве врезались в процессию похорон Менжинского.

Вдруг из-за угла большой зеленый автомобиль без гудка. Тип спекулянта автом. частями (белый, как вошь). Стар[ший] мастер профилактория Яков Петров. Быков. На полях: лигная пригина

14 Мая. Надо помнить войну – (вот еще что!) так надо помнить, чтобы в нравственной борьбе при необходимости видеть лицо врага; в поисках этого лица исходить из причины войны: кто причиняет войну – тот и враг.

Две группы людей: одним надо «почему?», другим надо «кто» (вредитель), одним объяснить и уничтожить личную вину, другим найти виновника (наука – искусство, интеллигент и обыватель).

Анархист то же, что женофоб: всякий женофоб есть тайный женолюб, так и всякий анархист есть скрытый властолюбец (напр., Иванов-Разумник).

Отец моего героя часами сидел у кротовой норы и дожидался, чтобы схватить, – схватил, подержал и пустил: власть над кротом! «Смотрите, – говорил он, – вот трава, и каждая травинка живет по-своему!» Он восхищался травой как хозяйин ее,

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
как свободный пониматель: «я – царь, и все во мне царствует»; и тут как-то и Христос, буд-то бы освобождающий людей от власти и делающий чело-века властелином смерти самой.

Автомобиль открыл мне в себе самом скрытого от себя самого властелина (власть всех проникает, но характер власти разный: характер государственной власти, религи-озной, научной, художественной; специалист властелин и энциклопедист властелин).

400

15 мая. Ездили с Павловной в Красную сторожку, бы-ли на круглой поляне и представляем себе, что должен пе-реживать в наших социалистических условиях этот пото-мок анархиста.

Как это странно вышло, что потомки анархистов, лю-дей, отрицающих власть, после уничтожения монархии сделались особенными властолюбцами: их немало, дети крестьян, выразивших презрение к власти словами: «а нам хоть немец, хоть турок – нам все одно», дети разудалых бесшабашных купцов, дети бар и даже дети ученых прин-ципиальных анархистов, – все стали начальниками в тот момент, когда в жизни из множества дорог, дорожек, тро-пинок осталась одна прямая и простая дорога. Машина, как игрушка: автомобиль и дети. Все детское движется, мчится, не помня себя, навстречу автомобилю: быстрое движение вызывает у них древнейший инстинкт поймать, остановить; древнейший инстинкт, из которого... выражающий борьбу с необходимостью яркому действию оказать противодействие (а если посадить «борцов» в ма-шину, они засыпают). Говорят, что на Можайской дороге, где ездит Сталин, ни один мальчишка не смеет выбежать навстречу машине, и это уже и нехорошо, скучно. Машина требует быстрой езды, вызывает шофера, и если только он выпил, нет ему спасения (на днях у нас шо-фер с машиной влетел в пруд: машина утонула). В машине заключено стремление лететь до гибели, по мере уско-рения тяжесть экипажа, железо, чугун становятся как бы легче, легче, и, наконец, это не материя, а дух, соблазняю-щий гибелью (тонкая сверчковая трель жиклера... ком-прессия воздуха, входящего в карбюратор). И логически: машина должна ехать, а не стоять (и бензина меньше).

Курица от автомобиля летит домой. Мальчик, пресле-дуемый шофером, бежит домой: не лови его, а узнай дом и к отцу.

1) Гараж. 2) Красный нос. 3) Клей. 4) Торгсин. 5) Почта.

На полях: Логический План. Лошадь

401

Пугливая лошадь издали заметна по ушам.

Шофер – человек [сообразительный]: особенно в Моск-ве, на каждом шагу надо «сообразить» свое действие в от-ношении других действующих] существ и пространства.

Дер. Наугольное – от нее 1-й поворот налево, Скоро-пусковский завод, Василий Васильевич.

Приписка: Когда говорят: – вот талант! – это знагит: побе-да, и это знагит, гто победителя не судят: та-лант!

2. 18 мая. Так и продолжается май без морозов, но и без дождей с легким похолоданием. Теперь опять жара, сегодня на солнце без трех градусов 50.

Ездили с Генрихсоном за ландышами в с. Воздвижен-ское. Дедушка раскулаченный при виде автомобиля, как пугливая лошадь, ушами прядет. Газуют пьяные шоферы; хромают машины.

Курган как беседка, скользко от хвои, лозовые показа-тели реки.

17 мая. Ездили в Чирково. Купили Османа за 400 р. у Алексея Васил. Денисова. Белая дьяволица и охотник: охотник в колхозе, и «приставная женщина» будит до рас-света, зная, что в это время охотник уходит.

Опять тупое время: вся страна гниет, если не сгнила, за «идею». Даже не идеализм, а номинализм: напр., сегодня постановление Совнаркома о переименовании в школах групп в классы и заведующих в директоры; уверен, что скоро начнется охрана семьи с прилагат. «советская»: чтн сов-отца и сов-мать свою и проч. Он чувствует себя заключенным и так разделенным от людей, как в одиночной тюрьме (вот отчего и попадают все побежденные, а не победители).

Талант – это нечто вроде тока высокого напряжения: жизнь – первичный ток, а творчество является в момент разрыва первичного тока.

402

18–19 [мая]. Ездили под Воздвиженское на курган за ландышами два дня подряд, первый раз с Генрихсоном, второй – с киношниками. У Генрихсона жена – старуха: жена, которая постепенно делалась матерью и наконец решила принять в дом молодую – сколько страдания и какой удивительно простой пример перехода от любви чувственной к любви материнской.

1) Начало. Часто бывает незаметным и обыкновенным цветок на лугу, но когда его возьмут с луга и внесут в дом, он начинает быть привлекательным. И слова родного

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru языка, то же самое, услышанные где-нибудь на чужбине, становятся до того прекрасными, что вокруг все чужое от них ородняется. Вероятно, потому так часто бывает, что земляки, встречаясь на чужой стороне и разговаривая на родном языке, часто остаются навсегда, и чужая сторона становится им новой родиной.

2) Было раз на войне, эстонец Алексей Генрихсон был ранен в грудь навывлет. Раненого принесли в лазарет, и там за ним ухаживала сестра милосердия эстонка Мария Лю-навалис. Земляки разговаривали на родном языке и так создавали себе новую родину: так часто бывает, что на чуж-бине земляки, разговаривая на своем родном языке, ород-няют жизнь вокруг себя на чужбине, и эта чужая сторона мало-помалу становится им как родная и еще больше.

21 Мая. Ездили в Москву. Расторжение договора с про-филакт. станц. Встреча слевой. Навестили Дунечку.

С Машкой соединяются дети: автомобиль и дети. Детс-кость американской техно-культуры: тип авиатора, кото-рый весь расходует в 1У2 часа. И тоже смерть (упал! как по-детски просто).

Дети окружают машину, когда шофер, открыв капот, устраняет неисправность. В грузовых машинах, бывает, хлопчут возле мотора несколько человек и между собой разговаривают: дети слушают эти слова и, соединяя их с частями машины, навсегда запоминают: карбюратор, поплавок, бензопровод.

Движение машины берет всего человека: весь ум его, память, внимание, мускульная сила, чувствительность

403

и созерцательность, воля и все многое, непознанное еще никем, включается в систему движения: одно мешает, другое...

На полях: конвейер московской улицы

22 [Мая]. Ездил на Скоропусковский завод, принял овес. Приезжал Калик и вернул работу сценаристов к ав-тору. Так выходит, что если гнаться за драматургией, т. е. сводить действие к вечному треугольнику лиц, то звери исчезнут, если же заставить действовать зверей – люди в своем действии теряют значение.

Очень утомлен от езды на машине. Душа человека не-чувствительно для себя втягивается машиной и перехо-дит в движение. Это втягивание сопровождается даже на-слаждением своей мощью, своей властью над существом в 40 лошадиных сил. Но после того как движение остано-вилось и начинается подсчет, то в результате оказывается только расход: как будто от езды глупеешь.

В Москве шофер как человек сам с собой бывает толь-ко на дворе, когда заводит машину и выезжает. Но как только он за воротами и машина вступает звеном в цепь разных экипажей и людей, движущихся по улице, человек становится волевой частью машины, замкнутой в цепь причин и следствий.

Шофер-ловкач, в миг запустив мотор, быстро прогнал машину задом по красивой параболе и стал в ряд с други-ми машинами...

Утиное гнездо. Открытие.

В деревню из болота пришел Степка-Растрепка и рас-сказал ребятам о своем необыкновенном открытии: он нашел в болоте утиное гнездо.

– Покажи! – закричали ребята.

Но Степка-Растрепка, восхищенный и занятый своим открытием, не понял ребят и стал говорить о гнезде. Там под лозовым кустом вода и в воде большая, как остров, кочка. Высоко над водой скрытое со всех сторон зеленью кустика утиное гнездо: это ямка, сильно обложенная ути-

404

ным пухом, в ямке мягкой и теплой лежат одиннадцать горячих яиц.

– Принеси! – Степка опять их не слышал. Он расска-зывал, как лисица спугнула утку и побежала за ней, а утка нарочно тихо летела и отманивала лисицу. Чуть лисица устанет, утка тише летит, и вот бы только-только за хвост – и нет, и все нет, и все дальше и дальше. Вдруг ли-сица поняла утиный обман, увидела мышку и бросилась к ней. А утка в траву. Вот Степка сидит в другом кусту на кочке и далеко, видит, шевелится трава, и все ближе, бли-же эта живая поляна сюда идет. А это утка идет пешком, чтобы ее лисица не видела. И Степка увидел голову из травы и как утка под кустом взобралась на кочку и села. Вот тогда было очень трудно уйти незаметно, очень труд-но: сучок за сучком он неслышно отгибал, продвигая себя, и отпускал потихоньку. Ноги совсем занемели, но он вы-держал, перебрался на ту сторону куста и неслышно, то опуская в воду между кочками босую ногу, то поднимая, ушел и утку не спугнул, а вода холодная.

– Где же это было? – спросил один из мальчиков. Степка-Растрепка подробно рассказал: идти в первый

прогон и полем по белой дороге и с белой свернуть в боло-то по синей дорожке (дети часто зеленые дорожки назы-вают синими): под третьим кустом от белого камня ути-ное гнездо.

Услышав это, дети бросились в болото и разорили гнез-до, а яйца, играя, побили.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
– Эх ты, растрепа! – говорил вечером Степке его отец, хороший охотник, – кто тебя за язык тянул указывать: нашел и рассказывай, если хочется, но не указывай. Мно-го еще времени пройдет, пока ребята наши начнут пони-мать.
На полях: не могу сказать, гтобы это было огень хорошо, но так...
В потоке экипажей всмотритесь в кабинки автомашин, и там вы увидите пловцов, и все вокруг покажется, будто совершилось какое-то великое разрушение на море и сре-ди обломков эти шоферы плывут в смертельной борьбе за

405
жизнь... Скрежет тормозов, дьявольские гудки и среди них тот самый страшно знакомый всем жителям столицы пос-ледний крик еще живого человека под колесом машины. Стрелка амперометра жизненной силы моей личности сильно отклонилась влево, и это было ужасно, что сам я не знал, на какое же именно полезное или вредное дело утекла моя жизнь, мне казалось, будто просто случайно замкнулся ток моей личности и утекает, разряжаясь на массу. И вдруг я увидел на одной из витрин с бутылками разных вин и консервов лежал совсем маленький живой котенок... И я почувствовал, что жизнь снова стала прили-вать ко мне...

На полях: воля Горького
борьба за овладение машиной

Я думал, что когда научусь ездить по Москве и получу шоферскую книжку, тут-то я и овладею Машкой, но ока-залось, именно тут-то она и забрала меня: пока я не умел ездить и каждый раз отправлялся с тревогой, я в этой тре-воге находил себе какую-то иллюзию свободы, игру в счас-тье: как-нибудь проскочу, миную, и, миновав беду, был счастлив. Но когда я стал уверенно ездить, машина неза-метно для меня, часто даже с ощущением приятного и да-же наслаждения я стал отдавать свою душу одному только движению – нагало «повисло». Вот теперь наступает вре-мя настоящей борьбы с машиной: теперь, во-первых, я бу-ду ездить так, чтобы цель поездки возмещала с избытком расход сил, отданных на движение.

24 Мая. Техника сносит голову.

После длинного периода майской жары сегодня после восхода явился первый дождь: дорогой гость.

Глуб. ув. т. Молотов, машина Газ, предоставленная Вами мне для моих опытов... Нет, схожу к Шумяцкому.

Книга для детей: «Машка» – машина, приученная, как собака: – Ну, Машка, спи, Осман тебя храни – или: Маш-ка не заводилась. Я сказал: Осман с тобой, Машка! и вдруг вспомнил, что не открыл бензиновый кран. Начало: не

406

заводится, пришел жених и не завел, я стал сам думать и проч. Машка на Журавл. родине: охота. Машка и дети: все механики. Машина каждая имеет нечто свое (узнать на заводе, почему так): вот почему у нее имя свое: Машка одна.

Содержание сборника: Терентий Ежовые рукавицы Страшная встреча Рождение кастрюльки

Каждый факт являет собой как бы сморщенную обо-лочку аэростата, в которую художник вдувает свою силу, и факт, оставаясь фактом, летит. Вино и машина. Приписка: От разных причин болез-ненного свойства «дух» и тело у человека иногда разделя-ются. Вино движет «дух», машина движет тело. Если дух пришел в движение от вина, ноги не держат. Если машина несет тело, дух трезвого человека весь целиком переходит в энергию движения. Но у пьяного шофера дух не подчи-няется машине: он летит самостоятельно, и машина без управления тоже летит большей частью сама по себе. Сущ-ность машины – движение, и чем скорей, тем ей лучше и лучше, как будто в ней заложена безумная цель взлететь на воздух и разбиться вдребезги. В то же время и дух пья-ного человека, взыгравшись, как бы стремится вырваться и освободиться от машины. Поэтому пьяный шофер [ле-тит] к гибели своей с пением. Вот мост небольшой, за ним, как это очень часто на наших дорогах, выбоины. Ма-шина, летящая под гору, попав на выбоины, приписка: резко [падает на колеса] и масса чугуна, железа и стали взлетает на воздух как мячик. Тогда у шофера на мгнове-нье отрываются руки от баранки, и в это мгновенье ма-шина успевает, переехав обочину дороги к отвесному бе-регу, ринуться всей стопудовой тяжестью в пруд.

Шоферское дело – куда как смело! Этот случай был у нас в Загорске с грузовой машиной № 13 на мосту Каляевского пруда. В момент падения ма-

407

шины шофер С... вылетел из кабины и спасся, но один из ехавших с ним мальчиков погиб, другого мальчика отка-чали. Шофер теперь сидит, скоро будут его судить. Пока я сам не взялся за руль и не проехал, сам управ-ляя, тысячи километров на машине, мне все непонятно было, почему, несмотря на драконовские законы, грозя-щие шоферу лишением жизни за пьянство, все-таки мно-жество шоферов едут в нетрезвом виде, и все равно как по ушам издали понимаешь ненормальную лошадь, так по ходу машины заключаешь о шофере: машина хромает, и спешишь от нее на

обочину...

Есть, как я теперь понимаю, две причины, приводящие водителей к пьянству. Первая причина, это скорая перемена деревенской техники на индустриальную: наш шофер вчера еще был кустарем или земледельцем; сегодня он сел на машину, и хотя внешне научился управлять машиной, но существом ее не овладел. Ему совсем не-привычно отдавать свою сложную кустарную приписка: [всунутую] в кабину водителя душу в жертву [энергии] движения. Да, он движется и [чинит] машину довольно прилично, но это достигается опустошением его обыкновенной деревенской «души»: проехав некоторое число километров, он утомлен непонятно для себя самого: как будто ничего не делал, все мускулы [спали], а вот сам тот и не тот человек, и эту убыль себя самого, отданного энергии движения, смертельно хочется восполнить выпивкой.

Вот электрический луч открывает человека, он протянул руку вперед, на одной ладони растопырены все пять пальцев, на другой два загнуты, это значит восемь рублей, и еще одна дама стоит тоже за восемь и еще тридцать [человек] все тоже по восемь. Так в один час на грузовой машине можно заработать рублей шестьсот или семьсот. Никто об этом не узнает, пассажиры спустятся, не доезжая до города.

Ну, вот теперь можно и выпить!

25 [Мая]. Дождь и так прохладно, что вечером пошло на мороз и ночью на 26-е я выпустил воду из радиатора

408

(мороза не было: + 1). Ездил с Лево́й за бензиновым пайком. Вчера был Катинский с заведующим Журавлиной родиной Дм. Кузьм. Фроловым. Так военное общество забрало Журавлину родину. Ворошилов будто бы выразил желание восстановить Заболотское озеро. Как это поучительно! Еще тоже очень поучительно, что охота возвращается к своему первоисточнику, военному делу. Как ни бились – 17 лет! – Бутурлин, Зворыкин и др. старые охотники, все их начинания погибли, и «охота» вернулась к неволе военного дела, где: «делу время, потехе час». Мирный гражданин литератор Тургенев стреляет бекасов... не подозревая, что он этой возможностью играть и находить в этой игре детскую радость и спокойствие обязан войне, что из военного дела, как дела, вышла эта потеха: делу время, потехе час. И самый мирный гражданин Тургенев, обретая радость на охоте, глубоко где-то все-таки чувствует, что он обязан войне и людям, которые легли на войне как известные герои и безвестное пушечное мясо.

26 Мая. Ездил с Катинским и Дм. Кузм. Фроловым на Журавлину родину (Федорцово-Торгашино) забирать ее под военное общество: они приехали не за глухарями, а за нами дураками. Два пьяных дурака, выдавая один другого, рассказали нам, что ели лисятину.

Сколько заплаканных материнских глаз старой Руси закрылось навеки и сколько сынов легло на войне, пока Тургенев получил возможность стрелять не в людей, а в бекасов.

Вариант записи: Сколько загеркнуто: нужно было пережить человеку старой Руси, сколько ушло в могилу заплаканных матерей и сколько их сыновей погибло на войне до тех пор, пока Тургенев загеркнуто: фыркая либерально на государственную власть, [наслаждаясь] культурной природой, получил возможность стрелять не в людей, а в бекасов.

И так было везде с охотой: в мирное время это потеха, в другое – это дело, это война: делу время, потехе час. И так это естественно, что культура потехи в наше беско-

409

нечно тревожное время, несмотря на все усилия культурных советских людей, должна была мало-помалу заглохнуть. Нам долго это было не понять, как при содействии многих охотников, членов правительства, многих ученых, посвятивших себя служению делу охоты, кружков охотничьих из рабочих при заводах этот вид спорта все 17 лет советской власти все падал, падал и в наши дни так пал, что на прежний путь его уже нечего и думать ставить. Это вышло оттого, что «потеха» охотой больше всех других потех напоминает о деле: войне. Станным кажется военную пулю дробить на бекасов.

«Божья пчелка» – великан, здоровый человек во всех отношениях, и оттого он, как все по-настоящему здоровые люди, великий душой и щедрый.

Человек «не от мира сего»: какое в этом презрение к миру! (к законам, государству, к самому «пороку» зачатия человека). Христианство было каким-то прерывателем обыкновенного жизненного тока с возбуждением в момент прерыва тока высокого напряжения. Человек ценит жизнь в момент расставания с ней.

Трактор поднимает пласти, и за ним уже, как в прежнее время за сохой, не боясь ни грохота мотора, ни вони газов выхлопной трубы, те же самые птицы.

Машину мы поставили возле чайной и сами так устроились, чтобы из окна можно

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
было наблюдать за детьми, окружившими машину. Детей было так много, что через их спины невозможно было наблюдать за их действиями.

– Колька! – сказал я одному мальчишке пошустрее других.

На полях: – Это тебе не игрушка! – Нет, игрушка! – Не твоя.

И не моя. – Л гья же? – Казенная. Выходит, гто мы казенную машину [нашли] и сделали игрушкой.

Он запротестовал:

– Я не колька!

– Ну, ладно, – сказал я, – будь на время Колькой и ох-раняй машину, а я тебя за это прокачу.

410

Мальчик согласился и, вступив в обязанности «Коль-ки», обошел кругом машину, оттеснил ребят и сам важно присел на подножку.

– Слушайтесь, хулиганы! – сказал он.

Скоро другой мальчик подошел к окну и сказал мне:

– Можно, я тоже поступлю оагеркнуто: в Кольки к вам в охрану.

– А как тебя звать?

– Звать меня Сашкой.

– Ладно, Сашка, – сказал я, – будь тоже Колькой. Второй Колька сел на подножку с другой стороны. Пришел третий Колька, четвертый, пятый, и все, как воробыи на шесте, тесно рядком уселись на подножках. Тогда пришел последний, самый маленький, которому места не хватило. Он побоялся сесть, его не пустили, изде-ваясь: ты же не Колька.

Тогда он рассердился и сказал мне:

– Гражданин шофер, машину твою некому трогать, все стали Кольками...

Развить как борьбу с мальчишками и понять это как усвоение культуры через игрушку. У нас в деревнях маль-чишки еще совсем некультурные, всякую машину пони-мают как игрушку и всеми средствами стремятся ее оста-новить, поймать или на тихом ходу сзади прицепиться и уехать неизвестно куда. Есть настоящие злодуюги, броса-ют песок в глаза шоферу, камни в машину. Даже самый маленький клопик, едва умеет ходить, а тащит что-нибудь тоже швырнуть: бывает, швырнет и сам от этого рывка на спину повалится и заревет.

Шофер Кочагин Васил. Андреев.

31 Мая. Бездельничаю и катаюсь. Машина куплена за 3000 р., на ремонт 13 тыс.

(направо и налево) = 16. Новый директор от старого ее не хотел принять. Старый продал за 32 тыс. и отдал 16 и себе 16 (а машина никуда не годная: жрет бензин). Езда налево.

411

Машина везет в Москву молоко, а из Москвы машина-цистерна росу собирает (машина облеплена людьми и не поймешь).

Приятность ответа огнями.

1 Июня. Утро. На юге светло, на севере темно, чуть ка-пает теплый дождь в тишине, облака неподвижны, и ни-как не узнаешь, к солнцу дальше утро пойдет или к дож-дью. Кажется, к солнцу. Все птицы выводятся. Одуванчики. У Тарасихи трава так поднялась, что осталась видна толь-ко верхушка плетня и на нем всякое тряпье, горшки, ста-рые башмаки, бутылки...

Явилась мысль о кинокомедии, примитивной в сюжете и реально-сказочной. Начало пришло мне уже давно: не-кто выиграл автомобиль, поставил его в коровий сарай и стал приучать. Вчера в болтовне с Паней я предложил ей выйти замуж за Курая – старика (сладострастного) и обещал дать ей в приданое автомобиль. Паня согласи-лась и сказала, что молодой шофер поможет ей угнать от Курая машину. Вот и все.

Курай (кашей): кулак – торгсин: старое, которое долж-но умереть (Курай в торгсине, Курай на Паперти, Курай дорогу метет и на баб глядит и проч.).

Курай выиграл автомобиль и учится ездить с целью спекуляции (прицепная тележка: росу собирать и проч.). Сирота Паня у него на службе, моет машину и учится ез-де. Курай готовит ее (Паню) себе на съедение. Паня задумала бежать и хочет похитить ключ. Шофер заводит без ключа и увозит Паню.

1 Июня вечером. Приезжал Калик. Рассказал ему о Но-вой дороге и во время рассказа уверился в возможности: буду делать.

Подтверждаются слухи о Шмидте (что «это все пус-тое»). Мало-помалу, если только не наступят большие со-бытия и не заслонят собой эту маленькую авантюру, ложь обнаружится (еще и пикнет кто-нибудь, и пойдет, и пой-дет!); но если бы Челюскина унесло к полюсу и там бы, по-

412

добно Франклину, он погиб бы, то что в этом случае: вели-кодушная история ради мученической кончины отпустила бы грех тщеславия людей, предпринявших путешествие во льды на корыте? И еще возможность была пройти в Карское море и

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
вслепую, на авось сделать задуманное, тоже могло бы и так случиться (победителя не судят).

Есть среди всех сомнений чувство доверия в чем-то основном, главном, без чего невозможно никакое истинно жизненное дело: это есть сила жизни, наша вера, самый сильный, самый великий неназываемый Бог; вот если это бывает потрясено, то начинается революция: человек лезет на все, и этого боятся цари. Но всякое государство нуждается в таком человеке и всеми силами старается в нем создать себе основание (Столыпин и хутора).

Итак, это Некто реально существующий, обладающий своей психикой. И другой, тот, кто внешне действует, го-сударственный человек тоже существует, тоже Некто, на-деленный иной, чем тот, психикой: быть может, в нем нет реальности, и он существует как вексель, заменяющий деньги: дунет ветер, и нет царя! Вот эти бумажные деньги имеют способность саморазмножаться, и бывают усло-вия, благоприятные их существу.

Раньше, в далекое время моей юности, вокруг меня так понимали деньги, что это золото, а бумажки существуют как деньги лишь как его представители и должны раз-мениваться на золото; поэтому в наше время, чтобы не отяжелять карманы золотом, предпочитали брать вместо него бумажки. Теперь, в наше время, бумажные предста-вители золота сами стали деньгами... И как все дороги сходятся в Рим, так все объяснения в грядущей войне: там вся причина.

Чающие и обещающие..,

– Не с кем посмеяться над вами.

Мысль о том, что я всю жизнь в детской живу: моя мать в существе своем была ребенок, и так о ней многие, восхи-щаясь, говорили: «ребенок!» А жена, та уж и вовсе, и мои взрослые дети льнут ко мне, к моим игрушкам, как дети,

413

и все эти техники советско-американской цивилизации разве не дети с вечным своим «почему?» вместо «как» и наивной верой в чудеса науки и в счастливую общую жизнь на земле.

Калик рассказывал, что в заграничных фильмах самые пошлые сцены никогда не бывают исполнены пошло, а у нас при великом загаде фильм то и дело проваливается в чудовищную пошлость. И это, конечно, дело культурно-го воспитания, чтобы рассказывать о пошлом непошло.

Уголок христианского свободолюбивого покоя, отвое-ванный церковью для людей, быть может, в борьбе с са-мим же Христом. Я в этом уголке воспитался, оглядыва-ясь, с одной стороны, на страшную икону, с другой – на «ничто» революции.

«Володя». У Петра Мих. Карасева новая лошадь, жере-бец в серых яблоках, тяжеловоз. Купил он жеребца из-мученным и взялся кормить. Через месяц я не узнал же-ребца, казалось, он стал много выше. – Такой ли он еще будет! – сказал П. М., – когда отъестся еще: Володя, Во-лодя и есть! – Как Володя, – удивился я, – разве Володя? за что же человеческое имя дали лошади? – Да это не че-ловеческое: высокий и вялый, значит, во-ло-дя.

С Машкой беда: у барашков все рожки осыпались прос-то от тряски, – какой же это металл! А в автоснабе то, что нужно, всегда отсутствует. – Вы купить не умеете, – объ-яснил мне шофер, – у вас скоро так вся машина рассып-летя, если только не наймете шофера. – Зачем мне, я же сам шофер. – Какой вы шофер, если не можете «слева» купить. – Оказалось, продавцы в автоснабе продают на-лево, своим людям, а сверхприбыль, получаемая от вла-дельца машины, пропивается.

В гараж еле доплелась легковая машина. Лопнул тре-тий поршень и стал бить, и так весь блок был разбит, а стоило только отвернуть поршень в третьем цилиндре, и все было бы цело, весь ремонт свелся бы к замене одного поршня, а теперь надо весь блок заменить.

414

События 4–5– 6 июня. 4-го с Литвиновым на фабри-ке. Постановка «Гулливера» (мультипликация). Строева: женщина с зелеными глазами и порочным ртом. актри-са – кошечка на съемке. Дирижер. «Чанг». Наш фильм должен быть лучше Чанга.

В «Литературке» напечатаны слова Павленко в обо-ронной комиссии о «Жень-Шене»: «холодный, бесстраст-ный пейзаж». Как полезно бывает почувствовать зло по себе: вот уж действительно «ложь во спасение»!

Прежде всего явилась охота ответить на предложение «Известий» написать о сценарии. Свидание с Бухариным (взвинчено-дружественное, шутивное...)

5-го колебался, идти или не идти на очерковый съезд. Пошел и вдруг увидел, что там все за меня: Ставский, Ага-пов, Шкловский и др. Третье лицо Шкловского: такой-то человек и вдруг прославляет меня за очерк, не напеча-танный] в «Канале». Вдруг все стало ясно, и даже почему предложили сценарий.

6-го ночью собрался с духом, утром обдумал и днем бросился в бой: два часа держал, и все смеялись. Это вы-шел опять юбилей.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
7-го утром был еще раз на съезде. Вечером вернулся домой...

8 июня. Починка машины у Генрихсона. Приступил к постройке гаража. Беседа с Бостремом, с режиссером. Решение ехать с Генрихсоном в Нижний на 10 дней. Пришел скульптор. Я сказал ему, что позировать не буду. Он взял у меня фотографию и через неделю принес портрет мой из гипса: просил написать ему, что считаю портрет пригодным для массового распространения. Хотя портрет и не совсем был похож на меня, но художник, очевидно, нуждался, и сам я славу эту через портрет не особенно ценил, мне всегда казалось, что лучше в таланте жить, чем в славе оагеркнуто: парить. Я написал, что портрет (похожий скорее на Плеханова, чем на меня) вполне пригоден для массового распространения.

415

Через неделю стали со всех сторон доходить до меня слухи, что будто в парикмахерской, рядом с вождем, име-нем которого был назван наш город, висел я (вернее, Пле-ханов с надписью «М. М. Пришвин»). Еще через неделю мне пришлось идти стричься в эту единственную в городе парикмахерскую. Там было очень много народу, и люди подходили к освобождающимся мастерам без очереди. Я стал возле мастера вблизи моего портрета. Все, подходя «под Пришвина», говорили о порт-рете: я наслушался много интересного. Но я не мог до-биться мастера, все лезли «под Пришвина» так упорно, так работали локтями и каблуками, не обращая [внима-ния] на меня, на самый оригинал портрета, что я потерял терпение и ушел нестриженный, утверждаясь все более и более в том, что гораздо лучше в таланте жить, чем в сла-ве парить.

На полях: ток высокого напряжения

Я долго под влиянием Куприяныча думал, что Машку надо беречь (а потом, – сказал он, – можно и продать). Но мало-помалу въездился и понял, что Машка при каж-дой поездке мне много дает, что это больше ее расхода, что мне тоже, как и всякому владельцу, надо стремиться насколько возможно сильнее и скорее использовать вло-женные в нее силы и средства, что я, вступив в эту связь с машиной, должен и жить по-современному, а не по-кус-тарному.

12 июня. Дети анархисты. Им автомобиль представ-ляется игрушкой, которую похитили у них взрослые.

Ребенок рождается властелином, собственником и вра-гом установленной власти: он естественный анархист в са-мой демонстрации своей против власти, содержащей властолюбие. Вот тем и объясняются детские выступле-ния против похищенной у них взрослыми машины.

При скорости в 20 километров можно держаться за ба-ранку руля одной рукой, можно установить наверху у ру-ля регулятор газа, сняв ногу с акселератора, и, поглядывая на дорогу, отдавать свою освобожденную энергию мысли.

416

Сейчас я еще не в состоянии, однако, мыслить о чем-ни-будь отвлеченном без отношения к машине. Вот сейчас гудок перестал действовать, и запахло резиной. Я успел сообразить, что провод гудка замкнулся на массу, выско-чил из кабинки и сразу нашел, что шурупчик, прижимаю-щий клемму провода к изолирующей шайбе, ослабел, сде-ланная кое-как медная прокладка вывернулась из-под шурупчика, концом своим прикоснулась к трубке гудка, ток замкнулся на массу, и если бы я не схватился, быстро вся электропроводка первичного тока у меня бы переого-рела. Повернув клемму, я привинтил шурупчик, все по-шло по-прежнему, я поехал и стал думать о том, как похо-жа электроэнергия на ту, еще не управляемую энергию жизни, которая тоже как ток.

13 июня. Май был жаркий и сухой, в июне вот уже почти половина прошла в холодных дождях. Машка нам теперь становится как раньше было Переславское озеро.

На полях: само идет, входит в сюжет мой и государство и даже самая жизнь
За рулем я испытываю особенное наслаждение, когда сзади меня интимно беседуют женщины, Ефросинья Пав-ловна и Генрихсон: едешь, бывает, с большой скоростью, глядишь напряженно вперед, – как бы не попасть в ямку, не налететь на пьяного или глухого, не задавить овцу, гу-ся, собаку, – и так много всего опасного! но женщины не обращают внимания на быстрое движение и беседуют о своих вековечных женских делах, как будто не только машина на земле, но и вся планета Земля была неподвиж-на. Мне нравится их беседа с музыкальной стороны, так же как песня ручья весеннего или шелест листьев от лег-кого ветра в лесу. Очень редко я даю себе труд вслушаться в их беседу. Мне кажется, Генрихсон всегда рассказывает о своей вине, что она, будучи уже не молодой женщиной, позволила себе сойтись с Генрихсоном, почти мальчиком, и вот теперь за это она должна претерпевать ужасную му-ку: она должна, чтобы удержать его у себя, допустить брак его с молодой женщиной, принять молодых к себе в дом и забыть в себе жену и сделаться матерью своего мужа.

417

– Дорогая Е. П., скажите, могли ли бы вы? –Нет!

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
– И мне трудно, вот как тяжело привыкать, но как же иначе, ведь я сама виновата. Овладев машиной, никак не могу воспользоваться всей переменной в тех возможностях, которые являются мне с переменной моей в отношении моем к пространству и времени. Раньше я для какого-нибудь разговора на кир-пичном заводе из-за сотни кирпичей должен был терять целое утро, теперь, потеряв на это четверть часа, я еще че-рез четверть въезжаю в тенистую аллею из вековых дере-вьев, заглушаю мотор, открываю дверцу, и мне кажется, я приехал в какой-то неизвестный расписной зеленый мир с бегающими всюду солнечными зайчиками. Мне трудно справиться с собой и уверить себя в том, что [это] настоящий мир, а не представленный. Ведь я привык уставать и потом, отдыхая, постепенно радоваться тому, что заслужил: потрудился, и вот тебе за это солнечные зайчики. Но тут без всякого труда, вдруг ни с того ни с се-го, как в театре. Так вот я, раб старого времени и простран-ства, пока не могу приучить себя радостный мир природы [брать] задаром.

Или вот, бывает, едешь скоро по шоссе, и в эту ровную песню мотора вмешается неожиданно какой-то знакомый мне звук. Если бы он повторился! Выключаешь сцепление, заглушаешь мотор, машина стоит и молчит. Тогда вдруг находишь себя среди душистых полей, видишь, как рожь колосится, и вдруг повторяется тот чудесный звук, про-бывшийся ко мне тогда сквозь гул мотора: это перепел ударил и открыл мне опять все мое детство. Я опять не по-нимаю, как могло это выйти вдруг без всякого моего тру-да: вдруг открывается ни за что простор полей, и вот, как в те далекие времена, пролетит стайка в воздухе и прядет крыльями. А иногда выхожу из кабинки, или даже сверну с шоссе и по твердому зеленому лугу проведу машину в глубь и тогда выйду: тогда ноги у меня бывают слабые, как после болезни, и весь я, глаза мои, уши, всё – как буд-то я птичка, выпущенная из клетки, примирился с клет-

418
кой, с даровым кормом, с любовным голосом хозяина (мо-его мотора), и вдруг опять вот возвращается назад все мое прежнее. Так, бывает, птичка не летит, а сядет на ветку в недоумении. Так вот и я стою, потом медленно протяги-ваю руку к васильку и начинаю удивляться, – до чего он прекрасен!

В Н. сохранилась чисто крестьянская душа: он ненави-дит большевиков, все их строительство и в то же время до последней степени рад, что на Дальнем Востоке укрепле-ны границы и что «япошки» будут разбиты.

Человек, которого дешевле похоронить, чем напоить (это шофер Сафонов, брат прокурора).

Вчера приезжал Троф. Мих. Борисов (Тайна малень-кой речки): очень скучный... Строим гараж. Подрядчик Щербачков с печниками, штукатурами, плотниками. Очень похоже на группу Ка-лика. Возили вчера с Петей песок.

У Лады кончается пустовка.

Перипетия с Османом: ходили на пробу, мучились с ошейником. Лада в положении Хуа-лу.

14-е–15-16-е до вечера работа над сценарием, вечер 16-го – Калик и конец. 17-го Петя приедет, 18-го гуляем. 19-го, вероятно, Москва.

Вечером в гараже мыли Машку. Дети насаждают, старик весь день гонит лопатой (из гаража: силуэты старика и де-тей). Пьяненький Белов (пьян на 4 атмосферы: балло-нист). Один из маленьких мальчиков, глядя на мытье, сказал: «эта шина к вечеру спустит». Он разглядел, что мокрое колесо на месте [прокола] время от времени дава-ло пузырьки. Восторг детей, когда они узнали, что маши-на моя называется Машкой: – Мы теперь, как увидим вас, будем кричать: Машка, Машка идет!

Разговор с фребеличкой о любознательности: что дети стремятся к машине из любознательности.

419

Любо-знательность! и это любо, что мальчишка песок бросает в глаза шоферу или режет баллоны стеклом?

Пьяный Белов, доказывая, что насос худой, налил в него воду и, показывая на выступающие капли, пригова-ривает: «вот и полилось, и полилось, такая политика!» Подтавотили. Накачали лягушкой.

Вечером Литвинов передал черновик режиссерского сценария. Обсуждали вопрос о приеме важных гостей, Шу-мяцкого, Динамова и Металлова. Сообразив, что в группе у нас все вялые люди, я подумал было пригласить умного, веселого и в винном деле столь яркого Григорьева. Я ска-зал Литвинову, что риск сочетания Григорьева с началь-ством в пьяном деле не велик, но есть: впрочем, ведь сце-нарий будет утвержден в трезвом состоянии, а выходы от Григорьева можно ожидать только в самом конце. – За-чем же рисковать! – воскликнул Литвинов, – зачем это нужно? – И жена его Анна Влад. тоже сказала: – Вы, М. М., не принимали начальство и думаете, что их надо как-то особенно занимать: ничего не надо, каждый

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
занимается сам со своей рюмкой.
Так и решили Григорьева исключить. И так точно в наше время из опаски везде и всюду все яркое, индивидуальное исключается, и так я сам исключен из общества Горького, и оттого жизнь проходит так тускло: все побаиваются нарушить казенный тон.

16 Июня. Я спросил Генрихсона: – Можно ли пользоваться пробуксовкой при замедлении хода? – Нет, – ответил он, – лучше ехать на низшей скорости. – Но почему же, – возразил я, – мой первый учитель, очень опытный шофер – мне советовал пользоваться пробуксовкой? – Потому что, – сказал Г., – у него машина не своя.

Гаражи все на один лад, везде пьянство и ничего нет: какая-нибудь иголка для вентиля понадобится, так бегают, бегают... Но если приедет кто-нибудь со стороны и умеючи подойдет, то для него все явится: если это шина, то сейчас же с казенной новой машины снимут шину...

420

Утром в гараж все запаздывают после выпивки, и начинается разговор о том-сем, потом начинают искать чего-нибудь: непременно у каждого чего-нибудь не хватает. Дети уже говорят: «наша Машка». Если они не благодарят меня, то я говорю им: – Ну, дети, благодарите Машку.

Тема: «профессор и баба-яга»: мираж: соблазненная кулачка: ничего не было, а было... и проч.

Счет гаража.

Корнееву: перевозка и оплата кирпича: 4000 штук = кирпич = 240, перевозка 480 Герой моей Машки – человек умеренный во всех отношениях, ничем не выдающийся человек, но и лицом в грязь не ударит, не летящий, не падающий, а равновесный (Генрихсон): без такого человека в стране не может быть автотранспорта.

Смежники. После профилактики в нашем гараже ножной тормоз стал рычать. Я не знаю, что делал в яме монтер, но только заметил, когда один... не пробивался, он перешел к другому и забыл промазать коробку скоростей. Как я могу быть уверенным, что, сидя в яме, он что-нибудь не натворил.

Спросите в Загорске, и все вам скажут: кого-кого только не катал Пришвин на своей машине. Однажды видели, великан, деревенский плотник с пилой в руке сидел в пассажирской кабине, а Пришвин шоферствовал. Когда все видят детей и заключают о мягком сердце писателя...

Последнее неправда: детей да – но не сердце, пустой расчет.

Б. Комсомольский, б. Златоустинский, д. ЗА, кв. 25. Валерия Анатольевна Герасимова.

Дорогая Валерия Анатольевна, Ваше письмо я получил в Загорске только 16/VI, а то бы я, конечно, Вам давно ответил.

Я занимаюсь искусством слова, потому что в этом я себя самого нахожу, и оно же отбирает для меня друзей. На-

421

ше время суровое, книгу напишешь, и она проваливается: есть, знаешь, друзья, а не знаешь, где, будто все друг от друга в шапках-невидимках живем. Критики сплошь подхалимы. Работаешь в пустыне, как аскет. Так надо, конечно, идешь и несешь, но трудно, очень трудно жить одной верой, без явных друзей. Кругом всё о вещах, тяжелых и легких, но ничего о самом живом человеке: и оттого правда оагеркнуто: целого разломилась: вещи без человека во лжи проплывают. Милая женщина! я – художник, значит, я тоже все чувствую, я сам тоже баба. Вот, я слышу, две молодые девушки говорят между собой: – Прочитай, милуша, тут есть и для нас. – И для меня может быть? – Конечно, для всех нас. – Я взял у девочек книгу, прочитал с большой радостью и подумал: быть может, и не одна эта Герасимова подходит к живому человеку, быть может, это уже началось?

Шофер Куликов – Моск. шоссе, 2-й дом не доезжая переезда, правая сторона, разваленные ворота, по нечетным дням.

Машина не виновата – человек виноват, а между тем человек все валит на машину и так ставит вопрос: что когда будет хорошая машина, то и человек будет хорош. Дети садятся в машину и едут. – Куда вы едете? – Куда отвезет. – А если за 100 верст? – Придем. – И за две-сти? – Все равно придем.

Моя литература вышла из «романа по воздуху», из этих писем, с помощью которых тогда я... этим единственным средством привлечь к себе возлюбленную. Вот откуда «эрос», проникающий мои писания, и волнение, когда получается письмо от женщины: в этом возрождается прошлое и хочет сбыться старый сон наяву.

Замечательно, что в 61 год можно чувствовать так же, как в 20! А еще вот тема героя, чтобы спасти женщину, показаться ей могучим... (все это теперь и есть) Машина моя любит раннее зажигание. Стандартная машина заводится на позднем опережении зажигания, но

422

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
эта машина по неизвестным нам причинам очутилась на раннем опережении, и это индивидуальное свойство моей машины Генрихсон понимает как «любит», он говорит: – Эта машина любит раннее зажигание.

Узнать индивидуальные свойства.

Машина чхает: машина ехать хочет

Генрихсон, любя машину, говорит: – Машина не вино-вата. Безродный своеволит. Тема: Г. всегда говорит, выражая величайшее презре-ние к человеку: «потому что эта машина не его собствен-ная» – т. е. что если бы она была его собственная, он так бы не поступал: и это значит, совсем плохой шофер. Иной человек находится на таком низком уровне, что может от-носиться к вещам без вреда им, если они у него свои: дере-венский, примитивный человек. Итак, есть в этом разные типы людей: иному нужно только помнить о своем, чтобы хорошо относиться к чужой машине, у другого не свое, – значит, ломай...

17 [Июня]. Ежедневно дожди, холод. Захотелось мне даже барометр починить, и вот я извлек его из кладовой. Стали разбирать с Петей, мне надоело и показалось, что собрать правильно невозможно, я отстал. А Петя продол-жал добиваться и достиг: барометр стал хорошо показы-вать. Желая отстоять себя в этом маленьком деле, я ска-зал: – Моя роль администратора-предпринимателя, если хочешь, просто даже партийца: годы пролежал барометр в кладовой, и десять бы пролежал, и ты бы за него не взял-ся, а вот, благодаря моей инициативе, в какой-нибудь час работы у нас явился барометр, и как новый. – Петя на это ответил: – Все равно он лег бы на свое место и продолжал бы лежать годы, если бы к тебе не явилась техническая помощь.

19 [Июня] вечером барометр перестал падать. Пришел Бострем. Я думал о «желтой опасности»: что эта соловьев-ская формула потеряла теперь всякий смысл: варваров, т. е. народности менее культурной, но более богатой природ-ными силами, могущими быть страшными для народнос-

423

ти более цивилизованной, но менее сильной физически, теперь больше нет на земле. Японцы, особенно китайцы... какие же это варвары!

Левые эсеры – это люди, которые в конце концов бес-сознательно претендуют на престол, маскируясь миро-воззрением индусов. Едва ли они чему-нибудь научились и теперь...

Я принадлежу к массе русских людей, которые подчи-нились завоевателям и стали работать с ними в ожида-нии, что рано или поздно завоеватели принуждены будут считаться с интересами завоеванных, сами научатся... и нам от себя нечто дадут. Они и дали нам ту самую инициативу, которая была у меня в случае с барометром...

Незнакомка (В. А. Герасимова): волнует только тем, что незнакомка (какой абсурд! своя же баба, да на чужом огороде и то слаще, а уж чужая!): повод для работы эроти-ческого воображения (интересно для анализа прошлого). В таком случае совпадение или возможность материали-зации воображаемого чрезвычайно редка. Придется вер-нуться к анализу: этого счастья «безумия» хватит на всю жизнь: источник вечной юности: как все зажглось вдруг, и стал понятен внутренний человек (догадка Павловны: «этой красавицы нет»). Е. П. относится скептически к портретам женщин для моей героини «красавицы»: «этой красавицы нет: киношники ее сделать не могут». Вот ана-лизировать этот момент перехода от незнакомки к жизни после катастрофы: неудачник, злобник, демон, Григорьев, завистник, скептик, подпольник, самосильник = или же: система поведения, чтобы поверх личной беды этой же силой, сосредоточенной в незнакомке, как в фокусе: в этом свете всю жизнь увидеть и тем понять всю ее глубину. Ес-ли бы удалось все понять, то это был бы я.

Правильность моей жизни была в доверии к этому све-ту: и что я не хотел это анализировать: надо было дейст-вовать (правда была в действии без анализа). Почему же мне-то в конце концов незнакомка просияла жизнью, а оагеркнуто: Блока, напр. другого наградила сифилисом и превратила в занозу. Общественники нам дают свою

424

«любовь к ближнему» или все равно «коллективизм» и т. п. как нечто данное, как абсолютную, вытекающую из жизни ценность: между тем к этой ценности необходимо лично Дойти.

Еще свойство «незнакомки»: она может загораться с верхнего конца и обрываться искрой поэзии, освещающей чудесно земные предметы; и она может загораться в гру-бейшей чувственности: поднять завесу ночью, раскрыть, что там: ползти на четвереньках: и ведь тоже там нет ни-чего: точно такой же обман.

21 июня. Население Загорска, 11-й завод и др. было мобилизовано для встречи челюскинцев, и даже куплены были для Шмидта золотые часы, но поезд не остановился.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Судьба Челюскина – корабля: корабль погиб, но люди живы – сплелась с нашим кораблем–государством: однако этот лучший смысл всей «эпопеи» никто не посмел высказывать. Напротив, авантюристность поездки во льды на негодном корабле... Но так надо: ведь государство же крепится народом, и ничтожность повода исчезает в значительно–ти демонстрации: есть что показать.
Обыкновенная, повседневная жизнь в рассказах, по–добно «барометру» и, напр., «диамату» (и «не–обходи–мость»: сознание необходимости – есть свобода). Можно исторически: «кадет»: записывать жизнь свою прямо рас–сказами...
«Незнакомка» меркнет. Боюсь, что и тема моя «Маш–ка» тоже померкнет. И отчего? стоило бы Шумяцкому вовремя ответить, и я бы завяз, все равно как вот заказали мне Хуа–лу, и я сделал. «Дон–Кихот» начался тоже от ни–чтожной причины. И вопрос: если бы этой причины не было, явилась бы другая подобная для создания «Д.–Ки–хота»? Это сводится к тому: если бы от случайной причи–ны умер Сервантес до романа, написал бы кто–нибудь по–добный роман «Дон–Кихот»? Я думаю, что нет, и тоже если ничтожного повода, вызвавшего роман, не было бы, то и романа [бы] не было. Но только «ничтожество» пово–да, напр., заказ детского журнала, вовсе не есть ничтоже–

425

ство, а проявление великого в ничтожном (напр., редактор Альмединген, его деятельность есть великая деятель–ность, осуществляемая незаметным человеком. Незнакомка: реализация «незнакомки» есть такая же «случайность», как, напр., создание «Дон–Кихота» (незна–комка – это невеста). Мои сочинения насквозь в эро–се, моя литература едва–едва выбивается из потока чувств.
Пьяница Ломакин хоронит сегодня свою жену, всем называя ее мученицей, замучил сам и теперь сам говорит: «отдаю последний долг мученице». Она была верующая, православная, и он, пригласив музыку, тем самым, что музыка содержит ритм, порядок, некий чин, считает, что это, значит, и по–христиански, т. е. что мог в отношении христианства, то он сделал, покойница в гробу, в цветах, родные собраны, музыка – все честь честью: отдал свой последний долг. Противно до последней степени: какой–то вскрытый и освобожденный от Достоевского и дейст–вительный Мармеладов. (И еще, негодяй, оправдывается «болезнью» своей: что, по признанию врачей, запойное пьянство есть болезнь.)

22 Июня. Вчера появился Именитов Григ. Ильич, – роман написал!
Шофер Куликов Коля под машиной лежит, а друг за женой ухаживает.

Челюскинцы – это парад.

Вопрос о детях: почему бросают камни?

Взяток (мёд: день влажно–теплый).

Незнакомка. Оправдание оптимизма.

25[Июня]. Вчера был Литвинов: назначил прием у се–бя начальников на 28 (27–го будем ждать результата). Уехать могу, вероятно, лишь 30–го.

Инфантилизм и вирилизм (ст. Эфроса «Триумф детст–ва»). Разность художественного восприятия детей и взрос–

426

лых. Слова Коррадо Ричи: «ребенок рисует не то, что он видит в предмете, а то, что он знает о нем» – Эфрос пере–вертывает наоборот: «зрелый художник изображает не то, что он знает о вещи, а то, как он видит ее». Иными сло–вами: искусство ребенка умозрительно, искусство взрос–лого – отображательно (Эфрос). «Один воспринимает мир опытом представлений, другой – опытом наблюдений». «Если у взрослого чего–нибудь не хватает, значит, он мало видит приписка: путешествует и пр., а ребенок – мало знает. У взрослых все знания лежат балластом, пока у них нет непосредственных зрительных восприятий».

Характер Османа: человек из подполья: Осман – это человек из подполья: соглашается на дружбу, вы гладите его, чешете, больше, больше, он киснет, кажется, вот сов–сем раскиснет и будет обыкновенная собака, как вдруг рывкнет злобно, и вы отскочите...

У Лады вчера в овсянке, наверно, была соломинка, се–годня эта коротенькая тычинка не совсем вышла с перева–рившейся пищей и осталась торчать под хвостом. Осман понюхал и какой умница! вытащил постороннюю тычин–ку передними зубами, положил ее на траву, долго нюхал, разглядывал, потом поднял заднюю ногу на нее и, омочив, покончил совсем с операцией.

Мертвец: пьяный шофер врзался в толпу, изувечив несколько человек, один из них с разбитым о радиатор за–тылком попал на буфер и приписка: в бессознании сел на него. Шофер, наделав беды, отрезвел и, пустив маши–ну, пошел наутек. За ним кричали, бежали, свистели, но успеть не могли: шофер убежал бы. Но седок впереди, не–видимый шоферу, пришел в сознание, ощупал свою голову, размазал кровь по лицу и, сообразив положение, захотел показаться шоферу, чтобы тот остановил машину и пус–тил его. С большим трудом, медленно он перевернулся лицом к радиатору и, обнимая перед автомобиля руками, стал подниматься на ногах...

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Шофер почти совсем успокоился, рассчитывая, что ед-ва ли в суматохе кто-нибудь успел запомнить его номер.

427

– Не пойман, не вор! – сказал он себе. И только это ска-зал, вдруг впереди из-за радиатора показалась вся в крови голова человека. Шофер дрогнул, выпустил руль, машина ударилась радиатором в стену, и окровавленный свиде-тель...

Какой ужас!

Вчера приехали Коротаевы. Сели на машину и устрои-ли пикник на опушке у ржи под защитой кустов (рожь на-ливает). Вспомнился несчастный профессор, коммунист (грешок троцкизма), видевший в каждом кусту сексота. Ужасно мне жалко его, и много таких (у Ник. Плат. – дво-рянство): он есть техническая сила (честный труженик): обречен на каторжный труд, чтобы замолить прошлое (дворянство), и незамолимо: потому что честность в труде (Петина) против задора борьбы (Левина): нет рывка, и оба вянут... (Отрекся от родителей, посылает им 50 р. по суду: что-то вроде социальной чахотки.) Герои Герасимовой (а масса как судьба). Взятки. Дожди в тепле, сильно растут травы, все цве-тет, рожь цветет. Когда солнце покажется, пчелы собира-ются, и не видишь их, а слышишь, и пахнет медом, все гу-дит и все медом пахнет.

В чистой здоровой машине гудит мотор так хорошо, будто песня здорового, молодого, веселого человека. И как чудесно бывает еще слышать за этим гулом мотора при-глушенный вековечный разговор женщин сзади себя, ни-чего не понятно в словах, и как много вековечного, общего, человеческого в их разговоре. Вдруг камень летит в ма-шину (жестянка: мальчуган; он убегает к дому своему, как курица: его очень просто поймать: и поймали: он окаме-нел).

Незнакомка. У Пани фигура как у Е. П., и она ей пле-мянница, и оттого все в ней известно и получается «родст-венно», т. е. в голову не приходит никакая «дурь». Напро-тив, когда явно не родственно, незнакомо – тут и дурь

428

(своя же баба, да на чужом огороде и то слаще, а уж чу-жая!): незнакомка другого рода, влечет в сторону, дальше, дальше: это сила экспансии: движение в чужую страну, куда-то... Напротив, родовое чувство (сама женщина) тя-нет внутрь (консервативность женщины).

26 июня. Корабль режет воду и не зарежет: вода бур-лит. Хорошо смотреть! Но пассажир не глядит вдаль на пройденный путь. Кто он такой?

Так начать бы роман. Но писать роман – все равно, что вдаль смотреть на пройденный путь, в то время как под бортом бурлит вода. Не будет романа и обмана: пассажир – это я. Жизнь моя, довольно уже долгая по счету лет, если смотреть в ее прошлое, кажется бедной и короткой: ниче-го особенного! Но стоит заглянуть в бурлящую пену во-круг корабля и потом с этими глазами отправиться в про-шлое, то великим неисчерпаемым богатством кажется эта моя прошлая жизнь. Вот почему я боюсь о прошлом пи-сать и, оберегая это свое великое богатство, жадными глазами всматриваюсь в настоящее.

Рев лосей под Москвой. 1. Птичье кладбище.

Суеверием я называю, когда из понятного человек строит «тайну».

У нас, охотников, простых и даже образованных всегда было [неразгаданной] «тайной» быстрое уменьшение ди-чи во всех уголках. Никакие разумные доводы не прини-мались во внимание, находились даже биологи, писавшие о катастрофическом уменьшении дичи от «неизвестных» причин.

Тридцать лет тому назад я служил земельным агроно-мом в Клину и уже тогда слушал эту «творимую легенду» в лесных угодьях светлейшего князя Меншикова-Корей-ши. Один охотник уверял меня тогда, что птица улетает куда-то и не возвращается, что там где-то в той стороне, куда каждую осень птица летит, есть птичье кладбище. Теперь, когда имеешь удовольствие так ясно сопостав-лять настоящее с прошлым и многое так просто вновь по-

429

нимать, происхождение легенды о птичьем кладбище так легко объяснимо: так уму простого охотника представля-лась роковой обреченность рода князей Меншиковых-Корейш, не смея прямо на князей смотреть, лесной поэт перенес это чувство тоски вымирания жизни на птиц: уле-тают на птичье кладбище. Я помню ясно этого светлейше-го прожигателя жизни, истребление великолепных лесов под Завидовым. Он успел тысячи и тысячи десятин этих лесов дочиста истребить, пока, наконец, не замечен был администрацией, и светлейший князь в своей высшей красоте явился к нам в земство по грязной «народной» лестнице что-то выпрашивать... Мы, агрономы, бухгалте-ра, с начальником, три земских, все улыбались друг другу, глядя на этого пойманного хищника. Из этих улыбок, ве-роятно, вскоре и сложились мои старинные, открывшие мне литературную дорогу рассказы: «Крутоярский зверь» и «Птичье кладбище».

Эти леса, снесенные раз на дело, а потом, кажется, в дру-гой раз, уже на дрова,

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru так и не поднялись до сих пор: часа-ми едем мы теперь с охотоведом Катынским верхом и все одинаковый березовый подрост, утомительно однообразно. Эти огромные пространства молодого леса, дважды [истребленные] светлейшим князем, теперь входят в состав угодий Военно-охотничьего общества, и сколько тут дичи... я не могу просто сказать: вы не поверите и скажете, что я усердствую и вывожу нарочно, как многие это делают для «оптимизма», количество птиц и зверей. Между тем я вовсе не к числу веду, а к суеверию и разоблачению творений легенды о птичьей кладбище: что когда князь, Крутойярский зверь, пропывал леса – дичь уменьшалась, но стоило только Военному обществу взять дичь под свою охрану – и уже в несколько лет всякой дичи развелось в небывалом для нашего края и в древние времена количестве.

2. Глухарь.

Никого так больно не била революция, как нас, культурных охотников. Ведь, кажется, ясно, что культура охоты развивается параллельно военному делу: делу

время –
430

потехе час. Так ясно, что нужен длительный мир, чтобы воин превратился в Тургенева, стреляющего бекасов, что культура охоты связана с дворянской и необходимо должна нести на себе последствия разгрома усадебного быта. Ясно, а все-таки больно. Ведь этим «аргументом» били нас пушники, стремящиеся ободрать всех зверей. И ведь как больно били! Еще бы: культура охоты ведь [только] вышла из дворянской усадьбы и военного быта, а потом она слилась с [новой жизнью] и так осталась служить лучшим отдыхом сотням тысяч рабочих, подготавливая среди молодежи лучших бойцов в деле обороны и [защиты] государства.

Никакие эти аргументы не принимались во внимание, кустари охотники иностранные гибли, пока, наконец, военно-охотничьи общества не взялись за культуру охоты и не начали открывать свои двери ученым, писателям, художникам и всем, кто только способен этому важному делу помогать, а не только истреблять дичь для собственно-го своего удовольствия.

Вот мы теперь и едем с охотоведом Катынским там, где я тридцать лет тому назад ездил с целью вводить у крестьян травосеяние и товарищества. Своими охотничьими глазами мы видим удивительные вещи, и жизнь глухарей, этих лесных Гулливеров, нам, охотникам, все это смешно! – представляется на фоне человеческого сообщества лилипутов [прошлого]. Правда, вот огромный деревянный угрюмый дом светлейшего князя: какая мерзость за-пустения, какая безвкусица, как ничтожен этот лилипут, мелькнувший в жизни, так, чтобы дважды пропить сохранный дедами девственный лес. А между тем глухари жили, трудно им было, когда рубили сплошь леса, но сила жизни у них огромная: ведь пережили! Вы этого нигде не увидите, а мы, опытные охотники, никогда не видели птиц... Как представляешь себе глухаря: в глухом лесу, конечно, и все обаяние этой величественной птицы, что в глухом лесу, для избранных, он поет, как маленькая птичка, и в то же время он Гулливер, наполняющий собой весь девственный лес.

431

Теперь надо представить себе редкий березовый мо-лодняк, выросший после двойного истребления: очень правильный лесок со всякими мелкими цветами, мура-вейниками, грибами, – [здесь] теперь глухари живут и сколько! по 20 штук на току можно встретить теперь только в Архангельской тайге да вот здесь, в этом дачном лесу. Сила жизни, привязанность к месту у птиц такая, что они продолжают свою жизнь в совершенно преобразенной природе. И нам, охотникам, ценящим особо перед всеми людьми силу жизни, эти великаны-птицы кажутся Гул-ливерами в сравнение с тружениками или лилипутами «Птичьего кладбища».

3. Последний лось.

В южной части угодий Военно-охотничьего общества, вероятно, и кончались владения светлейшего князя, по-тому что возникли тут [нетронутые] девственные леса, имеющие, конечно, характер тайги. Наша задача была ле-тучей разведкой подготовить материал для таксации зве-ря и птиц в этих угодьях, и особенно нужно нам было узнать о лесах. Мы приехали к знаменитому в старое вре-мя охотнику на лосей, и тут возле его избы у телеги собра-лись егеря и сторожа

Военно-охотничьего общества: кто на телеге сидел, опустив ноги, кто на оглобле. Мы с Ка-тынским сели под дерево на корень и повели беседу сна-чала деловую, а потом Катынский стал наводить разговор, чтобы вышло что-нибудь занятное для меня как писате-ля. Егеря, быстро поняв мысль Катынского, все показали на М..., знаменитого охотника, чтобы он что-нибудь нам рассказал из жизни лосей. – Соври что-нибудь, – сказал старый егерь. – А ты сам соври, покажи пример. Старый егерь согласился.

Портянки рассказ егеря Кирсанова

Приезжал охотник из Москвы, пошли за глухарем. Он себе стер ногу, захромал...

– Так это просто! – воскликнули все егеря, – какой же это рассказ, надо

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
что-нибудь соврать.

432

Чудесные птицы

– Есть чудесные птицы в лесу, – сказал охотник К., – сами маленькие... голова большая, а на шее воротник...

Все засмеялись, но К. не смутился.

– А то есть совсем маленькая...

Французская булка

Ничего не выходило, и, помолчав, все в бессилии обра-тились к Михаилу:

– Прожил ты, старик, до 80 лет, неужели тебе ни разу не случилось солгать?

– Случилось было...

– Ну, расскажи, как ты солгал.

– Просто было, – сказал Михайло, – было в то время запрещение на лосей, нам нельзя, а лесничему можно. Приехал из Москвы лесничий. Я ему лося выставил. Он стрелял, лось ушел, и крови не нашли. Лесничий уехал и наказал: ты, Михайло, пожалуйста, может быть, где найдешь: мясо себе, а шкуру мне. Он уехал, а я нашел: жи-вехонек. Вот я взял и убил. Выпотрошил лося и повез до-мой. На грех потеряй я печенку. А объездчик Прохор был вострый, – не знаю, жив ли теперь, – бывало, говорит: ох, Михайло, попадешь – обдеру! И наткнись этот Про-хор на печенку, смекнул и ко мне с обыском. – Что это, спрашивает, у тебя под рогожей? – Это, говорю, ничего: это французская булка. Поднял он рогожу. – Ничего, го-ворю, это намедни лесничий охотился, стрелял и велел поискать, и мясо мне, а шкуру ему. – Написали лесниче-му. Тот ответил, что очень рад, [что нашли], велел шкуру г-юдать, а деньги Михаиле пропить... Объездчик Прохор, человек вострый, – не знаю, жив ли теперь, – конечно, смекнул и говорит: – Вот так французская булка! – А я на это ему отвечаю: – французская булка и с косточкой.

Последний лось

Всем до того понравился рассказ о французской булке, что все забыли о необходимости врать и начали просто рассказывать о лосях, кто что знал, как в старое время

433

браконьерствовали: самку убьет и рога к ней вделает, буд-то самец, и как один министр на охоте под предлогом, что принял за волков, убил двух телят, и как министр Сипя-гин на охоте по птицам встретил лося, испугался и зале-пил ему в глаза из дробовика, и как жил потом, изнывая, этот самый лось. До сих пор хватает за сердце этот рас-сказ. Но всего страшнее был рассказ о последних лосях во время революции. В то время старый и малый взялись бить лосей и до того выбили, оставались последние, но их долго не могли убить и знали, что есть, а убить не могли. И вот раз Михайло увидел последнего лося [с двумя теля-тами]. – Вот радость! – сказал Михайло, – и так все идет на охоте: нам горе – им радость, нам удача – им смерть. Уда-рил я самца – упал, и корову ударил – упала, и телят обо-их убил. Приходит Прохор, просится в часть. Пока гово-рили, глядим на матку у ручья, оглянулись, а лось позади встал. Оба разом в него – упал. Оглянулись – теленок стоит, просто страшно стало. Подошли – не бежит, прямо зарезали. И тогда смотрим, у ручья корова стоит. Ну, я не мог, а Прохор прицелился – и она упала в ручей. Так вот охотнику счастье, а им смерть, нам неудача, а им радость.

В дебрях Московского края

Думали, что всех лосей начисто выбили, а вот опять лоси, какая огромная сила жизни: все выбили, но стоило только Военно-охотничьему обществу – и лось опять по-казался. Бывало, в первые годы Михайло увидит лосевые орешки, и в шапку их прямо в Москву, и все удивляются и радуются: лоси опять показались. Год за годом охраня-ли, и вот теперь мы во главе с Михайлой и следы разных лосей считаем десятками.

– Приятелем их не был, – говорит Михайло, – а жизнь их знаю. Таволга, иван-чай, дикая рябина, трилистник – любимая пища. Вот след в осоке зеленой: как будто из осоки свилось гнездышко, это лось ступал, а сам ступишь и провалишься. Почему так? Вот корова шла с теленком. А это что? Это корова с теленком пошла в одну сторону, а другой след в лес. Не старый ли след? Нет, свежий: вот

434

забрызгана свежей грязью листва трилистника. Этот след вышел под выворотень, и все стало понятно на грязи: бык и с ним [лось]. Под выворотнем лось напился. Вот осина, целая [роща] осин, особенных, скусываемых из года в год. Вот [сломали] осину, но дерево живет, по тончайшему листу из коры [сок идет].

Вот лось покусал дерево. Михайло знает, что этому ло-сю третий год. И это очень просто узнать: если он своей рукой достанет до укуса, значит, лосю пошел третий год.

Ты считаешь скусы, вошел в жизнь зверя, мы всё в лесу начинаем понимать

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
по-лосиному. И озеро козино [лес-ное], к которому мы не скоро добрались, утопало
на прибо-лотице (а лось просто и легко подходит напиться), так сумрачно смотрел
на нас, будто сам он был.

Это было тому назад уже три года, и тогда мы посчита-ли в этом урочище
шестьдесят лосей. Теперь же их живет тут под Москвой уже более ста.

Совсем не нужно и всюду лось показался. Не нужно ез-дить в Сибирь, искать страну
непуганых птиц и зверей. Стоит так взяться развести охотничье хозяйство, и у нас
под Москвой будет гораздо более птиц и зверей, чем в даль-ней тайге. Пора забыть
это суеверие, что было принято...

Машка сама научит!

В дороге мы разговаривали с Каратаевым, и вдруг мне показалось, будто руль не
забрал, но, пропустив немного, опять стал действовать. – Вероятно, люфт маловат,
– по-думал я, – и продолжал разговор. Было так еще, и еще, я даже сказал об этом
Каратаеву, и он тоже сказал мне, что, вероятно, люфт. Но это оказалось, что
спустило перед-нее правое колесо и мы ехали на ободе, разорвало на кус-ки
камеру. Генрихсон дома стал искать гвоздя в крышке и нашел острие, но вытащить
гвоздь было невозможно, оказалось, что гвоздь был залит в самой резине на заводе
и постепенно острым концом своим выпер и проткнул ка-меру. – Можно было
предвидеть по ходу руля о спущен-ной камере и не дать ободу распилить резину, но
как можно предвидеть, как можно предусмотреть, что на резиновом заводе в шину
гвоздь острый заливают! – сказал я. И Ген-

435

рихсон ответил: – Я давно говорю, что всего не преду-смотришь, всему не
научишься, Машка сама вас выучит.

28 июня. Сегодня в 12 ждем из Москвы генералов от кино: Шумяцкого и Металлова.
Надо воспользоваться: 1) необходимость озвучания фильма: дороговизна живот-ных и
проч. 2) Бумага в Гиз. 3) Пленка. Посвятить 29-е доставанию пленки, 30-е пробам
и сборам и 1-го выез-жать.

Мотор чисто, весело, бодро поет, но и «соловьи» тоже поют в кузове, кажется,
мотор стремится вырваться из дрянного кузова.

Страшный мальчик с кирпичом в руке Павлик Волгин: такой чудесный мотор, душа
сливается с ним, и вот ма-ленький злодей поднимает большую половину кирпича...

Принимал гостей и занимал, время прошло, будто с большой скоростью ехал на
машине: ехал и больше ни-чего: время прошло, я проехал, и у себя ничего.

Бывало, до того доездишься, что когда в Москве сой-дешь на улицу, то все
кажется, будто на машине едешь, и все, кто идет с тобой рядом, кажутся машинами:
непре-менно вправо свертываешь, обходишь слева, из переулка при выходе на
большую улицу ход сбавляешь и даже на углу в забывчивости сложишь губы гудком.

1 июля выехали с Генрихсоном в 9 у. из Загорска, но-чевали во Владимире и утром
2-го июля были в Горьком = 500 килом.

2–3 [июля] в гостинице «Россия» (интурист) в ожи-дании разрешения посетить
завод. Шмидт Лазарь Юлье-вич и Агапов Бор. Ник. Жара. Пиво на слиянии Волги и
Камы. Весь город обошли, – чаю напиться нельзя – нет чаю! а пиво везде. Женщины
без чулок на франц. каблуч-ках. Вьдь на Волгу: вид – новый мост и уток больше
нет, и везде так: вдали нет ничего особенного, люди – мелко-

436

та, птицы, звери, – все на убыли. Теперь надо руки прило-жить к природе, чтобы
она чаровала: нужен ландшафт.

4 июля в 10 у. Парткомитет: т. Осипов и потом Гроз-ный Фед. Григор., глав,
инспектор О.Т.К. (отд. техн. каче-ства). Обед у Грозного, история жизни: фордизм
и лап-тизм (Лапин), главн. механик Давыдов...

5 июля – осмотр Литейного и Кузнечного цехов (поршневое кольцо). Начало ремонта
Машки.

6 [июля] выходн. день: поездка на Гавань (Ока), осмотр Соцгорода, Монастырки,
Молитовки. Мужики без земли и на завод, и тот их «перебеливает». Приезд
Дьяконова.

7 июля разрешение начальника сменить кузов. Осмотр лаборатории. Смирнов.

8–9–10 [июля] борьба за кузов. Приписка: Челюс-кинцы выгнали из Интуриста в
Соцгород. 10-го в 12 н. заправка бензином и выезд из завода. Ночевка в
Соцгоро-де.

11 [июля] в 5 ч. у. отъезд и в 7 ч. в. прибытие в Москву. Люди: Грозный Федор
Григ., Ева Борисовна, сын Рем. Смирнов Анатолий Андреевич, завед. лабора-торией,
Соцгород д. 42, кв. 5.

(адрес: Горький, Автозавод, Центр, лаборатория).

Пономарев Борис. Васил. Горький, Соцгород, [редкий] автогигант.

Жмурку: мастер.

Майборода – инженер, инспектор.

Парышев – завед. кузовным цехом и главным конвейером.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Озолопин – механик, премированный машиной.

Троицкий – пом. Парышева.

Полишук Валент. Захарыч – электрохимик приписка: (мой читатель: никель, хромированные части (автозавод).

437

Кан Александр Еремеевич, помощник инспектора ОТК.

Гесин. зав. механическим цехом – вредный. Зверев – зав. никелем.

Горелов. Москва, т. д.1.32.75. Служб.: Ж.1.11.50, встретили во Владимире, завед. гаражами, может все до-стать по автомобилям.

Приписка: Головная боль, понос, унижение и люди, резко раз-деленные на моих друзей и врагов.

Генрихсон был беспомощен, пока вдруг не понял, что и здесь тоже надо выискивать случаи, подгонять, пилить, тащить, как в кустарной мех. мастерской.

На полях: Трудней и трудней мне становится спускаться в колодезь и доставать оттуда материял, из ко-торого я делаю свои вещи.

Золотые места.

1. Парышев (штурмовка и партизанщина) – борьба за синий кузов, как у челюскинцев; решимость действо-вать без объективных причин: нет кузова синего, пере-красить из черного, нет краски... «И на один [нет]? – Нет! – А сколько челюскинцев? – Одиннадцать. – Вон сколько, хватит!»: намек, что один можно им дать черный, а я не понял, и мне стало неловко, я сдал, и как только я сказал, что могу удовлетвориться черным, он перестал интересо-ваться, нажимать и даже уважать меня.

2. Кошка в Литейном цехе; девушка сгорела в кабин-ке: так родилась Машка.

Литейная земля, дающая превос-ходную мелкозернистую структуру металлу.

3. Майборода, Троицкий: такие же необходимые эле-менты творческого, как головная боль и расстройство же-лудка.

4. Старая одежда Машки и рядом скелет одевается.

5. Генрихсон всплеснул руками: кузов с «М. Пришвин» приписка: «Машка» опускается на другую машину (как Савельич у Гринева).

6. Жмурко (скептик) указывает на другую машину с надписью «М. Пришвин» (у нас б... на конвейере).

438

7. Крылья с карманом (Майборода: есть крылья).

8. Хромированные детали.

9. Кульминационный пункт: борьба за «поставить на конвейер» и за «снять с конвейера».

10. Наступление момента, когда начали все помогать: и потому даже, чтобы поскорее разделаться: ведь все рав-но все задержалось. Генрихсон сказал: «Мне ничего, я бе-гать буду, но ведь все равно вы дадите, а я бегать буду».

11. Апофеоз: у конвейера заправляемся бензином.

12. Конвейер.

13. Душа машины: или душа человека или в пределах несовершенства; стандарт – это смерть и человек воскре-шает.

14. Озолопин говорит: – Машина учит дураков, при-писка: учит уму, и люди становятся лучше каждый мо-жет продлить жизнь машины. – Значит, – сказал Т., – в Америке люди должны бы быть и лучше, и умнее, а между тем в голове революции стоим мы, а не они... – Револю-ции, революции... – бормотал Озолопин, не зная, как от-ветить митинговому оратору. Заключил Генрихсон: – Ма-шина – это лючче всего.

15. Борьба со своим и за свое: если бы не Машка, ка-жется, как бы я свободно ходил везде по цехам и вообра-жал, но где же корректив моему воображению: это Маш-ка: мой долг – снести свой позор.

16. Один, расширяясь на заводе, оставляет свое кус-тарничество, и как хорошо идти по цеху, думая, что ведь тут провинции или специфике конец: станки рядом и цех с цехом; другой кустарь выживает в этом свое кустарное счастье и тащит из целого нечто в свою конуру; третий, расширяясь, поверхностно, – и таких множество! – пре-кращает бережное отношение к материалу и рвет (случай со слесарем, мчащимся на машине: и вообще стремление к быстрой езде – есть некультурность).

17. Вопрос о современном человеке, сравнительно с [не-давним] партизаном и штурмовиком: человек культуры труда.

18. – Культура труда у Форда... говорите, а не понимае-те, я же у Форда был и знаю: вы думаете, дело в словах,

439

что скажи – и слово действует. Нет! Форд знает, что тут... – Показывает на лоб:

– Тут твердое место, и слово через него не пройдет. Форд действует сюда. –

Показыва-ет на живот: – Тут мягко и верно.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

19. Головная боль, понос и оскорбление, неизбежные спутники моих даже самых маленьких вылазок припи-ска: путешествий; но я все-таки их перемогаю и говорю с восторгом о солнце в новой стране, луне, звездах, рыбах и птицах, зверях необыкновенных и мною невиданных. Так в далеком от нас творчестве новой прекрасной жизни настанет момент, когда человек в особенном неведомом нам порыве должен будет забыть все прошлые челове-ские жертвы: девушка сгорела в ковше, из этого металла была отлита машина, и вот каким же должен быть новый человек, водитель машины, чтобы прославить машину; наш спор с Бостремом.

20. Природа и охота с приспособлением машины для продвижения на место, все равно что в очках: сначала не-ловко, а потом будто так и надо. Скорость продвижения влияет на охоту, лишая терпения при отыскании дичи. Согласно с машиной должен быть парк, приехал и стре-ляй (однако все от привычки: привыкли же охотники к жел. дор.)

15 Июля. Ездил в Торгошино к Катынскому и ходил вечер с Ладой по старинным местам: места, где убивал дичь, никогда не забудешь.

Рожь налила, желтеет, колосья гнут соломины. Сине-ют васильки.

Есть чувства, возбужденные так давно, что источники их в сознании утеряны: толчок дан на всю жизнь, и дейст-вуешь, а начала нет. Так было у меня с Достоевским: не-сомненно, питался всю жизнь этой благодатью жалости и давным-давно, пережив ее в себе, претворил в чувство природы. И вот теперь, когда Герасимова поднимает во-прос о жалости в отношении к нашему времени, то кажется, вновь возвращаешься к своей юности, и вопрос Ивана Карамазова является вновь во всей своей мучительной силе.

440

Сколько, напр., истрачено сил на борьбу за личность, единожды являемую в свет: и действуюешь просто верой, просто внутренним чувством правды, а между тем вышло это, конечно, от Достоевского, а через Достоевского из христианства, а через христианство из культуры всего че-ловечества с древнейших времен.

21. Своя машинка. Кустарь стоит на своем, без личного отношения он не работает. При переходе на большое про-изводство он прежде всего как кустарь ломается в отно-шении к материалам и орудиям производства: все это да-но, все это не его, а казенное. В этот момент кустарь похож на аскета, у которого исчезла цель его поста: аскет пьет, гуляет и пляшет; так и кустарь – бывший скряга...

22. Деревня Монастырка и другие обезземеленные и втянутые в большое производство: конечно, мужики все тащат в свой дом.

Герасимовой: Вы взялись за тему, которая жизнью еще не разрешена, как Вы можете окончить борьбу на бумаге и выяснить нам темное, если в жизни только начинается борьба за это.

Для меня интернационал рождается в творчестве: не все ли равно, фет русский или еврей?., если я вижу еврея на улице или немца, я вспоминаю себя как русского, но ес-ли я читаю стихи фета, мне и в голову не приходит, что будто бы фет был евреем. Сущность всякого творчества и есть в преодолении местного, национального с тем, что оно встает в свете универсального: творчество есть страш-ный суд бытия: местное бытие встает перед судом универ-сального сознания.

18 Июля с Чувиляевой Любой и Павловной ездили в Переславль.

Озеро Плещеево – это действительно мое родное озе-ро, моя родина. Не было никаких новых впечатлений, но был я у своих и спокойно радовался. В деревнях тоже и тут нигде хлеба нет, и тоже нельзя достать молочных продук-тов. И тут тоже, как и под Загорском, огромное сокраще-ние коров и лошадей, а может быть, и запашки. Вообще люди живут заметно хуже и хуже.

441

23. Фордизм и лаптизм: «лаптизм», очевидно, направ-лено против инженера Лапина. Завод Газ хватал мужиков целыми деревнями и бросал их в работу американских машин. Напр., подрезка блока цилиндров: мужик должен отвинтить срезанный блок и привинтить новый, в то вре-мя как машина движется. Похоже на «топчаг»: лошадь должна переступить, а от этого вертится молотилка. Не только деревни, но и целые города бросались в топчаг. Получалась двойная жизнь: одна жизнь новостройки, где машина, механизм строительства диктует свои условия и образует картину движения вперед (напр., Мурманск, Хибиногорск); другая в старом городе, где на фоне старо-го, утраченного выступает советская служилая мелкота: в выходной день летом в жару это похоже на громадный птичник, где тысячи белых петушков с красными гребеш-ками и тоже белых курочек так тесно идут по главной улице [толпой], что машины, продвигаясь тихонько, по-стоянно гудят. Бросается в глаза, что все курочки без чул-ков, на босу ногу, но в башмачках, часто лакированных и с французским каблучком, сбитым на бок: петушки в ке-пях и если видят человека в шляпе, усмеваются и кричат: поп! – и на бородатого: Шмидт! Но пожилых людей на улице в выходные дни почти вовсе нет: у них сил не хвата-ет выйти на улицу, молодежь движется за счет своих мо-лодых сил.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

24. Еврей-фордист: очень в курсе современности и чувствует венец творчества, созданный интернационалом; но у него нет того, что должен преодолеть в себе творческий человек на пути к интернационалу: ему «идеи» как бы да-ром даются (на заводе нет фордистов-рабочих из евреев, зато администрация кишит евреями, и так всюду). То ор-ганическое, национальное, что преодолевает в себе чело-век на пути в интернационал, еврею представляется со стороны как «лаптизм». Лапину, однако, в борьбе со своим лаптизмом не так легко пробиваться на поверхность зре-ния, как еврею-фордисту, он часто должен делать уступки в своем движении, и эти уступки считают, зачисляя и до-казывают ими вредительский «лаптизм». Сила евреев – 442

их сплоченность – на заводе является слабостью: вокруг даровитого сильного еврея нарастает мелкота, создающая склоку, в нее вовлекаются, конечно, и русские – тут все в «скорости»: фордизм – иное время, и вот можно лететь в этом времени лично: головой, а не сердцем. Интересно, что Лапин награжден орденом Ленина и в центре имеет значение: вероятно, в партии «лаптизм» иначе понимается, чем на Газе. Так и мой «биологизм», в сущности, при-знавался «лаптизмом», а теперь уже иначе трактуется: это борьба, в которой побеждает в конце концов, вероятно, здоровье.

25. – Встреча машин транзитных и потом одна кры-лышки распустила, стоит, сверкает: полногрудые дамы цветы собирают. Производство и потребление.

26. – Штурмовщина и партизанщина в условиях фор-дизма.

27. – Можно считать за правило, что если все напада-ют на одного, значит, он хороший человек.

28. – N говорил: – При таких неполадках, во что об-ходится народу автомобиль? Это можно видеть по сниже-нию жизни в колхозах: посчитать скот, лошадей, – всего меньше.

29. – N говорил о правде войны и ее необходимости: война – корректив направления жизни народа: подлость человеческая так велика, что, к сожалению, война (и ре-волюция) долго еще будут быть коррективом. И только под угрозой войны реализуются наши лозунги: вот откуда являются силы, в конце концов исправляющие линию не-правды.

21 июля. Пригласили читать на 11-м заводе «Произ-водственный очерк».

Все говорят, будто Химтрест...

Решаюсь напомнить Вам, глубокоуважаемый И. В., что я в письме к Вам два года тому назад обещался написать книгу о зверях в плане нового строительства. Я это делаю и решаюсь послать Вам книгу с благодарностью за скорый отклик Ваш на мою просьбу о помощи в житейской нужде.

443

Дупеля: жировые с 1-го Сент., пролетные с 11–12 две недели.

22 июля. NV 26) Новый желанный тип человека (в пьесе «шофер») – это в противоположность штурмови-кам и партизанам: соединить партизана (Парышева) с ла-тышом (Волопиным). Конвейер – смерть штурмовщине, но у нас и конвейер взяли на штурм: в начале месяца кон-вейер стоит, в конце так идет, что все число выгоняют, хо-тя, конечно, в этих машинах потом поют соловьи.

Спидометр. Гибкий вал – это стальной тонкий прут, вложенный в прочный чехол, в котором он может свободно вращаться, один конец этого гибкого вала вкладывается в гнездо, которое движется вместе с движением автомо-биля: сколько раз повернется колесо, столько в километ-рах покажет и счетчик (спидометр). Когда мы заметили, что счетчик у нас не работает, осмотрели мы гибкий вал и нашли, что квадратно обделанный кончик его свободно ходит в гнезде и не вращает спидометр. Тогда, удивлен-ный этим, я спросил Генрихсона: – Странно, ведь квадра-тик высекается машиной, и, значит, одинаково у всех пру-тов должен быть одинаково конец по гнезду, почему же наш один вышел меньше? – Потому, – ответил Г., – что машиной человек управляет, при всякой машине человек может ошибаться. – Но как же, разве не слышали вы, всю-ду говорят, что теперь время машины и она совсем подчи-нила себе человека? – Нет, она еще не подчинила.

Вчера согласился выступить на 11-м заводе. Приезжаю, и вдруг музыка духовая, и я должен с эстрады читать свои рассказы прямо на воздух, для всех: и облака, и мальчиш-ки, за деревьями где-то провыл паровоз и, распевая час-тушки под баян, прошла веселая компания. Что делать! К счастью, Боков прочитал или, вернее, прокричал обо мне, и я потом, сойдя в публику, с трудом прочитал два рассказика и предложил устроить литературный кружок. Мое предложение подхватили старатели, т. е. те, кому это надо, другие старатели брали слово и говорили, обраща-ясь ко мне, речи, как на юбилее. В конце концов оказалось,

444

что я положил начало важному делу, что проезд мой – со-бытие на заводе и что вечер вообще вышел замечатель-ный. Для меня же там все было пусто до крайности. Если бы я почаще выступал на таких вечерах, привык бы гово-рять без запинки пустые речи, в этом и было бы общест-венное дело и все бы говорили обо мне и я

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru бы стал велик извне, а внутри был пуст. Томясь в такой пустыне и при-выкая к легкости вращения в пустоте, человек может сов-сем отрезать себе путь к оагеркнуто: живой жизни ор-ганической жизни.

25 Июля. Ездил в Москву оформлять охоту. По дороге разговаривал с Б., рассказывал о поездке на автозавод, и многое из моих впечатлений реализовалось в значимо-сти.

27) Изобразить Генрихсона в отношении к машине, как у Толстого Ерошка к земле: напр., машина любит бо-лее ранее опережение зажигания.

28) Лаптизм и фордизм допускают безграничное углуб-ление, ведь все народничество, славянофильство и требо-вания нации – есть тоже лаптизм. Только ведь это было (и, может быть, есть) где-то на своем месте дорого, но здесь, на фоне фордизма, стало нам как лаптизм (быть мо-жет, и жалость, человечность, прощение грехов в этом фордизме требует иного выражения).

29) «Своя машинка»: весь народ такой: или свое, или «все общее». Инструменты при сборке машины путешест-вуют по гаражу.

27 Июля. Очень жарко. Ходил с Ладой проверять. На-шел выводок: два тетерки величиной в вальдшнепа (явно губят лисицы: вот мы им с Османом покажем). В лесу по-лянки выкошены, на иных стог, на иных еще в рядах. Вы-водок нашли на вырубке, тетерева клевали ту землянику, которая долго остается в лесах и становится как варенье сладкая и очень ароматная. Заслышав собаку, выводок спрятали в канаве перед большим лесом.

Талант (искусство) жить и что разные люди понимают под словом «жить».

445

Строительство мазанки (моего гаража) тысячи рублей, сколько канители, сколько пьяниц, – какой великий «лап-тизм», и все только чтобы вымазать глиной старый сарай... Но ведь тот же самый народ делает гиганты, сколько же там канители! (о заработке рабочих надо судить не по то-му только, что он получает на заводе: часть рабочих име-ют свое хозяйство, часть халтурят: в этом и беда, что ка-зенную работу он отбывает как барщину: в этом самая, самая беда).

Приписка: Мотор. Колотушка. Луна. Эх, булат.

Стугит где-то неустанно мотор, прошла коло-тушка, показалась огромная луна, и где-то запели: «Хас-Булат удалой».

Отец и сын Карасевы; отец не может быть современ-ным, у него все планы и сезоны в голове, через них он никак не может прыгнуть. А вот как я начал заниматься извозом, купил Володю (во-лодя!) за 280 руб. и мне при-шпорили 1000 руб. налога. Откуда взять? отец сразу бы бросил, а я взялся и уплатил. Я этого теперь вовсе не бо-юсь, хоть десять тысяч, буду возить и вывезу. Я знаю цену себе: я работник, я все могу, а отец не все может, – он и мог бы, у него тоже и ум, и опыт, и работник замечатель-ный, а вот боится, и все у него сезоны и планы. Вот Воло-дю ведь я за 280 р. купил, а теперь дают 6000 р.!

Приписка: душа машины

28) Душа Маши, т. е. весь Генрихсон с его очеловечи-ванием – «любит раннее зажигание», «собирается чхнуть», «ехать хочет» и пр. – находится в неточности работы кон-вейера. Если же все машины будут одинаковы в момент схода с конвейера, то в дальнейшем, начиная с 1-й минуты жизни, она будет отражать на себе индивидуальность шо-фера; и тут тоже до известной границы шофер должен быть стандартным, после чего уже начинается допущение индивидуальности человека. Большинство полян в лесу было скошено, и лес напол-нился запахом сена. Но одну поляну я нашел, на ней ко-сить было нечего, так густо она, цветок к цветку, заросла

446

непригодными для сена «иван-да-марьями». Посередине этой глухой поляны среди очень частого, почти непролаз-ного осинника стояла громадной высоты ель, и рядом с ней высотой не более сажени был остаток сбитого мол-нией такого же могучего дерева. Утопая в цветах, лежал труп поверженного великана, уже серый, уже местами зе-ленеющий мохом. Я сел на это дерево, а на зубчик стоящего еще основания села самая маленькая птичка-мухоловка.

Я думал о необходимости двух обманов в искусстве: один обман, в котором находится художник, принимая самим же созданный образ вещи за самую вещь, другой обман – почитателя художника, строящего свою жизнь по сотворенным образам, понимая их как самую правду. Но почему это обман? Ведь раз образ вещи дан верно ху-дожником, то он есть уже и часть самой вещи, самой жиз-ни. Никакого обмана, но почему я взял это слово? Я долго думал. И когда мухоловка поймала муху, у меня созрел ответ: момент уверования художника в оагеркнуто: правду реальность своего образа принято называть «об-маном» в отношении того общеобязательного среднепо-вседневного обмана, условно принимаемого за правду жизни, за жизнь. Этот обман художника все равно как го-ре от ума, так бывает, что сам умнеешь, а люди про это со-стояние говорят: он сходит с ума. Истинное творчество именно и

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru создает реальность. Между прочим, только в творчестве преодолевается чувство отчужденности в отношении к другой национальности (читаешь даровитого автора и любишь его как своего человека, близкого, а не представителя иной национальности). Произнесено слово «родина», скоро непременно явится «семья» и с ней «задушевное слово».

29) Новый человек должен возникнуть из отношения к машине: после того как машина станет действительно стандартной (без «души») и после того как человек превратится в шофера, стандартного водителя, новая творческая индивидуальность человека начнет переходить на машину, и другие люди будут видеть в прежних «машках»

447

живые существа, созданные новым водителем (новый водитель).

30) Стрела прогиба.

31) Соцгород – бурж. насмешка над социализмом. Разнообразные люди населили его, каждый внес свое личное, и так мало-помалу стал закрываться идиотизм его создателя.

Сегодня в гараже вымыли машину. Можно описать мытье машины в окружении детей и как один замечает, что к вечеру шина спустит (по пузырькам). Два типа мальчишек, одни – руки в карман (разбойники), другие – руки назад (хозяева). По Кузнецкому шла женщина, хозяйка своих собственных грудей: такие груди, что...

Ломакин «засыпался» вместе с базарными ворами.

В аптеках показались рыбий жир, – смажем дермантин на Машке.

Клеенкой забинтовали, хорошо промазав, рессоры. Дичь решили привешивать в мешке за кронштейн на кармане крыла.

29 июля. После жары утром брызнул дождь и прибил пыль. Воздух свежий: вспомнился Владивосток.

Мы были друг в друге заинтересованы, мне хотелось получить у них собаку, им были нужны деньги, воображая прелести охоты, я относился к ним как к источнику прелестей, а они, тоже мечтавая купить на мои деньги разные прелести, этим любили меня, и так мы беседовали почти как влюбленные.

Как все просто, понятно теперь: то же самое чувство с нее переносится на мир: целый мир в чувстве, весь мир как невеста. И отсюда неистощимость энергии, неиссякаемые родники: как будто это было мгновение, равное миру. И вот тут есть один упрек, что это «пан», а не человек.

Дуничка-весталка тоже сохраняет нечто еще неизведанное и оттого вечно, до смерти, в глубине себя живет

448

как 17-летняя девушка, хотя и нераскрытая: если бы она была поэтом!

Можно, если захочу, написать для детей книгу «Машка», и Генрихсон будет ее герой, как Дерсу: машинный анимист, машина как «люди».

Воздух с трудом подавался насосом. Генрихсон укоротил пружинку амортизационного вентиля, и стало легко. В этих условиях иметь машину без шофера чрезвычайно трудно: шофер не для того, чтобы водить, а доставать не-обходимое, напр., понадобится замша – где ее достать? Или какая-нибудь часть, даже просто гайка, ручка, все это есть в автоснабе, но все продается налево.

Говорят, что на Козьей Горке назначено великое военное строительство. И уже сейчас пятитонные машины начали поднимать пыль, и окно приходится закрывать, а вот скоро трамвай пойдет, а там этот завод... В этом и есть главное отличие прежнего жизнеощущения и нынешнего: тогда казалось, все прочно вокруг и я лично устраиваюсь на всю жизнь; теперь никак нельзя прочно устраиваться... Многих прежних людей это и губит: без этого им жизнь не в жизнь.

30 июля. Сборы на охоту. Что взять:

1) 100 шт. патрон 24 калибра № 5.

2) 100 -"- 12 калибра № 3-5.

3) Шомпол 1

4) Компасы 2

5) Бинокль. 7) Сеть и жерлицы. 8) Патронташи. 9) Де-ньги 250 р. 10) Документы (и Петин паспорт). 11) Рюкзак и ягдташ. 12) Ошейник и сворка. 13) Собачий корм. 14) Зап. книжки и карандаши и бритва. 15) Очки и пенсне. 16) Часы. 17) Портфель. 18) Концы. 19) Свечи. 20) Про-кладки отстойника. 21) Спрятать рыбий жир. 22) Ножницы в автомоб. сумку. 23) Цефалогин. 24) Гетры двойные.

Остается на утро: проверить отстойник, записать спидометр, протереть мотор, вложить гостинец.

31 июля–3 Августа. Выехали в 9 у. 31-го и приехали в Усолье. Все лодки заняты, Курчевский нарочно из Моск-

449

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
вы машину гонял, чтобы лодку заказать. Поехали на Маш-ке до Хмельников. Путь
через торф в Купани. Торфяной дух: Павел Иванович Логинов, учитель из Купани: 24
года в Купани учил. Около 6 веч. приехали в Хмельники. Пер-вый автомобиль и
дети; как собака садилась. Вечером бы-ли на Семике и незаконно убили 6 уток (моя
уплыла). 1-го Авг. утром на Фоминке убили 5 тетеревей, вечером плава-ли по
Семику и взяли одну крякву в 10 ч. веч. 2-го в «неис-ходимых бармазовских» лесах
(Борисовский лес) взяли двух вальдшнепов и тетерку. 3-го к обеду вернулись
до-мой.

В Ильин день (2-го Авг.) спор Павла Иван. Логинова с Иваном Иванов. Фокиным:
попытка реализоваться в об-щественности (устройство колхоза) Ивана Ивановича
кончилась его поражением – очень возможно, что основа успеха – политика, а он
стоял на экономике: выстроил америк. кормушки, а пол русский: скотина зябла, и
верну-лись к молотье цепами: это выгодней; так Ив. Ив. поте-рял сторонников из
народа и не выслужился в Совете. На-против, Пав. Ив. не выходил за пределы своей
профессии, остался на своем.

Свой пост: надо стоять, и было бы просто, но есть опас-ность сектантства: надо
не просто стоять, как корова перед автомобилем; кроме стойкости надо иметь
универсаль-ность сознания: единство действия при универсальном сознании, – вот
условие реализации личности: чувство-вать в проявлении своего «я» осуществление
общего дела; но Кашеево «я» – это злая отдельность, ненависть обще-го дела,
озлобленность.

В подпольной психологии есть срок существования са-мого подполья, за пределами
эти люди не... Нельзя же правилом общежития брать заговор.

Вопрос о пораженчестве в свете 20-летия войны.

Знаешь ясно, что «не так», а пока разберешься, чтобы извлечь доказательства
неправды для других людей, то как бы принюхаешься, и в конце концов получится,
что в этих условиях, пожалуй, что и так, а мне показалось только,
непривычному...

450

Вопрос о пораженчестве: есть сила в этом (Ленин): что-бы устоять против всех, но
есть сила отдаться потоку с ве-рой [и] постепенно выбиться из него или,
напротив, быть в нем, преображая его изнутри (пассивное сопротивле-ние).

Решен ли вопрос о правильном поведении немецкого рабочего с[оциал-] демократа]
перед войной? У нас был один Ленин, а другие потом постепенно отдавались и
пре-давались этой новой «родине», как раньше отдавались старой: родина...
Бьюшка в машине, как на дворе: человека встретим, она лает, он проходит, она
обертывается назад и лает, гля-дя в маленькое слюдяное оконце...

Машка одним задним колесом попала в торф, и оно там стало буксовать, на эту
пробуксовку тратилась вся сила мотора, и машина стояла вся блестящая в никеле и
рядом корявые березки, сосенки, папоротники, все обвитые пау-тиной в росе:
колесо опускалось все глубже, и вместе с тем все вокруг сроднялось и
уговаривало: тысячи лет мы на-капливались, и стало добро: торф: и ты, Маша,
ложись и раздели с нами: из-под колеса череп – чей это? Появил-ся желтый, с
блеском даже, человек, учитель: чья маши-на? за лопатой; палки вниз, на них
доску, домкрат: как ста-ло колесо подниматься. И человек Пав. Иван, сам как
будто из торфа, как будто предки его, складываясь, пере-гнивая вместе, в конце
концов после осушения явились на свет в форме учителя. Болотные птички (горелый
и пере-горелый человек: самоучка).

Умирающее озеро: сколько жизни – рыб, птиц, какие подводные растения.

Кухмар: кто этот человек, дачник? – нет, это началь-ник.

Провожает Геннадий Петрович, председатель колхоза, опираясь на велосипед,
красный обоз, говорит культур-ник с тибетейкой на макушке: – Ежели подвода
застря-нет, окажите ей всяческое содействие вплоть до полного освобождения из
грязи. – Говорит как мотор... Солидный

451

мужик, тронувшись в путь, говорит: – До свидания, Ген. Петрович.

Мы застряли и едва выбрались, спросили мужиков в телеге, как нам ехать, они
указали направо, сами поеха-ли вниз и сказали: – Мы еще с тобой, милоч,
увидимся.

Приписка: тема: сюда же комизм мужицких указов.

Ворулянинов Егор Евдокимыч (хорошо говорит, похож на Чувиляева), тишайший
бунтарь и глубочайший лич-ник, характеризует (из плена) национальности: ...а
евреи... есть, видел я, рыжие, и есть белые, много черных и все одинаковы, сразу
узнаешь, еврей: он тебя непременно об-манет. Французы – веселые, англичане,
...русские: что же русские? ему товарищ нужен, он последнее отдаст, только бы с
товарищем остаться: беден, нет ничего, прост, но без людей не может: тут ему
все. Вот немец живет, никому нет дела: живет и живет, а у нас надо узнать все
подробности, как живет и отчего...

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Противешок ржи казенной взял – и за это...

«Святой» (Дмитр. Павл.) полинял, стал даже матерны-ми словами ругаться. – Кто виноват? – Власть.

В наш сарай, где еще 8 лет тому назад мы ночевали с аг-рономом Спициным, откуда взята последняя глава «Род-ников Берендея», теперь нас не пустили: теперь там кол-хозное село (выговаривается «колхоз» и «одноличник»).

На машине все деревни одинаковы и названий их ни-когда не упомнишь, и в деревне дома тоже похожи и лю-ди, – колхоз, как везде, или, как здесь выговаривают, хол-хоз. Единоличников колхозники зовут одноличниками, а у этих для колхозников сложилось: двуличники...

Деланая дорога: трудных всего два аршина (тема).

Смотрю за реку. Наш ландшафт, конечно, потерял свой прежний смысл. Смотрю иначе теперь. Раньше, бывало, озерко, дальше другое, там третье и дальше не видно, только благодаря вечернему солнцу какое-нибудь уже де-сятое из невозможной дали горит. И раньше казалось, что

452

если потрудиться, переехать по Волге и к этому десятому с трудом подойти, то сколько там будет уток! Теперь сде-лали мост через Оку и через Волгу, охотник весь повалил пешедралом, и оттого не только десятое, но и сотое озеро, и все равно какое, – все одинаковы: мало уток. Смотрю, бывало, за реку и кажется, не только уток, а всего: чем дальше, тем интересней, больше и лучше. Теперь часто негде напиться здесь, а дальше, страшно подумать уйти куда-нибудь без запаса. Не чувствую себя никак стариком, но смотрю как старик на замечательный ландшафт моей юности. Что делать? Ведь растут уже новые люди, кото-рых вовсе не интересуют утиные дали и которым в этом ландшафте главные предметы не данное природой озеро, а сделанный человеком мост приписка: Чувство хозяина, чтобы ландшафт создать. Неужели же мне среди новых людей жить, как все обыватели страны, воспоминаниями прекрасного прошлого? Нет, я надеваю очки и снова все вижу, как юноша. Я не пешком, трудясь, как раньше, от-правляюсь на отдаленное озеро, а сажусь на машину и мчусь. Я переживаю вновь привычный ландшафт и встре-чаю новое необычайное впечатление.

На полях: Меня машина вернула к себе самому. Заехали мы в глушь необыкновенную...

Разговор о штурмовщине: конвейер против штурма, а деревня вся на штурме; попробуйте-ка без штурма со-брать и отправить красный обоз!

Есть точка, когда у человека самого твердого является робость, смущение, растерянность, которая у одних пере-ходит в раздумье и совет, у других в нелогическую страсть. Тут как бы приходит некто выше тебя стоящий и застает тебя врасплох. Так вот, было время, когда стал вопрос, на-до ли нам защищать родину или стоять против войны; тогда многим, стоящим за родину, было страшно встре-титься с пораженцем; было ли наоборот, что пораженцу было нравственно страшно встретиться с патриотом? нет! лучшие из них допускали войну молча и тем самым были бессильны в борьбе: пораженцы действовали при молча-нии лучших людей, в нравственной раздумчивости как

453

бы допускавших и это... большинство же ворчал за спи-ной и погибало, как роса на ветре. И дальше пошло все, как идет: вождь – разрушитель устоев моральных] оправ-дывается и родовой моральный вопрос [встанет], когда война, требующая личного аффекта, штурма и т. д., кон-чится и появится необходимое лицо для внедрения побе-ды, это не штурмовик и партизан, а чиновник: рождение чиновника... Приписка: («и это надо: нужен чиновник, чтобы произошел человек»).

На полях: Рассказ о немце: голова болит

француз, поляк, англичанин, итальянец, да и немец, конечно, и немец, хотя ведь мы были враги: они на нас как на врагов смотрели. Вот было раз у нас в лагере, слышу, унтер бьет нашего и тот стонет на дворе. Я был перевод-чиком и спешу: часто, бывало, немец бьет, а тот не понима-ет, за что бьет. Ну, я как переводчик вступаюсь. Прихожу на двор и говорю унтеру: «Дас ист ниht гут». Он отвечает: «Ниht арбейт»! Я Ивана спрашиваю, почему ты не хо-чешь работать. – А у меня, – говорит, – голова болит, я не могу, все ходуном ходит: у меня же всегда если болит голова, я работать не могу, а он не понимает и бьет. – У него, – говорю унтеру, – голова болит, Копфшмерцен. – Так почему же он не скажет, так бы и сказал, а я ведь ду-мал, он не хочет. – И тут же освободил от работы.

Нет, у них совесть есть, только не живая, а их совесть в закон перешла. Они ведь как живут: вон стоит дом, жи-вет, и знают все, что живет, а как живет, нет никому дела. У нас же все разберут до мелочей, потому что у нас совесть живая и товарищество. Русский человек, ну, что такое: бедность какая, смотреть не на что, а совесть живая, и без товарища не может и не понимает, как и зачем жить без товарища: кусочек достанет чего-нибудь, и поделится с другом и благодарности

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru не примет, а только скажет: ну, ладно, когда-нибудь сочтемся, мне будет плохо – к тебе приду. Есть, есть и у немцев то же, но только это в закон
1 Дас ист ниht гут – Это нехорошо. Ниht арбейт – Не работает.
454

у них перешло, и к человеку там надо подойти через за-кон-Совість: 1) Заяц; 2) Петух; 3) Немец. Начало...

Несовременный человек – это кто нетвердо стоит на своих ногах: жизнь переменялась, а ты не поспел и зака-чался в разные стороны. Многие думают, что современным быть – это значит за всем новым следить...

6–7 Августа. Оба дня такие, что думаешь: «вот-вот дождь!», а взглянешь на небо, и нет ничего. Спрашиваем: «разве леса горят?» Но не пахнет гарью, вероятно, где-ни-будь очень далеко горит торф.

Разгадка Бостримова «натурального хозяйства»: ока-залось, теща заела, художник пришел в крайнее состоя-ние, на одной стороне гибель всего индустриального ми-ра, на другой – возрождение натур, хозяйства. Между тем дать бы ему огород, любящую женщину, и все бы кончи-лось. (Повесть: рассказ о чудесах идейных, которые вскры-ваются, делаются понятными под конец: все в теще.)

Вторая повесть о Дегтяреве: он ли это? Прямым вопро-сом и ответ: – Где? – В Италии. – Нет! – Опять сомне-ние. И конец: – Как зовут дочь? – Татьяна Владимиров-на. – Значит, он – Владимир.

Приходил человек: – Вы знаете Д.? – Как его звать? – Владимир... Мы глянули друг на друга и оба в один голос сказали: – Он!
– Детишки. – Это у каждого. – У редкого нет.

8–9 Августа. Рожь дожинают. Васильки перекочева-ли в овес. Ездили на Урёв, убили тетерева, рябчика, чирка и крякву. Ездим по старым местам, где на местах нашей охоты выросли наши легенды о ней, теперь легенды о ста-ром встречаются с новой охотой, и она кажется жалкой. (Интересно глубже проанализировать эту борьбу старого с новым: ведь все это сказывается и на Машке.) Страшная девочка в панаме и ее брат «кот». Возле Новоселков доро-гу перешел выводок серых куропаток, и все расселись по

455

канаве: на фоне зари мы видели их силуэты: смотрели на Машку.

10 Августа. Писал весь день «Совість» и вечером сдал Бурановой для «Известий».

11–12 Августа. Написал «Портрет» для газеты «По-стройка» (Москва, Солянка 12, Дворец Труда, комн. 10, Дмит. Павл. Зуеву).

Пришел Руднев, и с ним поехали в Александровку на охоту, вернулись – 12-го к обеду.

Убили вечером 2-х тетеревей и крякву и утром 4-х те-теревей. Вспомнились названия Жарье, Подмошник, лю-ди Мих. Мих., Фед. Иван, и главное: какой ужас мухи и безумный рев парней под окном с гулянья (под гармо-нью): какой кошмар жить вот тут, а ведь я систематически жил и даже восхвалял Берендеево царство! Машка теперь меня освободила от мух и криков человеческого тока, и я удивляюсь, как мог я жить тогда и даже писать. И может быть, вся-то моя жизнь в СССР в этом роде, и если устро-ится за граница, как было с Горьким в Италии: тоже в лич-ной жизни без мух... что же? ведь Горький все испытал и заслужил жить без мух, другое дело, если бы он вовсе не знал этих мух, или же, напротив, знал и славил мушиную жизнь... Гордиться ли перед новым человеком тем, что я страдал? нет, но и новый человек не должен передо мной гордиться тем, что живет без мух... разве что если у него есть свои мухи новые, но такой и не будет бахвалиться.

Рудн[ев] рассказывал о прекрасной женщине, хозяйке моей покойницы Кенты, что муж ее инженер, малюсень-кий, ничтожный человек, о развитии которого можно судить по вопросу: «скажите, кто выше. Рафаэль или Рем-брандт?

На полях: Слово, дело

Вышел номер «Известий» от 12/VIII с моим рассказом «Совість» (в этом рассказе надо вычеркнуть вступление, сократить в несколько раз «Русак», и тогда это будет на-стоящий, очень хороший, с этической мыслью русский

456

рассказ). Номер этот – начало того парада, подобного че-люскинскому, в который превратится съезд писателей. Моя позиция: углубленного в следопытство охотника (привлечь к делу Машку): я должен быть за рулем (как за рулем: ни на минуту, ни за какой «фрукт» не терять своего внимания на дорогах: мой «новый путь» должен быть и тут виден, и тема моя тоже: конвейер и штурм).

Из парадного номера очень заметно, что отношение ко мне литературной бюрократии стало из враждебного сни-сходительным (Шмидт сказал – Воронин сделал). Между прочим, я и сам виноват отчасти: я не хочу считаться с «образованностью» писателя, плохо слежу за нашими и за чужими...

Итак, завтра, 13-го, подготовка к съезду (попытаться достать бензину, вымыть машину и проч.), собраться, об-думать. 14-го на машине выедем: найдем гараж,

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
съездим в Оргкомит.; [разной] дробн.

На полях: Брюсов и Лесков

Валентин Ник. Горшков – Мария Ларионовна. Толстой – Софья Андреевна

Бострем – теща

Христос ? – розановский кощунственный вопрос: каким ключом отмыкается секретная жизнь человека: по-весть о том, каким ключом открывается секретная жизнь человека, и отчего Валент. Ник. Горшков вечно ворчал на жену, и отчего боится Бострем динамомшины и стремится к натур, хозяйству, и отчего убежал и должен был убе-жать от семьи Лев Толстой, и где и в чем ахиллесова пята каждого человека, и что это есть такое, наконец, благо или зло. Если это зло, или это благо – все равно, надо вскрыть; сегодняшний случай можно объяснить утомлен-ностью ее, бессонной ночью и через это возникшей обидой: лег рядом с собакой, а не со мной: итак, это нечто чисто и мелко личное, не преодолеваемое всей личностью в дан-ный момент бытия: через что люди ворчат, ругаются: это рождение злых детей: кашеева мать: индивидуалисты; и против этого: озарение, расширение, великий пересмотр,
457

т. е. все то, чем живет Бострем: это всегда смешно, если открывается (Валентин Николаевич и Мария Ларионов-на, мама и Лидя – ведь на людях!), но это трагедия мира, если скрыто: творчество есть оагеркнуто: великая мас-кировка великое скрывание (напр., Толстой) или даже создание липа, личности, единства, закрывающих зло.

Но возвращаясь к себе: ведь и я виноват тем, что увлек-ся «охотой» (Толстой моралью, художеством) и пропус-тил личность жены: даже пренебрег. Из поездки в Александровку: на обратном пути между Александровкой и Ясниковым ошибся на мостике. Машка легла на заднюю ось и выхлопную трубу, а правое заднее колесо повисло в воздухе. К счастью, этот мостик был на объезде дороги, а объезд был из-за вовсе разрушенного моста на главной дороге. Руднев с Петей притащили обло-мышей с моста, на них установили домкрат, приподняли ось, под нее подсунули вагу, потом прибавили обломышей и домкратом еще повыше подняли и поглубже еще подсуну-ли вагу и так, повторив это несколько раз, выровняли авто-мобиль, подвели, опирая на бока канавы, под колесо брев-но, и трое, понатужившись, пропихнули вперед Машку.

Домкрат – сказочно сильное существо: сам маленький, не поймешь, откуда силища такая берется, кажется очень добрым и простым.

Характер дороги: коротко-волнистый, или ухабис-тый, – самый неприятный: скорость при спуске перево-дится на низшую, выключается, при подъеме сцепляешь, даешь газ и наверх, а потом опять и опять, бензину расход непомерный. Одна колея по тележной колее, другая по муравке возле самых васильков у овса, часто, однако, по сторонам дороги бывают ямы нарыты и закрыты травой, очень опасно так ехать. Наполях: Колдобина, советский «гудрон». Пляшут кругля-ши-мостовины. Рывтина, трясутся сваи.

Песня деревенская вырождается в направлении от эро-са к полу: дикое уханье парня под гармонью соответствует хватке за секретное место с последующим визгом девицы.

458

Валерий Брюсов и Лесков: один рационалист по при-роде своей, другой интуит. Ныне Тихонов – брюсовский тип, а я – лесковский.

13 Августа. Весь день сегодня чистил ящичи пись-менного стола.

14–15–16–17–18 Августа. 30 лет бьюсь, тружусь, и талант есть у меня, и знание, и признание, а вот той простой и ясной оценки и славы, как Новиков-Прибой или А. Толстой, не могу добиться никак. И это совершен-но то же самое, что в любви к женщине: всю жизнь не да-ется единственная, а другой берет всякую и только обли-зывается.

14-го выехали на Машке в Москву утром, и я опреде-лялся в делегатских делах. Караваева.

15-го на Потылихе беседа с Херсонским и Птушко, ре-шение писать как интермедию.

16-го у Филат. встреча с Чуковским. Поездка к Дунич-ке (и Таня). 17-го в 6 ч. веч. на съезде. 18-го в Тушине на аэродроме (Кулик, Молоков).

Белый зал. Электричество. Две тысячи человек, жара. Портреты великих писателей и наши на эстраде: Толстой распустил брюхо, Горький снял пиджак и остался в синей рубахе. Горький читает, слышатся слова «начиная с пер-вобытного человека». И вот невыносимо. И те же самые люди, кто при одном слове «Горький» хлопали, вдруг на-чали один за другим и пачками подниматься и уходить. Кто-то шепнул: «а может быть, он (Горький) давно уже помешался, а мы по инерции ходим и слушаем и ждем че-го-то...» И зал опустел, и так было до перерыва, а после пе-рерыва тоже не пошли.

64 чел. президиум: меня не выбрали: и хорошо, и не-приятно: хорошо, что я в

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
опозиции, что я свободен и могу всегда исчезнуть незаметно, плохо же (это надо
анализировать...)

19–20–21 Августа. До вечера 22-го съезд проваливался: докладчики, начиная с
Горького, читали по напеча-

459

тайным докладам. Напрасно ждали каких-нибудь авансов от правительства и бросили
ждать (Сталин в отпуске). Наконец 22-го вечером Чуковский и за ним Эренбург
начали «критиковать» и сразу оживили съезд. Так вот ждали-ждали и начали сами.
Я решил не говорить, потому что мой прием, исходить в критике современности от
своего собственного станка, теперь широко используется, а кроме того ведь
нечего же вовсе и говорить: условия писания явно улучшаются, политика... Вот
меня запросили на съезде, о чем мог бы я сказать со съезда по радио, и я
ответил: – Скажите, что мы ждем от правительства второго шага: первым шагом
было 23 Апреля. – Мне ответили, что так нельзя. Но мало того: я сам потом
струсил даже того, что сказал это организатору радио-митинга.

22 [Августа]. Потеряли искру.

Болтовня на съезде, интервью, снятие, вечная музыка по радио от раннего утра
и до поздней ночи, гром, свист, рев улицы, свободно входящий в квартиру,
измутили меня, я решил на день-два сбежать в Загорск. По дороге вышло, что мы
потеряли искру и в поисках ее стояли три часа на дороге.

Наполях: О Шмидте столько говорили, что когда он предстал сам, я мог от него
для себя полугнуть, что Шмидт был действительно тот самый Шмидт, о котором все
знают, и что я это видел собственными глазами: и с бородой, и прекрасно
говорит. То же самое и Молоков, огонь, огонь хороший человек.

23 Августа. Ясный прохладный день. Тишина в Загорске. Счастье вернуться к себе,
быть у себя. А съезд все идет («брат Маршак и сам в душе Маршак»).

В день праздника авиации 18-го Августа на площадь приписки: Пп. Свободы прикатили
большой настоящий аэроплан Л-606 и так поставили его, будто он вот-вот
поднимется и полетит над Моссоветом. Аэроплан как бы подарен был народу на
всеобщее рассмотрение и оставлен на многие дни без всякого надзора милиции. Не
знаю, что было на этой площади в самый день праздника, я в этот

460

день был на Тушинском аэродроме вместе с другими делегатами съезда писателей. Я
увидел впервые этот аэроплан 19 авг. утром, проходя по этой площади на Б.

Дмитровку в Колонный зал на заседание съезда. Меня до крайности удивило, что,
несмотря на отсутствие милиции, народ с аэропланом обращался очень осторожно и
старшие постоянно укрощали мальчишек, стремящихся пальцами проткнуть серебряное
полотно. Но самое удивительное было то, что главные массы народа распределились
добровольно в две очереди по ту и по другую сторону серебряной птицы. В тот
раз у меня вовсе не было времени узнать, для чего публика разбилась в две
очереди. Обратил я здесь уже вечером и, голодный, очень спешил, чтобы
захватить свободный столик в столовой. Обе очереди возле аэроплана сохранились,
одни уходили, достигнув какой-то неизвестной мне цели, а новые подходили с
обыкновенным вопросом: «вы последний? я за вами» и становились. В этот раз я
успел разглядеть, что окна пассажирских кают все изнутри были завешены
шторками, и только по одному оконцу из шести, с той и другой стороны, было не
только не завешено, а даже вовсе открыто. И вот к этим открытым оконцам и была
очередь, одна с одной и другая с другой стороны серебряной птицы. К сожалению, в
этот раз я не успел дознаться, из-за чего такая масса людей стремилась к этим
двум оконцам, мои товарищи сделали предположение, один – что там выдавали
какие-нибудь значки или книжки, связанные с агитацией Осоавиахима, другой – что
внутри аэроплана в каюте лежит восковая фигура спасенного Шмидта или
чего-нибудь тому подобное приписка: кто-нибудь из других спасенных
челюскинцев.

Так было 19-го, а 20-го я был очень расстроен: съезд проходил в чтении авторами
своих уже напечатанных докладов, микрофон в огромном зале как бы расплавлял в
неопределенность речи, сделав приписка: напрасное некоторое усилие над собой,
чтобы понять речь, и не поняв, мы все успокаивали себя тем, что доклады же ведь
все будут напечатаны, кроме того, было очень жарко и душно в жаркие дни среди
тысяч людей. Я напряженно думал

461

о способах спасения съезда. Конечно, проходя мимо аэроплана, я видел и утром, и
в обед, и вечером все те же самые бесконечные очереди к окошку на одной и другой
стороне аэроплана, но желание узнать причину продвижения масс к окошку отпало:
так всегда у нас пропадает любознательность, когда явление примелькается и
становится будничным.

Мысль моя вертелась около двух средств спасения съезда: убедить кого-нибудь из
приписки: имеющих членом правительства объявить съезду какую-нибудь нечаянную

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
радость, подобную по силе своей и неожиданно-сти радости от декрета 23-го апреля. Но [наверное] я мог бы убедить, но дальше что: убежденный член должен был других убедить, и все это очень долго. Я тут ничего не мог сделать, и в этом оставалось мне только пассивно ожидать радости, как это делают все «безнадежные оптимисты». Другой способ спасения, по-моему, был в том, чтобы лично мне вмешаться с критикой наших литературных критиков и наших литературных порядков. Тут много у меня накопилось, и я знал, что боль моя – всеобщая боль, и если я начну, то съезд сразу оживет без помощи всякой «нечаянной радости». 21-го я решился на последнее средство, но вдруг вышел один писатель и сказал, и за ним другой сказал то, о чем я хотел. И вдруг от этого съезда ожил. Я очень обрадовался, сразу на съезде показались мои друзья, невидимые мои читатели, ученики.

Радостный вышел я на воздух, и тут вдруг с необычайной силой явился у меня интерес к содержимому каютки самолета. Я стал в очередь и постепенно добрался. Можете себе представить, что я там увидел? Нет, это невозможно себе вообразить. Никто не догадается, я сам скажу: там внутри самолета ничего не было! Взглянув на одно мгновение в пустую каютку, я оглянулся назад: очередь все двигалась с обычными ссорами из-за места, одни уходили, другие приходили с обыкновенным вопросом: вы последний – я за вами. Это совсем неправда, что хоть кто-нибудь надеялся увидеть восковую фигуру Шмидта или получить подарок Осоавиахима на день авиации. Никто ничего не ждал, массовый человек, как ребенок, хотел

462

только заглянуть внутрь интересной вещи. И эта любопытность двигала людей изо дня в день. В этот радостный день мне казалась сила Ниагарского водопада и всех водопадов на свете взятых вместе совершенно ничтожной сравнительно с силой, двигающей народными массами, силой познания секрета вещей.

24 Августа. Ясная, холодная и уже осенняя ночь (утром + 3°). Поездка в Москву. Проверка съезда: не загорелось, как я написал, а так, тлеется. Съезд тепленький. Ораторы выжимают из себя силу произносить заранее написанные речи. Людей так много, что как на огромном заводе: ничего не поймешь. Как на заводе смысл всего таится где-то в управлении, так и здесь – это на собраниях у Горького, куда меня не зовут. И не выбрали в президиум, и не зовут, и рассказ мой в «Известиях», кажется, провалился. Все это, по-видимому, указывает на какую-то линию политики не только в отношении меня.

25 Августа. Речи из микрофона слушать не могу: ничего не понимаю. В кулуарах осаждают репортеры, фотографы, охотники, – [глупо] и неловко долго быть. Президиум недоступен. Делать нечего. Интересна эта борьба в себе: и не хочется, чтобы целовали, и в то же время обидно, если оставляют без внимания. Все горе мое, что нужен «Маршак», а я не могу... Остается отступить и про себя пережить новое испытание (смерть – это когда отстаешь и, обвиняя людей и обстоятельства, сам себя загрызаешь; преодолевается в моем опыте творчеством, в котором по-является великая широта, обращающая всю беду в мелочь).

Дня на три (25–26–27-е) надо исчезнуть, одуматься и 28-го или 29-го явиться для проверки.

Отметить творческую робость – 1-ю ступень творчества.

Весь день прошел в ожидании Пети: несколько часов, 6 очередей в Авторемснабе, чтобы купить пружинку под мотор. (– Написали бы в газету? – Писали, тут ничем не прошибешь: так часто видишь явную нелепость, а между

463

тем, чтобы открыть ее для всех – очень трудно!) Только в 4 веч. приехали домой. Семенов. Этот дурачок забил себе в голову партийную веру и благодаря этому, будучи совершенно бездарным, написал несколько книг, которых невозможно прочесть. Прошлой зимой он попал к Шмидту, просидел на льдине и получил орден Ленина и красное знамя. Я подошел к нему на съезде и сказал: – Какие у вас ордена! а вот моего-то и нет. – Какого? – спросил он. – Я указал ему на свой значок Ворошиловского стрелка. – У меня есть, – ответил он, – я ведь недурно стреляю из винтовки. – Чего же вы не повесили? – Куда же его деть, – сказал он, указывая на свои ордена, – нельзя же с этими.

26 [Августа] – в Загорске. Весь день дождь.

27 Августа. Съезд похож на огромный завод, на котором загадано создать в литературе советского героя (Завод советских героев).

Л[егкобытов] говорил так: когда Бог работает, человек спит, и когда спит Бог, работает человек. И я говорю то же: теперь Бог спит. А наши говорят: Бог умер. Практически выходит совершенно то же, в нашей работе Бог не участвует, мы одни. Но люди, которые знают и утверждают, что Бог умер или Бога нет, и люди, которые говорят, что Бог спит или, другими словами, что они не знают вообще, есть Он или нет, – это разные люди.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Сегодня я встал в 2 часа ночи, было холодно, светила полная луна. Я налил бензину в машину, развел самовар. В три разбудил Петю. В четыре начался рассвет, и мы выехали в Константиново. Маша вошла теперь внутрь меня. Сидя в кабинке, я теперь уже по зайчику на резиновом коврикe понимаю луну, светящую через заднее оконце, и вижу, узнавая все свое пережитое, утреннюю звезду, и лес, как вырезанный зубчиками из черной бумаги, и костры, при которых люди ночуют с возами, и спины животных на лугу в тумане. Какие облака на рассвете, какое солнце взошло, какая бодрость и радость!

464

Мы поставили машину за селом возле спящего гаража и пошли болотами по местам Журавлиной родины. Большая стая журавлей, переночевав в болотах, пролетела на поля. Убили бекаса, двух дупелей, одну тетерку, и это обошлось нам в 9 часов ходьбы: вышли из машины в 5.30 и вернулись к ней в 3 часа. Я благодаря машине осуществил «сказку» в один час... И понял в этом свете, как же тяжело было мне жить раньше в этих болотах и каким чудом я мог сохранить в себе чувство радости! (Та трудная сказка и эта новая легкая при помощи машины: если и было сегодня чудесно, то потому только, что это чудо, эту сказку я тогда заслужил.) Хочется править рулем в Москве, когда потеряешь себя, запутаешься в чувствах и мыслях, тогда своя путаница является вся вовне: в этой мешанине людей, экипажей, в этом скрежете заводимых моторов, долгих гудков, бор-мотании громкоговорителя или разрываемой на части песенки оперной артистки перед микрофоном, и тот последний, хватающий за всякую душу крик человека из-под трамвая. За рулем кажется, будто это все моя собственная путаница нашла свое выражение, а я сам посредством верных поворотов руля руками, выжимания сцепления и торможения ногами обретаю себе внутренний порядок и мало-помалу успокаиваюсь и восстанавливаю себе не-обходимое равновесие для жизни.

На полях: Путаницу душевную переменить на путаницу улигную...

Радость. Молодой шофер надувал шину, измучился. – Новый американский вентиль? – спросил я. – Проклятый, – ответил он, – так их делают, что никак накачать невозможно. – Я сказал ему, знает ли он, что колпачок на этом вентиле есть и ключ, и что если этим ключом повернуть влево, шина начнет спускаться, и тогда если повернуть вправо немного, шина будет меньше спускаться, и еще – еще меньше: так надо найти слабое тонкое место, когда шине только-только бы спускаться, и тут накачивать: тогда будет легче. Он сделал по-моему и шину легко накачал. Трудно бы найти было более обрадованного человека и более

465

благодарного. Я его очень понимаю, потому что мне тоже часто таким простым способом достаются радости.

Есть повелительная сила в короткой, точно, деловито, со знанием технического] языка построенной фразе. Раз было, мы заехали в гараж поднадуть шины сильным насосом, который у шоферов называется «лягушкой», и помыть машину. В гараже, кроме сторожа, никого не было, и я побоялся, что сторож не даст нам насоса и кишку. Ли-хо подкатив к гаражу, я резко сказал старику: «Принеси лягушку!» Мне кажется, скажи я «насос», а не «лягушка», он не принес бы, но чисто шоферская фраза подрезала волю старика, и он вытащил из гаража лягушку. Во время накачивания обнаружилось, что резиновый конец трубки растрепался. Я спросил старика, нет ли у него ножика подрезать конец, и он ответил, что подрезать он не даст. Надо было настоять, а я послушался, старик забрал власть и не дал мне мыть машину.

Ефр. Павловна возненавидела Ивана Ивановича за то, что он «с грязью помирился». Иван Иванович: земский начальник, вовремя продал имение на золото, и в то время как другие занимались кто строительством, кто государственными делами, обороной страны и т. п., он такие же усилия тратил на охрану своего золота. Кончил питомником мышей (вот кашей-то!): на этом хорошо показать призрачность: в золоте уже нет силы, но человек живет, понимая его по-старому, и через это видна условность.

На полях: Коммуна и государство

«Рапп» – это, вероятно, и соответствует «Легкобыто-ву», т. е. его «коммуне» с повелением броситься в чан, чтобы воскреснуть вождем народа. Рапп противопостави-ли государству вроде как бы церковь и духовенство. И очень возможно, что теперь дело вовсе не в принципах, а лишь в отделке, в политуре нового государства.

На полях: Легкобытов, ган и я – параллель К какому амбару привязан, за то и лай.

466

Уважения не нужно, а не уважат – обидно.

На полях: Страшно увидеть себя в зеркале страшного времени.

Какая Герасимова? Все две недели съезда мне встретиться с ней не удавалось. Все говорили: «Г. молодая, кра-сивая». Слышал я, что она была женой Фадеева, а

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
теперь стала женой Левина. В день решения моего [оставить] съезд, когда я вышел из столовой, подходит ко мне женщина некрупная, светловолосая (много волос) с темными и томными глазами и говорит: «я вам писала», я узнал: Герасимова. – Боря! – сказала она. – Левин! – подумал я (Левин как Левин: еврейчик). Мы вернулись в столовую, Гер. села с правой стороны, Левин с левой. Несколько минут, десять или двадцать, мы говорили с ней. Мне показало вначале, что она говорит не то как иностранка, не то светская женщина, аристократка, в чисто условном тоне. Но это было ее советское своеобразие, в то же время тон этот был похож и на тон ее книг: здесь в приличии скрывающаяся себя женщина, там в заумной тенденциозности скрывающийся некий талант. Я с ней простился, обещая всякую помощь в лит. делах, и когда прощался с новым ее мужем, Левиным, увидел рядом Фадеева. Значит, так мы и сидели за столом: она и я, рядом со мной ее новый муж, рядом с новым старым. И кто знает, быть может, неизвестный мне мужчина, сидящий за столом рядом с Фадеевым, был еще более, чем он, старый муж, и еще рядом с ним, и еще, и еще. А я, самый новый и самый старый годами, шел впереди всех. И мне казалось, что все меня уважали и право мое быть впереди признавали, как в свадьбе животных. Но это была свадьба какая-то полуинтеллектуальная. Герасимова напомнила мне одну провинциальную девушку, которая кокетничала со мной, указывая на розу: к какому семейству в системе Линнея принадлежит роза.

Рассказ Чувиляева.

Раз я гулял в лесу, увидел срубик, и вода текла из него, а внутри срубика ключи били из-под земли, – так чудесно! у меня был перед этим найден корешок, имеющий странную форму. Я стал эту форму, данную природой,

467

приводить в порядок и только чуть-чуть тронул ножичком – стало похоже на летящую птицу, повернул – птица превратилась в девушку, еще повернул – девушка исчезла, показался медведь, а потом опять птица, и опять девушка. Чудесно! и все время пела вода и помогала мне закреплять являемую в корешке форму и делать ее для всех понятной, как и мне самому. Когда вещь была готова, я вздумал омыть игрушку в этой лесной воде и только коснулся воды, внизу под водой мне показалось что-то белое, вроде яйца. Я достал со дна это, и оно оказалось яйцом, самое обыкновенное, настоящее. Может, пролетающая птица, чем-нибудь внезапно испуганная, его обронила? Или, может быть, в срубик попала курица и снеслась? Дома я сказал хозяйке об этом, и она не удивилась, а только гмыкнула. А когда поспел самовар и я хотел в нем сварить яйцо, остановила: – Не надо, – сказала она, – это яйцо положено от болезни: вода болезнь снимет, а если кто взял, тот берет болезнь к себе. Ну, конечно, мне стало не-ловко варить это яйцо при хозяйке, и [я] спрятал яйцо, по-думав: «потихоньку сварю». А потом у себя в комнате каждый раз, вот только хочу опустить в кипяток, подумав о болезни и удержусь: не верю, а что-то вроде брезгливости. Так дни проходят, лежит яйцо у меня, и нисколько не верю, а взять не могу и бросить жалко. Раз нищий стучится под окном, я ему это яйцо, да так вот насилу, на-силу отделался, сбыл. А игрушка переменной формы жи-вет у меня, так повернешь – летящая птица, так – девушка, а после медведь. И когда смотришь, все кажется, поет вода ключевая...

На полях: Я теряюсь. Мгновение недоумения.

Я не сужу этот мир, не осуждаю, не говорю, что он плох, я только страдаю про себя тем, что не могу быть с ними вместе заодно, никак не могу. И вы сами же будете меня презирать, если я, насилуя себя, буду клясться публично, заверяя, что я тоже как все. Но так больно бывает иногда оставаться одному и не участвовать со всеми, что я теряюсь, и если в эту минуту растерянности, недоумения кто-нибудь велит мне: «иди!» – я иду, иду, пока не опомнюсь.

468

Бывает, опомнюсь и потихоньку, незаметно для всех, уде-ру, а чаще бывает, иду по чужой тропе, за чужой спиной, и вдруг оказывается, эта чужая тропа есть моя собственная и по ней иду сам, и впереди уже и нет никого.

1 Сентября. Охота на уток.

31-го утром в Копылове, проверили бель: один бекас и один молодой петух в черном пере. Вечером от Федорцова до Переславца и обратно по Трестнице: 1 тетерка, 2 кряквы, 2 турухтана. 1-го Сент. в Полубарском: 6 крякв. В полдень дома.

Я сказал Егору Ивановичу: – Сто лет здравствовать, к нам на похороны. – Федька на это сказал: – Немного и осталось. – Избаловали Федьку, он понял жилку охоты и отвечает покровительственно члену Реввоенсовета: «нельзя», а он заискивающе улыбается. Из мальчишек, обступивших машину, один вступил в пререкания с егерем, побеждая его логикой, но когда вышел старый егерь, логика оставила и все врассыпную бросились («новый человек»).

Островок качается... Подсвежили шалаш.

Точки на горизонте растущие: растет, растет и прямо-хонько и все растет и –

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
вскрик! – и шлеп! Откуда взялось? Низятыся, замедляют, садятся и шлеп! Вода белая как гре-бешок большой волны. Моросит дождь. Дождь полил, а за нами не едут. – Когда лучше утка летит, в дождь или вед-ро? – Неровно, бывает пасмурно, а утка валит, а бывает ведро и ни одной, а то бывает пасмурно и уток нет, а быва-ет ведро и утки – [масса].

Во мраке крик крякв и взлеты, и вскакиваешь – муш-ки не видно и утки не видно. Бьюшка, стерегущая машину. Крик журавлей. Крик водяной курочки. Песня о худых са-погах и 8 кило хлеба. Начудил Кузьмичев. Зайцев сказал: «без 100 не уедешь», и ничего: тут шансы Полубарского поднялись. В Полубарском: половина барская, половина монастырская, у барских праздник готов: Иван Постный, когда прилетают самые жирные птицы. Долгий плес (ша-лаш Вахмистровой).

469

Запомнить для будущего года, что 1-го Августа надо идти в трестницу в воду и бить уток в великом множестве. Охота из шалаша – это стрельба, это высшая школа стрель-бы. Какой-нибудь егерь: мы говорим в городе «ужасно хо-рошо», а в деревне модернизированный человек сокращает и говорит просто «ужасно», и когда ты скажешь просто «хорошо», он говорит, желая угодить: «ужасно». Так у нас с Санькой и пошло: увидав отлично устроенный шалаш, я сказал: – Хорошо. – Ужасно! – ответил Санька. Осмот-рев небо со всех сторон, я – «хорошо!» Он – «ужасно». И когда я сказал, пересчитав патроны 30 и только 3-х уток, и сказал: ужасно, он ответил: хорошо. – Как хорошо! – Очень просто, другие по 50 и ничего, а у вас подходяще. «Безвыходное положение» на сиже (случай с Петей: по-плыл за уткой). Я бросил ружье: не попадаю – мушка сби-лась, а я не знал, – утка над головой, а не стреляю; Петя не докричится, ветер. Я погиб, а он ничего не может сде-лать. Вот бы, казалось, и рядом близкий...

Момент, когда отбрасываешь защитные ветки и появ-ляешься для стрельбы. Петина голова как поплавок: если утка летит – тонет, и когда поплавок потонет – нажима-ешь, и утка летит в шалаш.

Анна Дмитриевна допускает и даже мечтает о возмоз-ности увлечения Чувиляева, чтобы он хоть этим развлек-ся. Услышав это, я сказал: – Фрося, вот бы ты ко мне так. – Тебя, – ответ. Фрося, – тебя и так на трех цепях не удержишь. – Это даже обидно, – сказал я. – Вы бы еще больше обиделись, – отв. Анна Дмит., – если бы жена ва-ша сказала вам комплимент с другой стороны.

Караваева, тип коммунистки, необходимо округляю-щей, смягчающей резкие уклоны речи, посредством объ-яснения причин и т. п.: «интеллигентское понимание» и проч. Легко это, похоже на приятную последнюю отдел-ку вещей, рассказа и т. п. РАПП хотел быть чем-то вроде церкви при государст-ве, был как бы претензией на религию. Государство счис-

470

тило эту секту, это ребячество, эту пустую болтовню. По-ложение слишком серьезно, чтобы о нем говорить.

Ставский просил меня взять его с собой на охоту. – Шоферство, – сказал он, – не помогло мне, мчишься, как ветер, вокруг зеленые поля и леса, а сам сидишь в душной кабинке и преешь. – Я согласился взять его на охоту, и, обрадованный, он в свою очередь предложил мне принять участие в предвыборной кампании. – Вы познакомитесь с природой власти, вы узнаете, что значит властвовать. –

Интересно? – Очень! – Вероятно, – сказал я, – это вроде того, как овладеешь машиной, когда это прелесть в первое время, когда понял секрет власти над стопудовым чудови-щем, и он послушно мчит тебя по шоссе среди полей и ле-сов. – Да, да, – воскликнул Ставский, – ваше сравнение автомобиля с государством замечательно: власть, несом-ненно, дает человеку высшее наслаждение. – Так он ска-зал, а я, поймав возможность говорить, продолжил его же словами: – Да, наслаждение вначале, и потом, когда удов-летворишь себя достижением власти, то, наверно, бывает как и с машиной: вихрем мчишься по шоссе, вокруг леса и поля, а сам сидишь в душной кабинке и преешь.

Есть крупные явления общественной жизни, которые легко объяснить тем, что за нашей спиной некие лица сго-ворились между собой и действуют сознательно во вред нам или на пользу (очень характерно явление «вредитель-ства»). На самом же деле большинство этих явлений по-лучается без посредства лиц: так выходит непреднаме-ренно и безлично, потому что многим людям именно так и надо жить – не было заседаний, но в оагеркнуто: усло-виях франц. оагеркнуто: революции так выходило, и подобно выходило у нас; и огромное большинство «вре-дителей» вредят, не сговариваясь: в большинстве это ре-зультат индивидуального выхода из тяжелых жизненных условий (жизнь-то одна!); тогда надо найти «подходящую» жертву, сознательного вредителя и остановить поток бес-сознательный.

471

4–5 Сентября. Охота на уток в Полубарском. Какая река была Сулоть в древнее время, мы не знаем: наверно, хорошая, полная река, на берегах которой хорошо и

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru по-жить. Теперь Сулоть заболотилась и не река, а только это мы знаем, что все-таки между плесами и озерками есть течение. На сихах под самой деревней мы ожидали ути-ного прилета. Последний дом деревни был на самом бере-гу болота, так что даже и в тростниках находился, и надо было при расчете дробового выстрела иметь дом в виду, чтобы не засыпать окна дробинками. Постепенно светле-ло, люди спали, конечно. Какие это люди жили в болоте вместе с утками? Хотели они жить в болоте? Нет! но если они этого не хотели, а так вышло, то разве это люди? И как понять? Люди, конечно, были стойкие, потому что это не так легко было начать жизнь на берегу реки и про-должать ее, несмотря на все невзгоды, и стоять и стоять на своем. И так это «стоять на своем» передалось из поко-ления в поколение. Проходили десятки лет, проходили столетия. Река Сулоть мало-помалу заболотилась, и надо бы уходить с того места, но люди, имея не в уме, а в крови «стоять на своем», продолжали жить на месте и погру-жаться в болото. Так теперь и вышел этот очень странный Долгий плес: река, целая большая река измельилась, пре-вратилась в болото, а люди, утопая в болоте, все стоят и стоят на своем. К этому: росы стали холодные, а вода еще теплая. Яс-ная прохладная погода. В низине туманно и пахнет обла-ком (обволокло нас туманом, как облаком), а был не туман: это в низине холодная роса садилась, и тем чище и прекрасней дышать, когда мы вышли с луговой низины на поле. (Овес докашивали.) Вечерка: закат и журавли, ут-ки высоко. Тема исторического романа: Троица: от Сергия до авиационного завода: смотреть на авиацию (это самое последнее достижение) и, глядя на это, понимаешь день Сергия Преподобного (его кости теперь всем показывают).

Утренняя охота: яркая ночь – звезды – утро, косячок месяца до солнца и при солнце; восход влажный из тумана: самый прекрасный (чистый восход самое плохое: слу-
472

чилось, а ничего нет). Утки прошли высоко, и только в 10 у. вернулись утки этого плеса (где они были?). Мы ду-мали, это наши [ушли] от стрельбы на Демидов плес и там как привязанные кружились, и мы уехали. Вдруг наши утки повалили и стали рассаживаться бодро, уверенно, пролетая над сихами. Болотная лушь. Пулька под хвост: она полетела, стала кружиться и была убита. Напряженно смотрел в ту сторону: белая бумажка на темном – это подкralись утки на фоне леса... или комар – а это утки... стайка... утка низко и растет, и растет. Стрежень. Сиха. По-лубарское (полумонастырское) – у монастырских празд-ник годовой не знаю когда, а у полубарских дупелиный святой Иван Постный, когда прилетают самые жирные птицы дупеля. Тут кому пост, а нам, охотникам, самая жизнь, потому что на Постного Ивана прилетает самая жирная птица дупель, и всякая птица, утка, вальдшнеп, бекас начинает жиреть.

Машина и Бьюшка слились, и детям удивление.

Вечером поехал в город и вдруг возле кино, где весь [город], Машке захотелось в кино: искру потерял. Народ, мальчишки. Советы. Разряженный шофер (ничего не сде-лаешь, и отойти ему нельзя, потому что приведу Колю Ку-ликова и тот сделает: стыдно). Пьяница сбежал за Колей – Колю не застали. Пьяница грузовик привел. «Переноска» (лампа). Дело в замке. Переноска потухла. Пьяница по-мог: на буксир. Позор Машкин (в кино захотела). Утром встал вопрос: если по прямому, то зачем нужно ключом еще, а без ключа не идет?

– Надо купить, конечно, ты знаешь, как надо ку-пить? – Я не знал, но сказать мне в 60 лет от роду, что не знаю, было неловко. – Знаю, – сказал я, – налево? – Ко-нечно, такие вещи продаются на-лево, – ответил он. Напр., я спросил продавца: – Есть прерыватель? – Нет. – Пишу требование, и он же дает: потому что он прерыватель для своих продает «налево», но если требование, нельзя отка-заться. Машина поставлена вся на соплях, потому что в тот месяц число ворующих машины выгоняли под конец ме-сяца штурмом. Раскулачили чужую машину и свою отре-
473

гулировали (отрегулировать – значит спереть чужую де-таль).

Швейная машина теперь никого не удивит, и удивле-ние перед первой швейной машиной так давно отошло в историю... Так будет и с Фордом. Но я хочу, пока машина не стала всеобщим достоянием, оставить на память по-томкам нашим, как мы к ней привыкали, как входила она в нашу жизнь и сама от нашей жизни изменялась, и нас приучала к иному ритму в отношении повседневногo са-моопределения в пространстве и времени.

Коля сказал: – Я, конечно, не антисемит, но евреев не-навижу от всей души (пример двойственности соврем, мо-лодого человека).

Первородный грех. В религиозном понимании все на-ши вожди (Горький) всю историю христианства перево-дят на себя: не Христос, а большевики сняли первородный грех с человечества: оптимизм большевиков именно в том, что человек новый, и новый человек (без первородного греха) живет по своему плану (человек же мыслится не

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru как личность, а как пролетарий, т. е. отвлеченный человек). Почему Горький и плачет, когда видит пионеров (и многие вожди: эти дети им вместо своих: тут-то вот их и все). Но все эти дети двойственные от рождения: напр., коммунист на своего ребенка смотрит сквозь пальцы: на общего ребенка, на общественного ребенка «октябренька» глядит, а своего просмотрел, и теща с женой его перекрестили. И дальше все такое раздвоение: официально барабанят: литературный язык – это значит язык наших вождей и художников слова. С педагогом в беседе проследить это раздвоение и определить его значение. Старуха немка приходила: 60 лет прожила среди русских, и едва-едва ее понимаешь по-русски. Я ей сказал, что в немецких журналах больше не пишу – единственную мою книгу, переведенную на немецкий язык, фашисты, наверно, сожгли. – Нет, – сказала она, – вашу книгу они не сожгли: арийцев они не трогают. – Не знаю, – сказал я, – о судьбе своей книги, но больше уже не перево-

474

дят, хотя я пишу не хуже. – А кто ваша переводчица? – Я назвал. – Это еврейка, – сказала она, – вот из-за чего, я понимаю! вероятно, и книгу вашу переводил еврей. – Элиазберг, – сказал я, – это отличный переводчик, он даже Гоголя мог перевести, и хорошо, но да: он еврей. – Вот-вот, это самое, а вас, арийца, они не тронут. – Мне надоело, я стал раздражаться. – Давайте конкретно говорить: до фашистов ведь меня переводили, я получал гоно-рар натурой: кофе, чай, фотографические приборы и пленку; теперь в немецких журналах нет моих работ, и кофе я не получаю, хотя я такой же ариец, каким был и раньше. Ошиблись? хорошо, но когда же вскрыется моя полезная арийская сущность, и я снова получу себе кофе, после войны? – Старуха тактично промолчала... И ведь какая старуха: родилась в России, в Лифляндии, всю жизнь прожила гувернанткой у русских, и революцию пережила, и все-таки вся там насквозь, за рубежом, и ждет часа победы, когда будет провозглашена арийская кровь. Есть в этом чисто немецкое, то, чем немец рядовой, приезжающий в Россию со времен Петра и дальше, ненавидит «славянский навоз».

Борис (расстроенный) вышел из колхоза и отправился искать хорошей жизни. Жена его (убеждения: «для чего я замуж вышла, если колхоз?») лентяйка, ее из квартиры выгнали, а у нее тут как раз ребенок умер: никто ей хоронить не хочет: сама хорони, а ей страшно, она положила ребенка в корзинку и отнесла на чердак; через несколько дней ребенок затух, и к ней пристали: закопай. Она взяла заступ, корзину с протухлым ребенком и унесла. Выкопала ямку и закопала вместе с корзиной.

6 Сентября. Стоят замечательные, прозрачные и прохладные осенние дни. Окна потеют. Начинают расцветаться леса.

Был у меня Ставский. Я ему сказал в отношении своем к славе: что если бы моим именем назвали улицу, я бы сбежал от нее. – Не сбежали бы, – отв. С, – а ходили бы в РИК жаловаться на непорядки: «улица моего имени,

475

а такое безобразие». На это я с удивлением и как бы в замешательстве: – Да неужели же! – Но он иронии такой не понимает.

Так начинают показываться у меня люди власти, сделанные из другого материала, чем интеллигенты.

Расценка выступления Бухарина верная, и сейчас же у всех появляется в разных дозах хамское стремление на «попятный двор».

С начала сентября Петя хворает, ходит с повышенной температурой. 4-го вечером он вымок в трестнице, и после того стало хуже. Доктора говорят, или затронута верхушка легкого, или малярия. Исследуют кровь.

Боков и Костя – студенты!

Будет война ли нет? Наш весь народ, включая детей, собраны для какого-то внешнего действия (удара), чтобы сразу решить все; если же не сразу, то... главное в том, что граждане имеют по два лица, одно из которых должно погибнуть, другое усилиться.

Вечером пришел Катинский, и я купил у него ружье за 3000 рублей. Заряд: Сокол 1,3. Дробь 24 гр. Картечь 1,5 гр. – 16 шт. = 24 гр.

7 Сентября. Весь день занимался с Колей Куликовым профилактикой Маши.

Шоферский язык: свеча блядет, аккумулятор мудовлеет. Машина называется аппарат: – Как аппарат? – В порядке (или: блядет замок). Шоферы между собой говорят о росе или кто как скрыл аварию. (География Москвы через шоферский опыт и язык: напр., ехал вниз по Басманной, слева трамвая, справа из Сергиевского переулка подвода, еще левей женщина: ехать на женщину – убить человека, ехать на трамвай или на подводу – успевай выбирать, а то ведь тормоз кое-какой. Пустил между трамваем и подводой – с левой стороны по трамваю ударил колесом и своротил картер коробки скоростей.)

На полях: Г Язык шофера – Как аппарат? – В порядке.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
– Как аппарат? – Свега блядет. – Смена.

476

Рождение образа.

Я думал о Ставском, Шумячком и других «вождях», которые в последнее время стали бывать в нашем доме. В их манере говорить и, главное, выслушивать есть нечто общее, нам неприятное и относящееся, вероятно, ко всем «начальникам». Но что это – я не мог выразить. Пришел Петя из амбулатории и рассказывал о старом докторе, что трудно ему выслушивать больных: пациенты гамят как на базаре. При этом доктор привел пример из жизни вагона, как два парня с разных концов вагона разговаривали между собой: все молчали, а они над головами всех перекрикивали, как будто кроме них в вагоне никого и не было. Представляя себе вагонных парней, я вдруг вернулся к начальникам моим, и мне стало вдруг понятно, почему они нас так плохо слушают и так решительно утверждают свое: они просто не видят нас, как те два парня в вагоне видят только себя.

Коля Куликов сегодня признался мне, что он вовсе не Куликов, а сын монаха. В Посаде Сергиева (ныне Загорск) была улица. А в Сергиевой Лавре в духовной академии тогда журнал издавался с длинным названием «Продолжение творений святых отцов». Так вот, на улице той жили женщины, и к ним ходили монахи. Студенты духовной академии эту улицу называли тоже продолжением творений святых отцов. На этой улице и родился Коля и был определен в воспитательный дом. В то время, однако, некоторые бездетные граждане имели обыкновение отбирать себе из этих незаконных детей, определяемых в воспитательный дом, младенцев, и им позволялось усыновлять их и тем самым как бы превращать их в законнорожденных. Колю выбрали некие Куликовы, он – пьяница горький, она же ведьма. И начиная с шести лет Коля превратился в работника на ведьму и пьяницу и работал на них с утра до ночи. Был он и булочником, как Максим Горький, и был кондитером, и кем только не был... Был на высоте одно время: кандидатом партии. Потом при чистке в связь был поставлен, как сам утверждает, неповинно с одним позорным явлением кооперации, разъяснен как сын

477

монаха, «шпитомник» кулаков, исключен и лишен голоса. В то время Коля как раз был кондитером, и ему как лишнему ничего не оставалось сделать другого, как переменить профессию и начать всю карьеру сначала. Случилось, как раз в то время набирали на курсы шоферов...

Коля кончил курсы и ни разу не сидел на машине. Сдал теорию, сдал езду по Москве, оставалась практика. ЗУ2 литра и 50 р. взял за него сдать. Сдал, получил права. Птицетрест. Задавал двух. На это место пришел, надул баллоны (с велосипеда опыт). – Ты зачем? – А ты за чем, – я шофер. – Как ты... а где ж Ванька? – Она! хвятился, Ванька в тюрьме. – На вот, так ты стал со мной работать. – С тобой. – Красота! ну так что: надувай баллон, поедешь в Москву. – Признался: по Загорску могу, а в Москву не ездил. – Ну, поедем со мной. – Приехали вулканизировать: три дня сидели не жравши. – Поезжай назад. – Боюсь. Двор широкий и к Брюсову. Выехал из Моск-квы – все дороги узки. Карбюратор – засорился главный жиклер. Разобрал, посмотрел – ничего не вижу, продул, бензину хлебнул, хотел диффузор вставлять и не могу. Остановил машину, спрашиваю: – Что это за вещь? – А ты, – говорит, – откуда взял? – Из машины. – В моей машине такого нет. – Ну, – говорю, – поезжай, ты такой же, как я. – Стал я возиться, перевернул диффузор другой стороной, и он вошел как милый. Приписка: Вставил диффузор, и он тень дал, и в тени заблестел гл. жиклер и волосок волосок показался. Тут я пригляделся и вижу, из главного жиклера торчит волосок. Взял я его, вытащил и говорю: «Это ты!» Привинтил болт, закрыл капот, сел в кабину, нажал на стартер и пошел...

Рассуждая о выступлении Бухарина, слишком лично ярком, слишком рассчитанном на завоевание «мещанских» элементов общества, некто сказал:

– Не заявляя о своем несогласии с нами, сделайте вещь необыкновенную, которая своим явлением показала бы нашу ошибку.

Наши критики сейчас работают как пауки: свои тезисы политические они пускают на тексты, чтобы художество

478

через них проливалось, как вода в паутину, и оставался в текстах один только сам автор. – А, вот ты какой! – говорит критик, разглядывая автора, обвитого политическими текстами – и пишет о нем... Между прочим, пауки в природе, уничтожающие мух и всякую вредную дрянь, вопреки предрассудкам, являются человеку очень полезными. Возможно, и критики, как пауки.

Все детали машины имеют названия шоферские и заводские, надо все узнать: сержки, башки, стремянки, грибок, пальчики и тяги.

Швейная машина давно вошла в жизнь, и нам теперь невозможно описать душевное состояние людей, взволнованных ее появлением. Но автомобиль только-только

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
на-чинает вносить в нашу жизнь необыкновенные перемены, и пока он не успел стать как швейная машина, надо успеть его описать.
Из Машкиной эпопеи: искал нового человека, а встре-чались все старые, а под конец оказалось, что новый чело-век рядом со мной живет, и учит меня, и ездит со мной (любит машину, владеет ей).

– Очень стыдно, а все-таки надо сказать: без стыда ли-ца не сносишь.
Машка.

Стыдно мне сейчас, что я на самое главное у нас долго не обращал внимания: это главное, конечно, – что маши-на является в нашу страну и быстро изменяет и труд наш, и досуг: не так работаем, не о том поем, не так начинаем смотреть на месяц, звезды. Некоторые перемену эту счи-тают к лучшему, другие, напротив, понимают черта в ма-шине. Раз я думал о черте, и мне вспомнился знаменитый рассказ о кузнеце Вакуле, который оседлал черта, добыл на нем царицыны черевички для своей возлюбленной, женился, стал при помощи черта счастливейшим из смерт-ных, не уступив искусителю рода человеческого из себя ничего.

Думал я о черте и о себе, что вот бы машину какую-ни-будь, как черта, оседлать и свою жизнь, свои будни и празд-

479

ники переменить к лучшему, не уступив ничего своего. Но какую бы выбрать машину по силам себе. Несколько раз я ходил на большие заводы и каждый раз уходил оттуда подавленный: я смотрел на машины и людей при них без понимания, мне казалось, сущность их находится в управ-лении, и поднимался вверх к инженерам, а там, погружа-ясь в расчеты, отрывался от видимого, осязаемого, необ-ходимого мне для понимания вещей. Хорошо политику действовать, разбивая людей на классы и внутри классов ставя расчет свой на среднего человека. Хорошо матема-тику строить, пользуясь даже бесконечностью как знаком. Но я, художник, не только бесконечность, а даже таракана в своем изображении не могу обойти и в тараканьем су-ществе должен открыть тараканью личность.

Недавно перечитывал на ночь рассказ Гоголя о том, как кузнец Вакула на черте съездил к царице за башмач-ками для своей возлюбленной и достиг своего счастья, ничего не уступив из себя черту, я вздумал достать себе ав-томобиль, изучить его, приучить к себе, как собаку, ввес-ти в свои будни и добыть при помощи его ценности новое, не поступаясь собой, как Вакула, – ведь какой шельмец! съездил на черте и прямо, не отряхнув с себя даже черто-вой шерсти, вошел в церковь и перевенчался. Эта мысль поутру у меня превратилась в действие, – вспомнив, что автомобильный завод легковых машин упоминается все-гда с именем Молотова, я написал шефу короткое письмо о желании моем сделать один опыт с автомобилем, не рас-крывая, конечно, государственному человеку свой основ-ной замысел приручения черта к строительству моего личного счастья.

Теперь я легко бы мог написать рассказ, и очень занят-ный, с таким сюжетом: некий простецкий гражданин вы-играл себе в лотерею автомобиль и при помощи его, по-добно кузнецу Вакуле, завоевал себе счастье. Но мне это до того легко написать, что даже и неинтересно. А что мне хочется и что так трудно сделать, это, описывая свой лич-ный опыт с Машкой, сохранить в целостности рожденную в опыте и, как мне представляется, присущую жизни сказ-

480

ку. Ведь было же это в действительности, что я, не пони-мая, в какой степени нуждается сейчас государство в ав-томобилях, дерзнул просить себе машину для опыта, навянного чтением гоголевской сказки! фантастика бы-ла в самом зародыше моего действия и немудрено, что дальше стало все развиваться как сказка.

Написав Молотову, я решил сам отнести письмо на почту, чтобы отправить заказным. По пути своем на поч-ту впервые в жизни стал я приглядываться к машинам с интересом, а когда отправил письмо, и со стыдом: мне стало понятно как-то вдруг, что машина для дела нужна до крайности, а я прошу для сказки. Каждая грузовая ма-шина теперь вызывала во мне чувство стыда, и если бы это возможно было, я разорвал бы это свое письмо на клочки. К моей беде, грузовики так и шныряли, а когда я вернулся к своему дому, то на улице против моего жилья застал целую кутерьму: штук пять огромных грузовых машин сгрудились тут, и на одну из них поднимали не-большую самодельную машину.

Гёте – распад.

Что обеспечивает в искусстве долгую жизнь (Шекс-пир).

Историки – это заслуженные хранители мощей.

11-го Иван Постный – Мергусова бель: пять дупелей. 12-го Чирково – 13 дупелей и двух тетеревей: 15. 13-го Ясниково – 13 дупелей.

+ два раньше того

Все это время золотые дни. Утренние мысли и желания смешиваются со звездами.

Ударом сапога выбиваю поле-но из-под заднего колеса, и Машка сама выкатывается из гаража.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Звезды скрываются. Остается почти до самого восхода утренняя бледная звезда. Восход в 6 у. Туман в долине. Круглая полянка: красные осинки, березки – все по-разному: на то же осень, чтобы каждое дерево под конец по-казалось по-своему; так хорошо, подкрался туман и белый свернулся тут. Неслышно на резиновых шинах мы подка-

481

тили и все тут застали. Тени от стогов в Чиркове. Тени от кочек и в тени белый мороз: дупель солнце встречал, согрелся на солнце, разленился, послышался шорох – он поднялся и перешел в тень: там в тени кочка была еще белая от мороза; кочка эта была огромная как стол; Лада причуяла дупеля, еще когда он был на солнце, и когда он ушел, подошла к самой кочке и сразу поняла, что дупель пошел дальше и, может быть, далеко ушел, но, может быть, и тут же за кочкой сидит; что делать? с этой стороны кочки, с левой, пахнет след, но сам дупель из-за кочки не пахнет – что делать? и вот мысль: с правой стороны следа нет, и если туда немного просунуться и оттуда запахнет дупелем, значит, он тут; она зашла чуть-чуть направо, ей оттуда резко пахнуло – он тут! и Лада вдруг легла и сама, как дупель, исчезла между кочками. Мы это все видели очень издали и, зная работу Лады, не торопясь, медленно приближались. Про себя я какому-то другу читателю сочинял о Ладе рассказ, что вот была собака Лада, делала стойки и ложилась почти за версту. Я немного прибавил: за версту ведь и собаку-то не увидишь. Но ничего! мой читатель не заметил. – Честное слово, говорю, за версту, не верите? – Нет, отчего же, я верю. – А веришь ли, что я иду не спеша целую версту, и она все лежит, лежит и ждет меня. – Конечно, верю, замечательная собака! – А как ей трудно лежать на животе в грязи с подогнутыми задними ногами. Она наконец подбирает [ноги] и просто ложится и ждет. Но хозяйина нет и нет. Она приспособилась, потянулась, свернулась клубочком... – Стой! – говорит читатель, – я верю, что Лада за версту стала, что она улеглась, что она тебя ждала, и если бы ты сказал, час ждала, два ждала – я бы поверил, но что Лада на стойке клубочком свернулась – нет! не могу, извини: не верю. Наполях: Я говорю гасто Ладе дома: под лежагий камень и вода не побежит, а теперь она лежит, и под ней вода...

Подходишь к ней – она смотрит на тебя, обходишь – глазами следит, [повертывая] к заду, и вот на каком-то градусе вдруг, как пружина, откинула голову и глазами на дупеля, а ты сзади.

482

Лада обезлапела.

Сюда же, к дупелиной высыпке: две маленькие пожелтевшие болотные березки, трава болотная шоколадного цвета – ступишь в ней – между пучками зеленый плюш, и как ступишь на плюш, получается колодезь с черной водой. Три стога – видно, косили, пока можно было, и теперь тут зелененькая отава, на границе зеленого и шоколадного дупель... Он взлетел и тут же опустился. И в этом шоколаде сплошь начинки дупелей. Старая остожина... Дупель с бекасами поднялся, как цеппелин среди самолетов. Высокие задники – подкладка – как на франц. каб-луке.

Мергусова бель: трава вся запахенная и паутина колесами – в росе каждое колесо и против солнца считать не пересчитать: среди этой травы старой чуть заметна теперь клюква, и на ней дупель большой, и еще дупель, и больше всего по самому краю болота...

После дупелиной охоты дома тело отдыхает, и от этого радость, вся радость, на какую только способно обычно-венное живое существо; я посмотрел вниз на Ладу, и она тоже наслаждается и даже ноги вверх задрала.

Наполях: Суд истории

Александровка – какая жизнь моя в ней, как я мог! и в таких условиях можно было радоваться, и как! Бывало, необходимость в ночлеге или достать чего-нибудь поесть заставляет выслушивать людей и судить, распределяя на хороших и плохих. Теперь я в машине везу все для себя, и отдых обеспечен, и ночлег даже. Я теперь не вижу этих людей и если встречаю, то я для них человек другой породы. Всех не посадишь на машину и оттого никого. Деревни мелькают без названий, без характеристик, только помнишь, что вот в этой задавил две курицы, в той гуся (нигде нельзя не задавить, потому что объехать некуда, 2 нрзб всего организма машины тормозом из-за курицы неразумно...)

Как туман закрыл стекло, дворник расчистил дырочку, и вдруг мы в другой атмосфере, и стекла сами очистились...

483

Что же мне теперь жалеть о том времени, когда я ходил пешком и спал на клопах и вынужден был выслушивать жизнь бедных людей, распределяя их на плохих и хороших? Нет,нисколько. Я удивляюсь тому запасу радости, которая у меня, но не желаю возвращения и не раскаиваюсь в легкости жизни моей нынешней, потому что же я ее теперь заслужил. В состав моей нынешней радости [входит] весь

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru понесенный за нее труд. Мало того! большинство понимает, что я заслужил. Но кто не походил по народу, а прямо сел на машину, тот не увидит людей и машину не оценит (это как швейная машина). Не то меня задевает, что я потерял чутье к людям через машину: я не могу его потерять; а то, что другой едет за так, и ему кажется, буд-то так и надо: люди ему – это цифры, машина – способ необходимого передвижения.

Итак, машина и Журавлиная родина...

На полях: Петя говорит сегодня: – Знаешь, Миша, я вот думаю, – сколько мы, трудов положили, сколько ис-тратили всего, гтобы ехать, а ведь другого везут, и он едет за так – даже противно, а как тебе? – Да ведь...

Прочитал повести Гёте, от бунта («Вертер») до порядка («Избир. сродство») и понимаю это не как произведения искусства: эти повести распались на кусочки; все равно ведь и «Фауст» Гёте распался: золотой памятник распал-ся, но все равно это золото. И так все распадается, будучи усвоено. Вопрос, кто дольше... Почему Шекспир и сейчас читается как современная вещь? Есть ритм жизни, и кто в нем – тот долговечен, а то от себя, и это на срок («Фауст» от себя).

Загеркнуто: историки критики с авторами-класси-ками делают то же самое, что раньше делали монахи с мо-щами: мертвые косточки они облачают и объявляют тело усопшего нетленным, убеждая его поклоняться. Припис-ка: Но и всякому обману есть срок: время всех святых раз-девает, и мертвые тела обнажаются. Есть большое удов-летворение уму, когда придет срок раздевать – заняться этим. Так вот пришел срок мне раздеть всех святых, и я приступаю

484

Всему живому хочется жить дольше, и так автору в кни-гах своих хочется жить, и тем из них, кому этого более страстно хочется, удастся жить долго, и когда кончится долгий естественный срок, приходят историки и мертвые косточки усопшей вещи объявляют нетленными, облача-ют, как монахи, создают поклонение. И потом, когда окон-чится культ, миллион раз повторенное имя классика само собой без посторонней помощи продолжает все повто-ряться...

Новый человек от старого ничем, кроме аппетита к жиз-ни, не отличается.

Совершаются великие события, значение которых учесть никому нельзя, и если это чувствовать и понимать без себя, как необходимость, как закон, то право же, свой личный голос в этом хоре необходимости неминуемо дол-жен всем представиться как личное домогательство, как претензия на личное бытие. И самое главное, что дейс-твительно среди бесчисленных градаций между личным и общественным невозможно самому рассудочно опреде-лить именно ту, которая является звеном в творчестве единства личного и общественного. Единственный выход из этого тупика для меня – это *salto mortale*, в котором парашютом является доверие к тому, что истинное «я» как творческий агент не может разбиться о камень. К чис-лу таких вопросов, которые я рассудочно не имею права решать, всегда был для меня вопрос нации и войны: я не могу сказать со всеми, что я – русский, хотя я русский больше всех: мне всегда казалось, что в тот момент, когда я скажу о себе «я – русский», я гублю в себе самое мне до-рогое; и потому лучше, если скажу, что я – не русский. Точно так же я не мог в свое время определить себя «пора-женцем» или «оборонцем».

14–15 сентября. 14 днем ездил за бензином. Встреча с козьим пастухом: мальчик в одежде с большими рукава-ми, и он ими махал, как крыльями, и вдруг появлялся то с того, то с другого конца машины: острое, сухое, козье

1 salto mortale (итал.) – смертельный прыжок.

485

лицо с тусклыми и дикими глазами... Вечером при фона-рях прикатили в Федорцово: там «дупеля», и покатали в Полубарское. Целый вечер песня о сапогах и керосине. Прикрывает лампу: керосину нет. – Вы, колхозники, долж-ны быть зажиточными. – Жазиточными! а есть такая сре-ди зажиточных пролетария: всех зажиточных к себе в кар-ман уберет со всем их имуществом. – Какая же это такая пролетария? – А Пришвин, Михаил Михайлович. – Я был поражен таким оборотом, растерялся, вслух подсчитал все свое, перевел на деньги, на валюту: вышло всего очень мало. А «перевозчик» смеялся и только в шалаше понял про себя, что он подсчету моему не верил и полагал, что у меня золото, что у меня неистощимый запас скрытого где-нибудь в обыкновенной земле обыкновенного золота. И только уж тут, поняв «золото», понял я и смысл «проле-тарии», способной закупить весь колхоз: а именно, что это и хорошо, что он эту «пролетарию» мне на радость, мне на лесть сказал. Вот оно что!

«Перевозчик»: езда по грязи – вода спала – страшная опасность: нельзя даже на ящик от патрон сесть, нельзя на коленках стоять: дрожат колени от непривычной позы, в туго затянутых ремешках; сантиметр до грязи? боюсь, меньше... невозможно плыть: на волосок (и пример: про-фессор и учитель А.). Страшный плес. (Середняя кочь). Сюда же и Петю: он за уткой поплыл... А он: я не стреляю, утка над

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
шалашом: а у меня экстрактор, и не могу открыть: пулевой патрон через
экстрактор. Табунятся журавли. Ту-чи с ледяными, светящимися серебром краями.
Болотные овсянки и трясогузки. Курочки. Жители Демидова плеса, и там трудится
перевозчик: уток загоняет, старается...

Цикл мыслей: пораженец старого времени нашел бы в этом перевозчике общее, т. е.
от своего отщепенства по этому мосту недовольства и зависти он перешел бы к
про-летарию и объективировал бы желанный свой мир в этом образе, и когда он
осуществил свое тайное, стал властелином – ему тот «перевозчик» предъясняет
счет: путь от бунта к порядку. Кузьмич, на которого все обижаются и его фамилия
Фролов, а зовут Волков: на волка похож... Все свои неудачи на Кузьмича.

486

Приписка: фамилия завод[ского] охотника Фролов, но все [на-зывают], вспоминая
его потом как Волкова: до то-го, знагит, этот Фролов лицом на волка похож.
Действие, рожденное в пустыне мировой скорби, лич-ные желания через мировую
скорь к человеку... Припис-ка: и то же через политику...

Шекспировский народ – это...

Часто встречается человек, сохранивший облик умер-шего быта, причем сам человек
живет, как и все, в новом быту. Таких людей я собрал целый музей приписка: и
на-чинаю показывать с Ивана Петровичах

16 сентября. Белый мороз. Мергусова бель. Два ду-пеля, два бекаса, тетерев.

Встречались отдельные витют-ни (пролетные?).

17 сентября. С утра серо и моросило, потом солнце между тучами, ветер. Пробовали
Османа и убили зайца.

Согласно с Павловной решили, что елецкая-смоленская родина умерла и создана
вторая, здесь: Переславль^За-болотье- Троица. Завтра едем в Переславль, и как
домой.

– Вы говорите, что нет свободы или что свобода есть осознанная необходимость.

Пусть же и нет вовсе свободы, но писатель должен чувствовать себя свободным. Так
вот о земле известно, что она круглая, но для живущих на ней она плоская: мы
живем так, будто земля плоская, и ху-дожник, работая, тоже чувствует себя
свободным и, когда творит, не думает вовсе о том, что свобода его обусловле-на
необходимостью.

18–19 сентября. Все дни, весь сентябрь сухо, светло, и теперь уже по утрам лежат
морозы. 18-го ездили в Пере-славль с Колей Дедковым. 19-го в Москву: Машку
чинить и к Цыпину.

Из разговоров с Дедковым, что семья и нация требуют от нового человека особенной
заботы (жену, напр., теперь нельзя просто для дома держать и детей растить,
необхо-димо в обществе и т. п.), что «новый человек» является не

487

в личностях целиком, а распределен понемногу, что рабо-чие теперь ищут семьи,
что такого писателя, как Приш-вин, пишущий о природе, нет среди писателей о
людях.

Почему в партию? – Книга (роман) и смерть Ленина – то же в рассказе Безродного:
т. е. он обрадовался нэпу и вообще, что Россия оживет.

В ближайшее время вступить в постоянную связь с Ца-ги и начать изучение авиации
(воздушных путей наряду с земными).

Берендеево царство (Ботик) в упадке: мертвая био-станция, вот-вот развалится
бельведер, и все продолжают двугривенные за Ботик (Дуня научилась показывать).
Что-то пережитое.

В Москве – мастер Степан Коваленко рекомендует Венеру на базаре купить, и в лапу
ей он лампу впаяет и с флажком.

Смерть Ильича.

Поступление в партию т. Безродного определила смерть Ильича: тогда наладилась
торговля, началась жизнь, мало-мальски похожая на «жизнь» в привычном ее
пони-мании, в партию легко принимали, и Безродный решил поступить; поворот
политики на колхозы отнял у Безрод-ного надежды на порядочную жизнь, и как
мастер, имею-щий всегда возможность хорошо заработать, он потерял всякий смысл
пребывания в партии и вышел. Коля Дед-ков, как человек деревенский, потерявший,
однако, корни в деревне, тоже в смерти Ильича увидел закрепление по-рядка,
желанного ему, но кроме того, перед этим он про-читал один (американский?) роман
с коммунистическими идеалами (Коля все-таки идеалист). И когда колхозная
политика началась, выйти из партии Коле было некуда: не деревенский он и не
мастер. В это время идеи прекрас-ного романа поддержали его, и он стал сживать-ся
с парти-ей. Мало-помалу жизнь стала улучшаться, рабочие стали дорожить семьей,
детьми, всюду началось стремление к порядку, СССР был приглашен в Лигу Наций.

488

Гараж 3-й колонны таксомоторного парка.

Петя пошел к старшему механику Коваленко, но сто-рож его не пустил без пропуска

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru и передать записку Кова-ленко отказался: не может сойти с поста. После долгого ожидания удалось передать записку с каким-то входив-шим рабочим, и Коваленко вышел. Он был сильно выпив-ши, не вдумываясь, не слушая нас, начал сразу с того, что хотел оторвать бронепровод и «припать свое зажига-ние». Наша растерянность, ужас! Наконец я отказал. Он вырвал с корнем дистрибутор и вдруг сказал: можно и тут припать, и унес всю деталь с собой; вдруг вернулся, бро-сил деталь, схватил замок развинчивать (как сыпались болты, гайки, прокладки!). Убежал с замком и скоро вер-нулся: все дело в замке. А мы же это и знали. (История с замком

долгая: все возились, и часа через три вдруг за-водилась машина сама – 1-й раз обнаружилось против кино и пошли на буксире, на другой день с Колей Кулико-вым соединили молоточек с бабиной – это в опыте шофе-ров.) Пока устанавливал, все мастера, все шоферы из гара-жа пришли, и сам сторож пришел, и рассказы всякие. Механик – это все равно что колдун или знахарь сре-ди шоферов.

На полях: польза грузовика – машина открыла глаза на ста-рую дорогу. Маша пишет: не знаю, как было до революции, сама-то я не видела, но по рассказам отца поняла, гто в старое время вовсе дороги не казались плохи-ми, а будто так и надо... и пр.

До революции, – теперь уже в старое время, – нам и в голову не приходило, бывало, – нам, обывателям земли русской, – что у нас плохие дороги. Больше, я

вам скажу, на телегу ссылались, что телега – глупый и нелепый эки-паж. Теперь на место телеги явилась машина, автомобиль, и вдруг открылось, что старые дороги

никуда не годны. И то же самое, я думаю, и с людьми, обслуживающими транспорт: раньше, казалось, люди не были так плохи, но теперь машина показала нам русского человека, недавне-го земледельца и кустаря, никуда не годным механиком и шофером. Так вот, сел я на машину, чтобы увидеть но-

489
вую жизнь, а мне открылась старая жизнь дороги и мира с необычайной стороны: никогда, никогда я не думал, что так плохо все наше старое. Нам, шоферам легковых машин, грузовики тем полез-ны, что пугают людей на дороге и усеивают эти дороги жертвами. Не будь этих бесчисленных жертв грузовиков, наши колхозники вовсе бы не боялись наших легковых машин: они бы мало-помалу

присмотрелись и поняли, ка-кая слабая легковая машина, как боится она столкнуться даже с телегой. Но грузовики, для которых не только те-лега, а даже и легковой автомобиль не представляет ника-кой опасности, до того всех напугали, что даже от гудка легковой машины все в ужасе сторонятся, бегут к лоша-дям. Шоферская ругань: – Жопа с ручкой!

20 Сентября. Какой день! а мы весь день готовили машину на завтра. Какой чудесный день сегодня, а мы готовили весь день машину на завтра: чистили мотор, меняли масло, про-сматривали карбюратор, исправляли зажигание, налива-ли бензин. Вечер. Оранжевая чистая заря. Месяц почти полный и на свету светит. Мальчишки кричат, собаки лают, ведра звенят – чего-чего не слышно в городе, и в глубине хаоса чуть слышный ритм похоронного марша: дерева желтые – год умирает, сумрак – день умирает, и так это редко, так почти чудесно сошлось, что человека хоронят под вечер. Так вмешался этот музыкальный ритм в хаос жизни, в рас-пад ее, в самую смерть и убеждает нас в единстве и цель-ности мира. Между тем все вышло потому, что музыканты днем все на службе и свободны стали только к вечеру. Вот бы так и всегда хоронить людей вечером. Приписка: (Не-льзя)

Наша новая молодежь не знает вовсе истории и оттого ничем не интересуется и сама неинтересна. Так вот езд-ли с Дедковым в Переславль, и у него ничего!

490
След машины на песке, возле Мергусовой бели, какой ужас: легковая машина! 21 Сентября. Рассказ об одной перепелке. 1. Решение испробовать охоту с лайкой на глухарей: где их много? Прихватить Ладу. Подготовка машины: регулировка за-жигания и карбюратора, смена масла, промыли мотор, кстати вычистили, прошел весь день 20-го. Ночью в 3 ч. завел машину, самовар поставили: звезды, а луна сади-лась. Чай, сборы. Выехали в 4 у.: одни звезды да наш свет. Мужики картошку везут, огромный воз сена (всегда огром-ный в электрич.). Встреча с колонной транзита пятитонк из Ярославля. С боковой дороги на шоссе вышли люди: собака, лай из машины, и вдруг машина взвилась: люди ли это? Звезды повышли, осталась звезда утренняя: – И дам я звезду утреннюю. – Это кто сказал? – Бог. – По-втори, что ты сказал? – Ббб-о-ох! Моря туманов и в них острова.

(Мысль написать серию исторических или смешных рассказов: 1) След машины; 2) Кадет; 3) С ножом к фона-рю; 4) Товарищ покойник и проч.)

Село Новое и старушки княжны где-то в деревне дожи-вают век. Павел Михайлов. Ошанин и Фед. Л. Кумашен-ский + Курчевский.

Поездка в Горки. Ужас дороги. Поиски сарая в Горках, дети и наши собаки. Поиски глухарей. Не садятся. Белки. Возвращение в Горки и рассказы о том, как в 29 году

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru здесь медведя убили мужики. Медведь пришел и лег в муравей-ник. Иван шел с ружьем на белок. «Это ружье 12 кал [ибров] центральное, я раз из него бил, мне сказали: бьет сильно зарядом и отдает, я – ударил, и не поверите и не догадае-тесь – нет? – Нет! – Это ружье меня оборотило». А бьет – дробь... бьет больше в зад. Вдруг из кочки голова: тонкое рыльце – медвежонок. – Вложил пулю. – Медведь огром-ный, бежит Иван от медведя. Созвал мужиков, пришли: кровь. Три дня шли по крови. Описание ружей. Тут узнал Кумашенский и обложил раз. Мужик выгнал. Другой раз – и третий – три раза. – Убьете, Ф. Л., а они ведь нас

491
убьют: они привыкли к медведю, идут голодные, холод-ные. – Меня! – и засмеялся. – А у них правда ружье-тройник и наган и стрелок: птицу на лету из нагана. Когда в 3-й раз ушел, Ф. Л. хочет дальше, а я понял: убьют. – Вот слушайте, сейчас стрелять будут. – И правда: раз, раз, раз – все шесть, и сразу галдеж. Все кончено: убили, боль-шой: 15 пудов. И я на том медведе сидел. Пришла хозяйка с картошки (все колхозы убирают картошку) и водки выдала [всем]. Поехали на выводок ку-ропаток. Колхозники перегнали. Нашли перепелку. Стой-ка Лады (взять с дупелей) и кончить: «...всему верю, а что-бы кружком свернулась на стойке, нет! это ты врешь!» я убил эту перепелку и это все, мы привезли домой одну перепелку и...

Есть люди, которые из бедности своей глядят на бо-гатство и восхищаются: как хорошо! как хорошо быть бо-гатым. Другие не могут забыть своей бедности, богатство открывает им глаза на свое убожество, и отравляющая душу горечь изрыгается злостью. Вот был и я в бедности и хотел избыть свою злость в пролетарском движении, но почему-то не мог в этом тоже ничего достигнуть. Мне пришлось работать долго над самим собой, чтобы отде-латься от зависти богатым и покончить со своей злостью. И когда я этого ценою великой достиж и увидел, что все вокруг свою бедность и злость хотят растворить в проле-тарском движении, то как я мог вернуться к тому, от чего ушел в юности? И вот теперь, когда перед каждым вновь ставится вопрос, чтобы сделаться богатым и счастливым, то это ведь опять-таки мое прошлое: я был богат и счаст-лив в то время еще, когда все изывали свою неудачу в ре-волюции: у меня к этому простому нет аппетита... К Долгому плесу: начало: Есть романтика отъединения в природе: человек уходит от обыденщины и воплощает свое лучшее в звездах, травах, животных. – «И звезда с звездой говорит». – Так пел об этом Лермонтов, расска-зывал Кнут Гамсун. Теперь как-то эта нить оборвалась и как будто некому и незачем открывать эти заповедные миры. Я думаю, во-первых, что людям теперь «не до то-

492
го» – это главное, потом ведь многие тоже и вкусили от «природы»: так рассказывали мне, что Бальмонта видели с мешком картошки и блестящая капля висела у него на носу.

23 сентября. Утром Лева приехал. Мы трое отправи-лись на охоту в Ясниково и взяли там более 20 дупелей (всего на этом месте взято более 60, а всего дупелей взято не менее 70).

Даже Рафаэль, даже Леонардо и Гёте не то теперь сов-сем, что продолжают говорить учителя о них для нас: их вторая смерть уже давно совершилась, и как при первой смерти, бывало, попы поют, так при второй и долго-долго спустя читают лекции учителя. Да, надо сказать, что бес-смертия нет на земле, но есть стремление к долгой жизни, и эта жажда жить больше, чем все живут, больше, чем воз-можно, дает нам творения, в которых личность в нашем сознании долго живет после своей естественной смерти. Однако и это «сверхъестественное» бытие имеет тоже свой естественный конец и помещается в склепы, называ-емые в этом случае музеями. Да, нет бессмертия, но в на-ших руках прожить много больше, чем «все», и останки свои сохранить в полезных для культурной связи людей музеях. Если же говорить о бессмертии в том смысле, что все мы движемся бесконечно, переходя один в другого, то это безликое бессмертие для всех одинаково приписка: (бессмертие – в бесконечной борьбе людей за лицо чело-века на земле).

По пути сегодня мы встретили автомобиль в неподви-жном состоянии, водитель его остановил нас и просил по-мочь: карбюратор рассыпался, а шофер забыл положить инструменты. Незнакомец назвался главным инженером Сорокопустского химич. завода. В грузовике не было во-все фар, аккумулятор не действовал, и машина заводилась раскатом от динамо. На обратном пути в темноте мы опять с ним встретились... Лева сказал инженеру: – И так, вероятно, всё на вашем заводе. – Да, так у нас всё, – отве-тил инженер.

493
24 сентября. Первый раз за весь месяц чуть-чуть по-крапил дождик, а очень тепло, очень хорошо. Лева, Гали-на и Петя поехали в Москву.

25 сентября. С утра пасмурно, после 12 наконец-то за весь месяц дождь и то так себе, тепленький и редень-кий. Полный осенний расцвет деревьев, когда почти

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
каждое дерево имеет свое лицо. Ездил с Павловной (с 6 у.–2 д.) в Чирково. Убил 5 дупелей. Накопляю в себе ярь для чего-то крепкого и удерживаюсь от расхода на мелочи. Вот ведь никто из писателей в свое время не... Возможное начало романа: Кроме старинного романа Мельникова-Печерского «В лесах и на горах» нигде у прежних писателей я не вижу изображения земледельческой и кустарной России в свете новой индустрии. Нет! и тот единственный роман тоже ничего не говорит, потому что он провинциален и нет в нем универсального образа, который для всего мира был бы зеркалом. Или, может быть, мы напрасно жили, и в нашей напрасной жизни в хвосте цивилизации для всего света нет никакого примера? Но почему же тогда нас пригласили в Лигу Наций... Разное такое приходит в голову, когда собираешься пересмотреть старое, пережитое в свете новой необыкновенной перемены всего.

26 сентября. Дождь с утра с перерывами до вечера. Прогулка с Османом. Охота сменяется отдыхом и опять, как отдохнешь, без промежутка начинаешь охотиться. Так мало-помалу доходишь до полного самодовольствия и всякая тревога, всякая забота о лучшем отпадают. Только изредка, искорками показывается скрытый, бессознательный процесс накопления. И вот эта способность отдаваться всецело мускульной жизни дает мне понимание того, что называют «природой». Я очень боялся, что в этом году способность забываться от всего в свете на охоте изменит мне, но, к счастью моему, прилетели в избытке дупеля, и после наших великолепных охот мне снова приятно чувствовать в себе свое здоровое, проветренное насквозь тело.

494

27 сентября. До трех дня мы охотились возле Алма-зова, убили около 20 дупелей (в том числе 1 коростеля и 4 бекаса). Приписка: Всего убито их без бекасов 85. Погода была – вот-вот дождь, и когда мы пришли в 3 д. к машине, начался дождь и лил до вечера. Был вечером Бострем, говорил о Симеоне Богослове и больше все мне известное.

Мне пришло в голову написать о Машке, что-то вроде «Родников» или «Журавлиной родины» – итак: «Десять тысяч километров»: первая тысяча, вторая тысяча и т. д. Отдельные моменты: напр., Павловна, сидя на приступке машины, щиплет дупелей, а вокруг нее народ: женщины, дети...

Приписка: О выходе из себя, о вере и переходе.

Новая дорога приписка: и это ландшафт (идея: новое открывает понимание старого: машина открыла, Машка открыла Александровку или встреча во время метели с мужиками («пора бы бросить на машинках ездить»). Против «Жур. родины» эта вещь должна освободиться от «обнажения приема» и т. п. и быть проста, понятна шоферу и приемлема как чтение эстетам и еще переводима...

Новая дорога. Приписка: экспансия

1. Из рассказа о Машке, путем включения личной жизни в рассказ, надо вметать в рассказ сюжет Новой дороги (для кино). 2. Новый человек – Генрихсон, новая жизнь – это мое лучшее: народ возле машины: щипка дупелей. 3. Кашей, сущность Кашея: борьба с Кашеем – со злом; зло: неверие и проч.: борьба с отриц. моментами в творчестве; напр., говорится «вера», и нам представляется, что вера (или любовь) как постоянный процесс, свойственный особым «верующим» людям; на деле вера всех покидает временами, даже и целого дня нельзя прожить в вере и любви, и вот эти промежутки скрывают, заделывают, таят в пустынях, избегая людей – свидетелей приписка: значит, надо открыть тайну и сказать, что ни веры, ни надежды, ни любви, ни [мудрости] нет в постоянстве, а есть борьба за лицо.

495

Историю великорусского племени я содержу лично в себе как типичный и кровный его представитель и самую главную особенность его чувствую в своей собственной жизни, на своем пути, как и на пути всего народа, – это сжиматься до крайности в узких местах и валить валом по широкой дороге.

Старая дорога народов нашей страны то сужается до тропинки, то расширяется до горизонта, и человек тоже, – это очень верно сказано еще у Ключевского, – то сходит почти что на нет в узких местах, то валом валит с гиком и гамом по широкой дороге. И я, ненавидя все это как интеллигент, в сокровенной глубине своей тоже такой точно, сокращаюсь с ругательством и, как получшеет, расширяюсь с песней и не помню зла. Задумываясь, иногда в беде даже ставлю точку на память, чтобы потом, как все поряточные люди, не забыть и не простить врагам обиды, но приписка: зарубка эта ничего не помогает, время придет, получшеет и приписка: переменит все [заклучения] все точки и зарубки пропали, точь-в-точь как весной при разливе вода все старое уносит в неизвестность морей.

Старая дорога в узком смысле – это большак, по которому деды мои двигались с гуртами скота: впереди – я слышал их рассказы – всегда, бывало, идет козел, за ним быки, по сторонам гуртоводы с длинными палками, а назади хозяин в тележке, и с ним едет петух непременно для счета времени: петух задремлет вечером, и козел

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
оста-навливается, скот сбивается на ночлег, хозяин разводит большой степной самовар с тремя отделениями, в одном жидкий кулеш, в другом каша, в третьем кипяток. Когда петух закричит, гурт идет с козлом впереди. Слушая в дет-стве эти рассказы, с интересом смотрел я на большак и с уважением до самого последнего времени. Мне казалось, все это «надо», и телега и дорога приспособлены друг для друга, и человек тоже едет, свесив ноги, подхлестывая од-ной вожкой лошаденку и покрикивая: «ну, толоки, толо-ки, бестолошная!»
Теперь вот я именно сюда-то и хочу приплести свойст-во русского человека сжиматься в узких местах. До того

496

ведь, бывало, дойдешь в этом сжатии, до того привык-нешь к стеснению, что кажется, будто так это и надо и что так везде, повсюду на свете, царство необходимости, зла, но ничего не поделаешь с этим, как-нибудь доеду и до-живу приписка: и доеду по вечной дороге. Но приходит машина, автомобиль, вдруг как молния прорезает тьму, и является чудовищная нелепость гуртовых дорог, телеги, извозчика и всего связанного со старой дорогой, вся кус-тарная Русь «одноличников». Только очень немногие люди, сомнительного происхождения интеллигенты да остатки староверов приняли машину как зло, но огромное большинство русского народа почти безропотно стали ей подчиняться. Мне лично захотелось пережить все, под-чиниться машине, а потом, все поняв в ней, вскочить на нее, как у Гоголя кузнец Вакула на черта вскочил, и до-стать золотые черевички для своей невесты. С одним мо-им приятелем, развитым старовером, я долго спорил об этом, ссылаясь на кузнеца Вакулу, говорил, что ведь неза-метно прошло: Вакула достал черевички и даже прощения у Бога не просил, что достал их при помощи черта. – Пусть машина черт, – говорил я, – но если черт подчиня-ется, добросовестно служит, не вмешивается в дела совес-ти, то почему же мне отказываться, если договор у нас односторонний. – Это ваше личное дело, чисто поэтиче-ское, – говорил мне враг машины, – но для общины ма-шина... – Что же делать? – спрашиваю я. – Ничего не на-до делать, – отвечал он, – машины приведут к страшной войне, после чего люди одумаются и вернуться к натураль-ному хозяйству...

Мы с приятелем совершенно разные люди: у меня ого-род большой, хороший, жена собирает с него капусту, кар-тошку, свеклу, лук на весь год, посреди огорода сарай и в нем корова; я очень хорошо знаю этот труд и ценю его до известного предела, пока он не отшибает мысль в голове... Я сам люблю крепкие от мороза кочны, люблю запах мор-кови, даже картошки, даже земли и горячего парникового навоза. Я долго думал, что эта прелесть исключительная, но, увлекаясь фотографией, я полюбил [химический] за-

497

пах реактивов, увлекаясь автомобилем, полюбил бензин. Теперь этот мираж совсем оставил меня, я знаю, из чего все это складывается, – из жизни ребенка в деревне, ко-гда я сам ничего не делал, а только бегал и нюхал, потом из чтения Толстого, который тоже всего такого нанюхал-ся в детстве, а потом этим заманивал нас, обещая личную свободу приписка: в пахоте сохой. Но я стал агрономом и понял земледельческий труд без прикрас, а чувство лич-ной свободы понял в творчестве: приписка: попадет в личное творчество земля – прекрасно, бензин – Так вот, моя жена занимается огородом, я искусством – пишу, ей огород на здоровье, мне он не без пользы... птицы поют: я все такое живое очень люблю. У моего приятеля жизнь идет по-другому, он живописец, большой эстет, но у него ужасная теща и больная жена, чтобы содержать семью, он должен с утра до ночи писать портреты вождей. Ни ма-лейшего [желания], ни малейшей прикосновенности он не имеет к земледельческому труду, но, чувствуя себя рабом своей тещи, он из гордости не хочет сознаться и это раб-ство относит к машине и держит мечту о натуральном хо-зяйстве...

Среди нас, пожилых людей, в СССР есть немало таких еще, кто не вполне понял учение Маркса и старается по-своему разбить кашееву цепь капиталистического раб-ства. У меня есть один такой приятель, с которым я веду бесконечные споры: я стою за машину, которой человек наконец-то должен овладеть и стать хозяином на земле. Он видит в машине злейшего врага человечества и призы-вает вернуться к натуральному хозяйству. Мы с этим при-ятелем совершенно разные люди (см. выше). 30 сентября. С половины дня 27-го после целого зо-лотого сентября начались сплошные дожди, Петя уехал учиться, и дупелиная охота наша кончилась. По-видимо-му, еще бы можно было несколько дней собирать по пят-ку. В след. году надо охоту на дупелей гнездовых начинать в первых числах сентября, рассчитывая на валовой про-лет 11–12 Сент., и охотиться после того недели две. Начи-

498

нать охоту надо с д. Алмазово, где у болотца и ставить ма-шину. Надо ни в каком случае не показываться на глаза тем дамам, которые влюблены в

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
мои рассказы: это самые про-тивоестественные встречи.
Приписка: Сомневаться необходимо во всем, но нужна извест-ная степень культуры, чтобы эта критика основ была с пользой для дела и проходила без вреда для людей: так вот, если земледелец, вгера бросивший землю, сегодня стал механиком и настроен крити-гески относительно высшего знания, – тут беда!

2 Октября. Хватил мороз в – 6°.

Когда на рассвете, усиливаясь к восходу, садится мо-роз, лист все еще кое-как терпит и держится, но когда солн-це поднимется и мороз обратится в росу, а роса сливается в тяжелые капли, то падают капли, сшибая нижележащие, тоже нагруженные водой листья, и чем больше греет солн-це, тем сильнее листопад. Хорошо присесть в такое утро на пенек под лиственное дерево и слушать тихий разговор, и все одно словом всех: ма-ша, ма-ша... Мне вспомнилась из далекого прошлого почему-то под этот шелест «ма-ша» сестренка Маша: что-то чуть-чуть от нее, беленькое что-то осталось в памяти. Сколько было ей лет, когда она умерла? Я не могу теперь сказать. А старше она была меня или моложе, или, может быть, она была еще моложе моего младшего брата? Я сейчас не могу сказать и не у кого спра-виться, из всех в роду я остался один, и нет могил, нет церкви, возле которой были эти могилы, нет в живых свя-щенника. Все прошло, я один, и листик за листиком пада-ют с меня и шелестят свое: маша, маша!

Николай Дедков сказал: – И я должен сказать это, что писателя нашей жизни, нашего человека такого, как ты пишешь о природе, нет.

Опыт дробью стрельбы (для зимн. зверя).

В последние три дня обнаружен пролет вальдшнепов, т. е. выходит так, что с первых чисел нов. сентября следует

499

искать жировых дупелей (при основной охоте за тетере-вами); 11-го–12-го валовой пролет дупелей и охота за ни-ми две недели, после чего вальдшнепы – куропатки – бе-касы, затем охота по чернотропу на зайца, по белой тропе на лисиц и зайцев до Рождества и с января на лисиц (и волков) с флагами.

Страница Машки. Метель, встреча с мужиками. Как Леву переехал. Достижение: дупеля – Павловна. Родина Машки: Парышев, конвейер сгорела Маша

Дорога:

Желтая опасность. Росу собирают.

Спички.

Приехал ко мне один читатель и, между прочим, ска-зал: – Вы пишете о животных и растениях, мне кажется, потому что плохо думаете о человеке. – Гость остался у меня ночевать, и, укладываясь спать рядом с ним, я по-думал: – Вероятно, это какой-то мизантроп и хотел мне сказать комплимент. – Рано утром я сходил в лес и при-нес добычу: двух жирных осенних вальдшнепов. За чаем я рассказал гостю сегодняшней случай со мной в лесу: раздвинул кусты – и вдруг передо мной у дерева в овраге стоит человек в изорванной красноармейской форме и про-сит у меня спичек; это известно всем, что бродяги при-ближаются под предлогом закурить и все охотники близ-ко к себе таких не подпускают; но лицо у бродяги было неплохое, а спичек у меня с собой было даже два коробка; я левой рукой подаю ему коробок, а в правой держу свое коротенькое ружье со взведенным курком, чтобы при ма-лейшей его попытке схватить меня за руку дать ему в го-лову стволом.

– Большая ошибка! – воскликнул гость, перебив мой рассказ, – он мог бы вас убить из револьвера.

500

– Пожалуй, да, – согласился я, – но мне это не при-шло в голову: лицо у него неплохое, и, верно, правда очень хотел покурить.

– Все равно, – сказал строго гость, – в лесу так нель-зя, в лесу я крепко держусь за правило, никакому встреч-ному человеку спичек не давать.

На это я ответил своему читателю теми же словами, какими он приветствовал меня при первой встрече:

– Вы слишком плохо думаете о человеке.

Мои вечные спутники приписка: поэты: Лермонтов, Блок, Есенин; Пушкин тоже бы, но тут начинается вопрос, который, усиливаясь, делает мне совсем недоступными:

Брюсова, Маяковского и других подобных больших, в том числе и Гёте. Этот вопрос о рукотворное™ вещи, мне по-эзия должна быть как молитва. Из прозаиков у меня жи-вут: Шекспир, Толстой, Достоевский, Гамсун.

5 Октября. Опять вернулось тепло. Вчера у нас в ов-раге убил двух вальдшнепов.

Сегодня в Алмазове двух ду-пелей и двух бекасов.

Машина спящая: загородила путь – рядом тлеют угли, можно понять, что ночью остановилась машина, люди грелись у костра и полегли спать (вероятнее всего, выпи-ли). После многих гудков из машины поднялись 6 человек и откатали ее.

6 Октября. Вчера вечером приехали Каратаевы. Се-годня дождь, но мы бродили возле города, убили вдвоем гаршнепа.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
7 Октября. Бродил с Османом и Ладой. Рассказы в ку-риный носок: 1) Мой портрет; 2) Спички; 3) Счастливец; 4) Кадет (Начало: В то время, когда это было, – было не до рассказов, а теперь вспомнишь и, бывает, даже улыб-нешься. Так вот было во время наступления Мамонтова в Ельце, когда наши войска, пропустив неприятеля через Елец, ринулись за ним в Тулу. Мы стояли на углу Рождест-венской улицы и Манежной (не знаю, как они там теперь называются) и глазели. А войска наши все шли, шли мимо

501

нас в Тулу. Вот видим мы, Иван Парамоныч, известный у нас каждому огородник, возвращается к себе за Сосну из города; нужно думать было, продал капусту – дело-то ведь какое! – и возвращается к своему очагу. Другой бы, увидев войска, обождал бы какой-нибудь час, а Иван Па-рамоныч, наверно, думает, что войска войсками, а ведь капуста тоже дело. И правильно по-своему думает, но ведь время-то какое! Вот один из красноармейцев берет его ло-шадь под уздцы и хочет завернуть ее в поток. Иван Па-рамоныч в драку и ведь как, прямо кнутом по человеку и даже смутил его, но другой красноармеец взял лошадь с другой стороны. Иван Парамоныч и другого огрел. – Вот орел! – сказали возле меня наблюдатели. Между тем мгновенная заминка произвела в потоке целый водоворот и вызвала крупные ругательства со всех сторон. – Орел, орел! – повторяли наблюдатели, видя, как Иван Парамо-ныч один с единственным кнутом бьет войско направо и налево. Вдруг один острый и быстрый молодой человек, вероятно, командир отделения, всмотрелся, понял, вынул наган, пробил себе путь к телеге, стал на колесо и в упор, лицом прямо к лицу огородника не наганом, а словом, од-ним-единственным словом...

– Кадет? – спросил он Ивана Парамоныча.

И тот стоял на коленках, а тут вдруг от одного этого слова как подкошенный сел и весь сжался в ничто, будто сразу умер оагеркнуто: и согласился, и как бы с собст-венного своего согласия умер. Кнут выпал у него из руки. Командир взял кнут, хлестнул лошадь, поток охватил под-воду со всех сторон и повлек. Так вот, какая была кутерьма, а пришел человек, сказал одно слово и этим единствен-ным словом «кадет» привел все расстроенное движение в порядок. Один из наблюдателей возле меня сказал: – А между прочим, какой же он кадет! – Другой вслед за ним: – И пошел кадет в Тулу).

Еще рассказ «Товарищ покойник» (Начало: Другой раз случится, сойдемся и начнем вспоминать...)

Шедевры фото: 1) Весна, 50–60; 2) нерль, 18–24; 3) Со-ва, 50–60; 4) Облака, 50–60; 5) Паутина, 18–24; 6) Апа-титы, 18–24.

502

Как сохраняются песни.

На родине у себя старые песни больше не поют: моло-дые другое поют, а старым не до песен, быт разрушился, и так все это кончилось. Но одна женщина на чужбине тоскует по родине, ей кажется, будто там все по-старому, и на чужбине она, вспоминая, постоянно поет старые пре-красные песни. Мы их очень любим и записываем. Я сам тоже давно покончил со своей родиной, а песни тихонько пою... и дети мои и друзья будут тоже их петь.

Электричество.

В нашем старинном городке нынче все лампы потух-ли, но электричество наше провинциальное, бедное! – на-ши электрические лампочки как лампы горят.

Осень.

В ольховом мятнике все листья облетели, но один бледно-зеленый остался, большой висит на уровне моего глаза, и это я иду один по серой массе ольшаника, а един-ственный лист, кажется мне, идет рядом со мной. Вдруг вальдшнеп свечой над осинником...

Рассказ «Товарищ покойник» (интересен: возможность шекспировского штриха в изображении народа).

Новый оагеркнуто: писатель человек.

Коля Дедков сказал: – Вот это надо правду сказать, да надо: что нет такого писателя теперь, чтобы так написал бы он, как ты о природе пишешь. – Так написал о ком? – спросил я. – О нас, – ответил он. – А кто это мы? – Но-вый человек. – А есть у вас в ЦАГИ новый человек, чтобы с него можно было списать? – Нет, такого нового челове-ка нет, но он понемногу распределен между всеми.

Когда мы остались вдвоем с глазу на глаз, Коля Дедков, секретарь парткома, наконец, приступил к чему-то важ-ному, самому главному, что он хотел бы мне открыть по-сле почти 15-ти лет. И он, заминаясь, сказал: – Я тебе это скажу по оагеркнуто: совести правду, как я твой ученик

503

и тебя уважаю, я скажу тебе, что партии служу я не как-нибудь, я служу по чистой совести.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Колесо шепчет.

Тормозной барабан задевает за [колодки] и колесо на-чинает шептать (выписать все детали, очеловеченные «лапки», «зубки» и проч., присоединив сюда и самый процесс очеловечивания: всегда о машине говорят трепня с че-ловеком, будто это человек.

Гвоздик пробил шину. Камеру залепили, а дырка в по-крышке осталась, и этой дыркой покрышка постоянно жует камеру.

На соплях.

Весь месяц не поступало материалов, конвейер стоял, а под конец месяца материалы пришли, норму месячную в несколько дней взяли штурмом, но машины поставили на соплях.

Пожар.

Наливал бензин в машину, а фонарь «Летучая мышь» на другом конце капота, у воды, стоял, и все-таки бензин притянул огонь, и бензин вспыхнул и в бидоне, и в баке. Так вот я бидон шапкой накрыл и отшвырнул далеко, а бак шубой и под шубой рукою протянул к отверстию крышку и завернул. И ничего не было, даже не обжегся, только уж, конечно, шапка сгорела.

7 октября. С утра чистил карбюратор, потом пришел Коля, и с ним возились до 6 веч.

Карбюратор слезит в двух местах – кажется, все сло-вообразование в отношении машины исходит от перене-сения на нее человеческих свойств.

Хороша концовка рассказа:

– И никаких гвоздей!

Коля показал мне соединение «по прямому проводу», как сделано почти у всех машин их таксомоторного парка: молоточек прерывателя соединяется проволокой с пра-вым проводом бабины (красным), а бронированный про-

504

вод от замка к прерывателю отвертывается от прерывателя и колечком как ненужная вещь закладывается за баби-ну. – Замок в таком случае, – сказал Коля, – тоже, конечно, бездействует и действительно совершенно не нужен – но если бронепровод не отделять от прерывателя и в то же время соединить напрямую, то без включения замка ма-шина не заведется, тогда нужно и напрямую, и замком. – Почему же это так? – спросил я. – Хоть убей, не скажу, – ответил Коля.

Случай с колей.

Два «симпатичных» молодых человека сели в машину, и в Люберцах один попросился «до ветру». Отворив ка-бинку шофера, он приставил к животу Коли наган, потом ударил его по голове раз, два, взял за шиворот и швырнул в канаву. Машину же завели и поехали. Очевидно, для их мокрых дел нужна была машина. Но не проехали они и километра, засорился бензинопровод, и машина стала.

Странствующая машина.

На рассвете путь наш оказался загражденным спящей грузовой машиной, на обочине дотлевал костер. Мы дали гудок, другой, третий. Поднялся один человек со всклоко-ченными волосами, потом другой, третий... шесть чело-век. Трое стали впереди, трое сзади налегли, откатили ма-шину к обочине. Я дал сигнал, что проезжаю, один из шести стал, как милиционер, сделал фигурный жест про-пуска, другие полезли спать в машину.

Полумеханик Скоропустовского завода.

Карбюратор рассыпался – помогите! Фары как вы-еденные глаза, аккумулятор без проводов. Ругает шофера, что не дал инструментов. Мы помогли, и, работая, один из нас сказал: – Вот так и всё у нас. – Да, да... – живо согла-сился инженер, и по тону понятно было, что он рад бы продолжить на эту тему: т. е. что у нас во всем государст-ве... Но я понял и сказал: – Я хочу сказать, что не в госу-дарстве, а у вас на заводе всё так, как на этой машине. – Инженер спохватился и стал приписка: ругать шофера нести о машине какую-то нелепицу.

Вечером мы возвра-

505

щались во тьме, впереди вспышки какие-то и загеркну-/яо;выстрелы. Мы приглушили мотор, и стало нам совер-шенно так, будто с той горки нас обстреливают: вспыхнет и бах! вспыхнет и бах! Мы некоторое время были в заме-шательстве и вдруг догадались: это машина идет такая! Мы догнали машину и сразу узнали: это наша утренняя машина без фар, без сигнала, без аккумулятора медленно шла, гремя мотором, стреляя из карбюратора. Но инжене-ра не было в машине. И стало понятно: инженер вернулся на завод пешком, шофер проспался, и вот теперь машина возвращается. Мы спросили шофера, кто был этот человек, назвавший себя главным инженером С. завода. – Завод наш маленький, – отв. шофер, – большого начальства нет у нас, а это полумеханик. – Что это значит? – спросили мы. – Это значит помощник механика, а как у нас нет ме-ханика, то и зовут: полумехаником. Загеркнуто: Журавлиная родина Убитый народ.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Я думал, что машина открыла мне глаза на убожество Жур. родины, но Е. П. сказала, что нет, не машина, а кол-хозы отняли душу у крестьян, и когда без души жизнь, то и кажется теперь удивительным и странным, что мог жить в таких условиях и радоваться жизни, что теперь «убитый народ».

Старая машина.

Учиться ездить надо на самой старой, никуда не год-ной машине, чтобы на каждом километре нужно было прочищать карбюратор, проверять дистрибутор, снимать и чинить камеры и покрышки, подвертывать болтики, тя-ги, регулировать тормоза. Поездив на такой машине, каж-дый будет дорожить новой машиной и поддерживать ее в порядке.

Приписка: На свою машину смотрю я как на торф: там рас-тительная масса наслаивалась.

Происхождение антропоморфизма. Очеловечивание машины происходит по другим при-чинам, чем антропоморфизм растений и животных, там

506

исходят из веры в единство души в плане мироздания, тут единство человека в труде: что машину делал сам человек, глядя сам на себя, что машину действительно взял с само-го себя, и в ней откладывался человек обезличенно, как трава в торфе, и так напластование человечины, всегда могущее перейти в действие: что это конденсатор челове-чины, сохраненный труд... (Зимой ледяная и вдруг 2000°.) Это и есть «будущее» (будете летать, будете... и пр.): отня-тое настоящее? Упование на легкую жизнь, между тем как легкость определяется личной заинтересованностью...: «интересно» и трудится Петр с утра до ночи. Теперь кула-ки...

Новые кулаки.

Петр Мих. с утра до ночи работает, и все у него есть: и по две пары сапог, и валенки, и одежда всякая, и ест хо-рошо. И этих новых людей Екат. Мих., старая чиновница, называет «кулаками»: Так сложилось и теперь: кулаки, лодыри и рабы. Надо сделать так, чтобы человеку было «интересно» работать, но он не превращался бы в кулака. А где границы законной и незаконной спекуляции? Обще-ственный человек превратился в чиновника.

Анализ жалости к машине.

Это, во-первых, гражданско-хозяйское чувство (вспом. негодование на людей, когда рыбы задохнулись подо льдом): «машина неповинна»: все лодыри сваливают на ма-шину. Это «естественное» хорошее, присущее коренному общественному человеку чувство сбережения обществен-ного добра. И жалость к машине особенно остра, потому что машина не изгородь, даже и не поле, в ней человечина гу-ще, чем на поле, где оагеркнуто: человеку сама земля по-могаем человек ковырнет, бросит семя, и все само растет.

Чувство личной ответственности. Почему это именно я распоряжаюсь человечиной (мо-тив из «Жур. родины» «заслужил»).

Это еще и власть.

Всякая власть есть сила общества, осуществляемая лич-ностью. Таким образом, «человечина» в машине и есть об-

507

щество, водитель – часть машины, а хозяин и есть власте-лин... «во власти маленький обыкновенный ум, являющий носителя власти, благодаря соединению с человечиной увеличивается в тысячи раз, как элемент А, последова-тельно соединенный с элементами а, а2, а3 и т. д. Умный во власти это сознает и говорит не «я», а «мы»; дурак вообра-жает, будто все это он сам.

Два человека.

Води-тель и хозяин: спец-человек и парт-человек. Спец-человек – это среднее между человечиной и живым человеком, идеал живого человека, чтобы спец-человек (водитель) был как руль, сливался с машиной как ее со-ставная часть. Все живое боится мертвого, и вот отчего наши шоферы все безобразники. Надо включиться в орга-низацию живых и мертвых как спец-часть машины, при-чем ты сам не знаешь, куда попадешь, к живым или мерт-вым. Начало:

Этот анализ – должен привести к анализу современ-ного соц. требования, чтобы человек сделался хозяином машины... Вот и выходит: идеал шофера – часть машины, он делает, что велят ему живые и мертвые, он ничем не от-личается от карбюратора; чтобы сохранить в себе «я», он должен отдать часть его машине и свободную исполь-зовать для себя – разделить надвое, или, как кустарь, машину употребить для себя; социалист загадывает в бу-дущем меньше и меньше отдавать из себя машине, а в остальном быть свободным все более и более, а «быть свободным» – это значит властвовать над машинами, но ведь машина есть человечина, как торф, откуда же брать-ся этому торфу, добровольно никто в торф не пойдет.

Машина и торф (см. дорога в Купань).

На свою машину смотрю я как на торф: там растения, теряя свою форму и жизнь как

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
отдельных существ, сохранялись в растительной массе пласт на пласте на пользу
будущих веков; тут в машине человек, не прожив себя до конца, отдавал свое
личное в человечине на пользу будущим поколений.

508

За время революции, я по себе это знаю, мы шли от личной собственности к
общественной, мелкий собственник становился служащим, и действительно, некоторые
из прежних даже самых закоренелых собственников сумели найти личный интерес в
делах общественных... На этом пути совершилась прежде всего утрата вечного и
заключился волей-неволей мир с временным, проще сказать, раньше человек такой
мечтал о собственном каменном доме, теперь он помирился с квартирой в
каком-нибудь коммунальном доме. Приписка: Собственность и вечность как-то
связаны. Новый человек: собственник своих способностей (с вещей собственность
переходит на способности приписка: создающие вещи).

На полях: Коварное лицо времени Прибавочная стоимость.

Итак, чужие люди, буржуазия, брали с нас прибавочную стоимость и обращали ее на
пользу своего класса, теперь свои берут еще больше и обращают на пользу своего
класса. Итак, чтобы мириться с таким личным опустошением в пользу своего
класса, надо чувствовать себя в глубокой солидарности с этим классом и
жертвовать собой. Загеркнуто: Огромному большинству Множеству русских людей
поступаться-то особенно нечем было, и они, не теряя ничего, прямо и утверждались
в общественном и этому служили как себе лично (не испытав даже личной жизни).
Совершив дело, перегорев в этой вспышке, они потом доживали ветеранами...

Коварное лицо... Коварная личина времени

Загеркнуто: Сколько было таких людей, как поэт Луговской, который в «Известиях»
напечатал поэму «Мой путь в РАПП», а на другой же день в этих же «Известиях»
помещено было правительственное распоряжение о роспуске РАППа.

Сколько всего прошло, а моя фирма Михаил Пришвин продолжает неизменно с 1905
года оставаться на своем пути и выпускать теперь книги даже и того далекого вре-

509

мени. Скрытый враг постоянно отстраняет меня от успеха и признания в данном
отрезке времени, но когда этот отрезок проходит и наступает другой, то мне
начинает казаться, что тот скрытый враг на самом деле был мудрым другом моим и
охранял меня от успеха в том отрезке времени. Так вот один поэт напечатал в
«Известиях» поэму «Мой путь в РАПП», а на другой день эти же «Известия»
напечатали распоряжение правительства о роспуске РАППа. Благодаря
сокровеннейшим друзьям моим, в данном отрезке времени принимающим облик врагов,
я в естественном своем приспособлении ко времени не пережил унижения и
существую в медленном росте с 1905 года.

Кто этот сокровенный друг? Я не думаю, что это Горький и даже вообще кто-нибудь
лично. Скорей всего, это сила, исходящая из совокупного действия живых и
мертвых, поддерживающая своих любимцев, и это уже мы, ее любимцы, невольно по
своей привычке представляем ее в форме лица.

9 Октября. Желтые остатки на дереве. Золотистый ковер на низу по грязи. Туманно,
тепло, иногда моросит чуть-чуть. Мне хочется писать не то, что надо бы, а что
пишется. И так это хорошо! Попались в руки фотографии, изображающие позы
совокупления, ничего они лично мне не сказали, но я подумал вообще о счастье
того множества, которое в данный момент совокупляется: как это хорошо!

Игрушка.

Мальчишки на улице меня совершенно замучили: мо-чишь, сушишь, трешь замшей,
фланелью, полируешь, а они подходят к машине прямо как хозяева и грязными руками
себе полируют. Кричу одному сорванцу: – Брось, это тебе не игрушка! – А он мне в
упор: – Как же не игрушка? – Я задумался над решительным его утверждением и
решил так: машина, конечно, вещь деловая, но в то же время она и самая
интересная игрушка. Дальше я думал о том, что в машине значительней: что она
есть деловая вещь, или что она игрушка? Вопрос не так просто ре-

510

шается, потому что ведь детей на свете больше, чем взрослых, и взрослые живут
ведь для будущего, а дети живут для себя и в настоящем. Детей больше еще и
потому, что всякий живой, незабываемый взрослый человек, сохраняет в себе ребенка
и тоже, как дети, играет чем-нибудь, а еще деятели искусства, художники всякого
рода – все как дети, и дело у них подчинено творчеству игрушек для взрослых. А
какой хозяйской походкой приближается мальчишка к машине. Да не в этом ли секрет
и смысл и реализация всего нашего: мы рабы наших детей.

10 Октября. Вчера вечером Лева приехал. Пойдем с ним сегодня.

Как у Бухарина все умно, складно и правильно, – даже завидно.

А это, что все для детей, – это моя самая старинная мысль, и не она ли изнутри
меня руководила моими действиями и сохранила до сих пор в ценности для людей и
мою жизнь.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Характер Османа – дома нельзя было надеть на него ошейник, а когда лез сегодня в нору, дался и все время охоты был добр и ласкался, но когда в норе изорвал себе лапы и ему стало плохо, он и на нас стал рычать, и так всегда: сыт, здоров, ему хорошо – он и нам пальцы лижет, а чуть ему плохо – и мы ему плохи, рычит, и не подходит, укусит.

Письмо из колхоза нашей Пане от двоюродной сестры: «...нам все уже говорят родные учиться быстрее и лучше, чтобы не пахать землю плугом и не чистить лошадей». Я бы хотел: «чтобы землю пахать с пониманием и чистить лошадей со старанием, колхозу нашему на славу» и пр. Ефр. Павл. говорит, однако, что это ничего: тех, кому землю пахать и детей рожать, слишком довольно останется, хватит.

Богатая смесь.

Лева сегодня после охоты рассказал матери, что от моего костюма на воздухе шагов на десять даже как-то осо-

511

бенно пахнет. – Это я знаю, – ответила Павловна, – тут много всего, бензин, тавот, дупелиный жир, заячья кровь, собачья ласка и много, много всего, это богатая смесь.

Свобода: идея свободы возникает у взрослых людей на материале пережитого детства, и из этого возникает искусство, которое есть сохраненное детство. Итак, «лучшее» человечества, его золотой век от каждого человека находится недалеко, золотой век находится в его детстве, и если даже детство не удалось, все равно представление о золотом веке, быть может, еще ярче является из горечи сравнения себя с другими детьми.

Золотой век у людей вышел из золотого детства личности, но и этого золотого детства тоже, может быть, не было, а нет – вот и хочется, так и золотого века не было, а хочется...

На полях: Осман: лай, простота. Сборы.

Машка: Новая дорога.

1. Жалость к машине

2. Тема: обратно к золотому веку

(Кто-то сказал, что люди, сохранившие в себе детство, являются украшением мира)

Тяга к «природе» и есть этот путь (к детству).

Вопрос: а «золотое детство» не есть ли создание тех, кто лишен был (праздника, подарков, игрушек).

«Детство». Детские переживания – это исходный основной материал создающейся личности, на этой основе многие сходятся, и так является «детство».

На полях: Загеркнуто: О воронах. Прошло много веков лабораторного естествознания, пока угеный одумался и, посмотрев на окружающее глазами обыкновенного геловека, стал делать такие простые откры-тия, гто, напр., ворона тоже улетает в теплые края. А галка?

Будьте как дети!

Мы будем: и это путь художника, который создает иг-рушки для взрослых тем, что пробуждает в них ребенка.

512

«Чудесное»: в детстве все чудесно: т. е. то, что я как ху-дожник чувствую и в чем убеждаю людей без мистики, без сказок: просто, как ребенок, чувствую чудесное в са-мой жизни и всеми доступными мне средствами языка, стиля, мышления стремлюсь убедить людей, уничтожая в них отраву привычки.

Что же это, «привычка»? Не сам ли это кашей? Не в том ли дело художника (творца), чтобы разбить кашееву цепь и освободить заключенного ею ребенка?

Способность глазами ребенка, как будто «в первый раз» посмотреть на привычное всем.

Все-таки, что же это, привычка? Что-то вроде инерции, автоматизма: навык (вековечные навыки, привычки, свычки, вроде жвачки вечножующих).

Привычка меня часто обманывает, схватив в чем-ни-будь навык, я начинаю действовать автоматически, и долго выходит, как вдруг проявится поверхностно заключенное навыком своеволие, и весь навык летит (опасно с огнем и порохом)...

От человека требуется автоматизм (взрослые – рабы) и в то же время свобода инициативы (детство – гении).

Золотое детство – это есть тайный замысел разбить необходимость привычного...

Итак, что же это привычное? Навыки отцов, школа, го-сударство, рабство, труд, общество: инерция всей громады человечества, идущей по пути усвоения – открытия личности (напр., открытие Америки). Вечножующий организм времени требует возобновления жвачки, и тогда является гениальный Колумб и открывает для жвачки Америку, и так вплоть до повседневной, комнатной жизни каждого человека: что в буднях изменяет привычка? За-стой?

Вот прошли годы бунта с их реквизицией и наступи-ли годы порядка с их блатом (с

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
точки зрения бунтаря Ли-тер А города есть блат).

NB: анализируя повседневную жизнь, находить в ней моменты необходимости образования привычек и навыков

513

ков и моменты необходимости разрыва и обращения к логике «золотого детства».

Эпоха блата: ОТС СССР

Рассказы в куриный носок: необходимость

На полях: Я пришел в ОГПУ просить себе разрешение на Коро-винский браунинг № 1.

Нагальник ОГПУ улыбнулся:

– Чего вы улыбаетесь, товарищ)

– Коровинский браунинг, – сказал он, – это не оружие.

Хорошее произведение искусства при первом взгляде на него заставляет человека молчать, и самые лучшие ценители долго ничего не говорят, а предоставляют все времени: когда сживешься с вещью, то все о ней само скажет-ся. Мы сейчас в отношении критики словесного искусства живем как самые умные люди, предоставляем [это] непосредственно самому читателю. Придет время, и явится из читателя критик. Вот этого критика я жду с большим волнением, уверенный в том, что он оценит мой труд.

Вчера смотрел на густую зелень стены елок, осыпанных желтыми листьями осин и берез, и задал себе вопрос: эта сказка елей происходит у меня от Рождества, или же сама моя рождественская сказка явилась от осыпанной снегом елочки и, значит, эта же елочка долго спустя после смерти моего «Рождества» создаст в новом поколении новое и тоже прекрасное Рождество?

Иного человека коренная обида заставляет взяться за перо, другого за браунинг, и это люди совершенно разной природы. Чтобы взяться за перо, надо пережить стыд про себя, от чего-то отказаться, смириться, что-то необходимое для всех обойти и, затаив горе, оттуда начать свой путь, как будто ничего и не было себе самому. Революционер непосредственно не находит лично для себя в жизни выхода и мстит...

Приписка: быть можно тоже [и] революционером, но исходящим не прямо от лигного... и вот это и есть Бог, самый-самый тот Бог. Этому не надо давать имя:

514

это сущность творчества, иугить людей слушать-ся Бога надо только примером собственного творчества жизни.

На полях: Коровинский браунинг: капитан Коровин создал себе имя, испортив браунинг. Г Диамат. Необходимость i (к серии рассказов «Куриный носок») L Трамвай – коллектив «Гайка полетела».

Какой-то Коровин... Верно не знаю, но мне кажется, что браунинг первоначально было имя человека, изобретателя автоматического пистолета, а потом это имя человека стало именем созданного им пистолета, как все равно был физик Реомюр и превратился в термометр. Я вижу в этом отмирании личного в вещах глубочайший смысл органического творчества в человечестве, подобный накоплению солнечной энергии в торфе: были растения, каждое со своей индивидуальностью, и стал из них торф, резерв солнечной энергии, так был человек Реомюр и превратился в термометр, был Браунинг и умер в изобретенном им пистолете. Загеркнуто: Если подумать хорошо-шенько, в этом есть великое утешение смертным: не даром умирать. Однако бывают случаи, обратные этому естественному творческому процессу. Так вот какой-то Коровин, никому неизвестное имя, стал всем известен тем, что испортил автоматический пистолет, получивший название Коровинского браунинга. 12 октября. Небольшой мороз. Ездили к Торбееву озеру с Петей и Юрой. Убили двух зайцев. (Всего теперь три).

Осман прост: если ему плохо, напр., раскапывая лисью нору, изранил себе ноги и лежит, стоная, то не подходит: зарычит и укусит; если ему хорошо и хочется на охоту, – лижет кончики пальцев, стремится завалить человека, прыгнув ему на грудь, и проч. В автомобиле с началом движения начинает лаять, совершенно как на гону, и чем скорей едешь, тем чаще лает. Петя сделал предположение, что быстрое движение автомобиля для него является как

515

бы гоном, который у него автоматически соединен со способностью лаять. К недостаткам Османа относится его перемолчка в то время, когда он надеется зверя поймать, это очень сбивает охотника. Для устранения этого недостатка Юра предлагает сделать лающий прибор, который включается, как только Осман закрывает рот, и выключается, когда он сам начинает лаять.

Утро современного охотника. Подробности мойки, заводки автомобиля, усаживания собак и проч. и проч. вплоть до поездки с лаем...

Начальник Юра (Юр. Ив. Тимофеев, Рождеств. Бульв. 15, кв. 8, между Трубной и Сретенкой). Краснощекий парень, начальник + начальник еще чего-то + инструктор стрельбы и т. д., а 21 год от роду. Я ему стал говорить о том, что при помощи

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
большого мастерства в стрельбе можно сделаться как бы художником военного дела и пре-одолеть военщину, уничтожающую личность. Пожалуй, при этом я скорее имел [в виду] рядового, в положении которого спасти свою личность не то что труднее, а как-то пример освобождения убедительней. Но он понял меня по-своему и на слова мои «посредством отличной стрель-бы можно освободиться...» живо подсказал: «и не быть рядовым».

Теперь я начинаю понимать это нечто отталкивающее меня у пионеров, комсомольцев: это что они не дети и как бы прямо и рождаются начальниками. Но это именно и нужно для нашего времени, для нашего народа. (Мелкие чер-ты: ложась на ночь, потребовал щетку, чтобы утром встать и все готово; вежливость; собранность, умение быть внеш-ним и оставаться самому при себе.)

14 октября. Барометр на буре. Дождь. Небо как ма-товое стекло камеры. И вот как ясно теперь представляется сущность рево-люции с точки зрения жизни русского народа: был пас-сивный народ и стал активным: родился новый человек, начальник, октябренок, пионер, комсомолец, – все это рост начальника, и не варяга, не барина, а...

516

Начальник. (Рождение начальника).

В крике ребенка есть властное требование, и нет со-мнения, что у всех народов дети одинаково по-детски властно требуют от старших внимания к себе. Был этот властный крик детей и у нашего народа, которого старшие учили нас понимать как народ, выполняющий обет пра-вославного смирения. Пусть это правда, народ волей или неволей смирялся, но дети-то ведь, наверно, кричали и требовали свое и тогда. И вот они дождались, наступило время, когда голос детей был услышан, и по всей стране в несметном числе явились дети-начальники, октябрюта, пионеры, комсомольцы.

19 [Октября] – пишу. 16-го Сплошной дождь, ездил в Москву дергать зубы, вернулся; 17-го, а 18-го с Петей и Юркой гоняли зайца.

Вчера утром был мороз, в лесу большом ничего, а по-ляны в мелколесье на рассвете белые. Среди звуков сирен, моторов, железнодорожных гудков, грохота поездов ста-раемся уловить лай по зайцу нашего гонца. Птицы и звери наши очень легко привыкают к звукам механизмов, об-служивающих человеческие потребности, и преспокойно живут возле рельс, по которым через каждые полчаса с грохотом и свистом проносятся поезда. Но мы, люди, никак не можем связать в одно целое при наступлении ут-ра звуки природы: кукушку, перепела, соловья, шелест листьев со звуками нашей собственной жизни, которую мы сами устраиваем. Даже ошибки, расстройства в при-роде легко прощаешь и считаешь «естественными»: пету-шок у соседа и сейчас неверно кричит, заикается и ничего, утру не мешает, а есть один в городе моторчик, он день и ночь пыкает на каждом четвертом такте с подсвистом, и это человека, внимающего звукам природы, и сводит с ума. Выйдешь послушать утро и плюнешь, а потом живешь, работаешь как бы на зло кому-то, вроде как бы мстишь... Со временем люди раскаются в этом и будут для молитвы подниматься куда-нибудь высоко в стратосферу или на-учатся обслуживать свои потребности беззвучно.

517

Сейчас в октябре на березках остались редкие, но зато самые золотые листики, а может быть, они и не так яркие, как облетевшие, но теперь, когда все стало так серо, так тускло, они как из настоящего чистого золота и даже как будто светят немного. Еще только чуть-чуть продвинувшись дальше в нашей жизни вместе с поворотом планеты, и ве-тер сорвет и рассеет это последнее украшение и провет в трубу: «нет утешения!» Вот тогда-то я наконец отрываю от себя от жизни природы и начинаю работать, переменяя напором собственной жизни умершее...

Смотрю на рабочих людей при станках, отдающих все свое внимание ходу машины, погруженных в свое дело, и думаю о животных, – что животное очень легко обма-нуть, когда оно наестся и ляжет, а человека обмануть легче всего, когда он погружился всем своим существом в рабо-ту. Вот почему рабочих издавна во всем свете обманывали люди другой породы, которые по секрету шепчут друг другу: «дураков работа любит». (Хитрость – оружие глу-пых, и вот умному не мешает пользоваться и этим оружи-ем.)

Ржавое утро, все ржавое в тумане, и вальдшнеп выле-тел ржавый, как все. Я вскинул ружье и промахнулся, и больше этого вальдшнепа я не нашел, он исчез, и других не было: он был последний в этом перелете. Так бывает утром, когда встаешь и собираешься жить одно какое-то мгновенье единственное, как этого вальдшнепа, упустишь его, не соберешь себя вокруг него – и весь день прошел рывками, случайно, кое-как (см. раньше о листике).

Валик заело. Свет моргает.

Повесили на окнах нарядные занавески, в простенках зеркала и портреты вождей, и непременно в каждом ваго-не проводник, а в буфеты на станциях люди идут, не

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
тол-кая друг друга, если вход, то во вход, и если написано «вы-ход», то не пользуются этим, как раньше, для входа. И в самом буфете чистота и даже неплохо стали кормить, но только по-прежнему нет чайных блюдецек и бледно-жел-

518

тый крутой кипяток, заменяющий чай, люди несут из бу-фета в стаканах пальцами часто с искаженными лицами от боли и страха, что не донесешь и упустишь стакан. В чистом поезде главное хорошо из-за проводника, – что чувствуешь себя защищенным от всякого безобразно-го случая, столь естественного в условиях пути. На пер-вых порах такие проводники сознают важность своего положения и смотрят за всем в вагоне очень внимательно. Вот одна женщина повесила на крючок у окна возле на-рядной занавески свою базарную сумку, и проводник веж-ливо просит ее снять.

– Для чего же крючки? – спрашивает женщина.

–Для чистой одежды, – отвечает проводник.

Увидев мой хороший чемодан, лежащий на полке вверх, проводник осторожно подвинул его вперед так, чтобы он был у меня постоянно в поле зрения...

– С этого бы и начинать, – сердито сказала потрево-женная женщина, – изведите воров да нищих, а потом и лоск наводите, а то кружева развесили, а деловую сумку держи на руках... и чемоданчик из глаз не выпускай...

Многие сочувственно поддакнули, но делегатка в крас-ном платочке своими служебными глазами впила-сь в бун-тующую женщину и сказала ей строго:

– Повесили кружева, зеркала, а потом и за воров при-мемся.

После того и поднялся всеобщий спор в вагоне о том, с чего начинать, с чистоты или с воров.

Загеркнуто: Волчья жизнь Волк.

На полях: Из серии «Богатая смесь»

Раз пришел ко мне пожилой человек, в гетрах, в плаще очень поношенном, в шляпе измятой, борода нечесаная, палка огромная, – бандит или уцелевший народник се-мидесятых годов прошлого столетия. Ночлега и приюта он от меня потребовал, потому что я писатель, а он поэт. Я сам открыл ему калитку, и мне было неудобно закрыть ее у него под носом, пришлось впустить и затем принять все меры предосторожности. Поэт мучил меня три дня рассказами из своей жизни и стихами. Началась у него эта

519

бродячая жизнь будто бы с того, что он собрался лишиться себя жизни приписка: повеситься, но в последний мо-мент вдруг передумал и так решил жить как уже как бы после себя, считая, что с собой он покончил, а жить прос-то свидетелем. Не возвращаясь домой, он приписка: от-ломил сук, на котором хотел повеситься, сделал его своей палкой взял с собой вот эту палку и пошел прочь при-писка: в пространство, обходя войну: как услышит крики, так в сторону, и обходит войну, и вот уже скоро будет 20 лет, как он идет, ночуя летом под кустом, зимой у до-брых людей, читая им за хлеб и соль свои стихи... Мне он тоже много читал. Все это были жалкие перепевы чужого, и оно ничего бы: ведь так же, перепевая настоящих оа-геркнуто: поэтов и писателей, живет огромное большин-ство артистов! но так было невыносимо думать, что этот человек, из-за этого ложного остатка приписка: из-за этой лжи в себе согласился жить, ночевать в кустах... об-манывать добрых людей и брать ни за что у них для себя кусок хлеба. Приписка: Первый день пребывания поэта я негодовал, второй раздумывал, в третий пришел к за-ключению! «Не стоило! – думал я, – он ошибся, что от-ломил сук, надо было повеситься». И с какой стати мне с ним церемониться! Мне особен-но неприятно было слышать его цинические рассказы о добрых женщинах, которые обмывали его приписка: как Христа, чинили его рубашки, кормили, веря, что он пострадавший от советской власти священник. Так он об-манывал этим добрых женщин, и, наверно, стихами свои-ми тоже многих обманывал добрых учителей каких-ни-будь, учительниц в захолустьях. Но меня? Нет, я не дамся.

– Стихи ваши, – сказал я, – плохие перепевы чужого. Из-за этого я не стал бы ломать сук...

Я все резко сказал. А он, как соструенный волк, мет-нул на меня тот свой волчий взгляд.

Я же, начав, хотел все продолжать и еще прибавил ему, и взгляд его из серого волчьего становился изжелта-прон-зительным, и чем-то уже страшнее волчьего, вроде как чертом. Мне вспомнилось, что волк, черт и голодный му-жик в родстве.

520

И это мне прибавляло, и я этого волка в одежде соло-вецкого попа и поэта все колол и колол за всех обманутых им добрых людей.

Вдруг он перестал злиться и, как с волками тоже быва-ет, вдруг сдался.

– Будет, – сказал он, – я вам прочту те стихи, кото-рые никому никогда не читал, а пишу для себя. И не печат-аю!

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
И прочитал о волках и метелях, все это волчье наше старинное русское, в кустах и дорогах шоссейных и проселочных, вой этот...

Все это я знал по себе. Меня схватило за сердце. Но я не переменял своего: все равно это был волк. Только я не мог держать его больше. Приписка: Нет, конечно, в совести своей я его презирал, но сердцем сдался: я не мог больше держать этого волка и отпустил. Я отпустил его и сказал: приписка: взял его палку, внимательно посмотрел на нее и, передавая хозяину, сказал: Виноват, я – Я ошибся, – сказал я. – Из-за этих стихов стоило жить.

– То-то! – ответил он. И ушел.

– И черт с тобой! – сказала вслед ему моя женщина, принужденная убирать за ним, насекомых парить...

Волк.

К этому начало: – Бывает, когда среди мирной птичьей жизни появляется в небе хищник – ворон, галка или еще проще, и голубь летит, так вот хочется почему-то, чтобы ястреб поймал того голубя: интересно. Мне случилось самому видеть, как голодный волк выскочил из куста и прямо с подводы вырвал из рук у мужика собаку. Нет у меня, конечно, жалости к этим хищникам, и я бью их беспощадно, но интересные они. Тоже ведь и у нас, у людей, живет это волчье вечно голодное существо. Раз пришел ко мне...

Необходимость. Диамат.

Мы шли с одним студентом весной на тягу. Он готовился сдавать зачет по диамату (диалектический матери-

521

ализм), и мы болтали с ним, разрешая с ним разные чудные вопросы, которые любят иногда ставить экзаменаторы, вроде того: «почему нельзя едущих в трамвае людей называть коллективом?» Часто беседу нам приходилось обрывать из-за невозможной грязной дороги, которую местами нужно нам обходить лесом. И случилось, пришли мы к целому омуту грязи на дороге. Попробовали обойти лесом налево, – там было болото, попробовали направо – и там еще хуже. Что же нам делать, у обоих у нас сапоги были для этой грязи слишком коротки. Тогда студент, не выпускающий мысль свою от диамата, сказал:

– Ни прямо нельзя, и направо, и налево нельзя обойти, это необходимость.

Мы посмеялись.

– И вот этого, – сказал студент, – хоть убей, не пойму в диамате, что будто бы свобода есть сознательная необходимость. Вот пример: оба мы сознаем необходимость, а между тем свободы никакой не получаем...

Опять было нам смешно.

В самом деле, получалась какая-то полная необходимость и на земле, и в мыслях... Между тем глаза наши искали выхода и заметили на елках у нижнего сука грязь: это по тесно стоящим елкам люди перелезли.

Мы посмеялись вместе и крепко задумались. К счастью нашему, несколько елок у дороги возле омута грязи так тесно сошлись суками, что мы по ним, от сука на сук, сравнительно легко перелезли.

Радостно ступив на твердое место на той стороне омута, я сказал студенту:

– А ты говорил: необходимость.

– Свобода! – ответил студент, тоже перебираясь ко мне с сука на сук.

Вот наконец-то я понял эту труднейшую мысль диамата: вот уж действительно, что свобода есть сознательная необходимость: увидели, осознали и переползли над самой необходимостью.

Начальник.

Он был очень прост от природы и оттого именно стал начальником, и от этого, что стал во главе, сделался уже

522

не так прост, как был, и когда люди сложные, желая угодить ему, принимали вид таких же простых, каким он был сам от природы, то он это сразу угадывал и гнал их от себя беспощадно. Передвигаясь все выше и выше, он, естественно, усложнялся через огромный свой опыт. В конце концов, сила его возрастала, как в батарее последовательно соединяемых элементов: один элемент – одна сила, два элемента – две, три – три, и так без конца.

И такие все начальники, потому что это есть свойство власти, что в ней простейшее растет умножением себе подобных, у животных, напр., собак, этого нет, там для силы в тысячу собак нужна их тысяча, а у нас, людей, так устроено, что одна собака может распоряжаться как тысяча, оставаясь в природном существе своем обыкновенной, простейшей собакой.

Мысль эта о природе власти мне пришла в голову через начальника Юрку (21 года) вчера:

Бьюшка заметила белку на земле, помчалась за ней с огромной быстротой и через это заставила белку взобраться на первое дерево, и случилось, что этим деревом

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
была совсем обнаженная теперь осина. Можно было только рассмотреть белку снизу, но даже что шурка ее была вовсе серая и уже не было на ней ни единого желтого пятнышка. Убить Пете такую белку из дробовика ползарядом ничего не стоило, но он хотел доставить удовольствие Юрке, чтоб он стрельнул в нее из своего пистолетика. Стал его звать, он пришел. Петя ему показал, и он убил. После того он поднял белку и попросил у нас зачем-то кусок газеты. Мы ему дали, он завернул белку в газету и положил себе в сумку. Петя улыбнулся, а Юрка ничего не заметил, понимая так, что раз он убил, белка – его.

Петя же мне говорил потом, что эта простота Юркина объясняет ему множество странностей в вузовском обиходе. Бывает, судят за что-нибудь товарища, кажется, так сложны обстоятельства проступка и невозможно решить, виноват товарищ или нет. Но у ребят невероятно просто и скоро решение, скажет один исключить, и вдруг все поднимают руки за исключение. И вот через ту белку все стало понятно: чрезвычайная упрощенность этих судей, не

523

допускающих никакого колебания, раз – и готово, и один как все.

На полях: сердце и совесть Мечта о порядке.

Бывает со мной, что я вдруг увижу, как запустил я свой письменный стол, книжный шкаф, оружие, сразу схвачусь, начну чистить, прибирать. И тогда в процессе этой работы являюсь у меня доверие к мечте о возможности какого-то высшего, внутреннего порядка, из которого бы сам собой являлся бы и внешний порядок. Иногда мне кажется, что этот высший порядок должен являться из какого-то момента собранности, что можно заставить себя в определенное время дня, в какой-нибудь предрассветный час собираться в себе и потом весь день уже работать радостно и верно. А то бывает, наоборот, кажется, что высший порядок должен начаться от внешнего, прибрать, например, у себя кровать самому поутру, взять за правило сметать пыль, всегда напоминающую о своей отсталости, и начнется порядок в работе. Первый путь, похожий на утреннюю молитву, ощутимых результатов, мне кажется, не давал и являлся у меня просто взамен творчества, или, вернее, «вдохновения». Но порядок внешний каждый раз давал ощутимые результаты и влиял на внутренний, но только, к сожалению, ненадолго, и я даже не знаю, быть может, наличие этого самого «вдохновения» вызвало желание заняться внешним порядком, чтобы, цепляясь за него, реализоваться в творчестве. И так вот всю жизнь – до 61 года я дожил! – и все мне кажется, что вот как-нибудь сразу соберусь в себе и начну какую хорошую, славную жизнь, из которой ни одного дня, ни одного часа даром не выпадет.

Порядок:

I. Два подвала в «Известия»: 1) Маленькие рассказы; 2) Шоферские рассказы. Богатая смесь.

Маленькие рассказы: 1) Спички; 2) Счастливцев; 3) Волк; 4) Диамат. Шоферские рассказы: 1) Полумеханик; 2) Желтая опасность.

524

II. Однотомник у Волина.

III. Птушко.

20 Октября. Начало опыта.

Дождь. Лева пишет, что в охотничьем журнале собираются мне дать собачий отдел или, может быть, даже и сучий. Так глупо, что почти даже и не укололо. В авторем-снабе, к великой радости, дали мне запасные части. Работа в области самособирания.

Распутье: писать большую вещь или рассыпаться по всем газетам миниатюрами?

21 Октября. Люди у машины все равно как неверующие попы в алтаре налаживают богослужение, тоже как и знахари разные, колдуны и еще хуже: там в церкви делают не так, но большинство сознает в глубине себя, что есть где-то и «так», но не было еще учителя такого, кто бы властно сказал нам, что машина – это священная вещь, что в ней сложены ум, сердце, воля множества людей на благо нам, идущим вслед за ними. Разве подходят к машине благоговейно, разве ведут себя возле нее приписка: мало-мальски пристойно? Неверующие, пьяницы дьячки, совершая какую-нибудь гнусность возле священных предметов, озираются по углам, не хватит ли их за это неведомая сила. Но тут вот собраны в организм усилия жи-вых и мертвых, тут вот они шейки, щечки, пальчики... Приписка: и человек возле машины ведет себя как возле камней и думает, она его не видит. Нет, граждане, видит, и если не скажет – я скажу, глядя на нее, что вы в тысячу раз гнуснее дьячков.

Торф и машина: торф делается в природе без всякого вмешательства человека, и множество такого прямо чудесного и драгоценного в природе люди относят к делу Творца и благодарят Его сотни тысяч лет. Но почему когда явно видно, что «чудо» сотворено насквозь человеком, то чудесная вещь рассматривается только как полезная и самое слово «машина» закрывает воображению все выходы из только

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
полезного?

525

Робот.

Механический человек, Робот, чем-то пугает нас – чем же? Я думаю, тем же, чем лошади пугаются, видя машину: «тоже бежит, а не лошадь!» И тут Робот, «тоже живет, а не человек!» Но в каждой машине есть скрытый Робот, и вот это именно есть самая суть машины, и это именно надо изобразить: то, что заменяет человека, и заменяет, потому что да – это человек.

Шофер Коля Куликов живет только глазами и руками, смотрит и щупает, выражается поговорками:

– Пик, мик, портной, сапожник и сам в кусты.

– Видали мы ваши медали, и кресты нашивали.

У шофера должен быть слух кошачий, а нюх собачий (напр., если пробка в картере пропустила масло и оно те-ряется, когда оно вытечет, то будет гореть, потому что баббит плавится только при 2000° и перед этим запахом га-ри – нюх кошачий, затем начинается стук в моторе – оа-геркнуто: слух нюх собачий...).

С самоваром ехали (радиатор кипит)

Сильнее смерти. Мопассан: вероятно, герой повести, художник, очень близок автору, и потому его близость к нам необычайная, кажется, вот он тут где-то, рядом, свой и как бы даже родной. И вот еще что: раньше свет-ское безделье, в обстановке которого развивается роман, не так бросалось в глаза, как теперь. 22 октября. Как будто с боку на бок переворачива-ясь, где-то во тьме пыхнул: «пых-пых!» на всю округу па-ровоз и свистнул. Вслед за тем петух прокричал, и я, по-нимающий себя в этот заутренний час как ребенка... Да, я это не легко, не для красного слова говорю, а с усилием и с твердостью, что встаю до света, чтобы застать в себе еще сохраненного ребенка, исчезающего на восходе, когда я принимаюсь за дело как взрослый человек. Вот петух прокричал, и мой ребенок стал спрашивать и думать. Пе-

526

тух ведь сам прокричал, и никто не понимает, зачем ему это надо и как это у него выходит: тут неизвестное. А в крике паровоза, напротив, – паровоз пыхнул от машини-ста Мартыныча, у которого козы: тети Панина порода, от нее и у Мартыныча козы; и живет Мартыныч с тетей Па-ней, нашей соседкой, а когда напьется, за ним приходит жена, и наша соседка провожает, впереди идет соседка, а приписка:

[жена] позади Мартыныча и прислуживает, когда у канавы он покачнется. Правда, и петух известно чей прокричал: это петух Рыжего, который потихоньку дерет лошадей и этим живет; но все-таки петух сам, а Мартыныч завел паровоз. Вот именно теперь к этому и направлены усилия, чтобы покончить со всем неизвест-ным петушиным и все заводить самим, как машину. Я же вроде того, что в машине хочу открыть «петушиное» на-чало, то неизвестное, что скрыто в машине. Нам действи-тельно еще неизвестен человек как личность, кто овладе-ет машиной и будет она ему не как порабощающая сила, а своя, как Петух у Рыжего.

Усилие теперь поглощает поэзию, нужно сделать, за-кончить план, чтобы освободилась из всех этих полезнос-тей поэзия, как ребенок: мы ведь не думаем о своих детях как только полезностях в будущем, и не все дети станут потом полезны, но всех их мы бережем. Точно так должна быть и поэзия, и, может быть, вступая в борьбу за осво-бождение машины, я вступаю за поэзию?

Бывает, идешь в лесу долго, устанешь и так обрадуешь-ся, если увидишь впереди телеграфный столб. Но ближе подойдешь, и окажется это не столб, а дерево такое старое на болоте, давно умерло, само собой ошкурилось, облома-лось наверху и стало издали совершенно похоже на теле-графный столб. Подойдешь к такому столбу, тряхнешь – и он весь летит вниз, распадаясь кусками. Снимется, и нет ничего, остается только мечта о дороге с телеграфными столбами. Так странно человек устроен: живет в лесу, и чу-дятся улицы с электричеством, а если долго ходить по улицам с телеграфными и всякими столбами, до чего же хочется уйти в дикий лес!

Мне снилось сегодня...

527

Снилось мне, будто я в лес вошел, в большой, густой, темный, и мне было чудесно дышать в нем и слушать пе-ние птиц, но в лесу этом каждое дерево было помечено то-пором. Мне стало тяжело наслаждаться жизнью в лесу, где каждое дерево было предназначено к срубке, я пошел дальше в глубину, но и там деревья были помечены, и я шел дальше, и там тоже все отмечено, и так я все шел и шел, и конца не было: везде так чудесно пели птицы, купаясь в зеленом свете, но деревья везде были помечены.

23–24 октября. Возле Наугольного охота с Османом и Бьюшкой 23-го, убили 5 белок. Бьюшка, зажмурясь, впиалась в [барана] и плыла с ним (в речке возле Сваткова).

Осман погнал возле Сорокопустского завода только вече-ром. Сегодня возле Смены убили вальдшнепа и белку. По-года очень теплая, самая-самая последняя жизнь...

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Говорили с Б. о том, что все на свете можно включить в систему мира как органического целого, но только нельзя включить машину, даже такую, как Робот. Мы можем говорить о жизни дерева как низкой жизни, сравнительно с нами, но все-таки в основе такой же, как наша, но мы не можем говорить так о жизни машины: Б. говорил, что в ней сознания нет, но ведь и в дереве сознания нет; я думаю, потому нельзя говорить о жизни машины, в смысле нашей жизни, что нет в ней индивидуальности, как во всяком органическом существе, той индивидуальности, благодаря которой дерево само растет, а самолет не сам летит: в машине все мертвое, и сам только человек, пускающий ее в ход, в машине сила природы получается от солнца (нефть) и силы человечины, сохраненной для нас в труде (тоже часто без доступа воздуха).

Как ни полезны еще теперь лошади, но все-таки можно уверенно сказать, что скоро-скоро автомобиль освободит человечество от позора унижения прекрасного животного и для лошадей начнется сравнительно с кошмарным прошлым чудесная жизнь. Мы это уверенно можем сказать приписка: Но посмотрите на кляч, какие они унылые,

528

пойдите убедите их, и, глядя на лошадей, почему же не подумать и о возможности лучшей жизни для человечества, когда машина возьмет на себя самый тяжелый труд человека. Приписка: Но люди, как унылые лошади, никак не могут забыть о себе... размышляя о человеке, надо прежде всего забыть лично о себе, чтобы не получался эго-морфизм в отношении человека, подобный антропоморфизму, когда мы думаем о животных; как же это можно забыть о себе? Это возможно только в самозабвении творчества, когда при страшной напряженности жизни «я» переходит в «мы» и сохраняется в нем, подобно тому, как сохраняется, например, имя физика Реомюра в термометре, который просто и зовут оагеркнуто: наш реомюр Реомюр. Наше будущее прекрасно, как и у лошадей, все водовозные клячи исчезнут, а мы все оставшиеся будем заниматься только творчеством.

Почему говорят, что машина освобождает от работы, между тем как никто этой свободы не чувствует, и даже напротив, человек делается рабом машины? быть может, освобождает кого-то? Кто же это, кого машина освобождает? (Меня, напр.: я не хожу на охоту теперь, а езжу, не пишу сам пальцем, а пишет мне машинка)... но людей рождается все больше и больше, и часть их должна делаться частью машины... часть эта увеличивается от размножения людей и размножения машин и уменьшается с «освобождающей» силой машины (напр., возможно управление автомобилем и по радио: один радист освобождает, полужим, 99 шоферов, хотя этот радист более порабощен, чем шофер); итак – формула прогресса: размножение людей + размножение машин освобождаящая сила машины + наращение силы рабства для обслуживающих людей: ко-нец этому: все свободны и счастливы, кроме одного самого несчастного во всей истории человечества раба, управляющего всем рабочим механизмом человечества. Дать образ этого раба: это инженер: «ни минуты свободного времени» – в социализме эта обязанность разделяется между всеми: итак, мы разделим «грех мира» (рабский труд) между собой поровну.

529

25 Октября. Тепло продолжается.

Машина – это рабочая система, заменяющая труд людей и животных. С понятием машины мы соединяем представление о чем-то неживом и даже прямо противоположном живому: машина! Главный признак живого – это явление случайного как следствие индивидуального. Механизатор борется с индивидуальностью, художник во всем ищет индивидуального. И тем не менее художник не является творцом жизни, а только ее качества: на пути к творчеству жизни художник сознает свое бессилие, и если смиряется, то делается слугою Творца, если бунтует, создает демонические образы, имеющие претензию жизни... Все это надо обдумать и как бы поставить вехи на том пути, по которому пойдет моя Машка.

Партийные.

Детский доктор Софья Моисеевна рассказывала нам об одной семье, где она теперь лечит детей. – Партийные они? – спросил ее муж. – Нет, кажется, нет, – ответила Софья Моисеевна. Через несколько секунд она вдруг что-то вспомнила и поправилась: – Ах, нет, конечно, партийные. – А ты что это вспомнила? – спросил муж. – Да вот вспомнила, – сказала Соф. Моис., – у них прислуга жи-вет, им «ты» говорит, и они ее сажают вместе за стол: у партийных ведь прислуга наравне поставлена с хозяевами. Конечно, партийные... а что? – Да ничего, я так, а это верно: если прислуга с ними на «ты», значит, партийные.

27 Октября. Москва.

Кино (Птушко). Книжная лавка. Лента. Бритва. Фото. Рассказ «Лада».

Переговоры с Левиным. Знакомство с Леной Погосянц. Расширение Берендеева царства (орнитолог).

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

28 Октября. Москва.

Религия жертвы (христианство): тело в жертву добро-вольно как несущественное и через это свобода и спасение духа и собор (жертв). А там индивид-хищник (хищники расклевали церковь, ничего не осталось).

530

Социализм показал всем закулисную жизнь, и вера ис-чезла, все идеалы христианства упали с высоты своей и глубоко зарылись в землю. Но мало-помалу отдохнули, и произросли из этого новые цветы. Надо ждать, что зем-ля осилит и поднимет...

Рассказ «Лада» приписка: Кашей для колхозного журнала.

Плохо, что друг человека, собака, мало живет и нельзя никак сохранить любимую собаку на всю жизнь одну. Сколько их у меня было! и ведь с каждой расставаться бы-ло не легко, и рассказывать об этом не хочется и незачем. Я рассчитывал, что моих немецких легавых хватит мне на всю мою жизнь, умерла знаменитая Кента, от нее оста-лись красавица Нерль и добросовестный Дубец. От Нерли я рассчитывал получить потомство, как вдруг и Нерль, и Дубец погибли, и я остался один, без собак. Это было весной. Кликнул клич по Москве, и один охотник дал мне знать, что у его брата под Колодной два года сидит на це-пи кобель, немецкий легавый, вполне породистый, но сов-сем дикий. Охотник спрашивал меня, возможно ли после двух пустых полей в третье натаскать легаша. – А моя Кента! – сказал я, – она ко мне поступила на третий год, и какая собака вышла! – Если возьметесь, – сказал охот-ник, – брат вам даром отдаст. – Почему же даром? – спросил я. Охотник помялся и ничего не сказал. Послал я за собакой, и мне ее привели, – кожа да кости, Кашей, настоящий Кашей, а породой вполне собака классовая. Натаскивать собаку мне разрешили в заказнике Военно-го охотничьего общества в Завидове: «Буду натаскивать, – думал я, – и ознакомлюсь с интересным заказником». На месте мне в охотничьем домике дали отдельную комнату, и устроился очень хорошо, разложил вещи по местам и, между прочим, ветчину положил на стол...

Одноличники: 1) Рубашка (из-за чего девица жизнь свою загубила); 2) Еловые шишки (ткачиха бросила фаб-рику: в Москве был спрос на шишки, мода на шишки: са-мовар ставить) она занялась, а по осени – ее не взяли.

531

Кашей: Брат хозяина собаки мне так объяснил, что мать Кашей была знаменитая Норма, и она была так дрес-сирована, что если на скамье положить ружье и ее, а само-му уйти за билетом, то никто не сумеет взять ружье. У сы-на же ее это осталось как чувство собственности, его не дрессировали, а чуть [провинился], посадили на цепь, и мальчишки дразнили. – Некоторые черты... собствен-ника, и Кашей-то тихий, а...

29 Октября. Москва. Старики.

Стареющему человеку часто неприятно встретить на улице такого же, как сам, стареющего и понимающего в дру-гом по себе приближение неизбежного часа. Нередко на улице можно подметить эти оагеркнуто: злобно непри-язненно скрещенные взгляды. Раз было один такой моло-дящийся старик направился через гущу экипажей к Боль-шому театру, и другой шел ему навстречу. Они заметили друг друга и шли как в зеркале, и одному казалось, что на него идет его обезьяна, а другому – его: у каждого из нас ведь есть своя страшная обезьяна. Их разделил на секун-ду трамвай и несколько автомобилей. Один, выждав мо-мент просвета, прыгнул вперед, и другой тоже прыгнул в тот же просвет, и они встретились, как, бывает, изредка встречаются на прыжке два человека среди экипажей: можно обоим успеть, если бы строго держаться своего права и лева, но так приходится, что направо совсем безо-пасно, а налево надо успеть. Есть ведь в толпе и такие два прекрасные оагеркнуто: существа, что один, не колеб-лясь, умрет, уступая место другому. Но старики, утерев на секунду друг друга, вдруг неожиданно на прыжках встре-тились... Можно, можно было вполне спастись, если бы одному направо, а другому налево, но налево было чуть-чуть безопасней, и оба прыгнули налево, и оба вцепились друг [в] друга, чтобы спихнуть и самому проскочить.

Мы, свидетели, дали потом показания, что водитель грузовика неповинен: затормозить? – он так тормознул, что все слышали визг, но машина по скользкому асфальту юзом прошла. Нет, они погибли только потому, что сами себя ненавидели...

532

На полях: Озолупин: Полумеханики.

Во Христе и во власти...

30 Октября. Так было поздно по осени, так водливо (в болотистых лесах), так сыро-туманно, что в лесу пахло рыбой и сырыми черными раками. Но, я замечал, когда вода или мороз – да мороз еще больше! – все равно, вода ли поздней осенью или мороз зимой, убивающие распро-странение различных запахов зверей, насекомых, птиц и растений, создадут однородную среду в отношении за-паха, из каких-нибудь

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
ничтожных пустяков наше собственное личное воображение создаст свои особенные. Трудно сказать мне, в какой степени эта особенность свойственна всем, но поздней осенью или зимой у меня обоняние работает так же, как музыкальный слух у глухо-го Бетховена. Мне что покажется тогда или вспомнится, тем и запахнет...
На полях: Радек (нагало)

На полях: Обязанности: Мурзилка, Алексеева Неуловимость Юрки Осенью не пахнет Казенная выборка картофеля

В Москве у Накорякова и в Тараберках одно и то же чувство, одна тема чувства: во Христе и во власти. Писатели, середняк и молодняк, просили меня поднять за них голос (уничтожение МТП и ЛТП – отдало их во власть ГИХЛа и СП). Но Накоряков мне рассказал, что это хи-рургия: бумаги нет, дурной писатель искусней хорошего пользуется условиями издания – он издается, а хороший до масс не доходит, так лучше жеотрежем тех и будем большим тиражом издавать и доводить до масс только хо-роших. – А неопределившийся молодняк? – Вы молодой где начинали работу? – В газете. – И их тоже в газету...

В результате беседы я нахожу себе остаток интелли-гентского... как это назвать? В Тараберках я это испытал по-другому, там нас «народ» обвинял как профессоров, которые «поели их хлеб»: эти бледные дети, камнями и палками швыряющие в машину, эти матери... они бы

533

в клочки растерзали меня теперь с большевиками, как растерзали бы с помещиками, если бы я не убежал от них в литературу и не скрылся бы в ней.

К этому всему зверью, именуемому народом, мы под-ходили с Христом (не называя Его) и находили, конечно, там и Христа и кого угодно и, сами глупенькие, играли в дудку ловких политиков, ссылаясь на это хорошее, жи-вущее в народе требование крушения настоящего госу-дарства и создания нового, прекрасного. Между тем этот же земледельческий народ, в массе своей народ совсем не любящий своего дела и связанный с землей только своим рождением, значит, просто сказать, некультурный народ, ленивый, ничего общего не имел с «богоносцем» (какой-то исторический разбол); тут двойная ошибка интелли-гента: первая, это в Христе: подмена своего тайного влас-толюбия; вторая, в народе: навязывание ему чего-то вовсе несвойственного роду-племени.

В результате Машка на Журавлиной родине – это не то, что Берендей на своих на двоих. Из машины виден иной народ, чем в скитаниях: раньше я видел в нем себе подобных личностей, теперь я смотрю из кабинки на их дело и вижу достоинства и недостатки труда земледель-ческого народа: раньше бывало, в это время, поздней осе-нью, сидел разве кто-нибудь на картошке – теперь сидят; раньше спешили повыбрать картошку и забраться на печь; теперь трактор работает и ложатся [раньше], но видно по картошке, что все-таки работа казенная: слишком что-то много плода на борозде, и ясно, выбирают не так тщатель-но, как раньше. И еще про себя рабсила жужжит: это как пчела крыльшками, так человек про себя потихоньку. Ба-бочка чем хороша и особенно прекрасна и оагеркнуто: осмелюсь сказать святая, что, летая с цветка на цветок, собирая пыльцу, оплодотворяя растения, работая, как все, совершенно молчит, а пчела, работая, жужжит: если ба-бочка «святая», то пчела, по-моему, просто труженица, и я не назову ее святой до тех пор, пока не узнаю до точ-ности, о чем же именно она жужжит. Так вот и колхозни-ки на полях работают хорошо, а прислушаешься к каждо-му отдельному работнику – и он жужжит, как пчела.

534

Начало в «Известиях»: В одной из своих литературных статей, здесь, в «Известиях», т. Радек, узнав где-то, что я, известный природолюб, наследник Аксакова и Тургенева, занялся машиной и сижу на автомобильном заводе, сурово определил: «это – не путь».

Он ошибся, применив общее современное требование к личности, – чтобы каждый имел место свое в общем де-ле, а не заменял другого – ко мне, будучи незнакомым с моей индивидуальностью. И вот я вынужден начать свой рассказ о машине с себя, объяснить, почему же это я, при-родник, вынужден заниматься машиной.

А вот было в старое время, в 1914 г., когда только что началась война, один старый священник в Новгороде как величайшую свою тайну открыл мне, что он сегодня мо-лился за императора Вильгельма... В то время я был не-много патриотом приписка: как многие интеллигенты, немцы на первых порах мне представлялись приблизи-тельно как теперь нам фашисты, я священнику так ска-зал: – Если вы, отец, за Вильгельма молитесь, то почему бы не помолиться за черта? – Отец широко открыл глаза и ответил мне так: – приписка: Я думаю, всем это без то-го понятно За это существо я уже давно молюсь.

Был же вот такой путь у человека! и я тоже теперь, имея в своих сочинениях мир чудесных зверушек, дерзнул при-соединить к нему машину. Я не знаю, возможно ли это, приучить машину к себе, к личности своей, к самости, как живую собачку

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Нерль. Дрессирую породистую Нерль, я ведь ничего не нарушаю, я только искусно напоминаю ей о ее предках: собака через меня вспоминает заложенные в ее крови культурные навыки ее предков. Под моим руководством собака как бы вспоминает (своего рода пла-тонизм).

Точно так же мне хочется прикоснуться к машине так, чтобы сознание, труд, связанные с этим горе [и] радость моих предков сложились в будто бы мертвые детали моей машины, [чтобы] пробудилась [воля в моей власти] и я вошел бы в связь с моими предками, и те мне бы помогли быть на Журавлиной родине.

535

Все вокруг меня теперь и на всем свете, пользуясь машиной, подпадают под ее власть и не в шутку называют ее явлением черта. А я хочу согласно с новым нашим временем, идеалами нового соц. строя сделать хозяином машины, [овладеть ею]... и уничтожить ее нынешнего хозяина черта, или, как я называю, Кощея... В крайнем случае, если я ошибся, если я затеял непомерное и машина есть действительно зло (черт), то я могу сесть на черта и, как у Гоголя, добыть черевички...

Меня сейчас уже предупреждают враги машины: – Смотри, как бы... – Суеверие, – отвечаю, – никакого нет черта в машине, это мы сами, наше воображение... мы со-здали строй, в котором через машину [создаем] другого человека. – Нет, нет, это не путь, если вы ошибаетесь, если ли есть то существо? – Черт? Пусть! Тогда я, как Вакула-кузнец у Гоголя, сяду на черта верхом и достану своей воз-любленной царицыны черевички.

Вот какие мысли я имею, принимаясь за изучение машины, я об этом думал, когда, не считаясь со временем, не зная совсем, нужна ли человеку машина, я написал Моло-тову как шефу машин просьбу дать мне машину... Ведь мне хочется как-то на новый путь [выйти] в своем творчестве...

А т. Радек пишет, что это не путь...

Наполях: Мемуары

31 [Октября] – 1 ноября. Последние дни.

Поехали в 2 ч. 31-го в Переславице и вернулись домой в 3ч. 1-го ноября. Тепло, чудесно. Красота последних дней осени, когда на севере уже и реки стали, и у нас кое-где на реках шуга и сало. В теплую осень [хороши] густо-зеленые озимы и на них ярко-желтая сурепица, а дальше внизу между елочками дубки и все в синем и фиолетовом и таком тонком сумраке, цветистом из синего в фиолетовое сумраке... Гуси.

Встреча с гусями: бледный человек и две женщины с ветками и с охромелыми гусями под мышкой: тысячи гусей.

536

Сколько усилий автомобилю, чтобы не задавить, и сколько усилий гусям, чтобы их шажками дойти до Загорска несколько десятков верст, и сколько путается в огромном тысячном стаде автомобилей, а вот почему-то нельзя взять один-два и в полчаса все покончить... 31-го мы встретились с ними в 2 часа дня за Иудиным и на другой день в 3 часа догнали возле Деулина: за сутки отошли на десять километров!

Зверь и среда.

Ястреб-тетеревятник сидит на сколе разбитого молни-ей высокого [ствола], вырубка в пнях, закрытых малинником. Тетерева знают, что ястреб следит, и высунуться из малинника не смеют. Одна тетерка с выводком вышла на прогалинку, к свету: ей с цыплятами нельзя долго быть в сырости. Она тоже помнила ястреба и пряталась, но ее соблазнила одна ягодка малины, висящая над пнем. Она прыгнула на пень, схватила ягодку, и в это мгновенье ястреб заметил и бросился. Выводок остался без матки.

И так все в природе: герои действуют в широкой, чрез-вычайно разнообразной среде; если же взять этих героев, напр., ястреба, тетерку в зоопарк и там смотреть на них в упор, интереса к ним никакого не будет. И мало того, среда, в самом человеке начинается особенная жизнь, слитая вместе с этой средой, если он знает, что в ней таит-ся какой-нибудь тигр. Всю жизнь не встретит, но только знает, что может быть, – и глаза на все глядят по-иному и ушки рожками стоят. Бабочка вовсе неслышно летает с цветка на цветок, но ведь она тоже, как и все, работает, а пчела работает и жужжит, напоминая всем, что она работает. Конечно, улей растет, но о чем жужжит каждая отдельная пчела, собирая мед для улья, никогда не узнаем мы, кушая мед. Так вот и наши колхозники работают не как бабочки, а тоже как пчелы жужжат.

С малолетства мне привили чувство жалостливого внимания к этому жужжанию, как будто этот труд у зем-ли не как наш всякий другой труд, а вот именно труд,

537

приписка: «туга» в собственном смысле слова при-писки: «туга», остальные же виды труда есть хитрость, придумка, смекалка, позволяющие пользоваться хлебом,

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
добытым крестьянами. В этом жалостливо внимании к крестьянскому труду воспитывались поколения русских интеллигентов, доходившие до такого самоуничтожения, что они бросали свой «умственный» труд и тоже начинали пахать. Никогда я не был с этими людьми, но от жалостливого участия до сих пор не могу себя отучить и ловлю себя: вот Домна Ивановна...
А может быть... Сам народ, крестьяне, земледельцы по рождению своему на земле, но не по любви к делу, издавна смотрели на свой труд как на необходимость, на судьбу, обрекающую человека на вечное рабство. Вот почему ве-ликорусский народ, занимавшийся с незапамятных вре-мен земледелием, оказался самым неземледельческим в мире народом, питающим ненависть и презрение к своему труду. Так своеобразно и совершенно неверно понимае-мый труд приводит к неверному пониманию ученья, куль-туры и тому подобного. Мы взяли себе в домашние работ-ницы из «Смены» девушку Паню, подучили, и вот отрывок из ее письма к своей подруге на родину: на совет Пани учиться, подруга ей отвечает...
На полях: Где-то есть колхозы образцовые, у нас подмосков-ные колхозы в борьбе... Бабожки...

Загеркнуто: Отвращение Презрение к такому труду помимо неправильного понимания ученья привело к не-правильному пониманию власти, даже какой-нибудь бри-гадир – это уже «начальник», значит, скрытый или от-кровенный враг того, что называется трудом и работой. Вот обыкновенный роман Одноличника и Любы. Брига-дир...
Загеркнуто: Такова предварительная история, а вот ее заключительный конец Мать, у которой осталась одна дочь, озлилась: дочь не дам в колхоз: там у них работа... Все это нам рассказала Домна Ивановна в числе других новостей, собираясь но-чью стеречь овин: 1 нрзб. [платят] ей за 4 часа, и рабо-

538

той этой она дорожит. Мы провожали Домну Ивановну, чтобы ей не страшно. И вдруг ночью говорит: – Век не ра-ботала, и ей работать не дам.

1) Осень: трактор: пахота ярового – достижение. Кар-тошку убирают, подозрительно мало. Пчела и бабочка. 2) Домна Ивановна и курица. 3) Ученье (дети Домны Ива-новны): письмо. 4) Начальник.

Где-то, конечно, есть чудесные колхозы, и там, навер-но, все хорошо, но у нас в подмосковной тайге, описанной мною в книге «Журавлиная родина», колхозный народ еще далеко не отошел от предрассудков даже в самом по-нимании земледельческого труда. Загеркнуто: Раньше я не особенно обращал на это внимание, потому что по Журавлиной Родине пешком ходил и разговаривал по ду-шам с людьми себе подобными: в самом деле в большом народе всякие люди есть и всякие дремлют таланты. Идешь, бывало, оагеркнуто: пешком по Журавлиной родине, находишь человека по себе и думаешь: вот он на-род! Теперь я еду на машине по той же самой Журавлиной родине...

Глаз не видит и сердце не болит!

Пришел описывать. Пиши! Стал писать, то-се и нет ни-чего. А дом? Не могу же я тебе кусок дома отломить. Нет ничего, режь – кровь не пойдет. – А куры? – говорит. – Право искал на мечь. – Какие куры? я тебе говорю: режь – и кровь не пойдет...

Бедная Домна Ивановна! Сколько раз давал я себе сло-во не обращать внимания на жужжание крестьянина, и вот опять жалко: даже курицы нет! Разве достать ей в птицетресте? Поутру иду машину заводить в сарай, гля-жу – на машине рядом штук пятнадцать сидят, да еще и породистые, а сама Дарья Ивановна с фонарем в руке кормит маленьких цыплят приписка: это цыплята от са-моседки несвоевременные: раз – что удивительно, вто-рое – что она их приучила к фонарю, и третье – что ведь она же вчера говорила...

– Дарья Ивановна! – говорю, – а как же вы говорили вчера, что режь и кровь не пойдет и что нет у вас курицы.

539

– Так ведь это же я ему говорила.

– А где же куры были, когда он был, и где его глаза?

– Он же днем был, а куры днем ходят по улице.

Чугун.

Есть ли ископаемые, нет ли их вовсе на Журавлиной родине, трудно сказать, и не в этом дело: главное, что их ищут и тем дают направление мыслям и чувствам и опре-деляют разговор людей на досуге: все бабы на Журавли-ной родине говорят теперь, что будто бы в лесах и по бо-лотам прошла девица в синих штанах, с молоточком на плече и открыла чугун и что теперь леса вырубят, болота осушат и будут чугун добывать...

Машина.

Описание по тысячам и по деталям, напр., замок (од-нако, проверить надо, – замок или шоферы, которые не хотят возиться и валят напрямую).

Блат.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Есть одна тема, которая имеет всесоюзное значение, и если бы какому-нибудь журналисту удалось бы эту тему ясно раскрыть в ее истоках, то он заслужил бы себе на-долго славу. Я говорю о том, что теперь называется «блат». Происхождение блата всем понятно, он рождается в усло-виях распределения продуктов при недостаточном их производстве. Раньше, бывало, распределитель товаров, свободная торговля собирали специально людей с совес-тью «не обманешь, не продашь». Теперь этот грех торгов-ли как бы распределяется на всех людей, и каждый в боль-шей или меньшей степени пользуется блатом. Рождение блата в производстве: крупные начальники планируют и назначают впустую, а тот, кто стоит у производства, ре-шает (похоже на «грех», разделяющий дух и плоть). Еще вот что: никто не может рассердиться на блат: всякий им занимается – раз; второе – никто в этом блате персо-нально не виноват и блат есть то, на что все должны смот-реть сквозь пальцы, блат есть временно допускаемый при-писка: но по существу незаконный обход закона. Пример на заводе: Хромированные детали: начальники ссори-

540

лись – их нет! Явился блат с читателем, тем, кто их дела-ет – и я получил.
3 Ноября. Весь день дождь. Горло не в порядке. Сажу и пишу «Богатая смесь».

4 Ноября. 1-й Зазимок. Богатая смесь.

Если время прошло, то людям того времени, кажется, не следовало бы вовсе показываться на глаза оагеркну-то: вновь пришедшим: оагеркнуто: у нового времени более быстрые ноги, это всем известно сиди на пенсии или на печке и жуй мемуары. Сколько я исходил пешком троп и дорог в родной стране, сколько тихо беседовал с невидимым попутчиком – есть о чем рассказать!

Все это вздор, между прочим, что теперь говорят, буд-то наши старые дороги были никуда не годными. Неправ-да! Наши старые дороги достаточно хороши были для ез-ды на телеге, и во всяком случае они были лучше, чем нынешние для езды на автомобиле. Вот именно в этом-то и дело, что новое время приходит на большей скорости приписка: с большими требованиями и открывает глаза нам на безобразие старого приписка: а не то, что как те-перь думают, будто все старое само по себе безобразно.

Я это живо почувствовал, когда стал не пешком ходить по стране, как раньше, и не на телеге, а на машине: вот тут и мне открылись глаза на старое, и я увидел это старое в современной дороге, в современном человеке. Брюзжать можно, конечно, и сидя в машине, и даже я заметил как общее правило, что человек, садясь в мягкие подушки и пассивно отдаваясь необычайной скорости, как будто чуть-чуть глупеет. Но если сам шофер, сам механик, сам, если чего-нибудь не хватает – бензину или детали – вы-нужден бывает прибегнуть к какому-нибудь «блату», тут хандрить некогда. И ничего, поездив так год, мне кажется, я уехал далеко от старого времени. Приписка: и потому я называю свои шоферские рассказы не бедная, а богатая смесь. Технически же «Богатая смесь» означает некото-рый перерасход горючего, впрочем, вполне соответствую-

541

щий напряженному строительству нашего времени. Я свои новые шоферские рассказы оагеркнуто: потому называю «Богатая смесь», а не «Бедная смесь», что, во-первых, «богатая смесь» созвучно со временем, и во-вто-рых, технически «богатая смесь» означает некоторую не-нормальность в расходе бензина, перерасход горючего, вполне понятный в связи с колоссальным напряжением всех при новом строительстве. Машина так стонет на плохой дороге, такие поют «со-ловьи», что жалко (машину) становится, совсем как хоро-шего человека в скверных условиях, и тогда мне кажется, будто в старое время разлад между телегой и большаком был меньше, чем теперь между автомобилем и шоссе. Брюзжать, конечно, можно и сидя в машине, и даже я за-метил как правило, что человек, садясь в машину и пас-сивно отдаваясь необычайной скорости, как будто чуть-чуть глупеет. Но если сам себе шофер и механик и сам вынужден доставать «по блату», если чего-нибудь не хва-тает, то брюзжать некогда, и жалко становится машину и с ней людей, убивающих силы в ее создании. Я свои но-вые шоферские рассказы назвал «богатая смесь», а не бед-ная, потому что «богатая смесь» технически означает не-который избыток в расходе горючего, соответствующий нашему бурному времени.

5 Ноября. Нечистая сила (тема и название). Кончен рассказ для «Известий» – «Богатая смесь» (титул книги).

Мужики всегда бывают довольны, веселы и уважают того человека, кто их выведет на свежую воду, как будто не сами собой плутуют, а находятся под влиянием, или даже в плену нечистой силы.

7–8 [Ноября]. Горболысая белка и синеручка.

7-го ходили с Каратаевым за городом, 8-го с Федосо-вым (Алексей Владим.)

охотились на «Красной Коммуне» (приписка: колхоз Муханово) на зайцев и лисиц.

Новая жизнь – это молодая жена или самое меньшее новый дом в неизвестном краю, а лучше всего молодая жена, но в новом доме.

542

Новая жизнь как невеста: кому как... и что в будущем – неизвестно. Есть не только в сказках, а в действительной жизни для всякого живого человека путь в небывалое. Дайте руку, читатель, помогите подняться.

Есть не только в сказке, а в действительной жизни путь в небывалое. Новая жизнь как невеста: кому как придется.

Конец рассказа: Богатая смесь:

Зиночка садится со мной в машину, и я везу ее в школу.

Машина стонет на старой дороге. Я везу Зиночку в школу. Ей бы шесть верст идти по старой дороге полтора часа, но хотя и стонет машина, я могу доставить девочку туда всего в оагеркнуто: десять минут. Времени у нас до-вольно. Возле богатой озими я заглушаю мотор.

– Зиночка, – говорю я, – посмотри, какая прелесть вокруг, неужели же и ты учишься, чтобы только уйти от-сюда и где-то сделаться начальником?

– Нет! – ответила решительно девочка.

Ей было очень трудно мне всю себя объяснить, но я по-мог ей и подсказал. Потом я показал девочке огни, сигна-лы, позволил нажать ногой на пуговку, держаться вместе со мной за баранку. Тогда мотор запел свою чудесную пес-ню, и дорога в школу на ковре-самолете явилась нам как путь в небывалое.

Блат на земле (начало блата у шоферов), на небе (само-лет) меньше.

10 ноября. Рассказ о собаке: Осман прост: ему плохо – рычит на людей, ему хорошо, есть хочется, на охоту – пальцы лижет. Раскулачили барского егеря (Комолова), Османа взяли в стаю. Там он перекусал собак и егерей. Убили (хорош как одинец и на службе одному, а в стаю та-ких не принимают и их нужно убивать: это убеждение Федосова изобразить так же просто, как прост Осман: плохо – рычит, хорошо ему – лижет; так же точно просты и требования стаи: и это понимают лучше всего немцы). Злобность у русских гончих от мидилян (из Мидии – восток).

543

Не знаю, чем это Федосов мне как-то не понравился. Вот, напр., он говорит, что охота – это счастье, что охот-ник самый счастливый человек; – но ведь это я так всегда говорю, а если Ф. скажет то же самое, мне кажется, будто мою мысль взяли и показали ошибку мою на примере самого Федосова: вот он говорит то же, а какой же он счас-тливый человек... Очень неприятно, вслушиваясь, вгля-дываясь, вдумываясь в другого человека, догадываться о себе: многое есть в себе такое, как будто в интимном со-стоянии очень значительное, а если то же самое увидишь в другом, оно же и отталкивает. Вот, кажется, если бы это не ушло в другого напоказ всем в каком-то неприятно-не-доделанном виде, а осталось бы только при мне и я бы это додержал в себе до срока, то оно бы хорошо было и кра-сиво. Отдал «Богатую смесь» Бухарину. Очень интересно узнать его мнение, если не напечатают: почему? Я даю в этом рассказе пример правдивости и жизненности. Все эти Зоричи и Эренбургги, непосредственно сопри-касясь с вождями, всасывают в себя генеральность ли-нии партии и пишут по этой канве, между тем как сама генеральная линия, эта кривая ожидает от писателя ве-хи...

Петя в своем вузе голодает: месяц ежедневно капуста; а снабжение тоже московское, как и в Москве в универси-тете; явно воруют. Протест нормальным порядком, через бригаду, невозможен: бригада сама в воровской цепи; ин-дивидуальный выкрик влечет исключение. И все молчат одинцы, подчиняясь необходимости стайной обработки.

Приписка: Одинец, который, прогнав круга два, нагиная зай-ца ловить – конегно, умней всех других собак, но по закону стаи он должен погибнуть: в стае гонцы не должны быть умнее известной нормы.

Вот это и есть современная тема: найти и оправдать за-коны стайной необходимости.

(Кулак, осознавший необходимость работы для обще-ства, становится мастером.

Слово «мастер» нашло теперь себе особенное применение, и в последнее время даже уче-

544

ных стали называть мастерами науки. Так вот и в собачь-ем деле гениальных индивидуумов называют одинцами, а индивидуальных способностей собак, нашедших приме-нение в стайной работе, называют мастерами.)

Примеры стайной обработки на Беломорском канале (заметили, что кулаки мясо любят, и стали лучших из них мясом кормить). Официально – стайная жизнь, неофиц. – блат: и даже полуофициально – блат. (Зазубрин: хорошее имя для Одинца.)

Класс или стая: классовая собака. Одиноп и мастер: пе-режил в себе одинца и сделался мастером в стае. Вопрос был не в противопоставлении себя стае как одинца, а в стайном положении. Иной вовсе не одиноп, но, не имея положения в стае, ведет себя как злобный одиноп – дайте же ему положение мастера. Есть ли такой одиноп, которо-го нельзя соблазнить никаким положением в стае. Есть

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
одинцы, которых нельзя соблазнить никаким положением в стае, и это действительно одиноцы, а не стайные работники (а то бывает, не одинок он и не лишенный положения мастер, а просто зазубрина в нем, и он этой зазубриной за все цепляется...) Одинок (восточная злобность для борьбы один на один с медведем, а не как лайка: борьба с подковыркой: из мидилян).
На пути от одиноца к мастеру целый рой существ, которые обглаживают: их роль – обглаживать одиноца до тех пор, пока не покажется в нем мастер: они бы и мастера съели, но не могут: мастер находит поддержку в высших законах. Коварство «высшего», допускающего «проглотов» и вдруг их же уничтожающего («тех, кто вам это обещал, уже нет...»): и вдруг тот же самый «высший» говорит: «товарищи, человека пролетарского класса у нас теперь нет, мы думаем теперь о классовом человеке, мы создаем класс человека»). Низшему это высшее существо кажется коварным, а высший допускает: «вы, маленькие люди, поживите сколько-то времени своей маленькой партийной жизнью всласть и сослужите нам службу». Стая: война и производство: очень древнее: (и нечто вовсе против: «не единым хлебом жив человек», на этом прекращается ана-

545
логия стаи и общества). Если общество оставить одно... если личность оставить в обществе как мастера, общество вырождается в стаю, где мастером будет тот, кто раньше был личностью. Итак, двойной протест: 1) со стороны Одинок, 2) со стороны личностей; обработка одиноцов в мастерах, но личность не поддается такой обработке. Одинок, поняв себя мастером, вдруг понимает и глупость свою: мастером жить спокойней, еда не плоха и т. д., личность, сделавшись мастером, остается неудовлетворенной, стремится за пределы стаи: мастер ограничен законами стаи. Стая боится личности, потому что она открывает путь одиноцам. Законы личности вырождаются, создавая одиноцов, законы стаи дают существа, подобных одиноцам эгоистов, но слабых, защищенных законами: это пролоты. Итак, наверху: личность и общество, а внизу одинок и пролоты. Для стайного человека личность – идеологическая надстройка над одиноком.

Читая газеты, постоянно думаю, что это написано для какой-то цели и автор вовсе не думает того, о чем говорит, вовсе не знает правдивое слово дельного человека, и жи-вет слово парадное.

Осман осенист. Блок-нот натуралиста.

11 ноября. Опять тепло и тихо. Иду один на охоту...

Индивидуальность есть у каждого животного, но личность – это чисто человеческое свойство.

Мы приходим от... это несомненно и по всему видно, только уже давно и с каждым веком все дальше и дальше мы уходим от своих прародителей. Пора, наконец, бросить чересчур усердно заниматься счетом этого родства, тем более что ведь все равно мы теперь уже не сядем рядом с обезьяной за стол, а только так говорим, вспоминая далекое прошлое.

В этом ударении на родстве скрывается замысел против личности человека, в существе своем опасной для...

546

для кого? Теория Дарвина есть оружие социальности (факты, как ядра атомов, скрыты в оболочке, создаваемой людьми. Борются не с фактами, а с их оболочками). Вопрос: оагеркнуто: где же зазубрина? Самое неприятное – это, конечно, ложь и самохвальство: нарушение основ среднего человека: «просто неловко» – сказал «ко-роль».

– И еще вот что я вам скажу: все же это признают, что новое, хорошее рождается в муках, так почему же все пишущие в отношении этого хорошего ведут себя, будто оно явилось без мук и представляет из себя какое-то для всего мира вкусное блюдо. Втайне, не давая себе отчета, они думают, будто «муки» принимают какие-то другие люди, а не мы, что мы – это сами новорожденные, для которых другие приняли муки. Писатели не рожают в муках слова, а как бы подлаивают мастерам, ведущим стаю: это, конечно, очень легко и очень противно тем, которые мучатся, не смея сказать...

Чтобы снять так хорошо вот эту головку вальдшнепа, я подстрелил его в крыло, долго мучил, снимая, после добил, ощипал, изжарил и съел: от вальдшнепа ничего не осталось, но головка, снятая мной, висит и сейчас над моим письменным столом, напоминая постоянно мне, что я буду замучен приписка: как вальдшнеп, а снятая голова моя останется прежде чем явится моя снятая голова.

На ногах мои мускулы при ходьбе работают как поршни и возбуждают в теле моем нечто похожее на электрический ток, а в голове как будто от этого является мысль или ток высокого напряжения. И это я не один, а повторяются такие люди, что при движении у них возбуждаются новые мысли приписка: мускульная сила как бы в мысль переходит, среди этих людей были великие: Толстой, Гёте, Мопассан...
Задача: 1) понять до полной ясности машину 2) провести через себя.

Мурзилка.

Загеркнуто: Сейчас у нас дети играют в милиционеры-ров. Есть такие артисты милиционеры... приписка: в Мос-
547

кве. Шоферы переняли. И от них дети. А прошлый год играли в разбойников. Ехать на машине через деревню было очень опасно. Мурзилка ударил и свалился. Я бы мог его взять, но я знал, что он побежал в дом. Так и курица гибнет: в дом. Разговор: моргнул родителям: в милицию или волки. На другой год этот же Мурзилка в милицию играет. Я узнал его... – Ты? – Я. – Кто ты теперь? – Я милиция. – И прижав одну руку к сердцу, другой... успел от-дать честь.

Машина в двух лицах: 1) Робот (страшный; самосто-ятельно действующий, порабащующий, то же, что «мар-сиане»). 2) Я – ее хозяин: я личность... Чем глубже задумываешься, чем ближе стоишь к пони-манию темы мыслью, тем надо

проще писать. Сколько приходилось читать о каких-то американских дикарях, падающих ниц, как перед Богом, от выстрела из ружья, или вот тоже, помню, один путешественник спирт на блюде зажег, а дикари подумали, что это он воду, и ес-ли захочет, море сожжет. На моей памяти, однако, больше чем воду жгли, летать стали и говорить по радио, но со-временный дикарь не принял это как чудо, я ничего тоже, как и дикарь, не понимая по существу, принял это за обык-новенное дело, что так это и надо, и стал пользоваться. А чем дальше делают открытия, тем все меньше и меньше удивляются.

В еловом лесу, в ноябре: тихо-тихо! небо низкое и ров-ное садится на елки. Вот и кажется, будто все мертвое в этом мрачном лесу, и отдаешься себе, и там в себе воль-но проносится прошлое, являются внезапные догадки и разгадки тому, что было загадано десятки лет тому на-зад. Случилось, упала соринка с высоты ели, другая... Я остановился, внизу были погрызы. Белка услышала ме-ня и затаилась, и я затаился, и мало-помалу стала мне от-крываться потаенная жизнь: белка спустилась и другая за ней, они, гоняясь друг за другом, кольцом обвили весь
548

ствол. Еще играл на струнах ворон, как очень редко быва-ет это, чмокала где-то еще белка, шелестел белый заяц, и ронжа гримасничала безобразно... Я, замерев, неслышно шел и видел особенную жизнь, оставляя далеко за собой своеволие. Бесшумно на перекате я перешел по песку ру-чей и, цепляясь, карабкался на яр, оставляя на мокром песке свою пятерню рядом с барсучьей. У норы за деревом я замер и так остался надолго. Мог выйти барсук, но мог и переспать целые сутки: время такое [странное] и жела-ние неясное: идти или не стоит. Он решил и показался носик. Листик оторвался на дереве, и носик скрылся. Я сидел еще час, ноги мои онемели. Носик опять показал-ся и опять скрылся, и опять, и больше... Странно, как я глубоко вошел... мне везде слышны шорох, стук, шелест...

Жизнь Машки

12 ноября, вечер. Стайный ум: это мастер (гонец). Но бывает выжлец слишком умен, чтобы гнаться вместе со стаей, и понимает, что легче и проще взять и поймать зай-ца; и он начинает молча ловить. Таких выжлецов удаля-ют.

Читаю «Океан» Низового. Хочет как Гамсун. Часто не-освоенный материал дает как голое «знание» (мне надо проглотить автомобиль! Машка и Робот).

Гебусиха. Думаешь о ней и начинаешь любить чело-века и становится стыдно за свой покой.

Собирали машинами, а мы руками эту работу: школа терпения: три часа, чтобы винт аккумулятора отвинтить.

14–15 ноября. Вчера (14) в Москву за деньгами (соба-ку покупать). Дождь. Сегодня мороз (6°). Ездил с Илюшей в Шеметово: собака пропала.

Евг. Ивановна, женщина, которая жизнь свою отдала другим, а себе не осталось жизни, и с ней не только жить, но и часу остаться наедине трудно. Так и Машка моя: слу-жит всем и каждому, а для себя нет ничего, сама для себя мертвая.

В конце концов от сложности машинной приходишь к простоте, – что очень уж просто все! – а это что? –

549

и чтобы ответить на вопрос о самой ничтожной детали, надо рассказать о всей машине, и вот как трудно! Взять, напр., пружинку между дощечками в дистрибуторе: «а что это?» и надо все...

Какая бы ни была статья интересная, о звездном небе, о музыке; об атомном ядре, о достижениях в радио и авиа-ции, все равно – как только Н. при чтении доходил до «Маркс сказал», он бросал статью, и вовсе не потому, что Маркс оагеркнуто: в этом виноват надоел, а что автор кланялся в сторону Маркса и тем самым апеллировал к той массе, для которой Маркс был не ученым, а перво-священником. Серые телеграфные столбы и рельсы прижались уже к лесу...

Есть ли или нет в краю какие-нибудь дорогие ископае-мые, это не важно, главное в

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru том, что их ищут везде приписка: методически, будешь ты лично искать или нет – все равно, и тем намечается будущее и объясняется охота к личным поискам чего-нибудь необычайного. На Журавлиной родине говорят, будто где-то в Сославине найден чугунок на полях: Рыбка плавает. Однажды, бросая гончую в язык леса между зелеными, я сказал: – Ну, добывай скорей, товарищ Осман! – Мой спутник через некоторое время спросил меня: – А можно ли собаку называть товарищем? – Это друг человека! – ответил я, – значит, тем самым и товарищ. – Я это понимаю, – сказал мой спутник, – но ведь среди товарищей есть имена, вот хотя бы оагеркнуто: ваше имя... – Я не понимал моего спутника, не мог ни по голосу, ни по глазам догадаться, искренно он недоволен объединению в слове «товарищ» известных людей с собаками или так осторожно он хочет поиздеваться над чем-то. А он продолжал и продолжал называть имена известных «товарищей»... –

550

И он стал одно за другим называть имена известных «товарищей». И заключил: – А вы свою собаку называете тоже товарищем.

Тут я понял своего спутника.

На Козьей горке раньше пустырь был, осенью свалка, весной зеленело, и молодежь приходила с гитарами. Теперь трактор все распашал, и на Козьей горке капуста. Вот когда осенью капусту убрали, и потом кочерыжки потрусиле снегом, открыли мы на этой капусте след русака...

Лайка, добычица пушнины, в большой моде теперь, но наши ребята в подмосковной тайге скоро поняли, что лайка берет белку больше всего на слух и глазом, поняли ребята и стали так хорошо мастерить под лайку, что в день иногда по двадцать белок приносят.

Урожай шишек на елках большой в этом году, значит, и белок много. Очень много белок: мальчик, случается, в день принесет штук двадцать, а десять всякий убьет без собаки. Одно время все бросились доставать лаек, но мальчишки скоро поняли работу этих собак на слух и на глаз и сами стали мастерить, как собаки. Нехитрая охота, но требует большого терпения. Приписка: Мы ходим на белок с 8 до 11 утра, в это время белка перебегает с дерева на дерево, шелуша шишки. С 11 до 2-х белка сидит и умывается. После двух она опять на работе, и мы тоже за ней. Выхожу на рассвете в ельник с полузарядами. Небо тяжелое и такое низкое, что кажется, вот только на елках и держится. Многие верхушки зеленых елок рыжие от многожества шишек. Тишина мертвая, – самый лучший день для охоты. Вот как будто чуть-чуть дрогнула одна веточка. Я заметил это дерево, подошел к нему и замер. Так надо долго стоять, до тех пор, пока напуганная сейчас белка снова не заработает. Дерево, возле которого я дожидаюсь, с одной стороны обожженное и как в блюде стоит, засыпанное хвоей и листьями соседних берез. Под листьями

551

горелая земля, пепел. Разгадываю: в прошлом году в этом лесу охотник шел за куницей, и на этом месте застал его вечер. Он увидел возле дерева громадный муравейник и решил тут переночевать, а завтра идти дальше по следу за куницей. Он очищает муравейник от снега и снизу поджигает его. Все государство муравьев скоро сгорает и остается очень много золы. Человек разгребает себе логово, устраивается, закрывается курткой, сверх куртки нагребает еще много золы. Теперь никакой мороз не возьмет его до свету. На рассвете человек уходит. Весной в это место, где был муравейник, наливается вода. Осенью лист завалил и хвоя, белка тоже много насыпала шелухи от еловых шишек. И вот наконец я пришел за белкой.

Совершенно тихо, очень медленным движением руки я вынимаю из сумки записную книжку, карандаш и пишу себе, используя время, на память об одном огромном государстве муравьев. Пишу, что муравейник этот в муравьином мире был как у нас целый Китай. И вот, пишу я, приходит великан, и все это великое государство, созданное муравьиным трудом, сгорает, чтобы ему переночевать. Пишу я, а белка давно уже мордочку свою сверху уставила на мою спину, и ее начало разбирать любопытство, живой я, или тоже стал приписка: остановился навсегда вроде дерева. Она ползет по сучку до ствола, и по стволу вниз до сука, и по нему, и на нем замирает. Истукан и с этого сука кажется ей неподвижным. Она ползет опять к стволу и дальше вниз винтом по дереву, ближе, ближе... Я наконец слышу сзади себя шелест, я догадываюсь и, не отрывая карандаша от бумаги, медленно повертываю голову. Мысль о великане, истратившем целое государство, чтобы только переночевать, очень заняла меня, очень хотелось писать. И я, увидев за спиной своей ушки, медленно повертываю назад голову, пишу и знаю, что за спиной моей из-за ствола дерева белка глядит...

[Вставить: белка, работая над шишкой, замерла: дождалась: неподвижен; заработала: шелуха упала, я поднял голову и увидел, но продолжал писать; она швырнула шишкой мне в спину; сползла – щелкнула; еще сползла: чмокнула: я пишу.]

552

На полях: Вальдшнеп. Пуногка. Барсук.

Тепло, но так близко к зиме, что барсук уже задумывается, – стоит ли ему сегодня выходить за пищей и не остаться ли ему на своем сале (см. запись в предшествующей книжке: описание наших нор).

Гаечки.

Серая ольха по ручью, а воду морозик уже схватил своими лапками. И тут прутьями и на прутья кругленькие, будто маковые головки сорвались и задвигались: гаечки прилетели...

Ключ.

Ключ к тайнам природы у каждого свой, все равно как даже и к автомобилю ключ у каждого свой, и ни к какой другой машине он не подходит. Я даже больше скажу, не только свой ключ, но у каждого их несколько, и каждый раз надо знать, какую дверь и каким ключом отпирать. Иногда лай гончей стаи открывает, иногда неслышный шаг, когда кажется, что даже сердце слишком громко стучит.

Ничего нет.

«Чудно это бывает, знаешь, – ничего нет! а страшно, или тоже ничего нет! а весело. И напротив, бывает, все есть, а скучно» (начало рассказа). В лесу летом, когда во-круг буйно кипучая жизнь, сколько видишь на траве лю-дей без мысли в голове. А то бывает в ноябре, когда все летнее замерло или погибло и снега еще нет, – нет, кажется, ничего, а войдешь как-то внутрь природы – и отовсю-ду станет показываться жизнь...

Елки.

Бывает ель, кажется, ее всю сверху донизу причесали и расчесали тоже все вниз каждый сучок. А то бывает, ел-ка вся кудрявится. Есть молоденькие со смолкой на вет-ках, а есть старые с серо-зелеными бородками на нижних ветвях и на средних и только наверху живые.

553

Черная вода.

554

В это время вода в лесу ведь такая бы чистая: эта вода дождевая на опавших листьях, – а кажется как чернила и все отражения в ней черные.

Ронжа.

Ронжа кричит, как будто она очень большая, а какая-то маленькая хищная зверушка схватила ее за голый жи-вот и жмет зубами, а она кричит в ужасе.

Баба.

Осман нажимал, и мы с замиранием сердца ждали все, вот-вот выскочит заяц. Вдруг выстрел раздался не наш. Юра на выстрел... Стоит неизвестная женщина с дымящимся ружьем. – Во что вы стреляли? – спрашивает Юра. – В зайца, – отвечает женщина, – вон он туда побежал! – Юра туда бежит и накликает Османа:

«вот-вот-вот!» Летит Осман по следу зайца и прямо к тому месту, где стреляла женщина, и вдруг останавливается, нюхает дол-го куст и роется в кусту, и нам все понятно: женщина зай-ца убила и бросила в куст, а когда Юра ушел и стал накли-кать, взяла зайца и ушла. Мы это все рассказали Юре и показали: Осман дальше не идет. Юра, поняв, даже зуба-ми заскрежетал и на глазу слезы. – Неужели тебе так зай-ца жалко? – спросили мы. – Не зайца, – ответил он, – а что баба. – Мы ему на это смеялись: – Какое неуважение к женщине!

Стрелок.

На охоте не в одной стрельбе дело: хороший охотник, не стреляя, поймает живого зайца за ногу и наступит ли-щице на хвост, но если отлично стрелять, то много можно сделать и одною стрельбой.

Движение.

Изображая природу, прежде всего надо думать, что она живая и движется, надо движение давать, смену, и тогда будет интересно всем без анекдота и пейзажа. В прежнее время один натуралист из Лесного давал в газетах изред-ка бюллетени, и, бывало, все мы с восхищением читали, напр., что такого-то числа в Лесном впервые в этом году большая синица запела брачным голосом. Воображаю, как бы это было для всех интересно, если бы жизнь Зоопар-ка [проходила] в движении из сообщений сотрудников.

Знание. В худ. произведении неосвоенный материал часто вырывается под предлогом «знания».

Любитель. Другой и совсем бедный охотник, но хра-нит вместе со своей жизнью такое ружьецо...

Кроты и белки. Подумываю к старости заняться кро-тами да белками, а мне хотят задание...

Жизнь для других. С теми людьми, кто любит людей и отдал им свою жизнь, нельзя жить, и это понятно: то, чем живут, у них отдано всем. Такая вот Евг. Ив.

Гиппиус, и то же моя Машка: она всем принадлежит, и каждый мо-жет ее завести, но

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
для себя у нее жизни нет, и как ни бей-ся – живого существа в ней не найдешь.
Жареный комар. Коля сказал: с бабой своей ничего живу и буду жить, пока ее
жареный комар в это место не тронет.

16 ноября. Стрелял в вальдшнепа. С зеленой слетали пуночки (белые).

Гефеусиха. С отчаяния можно людей полюбить, в осо-бенности женщине, стареющей...

17 ноября. Тяжелое серое небо как будто опустилось совсем и село на нас: туманно
и чуть-чуть моросливо.

Утром написал для детей «Белка». План рассказа для «Колхозника»:

Фенология машины. Температура, если и мороза нет, не выше + 2°, и масло летнее
надо сменять на более легкое зимнее. Вот тоже всасывающая труба стала быстро
осты-

555

вать, и от этого распыленный бензин сгущается и остается в капельках на стенках
трубы, а смесь обедняется и в карбюраторе стрельба.

Клапаны. Обыкновенно выхлопной клапан прогорает раньше всасывающего, а при нашем
бензине 2-го сорта раньше портится всасывающий.

Головка мотора, ступица, капот.

Машка. Машина для себя совсем не живет и лежит мертвой грудой металла, как зимой
примороженная и за-несенная снегом земля.

18 ноября. Ездили севой и Петей на зайцев, и на ред-кость все хорошо сошлось.

Зайцы больше держатся возле коммуны 1-го Мая (зайцы-коммунисты). Осень глубоко
врезалась в зиму, и зайцы на черной земле ложатся вовсе белые и среди черных
стволов и через самые густые за-росли далеко видны. Ровняясь с чащей, теперь не
боишь-ся подшуметь зайца, потому что замечаешь его гораздо раньше, чем он может
расслышать треск сучьев от шагов. Один выскочил белый из-под земли. Лежка его
была глу-боко в земле под корнями березы, дырка эта была вся по-крыта зеленым
мохом, лежать бы [да] лежать, но именно благодаря несоответствию среды с их
зимней одеждой зайцы нервно настроены и выпрыгивают.

«Аввакум» воистину пастырь без стада: все молча со-гласились в том, что надо
как-нибудь жить. Раньше интел-лигенция, крестьяне и множество разных
промежуточ-ных людей или принципиально отказывались от «жизни», возлагая
упование на будущее, или жертвовали этой жиз-нью ради достижения власти в своих
организациях (это понималось как жизнь), или жили кое-как, лишь бы
про-существовать. В этой среде воспитывалось самолюбие, прикрытое интеллигентной
рясой людей не от мира сего.

20 ноября. Дождь. Еду в Москву к Левину («Совет-ский писатель»).

Ключ. Машина всем готова служить, но ключ к ней один...

556

Литература стала как машина, и у каждого писателя к ней свой отдельный ключ.
Старое? там теперь гладкое место, асфальт, как на Лу-бянской площади. Пешком
идешь – и то не вздохнешь, а только почешешься, на машине же едешь – радуешься,
– как просторно стало.

Кому, кому, а мне-то никак обижаться нельзя: ведь я же каждой строчкой заявил о
своей отдельности. Мне предлагать свой юбилей? Невозможно. Другие не
предло-жат... а между тем 1905–1935 – 30 лет!

22 [ноября] вечером в 7 вернулся в Москву. Заключен договор на однотомник
«Охота» (20–25 листов). Необхо-димность письма к Горькому о собраниях сочинений.
Сви-дание с Бухариным. Чуть не попал в Кабарду. Куплено ру-жье тульское системы
Лейденера (начало осуществления путешествия на Кавказ). Узнал о беременности
Галины (тут Левин гений...). Биллиард в Доме писателей и Оре-шин.

Устанавливается форма высшей близости, гаранти-рующая недоступность личности.
Союз писателей – это именно и есть управление по литер, делам, тут морг, а
на-стоящий живой писатель когда-нибудь вырвется из неве-домой большой жизни...

24 ноября. Прошлый год в это время лежал уже про-чный снег, а теперь зайцы давно
уже белые как снег, а в лесу и на полях везде черно. Наконец-то вот, кажется, и
зайцы, и мы, охотники, дождались пороши. Далеко до света пошел снег мокроватый
прямой. Шорох мокрого снега выгнал зайца из леса, и давно уже он смекнул, что
поле от снега к свету станет белым и следы его занесет. Так и было на рассвете:
чисто-белое поле и на нем где-то в безызвестности без следов лежал белый заяц.
Но вскоре после рассвета стало теплеть, а взметанный пар чернеть и чернеть до
тех пор, пока на черном не остались два ярко-белых пятна: череп лошади и
заяц-беляк. Мы заметили череп и на зайца подумали сначала, что это тоже череп
ле-жит. Однако следы все, даже мало-мальски заметные на

557

снегу, теперь растеклись, найти зайца не было никакой надежды и, хватаясь за
каждое белое пятнышко мечтой своей погонять в это утро, Петя достал бинокль,
чтобы проверить белое пятно, второй череп, лежащий неподале-ку от явной
лошадиной головы... В бинокль были видны даже черные глаза. Такое трудное

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
создалось положение по этой обманчивой пороше, – лежать белому на черном по-ле –
ведь это ужасно! но и бежать по мягкому, оставляя печатные следы, тоже ужасно!
Что делать?

На полях: березки – капли

В лесу, когда растаяла пороша, каждое дерево стало, как холодный душ, окатывать
сверху донизу. Одна ма-ленькая березка была вся покрыта крупными светлыми
бусинами, и я очень обрадовался, вспомнив такую берез-ку весной на тяге, когда и
теплый дождь [пойдет], и собст-венный внутренний сок дерева тоже капает дождем
из поломанного сучка. Радость жизни охватила меня без-мерная, радость всей
жизни, при одном воспоминании о поломанном сучке березы весной.

Приписка: Запах бензина мало-помалу мне становится не ме-нее приятным, гем,
деревенский запах дегтя, а клю-гик от Форда воистину является клюгом к моей
лигной свободе, с властью над старым временем и пространством.

Так вот, конечно, то же самое при художественном вос-приятии механизмов нужно,
чтобы каждое отдельное вос-приятие уводило бы в область безмерно большего. Я
знаю, в природе все сводится к эросу, но что в механизмах? – Может быть, это
чувство власти человека над природным временем, пространством: это
удовлетворенность самим собой, как в почетные годы всеобщее признание. Эта
об-ласть мне мало знакома, но можно понять по Шекспиру хотя бы, другая же
область – это Робот, жуть от механиз-ма, поглощающего личность.

26 Ноября. Первая настоящая пороша, глубокая. Ос-ман понорил двух лисиц, убили
из-под него русака, Илю-ша убил шумового беляка.

558

П. А. Сергеев – помесь Молявского с Лезихиным (у го-родского охотника в голове
непреренно есть идеяка...)

Переход с черного на белое...

24-го пороша [днем] растаяла, и белый заяц лежал сре-ди поля. 24-го же с вечера
повалил снег и валил 25-го весь день, и в ночь до утра порошило мельчайшею
пылью. 26-го лежала глубокая пороша в тишине, мягкости. Встали только одни
глупые зайцы... На второй день по той же по-роше встали молодые зайцы и
провертелись возле себя на пятаке. В третий день встали старые зайцы, молодые и
глу-пые и старые ушли дальше следа, и началась многоследица.

На 27-е вырвался Петя из вуза, и мы с ним на 2-й день пороши убили четырех
зайцев. П. А. не взяли (обидели). Петр Акимыч Сергеев с двумя женами: актриса и
батрач-ка (батрачка сочла за умного, и тем он спасся).

28 [Ноября] – ветер юг.-зап. сильный, снег-метель (мороз – 6°), вечером дождь
(барометр на буре), ночью на 29 дождь перешел в снег, к утру четвертак луны,
мороз – 3°, снежные сугробы, ветер. Так не легко дается переход к зиме.

Издания «Сочинения»: I. Север (Непуг. птицы + Коло-бок + Ник. Старокол.). И.
Кашеева цепь + Жур. родина. III. Рассказы и повести (Жень-Шень и все пр.).

Избранное (охотн.): 25 лист.

29 [Ноября]. Ветер, мороз, свежая пороша.

Выявляется определенная сила (то самое, что я на-прасно силюсь представить себе
как лицо): это чиновни-ки, бюрократизм. Всякую творческую личность сопро-вождают
подражатели, конкуренты, критики, завистники, писаря, охранники, в их руках, их
дело «жизнь всех»... и в этом образуется линия. Высота человека измеряется
расстоянием его от низу до верху.

30 Ноября. Приписка: Молоденький месяц немного помогал рассвету. После тяжелой
метели ясно, хотя очень ветрено, вдруг сыпанет и солнце: ландшафт возле карпо-
559

вых прудов: солнце – снег и от снега тускло-голубые тяже-лые тучи и все светлее,
лазурнее, нежнее, почти до белого, и проносятся облака, и [вдруг] сыпет.

Рассказать невоз-можно.

Материалы для «однотомника» Черный араб – 2 листа. Родники Берендея – 5 листов.
Соболь . Олень-цветок 10 листов.

1 Собаки 2 листа.

Ночь: видел Сталина. Схватка с Ципиным. Люди (чи-новники) попадают в круговую
поруку неволи, и отсюда рождение все разрешающей личности: вот почему и для нас
Сталин друг. Писатель пишет для друзей (личности), они хотят, чтобы он был, как
они, для масс (скрытое за-крепощение: писатель-шофер): выход для писателя: к
Ста-лину.

Зеленый шум. Охотничьи были и сказ.

Соболь Г

29 листов.

1. Счастливое ружье (Рассказ из моей жизни).

2. Календарь природы.

1. зима. 1) Календарь природы; 2) Гон; 3) Смертный пробег; 4) Волки-отцы; 5)
Медведи; 6) Сердце зимы; 8) Солнцеворот; 9) Лиловое небо; 10) Аромат фиалок; 11)

Тайна.

Олень-цветок Голубые песцы Родники Черный араб Собаки Славны бубны На охоте Жур. родина Рассказы егеря

10 лист.

5 2 2 2 2 4 2

560

II. Весна. Ток (из «Кашеевой цепи»), Ленин на охоте, Одинокий журавль, Скорая любовь, Прилет зябликов, Появление сморчков, Девушка в березах, Майский мороз, Поток, Заутреня, Крутоярский зверь.

III. Лето. Старухина тропа, Белая собака, Теплые мес-та, Змея, Лесные загадки, Охота с колокольчиками, Жа-лейка, Совесть, Ярик, Верный, Кента, Любовь Ярика, Служба пана, Сочинитель, Болото.

IV. Осень. Птичий сон, Иван-да-Марья, Птичье клад-бище, Анчар, Сидень.

2-й отдел.

Родники, Север, Центр, Пустыня, Приморье. Лето – приписка: Ночная красавицах Ритмика.

1 декабря. Приписка: Я вынул из сундука зимнюю шапку и валенки, выпустил из машины летнее густое мас-ло и налил жидкого зимнего автола. Набил патроны в двадцатку не 1,2, а 1,5 ср./ф., зимний заряд Снежная вьюга. Старухи говорят: «Началась вьюгой, – зима будет лютая». Но в газетах кто-то вычитал и распространяет: «Это не зима, а только зазимок, все растает, и зима на-чнется только с 1-го января. – Что зазимок, об этом и я читал, – отвечают ему, – а что с 1-го января, то это ты перевернул: это с 1-го января отменяются хлебные кар-точки.

Молодой месяц подсвечивал рассвету, и мы увидели на снегу лисий след.

Небо вышло над елками. Рассветало медленно, дряхло, но молоденький месяц немного пробил себе высоко на-верху голубую пролысинку, помогал рассвету, подсвечи-вал, и мы разобрали след лисицы...

Приписка:

Лето. 1) Ногная красавица

2) Белая радуга

3) Первая стойка

4) Школа в кустах

5) Ярик

6) Верный

561

7) Кента

8) Любовь Ярика.

Небо тяжелое висело на елках, рассветало медленно, дряхло, но вдруг молодой, бойкий месяц высоко наверху пробил себе голубую пролысинку, стал подсвечивать, по-могать рассвету, и в этом соединенном свете мы на снегу разобрали заячий след.

2 декабря. Вьюга.

Почти кончил «Зеленый шум». Счастливое ружье.

Счастливое ружье. Вопрос ружья. Хорошее ружье.

Богатое ружье. Охотничьи были и сказ.

Ни «Зеленый шум», ни «Счастливое ружье», а назвать «Рассказы охотника».

Рассказ «Счастливое ружье» вовсе выбросить как под-черкнуто аполитический.

3 декабря. – 10°. Гонял зайца. Осман догнал и съел: раздулся.

Кто выше? положение хозяина выше, чем кучера... а ес-ли высокий спец и над ним комсомолец Венька... или вот как теперь механизованный писатель и над ним какой-нибудь Левин. Два человека были, один приказывал, дру-гой исполнял: вот я хочу уравниаь их и даже наоборот сделать: чтобы исполняющий во всех отношениях был выше, чем «приказчик».

4 декабря. – 7°. Тихо. Осман опять съел зайца, но ока-залось, и с раздутым животом он может гонять с утра до вечера. Одного зайца я убил, третьего до тех пор гонял, пока весь снег смешался, четвертого к вечеру поднял воз-ле Каляевки. Одно время, когда я был на просеке, явилось солнце, и в оснеженном еловом лесу на просеке было до того пре-красно... (вот бывает красиво так, что хочется из этого что-нибудь делать и тут же записывать в книжечку, но

562

бывает до того красиво, что и в голову не приходит запи-сывать, а только жить хочется, и вот это именно и есть на-стоящее счастье!)

Писателям дали самую широкую возможность путе-шествовать, и многие до того доездились, до того привык-ли питаться чужим, что вовсе потеряли себя и сделались «очеркистами». Между тем настоящий писатель эту воз-можность ездить по свету понял как скупой рыцарь свой подвал с золотом, и, дорожа своим подвалом

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
возможностей, писатель сел на место и стал, сидя на месте, весь мир облетать...
Есть ли такой писатель? Есть, но еще в утробе матери-жизни. Ему скоро надо будет
пуповину отрезать, и он полетит, и его писания будут для всего света, это будет
универсальная литература, а не как теперь, советско-провинциальная.

Загеркнуто: Вот точно то же происходит и с чувством собственности: Сейчас при
новой политике можно очень надеяться на быстрый подъем покупательной силы
рубля. И так бы просто в моем положении завести особую книжку в Сберкассе для
сбережения денег и так бы много накопить. Но я, имея возможность зарабатывать
массу денег, предпочитаю питаться счастьем этой возможности, и до того довел
свои финансы, что не знаю, сколько их у меня в столе, сколько на книжке...
Вероятно, в этом и есть сокровенный смысл собственности... это верно! Теперь
надо и, судя по себе, это теперь именно и совершается: материя собственности
уничтожается (сундук с золотом), и обладатель получает непосредственно личные
возможности...

Наполях\ реалист

Вот у меня есть замечательный круглый дубовый стол, и по-прежнему я бы страстно
чувствовал свой брак с этой вещью (собственность – это своего рода брак человека
с вещью). Но теперь, вот как и дом мой – стол, дом, машина, ружья – все это как
будто не совсем мое, а находится

563

лишь в моем бесспорном пользовании. Я ухаживаю за этими вещами старательно, как
они того требуют, но как-то холодно. Мне кажется, я ценю теперь больше свое
умение ездить и ходить за машиной, чем самую машину, тоже и стрелять – чем
ружье, снимать – чем лейку. Мне кажется, при обладании уменьем все эти вещи я
так получу. И вот в этом и состоит новый брак с вещами: раньше их держали как
жен под чадрой и на замке, теперь вместе с ними работают, и отношение к этим
вещам является в процессе самой работы.

В молодости, чтобы сделаться настоящим писателем, а не поденщиком литературы, я
терпел большую нужду, и когда после смерти матери получил 30 десятин земли, вся
личность моя соединилась с этой землей, и я чувствовал себя не только
собственником почвы, но и всей земли, всего сектора в 30 дес. ширины и в земной
радиус глубины. Я сеял, пахал, косил все сам и чувствовал под собой глубину до
самого центра земли. Я хотел изобразить это чувство, оагеркнуто: вложив его
подобрав к нему соответствующую личность, но у меня получился какой-то чертов
сын, а не поэт, понявший собственность как священный брак с землей.

Сегодня: 1) Послать деньги Разумнику 2) Достать па-яльную лампу 3) Налить
бензину (надеть капот) 4) Протавотить.

6 декабря. Тихо. Солнце. Утром – 15, вечером – 20. Охота возле коммуны: 4 зайца,
раненая лиса. «Вижу зайца!» Сюжет рассказа о двух охотниках: один украл у
другого зайца, а тот у того лису.

Приписка: Чувиляев. «Родники Берендея» 1) Лар-скому: «Гуси-Лебеди»; 2) Горькому;
3) В Сов. писатель: заявление: перевести деньги в Сберкассу; 4) Мурзилка; 5)

Деньги [за] переписку (1 экз. или два, плата).

Счет: в Сберкассе 56744 – 3925 р.

За «Колобка», «Непуг. птицы.» – 5000?

564

За «Рассказы охотника» 60% За Ленингр. изд-во –
8500 7000

26425 р.

Порох, дробь. Групповое сознание.

8–9 [Декабря] в Москве. 8-го вдруг среди дня мороз сломало. Человек, которого я
вижу в «Савое» за вкусной едой: кругом едят те же блюда, и через это он получает
уверенность в праве своем тоже есть хорошо: так вот и начинается групповое
сознание.

Привычка (Лишний кусок).

Новый вокзал у нас поставили чуть-чуть поближе к Москве, и так шагов на 500
увеличился мой пешеходный путь на вокзал. И вот уже два года прошло с тех пор,
как старый вокзал разобрали, а я постоянно, когда равняюсь с тем местом, где
стоял старый вокзал, считаю про себя бессознательно, что от этого места мне
остается еще пройт-ти как бы лишний кусок до нового. Сегодня, ровно через два
года, я собрался в Москву и по раннему утру на рас-свете шел, отлично
раздумывая. И вот вдруг посмотрел я на старое место, где был вокзал, и оно мне в
этот раз ни-чего не дало: лишнего куска никакого не было, и новый вокзал теперь
для меня, как раньше и старый, стоял на своем месте. Так вот оказалось, какая у
меня тяжелая при-рода в привычке: нужно было два года времени, чтобы вокзал стал
на свое место!

В Москве же, где постоянно все переменяется, наобо-рот, я так привык к
переменам, что ничего не чувствую этого, напротив, если вижу какие-нибудь

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru неподвижные остатки прошлого, то в глубине души как бы вяну... Такое свойство инерции... что стоит – тому стоять, что сдвинулось – должно двигаться. 10 декабря. С вечера припорошило, или это со вчерашнего дня остался припорошенный след. Я думаю, что с вечера, потому что очень мало свежих следов, и Осман по припорошенным следам живо разыскивает. Нарвался на лису и затурил ее в нору.

565

На полях: Нипогем бы не выгнать нам зайца в слепую порошу, и мы этому радовались: знагит, лисица... Но вот гто слугилось в лесу... В лесу зимой в ожидании, когда гонец поднимет лисицу или зайца, я от нечего делать представляю себе какого-нибудь зверька или птичку, и тогда надолго можно за-няться, продвигая эти существа среди самых затейливых снежных фигурок. Интересней всего для зверька, разумеется, нижние ветви елей: снег, падая на них, мало-помалу склоняет эти снежные крыши к самой земле, и внутри кругом елки образуются таинственная пустота. Мой воображаемый заяц делает громадный скачок, входит в свой снежный дворец и ложится. И лежать бы ему тут, лежать спокойно до вечера, но эта елка росла не одна, рядом вплотную с ней росла береза много выше ее. Летом береза своей густой листвой закрывала елку и не давала ей свету для жизни приписка: береза летом росла, елка зимой – береза обогнала, и только зимой, когда береза раздевалась и засыпала, открывалась для елочки жизнь. От последней метели снег большими куклами и зайчиками навис на ветках березы. Приписка: До свету в предрассветный час заяц прыгнул под ель... пороша Когда солнце взошло, прилетел тетерев-косач клевать березовые почки и, когда сел, обрушил большого зайчика, и он по березе на ель и по ели с ветки на ветку, сшибая ку-колки, полетел на нижнюю ветку, и настоящий живой заяц вылетел из-под своего укрытия и понесся скачками, оставляя губительный след. Осман, пересекая поляну, увидел след, бросился к нему, почуял, сразу все понял и, задыхаясь от волнения, зашипел, застонал и, оагерк-нуто: освободив добыв наконец из себя полет гонять, ринулся, погнался, и я больше уже не мог сочинять снежные сказки, продвигая воображаемых зверушек и птиц в таинственные шатры – я тоже бросился скорее к просеке, чтобы там перехватить бегущего зайца. На просеке зимой вдаль всегда кажется, будто кто-то там далеко, далеко стоит... В этот раз это был не засыпанный снегом обгорелый остаток разбитого молнией дере-

566

ва, это был охотник Бывшев со своей никуда не годной тьявкалкой приписка: Бывшев в предисловии: у него была собака Увидев меня, он исчез, и вскоре просеку перелетела лисица. Я осторожно свистнул один раз – это условлено между нами: это значит, я перевидел лисицу, и ребята должны вести себя, как полагается на охоте по красному зверю...

На полях: Елка росла и береза рядом вплотную. Летом оде-тая береза вовсе закрывала собой елогку и не давала ей ходу. Елка [на свету] росла свободно только зимой, когда листья березы опадали. Но разве рост зимой! Вот почему береза обогнала, а елка [отста-ла]... лето сильнее – береза [летом растет]. Речка Дубна в истоках шириной в два человеческих прыжка, – не перепрыгнешь в один! но зато очень много везде упавших деревьев так, что вывернутый корень на одном берегу, а по стволу переходят люди, лисицы, собаки. Заяцы, однако, предпочитают самые рискованные переходы по тончайшему льду, возле самых черных промоин, чем скакать по таким заваленным елям. Много, много почему-то натоптано зайцем на тонком льду возле промоин, откуда во всякие морозы неустанно разносились эти звуки, похожие на тетеревиное токование. Так подозрительно много и густо [на льду] было следов, что мы стали подозревать какую-то затею и, увидев отсюда, что на той стороне не было выходных следов, а здесь был только входной, стали внимательно оглядывать берег, и вдруг Петя сказал: «вижу!» и показал мне. Ничего я не мог разоб-раться сначала, но Петя сказал: «Смотри между ольшани-ком раз... два... третья [олешина] толстая, между третьей толстой и четвертой тонкой смотри, – вон глаз». И я уви-дел сначала черненький глаз, а потом и всего белого зайца на белом снегу. Когда глаз мой привык, мне стало казаться, что заяц был чуть-чуть желтее снега.

Бывает, в болотистом лесу часто корни березы не гла-боко в земле расходятся, и вход в развилку закрыт мохо-вой кочкой. Случается, лисица ли или другая какая зве-

567

рушка обомнет кочку, залезет туда под дерево, понюхает, поищет чего-то, уйдет, а после заяц залезет. Раз было, мы с Петей шли по следу, и вдруг он оборвался. Мы поняли, что заяц сделал большой скачок, называемый у охотников скидкой: заяц скинулся. Мы сделали круг, нигде выход-ных следов не было. Сделали круг потеснее и еще потеснее, наконец оставалась в кругу только береза и, пригля-дываясь, мы

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
заметили под ней нору...

Чудесно то, чего нет, а когда оно, это самое, есть, то оно обыкновенное.
Значит...

11 декабря. Почему так часто разлетается у меня план поездки куда-нибудь подальше, и только случай какой-нибудь вдруг бросает в путешествие? Я до того этим напу-ган, что вот и не решаюсь теперь на Кабарду: придет вес-на, – зачем, покажется, куда-то ехать, если возле себя так хорошо. Всякий план приятен вначале и тяжким стано-вится, когда приступить надо. Еще вот что: если план, то он жизнь загородит: с планом жить (в Кабарде) – значит здесь не жить, выход: рвануться. И еще выход: всесторон-не обдумать, подготовить удобства. И так, я начинаю го-товиться...

На полях: болезненное искусство

Чудесно то, чего нет возле себя, и так странно, что если «то, чего нет» явится, то оно уже не чудесно, это свойст-венно человеку вообще, посредством этого он расселился на земле и покоряет небо – и до чего это во мне: вчера «она» в мечте, сегодня «она» рядом со мной – этот жал-кий повод: в этом плюс и минус творческого тока: начина-ется бегством от [чудесного] и возвращением в [обыкно-венное], воплощенное. Возможно, что это есть в истории каждой любви: любовь – это пробег: поэзия – это и есть то самое...

Возможно и по всей вероятности да, что Белый есть в какой-то области творчества на границе искусства и на-

568

уки гений. Но в искусстве слова, как художник, он прежде всего больной человек, осужденный зачем-то нанизывать словечки в бесконечных сочетаниях на бесконечную нить. Думая о нем, я начинаю понимать, что искусство настоящее есть здоровье человечества, и лучшие представители искусства все здоровые люди: Шекспир, Толстой, Леонар-до...

12 декабря. Небо цвета снятого молока, земля как сливки, и множество за эти три дня без пороши накопи-лось на белом следов. Петя опять стрелял и ранил лисицу. Забралась в нору. Зайца убили, двух стреляли. Удивитель-но было в три часа дня: небо серое, как будто нависшее, а на сером месяц молодой. Серое – это туман, это иной садится. И высоко на белом движутся черные силуэты са-ней, лошадей, людей. Дубовый лист с осени упал на еловую лапу, свернулся блюдечком и наполнился до краев водой, и потом вода эта замерзла, и в этом самом маленьком озере все стало со-вершаться как в настоящих озерах, лед покрылся снегом, и синички оставили однажды свой след на снегу. Весною, когда стало тепло и зашумели реки, вскрылось маленькое озеро дубового листика, и капли весеннего дождя стали капать. Вечером в тишине на тяге я стоял и слушал возле себя эти удары: рядом береза была вся в каплях, и одна веточка березы была поломана, и сок из нее падал на елку, и по сучку сок бежал и падал на дубовый лист, и скоро вся вода в маленьком озере стала из березового сока и текла через края.

И я думал, глядя на листик: так и жизнь, и поэзия.

Вся ли поэзия – это я не могу сказать – но, может быть, ее большая часть зарождается в избытке жизни, из капель ее, в переполнении и распространяется, как живая вода, и в мертвом показывается жизнь... Так рождается потребность все оживлять... И мы в этой потребности все оживлять иногда заходим так далеко, что вызываем со-мнение, является некто и говорит: нет! и начинает обрат-ное: все оживленное он расчленяет и доказывает нам, что

569

нет там ничего, нет и нет, и все качества вышли из нашего суеверия. В этом и есть спор добра и зла, Бога и дьявола, света и тьмы, чувства и разума. Я разум беру, чтобы сжечь хлам суеверия и открыть ясный путь творчеству, которое понимаю как оживление.

Я чувствую даже себя как бы чуть-чуть виноватым, ес-ли пользуюсь вещью и не могу ее оживить. Вот я заметил в бессознательных поисках самостоятельной жизни у ма-шины, что очень часто вдвигаешь ее в гараж в полном порядке, а ночью с ней что-то случилось, машина не заво-дится. Доискиваешься и находишь, что ночью, когда ма-шина оставалась одна, у нее лопнул фарфор на свече или прерыватель стал заплетаться на маху или в бензинопро-воде прекратилась подача. Так очень часто и уже в моей практике большинство в машине я обнаруживал за то вре-мя, когда она оставалась одна: казалось, в одиночестве она [жила] своей собственной личной жизнью. И я через это сам себя понимал, что именно так вот и я. Но это неправ-да. Механик расскажет, что фарфор лопнул при охлажде-нии машины, и все другое явилось при охлаждении, и сво-ей собственной жизни в машине нет никакой, а это я сам из потребности оживления перенес себя самого на маши-ну. И я это сознаю, я сжигаю своим разумом все попытки одушевить свою Машку как суеверие, но зато если я из ма-шины, вдвинутой в лес, вижу синичку или белку на елке, я верю в какую-то настоящую жизнь и чувствую [беско-нечную] силу свою в борьбе с

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
ужасным Механиком. Я улыбаюсь воронам, обживающим антенны, ласточкам на телеграфной проволоке, лесным деревьям, обнимающим телеграфные столбы, и утверждаю первенство жизни над механизмами, создаваемыми человеком в помощь жизни, а не во вред (борьба на смерть с бюрократами за жизнь; оживить механизмы нельзя, но можно механизмы сделать полезными для жизни).

И сказал: – Мы не отвергаем государство, но мы требуем, чтобы ради государственного аппарата, существующего на пользу жизни, не губилась сама жизнь, и для это-

570

го мы требуем в государстве такого порядка, при котором открывалась бы возможность личному разнообразию, свойственному творческому потоку жизни...

Сюжет рассказа: Осман и Лада.

У дедушки были собаки, гончий, выжлец Осман и пойн-тер Лада... Осман – это мастер... Лада...

До самого последнего года своей жизни дедушка наш был на ногах и всем на удивление охотился зимой с Османом, случалось, от утреннего света и до ночной тьмы и с Ладой ходил по болотам. В последний свой год летом, когда не бывало охоты, пошел он однажды за грибами и взял с собой обеих собак, пусть, мол, побегают, промнутя. Вот как мы знали и понимали собак дедушки, я прямо как своими глазами вижу и Османа, и Ладу в эту последнюю прогулку дедушки... Целое большое лукошко-и молодому-то с трудом нести – набрал дедушка красных, черных и белых грибов, сел на пень отдохнуть, да так больше и не встал: умер, как будто уснул и остался на пне – нипочем не поверишь, что мертвый: сидит старик и отдыхает. Осман набегался, наверно, словил и съел зайчика, нашел дедушку по следам и, как всегда, подошел лизнуть пальцы, дать этим понять, что пора бы домой. Лизнув холодные пальцы, он поднял голову высоко, как, бывало, зимой на дороге, когда хочет глазами с дороги увидеть след. Странно взглянул он на дедушку, медленно приблизился, вытянул шею, понюхал, лизнул и все... Он понял и, покончив с дедушкой как с охотником, побежал домой, умно соображая свой каждый шаг на пути. Увидев Османа одного, конечно, мы встревожились, отправились в лес и стали кричать – нам бы Ладу надо кричать, а мы дедушку. И на другой день мы все ходили и звали дедушку. На третий день пришел к нам один неизвестный грибник и сказал нам, что дедушку видел в груздевом овраге, он сидит на пне с корзиной грибной, а у ног собачка лежит. Мы побежали туда, и вот Лада: так и нашли ее у ног дедушки, колечком лежит, нас увидела – едва встала: та-кая голодная. И умерла бы так, наверно, дурочка-Пристрелка ружья системы Лейденера

571

К рассказу «Осман и Лада»: Мы говорили дедушке: – Когда Осману хорошо, то и он хорош: пальцы лижет; а когда Осману плохо, то и все плохо: рычит; разве так можно, дедушка? – А почему же нельзя, – отвечал он, – так ведь все живут, только Осман не притворяется, я вас за то и люблю: вы ведь тоже османы. – Мы-то мы, но как же все, а вот Лада? – Ну, Лада, – смеялся дедушка, – Ладушка сучка.

Еще: Когда дедушка остарел и ему трудно стало ходить, Ладушка ляжет и лежит.

Пристрелка 24 калибр лейденер

15 декабря. Можно быть царем и неграмотному: был же среди яицких казаков Емельян Пугачев. Но если явится такой Емельян теперь и объявит себя, например, редактором «Нового мира»...

Давным-давно...

Язык не успеваешь за жизнью и даже как будто не очень стремится к этому: так вот давным-давно бьют на войне людей приписка: не стрелами, а пулями, а язык говорит не «бьют», а стреляют, и тоже очень редко скажут «летит, как пуля», большей частью говорят: летит, как стрела. И по правде-то говоря, если мы по стреле чувствуем скорость больше, чем по пуле, то зачем так-то уж очень требовать от языка полного соответствия с номенклатурой эпохи?

Властелин и муравьи: стану я думать о каждом отдельном муравье! мне нужно всех муравьев накормить, и я беру муравья вообще, взвешиваю его, нахожу средний вес и процент необходимой пищи в отношении к весу. Если я говорю, напр., сколько ест муравей, то это значит, сколько ест весь муравейник хотя бы икры паюсной или свежей, и согласно с этой потребностью всего муравья организовую лов осетров. Так называемая частная жизнь для меня есть нечто вроде забавного спектакля марионеток:

572

мне очень забавно смотреть на куколку, которую дергают, а кажется, будто это она сама ходит, прыгает, говорит.

Детские рассказы: 1) Осман и Лада; 2) Беляк (белый – все черное); 3) Слепая пороша; 4) Нора.

Наполях: Ложь

Тайна келейника: подвиг и женщина: сладость, перемещенная к Богу ценою... вот

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
этот остаток нерастворимый в подвиге: дьявол; наши ребяташки над попом как бесе-нята, и ведь Ан. Франс и весь либеральный мир прыгал, издеваясь над подвижником (а вот нате вам за то фашизм и большевизм: не попрыгаешь). Сильно талантливый человек и не может быть очень умным, потому что при уме должна быть злость и холод, а талант греет, и ум на таланте как бы на теплой лежанке.

16 декабря. Начало века.

Неправда, что есть какая-то «ложь во спасение»: ложь всегда яд. Но бывает такая сладчайшая ложь, что сам хо-зяин ее почти что принимает за правду и когда, уже от-равленный, начинает видеть ложь, говорит: это ложь во спасение. Неправда! нет лжи во спасение: ложь – это яд.

А небо, а солнце, а земля и вся жизнь с птичками, с пре-лестью детской и женской, неужели же и это все во лжи, как учили аскеты Синайской горы – все тонкий яд лжи?

– Нет! – воскликнул вслух Алпатов, – нет!

И затаился.

Так бывает, когда человек доходит в мыслях до своего собственного сердца, то сказать больше уже ничего не-льзя почему-то. (Это есть у людей, и это они чувствуют, а сказать нельзя. Но если нельзя сказать самому, то, чув-ствуя это в себе, так влечет слушать другого и догадывать-ся, и другой всегда это знает и охотнее всего говорит о се-бе такому.)

И еще это бывает на посевах: ляжет зерно и затаится, а после из этого вырастет. Но вырастет ли что-нибудь из

573

сердца, возмущенного ложью, – как знать? Вон едет по шоссе один полновесный на блестящей машине, а вон идет обделенный, несет обиду, – с обидой идет в Царство Не-бесное? Нет, ему не дойти. А вон расстался сам с обидой и так идет: этот не от мира сего. Кто из них в правде, кто во лжи?

(Алпатов на Светлом озере встречается с учителями «Начала века» и немояками Мережковского. И потом в Петербурге...)

Итак, одна (большая) часть моих писаний возникла из встречи моей с природой нового неизвестного мне края. Я пользовался той силой, которую содержат в себе существа и вещи нетронутые, как невесты, ожидающие брака («Непуганые птицы», «Колобок», «Охотничьи рас-сказы», «Никон» (Новгород), «Жень-Шень»): край земли неведомой – вот мое; но есть и брачного происхождения вещи, я и тут могу: это «Кашеева цепь»: тут сила берется не из встречи с неизвестным, а из личного опыта. Я сейчас могу отправиться в маленькую страну на Кавказе и дать в ней весь Кавказ, как никто не давал; но я же могу взяться за «Начало века», 3-ю часть «Кашеевой цепи». Решать мо-гу только я сам.

18 декабря. Корка. Третьего дня ночью садилась мельчайшая влага, на другой день от этого такая гололе-дица вышла, что все падали, а на снегу корка: чуть тро-нешь ногой – и полетят со звоном по глади обломки поч-ти что стекла. Зайцы, наверно, не отважатся стронуться, но лисицу ночью, говорят, слышали, как она ломала кор-ку...

Вчера припорошило, но не исправило корку, и трудно сказать, когда и как наладится охота, разве что дождь оса-дит, или столько навалит снегу, что, проваливаясь, нога не дойдет до корки?

Червяк. Точит червяк: ведь три года, каждую зиму пы-таюсь попасть к Горькому, и не пускают, писал Сталину – не ответил, в президиум на съезде не выбрали, юбилей

574

отвергли, в газетах не печатают, отзывов о книгах не да-ют, – весь как замаринованный живу и никаких стимулов к писанию не чувствую, даже денежных (деньги дают). Это политическая система выжимки из таланта: выжал простейшим способом, сколько выжмет, и бросил. Так вот чувствую, как я замираю...

Сила подлости.

Сила подлости главным образом на том основана, что в скрытом состоянии она таится в сердце даже благород-нейшего человека, и всякий, если слышит подлые слова о другом человеке и не видит возражений, про себя согла-шается, думая: без огня дыму не бывает...

Скрытая жизнь.

В нормальной жизни общества, когда складывается быт для множества людей (почти для всех), тем же путем вырабатывается необходимость часть своей жизни отда-вать обществу на хранение, и жизнь своя лежит, нарастая, как деньги в банке оагеркнуто: или, может быть, скры-вается, как теплота в воде: скрытая теплота. И вот когда лопнул банк и началась революция, то каждый спешил возвратиться к себе назад свой капитал и пользоваться им для себя. Иначе я не могу объяснить себе это странное явление, что такие почтенные люди, как Керенский и по-добные, и даже старые, выросшие на семейной этике, как Семашко, – все решительно побросали

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
своих старых жен и сошлись с актрисами и балеринами. Так скрытая жизнь, замороженная естественным аскетизмом нормальной жизни, освобождалась в личностях при разрыве всех общественных норм (устоев).

Мне кажется, что сейчас все живут, усваивая старый опыт, и тоже мало-помалу начинают скрывать жизненную теплоту (Рассказ Коли Дедкова о жизни рабочих: стремятся к семейной жизни).

Надо понырять немного возле Дома писателя с целью выяснить себе, стоит ли поднимать свой вопрос, напр., че-

575

рез Ставского, или Динамова (Хорошо бы тоже покончить все Кабардой).

Мишка. Фоторассказ.

В Загорске, где я живу, делают игрушки для детей. Я тоже занялся и сделал себе Мишку. Мы все очень его по-любили, и я решил написать о нем рассказ для детей так, что будто бы Мишка был заводной и электрический; ну, вот раз будто бы его завели, а дверь забыли закрыть, и он убежал в лес. Вот и все, а дальше уже легко придумывать, и мы дома рассказывали о Мишке разное, кто во что го-разд.

Бывало, я больше по своим фотографиям врал: возьму с собой Мишку в лес, намну следы на снегу, поставлю Мишку, сниму и рассказываю потом, будто Мишка в лесу увидел след настоящей медведицы и пустился по следам. Загеркнуто: Много, много я врал но часто дети меня ловили: то не так, то не бывает. Но я показывал фото, и мне опять верили. Трудней всего мне было рассказывать, когда наконец происходила в лесу встреча с настоящей медведицей. Дети требовали доказательства, карточку, но у нас под Загорском теперь нет медведей. – Врешь! – го-ворили дети.

И вот раз иду я в лес, навстречу мне по дороге идет цы-ган с медведем, бубен у него, длинная палка и белая со-бачка впереди. Цыган рассказал, что Медведица эта назы-вается Марья Ивановна, что он раньше с ней в цирке служил, а теперь ходит по городам и деревням, показыва-ет. – Показываю, как она меня любит, а собачка пля-шет. – Покажи! – попросил я и дал денег. Цыган ударил в бубен, собачка заплясала, Марья Ивановна поднялась на задние ноги, заключила цыгана в объятия и поцелова-ла прямо в губы. – Хочешь, и тебя поцелует? – предло-жил хозяин. – Нет, – ответил я, – пойдём лучше в лес снимать встречу моего Мишки с дикой медведицей. – И, вынув из рюкзака своего Мишку, показал ему.

Сделав снимки, я, конечно, детям не сказал, что это мне цыган помог, показал только встречу и как мой Миш-

576

ка пошел: большая впереди, маленький позади. Я много мог врать, и мне все верили. – Чем же все кончилось? – спросили меня дети. – Очень просто кончилось, – отве-тил я, – ведь Мишка-то заводной, электрический, бата-рея кончилась, и пружина перестала работать. – Конечно, дети были разочарованы таким концом, но я их успокоил: батарею можно сменить, и приключения Мишки начнут-ся снова.

Солнцеворот.

25 декабря. Христианские идеи в эпоху расцвета ка-питала осветили нам повседневность единоличника зарей грядущей соборности (туда, далекому другу из этого серо-го жестокого мира были направлены наши письма с со-кровенной мечтой соединиться там; и с этим критерием чего-то истинного, прекрасного мы подходили к действи-тельности: «верь, настанет пора и погибнет Ваал...»). Рево-люция сбила эту позицию писателя (к. Гамсун и все мы такие). Официально мы живем в эпоху соборности и от нас требуется, чтобы мы эту нашу достигнутую пове-дненность соборности относили к территориально дале-ким друзьям, томящимся в оковах буржуазного мира: это вот и есть социалистический реализм. (Искать случаи в повседневной жизни трогательной убедительности.)

В сокровенности жизни все происходит иначе: похоже, как если бы в физике разбили атомы, взяли у них внут-реннюю силу и бросили их, а эти атомы, собрав остатки силы, стали бы снова заключаться в оболочки. И нет ни-кому никакого дела до этого: каждый знает, как это дела-ется, и таит про себя...

На полях: Алгник. Страшный алгник.

А. М. Коноплянцев – реликт той эпохи, когда устраи-вались на службу в мечте: службе отдавать необходимое, а остальным временем обладать сладостно для себя. До-стигали этого только циники, недалекие люди, но чест-ные и сильные постепенно на службе забывали о сладост-ном «для себя» и становились служаками и, выслуживаясь,

577

достигали значительных чинов. Честные и слабые, разде-ляясь, не могли отдаться ни себе, ни службе, и так остава-лись оагеркнуто: нытиками какими-то чудаками.

А. М. в таком виде сохранился до нашего времени.

Радек в своей речи в Союзе писателей сказал о расстре-лянных, что они еще не убили, но могли убить... Ему апло-дировали. Радек не умный и небольшой по природе своей человек, но он стоит возле такого умного дела, что всем нам

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru кажется, будто он очень умен. Фадеев изобрел такую приставку к лейке, что вся гро-мадная работа немцев пропадает: и, наверно, много-мно-го такого есть у русских высшей находчивости, делающей ненужным ослиный труд. Но и без ослиного труда жить невозможно, и вот почему. Трудись, мальчик, считай: и благо ти будет, и попадешь ты в Царство Небесное; но мальчик нечто выдумал, и оказалось, в этом случае не на-до было считать; вот в этом-то и дело, что трудись-то тру-дись – это верно! только будь всегда начеку, что если мож-но выдумать короткий путь головой, то брось заповедь «в поте лица» и выдумывай, чтобы и себе махнуть без труда в Царство Небесное, и других с собой туда увести.

30 декабря. На корку снегу легло на четверть аршина, и все равно проваливается не только человек, собака, но на хороших прыжках и заяц. Осман невозможно крепок на лапу и гонял весь день беляка. Мы целый день не мог-ли его подстоять из-за хруста, под конец он пустился на-утек, и мы не только зайца убить, но самого Османа едва выручили в районе д. Дубна.

А какой иней, как [великолепно] засыпал снег, и все в нем стало округлое, так что беляка просмотреть – это как пить дать. Часто ветки оледенелые и потом опущен-ные бывают как олени рога. Лежит среди елей большая осина – не осина, а целый сказочный городок Путивль с башнями, и на одной даже как будто белая Ярославна стояла и глядела в половецкую даль; не узнать бы никому, что это просто осина лежала, но множество веток, сучков,

578

которыми упавшее дерево упиралось в землю, были очи-щены от коры зайцами, любителями осины, и тут до того было притоптано зайцами, осыпано их [орешками], что казалось, их тут сто было за ночь...

Но все великолепии было только до тех пор, пока не погнал Осман, как только погнал и до вечера, пока мы его не привязали, сказочный лес сделался не близким лицом, а посторонним свидетелем нашего удивительного дела: мы, взрослые люди, все свои физические силы, ум, талан-ты полагали на то, как бы только увидеть гонимого соба-кой зайца. Только видел я иногда, что на небе силилось показаться солнце и не могло: ветви деревьев, как белые рога оленей, я встречал иногда почти на голубом небе и после чего-то радостного ждал.

Петя рассказывал о том, как на огромном пространст-ве звери ведут себя одинаково: в тот раз мы в слепую по-рошу искали и не могли найти почему-то следы лисиц. И в Салтыковке тоже не могли до часу найти ни одного следа. Лисицы вышли только в час дня и шли не останав-ливаясь, отчего обложить их было невозможно. На полях: Люди: Волков (брак).

Петин брак. Павловна (погему герез 30 лет жен бросают).

Движение.

Было раньше время, и нам казалось оно как вечное время: вечно ровное течение, а мы сами меняемся. Во вре-мя революции стали стрелки вертеть, – прикажут, и по советскому времени на час или на два раньше против веч-ного, астрономического. И то же самое случилось с цена-ми, знаменитым рублем, обращенным в миллионы руб-лей, в «лимоны». Все это менялось, двигалось, вызывая у пожилых людей вечное ворчание. Мало-помалу это сме-щение устойчивых норм захватило отдаленнейшие зоны нашего сознания, подбираясь к ним незаметно в ночной тишине. Так вот однажды эта лавина подобралась во мне к Шекспиру, вернее, к этому непрерываемому человеку, изображенному Шекспиром. И все его претенденты на

579

престол, короли, гамлеты предстали преступниками, одержимыми страстью властвовать. И, раздумывая о про-исхождении этой власти, я пришел к тому, что родится она в абстракции: все, что делается не для... везде, где об-ходятся с человеком заочно, создают властелина... если в движении, то это надо, если движение остановилось – бюрократия...

На полях: Благодарность в коммуне.

Чапаев – идеализация.

Движение.

Сколько раз я замечал, что машина расстраивается но-чью. Приедешь в гараж, поставишь на ночь машину в пол-ном порядке, а утром она не заводится. Я знаю, конечно, что все это просто объясняется, например, что на изно-шенной свече при охлаждении ее во время стоянки лопают фарфор. Но и так будет верно, если подумать об этом как о нарушении движения: двигался и двигайся, а остано-вился – и тебе будет плохо.

Раз один грузовик у нас в большом гараже потерпел аварию и до ремонта стоял, всем мешая. Кому-то понадо-билось колесо, и он снял его с неподвижного автомобиля, а под ось его вместо колеса плашку поставил. Не помню, через сколько-то недель я обратил внимание на этот авто-мобиль и увидел, что ни одного колеса на нем уже не бы-ло, и все оси опирались на плашки. Я сам тут

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
воспользовался случаем, взял на свою машину с этой отстойник и две лампочки и заменил свой прерыватель. Потихоньку все шоферы тащили с этого автомобиля себе, и на моих глазах машина растаяла: однажды я больно ударился обо что-то колкое в темноте, включил свет, и оказалось, я наткнулся на прислоненный к стене деревянный ящик грузовой машины – это все, что осталось от неподвижного автомобиля.

И тут мне вспомнилось, как мы ловили переметом в Тихом океане акул. Поставим и в определенный час спешим вынимать, чуть опоздал – и на остановленную в своем движении громадную рыбу нападают морские крошеч-

580

ные [желтенькие] рачки и пожирают: тоже рыба, тоже сила, и пока движется – к ней страх и уважение всех существ, попала на крючок – и кончено, бейся сколько угодно хвостом, а глаза неподвижны, и рачки начинают с того, что выедают глаза, и тоже вот, как шоферы неподвижный автомобиль, всю рыбу растащат.

Московский снег.

Неприятно стало в Москве без снега, и все это автомобили наделали. Скучно без санок, и вот [навалил] снег, и какой, не успевают убирать его, снег все завалил, и Москва стала прежняя. Плохое утешение! что было, того нет: снег лежит, а саней уже нет, и не сегодня-завтра, на завтра после завтраго дворник снег одолеет, и опять беда – чистый асфальт и на нем не сани, а только машины.

Мы подвезли женщин из коммуны 1-го Мая, и коммунарки, желая сердечно поблагодарить нас, сказали: – Пошли вам Господь доброго здоровья.

Зоя разрушила семейную жизнь своей ревностью, Петя не выдержал. Виноват и Петя: надо было держаться. В семейной жизни мы все держимся, что-то терпим, претерпеваем. А то чем же объяснить, что в начале революции старики, прожившие по тридцать лет с женами, идейные люди разошлись и поженились на молодых. Очевидно, тоже претерпевали, подчиняясь традиции, а когда рушилась традиция, они разошлись. Сейчас традиция снова налаживается, и вот хорошо бы разобраться, из каких элементов складывается необходимость отречения в браке (начнется с любителей, которые не чувствуют тяжести этой необходимости, а ляжет потом и на всякого: «так надо»).

(31 декабря.) Эти дни от 25–31-е: 25-го Лева уехал, а я остался в Москве: запустил машинистку и Замошкина делать книгу «Рассказы охотника». 26-го приехал и А. М. Коноплянцев подъехал 27-го.

581

...но я Семашку выручил. Вечер с вожатыми пионеров, [потом] октябренок. 28-го Чапаев, 29-го приезд в Москву Павловны и мое возвращение в Загорск.

Цены, время и Шекспир.

Движение (авто-акулы).

Снег в Москве (не по-нашему делается, – а как я любил санки в Москве, тепло и уют снежный и санки).

М.М.ПРИШВИН ДНЕВНИКИ

1932

1933

1934

1935

1 января. Встречали с ожиданием приезда из Свердловска Левы, но он не приехал. Мороз. Молоденький месяц и звезды.

Человек не в разуме – это что! человек тем отличается от животного, что о самке своей создает легенду и согласно ей живет и творит небывалое...

Вилков повернул было к предкам попам и женился на дочери Берлинского протопопа, студентке медицинского факультета. В Петербурге молодожены занялись, она – медициной, он – по финансам, и вскоре оказалось, что она работает сама по себе, он тоже, а встречи за столом... так, не ссорясь, они разъехались: она поближе к своим клиникам, он к министерству. Некоторое время ездили друг к другу в гости, а потом и перестали.

Брак – это, как земля, требует силы от человека, и за-чем и кто станет напрягать свои силы, если можно легче жить. Не сгори дом у тещи, Петя жил бы с Зоей, потому что там им помогала бы и сама теща, и стены, ею созданные, и вещи, ею собранные. В особенности великолепны были у нее иконы и среди них Владимирская с неугасимой лампадой. Так вот и жили бы под покровительством древних богов. Но дом сгорел, иконы попали к нам. С разрешения старухи Зоя ободрала оклады, снесла в торгсин. Петя с ней разошелся. Она вышла за другого. И от всего этого романа остались ободранные боги без призора на чердаке, в сараях. Зоя, однако, говорила, что в Бога верует и только не верит в загробную жизнь, и тоже вот к сыну Мишутке у ней уже пополам: родить могла, а дальше нет: предпочитает учиться – ей это легче. После всего этого разгрома старухе досталось ухаживать за Мишуткой, и ока-

585

залось, жить можно, и ведь как: в деревенской избе, без богов, без всяких средств, без ничего, только Мишутка – и вот тут вопрос: не тут ли, в этой силе рода-земли, находится бог-сам и не потому ли Зоя не верит в будущую жизнь и не хочет ходить за ребенком, что силы этой нет в ней. А «ученье»! Лишь бы только под этим предлогом уйти от трудных обязанностей женщины...

И вот почему диктатура, почему колхоз и вся «принудилка» новой жизни... все это было внутри человека как обязанность к земле (роду-племени); теперь это должно стать извне как палка или «необходимость» (не-обхо-димость); (какой у Христа пессимизм: вся жизнь такая и преодолевается лишь смертью; смертию смерть поправ: свободным решением не жить уничтожается смертная не-обходимость жить). Долгой привычкой к не-обходимому обретается свобода: привыкнув к необходимости, человек начинает выкраивать себе свободу: итак, свобода есть со-знанная необходимость – по диамату – а я говорю вам: свобода – это привычка к необходимости.

Есть такая игра во мне, я это чувствую в минуты смер-тельной обиды и злости в борьбе, – что вот жизнь моя в моих руках, возьму я в свои руки эту жизнь и, если уже совсем не могу, швырну я ее вам, как собакам: нате, жрите. И почему-то от одной только воображаемой воз-можности этого является смелость и часто выход. Бывает, жизнь как бы вскипает, и вот тут в личном со-знании является решимость что-то сбросить с себя такое, из-за чего между людьми и бывает весь спор: самую жизнь готов бываешь отдать. Тут вот и рождается герой, и этому героическому действию, преодолевающему всеобщее ро-двое стремление жить, и посвящено учение Христа.

Но, бывает, иному человеку надобно жить, как всякой твари, и жизнь эта его очень далека еще до точки вскипа-ния, а от него со стороны требуют подвига. Он не может... и он будет отстаивать обыкновенную жизнь и против ге-роического подвига будет стоять как против чумы и вся-кого рода смертельной опасности.

586

Так, история борьбы Розанова с Христом мало чем от-личается от маленькой истории рядового солдата с Керен-ским: «Зачем, – сказал он, – я пойду в наступление, если за это мне впереди будет только могила?» Так что если нет внутреннего согласия на героический подвиг и он ему на-вязывается, то, конечно, «жизнь» надо отстаивать, и эта жизнь паршивенького человечки в ее голой животнo-сти перевесит из-за своей правдивости пустой раздутый баллон героического подвига и победит. Так вот и шла ре-волюция до всеобщего насыщения «жизнью».

Фильм «Чапаев» есть уже попытка восстановления старого военного героизма, новая идеализация войны. Смотришь и чувствуешь «суд Божий» войны и кажется, что только тут на войне весь человек как бог...

Надо с этим свыкнуться, что нигде на стороне больше мне уже и невозможно устроиться лучше, чем здесь: что это есть моя необходимость и с этим ничего не поделаешь! Нужно об этом помнить всегда-всегда и в спор никогда не вступать с не-обходимостью.

2 января. Немного погоняли лисицу, и Осман вернул-ся домой. Читал в 3-й школе свои рассказы детям. Выступ-ление Бориса Аникина. Семейный гусь.

3-го еду в Москву, дела: вечером 3-го выручить «лей-ку», а днем купить фотоматериалы, побывать у Замошки-на (до 8 часов), 4-го заняться выправкой «Рассказы Охот-ника». На очереди: Детские книги, Шоферские рассказы, поездка на канал. Достать рукопись: где барсук, беляк и проч.

3 января. По дороге в Москву Яловецкий рассказывает о каком-то охотнике, стрелявшем с успехом зимой из-под легавой тетеревов. Закупил фото, виделся с А. М. (ку-мом), вечером у Чувиляевых и получил «брачный пробег» чувилей.

Продолжаю думать о «голубом свете продолжения жи-вотной любви в человеке» (вот бы дать это в «Кабарде» начало всего, т.е. что и есть центр отличия человека:

что

587

человеческий самец творит о своей самке легенду (вроде «непорочного зачатия»); и тут поэт есть действительно творец новой жизни (это близко только сделано в «Корне жизни»). Все же остальное (машины, наука и проч.) отно-сится к добыванию средств существования на свой лад и по существу ничем не отличается от звериного «прозя-бания».

Еще и так можно понять, что если и есть нечто другое, то оно как революция, пафос его есть пафос революции, т. е. отрицания, отталкивания при скрытом притяжении, «фобства» ради недоступного «фильства» (напр., побег Петра из Москвы на Неву).

Вот, напр., всем смешно это развешанное всюду напе-чатанное объявление: «встреча нового хозяйственного года на катке», так точно и везде, хозяйственный мотив претендует на первенство перед эротическим; с другой стороны, происходит также и

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
маскировка эротики хо-зяйством, наукой, политикой... И так, в «Кабарде» надо по-казать легенду (эрос) как единственный источник культу-ры (ведь в эросе часто бывает и отрицание пола; «счастье» исходит из сохранности эроса: быт как кладовая эроса; и вот отличие от животных: только время: в человеческом быстром времени яснее видна роль личности в творчестве легенды (быта, украшений, перьев, сохраняющих эрос).

Групповое сознание нашей квартиры: Петровна и дру-гие в разделенное™ чуть ли не биологической, а христи-анство пробует всех соединить: «и Петровна человек!» То же и коммунизм, но христианство воспитывает, а комму-низм стаскивает всех в одну квартиру.

Привык русский человек молчать, болтовня кончилась.

4 января. У Замошкина был Парфенов (писатель?), рассказывал про Бетала Калмыкова, что у него семь жен и проч. Всенародное сочувствие моей поездке в Кабарду (все говорят – писать не роман, а Кабарду, «роман напи-сать еще успеете»). Я лично думаю, что народ прав: ведь чтобы о прошлом писать, надо очень твердо стоять в на-

588

стоящем, а мы на ветру стоим, как яблоньки, с подпорка-ми: вот-вот налетит вихрь и отрясет все яблоки.

Вечером был у Ефимовых (Иван Семеныч и Нина Яковлевна): скучновато было. Я говорил страдающему За-мошкину о страданиях, что очищают душу страдания, поднимают дух, но все-таки если видишь, что человек до-стигает высоты жизни и без страданий, то к черту страда-ния... И у Ефимовых, представляющих Шекспира, что Шекспир занимался преступными властелинами, и нас при-учил думать, что в этих страстях и есть человек (homo sum et nihil и проч.), а это неправда: это преступный человек и незачем бы его показывать (вспоминаю, как в 19-м году один семинарист доказывал, что с отменой денежной сис-темы Отелло потеряет значение: что чувство ревности будто бы связано в происхождении своем с денежной сис-темой, что как только женщина перестанет быть товаром, прекратится и претензия на нее властелинов и ревность их). Я тоже прихожу к тому, что искусство может обойтись без таких и что homo sum – это не значит, что непременно я не Отелло, или...

В Москве можно быть только с делом и по делу, – по-быть и уходить куда-то к себе, далекому и спрятанному в складках завес. Совсем нельзя ходить «в гости» и бесе-довать: это совсем ни к чему и приводит непременно к ра-зочарованию, усталости, скуке...

Вчера из газет узнали о смерти Ефимова. Парфенов сказал, что будто бы Толстого разбил паралич. Стараюсь не быть равнодушным к этому известию.

6 января. Беседа в библиотечном коллекторе с «несо-вершеннолетними». Ответ Горького. Появление Калика.

Загеркнуто: В творческой борьбе нельзя жалеть сво-их сил, потому что все затраченное с избытком возвраща-ет победа.

1 homo sum et nihil humani a te alienum puto (лат.) – я чело-век, и ничто человеческое мне не чуждо.

589

В борьбе сил не жалея: победа все назад отдает. За-геркнуто: Победа возвращает все истраченные силы об-ратно, да еще к этому отдает и силы противникам

7 января. Написал ответ Горькому.

Все яснее и яснее становится, что из двух тем верная – Кабарда. Можно, конечно, устраиваться хорошо, но напи-сать роман сейчас мне невозможно (нет устойчивости).

Известия: Леандерс.

Глубокоуважаемый т. Калмыков, посылаю, во-первых, две своих книги 1) «В краю непуг. птиц»; 2) «Золотой Рог». Вы увидите из этих книг, умею ли я исследовать и описывать неизвестные мне края. Во-вторых, прилагаю в копии (подлинник надеюсь вручить Вам лично) рекомендацию Н. И. Бухарина.

Теперь вот мое дело. Желаю изучить и описать всю Ва-шу маленькую, но, как все говорят, хорошо устроенную страну: природу, хозяйство, управление, людей. Мне нуж-на для этого Ваша помощь во всех отношениях, потому что я человек уже сильно пожилой и силы свои принуж-ден экономить.

Я могу писать, только если хорошо усвою материалы, привыкну к ним. Для этого нужно время. Прежде чем ре-шиться отдать это время, я хочу приехать к Вам недели на две для переговоров с Вами и разведки.

8 января. Рождество.

Вчера вечером в Загорске после Москвы радостно уви-дел звезды на небе и вдруг почувствовал праздник. Откры-лась дверь домика, и женщина, прощаясь с другой, сказа-ла: – Помолитесь и за меня, Александра Гавриловна!

Только очень недавно у нас сняли с церковью последние колокола, и звон совсем,

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru как в Москве, прекратился («бес-покоит рабочих» – и правда!) Но говорят, что в Подсос-нине, в Шарапове еще звонят. Вспоминаю из беседы с библиотекарями, что кто-то благодарил меня за «мужество оставаться самим собой»

590

и другие это горячо поддержали. С другой стороны, мне кажется, родился и воспитался тип полуинтеллигента, преданного без всякой одумки правительству, как, бывало, крепостные были преданы господам. Собранным библиотекарям я сказал, что «очень приятно это собрание тем, что я встретил тут много друзей». На это какая-то дама ответила: – А если кто до сих пор вас не знал или сомневался, то с этого разу и тот полюбил.

NB. В Москве достать Маркова и Шекспира.

Очень трудно мне встретиться с Горьким, очень! Это потому, что я много думал о нем нехорошего. И он тоже, наверно, чувствует во мне недоброго свидетеля и оттого избегает встречи... Чем я особенно не политик и не дипло-мат, это что если к кому-нибудь почувствую неприязнь, то не могу с улыбкой, не подавая виду, встретиться и ему для всех как будто дружески пожать руку. Если же мне это и приходилось когда-нибудь делать, то потом всегда пре-мерзко было и что-то я из себя терял.

На полях: Читатели и почитатели.

Из людей обыкновенных таких простаков много, и они вот, наверно, и являются моими главными читателями и почитателями. Но из людей, наживших себе крупное имя, людей таких мало. Если мне удастся «перевидеть» в Ка-барде борьбу за власть, то хорошо бы отдать эту свою чер-ту святого обывателя победителю; возможно изображать его так, что в борьбе он это теряет, но победа каждый раз возвращает ему эту силу обратно. А между прочим воз-можно, что в большом плане творчества культуры («новой лучшей жизни людей на земле») эта черта именно и опре-деляет победу. Возможно представить себе властелина со всеми пороками, но одна вот эта черта, для всех скрытая, в своем редком проявлении и определяет место этого властелина. И эта черта делает его «нашим». Эта черта, конечно, сделала Ленина и, надеюсь, есть у Сталина (хоть иногда эту веру трудно бывает держать среди всеобщей лжи, его окружающей). Между прочим, конечно, «мы»

591

(народ) до последнего краха втайне лелеет мечту вопло-щения этой нашей черты в лице нашего героя.

Итак, моя тема при поездке в Кабарду будет победа (это значит анализ борьбы, раскрытие ее тайны как-ни-будь в патриархальной простоте кавказских народнос-тей). Наш простолюдин в своем движении к власти эту основную черту теряет ступенями, и часто уже на самой низкой ступени плутовства эта черта остается во внешнем для всех простом, веселом и дружеском обращении.

10 января. И снег, и заяц совсем белые, но снег сине-ватый, как рафинад, а заяц желтоватый, как обыкновен-ная вата. Вот только что там иссиня, а тут изжелта, и что одно мелькнет на другом в черных прутиках и возможно бывает не прозевать появление.

Корка и под снегом в четверть аршина хрустит, верно, раз такая появится, то и на всю охоту беда.

Экономисты на нас, человек, смотрят приблизитель-но как биологи на род млекопитающих...

Б. замечательно верно сказал, что моя способность чувствовать факты дается людям, близким к совершенно-му отрыву от земли. Именно вот это ко мне относится, и это ключ ко всему пониманию моего дела. У Толстого про это сказано так, что «нужно заблудиться», и вот имен-но что я постоянно блуждаю и мне как блуждающему по-казываются факты как сигналы органического целого... Эта встреча с фактами имеет еще свойство девственнос-ти... Бывает два восприятия, одно через новизну: никогда не видел и спешу, пока не привык, вобрать все в себя жадно, и об этой первой встрече можно писать и всем это будет интересно и останется навсегда как открытие личности, качества... Другое восприятие дается посредством ката-строфы в привычном: разбилась вещь, а как она служила и как я ее не замечал!

13 января. Вчера охотились семьей в княжеских мес-тах, целый день зайца гоняли... Охотились, или стреми-

592

лись превратить зайца в кусок мяса... лес был завален сне-гом, и в округлых формах насевших на сучки фигур трудно было заметить округлые формы зайца: весь снежный лес был как заяц и давал нам понять, как сложен вообще заяц и как прост и ничтожен кусок мяса, в который он обраща-ется после выстрела... Мысль о возможности появления зайца заставила всматриваться в снежные округлости, и всюду благодаря этому показывались снежные сущест-ва и благодаря зайчонку оживали, и весь лес жил. Здоровый эгоизм Левы...

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Приписка: Притягательная сила «света» (Чапаев – обнял... Пушкина, Лермонтова)
Соц. консерватизм: и хорошо, и плохо. Необходимость «тайны» для творг. лигности, или же...

14 [Января]. Тепло. Снег. По пути в Москву: «сорва-лось».

В Москве. Замошкин, изрезанный человек. «Рассказы Охотника» несу к Фадееву. Заказал Фадееву объектив 105. В трамвае кошмарное столкновение с контролершей: в от-делении милиции находят мои «Записки охотника».

15 [Января]. До обеда выправлял рукопись и сдал ее. Готовлю сдавать детскую книжку «Бурундук».

Бывает, все как будто отлично идет и нет никаких оснований тужить, но вдруг ни с того ни с сего заберется в тебя такая тоска, что вот прямо чувствуешь, как у тебя в груди тысячи рачьих клешней разрывают мясо твое. От-чего это?

Если это болезнь... да нет же, я вполне здоров. Думаю... и вот попадаете мне на глаза одна вещь. Недавно это был большой хороший грузовой автомобиль. Пришел он к нам в гараж вечером в полном порядке, вдвинули мы его, а ночь простоял и не завелся. С машинами это очень часто бывает, едешь на ней весь день, и все ничего, а ночью во время стоянки сама собою разладится.

Крутили мы эту машину, крутили и бросили. Мы вози-ли камень на большой новый путь, машин в гараже было

593

много, – не заводится и не надо, взяли другую. Не раз мы еще пробовали, но когда наш механик приехал, посмотрел и покачал головой... раз уж сам механик покачал головой, то мы, обыкновенные водители, и не смотрим на эту ма-шину, и так стоит она и стоит. Раз как-то глянул, а колеса одного нет, в другой раз – другого нет, а там гляжу – и весь автомобиль без колес и оси на плашках лежат. Приписка: Раз лампочка понадобилась, открыл я фару в неподвижной машине, и уже нет лампочки: другие взя-ли. А то колесо смотрю – нет колеса, и когда самому пона-добилось, гляжу – нет колес в неподвижной машине и все четыре конца осей на плашках лежат. Да так и пошло, и пошло, кто лампочку отвернет, кто жиклер из карбюра-тора вынет, кто молоточек из дистрибутора, кто сережку, кто пальчик приписка:

коленце, шестеренку. Однажды глянул я на это место и вот вижу, у стены прислоненный деревянный ящик стоит, – это все, что осталось от боль-шой машины.

И теперь смотрю я на эту вещь и вспоминается мне, как мы в Тихом океане ловили переметом акул. Бывало, чуть запоздаешь – и акула, пойманная на крючок, еще живая, а уже без глаз: это бесчисленные морские [желтенькие] крохотные рачки, как только животное перестало дви-гаться, нападают на него и начинают с глаз разбирать, как с лампочек начали разбирать шоферы машину. Нельзя останавливаться живому существу в море – и я это с ма-шины и с акулы на себя перевожу, что если тоска, то, зна-чит, ты застрял, или кажется тебе, что грудь твою разры-вают тысячи клешней – это значит, рачки уже нападают, и надо набраться всем остатком силы и рвануться вперед.

16 января. Почему, почему это стало все проходить мимо, не оставляя следов для глубокого раздумья? Если имена, числа, мысли плохо держатся в памяти, с этим просто бороться: надо записывать. А если жизнь начина-ет проходить без следов, надо сильнее-сильнее собирать-ся в себе просто сказать: надо Богу молиться – и так это верно: у молодого сама по себе непременно остается, как в губке вода, а пожилой должен делать усилия...

594

Чем больше резали в животе у Замошкина, тем больше ему жить хотелось.

21-го – радио, Ленин, 100 р. 21-го 6 веч. клуб: 100 р. – машину Возвращается 10-го Марта Лева.

22 [Января] день Ленина (вчера смерть). Петя приез-жал. С вечера чудесная погода. Ночью ветер. На охоте за-стала буря, метель. Потеряли зайца, лисицу. Мрамор или дерево, если падает на них вода, кажутся телом живым: это не сама вода живит, а движение. Так то-же, бывает, зимой в лесу в темноте и тишине темных елей начинает ровно падать крупными хлопьями снег, и как же тут весело, как очаровательно это движение в полном молчании. Идет, идет! а ели живые все думают, думают. Идет. Не то это их думы идут, не то это люди идут, мои милые, дорогие люди, которых в жизни так трудно найти, так трудно встретиться! И вот совершилось: мы все тут вместе идем и проходим.

23 января. Вот уже 3-й раз повторяется: яркое солнце, морозит, вдруг падает барометр до бури – ветер, метель, тепло. На завтра в 6 в. – ремонт машины, Молодцов – фо-то. Читаю франка: Личность и вещь (Штерн): мне очень приходится. Опыты с фото: Сосулька 15 снимков: 6 снимков загуб-лены и 6:1/60 при всех диафрагмах.

24 января. Главная мудрость нажитая выражается тем, что человек, имея какой-нибудь загад, не торопится с его выполнением, а выжидает, поручая в этот промежу-ток нечувствительно для себя «задаром» работать тем же самым

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
естественным силам, которые выращивают, на-пример, посеянную оагеркнуто: в земле
рожь.

Я это заметил в себе только в этом году. Я начал рас-ставаться с задуманным
планом, совершенно спокойно поручая его времени. На первых порах это казалось
опас-ным, – расстанешься, и оно не вернется, – но после не-

595

скольких опытов убедился, что все возвращается, что я вступил в более спокойную,
уверенную фазу своей жизни.

Понимаю философию как схему творчества, как леса на постройке: очень помогает,
очень облегчает, если толь-ко... что? нужно все-таки наличие внутреннего опыта,
над которым и думаешь во время чтения. Читаешь и гово-ришь: верно, верно!

читаешь и как будто сличаешь с под-линником в себе и повторяешь: верно, верно!

Приписка: Франк. Этика нигилизма (1909 г.) 26 лет тому назад Франк не мог
предвидеть Литвинова, речи ко-торого теперь являются мостом, на котором
встречаются вместе те разнородные... Франк ошибался в оценке интел-лигенции, то
брал ее обособленно, понимал ее как секту и отказывал ей в доле участия
универсального строитель-ства...

Оглянешься на прошлое – что пережито! – и страшно подумать о себе теперь: как я
могу после всего жить так обыкновенно и как будто без отношения к страшному
опыту...

Когда интеллигенция от меня отошла, я припал к на-роду и пил из него слово, как
ребенок пьет молоко у кор-милицы, и это дало мне жизнь какую-то... живую, хотя
иной раз и страшно думать, что после всего я живу...

1905-й год разрушил интеллигенцию (в смысле секты). Но за границей сущность ее
сохранилась в Ленине. И Франк рано простился с ней в 1909 году. В лице Литвинова
дело ее перестало быть делом секты, а стало универсальным^)

25-го поехал утром в Москву. (С Накоряковым почти договор – через 2 недели,
после отпуска справиться; ве-чером у Чувиляевых люди-маски.

26-го с «Вечеркой» переговоры о «Рассказах шофера», вечером замечательный фильм
«Киров» на траурном ми-тинге и 27-го днем (похороны) в валенках по воде
прошле-пал на вокзал и вернулся домой (трамваи не ходили).

Есть общий ум, который состоит не из одного ума в смысле разума, и даже скорее
тут очень даже мало разума

596

и гораздо большая доля чутья, которое главным образом и составляет этот «ум»
народный и всюдный, благодаря которому между всеми ступенями образования и
разви-тия все-таки существует общение. У нас на Руси этот ум и лег в основу
литературы...

Благодаря этому получается тот язык намеков, как у Гоголя, Достоевского: читаешь
и все время чувствуешь нечто большое, стоящее за словами, тогда как у
Тургене-ва, например, читается без просвета в этот мир общего ума: хорошо очень,
ясно, легко, но слишком словесно и нет ничего сзади слова. А у тех, кто Гоголю
подражает, у Ре-мизова, Белого, кто хочет сделать, как у тех выходило,
по-лучается какое-то неприятное для нас, привыкших к язы-ку общего ума,
подчинение высшего низшему, вроде того, что литература как бы служит живописи...
Читаю одновременно романы Тургенева «Отцы и де-ти», Достоевского «Бесы», Гоголя
«Мертвые души».

28 Ян в [аря]. Гонял беляка возле моста, много раз его перевидел, но подстоять
не мог, и Осман поймал его сам и съел. Очень тепло, почти тает...

Разговор в Детгизе: «Вы, Аннушка, пойдете сегодня Куйбышева хоронить? – Нас
поведут, – ответила Аннуш-ка, – вот спросите Марью Петровну». И это верно: их
всех ведут, часто по непогоде, и они ужасно скучают на улицах. Они все актеры
похорон вождя, каждый из них участвует частично, как в современной войне окопный
солдат. Но в кино получатся похороны вождя: реальность из ничего... На траурном
митинге Куйбышева показывали такой фильм «Киров». Все было кончилось,
похоронили, урну замуровали – и вдруг живой Киров вскочил на трибуну и опять
ораторствует: «Да здравствует и проч!»

В кино так тоже сделали с разбитым колоколом: коло-кол упал и разбился в куски,
после того ленту пустили об-ратно, куски собрались, сложились, колокол целый
поле-тел вверх и повис на прежнем месте. Вторая неприятность этого фильма, что
Киров говорит, напр., так: «Тут пред-ставители точных наук, а я вам скажу, одна
у нас и самая

597

точная наука – это марксизм». И это сразу открывает, что не поп, а дьякон, что и
все такие честные люди, Чапаев, Киров, Куйбышев – все они дьяконы, а над ними
где-то невидимый тщедушного вида какой-нибудь Стецкий – попиком сидит... Кино
дает лишь видимость, лишь дьяко-нов, а поп остается скрытым... Античный герой и
кино.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
31 января. Вчера заключительная неудачная охота на княжеск. местах: Осман бросил гон и вернулся (глубок снег, тяжело). Сегодня еду в Москву. Слышал о статье Панферова против Горького. Конец Максима, это чувствуется – висит в воздухе. Дела мои: Детгиз – сдать рукопись и гонорар полу-чить. Видеться с киношниками (Мершин – пленку). Най-ти Ставского: свидание с Калмыковым. Понять время: Силыч и Замошкин. Разумнику деньги. Бонч-Бруевич. Фадеев – лейка. (Проявитель). Дуничка – Игнатовы. Про-верить «Рассказы охотника». Авторемснаб: подшпники. Купить Л. Толстого. Проверить Воен. общ-во. «Вечерняя Москва».
«Административный восторг» (как контролерша увела меня в милицию). Лампочки. Запасн. части у Авербуха. Распределитель: материал.
В Москве: отказ «Вечерки» за «идеализм» (следствие письма Панферова). Тот страх. Ставский и в «Правду» (Эрлих). Унижение от себя. Явка пайщиков в «Сов. Пи-сат.» (одесситы и венгры даже появились). Не пошел в «Правду».
Самолюбие, конечно, является движущей силой в ли-тературе, но эта сила, как электричество, не должна обна-жаться, и если обнажится, то это свидетельствует о ка-ком-то распаде. (Письмо Панферова к Горькому.)
Разговор с Ставским о Горьком и «Правде». Как стыд-но, бывало, смотреть на седую мать, когда она во время игры в крокет ногою подставляла свои шары к воротам: так неловко и так странно для почтенной старухи. И вот это самое я узнаю в себе, когда начинаю свою «политику».

598

Очень ущемлен, большая тоска... и все от самого себя: со-бой недоволен, и это хуже всего... не умею кадить...
1 февраля. Серг.-Ценский каждый раз удивляет меня сходством своим с Григорьевым: рационалисты с отчая-ния, страшно жить тем, что изнутри поднимается, и хва-таются за ум, а люди неглупые и способные. Писать могут, сколько угодно и сразу набело, или диктуют. По дому, воз-ле себя хорошие хозяева... Со своей ленью, игрушками, смятенностью я сплющиваюсь перед ними...
Заказал свидание с Калмыковым.
Сегодня: 7 веч. на Шкловского.
Возник вопрос о работе для детей.

12 новелл для Календаря:

Иван да Марья – октябрь Волки-отцы – декабрь-январь Лиловое небо – дек.-январь.
Весна света – февраль Майские жуки – май Птичий сон – сентябрь
Договор на 12 новелл в 100–1400 знаков за 2000 р. под-писал. 3-го в 2 ч. получить деньги с Детгиза за «Бурунду-ка». Скандал с благородном семействе (телефон).

3 февраля. – Вы помните, какой сейчас день недели – нет? ну, вот об чем же нам говорить, значит, нельзя...

Глубокоув. Лазарь Моисеевич, после [большой] продолжительной борьбы с собой вы-нужден и я тоже обратиться к Вашей помощи, необходи-мой мне для успеха в своей работе («творчестве»). Три го-да тому назад я просил И. В. Сталина о жилище в Москве, и по его предложению Моссовет дал мне квартиру за Бу-тырской заставой на Песцовой улице в новом доме. Дом был плохой. Вскоре оказалось, что зимовать в этом доме нельзя. При отказе Моссовета дать другое помещение, теплое и ближе к центру, я при наступлении зимы вынуж-

599

ден был обменять квартиру свою на одну комнату в Леонт. пер. К сожалению, комната оказалась сырой (наружная стена вся в плесени). Расположенная в огромной [комму-нальной] квартире, эта комната открыта проникновению с утра до ночи музыки и других звуков. Прибавить к это-му, что я не один: в той же комнате сын, его жена и скоро будет младенец. Тем не менее, как Вам известно и по моим книгам, я работал, уединяясь для сложной работы в За-горске, в Москве же [нахожусь] для сбора книжн. литера-туры, выступлений и лечения ревматизма, полученного, несомненно, благодаря сырой комнате...

Все, кто видел условия моей жизни в Москве, в один голос убеждали меня настаивать на получении жилища, соответствующего моему [способу] творч. работы и в [осу-ществление предложения] И. В. Сталина дать мне кварти-ру. Но я не решался поднимать этот вопрос и не решился бы, если бы в последнее время жильцы этой большой квартиры не возбудили бы вопрос о перенесении в общее пользование моего личного телефона. Для меня телефон на столе так же необходим, как перо, но жильцы не полу-чают телефона, потому что, с точки зрения начальника приписка: [узла] тел. сети, в квартире уже есть телефон. Этот спор о телефоне, ожесточенный в высшей степени, открыл мне глаза на всю огромную потерю моего труда при унижительных и жалких условиях существования (жизни моей) в Москве. Повторяю, мне до крайности тяжело в просьбе своей жилища исходить из особенной важности своего дела, имеющего почему-то преимущество перед другими дела-ми других людей. Но сейчас мне до крайности хочется со-здать замечательную книгу

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru для маленьких детей. Многие знатоки говорят, что я могу сделать это превосходно. Лазарь Моисеевич! три года тому назад я просил о том же И. В. Сталина, обещая дать книгу о зверях. Я выполнил обещание. Вам известно, что книга моя «Золотой рог», по которой сейчас делают дальневосточный фильм «Корень жизни» – во всяком случае стоит моей сырой комнаты. Но я обещаюсь через год, если Вы мне устроите, дать книжку детям во много раз лучшую.

600

Мне нужно;

1) Дать разрешение жильцам квартиры получить свой общий коридорный телефон, независимый от моего.

2) Дать мне жилище отдельное для моей семьи с каби-нетом для работы и своим личным телефоном.

Вторую просьбу, сознаю, нельзя выполнить в несколько дней, но первая возможна для немедленного осуществления.

После переработки получилось отличное письмо, настоящее художественное произведение, столь совершенное, что не осталось никакой тревоги после его от-правления. А ведь и всякое письмо как отношение одной личности к другой должно быть непременно художест-венным, иначе же ведь и невозможно посредством одних голых слов объясниться.

4 февраля. А вы помните разве, какой теперь день – ведь не помните! Завтракал опять возле Венеры и опять явилась тема...

Клятва (или как я бросил курить).

Опыт борьбы с курением табака и Льва Толстого, и знаменитых медиков, и в свое время нашего наркомздра-ва Н. А. Семашко не только не дал каких-нибудь положи-тельных результатов, но даже, по-моему, в конце концов прибавил курильщиков. Загеркнуто: Правда, есть такие запретные плоды, которые чем больше будут запрещать, тем они больше соблазняют. И чем больше будут говорить о вреде, тем и все потому, по-моему, что борьба непра-вильна в основе своей. Скажете ребенку: ходи по всем комнатам, а в одну нельзя – и он не пойдет ни в одну ком-нату, кроме запрещенной. Скажете – это полезно, это вред-но – бери полезное, и он непременно выберет вредное. Вот почему...

И потом, если табак сейчас мне полезен и вред скажет-ся только к старости, то зачем я буду бросать и портить молодость из-за счастливой старости... Мне лично табак в 30-летнем опыте жизни кроме пользы и радости ничего не давал, и бросил я курить совсем по другим причинам.

601

Было это утром, я встал с левой ноги и обидел жену. Я был неправ и сумрачный вышел из дома. И тут вдруг я увидел в то утро, что жизнь везде хороша: солнце, воз-дух ароматный, птицы поют. Все чудесно вокруг, а у меня сумрачно, и я виноват. «Разве, – подумал я, – вернуться домой и попросить у жены прощения?» Нельзя: в сущнос-ти, я же не так перед ней, как перед собой виноват. И надо не замазывать вину просьбой прощения, а в себе самом исправить навсегда обещанием. Но ведь забудешь обеща-ние, а как бы сделать, чтобы не забыть. И тут мне пришло в голову оторвать от себя вдруг тридцатилетнюю привыч-ку курить: тогда ведь никогда не забудешься... А могу ли? Ну вот еще, конечно же, я могу! Швырнуть папиросы не-долго и потом очень нетрудно опять их купить. Нужен до-говор, нужна клятва: с кем же договор, кому клясться? Людям сказать – посмеются и не поверят, скажут: опять закурит, знаем... И вдруг мне пришло в голову с самим та-баком заключить договор. Я вернулся домой и написал

Договор с табаком

193... года месяца числа Табак освобождает меня от ку-рения навсегда. Я обещаюсь и клянусь никогда никому не говорить о вреде табака и никогда ни при ком...

Немедленно после подписания этого договора радость жизни вернулась ко мне, и я в восторге от всего, как ма-ленький, отправился по своему делу.

И первый день я не могу сказать, чтобы мне было осо-бенно трудно. На другой день вечером по возвращении домой вдруг грусть, что ведь никогда! Третий день я стра-дал и ночь всю не спал... Следующий день жить было по-чти невыносимо, ночью бредил. Жена почувствовала глу-бину моего страдания и упрасивала сказать, объяснить. Я ей ответил, что могу открыться ей только в конце неде-ли, в субботу вечером. Она совсем испугалась и с этого ча-су начала переживать муку не меньше моей. Интересно, что я ведь сидел [днями] в обычном доме, ведь я не мень-ше 50 штук в день уничтожал... А теперь чисто, и она не замечала... К концу недели казалось, что думы через неде-

602

лю открыться проходят и я буду уверен, что выдержу, что будет вообще с чем и открыться. Но и через неделю было трудно, и через две...

И прошло уже пять лет, а в душе я все так же люблю табак и часто радостно гляжу на хорошенькие табачные коробочки. Иногда в хорошем ресторане за столом я вижу,

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
на полочке лежит шоколад, на другой полочке апельсины, а пониже полочка с чем-то апельсинового цвета. – Что это? – спросил я, – на третьей полке? – И мне ответили: это папиросы «Сафо». Какие милые коробочки! Какая прелесть. Приписка: О, Табак, какая ты прелесть

Курите же, граждане дорогие, милые юноши и даже де-вушки... ничего! курите, курите себе на здоровье и радость. Но только если придет время и заставит жизнь дать клят-ву – держите слово свое твердо, благодарите табак за при-несенную радость и не говорите никому о вреде... И не стоит убеждать приписка: исправлять людей пустыми [хитрыми] рассуждениями о вреде табака.

7 февраля. В Москве. Обида в Детгизе. Вечер Андрон-никова (Толстой с собакой, Толстой и бабушка). Еврей-ская интеллигенция.

Я опять такой же больной, как в 1904–5 году (повторе-ние через 30 лет!) Признаки этой болезни: крайняя обид-чивость: все задевает, переменчивость планов: сегодня одно, завтра другое, нероботоспособность, тоска, сопро-вождаемая физическая болью, везде и всюду явление пошлости. Причина болезни малая: это что я, пробежав це-лый день на лыжах, еще не отдохнув, появляюсь в Москве и тоже бегаю. Причина большая: застопорка в работе. Вот пример неуравновешенности: обдумал «Кабарду», до-бился возможности видет-ся с Калмыковым и не пошел; в Детгизе убедили писать детскую книгу. Стал писать. Приезжаю в Москву с планом, прихожу в Детгиз – там что-то показалось не так, и вдруг бросаю... Неладно. Как быть? Самолечение: оно понятно... Взяться за что-то и со-здать режим в работе. Вернуться к себе и быть в себе: это

603

значит, опять-таки отъединиться, понимая себя как боль-ного; Бострем делает еще и так: он берет пошлый образец делового человека и подражает ему во всей точности: этим создает себе броню извне, а сам внутри отдыхает. Не знаю, могу ли, но надо попробовать и этот способ.

«Неприступная» (Марьянка в «Казаках»)... вот вспом-нилась тоже история с N.: входя в номер, она хлопнула его ладонью по заднице – чего же больше? она нисколько не сомневалась, что в этом же и дело; а между тем он гото-вился просить ее об этом «ознаменовать их долголетнюю дружбу», и он не посмел ей это сказать и отправил. Что это? ведь он отлично бы мог как все и делал это не раз с другими; но тут вот что: эта «неприступная» связана как-то с основной неприступной, хотя в свое время и та была готова, но ему нужна была неприступность, и он со-здавал ее из ничего.

Разобрать когда-нибудь до конца происхождение «Не-приступной». Вероятней всего, она и есть именно та самая «Муза», без которой невозможно творчество: она есть трансформатор половой энергии в эротическую («Марь-янка» у Толстого и есть его «муза»): «недоступность» – это же ведь и есть пафос всей культуры: «доступна» как короткое замыкание, и тут род, а культура – высокое на-пряжение (создаваемое недоступностью).

На полях: У Достоевского бедная жизнь. Подпорки славы.

Большой писатель неизбежно принужден строить под-порки для своей тяжелой славы. Вот надо найти в раннем Толстом зародыши его проповедничества и просмотреть, как зародыши дали болезнь толстовства (и у Достоевско-го, и у Толстого нити этого грибка пронизывают с самого начала худож. творчество, а у Гоголя, кажется, нет, худо-жество отдельно, а «Письма к друзьям» отдельно: и потом сразу как явление черта).

Я мечтаю и загадываю оставаться «скромным» в худо-жестве: это значит, я хочу писать без претензий. Правиль-но. А если вдруг да не пишется, как теперь, а положение занято, и оно требует, и вся жизнь гонит (заостренное са-молюбие – чуть по нем... и я не я). Вот почему «Кабарда»

604

необходима, какое-то дело, чтобы уйти в него «с головой»: уйти с головой – ушел с головой в дело, а сердце осталось свободным и. накапливая [постепенно] утраченную силу, ждет... оагеркнуто: возвращения головы

На полях: Чистота и природа.

Происхождение толстовской «пахоты».

Жить как «Я» всегда и везде невозможно, необходимо жить и как все; иной делает это холодно, вполне отдавая себе отчет, другой отдается этому с благоговением. Меща-нин далеко не отходит, удовлетворяется мебелью и т. п. Другие в поисках удаляются от прямой пошлости: отда-ются эстетизму и проч. Третьи уходят на такую грань, где, как им кажется, их «я» ритмически соединяется с «Я» должным всего мира (в природе, в Боге), «быть как все» тогда совпадает с ритмом природы, и человек («как все») вдвигается в природу, и отсюда уже является требование уйти из города в деревню (косить, пахать и проч.).

Происхождение этики Толстого.

Поэтическая прелесть природы есть выражение ду-шевного мира (согласия):

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru почему-то если в чем-нибудь у себя неладно, то при созерцании природы начинает ца-рапать, и так получается, что там вон, куда глаз смотрит, чудесный мир, а в себе лично дурной, и это дурное при-крыто в городе. Значит, чтобы найти равновесие сил и счастье, надо уйти из города в природу.

Характер поэзии Л. Толстого – мужество, правдивость и чистота-чёрт Толстого является в требовании обязательного поведения для всех, от присоединения к художнику ми-лицонера нравственности. Художник: «я вот так увидел это и там, а ты у себя в своем кругу погляди, не увидишь ли то же». Милиционер: «гляди, куда я гляжу».

Конец Горького есть продолжение конца Л. Толстого.

9 февраля. Вечером пришел Трофим Михайлович Бо-рисов, человек какой-то нейтральный, и я, рассказывая ему много о себе, почти успокоился.

605

Итак, три работы:

1) «Кабарда» (т. е. нечто подобное «Колобку» и «Жень-шеню»).

2) «Начало века» (беседа с Бончем – на очереди и с Лундбергом: в след. приезд, т. е. 14-го «Серп и Молот», 15-го Бонч, 16-го Лундберг).

3) Детская книга «Машка». (Написать залпом всю очень скоро).

10 февраля. В Загорске.

Читаю «Бесы». Способность Достоевского схватывать читателя. У Толстого, наоборот, не он, искусник, схватывает, а то, что он показывает: читатель, любясь богат-ством показанного, переходит от странички к страничке. У Дост., ужасаясь, охая, ненавидя... Дост. намеками... за-гадками... Толстой силой вещей самих по себе...

Последние «бесы» – это Зиновьевцы, претенденты на престол. По ним-то уж явно видна «миссия» интеллиген-ции создать новую государственность, и каждый интел-лигент скрытый властитель...

12 февраля. Неделями валит снег, но мы все-таки пробовали пустить Османа, ничего не вышло. С 16/11 (от-пуск Пети) начнем с флагами.

Кажется, всерьез взялся за детскую книгу.

Достоевский и Толстой. Искусство Достоевского и Све-жесть Толстого (Толстой как очеркист).

Если серьезно подумать о «полунауке» (Достоевск.) и роли машины и создаваемой ею необходимости, то как смешон замысел мой овладеть механизмом (между тем овладел же кузнец Вакула чертом).

От 30/1 1934 записано у меня, что изобретатель похи-щает мысль у людей: после того как мысль ушла в меха-низм, человеку не нужно уже думать: кажется, будто так и надо.

Приписка: 14-го выступление в «Серп и Молот» «Интели-генция» и «Жестокость» – не надо жалеть. По земле и по вокзалу.

606

14 [февраля]. Выступление на заводе «Серп и молот». Привычная моя болтовня, при которой не только рабо-чим, но и мне самому кажется, будто в «творчестве» моем нет никаких «тайн» и никаких нет преград теперь между мною и ими. Происхождение этого «нет тайн» двойное: 1) это моя уверенность, что никто из них не может поста-вить мне большого вопроса; 2) что я сам в своем творчест-ве для себя же представляю тайну, которую сам не могу разгадать, и потому не только не боюсь, но даже и жажду, чтобы кто-нибудь занялся этой «тайной» (я говорю о не-ведомом только то, что я, малосведущий человек, мало отличающийся от рабочих, познал в нем в своем опыте).

Между прочим, я говорил о моральном равновесии ху-дожника: один человек работает в литейном цехе восемь часов, другой, художник, порхает, претендуя на исключи-тельное положение. «Художник должен завоевать себе право быть художником, и потому молодежь не надо жа-леть». – Да, это верно: не надо жалеть! – раздался голос какого-то железного человека.

23 февраля. Погода. Зима рано началась страшным нажимом морозов до 40° и больше. Но потом проходила ровно на малых градусах и с малым снегом и без осадков (раз была гололедица, и на всю зиму [корка] резала ногу собаке). В феврале же тепло и ежедневно снег и навалило. Теперь уже несколько дней льет с крыши, осадки великие. Вчера вечером хлестал дождь с ветром.

В Москве (21) пошел в ожидании бани в церковь и там нечто услышал, и как мне после показалось на Тверской и в бане...

24 февраля. Теплынь продолжается. Вечером и но-чью на 25-е дождь льет. Генрихсон регулировал подшип-ники в шатунах и протирал клапаны. Ремонт оставили до 1-го Марта. Набираю из тетрадок материал для рассказа об автомобиле. Кончаю 12 Заметок для календаря.

25 февраля. «Отцы и дети» Тургенева: ...«или преда-вались тому ощущению полной тишины, которое, вероят-

607

но, знакомо каждому и прелесть которого состоит в едва сознательном немотствующем подкарауливании широкой жизненной волны, непрерывно катящейся и кругом нас, и в нас самих». Это замечательное место вызывает пере-смотреть лучшее у Тургенева и понять из этого... А База-ров вовсе устарел и в нашей современности почти непоня-тен: до того слаб этот «тип»: это большевик под пером Тургенева... теперь, когда все сбылось, Базаров не человек, а бледное пятно... и потом при слабости выражения Тург. обошелся без «греха» нигилиста. Эти поздние повести яв-ляются отступлением автора от себя-художника, как у Го-голя письма к друзьям, у Толстого – проповедь и т. д.

«Бесы» же еще остаются, хотя местами чувствуется «потолок» истории в связи с достижением потолка – са-мой миссии интеллигенции.

На лице человека «написано все», потому что жизнь и есть борьба за лицо.

О критике Разумнику (из 10/X 34 г.).

Генрихсон может три дня работать без сна, а потом пять дней спать.

Когда разобрали машину, жутко – нет лица, все исчез-ло: где же лицо? И вот старый кузов, там следы... И потом из ничего видимость машины и начало ее жизни – твор-чество лица.

Достоевский глумится над «поросычьими» идеалами социалистов, и это имеет свою остроту в сфере интел-лигентных людей, но ведь стремление к естественному счастью совершенно необходимо, и если такому животно-несчастному его надежды назвать «поросычьими», то... стыдно же...

И если Сталин заявит рабочим о счастье – это хорошо, а Горький – фальшиво (от Сталина одно, а от Горького ждем другого, и оттого Сталин становится все лучше и лучше, а Горький все хуже и хуже...)

Два класса людей и две их миссии: одни должны при-нуждать, другие убеждать – отсюда государство и обще-ство.

608

Машку разобрали и нет ничего, где же она? и вот на ку-зове следы ученья – все испытала как я (повторение всего пережитого).

Природа создает жизнь, а человек – средства (маши-ны) использовать жизнь (силу) для себя под тем предло-гом, что человек выше всего и жизнь всех существует для него.

25 февраля (2). Весь день солнце и тепло.

1 Марта. Продолжается весна. Речки обозначили свои извилины на белом в нежнейшем аквамаринном то-не. Надо только бы грачей, вальдшнепов ждать, а до вальд-шнепов еще полтора месяца! Небывалая оттепель и нера-достная, – чувствуешь, что непременно за это незаконное тепло в хорошее время, которого ждешь весь год, хватит ненастье.

Мы с Петей 27-го утром ездили в Москву и вернулись вечером 28.

Дела: 1) определен том I «Север». 2) Сдал рукопись ка-лендаря. 3) Сдал ответ по поводу шефства. 4) Определи-лось «На Стройке». 5) Был на кинофестив. и заказал плен-ку. 6) у Чувилей: на 5-е вечер – беседа с инж. Лаптевым.

Беседа с Накоряковым о самолете и галке, что нам, ста-рикам, представляется полет галки лучше, чем самолета, а молодой на самолет смотрит «динамически»: сейчас он хуже, но мы достигнем и будем лучше птицы летать, и что если пешеход как будто и подробнее видит, но в целом благодаря движению автомобилист видит больше.

В этом самообольщении молодости таится обожествле-ние человека (я – бог), вполне соответствующее молодос-ти (Накоряков же считает это передовым, а старость – от-сталостью). Но мы будем смотреть на это снисходительно и доставать из этого молодого чувства жизни зерно прав-ды – а именно: человек действительно и видеть будет боль-ше, и летать лучше галки, но ведь это есть лишь радость жизни, а не сама жизнь, и полет более совершенный даже, чем птица, не есть птица (машина – средство), а что во мне есть птица, то это не ново: птица остается на своем месте в органическом целом...

609

Несколько дней занимает меня мысль о том, что вся-кая мораль имеет внутреннее стремление превратиться в учреждение. Замечательный пример – конец Горького: превратился в учреждение (то же личность Ленина). Так все движение интеллигенции, даже и анархическое, таило в себе государство, и умерла интеллигенция, и государ-ство стало могилой интеллигенции, учреждением, кото-рого она достигла.

2 Марта. На полях проталины. По утрам около нуля, и даже по-весеннему чуть-чуть припорошит, потом льет весь день.

Вычитал у Вернадского о радиологии: что земля в сво-ем составе постепенно переменяется, что перемена атом-ного состава сопровождается вулканическими явлениями и что стало возможным точное измерение времени жизни горных пород и,

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru значит, самой планеты.

Вчера второй раз приезжал Генрихсон, закончен ремонт (подтяжка шатунных подшипников и проточка клапанов), потеряли болт от мотора, свернули гайку на выхлопной трубе. Достать в Москве справку о стоянке, о налоге...

Анализ чувства природы и определение тому, что ей противопоставляют... Машины как живого существа нет: машина – это человек в своем действии... Если мы проти-вопоставляем природе машину, то это значит, мы проти-вопоставляем «естественному ходу вещей» чисто челове-ческое действие, изменяющее этот естественный ход. Человек борется с природой за свою человеческую само-вольную жизнь.

Будущая беседа с Лапиным, темы: фордизм и лаптизм, т. е., по другому: «негр», т. е. обезличенная человеческая масса, или же обязательно личность, и если обязательно личность, то может быть и национ. особенность ее: даст ли, привнесет ли русский человек в фордизм что-либо свое, или это все, как лапоть, должно быть выброшено.

3 Марта. Читаю «Жень-Шень», удивляюсь себе и ду-маю: нет, никто у нас не запрещает человеку оставаться

610

самим собой, а это люди сами по своей подлости не хотят стоять за себя и отдаются чужой воле, как женщины моде; но я понять одного не могу, почему же эта несомненная подлость может идти на пользу государства. Впрочем, по-чему же и нет: именно вот в том-то и заслуга государст-венных деятелей, что они умеют даже подлость использо-вать...

5 Марта. На пленуме: Рыжов, критик: есть и среди критиков неведомые нам, но интересные люди, и вообще в глубине происходит невесть что и ничего нельзя гово-рять по видимому.

Встреча с Зарудным и предложение темы «Лес».

Вечером от 7–4 у. у Лапина, Виктор Герасимович и же-на его Мария Петровна В.1.94.35. Инженерам вру, обма-нываю, но наркома никогда – в этом секрет моего успеха, а они и наркому подоврут, и это нерасчетливо. Макароны.

6 Марта. Великое солнце! ехал с утра домой (читал «Княжну Мери» – какое начало-то!)

Генрихсон кончил ремонт Машки – 150 р... Вечером приехал А. М. Коноплянцев: Вопрос о Пете.

Пробовали среди дня машину, и вот как было: на доро-ге от солнца натаяло, вода из-под колес летит под машину, а там солнца-то ведь нет, и [где] нет солнца, там мороз, и вот мы едем по воде, а под машиной нарастают сосульки.

Узнавая человека, смотрю на вещи, им создаваемые, и по ним сужу о человеке, а то ведь если в самого человека смотреть, то ничего о нем нельзя сказать: хороший сам по себе плох на деле, плохой прекрасно делает. Так вот, есть вещи, которые как будто больше, чем сам человек, и по этим необыкновенным вещам я оагеркнуто: сужу дога-дываюсь и о самом человеке. Разве я знал, что я, такой-ся-кой, могу написать «Жень-Шень»! а когда написал, то уважать себя стал.

7 Марта. Великое Солнце, утром очень холодно, а в полдень тает, и в валенках трудно, жарко.

611

Снимал верхушки малюсеньких елок с их тенями на снегу, снимал следы – так много следов! и есть места, где все истоптано и белая заячья шерсть клоками лежит... Стражник Бутов (Елец), Л. Толстой, Горький, вся ин-теллигенция – все моралисты [превращаются] в учреж-дение.

8 Марта. И еще один золотой день... 21 снимок в лесу.

Помнить, что приблизительно до 5-го три недели с 2– 3-ей февральских была оттепель с дождем. Вот отчего те-перь можно в лесу и в поле идти, как по полу. И еще вот что: оттепель ведь была совсем как весна, так что и прота-лины появились кое-где в полях, и в опушках лесов на угревных местах обнажились брусничники. Но и теперь при – 20 по утрам среди дня на солнце продолжается жизнь, начатая февральской теплыню: сегодня снимал полуобнаженные пушицы на вербе.

Фильм начинается опытом съемки веточки вербы с приставкой через [фильтр] без штатива и кончается про-бой на бесконечность с приставкой; еще снимал фигуру зверя из пня с Бьюшкой, загадочное царство в лесу (тема), лесной мост через реку, солнечные снега, как зайчик шел мимо прутика, как вышли из-под снега две сестры елочки, фигуру женщины с вазой из пня (под конец – предпо-следний)... волнистый снег в голубых полосах... Чем пах-нет это свежим как снег и... пахнет тающим снегом на солн-це... пахнет чем-то прекрасно-свежим из снега на солнце, в глазах всюду голубые тени и за черным стволом золотые открытия, и вот след белочки: это она все ошелушила на-верху ели, но ей помогал клест и ронял всю зиму шишки, еле начатые, а теперь они вытаяли и белочка бегала за этими шишками. А зайцы натоптали целую поляну, и тут клочьями лежит их белая шерсть...

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Вот радость! (не хлыстовская искусственная болезнен–ная, а каждый войдет в лес и каждый изумится, потому что здоровье: как выздоравливаешь...) По насту тонкий слой снега, по насту, твердому, как лед, большой лис прошел, растопырив пальцы, и кажется, самое меньшее, это волк...

612

На полях: Человек отходит живой, а долг остается, и так он мугит, и какой долг–то пустяковый: письмо не по–слал, не поздравил в день ангела... Пешеход или автомобилист, самолет или галка – не–правильная постановка, неверное «или»: у автомобилиста свое, у пешехода свое, и то человек на самолете, а то гал–ка – какое тут или. Но человек с самолета сойдет... и такой человек, летавший по воздуху, если пойдет пешком, боль–ше увидит, чем постоянно идущий пешком.

На торф, болоте, когда Машка утопала, учитель ска–зал: – Торф или бензин – это все равно: это солнечные лучи, энергия солнца. А машина – это от человека: труд его, там труд солнца, тут труд человека. И похоже на элект–ричество, плюс и минус: один электрод – труд солнца, другой – труд человека...

Портрет хорош, оригинал–то скверен. («Маскарад»)

Машина и мысль.

9 Марта. Раннее утро. Видел время во сне накануне решения в связи с тем, что тут прошлое лето провела В[арвара] Щетровна] и училась чему–то. Я говорю Фили–монову о ее достоинствах. – Но чему же она училась–то? – возражает он. – Да, это верно, – отвечаю я, – она все вер–тится в ограниченном кругу практики... – Сам говорю, а сам думаю о возможности встретить ее здесь...

Это сон весной света, обычный мой сон в это время (именно же ведь в эту пору весны света и произошло: ей было 21, мне 29, т. е. ей теперь 54 года!)

Заггеркнуто: 62 – 29 = 33 и все снится и снится, и тут весь ключ к мое–му искусству: она тут повод... Лермонтов мстит живой за нее: мстит, значит, жизни... Похоже, что Вася Каменский мстит за нее своим женам... И Гамсун... И самому очень бы хотелось... Я тогда ей так и сказал: – Буду мстить! – Как? – Любовью, – ответил я.

Есть это нечто у меня в отношении к славе, к обществу, есть что–то презрительное «наплевать», и это похоже на месть этих печориных–лермонтовых живому за свою меч–

613

ту. Но, вероятно, Павловна спасла меня от печоринства и ввела меня в жизнь природы... Есть в этом случае (в Па–риже) и, главное, в его разрешении нечто очень простое и верное – как нужно: и за это и на этом вырос «Жень–Шень»: гениально по цельности, правдивости, искреннос–ти, полному согласию поэзии и жизни...

Что такое поэзия? это наша любовь: дана нам всем лю–дям, как и животным, любовь, и каждый по–своему на этом строит свою жизнь, и вот это «как лично каждый ре–шит» и составляет поэзию: и тут есть много общего: каж–дый из нас стоит перед одним и тем же, и в этом мы рав–ны...

Так устроено, что каждый из нас в работе своей без–лично отлагается для жизни будущих поколений, совер–шенно так же слагаясь в человечине, как в торфе слагают–ся растения. И в этой покорности необходимости жертвы будущему и, напротив, в самосгорании, в личном свече–нии (самоцветы) проходит жизнь людей. Вся мораль есть не что иное, как план заготовки человечины... Если же личность и счастье в морали, то человечество истребит 1 нрзб. В этом противоречие нашего коммунизма: с од–ной стороны, заготовка продолжается, с другой, личность и счастье в настоящем – цель...

Письма из леса.

Ко мне обратились читатели с просьбой написать о том, как я наблюдаю жизнь в лесу. Охотно отвечаю на этот вопрос. Я вот как наблюдаю: встаю пораньше, иногда и до рассвета, иду в лес и, где мне надо быть, по–звериному за–таиваюсь. Когда я иду и шумлю, то все живое возле меня затаивается, а когда я затаюсь, то все выходит: видишь, как змея прошла и ткнула ядовитым жалом мышонка, видишь, как еж эту самую змею одолел приписка: или зайцы друг друга тузят весной, или лисица у норы...

А то раз было, я затаился и слышу, по тропе пионеры идут, приписка: с [песнями] в барабан бьют, песни поют. Ну, на что это похоже! а ведь зачем пришли? пришли пио–неры природу наблюдать. Приписка: идут по–военному, а цель имеют наблюдать природу. Стали лагерем и нача–

614

ли свою шумную жизнь, и тоже книжки у них, в книжки смотрят, а что вокруг них, не видят, все вокруг от них раз–бегается, только трава, цветы не умеют ходить, остаются после них измятые.

А то раз я затаился и смотрю, из–за дерева на меня че–ловек глядит, а дальше

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru другой и третий, и оказалось, в лесу множество было людей приписка: [я затаился] и вошел в их среду и ничего не знал о них. Это были военные лю-ди, в их учения входила задача быть совершенно тихими и незаметными в лесу. Я к тому веду речь, что если те шум-ные пионеры ставили себе задачи не наблюдения, а воен-ных, то оказывается, что настоящие-то военные тоже в лесу ведут себя тихо... Я же лично, даже не почему-нибудь, а просто из приличия веду себя в лесу тихо: общество во-круг незнакомое, со своими привычками, нужно же ведь хоть сколько-нибудь уважать и труд муравья, и заботу матери, охраняющей жизнь своих птенцов, и неустанного опылителя шмеля, без работы которого не могли бы воз-рождаться многие драгоценные для жизни человека рас-тения. И вот это самое уважение привело меня к 2-му пра-вилу наблюдения.

Так что первое условие моих наблюдений в лесу – это тишина, второе условие назову родственным вниманием. А как же иначе? ведь мы, люди, на той же планете живем, как и все эти существа в лесу, на той же земле, под тем же солнцем. Мы только старшие в лестнице развития жизни, и потому должны как старшие, как более сильные и зна-ющие относиться к мелким существам с особенным вни-манием.

Приписка: И опять, как необходимость тишины приводила меня к родственному вниманию, так и это к [действию].

А третье, что надо в лесу мне, – это цель и действие для ее достижения. Я вот поставлю себе какую-нибудь цель, добыть себе такую-то птицу или такого-то зверя или сфо-тографировать какой-нибудь трудноуловимый момент в жизни животных, и достигаю. Чем труднее достигнуть цели, тем сильнее разгорается моя охота. Часто эта охота у меня бывает как бы сверх сил: я не чувствую никакого утомления весь день приписка: в труде [достижения],

615

но как только достиг цели и вышел на шоссе, то едва-едва плетусь по нем... Так я вот и добываю себе в природе материал и дома записываю. Приписка: Пишу же я всегда об одном и том же и всегда по-разному, совершенно так же, как и жизнь природы: весна приходит всегда одна и та же весна, но ни-когда она не бывает такой, как всегда. И я тоже отмечаю все особенное
На полях: Лапин наводит на мысль, гто герой нашего време-ни – геловек действенный прежде всего, и это огень сопоставляется с героем недавнего прошлого.

14 Марта (1). Ночью барометр пошел вверх и заморо-зило, а ветер остался. Начался морозно-солнечно-ветре-ный день.

Рассказ о Сталине и Косыреве. Будто бы секретарь комсомола Милюков пошел жаловаться на комсомольца Косырева, что тот не дает ему говорить, забивает. – Хоро-шо, – сказал Сталин, – если он забивает, то пусть он и будет секретарем. – И так вот сразу рядовой мальчишка сделался секретарем комсомола.

Викт. Герас. Лапин, главн. инжен. станкостроя, гово-рил мне, что он, беспартийный, любитель кутнуть и т. п., держится на своем месте исключительно только благода-ря своей простейшей тактике. Дело в том, что все инжене-ры врут, и он, Лапин, тоже не исключение, и только в од-ном он не похож на других: всем он будет врать, но наркому никогда не соврет. Этика такая основана на простом сооб-ражении, что сведения наркому стекаются со всех сторон и ложь может быть обнаружена самым неожиданным об-разом. Однажды какой-то конкурент донес наркому (Орд-жоникидзе), что Лапин пьянствует и даже пьяный лежал на виду рабочих в канаве. Ордж. потребовал Лапина и, ко-гда убедился, что делу это нисколько не помешало, велел принести вина и две рюмки: – Садись, пей, – сказал он Лапину, – мне пить нельзя, почку вырезали, но рюмку од-ну выпью. А ты трезвый, – сказал он доносчику, – тебе ничего не будет, пошел вон.

616

На полях: Всякий, даже огромный угасток строительства сам по себе не дает нам суждения о целом, и, все изугив, ты не можешь заключить на целое – поге-му это} Если же взять организм, то там по гасти всегда... Где бы найти угасток такой, гто в нем как в капле воды – океан.

Завернулось дело с лесом... Если Петю освободят, еду с ним немедленно в Карелию и в Лапландию к Крепсу, а осенью на Кавказ... Если нет – один таскаться не буду, а займусь на месте хотя бы Журавлиной родиной с точки зрения жизни леса.

Одновременно же соберу хрестомат-тию леса (Арсеньев: Уссурийская тайга, Шишков: Сибир-ская тайга, Мельников-Печерский: Поволжье и др.) и еще 10 очерков «Лесные письма»^ «Колхозные ребята»...

Видеть лес от севера до юга и тот же лес на юге по горе.

Сборы в Лапландию. Купить ножницы. Достать пленку.

15 Марта (2). Хватил мороз 20. Солнце. В полдень чуть протаивало, а в тени – 5. Утром в лесу снимал. Наст насквозь: хоть топор[ом] бей, а [поверху] пороша [паводка на] два.

Загадочный след человека.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Заяц перешел линию ж. д. по своему делу, и человек тоже перешел по своему (снимок следа человека). Я пошел этим следом из любопытства к заячьей жизни и вскоре все, что у зайца было на «душе», узнал по его следам. Вероятно, в прошлую ночь – это я узнал по запоро-шенному вчерашнему следу – он приходил сюда в «клуб заячий»: приписка: Во время зимней охоты это больш-ая осина, срезанная по осени, осталась лежать, опираясь на свои сучья, и такие были сучья большие, что снег за всю зиму не мог схоронить дерево, и такое множество су-чьев было на громадной осине, что зайцам хватило их на всю зиму глотать. Я знал, что след зайца непременно пойдет сюда, и шел уверенно. Только вдруг почему-то след зайца резко свер-нул в сторону, а след человека пошел прямо. Ну, вот я ско-

617

ро разгадал, почему заяц свернул: ведь сучья осины, как ни были они велики, от зайцев все побелели, и только с трудом можно было найти какой-нибудь в коре, и заяц по пути в «клуб» решил попробовать, нет ли где еще осин-ны. И он скоро увидел куст впереди, ветки, погруженные в снег, тихонечко, очень осторожно – прыг! прыг! – он подобрался к сучьям, посидел и не стал грызть: это была не осина. (Снимок) Он ошибся и продолжал свой путь дальше прямо в клуб. И тут в клубе я встретил опять пе-ресекающий всю жировку след того же самого человека. Невольно я подумал тут, зачем приходил сюда человек и что ему тут надо было? Если он шел следом зайца, то ко-нечно, он мог сообразить, что заяц непременно придет к осине, и, сообразив это, пришел сюда прямо. Но ему не-зачем было идти по заячьему следу, теперь март и зайцев уже не стреляют. И никакого дела сейчас в лесу не могло быть человеку-пешеходу: лес в это время не рубят и нака-нуне половодья в лесу ничего нет для дела.

Вдруг я увидел в стороне от клуба между кустами мож-жевельника след моего зайца и след другого с более ши-рокой лапой, и тут на этой площадке все было истоптано двумя зайцами, и клочьями лежала на следах белая шерсть: это встретились два [лесные] соперника и тузили друг друга до утра, так, что всю площадку устлали своим линия-ющим белым заячьим пухом... Я обошел всю площадку и нашел из нее два выхода: заяц с широкой лапой уходил в противоположную сторону от железной дороги, а мой заяц направился прямо к линии. Я понял, что время было уже близко к рассвету и заяц задумал к утру вернуться в свои постоянные владения за линией ж. д. Он шел очень медленно и прямо, возле канавы сел, прислушался и наси-дел порядочную лепешку следов на пороше и оставил не-сколько орешков. После того он медленно спустился в ка-наву, я спустился за ним и почти испугался: в глубокой канаве вдоль линии шел след того самого человека, я на-рочно поставил свою ступню, сличил: он самый! но зачем же он шел по канаве, какая нужда была ему идти в ней, если можно было рядом так удобно и просто идти по ли-нии? Вот удивление!

618

Я перелез канаву вслед за моим зайцем. И мне очень забавно было видеть, что заяц не спешил перескочить в родные места, а прямо пошел вдоль рельс. Я так понял хорошо его заячий расчет: правда, ведь вокруг все тихо, никто не гонится, зачем же рисковать и бросаться опро-метью через опасные места, гораздо вернее осторожно пройти по ним, освоить и потом обыкновенным порядком перебраться в родные края. Кто ходил по линии ж. д., зна-ет, как это бывает: совсем еще не слышно поезда – так он далеко! – и вдруг особенным звуком скажет сама рельса об этом: хруп! Так, наверно, и зайцу хрунуло, и он гро-мадным скачком с рельс через всю канаву на ту сторону, где только что был. Когда поезд прошел и все стихло, заяц вернулся к линии шагов через двести, вышел на линию и спокойно перешел в родные крля. И тут именно из кана-вы вышел след человека и потерялся на шпалах, с кото-рых легко ветер сдул совершенно порошу.

И так я по следу зайца узнал всю заячью душу: заячья мысль вся видна на следах. Но мысль человека по следу невозможно узнать. Завтра, может быть, кто-нибудь пой-дет по моему следу и ничего не узнал бы, если бы я сам о том не сказал, дорогие читатели.

Приписка: Так я себя записал, а вот теперь огонь к разговору приходится: геловека по следу нельзя, как зайца, по-нять, и вот погему надо писателю следить за собой. Я-то мысль свою знаю, как я ходил за зайцем, и мо-гу теперь догадаться по себе и о другом геловеке.

Родина моего таланта.

Проносились тяжелые поезда с большой скоростью, и я понимал их как вторую природу: одна природа слага-лась от действия солнца, другая природа – от человека, в его труде, оставленном на благо грядущих поколений. Какая же природа, солнечная или сотворенная человеком, была родиной моего таланта? Я думал, что та и другая в точке своего схождения, где совершенно ясно, что сам че-ловек со всем своим разумом является солнечным сыном.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Итак, три природы: солнечная, человеческая и лично моя, как родина моего таланта...

619

И еще я думал, что в этой второй природе, созданной человеком для обеспечения своего потомства, нельзя искать признания за свой труд, напротив, распятый, замученный, ты умрешь, и твое имя станет названием созданной тобой вещи, и только очень редкие, пользуясь вещью твоего имени, будут относить иногда, очень редко, это имя к тебе: ты сделаешься тут вещью или учреждением. Но это не все. Вот из человека выходит новое существо, которое будет использовать для себя вторую природу так же, как человек для своего потомства использовал первую. И это существо, эта личность не будет уже больше кончаться вещью и учреждением второй природы. Есть это теперь или когда-нибудь будет? И есть, и будет. Возьмите лес на больших горах от роскошных буков внизу до маленьких елок наверху – это лес снизу вверх по вертикали. И так оно есть в том, о чем я сейчас говорил. И есть лес такой же не на горах, а широко по земле от юга до севера. Такое же должны иметь широкое распространение личности в будущем, а теперь они в вертикали...

И так понятны становятся наивные попытки дикарей создать себе богов, и так естественно, что эти боги все умирают вместе с поколением создавших их людей. Но в третьей природе... этот вопрос о боге и человеке с его творчеством определенно решается.

16 Марта (3). Хотя барометр еще ночью падал, но день весь оставался солнечным, утром мороз – 10 °С, днем + 10 °С. Снимал в лесу остатки пережитых метелей, когда весь лес был глухой от снега, теперь в оттепель и бурю деревьев очистились, и только редко в густели на малых елях под защитой больших уцелели кое-где глыбы, обтаявшие шарами. Еще я снимал обтаявший местами снег на пне, и его подпирала [маленькая] елочка.

Еще снимал много согнутых арками веток: через не-сколько дней они освободятся из-под снега и прыгнут. Еще пробовал сверху, чуть покосив на даль аппарат, снимать следы зайцев, лисиц и белок. К полудню кое-где в ле-

620

су на припеке снег начинал под ногою проваливаться. И так я думал, что это все любовь, честное слово! та же самая единая любовь, о которой все говорят по-разному. А если скажут «эстетизм», а не любовь, то я понимаю этот «эстетизм» как слабую любовь: эстет любит, но не может...

Лесные письма. Загадочный след. Конец: лежка зайца за речкой: глаз черненький, а сам чуть рыжее снега. Приписка: Сюда же: цвет зайца белый и цвет снега тоже белый, но снег как рафинад с синеватым отливом, а заяц белый как дешевая вата желтая.

Многие спрашивают меня, как надо записывать свои наблюдения в природе. Я себе записываю в книжку так, будто еду я и вокруг все меняется: оно же и правда так, земля движется... Так вот я ^ отмечаю у себя, в чем вышла эта перемена, и не обращаю внимания, как это написало-лось, лишь бы только удалось верно передать перемену вблизи себя при движении нашей планеты. Я давным-давно это записываю и так в этом натерел за десятки лет, что часто сядешь записать перемену в природе, а выйдет рас-сказ. Вот вместо того, чтобы рассуждать об этом, беру за-пись свою от нынешнего пятнадцатого марта в точности, как она у меня в дневнике.

Барометр прет вверх скачками. На рассвете мороз – 22°. Солнце взошло чистое.

Весна света в полном разга-ре. Иду фотографировать следы животных в лесу.

17 Марта. Весна пошла уверенно, теперь уже нет воз-врата: весна! утренник держит в лесу почти до полудня, и только тут иногда начинает проваливаться нога.

Сколь-ко свету в лесу! Я забрался сегодня в самый большой лес и тут находил изредка освещенные солнцем, но всегда замечательные предметы.

В последнюю большую оттепель, совсем похожую на весну – совсем весна, только без птиц! – чистая вода, вероятно, уходила под снег, а грязь, которую увлекал с собой снег при падении, оставалась в смерзшемся снеге, и к этому еще хвоинки, которые падали постепенно зимой и ложились одна над одной, теперь сошлись частой сет-

621

кой, и еще множество шишек, шелушенных белками, кле-стами и всякого шелушения – снег весь грязный. Издали, конечно, он все еще белый, но сколько в нем грязи, видно по белым местам моей собаки: белые пятна ее теперь от грязи стали темными. Еще в лесу я видел, на больших пнях снег подтаивал и, опять подмерзая, сложился совершенно в форме шля-пок грибов, и много их очень, где пень, там и белый гриб. Один стоял на солнечном припеке, и, вероятно, лисички избрали его себе временной лежкой: они любят иногда так улечься где-нибудь на солнышке и повыше, чтобы слыш-но было и видно получше. И Бьюшка, и Осман забирались туда, и я их снимал. Остатки снежных завалов, обтаявшие шарами, смерз-шиеся вместе с ветвями глыбы

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
белого льда остались кое-где на небольших елках под защитой обступающих их высоких елей. Смотришь туда вверх, стараясь удержать шапку на голове, и даже вот в такую погоду видишь, как там наверху эти вершины с ветром играют и чуть-чуть по-качиваются. И с таким уважением смотришь: ведь сто лет росла ель, чтобы в тихое время внутри леса с верхним ветром играть. Часто бывало летом, придешь на светлую поляну, окруженную частым высоким лесом, и видишь на этой поляне хилое деревце с уродливой вершиной, с ветками, покрытыми лишаями. Думаешь, думаешь, почему бы ему под защитой от ветров не расти на теплой и светлой поляне? и ни до чего не додумаешься, а теперь я стою, на баловницу такую [смотрю] и все понимаю: великаны, играя с ветром, легко сбрасывали с себя снег, а на теплой и светлой поляне в тишине под защитой старших баловница собрала снег на себя и, не в силах [сбросить] его, осталась охваченная ледяной глыбой...

Барабанная трель дятла. Желна.

Встретил старого человека на дороге, бледный, больной, старый, он шел за возом, несмотря ни на болезнь и старость. И я его про себя пожалел. Да вот только так я и могу жалеть человека, по себе, что он ведь тоже я. И так вот постоянно, чем печальней, чем ничтожней кто-нибудь

622

в борьбе просто за кусок хлеба, тем обыкновеннее эта мысль о том, что и он тоже я, и ему свое я, как и мне собственно ближе всего на свете. Так я всегда понимаю человека через я и часто сочувствую, а если просто на человека смотреть, на сторону, то гораздо больше видишь плохого, чем хорошего. Рисовать в лесу. Жаль, никак не могу я овладеть и пользоваться всегда по своему желанию тем особенным вниманием к тем подробностям в жизни, которые как самые верные слова говорят через ничтожество о ходе всей жизни (Гоголь умел так внимать, и писал он всегда только такими словами: живописал). Мне кажется, я все-таки мало использую свою способность живописать из страха оторваться от действия и сделаться просто писателем: это своя гигиена, с одной стороны, – очень хорошо! и копилка, с другой стороны: можно до того дойти, что и останешься скупым рыцарем. Вот теперь я попал на любимую свою тему – «лес», и можно будет эту копилку пустить в ход. Меня это очень волнует, и к этому надо вернуться и делать опыты.

В отношении этики в обществе к художникам относятся снисходительно, предполагая доверчиво в каждом назвавшемся настоящим художником, который все свое лучшее вместе и с этикой отдает своим вещам. Из уважения к делу такого большого художника, ценность работы которого складывается и выясняется иногда очень нескоро во времени, общество относится снисходительно ко всем взявшимся за дело художника, и прямо даже трогательно, как оно, дав большие авансы тому или другому, совсем незаметно потихоньку за спиной своего протеже берет вексель его и все забывает.

Когда я вступил на этот обманчивый путь, вокруг меня литераторы не только брали авансы, но прямо ими спекулировали и, занимаясь в сущности самовыказыванием, называли сами себя даже «богами», и в этих кругах выражение «я – бог» было даже и ходовым. Я вступил на свой путь с глубокой ненавистью к этому самовыказыванию, и при начале своего пути заметил и прямо зарубил себе на

623

носу, что, называясь писателем, я тем самым беру вексель, по которым когда-то придется расплачиваться. Вот почему я с самого начала и до сих пор, как всякий смертный, конечно, любил похвалы и славу, но никогда им не доверялся, не отдавши вполне...

Мне РАПП ненавистен был именно наглостью своей в отношении общественных авансов, никогда еще в русской литературе не было столько пустых людей с такой претензией, потому что при мальчишках-декадентах были все-таки и старшие, а тут всем старшим зажали рот, и остались одни только «пролетарские писатели». Письмо к Горькому Панферова не больше как отрывок того бедного времени: и все эти Панферовы, Фадеевы, Ставские – бедные люди, и никакими письмами они себя не спасут.

Наше время плохо тем, что векселя дают слишком легко, но и хорошо, что в векселях этих на валюту очень мало: не миллионы, а «лимоны», как их называли по-прежнему.

18 [Марта]. Продолжается солнечная весна, – очень светло, но ветер холодный, и до полудня вовсе не таяло. Мы с Петей отлично утром проехали к Кумашенскому в Переславль, оттуда попали в Усолье, и только после полудня на обратном пути вся дорога растаяла, и машина шипела на воде. При объезде грузовика, он сзади наслепнул Машку, и крыло было совсем измято. Вечером пришел Б[елкин] с мастерами и выправил за 50 р.

Пришел Генрихсон. Я показал крыло. – Ничего, – сказал он, – это пустяки. – Да

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru как же пустяки! ведь ездили учились, и ни разу ничего не случилось, и еще полтора го-да проездили, и все ничего, и на вот, когда научились – пожалуйте! – А вы думали, что так никогда и не случит-ся? у меня один шофер 13 лет ездил, ничего не случилось, а на 14-м сжег машину и сам чуть не сгорел. – Как же это могло быть? – Наливал бензин в темноте, захотелось по-смотреть, много ли, и вдруг – как это бывает, что вдруг на одну секунду человек помешался: захотел посмотреть, а рука подумала, что покурить, чиркнул спичкой и сгорел (бак у грузовика под сиденьем...)

624

Есть из старых специалистов такие замечательные ар-тисты, так они выросли в свое мастерство, так укоренились в повсюдном уважении к себе за это тех, кто соприкасает-ся с ними по их делу, что стали представлять собою как бы целое учреждение. И вот таким учреждением я мог бы назвать одного замечательного инженера, в лесном деле у меня есть такой Антипыч, а в охотничьем – это извест-ный во всей Ивановской области истребитель хищников Федор Андреевич Кумашенский.

Фокстерьер учится на кошках, в искусственной норе, и у кошки на первых порах надо коготки обрезать; сани Кумашенского: лисица в поле, он едет в 200 шагах и воз-вращается, проезжая в 150: лисица думает – это другой едет, он опять возвращается к цей и едет в 100 шагах, она думает – это опять не он, и не)*ругой, а третий припис-ка: (под сиденьем ружье) и мышкует. Если же она дога-дается и в лес – он выдергивает лыжи, окладывает лиси-цу, зафлаживает, если же она в нору ушла – в передке в санях сидит фокстерьер.

Усолье – лесничий Никитин Константин Сергеевич, лесозаготовки. Лесовод Румянцев Константин Василье-вич – охрана леса... [два «врага»]...

Молевой сплав (т. е. моль = мель = мелкий = молевой = россыпью).

140 верст до Князева по Волге... и лес на Канале: вот и Журавл. родина: защита Клавдофоры (военное общ.) и Канал. Какая сила земля и солнце, какое чудо сосна, росшая сто лет.

Шершунович и отличный знаток лесного дела и любя-щий, понимающий лес как редкий специалист, при том еще замечательный охотник, и в то же время он как-то не весь в деле, не энтузиаст его, а таит в себе какую-то дру-гую жизнь, пропускающую, как матовое стекло, к нам не весь свет его личности. Долго мы не могли разобрать, в чем тут дело, как вдруг открылось, что он величайший плут, и вечная плутовская интрига, играющая в его голове, именно и дает нам только в очень тусклом свете его блес-тящие способности.

625

Он подозревал во мне птичку высокого полета, недо-ступную вполне его пониманию, и, применяя все свои удивительные способности к охоте и замечательное зна-ние леса, старался разгадать меня с полезной для себя сто-роны. Я это хорошо видел и, зная, что при всем желании не могу ни в чем быть ему полезным, скрывал это своей детской искренностью и откровенностью: так выходило удобно для меня, что чем больше я открывался ему в сво-ей простоте, тем больше подозревал он во мне политиче-скую или какую-то иную полезную для себя самую высо-кую птичку. Если бы он только мог проникнуть внутрь меня и уви-деть, что я по всей правде занимаюсь игрой в лесу, как ре-бенок, восхищаясь красивыми игрушками, удивляясь им, как чудесам мира, с каким бы презрением отвернулся он от меня малоумного! К счастью, так устроено в нашей че-ловеческой природе, что чем плутоватей человек, тем труднее понять ему простейшее. И тоже так очень часто бывает, что ребенок превосходно понимает плута-Продолжение: Случилось однажды, к нам принесла из его дома от его коровы молока женщина, немолодая с из-мученным лицом, глубоко затаенным страданием. В этот раз она нам ничего не открыла (ждать к этому сюжетного продолжения; мне известно сейчас, что он был управляю-щим у одной барыни-вдовы, жил с ней и женился; у вдовы росла девочка от покойного мужа; в революцию их выгна-ли: девочка все росла, а он поступил объездчиком в лес; в борьбе с лесничим К. ухитрился натравить на него как на интеллигента темные силы, свалил его и сам сделался лесничим; а девочка все росла. И однажды, всегда крепко выпивая и не пьянея, сошелся он с девочкой, и она стала его женой, а мать стала прислугой, готовила на кухне и нянчила его детей. Мы случайно сошлись с «барыней», она открыла жене моей жизнь свою во всей неизбывности горя, и мне потом навозь всю его плутовскую душу. И так мы разошлись, я все понял, а он обо мне так ничего и не узнал.)

626

23 Марта. Эти дни вернулась зима: морозные метели, все опять белое, и не узнать весны. 19-го поехал вечером в Москву и вернулся 22-го утром. Подписал договор на «Север». Напомнить Гусиной, чтобы она напомнила Бес-палому о письме: что о 2-х томах в июле заключить дого-вор на издание их в 1936-м году и на 4-й том в 37-м. Под-писал договор на «Лесные письма» и дослал рассказы в «Календарь». Пригласили

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru в «Красную Новь», и дал туда беседу с рабочими. Виделся с Крепсом и утвердился, что ехать в третий раз в Лапландию незачем, а лучше отодаться весне в Усолье. Лес. На сплаве действуют самые способные люди, и горячка тут бывает такая, что нет отца и сына: отец в горячку сына утопит, и сын отца, и над всем сплавом стоном стоит «мать», одна «мать».

Всю зиму возят, возят, возят, возят, возят и навезут к реке лес. Лежит на берегу весь лес...

День был красивый, ночью мороз, и к утру наст был твердый, – бык не провалится. И был какой-то час ночью, потрусил снежком – и следов в лесу множество.

Все говорили о счастье молодых и что более подходящей пары трудно сыскать, но мать не доверяла невестке, повторяла: «поживем, увидим!» Так прошел и год, и два, только на третьем году молодая забеременела, и когда пришло время рожать, мать сказала: вот теперь все будет видно, какая это женщина, сумеет ли она справиться с ре-бенком и удержать при себе мужа...

25 Апреля. Производств, совещание: I. Достать запасн. части машины: а) электр. лампочки, б) «цапфы», в) «тра-версы» и т. д. II. Достать жох: не забыть свой.

III. Поездка на север: а) Разговор с отв. редактором и новое оформление, б) Время отъезда и что надо: приписка: маршрут, литература. Палатка.

29 Апреля. 28-го Лева приехал из Л.

627

После метелей, дождей, холодных ветров сегодня вернулась весна света: мороз, солнце, тишина. Прислали «Gin-seng» *.

За эти дни: вчера приехал Лева. В Москве борьба за Петю. Беседа с охотоведом Фединым (Иван Влад.) из Максатихи – фабрика охотхозяйства, и в связи с этим план поездки по Двине: три весны – в Усолье – апрель, на Двине – май, Печора – июнь.

«Идиот»: ни с чем не сравнимо захватывает – почему? Нечто личное. Вопрос: у А[лпатов] природное ли сходство с Мышкиным, или такое впечатление в юности, что переделался в Мышкина и так жил «по герою», не зная сам, что произошел от Достоевского. И чувство «я сам», и линия поведения от этого «я сам» было в «конце концов» от Достоевского... «Домик в тумане»: «Я так и знала!» – и она показала на лоб. И в Лейпциге: Аглая: «Вы похожи на Мышкина» – поразительно! и все-таки все возможно, как бред: и вот герой моего романа как действующая тень оригинала: и что мог этот герой дать нам нового в новой среде.

– Что ты хочешь меня судить как молодого, я же старик: меня ты для суда должен искать в делах моих. Прибавь дела и тогда всего меня суди как молодого.

Начинается жизнь (в конце концов половая) идейно – юноша всегда идеалист, а кончается материально: идея «реализуется» (материализуется) в чувственности («истинная жизнь»).

Почему отступления в биографию героя у Достоевского проходят незаметно, а у Тургенева это теперь читать нельзя?

Косорбга – орудие сплава на малых реках: лошадь вертит ворот на берегу (или человек?), и переносит ворот дальше.

Рубка леса зимой: узнаете, что платят за фунт лиха.

1 жень-шень.

628

Анекдот. Один сотрудник «Нового Мира» был прогнан из редакции за то, что Тройского назвал Емелькой Пугачевым. Говорят, Тройский, требуя снятия этого сотрудника, говорил, что чувствует не себя оскорбленным, а что он великого Пугачева Емелькой назвал.

В городе на улице женщина возле своего жилья топором во льду для спуска воды прорубает канавку, а дети ее по этой канавке вслед за топором пускают кораблики. Дело идет! Грачи после первого прилета на оагеркнуто: по-ля проталины в оврагах теперь собираются на деревьях к старым гнездам.

Вечером Петя приехал и возвестил, что его мне отдадут.

Вчера Лева читал свою вещь, историю восстания на заводе, где решает неразрешимое: отстоять правду, т. е. показать стихийность в этом восстании и в то же время доказать руководство партии. Положение хуже губерна-торского! Призрак. И вот, я думаю, это возможно: мой герой в юности воспринял в себя идеалом персонаж Достоевского князя Мышкина и жил, бессознательно подражая ему и перевоплощаясь в него (при своих природных неко-торых маленьких данных).

Революция освобождает его от Мышкина, возвращает его к своей собственной природе: делается жестоким правды ради. И, утратив лучший образ человека, он находит оправдание в нахождении себя самого. Лесные письма.

Загеркнуто: О том, как я наблюдаю жизнь в лесу, я вам недавно писал и буду много еще об этом писать. А вот сейчас мне захотелось поговорить о том, как из этих наблюдений выходят у меня рассказы, многим из вас хорошо известные. Видите ли,

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
я хочу вам сказать об этом сейчас самое главное. Для того чтобы зверя узнать в лесу, я говорил уже в прошлом письме: надо научиться в лесу тихо ходить и следить за зверем. А чтобы рассказ о звере написать, непременно надо следить за самим собой.

629

Для этого я давным-давно приучил себя все записывать. И так у меня выходит надвое: в лесу я за лесом, за животными наблюдаю, а в дневнике за собой. Возьмем для примера зайца: мы же все видим, что от него остаются на снегу четыре следа, что у него, значит, четыре ноги. А вот я видел однажды, когда он прыгнул, только две ноги. И так я как наблюдатель знаю, что у зайца четыре ноги, а как писатель отмечаю, кроме того, у себя в дневнике, например, так: «Заяц прыгнул с лежки, и в моих глазах мелькнули две его длинных задних ноги». Если я бы остался с одним наблюдением, что у зайца четыре ноги, то это осталось бы как факт верный, но картины из этого не выходит. А если я к этому факту присоединю, как выше сказал, как я сам лично увидел на прыжке две ноги, то получится картина, изображение прыжка зайца. Но вот тут-то и надо следить за собой. Это известно, что охотники сильно врут, и это правда: врут они, потому что мало следят за собой и рассказывают не как есть, а как им показалось. Приписка: «Да ты сам-то видел? – Видел сам». И верно, он не врет: видел сам. Лучшим средством следить за собой я считаю, это вести дневник, записывать в нем и что наблюдал, и как показалось. Много лет я так работаю и всегда замечал так: если выйдет, что и мое наблюдение (научное), и запись о том, как мне показалось (художественное впечатление), совпадают, одно усиливая другое, то и запись моя становится ценной не для меня одного, а и для всех. Тогда я бросаю перо, достаю пишу-щую машинку и отстукиваю свой рассказ для печати.

Сейчас, когда я пишу это, в природе мое любимейшее время года, весна света, когда ночью бывает еще довольно сильный мороз, а утром по насту можно идти без лыж, не проваливаясь. Часам к одиннадцати, однако, надо спешить выбираться на дорогу, а то не вылезешь. Свет солнца при снеге такой сильный, что приходится надевать задымленные очки. В это время у многих зверей гон, и следов везде множество. Охота запрещается именно потому, что у зверей начинается семик. Но какое это чудное время для охоты с фотоаппаратной камерой. Один из таких дней охоты с фотокамерой я записал и привожу здесь как

630

пример, вы должны из этого увидеть ясно, как выходят мои рассказы. Дорогие колхозные ребята, хотите, я сейчас вам покажу обезьянку оагеркнуто: или петухом закричу? Вы все будете смеяться, и тут я расскажу что-нибудь серьезное, и вы будете оагеркнуто: внимательно слушать приписка: тихо в надежде, что я опять покажу обезьянку. Так у нас пишут для детей. Но я вас уважаю и хочу писать вам так же серьезно, как я пишу для взрослых.

На полях: На белом снегу от солнечного света все тени, все следы зверей делаются голубыми...

Загеркнуто: Заяц-беляк: Загадочный след

На полях: Доверенность.

Литература

Приписка: 15/X1 в Посеваево и Чирково собаку покупать

18/X1 в «Дворики» (коммуна 1-го Мая) на охоту с левой и Петей.

7/V1935 – спидометр показывает 3716.

3 Мая. На рассвете – 8, но зато тихо и яркое солнце: сегодня будут уничтожены все следы майского снега и опять начнут раскрываться березовые почки. Можно будет вечером сходить и на вальдшнепов.

Родная племянница лесника Николая Серова вышла за Сергея, сына старинного лесника Антипа. Сторожки Серова и Антипова всего в 3У2 килом, друг от друга, и если утренняя заря совсем тихая, то Антип слышит серовского петуха, а Серов слышит Антипова. Голоса петухов до того похожи, что только сами хозяева могут понять, – какой закричал петух. А люди, охотники, грибники, ягоdnицы, очень часто, направляясь из моховых болот по крику петуха к Антипу, обманываются и попадают к Серову. Раз было даже, что Наташа, сестра Николая Серова, всех на-смешила: не узнала своего петуха и пришла в сторожку Антипа.

Я к тому это начал о петухах, что среди великого хора болотных птиц этой весной слышал голоса этих петухов,

631

и больше от человека тут не было никаких вестей, – вот какие места есть у нас в нескольких часах езды от Москвы. (Приписка: выбросить из начала от... и сделать началом 2-й главы. И я вам скажу решительно, и это будет очень верно: никакие джунгли не могут сравниться с пуш-тынностью моховых болот, если думать о человеке: и в то же время я не знаю, где бы еще можно слышать весенней порой столько необыкновенных и мало кому знакомых птичьих голосов. До того голоса эти

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
странны и далеки от всего человеческого, что если петух закричит, то это ка-жется, будто близкий хороший человек пришел. И люди в этих болотах живущие очень редкими деревнями, раз-личают голоса петухов, как мы голоса знакомых людей, и очень дивятся тому и об этом рассказывают, что петухи Серова и Антипова похожи, и предупреждают: – Не спу-тайте голоса, не заблудитесь!)
Приписка: Прибыл я в этот край в самом начале это-го Апреля, в самую-самую распутицу с великим трудом я дотащился приписка: в этот край до Леспромхоза, и только я высказал тут свое желание поохотиться на глу-харей и попасть в сторожку Антипыча, как высокий чело-век, на длинных тонких ногах, в триковых гетрах и про-стых башмаках вызвался сам меня проводить. – Вы не охотник? – спросил я, глядя на его башмаки. – Нет, – от-ветил он, – но я собираюсь сделаться охотником. – Вот хорошо, – сказал я, – в старое время я не верил лесни-чим, не любившим охоту: такие лесничие не умеют и по лесу ходить. – Тонконогий, мило улыбаясь, согласился со мной, встал и сказал: – Иденте! – А стоит? – спросил я. – Еще не [знаю], но ничего: я буду прыгать, через два часа мы придем, дорога мне известная: приписка: За бугром дом лесничего Серова. на ходу не холодно, приду – об-сушусь, я буду прыгать. (Заблудились. Петух. – Конец 1-й части. II. Моя охота на глухарей в мох. болоте. III. Тонкий убил глухаря и уходит, а Николай рассказывает, как, он хотел запрыгнуть и лежал в луже.)
Начало 3-й главы: Дома я изумился: Тонконогий убил глухаря и уже с глухарем ушел, чтобы поспеть к началу занятий в своем леспромхозе. – Неужели он сам убил?

632

Убил сам, – сказал П. К. серьезно, и вдруг не выдержал и стал хохотать и умирать от смеха. Мы пристали к нему, и он вынужден был рассказать о своем начальнике, как он убил глухаря.

Все шло хорошо. Пришли на просеку до свету, сели на пеньки, стали ждать. Светло от снегу, потом вдруг перед светом потемнело и запел глухарь. Слух у него очень хо-роший, не сразу, но услышал. Подошли и начали скакать.

Лес рубят – щепки летят.

«Государственная необходимость приходит как смерть: нужна древесина, и лес надо рубить, какой бы он ни был прекрасный». Так подумал я, когда узнал, что погибло красивейшее место в окрестностях Переславля-Залесско-го, знаменитые сосновые «кручи» на берегу р. Вексы. Узнав об этом, я все-таки не мог удержаться и выразил свое глу-бокое огорчение Петру Ивановичу Чернову, заведующему этим эксплуатационным участком: – Петр Иванович! – говорил я, – десять лет тому назад, когда я жил возле Пе-реславля, мы несколько раз при содействии Главнауки спасали «Кручи» как памятник природы, как защитный лес водоема, как любимейшее место отдыха трудящихся Переславля. Почему вы об этом не подумали?

– Лес рубят – щепки летят! – ответил П. И.

И стал мне горячо говорить о том, какая великая нуж-да в древесине, как со всех сторон ее требуют и как в са-мом деле это нужно...

У меня осталось прекрасное впечатление от личности П. И. как молодого человека, сумевшего государственное дело сделать делом своей личности, своей совести. Мне захотелось только поглубже заглянуть в его личность, проверить с другой стороны стойкость его убеждений.

– Не бойтесь вы, – сказал я, – что в этой горячке мы врубимся в основной капитал леса и затронем...

– Нет! – воскликнул он, – мы вырубаем ничтожную часть: леса прирастает в много раз больше, чем мы берем его.

– Понимаю, – ответил я, в то же время обдумывая, как бы этого честного, прямого и простого человека под-

633

вести к драме лесной: нужна древесина, а все-таки иной раз и жалко лес.

И рассказал ему, как, бывало, на севере, где лесу так много, мы на охоте за белками рубили дерево, белка спрыгнет на другое и в нем спрячется, и опять не видно. И опять мы рубим, и еще: до десяти деревьев срубали, а белка 20 копеек! Петр Иванович был возмущен. А я вернулся к нашему разговору.

– Вы говорите, древесина нужна теперь, а нам нужна была белка. Мы рубили деревья, выполняя нашу цель – белку добыть: деревьев же много! А вы вот «Кручи» сру-били и отняли у трудящихся место отдыха и берег реки погубили, нужной для всех реки.

После того мне даже немного жалко стало П. И-а: так он смутился и растерялся. И я понял, что П. И. превосход-ный работник, но молодой и смотрит на дело свое упро-щенно, ему бы рубить и рубить...

Наполнх: фотопроба: солнце – 9утра; лугшее d 9/v20 = d 6,3/40 = e12z.d 6,3/vyi00 В сомнительных слугаях снимать вдвое: нор-мально и в два раза сильнее.]

Помню, какой-то иностранец, молодой человек в мор-ском плаще пришел к берегу

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Плещеева озера и, обойдя все озеро за день кругом, вернулся, сел на своего извозчика и уехал. Мне передавали, будто он кому-то в городе ска-зал, что в Европе такой речки, как Векса с ее кручами, уже не осталось в Европе. И, вспомнив европ. речки, я понял иностранца и полюбил кручи особенно. Кручи эти погиб-ли, и пусть! я и о себе самом, а не только о кручах, готов во всякую минуту сказать, если дойдет: «пусть!»
Так я об этом и сказал директору Леспромхоза, челове-ку здесь еще новому:
– Этот лес, – сказал я, – пойдет на канал, и как раз это моя тема: я хотел бы изобразить государственную не-обходимость неизбежной, как смерть: надо, и пусть!
– Канал тут не причем, – ответил директор, – вот как было...

634

За этими кручами, за лесом – вон там подальше – ста-ли в [карьере] торф разрабатывать, и весь берег должен был перейти к торфяникам и те бы непременно срубили. Так вот, чтобы не дать тем, здесь успели лесорубы и тор-фяникам отдали местечко чистеньким.
– Но ведь это же преступление: есть закон, охраняю-щий лес на берегах рек: это защитный лес.
– Об этом должны думать общественные организа-ции, если бы в Рике постановили...
Подрумяненные деревья: сон: везде-везде румяные.
Так на рассвете было – 8, а после обеда окладной теп-лый дождь, очень мелкий. Стоял на крыльце, раздумы-вая, – идти на тягу или пожалеть ружье: измочишь его. Такая тишина! и такой мелкий дождь: из одного домика долго боролся синий дымок и поднимался немного. А по крыше мерно барабанило, и под дождь, как всегда, хоте-лось бы куда-то уйти в уютный угол и там сидеть с кем-нибудь и молча слушать дождик. И ведь есть люди такие, тоже где-то сидят, как птицы под елочкой, наохлились.

Когда стемнело и похолоднело, то не дождь, а мокрый снег большими хлопьями стал валить тяжело напрямую, и скоро крыши в темноте побелели.

4 Мая. Зима при майском солнце. Пешеходы посере-дине шоссе пробили на белом черную тропу, и на черное-теплое слетелись из неприятного-заснеженного леса зяб-лики: радуются и тут же спариваются.

Случись что-нибудь, и всё кажется, – ничего, объяс-нить – и все поймут и не дадут пропасть. Но бывает, такое случится, что люди отступаются, и не верят, и слушать не хотят. Тогда приходят к суду, на который вызываются свидетели, и тебя тоже выслушивают, но уже не верят: те-бя разбирают без жалости, как мертвого. Так вот до рево-люции было положение писателя, а теперь много стало писателей, и всяких, нельзя к писателю относиться как к личности, и ты становишь в очередь, и некто совсем ни-чтожный и посторонний твоему писательскому интересу будет распоряжаться тобой. Стоит сто пар калаш, ты зна-

635

ешь свои, но потерял номер, и швейцар тебе не поверит, и ты будешь дожидаться, пока все 99 человек не уйдут. Швейцару ведь нет никакого дела до того, что ты один-единственный мог «Воину и Мир» написать. Или взять деревню и для сравнения дом в Москве, один дом, вмеща-ющий в себя всю эту деревню: тут не дом за домом следит, а управдом.

На полях: Так в городе создаются трудные условия, гтобы сделаться известным. В деревне все известны, и каждый геловек в то же самое время есть извест-ный геловек, а в городе надо много всего, гтобы стать известным.

Незабудки. Сонечка. Невеста – это загадка, а у жены ответ, и когда ответ хороший: это награда. Сонечка свои-ми голубыми глазками-незабудками всем раздавала за-гадки. А когда пришлось отвечать, то... Винить ее было не в чем, но... Да у нее ничего никогда и не было, только ми-лые глазки, и все лучшее, что имела, раздала незабудками всем. Муж награды у ней не нашел.

О лесе известно, что летом в нем хорошо: можно ягоды и грибы собирать. Самый же лес понимают приблизи-тельно как облака: вот была поляна с березами – только сейчас! и уже елки, а вот опять сошлись и разошлись груп-пы каких-то деревьев, как облака. Если заяц покажется – о! тут есть на что посмотреть, а деревья, как облака, су-ществуют где-то на заднем плане сознания.

Срезать любое дерево, и можно по годовым слоям всю его жизнь разобрать и понять жизнь природы иногда за сто и больше лет. А человек должен записывать за собой, и множество других людей его записки сличать, прове-рять и, несмотря ни на что, сомневаться, – есть у нас ис-тория, подобная рассказу дерева, или же только сказка...

Приписка: Погему это?разве нет в геловек. обществе вещест-ва, подобного древесине: все эти предметы мате-риальной культуры. Есть и нет. Есть в истории свидетельства о геловеке, как в древесине, но о лиг-ности геловека нет, и если мы хотим верной исто-рии, не надо лигности. И все-таки без лигности –

636

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
это не история. Попытка удостоверить лигноть геловека – вот все, гто отлигает историю гелове-ка от истории дерева.

Опушка вся на свету, как лицо у человека: лес опушкой движется вперед и так занимает новое пространство. И, глядя на светлую опушку, думается, – хорошо в лесу! Но стоит войти в самый лес, где кругом борьба за свет...

Приписка: Лицо дерева – [на свету], а корни то в воде киснут, то в песке сохнут. Вечер был очень тихий. Вечерний свет солнца на дере-вьях у тихой воды. Потом новорожденный месяц с боль-шою звездой и тоже чудесные барашки и все в воде. На этом фоне прошел человек согнутый с двумя огромными мешками, за ним маленький мальчик бежал... И стало мо-розить.

Петя приехал из Москвы, решено: едем в Вологду, а по-том на Пинегу. Сейчас Пинега еще не трогалась. Там люди только лесом живут.

Катынский говорил Пете, что яйца от этого снегу про-падут, значит, тока затыгиваются: еще долго будут токо-вать глухари.

Кажется, зеленеет в кустах, но это нет: это сквозь се-рые кусты зеленеют лужайки.

Березка-кормилица. Сквозь березовый лес виднелась заря, и в тишине этой березы были такие напряженно жи-вые. Вспоминаю нашу кормилицу, от которой одной всю весну я ставил себе самовар. И так ведь каждая из этих сейчас...

Живой человек. «Партия и правительство сейчас уде-ляют огромное внимание заботе о Живом человеке» («Изв.» 5-го Апр. передовая, подчеркнуто в тексте).

Не-сколькими днями раньше напечатано, 2–3 дня как в су-масш. доме замучили здоровую женщину.

Теплый вечер, в большой тишине четко высвистывали певчие дрозды, и их короткие песни значили как слова управления событиями в этом ходе зари.

637

Кое-где еще белелись остатки майского снега, и в то же время сегодня начала кукушка: значит, кукушка прилете-ла на неодетый лес – не к добру!

Такая тишина, что рост этих березок, наполненных со-ком, был понятен и близок нам, людям. Вот эта сосновая роща... (по мутовкам – монахи сажали: вот прудик, по-лянка, остатки изгороди: жил монах)... ели начали разби-вать порядок насаженных сосен, березки пробились... по-дошли елки к ручью, и в нем дикий лес... Никогда эти деревья не бывают так расположены к человеку, как в ти-хий вечер, почти человеческие слова высвистывают пев-чие дрозды – нет у них своего сознания, но они рады и отвечают сознанию, если появляется со стороны.

Я думал о «живом человеке», о котором соскучилось те-перь наше государство. Петя сказал, что он так же скучает о живом вальдшнепе... Живой человек – это прежде всего Я, которого государство хочет приспособить себе на поль-зу («ты дашь мне Пришвина, а я тебе переброшу Толсто-го») и превратить в учреждение (Горький: не поймешь, – человек это, город, улица, ведомство). Живой человек – это личность, из личностей складывается общественное мнение и рождается качество, имя, а не количество и номер (имя и номер – в звероводстве).

«Механизация» как обезличение и механизация как избавление от застоя и тем самым как условие развития личности. Так вот где-нибудь на Пинеге... Начало: Поня-тие механизации глубоко проникло как обезличение, между тем в практическом деле механизация складывает-ся из необходимости изменить жизненные условия к луч-шему: вот хотя бы проложить дорогу к водосплавной реке, чтобы не рубить лес возле реки и тем не губить ее.

6 Мая. Ночь простояла теплая и утром дождь. Вот те-перь пойдет зеленеть безотменно.

Петя сегодня едет в Институт: завтра сдает кормление, 8-го достает палатку, все закупает и вечером к нам, а 9-го вечером в 10 в Вологду и 10-го в полдень там. Взять с со-бой 3000 руб. Павловне оставить на устройство ворот

638

1000 р., на жизнь 200 р. (пенсию). На текущее: 500 р., ито-го 4.500 р. = 3 тыс. здесь и 1500 в Москве (7-го Лева пре-дупредит).

На полях: Карасеву дано 160р. – полугено бензина 150

7 Мая. Ночь светлая, рано утром легкий мороз и за-геркнуто: потом сошел. Солнце. Глухарь (Ночь на севере: записка).

Из рассказа Катынского о глухарях. Есть на току глу-харь злобный, услышит, где запоет другой, прекращает пение, летит туда, отдерет – и тот замолчит, потом воз-вращается на место и поет до тех пор, пока не запоет дру-гой. Он поет, а другие должны молчать. Раз К. убил такого драчуна, а на другой день два новых запело. Сам К. пре-вратился в служащего по глухаринной части. Вот запело два глухаря новых, и он думает: того, получше, Семену Ивановичу, а того... Кстати, и глухарь такой необыкновен-ный: можно в туфлях идти (князя Меншиковы два раза лес свели, мелочи, а глухари все держатся): трудность кон-чилась, и, конечно, интерес пропал.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Кадры решают все (Веселкин).

Речь Сталина переносит центр внимания с производства на кадры («живого человека»), и последствием, конечно, большие, даже немного и странновато: вроде как бы даже и стоять-то не за что, раз вернулись к нормальной культуре труда. Взято 3000 здесь + 2000 Петя в Москве = 5000 р., из них 3000 с собой – 1000 р. Павловне на постройку – остается 1000 р., из которой: 150 Павл. на жизнь + Петя купит на дорогу: руб. 300, остается 550 р.

Написать перевод Разум, и 200 р. за июнь.

Основная причина величайшей некультурности людей в Риках: вот сегодня на складе хозяин ворчит: «бензин на пахоту надо, а им на легковую машину» – это бывш. крес-тьянин, у которого «пахота» была долгом и как бы ничего нет важнее пахоты; простейшая работа на сохе (!), и если отнять от человека и это, то остается в нем лишь место

639

для какого-то неопределенного мрачного обществ, долга; некультурный человек такого типа появился в Рике в лучшем случае как погоняльщик... (Григорьев: «брось ябло-ко!») Взяв идею леса, пройти по всем в Рике здесь, в Пере-славле, и зарисовать их вместе с деревьями (не мешает наблюдать эти типы и в пути). Гром. Дождь. Настоящая гроза (в 5 веч.), и через час прямо из-под грозы как бы брызнуло зеленью и запахло теплой землей. Весна от февральской оттепели, придав-шей особый характер всей весне, и дальше как трудней-шая борьба и наконец победа солнца в этой грозе.

Статья Бухарина: фашизм и коммунизм: обе системы включают все идеи друг друга, но фашизм исходит от на-ции, коммунизм – от человечества... И все сводится к вой-не.

После приезда взять «Лесн. Газету» за Апрель и Май и собрать картину по возможности всего сплава (напр., лоцман-ударник обещается привести из Усть-Сыольска плот в Архангельск в 12 дней).

Библиотека Наркомлеса переехала на Тверскую (по приезде узнать).

8 Мая. До полудня все было так, что брызнет дождь и солнце выглянет, а потом пошел дождь. До 2-х был в лесу.

Весна капризничала, обманывала и убегала, но я до-гнал ее... Как это можно? А вот как надо делать, чтобы овладеть весной. Надо не обращать никакого внимания на погоду и действовать.

Бывает весна такая, что ни одного дня хорошего, толь-ко час какой-нибудь, и вот этот час надо, чтобы пришелся с твоим великим желанием, и если это выйдет, то этой по-годы хватит на всю весну и самая плохая весна тебе будет самой хорошей: весна будет твоя, и не она, а ты будешь ею распорядиться. Приписка: Такая весна была в этом году.

На Красюковке в ранний час пастух стал на высоком месте и заиграл нынче в первый раз. Пастух был молодой,

640

в шоферской кепи, в ботинках и пиджаке, а труба очень длинная, из дерева, самодельная, и только на конце ши-рокий раструб не то от старого граммофона, не то от ра-дио. Играл же пастух народную песню: «Выйду я на ре-ченьку». Так это верно, должно быть, что песня в народе дольше всего сохраняется...

Идею народности и человечества (фашизм и больше-визм) должно теперь писателю вынашивать, искать везде и во всем, в кровь вогнать свою...

Загеркнуто: Сталин и Бухарин: один действует, дру-гой говорит: – Заткни фонтан перстом!..

Выдающемуся, даровитому человеку от еврея плохо никогда не бывает, страдает от него человек в очереди: тут еврей нахален и невыносим: тут база еврейских погро-мов.

Сила варварства, между прочим, происходит и от не-знания и даже прямо от невежества приписка: и бывает человек слаб оттого, что много узнал.

Лес открывает липо. В лесу идет приборка. Только вникнуть, с чем борется зеленый лист земляники: тут и слой осиновых листьев и березовых, и хвоя, и шелуха шишек от белок, клестов и дятлов, и всякого рода хлам, набросанный ветром – великий хаос! и так удивительно, что в конце концов все придет к единству и лес получит свое лицо приписка: открывает лицо. Приписка: ...а бы-ло так, что ранней весной билась, билась зеленая трава из-под листьев и хвои, – не выбилась! и закисла, запрела листва, покрылась мошком, и по моху брусника взялась под елками, черника...

Человек прошел. Человеку довольно в лесу пройти не-сколько раз по одному месту, чтобы от этого многое пере-менилось. Вот теперь всюду, где прошлый год ходил чело-век, зеленеет: довольно было, чтобы он осенью сбросил ногой падающий лист, чтобы теперь тут раньше зазелене-ло, а в природе если раньше начнется где, раньше силу на-берет, там и все будет по-другому.

641

Зябличиха пела синицей.

Помню, один земской доктор с пренебрежением сказал о Толстом с усмешкой: «эстетизм!». В том дело, что тут этика выросла на эстетике (пахота!), и от этого погибли и этика, и эстетика. Но если жить красотой и строить мир красоты, то какая-то этика должна сама попутно явиться приписка: (поведение художника). И наоборот, если че-ловека любить и поступать по любви, то, наверно, это бу-дет красиво, и будет красивая жизнь, и красота будет жи-вой.

Туча (Дети в лесу).

Туча сзади нас догоняет, прилетел певчий дрозд, сел на пальчик высокой ели и объявил: туча идет! Кукушка смолкла и только хвостом дрыгает.

Белки. На поляне с редкими березами прыгала белка, рыжая с серым зимним пятном на боку, она что-то нахо-дила на земле и быстро хватала.

Кроты. Кроты целую поляну распахали – вот, правда, пахари!

Дождь как сок. Вокруг везде пахнет березовым соком, и когда дождик пошел теплый, то будто это приписка: по-лился березовый сок.

Старый доктор – 80 лет! подпрыгнул и сказал: «Вот те-перь новую водку в 56% хорошо бы настоять на березовых почках!»

Черепок. «Черепок» превратился в зеленую дорожку.

Осина. Змеей проползла осинка между елками и выби-лась к свету.

На неодетый лес в этом году прилетела кукушка – пло-хая примета! но я правым глазом молодой месяц увидел, и все пошло хорошо.

Можжевельник и елка. В кусту можжевельника, спаса-ясь от морозов, таилась елочка, и когда вышла в свет, то

642

можжевельник, будто почка, раскрылся... И такая строй-ная вышла елочка, такая удачливая. А можжевельник засох.

8 науке нет границ оагеркнуто: широки границы познания, и там великое диво может получаться без вся-ких чувств и даже против чувств, как логический вывод или как результат вычислений: приписка: просто сидел человек, вычислял и «пришел к выводу» (Верно ли?). В искусстве узнавать с пользой для своего дела можно только то, что ты чувствуешь, с чем ты в родстве припис-ка: тут за тебя не страдал Прометей... Этот род познания не широк, но в глубину ему нет границ приписка: ника-ких. Прометей раз уж похитил огонь, перестрадал за него, то после у готового огня приписка: костра, у готового разума может спокойно...

Цветы ольхи погибли от мороза.

Раскрылись анемоны, а лютики еще в бутонах.

Дорожка. Какая прелесть в весеннем еще неубранном лесу первая зелень на дорожке, проложенной прошлый год человеком: дорожка эта раньше всего зеленеет, и это нравится даже зверушкам: вышла белка.

Однобокие. В лесах бывает чаща, и у людей на земле есть города, люди тут, как в чаще деревья, если выставить на свет поодиночке, то все однобокие.

Вспомнилось: редактор «Лесной газеты» говорил, что им, ведомственным людям, приходится бороться с корен-ным языком.

Ели на поляне. На поляне обласканные светом ели до того раскудрявились, до того плотно сошлись, что, если бы рука длинная, взял бы и погладил их сверху до низу.

9 Мая. Ветер, холод и снег летит.

Приходит в голову многим, и многое почти даже и всем приходит, замечается и почти что само дается: только возьми, скажи всем или сделай приписка: и все будут уважать тебя, ценить, давать деньги. Но только редчай-

643

ший понимает ценности жизни и достаточно уважает се-бя, чтобы взяться.

Вечером взяли такси, навязались дамы. Жаловались на весну. Я возражал: – Есть час в весне хороший, за ко-торый надо взяться и взять в свои руки весну: этот час от-ветит за все, и самая дурная весна для тебя будет самой прекрасной! – Да вот был такой час! – вздохнула одна, – а у вас? – У нас, – говорю я, – был, и как раз даже этой весной.

Дама вздохнула о своем возлюбленном, мы же с Петей о глухарях, которых нам так счастливо удалось убить этой весной. – Все кончается крематорием, – сказала дама, – и до самого вокзала продолжала говорить о безвкусии крематорных похорон. Сдал в «Известия» «Переславские кручи».

10 Мая. Светлое утро. Проснулся я возле Данилова в поезде, окруженном бревнами. Фотокорреспондент «Правды» Кулешов. Приписка: ([лента в бачок] – и все!)

В 12 д. Вологда. Извозчик цыган. Золотой якорь. Лес-промхоз. Архангельские инспектора Андреев и Крюков. Архангельск, трест «Севлес». Тип общественника Андре-ева складывается с Черновым – там древесина, здесь че-ловечина: коллектив никогда человека не испортит: эта вера в древесину, в коллектив подобна вере в иконы, т. е. так же далека от истины, как вера в икону от веры в Бога. Все эти

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
люди подвигают согласно программе.

Александр Семенович Назаров: завод. производственно-плановым отделом.

Уговорились завтра ехать на Лежу по ж. д.

Вечером гуляли по берегу Вологды: молевой сплав, от-ражение церквей, зорька...

Архиерейский сад исправлено: парк, погибающий со всеми своими монплезирами.

Хо-лодно. Вторая смерть. Приписка: Провода. Моль плывет.

11 Мая. Утро светлое и холодное, потом тучи, и то сол-нце, то вот-вот дождь или снег. – У нас под Москвой, –

644

сказал я, – почки на березах уже раскрылись: зеленые хвостики. – У нас тоже были, – ответил Назаров, – толь-ко вот холодно, морозы явились, они и опять спрятались». Не знаю, возможно ли приписка: есть ли это, бывает ли, чтобы зеленые листики, выйдя из почки, опять убирались в нее... Но яйца, вероятно, подстыли, и выводки будут ма-лые: средние яйца, а крайние подстынут. Выгор. Световой природ.

В 5 У2 выехали на Лежу и вернулись в 10 веч. Ледянка на снежном и на земляном основании. Возили 13 машин. Хаос на барже. Почему торчком? Окорка, корить, недокор, перекор. Подсочка на смерть (600–700 гр. живицы с дерева). Окорка и пролыска.

Смола – это пластырь. Осеннее кольцо, темное, задел-ка на зиму смолой. [При подсчете лет – 5 лет на пень]

Шкурить надо к вершине: сук в поход сдирать; а они к комлю шкурят, потому что десятники (кадры) отвлече-ны на постороннюю работу: 75% времени десятники упот-ребляют по выводу рабсилы.

Мутовочный сук, серянка – удар или ошмыг: серянка выступила и забусело.

Станок Сазонова: середина механизована, а концы смазывают...

Пахнет апельсинной коркой (бывает такая смола).

Шпальные и двухшпальные тюльки.

Архангельские мастера на станке Сазонова.

Пятна на 1 нрзб., ручная доделка: механическая окор-ка вдвое дороже ручной, но вернуться к ручной нельзя, раз началась механизация: для ручного труда нужно воз-ращение к ручной культуре, уже расстроеной.

Справочник Селибера.

Береза без пролысы трухнет, а влаголюбивая осина да-же спящую почку пускает в ход.

Лесовод разбирается в срезе, похоже, как цыганка га-дает по линиям руки, догадывается: что-то угнетало, что?

645

и вот нога нащупала под мохом дерево: это дерево угнета-ло, а когда упало...

Угнетенное своим материнским поло-гом дерево выбралось в верхний ярус.

На полях: А то бывает под ногой подстил огонь тонок, и до-гадываешься, гто пригина угнетения: беглый по-жар.

Трелевка. Лежневка. Волокуша. Пруух. Подвесная дорога.

Отзимок. Приписка: (зазимок осенью, а отзимок – весной?)

Повреждения деревьев от охотников: стук топором по дереву, котомку повесит (на ели суки покатые), вгонит клин – и дерево гибнет.

Ель – самое нежное дерево.

Бухгалтер на бревне (когда сбило: не смотрит ли)

Развалочная пила, и сталинец ее одну вертит, а мог бы...

Бывало, подрежут корни и засыпят землей, не узна-ешь: а дерево засохнет, и разбойник получает его дешево как сухостой.

На Пинске есть рогатина без железа, обожженная.

Лось, загнанный, спасаясь, попал на ледянку и прибе-жал прямо в руки: между штабелями на барже.

Все бегут с Лежи: рабочим хорошо, а служащие: комна-ты нет, жениться нельзя.

12 Мая. Раннее утро светлое, потом дождь, крупа, хо-лод. Ходили в Музей. Нет сплава (виноват леспромхоз: сомкнуть с обучением лесников). Приписка: Почему мест-ное не интересуется местных.

Старые агрегаты (окорочный станок на 50% изношен, элеваторы без двигателя 3-й год на дожде). Ни начала – поднос, ни конца – откат: концы смазывают, механиз. се-редину. Частичная механизация (не дал Севлес): начало и конец под дубинушку. Вместо 40 куб. мет. в смену даст 20–25: рабочая сила не выигрывается и деньги пропада-ют (Рудаков сказал: «что нам деньги! вот рабсила»).

646

Тип Назарова: вполне предан строительству и в то же время радуется, если на стенах кинотеатра, переделанно-го из чтимого храма, из-под новых слабых красок показы-ваются лики святых.

– С каждым годом заметно власть слабеет: все трудней и трудней справляться с

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru крестьянином; и правда: он ведь все понимает: раз человек свободен в государстве, не раб, то и «хочу – работаю, хочу – нет». «"Крестьянский] во-прос" еще острее становится после того, как объявлен гу-манизм ("кадры")». Подвесная дорога (Семигородняя) (Харовский лес-помхоз) 2000 р. километр, на амортизации 5 лет: дешево; корчевки не надо, материал свой, из старых тракторов сделаны мотовозы (инж. Болон).

Согласно постановлению правительства, техников, кадры занимать надо на прямой его работе, а у нас кадры заняты на 75% по вербовке и выводу рабсилы: это должны делать РИКи, сельсоветы, а у нас десятники. От этого десятники бегут. Надо для этого ставить специальных людей, тем более что на выезд ведь дается командировка: денег довольно.

Канитель по вербовке и выводу рабсилы тянется, пока не нажмет центр на край, край на район, район на сельсо-вет и сельсоветы на колхозы и единоличный сектор. А договоры как будто и хорошие, но обеспечены ка-ким-то придатком, выходит, положим 60 р., и он говорит: «на 60 р., а я не поеду». Тогда-то вот и нажим. А если десятник присутствует – рабочий покрепче ра-ботает: вот за заготовку пиловочника в три раза больше платят, чем за дрова, и все-таки он режет пиловочник в дрова, потому что это привычно: две пилы отмахнул и кончено, две пилы еще и еще; ему дана норма в 100 дней, а он ее кончит в 40, потому что думать нечего, а что деше-во, то за этим не стоит, лишь бы вернуться домой. Три причины: 1) слабость покупательной] силы рубля; 2) ма-ленькие расценки жизни; 3) кооперативы плохо обеспече-ны товарами.

647

1) В 35 году задано Севлесом: 400 т. кубом. 2) Лесосеч-ный фонд. 3) Разбивается на участки: здесь 8 лесопунктов от 25 т. – 100 тыс. к. м. 4) РИКу заявили: закрепить столь-ко-то рабсилы. 5) Наметка... 6) Наряд РИКа. 7) Разбиваем на сельсоветы и колхозы.

Из года в год все трудней и трудней с рабсилой или все слабей и слабей сила власти. И это понятно: мужик не пень и хорошо понимает, что советские законы минуют его.

На полях: Верховья рек.

13 Мая. С рассветом дождь и до 9 у. все дождь. Потом буря холодная, несущиеся тучи с внезапными просветами солнца, а вечером стихло, оранжевый свет зари соединил-ся с лунным, и так все стекленело и мерзло в ночь.

В У2 11-го с Алекسد. Семеновичем Назаровым мы вы-ехали на катере в Лобково смотреть «Пыж» и вернулись в 11 веч.

Присэхонская низина – пространство от р. Лежи до «Сокола» (фабрика) и в другую сторону от Лежи до вят-ской ж. д. Наверно, тут когда-то был лес, но его срубили, и почва покрылась мохом (сфагнум), на котором выросла черная ольха и покончила в свою очередь с мохом. Черная ольха живет до 100 с лишним лет, достигает размера стро-евых деревьев, из нее делают фанеру для упаковочных ящиков. Среди ольхи растет много черемухи, из которой у нас делается венская мебель. По бесчисленным озерам в этих непроходимых трясиных множествах уток, по за-крайкам зарослей черной ольхи на сенокосных мокрых лугах выпадает осенью великое множество дупелей. Охот-ники на уток ездят в особых легких лодках (узнать, кто делает), употребляя, однако, на переезд из Вологды до 12 часов. Шалаши для ночлега делают просто и хорошо: ставят жерди в козлы и накрывают их плотно луговым се-ном. Реки Сухона (по выходе из Кубенского озера и до слия-ния с Вологдой и Лежей Сухона называется Райбола?), Вологда и Лежа сходятся почти в одной точке, во всяком

648

случае, отсюда видны и Сухона, и Лежа, и Вологда. Здесь, по обещанию Алек. Сем., мы должны были есть уху у де-сятника. Но проводник наш дал маху: десятника не было дома, и мы остались без ухи на бобах. Этот Назаров очень робкий человек, измятый революцией: его тихость и роб-кая обходительность с людьми – следствие былой слабо-сти к вину, которое он пить теперь больше не может: по болезни (язва в 12-типерстной кишке). Для торжеств, слу-чая он все-таки взял полбутылочки, выпив чуть-чуть, опьянел и, обманутый на ухе, стал нам рассказывать, что если раскорчевать заросли черной ольхи, то почва будет роскошная, черноземная и хотя и кислая, но на ней отлич-но можно будет выращивать клубнику «Викторию». Так мы еще не забыли уху, а он уже под влиянием вина гово-рил о «Виктории». Не удержался этот хороший человек, очень знающий лесовод сосчитаться с обидевшими его большевиками, грубыми людьми, особенно обидел его некий Набатов (теперь в Архангельске). Бедный больной старик даже кулаком стукнул... (Храбрый заяц. Вспомнил-ся рассказ одного охотника: что будто бы один измучен-ный гоном заяц вышел из терпения, обернулся и ужасно этим испугал гончую; охотник сам чуть в обморок не упал, когда увидел, что заяц гонит его кобеля.)

Рассказывал нам Назаров как о чуде, что один лесовод в старое время не захотел

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru служить и поселился без определенных занятий на р. Вологде близ Сухоны (дом его нам показали, и старик еще жив): уток бил, рыбу ловил, работал на плотке и так всю жизнь провел кое-как. И еще другой такой есть в Вологде, не служит и живет кое-как, и есть еще один, тот юрист и вовсе спился, а жизнью этой вольной очень доволен. Невольно сравниваешь, кто же выгадал – этот заезженный плановик или эти «индивидуальности».

– Щуку ведут! – сказал Назаров. И показал нам в окно: буксир тащил лес, сплоченный «щукой». (При плотке щукой буксир может тащить в 11/2 раза большую кубатуру–)

Потом одна из щук вовсе перегородила нам путь, и мы, пока нам освобождали путь, по щуке же ходили на берег:

649

это мученье – по щуке ходить, то спускаясь к ее мокрому хвосту, то взбираясь и перебираясь через ее голову.

Интересная задача для курсантов лесосплава: сколько требуется кубометров дерева, чтобы шесть человек могли на плоту переправиться на ту сторону реки (закон Паскаля).

И еще задача: вопрос: – Если вдали видишь плывущее вниз по реке бревно, зная, что выше есть запань, то спрашивается, каким образом бревно могло вырваться из запани? – Ответ: – Оно одним концом было погружено в воду, а по другому свободному концу его сильно толкнуло, отчего бревно нырнуло и вышло под запанью.

– Вопрос: – Какой породы вероятней всего это дерево? – Ответ: – Вероятней всего, сосна, очень суковатая к вершине: суковатая вершина сосны особенно влагоемкая и потому тонет. (Бревно-жулик: или бревно-индивидуалист: судьба его: прибилось в море приписки: ь Белое море...

Лобково: «пыж» – до 20 километ. толщиной. Сначала ничего невозможно понять: бревна и на бревнах люди. Разберешься, и очень просто, как все чрезвычайно просто на всех лесных работах. Лежа дает очень слабое течение, поэтому опасность, что ветер бросит моль обратно. Для устранения этого пыж разделен и схвачен поперек «перекидками». Вся моль ждет очереди в головных воротах, здесь ей помогают идти баграми. За головными воротами 18 кошелей, против каждого стоит человек с багром и лопатой предназначенный для данного кошеля сортимент:

1) Баланс коренный приписка: коренный – 2 кошеля.

2) Рудстойка – 2. 3) Пиловочник еловый 3 кош. 4) Сосновый пиловочник 3 к. 5)

Шпальные тюльки 1 к. 6) Некоренный баланс 1 к. 7) Дрова короткие 2 к. 8)

Некоренный баланс 1 к. 9) Разное 2 к.

В кошелях сортименты сплавляются щукой и пускаются самоплавом до Сухоны: идти самоплавом помогают «перехватчики». На Сухоне щуки берут буксиры и тащат на местные фабрики.

Медведка.

Отрядные работы (сдельные).

650

Завед. Васил. Ив. Дитёв (живет на дворе лесоспл. конторы в Вологде): полагается пропускать ежедневно 3000 куб. м. Нет рабсилы. Собирается прижать неустойкой. Четыре «руки»: 1-я рука получает... 2-я... 3-я, 4-я... приписка: [такая древесная четверка]

Кроме щукой – зимняя плотка «ведило» – вроде как дрова выкладываются.

Телеграмма: – Захлестните запань, голова идет.

График движения хвостов: т. е. хвостов моля, потому что движение головы моли не все говорит, а если хвост зачищен, значит, сплав закончен.

В[ысшие] курсы эксплуататоров.

Ужасно холодно. Осина и тополь скрывают почки своими смолистыми околистниками: прячут почку (см. выше слова Назарова).

14 Мая. Билет в Котлас можно достать только на 15-е в 10 веч. Телеграмма директору Леспромхоза:

Котлас Лесопромхоз Директору. Еду Наркомлеса ознакомиться двинским сплавом. Выезжаю Вологды парохом 15 Мая. Бронируйте номер гостинице Писатель Михаил Пришвин.

В Вологде я пересидел: началась встреча с мелочами: сегодня, напр., все утро искал в магазинах щипчики для сахара и попал наконец на барахолку, где и купил эту драгоценность. А еще было, после обеда вломился сотрудник местной газеты и долго мучил меня и завтра обещался мучить.

Погода изо дня в день одинаковая, только, бывает, один день начнется дождем, другой морозом (но потом все равняется), на дню сто перемен, и забываешь, какое было утро сегодня. Только к самому вечеру, когда уже темнеет, становится совсем тихо, окружается оранжевой зарей, светит луна и морозит. Если бы не такой сильный свет солнца, когда расходятся тучи, то очень похоже все на позднюю

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
осень. Да, это совершенно похоже на позднюю осень в Уссурийском краю, где
солнце и осенью светит сильнее, чем нашей весной.

651

15 мая. Утро необычайно светлое, с крыш стекает растаявшая намерзль. Но уже в 8
у. собираются облака, сначала еще кучевые...

С билетом в Котлас, вероятно, конечно, вчера Назаров по телефону сказал: «несу
броню»: остается сомнение в том, не в общей ли нам каюте достанется: тогда и
прокурат тебя, и оберут, если зазеваешься. Крайне своеобразно путешествие в
наше советское время: ведь только что едешь на положении знатной особы,
предваряешь проезд свои телеграммами, и учреждения бронируют тебе номера в
гостинице, бронируют билет на пароход (как экспедиция).

Сегодня на рассвете слышал сквозь сон в коридоре громкую митинговую речь,
догадываюсь, что это какой-нибудь приезжий вломился и доказывал свои права на
номер. И ведь строимся-то как, и все-таки размножение обгоняет и такие темпы.
Один лесовод об этом размножении сказал так: – Это не от семян, это порослевое
размножение от старых пней. Приписка: (Порослевой человек и сеянной на полях:
(в Архангельске два ярких типа на улицах: человек от семян и порослевой.)

дела: Петя в 9 у.: билеты, отправить телеграмму и книги; в 9 придет
корреспондент. В 10 у. – баня.

В 9 у.–10 у. беседовал с корреспондентом местной газеты, дополнил его неплохую
статью о себе.

В 11 д. ходили с Петей в баню – роскошное каменное здание с колоннами на
Золотухе – канаве, вырытой будто бы еще при Иване Грозном. Не доходя до бани, на
откосе Золотухи лежал человек с костылем. Он лежал к нам задом. – Не умер ли
он? – спросил я Петю. – Нет, – ответил он, – смотри, на локте у него белое
пятно, приглядишься: оно движется, он дышит. – Но может быть, кончается? – Это
да... нет, едва ли! посмотри, он лежит на куче гравия и на припеке, слишком
обдуманно лег для умирающего. – А если, – ответил я, – он успел обдумать и так
просто лег умирать, положив костыль возле себя, есть что-то хорошее в такой
смерти: рядом друг-костыль, и никого больше не беспокоил: костыль, гравий,
песок, солнце. – Петя по-

652

смотрел, вдумался и сказал: – Да, это правда, смерть ничего себе.

Через час, вымытые, мы возвращались этим местом. Человек с костылем лежал. Мы
присмотрелись к белому пятну на локте. Между нами была решетка. – Разве
посмотреть? – сказал я. – Не надо, – отв. П., – посмотри, вон там на откосе еще
лежит, а там вон еще... – Мы пошли.

А если он умер, скоро ли обратят внимание? Едва ли скоро. Разве кто-нибудь раз
заметит и подумает, вроде нас, а потом, опять проходя тем же местом, взглянет на
то же самое неподвижное белое пятнышко на локте. Но женщины могут и сразу же
заметить, сойдутся две, взглянут, зайдут с другой стороны, окликнут. Мужчины
нескоро, а женщины да, они могут скоро. Почему это?

Из Москвы от Страхова телеграмма: – Прошу передать Пришвину Пинеге начался
ледоход Сплав идет по десяти речкам из семидесяти двух.

Ехать, ехать скорее, чтобы войти непосредственно в лесную среду! но с пароходом,
кажется, плохо: кажется, сегодня не пойдет. Получился «пыж»...

Сведения с пристани противоречивые. Петя в бегах, кажется, едем завтра в 8 у.,
если найдем какую-то Медведку, у которой наша броня.

Опубликованы предсказания погоды на севере: с 22 мая резкая перемена к теплу, а
сейчас должно все холоднеть. И сейчас же после чтения стало теплеть. День весь
был солнечный, и к вечеру все теплей и теплей. У реки встретил женщину с тремя
немецкими легавыми, она сказала, что дупелей бьют ст. Сухона, Большие Дворы.

Сергеев Алекс. Ксенофонт.: Ленингр., 7. Лодочник. Орлов Николай Иванович:

Ленингр., 9. Фотограф. Алексей Голубцов – три немецк. легавых.

На полях: Глухари наиграли шею. Нина Пославская

16 мая. Солнечно и холодно. Рано собираемся, чтобы утром в 8 ч. выехать, и вдруг
на пристани оказывается: стерли мелом написанное «в 8 утра» и написали «в 8
вече-

653

да». Берем на пристани номер, маленькую комнатку из фанеры, вокруг все слышно,
как будто попали в центр тока. Приписка: (Разговор о человеке, ищущем себе
хороший обед, собака о трех ногах.)

Вчера явился охотник Н. И. Орлов, великан и с университетским образованием,
произвел впечатление талантливого человека. Рассказывал много интересного об
утиных, глухариных и дупелиных охотах. «Как найти глухариный ток? Случалось ли
вам, наблюдая ток, удивиться: было много глухарей, и вдруг нет ни одного, и ни
один не взлетал, куда они делись? А вот как бывает...» Орлов, растопырив пальцы
на ладони, показал движение крыла сверху вниз: это означало, что глухари

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru спустились бесшумно вниз и пошли пешком. Значит, на ток глухари прилетают, а с тока уходят. Вот и надо искать глухаринные тока еще в марте: «вы находите глухаринный след, идите ему в пяди и придете к певчему гавку». Вначале глухари не поют, а только дерутся внизу, и два охотника могут их нагонять друг на друга. Позднее, когда глухари наиграют шею, надо приходиться на ток с вечера и выслушивать прилет. На полях: (Глухари кончают петь, когда распустится осиновый лист.) Глухарь будто бы прилетает токовать всегда на свою сосну, и если ее срубят, токует на ее пеньке. Когда глухари слетелись, прилетает токовик и облетает весь ток.

Орлов рассказывал об утиных охотах на челноке Сергенева, об охоте на лосей: «сотнями бьют, 2 р. килогр. мя-со, сколько хотите».

И вот раз уже не приходится ехать, мы решили с утра отправиться к Орлову и продолжить разговор. Около десяти у. мы вторглись в дом Орлова, и разговор наш продолжался до 4 дня. С головной болью и при полном равнодушии хозяек (жена и дочь: похоже на Яловецкого) это было нелегко выдержать. Под конец к нам присоединился «северный король охоты» Сергенов, которому я заказал себе к осени челнок (задаток 100 р. – всё 350 р.). Лучшая утка Сергенева «Красавка» живет у него 18-ю весну (было, жили до 12 и до 15 лет, но кончались насильств. смертью).

654

Сергенов уже лет 30 как работает над своим челноком, делая ежегодно по одному. А конечно, многие копировали.

Молодые сидят по закрайкам на сухом месте, а старики токуют на мокром, но глухарки держатся сухих мест, и потому молодые нахаживают глухарок...

Тока глухаринные от Егорья (23 Апреля–6 Мая) по Ни-колу (9–22 Мая), пока не развернется осиновый лист.

Дупелиные высыпки от 24 Августа по 27 Сентября.

В семь вечера мы перешли на пароход и в 8 наконец-то выехали. В каюте очень хорошо и в рубке тоже, только в общей комнате стульев мало. Во главе с каким-то развязным молодым человеком с морск. знаками компания играла в карты, а мы стояли и не могли поужинать. И только уже когда я стал сильно нажимать на прислугу, главный картежник поднялся и сказал мне: – Садись, папа-ша!

К вечеру холодно, тихо, закат строгий, красный, реку перелетали утки парами.

17 Мая. Ясное и холодное утро. Наконец-то я выпался. Берега низкие с растрепанным лесом, как и у нас в Загорске. Буксиры ведут плоты уже не в Вологду на фабрики, а в Сев. Двину. Наш пароход очень медленный, и только 18-го мы приедем в Устюг, а в Котлас, вероятно, рано утром 19-го.

Молодой человек сидел на лавочке весь день и, казалось, чем-то вполне удовлетворенный в себе, с блаженством смотрел на воду, на лес. Месяц огромный показался в лесу и медленно вышел из чащи, и мягкие волны парохода стали колыхать и дробить его отражение. Молодой человек не выдержал и, завернув штанину свою, показал ногу-протез, новенькую, хорошо отполированную, с великолепными никелированными пряжками. Увидев такую ногу издали, пассажиры стали сходитьсь и толпой окружили молодого парня, удивляясь чистой работе: многие трогали отполированную ногу и поглаживали, а он, довольный, завернул вторую штанину, и там тоже оказалась точно такая же новая блестящая нога в хороших но-

655

вых чистых башмаках и даже с калошами. – А ну-ка пройдишь! – сказал кто-то из толпы. И калека, спустив брюки, встал и быстро пошел, так быстро и верно, что казалось, будто он заводной. И, как заводной, он, дойдя до борта, завернул кругло, достиг своего места и сел.

Месяц почти не уменьшился, когда вышел из леса, и нам стало при месяце на большой лесной реке Сухоне так понятно счастье калеки: жизнь вблизи так хороша! приписка: а мы на стороне и мы так мало понимаем, что она хороша: нужно, чтобы ноги отрезало, и тогда обрадуешься даже и деревянным ногам приписка: заменяющим природные свои.

Кто-то говорил в толпе:

– А в деревню приедет, станет, наверно, сразу же девкам показывать...

Приписка \ Так редко бывает: Месяц приписка: поднимаясь не уменьшался. Капитан и тот удивился ему, положил мне руку на плечо, показал на месяц и сказал: – Вот бы сфотографировать!

На полях: Мысль о жизни хорошей без ноги соединилась с законом сузема.

На полях: На гужой сторонке и старушка Божий дар.

В Тотье лесопильный завод, много ссыльных. Ссыльный из Воронежа рассказывал, что им теперь ничего живется и он лично зарабатывает иногда до 18 р. в день, но больше 5–6 р., и жить можно...

На полях: Деревни без деревьев.

18 Мая. Продолжается холод при солнце. Морской хозяин с К° ухитрились всю ночь

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
просидеть за картами, они были так заняты, что в уборной не успевали воду за собой спускать, и утром от этого и от табаку в рубке ужасная вонь. Приписка: До того было мерзко, что я остановился у стены и стал пристально упорно глядеть на морского хозяина. – Ты что, папаша, глядишь на меня? – спросил он. – Любуюсь тобой, – ответил я. – А кто ты и зачем едешь? – Я – инспектор качества, – ответил я. И еще

656

потом ссора с прислугой за то, что она вовсе не пользуется вентиляторами, а еще капитан, и еще, и еще, и так везде всюду во всем некультурный человек не хочет, не может, не умеет пользоваться техническими достижениями, создающими возможность лучшей жизни. Между тем где-то и у них дремлет какой-то эстетический запрос. Вот когда мы приехали в Устюг и капитан и другие побывали на ба-заре, всюду начался разговор о каком-то розане, и через некоторое время матрос весь в поту обнимал тяжелый горшок с довольно высоким деревцем, приписка: (мор-ской хозяин) принес его и поставил посередине стола в рубке, и весь экипаж, восхищаясь, собрался тут и смот-рел на деревце. Приписка: Инспектор по качеству думал: красота в добро переходит, и добрая вещь сама собой и красивая. – Розан, розан, прекрасный розан! – гово-рили женщины. – Если роза, – спрашивал я, – то почему же она без шипов! – Не роза, – отвечали они, – то роза, а то розан: это другое, роза с шипами, а у розана цветы по-меньше, но зато без шипов.

Незадолго перед Устюгом высоки живописные берега Сухоны перешли в знаменитые опоки. В Устюге Сухона слилась с Югом, и началась широкая «малая» Двина. Ме-сяц красный огромный над водами. И капитан почувство-вал и сказал: – Вот бы снять! 19 Мая. Вчера с вечера без всякой катастрофы стало теплеть. Мы приехали в Котлас в 2.35 ночи, сдали вещи на хранение и пошли светлой ночью искать жилище. В гос-тиницу не пустили, в доме колхозника тоже ничего не на-шлось, попали в комнату для приезжающих леспромхоза, где на двух койках спали два лесничих, между ними на столике стояли два стаканчика для водки и тарелка с се-ледочными хвостами. В полудреме на столах провели время до утра, и, когда начались занятия, в Леспромхозе нам устроили номер приписка: Красный угол и присла-ли сюда человека для ознакомления с производством.

Забитый жизнью человек сказал, что у них тут в деле одна напряженность и никакой личной жизни. Зато на

657

окраинах ежедневно воровство и резня: это единствен-ный протест личности против «напряженности». На по-лях: личность есть равновесие на канате
Какая ужасная грязь! в первый раз я понял тут проис-хождение деревянных тротуаров. Это роют глубокие ка-навы для осушения и по ним для ходьбы настилают до-ски. В Котласе из-под таких тротуаров вонь, везде, всюду вонь... После обеда, к вечеру, когда мы шли на пароход, пристань брать билеты в Верхнюю Тойму, нам встретил-лась опять собака с ампутированной лапой, которую ви-дели мы утром, и еще люди, с которыми мы спали в Лес-промхозе, и еще... Это доказывало, что мы уже все видели и все стало нам повторяться.

Двина после ужасного Котласа явилась нам как вторая, какая-то небесная прекрасная жизнь.

В 6.35 в. мы сели на пароход «Иван Каляев» и поехали по тихой великой Двине, к которой теперь прибавилась Вычегда.

С берега до берега так далеко, что светлую ночью не-возможно разобрать, что там на другой стороне. На реке паутинки – это боны, направляющие моль, которая вре-мя от времени довольно сильно бьет в пароход. Совсем удивительно, что по этой паутинке человек идет. И мало того, у него есть тут на этой паутинке избушка вроде соба-чьей конуры, на стене ее нарисована фигура человека, оагеркнуто: показывающего делающая пароходу хуже, чем мефистофельский жест. Петя оказался философом: говорит, что раз это было священным в Египте и выража-ется видом нашей христианской колокольни, то почему бы и тут не быть на избушке сторожа, охраняющего боны. «Во всяком случае, – сказал он, – это все не так просто, иначе такое неприличие отменили бы декретами». Мы догнали буксир, ведущий плот к Архангельску; уступая нам дорогу, буксир плотом своим захватил бон вместе с избушкой, повлек за собой, живой человек выскочил и сел в челнок, нарисованный человек закружился, пока-зывая себя во все стороны.

658

20 Мая. Мы приехали в 5 у. Совершенно тепло. Вче-рашний день надо считать переломом. Снег, медленно та-явший до сих пор в лесах, дал воду. Внезапно сплав, про-ходивший до сих пор на низких горизонтах, пошел на высокой воде, и затрещали запани, выдерживая давление своих нагроможденных «пыжей».

Почтарь согласился увезти наши вещи на высокий бе-рег Двины, вслед за подводой вскарабкались мы и попали в Верхнюю Тойму – районный центр, ныне проглотив-ший совершенно когда-то небольшую деревеньку. При-писка: Обыкновенно учреждения

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
теряются в массе домов, и сколько их всех, можно знать только отвлеченно, по книгам; здесь же все на глазах, как рыба, вынутая из воды и продолжающая жить в стеклянном сосуде. (Надо сделать список учреждений.)
После обычных хлопот (очень утомляющих, делающих путешествие трудным) нас внедрились в дом колхозника, выселив из номера трех несчастных. Грязно, клопы, но отношение начальства прекрасное, и вера, что мы доберемся до Пинеги и сохраним восприимчивость к лесной жизни, вернулась.
Попив чаю из заготовленных на пароходе термосов, мы пошли смотреть запань на Верхн. Тойме и с высоты берега увидели, как Тойма, змеясь по низине, подбиралась к высокому берегу Двины, и поняли, как она его размыла (я вспомнил ручеек, стекающий по высокому берегу Сухоны вниз). Сейчас очень красива эта дверь, через которую вливается Тойма в Двину. Издали бревнушко за бревнушком плывут по Тойме, накапливаясь у запани, замыкающей выход в Двину. Обыкновенно мокрое бревно, скользя, нажимая на другое, ныряет под него, и следующее, ныряя под это, давит на верх, и верхние бревна, поднимаясь, щетинят «пыж». Я сделал два смежных снимка (не забыть!).
На полях: NB. Пыж есть содержимое запани.
Пришел уполномоченный Крайкома (Лаврентьев) и дал мне много ценных сведений о лесе. Он говорил, указывая

659

на пыж, что тут всего лишь 20% взято с площади, на которой росли эти «хлысты». Остальные хлысты как маломерные оставляются на месте и предоставляются, выходя лет на 300 из сферы хозяйственного пользования, естественному возобновлению. Кроме того, эти оставшиеся 80% деревьев не дают возможности применять механизацию (машины). Между тем маломерный и всякий лес можно химическим путем использовать дочища и освобождать место для правильного возобновления. (В Архангельске ознакомиться с делом химизации лесной промышленно-сти.) Если посмотреть на северный лес сверху, то представится сплошная зеленая масса, прорезанная сетью вен – речками. На самом деле масса этих зеленых лесов подрезана и выведена из хозяйственного пользования на сотни лет! К этому вопросу, решаемому сплошными рубками, химизацией и механизацией, примыкает вопрос обсеменения и об использовании рабочей силы. Механизация должна уменьшить потребность в рабсиле – это раз, и второе, средство повысить интенсивность труда – это дать колхознику «свой интерес» (заняться надо личными счетами, некоторые откроют, что колхозник работает даром). Среди дня было вовсе жарко, пробовали тучи насесть, но разошлись, и вечер опять был тихий, теплый и солнечный. Ходили на запань, – вода прибывает, моль нажи-мает.

К самому вечеру в номере духота. Мы вышли за околицу к ручью в овраге, возле которого лежал еще снег, и стали записывать. К нам подошел мужчина с лопатой в руке и сказал нам, что в лесу, в ельнике, везде еще снегу очень много (что делают леса!) и что он сейчас не видит особенного запаздывания весны: здесь случается, что и на Нико-лу 9-го (22) Мая везде санный путь. Сам он, охотник из Выи (на Пинеге), теперь отбывает принудиловку за то, что раньше «много работал». Он ловил глухарей и косачей петлями. Говорил, что и сейчас и здесь недалеко глухари еще дерутся на снегу и их легко ловят петлями на току, а косачей так штук по сотне. На Пинеге же всего много,

660

сейчас там рыбы много и медведи ходят по проталинам возле рек.
И человек этот, и рассказ его о зверях и птицах, и эти хлопоты и неурядицы в пути при скитаниях, – все это до точности сложилось с тем, что я испытывал 30 лет тому назад в поисках на севере страны непуганых птиц. И так теперь понятна мечта о такой стране, возникающая среди трудностей самого путешествия: удирая от клопов и прочих удовольствий на одном месте, надеешься на другом месте найти себе место получше и, не находя, движешься все дальше и дальше, незаметно скопляя у себя в уме и сердце запасы для создания страны непуганых птиц.
Приписка: И в самом деле, как только увидишь птиц – так и обрадуешься и хорошему человеку. И сейчас у меня сохраняется полная уверенность, что страна эта существует и только мы не умеем, не хотим даже сделать личное усилие для ее достижения (нужно по крайней мере ноги отрезать человеку, чтобы он начал чувствовать бесконечную ценность жизни).

21 Мая. Спокойно ни одна ночь не пройдет. В 3 ночи дежурная настойчиво требовала впустить приезжих, повторяя на все мои аргументы спокойно и настойчиво: «у вас четыре койки, а вы занимаете две». Не пустил, но и сам не заснул и валялся до 4-х утра, стряхивая время от времени клопов с кровати на пол.

А вода между тем из заваленных снегом лесов натекала, поднимая горизонт Тоймы выше Двины: на Двине поднялась на 20 см, а тут на 60, моль давила на запань и прорвала ее на Нижней Тойме. Директор не приехал, заместитель бросил нас и

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
ускакал, и все учреждения, и ВКП и даже прокурор занимались сплавом. На Верхней Тойме, у нас, бревна, проплывая, ныряли под «пыж» и так наби-вались до самого дна, и от давления снизу там и тут из се-рой массы моли отдельные бревна вдруг вскакивали, как мертвецы из могил у Гоголя, и так оставались, и так боль-ше, больше, и к утру весь пыж стоял как ежик: приписка: там, тут стоящие бревна. Порвало почти все канаты, вы-вернуло многие мертвяки, и рабочие вновь копали и, схва-

661
тывая канатами и тросами запань, утверждали концы в новых мертвяках. Мы ходили по запани, набитой брев-нами до самого дна, в штиблетах, а инженер даже в белых башмаках. Он говорил, что давление на 1 кв. метр такой запани 30–35 тонн, что в запани сейчас до 40 тыс. куб. метров (на пространстве 1 нрзб. километра): это глу-бинный залом.

Затайка рано началась, а потом пошли заморозки: большие реки прошли, а малые остались, и их пришлось взрывать. Двина вышла 22-го (? – узнать и развить этот мотив).

Хвостовой караван (зачистка хвостов). Река вошла в урез.

Зашли в ВКП: секретарь переговаривается с Горкой: «На Нижней Тойме порвана запань: некуда навешивать сортировочную систему. А?» Какой-то ответ, секретарь смеется. Уполномоченный крайкома спрашивает: – Что он сказал? – Он сказал, – ответил секретарь, – «веселое дело!»

Двина прибыла на 20 см (благодаря вычегде, а на Су-хоне и юге вода вовсе пала) – на 22 см. Двина, а в Тойме в одни сутки прибывает полметра: какой скат! Река Тойма сейчас – поезжай хоть на пароходе, а пройдут из леса сне-га, и реку переедешь на телеге: сбежистая река.

Чаши приписка: сюда психология непуг. птиц – в районе Горок, частый переспелый бор-беломошник: та-кой частый, что дерево срубишь, авзять невозможно: дереву некуда падать. Лес ровный и спелый, тут стяга не вырубишь.

Секретарь Райкома не только лошадей – подводу и вер-ховых, но даже и масло, и сахар, и хлеб устроил в один миг. А бывший тут редактор «За новый Север» взялся все прислать и от себя догадался и прибавил килограмм пече-нья. В Райкоме даже и о сплаве больше бы сказали, чем в Леспромхозе: там уткнутся в деталь и не видят целого.

Люди, живущие у северных рек, дровами не запасают-ся: дрова к ним сами плывут.
662

Хвостовой караван.

Вечером девушка, похожая на клюкву, все нам прине-сла. Пришел конный человек и обещал лошадей предста-вить утром в пять.

Из Верхн. Тоймы утром в 6 у. 22-го Мая: Гора Вершин-ная 24 килом, в У212-го дня; выехали в 4 веч.; прибыли на «Половинку» (половина волока) в 1/2 10-го = 22 килом., 23 утром: в 4 утра выехали в Извоз «на струне»: приехали в 8 ч. = 22 км; выехали с Извоза в 4.15, приехали в Керге на Пинеге в 7 веч.

22 Мая. Лошадей подали в 1/2 6-го. (Что значит секре-тарь Райкома!) На прощанье записал о доме колхозника: кровать деревянная, набитая клопами, и рама ее на нож-ках движется, как гармонья; на раме две палочки, и на па-лочках три тонких неровных, неструганных дощечки, и на дощечках матрац шириной как раз в человека, набит со-ломой и почему-то выходит горбом, с этого горба непре-менно скатываешься и всю ночь пытаешься удержаться на высоте, и стоит ногой упереться в дощечку, скрепляю-щую станки гармоньи, как рама едет, палочки выкатыва-ются, и падаешь внутрь со всем содержимым кровати. На стенах висят лохматы обоев неопределенного цвета, из под них вторые лохматы газет: это все великие полчища клопов; и так всякая вещь сделана так ужасно плохо, как будто делал человек, задавшийся целью методически му-чить множество людей, посещающих дом. Даже стол с по-веденными досками: ничего поставить нельзя, все съез-жает и скатывается на пол, а из тарелки выливается. И какая рационализация! в умывальнике оторвана крыш-ка – воду можно наливать без задержки, форточка просто вынимается и прислоняется внизу к стене; в уборной на деревянному полу просто топором вырублен желобок для стока. И возможность жить в таком-то жилище мы получи-ли через начальство и с трудом удержались в нем: дежур-ная разбудила ночью в 2 ч. и долго не отставала, требуя спустить незнакомых людей, отвечая на все аргументы: «вас двое, а коек четыре!»

663

В 4 верстах надо переезжать Верхн. Тойму: река сбе-жистая, выносит медленно тающий в ельниках снег и по-том мелеет. Сейчас это большая река, лошадей нам дали до реки, а на другой стороне в дер. Сухой нос ждут лошади из обоза Леспромхоза, присланные из Вершинной Горы.

Так мы выехали в 6 утра. Погода вернулась холодная. На ржаном поле заметили стайки ржанок, их зовут здесь серули. Перевозчик старик переправил нас на ту

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
сторону бурной лесной Тоймы. Там, в Сухом носу, нас ждали «ле-дяночки», лучшие лошади обоза, работающего на ледяной дороге, моя, напр., карья по 4 комплекта таскала. Снимал старика на Тойме.

На полях: узкое место: вокруг лес, медведи

Ехали по правому высокому берегу Тоймы, и на другой стороне был высокий берег. Было за Сухим Носом красивое озеро, пересекали лесные ручьи. Сморчок у дороги много помог нам определиться во времени года: когда-то давно, кажется, мы видели сморчки под Москвой. Там и тут в лесу еловом белел снег, а между тем лягушки только что икру выметали, но еще более удивительно было для нас, что в то время, когда снег еще не вышел, наклюнулись березовые почки: это показывает, насколько ледсистость влияет на задержку оагеркнуто: снега на таяние снега. Слышен шум весенней реки, сквозь не одетые ветви берез, покрытые зелеными почками, виднеется внизу голубая река.

Не везде ли тут именно ельники охраняют истоки рек? Мне кажется, это множество весенних речек, текущих по огромным пространствам лесных массивов, только и отличаются этот лес от подмосковных.

Мы ехали шагом, стараясь не уезжать далеко от подво-ды, следующей за нами, приписка: В глухом лесу мы обогнали женщину в голубой новой юбке, в ярко-желтом платке, шла она босая очень быстро и в 1/212-го приехали в д. Горку, сняли тут старинную церковь и потом отправились в рядом с этой деревней на р. Тойме Вершину (тут сельсовет). Пока выкармливали лошадей, мы отдох-

664

нули, беседовали с зав. лесопунктом о Пинеге. В 4 в. выехали и километров через 10 переехали Тойму приписка: где стоял трактор «Сталинец»: стоял, или не решаясь через мост, или не хватило горючего? и поехали по другой, тоже высокой стороне. Дорога наша разделилась надвое: резко вправо шла та же тракторная дорога и тоже с телефонными столбами, обрытая канавами. Стали думать: лошади почему-то вправо завернули; мы еще раз вернулись назад, вольно пустили, и опять они вправо. Но вправо дорога поновее, и, главное, влево шел след трактора, значит, и нам влево. Так мы и поехали. До сих пор долина Тоймы была оживленная, виднелись деревни, теперь мы ехали до последней деревни, и на дороге везде у нас был теперь след трактора, и часто видели мы тоже на белых клочках снега грязные следы зайцев, и тоже мы раз [видели] след босой человеческой ноги на снегу. «Не медведь ли?» – подумали мы, но вспомнили расфранченную женщину и решили, что это она обогнала нас, когда мы отдыхали... и шла теперь где-то впереди нас.

Прошло немного времени, мы с удивлением увидели, что женщина эта стоит лицом к нам и машет рукой, а дальше далеко впереди заяц сидит. Скоро заяц прыгнул в кусты, а женщина, дождавшись нас, сказала: – Нехорошо, заяц дорогу перебежал. – Так он же тебе, а не нам перебежал, – смеясь, ответили мы. – Нет, – серьезно сказала она, – я же вам махала рукой, и мне, и вам, мне-то что – я здешняя, а вот вам... – Не успела женщина это сказать, белка перебежала. – А вот успокойтесь, – сказал я, – по нашим приметам, белка всегда к добру. – Ой ли! – обрадовалась женщина и рассказала нам, что спешит в последнюю деревню, в Милу, где сегодня годовая праздник Никола Вешний. Приписка: – Что же ты босая по снегу? – Колхоз, – ответила она, – не свои лошади, так виш: переходное время. (Мы долго смеялись: переходное время.), колхозы: тракторы.

Мы все время поднимались на гору, а Мила, казалось, была у самого неба. Отсюда далеко мы видели наш путь,

665

исчезающий где-то за черной завесой леса, потом за синей и за голубой. В деревне разноцветные девушки танцевали кадрили, парни раздирали гармонь, и дедушка седой и красный, опираясь на молодку, вылезал из двери своей избы и не мог вылезти; и все пел частушки и топтал. В 210 в. мы приехали на «Половинку» (половина воло-ка), тут была изба для корма обоза. Хозяйкой была спец-переселенка из Белоруссии, старуха, одна из мучениц колонизации севера. Легли мы в комнатушке очень усталые: ноги болели от непривычной езды, хотели спать сколько хочется. Но скоро грянул петух, ночующий зачем-то в комнате рядом с нами, и открылась слуху масса людей, без всякого стеснения беседующих иногда во все горло. Петух грянул и второй, и третий раз. В 3 у. я решил ехать. Хозяйка про петуха рассказала: девать некуда, еще холодно, что дело куриное дело здесь новое, а на Пинеге куров все нет, что люди, ночующие у нее пешеходы, идущие далеко (как теперь лошадь достать? кто теперь ездит? Дети по 200 верст проходят из Котласа). Приписка: х

Переходное время между лошадей и машиной – пешком.

Узнали, что трактор, который мы видели, хлеб возил на Пинегу: 50 мешков; что это первый трактор пришел, и на Пинеге впервые увидели трактор; но очень он много мостов наломал.

На полях: В переходное время между лошадью и автомобилем людям приходится переходить пешком.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
23 Мая. Суровая погода, вот-вот снег или дождь. Выехали в 4 у., твердо решив держать коней все время на вельселем шаге и, не заботясь о подводе, прибыть в «Извоз» (22 км) в 8 утра. Дорога очень плохая, много снегу, но то-го, что говорили «снега по жопу хватите», не было. Лес очень утомил, все ждешь и ждешь просвета и понимаешь славянина, понимающего лес как беса. Приехали к полям спец-переселенцев, «Талицы»: это корчевка... мысли о «па-дающих» приписка: Как бы тот свет революции: греш-ники^л тех, кто был прям и держался «труда», и вообще о хороших оагеркнуто: людях куропатках, попадаю-щих в когти ястреба они верили, что вернутся, не допус-

666

кали возможности... приписка: до чего живучи: [дом] – отняли, другой дали – другой отняли а маленькие дети, погибшие тут? (уполномоч. сказал: «лес рубят – щепки летят»). приписка: Сюда можно о двух: казак и белорус: 1-й мотив казака и белоруса. Казак и ясли. К Калинин.

На полях: Революция загнала в сузем разных людей и, конег-но, попадали и по наговору... с царем-то легге оказа-лось расстаться, гем с рублем: мужик – вегность земли, купец – рубля, а лигность – свободы. Ла-дится сплавить. В какой сузем загнали (50% по-гибло).

Мы все ждали, что Тойма еще раз перебежит нам доро-гу ручьем, но вдруг явилась большая река Охтома, бурно бегущая в Пинегу. На берегу стоял ужасного вида горев-ший когда-то и поваленный ветрами лес. Дождь начинал-ся. Тут на берегу стояла избушка фуражиста. И мы тут до-жидались с 8 у. до 12 нашего Андрея, у которого сломалась ось. Приписка: Дождь – гость. Приходили спец-пересе-ленцы и разные люди прохожие. Я старался на лавке со-снуть. Стал расчесывать волосы. Хозяйка грустными гла-зами, с тоской смертельной, как обезьяна смотрела на меня, как я расчесывал волосы. – Делаешь? – спросила, – или такие? – Не родись богатым, – отв. я, – а родись куд-рявым. – Хорошие волосы были! – А они же и теперь вьются. – Сивый! – сказала она и с прежней смертельной тоской смотрела дальше, как я. – Куда же тебя он везет, в какой сузем тебя загоняют? – опять спросила она с той же смертельной тоской. И показала на Петю и на его коня в окно: оказалось, что на этой лошади ездил агент НКВД, и что Петя с ружьем и в кожаной куртке, так это... Я расхо-хотался и сказал «обезьяне», первое, что Петя мой сын, а про себя, что добрый молодец поневоле не ходит. – Мо-лодец! Сивый! – опять грустно сказала она, а река и дождь [и тишина] и так страшно быть робинзоном, и так мало, так вовсе нет времени, чтобы для себя подумать... (конец всяким обманам), а сколько птицы вокруг, сколько рыбы в реке, сколько лесу, ягод, грибов... Приписка: Обезьяну соединить с казаком и белорусом.

667

На полях: р. Лохома в Пинегу, 6 в. ниже Керге, р. Куглюга возле Керге впадает в Пинегу

Рассказы фуражиста, что косач у них – польник, а глу-харь – тетеря, что ток польников по 100 шт. Ели польни-ка.

Неудачные опыты сна на лавке. Деревянные девицы с лесосплава шли в свой спец-поселок Охтому: молчали-вые, без улыбок и всякой живости. Слухи о том, что в Гор-ку надо переплывать через четыре реки... Решение: ехать в ближайшую деревню на Пинеге Керге и оттуда созво-ниться с Согрой (Горка) (14 кил.) и ночевать в Керге. От-правили вперед Андрея по дождю. Местная примета: дождь как гость: утром пришел и уйдет, а после обеда при-несет – ночевать останется. Но гость наш вдруг ушел, и в 4.15 мы выехали.

На полях: Лес, который 200 лет копил в себе солнегную силу и сгорел: жил для себя – гтобы [отжить] – какая бессмыслица. Вероятно, так и бывает без геловека всегда...

Возмущение мое нелепицей вдруг исчезло: улыбка бы-ла мостом от...

Вся красота, вся прелесть севера в этих нечаянных улыбках природы, когда вдруг с тебя как бы сваливается все бремя, и ты все прощаешь... Так вот тут, в этом бору, бессмысленный пожар погубил лес: на десятки верст он лежал обгорелый, черный. Но теперь, после дождя, в свер-кающих каплях везде, почти закрывая черные стволы умершего леса, поднимался молодой сосняк.

Соединяется с белорусом, человеком труда и долга, в противоположность казаку – человеку войны и воли, а долг – личная жизнь. Ширина – казак, глубина – мо-нах. 24 Мая. Дождь и холодно. А нам очень хорошо: «пин-жаки» оказались тем самым народом, который 30 лет тому назад очаровал меня в Карелии. Ни малейшего со-мнения в том, что у меня кто-нибудь возьмет что-нибудь,

668

и тысячу рублей я спокойно оставляю в куртке висеть... Приписка: В прежнее время в нашем [народе] меня это трогало, теперь, [после] революции, я знаю, что 3 нрзб. – финское начало. Тут гордость, чувство собственного до-стоинства: «мне чужого не надо, хоть и нет своего, да как-нибудь лучше обойдусь, чем

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
воспользуюсь чужим».

«А что вы сделаете, если необходимость (сила) как смерть подойдет? остается или стать против и жизни решиться... но ведь спец-поселенцы, их судьба у всех на глазах: половина из них погибла в лесах, другая половина согласилась жить. И если жить, то надо выполнять то, что требуют, и еще больше, чтобы тобой дорожили и так внутри дела оказался бы ты первым лицом, а не тот, кто тобою распоряжается». Это борьба за личность, за собственное достоинство. Приписка: Думая о «загнанных в сузем» и погибших, втайне радуюсь, что сам остался в живых: улыбкой тайно природа... Это как после пожара и бури в лесу первая поросль между лежащими черными стволами, когда каждая мутовочка говорит: «втайне радуюсь сердцем, что сама осталась в живых». Следующий этап – это когда побежденный перерастает своего победителя и тот исчезает, расходуется, как туман приписка: в думы о сгоревшем лесе».

Наша поездка долиной Охтомы была похожа на поездку берегом Верхн. Тоймы, только дорога здесь бором прекрасная. Вблизи Керге вместо Охтомы явилась Пинега, сейчас очень большая река, летом – вброд переходит: сбежистая. В 7 ч. приехали в деревню Керге и остановились у председателя Василия Павловича Чередова. Колхоз «Бедняк».

Пинжаки – это люди, отразившие в себе последнюю простоту леса. У них не было кур (потому что, во-первых, не было для них зерна, во вторых, охотн. собаки). Не было вовсе свиней. Они охотились, работали на сплаве леса и на деньги покупали хлеб. Все из леса: бадья в колодце, канат из березовой вицы, коньки, олени и подохлупники испр.: охлупь (чтобы князь не гнил и ветер крышу не снес). Набрать материалы.

669

Доверие к науке и ученому человеку. Мой термос, бинокль, фотоаппарат, ружье. Приход парохода – это народный праздник, все одеваются в лучшую одежду (раз в год). Полнейшая уверенность, что наука – это великое благо. Я сказал о сыне: «это тоже ученый человек», и хо-зяин ответил, что: «а как же иначе?» Просится в голову как традиционное продолжение: разочарование их в цивилизации (но ведь у нас коммунизм, у нас доверие к науке должно быть оправдано; и отсюда: если ты и не веришь, то все равно не имеешь права прибегать к традиционному заключению). Председатель колхоза человек неграмотный, за это против него большая часть, но начальство поддерживает, и Василь Палыч Чередов уже третий год председателем. – А нам что? нам все равно, кто бы ни был, наша работа не переменится от председателя: работал и буду работать! Наш председатель Палыч ничего, как мир, так и он: само-стоятельный.

На полях: по рекам в хвойных лесах трава. Есть ли кошки?

Охотник и медведь... везут Дмитрий Матвейг, Председатель РИКА

Река Пинега от Керги идет сверху из-за ста верст и туда приходит двумя реками: Белая река и Черная река, с Белой реки лес уже сплавлен, а Черная река рождается в темной раде (болотный ельник = темная рада; светлая рада: сосна по болоту). Там, в темной раде, есть родник, из него и начинается Черная река. Отсюда же недалеко начинается р. Лоха, но бежит она не в Пинегу, а в Двину. Верховья рек чаще всего, наверно, таятся в темных радах: ельник задерживает таяние снега. Верховья рек, их истоки вообще интересны, и об этом надо расспрашивать. Так вот, р. Лохомы вытекает из Чуровского болота испр.: рады ручейком. Ветровой на все верховье лес навалил, и сквозь этот большой лом новый лес пробился, вырос большой, а под лесом внизу, под Ломом, как под землей, бежит река Лохомы.

Керга раньше имела охоту на Белой реке, и в сентябре вся деревня на стружках поднималась вверх на промысел.

670

Теперь колхоз выделил 5 охотников, которые работают для Союзпушнины и добывают оагеркнуто: пушнины больше, чем раньше. Птицы же много не требуется, и она теперь сильно множится: «в лесу теперь птица гремит».

На полях: Женщина и ребенок.

Согра. Керас. Керга.

Как не лугше? Неужели хуже?

Несмотря на дождь, охотник Романов приписка: пар-тизан Быстров повел нас в лес показывать силовой пу-тик. На муравейнике ставится сило на тетерю: бьется, бьется с веткой, обматывается вокруг дерева и помрет. Близко к опушке ставится сило на польника: возле дерева из ямки набирается песок, и насыпается тут же у дерева гу-меница (или печка), непременно чтобы «на свете», т. е. чтобы хорошо было видно птице. Сило из волоса, а то бы-вает для тетери сутужное сило из медной проволоки. За-тески на деревьях: путик: кончается избушкой или же возвращается к исходу. Так: Соха на поле – тетеря на зем-лю. «Сделал гуменицы, птица прижилась, ставлю силиш-ки». «Притешу новые дорожки».

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
– Как живете? – Не очень. – Почему не очень хоро-шо? – Потому что
сознательность. – Чем же мешает со-знательность? – А как же, надо ведь
государство под-нять. – А единоличники живут лучше? – Неужли хуже для себя
одного работать?

Появляется мысль о том, что единоличники, оставаясь в сильном меньшинстве,
должны чураться колхозников, поднимающих в общей беде государство; и колхозники
тоже должны же чувствовать неприязнь к тем, кто живет для себя; предрика на это
заметил: все это верно, только в основе своей колхозники побеждают тем, что их
работа производительнее и живется им лучше; к последнему поправка: предрика
смотрит на то, как должно быть, в ка-ком направлении ведется политика и как
будет, а колхоз-ник говорит о том, как есть в настоящее время.

Польник – польноха, тетеря – пеструха. С л уды – крутые берега.

671

После обеда к вечеру, как и вчера, превосходная пого-да, но, конечно, тепло не
[весеннее]. Говорят, что весна здесь запоздала на две недели.

За день мы сходили в лес, вымылись в бане, хорошо после бани отдохнули,
записали...

25 Мая. Возле самого дома токует польник. Светлое росистое утро. Снимаю коньки
на князях. В 7 у. выезжаем в Согру на лодке. Везет молодой парень, не очень
доволь-ный временем. Вот в Согре церковь на клуб передолали, будто бы по
согласию, а какое согласие: «ведь мы-то ниче-го не понимаем: и кто понимает, тот
хочет нарушить, а кто не понимает – боится». – Что же, – спросил я, – разве
от-того, что церковь закрыли, люди молиться перестали? – Перестали, – ответил
он. – Деревянную церковь закры-ли, и вера кончилась? – Кончилась.

Бережину всю сплавили, и то, что видно на берегах как лес – это не лес! И скучно
так ехать. Устье Лохомы проеха-ли, несколько деревень, последняя деревня
Противная и потом Согра. К счастью, застали здесь председателя РИКа (из В.
Тоймы) и с ним вели большой разговор.

Как трудно найти массив для выполнения плана лесо-заготовки, цельный и
невозможно: прошлый год 590 тыс. кубометров заготовлено в 78 лесобазах: нынче
600 т. к. м. в 90 лесобазах. и то местами приходится производить 3-ю выборочную
рубку.

Гибель лесов. В помощь химизация: смолокурение и жечь уголь (брикеты).

Выборочная рубка еще и тем губительна, что бьет и гу-бит, падая, другие деревья,
и если это елки, бьет насмерть: они живут, болея.

– Хоть реви!

Рабочий живет и питается неплохо на сплаве, во вся-ком случае лучше, чем
служащий в городе: «в лес поедешь и поешь, и веселей» (сказал Савин).

Плакаты, над которыми все смеются, напр., показан пример рубки: так надо, не
надо, черное – снег – что это за лесоруб, если снег не оттоптал.

672

На полях: Катя – из Сельсовета, Нюра – Завед., Дуня, Ма-ша – Леспромхоз.

Медведь на пыжу: с одной стороны на другую по пыжу перебежал медведь.

Медведь (годовой) лег в стогу и был подпором убит. Брали сено, а он взревел,
если бы промолчал, долго бы еще полежал.

Пароход шел вверх по Пинеге, вдруг белка вздумала переплыть на ту сторону. При
приближении парохода бросилась вперед и опять хотела в воду, и опять пароход
остановил ее...

Лиственница на берегу. Сидят глухари. Один пассажир стреляет. Пароход
привертывает. Берет глухаря, а пред-рика Дмитр. Матвеевич шутя говорит: штраф
100 р. Охот-ник испугался, а тот шутя сказал. И опять лиственница и глухари,
пароход под самым деревом. Предрик смотрит на глухаря и ждет, но пароход
проходит – птица не пада-ет. Тут председатель понял, что охотник шутку не понял,
боится. А глухари парохода совсем не боятся.

В. Тоймские пильщики ходили с продольной пилой по всей стране, но пинжаки из
Керги, Кераса, Согры никуда не ходили на сторону: лес сплавливали и охотились, а
жен-щины сидели дома возле ребят, возле хозяйства. Теперь и мужчины и женщины
все на работе, и женщины работа-ют еще старательнее.

Пароход забрасывает 2000 тонн муки и овса.

Сеятель из лукошка, он же инспектор по качеству.

Сезонные строения охотников на Вые.

– Хорошо работать с пинжаками, надо только обхо-диться, не обижая, и все, а вот
Двина и уж другое дело!

д. Василево по Вые – самое глухое место, все охотни-ки.

Трудпереселенцы 29–30 г.г.: донцы и белорусы; донцы разбегаются, белорусы
работают.

673

– Наша вина, что до сих пор игнорировали личный интерес колхозника в лесе.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
– Наша вина, – сказал предрика, – что раньше мы игнорировали личность колхозника, бывало, праздник, и мы тут с плакатами за лишний кубометр; теперь же пиво наварили и плясать.

Колхоз «Красная Выя» дал 22 охотника. 5 кг рыбы за трудодень.

На полях: финны; медведи – вывернутый кокорь

Отличие сплава на Пинеге: в первую очередь пускают вольницей двухрядные плитки зимней сплотки, а когда вода сбудет – моле: тогда моль идет спокойно.

Спецзаказы – несколько плиток сведены штук по 6, с людьми.

Двина под Тоймой тронулась 17-го Апреля.

В хвойном лесу лежит на земле хвоя, и на хвое растет мох, брусника, – оленю дикому или домашней корове тут нечего взять. Но рек в этих лесах очень много, и в их долинах всегда зеленеет трава, сюда идет скотина, и тоже сюда, как только встал из берлоги, идет на светлянку на солнышко погреться и поохотиться у берега медведь. Много, много в северном лесу медведей. Так вот на р. Иле-ше несколько дней тому назад собрался оагеркнуто: по-вар пекарь лесопункта пойти убить тетерю, идет опушкой вдоль речки и видит, олени пасутся, штук пятьдесят.

Подкрался к ним, – что делать? запрещено бить дикого оленя, нельзя стрелять, но, конечно, стрельнул бы, если бы ружье не дробью заряжено было. В это самое время и медведь тоже, наверно, подкрадывался к оленям, но по-вар не видел его и с досады, что стрелять нельзя, вдруг прыгнул к оленям и рехнул медведем. Вмиг олени рассеялись, и вдруг повар видит, недалеко от него вроде как бы медведь. И только шевельнул повар ружьем, в один миг медведь возле него, и так близко, что ствол ружья с мушкой уже далеко сзади медведя торчит. В такой оагеркнуто: момент раз в страхе человек замирает, да и нечего же делать-то больше: чуть шевельнись, и он на тебя. Так сколь-

674

ко-то человек и зверь побыли друг против друга, и чело-век начал материть. Медведь повернул, и тут от страха у повара как хватит ружье, и медведь тоже ужасно испугался и в один миг исчез...

Много, много в северном лесу медведей, и мох на выворотнях от времени буреет, и до того похожи эти выворотни иногда на медведя, что прямо вздрогнешь, а таких, что вот поглядишь-покошишься или внимательно всмотришься – это постоянно даже днем бывает у всякого...

На полях: бревна подпыжились Запыжили

Приписка: Сура, Довела и Явзора, – нет простых красивых имен, особенно Явзора, а река Поганец и притоки Поганца – Сура, Довела, Выя, Противная

Согра – Керас – Керга и среди них Противная, Пога-нец или Явзора. И так же точно население и в своих внешних чертах, и по характеру особенно явно видно, что тут основа финская. Поначалу я давно это хорошее впечатление с честным, трудящимся, правдивым человеком на севере понимал как радость от встречи с первобытным, неиспорченным человеком. Но теперь, думаю, верно разглядел в этом хорошем финскую природу. Между прочим великороссу, выросшему среди не так, может быть, угнетенных, как разбалованных барством великороссов, люди почти всякой народности представляются лучшими людьми.

Наша квартира в ОРСе: две комнаты, пустовавшие зимой, потому что печка в неисправности. На другой половине дома столовая ОРСа. Время обеда прошло, но для нас велено было готовить обед. Тут оказывается, что в кухне перемена: заведующая уходит, а на смену ее девочка Нью-ра, лет 15, на тоненьких ножках, ничего не понимает. Между тем для нас была оставлена свинина, но кто-то ее распорядился куда-то отправить. В ОРСе нет масла, мяса. Нам отпустили горсточку мелкой рыбешки и глухаря: из глухаря велели делать суп, рыбешек жарить на постном масле. Варили обед часа два, дали уху, а глухаря обещали дать к вечеру. Есть уху из нескольких маленьких рыбок

675

невозможно: это вода с подсолнечным маслом. Чуть не вырвало.

Пришел предрика и предсельсовета. Я отчетливо объяснил, что так работать нельзя: то жилище клопное и невозможное, то пища голодная, никто не хочет помогать, и денег полный карман, а девать некуда; нет масла – пусть купят хоть за 500 р. килограмм! и т. д., – все высказал. Предрика выслушал, опустив глаза, потом встал, взял с собой предсельсовета, сказал: «надо устроить!» и вышел. Вот, наверно, пошла кутерьма! Начальники вернулись не очень скоро, но веселые с резолюцией: ОРС зарежет для нас поросенка, за маслом пошлют в колхозы, принесут са-мовар, женщина будет служить.

Приписка: (Сюда: перемена в женщине, колхоз – пионер земледелия).

Мы отправились смотреть посевную колхоза «Красный боец». Хозяйский глаз предрика: «спустить лужи». И на детей: «сколько их сеют и какие крепыши!» (а мы не видим, что крепыши, вероятно, это тоже «идея»). Разговор с инспектором по качеству («десять таких старичков подобрал, не работают, а рвут!»), инспектор

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru вежливо бе-седует, а на лошадь косится и матюкает тихонько: сам хо-чет работать, а лошадь не берет больше. Особенно работа-ют усердно, выбивая норму, женщины. Вокруг на лужах, озерах разлива, на бережках их утки, большие нарядные турухтаны (один как фазан), кулики. Если очень близко подойдешь, утки поднимаются, делают маленький кру-жок и садятся, плюхаются почти на то же самое место. Наша любительская охота вообще в этих условиях теряет всякий смысл. Загеркнуто: Предсельсовета рассказывал, что в выходной день он идет в лес, не считаясь со време-нем дня, убивает несколько глухарей пулями из мелко-калиберной винтовки, и хватает мяса до след. выходного дня. Остается впечатление от колхоза, что работают очень здорово и поле выходит отличное. Говорят, что в послед-нее время не было случаев, чтобы, как раньше, хлеб вы-мерзал... Возможно, что есть и недочеты в таком колхозе,

676

но явно все такое будет исправлено... (влияние рубки ле-сов на Скандинав, полуостров: Гольфстрим).

Вечером пришла уборщица Леспромхоза Маша и по-могала нам убирать, мыть посуду, пришла из Сельсовета Катя и отправилась за яйцами и маслом, пришла, наконец, Катя, продавец ОРСа, бойкая, которая все может изгото-вить, но только боится не угодить. Ей уже завстоловой Нюра рассказала, что мы ей о котлетах говорили, но она не знает, как делают котлеты. Катя тоже не особенно зна-ла и осторожно выпрашивала: – Сухари класть? лук класть? перец класть? и лавровый лист? – Нет, лавровый лист к котлетам нейдет. – Так мы разговорились, и Катя нам сказала, что дня уже три, как только получилась те-леграмма, все говорили о приезде писателя. А старуха од-на объясняла, что при конце так и быть должно: писатель приедет с печатью антихриста и будет приписывать всех к новой вере, и что пусть все пойдут, но она не признает антихриста и останется при старой вере. Возможно, она же, как староверка, еще теплилась верой отцов, боров-шихся с православием, но перешла незаметно для себя, а теперь эта искорка вспыхнула, и старуха перенесла свой теплый огонь на коммунизм как на веру. Во всяком случае десятков маленьких, голубино-куриных яиц она продала и взяла по рублю за яйцо из денег антихриста. Приписка: Да и как-то современность не та: очень далеко...

По всем признакам охотники побоялись открыть тока председателю, и он предлагает сам вести нас: – Ток, – го-ворит он, – сразу найдем.

Вечер светлый, довольно теплый и тихий. Наслаждал-ся глубокими отражениями облаков в луже воды, хотя вокруг невероятная грязь, ни деревца, ни кустика, чтобы хоть до ветру сходить: Согра и значит грязь. Далеко, из-за километра виднеются маленькие сосны при болоте, и от-куда-то доносится чуть слышное ку-ку. Более непривле-кательного места трудно представить, но очень уже мы рады квартире, поросенку – что можно хорошо собраться с силами, чтобы пробиться в Чашу, девственный лес. Все говорят о нем, и никто не знает, как он велик. – Что если

677

хватит лет на десять, – сказал предрика, – мы ведь тогда узкоколейку в 25 килом, проложим до Пинеги!

На полях: Боровая горелица.

26 Мая. И опять с утра холодный ветер, и на весь день страшные хмурые тучи. Кустики зеленеют как-то вопреки всему ходу в природе, без связи с целым, и мало говорят о весне. Одни местные люди говорят, что весна эта не-бывало холодная и задержалась недели на две, другие по-нимают, что и все так на севере: в мае всегда холодно, и только в конце июня да в июле тепло, а в августе опять начинает свежить. Верней всего, что, правда, весна небы-валая – холодная, но что на севере вообще нет той нашей постоянной ласки в природе, а радость природы нам здесь раздается в улыбках: улыбнется на час, на день, и доволь-но, и хватит с тебя. Так никогда не забыть мне вечера по-сле дождя, когда мы ехали с Извоза в Кергу несколько ча-сов по боровой горелипе.

Сегодня болит поясница кругом, – плохо, если это люм-баго, но может быть, все это следствие сухоядения или верховой езды. Надо и хочется пробиться в Чащи, посмотр-реть лес, не выдавший топора, и боязно. Верно, придется здесь посидеть и подождать более теплой погоды.

Серьезный лес – это, конечно, чистое насаждение, а если береза и осина примешивается, то, конечно, весе-лей: внизу много цветов, вверху певчие птицы; но такой «подмосковный» лес существует как бы не сам для себя, а для утешения человека, желающего отдохнуть на лоне природы.

Хвалился Романов своей собакой: сто рублей давали – не взял и правильно сделал: в ту же осень с этой собакой две выдры убил по 150 р. каждая. – Не взял сто рублей, – сказал я, – а если бы 200 дали. – Двести? – переспросил он, – если двести, то подумал бы. – Так вот она какая, промысловая охота: из всего колхоза их выбрано только 5, кто может заниматься «своим» делом, и за 200 р. он го-тов

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
расстаться с делом. Был, однако – рассказывают –
678

один охотник, старик, он в лесу и жил и без ружья белок ловил больше других. Он с ума сошел приписка: одичал и людей перестал узнавать и нашли его на дереве: сидит... (с сучком и язык показывает).

Наша любительская охота возможна лишь при огражденном количестве дичи. Пришел зав. пушниной, отлично знакомый с верховьями Коды и Порбыша (впад. в Вашку), где находятся Чащи. Вероятно, он с нами отправится, и еще возьмем одного охотника (Харитонов).

27 Мая. Ночью, верно, был мороз, с утра при солнечном свете холодный, резкий ветер, спина моя больше и больше болит: хоть реви, а ехать надо в Чащи, иначе выйдет, что весь север объехал и леса не видал.

На севере служащие Севлеса о выходных днях и не помнят: одна «напряженность». Воевать за свое относительное благополучие в пути бывает иногда не совсем удобно: нехорошо, если потом, обсуждая приезд высокого лица из Москвы, люди, не имеющие возможности есть сливочное масло, станут перебирать косточки с точки зрения потребности подобных лиц в сливочном масле... И тем не менее.

После революции мало-помалу зачахла и вовсе скрылась женщина увлекательная: во множестве явились женщины рабочие, служащие, ученые, спортсменки – все серые. Слишком много дела, нет игры, а без игры нет и женщины увлекательной.

Уполномоченный Крайкома, узнав, что я на Пинегу еду, сказал: – Невинная река, знают, куда послать. – Значит, неблагополучно. Если же бы все было благополучно, то, конечно, уполномоченный обрадовался бы, что я выбрал себе столь удаленное, дикое и красивое место. И так все ответственные работники на местах стараются обратить внимание на неурядицы в лесу, а не на достижения.

679
Помню одного только, и то охотника, кто понял мое стремление попасть на Пинегу: – Посмотрите, – сказал он, – какой лес был, и потом посмотрите у нас на Двине, каким его сделали.

Маша сказала, что раньше у них женщины занимались домашним хозяйством, а работали только мужчины, теперь женщины работают больше мужчин даже. – Зато, – сказали мы, – теперь женщина свободна, захочет и уйдет из дому от мужа. – Да, – ответила она, – только ведь и он тоже: захочет и уйдет.

Есть места, – волосы на голове шевелятся, если на мгновение вообразить себе, что тебя сюда по неволе пришлют; и как чудесно вдруг все процветет и таким все прекрасным представится, когда опомнишься и поймешь, что ты сюда ведь охотой пришел и скоро расстанешься. Бор, не тронутый рукой человека, в окошке наверху небо и облака, а внизу мох белый, и на сплошном белом пасется стадо диких оленей.

Пришел охотник Осип Александрович Романов (51 г., из дер. Воыново), который будет нашим проводником в Чащи. Этот следопыт совсем как Дерсу. Как и у многих здешних людей, у него тоже есть особенная интеллигентность, свидетельство внутреннего благородства, в речи его почти всегда есть скрытое значение, как у героев Ибсена. Говорю, напр., о том, что найти бы надо человека сильного, способного выгрести против бурного весеннего течения Коды, и по возможности был бы человеком хорошим. – Что могучего человека взять, – говорит он, – это верно надо, а о хорошем не заботись: на короткое время мы все хороши. Приписка: Подумав, он назвал Александ-ра Губина: сильнее его нет. Наметили план путешествия:

1-й день. От Согры до Илеши: с 6 у. до 12 д. Осмотр за-пани, сборы и проч.

2-й день. 15 километров вверх по Коде. Ночевка «У ма-лой» (в конторке).

3-й день. Кода-Рассоха. Ночевка в бараке.

680

4-й день. Пешком до р. Каргова, впад. в Коду: всего 22 кил., отдых после 10 кил. Чащи. Ночевка у Кислой речки.

5) Осмотр Массива.

6) Обрато по другой дороге. Увидите, как рубили лес: заболит ваше сердце.

Переход от Чащи до Коды-Рассохи.

7-й день. Обрато вниз по Коде до Усть-Илеши.

Чащи – это бор-зеленомошник, а вокруг есть бело-мошники: «увидим, как олени мох унесли на ногах».

Пришел директор леспромхоза Татарский, живой, раз-говорчивый человек (полупольск. происх.), и тоже, как все деятели, изливал сердце, переполненное горечью о гибели леса. Узнать, как кончается лес, если его не рубят и не трогает пожар. В 1935 г. Горковский леспромхоз заготовил 168 т. 061 кубом. (1400 рабочих).

Фауные кусты, на которых живет грибок Гэба. Когда рубят лес, дерево, падая, сшибает сучья остающихся дере-вьев, на месте излома является сера, к сере

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
пристают споры грибка, и дерево болеет. А ель боится всякого прикосновения, толчка, света, мороза. В Горковском леспрохозе 2 бол. запони: Илеша 73 куб. м, Керга – 66–73. Когда пароход привезет хлеб – из запаней пустят моль. Лушин Платон Матвеевич, рабочий, который повезет нас по Коде, он понимает в лесном деле.

«Пучки» – корешки травы, которые медведь ест.

Верховья рек все в болотах, и лес там маломощный. Часто, когда вода вверху убывает, внизу она только прибывает и наоборот. Чтобы выполнить план, нужно было в 17 пунктах выбрать лес. И это ответ на вопрос: «можно ли найти нетронутый лес?» Нельзя...

28 Мая. Сегодня довольно тепло. Пришли два парохода, один среди дня, другой вечером. Охотник обещал зайти за нами, показать ток, но не зашел. Дети. – Что видели в кино? – Буржуй. – А раньше видели? – Видели в книжке. – Нет, в жизни: видели буржуй? – Дети были в недоумении, наконец один сказал: – Это было до нас. – А секретарь сельсовета разъяснил мне, что остатки враждебного

681

класса до сих пор еще скрываются. Стало очень скучно, «передержка». Бок немного меньше болит. Завтра соберемся и после завтраго, т. е. 30-го Мая, непременно поедем. Будем надеяться на встречу с медведем, лосем и оленем.

29 Мая. Дождь с утра. Что надо сделать сегодня для поездки завтра.

1) Найти карбас приписка: леспрохозам Приписка: стружки 2) Известить Осипа. 3) Белье. 4) Сахар. 5) Расплатиться. 6) Взять мясо-масло. 7) Хлеб. 8) Фото.

Раз люди обществом что-нибудь делают, то непременно вскоре же является их сознанию и ценность и смысл сделанного. Так явилось в колхозах сознание, что работают они для государства: да так и называется вообще эта работа для государства = «сознательность». И мало-помалу согласно этому образуется если не быт еще, то уклад с выходными днями и советскими праздниками. Но человек, работающий единоличником, живущий одним своим личным интересом, неминуемо должен...

На полях: коллективная работа тем хороша, что люди, работав вместе, непременно обретут некоторое понимание.

В Огре три женщины, акушерка, учительница и счетовод, последняя из ссыльных, – они одеваются прилично, читают романы: между ними и местными бабами и парнями проигрывают... Приписка: Три феи.

Думаю, что боль в боку не люмбаго, а натрудил мускулы на седле, проехав 100 верст. Нам теперь только и наступают наконец возможность приблизиться к лесу, и успех поездки зависит от того, сумеем ли мы в курной избушке сохранить силы для набирания в себя лесной силы. «Чащи» должны исчезнуть, наша задача их сохранить.

Трудности достижения «Чащ» выходили из недоразумений: то не доставили телеграмму и за отсутствием места в гостинице мы ночуем черт знает где, то в доме колхозника где-нибудь временный беспорядок: закусили, изъели

682

клопы, то с продовольствием неполадки и лечиться пришлось. И еще самое главное, что все очень заняты, не до тебя, и оттого трудно объясниться: тебе не то показывают... и не с чем встретиться и нечему обрадоваться, а это же и утомляет.

Полны деревни собак, но лая нет...

30-е Мая – поездка в Устье Илеша, 31-го по Коде до Малой, 1-го Июня по Коде до Рассохи.

Живая, грациозная чудесная птичка трясогузка нынче была птичкой моего путешествия. Я видел ее на ледяном обрыве тающего снежного берега, и... и вот наконец вижу ее на северной реке, покрытой девственным лесом на песке. И узнаю строчки ее лапок на песке у реки: она бегала у самого края воды каждый день и оставляла за собой строчку следа, а вода каждый день сбегала, и строчка оставалась, и новая. На песке была целая книга исписана лапками чудесной птички, и я мог читать по этим строчкам о жизни реки Коды этой весной.

Трясогузка и речной кулик – две птички, вечно мелькали, пока я два дня на стружке поднимался по реке Коде в поисках леса, которого не касалась еще рука человека.

На полях: «Он пишет» Они: не могли понять, зачем Осип [только что вошел] в колхоз. Не доезжая двух километров до Коды-Рассохи, мы вышли на берег и поднялись на крутую и высокую слуду. Все распускалось вокруг нас на берегу: березка маленькая, куст смородины, для всех взрослых пахнувшей золотой порой детства – все равно, была она или не была – и лиственница. Впервые в тепле после дождя я почувствовал наконец-то и тут общий аромат земли и весенней жизни. В этом так хорошо знакомом мне аромате тут был еще особенный теплый запах – «не навоза ли?» подумалось, но нет, навоз – это грубо, разве грибы? И нет, не грибы. Невиданное

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
зре-лице открылось, когда мы достигли верха слуды: довольно редкие сосны
среднего возраста стояли на скатерти бело-го моха, чуть разве зеленоватого. Этот
белый мох был как

683

облака в переходящих формах, самый нежный, когда в ру-ку возьмешь, понюхаешь,
пахнет чуть-чуть грибами, а весь мох, вероятно, вместе с корой деревьев и
начинающимися береговыми травами и давал тот особенный запах не то свежего
навоза, не то грибов.

И вот на белом зеленая полоска: это когда-то дерево упало и долго спустя дало
жизнь на белом зеленом мху.

На белой скатерти оленьего моха лежали в одиночку и парами и крестами темные
трупы деревьев: брошенные вершины, забракованные и отмеченные на срезе крестами
комли. Их было так много, что даже и ходить трудно ста-ло, и белый мох,
выглядывающий из под рам и крестов, не привлекал к себе глаза. Так показала
нам Коды-Рассоха на слиянии рек Коды с Мелетиной. Тут в бараках жил сто-рож с
кремневым ружьем «крынко й» (крымское). Петя пошел убить утку, а я сел у реки,
расстроенный страшной картиной разрушения. – Ты не очень-то сиди тут, отец, –
сказал Петя, – а то старик еще тебя примет за медведя и ляпнет из "крынки"». Так
мы перешли черту, по одну сторону которой оста-валось «представление» и по
другую, за кулисами, откры-валась изнанка.

Погода. Сколько раз я обманывался на севере, прини-мая улыбку природы за
переворот и начало нового этапа весны. А на севере весна идет не этапами, а
улыбками: обрадует тепло, и опять холодно, и в холоде все движется вперед
холодно и деловито: зеленеют наволоки, раскры-ваются почки смородины, и
лиственница, на вид засохшее хвойное дерево, начинает зеленеть.

Выше Коды-Рассохи ехать нельзя: нечищенная река. Нечищенная река. Реку Мелетину
чистили два года. И так каждая лесная река: предел падения на Коде.

Пороги на Коде. Берега. «Усекомые». Песчаные слуды и сверху губами зеленый слой,
насаженный лесом.

На полях: Кагули

Клопы стены укрыли.

684

На высоте стоит монастырь

Пятнадцать верст не доедешь видко

И пятнадцать верст переедешь всё видко

А под высоким берегом река

И под землей едут на карбасах

А наверху пожни

И люди сено косят

До чего высокий берег!

Обрывы и скалы

Красные и белые горы

Из белого камня жгут известь

А в воде много рыбы

И есть рыба лох

И у лоха икра крупная

Как горох икра у лоха

Ночью вода светлеется

Вода бежит к берегу

Падают деревья

Вода бежит к другому берегу

Падают деревья

И на деревьях мох растет

И по мху частый 1 нрзб.

И под мохом вода бежит

На полях:

До гего высокие горы

Обрывы и скалы

Красные и белые

Белый камень и известь жгут

2-го Июня до Исагиза с роздыхом в Каргове. 3-го Июня от Исагиза до «Чащи». 4-го
Июня от «Чащ» до Карговы. 5-го Июня в Каргове.

6-го Июня вечером переход в Коду-Рассоху.

7-го [Июня] в 7.20 у. выехали в Усть-Илешу.

8-го [Июня] переезд из Усть-Илеши до Хорнемских из-бушек возле Выи.

9-го [Июня] утром остановились против Демьянова и пешком в Окулово на Вые.

685

30 Мая. Переезд из Согры в Усть-Илешу. Адрес «Кана-рейки»: Евдокия Егоровна

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Грязнова, Горковск. [сельсо-вет] дер. Согры (Послать карточку ребенка).
Председель-совета Доставалов (достал масло и мясо). Одни охотники говорят, что
тока кончились, другие: «самый прыск». Вы-ехали в 7 у. (поиски своего карбаса)
вдвоем. Опасная встреча с пароходами: 4 парохода завозили продовольст-вие
наверх. В д. Волыново к нам присоединился провод-ник Осип Александрович Романов
(Верхнетоймский Рик, Горковск. сельсов. дер. Волыново, рядом дер. Ручей:
охот-ник Кирилл Ягушкин). Осек. Перебористые места: никто не живет, ничего нет,
одни журавли клюкву собирают. Земляные воротяшки. Осип Пете: – Поезжайте, где
пу-зыри, хотя вы, конечно, сами знаете, а где пузыри, там и (фарватер) прилук.
От вчерашней щуки расстройство желудка. Утки гоголя.
Разговор об одной избушке: что если уйти в Едому, там от всего можно укрыться...

10 Июня. Перемена погоды. Чаше и чаще начали пере-падать теплые часы: вдруг как
будто улыбнулось и стало тепло, и деревце ярко зеленеющее явилось как видение.
8-го Июня в 2 ч. ночи пошел дождь ни холодный, ни теп-лый и моросил весь день с
небольшими перерывами. 9-го утром суровая борьба с тучами и холодно, а вскоре
яви-лось солнце, стало жарко и парило, после обеда гроза и на один час сильный
теплый дождь. Сегодня с утра теплый дождь, очень тепло и перемененно. Совсем тепло
и хорошо. Из своей серой рубашки мы заказали два кукуля от кома-ров (в Сограх:
кулик).

...и что один убежал в грозное время в Чашу и оттуда на Уфтюгу и оттуда на

Вычегду и работал там до тех пор, по-ка прошло время, после того вернулся к
семье, все у него, было цело. Другой бежал в Москву к Калинину, достал бу-магу и

все вернул, третий не посмел бежать и был убит. Вот и вопрос: кто из двух
поступил более правильно: один (донской казак) бежал и спасся, другой (белорус)

был взят,

686

попал в трудколонию, заслужил работой уважение и спас-ся в своем мастерстве и

стал незаменимым работником?

На полях: Годы давние

и глаз охудал – не вижу и не слышу – где она лает.

На дне сто перемен: то хлещет крупа, то солнце выгля-нет. Приехал в клоповник

пекаря на высоте против слия-ния Пинеги с Илешей. Снимали запань: бревна все

стояли как шерсть еще недавно, а теперь легли, потому что спала вода. Завед.

запанью Васил. Андреев. Ягушкин был в бане (см. ниже характеристику Осипа: мужик

дешевый: в слу-чае хорошо сделает – награда дешевая, в случае сорвет – наказать

не жалко). Фото запани: желтая река бревен на несколько километров. По бревнам

бежит человек, пар валит: это Ягушкин из бани сокращает к нам путь по брев-нам.

Рассказ о медведе: что приходил и почему-то хотел тоже по бревнам перейти; еще

рассказ о медведе, который напугал пекаря: оба к оленям подкрадывались, и

медведь вмиг к пекарю... Рассказ этот вмиг облетел край, и все его повторяют.

На полях: Пожелтела хвоя на лиственнице, прилетели гуха-ри. – Глухари? – Нет.

Чухари.

Везде тут характерны лиственницы, громадные дере-вья. Когда на лиственнице

желтеет хвоя, на нее во множе-стве [слетаются] чухари. штук по 20 на дереве, как

глупые, одного убьешь, упадет, все глядят на него вниз. Сейчас лиственница

зеленеет, как и береза, бузина, смородина. Вода быстро спадает. Запань не

спускается в ожидании пароходов: чтобы им можно было уйти. Запань 80 тыс. куб. м

(Илеша, Кода, Ентала, Пурос). Холодный вечер, сверху ужасно смотреть, как босая

женщина, стоя в воде, переезжает реку из баракон сюда за хлебом. Редкие всплески

быстро бегущей воды: это просто снег сбегает водой, это весенняя вода. После эти

реки узко живут. Лось узко живет.

Разговор о человеке, который непременно скажет то, о чем бы умные и честные люди

хотели помолчать и обой-ти, а если кто скажет, – надо делать, напр., если

самолет

687

«М. Горький» разбился, то кто-то сказал: «сделаем три». Такого все боятся, и он

этим живет: такого, наверно, и Ста-лин боится: это тип.

На полях: желтый от смолы

31 Мая. Рабочие унесли вещи по-за лес. Мы с Ягушки-ным коротким путем. Скорый

говорок Ягушкина (неожи-данный для сов. человека). Ошапурились. «Туман,

мукосейка держит». «Голова шла». В беломошнике растут желтенькие грибочки,

хорошенькие губки, тоненькие, на-брал я раз, и с парохода человек: где ты набрал

грибы та-кие хорошенькие, желтенькие («Желтые губы». «Бывало раньше 50 л. на

день и [зажаривал]»).

В ожидании лодки смотрели на окатку леса женщина-ми, разговаривали с десятником,

фотографировали. Было это возле избушки при слиянии Коды с Илешей. Хонговое

дерево = хонга = сухостой. Из 40 в бригаде один мужчина (бесштанная команда

хорошо работает). Нач. запани Ягушкин взял бинокль и стал учиться глядеть и

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
когда по-нял и вдруг увидел окатку, то не успел удивиться, как уви-дел неверное дело, и, не отнимая бинокля, пустил матом. Нач. долго вертел бинокль, стараясь понять, и вдруг пус-тил на всю запань матерным словом. Это значит, он по-нял...
На полях: Ляга – лужа

Приехали на двух стружках Александр Осипович Гу-бин и Осип Алекс. Мы поехали с Александром, вещи взял Осип. На глазах наших плыла впереди упавшая листвен-ница и отчего-то стала поперек реки, и сейчас же от этого образовался залом.

На песчаном высокоом берегу ясно видно, сколько лес насидел себе почвы: песок осыпается, а «почва» зеленой губой свисает.

В беломошнике и «медведь» в белом мху.

Вода, спадая, на песке оставляла параллельные поло-сы, а на этих широких полосах, как строчки на бумаге, следы куликов и трясогузок: трясогузка всегда у самой во-

688

ды бежит, и если хоть на сантиметр спадет вода, следы трясогузки и кулика это отметят.

Над рекой, наклонясь чуть-чуть, стоит такая высокая лиственница, что белку из ружья на верхушке ее не убь-ешь.

Рассказ Ягушкина о том, как они загоняли волков по насту, волки так близко шли от них, что веточки, раскачи-ваясь, не успевали остановиться.

18 килом, от Усть-Илеси полдороги до Коды-Рассохи: «у Малой» (Ивановщина). Тут мы отдыхаем и ночуем. Тут контора от прежней заготовки. За берегом, сухим боро-вым местом обыкновенно болота.

Наволоч – это берег, намытый водой, тут трава вырас-тает (пожни), на зелень выходит медведь. «Слуда» – вы-сокий берег, который подмывает вода.

Вечер у Малой: на пне у промоины: внутренность леса ужасная, на реке постоянно валяются деревья: такая лесная река. Оставить одну, и ее всю завалит. Расчистка рек. Я свалил березу. Кода самая быстрая из здешних рек: бес-прерывные пузыри (на прилуке) как яйца плывут, пороги, порог Сатана приписка: – источн. пузырей. Петя ставит дорожку. Вечер довольно теплый.

1 июня. На старых палах полугрудники. Вид спелого дерева. Тронутый выборочной рубкой лес иногда сам со-бой изводится от закорышей и от ветра. Расщепило хонгу громовой стрелой. Лето короткое, но жаркое, песок наго-рает, ходить нельзя.

Губин великан, а речь его как у пер-вобытных людей: короткие фразы (стихи) изображают. Напр.: рыба Лох (см. выше).

След оленя к воде и на той стороне: переплыл.

Петя ходил на озера, ужасается: идешь в воздухе: столько навалено деревьев.

Губин продолжает говорить стихами: – Придет чело-век неведомый. Приедет на белом коне. И будет списы-вать. Кто за новую веру подпишется – тому конец.

На полях: следы выдры

Слуда: Глубокие воды. Ратна слуда. Сугий порог.

689

Сучий порог. Ратна слуда. Избушка, варило, клетки на гребнях (описание в стихах): от мыши и т. п. и каменки. И так стихами: – На верхней Пинеге много медведей. И много случаев живет. Медведь снимает крышу клетки. Вынимает мешок с мукой. И ставит мешок на землю. Ле-зет за другим мешком. И тоже ставит на землю. Все мешки достает и уносит один в лес. И в лесу зарывает и заклады-вает мохом. Приходит за другим. И все мешки прячет в ле-су. А хозяин приходит и плачет. Хозяин говорит: – Я тебя не трогал и не хотел трогать. Зачем мне тебя трогать: шу-ра дешевая и ты опасен. Я бы никогда тебя не тронул (ста-вит петлю). Приписка: Олени. Если идет много домашних – при-бывается дикий, а если много диких идет – к ним домаш-ний. Рассказ в стихах про оленей: домашние к диким и обратно.

Слуда Высокий Керас (берег). Идет человек, охотник Яков Губин. – Тетери падают?

Начало рассказа: «Шли на хвосте». Ручей Межник. Мы вышли на слуду и пошли короткой тропой. Пришли на малую речку К о д а в а, тут много избушек охотников. Дальше пошли, впервые увидели белый мох, обрадова-лись, снимали. Но скоро попали на осек: всюду на белом лежали верхушки, лежали закрещенные комли. Безобра-зие нарастало и на рассошине Коды-Мелетина (тоже сплав-ная, в том и дело, что весной каждый ручей в северном лесу превращается в сплавную реку)росло до полного безобразия: пузырились обнаженные реки, текущие сре-ди брошенных грудками и крестами деревьев, бараки, пе-реполненные клопами. Петя пошел за чирком, я сидел под уцелевшей лиственницей, разминал пальцами зеленые почки листика смородины и смутно думал о том: почему переход культуры от маленького окошка к более светлому непременно сопровождается таким злом, что у некоторых возникает вопрос: да стоило ли из-за более светлого окош-ка столько губить. Тут в строительстве где-то живет брат Осипа, старик, сторожем. Петя поопасался: – Как бы тебя старик за медведя не принял и не хлопнул из «крынки».

690

На полях: Пророк: вспомнилось, сколько раз ошибались: боль-шевики.
 Удался теплый вечер: запахло весной. И я, приписка: «пророю» не уставая от обмана, возмечтал перемену к теп-лу. Масса мокрого белого моха в тепле, нам показалось, особенно пахнет, чем-то средним между навозом и гриба-ми. Спать легли в комнате медпункта, укрыв лавки густо лапником от клопов. Борьба против дворового мха: весь север в клопах. Осип лег с братом в своей становой при-писка: (в отличие от едомной) избушке («берег»), где все останавливаются и тоже много клопов. Братья легли на «качули» (от клопов).
 2 Июня. Часть вещей и продовольствия оставляем в клетки при маленьком замочке (для виду). Все кругом с гордостью говорят, что у нас никто ничего не возьмет (какою ценою далось это? Наверно, тоже был террор). Рас-сказ о каком-то Андронике, лазившем по чужим клетям. Его убили, и суд затягивается. Вещи несет Губин до Кар-говы. Дорога бором-беломошником. Вначале «общая» тропа идет по осеку с брошенными деревьями. Те деревья, которые падали раньше сами, перерезаны на тропе, тепе-решние нет: падает дело. Осип оделся в лузан (порох су-хой, пистоны, а руки свободны). Сыряки олени и лосевые для лыж. Нешкуренное дерево заготовки сего года: осмот-рели и нашли закорыш: «к этому закорышу прилетают дятел и желна». Снимок дерева, пронизанного клювом желны. Оленю мох и трава круглая «волосец», растет на кочках в [болоте] (еловая сырость).
 Избушка нового типа (ввели заготовщика леса до ре-волюции): окна побольше. Губин говорит: Махоньякая реч-ка. Это Кодава. Махонькое болотце: исток Кодавы.
 На полях: Затуран – Забияка
 Порбышское болото позатянулось к Илеше. Губа и вдоль сердца гниль Табачный сук
 Старая заваленная избушка Полугрудник

691

Ржавец – незамерзающее болотце. Окорил до половины, вдруг губа, и бросил. Скрыть губу: за это 6 месяцев. Дерево залечивает рану серой.
 Заломная рада. Привал на Заломской гриве. 1-я «бе-седка» на общей тропе.
 Лабаз для мяса убитых оленей (от росомахи)
 Перегарочная ложица приписка: ляга
 Затески для малых охотников («ведь мы с детьми хо-дим»).
 У каждого свои рубыши («знамя»). Ночевка на сендухе (т. е. не в избе, под елкой), елка на сендухе.
 – Старик прогнал меня с Коды: «довольно ты тут по-сидел!», мне отдал свою избу на Каргове, и я тут сел и с тех пор я не сiju на том путике.
 Киж – пороша, которая растет: бывают около Трои-цы киж: когда черемухе расцветать. Частенько шубу на-денешь, когда север подует: до Троицы. г
 Полугрудина кособолонная. Порочистый лес.
 Гриб, губа: гниль, яма до сердца.
 Подкожные губы.
 Сумки приписка: – место, : беломошник, блики, вол-ны.
 Малый Клык (52 квартал)
 Ржавец – незамерз, болотце между М. и Б. Клыком.
 Беседка на Большом Клыку. Довольно даже беседку срубить, чтобы две-три березы...
 И так везде в хвойных лесах лиственные деревья как украшение, как цветы.
 Исапов переход.
 Рашмак с рассошинкой на конце не обманет.
 Пасынок – рассоха отвалилась.
 «Мороз» – трещина, дерево никуда не годится.
 Река и наволок, а за наволоком непроходимо.
 Отдыхали на «Каргове» в избушке Осипа на Коде. От-пустили Губина. Заперли в клеть продукты и налегке от-правились в Чашу с ночевкой в Исачихе. Приписка: дер-су превратился в Мергеня.

692

Переход через Каргову (прит. Коды): пример: во что превращается речка в лесу, если ей дать полную волю. Лес навалило и он сопре, позеленел, и выросли по зеленому новые маленькие деревца, а под ними вода.
 Перешли «ламу».
 Под выскорем приписка: (кокора) муравейник устро-ился, и тут медведь рыл.
 Порочистый лес: тут до революции стояла изба, и за 7 в. отсюда сводили лес, но здесь он не тронут: иногда ги-ганты стояли сосны, чаще ели: «ель на дворовом мху»: ко-сой мороз, старая хонга.
 Пошли пропащие места: ельники долгомошники.
 Возле одной избушки три клетки разных охотников.
 Избяной ручей из-под лета на север бежит.
 Возле избушек всегда есть дерево с глубоким вырубом, тут в воскресенье охотники стреляли в цель и пули выре-зали: свинец хоть и не дорого стоил, да тогда

дорожили.

Мука в клетке три года лежала, никто не брал: медведь разломал.

В огромном порочистом, но девственном лесу одна ку-кушка неустанно звала людей к дружному севу, и мы шли уже давно ночью, а верхушки гигантов сияли в солнечных лучах.

На полях: добродетели первобытного геловека слагаются под палкой

Последняя рассошина коды заворотилась на север (в начале 54 кварт.).

Водораздел возле Исачихи: М. Порбыш бежит в Вашку (Мезень).

Узнали Николая Матушкина рубыши: воронья лапа 1

Сосновое суродье.

10.15 в. пришли в Исачиху.

в 11 ч. 45 токовал тетерев.

На Исачихе в избушке нашлось «ушкало» (палочка, на которой подвешивают шкурки белок), это ушкало было длинное, значит, зырянское: у них лучше промышляют. И еще, что колодец в болоте был закрыт доской: значит, этой весной люди жили.

693

Погода за день 2-го июня: строго холодное солнечное утро, днем и дождь, и крупа. Под вечер солнце, потом сырость и холод приписка: огненная печь и дымная изба, [тепло]: причина необходимости курной избы.

3 июня. Из-под солнца дождь, сравнительно тепло возле жилья. Под цепой оказался снег.

Зверовые ямы: для лисицы и медведя.

Шаста – бородки на ели показывают юг, шаста – оле-ний корм.

В километре от Исачихи просека («побеседуем!»), раз-деляющая Коми – область.

Боровые места. – Эти леса все оправдают! (Лес в своем понятии содержит столько поэзии, что только самый простой человек может восхищаться, подсчитывая кубометры: этот лесок все оправдает).

Зырянские рубыши с просеки на Исачиху. На юг виден М. Порбыш.

Не только лес рубить надо, если он поспел и если пра-вильно рубить, а если время пришло, оправдалась жизнь, то и самому умереть ничего...

Обласкал зеленомошный бор, и пошли бесконечные долгомощники. Просек как железная дорога. То солнце и жара, то закроется облаком солнце, и хлещет крупа, и руки стынут.

То бывает от лет людей, и люди говорят об одном: мо-лод! о другом говорят: стар!

А то бывает не от лет, а от се-бя, живущего независимо от лет, от того, как устанавливает сам человек. Я в том возрасте, когда одобрения и поощ-рения от людей ожидать нечего и все зависит от себя са-мого.

Переходили еловый холм: ель на дворовом мху. На зы-рянской стороне в лесу нет просек, тут еще не была цепь антихриста.

Слева вывернулась на просеку ледянка. Тут вблизи р. Кислой убили рябчика: «ну, кислая посвежила!»

По такую-то речку, под такой-то ветер выбираю себе место, затесываю дерево, ставлю свои рубыши и говорю: этот путик наш. Если же человек какой перейдет мой пу-

694

тик, я опять затесываю дерево и ставлю крест, это значит: не ходи на мой топор.

Перешли через р. Кислую и вошли в бор, похожий на Сокольники или на Лосиноостровский. После всех труд-ностей нам, конечно, такой чудесный бор был как рай, но в то же время мы были и смущены: зачем было так далеко ходить, если почти такой же рай есть под Москвой. Так вот мы живем и не знаем и не хотим понять, что живем в раю...

На полях: Тут вся тема: Нет на свете более мражной силы, гем та, от которой люди стремятся уйти за леса и доли и горы – это сила привычки. Привычка ли-шает выбора. Привычка – это паутина: ее выпус-каем мы из себя, ею окутываемся и ни-гего не видим даже рядом с собой из своего кокона.

Мы отдыхали в избе без печи, обозной стоянке, а Осип за это время искал охотничью избушку. Она оказалась совсем близко. «Мергень» истопил ее, вычистил, нарубил лапнику. Мы перенесли туда вещи.

Вечером пришлось поругаться с Петей, и я, расстроен-ный, ушел в «Чашу» и сидел в ней далеко за полночь, слу-шал стон деревьев. Утомление, холод, ветер сковали мою мысль, и я чувствовал не мир, а себя, свою древесину. Ле-жало гигантское дерево, упавшее между двумя тесно сто-ящими, из него был вырезан кусок, по которому лесоруб высчитывал годы, я сосчитал: двести лет. Тут же рядом лежали куски авиацион. бруска. Там и тут на подрумянен-ных волокнах стояли знаки самых высоких сортиментов: все было, но деревья [погибли], и я шел дальше, замечая... Вопрос: чей путь вернее? донской казак бежит, а бело-рус приживается.

Кукушка, одна кукушка!

На полях: Медведь идет и не торопится: изба с ним оагерк-нуто: и с ним весь дом

его

4 июня.

– Погода все какая-то...

– Погода хвора.

695

– Холодно!

Разговор о зырянах: какой это хороший народ, и охотники лучше нас.

Раньше о хлебе не думали, охотились и сплавляли лес, а хлеб покупали на деньги:

теперь дома есть нечего, и все никуда не ходят и работают прямо за хлеб.

Пинжаки попались, потому что хлеба не сеяли.

Медведь как выпрыгнет из берлоги весной, то голодный куда хошь сползает (начало рассказа о воре в клетке).

Затесь и рубыши для сына.

Раз у меня хлеб за спиной, то я уж пройду. Виноват, беру свои слова назад:

нельзя сказать в лесу, что я прямо на-верно пройду, куда бы ни задумал. Мало ли

что может случиться: в лесу темно! в лесу близко видно: ломи, ляги. Иной раз

речку станешь переходить, и туда!

Приписка: Под колодиной оказался снег, и мы достали и ели на жару этот

подколодный снег, как мороженое.

Под колодиной снег. (Подколодный снег.)

Из чащи ледянка идет на изволок, и этот великий из-волок является огромным

препятствием для вывоза леса. (NB. Под изволок ледянка: Лесная Повесть).

Две линии: одна линия кубометровая (сплав, рубка, ха-рактар древесины и проч.),

другая линия культуры: и вот эта линия на севере обрывается: трудно чувствовать

по-эзию леса, если видел конец... Приписка: Между тем обе линии могут сойтись:

см. выше.

Колхозы являются зачинателями земледелия на севере.

Мы идем обратно к Кодаве по ледянке, с которой возле верховья Коды мы должны

свернуть на путик Осипа.

Осип забыл шомпола и вернулся за ними. Мы шли до Коды, перешагнули ее (снимок) и

нашли путик. Осип при-шел, мы спросили его: – Почему это путик его вышел на

дорогу. – Не путик вышел, а дорога вышла на мой пу-

696

тик! – ответил Осип и объяснил, что он именно и показы-вал, как и куда надо

вести дорогу.

Рассказы о стариках, исчезнувших в лесу: только один! а вот я забыл: другой,

третий. А вот это даже интересно, это чудо: Андроник, 60 лет, крепкий человек, и

с ним то-варищ: и тот сказал: Андроник ушел на Уфтюгу. А весной нашли в реке.

Молодые, молодая боялась покойников: по-хоронили в лесу. Рубашка прострелена.

Скоро суд. А есть такое: лазил Андроник по чужим клетям. Так не за это ли?

Медведь на путике. Ему торопиться некуда, изба-то с собой.

Как будто два человека остановились по сторонам, уступая друг другу тропинку:

так близко рядом стояли две большие ели по сторонам путика, и между ними висе-ла

едва заметная цинковая петля (ель пробита насквозь, через нее веревка и на

веревке чурбан) для медведя. На полях: На Вые глухарь – гухарь.

Плутово: веревочка на силе.

Высота сила на рябчика – кулак, на глухаря – сверх кулака большой палец.

«Чашина» – тяжелая, с сухой чашины улетает.

Лопочки еловые под сило. Приписка: Как птица вошла и на этом показать все части

ловушки.

Вечер, белое солнце, значит, завтра будет холод. И прав-да, вечером стало

морозить.

Так мы идем путиком Осипа: белка попалась в сило (брюшком), билась долго,

изрумянила когтями сосну и обо-рвала.

Горностаи съел рябчика на путике. Если бы медведь не ходил по путiku, его бы и

не трево-жили.

Куница сидит на дереве, толстущечка.

«Осип Александрович, скажи, как ты понимаешь ком-мунизм?» и проч. (см. зап.

книжку).

Вечер: белое солнце, значит, завтра холодно.

Пришли в Каргову к своим запасам, и эта Каргова, из-бушка с клетью в лесу, как

город какой, у всех на языке «Каргова», и каждый может зайти и переночевать.

697

5 июня. Каргова. День моих именин (23 мая). дав-ным-давно распускаются и все не

могут распуститься бе-резы. Сегодня утром свежо, днем очень жарко, потом теп-лый

дождь и один час после дождя тепло-парной, а после до ночи холод и ветер такой,

что даже кукушка умолкла. Это у нас день отдыха и вечером ради именин ели

рисо-вую кашу.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Нам где-то в походе встретился след человека, и Осип не раз его видел и говорил, что человек этот неизвестный: охотнику сейчас незачем, если же по лесному делу, слыха-ли бы (местность наша чуткая). Теперь Осип окончатель-но уверился: человек этот осину через ручей повалил.

Лесная река на севере занята угрюмой работой подмы-вания корней деревьев, собирания черной болотной воды: черная вода в лучах солнца оказывается прозрачной, и на дне воды виднеются гниющие стволы деревьев почти крас-ного цвета. На берегу пни с высокими боярскими шапка-ми из моха и сморщенные бородастые елочки. Очень удался реке песчаный наволок, и на нем раскрывает зеленые-зе-леные листики душистая черная смородина.

На лесной реке не нужно строить мостов, их в избытке набросала река.

В большом лесу крик человека – это пустяк. Крик-нешь, и твой же крик деревья в шуме своем возвращают как неясный разговор множества людей, и среди них, бы-вает, различаешь голос давно умершего близкого чело-века.

Когда журчит по разлому, а если бор зашумит, ее и во-все не слышно.

Вечером Осипа услали в Рассоху, чтобы отнести часть вещей и принести масла.

6 июня. В два часа ночи река передала свой голос лесу (тема песенки).

Если замкнешь избушку, то замок соьют, но если есть другая избушка переночевать – оставят.

698

Едома приписка: Сузем пугает, и поначалу боишься сойти с тропы.

Бор красив сам по себе, но к человеку совсем равноду-шен, а еловые долгомошники прямо даже и враждебны человеку. Когда же человек в этом равнодушном лесу сру-бит себе жилище, то на месте срубленных вырастают близкие к человеку деревья: березы.

Приписка: Елка красивейшее дерево, если растет на свободе, но ельник ([скряга] держит жизнь)

Приписка: Весна в клетке. Удержали весну.

Так и не могут развернуться листья березы, а весна именно тем и хороша, что быстро движется и все в ней ме-няется. А мы хотим удержать весну! И удержали...

Приписка: Удержали, а гто в этом хорошего? Раз она весна, то должна и двигаться: дружно.

Искусство топора.

Искусство топора приписка: избах как Осип делит сушку. Как он разводит костер (гораздо скорей 1 нрзб.). Одним топором, без пилы и единого гвоздя рубит избу. Выбирает место, где лес погуще. Деревья не надо носить: они на месте, и один человек из них сделает избу в 5– 7 дней. На стены 10 хлыстов (6 арш.), на потолок 5 хлыс-тов, на пол и пр. 6 = 21 дерево. Вот бы научиться пионеру... (партизан: роль избы). Приписка: Прогулка в жару. Пио-неры...

Ходовая белка.

Петя ушел за рябчиками, я пошел встречать его и встре-тил Осипа: из Рассохи. Нам встретилась белка: это ходо-вая; нынешней весной белка идет; обыкновенно [если] идет белка «под суслон», то останется, если же ранняя идет, то говорят, что мимо пройдет.

Хариусы.

Поймали в вершу двух хариусов: рыба начала сверху спускаться.

699

На полях: «Через меру находит охоту в себе» (Мануйло). На полях: Боролись с клопами, но отступились. Партизаны.

Рассказ о купце, который спрятался в избушке и захо-тел вызвать дочь, но мужики изменили: пришли и... (Роль избушки в гражд. войне.)

Поспав после обеда, вышли в Рассоху. Разговор о том, что в этом году будет снесен путик Осипа, что ястреб упал и «[встало]- крыло», что медведь, ложась в берлогу, «ме-ряется» – делает закус на задних лапах (Осип показал это на елке). Беседка.

По общей тропе идут люди разных лет и разных сил, один впереди, другой далеко назад. Но когда приходит час отдыха, то собираются вместе и тут вместе, конечно, беседуют. Тут на местах роздыха, закрепляя деревья на пнях...

В 9 в. пришли в Рассоху. За этот теплый день распусти-лись березы так, что, как это бывает, маленькие листики как будто сами держатся в воздухе, и все они удивленные. Ночевали на старом месте, старик, брат Осипа, пострадав-ший за религию (был ц[ерковным] старостой), всю ночь парил лодку и ставил распорки.

7 июня. В 7.20 у. выезжаем в Усть-Илешу. Ель – красивейшее дерево на севере, если свободно рас-тет, но ельник...

На полях: р. Ентала

Перемок – старое русло, старица: «новый перемок».

Слуда и наволок: слуда – это высокий берег, как бы данный природой, а наволок – берег, намытый рекой, на нем пожни зеленеют, березы растут, медведи копаются.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Занаволока (болото за наволоком).
Сверху до низу нет песчаного наволока, где бы не виднелись следы выдры (широкая жизнь и проч. о выдре).

700

Утром же было так холодно, и вдруг стало жарко. Бере-зы убираются, растет зеленая ярко трава на глазах.
Заехали и зашли на берег к охотнику Кириллу Ягуш-кину, медвежатнику, узнали, что пять медведей вместе хо-дят\
Чунки – это санки для ручного завоза провизии. Кережи – то же, но делается, как осиновая лодка, тру-бой.

Осип спросил меня (на прощанье): «от ворона-то как?»
В сильшко ястреб попался, живой, красивый, глаза красные, сам пощелкивает, жалко было его убивать. При-писка: (Снимок)

Илеша и Кода рядом бегут, но на илеше раньше спала вода, и оттого теперь Кода спешит и быстро несет наш стружок.

Наполях: пустили моль.

Запань пробили на илеше. Моль ушла. Теперь окаты-вают осохшие бревна и сделали маленькую новую запань. Работают женщины, дети, большая работа. Много снимал. Встреча с Исаковым, зав. лесопунктом. Зазвал «отдох-нуть» в контору, где битком сидят. Возвращение к пекарю: смена пекаря, новый пекарь. Работа Осипа над улучшени-ем клоповника. Разговор со спецпереселенцами («убежать легко, недаром же казаки раньше назывались «воры», а жить трудно: гиблое место на севере»). «Восхититель-ный вид»: пустили всю собранную моль: «густо, как ледо-ход идет». Пережидаю суету в лодке на берегу: провожаю глазами плывущие бревна: какой дешевый труд! Осмат-ривали вечером бараки: 250 рабочих в двух домиках на 7х9 мет., тут же столовая и медпункт. Причина: Край не разрешает строить из леса, а из досок. Обувь 350 пар на 8000 людей.

Ужас тесноты: свалка: женщины и подростки, на нарах и под нарами. Духота. Возможно, что им и ничего, но что если кто-нибудь среди них, как я... (ужас!)
8 июня. С утра самого раннего, с 2-х часов дождь окладной, и до самой ночи все дождь.

701

Прощание с Осипом (Осип Алекс. Романов, дер. Волю-ново): – Мих. Мих.! вы обещали мне. – Да что я вам обе-щал-то? – Да от ворона-то. Заместитель Осипа бородач (см. портрет) Василий Иванович Антипин из дер. Ручей.

Вчера разговор с Исаковым: как он, партизан, с други-ми партизанами, пользуясь избушками, боролся с белы-ми. Роль избушки и охотника в партиз. борьбе. Эту тему...

Выехали на карбасе вниз по Пинеге, оба пекаря нас сверху провожали, и Осип. Клесты осенью шишки еловые вниз спускают в мох, и там, во мху, они по три года лежат не портятся, и белки их там находят.

Утка Клей черная, нос желтый (турпан?).

Утки Соксуны с носами, вот какие смелые.

Приписка\
Песня Утки Крохаль и Гоголь в дуплах живут, вылет из дупла маленького, на воду, окунется с ним – и за другим.

Облака скоро идут – дождя не будет. А между тем все дождь и дождь. Осяткино. Слуда Глубокие воды (25 кил. от «Чаши» – сюда узко-колейку).

Олений гон около Покрова (старик слепой наконец-то сказал, а то охотники говорят, что весной), родятся олени около Благовещенья.

Пожелание охотника: если отпускать из колхоза, то на 2–3 года, чтобы окупить трату на материалы. Месяц июнь надо отпускать для подготовки охоты (приучить птицу к гуменцам), и с 1-го сентября...

Топор и пила.

Все на топор, и только в 27 году началась пила. Пилой на пару берут 100 хлыстов, а на топор один берет 75; 20 де-рев (10 куб. м.) за день топор, а теперь средняя 3 куб. в день (причина: тогда мастер топора, а пилой могут все, и женщины): силы не так много, а натуральность нужна.

Полшук (бурундук) если повадится в клеть – все по-жрет, к дождю покашливает.

702

Шилега – второй поселок (изб. охотники, а нет земле-дельцев).

Далеко ли хвост?

Поселок Прась (земледельцы – колония: пожни: [па-сут] лошадей).

О реке: – Раньше туда шла матерая, а теперь она пере-делана.

Прилук – (стрежень, основн. течение).

Ночевка в избушках Хорнемы. Переход к земледелию сопровождается грязью: совсем не то, что у охотников. Вечером охота на уток.

9 июня и 10. Солнечно-жаркое утро. Долина создана капризом реки. Прогулка по

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
высокому берегу. Снимал со-превшую и поросшую деревьями...
Возвратились к Керге. К дер. Керге: колхоз «Бедняк»: только назвались бедняками,
и вдруг сверху грянуло: кол-хозник должен быть зажиточным.
Трясогузка плывет на бревне и поет.

Во многих колхозах для самоснабжения есть рыбак и охотник: у них Кирилл Ягушкин
(из Ручья) по 15-е утро ловил на току.

Глухари весной «жирные да могутные»... станешь [ко-ленкой] (душить), вздымает.
Куница по гуменцам ходила и попалась в силок: заду-шилась на тычке. Плутовка!
Утром приехали и остановились против Демьяновки. Отсюда пошли пешком в Окуловку
через деревню Мати-года, . Кладбище: памятники – просто палки, сухие сучья,
поднятые возле, от сломанных вил, и уже культура, если палка новая и на ней
знамя (рубши, напр., воронья пята). Просека... церковь, сумасшедший с топором.
Переправа через Выю. Долина Выи широкая, распаханная, веселая, все привыйские
деревни как на ладони, песочек, и раду-ешься, что страшные согры отошли.
Устинов зав. лесопунктом. Уборщица Агния Ивановна. Наша квартира – хорошая, но
опять клопы. Хозяин быв.

703

в германском плену (нужник хороший). Огород, окружен-ный высоким забором. Внутри
огорода колодец, и женщи-ны с ведрами (одна беременная) через забор – почему?
Пила и женщина.

Привезли вещи. Прощание с Василием Ивановичем Антипиным. Его рассказ о валке
леса зимой: пила, топор и женщина. Сквозная бригада (с разделением труда):
под-рубают, другие валят, третьи – раскряжевывают, четвер-тые – окорка. И так
выходит хуже, чем «своя пара» – «все, что нажмешь – тебе и придет».

Валка – Навалка – Свалка. Навалка – самая тяжелая.

Валка – Навалка и Свалка.

Бывает, штук десять свалишь и все бросишь: под каж-дой губа.

«Номера».

Зимняя сплотка спецсортиментов и пиловочника не ниже 24 см, «номера» – 8,5 м
длины в два-три ряда. На три номера 1 человек, соединятся в 6 = 2 человека.

Борьба за большое окно.

Радость большим окнам – бесспорное достижение, и, несомненно, так надо, но
маленькое окно в прошлом, за которое нечего бороться приписка: – тоже прекрасная
вещь: оно дается каждому даром; а за большое окно, за светлую и удобную
жилплощадь очень надо бороться – надо доказывать свое достоинство, надо лезть на
человека, очень утомительно это, и начинает соблазнять маленькое окошко
прошлого. Для меня в этом нет ни малейшего со-мнения, и чтобы взять больше от
жизни, я живу надвое: приписка: я, лично я, в себе отдыхающий, за своим ок-ном
живу отдыхая, собираясь с духом за маленьким окошком – и восхищаюсь, а отдохнув,
иду воевать за боль-шое окно... Из этого явно, что не сродни мне люди, стоя-щие
за маленькое окно, и те, кто никакой жизни не знает, кроме войны за большое
окно.

Германский пленник.

Наш хозяин гордится пленом в Германии. Хороший нужник. Огородик обнес высоким
забором, в огороде ко-

704

лодец. Целый день мы видим, как женщины с ведрами пе-релезают через забор, и
среди них одна была сильно бере-менная. Вопрос: почему не сделают калитку?

Лосенок с телятами. Патриоты.

Когда спросят: – Ну, как вам показалось в здешнем краю? – я высказываю свою
радость и удивление перед честностью местных людей: оставляешь двери
незакры-тыми, и никто ничего не берет. – Вот это верно! – с боль-шой радостью и
гордостью говорит туземец. И в то же мгновенье, омрачаясь, прибавляет: –
Завелись такие эле-менты и у нас: из переселенцев. А что раньше-то было!
«Зеленые годы» – когда хлеб вымерзает. Вот уже де-сять лет не было зеленых лет.
(Может быть, потому толь-ко, что раньше сеять начали приписка: влияние рубки
лесов в Норвегии.)

Среди охотников Выи: Замятин и др. (фото).

«Собака ряд правит». Охотники по натуре и охотники по нужде. Вопрос: – Когда
бывает гон северных оленей и лосей. Старый охотник, ослеп, а всю жизнь не
встречал-ся с медведем.

Собаки в деревне не лают и только в лесу лают и защи-щают хозяина: только в лесу
у настоящей лайки дом: в едоме. В этих деревнях тоже нет петухов: все тихо в
де-ревне, и слышится только ветер, долетающие по ветру го-лоса людей, а если
тихо, то вечное ку-ку из леса.

Затуран.

Собаки летом голодают, они очень флегматичны и ум-но делают, что больше лежат.
Старику Андрею тяжело мо-лодая собака: далеко ходит, ему не поспеть. Приручение

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
«Пуделя», переименование: «Затуран». Проба возле Окулова. Согра со струящейся водой. Роковая ошибка Затурана (молод, накипело, хотел себя показать и по клестовым заедям). И второй раз. В третий раз мы не дошли: замолчал. Дождик. Укрылись в кузнице. Хозяин. Колебание Затурана: долго сидел, то туда, то сюда и к нам. И я уверен,
705

что собака хорошая, но при его ошибке я вообще раздумал собаку покупать: много возни. Так девушка, хорошенько раздумав и подсчитав ясно за и против, отказывается от жениха, да и вся наша жизнь, если только не увлекаться, а подсчитывать за и против... Баня: что одно хорошо на севере, это баня!
На полях: Забор: короткие юбки.

11 Июня. Разгадка герм, пленника.

Теплый дождь, гроза. За три дня трава выросла, ягнята соседей нашего хозяина просунули носы и лвят языком сочную густую траву. Тут-то вот и явилась разгадка, почему не делают калитку: довольно ведь, чтобы раз кто-нибудь забыл закрыть, ягнята все ворвутся и зараз все уничтожат. Приписка: Германский пленник был прав. Пусть колхоз себе делает калитку.

Агния Ивановна, уборщица (тоже разводка, как и в Согре Маша): если с женщинами хорошо обходиться, то они еще лучше работают, а мужчины от хорошего все портятся.

Проба Затурана и его драма.

Вечером прошел по Пинеге хвост. Все кругом говорят о хвосте. С хвоста вернулся завпунктом Устинов, сказал нам, что для нас снял с хвоста комсомольца, окончившего курсы десятников.

Колесо. См. конец 5 июня.

Борьба в этом краю за колесо. Это было при переходе нашем с Матигоры к Вые: тут у реки стояли на ужасной дороге дроги на колесах, и мне вдруг что-то мелькнуло в памяти: так бывает, когда долго не встречаешься с чем-нибудь обычным в жизни и вдруг его увидишь. Да, так и есть: я давно не видал колес. И только подумал об этом, гляжу, по грязи катит молодой парень рысью на санях... Механизация: колесо-пионер. Как делать надо лучше: до-роги делать, а потом пускать экипаж на колесах, или вводить колесо, а оно уже будет понуждать делать дороги (так у нас с автомобилями; далеко-далеко от московской промышленной области уже внедрились автомобиль и делят

706

на жителей края, заставляя их для себя делать дороги, а в Верхнетоймском районе близ Пинегы борется с бездорожием просто колесо). Однажды у Выи я увидел повозку на колесах... И тут же рядовая сеялка и плуг (земледелие начинается рядовой сеялкой).

Пила и женщина.

Механизация. Будь все по-старому, то и правда, зачем пила, если мастер лесоруб топором лучше работает, чем средний человек пилой. (До 27 года было все на топор. Пилой на пару 100 хлыстов, а на топор один 75. Бывало, брат Вас. Ив. брал за день 20 хлыстов (10 кубомет.) на топор, а теперь пилой средний лесоруб берет 3 кубомет.) Но ведь новое время требует большой рубки, мастеров-лесо-рубов не хватает: являются необученные рабочие, женщины в особенности: тогда им на помощь [приходит] пила, и две женщины с пилой сделают больше, чем один великан лесоруб с топором (он 75, а две женщины с пилой 100).

Пропущено в Каргова (горе с Осипом: Мергень).

На Пинеге еще носят короткие юбки, и в них неловко перелезть через заборы.

Кто-то сказал в этой деревне женщинам, что в бинокль можно видеть насквозь, и вот как наведешь на какую, она непременно: ах! и застыдится...

Пропущено впечатление в Исачихе: когда пролезаешь в дверку, опасаясь шевельнуть над собой небо.

Еще пропуск: путик – это легкий след человека, и вот счет времени: пожар в лесу и поколения (спросить Петю).

Еще: как боятся огня в беломошнике.

В Окулове: Выя – простор полей, все деревни видно. В небольшом расстоянии друг от друга по ту сторону Выи две церкви: одна переделана в кино, другая, эпохи Грозного, деревянная нетронута, и, говорят, в ней есть дырка, через которую лазят старухи прикладываться к старине. (Соединить с этим ягнят – изгородь, борьбу за колесо, пи-лу и проч. приписка: кладбище, кино: водица.)

Пропущено описание болезни в Усть-Илеше (объелся свежей щукой) и фельдшер: пинежские сухарики – «фи-липповские, старого запаса». (Колхоз Пионер дер. Вадыга (Горек, с, с) в 33 г. еще была только одна телега.)

707

12 Июня. Солнечное теплое утро, вскоре веселый дождь «из облака». Собираемся в Суру. «Комсомолец» Васья: долго не понимали. Воз с вещами. Сами пешком влеве от

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Выи и так до Усть-Выи на Пинеге. Встреча с нашим карбасом и отъезд в Суру в 10
У2 у.

Дерево-пионер.

Лес на берегах 30–40 лет, еще далеко не спелый, и это счастье: наконец-то на
берегу реки не лесные оборухи. а молодой лес, и река от этого стала
неузнаваемой. На правой стороне растёт сосняк, на левой ельник: это, вероятно,
потому, что на правой стороне лес сгорел, и на пожарище, как это постоянно
бывает, взялось расти дерево-пионер.

Речка Выспола в 10 кил. от Окулова, на ней много избушек земледельческих
пионеров. Эти избушки совсем несравнимы с охотничьими: возле них грязь – толчея
от скота.

Р. Шога: спирто-порошковый завод. фиксированный десятник.

Р. Хорнема: лесобаза. Тут пришлось нам самим без топора добывать себе лапник. у
нашего комсомольца даже нет и топора, и теперь уже явно становится, что это
продукт разложения, оголения человека, подобно памятнику на могиле, замененному
неоструганным колом.

Р. Ленивая (30 к. от Усть- Выи + 30 до Кучкоса + 60 до Суры).

Р. Кучкос и после нее час. В 8 вдруг нагнали хвостовой караван. На полях:
Хвостовой караван. Осмотр: 6 домиков на плоту, передний уборная, потом кухня,
контора, бараки. Купили налима, сварили уху. Ночевать, оказалось, и у них
холодно. Решили ехать дальше. Тут на границе Карпогорск. р. смена рабочих, наши
вернулись в Выю, се-ли допризывники. Приписка: (Можно вставить встречу с Губиным
и поэму).

Малиновое пятно.

Так мы решаем двигаться дальше. Через некоторое время беру управление, Петя
ложится спать. Васька оказывается никуда не годным, и едет он в Суру за водкой.
708

Засыпает, а весла тормозят. Предлагаю ему спать и один плыву.

Какое это счастье совсем одному в такой невероятной глуши.

Вот на короткое время даже кукушка смолкает, и красная вечерняя заря из-за леса
ложится впереди меня в воду. Это малиновое пятно в воде между лесными берегами
так и остается, и пока оно побольше немного – это и была ночь, а потом вокруг, не
светлея, – куда же больше светлеть! – стало белеть, здороветь, я сам в себе
почувствовал бодрое радостное утро, и со всей силой во всех сторонах забили
кукушки. Восторг, безмерная радость...

Проехали Нюхчу. Васька проснулся и начал трепать веслами бесполезно, спрашивая
меня: как твоя фамилия? а жена есть? а сыновья есть, а дочки? Если бы не
сказали, что он комсомолец, я давно бы понял его как идиота... Ста-ло
невыносимо: это сволочь, явно пользуется моей мягкостью. Бужу Петю, и все
меняется: Петю он боится. А тот его [спрашивает] о шести условиях Сталина, и
оказывается: он об этом и не слышал и в комсомол попал, чтобы по-пасть в учебу
на десятника. Так с трудом открывается суть человек из-за эпитета «комсомолец».
И Устинов, наверно, тоже хотел нам угодить: для него лично, наверно, комсо-молец
– существо совершенно непонятное и как бы не-нужное, но он подчиняется закону, и
раз говорят «комсо-молец», то и он это уважает.

На полях: В Англии столько лет прошло и столько было всего, а вот все-таки
сохранились свои дюймы, у нас же [аршины прошли, версты] система мер, и вот тут,
где... все ведут сгет на кило и метры.

К Малиновой ночи: только звук бревна, оно ведь звонкое, и звук далеко – редкий
и глухой – но далеко! Да раз-ве вопрос бурлаков, [спускающих вниз] бревна: –
Куда плыве-те! – Кого плавишь? – И: – Далеко ли хвост?

Настоящее утро, когда солнце всходило, было очень холодно, был мороз, но солнце
скоро разожгло: весна на-конец-то «вступила в свои права» совершенно. Слышно,
кричат воронята: значит, несмотря ни на что, вывелись.

709

Утка «гагарка» с утятами плыва, мы на нее: все испытала, все приемы и наконец
«спасайся кто может!» – утята нырнули и все показались далеко в разных местах и
спаслись.

13 июня. В 11 у. дер. Поганец на речке того же имени, а напротив в двух килом,
от берега родина Иоанна Крон-штадтского Сура. Мы подъехали к пристани, две
девчонки тут на грязи варили чай, собака на трех ногах (такую же видели в
Котласе перед бедой). Смущенные видением собаки, пришли в Суру, отыскивали
заместителя нач. лесопункта, и с первых слов о продовольствии, об отдыхе он
сказал: – Такое несчастье, у нас в ОРСе, продавец случайно родила, и сами сидим
без продовольствия. – Случайно? – удивился я. – Да, – махнул он рукой, –
случайно вышло. – Через некоторое время этот совсем безликий человечек спросил:
– Много материалов набрали? – Мы убедились, что с таким каше не сваришь, и, хотя
это как будто было сверх сил, решились... Дали нам рабочего. Мы ушли и в

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
ожидания его там же на берегу возле пристани на прилуке варили кулеш. Женщина просится, обещается грести. Соглашаемся, если рабочий не придет. Нет рабочего – согласны! несет багаж: пуд, два! колеблемся, но соглашаемся: боимся за свои силы. Васька узнал, что будет пароход. Она вдруг нам, имея в виду пароход, что грести не умеет: «разве научите приписка: ребенка» (в заключении ребеночка). Нет! и едем вдвоем в ЗУЧ. на 20 кил. в Карпогоры. Сменяясь, едем вечер и ночь. Паук нас ждет на воде и бежит к лодке по воде очень быстро. Расселение пауков. Трясогузка на бревне приписка: поет. Трясогузка по краешку всю лодку обежала. Кулик на бревне. Крик [бур-лаков]: – кого плавить? – Девка по-матерному: – Ебут вашу мать. – Петя спрашивает: – А чем? – И ему она: – Хуем! – Это прямое следствие тесной жизни в бараках: озорство. Кукушки. Звук на воде. Какая-то церковь ночью (все видно). Вопросы о хвосте. Жизнь пловущих бревен: бревно пестрое со змеиной чешуей, длинное – пристаёт, пробует нырнуть л/ш/шлгя: подпыжиться под карбас.

710

Населенная местность. Большое село у самой воды, по-середине церковь – «клуб имени 1-го Мая». Снимал и спросил: оказалось, Довела. Из леса на той стороне против какой-то другой деревни голоса: – Сплавьте до Явзора. – Некогда, – ответили мы и тут же крикнули в деревню: как называется. И сейчас же обиженные отказом кричат: – Не говорите, не говорите! – И старуха перевозчица: – Не говорите!

Девушка и старуха удят рыбу. Приписка: Колдунья рыбу ловит.

Явзора...

Ночью монастырь (видко).

В 6 у. сменил Петю: холод меньше вчерашнего.

14 Июня. Пинега расширяется, очень большая, плывет редкая моль. Никола на щельях (снимки). Пинега разбивается на рукава. Куда плыть? Держимся красной щельи и попадаем в щель (как боньы затягивают). Петя взбирается на берег и [полям] идет в Карпогоры. Я же развожу примус, не ожидая ничего особенного хорошего. В этом и трудность нынешнего путешествия, что отдыха нет. Скоро появляется Петя и говорит: – Туши примус!

Через какой-нибудь час мы в раю (в квартире несчастного быв. директора). Сидели как пьяные в ожидании матрацев. Улеглись по углам на полу, перебрались на кровати. Поужинали в 7 и опять спать.

15 Июня. Роскошный день. Встал в 9 утра. Прошел по Карпогорам и в один час устал, спать захотелось. После обеда опять спать. Вечером на щельях: красная дорожка. Секретарь райкома и др. в ожидании хвоста. Разговор о семужном заводе: мальков пускают, а ловят в море (лишь отчасти здесь): лов семги в Карпогорском районе запрещен. Лосей много развелось. Чуть по-пугали, и слушаются, не стреляют (а под Вологдой ничего с народом не сделаешь. Почему? Догадываюсь, что такое послушание – результат общественной культуры, созданной особенностями охотничьего промысла: необходимость сохранять запасы в лесных избушках...) – Баня,

711

шайка. С легким паром! Гражданин, вы не здешние? и пр. Зацветание черемухи.

16 Июня. Пока верное солнце (6 у.), спешу снять вет-родуйные листовенницы на щельях и обхожу весь берег с необыкновенными деревьями и красной дорожкой глупо-боку внизу у самой воды.

Были в телятнике, смотрели маленького месячного лосенка, веселый, поедает 3 г/2 л. молока, как и все телята. Дитя Рика: положено вырастить и приучить. Старый охотник сказал: «убежит!»

Противоречивые слухи о пароходе. Встречаем Алексея Ивановича Шевелева (тех. директора) с барышней завед. семужным заводом.

После заката солнца поднялись на вышку. Река и леса: туда и сюда все нет селения ближе 200 килом. Там, вон там на краю горизонта, где кончается зелено-кудрявая масса лесов и за ними все те же леса, но как ровно синяя полоска, и над полоской плотной ваткой висит закругленное [сыто] облачко – там Печора. Много вовсе непроходимых пространств, много болот с едва заметными тропинками. Есть болота грядами, каждая грядка осыпана моршкой, на одной соберешь, но на другую перейти не-возможно, и видишь, да не возьмешь.

Гражданская война в Карпогорах была подготовлена ссыльными и вернувшимися с фронта солдатами. Лесная избушка служила одинаково и красным, и белым, руково-дил белыми дьячок из Карпогор (под конец взорвал себя ручной гранатой). Кулаков (несколько человек) побросали в пролубь (семьи и теперь живы).

Вот церковь-склад приписка: скворечник вместо креста-там вокруг разрушенное кладбище с единственным понятным обломком среди хлама: «последний дар от мужа и детей», и среди этого хлама целехонький мраморный памятник с решеткой в высокой степени буржуазного вида. Написано: Григорий Степанович Щекотаев. – Это

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
ре-волюционер, – сказала нам работница. – Но почему же такой памятник, крест? –
Лесопромышленник, – ответил

712

сторож, – умер от себя: опился пивом, а семья за грани-цей. А не разрушают,
потому что красивая вещь и есть ли-га наций, и кто ее знает, как на это
посмотрят: так уж луч-ше пусть стоит и стоит.

На полях: Кладбище... соединилось с «лигой» комсомольской и скворегником
Земледелие в Карпогорах от колхозов мало расшири-лось (хватало и раньше, и
теперь до Рождества). Зеленых годов давно нет, очень возможно, от более раннего
сева. Недовольства колхозами нет: старики, конечно, ворчат. На верхней Пинеге
по-иному: там почти вовсе не занима-лись земледелием. Теперь колхозы там,
собирая возле се-бя людей, являются пионерами земледелия.

Тех. дир. Шевелев твердо сказал, что пассаж, пароход из Архангельска придет в
Карпогоры завтра в 7 у. и уйдет через несколько часов. А «Курьер», вернувшись
сверху, будет послан обратно наверх.

17 Июня. Вспомнились мне религиозно-философские схемы Горького: напишет схему и
такой план головной принимает за жизнь и открывает... Это очень похоже на письма
Алпатова, в которых видел он свое спасение, по-сылал, и вдруг после того ему
открывался обман («любовь по воздуху»). Как далеко это время и как проста эта
па-лочка на могиле, поставленная вместо памятника! Новых крестов нет ни одного,
старые частью упали, частью поко-сились, но главное, что они стоят очевидно
брошенные, сами по себе, без отношения к носителю и создателю крес-та, человеку.
И вот среди мертвых остатков христианской культуры, среди неструганных, сухих
сучков, поднятых рядом в лесу и воткнутых в могилу, среди зачищенных со-сновых
колов с пометками на них топором, рубышами: воронья пята и другие, мы читаем:
«Здесь лежит комсо-молка Наташа, убитая на полевой работе громовой стре-лой в
1934 году Июля 20. Она была образцовой работни-цей и оставляет свою книжку
ударницы на память вам, дорогие товарищи!»

713

В нише малюсенького окошка висел складень и лежал псалтирь, маленький,
сокращенный, школьный. Малень-кая книжка сама собой раскрылась на псалме: «Живые
помощи» – очевидно, этот псалом и читался хозяином книжечки постоянно. – Живые
помощи, – сказал он, – я постоянно читаю, когда иду на путик: помогает от
во-рона.

Отлежался, отоспался, отъелся, и опять все заиграло вокруг, и так ясно-ясно
чувствуешь границу возможности творчества...

К «малиновой воде»: когда замолчала кукушка и время остановилось, я положил
весло. Несколько бревен, кото-рые я хотел обогнать... Я совсем неслышно опускаю
весло и двигаю лодку, обгоняя плывущую моль. Мне бы надо положить весло и
отдохнуть, но какое-то внутреннее со-противление тому, что древесина, бревна,
какая-то моль будет плыть с тобой на равных правах, не дает мне воз-можности
передохнуть, приписка: непременно надо обогнать и кукушка неустанно отсчитывает
время, как будто подгоняет тебя.

Но вот что-то случилось, куда-то мы пришли, и кукуш-ка перестала отсчитывать
время, и я тоже положил весло, лодка поплыла боком, моль, плывущая сзади,
обступила ее, и я, и лодка, и бревна поплыли все без личных усилий, влекомые
вперед на равном положении. И тут очень скоро случилось, как это бывает после
сильной усталости: на несколько минут вздремнешь, перекусишь чего-нибудь, и силы
к тебе возвращаются, и тебе кажется, что ты начи-наешь снова: начинать свою
жизнь игрой. Мне кажется, и было всего десяток или два минут, когда все стало
ме-няться: малиновая вода побелела, заблестела, кукушка снова пошла, и я,
подчиняясь ходу событий, веслом рас-пихиваю вокруг себя моль, нажимаю,
отстраняю, обго-няю сонные бревна и в ознобе восторга плыву. А солнце, в
несколько минут переодетое в утренние одежды...

Приписка: Послать перед отъездом в Архангельск.

714

Архангельск Севлес Секретариат. Поручению Нарком-леса приеду Архангельск.
Забронируйте номер Централь-ной гостинице на Июня. Писатель Михаил Пришвин. 2-ая
тел. Арх. Центр, гостиница. Забронируйте номер на Июня, Писателю Пришвину.
Секретарь Пришвина.

Ждем парохода. Пришел «Курьер» сверху и отправил-ся снова наверх. Снизу пароход
прямого сообщения в Ар-хангельск (из Карпогоры) обещают вот уже два дня.
То-мительно ждем. Начали страдать от жары. И по всему теперь, по траве, цветам
уже лето. Быстро спадает вода. Там, где мы 3 дня тому назад проливом подъехали к
«ще-льям», белым песком коровы переходят.

На полях: реки-завалы

В лесах кое-где встречаются «пустыни» – остатки строений, обросшие лесом
березки, смородина. Это жили «беглые» (фото: «пустыня»).

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Черторый. Название Ч. объяснялось еще в XIX в. как быстрый поток, прорывший себе ложе («как будто черт рыл»). Существует русский географический апеллатив черторой – «овраг, рывина от воды». В Москве.

Причины заболачивания: река роняет деревья, образуется запруда, вода образует «занаволоку» со стоячей водой, вырастает согра, – ельник по болоту. В этих болотистых верховьях рек, в елках залеживается снег и весной сбегает, обращая каждый ручеек в большую сбежистую реку, по которой весной сплавляются массы леса, а летом курица вброд перейдет. Приписка: Так себе родничок, а тоже роет землю и валит дерево.

Необычайная жара, и так парит, так складывается на небе, что будь это у нас – безошибочно скажешь, что дождь через час, а здесь из этого только еще большая жара.

В 5 в. пришел пароход «Судорабочий». Перебрались туда. Разочарование: вместо двухместной каюты дали каюту в 5 человек, причем 3 человека – гепеушники (Шубин с женой и другом). Перешел в общую и обидел Алексея Ивановича.

715

На полях: Радистка. Вегер – Утро.

В 12 н. пароход отошел. Около этого времени совершилась точно такая перемена в природе, как было на Верхней Пинеге. Солнце давно село, и место, где оно село, давно и очень широко закрылось безразличными дымчатыми облаками. Довольно странно для нас было, что как будто совсем независимо от заката оставалось и горело одно большое облако, и в тихой воде на всю Пинегу чуть ли не в километр шириной отражается его малиновый свет. Мало-помалу постепенно в течение каких-нибудь двух десятков минут красное на небе начало сильно смягчаться вокруг него белеющим и светлеющим небом, и когда от всего красного осталось чуть заметное пятнышко, – везде вокруг было по-утреннему, хотя до восхода солнца оставалось еще очень много времени.

18 июня. В 7 у. проснулся. Проезжали Чокалу и тут около обогнали хвост и, сбавив ходу, пошли вперед между бревнами. Приписка: (1-й хвост: 1-я весть о нем в Усть-Илеше от пьяного Зава, 1-я встреча: мы в Окулове – он обогнал; 2-я – встретились – 3 – увидели в Карпогорах, 4-я Чокала)

Берега высокие стали, красивые, и часто села с веселыми полями: угрюмая Пинега, как северный человек, постепенно «оттаяла» и стала хорошей.

Приписка: Пинега оттаяла.

Радистка-красавица в Карпогорах: встречи. «Рыбница».

Встреча на пароходе с женщиной, которая в Суре удила рыбу: она потеряла девочку и теперь, туберкулезная, едет в санаторий. Разговор о вырождении «русской женщины» на севере, пьянстве, разврате, матерщине девушек: чело-век переживает судьбу леса: тоже молюю проходит.

Брызговой судак: секретарь партячейки, на висках сдавленный череп, глаза тускло рыбы, выпученные, живот партбилетом.

716

Пропущено из плавания на лодке: сокращение на поворотах реки и по ходу моли угадывать «прилук».

В 4 д. приехали в Пинегу, которую нечего было смотреть: один из самых захолустных городков старой Руси остался в своем виде, хотя сломали собор (наполовину) и устроили кино. Продается только черный хлеб и водка.

Так сильно и неожиданно дал гудок наш пароход, что старуха с пальцем в носу оборвала ноздрю, и у нее от этого кровь по лицу, а вокруг хохот.

Проехали красные горы и белые горы (до Пинеги). Разговаривали с партизанами, командирами и учителями о сражении в Почы, и все указывали на Штенникова, героя партиз. войны, пребывающего ныне в пьяном виде в Архангельске.

Кладбище. Дошло до того, что на церкви вместо креста скворечник поставили, а о кладбище и говорить нечего: от всех памятников остались три высоких груды камней. Тем удивительнее, что один памятник, огороженный железной решеткой, не только цел как-нибудь, а прекрасно выглядит, как будто и вовсе не было революции...

Должен сказать, что я не только не чекист, а уже со страхом думаю об этом, и тем не менее мне приходится рассказать... [Шубин]

всякий зверь, и самый последний, как самый высший из всех человек, обходится с самкой, и каждый при этом мурчит, сопит, рычит, щебечет, но песня человека совсем другая, чем у животных, и тут в песнях надо понимать любовь человека, а не в законах обыкновенного для всех живых существ на земле размножения; и в действии, пренебрегающем личной опасностью смерти, а не в законе питания и пищеварения надо находить творческую личность человека (Судорабочий).

19 июня. В 4 у. достигли Усть-Пинеги и своей молюю влились в общее русло Двинского леса. Судорабочий плыл как «фрам» во льдах и впереди себя влек целую запонь, и новые бревна все ныряли под эту запонь, под пароход...

717

«Иван Каляев» тоже пошел так вверх по Двине. Все кончилось возле Бобровского заостровья, откуда два па-рохода тащили обоновку и захватывали моль в громад-ный кошель.

Через 10–12 километров с другого конца заостровья показалась сама Бобровская запань: несколько больших деревянных бараков.

Мы обогнали два буксира, влекущих за собой трехряд-ные плоты приблиз. по 6 тыс. куб. Капитан говорил, что самый большой плот из Боброва и заводы он помнит в 36 тыс. куб. мет.

Мало-помалу Двина перестала походить на реку, а ско-рее на море. И говорят, что «спорная вода» в Двине быва-ет до самой Усть-Пинеги, отчего и течение после Усть-Пи-неги в Двине очень слабое.

Прибыли около 1 ч. дня на ту самую пристань, где я был в 1906 году (29 лет тому назад), и я вспомнил это место исключительно по отсутствию на нем большого па-русного флота.

Архангельск, как и прежде, не содержит в себе ничего терпко-провинциального (как Вологда и особенно Пине-га), особенно неприятного теперь своей как бы двойной смертью: и прежней, и нынешней... Архангельск, как Пе-тербург, – окно в Европу. Обычное переживание: нет номера в Центральной гос-тиннице, который, если нажать через высшие органы, и есть непременно.

Пока Петя ходил в «Северолес», я пообедал, и скоро мы устроились очень хорошо в Гостинице «Северолеса».

На полях:

Петя уснул в 7 г. вегера 19-го. в 7у. 20-го все спит, в 9утра 20-го разбудил. Лег опять 20-го в 41/4 в. Проснулся в 6 у2 вег. 21-го лег в 2 ноги. Разбудил 21-го в 8х/2.

718

Все время, пока мы ходили, был теплый дождь при жа-ре: настоящий парник. Давно ли, ведь еще только на Вые березки определенно начали зеленеть, а теперь они в пол-ном листе, и то же тополя.

Мы видели иностранный пароход, нагруженный на-шим лесом, видели другой, скучно ожидающий погрузки... И в сущности, это же конец нашему путешествию. Всякий, кто верит в будущее нашей страны, согласится и на жерт-ву когда-то великими северными запасами леса.

19 Июня – 9 Мая = 41 день путешествия в «Чаши», что-бы увидеть лес, незнакомый с топором. Лес мы увидели не лучший Лосиноостровского. Мы увидели то, что было возле нас и что мы знали хорошо, но мы, пройдя великие согры и рады с суродьями и долгомошниками, поняли, сколько надо природе истратить всего напрасно, чтобы создать прекрасный девственный лес. Но может быть, и не совсем напрасно? И разве наша человеческая жизнь, наше движение в обществе к лучшему не оставляет за собой та-ких же суродий и долгомошников?

20 Июня. Архангельск.

Чем-то похоже немного и на Владивосток: каким-то образом море дает знать о себе: что-то большое живет здесь близко, огромное... С морем еще нельзя так распоря-диться, как с лесом, и на море человека нельзя так уни-зить, как в лесу и на пашне. И вот это именно, – что не-льзя так унизиться при свидетеле – море и накладывает отпечаток на приморские города: в крайнем случае тут как будто всегда есть выход: взять да и уехать в море, омы-вающее все страны, все берега, соединяющее все земли, все народности.

Радистка оагеркнуто: в Карпогорах на Карповой го-ре в красоте своей так неожиданна, что не веришь себе, глаза протираешь: как будто видение. Северная женщина. Морошка сказала о ней так, что пары ей здесь нет, а слу-чай может быть, и так она может жизнь свою загубить.

Шолупы – горы из алебаstra: снежные горы, и на них березки разворачиваются.

719

Штенников – вождь партизан на Пинеге, ныне пъя-ненький гражданин, которому прощаются выходки, не по-добающие современному большевику-дипломату. Фронт на Пинеге отвлекал массы белых. Рассказывают герой-ские подвиги вначале, а потом как белые гнали красных... [Узнать историю борьбы на севере.] Подготовительная роль ссыльных, а в дальнейшем все делали солдаты, при-бежавшие с германского фронта. Население на Пинеге, естественно, сочувствовало «своим» солдатам, а не лесо-промышленникам. Сторож в Карпогорах изобразил одно-го дьячка со стороны белых настоящим героем, а когда я просил обрисовать красного героя, то он назвал одного командира, который всех их, в том числе и рассказчика, перехлестал плетью и заставил броситься в наступление: герой! [Конец дьячка: забрался в печку и отстреливался, а когда кончились патроны, взорвал себя ручной грана-той.]

«Чтобы не обнатужить обоновку». Обоновка в одно бревно. Обоновка на якорях и на реях.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
В Карпогорах все неудачники, и у них нет ничего нового (механизации в заготовках никакой). Специалисты – перебежчики (временные люди). Учителя тоже временные: бегут, ссылаясь на то, что их не кормят колхозы (на колхозы нажимают сельсоветы).

Земля на севере – что ни выдумывай, как ни бейся, – плохая земля: мало родит, и жить на ней неуютно оагерк-нуто: нехорошо и неутешно. Это земля как будто подса-зывает человеку, что надо садиться на корабль и начинать иную жизнь и сделаться на воде другим человеком, неза-висимым от болот и зябели зеленых годов скудной север-ной земли.

Приписка: Другой геловек оставался на земле... дождался: два типа с Архангельска Центр войны на Пинеге – это Высокая гора, (см. на карте) и Труфанова гора. Каждый местный человек это знает, каждая деревенька имеет своего героя, обычно уже признанного и награжденного.

720

Телеграмма:

Приплыли Архангельск. Скоро приедет Загорск. При-швины.

Петя все утро возился с вещами. Я был у редактора «Лесной газеты», и он обещался завтра ехать с нами на Бобровскую запань и потом на завод им Молотова. Если с кем говорить, то, кажется, лучше всех с Гороховым, ди-рект. Лесопроминститута. Кажется, будто ехал только чтобы ехать и что все ушло на трудное продвижение. Точка зрения.

Человек сберег своих животных, и дом у него был пол-ной чашей, но пришло время ему переменить образ своей жизни к лучшему, и он зарезал некоторых животных, остальное все распродал. Никто ему не возразит и не по-ставит в вину разрушение прекрасно устроенного хозяй-ства: он поступает вполне целесообразно и правильно, имея в виду при помощи добытых средств создать себе еще более хорошую жизнь. Так и приходится нам смотреть на лес, когда видишь сотни тысяч деревьев, молю (россыпью) плывущими по Северной Двине для экспорта. И еще более приходится помнить о человеке, изменяющем к лучшему свою жизнь, когда узнаешь, какое ужасное разрушение в лесу произво-дит выбор лучших деревьев для сплава, сколько даром напрасно пропадает добра при отсутствии механизиро-ванных методов лесозаготовки.

Лес! да разве это весь лес, если я назову в кубометрах заключенную в нем древесину? Лес как море – прекрасен! и что бы это было, если бы целое море спустили? Спла-вить весь северный лес! И, однако, надо приготовиться ко всему и надо сказать «пусть!», если это необходимо для создания лучшего. Но если, расставаясь с лесом, я говорю это «пусть!», то этим самым я приобретаю право беспо-щадно судить тех, кто явно губит добро бесполезно. Не правда ли? Такая моя точка зрения.

721

Такая моя точка зрения на лесную промышленность, когда я связал себя этой темой, и с этой точки зрения я смотрю сейчас на материалы, добытые мною в путешест-вии на месте северных лесных заготовок.

Сегодня опять такая жара! и ходишь в суконном и на голове зимний убор, потому что в магазинах нет ничего. Есть счастливцы, ходят в белых штанах.

Встретилась Морощка... Я [навязался] ей карточкой. Она отклонила: неудобно. – Понимаю! – сказал я. – По-нимаете? – сказала она довольная. Дома я Пете сказал, что это, с моей точки зрения, не отношения, если такую мелочь приходится скрывать от мужа. – Какой муж... – сказал Петя.

Думал о К-е и ее счастливце: что она попалась, так ей и надо! и что на такую нашелся и такой человек – «все в порядке». Но я сделался героем, кто пропущенное мгно-венье не мог искупить ценою всей жизни. Не мог? Но по-чему нельзя такого сделать героем, кто взял это мгнове-нье: взял и сел на жизнь как на коня и смотрит на все совершенно просто, как просты самые вещи в своей мате-риальной сущности. К таким людям причисляю Кондрако-ва. И такой человек тоже Михаил Седов и тот «подразуме-ваемый» человек нашего времени, с точки зрения которого постоянно у нас судят непорядки, этот идеальный «боль-шевик». (Последнее требует особого раздумья, потому что этот критерий тоже двоится.)

Вечером второй раз встретили Морощку, и я дал Пете волю.

Еще мы глядели в саду на парашют и были в кино на «Гулливере». Неудача фильма вполне понятна: творчески сделаны только детали, а в целом все не сотворено, а при-мазана одна деталь к другой: деталь должна рождаться в огне общего плана, а здесь... Приписка: Гениальные де-тали картины одна к одной бездарно примазанные, начи-ная с того, что мальчик все видит во сне.

Петя пришел, когда минарет мечети против нашего ок-на уже был в солнечных лучах, а на часах было два, и Петя

722

сказал, что лучи солнца он видел где-то уже давно... жара! и архангельцы

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru говорят, что и жара-то такая у них несвое-временна. Листья деревьев не только уже давно вполне листья, а даже, как летом, стали густозелеными. Дали телеграмму домой о себе.

21 июня. Начало.

Пришлось приписка: привелось побывать в лесах, где еще не нанесена квартальная сеть, где летом ездят на санях и колесо только-только начинает вводиться через колхозы; где только что приписка: очень недавно поя-вилась пила на лесозаготовках; где охотники и пастухи составляют заговоры от медведя по псалму «Живые по-мощи»; и все-таки даже в таких глухих местах вам эти же лица будут считать путь не в верстах, а в километрах, и в районном местечке имеется своя районная газета, в кото-рой напечатаны сообщения о творческой поездке писате-ля Михаила Пришвина по сплавным рекам и дальше в глубь массивов, еще не знавших топора человека.

Часов в 12 д. пришел Панкратов, редактор лесной газе-ты, и мы поехали смотреть Сульфатстрой, предназначен-ный использовать отбросы завода им. Молотова (такой же целлюлозный завод, но сульфитный для отбросов ле-созаготовок строится на р. Мечке). С нами в машине еха-ли Маршак, директор Сульфатстроя, и заместитель его Дашевский, только что злгер/снулo:разжалованный спу-щенный с места главного инженера (все построил, а перед пуском – долой).

Ехали по деревянным мостовым с прыгающими брев-нами, все опасаясь, что колесо машины нырнет под бревно, а оно влезет в автомобиль. Строительство Суль-фатстроя интересно особенно тем, что видишь, как на мокром болоте строятся города (в Архангельске из-под мостовой крапива лезет, а по мостовой бежит, перебирая доски, автомобиль). Постройки делаются на сваях, боло-то засыпается опилками и сверху землей. История колон-ки Маршака: будто бы он – а может быть, это Дашевский: можно сделать так, что инженер, включивший колонку

723

в эскиз рабочего поселка, пострадал за нее: дворянская колонка открыла дворянское происхождение инженера, а еврей, с малолетства глядевший на дворян и их колонки как на высшее достижение культуры, схватился за нее и настойчиво стал проводить: все были против, потому что будто бы из дерева колонки не делают; но когда секретарь крайкома утвердил, то все ахнули – как хорошо! и начались паломничества секретарей райкомов, с тем чтобы и у себя на бараках их заброшенных в невероятной глуши запоней ввести знаменитую колонку.

Нам показали замечательного по подъему тяжести мастера: ходит с волшебной палочкой и всякую тяжесть поднимает без всяких видимых расчетов, посмотрел и поднял. (Маршак взял у него из рук волш. палочку, на-чертил на песке план и учил: так сделайте, и так... А тот почтительно слушал и не смеялся.) Рядом работали шве-ды, чрезвычайно хорошо организованные в работе, с пнев-матическими сверлами и др. инструментами. Рядом с куль-турной работой шведов шла наша работа, и в ней налицо были все элементы нашего труда: гениальный мастер-са-моучка, которому показывает, куда поднимать, еврей Мар-шак, и человеческая «моль», своим числом заменяющая культурную единицу: количество в качество. Завод пред-полагают пустить уже осенью: сейчас уже все готово, под-нимают котлы...

На полях: механизация – пароходы и станки вместо моли.

Завод им. Молотова самый большой в мире, но может быть, в этом мало хорошего, что завод такой большой: огромная баржа, вмещающая ценность в 5 мил. р. золо-том, находится в постоянной опасности от огня (и чуть ли не вчера еще загорелась). Завод так же прост, как и все в лесном деле: бревно, мое знакомое бревно, с которым я боролся на Пинеге, за это время приплыло сюда (мино-вало Бобровскую запань) и было изловлено особыми до-зорниками. Это бревно вошло из Двины в лоточек, здесь багром его направили в дворок, где листва, подтоварник и др., из дворка оно стало в очередь, багорщица дала ему крючком направление к транспортеру, и оно пошло, еще

724

мокрое (вода в лоточках всегда теплая зимой). На заводе в двух корпусах по 12 рам, пройдя через которые, бревно распадается на доски. В зале средней величины, чистой, с вольным сосновым воздухом девушки, которым, оче-видно, живется недурно, судя по внешнему виду, по нето-ропливым движениям, обрезают доски и приводят их лег-кими движениями в окончател-ный вид...

На машине въехали на баржу (в 2 x 1 кил.; а баржа всех заводов тянется по Двине на 20 кил.): это город штабелей (одна, самая хорошая доска, без сучков, стоит 3 р. золо-том). На берегу против баржи стояли иностранные суда и шла погрузка. Пришел некий Яков Львович Колтунов, «проф. лесо-пиления». – Неужели есть такая кафедра! – воскликнул я, – ведь все процессы лесопромышленности так про-сты... Он мне начал доказывать сложность «топорной» рабо-ты и необходимость ее (пила отчасти губит дерево). Еще он говорил о сложности работы рамщика, от которого

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
за-висит иногда сделать одно и то же дерево во много раз до-роже или дешевле. Так он возразил против моей «просто-ты» и в то же время ее доказывал: раз не в машинах дело, а в человеческом мастерстве, то тем самым механизация и примитивна.

На мои слова о хищнической рубке он стал говорить: «А чего лес жалеть? Это народы первобытные жили ле-сом, а теперь живут кам. углем и нефтью. Но и уголь скоро кончится, и нефть: через 50 лет ничего этого не будет. И тоже не надо жалеть: что-нибудь выдумают другое» и проч. Я хотел ему возразить на это тем, что при автомо-биле и друг, механических способах передвижения челове-ку ведь и ноги-то не особенно нужны, между тем почему-то их берегут, и в особенности странно с зубами: с каким упорством врачи стремятся спасти коронками и мостика-ми последние погибающие зубы, а между тем в их же ру-ках искусственные зубы. Я только собрался возражать профессору пиления, как... взвился на другую высоту: и то-пор, и пила скоро вовсе не будут нужны: скоро будут лес штамповать из отбросов, придавая доскам небывалую

725

прочность и желаемый рисунок. Не надо особенно боять-ся ломки, жалеть остающиеся деревья в лесу: в Калифор-нии вытаскивают из глубин леса гиганты в 1500 лет, и де-сятки таких же по пути сами валяются... Один из самых ярких типов (весьма полезных для понимания «Чащи» или «Синей птицы»).

На полях: Дал тему Панкратову: топор и пила.

22 Июня. Все по-прежнему ясно, только ветер завер-нул несколько с севера, и стало прохладней вчерашнего. В 7.20 у. мы выехали на катере в Бобровскую запань. Один из студентов, приехавших на запань, узнав, что я – Пришвин, писатель, сказал: – Надо взять пропуск, а документы в порядке? – Личное письмо самого нарко-ма. – Здесь не нарком хозяин, – ответил студент, – а за-вед. запанью. – Если бы такому студенту сказали, что Пушкин приехал, то он смешался бы только на одно мгно-венье и сказал бы: «А разве он еще жив?» Драма не в том, что он это не знает, а что он студент: простого лесоруба никто не спросит о Пушкине, а студенту всегда это грозит. И если он не знает Пушкина, будучи студентом, то он как человеческая единица гораздо ниже лесоруба-колхозника и в общем напрасно учился: небольшие задатки в себе быть человеком, сознать себя, творить жизнь хоть как-нибудь по-своему он убил, заполнив свободные промежутки в се-бе знанием механизированных запаней.

Сортировочный аппарат на запани хотя и в увеличен-ном виде, но такой же, каким видели мы его на Леже. Ходи-ли по бонам и станкам, и в местах разрывов было трудно-вато: глядящие со всех сторон обезьяны хохочут заранее. (Рассказ о бухгалтере, который при этом обезьяньем сме-хе «погиб и со всем своим образованием».)

Видели три рода станков: 1) В. К. Л. (Волжско-Касп. лес) переваливает через себя лес в пучки.

2) лан 3 (Лебед. Александ. Никол.) собирает пучок це-пями.

3) Блокстад: наезжает, счетчица шевелит губами (170 бревен), берет и метит пучок проволокой.

726

Очень просто, сокращает работу на 2/3, но главное, лю-ди работают с сухими ногами.

И опять необыкновенная простота.

«Тело запани» дедовское, но хорошее (а то есть за гра-ницей по-новому). Борьба с наркомводом за моль. Между тем ведь дело все в буксирах: буксиры как средство меха-низации сплава.

Четвертый год действует Бобровская запань, и четвер-тый год сидит, заведует ей хороший человек, партизан Жилин Василий Дмитрич.

На запани сейчас около миллиона кубом, леса с Пине-ги + Выга + аварийный... всего пропустит около 3 милли-онов.

По пути заезжали на р. Мечку посмотреть Сульфит-строительство (Мечкастрой). Но завед. не застали, а стро-ить собираются только еще жилые дома для служащих.

На полях: моль – это бревна сами плывут.

23 Июня. В пользу охраны Чаши.

Погода продолжается летняя, но жар спал. И так всегда на севере: при всякой жаре чувствуется некоторая угроза. Нам достали билеты на 24 вечер 9г/2. Значит, 26-го утром мы будем в Загорске, и всего путешествия с 9-го Мая по 26 [Июня] = 48 дней приписка: $7 \times 7 = 49$ = шесть с по-ловиной недель, т. е. трех дней не хватает до Великого поста.

Двести-триста лет, и северному лесу конец: он умирает, гниет; а на юге и полторы тысячи – все еще здоровый лес. А сколько нетронутых лесов на Кавказе (не дают). Вот хо-рошо бы после севера посмотреть лес на Кавказе и, может быть, какой-нибудь холеный лес в лесокультурной базе.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

На полях: солнце одевается.

Были в местном музее. Там Заведующий, вероятно, из бывших людей кокетничал английским языком и всякими-ми познаниями, адресуясь к пожилой, когда-то очень красивой даме, тоже, вероятно, сотруднице музея, и оба они, интеллигентные люди старого умершего мира, были са-

727

мыми яркими экспонатами в этом музее. Чисто и аккуратно в музее, но это скорее музей для средней школы, чем краевой музей: от всего взято по диковинке и схема-тизировано, и все; но ни один отдел не охватывает местного материала и не живет, переменяясь вместе с жизнью и пополняясь.

Солнце переодевается.

К ночи на р. Пинеге: оагеркнуто: солнце на небе и на воде между темными лесами оставило вместо себя большое малиновое пятно; Солнце, как актеры в театре, на самые короткие минуты ушло в глубину сцены за кулисы, чтобы переодеться к новому выходу, и вместо себя на небе и на воде оставило приписка: бросило большое малиновое пятно...

Приписка: Роль гисленно малых велигин в ландшафте – лист-венница ближе к солнцу, на солнце указывает, а береза на геловека.

Лиственница = «листва». Если подсчитать, какой процент лиственницы в отношении ели и сосны, то он будет ничтожен, но если ехать по рекам и смотреть на леса, то везде будет лиственница: это потому, что она везде выде-ляется и очень высокая и любит опушки и берега, высоты, часто определяющие характер ландшафта. И по-другому несколько, но в смысле художественного значения малых в проценте величин то же самое и береза: ничтожная при-месь березы, но ее появление обыкновенно свидетель-ствует о человеке: побывал человек, повозился с лесом, и после него вырастает береза... Всегда, встречая березу, чувствуешь, что жизнь стала как-то полегче.

К рассказу о том, как при смехе обезьян утонул бухгалтер «со всем своим образованием». Рассказчик, объясняя станки, повторяет излюбленную фразу: «так вот, значит, Лан 3, станок с таким содержанием». При переходе через разрыв бона дает оагеркнуто: шест багор: «бревно бу-дет утопать, но вы не бойтесь и [не] спешите, соблюдайте багром равновесие и с таким содержанием переходите». На всех высотах смеются, только предвосхищая возмож-

728

ность какой-нибудь ошибки, но если действительно оши-биться и погрузить одну только ногу в воду, то смех будет оглушительный. Не смеется только одна женщина, от-считывающая 170 бревен, собираемых блокштадом: ей нельзя смеяться, потому что она не может считать, не ше-веля постоянно губами.

Официант привел своего мальчика пообедать и пода-вал ему блюдо за блюдом, как всем. Мальчик ел, сидя на стуле, с висящими в воздухе ногами. Но когда подали ки-сель, приписка: – серьезная пища! он соскочил со стула и ел стоя.

Не нравится мне Петин роман с «Морошкой», первое, тем, что первичная основа его есть желание «нужду пото-чить», и на этом базисе он подходит к солидной замужней женщине, навертывая «идеализм»: разговоры о книгах... В этом случае хороший крепкий муж с успехом бьет мор-ду. Я бы и сам побил. Главное, плохо, что простая цель требует короткого времени и правды: иду к женщине – знаю, зачем иду. А тут мление, мудьюга. Красивый, инте-ресный парень, а вот... брат Сергей был вроде этого...

Нет больше никакого сомнения, что в Архангельске люди чувствуют себя гораздо свободнее, чем в других городах, и много гуляют на улице. И еще, что здоровых, высоких людей, даже гигантов здесь много. И это все, я думаю, делает море. Люди гуляют, потому что дорожат солнечными днями.

На Бобровской запани часами стоят люди за пропус-ком, а никто потом – ходи по всей запани! – не спросит этого пропуска.

На Бобровской запани с едой так поставлено дело, что инженерно-техническая часть не выделяется, хотя в об-щей столовой впереди для инженеров поставлены четыре столика с синей, а не с рыжей, как для рабочих, клеенкой. Кроме того, рабочие покупают марки, а на этих столиках прямо дают. За два рубля нам дали обед из четырех блюд: рисовый суп, треску, гуляш и манную кашу. – Обед под-

729

ходящий! – в один голос сказали рабочие, а между тем и эта устроенная запань обходится только с 70% рабочих.

24 июня. Сильный западный ветер, буря... Перебе-ремся ли на другой берег Двины? Встреча со Щукиным и Поповым – два пьяненьких коммуниста, Щукин Алек-санд.

Николаевич, директор кинотреста, Попов – преде. Союза писателей (Арх. Северное краевое издательство). В вагоне знакомство: Матвеев, начальн. политотдела под Вологодой. Разговор о Пинеге, что она раньше текла в Ме-зень (остался канал, которым можно пользоваться вес-ной).

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
25 июня. От Архангельска на 200–300 километров все болота, а с Нёнаксы быстро начинается перемена в климате, и весь день до вечера – до звезд! – мы спускаемся к чудесно украшенной земле. Прекрасны казались речки в твердых берегах, на которых луга цвели и рожь волновалась. И какое торжество березы, этого человеке-ского дерева: высокие березы, пышные, белые. Там и тут между березами и елочка, но какая нарядная, широкая, сытая. Как чудесно думать, что в таком лесу можно идти в любом направлении сухой ногой, и если даже встретит-ся болото, можно легко обойти его. Сколько труда, сколь-ко жизни положено только на то, чтобы обжить это место, и лес ужасный, непроходимый стал таким доступным и радостным.

Есть в этом чувстве к лесу и полям культурным общее с тем, что чувствует голодный человек, достигающий ку-сочка черного хлеба: это чувство открывает в вещах пер-воначальную ценность их, утраченную, стертую ежеднев-ным довольством. Так путешествие оказывается, главное, не тем так ценно, что дает знание другого края, а тем, что открывает завесу для понимания близ тебя самого лежа-щих вещей. (В этом и есть сущность творчества, и если мы требуем от учеников школ данного края знания своего края – мы требуем слишком многого...)

Представитель Северного края в Москве т. С и л и н, Мясницкая, 13, 2-й этаж (рядом с Книжн.) Он может дать
730

сведения о московс. партизанах, литературе и т. п. Лите-ратуру может подобрать и Попов.

Беседа с Матвеевым. Вопрос о зарплате в лесу: вопрос решается умелой организацией труда в лесу: подбором хороших десятников: хорошие десятники – народ пере-ходящий. Вопрос о тесноте в бараках и пр. житья рабочих решается механизацией: в Бобровской запани работают с сухими ногами, едят хорошо, одеты, живут мужчины и женщины отдельно. Еще объясняется теснота скучен-ностью труда: собрать на лесозаготовки удастся только после января.

Борьба белых и красных: весь север от Урала до Фин-ляндии. Если этим заняться, то начать в Москве, и потом в Архангельске. Почему красные победили? Два типа пар-тизан: из интеллигенции] Павлик Виноградов и Хаджи Мурат.

26 июня. В три ночи сошли в Александрове (наш по-езд в Загорске не останавливается) и ждали местного по-езда до 5.55 у т.

Райский день. В Архангельске зацветает черемуха, у нас под Москвой доцветает сирень и начинается сенокос.

По всему видно, по широким листьям, по густоте и си-ле зелени, по высоте цветущих трав, что жили они тут без нас очень хорошо.

Пока мы ждали на Пинеге, когда распухнет береза и зацветет черемуха, у нас отцвели сады, и мы, увидев цветущую черемуху в Архангельске, приехали домой к отцветшим садам. Но зато мы поняли... (Вот это и есть главная тема всего моего путешествия: Чащи = Лосино-островский заповедник.)

27 июня. Утром при солнце гремел гром. Здесь сере-дина лета, расцвет трав, самое счастье.

Наши дела: 1) Ремонт машины. 2) Отчет. 3) Палатка. 4) Фото.

Лева пишет свой очерк, как самая медленная черепаха ползет, и кончится тем, что никуда не приползет: не напе-

731

чатаят. Удивительно, что такой извне как будто необык-новенно энергичный человек изнутри оказался до край-ности ленивым.

Петя или переутомленный, или от природы вечерний человек: утренний человек встает бодрым, рвется к рабо-те, а вечером клюет носом; наоборот, вечерний человек встает сонным и разгуливается только к вечеру.

Шукин, дир. кинотреста, пьяненький коммунист, хо-тел сказать мне комплимент: – А сын – Петя, – пожалуй, еще умнее тебя. – Хороший сын, – ответил я, – так и должен быть умнее отца. – А чего же ты смеешься? – Очень доволен. – Нет, ты недоволен. – На этом разговор оборвался. Мы переправились через Двину, дождались поезда: прошло часа два. За это время он еще выпил и на-думал поправиться: – Нет, я ошибся, – сказал он, глядя на Петю, – сын твой не умней тебя, он только более в ы-держанный. (Я-то с ним пил немного, а Петя не пил: выдержанный.)

Приехали Чувиляевы. Бывш. губернаторша из шаровар своего персидского костюма, шелкового ярко-малиново-го, сделала теперь себе платье: последний ресурс! – все хорошо, если бы только она была бы хоть лет на десять помоложе...

28 июня. С утра «из облака» теплый крупный летний дождик брызнул и перестал. Из этого рая теперь видится страшный северный лес...

В Архангельске много еще сохранилось семенных лю-дей, потомков морских зверей, великанов, и мелкий, по-рослевой человек еще не так бросается в глаза.

В нашем маленьком купе мы, четверо, сжились за ночь от Архангельска, в Вологде один из нас выбыл, и мы со страхом думали о возможности неприятного четвертого

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
пассажира. Вошла необычайной толщины старая седая еврейка испр. на: женщинам
Села важно, и все мы молчали, не зная, с чего бы начать. Приписка: Такая полная
женщина – важная Вдруг оагеркнуто: еврейка момен-тально бросила глаза, что-то
заметила в окне и быстро

732

выбежала. Мы увидели, как она там быстро сторговала известные дешевизной
вологодские яйца и купила вместе с плетеной корзиночкой и вернулась к нам. –
Почем яй-ца? – спросил один из нас. – Три рубля, – ответила она очень охотно. –
Это недорого! – сказали мы все. Она вся просияла и ответила: – В Вологде яички
всегда дешевые, два десятка яичек – и в Москву приехать уже хорошо!

Приписка: Не от важности места, а от пищи толстая.

После этого стена неизвестности между нами руши-лась, мы купили себе все по
десятку яиц, каждый раз по-вторяя: 10 яичек – и уже хорошо.

29 Июня. Дождь с ночи, теплый... Уехали Чувиляевы. Конечно проявление.

Тропа: Человек шел – тропа, по бревнам следная трава выростала. Медведь шел по
путику – трава выростала. Олень пришел и три медведя съели оленя. – И ничего!

30 Июня. Ходил гулять с Ладой. Много было цветов на лесных полянах. А на
тропинке люди редко ходили. Не успевали люди замять траву. Поднималась трава, но
не так высоко росла, как рядом. Зато густо росла трава на тропе, и все клевер. И
так было в лесу, что где ступала тя-желая нога человека, там гуще росла трава и
слаще...

Приписка: Тропа: Человек шел – тропа по бревнам сладкая трава выростала Медведь
шел по путику – трава выростала Олень пришел к траве Медведь съел оленя – И
ничего!

Путик.

Весною выхожу на свой путик

Мой путик достался мне от отца

Моему отцу Осипу он достался от деда Александра

733

Деду Александру достался от прадеда Осипа

Прадед Осип говорил деду о пожаре в этом лесу

Большой пожар. И вот теперь видко!

Весною на путике очищаю гуменца

Посыпаю гуменца желтым песочком

Оглаживаю маленькой лопаточкой...

Показал нам на гуменце

...Заметил возле ручья на зелени след медведя.

И я выбираю гуменце светлое

Чтобы птице было видко

И сядет на верхушку дерева –

Видко

И полетит на землю, и здесь Все видко

И когда пролетает мимо, на всем лету Все видко

И солнышко сверху смотрит на гуменце И от солнышка всем видко Сядет птица на
верхушку дерева Видко

И падает птица на землю

Все видко

И по тропе идет

Все видко

И пролетает мимо, на всем лету Все видко

Птица любит гуменце и проч.

На полях: Рассказ поэтигеский о медведе прерывается хором охотников, вроде
толкования (проза).

Я хожу по своему путику

И медведь ходит по моему путику

Весной еще на снегу мне было видно:

Медведь вышел из берлоги и идет по путику

Возле маленького ручья поднялась трава

И на травке [зеленой] я увидел след медведя,

А там, где ступал человек и медведь, сильней зеленело

И далеко было видко

Когда возле маленького ручья поднялась трава

734

Много было цветов по сторонам путика А на путике трава была много ниже Зато
густо росла трава на путике и была сладкой Так было в лесу, что где ступала
тяжелая нога медведя и человека

Там гуще росла трава и была слаще.

Приписка: Сюда же в хоре: как медведь меряется. – Это бы-вает!

Медведь.

Рассказ поэтический прерывается прозой Осипа, рас-сказами о лесе, но он возобновляется по сюжету: медведь взял на траве оленя – ничего! Медведь на путике брал птицу – ничего! А вот когда медведь сломал клеть и вы-нес муку – тут он – петлю (две елки уступали тропинку, одна елочка говорит: тебе идти, другая: тебе).

Березовый лес.

Ничего не могу сказать вам о том, как мне после севера показалось в нашем березовом лесу с высокой цветущей травой: это счастье пришло. А когда счастье приходит – уходят слова.

К Чаше.

Довольно елкам потеснее сойтись, чтобы между ними началась ссора и другим, засыхающим в тесноте нижним веткам становилось сыро, темно, неуютно. А у сосен чем чаще, тем радости больше: и суха, и модна, и румяна: де-рево приветливей. 1 июля. Люблю лес, но лес, особенно северный, лю-бить невозможно: наш любимый лес и настоящий лес – это все равно как пойнтер и волк, – можно ли дикого вол-ка любить.

И так вот в понятии «лес» ютятся два разные существа: один старинный славянский лес-бес, с которым у земле-дельца идет вековая борьба, другой лес – наша радость, счастье, средство восстановления истраченных в городе сил.

И еще есть третий лес приписка: круглый, исчисляе-мый на кубометры, источник нашей валюты. Обе проти-

735

воположности, и дикий лес-бес, и поэтический, как бы там ни было, имеют какое-то общее основание, но ничего общего не имеют между собой у нас лес поэтический, это рай нашего счастья, и лес, исчисляемый на кубометры.

И вот все-таки случилось так, что хозяйственники поз-вали поэтов описать лес, и я, приглашенный в числе дру-гих писателей включить лесную тематику в план работы 1935 года, задумался крепко над этим двойственным по-нятием «лес».

Если в моем опыте скопляется много такого, о чем не-обходимо рассказать, то прежде всего мне хочется расска-зать точно, как это было. Я бываю так уверен в присут-ствии поэзии как силы, или еще лучше, как субстанции в моем опыте, что – представляется мне – если вернее, точнее описывать свой опыт, то и моя поэзия будет дейст-вительней. Вот почему любимейшая моя форма – это дневник, записки. Не раз, однако, мне случалось перехо-дить через эту форму, писать повесть от третьего лица, и тогда оказывалось, что это ложно и что я обманываюсь в чем-то, когда ревниво держусь рамок моего непосредст-венного художественного восприятия. 2 июля. Знаешь ли ты ту любовь, когда тебе самому от нее нет ничего ни теперь и не будет, а ты все-таки любишь через это все вокруг себя и ходишь по полю и лугу и под-бираешь красочно, одно к одному, синий василек, пахну-щий медом, к голубой незабудке.

Качаются высоко стебли ржи в облаках
Облака маленькие и [легкие], но плотные

Густеет рожь светло-зеленого цвета

В густоте васильки и незабудки

Синие и голубые, и есть еще колокольчики

И ромашки, колокольчики фиолетовые

Ромашки белые

Летают пчелы, поет летняя птица

Летняя птица дергач-подкрапивник

Есть еще стрекоза возле ржи, разные бабочки

Есть бабочки желтые, и есть бабочки красные

736

Есть черные. И есть еще кузнечики большие Серые с треском летят и раскрываются красным Другие раскрываются синим А есть большие зеленые усатые Муху дашь – съест.

Есть молодые люди, которым надо сказать: не учитеесь, хорошие строки сами приходят, а есть другие люди, кото-рым надо сказать: не марайте бумагу, – учитеесь!

Борис Иванович Беляев, – учитель: Калуга. Мой чита-тель. Называет мысль мою о прочности вещей и вечности гениальной. Правда ли? Не знаю и неважно: важно сохра-нять в себе вечно вопрос...

3 июля. В те годы, когда рушились «незыблемые» права собственности, вопрос часто бывал не в самой собст-венности, а в силе личности: сумеи отстоять свое право, и ты по-прежнему будешь хозяином своего добра. Так вот пришли одного раскулачивать, а он в лес, да с Пинеги тро-пами-путиками пробрался на Уфтюгу и спустился на стру-же к Вычегде, и оттуда на Котлас и в Москву. Назад явился с правами, вернул себе все отнятое и посейчас живет хо-рошо, в колхозе. Другой

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
оробел и пропал, вон там в зарос-лях догнивает его домишко. Время переходило, и люди отбирались по силе беспощадно, как на войне.
А в лесах Белоруссии, в садах Украины, в степях Дона, Кубани разве не то же самое было, разве тоже не могло быть так, что человек чуть не сумел и пропал. Что значит пропал? Ну, скажу, потерял свою родину, и вот в северном лесу где-нибудь, в том страшном лесу у полярного круга, где медведи, олени да журавли клюкву собирают, – поя-вились в числе других: казак с Дона и белорус, чтобы вместе с другими колонизовать пустынный край. Пусть оба чувствуют себя невинными и действительно попали случайно... Перед каждым стоит не-обходимость, которую каждый по-своему должен обойти. И пусть казак, степной человек, решится бежать из леса и убежит, а белорус, лес-ной человек, станет на место... Мало-помалу лесной чело-век не лес отдаляет от себя, а людей, следящих за ним: лю-

737

ди уважают его, люди больше не глядят, издали кланяются ему. И так человек создал себе новую родину. Кто же выше из этих двух людей: степной казак, оборовший «судьбу» побегом, или этот лесной человек, не ногами, а внутрен-ней силой оборовший этот страшный северный «лес-бес»? Так ведь было с испокон веков в русской истории: казак в степи воевал с басурманом, а на севере стоял человек на месте и строил. (К пекарю пришли белорусы, я спросил: – Казаки воры и так легко и проч.... Так, очевидно, я верно понял. – Но... Вот еще пример: – А что убежали... всякий ли достиг... Один убежал и не мог не заглянуть домой, а дом свой: «Детские ясли» – и в [бега] и опять...)

В 9 у. вышел на свой круг и вернулся в 1 ч. д. – Забыл книжку и мысли какие-то не мог записать и забыл по воз-вращении. Не почувствовал, но вспомнил тоску и что око-ло двух месяцев путешествия ее не было: значит, в пути ее не бывает, и вот почему Онегин так много странствовал.

Наполях: синие реки

тонкие тропинки охота

4 Июля. Машина в ремонте. Петя в Москве достает для палатки палки, ружье в мастерской. Ягода спеет, когда Павловна сварит варенье, уедем на Шариков пал. До тех пор, пока висит угроза войны, нельзя надеяться ни на какие удобства жизни культурной: канализацию, электричество, радио. Надо всегда быть готовым не на день или два, а на годы вернуться к жизни наших далеких предков в леса и с помощью одного топора строить себе жилище, добывать огонь и убивать врагов...

Служил я в армии и летал на самолете

И видел с высоты северные леса

Темные леса видел и множество речек

Речки были как на теле синие жилки

Только я не видел с высоты самолета

Тонкие путики, пробитые ногами наших охотников

Речки как синие жилки

738

И путики тоже как жилки Много речек и еще больше путиков Синие речки с высоты самолета все видко А тонкие путики вовсе не видко.

Из разговора с редактором: гидролизные и целлюлоз-ные заводы – это не решения; решение: перенести экс-плуатацию леса в Сибирь и натворить там такое же безо-бразие.

Не народ страшен для власти: нет! пока властелин не обманывается – он всегда может скрутить народ. Но рано или поздно властелин успокаивается, со всех сторон уве-ряют его, что народ его уже любит. Пример такого само-обмана – это поведение царя Николая и царицы Алек-сандры, уверенных в том, что их любит народ.

Не вдали, а возле тебя самого, под самыми твоими ру-ками вся жизнь, и только это ты слеп, не можешь на это, как на солнце, смотреть, отводишь глаза свои на далекое прекрасное... И ты уходишь туда только затем, чтобы по-нять оттуда силу, красоту и добро окружающей тебя близ-кой жизни. Можно всю жизнь отдать на пропаганду этой мысли (и не к тому ли она: «любите ближнего»).

Много лет тому назад мы срубили тополь несколько метров от земли, в надежде, что оставшийся ствол даст отпрыски. Но вода дождевая, падая сверху на широкую площадь ствола, проникая вглубь древесины, замерзая и оттаивая, дробила ткань, и дерево засохло и загнило. Из года в год я привык к этой печальной колонне и не обра-щал на нее никакого внимания. Но я не один был, и все наши, каждый день занимаясь в саду, не обращали внима-ния на засохшее дерево. Мы все, привыкнув, пропустили чудесную жизнь возле себя, возле этой самой печальной сухой колонны: возле нее росла меленькая липа, из года в год поднимаясь все выше и выше до нынешней весны, когда она стала выше сухой колонны и [закрыла] ее зеле-ными листьями, и все мы вдруг ее заметили. Мы принесли лестницу, намотали веревку на верхушку гнилой колон-ны, повергли ее; освобожденная, со всех сторон освещен-

739

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
ная липа засветилась густым зеленым внутренним светом, засияла необычайной красотой. И все мы смотрели на нее и озирались вокруг себя: нет ли и еще вокруг нас такого прекрасного, что мы, не замечая, обходили ежедневно.
Ни одного партища, занятого на севере лесосплавом, я не встретил такого, кто не разделял бы мою поэтиче-скую жалость к лесу, который не столько берут, сколько бросают в лесу на сгнивание и на заражение короедом здорового леса. Один из крупных деятелей оагеркнуто: председатель РИКа даже признался мне, что он, один в лесу, увидев такую картину, «ревел». Уполномоченные Крайкома, секретари Райкома, начальники политотделов, беседуя со мной с глазу на глаз, все до одного, как хозяйст-венники, старались заразить меня жалостью к погибаю-щему лесу, возмущаясь газетными писателями, уверяющи-ми читателей, что лес рубят, а древесина за это время в десять раз прибывает. Месяцы наблюдая лес, беседуя с хозяйственниками на местах, я наконец доехал до Ар-хангельска и там нашел человека – оптимиста, притом беспартийного.
– Нечего жалеть лес, – сказал он, – лес этот выраст-тет.
– Вы оптимист, – сказал я, – не вы ли это писали, что лес рубят, а он в десять раз прибывает?
– И верно, – ответил мне «профессор».
– Как же верно, если я полтора месяца истратил толь-ко на то, чтобы найти нетронутый топором [массивчик] в 66 т. куб. м.?
– Это у нас на севере, – был ответ профессора, – а возьмите Сибирь – пока мы здесь рубим, сколько там нарастает!
А когда я сказал, что если так будем в Сибири хозяйст-вовать, как на севере, то и там скоро будет конец:
– И хорошо! (Лес отсталость, перейдем на нефть, на уголь и потом [возьмем] из воздуха... Лес – это отста-лость, – чем скорее, тем лучше.)

740

Не забыть объяснение конца «зеленым годам» (в Нор-вегии срубили леса, открыли всякие Гольфстримы).
Пусть величают меня за мои прошлые труды художни-ком слова, но когда я затеваю изучение какого-нибудь вопроса, явления или среды, я не считаю себя художни-ком и тему свою изучаю, как все, с жизненной стороны, или что значит – со всех сторон, в том числе и с художест-венной. И я умею до того просто ставить вопросы людям, до того обыкновенно умею обходиться с людьми, что они забывают меня как писателя и спрашивают, чем именно я занимаюсь, что делаю, где служу. Тогда, если хорошие и умные люди спрашивают, я, робея, называю себя чело-веком, подобным инспектору качества, а если какие-ни-будь глупенькие, то попросту:
– Я инспектор качества, приехал проверять и судить вас дураков.
Вода бежит и слуда стоит
Вода моет слуду и делает наволок
А слуда воду держит
И если бы слуда не держала
Вода бы рыла деревья
И падали бы деревья друг на друга
И закрыли бы выход воде
И вышла бы вода в занаволоку
Стало болото
оагеркнуто: Вода бы сама ее вырыла или бы стало болото Так воде бежать и слуде стоять И вода и слуда живут вместе
А лес где [будет] То вокруг будет лес Нельзя отрывать воду Вода и Слуда вместе живут.
Если хорошее, очень-очень хорошее, небывалое, пре-красное, как небесное видение, ружье, и охотник безум-но-страстный влюбился в это ружье и сказал себе: или

741

я не буду вовсе жить: надену камень на шею и брошусь, или же я убью того человека и завладею его ружьем... Так если понять, что в увлечении вещь человек забывается... до убийства, кажется, какой он прекрасный! Но если ты можешь так увлекаться вещами, что сам даже и не видишь последствия своей игры, и никто тебе не перечит, и ты «ребенком» живешь... (Вот не так ли надо понимать Пет-раI.)
Самец достиг своего и ушел с некоторой досадой: слишком ему это трудно досталось, она же начала эти ми-нуты хранить как счастливейшие в жизни.
Чтобы возможно стало ближнего к сердцу принять и понять, надо сначала полюбить дальнего: и оттуда сквозь призрак дальнего увидеть ближнего и ему обрадоваться.
5 Июля. Вот вопрос: бывает, вначале механизация много дороже обходится, чем «ручной способ», но вернуть-ся к старому невозможно: организация ручного разруше-на, и собрать невозможно; это критическое время, и нов-шества являются за счет самого человека, и неудачи всюду колют глаза (см. Баржа на Леже: люди бегут). Сюда же и колесо-пионер раньше дороги, автомобиль без шоссе...

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
6 июля. Со вчерашнего дня барометр в самом низу, глухой дождь.

Если бы человек не родился

Если бы человек в утробе рождающей матери не носил в себе единство всего рожденного и общей цели, то смерть означала бы полную бессмысленность жизни, и мы бы давно уничтожили друг друга, как уничтожают себя при-рожденные преступники или пауки, заключенные в од-ном стакане.

Почему на севере лесные люди, как будто бы самые не-зависимые, проще всех других теперь отдаются во власть государства? Не потому ли, что, не вкусив через рабство сладости побега от необходимости, человек доверчиво сносит и государственное бремя, как сносит неумолимые

742

оагеркнуто: таежные законы своей едомы? Такой чело-век имеет в себе как бы особый запас, расходуя который, можно долго терпеть.

От Павловны и Левы: кто что хранит, тот и делается собственником этого: вещь у меня – моя!

Все мое путешествие похоже на северную сбежистую реку: какая река! пароходы идут и один раз в год завозят муку: на весь год навезли, а сбежит весна, и кончено: там, где была река судоходная, курица вброд перейдет. И в этом, только в этом я узнаю себя, сына своего народа: тоже и на-род наш сбежистый...

Кладу весло, присоединяясь к миру самых обыкновен-ных вещей и наслаждаясь их великой ценностью (в этом и есть возвращение домой; в этих бревнах солнце и сила солнца на кубометр; эти бревна есть «чаша»). Сюда же и «точку зрения» (от 19/VII). И сюда же героя, который взял мгновенье-Сущность леса проста, и вот это и вводит в мир обык-новенных вещей.

Охотничье: напр., слет глухарей и проч. (все припом-нить).

Пила и женщина. Лес, в котором живут с одним топо-ром, не тот лес, если к топору присоединяется пила. Топо-ром ведь владел только мужчина, а пилить может всякий, и женщина, и пила привела женщину в лес.

Если сам моешь и смазываешь машину, если сам про-являешь и печатаешь фотоснимки, сам положишь заплату, если на локте прорвется кафтан, то все постоянно спра-шивают: – Почему непременно вам это надо делать само-му? – И надо найти ясный ответ, чтобы не остаться «чуда-ком» приписка: вроде Льва Толстого, который почему-то сам пашет. Так вот под давлением общества от себя са-мого отделяется такое, что ты не сам делаешь и без чего сам не можешь обойтись. Мало-помалу так и все откалы-вается от тебя самого, так что если ты, напр., шофер, то ты

743

тут тоже никак не сам, а часть механизма машины, иссле-дованный в своей пригодности психотехническим анали-зом.

– Почему вы это сами делаете? – в этом вопросе есть намек на лучшее определение силы вашей, на какую-то соответствующую вашему достоинству большую свободу на пути самоопределения в геройстве каком-нибудь, уче-ном открытии, художественной ценности.

В этом процессе ты делаешься повелителем бесчислен-ных не-сам.

7 июля. Путешествие дает ряд тем, на которые потом и пишешь, как я сейчас пишу о лесе: о рабсиле при заго-товках, механизации и т. п. Но сколько бы ни написал на темы, все остается промежуток между темами, та живая жизнь, которую лучше всего схватишь, если правдиво описывать изо дня в день свое путешествие. Так я и сказал оагеркнуто: редактору одному литератору, ведающему в газете отделом путешествий, и он сразу понял меня и от-ветил:

– Не нам вас учить, пишите между темами и о клопах. Из этого разговора я понял, что огромное большинс-тво пишущих занято клопами...

Загеркнуто: Бострем. Редактор отдела

С полпути между Вологдой и Котласом

Сотни молевых рек, влекущих в Вологду моль... На по-ловине плоты снизу... [идут] в Двину. Ехал я туда в июне – так что теперь ничего не могу узнать.

Можно начать с баржи и полумеханизации, а потом пе-рейти к клопам и мечте о стране непуганых птиц + и по-том мечта [о] лесе, который еще не рубили и [который] не знал топора.

Слово «механизация» в наше время стало иметь много смыслов и само по себе безотносительно перестало нам что-нибудь говорить. Так вот и о лесе, когда нам сказать, что главный вопрос – механизация, то непонятно, и вот «баржа»...

744

Клопы: оттого что человек на месте не живет. Чаша.

Ландшафт леса как творчество Чащи

Слова Мануйлы: С женщиной хорошо обходишься – она больше работает, а мужчина от хорошего обращения портится.

Продолжение Архангельской тетради.

...Отношения между «сам» и «не сам» у Бострема реша-ются лично: «сам», принимая

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru услуги от «не сам», обязуется в той же мере быть «не сам», положим, не для этого именно человека, а для кого-нибудь. И эти безлико сложенные не-сам образуют на совести чувство долга. Такая совесть, такой долг сложились в натуральном хозяйстве, теперь же разделение на сам и не-сам происходит без со-вести и долга... приписка: машинно, и оттого вражда к машине
Вести из мира неясного и переменного: весь интерес к человеку с топором в руке (народ и лес), к старчеству. Мое замечание: если есть в этой мечте реальность, то со-временность должна носить в себе следы своего проис-хождения.
Нет ни малейшего сомнения в том, что человек живет не о едином хлебе, но если оагеркнуто: доведен человек до того, что кто-нибудь из последних сил добывает хлеб, то как сказать ему это «не о едином хлебе»... Напротив, каждый из нас, испытавших крайнюю нужду, знает мо-мент, когда сильное желание хлеба раскрывает его сол-нечную природу, в которой исчезает разделение жизни сытых людей на заботу о хлебе и еще о чем-то «высшем». На полях: Это момент рождения всех пролет, революций. Самое ненавистное существо в это время – кто говорит, что «не о едином хлебе»... (Матрос при слове «Христос» стрельнул в актера). Слова «не о едином хлебе» относятся к сытому человеку, голодному почему-то это сказать не-льзя, напротив, голодному надо сказать именно, что в хлебе единство солнца, земли и труда человекам И вот искушение сатаны... утверждение существа, независимого
745

от хлеба... Вот современная тема, если взять во весь рост: хлеб – это жизнь, это солнце, и ты против (об этом рас-сказано в Евангелии). Но что может сказать в свою защи-ту современный человек, положивший свое счастье в дело добывания хлеба?

Флюиды худ. Беляева (Левино дело). В Леве есть мать целиком... тоже и ее срывы. Жизнь поворачивается, с избытком... чего же больше: родители отвечают за детей, а ведь это значит: что отца... К чему же мы придем?

Дальний (призрак) – это Бог, ближний – это человек. Любовь к Дальнему (к Богу), любовь к ближнему (чело-веку).

Закон об ответственности родителей за детей: это есть возвращение революции к опыту Старого Завета. В конце концов окажется то же, что было с нами этой весной: 1У2 месяца искали нетронутый лес и пришли в Лосиноост-ровское.

10 июля. Любовь к врагу и вообще к «ближнему», и не только любовь, а просто внимание к ежедневному дости-гается только удалением от него и последующим возвра-щением.

Путешествие ценно не так тем, что оно обогащает че-ловека новым знанием, как тем, что открывает глаза на близкое. И есть путешествие в такую отдаленную страну, возвратясь откуда, люди могут понимать даже любовь к ближнему и даже к врагу, – только надо очень далеко уехать: я там не бывал.

На полях: Записка в роман «Нагало века»

Я не читал Ницше, а только жил в ту эпоху, когда все Ницше читали, и оттого, сам не читав Ницше, я жил бес-сознательно его идеями. И теперь когда читаю Ницше, то мне кажется, будто я тоже, как и он, думал и о ближнем, и дальнем, и о сверхчеловеке. Слышал от Мережковского не раз, что Ницше будто бы под конец свой узнал в Сверх-

746

человеке Христа, и вместе с тем, значит, – сейчас думаю – он, наверно, принял и любовь к ближнему, и к врагу. Я, вероятно, этого никогда не пойму и проживу так. На полях: Это одна из тем «Нагала века» или «Чан»: преодо-ление ницшеанского эстетизма.

Еще я слышал от Мережковского, что Ницше ошибал-ся, потому что оставался в магическом кругу эстетическо-го творчества, как неудачник жизни. Его законы верны для худож. творчества, а не для творчества самой жизни. Я лично понимаю творчество единым, как это, вероятно, у Гете, но сознаю, что в самой далекой стране еще не бы-вал. Моя мать тоже так могла волноваться глубиной сво-ей, но мысли собрать не могла. Что-то детское и привле-кательное, обратно тому, как бывает: в мыслях все верно и ясно складывается, а за ними нет ничего.

Трудно еще прибавить к тому великому, что сказал Ницше о творчестве. Только вот в чем возникает вопрос: каждая творческая личность, хотя бы писатель, по сотво-рении немедленно должна войти в какие-то отношения с личностями нетворческого порядка, писателя берет, напр., издатель, потом критик, театр и т. д. И все эти не-творческие элементы так облепляют со всех сторон сверх-человека, что ему и не дохнуть, если он не войдет с ними в отношение подобно тому, какое имеет христианская церковь к Христу. (Вопрос решается тем, что сверхчело-век должен быть распят и после уже его крестной смерти должна возникнуть соответств. ему общественная органи-зация: путь воинствующего неудачника, воскресающего после собств. смерти...) (Слышал я, что под конец жизни Ницше узнал в

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
сверхчеловеке Христа. Не так ли произошёл Ницше: в борьбе с церковным Христом
пришел к первоначальному приписки: т. е. узанному в своем личном опыте.)
15 Июля. Все эти дни прохладные и дождливые. Заварили кашу: спасти Семашку.
16-го в день Левина рождения должен он, старый друг, приехать сюда.
747

Сегодня вечером у Григ, распределение ролей. На дво-ре у него «отравили» машину:
как она пошла рывками, пропуская силу и опять схватываясь за нее.

Кто такой Кронгауз, или Мачедович, или числа им нет.

Пушной номер «На Стройке».

16 Июля. Ночью покончили починку Машки. Прием переливания крови одной машины в
другую. Работа мас-теров наудачу. Слова: – И не начинайте (учиться
элект-ричеству): все равно не поймете» (нельзя понять).

С утра окладной дождь. Ждем Семашку.

На завтра в Москве:

1) пушной номер. 2) ГИХЛ. 3) лес.

Встреча Семашки. Шофер – мостик – оргвыводы.

17 Июля. В Москве. В Августе для ГИХЛа: «Кашеева цепь» и «Жень-Шень». Пушной
номер. Встреча с фавор-ским. Конец Кронгаузу. Сдача «Леса».

Пушной номер. Наша Канала.

Соболь – 5 тыс.

Ленин на тяге – 2 тыс.

Белка – 3 тыс.

Барсук – У2 тыс.

Лиловое небо – У2 тыс.

Песцы – 1.250

Орел – 3.500

Куница-медовница – 1.856

Волк и овцы – 2.350

(Скорая Любовь)

Приписка: 1-й разворот Ленин.

Смотришь на лес, и трудно забыть свое время скорое жизни и не сравнивать жизнь
дерева с собой как более долгую. Но если писать и читать, не видя леса, то легко
можно и жизнь леса понять как скорую жизнь. И в осо-бенности жизнь северного
леса: что значит 200–300 лет век сосны в сравнении с веком тиса в 1500 лет!

Итак, вооб-

748

ражая себя старым тисом, смотрю на северный лес, и мне видно, как в этом лесу,
подобно скоплению людей на ули-це, теснятся деревья, бегут... и так идут деревья
по земле, как люди.

Приписка: 19 Июля. Взглянул, взял в себя, и то, что взял, осталось, а на что не
посмотрел, то все проходит. Впрочем, можно смотреть и не брать себе, а только
чувс-твовать движение. Так вчера 18-го июля стояли мы возле ржи с фаворским:
кажется, он этого не знает... Я не забо-чусь о форме, я вникаю в жизнь и самому
материалу пре-доставляю заботиться о форме.

Объясачили.

Язык до того консервативен, что, если хочешь вперед двигаться, лучше и не
говори, так вот до сих пор говорили «лес», думая о его непроходимости, и
особенно «тайга си-бирская» если сказать – это как море, со дна которого
за-хотелось бы копейку достать. Между тем после самолета лес и тайга совсем уже
не так страшны, и достают из тайги пушнину на самолете регулярно, и отовсюду и
фотогра-фы, молодые ребята с ремешком на животе и лейкой, ле-тают в недра тайги
просто за картинками для своего жур-нала.

Сосна выводила к свету зяблую елочку На разлив заболоченного ручья Сосна не
могла вывести ель и погибла Ель открылась и ей помогать вышла березка Не успела
дорасти березка: ель погибла А березка пошла. Маленькая березка чуть повыше
тростника

Пошла маленькая березка вместе с тростником И во множестве перебрались на ту
сторону И там, на той стороне, опять синеват леса в облаках А здесь осталась в
неравной борьбе погибшая ель Поросли мертвые сучья этой ели длинными серыми
бородками

Ветер играет бородками мертвых деревьев у болот

749

И я тут стою всем сочувствую на берегу заболоченного луга

Смотрю, как березка маленькая перешла на ту сторону На той стороне синий лес в
облаках.

Конец Архангельской тетради. Материалы к роману «Начало века».

21 Июля. Загеркнуто: Лес рубить – это необходи-мость. Не срубишь для себя, лес
сам погибнет от червя и пожара. И как ни люби леса, все равно рубить

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru когда-ни-будь надо. Весь вопрос сводится к тому, чтобы рубить лес хозяйственно. И если хозяйственным глазом смотреть на спелый лес, то это как на все, что поспело и очень хорошо, очень приятно, если впереди предстоит хороший урожай. Лес рубить – это необходимость, и если для себя не срубишь, лес погибнет от червя и пожара. Хозяйственным глазом надо смотреть на рубку леса, и тогда спелый лес, как все, что поспело и обещает хороший урожай, – закон-ченно прекрасная вещь: и посмотреть хорошо, и есть, что взять.

Вечером поехал в Переславище, Лада нашла выводок совершенно черных тетеревей: 4 штуки; говорят так все: сохранились яйца, до морозов положенные, а после моро-зов, по краешкам гнезда – те погибли: по 2, по 3, по 4 птен-ца, но много и спелые. Утка вся на крыле.

Липа цветет. Клубника «Виктория» поспела. Дожди задержали покос, и луга или во всем богатстве, или пах-нет сеном. Вся сила насекомых. Комар. Рожь бурлит. Много болячек залечила свободная продажа хлеба. Домна Ивановна стала совсем другая.

Иван Федорович Дубакин – егерь. Влад. Иван. Егоров, учитель, предлагает свой дом для житья.

Один художник прежде чем вникнуть глубоко в мате-риал готовит форму, другой погружается умом и сердцем в материал, который по усвоении как бы сам собой вызы-вает для себя нужную форму.

750

Один художник, прежде чем серьезно заняться мате-риалом, готовит для него форму, и эта глубоко продуман-ная форма вбирает в себя материал: это художники фор-малисты. Другой художник погружается умом и сердцем в материал, который после личного усвоения как бы сам собой вызывает для себя нужную форму. (Первый худож-ник – фаворский, второй – я.)

Наполях: стандарт

Много проходит в голове разных догадок, но только те из них остаются, которые когда-нибудь во время борьбы за решение: так поступить, или так? вдруг приходят на по-мощь, являются внезапно из склада неясных основных запасов и после уже навсегда переходят в сознание как правила жизни, как «мудрость».

Свертывать принято вправо, и так хочется всегда свер-тывать вправо. Но если обгоняешь другой автомобиль, то надо свертывать влево. И это усвоишь себе верно, делаешь не думая, как автомат, и все проходит так долго и благо-получно. Бывает, однако, особенная забывчивость, очень глубокая, и когда что-нибудь со стороны вызывает тебя к внезапному резкому действию, вроде поворота руля, то вдруг ты поступаешь не по оагеркнуто: наученному лич-ному навыку, а по общему, заложенному в тебя как бы природой: свертываешь вправо, и машина, сталкиваясь с другой, разбивается вдребезги. В народе об этих случа-ях говорят: природа науку одолевает; «наука» – это вто-рая природа. И когда первая природа побеждает, то это есть катастрофа.

Неосторожно выпитая рюмка может в моей природе натворить много беды, одна только рюмка, и довольно! а при благоприятных условиях среди друзей могу выпить много и как будто с пользой. Неудачная рюмка... Подозре-ваю, что именно это лишнее вино и вызывает у меня тоску (смертельную): 11/2 месяца на Пинеге ни рюмки и ни од-ной минуты тоски.

Рассказ Павловны. Умирал хозяин, захотел курятины. Хозяйка сварила последнего петуха. Не стал есть: «яичек

751

свари». Пока яйца варили, хозяин помер. Вот положили его на стол, а хозяйка причитывает: – Встань, дружок мой милый, – встань! вот и петушок твой стоит, и яички лежат...

22 Июля. Соблазняет решиться устроить окончатель-но свою старость на журавлиной родине, чтобы там жить до конца (редко появляться в Москве). Пустынник при помощи машины и веселого общества).

Самая опасная охота на диких зверей является лишь забавой детей старого возраста. Единственно опасный для всех зверь, на которого нет охоты и выходишь на которо-го лишь поневоле – это зверь, обитающий в человеке. Множество людей, сами того не зная, живут только стра-хом этого зверя, ненавистью к нему, презрением, но еще большее множество при каждом удобном случае сами об-ращаются в такого же зверя. Конечно, есть и настоящие люди, охотники на этого зверя: ими жизнь продолжается. Но нерадостная эта оагеркнуто: охота... что-то вроде охоты на смерть. Приписка: Этим занимался у нас Го-голь.

Когдаходишь в высокий лес, то солнце становится у самых вершин деревьев, и с этой солнечной высоты в лесной сырости падают косые лучи и часто песня зяб-лика...

Подленькие люди тоже часто занимаются красотой, но сама красота на них не обращает внимания. Вот почему часто очень красивая женщина как-то сравнительно

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
бы-вает милостивой к окружающим ее негодьям.
Весной видел лесную речку с черной водой, и возле во-ды выросли потом желтые цветы. В эту речку сбегала ма-лая речка со светлой водой, и я запомнил себе: есть речка в лесу с черной водой и желтыми цветами, и есть светлая. Теперь черная речка вовсе закрылась широкими листья-ми мать-мачех, а светлая снежная вода сбегала совсем, но ложбинка, по которой весной неслась светлая речка, те-перь вся покрылась незабудками, голубая река незабудок.

752

Пахло липовым цветом, и глаз отдыхал на чудесной сочной светящейся в солнечных лучах зелени. Но мы не могли ничего друг другу сказать: возле этого бульвара с липами неустанно неслись, гремели, гудели трамваи и машины. Петя успокоил меня и сказал, что в будущем поезда спрячут под землю и в городе будет совершенная тишина. Вероятно, именно так и надо подходить к городу, т. е. так же, как и к природе: участвуя лично в творчестве лучшей жизни, и самого города. Так, если город глушит, надо броситься в работу над заглушением ненужных зву-ков.

23 Июля. Секретарю Райкома т. №

Вчера 22/VII пришел ко мне какой-то агент с понятием, произвел обыск и составил акт относительно лежащих у меня на дворе нескольких бревен строевого леса, обме-рив и описав каждое бревно. Агент объяснил мне, что действует на основании от местного комсомольца донесе-ния о том, что лес у меня ворованный. Этот лес отпущен мне по распоряжению из Москвы местной конторой Лес-промхоза для ремонта дома. Привезли пока мне только часгь предназначенного мне леса, и потому я еще не упла-тил денег и не получил документ об уплате. Я объяснил агенту, кто я, дал ему справку с личной печатью и обещал на другой же день доставить ему справку от Леспромхоза. Ничего не помогло, и агент составил акт, обмерив каждое бревно, объяснив мне, что относительно моего леса, как во-рванного, имеется три доноса от местного комсомольца.

Загеркнуто: Сообщаю Вам, что, имея квартиру в Мос-кве, данную мне по распоряжению т. Сталина, живу в За-горске, только чтобы лучше работать. Здесь приходится отказывать в приеме многим желающим со мной разгова-ривать. На днях принужден был отказать по недостатку времени в очерке представителям от ЦК Комсомола. Оа-геркнуто: Здесь в Загорске я вынужден часами тратить время в удовлетворении доноса. Приписка: Я не имею возможности удовлетворить просьбу представителей ЦК комсомола, и в то же время должен тратить время для удовлетворения неясных обвинений меня в воровстве.

753

Мыслимо ли мне, советскому писателю, часами возиться с невежественными людьми вследствие доноса о воровст-ве бревен.

Загеркнуто: Прошу Вао Мне кажется недопис Загеркнуто: Прошу Вао

24 Июля. Вчера повторились прошлогодние похороны на закате солнца, и как же хорошо! А вышло это случайно: каляевским музыкантам играть можно лишь по вечерам. Нехорошо только, что эти же музыканты, похоронив че-ловека, затпрундыкали на тех же инструментах гуляние в саду.

Я бы так себе устроил похороны. Кроме нескольких са-мых близких людей доступ к покойнику воспрещается. Перевезти на кладбище секретно в закрытой машине. На-печатать в газете о времени похорон. На каком-нибудь высоком месте, чтобы всем в городе было слышно, помес-тить музыку или хор (в Москве включить все радио). Или даже просто на площади. На закате солнца оркестр или хор, и при последнем аккорде на кладбище тело опустят в могилу: никто этого видеть не будет.

Самые похороны и все дело с трупом поручить только тем близким, у кого нет даже брезгливости к трупу. И они так же стыдливо оберегают тело от постороннего взгляда, как супруги зачатие.

Человек, приготавливаясь к концу, и даже гораздо рань-ше, просто чувствуя приближение старости, должен по-степенно отходить от людей (к Богу, к делу) и показывать-ся пореже. Уединение, кстати, очень сохраняет свежесть хорошего чувства к людям.

Приписка: Ногъ – дождь лил.

Уважаемый т. Канторович, относительно предлагаемой Вами темы очерка я должен Вам сказать, что, на мое суждение, – песенка эта уже спе-та. Мы все высказались ясно на эту тему до конца. Вам остается только вывести заключение из сказанного и че-рез журнал «Наши Достижения» проводить в массы.

754

Мое заключение приблизительно частное. Есть худож-ники, прежде всего занятые формой, которая при углуб-лении мастера приводит сама собой к какому-то материалу, если только сам автор не идет. Наоборот, есть люди, подобные мне, тяготеющие к материалу. Близкое общение с материалом, в свою очередь, приводит мастера к соот-ветствующей форме, если, конечно, творящий обладает чувством

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
меры, ритмом, вообще талантом. И тот, кто, будучи художником, начинает с материала, часто даже вовсе не сознавая себя художником (самое лучшее!), делается обыкновенно очеркистом-художником.

Отсюда я заключаю, что для культуры очерка не надо сложных рассуждений о форме, по справедливому Ваше-му заключению, приводящих к схоластике, а по-моему – к переливанию из пустого в порожнее. Для культуры очерка нужна этическая культура, нужно сделать, чтобы в обществе заговорила совесть. В противном случае очерк будет вырождаться или в бессильный и глупый эстетизм, в претензию, и в лучшем случае в ловкую или деловую статью.

Мне кажется, жизнь мало-помалу подведет нас к тон-ким вопросам этики, когда мы перестанем говорить: «не до жиру – быть бы живу». После того как хлеб поступил в свободную продажу, я заметил, уже в народе стало обо всем говорить много легче, много свободней. Параллель-но освобождению от физически-материальной зависи-мости должна вырасти и охота к этическим тонкостям, нечувствительно ео ipso1 приводящим даровитых людей к культуре очерка. Все это я говорю на основании своего личного опыта. При больших литературных разговорах, если я сам в них принимаю участие, подобно докладу, о котором Вы [помните], мне в конце концов бывает не-много стыдно. Я объясняю себе этот стыд тем, что в сло-вах этих есть некоторая доза лжи, придумки, что учитель в тысячу раз больше сделает, если даст не слова, а образец своего творчества.

Итак, повторяю окончательно: вступите с читателями на страницах в жгучий обмен мыслями о переживаниях

1 eo ipso (лат.) – тем самым.

755

современных, сумейте это сделать как публицист, это сде-лает журнал современно живым, и очерки самые блестя-щие рекой польются в Ваш журнал.

Если в городе от рева моторов нельзя говорить друг с другом, я не проклинаю города, а живу мыслью убрать городской транспорт под землю. Так и современные жур-налы трещат о советских добродетелях и не дают нам воз-можности перекинуться друг с другом глубокими, неж-ными и умными словами. Но я верю, что все будет иначе, и хочу видеть Вас в числе пионеров этого рода творчества интимного, которое, собираясь из множества ручьев, со-берется в море.

На вопросы Вашей анкеты отвечаю, извините, кратко, по пунктам.

1) форма перестановки во времени и пространстве. В очерках не делаю, избегаю делать, потому что от этого сила убедительности очерка уменьшается. Борьба с жела-нием переставить и является главной трудностью очерка. Но если переждать подольше, когда время и место свобод-но переставятся, – то будет не очерк (напр., у меня «Жень-Шень»). Точно так же вымышленные персонажи не беру, а углубляюсь в найденные черты живых персонажей. От-ступления только по необходимости... Впрочем если углу-биться в человека-факт Испр: Документ и вымысел в очерке я понимаю оагеркнуто: как объект и субъект: не вымысел, собствен-но говоря, а личность, и все сводится к тому, я понимаю так: как данный писатель переживает воспринимаемый факт, пока он не сделается вещью (предметом искусства). В своих книгах, особенно «Журавлиной Родине», я очень обстоятельно об этом рассказал, и мне прибавить теперь больше нечего. И даже если бы я не рассказывал, то вни-мательный читатель, в особенности критик, должен это сам понять по сделанной вещи.

25 июля. И эту ночь лил дождь. Все насыщено влагой, как в субтропиках на море.

Вчера написал статью Канто-ровичу в «Наши Достижения», – крепко. И вчера же в «Из-

756

вестиях» напечатали «Лес». Завтра 26-го в Москву на со-вещание о пушном номере. Сегодня подготовить текст, темы для иллюстраций, отобрать фото. 26-го все сдать художнику. Отобрать негативы. В Москве сговориться с «Известиями». Надрать томы:

1) «Кашеева цепь» 2) «Жень-Шень». Рассказ «Лада» для детей: 1) как я нашел ее – т. е. как она спряталась от стар, хозяина; 2) как: «верю, что ля-жет, что за версту идешь, а на лежке перед птицей колеч-ком свернется и храпит – не поверю!» Выписки из дн. прошлого года: Начинать дупелей с 1-х чисел Сентября, рассчитывая на валовой пролёт 11–12 С, и охотиться недели две.

26 июля в Москве.

Всю ночь ливень и в Москве ливанул.

По пути в Москву спор между супругами Б. Он «ин-туит», ему не нужно музыки в концертах и ресторанах (ресторанах!) – довольно музыки леса, и книги не нуж-но – без книг все знает; ему природа и натуральное хо-зйство. – А разве гений (Моцарт) не природа? И если я не могу без книги и концерта? И если ты сам пишешь картины и книги и тем размножаешь, по твоему убежде-нию, класс ненужных людей, сам паразитируя на его су-ществовании? Если ты считаешь существование такого класса людей необходимым для твоего подвига (только не сказала: «меня»), то эта

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
мораль паразитарная (Метер-линк) (возвращаясь ко 2-му Адаму). Тонкий паразит (Кор-ни: он аскет, она женщина). Сюда же Толстой и оагерк-нито: Женщина: Соф. Андр. и Павловна: так сходятся вместе Моцарт как явление природы с отрубями графини Толстой.

Рассказы о женщинах:

1) Из путешествия в Вологду: спасли умирающего вместе с воронами.

2) Assortie: Мы заказали себе завтрак в ресторане, на первое салат оливье – две порции, и со вторым вышла пу-таница: Assortie был вариант 1-го блюда, а мы приняли его за второе горячее и заказали тоже две порции. Так принесли нам после холодного еще два громадных холод-

757

ных. Мы еще были способны съесть одну порцию вдвоем этого assortie, но съесть две было невозможно, и повар от-казался принять. Человек с маленькой сияющей бликами красной пуговкой вместо носа, улыбаясь, указал на рюмку выпитого вина, сказал: – Вам остается спросить поболь-ше водки, и закуска вот как славно пройдет! – Женщина, бывшая тут, гневно посмотрела на пьяницу и, крайне лас-ково, как бы извиняясь за дурака, сказала: – У нас есть прекрасная пергаментная бумага, разрешите завернуть, и, может быть, вам это дома пригодится к ужину». А оно как раз так и нужно было: к ужину! Так мы блестяще вы-шли из затруднительного положения.

28 Июля. Именины фаворского. – Есть ли Бог, нет ли – не решить никогда, но во внутреннем, непринужден-ном сознании единства мира все живем, все ждем, подчи-няясь Богу.

Павел Давидович Эттингер. Москва (66), Ново-Бас-манная, д. 10, кв. 92, критик по искусству. Художница Рублева. Спец. по игрушке Ламакина.

29 Июля. Всю ночь дождь. Наверно, сено вовсе сгнои-ли. Закончен очерк «Запонь» и отправлен Живову. Посла-ны деньги Разумнику за Август. В Лондон – посланы пра-ва, книга.

Сегодня совещание о пушном номере с художником Крюковым (Николай Васильев., Пионерская, 15).

Разбить факт – как атом: освобождается сила, а то фактом можно пользоваться. Марксизм для нас интересен утверждением факта.

фаворский мне сказал: – Вот вы, марксист, и даже иногда в писании жестоковатый... – А какой я марксист! Этого «марксиста» в устах фаворского надо понимать как «экономиста» и еще дальше: как человека, связанного фактом («мы в семье все ротозеи!» – сказала Марья Вла-дим.). Парит, опасно поглядывая с высоты на факты, а другой вниз и не глядит.

758

День прошел с трудом без дождя, но барометр из-под низу не движется. Решили на завтра сборы, а после зав-трего ехать на охот, разведку: узнаем, поохотимся, сни-мем квартиру, съездим назад за вещами.

Есть люди, у которых не жизнь, а монтаж, но все-таки внутри сознание...

Есть люди, у которых жизнь не проходит, а монтирует-ся, и остается перед людьми неведомый человек, истра-тивший все природные средства свои на монтаж (Илья Никол.).

Пробиться к факту близко, чтобы чувствовать его – это значит сделаться современным человеком. Чем слож-нее человек, тем труднее ему пробиться к факту. Иногда кажется, что для этого надо в жизни своей упроститься, но и это не то (Лев Толстой доходил до того, что сам па-хал, но тем самым, конечно, не приближался, а удалялся от факта).

30 Июля. Весь день дождь. Дожди целый месяц. Сено погноили. Ягода от воды несладкая, невкусная. Набиваем патроны. Собираемся.

31 Июля. Дождь и солнце. Выезжаем 10 у. Америк, вентиль: все насосы испортили. В Переславле додули. И приехали в Усолье. Разгром Ботика (последствие удале-ния Смирнова). В Усолье. Убили крякву.

1 Августа. Неизвестные причины холодной встречи лесника Иван Васил. Поиски тропы на Шариков пал. Глу-хариный выводок (подняли коровы). Глухари на деревь-ях.

Плохая Петина стрельба. Выводок тетеревей. Охота на уток. Дождя почти не было.

До охоты поездка в Копнино, мальчишки как слепни. Николай Иванович... не Крыленко ли? – А кто это Ник. Ив.? – Кузнец наш. А еще охотник Макарихин из Федосова. Не дошли до него и узнали от пастуха, что выводки за Селезневым.

2 Августа. Поездка с Павловной за Селезневе Де-сять возможностей и один петух. Жаркий день. А Павлов-

759

на сидела в машине, девочка подходит: – Ты бы малинки принесла. – У меня родной матери нет: сирота – и проч.: утонула девочка у богат, родителей, ходила за платьем утопленницы: поминать нельзя утопленницу (?), а платье раздать, бедные радоваться будут и помянут. Встреча с машиной Курчевского: 48 штук – и с

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
грачами? Как кур-чевский стрелял грачей – еще Юрка: только бы убивать.
Корова зашлепала, и на этот шум пойнтер залаял, по-том петух над моей головой ударил... и бархатная лапка.

Появление охотников с тремя пойнтерами. Утиный ша-лаш: закат и дума: с тех пор как самолет прилетел в тайгу за пушшиной – тайга стала не та, какой мы ее знали; и с тех пор как челюскинцы, сидя на льдине, стали героями, то море опять стало нам не как прежнее море; и в особен-ности небо, с тех пор когда стало возможно через осеннее нависшее небо пробиться наверх и под солнечными луча-ми думать о том, какая ничтожная пленка создает настро-ение людей. И вот это [заключение], этот трон с золотыми лучами... как я [могу] представить этот трон, если моей работе предшествует мысль, что все небо только пар. И так вот к этим привычным для нас знамениям бесконечности, необъятности, вездесущности – океану, небу, тайге: это открыто: и можно подчинить... все эти знамения как крас-ные флаги, провисели несколько лет и стали белыми, эти знамения – тайга, море, небо – стали просто тряпками. Но разве облака небо? это видимое небо, а за ним дейст-вительно безопасная и лиловая стратосфера уже стано-вится для нас вторым небом, а там лучи, третье – беспре-дельный простор! Беспредельная область личного. Почему я стал тосковать об открытых небесах – что когда-нибудь и все небо откроют. Поднявшись над тучами к солнечным лучам, человек уже открыл первое небо, и это открытое небо перестало питать нас образом небесным и быть зна-мением бесконечного... И так вот охота на моем участке, когда на грузовиках стали всюду ездить охотники.

С чем мы расстаемся, когда на том же самом участке, где сама разводилась дичь, стали ее искусственно разво-дить: птицы много больше, а между тем явно, что мы не-что утратили... не есть ли это открытие 1-го неба: откры-

760

вать нечего и скучно, а к другому, новому еще не лежит душа: этот пустой промежуток между прошлым и буду-щим. А еще: появление другого охотника с пойнтером с полным правом охотиться на облюбленном тобой бо-лоте есть все равно как если, когда я пишу на своем пись-менном столе, если бы рядом [сел] другой человек и стал бы макать перо в мою же чернильницу – все это сделало шоссе; и после того как все индивидуалисты поломали се-бе головы – сложилось охотничье общество: дичи стало больше, и люди стали меньше индивидуалистами, но пра-вилам подчинились, и на этом основании охотиться стало возможно не одному, а ста охотникам. А пока нет общест-ва – индивидуалист обзаводится машиной, и вот Курчев-ский.

Когда молоко еще не прокисло и тоже не свежее и по-пахивает кислотой, говорят – молоко задумалось.

3–4–5 Августа. 3-го всю ночь и весь день дождь – 4-го – охота – 5-го мы убили в цветах...

Инерция революции: разрушение, когда не надо уже разрушать, а напротив, поставлен вопрос о кадрах, о за-житочном колхознике и пр.

Результат моей статьи «Переславские кручи»: бор от озера до Усолья объявлен запретной зоной. Я видел, как в этом лесу, мною, только мною спасенном, гуляли дачни-ки: молодой человек с сеттером, молодая женщина в од-них трусиках и с младенцем на руках. И в первый раз в жизни я к этим дачникам чувствовал симпатию и, лично никогда и не живший на дачах (все живешь на охоте, с кло-пами, да что-нибудь делаешь...), радовался, что они живут. Так, вероятно, радуются большие государственные деяте-ли: делают и, сами не пользуясь, радуются, что другие в этом живут.

в Августа. После вчерашнего яркого дня сегодня утро полусерое, и барометр снова падает.

Мне кажется, я угадываю теперь уже верно характер исторического момента нашего государства: и только те-

761

перь я понял! а между тем давно уже видно было, что раз-рушительная миссия интеллигенции, идеалы высшей свободы и пр. кончились и начинается время культуры верных государству людей («кадры решают»).

Маркс, Энгельс, Ленин – это люди деловые, это «прак-тики», а мы привыкли питаться от мыслителей... Но время подошло к практикам и действию. Мы ждали пророков, а пришли экономисты (все равно как война, о которой мечтают и которая бывает на деле).

Теперь, конечно, и слепому видно, что люди на земном шаре живут весьма непрочно, и мы здесь, люди, стерегу-щие время, конечно, счастливей обеспеченных людей на Западе.

Как я раньше ненавидел дачников, пользующихся лич-но всеми благами природы и не чувствующих в отноше-нии их личных обязательств! Но однажды мне случилось небольшой заметкой в газете спасти от рубки небольшой участок бора. В роскошный

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
солнечный день я приехал в спасенный мной бор, наполненный самыми
обычно-венными дачниками, в трусиках. И я, никогда не живший на даче в бездельи,
вдруг почувствовал великую прелесть жизни этих отдыхающих людей и великую
награду себе в этом за дело спасения леса для отдыхающих людей. Ма-ло того! я
вдруг понял, что своими бесчисленными рас-сказами о птицах, собаках, речках с
черной и светлой во-дой, болотцах, вереске, цветах я работаю для людей, для их
отдыха. Так я обрадовался, что в один миг простил всем дачникам и расстался
навсегда с неприязнью к ним. Мне остаются врагами только те, кто всю природу в
це-лом считает как бы предназначенной для отдыха челове-ка. Нет, природа в моем
понимании предназначена для творческого труда.
Возвращаюсь к своей старинной теме – описать жизнь дерева с тончайшими намеками
на жизнь человека. Быть может, сделать сближение человека и леса в их родовом
движении: в расселении: дерево тоже «ходит», и человек: это очень важно, что
человек прошел с каким-то замыс-

762

лом и следа от мысли его на земле не остается, а зверь ос-тавляет следы.

8 [Августа] вернулись в Копнино, а с 6-го на 7-е сутки лил дождь.

9 [Августа] день несмелый. Ездили к Нагорью (по правую сторону шоссе), неважно
охотились (выводок в овсе). Застряли, поднимали машину домкратом. Видел в овсе
следы машины Курчевского.

10 Августа. Солнечный день и почти весь так высто-ял. Блуждали в лесу возле
Нерли. 1) Нерль. 2) Остожники в цветах. 3) Тропы старого чудесные, если забыть,
что они выбиты босыми ногами. Теперь тропа заросла по сторо-нам и закрылась
травой, а между травой муравьи исполь-зовали ее для себя. Тропа расходится по S
и SW. Спор. Друзья охотники поссорились и сошлись: вторая тропа обходила сырое
место.

3) Ель росла, как все ели, опуская сучки вниз, человек пришел под эту ель и,
чтобы повесить свою охотничью торбу, вынужден был отрубить спущенный сучок,
заост-рить его, ударить в ствол дерева острием топора и в эту щель вставить
сучок так, чтобы на него можно было торбу привесить. Охотник ночует под деревом,
а утром берет торбу и уходит далеко в лес за белками. После этого слу-чая дерево
растет еще сто лет. Приходит лесоруб и, выбрав отличное дерево, спиливает его. А
когда, разрезая на кус-ки, хочет выкроить из него материал строительный, ви-дит,
что дерево изнутри никуда не годится, и, сосчитав кружки, узнает, что сто лет
тому назад в этот лес пришел охотник, вставил сучок для торбы и навсегда этим
погу-бил дерево... Лесоруб, приглашенный из Канады, чтобы показать нашим
лесорубам культурные приемы хозяйств, обхождения с лесом, глубоко возмущен
некультурностью охотника, погубившего дерево, а между тем уменье най-тись в лесу
при ночевке и, в частности, прием привесить свою торбу на дерево со спущен,
сучьями – сто лет тому назад было культурным приемом.

763

Загеркнуто: Хорошенькие тропинки остались нам от старо-го времени.

Всюду теперь начинают кожаную обувь носить, а рань-ше все больше босиком ходили
и везде по краям дорог, на полях и в лесах босыми ногами пробивали тропинки.
Лю-бил я эти бархатные тропинки, по которым днем люди хо-дят, а ночью зайцы,
лисицы оагеркнуто: и мышки. И все хорошо, только ведь все-таки босыми же ногами
пробиты эти тропинки, и так уж и быть, лучше уже вовсе не будет этих тропинок в
лесах все хорошо, если не думать, что пробиты эти бархатные тропинки босыми
ногами.

Однажды в лесу два охотника заблудились и заспори-ли между собой сначала о том,
куда им идти: один гово-рил на юг, другой на юго-запад. И, не решив это,
заспори-ли они о другом. Так эти два охотника постоянно между собой спорили,
бранились, доходили даже и до того, что расходились, но всегда потом опять
сходились и жили множество лет вместе и делили между собою, не обижая друг
друга, все горе и всю радость. И теперь они, споря и ругаясь, согласились идти
по линии, средней между югом и юго-западом. На пути у них были глухие болота,
которые надо было обходить и постоянно уклоняться от намеченной линии. И каждый
раз, восстанавливая путь на прямую между югом и юго-западом, они спорили так,
что, глядя со стороны, можно бы было принять их за двух врагов, соединенных в
лесу общей несчастной участью блуждания. У них не было даже корки хлеба в
запасе, усталость и голод мучили их, как вдруг им встретилась прекрасная
человеческая тропа. Какая радость! Это была одна из тех самых тропинок, которые
раньше пробива-лись босыми ногами по краям дорог, по полям и по лесам приписка:
днем люди, а ночью – лисицы, зайцы, [мыш-ки]. Чудесная это была когда-то
бархатная тропинка, но, видно, брошенная. А это известно, что, когда люди по
тро-пе перестанут ходить, травинки у края, лучше других осве-щенные солнцем,
выше других вырастают, склоняются с одной стороны на другую и так закрывают
тропу. Тогда догадливые и трудолюбивые муравьи, поняв, что люди тут больше не

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
ходят, превращают ее в свой великий транс-
764

портный путь и влекут по ней во множестве всякий материал для своего постоянного строительства.

Никакое шоссе, никакой асфальт и гудрон не могут дать такой радости, как если человек, лагая целый день по кочкам в густейшем березняке или утопая в грязи черной, обвитой хмелем ольхи, вдруг пойдет по старой, пробитой босыми ногами тропе. Оба охотника весело пошли, один совершенно довольный, потому что тропа вела прямо на юг, другой немного этим смущенный: он думал, что надо идти непременно на юго-запад.

И вдруг тропа раздвоилась, одна вела по-прежнему на юг, другая на юго-запад.

– Что тебе дался юго-запад, – сказал охотник Юг, – неужели же ты не поймешь того, что за целый день ходьбы юг и юго-запад потеряли свое значение, был бы хоть сколько-нибудь юг, или запад, и нам все равно, а юго-запад для нас потерял значение.

– Как потерял значение! – воскликнул Юго-Запад, – я могу тогда с таким же правом сказать, что именно юг потерял свое значение, раз есть тропа, ведущая на юго-запад. Мы должны идти по этой тропе.

– Согласен, – ответил Юг, – но твоя тропа значительно слабее, чем моя.

– Зато моя более свежая, а по твоей бегут уже муравьи...

– Не свежая, а слабая: потому муравьи и работают на моей твердой тропе.

Слово за слово спор с тропы лесной перешел на жизненную тропу, каждый из спорящих старался уколоть другого, перебрали все прошлое и дошли до того, что надо им расходиться.

– Пора! – сказал Юг. – И вот кстати тропа указывает: ты иди по своей тропе, а я по своей.

– Очень рад, – ответил Юго-Запад, – и давно бы надо нам так.

И они разошлись: один пошел на юг, другой на юго-запад.

Не успели оба старых друга разойтись, как обоим им стало совестно: из-за каких пустяков кончилась их долго-летняя совместная жизнь!

765

Между тем тропа на юго-запад была не тропой, а, как часто бывает, обходом мокрого вязкого места: у кого обувь хорошая, идет по основной прямой тропе, а у кого сапоги текут – обходит стороной.

Не успели друзья разойтись, как опять сходятся и оба очень рады и весело вместе идут по общей тропе.

Так многие люди между собою живут: вечно спорят, расходятся и сходятся.

14 Августа. Памяти худ. Бориса Ивановича Покровского. Чтобы вести дело и нести славу большого артиста, часто приходится расстаться с тем, что называют просто «человеком», и у больших людей это расставание всегда мучительно. У людей маленьких, просто стремящихся к славе, никакого страдания в этом нет, и человечка своего они растворяют в славе, как сахар в горячем чаю. Борис Иванович, художник довольно даровитый и, не будь в глазу его «человечка», возможно, сделался бы известным художником. Но «человечек» ему помешал, и Борис Иванович, сохраняя человечка, остановился на пороге артистических возможностей и так застыл учителем рисования. Некоторые обвиняли его за то, что он «загубил» свой талант, другие, восхищаясь его «человечком», обрушивались на славу вообще и тем самым выходили на мгновение из состояния своего убожества. Любили его все, но мало кто понимал.

Люди, вероятно, рождаются с чувством высоты, и может случиться, что этой внутренней высоте в жизни их будет отвечать их высокое положение в обществе. Но есть люди: не имеют в себе чувства высоты, а занимают в обществе высокое положение.

Вчера в 12 ночи приехали из Копнина. Четвертый день обходится без дождя. Везде жнут рожь.

На полях: сомнение «отдых»

смерть и государство

На такой охоте как будто спускаешься, погружаешься в особенный мир, где жалят тебя беспрерывно комары,

766

слепни, мошки, клопы, блохи, и тело в постоянном мучении от избытка движения, и ни поспать, ни поесть хорошо. Ничего не читаешь, и если мысль какая-нибудь приходит в голову, то с ней всегда приходит сомнение в этой мысли. И вот это то состояние, в котором как бы имеешь возможность и жить, и в то же время смотреть со стороны на всего себя с точки зрения всего живущего – раз, и оа-геркнуто: второе как бы тем фильтровать себя, обычно живущего в спокойном сознании, что, может быть, и все свое «я», которое в обычной жизни нельзя даже чуть-чуть задеть, здесь допускаешь возможность, что оно совсем от-фильтруется. Нет,

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru конечно, ты останешься, но выйдешь из этого омута болотной грязи, укусов насекомых и всего как-то чище. Понимание природы как места отдыха для человека (Энгельс) ограничено и до цинизма мешанственно. Оно сродни тому пониманию личного человеческого начала, которое можно соединять посредством тире. Мы так все ищем, так трепещем в поисках особенно чувствительного места в личности человека, в соприкосновении с которым всякая отдельная личность человека сливается с другой личностью в большую личность... А у них так просто – тире и все кончено: Маркс тире Ленин и т. д.

Государство необходимо, как смерть, и средства борь-бы с поглощением тебя одни и те же: надо успевать жить, имея идеалом вырвать мгновенье жизни от смерти. И пер-вым шагом для этого – оагеркнуто: дерзание не боять-ся смерти (разработать). Мысль: казак и белорус: нет! и тот, кто решился подчи-ниться и отстоять себя от поглощения государством тру-дом, а не бегом – тоже скрытый супротивник. По всей вероятности, Петино чувство о них «рабочих» и нас «ин-теллигентах» вытекает из этого: мы, как личности, всегда супротивники государства, они же, напротив, – это имен-но кирпичи для государства, и в этом противоречие. У них готовность «складываться» (кирпичи) безрассудно, без-лично, а тут: нет! – это я, и я подумая еще...

767

Какое бы ни было общество, социалистическое, капи-талистическое и какое хотите – личность всегда должна противопоставляться массе, скажем, диалектически. Ка-кое же ужасное состояние общества должно быть, если всякую попытку личности противопоставить себя «мас-се» принимают как контрреволюцию? А так было и так сейчас есть на практике, хотя директивы другие.

Эту охоту, которой мы занимаемся, можно сравнить только с делом секты самоистязателей; сотворив с собой эксперимент полнейшего истязания тела, мы возвраща-емся в привычную обстановку, как в рай, и удивляемся, как другие не понимают прелести жизни, в которой они обычно живут.

17 Августа. Сегодня вечером последнее собрание по поводу журнала «СССР на стройке». В Москве понял, что приглашение в бюро краеведения сделано неспроста: на-до там поработать. Андрюша приехал: аккуратный чело-вечек с затаенными взрывами. 18-го утром приедет П. с белками. 19-го в 3 ч. д. в Москве заседание в «Стройке», а перед этим переговоры с Ермиловым в «Красной Но-ви».

Есть человек – весь в деле своем помещается со всем умишком своим: такой старательный человек! а возьми его без дела – слова сказать не сумеет. Таких старатель-ных людей сколько хотите, и вот им-то необходимо кино, и другие... Уважаемый т. Новиков, оагеркнуто: из того приятного мне факта, что ребятам в Вашем колхозе понравились мои рассказы, не надо ду-мать, по-моему, рассказ автора больше значит, чем сам автор, во всяком случае, если рассказ хорош, то автору не-зачем лично его комментировать: автор в нем дал свое са-мое лучшее. Конечно, возможно, что обаяние живой лич-ности окажется сильнее самого рассказа, но рассчитывать на это нельзя, и какой это писатель, если устно лучше рас-сказывает, чем письменно. И потому я думаю, что ехать мне в Ваш колхоз не следует.

768

Другое дело Ваша просьба «хотя бы коротко написать советы и указания для людей, начинающих любить, по-нимать и изучать природу». В этом отношении я считаю себя обязанным ответить Вам, хотя вообще дал себе слово никогда никого не учить иначе, как только достоинством своих литературно-художественных вещей.

Вот Вы пишете, что ребята Ваши «привыкли понимать лес как источник стройматериалов, место дроволесозаго-товок, сбора грибов и т. д. А вы вдруг нам раскрыли жизнь леса... Мне бы хотелось, чтобы этот томик у ребят превра-тился в начало систематического изучения природы».

Очень и очень понимаю Ваше желание, но представьте себе, что я, натуралист по образованию, агроном по прак-тике, именно в тот момент стал понимать природу, когда перестал ее изучать!

В один прекрасный, действительно самый прекрасный для меня день я пришел домой до крайности огорченный одним несчастьем, сел к столу и с отчаяния, от того, что трудно было оставаться самому с собой, начал писать, и вдруг от этого мне стало очень хорошо. Разобрав, в чем тут дело, я понял, что хорошо мне стало, потому что в этом писании я сам живу, а в агрономии я выполняю обязан-ности. Тогда я решительно отбросил от себя изучение природы и агрономию и решил писать о том, что я больше всего люблю. С тех пор я изучаю только то, что я люблю, и об этом пишу, а также, конечно, иногда и о том, что ме-шает мне с успехом выполнять верное свое дело.

Теперь я понимаю этот опыт так, что научное изучение природы было несвойственно моей личности и таивший-ся во мне художник в тот прекрасный день разбил

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
заклю-чающую его скорлупу и вырвался на волю. Но Вы сами знаете, что у нас
существуют методы изучения умом и ни-кто еще не дал нам методов изучения
«любовью» припис-ка: (родственным вниманием, как я называю), как я на-зываю это
свое чувство приписка:личной привязанности, такое сильное, что открывается мне
во всяком существе его личность, и если это край, то люди края.
Какой же путь к изучению природы Вам посоветовать? Как партийный организатор,
Вы, конечно, и педагог. И мне
769

кажется, Ваш путь изучения природы есть путь изучения природы личностей Ваших
ребят: это и будет желанная Вами природа. Надо научиться понимать «природу» не
как отдых от «истории», а как единство с историей при-писка: природа не
безлична, надо открывать ее [лицо]: в природе рождается талант, в истории он
процветает. Природа в этом смысле, по-моему, везде, и в городе и в де-ревне.
Но допустим, что Вы не педагог, а краевед и Ваш во-прос будет такой: – Как
изучить край, чтобы он показал-ся нам в своем личном единстве, а не как
механически со-ставленный «свод законов» этого края. Надо, по-моему, и тут
изучать элементы края «любовно», т. е. каждую де-таль как деталь органически
целого края, в который и сам изучающий входит своей собственной личностью.
Приписка: Но как же взяться?

Так вот и приходится мне ответить Вам только общи-ми мыслями, что же касается
практики, то я уже намек-нул ее в моем вступлении. Как писатель я не могу
реко-мендовать ничего лучшего, как запись в дневник перемен, происходящих в
природе, и вот именно как это делаю я: не показания термометра и [данные]
записывать, а то, что сам видишь и замечаешь. А кто совсем не любит пи-сать, то
надо открыть в нем другие дарования и выражать движение в природе. Приписка:
Спорт – напр., охота. Коллекции – напр., осенние листья.

1-й главный совет желающим воспитать в себе чувство природы – это вставать рано
оагеркнуто: и начинать свою жизнь, не дожидаясь, пока встанут все, лучше на
рассвете.

20 Августа. Два дня болел ангиной. Ак[адемик] Пав-лов сказал, что ему тяжело
думать о том, сумеет ли он сво-им трудом возместить средства, истраченные
правитель-ством на его дело, и еще тяжелее знать, что об этом мало кто из его
товарищей заботится.

770

Анекдот: Ак[адемик]. Павлов шел по улице и раз по ста-рой привычке
перекрестился. Комсомолец какой-то, по-смотрев на старого человека, сказал:
«какая темнота!»

Дневник. Если ты записал в свой дневник о чем-нибудь приписка: напр., как это
сделал я в 1914 г. накануне вой-ны: о необыкновенной стрекотне кузнечиков во
ржи, то, с одной стороны, ты своей записью как бы присвоил явле-ние, с другой,
напротив, ты отдал себя, как я в 1914 году, отдал себя и теперь навсегда в
стрекотнях кузнечиков, вспоминая, узнаю, каким я был накануне войны.
И так, если записывать в дневник, напр., о перемене в природе (фенология)
постоянно, сделать это своей при-вычкой, то можно добиться в конце концов в себе
самом чувства общего движения мира, и тогда всякая отмечен-ная мелочь – красный
паучок на коре старой липы, сини-цы, запах гриба – будут говорить о движении
жизни во всем мире. У меня есть книжечка «Родники Берендея», сделанная по
записям перемен в природе и даже с объяс-нением, как я это делал. Таким образом
«присваивать» внешний мир и отдавать ему себя самого для достижения чувства
целого можно не только в отношении природы, но и людей, истории, в совокупности
составляющих лицо края. В другой своей книжечке «Башмаки» я старался по-казать
пригодность моего метода для краеведения, если оно хочет дать нам лицо края.

21 Августа. Один человек нашел золото и сам его вы-копал, другой нашел только
место золотоносных залежей и указал его. Если взять пример с первого человека и
его методом копать, то ничего не найдешь: он все выкопал. А если копать, как
указал второй, то для многих хватит полезной работы. Писатели разделяются на эти
две кате-гории: одному нельзя подражать, он все сделал сам. Дру-гие являются
вождями...

Замечательный дневник Альбанова дал мне возмож-ность понять Робинзона как вождя:
Альбанов, герои-лет-чики – все это вожди.

771

Ездили в Переславище к Егоровым (Александр Георг, и Влад. Ив.). Подумываю купить
у них дом, чтобы иметь возможность жить в лесу. В Селкове гоняли белку: Бьюш-ка
правила ряд, а белка неслась с дерева на дерево по су-кам, как по дорожкам.

22 Августа. Ночью был ливень. Утром туман, и солн-це светит в лесу, пробивая
лучами туман. Так парно и пар-ко (и влажно), что пар валит от коры дерева...
Можно подходить к природе с тем, чтобы законы от-крывать, но можно открывать и
(беззакония) что случит-ся единственный раз и больше уже никогда не повторится.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
В этом, прежде всего это – чем отличается один человек от другого и носит название «Я». Единственный раз это «Я» пришло в мир и больше никогда не придет. Но точно так же и день придет и уйдет: другого точно такого дня не повторится, и «пара» дней – это бессмыслица. И в тот момент, когда я беру перо и хочу отметить какой-нибудь день как личность неповторимую, я своей личностью соприкасаюсь с личностью дня. Если так постоянно записывать, то живые дни проходят не без вашего живого участия, и в этих днях проходящих вы узнаете себя и в себе самом находите единство со всем миром, в котором люди делают свою историю.

Писатель лучше всего учит своей повестью, а не рассуждением о том, как он ее делал. Правда, если я нашел золото, зачем я буду учить вас искать золото на этом месте, если я сам его выкопал всё и оно лежит перед вами: нагнись и возьми! Мне только сомнительно, всё ли я выкопал, и потому мне приходится на всякий случай указать, где я копал и как в этом месте надо копать, или, как вы говорите, «изучать природу».

23 Авг[уста]. Точно так же, как и вчера, и дождь ночью, и теплое утро – парко и парно, а почему-то пар не валит от коры деревьев и в лесу нет солнечных лучей сквозь туман, как вчера. Никогда не вернется уже больше такой день, но ничего, он не так прошел, я отметил его.

772

Я обошел сегодня княжеские места, с Ильиной дороги вышел на Александровский тракт. Тут старик из Дерюзи-на встретился. – А Санька, – спросил я, – все у вас председателем? – Бона! Саньку давно из колхоза выгнали. – Чем же он теперь занимается? – А по лесу ходит, как и ты, этим только и занимается. – От Черного моста я свернул вправо по берегу речки и, поблуждав, вышел на «загадочную» просеку, выходящую за 51/32 телеграфн. столбом против большого пня на Алекс, тракт. Убил рябчика, но главное, видел одну росинку-солнце, при малейшем отклонении головы менявшую свет: синий, голубой, оран-жевый. Рассказать невозможно, как прекрасна была эта росинка-солнце. Я не мог удержаться и очень осторожно, не спуская с глаза, подкрался к ней и рассмотрел ее, при-ставшую к ворсинкам лепестка заячьей капусты.

У меня сегодня, как это бывает иногда у меня, без боли болела голова, и я только телом чувствовал, что очень хорошо, а глубже лучи радости жизни в меня не проникали.

Покупка домика Егоровых в Переславище очень занимает меня и со всех сторон, что-то вроде пустынножител-ства при содействии машины. В то же время при необходимости сужения расходов на жизнь это замечательный уголок для minimum'a расходов.

Наполях: капля росы

Природа есть родина всех талантов, начиная от росин-ки-солнца, сверкающего всеми огнями, кончая таланта-ми, переходящими в историю культуры. Там вечное движение всех существ на одном пути... Бывает, ступил на этот путь, кинешь взгляд, и вдруг тебя по сердцу как бы холодной мертвой рукой провели. Это значит, глаз твой попал на что-нибудь отстающее в природе или, может быть, на предмет, напоминающий тебе твой давно прой-денный путь.

Так сегодня я заметил – это был отпечаток босой ноги человека, а я когда-то описал дорогу с отпечатками лап лисиц, зайцев, волков и босых человеческих ног. Вот те-перь отпечаток ноги и говорит мне: это я, та самая нога,

773

которую ты описал в далекой юности, я теперь для тебя, нашего художника, мертвая нога, но ты устал, тебе тяжело открывать новое и так двигаться со всем вперед, и ты хватаешься за мертвое приписка: и мы [мертвые] тебя хватаем живого.

В этом непременном отталкивании от себя всем прой-денным таится некоторая жестокость моя ко всему отста-ющему, а вместе с тем эта же самая жестокость толкает меня все вперед, подгоняет, нашептывает: «отстанешь – и с тобою другой поступит тоже сурово: смерть ловит таких». Чувствую, что есть более глубокое, более челове-ское понимание природы, чем мое, но все-таки мое пони-мание является ступенью к высшему, и я должен расходо-вать себя в борьбе за эту ступень, чтобы не дать вымереть творчеству жизни на стройках в городе и в лабораториях: творчество должно быть органически цельным от низа природы до верха истории, путь наш, всех живущих на земле, един.

Секрет долгого влияния на умы большого худож. про-изведения состоит в том, что художник в нем современ-ный человек и в то же время это современное, всеми чув-ствуемое начало возводит к вечности.

27 Августа. Прошла половина четвертых суток непре-рывного дождя, и барометр все не хочет двигаться вверх.

За это время дождя кончил текст к «пушному» номеру («Звери тайги» или «Тайга»), написал в «Краеведение», набил 100 шт. дупелиных патрон и 60 утиных.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Поставлен вопрос о покупке охотничьего домика в Пе-реславицах (совершенное уединение).

Разумник Васильевич Иванов страдает, в конце концов, как неудавшийся претендент на престол. Очень трудно ведь и зализать такую рану. В этом случае нужна «ми-лость».

Слышал от Пети, будто Союзпушнину «раскасси́рова-ли». Так, наверно, скоро будет и с Лесной промышленнос-

774

тью, потому что и лес и зверь для учреждений существуют только чтобы их ободрать и сплавить.

Если дождь сегодня прекратится, то 30–31-го можно бы поехать в Заболотье недели на две с тем, чтобы погово-риться о доме, поохотиться на уток, обойти кругом дачу, побывать на лесопункте.

Разбираясь в поэтических произведениях, критик ищет в обществе того времени и психике автора их совре-менности, или момента, который именно и «вызвал» на свет соответствующее произведение. Что же касается об-разов, то они, конечно, всегда состоят на службе, и их на-до судить как служащих.

Современный человек – это не тот, кто действует (ак-тивист), но кто действует и при том доводит до своего со-знания больше других мотивы своего действия.

Кажется, одно противоречит другому: человек, чтобы довести до своего сознания мотивы действия, как будто должен иметь некоторое время, свободу от действия.

28 Августа. Вчера, 4-е сутки дождя непрерывного ча-сами, был перерыв, и мы им воспользовались, чтобы по-бывать на Ясниковских болотах. Осмотрели их все, нашли одного дупеля и двух бекасов, которых и взяли. Отсутст-вие бекасов объясняем избытием влаги на болотах.

Снилось мне, что я будто бы и с Ефр. Павл. и Петей сня-ли комнату внутри квартиры, где живет и она. И мне очень хорошо, потому что я не такой, как был тогда, беспомощ-ный, а сильный, известный всем, славный... ее отец – среднее между Рязановским и Этингером: болтун; сестра почему-то Надежда Васильевна Розанова. Она живет как бы невидимо, и мне предстоит встреча, только встреча и больше ничего, потому что вся жизнь отдана этой встрече.

Давно я не видал таких снов – откликов моей личнос-ти на встречу с ней почти 40 лет тому назад: ведь сорок лет из года в год непременно снилась. После этого разве я не поэт? А фацелия с пчелами и рыдающий агроном Зуб-

775

рилин? (слова его: – И ведь больше никогда, никогда не придет!)

Неведомый друг! Как глубоко он скрывается, как не-возможно трудна наша встреча! Писать именно и надо об этом...

В этом весь поэт, и отзвук в других именно то, что вдруг вскрылось в агрономе З.: писать о том, что люди скрыва-ют (и должны скрывать), таят... некоторые вещи все-таки людям нельзя открывать: вот почему непременно писа-тель должен быть хозяином своего таланта.

Письмо Новикову: Приписка: Только не поймите меня неверно, что я как бы против научной системы – и т. п. Я вовсе не хочу Вас отвлечь от того краеведения, которое открывает нам естественное золото, каменный уголь, ру-ды и т. п. Я только хочу сказать, что все эти богатства еще не составляют лицо края или ландшафт, который может открыть только краевед-художник. И второе хочу я ска-зать, что приписка: неоткрытые руды просто лежат и ни-кому не мешают, а несознаваемые таланты людей, скры-тые в людях, обыкновенно мешают им жить, отвлекая от ясных целей в неясность и даже беспутство. Между тем эти таланты, если овладеть ими и сделаться их хозяева-ми, представляют из себя сокровища более ценные, чем залежи руд в земле. Я один из тех, кто овладел в значи-тельной степени своим талантом и тем самым открыл возможность открывать это другим. Ваше письмо служит мне доказательством, и Вы можете себе теперь предста-вить, как я ему рад. Приписка: Тут предвижу возражение уже со стороны некоторых друзей, которые упрекнут ме-ня в том, что я, отдавая свой метод в общее пользование, тем самым обрекаю таланты на такую же заготовку, как лес. Но это неверно: таланты будут счастьем, если их бу-дут эксплуатировать. К сожалению, уверенность в этом постоянно колеблется во мне, как в ребенке, который то смеется, то плачет. На полях: талант ищет эксплуататора о языке

как ответ Бострему

776

Лада.

Есть поверье у старых охотников, – что будто бы на-стоящая оагеркнуто: вполне удовлетворяющая его со-бака у каждого охотника в жизни бывает одна. Да, конечно, если я вспомню своих всех собак, то среди них всех одна будет лучшая, и я назову ее, это была у меня немец-кая [легавая] Кента, а среди гонцов старо-русская гончая Соловей.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Однако если бы не было у меня ни Кенты, ни Соловья, то я назвал бы следующих по качеству собак, и те тогда в свою очередь были бы тоже единственными. А еще ведь важно и то, что сам переживаешь с такой-то собакой: единственное в своем роде переживание и делает участницей его любимейшей и единственной собакой. Такой была у меня Кента, и через нее я считал курцхаров единственной подходящей к нашим русским условиям породой собак.

После Кенты у меня оставались Нерль и Дубец, которые одна за другой погибли от неизвестной болезни, а скорее всего от яду, подброшенного в мой сад одним негодяем. Это случилось весной, и так на лето я оставался без легавой собаки. Что делать? Я обратился к М. Д. Менделеевой, известной охотнице (дочери знаменитого химика), культивирующей у нас в СССР породу курцхаров. Она мне ответила, что ее сука Ласка теперь пустовку свою прогуляла, потому что не с кем было вязать: в Москве у нас все немцы ведут свой род от Чебыкина и что Ласка тоже этой же крови, а щенки теперь носят явные следы вырождения. «Вывозных производителей у нас больше нет, – писала Менделеева, – немецкие легавые наши выродились, советую переходить на пойнтера».

После того я пошел на бывшую в то время собачью биржу приписка: (в 1931 году) при кооперативе «Московский охотник», встретил там охотника Иванова, слушающего где-то в бухгалтерии. Узнав о моей беде, Иванов спросил меня: – А как вы относитесь к оагеркнуто: со-бакам до двух лет двухпольным собакам, еще не натасканным? – Для натаски, – ответил я, – если собаку не портили, – это не имеет никакого значения, ведь моей

777

Кенте было уже два поля, когда я взял ее в натаску. – Узнав такое мое отношение к перезрелым собакам, Иванов мне предложил немецкую легавую от тех же московских производителей, как и Кента. Эта собака находится в деревне, у его брата, не охотника, старого больного человека, собака на цепи сидит, всегда голодная, брат очень рад будет от нее освободиться. А деньги за нее смотря по тому, как собака пойдет и сколько захочется дать, если же собака не пойдет, то ничего не надо, но и собаку уже больше не возвращать. Что может быть лучше таких условий. Я послал за собакой, и мне привезли из деревни в Москву кобеля, двух полей, вполне породистого и по экстерьеру совершенно моя любимица Кента. Но только в жизни своей я не видал таких исхудалых собак, кожа да кости в полном смысле этих слов, мешок, набитый костями. Кличка кобеля, Арож, мне очень не понравилась, и, согласно худому виду собаки, я тут же переименовал ее в Кашея, и это название, как вскоре оказалось, близко подошло и к внутренним свойствам собаки. Хозяин с посланным передал мне только одно об особенностях этого Кашея: мать его, отличная охотничья собака, была приучена охранять вещи, положенные хозяином, и Арож к этому имеет склонность, хотя никто с ним этим не занимался. – А просится? – спросил я. – Об этом ничего мне не сказали, – ответил посланный, – но едва ли: просили передать, что ничему не учили, сидел на цепи и только по природе охраняет все, что лежит около него.

В то время я жил в Москве в доме за Бутырской заста-вой на четвертом этаже. Вопрос о том, просится ли собака, был в этих условиях для меня немаловажный вопрос. На всякий случай я расстелил какое-то тряпье на полу возле радиатора, уложил на него Кашея и привязал конец его цепочки, колечко за оконный шпингалет. Конечно, я хорошо накормил голодную собаку, много ласкал, по-вторял кличку «Кашей» и даже «Кашеюшка». Через несколько часов, когда переварилась пища, Кашей не только не стал проситься, но даже, когда я хотел убрать из-под него загаженную тряпку с колбаской, он яростно бросился на меня и успел укусить за плечо. После многих неудач-

778

ных попыток моих, уговаривая, с лаской подойти к нему, я вспомнил одновременно и привел в связь и слова хозяина о матери собаки, что она охраняла вещи, положенные хозяином, и что немецкие легавые у нас вырождаются. Так я это сочетал и вывел: культурная мать, по родословной родная сестра моей Кенты, приучена была охранять вещи, положенные ее хозяином, а вырождающийся не-культурный сын ее усвоил от матери по крови ее навык, охраняет не то, что ему положили, а что сам положил. Сообразив это, я отправился в мясную лавку, купил кость и положил ее подалше от радиатора. Кашей завидел кость, принялся ее грызть, а я в это время вытащил тряпку, вынес, подтер и опять подстелил. Когда Кашей справился с костью и убедился, что на подстилке ничего не было, он приветливо повилал обрубок своего хвоста и опять по-зволил мне себя оагеркнуто: гладить и разговаривать и гладить. Узнав этот порок, я стал пользоваться профи-лактическими мерами, выводил гулять и на прогулке, по-свистывая, добивался своего. Очень скоро прогулки эти вошли в привычку, и Кашей до того привык ко мне, что я не стал его в комнате держать на цепочке. С удовольствием я скоро убедился, что он умный и мои желания понимает. Так вот я приучил его очень скоро не трогать пищу без

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru моего разрешения. Но вот однажды на ужин купил я ветчину, и, когда принес, захотелось мне огурца. Я поло-жил ветчину на стол, Кащей, почуяв ее, лег возле стола. Возвратившись через несколько минут с огурцом, я толь-ко взялся за дверь, как вдруг с ужасным рыком Кащей ри-нулся на меня. Я едва-едва успел захлопнуть дверь и, стоя в коридоре, стал уговаривать Кащей очень ласково. На-прасно! Он охранял верно порученную ему ветчину и не пускал меня. Что было делать? Встревоженные ужасным рыком жильцы квартиры собрались все к моей комнате, поняв, что собственная собака, охраняя ветчину, не пускает хозяина, принялись хохотать. В этом безвыход-ном положении мне вдруг пришла в голову одна мысль. Я спустился вниз, купил немного ветчины точно такой, как моя, вернулся и чуть приоткрыл дверь. Кащей с остер-венением бросился, но в щелку я просунул ветчину, и он

779

сразу успокоился: ведь это же ветчина та самая, которую он охраняет, так он опять соединился с хозяином и ему остается покориться. Дав ему съесть небольшой кусочек, я открыл дверь и в коридоре уложил охранять его всю но-вокупленную ветчину, сам же вошел в комнату, взял в ру-ки прежнюю ветчину и ею переманил Кащей сюда. После того, задержав Кащей в комнате, я вышел в коридор, со-единил со второй ветчиной и смело вошел в свою комнату. Трудно было мне приспособляться, но что не перенесешь, и, рассчитывая в лице Кащей вернуть себе Кенту, я готов был переносить что угодно. Когда пришло время, я выпросил себе разрешение в МВО – натаскивать собаку у них в хозяйстве – и поехал в Завидово. При первой ошибке Кащей в лесу я только ле-гонько тронул его плеткой, как вдруг он прыгнул на меня и укусил меня в ногу. Но я к этому приспособился. Вместо наказания плеткой я стал привязывать его к дереву и ухо-дить: он выл и стонал, а я, выждав где-нибудь за кустом, возвращался и продолжал натаску. Вскоре я убедился, что у Кащей нет совершенно чутья, и стал думать, как мне от него освободиться. Застрелить – предложили мне егеря всем обществом, но среди мучений своих я успел как-то сжиться с мрачной душой Кащей, переносившего, очевид-но, сидя на цепи, и голод, и всякие обиды от мальчишек. Не хотелось мне быть последним звеном в цепи неспра-ведливостей, перенесенных несчастной собакой.

29 Августа. Петя в Москву, в 7.49 приедет. Завтра, если сегодня не будет дождя и достанем усиленный бал-лон, выедем в Заболотье покупать дом.

Стыдно смотреть в лицо человека, когда он орехи гры-зет, но зато какая прелесть, какой ум, перебегающий блеск и живость в черных овальных глазах белочки, когда, сидя на задних лапках, она держит в ручках орех и сосредото-ченно его прогрызает.

Сапожник Иван Ксенофонт. Иванов, Рабочая ул., д. 17, собственный дом.

На полях: огерк – Горький

780

30 Августа. Дожди пошли не сплошные. Барометр медленно повышается. Завтра надеюсь выехать в Заболо-тье. Сегодня послать 1) деньги Разумнику; 2) послать долг 125 = 325 + 500 р. себе = взять из кассы 825 = 800 р. По-слать складных кроватей. Заехать к Сычову. Вымыть ма-шину. – Зарядить фото и взять все объективы.

Слава пересилила и доехала [до] живого Горького. Слава, всегда молодая и страстная, часто любит пошутить над стариками: оагеркнуто: так прославит Очерк и поэма – это все равно что фото и живопись (зверей может давать только фото).

Никакие рассудительные убеждения не убедят, если под ними нет исходного чувства, вот почему, когда меня убеждают словами, я ищу понимания в чувстве, и если нет его, я отказываюсь принять убеждение как чужое. Так было у меня с евангельским «любите врагов»... (Понял, когда увидел дачников в Берендеевом царстве.)

31 Августа. 1-й определенно прекрасный день. Силь-ная роса. Очень прохладно.

Слегка желтеет листва на бе-резах, изредка ярко-желтое дерево. Табунки ласточек на проволоках.

До Петрушина ехали хорошо, но тут сели на дифферен-циал и долго выкапывали. И еще раза два сели, и раз в са-мом Переславище. Сколько прекрасных машин мучат. Выехали в 7 у., приехали в 11 д.

Вечером проверяли тетеревов. Лада после болотной охоты в лесу невозможна (построить на этом рассказ «По-следний из Чебыкиных»: курцхары и пойнтеры).

Попов рог. Белка в ольшанике. Трестница испр. на: Трестах много журавлей, постоишь – видно грудь, шея, еще посто-ишь – скроется, услышали нас и снялись. Кряквы переле-тают и тут же садятся: с места на место; слышно, чвякают селезни, самки орут, щелкают носами. Я стою за копной на болоте, буквально кочки и копны ржи, и нога на ржа-нице до колена тонет, как и на болоте. Кстати, говорят, начали распахивать и знаменитые «пали», описанные в «Жур. родине», т. е. делать

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
именно то, что я указывал.

781

Днем, перебегая за собакой, согрелся, вечер, очень про-хладный, стоял на болоте и, отбиваясь пучком колосьев ржи, старался греться...

1 Сентября. Еще один светлый росисто-прекрасный день. Утром беседовал с хозяином Влад. Ив. Егоровым об учительском деле. Хотим созвать районное совещание учителей (100 человек, из них 20 вполне надежных), и я сделаю доклад о краеведении. Такого рода деятельность – естественное продолжение «Жур. родины» и новое свидетельство за удивительную цельность природы Курьмушки (читаю «Кашееву цепь» для нового издания: десять лет не читал).

В 10 у. пошел с Ладой по тетеревам, самому жарко, а ноги в поршнях, погружаясь, стыли. Лада скверно работа-ла, я безмерно раздражался и домой вернулся больным. Вечером меня трепала лихорадка: я заболел.

На полях: Комарики – не для меня, оагеркнуто: но и я вер-нее, с топки зрения комариков, ты не для нас: ты прошел, мы для другого танцуем.

2 Сент[ября]. Лежу в жару. Пробуем добыть доктора Халуева из Пустого Рождества (там же Вонятино, Трест-ница). Но вдруг оказалось, наш аккумулятор разбился и за двое суток разрядился совсем. Шофер Иван Степано-вич (узнать его адрес в Загорске) взял его на «переборку». Так я и остался без доктора. Даже Ефр. Павл. оагеркну-то: признала склонна признать болезнь настоящей. А тут умер Барбюс от воспаления легких. Могу умереть и, ко-нечно, не хочется, но сказать, что очень мне это страшно... нет! не очень как-то: придется же когда-нибудь умирать, а между тем, кажется, я по своим способностям достаточ-но сделал, таланта не зарыл.

3 Сент[ября]. Температура не увеличивается, я к ней привык, читаю, хожу немного по комнате: еще поживем!

Мне лучше, опасность прошла. Вечером в косых лучах солнца комарики мак толкли: это дивное зрелище, но я еще

782

слаб и еще смотрю как чужой, не для меня играют кома-рики, для другого, но это ничего: пусть и другой поживет.

Вечером Петя пришел с утиной охоты, говорит, что утки при свете вовсе не летели, а когда стемнело, разом везде зашлепали. Это значит, должна быть какая-то пере-мена в погоде. Ночью нас разбудили сильнейшие удары грома. Петя проснулся и говорит: – Утки-то, а? – Как это они могли узнать, – отв. я. – Вероятно, чувствуют пере-мену в давлении.

Прочитал 1-ю книгу «Кашеевой цепи»: очень упрямая книга, строго личная и в то же время эпическая: какой-то лирический эпос и попытка отстоять романтизм в марк-сизме. Местами несколько перегружена излишней отдел-кой деталей: читатель должен от этого уставать, а рядовой читатель бросить книгу. Но это ничего: книга эта, как хо-рошо засоленное мясо, изготовлена впрок, не сразу взры-вом захватит всеобщее внимание, но постепенно годами от лучшего читателя к лучшему и соберет в длинном вре-мени лучших не меньше числом, чем другая, сразу удач-ная и ходкая: в короткое время займет всех, а потом и за-будется.

Надеюсь, 2-я книга [сможет] найти большую строй-ность композиции и потому более легкую [читаемость]. А «Журавлиная родина» [станет] философским венцом этой вещи, и можно надеяться, что в этом венце «Кашеева цепь» наконец-то откроет свой смысл, о котором еще ни-кто ничего не сказал. И если «Колобок» только за 30 лет утвердился, то «Кашеева цепь», наверно, сократит этот путь, хотя бы лет на 10 (десять уже прошло).

На полях:

Спас-Закубегье

Шавыкино

Невид. град

В Шавыкине: когка

Преде, сельсовета Мореева

Заболот. приход

о. Симеон

Кистеневка

Егор Вас. Савин

Углицкий тракт

783

В. И. Егоров рассказал, что Заболотье раньше называ-лось Дубровское, именем владельца его Дубровского, ко-торый, по народным сказаниям, ушел в разбойники, потом был пойман и казнен. Разбойник этот в народе пользуется доброй славой, так будто бы когда мертвому ему дали в ру-ку свечку и она сгорела, то палец покойника горел, как свеча. Село Заболотье в метрич. книгах значит как По-кровское. В Скорыние старик Егор Васил. Савин, как раньше многие, рассказывает

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
о Дубровском былину: как сожжена была Кистеневка и проч. Не эта ли былина легла
в основу «Дубровского»? В Заболотье в церкви сейчас буд-то бы есть Евангелие –
дар Троекурова (о. Симеон).

Шавыкино – остров в болоте, на нем часовня, теперь сожжена. Начиная жить Сергей
Радонежский, – не по-нравилось, после него монастырь, сжег Сапега. На сучке
возле часовни икона Божьей Матери, ее взяли в Спас-За-кубежье, но вернулась,
наконец с крестн. ходом взяли и обещались ежегодно носить в Шавыкино. И так до
последнего времени существ, крестный ход. Если ухо к бо-лотной кочке приложить,
то – кто праведный – слышит звон колоколов (того монастыря).

Зайцев – корявый мужичонка, пьяница, ни в чох ни в сон не верит, но всякое
начальство, какой бы оно ни бы-ло высоты, для него ничем не отличается от
обыкновен-ных людей, и он, говорят, с самим Лениным обращался на «ты». Кто бы ни
приехал из таких больших начальников, непременно посылает машину за Зайцевым.
Явится он, ему предлагают вина. Ни-ни! А когда сработает: высокое лицо в полной
мере насладилось охотой, тут-то вот и он в полной мере удовлетворяет себя, и его
в мертвенном со-стоянии выносят на машину и увозят домой. Многие са-мые
почтенные люди и тоже отличные охотники отлично бы послужили начальству, но поди
вот рассуди: этого пья-ного матершинника все охотники, начиная, кажется, от
самого Ленина, предпочитали почтеннейшим людям. И вот в один их тех наших
советских годов, когда еще и Ле-нин охотился, случилось, по тогдашнему времени
самый большой после Ленина человек забыл у Зайцева свой ре-

784

вольвер и прислал потом за ним своего человека. Зайцев протурил от себя этого
человека и велел передать началь-нику: револьвер никому не доверит и доставит
сам лично. В ту же пору снаряжается, напивается мертвенно и в та-ком виде едет в
Москву по железной дороге. Вскоре охра-на обращает на него внимание и уводит
пьяного. Но он там никого слушать не хочет, ведет себя до крайности вы-зывающе и
отвечает, что везет начальнику револьвер и никому не позволит его от себя взять.
Такие слова пья-ного человека охранникам показались необычными, и на всякий
случай они спросили там по телефону. – Немед-ленно высылается машина, – ответили
оттуда. И вскоре действительно пришла машина, и охрана Зайцеву помог-ла выйти, и
Зайцев их с высоты своей благодарил своим обыкновенным зайцевским словом.

5 Сент[ября]. Шофер Лебедев Иван Степанович.

Темп, нормальная, только сам еще непрочен и слаб. Петю с Ив. Степан, (шофер)
отправляю в Загорск и Моск-ву. Дела: 1) Дела с «СССР на СТ[ройке]». 2) По
экземп. всех книг (и «Зап. охот.» прежние). 3) Спрыск захватить. 4)

Ак-кумулятор. 5) С левой о журнале. 6) Деньги.

Выздоровел. Гулял, но очень слаб. Прочитал вторую книгу «Кашеевой цепи». Из 256
стр. ее 115 написаны в полном единстве действия ничем не хуже «Жень-Шень», но
дальше картины сшиты, хотя и гораздо искуснее, чем в первой части. Новостью для
меня было увидеть, что весь «Жень-Шень» содержится в этой книге. Моя личная
жизнь в своей сокровенной сущности представлена здесь до того обнаженно, что
обычно присущая мне ясность зрения на вещь со стороны утрачивается. Мне кажется,
что со сто-роны могут пожалеть Ину Ростовцеву, обыкновенную де-вушку,
возведенную женихом в недоступную Прекрасную Даму. И в этом, и в некоторых
поступках Алпатова не хва-тает той законченности анализа, после которой
наступает ясное понимание у читателя неизбежности случившегося и необходимости
его изображения. Мелькнет иногда, не в том ли дело, не в том ли смысл вещи и
цель автора, что-

785

бы представить нам в жизни две правды, большую и ко-ротенькую; причем в Германии
между правдами сущест-вует некоторая гармония: благодаря этому малая правда
роскошно и прочно устраивает повседневную жизнь лю-дей; а в Петербурге обе
правды враждебно распадаются, и человек становится двойным: на службе один, дома
другой. Ина является как бы душой этого смертельного приписка: распада для
всякого цельного действия раз-двоения. Алпатов, предназначенный автором к
цельному героическому действию (разбить Кашееву цепь), при встре-че с Иной как
бы распадается и готов уже окончательно исчезнуть под поездом, но уцелевшие в
нем капли здоро-вой крови матери спасают его. Покончив с Иной навсегда, он тем
самым кончает с тем раздвоением, которое было во всей стране: Петербург и
оагеркнуто: «природа» народ. Алпатов уходит в ту первично творческую среду,
оагерк-нуто: в которой рождаются таланты которая называется природой, и от
одного только соприкосновения с ней воз-рождается.

Есть и в первой книге и во второй незначительная] фигура: это художник, который
с коврижкой черного хле-ба ушел в Германию... В поворотный момент жизни
Алпа-това художник этот, управляющий в мире переменной цве-тов, появляется и
заявляет о назначении художника: так украсить землю, чтобы неизбежно страдающий
человек забыл тяжесть своего креста... Противопоставлен Ефиму (крест революц.).

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Послесловие (через 10 лет).

Уличная фамилия Пришвиных в Ельце была Алпато-вы, и в себе [я] это так разделил: Пришвин – это я как ав-тор, а как человек я – Алпатов. И в этом романе я, писа-тель Пришвин, старался изобразить Алпатова, значит, себя же, но не как писателя, а как человека. Прошло де-сять лет, как я – Пришвин написал этот роман об Алпато-ве, и вот через десять лет я как человек, как Алпатов при-писка: (уличная кличка в Ельце Пришвиных – Алпатовы) хочу написать, приписка: хорошо ли верно ли написал

786

писатель Пришвин обо мне как человеку... Есть один до-кумент...

6 Сент[ября]. Утром еще был слаб, ружье в руках бы-ло нетвердо, промазал дважды по тетеревам, раз по вальд-шнепу и раз даже по коростелю. Вечером окреп и убил двух петухов.

Читаю «Журавлиную родину» и думаю, что она пре-восходно завершит «Кашееву цепь». Молодец кует, А лягушка ногу дерет: «И мне давай немецкую подкову».

«Лучше всех на свете Аннушка», – Говорила ее мать и бабушка.

7 Сентября. Солнце за облачной дымкой, а напротив, на северной стороне, нежнейшая бирюза с прозрачными разноцветными облачками. Это прекрасное, разнообраз-ное небо можно с наслаждением долго разглядывать, а ко-гда наполнишься и опустишь глаза, то на земле внизу внимание открывает мелочи, столь выразительные, что начинаешь понимать, чем сильна земля...

Прошел Селковские пали и просеки, принес глухаря и косача, убитых № 6 из мал. ружья.

8 колхозах люди брошены на лен (экспорт), а рожь не убрана (дела!).

В Переслав, раньше жили красильщики, в Москве ра-ботали, здесь пировали. Они открыли семьям своим путь в Москву, и более сильные уезжали, а здесь отсева-лся от-брос. Кончилось тем, что остались старухи и пьяницы, бездельники. Эти пьяницы забрали в руки старух: сами пьют, а старухи работают. Это заключение прошлого, в котором мужья-москвичи эксплуатировали свои семьи для своего удовольствия: работали бабы...

Думал о теле Чичикова, Савинского, Кронгауза и того марксиста, который всплыл прямо вслед революции: я видел такого «комиссара» с телом, когда еще в Питере, в Гор. Думе кипятился Шингарев: государственное тело, клеточка-ячейка госуд. тела...

787

Когда у меня довольно собрано материалов, чтобы на-писать что-нибудь, я не пишу, а дожидаюсь чего-то. И дей-ствительно, по мере того как материал отдаляется, вокруг него образуется как бы своя волшебная атмосфера, и все лучше и лучше. А писать все не хочется. Начинается тре-вога – как бы материал в этой приятной дымке совсем не ушел. И мало-помалу он правда уходит, пока наконец [не] является вопрос: да и было ли что-нибудь? Вот тогда, пе-ресмотрев записанное, открываешь в нем горячее и сам загораясь. Это значит овладеть своим материалом. Впрочем, может и так все пройти. И вот именно эта опас-ность и создает чудеса поэзии, а то что бы это было, если бы можно было безошибочно все делать из всего. В таком критическом состоянии находится у меня «Лес».

Начиная с Верхн. Тоймы перечитать с Петей дневник: ближайшая задача.

7 Сентября. Солнце еще глубже сидит в облаках, и весь день углубленней вчерашнего: тишина полнейшая, и все время в лесу пахнет оагеркнуто: яблоками медо-выми пряниками.

Ходил в Скорынино болотами, уставая, садился в стога и погружался в сладкий отдых, не отмечая ничего нового в этом столь знакомом пейзаже.

Узнал, что муравьи уничтожают клопов и если принес-ти из лесу муравьев и приучить сахаром, то клопов не бу-дет в доме.

На Ивана Постного по чудесному совпадению приле-тают искушать постников дупеля, самая жирная птица. Так много в них жиру, что, падая, часто они лопаются и в сумке растекаются. Дупеля появляются всегда неизмен-но, как белые грибы, на тех же самых местах. Консерва-тизм их так велик и так они жирны, что птичьего охотник в них вовсе ничего не чувствует и собирает их как грибы.

8 Скорынине дедушка Егор Савин должен был мне рас-сказать о Дубровском...

Обрывки былины о Дубровском, как после грозы по-следняя ватка поднебесная, клочками бродят в темном

788

сознании людей, обитающих в этом заболоченном краю. Все знают, что был здесь некогда граф Дубровский, не то праведный разбойник, не то по ложному доносу казнен-ный помещик. – Зарастай же, все мои озера, все плеса! – были его последние слова. Все забыто: при каком царе, по какой вине и в чем дело, но это проклятие: «Зарастай же!» – все помнят. Указывают на совпадение имен: что храм в Заболотье посвящен Покрову и раньше село назы-валось, как у Пушкина в

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
«Дубровском», Покровское, что некогда была на берегу нынешнего болота
«Трестница» дер. Кистеневка и полосы ее, уходящие в болото, и посей-час видны,
что будто бы на Евангелии, сохраняющемся в церкви села Заболотья, написано: «дар
Троекурова». Обо всем этом и, возможно, даже самую былинку должен был сказать
Егор Савин, из Скорынина, старик за 90 лет, но свежий.
Нашел я старика, а он уперся: как он может знать, если не при нем это было, не
при отцах, дедах и прадедах... Как я ни бился, старик затвердил одно это и на
все мои вопро-сы повторяет, что не может ничего помнить. – Но был же граф
Дубровский? – спросил я. – Загеркнуто: Был-то был был ли, не был – как я могу
знать, – ответил ста-рик. – И что же, был он казнен? – спросил я. – Как я это
могу знать? – А как же, я слышал, говорят:
– Зарастай вы, мои плеса!
– Родные плеса! – отозвался старик.
– Зарастайте вы, мои родные плеса, – продолжал я.
– Зарастайте, озера и ручейки!
– Живые ручейки! – отозвался старик.
Сочиняя дальше былинку, сказал я: – Зарастай, живые ручейки.
– На родном веселом моем месте
– Пусть останется глухое болото.
Загеркнуто: Я смолк. А старик вздохнул и тихонько прошептал:
– Сказала голова.
– Отрубленная? – догадался я.
– Графа Дубровского голова.
– Праведника?

789

– Ну да: свечку дали в руку покойному, сгорела, и паль-чик стал гореть, как
свеча. Ну да ладно, а ты вот скажи про себя, зачем ты тут ходишь, от кого
прислан?

Больше я ничего не мог добиться у старика о Дубров-ском.

9 Сентября. Петя пропал. Начинается тревога, если 10-го не приедет, 11-го поеду
в Загорск. Хорошая охота по тетеревам. Подумываем купить дом Сафоновых: большой
вопрос: тянет уединение, с другой стороны, все это прой-денный путь и большой
вопрос, способен ли я жить в насто-ящем уединении (разве только смотреть как на
охотни-чью] дачу).

Начал «Войну и Мир». Как неестественны вначале Андр. Болконский и Пьер и как
скоро привыкаешь, вовле-каешься и кажется, так это и надо. В рассказе главное –
это особый, свойственный только художникам порядок раскрытия мысли. И главный
признак бездарности и не-понимания – это логический порядок. Именно вот и
труд-но это, и надо, и редко выходит, чтобы мысль раскрывалась не логически, а
как бы волшебю: так, бывает, заблудишь-ся в лесу, и те же самые знакомые
полянки, перелески, де-ревья представляются невиданными. Сила толстовского
рассказа и заключается в необычайном порядке раскры-тия мысли. А еще важно в
рассказе освещение, начальная широта сходящихся на предмете лучей: от Рамзеса до
Ле-нина, как сказано в «Жур. Родине».

2-я часть «Каш. Ц.» и в особенности «Ж. Род.» меня са-мого удивляют густотой и
смелостью мысли, в особеннос-ти если принять во внимание то время.

«Кашееву цепь» осудить могла бы как паразитную ро-мантику только одна Ина
Ростовцева: если только можно понять женскую эмансипацию как этап борьбы за
святое зачатие, непорочность которого не в самоотрицании, как у христиан, а в
восстановлении святости. (Очень близок к этому спор супругов Бострем: «Ты,
конечно, интуит»). Словом, то колебание Ины, которое Алпатову кажется позорным,
недопустимым раздвоением личности «инсти-тутки».

790

11 Сентября. Иван Постный.

Далеко до света зашумел дождь и, когда стало светать, еще усилился. Я и самовар
поставил, и оделся, и чаю на-пился, а он все шел. И так было мне покойно, как
будто за все, что не ладно, теперь уже не я, а дождь отвечал. Вышел на крыльцо и
прогнал под дождь Ладу. Дождь теплый, и на горизонте уже показываются голубые
просветы и кремевые полосы. Курица повела цыплят. Хозяйка вы-шла с ведром и
отливает из кадки телятам капельной во-ды. – Хорошо! – сказал ей я, – а мои-то
все спят. – Пусть спят, – твердо сказала хозяйка, – за вашей спиной хоро-шо и
поспать, вон цыплятки мои есть захотели и отпра-вляются.

Хорошо! Я почему-то думаю о счастливом неграмот-ном, которого внезапно
«ликвидировали» и он теперь мо-жет написать все что хочется. И так стоит он под
капелью в живительном сознании своего всемогущества, приходит к столу, берет
перо, лист бумаги, разгоряченный наклоня-ется и пишет:

– В первых строках моего письма кланяюсь

– Еще кланяюсь И еще кланяюсь

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
и еще, и еще, и еще...

Итак, работа моя «Женщина» (сокровенная Ина Рос-товцева): как спасти тот свой романтизм? (30 лет верности чувству); только тем, что я понимаю его как стремление создать новый (желанный) мир или как перспективу: по-верх действительности чувство предвосхищает будущее. Бостремы, Блоки как хлысты, (заворощка: конец интел-лигенции, и на фоне 1 нрзб. роман. Среди 1 нрзб. Ро-занов, который «открывает» сверх своего сознания, отда-ет «тайны» семьи и рода.)

Подойти к этому так: обработка дневников моих: пра-вильная методическая работа, а нить в голове: женщина будущего...

12 Сентября. Не решились вчера податься к дупели-ным местам: боимся за машину, грязно.

791

В «Наши Достижения». На Ваше письмо от ... с. г. отно-сительно моих материалов о лесе сообщаю Вам, что пре-доставить Вам описание своего путешествия по р. Пинеге для меня затруднительно по след. причинам.

Во-первых, наблюдения мои над эксплуатацией леса на севере привели меня к убеждению, что в лесной про-мышленности дело у нас обстоит до последней степени плохо, что от честного писателя требуется приписка: или мужество открыто высказаться о недостатках, приписка: или, если это почему-либо нельзя, оагеркнуто: лучше пром[олчать] но никак не о «достижениях», которым посвящен Ваш журнал.

Во-вторых, весной этого года редакция «Наши дости-жения» пригласила меня организовать лесной номер, и я согласился на это одновременно с предложением «СССР на стройке» организовать номер пушной. В дальнейшем, однако, это устное приглашение не подтвердилось ничем, и, как я узнал, моя кандидатура была замещена другим лицом. Приписка: Такого рода колеблющееся отношение не вызывает у меня охоты работать в Вашем журнале. В настоящее время уже сдан в печать организованный мной пушной номер «СССР на стройке». Представьте же себе, как бы я ответил редакции журнала «СССР», если бы она, не уведолив меня о моем смещении как редакто-ра, предложила бы мне дать фотографии или рассказ.

13 Сентября. После целого дня дождя (хорошо, вы-брались из Переславища вчера!) вчера вечером взошел чистый полный месяц, ровно просветил всю ночь и к утру подготовил мороз. Солнце взошло в 6 у. на половине на-шего пути в Константиново. Все было в Ясниковских бо-лотах как и прошлый год: те же кочки в солнечный день давали восхитительные тени по белому морозу, и потом осока у речки была то зеленая – где обтаяло, то белая – где сохранился мороз, а след наш по этой осенней пороше далеко оставался зеленой дорогой. Но не только дупелей, а и бекасов вовсе не было: обойдя все болота, нашли одно-го гаршнепа и одного очень [странного] бекаса. Причина, думаем, очень водливая осень; наоборот, прошлый год

792

было чрезвычайно сухо и дупелей было необычайно мно-го. Но все-таки чтобы и бекасов вовсе не было – это так же исключительно, как исключительно водливая осень в этом году.

На полях: Настало время, когдароска сутра до вегера оста-ется и блестит в пазухе листика травы.

Время было, когда от самовара в комнате потеет холод-ное стекло, когда по утрам по легкому морозцу бормочет тетерев, болотные кочки в солнечное утро дают восхити-тельные тени по бело-морозным холстам и роска, с утра после мороза, остается и сверкает весь день в пазухе лис-тика.

Время было, когда утренняя роска в пазухе листика перестает высыхать и весь день сверкает оттуда...

На обратном пути из Константинова мы попали в ло-вушку. В лесу чинили шоссе, устроив чрезвычайно сквер-ный объезд. Одна грузовая машина, объезжая, крепко за-села и сделала для других машин проезд невозможным. Дорожный мастер с помощником воспользовались этим и, обложив каждую проходящую машину данью, нахлес-тались вдребезги. Полчаса мы провели в дипломатиче-ских переговорах и ругани. Наконец, убедив рабочих, мы пустили машину на пьяницу, вежливо, как корову, тара-нули, отстранив, радиатором и кое-как перебрались. А помощник мастера, совершенно опьянев, еще раньше рух-нул на камни. Счастливо обошлось без драки. Случай этот показывает, как мало осталось рабочих для обслужива-ния районных нужд. Нет людей, и наглец ничего не боится. Что же делать? Можно, конечно, поднять историю и от-править его на канал, но... там-то прибавится, а у нас уба-вится. И так дорога все хуже и хуже. Машин все больше, и чем больше машин, тем все хуже и хуже дорога...

Думаю о покупке домика в Переславище. На местах хо-роших, у рыбных рек и красивых озер вроде Плещеева, едва ли теперь можно уединиться: везде строительство; а здесь пустыня настоящая...

793

14 Сентября. Ездили с Петей в Москву. (Дождь весь день, охота безнадежная.) Определена «Кашеева цепь», видел сигнальный экземп. «Севера». Купили самовар и сапоги на пузырях.

Помните ли вы в себе из юности отчаянную готовность в случае необходимости в один миг бросить все, что за спиной, и начать жизнь совсем другую, какую-то свою собственную и с самого начала, как на необитаемом ост-рове начинал Робинзон. Очень много этого было, и даже сказать можно, что прямо на этом стоял Лев Толстой. И первые годы революции со своими пролеткультами именно и были массовым опытом применения этого стрем-ления, назовем, к самовозобновлению и перерождению. В основе этого чувства, если разглядывать его тень на земле, мне думается, лежит стремление к реализации, ма-териализации, [начиная] от обладания вещами кончая властью вождя... (Робинзон живет на острове и Толстой пашет, конечно, только потому, что они вожди.)

Вчера в Савое, обедая, обратил внимание на прислужи-вающих девушек, в короткое время вытеснивших замеча-тельных мастеров ресторанного обслуживания.

Большин-ство девиц пришли прямо от сохи в ресторан, подчиняясь всеобщему женскому стремлению к расширению пределов своего женского владычества. А оно, конечно, так и есть и быть должно: женщина стремится восстановить утра-ченное господство от обладания кухней (ресторан) до ры-царя, скрывающего в романтическом обожествлении жен-щины свое господство над нею.

Все яснее и яснее раскрывается сокровенная борьба сил современности, на одной стороне сила рода, на другой та противостоящая этой силе рода сила личности (индиви-дуальности), с явлением которой связано сознание и твор-чество (как ярко это у Толстого: убил жену! прекратить род!) (а как тоже характерны слова 1 нрзб. сектанта, оглядывающего строительство деревенской улицы: «ко-гда-нибудь должно же это прекратиться!») (а Розанов, бро-сающий гения через воронку в ад) (а еще: личные отноше-

794

ния с Павловной: ее сила) даже Алекс. Георгиев, и Влад. Ив.! и в особенности у Бостремов.

Мадонну сотворил мужчина, а государство вышло из женщины. (Так это мужчина творит женщину, а женщина творит мужчину.)

Творчество присуще мужчине: это его личное свойст-во, или сказать: это свойство личности...

Творчество есть свойство личности.

Личность есть свойство мужчины (Пик Сталина).

У Розанова жена поглощает мужа, у Толстого муж уни-чивает жену. Таковы границы мировой катастрофы. А я хочу направить силу творчества на рождающую женщину (то же, что овладеть машиной и сделать ее «Машкой»), сде-лать, чтобы рождающая женщина стала Мадонной, чтобы зачатие было «беспорочным», «непорочным», а человек рождался во плоти. А ведь так же оно и есть у Христа (а сде-лала порочным церковь).

В любви, большой, настоящей, творческой, исчезает грех первородный.

По надписям.

Подавляющее множество надписей малограмотных людей на заборах, на деревьях, камнях и просто палочкой на снегу свидетельствуют, что на первых порах массовый, стихийный человек стремится воспользоваться словом, чтобы снять покрывало Майи.

Но на следующих ступенях своего развития тот же самый человек быстро переменя-ется. Прогуливаясь через снежное поле по той самой до-рожке, где ходят в нашу школу ребята, я замечал, что на-чинающие русскую грамоту пишут на снегу по-русски все крайне грубое и простое, как бы вскрывая запрещенное, а те кто начал уже учиться иностранным языкам, то ла-тинским алфавитом пишут на снегу обыкновенно имена девочек Mascha «Маша», Lisa «Лиза», очевидно, уже пони-мая, что не только нельзя снимать покрывало Майи, а да-же по возможности покрывало это надо получше подвер-тывать: и так очень часто видишь, как иной тут же выводит на снегу палочкой «mīlaja mascha». (К Двинскому плакату.)

Календарь природы:

795

16 Сентября. Непрерывные идут дожди... и так вся весна, все лето и осень: небывалый год. О дупелях уже и не думаем: все залило. Весной можно было бороться с природой, и мы ее победили, но трудно бороться с осе-нью: если пасмурен день, если ночь не светла, если ветер осенний бушует.

Читаю «Войну и Мир». И, к счастью, нахожу, что Толс-той жив и близок и что некоторые слова его еще в юности запали в меня и дали возможность самоопределиться. В особенности близко мне: «Пьер был один из тех людей, которые чувствуют себя сильными, только если они чис-ты». А у меня так даже малейшее сомнение в себе в отно-шении жены или сына делает невозможным писание-Сила

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Толстого в способности приблизить...

Обыкновенно я доверяю себе и, когда приходит лень, отдаюсь ей так же, как сну, уверенный, что рано или поздно соберусь с силами и за дело возьмусь. Но вот много, много прошло времени с тех пор, как я доверился лени, и начинает тревожить мысль, что так вот и останешься...

Отправили деньги по телеграфу (250 р.) за лодку, всего: 350.

С женой Б. говорил о женщине и ничего как-то не узнал. Остается: оценка массового женского движения и второе: конец Ины, вернее, тот конец ее, который торчит в «Каше-евой цепи».

Природа – родина моего таланта: моя родина там, где рожден мой талант.

Соберите условия рождения творческой личности, соедините их вместе в творческую плазму, и это будет природа, или родина талантов.

17 Сентября. 1. Не оспаривай глупца.

Ночь светлая, луна в зените высоко-высоко. На рассвете мороза не было. Утром ходили промять Османа и на-рвались на неприятность. (Заруби, заруби, Михаил, себе на носу заповедь: не заноситься перед невеждами и не оспа-

796
ривать глупца. Для этого и в наказание себе, и для само-воспитания сделать ежедневно 30 записей в дневнике «Не оспаривай глупца», по возможности углубляя эту тему.)

После обеда опять наглухо все в природе забило дож-дем и так осталось в ночь. Приехал вечером Лева. Статью мою в «Краеведении», конечно, не напечатали и тем обнаружили, по-моему, чудо-вищную свою ошибку в выборе меня в президиум.

Расхож-дение мое с ними в том: первое, что я природу понимаю как родину моего таланта, второе – что, изучая внешнюю «природу», никогда всей в совокупности природы не пой-мешь, третье, значит, изучать надо сначала природу своего таланта, а потом, поняв себя самого, надо изучать приро-ду внешнюю, поскольку она находится в родстве с собой.

18 Сентября. 2. Не оспаривай глупца, или не мечи би-сер перед свиньями, потому что это разрушает организа-цию спокойствия в любовном внимании. Не оспаривай глупца, или береги занятую высоту.

Сегодня отдых после дождя, солнце в дымке. В Карбу-шинской аллее было прекрасно. То бывает осенью, когда валом оагеркнуто: валят падают листья, так что слы-шится даже: мыши, мыши... А то ранней осенью в совер-шенной тишине изредка, отделяясь, бездумно слетают отдельные листья, будто это мысли спускаются с высоты заслуженного спокойствия.

Свиньи в норы пришли. [Умное] животное и даже чис-топлотное, но неприятное своей крайней настойчивостью в добывании пищи.

19 Сентября. Ночью дождь. Потоп! 3. Не оспаривай глупца! сохраняй всюду, на каждом месте внутреннее рав-новесие. Как в дождик надо взять зонтик, так надо чело-веку в обществе надевать маску и строить личину. Или двигаться все глубже и глубже в пустыню, или строить личину. Если же строить личину, то лучше всего англий-скую (искренности, простоты).

797

20 [Сентября]. 4. Не оспаривай глупца! можно в этом неоспаривании дойти до полного отказа от встреч с жиз-нью, похожем на смерть. Вот этот страх перед белым спо-койствием обыкновенно и останавливает... Не смерть ли это подходит? Вчера был Острый, заказал ему дух[овой] шкап за 400 р. (Острый – изобретатель помешанный, явный тип этого рода людей). Одновременно прибыл из Вологды охотник Алекс. Ксеноф. Сергеев.

21 Сентября. 5. Не оспаривай глупца. Применил в Москве при запрещении «Соболя» цензором: с ним спо-рить не стал, а обратился к главному начальнику с прось-бой выгнать такого дурака, и, думаю, выгонят. Дожди бесконечные!

«Кашеева цепь» в трех книгах 331/2 листа пошла в про-изводство-Люди в инкубаторе. Белые куры из инкубатора вялые, явилась простая курица «Колхозница» и прогнала их де-сятки.

Сколько в день аборт в Москве и куда девают мясо? (Павловна: ведрами свиньям.) Любовь – ценою рода.

23 Сентября. 6. Не оспаривай глупца: это решение мое записать и через то оагеркнуто: сделаться лучше собраться в единство и найти власть над всякой мелкотой жизни происходит из большой тревоги, общей многим людям и приводящей к разным выходам от смешного до смерти.

24 Сентября. 7. Не оспаривай глупца – это косвенно относится к борьбе за свою личность: ты должен обладать собственной инициативой в жизнь, иметь в основе собст-венный почин, если же ты это упустишь, то тебя возьмут и заставят делать не то, что ты хочешь. И надо полагать, что основное разделение людей в этом и есть: одни сами живут, другие невольники. И мы хотим сделать не так,

798

чтобы все были свободными, а чтобы свободные от природы люди не попадали в неволю и наоборот: невольники природные не брали на себя дело свободных (так, вероятно, анархисты именно и считают людей государственных). Природный невольник на положении свободного является непременно деспотом.

25 сентября. 8. Не оспаривай глупца: в «Известиях» не стали меня печатать, я много раз порывался вступить в драку, но удержался, а между тем где-то одумались и по-звали теперь меня в «Правду»: то-то теперь утру нос «Из-вестиям»: не оспаривал и утру!

Зоя вчера рассказывала о борьбе за жилплощадь в Ин-ституте. После длительных интриг и всевозможных дрян-ных проделок студентов в борьбе за отдельную комнату сделали постановление: давать отдельную комнату ис-ключительно только тем семейным, у кого есть маленькие дети. Силы этого разумного решения, однако, хватило не-надолго, через несколько месяцев все замужние и неза-мужние женщины в Институте забеременели.

Приглашение «Правды» может отклонить меня от ре-шения отдалиться роману, потому что мне интересно со-здать газетный рассказ и победить всех... (мне кажется, я это могу: победить, значит, спасти русский язык – вели-кое дело!)

27 сентября. Москва.

Вчера передал в «Правду» «Лесные рассказы». Соблаз-няюсь писать рассказы на 5 мил. человек самых различ-ных ступеней развития. Приглашение исходит, по-види-мому, от той группы (Ставский и др.) писателей, которые выступали против Горького.

Вышел 1-й т. моего собрания «Север». Второй том «Ка-щеева цепь» сдана в работу. Третий том «планирую».

Читал из «Севера» себя, и ясно показался путь моего искания: с высоты ясно увидел я, что трепет во мне, похо-жий на веру, был именно тем трепетом жизни, который

799

вел к «творчеству», и я верно пришел по этому зову к твор-честву и выразил это в романе об Алпатове и показал при-мерами, что к этому можно прийти и другим. Но все ли это?

Вот на севере в лесах, где не знали пилы, жил мастер топора, и он все одним топором делал, и валил гигантские деревья на лесозаготовках, и строил избушки лесные для охоты все одним топором, не употребляя ни одного гвоз-дя, мало того! великий мастер топора делал чудесные игрушкидоньков, оленей, птиц, и устраивал их на крышах в деревнях, и для красоты, и чтобы «князь» не гнил. Подоб-но этому мастеру жили все, дети с малолетства проходили тяжелую школу топора на лесозаготовках, а женщины си-дели дома и занимались хозяйством.

Но случилась перемена во всем и везде: государство вступило на широкий труд строительства, потребовались миллионы рабочих. Тогда женщины освободились от до-машнего хозяйства и бросились в ряды рабочих... В лесу мастер топора оагеркнуто: сызмальства считал себя, наверное, тоже, как и Алпатов, может быть, «творцом», единственным мастером и так понимал свое дело, что без него и подобных ему не обойтись в лесу. Но вот пришли две женщины с пилой и дерево спилили вдвоем, как один мастер рубил его топором. Но мастерству надо было учиться сызмальства, а женщины пилой работали без всякого ученья, и их вышло с пилами на лесозаготовки великое множество, и с ними стали понемногу выходить и ребята, тоже неученые, с пилами, да так и пошло...

Мало-помалу где-то в больших, сложных производст-вах открылось, что плоскость дерева, сделанная пилой, не годится для высших работ по дереву, что плоскость эта должна быть сделана именно топором. Тогда стали искать мастеров топора, и эти отживающие свой век «творцы» нашли себе уголок в лесной промышленности, примыка-ющий к искусству.

И если я теперь в борьбе М[ужчины] и Ж[енщины] де-лаю М[ужчину] победителем, оправдывая такую победу силой творчества, то ведь это же неправда! Какая это по-беда, если «творцы» направляются жизнью в какие-то

800

богадельни для украшения жизни. Пусть даже эти творцы являются единственными представителями личного на-чала, образующего качество, все равно этим не устраняет-ся сила безличного... приписка: Ж[енщина. Не есть ли это распад жизненного процесса, составляющего брачное единство Ж[енщины] и М[ужчины], на М[ужчину] – только силу личного начала и Ж[енщину] – силу рода... (Когда это видано было у нас раньше, чтобы мужчина в военной шинели нес в одеяльце ребенка, а рядом шла его маленькая жена свободно и уверенно, отмахивая комаров и мух от лица? Но больше! однажды я видел мужа под ко-ровой на скамеечке, а жена его в это время поправляла тетрадки. И раз я застал мужа стирающим белье...)

т. Кольцов! Я получил Вашу телеграмму с напомина-нием о дне мира в тот час,

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
когда я приступил было к сбору на утиную охоту. Загеркнуто: Признаюсь Ваша теле-грамма заставила меня очень задуматься о моем этом сов-сем пустом дне (вчера ночью скверно спалось, утром ехал из Москвы и дремал в поезде, а теперь вот в ожидании обеда из пустых патронов для переснаряжения выбиваю пистоны). Если бы отдых, забава, что-нибудь, но ведь сов-сем ничего, вполне пустота в себе, как в той воздушной яме, где, говорят, кувыркаются самолеты. У всех людей есть такие пустые часы, пустые дни, но все это тщательно скрывают. Телеграмма Ваша меня расстроила: приписка: что мне делать, врать или открывать свою пустоту? я да-же бросил переснаряжать патроны и, пообедав, лег спать. Однако за несколько десятков лет литературной рабо-ты я заметил у себя, что пустые часы или дни всегда пред-шествуют рабочим. Мне удалось в этот день написать ма-ленький, но славный рассказ для детей о моей собаке Ладе и когда я теперь, 27-го поздно вечером, пишу отчет о се-годняшнем дне, то мне теперь уже есть кое-что и сказать. Загеркнуто: То состояние пустоты, которое чувствовал я в себе перед работой, очень похоже
я хочу Вам сказать сейчас, что те вещи, которые выхо-дят из-под пера, чтобы оставаться на много приписка: и в течение многих десят[ков] лет и действовать на людей

801

стагаторно в родной стороне, потом переходить грани-цы и там еще и в других странах тоже действовать десятки лет – эти вещи создаются той силой, которая действует против оагеркнуто: войны физических, территориаль-ных, географических и всех внешних границ между людь-ми, и настоящее творчество есть именно творчество мира. Загеркнуто: Если у Вас в руке цветы, покрытые росой, сорванные где-то на поле сражения в уцелевшей роще, и вокруг себя Вы видите навоз от людей и животных, то ведь не будете же Вы бросать эти цветы в навоз и обра-щать их тоже в навоз, Вы тоже не будете отставать из-за цветов, нет!

На полях, загеркнуто: Так я понимаю себя в моем деле и го-тов за это свое сгастье стоять: собирать цветы и с цветами в бой за цветы.

Помню, в далекое время, когда в русской грамоте было два мира, один в смысле вселенной писался через десяти-ричное «і», другой мир писался через «и» восьмиричное, и учителя, в отличие [от] мира-вселенной, этот мир пред-лагали нам понимать в смысле тишины и спокойствия. Приписка: И так мы, раскачиваясь дома за тетрадкой, за-учивали назубок: мир, или тишина и спокойствием Уче-ник пригготовительного класса, пригготовишка, бывало, стоит у доски, учитель на кафедре в синем фраке с золо-тыми пуговицами приказывает:
– Напиши мне мир через «и» восьмиричное. Пригготовишка пишет мелом на доске:
– Мир.

Учитель: – Как надо понимать этот мир?

Пригготовиш[ка]: – В смысле тишины и спокойствия.

Не знаю точно, как теперь определяется этот «мир» в школах, но думаю, умный мальчик и сам теперь догада-ется ответить, что мир у нас – это время, когда мы соби-раем оагеркнуто: все приписка: и всякие творческие свои силы, чтобы направить их против войны.

28 Сентября. 9. Не оспаривай глупца означает тоже и призыв к миру, в котором действуют через головы глуп-цов: глупцы, удивленные, остаются с разинутыми ртами.

802

Всю ночь с вечера и до рассвета проливной дождь. Начинаю думать, что «Лес» надо написать для детей – вот бы книга-то была!

7 у. Очень тепло после дождя, как ранней весной. Пол-ная тишина, небо спускается. 26-го утром, когда я шел на вокзал, небо спустилось еще в предрассветный час и ле-жало у нас туманом, и когда солнце взошло, то нам это было чуть-чуть видно через это севшее к нам небо. Мало-помалу солнце пробилось, и то, что село к нам как небо, теперь свернулось в белую трубу и легло белой радугой и распалось на облака.

Итак, производственный план на неопределенное время:

1) Машка и Лес: книга для детей.

2) Роман «Начало века».

3) Маленькие рассказы (для «Правды» приписка: на-чнется).

28 Сентября. 10. Не оспаривай глупца, значит, будь готов на каждую минуту, чтобы сдержаться и не «выйти из себя».

Доехали вдвоем с Петей до Селкова, заперли машину в сарай кооператива и пошли в Переславище. Дождь. Про-мокли. Ночью все дождь, и на уток не захотелось. О колхозах.

29 Сентября. 11. Не оспаривай глупца: что же подела-ешь, возраст пришел, и необходимы становятся правила нравственной гигиены. У ак. Павлова, говорят, чуть ли не каждый час жизни проходит по расписанию. И это хоро-шо, опасно лишь свои

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
правила предлагать другим, как Толстой. А чтобы сдержать себя и не оспаривать – надо опомниться. Началась эта работа у меня на 20–21 году во время марксизма: вдруг понялось, что нельзя бросаться в спор опрометью. С тех пор я мало работал и, по счастью своему, жил просто. К этому воспоминанию: перестав оспаривать, я нечто и утратил. И так, может быть, всегда хорошие правила морали достигаются за счет натуры.

803

Правила морали достигаются за счет натуры. Личина человека складывается за счет лица (?).

Лицо на Кузнецком: вероятно, и конечно, это был ино-странец: сознание своего личного достоинства у него под-держивалось чрезвычайно строгим вниманием к соблю-дению правил в отношении проходящих возле него людей. Казалось, он заботится только о том, чтобы не толкнуть кого-нибудь, вовремя посторониться, даже не попать в другого прямым наблюдающим глазом. А это все он де-лал только, чтобы отстоять в толпе и не подвергнуть слу-чайности свое собственное достоинство. Это была как бы дисциплина одновременного строгого мышления о своем и напряженного внимания в тот же самый момент к дру-гим, чтобы охранить свои мысли. Лицо человека без про-межуточного слоя животно-живой хитрости.

Хорошо становится в отношении продовольствия в го-родах и стройках за счет жизни деревенского человека. Все молодое, способное бежит из колхозов. Города-сады скупают деревенские дома. Но в то же время всюду ви-дишь, как расширяются запашки (трактор делает?). С од-ной стороны, машина помогает непосредственно, с другой стороны, машина налегает на человека. Происходит утра-та родства с людьми и землей. Это должно вызывать чувст-во природы, о котором я пишу, и оно должно вызвать же-лание возвратиться к земле.

I. Путешествие в лес на машине: тема машины: маши-на – дело рук человека: конец: на заводе. Вопрос, как влить сюда пинежский лес?

II. Делать работу, начиная с выборки из дневников. За-вести особую папку и определить из недели определенное время.

III. Определить время для бывания везде с наблюдени-ем свободным...

30 сентября. 12. Не оспаривай глупца: из Толстого: «русский ум» не признает grand-homme1: Кутузов ни с кем

1 grand-homme (фр) – великий человек.

804

не спорил (не верил в слова и мысли отдельных людей, стремящихся к grand-homme). Наконец-то день с солнышком. Я ходил в Попов Рог и убил вальдшнепа. Петя чуть не утонул на утиной охоте. Птица узко живет...

Издадека прилетает к нам вальдшнеп, а узко живет, как и всякая птица: найдешь – улетит, а завтра опять тут где-нибудь в ольховом кусту у полянки или в опушке у зе-леней. Так узко живет, но разгуливает по своей полянке настолько широко, что собаку я держу у ноги и она...

I. Если писать лес, то надо описать жизнь каждой птич-ки в лесу, каждой зверушки. Зверя же и птицу надо описы-вать как окружность, увеличивая число углов много-угольника до бесконечности: птица – это многоугольник, а среда – это окружность. Надо, описывая жизнь птицы, стремиться к полному и невозможному совпадению ее со средой. Есть кочки на болотах низенькие и прелые в хо-лодной росе и возле засохшая коровья лепешка с дыроч-ками: это дупель нос запускал, если я это увижу – то мне пахнет дупелем, но я встречал хороших охотников, уве-ривших меня, что они действительно могут чуют дупеля. А то в лесу на [поляне], бывает, лежит куча хвороста, а вокруг него засел уже очень густо осинник с большими, как уши у поинтера, листьями: в этой куче хвороста самая маленькая птичка живет, и как увидишь такую кучу, так и птичку вспомнишь. (Полезно в таком роде, имея идеалом из среды вызвать образ ее жилья, упражняться в описа-ниях.)

В литературе все еще стараются говорить о хорошем раньше, чем оно сделалось, и тем, с одной стороны, давать идейное руководство жизнью, с другой – этим самым да-вать возможность укрываться всякой мерзости.

1 октября. 13. Не оспаривай глупца: помни образ Ку-тузова...

С полудня солнце, в лесу лучи солнечные открыли вол-шебные перестановки осени: там только одно дерево рас-крылось, и через это две соседние поляны соединились,

805

совсем стало иначе, если заблудишься, то и не поймешь, как раньше было. Но самое главное, что каждое дерево, расставаясь на всю зиму с другими деревьями, говорило само за себя, а не за весь лес, и оттого казалось, будто не было так, а те или другие деревья пришли: вот пришли две березки к самой опушке поляны и золотыми листья-ми вовсе засыпали зеленую елочку...

Яма, полная водой, и вода такая светлая, через воду на дне мох зеленый виден, и

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
на нем золотые монетки лежат.

Показались в сухом бору под соснами рыжики.

Кажется, нет ничего на свете красней, как ягода калина на осень, и красна, и красива калина, такая ясная, такая свежая осенью в пучках на тонких раздетых веточках с одинокими последними золотыми язычками. Все так се-ро в кустах, и вдруг такая красота!

Все в лесу к чему-нибудь – к чему черные ягодки, уце-левшие среди желтых немногих листьев, и почему они на-зываются волчьи?

Птички зарянки в серых кустах как будто из бора, све-тящегося от вечерней зари, оторвался завиток тонкой оранжевой пленки с коры, прилетел по ветру сюда и повис в серых кустах.

На вырубке густо засел осинник, и, как бывает на мо-лодых осинках, листья были широкие, как [уши] у пойн-тера. Куча забытого хворосту обросла тонким осинником, и тут в хворосте всегда живет птичка – не знаю, как назы-вается – маленькая-маленькая, и там бегаёт, как мышь, с хворостинки на хворостинку, редко выберется на крышу своего жилища...

Наполях: огонь тепло

Еще на пойме кричат журавли. Еще удалось видеть стаю запоздалых лесных голубей. На телеграфной прово-локе сидела трясогузка. Очень тепло, вечером сам видел, как наша курица стрекозу проглотила.

Так день прошел, и так для всех существ лесных был день почему-нибудь непременно один-единственный та-кой и неповторимый: калина будет калиной, зарянка – зарядкой, и трясогузка в будущем году сядет на проволоку

806

в такой день, и курица стрекозу проглотит, да ведь не именно так, и день будет другой, а не этот самый, этот день не был никогда на свете и не будет, и каждое лесное существо в чем-нибудь получило свой день: курица стре-козу проглотила, а я, человек, в этот же день мысль на-жил, ясную, как ягода калина в серых кустах осенью, крас-ная мысль и красивая.

Я себе нажил мысль о счастье, как надо, чтобы оста-ваться всегда так, чтобы свой день выходил каждый день, как непременно птичка выходит, если хворост забудут в лесу и он зарастет молодым лопухим осинником. Что-бы день выходил свой собственный, надо, милые мои, все делать как надо, не больше и не меньше чем можешь, надо людей приближать к себе, сколько можешь обнять, соби-рать вещи возле себя, чтобы, сколько только ты можешь, сам ухаживать за ними, чтобы они с тобой жили и тебе служили, а не забывались тобой, не покрывались пылью. Не надо жить как Максим Горький: людей набрал милли-оны, а возле себя нет никого, вещей – дворцы, славы – го-рода, и вещи эти не нужны, и слава такая пустая, что и у дру-гих отбивает охоту за славой гоняться. (Молитва с пером).

Покров на земле из-под бора: там и тут на зеленом пят-на белого моха, и редкие елочки растут под березками. Край этой боровой земли – заболоченное место Трест-ница, обширное журавлиное болото. Между Трестницей и боровой землей извивается ручей Попов Рог, – не ру-чей, а ужасная грязь, поросшая густо черной ольхой. Вот в этой чаще и бывают постоянно с первых чисел октября вальдшнепы.

Они довольно широко разгуливают между белыми кочками и зелеными кустами можжевельника, а живут очень узко в чаще и, как белые грибы, встречают-ся каждый год на одном и том же месте. От прогулок вальд-шнепа остается все-таки достаточно широкий след, чтобы можно было держать собаку у ноги. Ладу свою я всегда стараюсь держать у ноги, а то, бегая, станет где-нибудь в можжевельниках, или белая между белыми кочками, или в чаще Попова Рога – и вот мечешься в поисках соба-ки до тех пор, пока где-нибудь за спиной не слетит птица.

807

Так иду я у опушки черной ольхи и время от времени повторяю Ладе: «Что сказано!» – «К ноге!» – «Назад!» Раз я так сказал «назад» – она подвинулась назад. Мне мельк-нуло в голове при виде черных ягодок, что надо же нако-нец справиться мне у знатоков, для чего в лесу эти ягоды, кто их ест и почему они называются волчьи. Так я всегда делаю, – что меня интересует в лесу, я записываю и после узнаю или догадываюсь сам. Сказав «назад», я увидел куст волчьих ягод и записал себе в книжечку быстро всего только два слова: «волчьи ягоды», потом оглянулся – хват! а Лады нет сзади. Значит, пока я записал, она схва-тила свежий след и по нем шмыгнула за куст, за кочку или куда-нибудь в чащу. И вот я за куст – нет ее! – за кочкой иду – нет! дальше больше, кругами, шире, шире – нет и нет! «Значит, – решил я, – она ушла в чащу, в Попов Рог, там она!» – и сам лезу в чащу, в глубокую грязь, шаг-ну и прислушаюсь, шагну и прислушаюсь. Вдруг слышу, где-то бух! в воду кто-то: конечно, это Лада ошиблась и бухнула, но где именно, с какой стороны послышалось, сам шумя, продираясь в чаще, разобрать я не мог. Выбрал-ся я на более сухое местечко с более редкими деревьями и замер, прислушиваясь.

Порядочно времени прошло, и слышу я, совсем недалеко от меня не то котенок тонко

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
мяучит, не то ребенок стонет жалобно-прежалобно. Подвинулся я туда немного и вижу, это Лада стоит, вся-то в грязи и с ее каждого сосочка каплями висит ледяная осенняя вода. На бегу Лада не боится никакой холодной воды, но теперь где-то под носом у нее вальдшнеп, ей ше-вельнуться нельзя, и хозяина нет, и так долго, так холодно, она вся дрожит, и от дрожи капли одни с сосцов свалива-ют, а другие опять натекают. В этом безвыходном положе-нии, чтобы хозяину как-нибудь дать весть о себе, нельзя же прямо брехнуть по-собачьему, и она подала весть о се-бе не то по-ребячьему, не то по-кошачьему. Если выйдет фото – прибавить, как я ее снимал и как с прилету жир-ный вальдшнеп [покойно] сидит, словом, по фото сделать описание, и еще она закрыла глаза, я хотел снять ее с закры-тыми глазами, но вальдшнепу [придется] ждать. Зевнула: снять бы зевок на стойке. Стал я ждать. Лада уложила го-

808

лову в рогатку и стала было, зевая, засыпать. Вальдшнеп, напротив, оживать-оживать – глаза его сверкнули чер-ным огнем, и вдруг он улетел... О хорошем впереди.

Бывает, надо говорить и указывать на плохое, а хоро-шее – раз взялись изводить скверное – само собой скла-дывается. Да и правда, раз уж люди взялись изводить дур-ное, значит, очень желают хорошего, и оно в молчании складывается бессмысленно из желаний людей. Но быва-ет, люди до того дойдут, что и не верят в хорошее, вот то-гда о плохом нечего говорить: все плохо! и чуть только ма-ло-мальски где станет получше, то все говорят о хорошем. Так сейчас у нас, стараются все говорить о хорошем.

2 октября. 14. Не оспаривай глупца. (В Селкове за-перли машину и ключ унесли: целый день в глупом по-ложении, но, помня «не оспаривай!», я не и все прошло хорошо, в ожидании машины мы мешок с дичью оставили в чайной, а сами слонялись по деревне с ружьями и соба-кой; мужики с возов со злобной насмешкой говорят: – Ничего не убили, только ноги натрудили! – Вспомнив, что глупца не надо оспаривать, я продолжил: – Да, мои ми-лые, верно, ноги натрудили и вас, дураков, насмешили. – Другие мужики, желавшие продолжить насмешку над на-ми, услышав «дураков», стали смеяться над дураками...)

Очень тихо, очень тепло и, когда солнце осилило мглу, было жарко. Прошли все Селково. Темно-красная (бордо) брусника, очень вкусная. Бесконечные поля овса (на па-лях) под соснами (корм для птиц военного об-ва, не моя ли мысль из «Жур. Родины»?)). Рожь жнут в Октябре, по-тому что дожди времени не дали и что лен рано посеяли: лен вместе с рожью (обычно после), и велели брать лен, потому что лен – валюта, а ржи хватит. Возле Селкова взя-ли трех вальдшнепов. Алек. Георг, и ее реплики (ясно – определенно – действительно – факт). Фото вальдшнепа. Машина в плену. Чайная и люди с портфелями. Машина с товаром (вино). Сельсовет.

809

Маленькие рассказы у писателя – это знаки его лич-ной живости и непосредственного участия в жизни. В ка-бинете, как роман, их нельзя написать, если так их будешь писать, выдумывая – они будут вялыми – как вялые все ре-шительно бесчисленные подражания итальянским но-веллам. Хороши эти рассказыики, когда, кажется, сама ис-крящаяся жизнь их дает и автор на ходу схватывает эти искорки (разумеется, потом тоже в кабинете превращая их в рассказы).

London, Cent Literarius, Cent

Предоставляю Вам все права издания английском язы-ке моей книги Корень жизни Принимаю все условия ка-кие Вы назначите Прошу ответить согласие и приступить к делу

3 Октября. 15. Не оспаривай глупца. Была Т. Розано-ва, и с ней разговор на эту тему: как охранить себя от «глупцов» и необходимо ли для этого создать личину, и что если оставаться без личины, то надобно юродство, но юродство церковью допускалось неохотно, и правильно: с ним легко попасть на путь своеволия, демонизма (хо-роший пример сам Розанов).

Барометр.

День солнечный и теплый, но барометр падает, и мы так привыкли верить барометру, что и чувства наши, раз он падает, складываются уныло. И в солнечный день мы ждем дождя, сидим дома и не радуемся солнцу и думаем осень. А у кого нет барометра, тот берет корзинку и от-правляется в лес за рыжиками.

К дню 2-го/Х о зеленях: рожь осенью всходит сначала красными стрелками, потом зеленеет снизу. В эти дни по-хоже бывает, что по черному полю идет зеленое войско с красными ружьями, и на каждом кончике блестит роса-капля. На такие всходы из леса рано утром всякие птицы собираются, и зайцы тоже ночью приходят пощипать, и лисица мышку поймать. Зелень осенью – это птичий и звериный клуб.

810

Мы, охотники, в это время идем с собакой по опушке возле зеленей, ищем дорогу

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru редкую дичь вальдшнепов. Это носатые ночные птицы с большими красивыми черными глазами. Ночью широко гуляют, а со светом прячутся в густые кусты. Если я держу Ладу у ног, то она почувствует след на поле, и я по следу иду за ней в чашу до самого вальдшнепа. А если пустить ее бегать, то она без меня уйдет в чашу по следу, подберется к птице, станет там, а я буду искать, спешить, мучиться поскорее Ладу найти. И часто бывает, птица за это время не выдержит стойки собаки и улетит. Я держу постоянно Ладу у ноги, и если только она, бывает, увильнется, я возвращаю ее словами: – «Что сказано Ладе?». (Остальное 1/X). Читал материал «Машка».

4 октября. 16. Не осп[аривай].

Это касается и тех домашних сцен по пустякам, в которых надо поймать сознание и перевести на спокойствие совершенно ничтожный предлог раздражения. Это эпитимья в 30 записей должна быть примером самодисциплины и привести к строгому распределению дня. Надо создать такой день, чтобы он был рабочий и в то же время, чтобы не было отговорки «никогда», если что-нибудь на-Трясогузка. (Книга Трясогузки).

На полях: Яркий день, яркий сюжет: рвет с листа и кидает от радости.

5 октября. 17. Не оспаривай глупца, и отсюда: «не должно быть некогда, если что-нибудь надо».

Эти записи надо перевести на писание рассказов и особенно книг: ведь если не отрываясь ежедневно хотя бы на 15 минут возвращаться к теме, то можно одолеть всякое «хочу-не хочу».

Сегодня продолжается чудесная погода. Закупорка моего «Леса» «круглым» вдруг кончилась и явился сюжет, объединяющий все моменты моего опыта с лесом. Я опишу одно только дерево как личность, как живое существо:

811

родилось, росло, и человек тут: охотники = переплести судьбу дерева с человеком: и как добрались до дерева (ле-дянка) и до путика (человек) (оагеркнуто: мой путик че-рез дорогу! а не до[рога] через мой путик) и как дерево открыло новую землю.

Вспомнил сюжет: как в лесу разошлись два друга и со-шлись: пути их свели.

Хорошо описать Ягушкина (пар валит: человек деше-вый: дешевый заведующий).

Анатолий («В[ойна] и М[ир]») и извозчик: так и женщи-на на большом полете смотрит на «трудящегося»...

Воронц. поле 6, проф. Влад. Никол. Лебедев, 1-74-82 канцелярия (вызвать) или 1-76-67 (лаборатория).

Николай Константинович Кольцов (от 11-3), Инсти-тут экспериментальной биологии. 6 октября. 18-й раз. Около чего все вертится в этом «не оспаривай» – это моменты ненависти к ближнему в повседневной жизни. Она может прийти от себя: ты не-навидишь моментом, положим, жену или сына; а может явиться от них и в тебе возбудить ответную ненависть. Когда вместе живут долго, то научаются друг в друге заме-чать эти приступы и обходить их, привыкают, обвыкают-ся, приспособляются. Но главное, это «надо» жить; кото-рое бывает у людей от веры, от совести, от большой любви к жизни. Я лично спался от причуд характера Е. П. и от своей неприязни в «творчестве»: обрадуешься чему-то из-вне себя, – то ли островку на реке весной, то ли пролета-ющей паутинке осенью...

По методу «епитимья» продолжаю сидеть над лесом. Удивляюсь, как передуманное все собралось и все наблю-дения в охоте возвратились к основной мысли: описать жизнь индивидуального дерева и дать человека при нем наравне с другими экономическими факторами.

Если в «Правде» не напечатают, то возьму отрывок «Запонец», приделаю к ней медведя (легенда об оленях, к ко-

812

торым пришел искать и медведь) и наконец: мы приехали: каков-то начальник? А он на Запони, пар валит. – Самый хороший, дешевый: ежели запонец сохранит – награждать не надо; а ежели упустит лес – не жалко и наказать.

В замысле каждой моей книги было сделать ее для де-тей, но потом сказывалось, что «детскость» эта относи-лась не к читателю, а к форме, или к манере: чтобы брать в книгу те вещи, на которые удалось бы просто, по-детски и как бы впервые взглянуть. Упражняясь в этом, я достиг того, что некоторые мои маленькие вещи удались и как детские и для всех. Вот теперь и при создании леса надо сделать не «Жень-Шень», не «Соки земли», а «Колобок» в простоте, доведенной до «Гаечек».

7 октября. 19 раз. Сказываются результаты «епити-мьи» на моем общем самочувствии. Надо будет приме-нить это в городе и потом, может быть, решиться навсегда каждое утро, вставая, определять лицо прошедшего дня и распределять деятельность в грядущем.

К примеру, вчера, 7-го.

Солнечный теплый золотой день. Уже неделя без дож-дя. Поутру занимался

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru «лесом». Поручил Леве к 12/Х при-готовить квартиру, отправить в Арх. издательство «Коло-бок». В 10 у. выехали в «пустыню», чтобы в лесу получше заняться лесом. Золотятся только верхушки берез, снизу уже все облетело. Нежный цвет неба, леса – все ласкает, и совсем спокойно на душе, хорошо. Ехали благополучно осторожно, но у последней лужи рискнули и сели часа на три. Вечер очень теплый и желтый, чуть-чуть тревожно, то ли перед ветром, то ли, что эта теплота в такое позд-нее время неестественна. Всего неделя без дождя, и уже некоторые говорят: – «Какая чудесная стоит осень!». Чи-тал «Войну и Мир»: старик Болконский – неудачник, чу-довищное существо («горе от ума»: горбун-гном, экзаме-нующий людей в пивной), два выходных (показных) в день часа и 22 часа ада. Возможность войны и голода. Возмож-но, только не страшно: это уже будет смерть.

813

8 Октября. 20-й раз (напишу позже). Сергиев день.

Ночь звездно-теплая . но ветреная, и к утру остался ве-тер, но меньше (желтое небо с вечера перед ветром). Схо-дить в Попов Рог за вальдшнепами. Съездить в Ив. Фед. и 1 нрзб. узнать, где высыпки. Утром пересмотреть «лес», вечером читать «лес». На охоте наблюдать эпилог. факторы леса.

Убили вальдшнепа и двух тетеревов. Петухи стаями разгуливают по зеленым. Грачи еще здесь и сидят по забо-рам. Некоторые засыхающие травы пахнут казанским мылом. История с поросенком, или жена в поисках мужа с лекарством для поросенка. Поездка вечерняя в сторону Михайловского, встреча митлаговцев, среди которых та женщина. Утки на Федорц. Мосту и аромат болот (умира-ющих). Вечер с песенками. Рассказ. Егоровы решили дом продавать. Правда, за-чем им дом? Он учитель переводится из школы в школу и дома жить не может. Она, счетовод, живет одна дома, ухаживает за своим мальчиком, коровой, поросенком. Ей в тысячу раз лучше жить с мужем и служить счетоводом, чем до свету вставать и возиться в грязи. Деревенский дом без хозяйства, связи в деревне превратился в наследствен-ный предрассудок и все падает: яблоки – как старик си-дел, сарай – и дрова и дрова-сама, тогда само делалось, а теперь все сама. Определили дом в зеленый город и сго-ворились в цене за 6 тысяч: деньги-то вернее будут лежать в кассе: и хлопот нет, как за домом, и проценты дают, и, главное, рубль-то наш все растет и растет. И какая сво-бодная жизнь представлялась ей, кассиршей сначала в районе, а потом, может быть, и в большом городе, может быть, даже в Москве, почему не в Москве! А там и одеться можно, и театры, и люди интересные. Что за чудесный, чистый, спокойный труд кассирши! И вот только бы зав-тра продать, вдруг сегодня...

Мы теперь живем, право, как букашки на солнце, светит солнце – одна жизнь, закрывается – другая. Так и у Егоро-вых: открывалась Александре Георгиевне такая чудесная жизнь свободной кассирши, и вдруг война в Абиссинии,

814

какая бы война ни была, хоть в Абиссинии, все равно – раз война, дом нельзя продавать. Все зависит, однако, бу-дет ли перемена солнца.

9 Окт. 20 раз. А что, если «глупец» явится для меня вроде как для Егоровых война в Абиссинии, если «глу-пец» – война и с него «сума»? Самое худшее от этого ослабление деятельности и то, не знаю. Во всем мире мы самые счастливые тем, что теряем – то малое, и если кому и хорошо теперь, то он тоже хорошо и помнит о суме и тюрьме.

Рано утром барометр стал падать и после раннего чу-десного утра, небо закрылось... в 8 у. пошел дождь.

Раздраженный человек: Положим, кто-нибудь дога-дался о том, как надо и с этой точки зрения догадавшегося человека критикует действительность: не так и не так... Между тем раздраженный человек был не один: мысль дошла до директивного органа, и в одно прекрасное утро в газетах печатают постановление точно в том смысле, как догадывался раздраженный человек. Что же он, прочитав, обрадовался. Если обрадовался, то это, значит, был насто-ящий государственный человек и мудрец. Но есть много таких раздраженных людей, которые не обрадуются, на-против, увидав, что дело без них обошлось, еще больше обедняются и становятся еще более раздражительными. Может, там, среди таких обойденных, есть умнейшие лю-ди, и был один такой горбун, мой знакомый по пивной, на углу Леонтьевского переулка, .

Дождь определил и мой день... Принимаюсь за «лес».

Дождь перестал, я пошел в Селково и там записал.

При вступлении человека в лес одни существа как бы рады человеку, другие отходят. Перечислить.

Козодой (жвыкалка, трещит) желка.

Мох разный: есть зеленые кочки, есть белые, есть кра-сивые.

Иная сосна остается до верху почти без сучка, другая – почти от низу начинай муточки считать.

815

Гусли: если верхушку срежет глухарь, то мутовка скла-дывается в гусли. Стоят часто сосны, и все роняют семена, и ничего не вырастает под ними, но чуть полянка – и вся она бывает покрыта часто, густо: это значит дерево сосна – светло-любивое дерево.

Что написано пером, того не вырубишь топором, а между тем в северном лесу наоборот, понимаешь: что вырубле-но топором, того не напишешь пером. В этой «топорной» работе есть много общего с литературной. Часто, бывает, кажется, не хватает тебе слов, хочется красок, лепки, му-зыки, но что делать, необходимость заставляет пользо-ваться словами за все – и за живопись, и за скульптуру, и за музыку. Так точно работает северный человек топо-ром: нет больше никакого инструмента, даже гвоздя же-лезного, и топор за все, и за пилу, и за рубанок, и за гвоздь, в особенности необходимость обойтись без гвоздя много дает простора. Что это? Веселые живые корни сосны покрылись ли-шайниками, как шерстью...

Почему иногда с самого низу идет двойная сосна?

Осенний рыжик оранжевый, как сосновая кора, душис-тый, свежий.

Человек шел, выгнетая ногами из моха воду, и на тропе стала вода, а из воды выросли кустиками зеленые круглые стрелки, волосатик – любимый корм оленей. И оттого на человечью тропу пришли олени. А еще человек стал для птиц – глухаря, – ястреба – вороны – медведь (на-пример, как связывать факторы).

С березкой-покровительницей елка просто расправля-ется, но сосна нелегко дается, и часто видишь, как сомк-нулись ели под нею, и нет – сосна все живет и под елками долго.

Пень у хвойных – это пища червю, а у березы пень по-крыт берестой негниющей, и так березовый пень обраста-ет ягодками.

Сосна непобедимая: все победила и весело, как уви-дишь ее: расшвыряла вокруг и живет.

816

Теснота в лесу, смертельные враги в обнимку растут, гонят вверх... каждое, рассчитывая взять верх и заду-шить другое.

От погоды выросли частые сосны, и такие тонкие, что от самого легкого ветра качаются.

Такая чаща! Птице вверх никак не подняться, но зато внизу и птице и зверю хорошо удирать.

Брусника стала темная, перебродила, как моченая, вкусная, а все держится.

Под большими соснами мох зеленый, а на нем брус-ничник, а на вырубке, где сосны маленькие, вереск.

Сосны спустились с песчаного холма на такую землю, и ель могла бы расти, но теперь ель еще не могла: не было тени. А когда сосны выросли и дали тень, елки засели под соснами, быстро пошли, обогнали сосны и сомкнулись над ними. Так ель одолела, выросла и попала под топор. Но после того, не уставая, опять взялся частный сосняк.

Чаща 20-летняя: как будто все кругом тебя проклясть хотят: до того обозлились в борьбе.

Нет, не простая случайность дерево, не так оно вышло из солнца, земли, ветра, а и у дерева тоже есть свое сам: у дерева его «сам» – это сила его роста вверх, к солнцу. Этой силе навстречу тень, теснота... А если бы все деревья могли быть сами собой, то они все бы выросли одинаково прекрасные (личность – сам, индивидуалист – сам + ...).

В этом бору можжевельник обнимал каждую сосну, но сосна росла, не обращая на него никакого внимания.

10 Окт. 21 раз. Не выношу даже маленькой ссоры, как вчера была необходимая ссора с Петей – состояние вой-ны в молчании лишает меня всецело отдаваться

(вселен-скому) чувству (чувству мира; «и на земле мир»). Эти не-обходимые ссоры невозможно отнести к «не оспаривай». В природе человек есть необходимость вроде отхожего места, и тоже ответственно в психике это же есть и тут война (как отхожее место) необходимо, и все, с чем мы говорим и чего хотим и что можем выступая против вой-ны – это расширить границы мира и сузить границы вой-ны и ее характер (я не против войны, но я хочу ясно пони-мать, за что и как воевать).

817

(Рассказ «Война и Мир»: два охотника в лесу поссори-лись из-за направления и разошлись, воюя, но обе тропы сошлись в одну, и враги помирились).

До свету вышел стеречь на зеленях косачей, но ничего не видел, только самые маленькие птички, будто бисер, связанный невидимой нитью, то тесно сжимаясь, то ко-лечком расходились и неслись, и неслись.

Без мороза в тепле поздней осенью хорошо пахнет от тлеющих листьев, но звуков нет: все мертво. Тут надо с гончими будить и будить... как мороз: тогда слышно, бормочут тетерева.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
У Пети вчера еще болела спина и все больше и больше болит. Необходимо завтра ехать. В Лосиноостровском найти Ивана Григорьевича Шершуновича. Вернувшись сюда, захватить бумаги и побеседовать с завед. Лесопункт-том Абрамовым (по сплаву)... узнать приемы рубки.

Ночью полная луна. Колхозники под гармонь с пением собрались в дом Сафоновых на вечеринку (третий день гуляют, празднуя Сергия). Стволы гигантских лозинки с облетевшими листьями, черные, резные, выразительные, распространяли свои ветви над домиками, слившись в лунном свете свой милый, ярко зеленый мох с тенью. В одной только избе нет окон, и оттуда какие-то доски торчат. Кончилась жизнь человеческая, отслужила изба. Но деревья... как высоко они поднимаются! Я не знал этих людей. Мне кажется, жили эти деревья, а люди были и прошли возле них. Деревья добились своего, им ведь надо было стать выше, как только можно стать ближе к солнцу и раскинуться во все стороны, как можно шире. Они в этом сделали все, что только могли, раскрыли все возможности, заложенные в их семена, и оттого при лунном свете они так выразительно определяются в своем достоинстве. А кто эти люди?

Кончились люди. Луна, звезды, огромные деревья и я, томящийся по другу, которому надо о всем этом сказать.

В деревне всегда есть дом-два, где дети растут под надзором родителей, их на улицу ночью не пускают и вече-

818

ринки у них бывают свои... Мне эта улица всегда была страшная. И теперь она еще более дикая.

Уверенность князя Андрея в том, что надо быть не в штабе, а что война там (в народе) (3-я книга? Встреча Андрея с Кутузовым перед Бородиным).

Как «улица» выпала из народности в хулиганство, так интеллигенция, определив себя в политику (политик, «народ» – превыше всего), выпала из народности. Со-временный народ – это служащий, человек с портфелем («штаб»), а где же те, кто (как у князя Андрея) создает, творит бессознательно (где творят, а там, в «штабе», пользуются для себя лично, добиться в своем интересе и поучить крестики. Где та сила народа, изображенная Толстым, кто нас теперь поднимает? Развенчивая гения, Толстой неправ: гений, как шофер, управляет госуд. механизм. (Утопия гения в брюхе Рос-сии...)).

У Александры Егоровой муж коммунист, и чтобы это загладить перед народом, она, во-первых, потихоньку говорит: «ну, какой В. П. коммунист!» и, во-вторых, когда муж, погуляв первый день на годовом празднике, уходит из дому на занятия, принимает попу. Так этим дом и держится.

11 Окт. Тепло и полаясно, как вчера. Мысль при отъезде: это мое чувство к дереву не есть ли другое выражение чувства народности, «соков земли»?

(К рассказу «Война и Мир» (Абиссиния) Алекс. Георгиевна – политик – дом сохраняя, и попу звала – в угоду народу – поверила в мир – и дом продавать: попу не звала, но узнав, что война в Абиссинии и дом не продавать: попу позвала (это и будет мир).

В 10 у. выехали и часа в два только приехали в Загорск. Пришлось по болезни Пети самому править: ужасная дорожка! Мысль явилась перейти на мотоцикл. Летел большой караван журавлей. Вечером Лева приехал. Рассказы мои в «Правде» не напечатали – увы!

819

12 Окт. Сильный утренний туман, через который солнце пробилось только в 9 у. 22-й раз. Помня заповедь, весело отнесусь к отказу «Правды» и в виде опыта в это пребывание в Москве непременно буду шутить и помнить.

По-настоящему, не следовало бы судить и говорить с человеком о человеке без чувства, а то ведь какое неравенство: они одним разумом судят, а он чувствует и в себе переживает тяжело, о чем другие щебечут легко, как лас-точки. (К рассказу «Судья»: был чудесным судьей, но его послали на 6-месячные курсы, и он вернулся дураком.). Судья этот раньше судил по себе, так мог на себе перевести человека, будто это сам, и потом уже судил самого себя; на курсах ему открылось, что можно судить по уму: рас-судки по закону.

Вечером барометр стал падать, но по-прежнему ночь была лунная, теплая.

13 Окт. Утром теплый дождь.

23 раз. – Если удастся справиться с собой, то надо помнить свое при опоре двух глупцов и стараться так себя вести, чтобы и на них повлиять (в этом случае опасно вмешаться прямо, но как-то надо умеючи молчать, что ли...).

Домкрат и Машка.

Рассказ для детей «Домкрат» (машина села в торфе весной и Домкрат-спаситель). (Спасаясь от нужды в трудное время, мы купили корову Машку и на огороде для нее сажали кормовую свеклу. Когда беда кончилась, мы продали Машку, а в сарай, где она была, поставили авто-мобиль и тоже назвали его в память доброй коровы

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Машкой. После все легковые автомобили нашего газовского производ-водства мы стали называть машками. Мало-помалу мы с сыном Петей сами научились ухаживать за Машкой и ездить на ней на охоту. Оказалось, по хорошей дороге ездить на машинах очень легко, но трудно за ними ухажи-вать, и особенно трудно ездить в лесах, где бывает охота.

Мы часто проваливались на мостиках, застревали в ямах, и во всех этих случаях нам неоценимую услугу

820 оказывал Домкрат, этакий казался богатырь, величиною в 30 ст., поднимающий легко нашу стопудовую красавицу Машку...

Однажды ранней весной, когда в лесах еще белел снег, мы выехали с Петей в Купань на глухарей (район Пере-славля-Залесского). По шоссе мы благополучно доехали до Усолья (вблизи Переславля), а дальше, в Купани, надо было переехать большое торфяное болото по гати (насти-лаются часто на вязком месте палки и оттого колеса не проваливаются в грязь – это и есть гать). Мы, конечно, спросили встречного человека, ходят ли машины по гати, он ответил, что ходят, а мы, дураки, поверили. Оказалось, не только не ходили машины по гати, но дети в Купани от роду не видели машину.

Первый километр мы отлично проехали, палочки под нами рычали, тащились, ломались, трещали, иногда то-порщились и били изнутри под крылья Машку. Второй километр был гораздо хуже: палочки лежали тут реже, торф под ними был мокрее, колеса иногда буксовали (вер-телись на шесте), и Машка останавливалась. У нас был то-пор и лопата. Мы рубили ельник, подстилали под колеса и понемногу двигались вперед. Но на третьем километре, недалеко от Купани, случилось такое место, что наши вет-ки не помогли, и при каждой попытке пустить машину, колеса ее уходили все глубже и глубже в торф и сердце Машки, карбюратор...

Измученный работой и неудачами, в отчаянии, чтобы отдохнуть и осмотреться, прошел я немного вперед огля-нулся назад. И что я увидел! Мне так трудно об этом рас-сказать: ведь так много людей, кто бывает весной в торфя-ных болотах, и еще меньше тех, кто знает, как образуется в природе торф, это драгоценное топливо. Торф образуется (это надо понять непременно, чтобы я мог продолжать свой рассказ) из этих самых растений, которые мы сейчас видим: все эти мхи, клюква, жалкие березки, елочки, все это со временем умирает, слеживает-ся и образует пучину, и по ней опять нарастает, мох, коря-вые березки, елочки, клюква, и так из столетия в столетие. Прилетают сюда, как к себе домой, и живут здесь свобод-
821

но и просто самые удивительные птицы. 1 нрзб с длин-ными, почти в карандаш, странно-кривыми носами. Много разных удивительных птиц живет в этих болотах, гро-мадные цапли, глухари, утки, тетерева, белые куропатки, всякого рода бесчисленные кулики и концерты дают вес-ной неопи-сываемые. Но более всех удивляет и страшит, это – птица с огромными крыльями и длиннущим носом.

Я услышал сзади себя крик, похожий на вив! Вив! Огля-нулся и увидел страшное зрелище и никогда не забуду: Машка тонула в пучине торфа, а вокруг нее собрались курносые сосенки, 1 нрзб над нею летели с криком, ви-лись громадные птицы с длиннущими, гадкими носами.

Никогда я не думал, что наша Машка такая красавица, такая блестящая со сверкающим никелем на черной поли-ровке металла. Фары ее были как большие прекрасные матовые глаза. И самое главное, что это мы же, люди, ее делали, а березка корявая, курносые сосны, елки и эти странного вида, какие-то совсем не современные птицы с длинными гадкими носами зазывали к себе в пучину та-кую красавицу:

– Иди, иди к нам, сестра наша!

И птицы по-своему тоже звали и обещали:

– Вив, вив! Уходи, уходи в пучину – нам надо свить на твоём месте гнезда.

Особенно много тетеревов. Невиданные нами птицы эти где-то во всех сторонах, кругом, как будто по всему болотному горизонту хороводом сошлись и пели спокой-но, уговаривая:

– Не горюй, не робей. Ручейки тоже пели, уговаривая и булькали под Машкой.

И передавалось бульканье дальше. А из-под низу, из глубины шипели:

– Ша-ша, Ма-ша

– Ма-ша на-ша.

– К нам! К нам!

Утром Петя, убаюканный пением болотных птиц, за-дремал, и меня самого тоже стало тянуть ко сну, к покою.

822

Но вдруг я вспомнил опасность и крикнул: Петя, домкрат, скорее домкрат! – схватился я.

Мы достали из ящика под сиденьем эту небольшую чу-десную вещь. Потом нашли мы на

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
болоте и срубили два довольно больших дерева и разрубили их на большие куски. Взяв лопату, мы сначала подвели брус под одно колесо заднее и под другое заднее. Еще одно дерево мы уложили под ось, на нем установили домкрат и стали навинчивать.

Много удивительных машин есть на свете, но проще и сильнее машины домкрата я ничего не знаю. Величина нашего автомобильного домкрата всего 30 сантиметров, и винт из него вывинчивает на 30 см. Посередине домкрата есть дырочка, в нее вставить ручку, вертеть ручкой без всякого усилия, и домкрат, упираясь в дерево внизу, винтом своим поднимает вверх сто пудов!

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Мы поднимали Машку домкратом, стелили чурки под колеса, опять поднимали, опять стелили, стелили, под ними булькали, шипело, зазывало:

– Ма-ша наша!

А мы поднимали Машку все выше и выше, пока, наконец, наш маленький всемогущий домкрат не победил вековечную силу болота. Совершив свое великое дело, наш скромный маленький богатырь лег в ящик на свое обычное место, освобожденная им Машка понесла нас в Ку-пань.

14 окт. 24 раза.

Жизнь писателя тем страшна, что те два-три часа, и то не каждый день – ведь только какие-нибудь два часа творчества! Остальные часы, 22 часа в сутки, пустые часы эти существуют лишь для подготовки тех двух настоящих часов жизни; у людей нормальных жизнь должна оставаться целью во все 24 часа.

Тепло и ясно. Месяц круглый показался вчера много раньше, чем село солнце, ночью поднялся на громадную высоту и оттуда, маленький, ярко светил, и утром дождался солнца и долго, бледнея, бледнея, оставался на небе.

823

У писателя в его книгах должно быть, как у самого хорошего хозяина: все вещи собрал любимые, знакомые и нужные.

Горький, как писатель-моралист в стиле своем обезьянит Льва Толстого до точности.

Не пишу, а ковыряюсь. И не знаю, буду ли еще писать, как-то выходит не из-за чего (денеги есть, а связь с возбуждающей писать средой совсем порвалась и как будто настоящие писатели перестали писать...)

Писать для взрослых не обязательно так, чтобы понимали неразвитые люди и дети, но если писать для детей, то надо писать так, чтобы рассказы для детей давали и взрослым особенно высокое художественное наслаждение. Такими должны быть рассказы для взрослых и детей, и никаких особенных не должно быть рассказов специфических для «среднего» возраста, которые пишутся людьми неспособными.

15 окт. 25 раз (продолжение 24-го): такая была и жизнь пустынников: выход к людям, советы дает, остальное время борется с бесами (вскрыв келью, мы получаем впечатление от «ничего» больше, чем при вскрытии «мощей»; против этого борца с бесами открыто борец: оратор, ясный вождь (ударник).

Дерево стоит, но жизнь его, как и наша, как и всякая жизнь, колышется.

В Союз сов. писателей т. Щербакову.

Ввиду того, что круг мой обществ. деятельности в Москве расширяется (Ц. Бюро краеведения и т. п.), мне становится необходимым создать в Москве рабочую обстановку. Я глубоко убежден, что Союз писателей немедленно же предоставит жилплощадь, если только будет известно, в каких условиях я живу сейчас и работаю в Москве. По обследовании, если подтвердятся [невыносимые] условия моего жилища, немедленно предоставить мне квартиру

824

в писат. жил. фонде, которые освобождаются в результате переселения в новый дом. Краеведческое заседание... Постепенно входить в дело...

16 окт. Дождь. Искал книги. Мысль о наблюд. На улице, как в лесу (и на собраниях). Заседание президиума: молчалины (Яковлев и др.), (Левин) создан из грязи: уже и не выбраться (сюрприз Д. Бедного, хитрость Зазубрина, наглость Кирсанова (одной рукой залез в карман, в другой ножик держит), спор с левой: политика, столь необходимая везде, кончается на границе поэзии. Тройский («повертывается», «полоса завершается» (Вс. Иванов) наблюдатель) Пильняк (махнуть рукой: свое в своем).

Невыносимое одиночество. Бежать или привыкать? Реже бывать и цель иметь всегда определенную. Департамент.

Личность. Если при всех равных экономических условиях индивидуумы одного и того же вида резко разнятся между собой – какая причина этому?

17 окт. 26-й раз: Возмущенный до крайности тем, что вчера Щербаков не упомянул меня в числе писателей, от которых надо чего-нибудь ждать, я бросился сегодня с ним ругаться, но, вспомнив «не оспаривай», самым спокойным, но крайне холодным тоном перечислил все роды своей литературной деятельности. Эффект был

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
величайший. Щербаков был пристыжен до крайности, подполье разрушилось и жилище мне обеспечено.

Посетил Замошкина (Кашей бессмертный): до чего ему было: ждал смерти, как радости (знал о выздоровлении своем гораздо раньше докторов). К этой радости я вспомнил свою: шел по Новинскому бульвару и захотелось до смерти... Казалось, вопрос жизни и смерти – есть ли в конце Новинского бульв. писсуар. До того мучительно мне было, что вопрос о том, есть ли в конце Новинского б. ма-ленький домик для проходящих, сделался мне вопросом жизни и смерти. Не знаю, как это я выдержал муку, добе-

825

жал и увидел: есть! И какое это счастье, какое наслаждение было потом спокойно идти и радостно оглядываться и с добротой заглядывать в судьбу обыкновенных прохо-жих людей, не умеющих таким образом понимать дни свои радостью.

Смеялись у Замошкина над «гнездящиеся в дуплах», «гнездящиеся в кустах». Книга «Зверь Бурундук» сдана в печать на бумаге № 1. (Писать для взрослых не обязательно надо так, чтобы и детям было понятно: пусть дети еще дорастут. Но для детей – это писать так, чтобы взрослый возвращался к своему детству и радовался написанному так же, как дети.)

Сегодня в кино начали показывать мой фильм «Корень жизни», обратившийся в «Хижину старика Лувена». Щербаков рассказывал, что перемену названия сделали из ува-жения к моему «Корню жизни», мало имеющему общего с фильмом.

18 Окт. Глава Дубровского. (К вопросам ландшафта).

В школьных программах давно стоят вопросы краеве-дения, но как взяться за дело, учителя в народных школах по крайней мере вовсе не знают, и широко по всему Союзу встают вопросы о том, как надо понимать краеведение и как за него взяться, и тысячи организационных вопро-сов, вроде того большого: дремлющие по всему Союзу музеи подчинить загоревшемуся в последние дни Цент-ральному бюро краеведения, или, напротив, эту 1 нрзб. устроить как бюро.

Ко мне, писателю, с давних пор работающему над местными материалами, обратились с вопросом – «что делать?» Я ответил: – Давайте создавать ландшафты со-ветской страны». Горячие организаторы обрадовались и перевели на свой язык мое «создать ландшафты» на «по-казать нашу страну». Нет, дорогие товарищи, создать – это не показать, надо вперед общими силами создать ланд-шафт, а потом уж открыть завесу и показать лицо нашей советской родины.

826

Найти где-нибудь руду или залежи каменного угля, это еще не значит увидеть лицо этого места, или создать ланд-шафты. Надо всесторонне вникнуть во все особенности данного края и потом, самое-то главное, самое-то трудное всех этих свойств – сварить горячим творческим усилием в одно и тем открыть лицо края, создать его ландшафт.

По моему глубокому убеждению, на основании опыта всей своей жизни я знаю, что любой уголок нашей страны таит свое интересное лицо и при некотором усилии не-пременно открывает его. Я делал свои открытия на севере и юге, в степях, в горах, в пустынях, и везде мне открывался мир. Я мог бы раскрывать на всех [примерах], но ме-ня интересует ближайший опыт во времени (что мне уда-лось найти в сентябре этого года) и в пространстве (тут же у нас под Москвой). Есть у нас под Москвой заболоченный край, как Дубна, Кубря, Переславль – где теперь происходит новый канал. Внутри этого края есть озеро Заболотное, к которому уже нет [подхода].

Был у Дунички. Надо перестать хвалиться деньгами. Вечер у Чувиляевых.

19 Окт. 28 раз. Небо вдали согнулось. История с Щербаковым открывает путь отношений в дальнейшем: что там нет заговора против тебя и вообще нет ничего. Вот хитрецы только это и знают и на этом все свое и строят... И еще надо помнить, что сейчас я хозяин своего дела и ме-шать мне никто не должен... Епитимья эта должна перей-ти в постоянное дело, как молитва.

Смотрел «Хижину старого Лувена». Надо иметь ре-жиссеру особое дарование, чтобы не оставить от автора совсем ничего.

В «Правде» вместо моих «Лесные рассказы» написали «Лесные новеллы» и еще кое-что... Надо их стегнуть.

В 6 в. уехал в Загорск и дома вечером с Яловецким раз-говаривал о жирных вальдшнепах, которые теперь приле-тают.

827

20 Окт. Река Сулоть, один из громадных плесов кото-рое представляет собой Заболотское озеро...

Одним из громадных плесов болотной речки Сулоти является Заболотское озеро, где охотился Ленин и на дне которого живет редчайшая шарообразная водоросль лед-никового времени Клавдофора. Вблизи проходит москов-ский канал, и материал для него частично поступает из лесов этого заболоченного края по р. Сулоти, а

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru канал, как говорят... Не правда ли, как это удивительно, что в каком-то необыкновенно заболоченном уголке подмосковного края сходятся столько интереснейших материалов для краеведения: и Ленин, и Клавдофора, и канал, от которого мы так много ожидаем в ближайшее время?

(На самом деле нет в этом ничего удивительного. Каждый уголок советской земли подвергся огню революции, и в свете этого огня совсем иными встают перед нашими глазами вывернутые пласты прошлого. Каждый уголок этой земли сейчас призывает краеведа не только для использования и показа его, а для создания.)

Недавно на вечерней утиной охоте один местный учитель (т. В. И. Егоров) обратил мое внимание, что в большое утиное болото Трестицу спускается земля, имеющая все признаки старой земледельческой культуры: в болото спускались мало-помалу зараставшие полоски крестьянской надельно-передельной земли старого времени. В скором времени мы с этим учителем, опрашивая стариков, дознались, что на этом месте в стародавнее время стояла деревня, имевшая название то же самое, как у Пушкина в повести «Дубровский», Кистеневка. Те же старые люди и называли село, расположенное на берегу Заболотского озера, не «Заболотьем», как все мы теперь называем, а то Дубровским, то Покровским. Всем известно, конечно, что село Покровское у Пушкина в «Дубровском» принадлежало помещику Троекурову, и в старых церковных книгах, мы в этом убедились, Заболотье числится как Покровское и престол храма посвящен Покрову. Так стало сходить все в одно: Кистеневка, Дубровское, Покровское, и к этому вспомнилось, что совсем недалеко отсюда, в д. Сергиев

828

вблизи Колязино, Пушкин бывал в имении Ушакова и как история 2нрзб. слышали рассказы или былину о Дубровском.

Мне думается про Пушкина (если все эти мои охотничьи угадки подтвердятся точным исследованием), сказание о разбойнике «графе» Дубровском, существовавшее в форме былины, разбившееся теперь на отдельные стихи, на отдельные слова. Да вот сам же этот учитель Егоров помнит, как его покойная бабушка в детстве сказывала былину о графе Дубровском еще очень складно и что у него от всей былины осталось только в памяти проклятие невинно осужденного Дубровского этому краю: – Зарастайте же вы все, мои любимые плесы, зарастайте, озера и речки.

И вот стало зарастать. И вот эти поляны старой пушкинской Кистеневки спускаются в Трестицу...

Есть о чем задуматься, когда Журавлиная родина, лесное заболотье готово обогатиться. От стариков и старух я хожу из деревни в деревню, как меня понимают. Слушаю обрывки о графе, о разбойнике Дубровском, и все сводится к его казни, и он невинно-когда прилетели дупеля...

Вечером отпраздновали 60-е Григорьева: ели, пили, пели. Художник Павел Радимов советует строиться на Во-ре, возле музея Аксакова. Надо посмотреть.

Крысы

Однажды мы ночевали в лесу у Антипыча. Я положил свои золотые часы на стол и уснул на полу, на соломе. Рядом со мной лег спать егеря Кирсан. Среди ночи вдруг что-то стукнуло, я спичку вытер: перед моими глазами котенок шмыгнул под печь с часами в зубах. (После того мы с Кирсаном с трудом разыскали часы под печкой и вы-тащили их кочергой.) Котенок, очевидно, играл ими на столе, а потом схватил их за цепочку зубами, прыгнул на пол, и я успел это спасти.

– Вот Кирсан Николаевич, – сказал я, – если бы я не проснулся, то котенок бы утащил часы, дверь заперта, на

829

кого бы мне тогда думать? Пришлось бы с тобой нам по-ссориться.

– Это бывает, – ответил Кирсан, – и даже хуже бывает.

Мне было известно, что если Кирсан скажет «это бывает», то значит, он готовится что-то рассказать. И надо бывает при этом быть всегда очень осторожным: Кирсан всегда, почти всегда начинает верно рассказывать, а под конец совет и над тобой посмеивается.

– Хуже бывает, – начал Кирсан. – Котенок это что! Вот крысы: какие они умные, и знаете: не лишены эстетического вкуса...

Тут я покотился со смеху.

– Было это еще до германской войны, я служил егерем у графа. Богатства этого графа были несметные, в доме золотые, серебряные, бриллиантовые вещицы – вкус к прекрасному. И вдруг золотые, серебряные, бриллиантовые вещицы одна за другой стали пропадать. Уволили прислугу – вещицы исчезают, другую – исчезают, третью хотели уволить, но то же случилось, как у вас с часами золотыми: это крысы таскали. Тогда взломали полы и открылось под полом... ой, ой, ой! Что открылось! Золотые, серебряные бриллиантовые вещицы в строгом порядке и с большим вкусом: бриллиантовая гостиная у них, кабинет из золота, спальня из серебра, все совершенно блестящее, все начищено.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

На этом месте рассказа Антоныч за дверь не выдержал:

– Нет, Кирсан Николаевич, что крысы серебро и другие вещи таскают – это я слышал не раз и верно, а что у них есть гостинные и кабинеты – это ты врешь. 21 Окт. 28 раз. Из примера с Щербаковым помнить, что тайного сговора (против тебя) вовсе нет, и если это покажется – идти на это прямо, как на зверя с рогатиной. Вопрос: с некоторыми людьми не только неловко и слова прячутся и их надо из себя вытаскивать, но даже чувствуешь без слов по виду, что ты для них... какие это люди? В прошлом Михаил Стахович (это развить).

830

22 Окт. Осень проходит дождливая, но теплая. Второй день писал Дубровского и написал. Завтра с Петей отправимся в «Правду». Появление Органова (поэма из кооперации). Приехала Люба и «Капитан». Рассказывал капитан, что когда село наполовину сгорело и пожар остыл, то сгоревшие бросились поджигать несгоревших с криком: «гореть, так всем!» С большим трудом от них удалось отбиться. «Капитан» жаждет боя и понятно: что это атаки на холостые пулеметы! И раз ты попробовал брать холостые патроны, то тебе очень хочется идти на боевые, именно в мирное время разжигается душа на войну: заражаемся душа на войну.

23 Окт. День умер и больше не вернется, ведь это был мой день, и я тоже прошел вместе с этим днем, и я не вернусь.

Посланы деньги Разумнику, письмо и письмо Ек. П. Румянцевой. Пек пироги. Читал Органова. Захворал Левин. Думал о Н. И. Замошкине и хороших врачах: поэт и врач: поэт начинается от радостей жизни, врач от страданий в ней человека: рождается в трепете радости жизни и встречает страдание (вырезали желудок, без наркоза 3 часа), а вот это дело. Можно твердо стоять и радостно, если принять все страдание

24 окт.

В редакцию журнала «Наши Достижения»

На Ваш запрос от 23/Х с. г. по вопросу моих работ сообщая Вам следующее.

Основная работа моя – это роман «Начало века», в котором я должен изобразить гибель империи и начало создания СССР. Роман примыкает, как новая часть, к моему роману «Кашеева цепь». Я еще не вижу конца этой работе, которая происходит параллельно о больших достижениях в жизни: чем лучше людям становится жить, тем больше верится, что когда-нибудь создам я эту очень трудную вещь.

831

Ближе к осуществлению работы над лесными материалами, собранными мною этой весной в северных лесах между р. р. Пинегой и Мезенью. Я совершил это трудное путешествие при поддержке Наркомлеса и собрал много материалов. Но, к сожалению, лес как предмет поэзии и лес как предмет эксплуатации, весьма несовершенной в наших условиях, в этих материалах очень дерутся между собой. После попыток писать о Лесе очерк в «Известиях», в «Правде» я, наконец, решил переработать все свои лесные материалы в книгу для маленьких детей. Эта работа...1

Третья из основных работ – это работа над собранием сочинений. На днях вышел 1-й том, большой том «Север», в который вошли «В краю неуг. птиц» с беломорским ка-чалом, «Колобок» с современными Хибинами, «Никон Староколенный» и «Светлое озеро». Таким образом, этот том не есть маленькое «собрание», а собрание, связанное с поездками на местах. Второй том, «Кашеева цепь», содержит в себе, как третью часть, «Журавлиную родину» и, благодаря этому, как мне думается, получит совсем другой смысл и другое значение.

Из работ маленьких, которые приходится делать под нажимом представителей печати, назову выходящий скоро под моей редакцией пушной номер «СССР на стройке», рассказы в Мурзилке и т. д.

Я не упомянул умышленно о моей большой книге «Рассказы Охотника», выпущенной недавно в изд. «Советский писатель». Не упомянул я о ней, потому что она мне труда не стоила никакого: в этой книге собраны мои охотничьи рассказы за много лет, и их оказалось на тридцать листов! Издается также в Архангельске мой «Колобок». Начинают издавать меня уже тиражом до 15 тыс. а в Детгизе даже 1 Для детей не так просто, как все думают, а ведется у меня по принципу, что для взрослых не обязательно писать так, чтобы дети понимали, но для детей надо писать обязательно так, чтобы это было бы и желательным чтением для взрослых. В ближайшее время в Детгизе выходит книга моих рассказов для младшего возраста под заглавием «Зверь Бурундук» в 100.000 тираже, на хорошей бумаге с превосходными рисунками худ. Гардман.

832

и до 100.000. Это радует, конечно, чрезвычайно, и в то же время создает и некоторую тревогу: привык издаваться в малых тиражах, по-старому рассчитывая к далекому неведомому другу-читателю, а теперь этот читать стоит у порога...

Еще я забыл упомянуть о работе этого года: я и в кино дал сценарий «Корень жизни». Этот сценарий превратился в руках режиссера в «Хижину старого Лувена».

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
К счастью, повесть «Корень Жизни» прочитан многими, и всякий, читавший мою книгу, скажет, что «Хижина» ничего общего с моей книгой и сценарием не имеет, а своей тенденцией благополучия в природе прямо противоположна той творческой тревоге, которая обязывает человека соприкоснуться с природой и о которой постоянно везде я говорю.

К вечеру приехал редактор «Наших Достижений» с Загрудным и уговаривали меня написать к 10-му ноября о лесе.

Ночью... ведь все продолжает сниться (33 года!). Я прихожу в какой-то дом и знаю, что в комнате рядом, и знаю, что сейчас нет дома, ожидаю. Слышу, приходит в темноте фигура. И начинает ходить по комнате взад и вперед. И почти все. Но какое счастье! Боже мой! как же это люди не видят, что вся поэзия из этого выходит, что все поэты (даже Пушкин) врут о своих «шалостях» и совсем это у них пустяки... все рыцари бедные, и Блок (одно виденье, непостижимое уму).

25 Окт. Когда выпустишь белку из клетки и она бежит по комнате, то сильно дичает – не подходит! Но когда есть захочет, то опять становится ручной и берет из рук...

Дичает – схватит сахар и наверх на ковер, подвесится на задних ногах головой вниз и сахар жует. Дикая! [Сделал] фотографию ковер: комната и пр. (задней ногой с огромной быстротой чешет себе под мышкой. (Лижет пот осени на стекле). Машинка моя пишущая в футляре стоит под столом рядом с старой корзиной. Когда надо писать, я ее [достаю],
833

ставлю на стол и, когда напишу, опять ее в футляр и под стол, чтобы она знала свое место и понимала: я на ней сам пишу, а не она, машинка.

20 Новых новелл Кулик
Рассказ шофера (рачки)
Собака-кормилица

Соболь и кролик

Фука

Поляков

Какао

Хлеб

Утиный беяк Второй портрет Спекулянт (утка)

Облака + Цапля = вечорка (осень) (сделать)

Предки (осень)

Лозунг

Чучело

Мой портрет

Совесть (лето)

Магнит

Лисица в капкане Песнь собаки

Принялся писать «лес» для «Наших Достижений». Дождь, туман, невылазная грязь. Петя в Москве. Читал знаменитое письмо 9/X 12 г.: слишком бездушно, чтобы сойти за искреннее – как я тогда не понял! Это, конечно, фраза борьбы: и как ей ответить, если человек хвалится, что забрал себе ее лучшее, распоряжается им, напр., превращая в книги, а она каким-то ничтожеством сидит в банке. И сейчас эта щемящая тоска, в сущности, входит в состав поэтического здоровья: так это и быть должно.

28 Окт. Юбилей Григорьева N – раз. Если же не оспоришь, власть внутри – и что лучше.

Роман с Иной: «знаешь, дорогая, давай бросим сватовство, и будем любить без этого»... И было бы счастье.

834

Муза – это предпосылка поэзии, и ее делает поэт, обманывая себя и другого в невозможном достижении. Может, и правда недоступная, но если ней недоступности, то ее можно выдумать – и будет недоступная.

29 Окт. Беспросветные дожди. Юбилей Григорьева и гибель председателя Детгиза Семашко. Смотрел на юбилей: как будто все одни евреи, а пересчитаешь их – ровно пополам с русскими. Мир с Цыпиным...

«Новеллы»: 1) Вежливый милиционер, 2) Сезонная книжка: она наколола иголкой число: обыкновенно доста-точно показать на случай накола, проверки испугалась – он догадался, рассмотрел, она заплакала, он ей сочувствует: излагает свое горе – а он соглашается и в конце говорит, сам чуть не плача: но зачем же вы накололи иго-лочкой.

Идея: ребенок – кооперативное будущее. В Англию:

Посылаю Вам договор с моей подписью, засвидетельствованную московским Союзом писателей. Одновременно с этим посылаю желаемый Вам экземпляр (второй) моей книги «Жень-Шень». Ваш перевод, сделанный с текста журнала «Красная Новь»,

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
следует сверить с этим вариантом: в последней главе найдется несколько десятков строк, которые, однако, имеют существенное значение. «Рассказы охотника» я Вам посылал, но книга почему-то вернулась назад. Мне очень не нравится оформление этой книги, и я хочу немного подождать нового изящного издания. Кроме того, через месяц я вышлю Вам рассказы для детей «Зверь Бурундук» с превосходными рисунками.

Прошу Вас о следующем:

Вышлите мне договор с Вашей подписью.

Деньги прошу положить на мой счет в какой-нибудь банк в Лондоне и прислать мне какой-нибудь документ об этом.

Еще я очень прошу Вас рекомендовать мне хорошего переводчика в Лондоне, который бы согласился переводить мои новые маленькие вещи, устраивать их в журна-

835
лах, газетах. Если вы найдете такого переводчика, то попросите его написать мне, на каких условиях он согласится переводить, устраивать вещь и доставлять мне гонорар. В Германии так мне делала одна превосходная переводчица, и от ее перевода маленьких новых моих вещей из жизни природы, охоты, а так же для детей я получаю больше, чем от своих книг.

30 Окт. 30-й раз: заметил, что взамен силы, которая истратилась бы на оспаривание глупца, носил в себе несколько дней тихий злобный анализ. А люди природы живут ругаясь: война постепенно переходит в дипломатию. Люди которые кончают вражду между собой особой руганью и дракой (войной), сами по себе, может быть, и лучше, чем те, кто, затаив вражду, сговаривается с врагом о возможности общей жизни и дела, но перемена формы разрешения споров от военных к дипломатии неизбежна...

Человек шел по железной дороге и, пропуская вагоны товарные, видел, как сыпались семена зимой. Потом наступила весна, и семена, которыми усыпана вся железная дорога, стали прорастать. А человек все шел. И выросло... а он все шел.

Думал о книге Волков: скоро надо взяться.

31 Окт. «Жил на свете рыцарь» отныне входит в круг моих дум (Жень-Шень – разве там тоже не рыцарь бедный?) И еще: родители чужие люди, она готова сделаться женой, но почему, прося руки, он ищет свадьбы? Разве это не «виденье»?

1 ноября. Конец епитимьи «не оспаривай»: хотя и злоба остается, но все-таки не надо оспаривать: ведь, если злоба, то надо научиться ее сносить, и это можно делать тоже гю-разному: и благородно, и подло.

Начало хозяйственной епитимьи. Ежедневно время на поддержку и улучшение хозяйства, иначе начнем падать. Разработать план.

836

Начали с гончей, Петя убил зайца и промазал по лисе. Пропал Осман.

Барометр перемахнул на ясно, в прежний раз за все лето. И стало ясно, мороз. В разгаре работы о лесе. Предполагаю сделать 5 листов, которые потянут в 4-й том «Очерк» все старые материалы.

2 ноября. Солнечный день. Мороз – 8. Барометр за весну, лето и осень впервые за ясно. Петя ходил искать Османа и нашел его заключенным в лисьей норе. С трудом выкопал. Он, когда вышел, понесся и обнюхал все норы. А ведь еще бы немного и – кончился бы.

Кончил очерк «Лес Берендея».

3 ноября. Тишь, мороз, солнце. Бывают дни, когда роска в пазухе листа весь день перележит и не просохнет. А то придет день, как сегодня, мороз ляжет с утра и на северной стороне, куда солнце не проникает, тоже остается до вечера. Роска и Морозка.

Вьюн и Карась. – А ты на людей переведи: карась рыба правильная, вьюн рыба неправильная – а правда-матушка одна...

– И ну, что же?

– Ты, к примеру, карась, рыба правильная, а я, вьюн, рыба неправильная. Тебе ли у меня о правде спрашивать.

Цыпин, Ивантер, Кронгауз – Левин – евреи, как мат-решки один в другого вкладываются и сколько их!., у них жизненность, практичность из пессимизма рождаются, или, вернее, при пессимизме сосуществуют, часто же при глупости, и, как кажется, это только у евреев бывает, что по существу глуп, а по хитрости умен и может чем угодно заведовать. Трудно сказать, насколько они нам сейчас по-могают и насколько вредят. Время, однако, подвигается к таким вопросам строительства, которые евреям не по силам. Мне тяжело с ними, потому что явно с твоей маркой дело имеют.

837

4 ноября. Мороз – 10. Тишь. Ясно. Бар. начал падать. Смотрел на большую звезду, вспомнил все, как мы с Павловой жили хорошо и любили звезды, лес, реки, детей. Из этой звезды я вычитал, что какая бы Павловна теперь ни делалась старая – надо

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru не хандрить от ее неважного хозяйства и не упрекать ни за что и довести до конца нашу хорошую жизнь.

Взял я за женой своей великое приданое: месяц, звезды, реки, травы, и с этим живу и с этим останусь... А в этом и есть счастье в браке, чтобы... Мы ведь все в любви своей от невесты в приданое получаем звезды и месяц, и песенки, но куда-то они деваются после брака. Наверно, мы тратим их, а надо это сохранить, все это большое небесное и земное хозяйство, полученное нами в браке от женщины.

5 ноября. Светло и чудесно с морозом, как и вчера. На рассвете ходил кругом Каляевки и думал о «приданом» – что это (женщина) касается всей жизни. В полумраке встретились молодые, он нес ребенка (теперь часто видишь: мужчина несет ребенка), встретила старуха, спросила их шуткой, указывая на ребенка, «продавать?» (день базарный). Я подумал, что вот мне и ответ жизни: думать о ребенке, и все другое само приложится.

Открываю книгу добра и зла.

Закончил «Лес Берендея» и отделяю.

6 ноября. Окончил «Лес Берендея». Праздновал.

7 ноября. Приехал А. М. Коноплянцев, рассказывал о мучениях своих на празднике (с утра до 3-х на ногах в наркомате: сесть негде и до вечера на ногах, и ничего на площадке не видел за флагами и не слышал). Напротив, Га-лина, сидевшая безвыходно с младенцем более полугодом у нас в подвале, приехала восхищенная от Москвы. Так вот бы подсчитать, много ли довольных праздником. Быть может, на этом все и держится «повидать Москву». Этот праздник основан на потоке народном из деревни в горо-

838

да, на новостройки. Придет непременно то время, когда начнется обратный поток. Я это знаю, потому что если бы не было этого процесса в скрытых желаниях, то не было бы у меня и читателей.

А. М. Коноплянцев посоветовал мне «Лес Берендея» переименовать «Берендеева Чаща». [ноябрь] 12.

9–10–11 провел в Москве. Сдана в журн. «Наши Достигновения» «Берендеева чаща» (написать туда и фото), вчера 11-го внес пай в Жил. Тов. 8000 р. Сговорился с Оболенской о книжке в 16 т. букв. Смотрел Аэроград. Решил заказать байдарку резиновую. Общ. суд над Литвиновым. Орешин и Клычков. Орден Ленина свекольщикам. Орешин и Клычков. Орешин честный, как человек, но врет, как поэт; напротив, Клычков в поэзии честен, а как человек вовсе никуда не годится (способен украсть два рубля у прислуги). Как Моцарт и Сальери. Это через всю русскую литературу. В «Начале Века» на этом антитеза, «Русское богатство» и «Аполлон», или Мережковский и Розанов. Анализ сцены «Клычков в столовой»: отец мальчикам продавал «свинчатки», и тут «идея» (у нас «муза»). Анализ распада на поэт и «человек».

Поэт орденосный (Демьян): за поэзию нельзя давать ордена и чины. Декадентство именно и стоит на том, что поэзия – «сама по себе» (не есть ли мое настойчивое стремление быть самим собой – требование поэта: ...разрешение быть самим собой – вот все, что может поэт искать у граждан для себя и на всяком месте оставаться поэтом – вот его долг и его гражданственность. И если чистый поэт ведет себя как жулик, то люди говорят: он «как человек» никуда, но поэт. Анализировать до конца (быть может задание на каждый день).

Приступаю к Берендеевой чаще.

1) Вот в лесу тропа, пробитая охотниками с давних времен, по ней теперь идет человек и песню поет. Но первому человеку, начавшему эту тропу, ведь не до песен же

839

было. И нам тоже хочется по лесу пройти так же, как шел по нем первый человек, пробивший тропу для охотников. Почему это, откуда берется такое желание изведать в лесу его страшную жизнь борьбы. Если сказать «с жиру бесится человек» – нет! не всякий с жиру тянет, бывает напротив.

3) Мало ли есть каких областей в жизни, взять даже земледелие, от 1 нрзб. к лесу, почему-то вовсе не тянет там землю пахать не железом, а деревом, не в сапогах по земле ходить, а в лаптях. Почему я в математике, в химии скорее концы и только в лесу неудержимо тянет к начальной тропе, к какой-то Берендеевой чаще с неполотой травой, чарующей такой, что взлетевшая птица застревает в сучьях, запутывается крыльями и человек ее хватает руками или петлей, стаскивая себе на жаркое рябчика.

2) Есть птица в дальневосточной тайге, разновидность рябчика, такая смиренная, что человек подходит к дереву с петлей на шесте, надевает петлю этому смирному рябчику на шею и тащит его себе на жаркое. Разобраться в этом случае пользования доверием птицы, – как покажется возмутительно! а все-таки почему-то

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru неудержимо тянет пойти тропой первобытного человека повидать эту страну непуганых птиц и самому для своего костра своей собственной петлей стащить с дерева непуганого рябчика. – Что это за сила такая тянет, в чашу первобытного, заманивая непуг. птицей.

4) А вот игрушка, вырубленная топором из дерева почти первобытным лесным человеком для своего ребенка, и теперь в роскошном музее современных игрушек мы смотрим, любуемся игрушкой первобытного человека, считая ее редчайшим, драгоценнейшим памятником на-родного творчества.

Так вот и леса: наши чудесные народные сказки вышли из леса, и у кого это есть – и кому не дороги наши детские сказки! – того неудержимо в чашу Берендея, пройти по ней собственной небывалой тропой среди непомятых трав и непуганых птиц.

Так вот и мы с Петей, как два мальчугана с тройника-ми, стреляющими дробью и пулей, с биноклями, термоса-

840

ми, маленькими современными фотоаппаратами, но сов-сем без провизии – только чай! – отправились на север искать Берендееву чашу под предлогом необходимости пролить свет на вопросы механизации в лесной промыш-ленности.

13.

Земля бесснежно замерзла и не оттаивает даже, если и нет мороза. Деревья совсем голые, очень скучные. Из луж, по которым свободно можно ходить, иногда торчат обмерзшие, но ярко-зеленые травы. Синицы стали жаться к жилью человека.

С б у. до б в. ходили с Османом, гоняли, но не убили двух зайцев, один заяц был вовсе белый. Осман отбил ла-пы и залегал в кустах.

В этом броске орденами Ленина в свекольщиц есть сто-рона хорошая: ведь герой еще остается героем в момент получения ордена, но орден носит уже не герой, потому что в быту героев нет, быт есть могила героя, и потому он герой, что вышел из быта обыкновенных людей: и можно выйти из быта героем, но в быт героем войти невозможно. Скучно смотреть на человека изо дня в день, или даже на порядок надевающего свои ордена. И вот это хорошо: бро-сать ордена свекольщицам и тем самым развенчать героев летчиков и других, чтобы они после ордена не успокаива-лись.

Плохая же сторона – это презрение к личности хотя бы того же Павлова: отмечен среди немногих одаренных людей, а тут свекольщица поусердствовала и за 500 цент-неров свеклы получила то же самое, что единственный в своем роде Павлов. Аэроград в своем слове, как невидимый град, обещает представить нам идеал иного, лучшего бытия, но дает нам самолеты, имеющие в наших глазах большое военное зна-чение. В связи с этим дано множество военно-законных убийств. Люди все ходульные, кричат неестественно (глох-нешь от крику), кривляются. И появление этой подхалим-

841

ской, никуда не годной пьесы приветствуют как великое событие 29 украинских писателей. Это иллюстрация к мо-ей теме «человек и художник»: человек-атлант невидимо для всех, как землю, подпирает искусство; на поверхности жизни кажется искусство независимо, и так часто мы ви-дим, что дрянной вовсе человек является отличным по-этом, но это все кажется, благодаря терпению атланта: чуть только его терпение кончилось, художник из мира искусства проваливается во всю грязь никуда не годного человечки. Так и Довженко, стараясь угодить «двору», сел в грязь подхалимства.

Мы надолго задержались, много потеряли зря време-ни, в Вологде, пытаюсь в близлежащих запанях и лесных биржах познакомиться с делом механизации лесной про-мышленности. Не хочется это описывать: какой бы ни был совершенный станок, никогда он пользы не даст, если подкатка материала к нему и разборка продукта ручная: ручные процессы «смазывают» все достижения станка. Что мне, если каждый самый обыкновенный лесной ин-женер может об этом написать в сто раз лучше меня. Мне нравится смотреть на технические, до крайности простые ручные процессы, думая о сметливости первобытного че-ловека, о пользе для себя этих знаний на тот случай, если самому придется попасть в положение первобытного че-ловека (драть лучину, как в 18 году, кремнем высекать огонь). С восхищением смотрел я, как делают «вицу» – материал для связывания бревен в плоту, как сплочивают «под клян», как лихо ездят по воде на одном бревне, как сплочивают бревна щукой, чтобы плот, как рыба, облег-ченно шел против течения. (Плот на Сухоне: человек одо-леват холод.) Вдумываясь во все это, вспоминаешь та-инственные навыки пчел, муравьев и других насекомых из фабра. Зато когда рядом с этим видишь несовершенную механизацию, как она делает бессмысленными ручные инстинктивные навыки и как эти навыки «слизывают» все преимущества машины, то писать об этом не хочется. В утешение все вокруг ссылаются на Бобровскую запань в Архангельске, где вся списка делается станками, люди

842

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru работают сухие электрический станок. Думаешь об этой запани как о совершенном человеческом деле и находишь объяснение, почему представитель художественной литературы предпочитает первобытную работу несовершен. механизму: все в совершенстве, в здоровом естественном эстетизме всякого дела. Понимать друг друга можно и необходимо лишь настолько, чтобы не мешать, большего понимания нельзя требовать, а только желать как «счастья», независимого от нашей воли.

14.

Последний монах Аффоний принес поднос с лаврой и сказал: «она (лавра) вас притягивать будет». Я взглянул на него с вопросом, и он объяснил: – Потому, что я писал с усердием.

«Первая любовь» для мужчины только в редчайших случаях делается любовью брачной. Мужчина для любви брачной должен сколько-то пожить нелегально. И вот бы-ла одна первая любовь, только одна на всю жизнь – (поэ-тическая аскеза)... И там ничего и все зря: разряд в пусто-ту, а песня остается, радостная тень любви: так создается «Жень-Шень».

15.

Ездили с Петей к Алексею Денисову в Чирково и при-везли дочь Османа Альму. Денисов то же, что и «Дедок», прекраснейшее народное существо. Теперь им наступает конец, и вот мы с Петей всю дорогу говорили о том, что совсем пропадает это народное существо (Лувен, Восток, китайцы), или же возродится оно, проявится в культур-ной деятельности более сложных людей. Несомненно од-но, что вино теперь является решением и среди русских пьяниц надо искать подобных людей. «Коллизия»: Денисов и другие охотники в Чиркове в существе своем коммунисты и колхозники, запрещаю-

843

щие им охотиться. Очень похоже на нескольких настоя-щих писателей, заключенных в «Союзе сов. писателей».

В Констан[тиновском] РИКЕ с лестницы на лестницу бегали черти с папиросами в зубах, в штанах галифе.

Что бы я наделал в крепостное время, обеспеченный вотчинами? наверно, самым диким борзятником... а вот нет борзых, и я поэт: лучше ли это? все скажут – лучше. В этом и есть движение истории: (Жень-Шень).

16.

Небо ровно-ровно-серое. Утро, день вечер – все равно. Температура все 24 часа на нуле, и барометр тоже ни туда ни сюда. Земля замерзлая. И все как будто на этом кончилось и больше никаких не будет перемен на земле никогда.

Я попробовал записать за ним – ничего на бумаге не вышло. Сам начал свои впечатления записывать белыми стихами – и опять стыдно читать написанное. Но мне пришлось в голову писать своей обычной складкой и только скорей, не откладывая, что видишь, то и записывать по-своему, как Губин тоже, что видит, о том сейчас же на свой лад и говорит. (Тропа. Дерево)

Наука в моем деле служит проверкой и укреплением моей сказки, благодаря записи я смею со сказкой своей подходить к самым обыкновенным существам, как Иван Царевич подходил к заколдованным кладбищам и во внут-реннем содержании вещей находить и будить спящую Ма-рью Морьевну.

17.

Пробовали новую собаку Альму – весь день. Белый заяц на всем темном, как видение. Хороши на дорогах мо-розные стекла, из под которых ушла вода: лед-тощок. Совсем особенно, со стеклышком поет вода. В ожидании разрешения бесконечного скола всматривался в берега

844

лесного ручья, как они создавались, размывались, намы-вались, громоздили гальку на перекате, зарастали ольхой внизу и вверху ельником. Среди густого ельника водимый только своею ольхою проходил ручей...

Иногда, кажется, смотрел бы, смотрел на жизнь ручья в лесу и деревьев и разных зверушек, да так бы вот все раз-бирал бы, разбирал. Но только это кажется, что можешь всегда: редко можешь. Это моя старая дума о возможнос-ти управлять своей способностью восприятия. Самое про-стое – это взять, выбрать тему, напр., муравейник, пчел, перечитать все в этом и погрузиться в тему. Но тогда на-рочитость исследования ограничит тему со всех сторон и засушит, так что такое подогревание себя полезно, даже необходимо, но не основа всего такого «исследования». Основа – это охрана внутреннего равновесия, обеспечи-вающего состояния родственного внимания. Хорошо бы научиться так владеть собой, своей силой родственного внимания, чтобы и в городе людские массы, лица воспри-нимались как в лесу (опыт независимой жизни в Москве).

18.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

С утра легкая пороша. Вечером ясно, – 12.

Собрал несколько каротышек для «Правды» (все еще не оставляет задор создать рассказ). Приспособил «Анти-пыча» для «Пионера».

Герцен странен нам теперь и своей постоянной попыткой критиковать свои личные чувства к объяснению общественных явлений. Мне думается, этим способом он закрывает свой наследственный нигилизм: утопающий хватается за соломинку. А они, старики, и все так: даже и К. Леонтьев хромает на этом. Только мы теперь в стране советской отделались от этой барско-интеллигентской иллюзии. Ведь даже самый простецкий оратор, называющий Сталина «родным», понимает это родство не в буквальном значении, а в особом общественном смысле. И возможно, что в собрании на людях оратор вполне искренно чувствует «родство», но [ему самому] лично один к одному со Сталиным, глаз на глаз ему сказать будет не-

845

чего. А у стариков было так, что свое личное чувство пытались подтягивать... Книжки старых героев в новых условиях (были бы в литературе такие попытки?).

С 19 – 27 = 8 дней – скажем 7 = написать 11/2 листа = 50 – 60 стр. Берендеевой чаши, – по 8–10 стр. в день. К 25/ХП закончить все.

Стебель сколько бы ни тянулся к солнцу, рано или поздно роняет на землю зерно. Так и думы наши, годами поднимаясь все выше и выше, роняют зрелые мысли и неродные массы, как земля их выращивает, и опять думы великих людей высоко поднимают... И так мы живем.

Вот тянется лапа к тебе и понимаешь где-то в заднем уме намерение лапы, но почему-то не скоро доходит до ясного сознания, чтобы наступить на нее. И когда лапа вытаскивает у тебя, соберет, то уж после вспомнишь, что ведь знал я, но почему-то не мог.

21.

Морозы – 18. Чуть припорошена земля. Пишу 2-ю часть «Берендеевой чаши».

Не то плохо, что счастливо поставленный в обществе человек пользуется жизнью больше многих, пусть себе пользуется на здоровье! – а плохо, когда такого рода люди зазнаются, перестают держать связь с тем множеством людей, которые лишены подобного «счастья», и считают, что так это и надо...» Революция для такого рода людей воистину страшный суд. Как жаль все-таки, что я этого тогда не чувствовал (революцию) во всем ее священном значении.

Два сильнейших чувства пережиты во время революции: это, первое, чувство солнечного происхождения хлеба, и второе, когда РАПП насел: это что я в своем «творчестве» в конце концов все-таки зависимый человек и в сокровенных глубочайших тайниках души нуждаюсь в признании моего труда обществом.

846

22.

847

День в день – мороз в мороз, звезда в звезду.

Утро, начиная от предрассветного часа, когда совсем в темноте выходишь на охоту, и до большого утра, когда солнце взойдет на малое время, – и самое разнообразное из всех суток. Осман выследил зайца в то время когда кажетяся, что уже все звезды повышли на синем и осталась только утренняя спокойная звезда возле месяца, она вдруг спохватилась и откуда-то наспех выбежала проститься, и закатилась, и вот дышит, дышит. Через минуту, смотришь – исчезнет в синем небе? но месяц со звездой утренней будут еще долго, до тех пор пока не взойдет солнце.

Чудесное утро, но вечером ворвалась какая-то страшная еврейка из «Советск. писателя» и турист, искатель медвежьей берлоги. Ефр. Павл. не вышла чай наливать и, разрываясь между берложником и представительницей «массового» (какой-то отдел массового влияния литературы, что-то в этом роде), зло говорил с массовицей, делал скверные намеки на еврейское засилье в литературе, вообще показал себя... Когда будет квартира в Москве, назначу один день на растерзание, в остальные же дни, что-бы ни один человек...

Ворвалась... Тянется к тебе лапа и понимаешь где-то в «заднем» уме намерение лапы, но почему-то не скоро это доходит до ясного сознания, чтобы наступить на лапу ногой. И когда почти вытащат из тебя, то обижаешься на себя: ведь знал же я намерение лапы, но почему я не мог наступить.

23.

Если бы писателем можно бы делаться независимо от природного дарования, то не было бы, напр. грузинских писателей, армян, русских, поляков – остались бы одни только еврейские писатели.

Талант рождается в природе, хотя бы и биография писателя и его самосознание говорило, что не только не в природе, а даже в борьбе с природой развился его талант.

Талант рождается в природе, но история его вызывает.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
«Не от мира сего» означает разрыв человека с миром, и с родиной, но происхождение...

24.

Так и остается земля мерзлая, припорошенная, но не прикрытая... И моя зима подходит, чувствую иногда, – мало веры и сил во мне, чтобы ту свою внутреннюю зиму перенести и встретить смерть как весну. Если же не хватит сил, то ведь это ужас – то какой: сидеть стариком и со страхом дожидаться конца. Вот если бы на стороне, где-нибудь на небе Бог, то за Него бы держался, и так хочется иногда стать на молитву, так от мысли этой мелькающей делается легче: является чувство своей высоты, независи-мости, силы... Какой-то внутренний облик того, что назы-вают Богом. Я своею деятельностью этому облику и так молился, и лучшее мое явилось отсюда. Мое писание ис-ходит оттуда: там оно зарождается, там его природа, но люди почему-то необходимы тоже: это они вызывают сойти в жизнь, бороться, отстаивать себя. Очень погано! а надо.

Развить бюрократ РАПП стремлением к форме: новел-лы – они рады! но они понять не могут, что новеллы [] уже, и я дух великий заслужил свободу как на Пасху – все хорошо.

Подписал договор с календарной редакцией (Москва, Орликов пер., 3, Елена Густавовна Смиттен), срок 15 янв. 1936 г. 10 рассказов на 1320 строк, 10 штук.

26.

Заканчиваю сегодня вторую часть «Берендеевой ча-щи». Сегодня или завтра еду в Москву. Можно так раска-чаться в работе, что ею забывать тоску, зато уж чуть при-остановился – она тут как тут. Нигде, нигде в литературе, в журналах, в газетах нет маленьких признаков жизни, что за ужас «Колхозник»! а ведь сколько денег стоит.

848

27.

849

Барометр наконец стал падать. Ожидаем пороши. Еду в Москву сдавать вторую часть «Берендеевой чащи». При-нимаюсь за последнюю часть.

Вот думаешь об отношениях в повседневной жизни, можно ли, например, устроить, чтобы Е. П. устраивала мне обед когда мне надо, а не опаздывала часа на два, или бы сознала необходимость записывать расходы и т. п. Со стороны еще кто-нибудь, возможно, мог на нее повлиять, но я уже бессилён, в этом я не могу. И так вот есть же эта не-обходимость.

Мой вечер в «Сов. писателе» предполагается после окончания «Чащи» числа 20–25 XII. Тема: «Почему мы плохо пишем». фольклор (а играть умеешь?). Толстой бо-рется с формой. Мы хотим встаться в форму... сюжет – это необходимость: чтобы ничего неожиданного. Взять в основу Толстого. Наконец-то чувствую себя стариком: я заканчиваю национальное] – пушкинского этажа (фольклорная, непосредственно примыкающая к устной народной словесности.) Письмо Навагова. Разговор с Петей о старой деревне, как семье (всем из-вестны были три крючка), теперь деревня – колхоз. Что это? Почему писатели об этом между собой не говорят: боятся группировщины? Правда, в силу сложивш. обстоя-тельств приходится помолчать. Но почему же...

28.

Ночь и весь день летит сильный снег. Какой-то глупый заяц, вероятно, из молодых, плохо вылинявший, бродил возле Каляевки до утра. След его был едва заметен, но Альма нашла и погнала, Осман добирал, и так гон вышел плохой, но зайца я убил. Альма гонит быстрее и мешает Осману. Завтра настоящая пороша, едем в Дворики с од-ним Османом.

В голове складывается сам собой план моего вечера: Демьян и фольклор. Демьян Б. не просто сказал: не то, что я занялся фольклором (это случайно), а что я (во втором этаже) сознательно пользуюсь близостью к источнику фольклора вообще устной словесности. Близость к источ-нику, напр., Сталин: – А играть умеешь? Как я натолкнул-ся. На Оке поп с червяками: «а в самом же деле, все Толс-той: больше всех Толстой. У народников скрытая политика (Селянский министр – претендент на трон) Толстой ху-дожник, это как особая порода людей: в состав художе-ственного] сложного чувства входит и этика, и мораль и пол... 1 нрзб. худ. образ в составе своем все это вклю-чает, когда художник 1 нрзб. это доходное. Ругали (?) «эстетизм»! (доктор З.), стыдились своего дарования: (Толстой: худ. болтовня).

Можно и этика, но сознательно и знание – но я, как художник, остаюсь на своем месте и пользуюсь знанием, этикой. Мне особенно в газете пи-сать льстит и этой силой детские рассказы, принципиаль-но ничего не страшно, но утомительно (аппарат заедает): механизация (напр., новелла): надо ей пользоваться, а РАПП требовал, чтобы художник должен остаться са-мим собой (Правительство это сознает, этого ищет дает журфиксы, но должны сами.) Творчество Толстого. Про-поведь Толстого. Новелла (прочитать и как одно не вы-шло). Заключить:

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
радость о пианино (Это не мещанство). Нас запугали словами мещанство и эстетизм.
(Яросл. вокзал: два рабочих, пирожки и виноград: почему вино-град?).
(К «пианино» – библиотека). Правда, это скучновато: как будто в детской живешь.
Декабрь 1.

Поручение Пете в Москве: 1) Получить книжку жил. коопер. и, если надо, побывать у Лешневика, 2) Управление заповедниками, прием в Университет, в Институт, 3) Передать «Берендееву чашу», 4) Узнать о костюме в Ate-lie и себе заказать, 5) Бюро обслуживания в Торгсине и послать: Термометр...

К докладу: Политикой теперь обязаны заниматься все граждане, а в то время обязаны были не заниматься, зато

850

нравственная обязанность не только заниматься, но еще иметь инициативу в политике. Приписка: В декадент-ское время сбросить «гражданскую часть» удалось: эсте-тизм. Подвиг: не власть, [а] эстетизм и морализм: остаться скромным работником в словесном искусстве (граждан-ство, религия в себе), а [так] образы. В советское время приходится сбрасывать с себя балласт прошлого, но бал-ластом это оказывается лишь несколько спустя, а в мо-мент сбрасывания кажется – от себя отрываешь куски своего же тела. Соотв. с этим и литература была и крити-ка.

Теперь инициатива взята директивными органами.

К 10 Дек. рассказы Законы Сузема: Новая площадь, д. 6, ком. 10–11, ред. «Молодой колхозник», т. 1.14.33. Коз-лов и Титов.

Собачкин меняет фамилию.

Если у тебя неприятная фамилия и ты вздумал ее пере-менить, то сначала подыщи себе место подальше, где тебя вовсе не знают. А то вот у нас на заводе был парторг Со-бачкин и переменял он свою фамилию на хорошую: Бра-гин. Все оформил, как следует, опубликовали в газетах: Собачкин меняет фамилию. И ничего не помогло в газете Брагина все у нас на заводе по-прежнему зовут Собачки-ным. Винтик.

В семье у инженера переполох: ребенок играл на песке, попался винтик, ребенок винтик в нос и тут беда: из носа винтик не вышел. Местный врач отказался: нужен хирург. Бросились к машине скорой помощи, а она не заводится. Инженер сам вместе с механиком Иваном Ивановичем целые сутки в гараже возились. Повезли ребенка в За-горск и вот нужно же так: единственный в Загорске хи-рург уехал в Москву... Оставалось только спешить в Моск-ву на электрическом поезде. В большой спешке сели в трясучий моторный вагон и не успели доехать до Софри-на, от большой тряски в моторном вагоне винтик сам вы-скочил.

851

2.

852

Скандал из-за денег. Все было хорошо, пока денег было мало, а когда разбогатели, Павловна, оказалось, вовсе не может считать и распоряжаться деньгами. Не столько пи-шу, сколько рассчитываюсь («Положение изменилось»). Надо что-то придумать немедленно.

Начал писать 3-ю часть «Чаши».

Гонял лисицу с Османом: если бы знать, где он ее за-кружит, а то все никак не нападешь на круг. Часов пять он держал.

Начинаю ненавидеть все советские аппараты и боюсь, что всякое самоуправление безнадежно: вся эта масса тунеядцев... Быть может, надо крепче обняться с прави-тельством и... нет! борьба с аппаратом невозможна, аппа-рат...

Герцен говорит, что писатели только тогда бывают дружны с правительством, когда оно идет впереди. Не-сомненно, что сейчас правительство идет впереди, но по-чему же отстают писатели?

К докладу: дети и учреждения, а людей, чтобы беседо-вать, нет: люди – это (Павлов) учреждения. Всякий жи-вой человек непременно в учреждении.

К докладу: трудно – только теперь понимаю, как труд-но мне, выросшему в старом мире, приспособиться к но-вому: самое же трудное мне приспособиться к аппарату: каждый значительный человек – учреждение.

3.

Сидел дома и продвинул «Чашу». Вечером Петя при-ехал. Кончил Герцена, это витязь русской общественнос-ти. Чувство гражданской части у нас – это от Герцена.

4.

Всю ночь снежная метель, и утром в метель мы при-ехали в лес: ничего нет лучше на свете. Ель, вся засыпан-ная, белая с темными пещерами, и снег, падая, пролетает мимо темных мест, как живой, казалось, падает и, конеч-но, по-своему как-то и шепчет. И я, как глухой Бетховен, глядя на него, сочиняю свою музыку. А то вдруг ветки бе-лые зашевелиются, думаешь, зверь выходит, а это с ветки на ветку падает. Ольховые, еловые ветви с огромной снеж-ной тяжестью согнулись друг к другу и заграждают путь и не прошел бы. Но у меня в руке волшебная трость, я

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
ле-гонько стегну по лебедям, по дворцам, заграждающим путь – и в одно мгновение все исчезает и обыкновенные талые ветки деревьев, освобожденные, прыгают вверх. Иду с волшебной палочкой, как Руслан за Людмилой...
Быстро покончили с Беляком и в 12 я привез Петю на просвечивание.
Столетие со дня рождения Марка Твена. Итак, его сим-патии были к тем, кто у нас кустари, и он встретил на пути своем бездушный империализм. А я встречаю бездушный бюрократизм, я все еще, но, быть может, наивно надеюсь его победить, но и боль велика. Получается творчество, как бы сдавленное взрывами. Я же по природе и в счастье своем мог бы быть тоже импровизатором, и, должно быть, я счастья своего не видал. Опасности от бюрократизма для меня не может быть, п. что я скромно живу и внешне не связываюсь, не вступаю в большую зависимость. И го-ды прошли умные.
В будущем только, наверное, живые люди будут с бю-рократами бороться так же, как теперь борются с буржуа-зией.

5.

Охота. Петя двух: 1-й гоняли на пятачке; 2-й чужая со-бака, а чужие охотники из-под нашего (заяц гонный и шу-мовой). Снег такой рыхлый, от тепла уплотнился настоль-ко, и зайцы ходят, не проваливаются, ходят тихонько, растопырив лапки: огромный след – на гору провалива-ется. Белка и в самый рыхлый снег ходит поверх: очень легка. К вечеру ели заходили, обремененные снегом лапы

853

закачались, вся ель живая, потом стало все рушиться, ве-чером буря.
Мои вещи: Лавра – последний монах ее написал, пото-му что был преп. Сергей, жил среди лесов с волками и, в конце концов, ко мне: какое сокровище. И тоже «Жень-шень». И так оставляю только друзей. Так и людей надо.

7.

...скажем, 10 дней по 16 = 100 стр. Можно поехать в Москву.

8.

Вернулся из Москвы. Захворал. Видел людей-манеке-нов, которые не только ведут себя правильно, а тоже так и мыслят и не подозревают даже, что можно думать хотя бы про себя не точно по Марксу. Спор с ними о количестве и качестве: я им старался доказать, что творчество отно-сится вообще к созданию качества, а количество создает-ся просто производственной работой (?) Они, может быть, и правы в своих возражениях, но я чувствовал в них уче-ных пешек, а они во мне человека, им чуждого, – вот по-чему мы и спорили. Вот бы в роман такой тип, правильно приспособляющийся к механизму, который больше их и постепенно, сами того не сознавая, превращающийся в «учреждение».

9.

Болею, но переносил 10 стр.

10.

Болею, но прибавил 8 стр.

Мелькает возвращение рапповских времен: я это из-за скудости нашей литературы. Вот сейчас можно бы орга-низовать группу писателей из «стахановцев», как я про-бывал в Талдоме при изучении башмаков, и с этого начать, а не по-рапповски оздоравливающую литературу. (Некий фокус.)

Какое противоречие...

854

11.

855

Продолжается грипп. Гоню «Чашу». Читал Бердяева в изложении Бухарина, противопоставляющего творчест-ву качества христианской культуры, «качество качества» социализма. На мягкого Бухарина можно легко найти еще более мягкого. И так эта религиозная пыль продолжает лететь. Эпоха молчания и дела. Наш бык! а у Домны Иван, поезд раздавил девочку. Д. И. только и крепится Богом (Бухарин свистит в два пальца).

Бострем, как стахановец. Стахановские механизации в применении к живописи... (попыхачи)

Человек с большими глазами красивей, чем с маленькими, и дом с большими окнами красивей, – все видно!

Внизу кипит жизнь. Ясно чувствую сейчас, чего я ли-шен был и что за убогое существо писатель, занимающий почему-то первое место в обществе. На это, может, кто-нибудь из властелинов обратит внимание, скажет: «не нужно все это нам», махнет рукой – и писатели исчезнут, а потом явятся новые сами собой.

15.

Болезнь свою мы с Петей показали тем, что ушли на охоту и весь день гоняли белка: и белка убили, и бо-лезнь совершенно прошла.

16.

Недостатки Павловны иногда понимаешь как собст-венные твои недостатки: ведь она

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
же ровнялась–то добро–совестно по эгоизму твоего писательского одиночества и так
приобретала солидную форму.

17. (Газеты нет.)

Человек выходит по следу гонного зайца на дорогу и по дороге идет, вытянув
вперед голову и поворачивая, как собака, то вправо, то влево, чтобы не пропускать
скид–ку зайца с дороги. И когда он видит, что собака идет впе–реди его и точно
так же, вытянув голову, поворачивает гла–за то вправо, то влево, он удивляется
уму ее и говорит: «умная, как человек», хотя сам он, в сущности, ведет как
собака.

После всеобщего счастья в любви и семье человеку нужно еще счастье заниматься в
жизни тем именно, чем хочется. Никто не берется рекомендовать метод счастли–вой
любви, но в социализме считается, что в будущем каждый будет работать в охотку.
Трудно ровнять труд по созданию картины с трудом добывания каменного угля, но
вполне возможно сделать, чтобы углекоп тоже, как и художник, работал в охотку.
Углекопу хочется достать себе пианино, и, хотя он не уме–ет играть, он верит,
что и он тоже будет обладать этим счастьем извлекать чудесные звуки. Надо дать
ему воз–можность, работая, ждать впереди счастья. А разве ху–дожник, загубив
свою жизнь на картину, не так же думает о музе своей, как рабочий о пианино...

18.

Что белеет впереди меня далеко на востоке,

И везде звезды на небе, и между елками.

А елки стоят засыпанные снегом, очень высокие.

Впереди начинает краснеть, и только звезды меркнут, –

Начинаются большие перемены

Звезды собираются все позади – и это мое прошлое в звездах,

Восток пылает, а месяц в стороне со своей звездой, Открываются глубокие снега:
свежая пороша. Каждая минута проходит и другие минуты не те, И множество звезд
меркнет каждую минуту, И мое прошлое в звездах скоро потухнет. А месяц не боится
новой зари. И звезда его с ним.

А я думаю о себе; вот мои все звезды померкли,

856

Остается месяц со своею звездой.

Месяц не боится зари,

И я хотел бы, как месяц,

Я даже прямо подумал: месяц это я.

Стахановское движение – это как будто русскому ра–бочему и всем простым людям
открыло дорогу к счастью, совсем стало незачем думать об Америке. И это
послед–ный и окончательный удар по уравниловке.

Источники: мое подполье: ненависть к тем, кто глупо тебе отдается, хамство при
успехе (вот когда понятно про–исхождение человека из–под–полья).

Почему русские революционеры иногда женились на еврейках.

Без любви трудно жить человеку и если он не встреча–ет любви в человеке, то
обращается к аккумуляторству любви, к собаке.

21.

Закончил 5–й лист «Чащи», конец думаю отложить, а то очень надоело.

История с небом Бострема: современное небо ясно и определено: звезда, значит, ее
надо достигнуть; небо как источник мироощущения, как целого органического –
враждебно. Совр. люди это не знают, а чувт: передается само собой по волне.
[Достиг] и потерял, как мечта достигателя (Стаханов–цы или достигатели).

Лесная избушка, о которой мечтает Бострем, есть лич–ная жизнь, то настоящее
золотое счастье делать то, что хочется самому. Чтобы сохранить такую избушку,
надо бесстрашно закрепляться во вне. В сущности, мой путь и есть путь достижения
этой избушки.

857

23.

858

Целые сутки снежная метель. Навалило снегу столько, что охота едва ли возможна.
Небывалость нашей революции выражается механи–зацией управления массами. Кино и
радио сняли с народа одежды религиозных легенд и фольклора. Весь народ со всей
своей потаенностью захвачен государственным ме–ханизмом и посредством
стахановского движения будет вовлекаться все дальше и дальше. Редакция даже со
сто–роны «Природы вещей» стала невозможной. Погоня за счастьем в ближайшее время
должна проникнуть, как ес–тественная потребность, в недра народа, ко всем без
ис–ключения, и заменить восточный аскетизм и упрощен–ность кустарного быта.
Восприимчивость к счастью после самой суровой школы аскетизма дает колоссальную
дина–мику развития...

24.

Вчера вечером стих ветер, и снег перестал. Столько на–валило и намело, что все

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
машины остановились.

Разговор с А. Н. Тихоновым – мой и Базарова с Мережковским, а также в том же роде и еще: экономист (общечеловек) говорит с личником (есть такое наивное понимание жизни по себе на нашей ступени (эгоизм) препротивное, на высшей неопровержимое, п. что всякий человек узнает ближнего по себе, и, значит, «я» – есть везде и во всем есть наша станция отправления.

25. Весна света.

Москва. Заседание с куклами (и если бы так каждый день!) Великая епитимья. «Наши Достижения» и Бобрышев: новая этика (мещанская): нельзя колхозника сравнить с жеребом, город с собакой: ругнуться неприлично (новое приличие). Раскрывается, почему запрещает Главлит. В «Известия» Бухарин и Живов (я: храбрый заяц: говорят, бывают случаи, когда выведенный из терпения заяц на гону вдруг обертывается и бежит на собаку, тогда буд-то бы собака перестает лаять и обращается в бегство.) – А заяц с лаем гонит?

26.

В Союзе по делу Пети. Ставский. «Ежика» и лучший номер. Предполагаемое свидание с Калмыковым.

27.

Разговор с Ставским. Два устремления: «я сам» и другое: меня подняли условия, меня сделали. Беседа в пути с Ламакиной.

Пальмы первенства.

Нет ничего скучнее, как если опоздаешь к поезду и на вокзале придется целый час дожидаться. Спасаясь от скуки, однажды я вообразил себя хозяином вокзала в том смысле, как я хозяин в своей комнате и по своему желанию могу распоряжаться перестановкой вещей. Только я вообразил себя хозяином на вокзале, как все вокруг стало необыкновенно интересно, и прежде всего мне бросились в глаза гигантские пальмы с черно-мохнатыми стволами, зелеными верхушками почти упирались в высокий потолок с замороженными стеклами. – Это пальмы первенства, – сказали мне... В горячке соревнования начальник этого вокзала, природный кавказец, привез из Абхазии эти пальмы и ими завершили борьбу: вокзал был поставлен на первое место. В возмещение больших средств на пальмы была устроена при вокзале доходная лавочка, но тут что-то случилось, и хозяин очутился в тюрьме, остались пальмы первенства.

28.

Бетал не приехал. Чаща в движении на юг. Мысль о стахановцах: «Богатеть будут. Тем более надо сплотиться» (Значит, этот страх перед «материей» существует уже. Эта сила то же, что «спеца», но «спец» малочислен, а тут... У партийца сила во «втором рождении» (отец пьяница, мать проститутка), стахановцы возвращаются к силе пер-

859

вого рождения (самости). Подхватил: «и мы переменимся». Великие слова: «и мы переменимся». – Каждый процветает в своем таланте. – каждому по способностям.

29.

Звездное утро. Свет зари на снегу с боку. Вчера был инженер Жданов, и через него понял я свое счастье.

Необходимо думать о «втором рождении»: какая дорожка открывается: и главное, мой опыт – возвращения к себе – является ли через стахановцев общим путем.

30.

Когда все померкнет и останется на небе только утренняя звезда, свет приходит от одной зари низом по снегу, и оживать в свете все начинает от снега. Тогда ели, засыпанные снегом, почему-то кажутся безмерно высокими. Бывает, снега до того осветятся, что и все следы станут различными, и кажется тогда, что лучше этих минут в лесу не бывает. Но это начало, самое только начало перемен, прекращенных на очень долгое время от первой зари и до белого света, до большого утра, когда солнце взойдет.

31.

Инструменты, вещи входят в личную жизнь, как зятя и невестки в семью, приживаются и получают семейные права и личные отношения. Но еще одушевленнее входят игрушки в хозяйство ребенка. Этому противостоит механизация, где все только практично и целесообразно. И новый человек, если только он хочет быть действительно новым, должен вернуть душу вещам и таким образом освободиться от своего рабства.

Была елка рождественская, теперь стала новогодняя и сам Новый год стал на 13 дней раньше. Так вот, включив в себя старый праздник, новое время наконец-то достигло первого своего праздника (синкретизм).

Есть устремление человека «положить душу за други своя» – заповедь Нового Завета. И есть заповедь старого

860

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Завета: получив талант от хозяина, вернуть ему больше. Коммунисты военного времени безоговорочно губили душу, не думая даже о ней. Теперь они устроились на службу и лелеют мечту показать свой талант: это обыкновенная история мирных времен, приводящая к разделению чело-века в работе для казны и для себя. Гражданин тоже, как праздник, как елка, складывается из разнородных частей (синкретизируется).

Благодать «второго рождения» у коммунистов современ-ных переходит в поколения действительно лишь как благодать, подавно как она переходила веками от попа к попу, не требуя от личности подвига.

В газетах даже называют стахановское движение про-буждением талантов... и недаром с этим совпало воскре-шение елки. В искусстве тоже есть своя елочка. Государственному человеку надо считаться с искусс-вом не как с артиллерией, а как с детством: бесполезны дети сами по себе, но в них будущее неведомое, так точно искусство: оно не всегда полезно в настоящем, но без ис-кусства не может быть будущего.

Не забыть о женщине, обретающей в ребенке граж-данство. Я, читая это (см.), живо представил себя мате-рью: с одной стороны, животный эгоизм, с другой, несом-ненно, гражданство, воспользоваться этим для статьи или речи.

(Беременность во время гражданских обязанностей революции, выход: аборт – И ко времени это единст. вы-ход (душу за друга), но в мирной жизни аборт преступле-ние. Так точно и с талантом: губить его на службе в мир-ное время есть преступление.)

Машка Огород на колесах.

Когда я была еще совсем маленькая, помню, мой отец большой человек в Горсовете, а у матушки сад-огород. Когда я была еще вовсе маленькой, помню, отец ей гово-

рил: – все у тебя хорошо: яблоньки славные, капуста куд-рявая, огурцы строгие, брюква толстая, репа круглая, по-мидоры красные, все хорошо, а мне мало, я бы хотел...

– чего же ты бы еще хотел? – удивленно спросила ма-тушка, – разве вот вишни бы, да ведь сам знаешь: вишни у нас в городе на огородах ни у кого не удаются. – Не виш-ни, – ответил отец, – а я хотел бы, чтобы огород твой на колесах был, взял бы да переехал куда-нибудь, а то все си-ди, сиди.

КОММЕНТАРИИ

По мере публикации литературного наследия Михаила Пришвина становится очевидным, что его дневник – едва ли не самое масштаб-ное и едва ли не самое неожиданное произведение в истории русской литературы первой половины XX века. В нем соединяется русская ли-тературная традиция писательского дневника, в котором личная жизнь и творчество предстают в сплетении постоянно возникающего мате-риала авторефлексии, с русской летописной традицией – погодовой хроникой происходящих событий в течение пятидесяти лет. И сама фигура писателя, творчество которого по разным причинам еще до сих пор не осмыслено, выступает в несколько ином свете, чем это представлялось до сих пор.

В 1932–1935 гг. Пришвину удается не противопоставлять себя современности и участвовать в жизни, публикуя свои произведения, и в то же время оставаться независимым и свободным («Быть везде, все видеть и не покидать пустыни, гтобы не сорваться и не отдать первенство за гегевигную похлебку»); по его мнению, сохранить универ-сальность миропонимания ему удается благодаря «приобщенности» к европейской культуре: образованию, которое он в начале XX века получил в Германии, и немецкой культуре, влияние которой (в част-ности Ницше и Вагнера) он испытал в полной мере («Погему же писа-теля кормят какими-то тенденциозными вытяжками из европейско-американской культуры ... и не дают ему возможности ... быть в курсе "технологии" мирового общения в вопросах искусства слова. Лигно я не огонь нуждаюсь ... в этом общении, потому гто смолоду был приобщен, и на всяком месте при всяких условиях от этого заряда ... воспринимаю все универсально»).

Характер дневника в эти годы остается прежним: Пришвин стре-мится понять смысл новой жизни, пытается оценить достижения, осо-знать степень цинизма власти, обнаружить способы существования, вернее спасения, личности. Писатель по-прежнему остается в дневни-ке предельно открытым, общий страх, который уже проникает в повесть-дневную жизнь, никак не сказывается на его ежедневном общении – с самим собой – в этих драгоценных тетрадках. А жизнь оставляет все меньше надежд на нормальное человеческое существования («Слы-шал там о Флоренском, гто его выслали и будто бы семье сказали – ку-да-то близко, а письмо полугено из Свердловска, на пути в г. Свободный: где же находится г. Свободный, тогно не знают, будто бы на Амуре»).

865

Писатель не просто оценивает новую жизнь в России с точки зре-ния идеологии или

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
изменения жизненного уклада – он пытается так-же понять ее с точки зрения культуры: революция вписывается в кон-текст культуры, как европейской, так и русской – в контекст кризиса гуманизма, в эпицентре которого оказывается и ницшеанский тезис о преодолении человека – низкого в человеческой природе, создании сверх- (читай «нового») человека. В 1933 г. на Беломоро-Балтийском канале Пришвин воочию убедился в том, что одной из важнейших це-лей строительства тоже была «перековка», переделка человека, конеч-но, безо всякой философской подоплеки; это была пропаганда идеи превращения заключенного в идеального, социально ориентирован-ного человека нового общества, который должен был появиться в про-цессе строительства канала («"Перековка" геловека в лагерях состоит в том, гто бродяга, анархист или мелкий собственник, крестьянин или собственник [специальных] знаний заключается в систему действий, непосредственно полезных для советского государства. Предполагая, гто принципы сов. государства являются лугшей целью всего геловеге-ства, все равно как раньше было Бог, заключение геловека в дело осу-ществления этих принципов тем самым является и делом исправле-ния»). Как бы иронически ни звучала эта запись – ясно, что писателя не привлекает и не восхищает эта гибельная идея – но иронией он не может удовлетвориться, он пытается понять, что испытывает человек, оказавшийся на канале, и что ему теперь делать.

С некоторыми людьми он сумел поговорить во время своей поезд-ки на Беломоро-Балтийский канал в июле-августе 1933 г. («Вегером концерт с Михайловой: певица говорила: я не говорю о карьере: голос пропадает, кашляю, кровь... – пусть! но ребенок, свидеться с ребен-ком»), о других ему рассказали – по дневнику рассыпаны краткие за-писи о людях, иногда просто отметка: кто есть кто в этом лагере («От-казгики, религиозники, студент-китаец (троцкист), венгерка-певица (шпионаж), художник Курбатов, актер Полковников, писатель Вилен-ский, биолог Кишкин, кореец-шпион, ущемленец, капельмейстер поп, крестьяне, урки, цыганка Кармен, геолог, враги, монашка, монах, про-фессор, еврей, латыш, инженер, анархист, угеный, мелкий собственник, ксендз»); позднее, спустя несколько лет после поездки, он запишет: «б/д 1937. Тут была вся Россия» и «18 июля 1937... мы все строим ка-кой-то канал». И спасением, вернее попыткой сохранить себя, для ка-налоармейца становится... работа. Понятно, что если на все это смот-реть со стороны – ужас, ужас и ужас... а если чувствовать все по себе («21 июля 1937. С этим каналом я, как писатель, в сущности сам по-пал на канал»), если себя там представить – тогда что? понятно, что ужас, а дальше что? Пришвин знакомится с человеком, который осво-божден и работает вольнонаемным – на канале эта практика широко применялась («несмываемое оскорбление... и снова красные петлицы, а между тем себя самого нет: петлицы вернулись, а сам себя потерял и ноет, болит несмываемая обида... то же самое инженер... готов в любое 866

захолустье на голод, лишь бы "свободным", т. е. смыть обиду (плен)»). Нет выхода и нет спасения, а писателю все равно нужно понять, что происходит с человеком в том месте, где нет ему спасения*. Героиче-ская модель поведения никак не вписывается в эту абсурдную реаль-ность и, по Пришвину, не может быть способом борьбы с ней – пото-му что любому сопротивлению противостоит смерть; господство зла как такового, с которым невозможно открыто бороться... что можно противопоставить этому, кажется, нереальному существованию?

Пришвин обращается к идее внутренней свободы не как к фило-софской категории (Бердяев), а как к повседневной реальности, пове-денческой норме, единственному реальному способу для человека со-хранить свою личность («Теперь никто не спрашивает о моральной мотивировке поступков, лишь бы поступки эти согласовались с гене-ральной линией партии и давали бы продукцию в колигественном и ка-гественном отношении. Именно вот это и определяет наше время: про себя живи, как тебе только хоgetся: властвует затаеннейший гело-век»). Пришло страшное время, и идея роста внутренней свободы за счет утраты внешней стала задачей повседневной жизни, пусть даже неосознанно – слово превратилось в дело: выжить на канале можно было, только сохраняя внутреннюю свободу (это Пришвин знал по себе – все послереволюционные годы дневник был для него способом сохранить в себе способность мыслить, любить, радоваться... жить вопреки всему), здесь это можно было только посредством работы, посредством труда («21 июля 1937... я представил себе, гто я сам на канал попал, хотя бы по культурно-просветительской гасти работал. И, конегно, я бы работал: "канал должен быть сделан"»). Безумие так писать? – конечно, но ведь и жить так – безумие, пришла безумная жизнь, и оказалось, что все равно приходится жить**. А о чем «Один день Ивана Денисовича»?

* Ср.: «8 Апреля 1934 г. Вчера видел Кишкина, бывш. заключенного в Соловках, и узнал от него, что там теперь уже все переменялось, бан-дитов нет, а только изолятор политических».

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
** Ср.: «Дневник М. Пришвина был опубликован посмертно. Писатель не принимал участия в экскурсиях, но посетил канал за месяц до нее. О преследовании "кулаков" и прочих ужасах еще в 1930 году он высказывается критически. Однако в его дневниковых записях о Беломор-канале дистанции почти уже не чувствуется. ... В последующие годы Беломорканал становится одной из главных тем пришвинского творчества; в своем романе "Осударева дорога" он излагает историю канала именно так, как это от него ожидалось, причем в качестве формальной вариации он избирает точку зрения мальчика. ... С точки зрения перервоспитавшегося писателя, ужасы Беломорканала остались очевидными. Но эти ужасы не должны стать предметом его изображения. Как становится ясным из формулировок Пришвина, критерием для него служит не доктрина социалистического реализма, а более старое уче-

867

И как техническое сооружение канал тоже не производит на Пришвина сильного впечатления, он и тут остается трезвым и отнюдь не восторженным человеком («Плотину в Надвоицах можно понимать по сравнению с подобными плотинами в капиталист, странах, и тогда эта плотина ни к чему не представляет особенного»). На самом деле очерк «Отцы и дети», который Пришвин написал в результате поездки, никак не вписывается в сборник, прославляющий труд заключенных (так заклеил его А. Солженицын за то, что впервые в русской литературе писатели воспели рабский труд). К при-меру, Пришвин записывает свой дорожный разговор со стариком, бывшим заключенным («— Мне дали катушку ... Я не понял. Он ска-зал по-другому: — Червонец. — Это я кое-как понял: он был осужден на десять лет. Другой пассажир, помоложе, спросил: — Вы полугили ка-тушку герез вышку? — Это знагило: десять лет взамен высшей меры»). И в истории этого человека нет ничего пафосного и радостного, и ехать ему после досрочного освобождения некуда («Ехать мне больше уж некуда, родину свою я потерял»), ему остается только работать тут же, на канале, теперь добровольно. Или процитированные другим пас-сажиром, «тоже, вероятно, когда-то отбывшим срок заключения», строчки: «От сумы и тюрьмы / Не отказывайся! / Приходящий, не ту-жи! / Уходящий, не радуйся», после чего авторский комментарий от-крывает бездну между государственными декларациями о труде и ре-альной трудовой деятельности на канале сотен заключенных («Многим в вагоне эти стихи оказались не только хорошо знакомыми, но и внут-ренне очень понятными. Я тоже одобрил это умное, гисто востогное приспособление к жестокости жизни и превратностям судьбы. Но по-том мысленно сопоставил этот старый тюремный стиль с новой, со-циалистической этикой: "Труд — дело гести, дело славы, дело доблести и геройства"»).*

И как это бывало с текстами Пришвина, цензура по-няла, что в сборник этот очерк не может пойти, но не поняла, что ав-тору удастся в нем размышлять о том, о чем именно размышлять под ние о произведении искусства как воплощении красоты и добра — пусть и не правды» (Клейн Иоахим. Беломорканал: литература и про-паганда в сталинское время // Новое литературное обозрение. 2005. № 71; <http://magazine.russ.ru/nlo/2005/71/k1/14.htm>). Определив При-швина как «перевоспитавшегося» писателя, И. Клейн в своей статье не задается вопросами и тем более не пытается на них ответить: почему Пришвин поехал на канал один, а не вместе с группой писателей? по-чему не взяли его очерк в известный сборник о канале? почему его ро-ман «Осударева дорога», написанный «как от него ожидали», не был опубликован при жизни писателя, и почему редакторы требовали от писателя бесконечных переделок, вплоть до переноса действия романа в другое место, и почему он на это не соглашался? * Собр. соч. 1935–1939. Т. 1. С. 28–29.

868

страхом смерти точно было запрещено. Литературный язык Пришви-на тяготеет к народному разговорному языку, не столько народному по форме, сколько по противоположному власти стилю мышления и общения — доверительный тон, открытость, не утверждающая, а рас-суждающая манера, диалогическая, а не монологическая речь — в днев-нике Пришвина десятки «чужих слов», записанных и включенных в авторский дискурс. Этот язык для «имеющих уши», которые услы-шат, и поймут, и додумают, для читателя Пришвина, которого не да-ром он все чаще будет именовать и считать другом. Цензура слышит «за или против», а пришвинский текст как будто на другой террито-рии (М. Рыклин) — один открывает книгу и не находит в ней ничего «такого», другой же читает и понимает, что, к примеру, повесть «Жень-шень» не о том, что какие-то особенные люди строят социализм; в ней речь идет о самой сути человека и о том, зачем он строит и как он строит, кого он любит, о чем он думает и как он живет... Кстати сказать, год спустя после выхода сборника о канале При-швин с удивлением записывает о том, что сами писатели — Б. Н. Ага-пов, писатель-очеркист, Шкловский, Ставский — оказались на его стороне («Третье лицо Шкловского: такой-то геловек и вдруг прослав-ляет меня за огерк, не напег[атанный] в "канале1'»).

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
В эти же годы, судя по дневнику, медленно, из глубины собствен-ной души, а не мысли возвращается Пришвин к Богу – он по-прежне-му не церковный человек, и его раздумья на эту тему всегда выражены предельно просто, очень честно и свободно («Бывает, чтение книг о геловегеском опыте ... утверждает вас в правильности вашего пу-ти. ... Мне кажется, я нахожу эту радость в чтении и своем лигном толковании Евангелия»; «так хочется иногда стать на молитву, так от мысли этой мелькающей делается легче. ... Какой-то внутренний облик того, кто называют Богом. Я своею деятельностью этому облику и так молился, и лугшее мое явилось отсюда. Мое писание исходит оттуда: там оно зарождается, там его природа, но люди погему-то не-обходимы тоже: это они вызывают сойти в жизнь, бороться, отста-ивать себя, огонь погано! а надо»). Необходимость «сойти в жизнь» и участвовать в жизни Пришвин всегда чувствует: надо быть во време-ни, если ты писатель, ты должен чувствовать современность и пони-мать ее. Так в его жизнь вошла машина («через машину в круг больших вопросов всей современной культуры»). Многое не нравится Пришвину в новой жизни, многого он не может и не хочет принимать и пони-мать, но он видит, что прежняя жизнь со всем ее укладом прошла, ка-нула в лету и уже невозможна («Говорят, кто на Козьей Горке назнаге-но великое военное строительство. И уже сейгас пятитонные машины нагали поднимать пыль, и окно приходится закрывать, а вот скоро трамвай пойдет, а там этот завод... В этом и есть главное отличие прежнего жизнеощущения и нынешнего: тогда казалось, все прогно во-круг и я лигно устраиваюсь на всю жизнь; теперь никак нельзя прогно устраиваться. Многих прежних людей это и губит: без этого им жизнь 869

не в жизнь»). Сам он по своему складу, по интересу и любви к жизни, по стремлению в любой ситуации искать и находить выход жить про-шлым не может («Неужели же мне среди новых людей жить, как все обыватели страны, воспоминаниями прекрасного прошлого. Нет, я на-деваю очки и снова все вижу, как юноша»). Процесс индустриализации и урбанизации сопровождается массовым разорением деревни, пере-мещением сельского населения в город («Москва – это деревня по ге-ловегескому своему составу»). Все это происходит одновременно, и в дневнике писателя все перемешано, как в жизни: серьезное («Машина и электригество ставят новые задаги перед лигностью: овладеть этой силой»), нелепое («В городе уже все знают. Машина – это все равно кто власть, ген генерала и т. п. Машина, знагит, большевик, это раз-рыв со старухами. В то же время все хамье из местного нагальства становится погтительным, ведь хамья-то больше, и в общем плюс»), безысходное («Куда ни пойдешь (рыбные пруды, пашня, лес, огороды, птигий трест и т. п.), везде совершена работа, и вся она сделана мас-сой полуголодной (из Саратова за фунтик хлеба). Все делается под страхом голодной смерти, и потому узнать себя в своих делах геловек не может... Все расгитано на массового геловека, который в среднем за кусок хлеба при голоде готов на все») и то, что каким-то образом ока-зывается как будто и положительным («По хамству геловека или по закону приспособления тот же тюль перешагивается в "достижение": были грязь, мужик, вши, вонь, матерное слово, и вот тюль, и цветы, и герань»).

Но как бы там ни было, смысл времени – новой эпохи, XX века – Пришвин безошибочно почувствовал и понял абсолютно верно («Мне кажется, я угадываю теперь уже верно характер историгеского момен-та нашего государства: и только теперь я понял! а между тем давно уже видно было, кто разрушительная миссия интеллигенци, идеалы высшей свободы и пр. конгились и нагнается время культуры верных государству людей ("кадрырешают"). Маркс, Энгельс, Ленин – это лю-ди деловые, это "практики", а мы привыкли питаться от мыслителей... Но время подошло к практикам и действию. Мы ждали пророков, а при-шли экономисты»; «теперь новая эпоха строительства нагальсь и бу-дет продолжаться именно так, пусть даже иностранцы придут и даже возвратится монархия – все равно! иностранцы, или монархисты, или социалисты, те или другие будут заниматься не расширением, а строи-тельством»). И в свете этой новой реальности он видит литературу («Еще мы говорили о том, кто вместе с добродушием эпохи котилась эпоха писателей-моралистов, какими были до революции все крупные писатели: Толстой, Гоголь, Достоевский...»).

При том, что дневник Пришвина ежедневный, в нем не воссозда-ется цепь событий день за днем – в дневнике нет бытового реализма; будь это факты его творческой или личной жизни, будь это общест-венные события, они включены в поток авторской рефлексии. Иногда 870

одна беглая зарисовка или мысль, которая афористически аккумули-рует в себе суть времени, становятся штрихом в картине мира, которую рисует дневник писателя и без которого эта картина не будет полной: «Беда: машин наделали, а людей нет. Для машины необходим цельный геловек, не издерганный в собраниях». Или пометка:

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
«Коварное лицо... испр.: Коварная лигина времени». Или: «В... РИКЕ с лестницы на

лест-ницу бегали герти с папиросами в зубах, в штанах галифе». В то же время, несмотря ни на что, Пришвин отмечает события, лично для него существенные, важные, к которым он возвращается вновь и вновь, начиная с детства, архетипы, которые лежат в основе его личности и прокладывают его путь в литературе и жизни. И в конце концов оказывается, что именно эти события легли как в основу его религиозно-философских взглядов, так и в основу его жизненного и творческого поведения. В дневнике формируется сложный пласт ав-торефлексии писателя, который выстраивает целый мир, наполнен-ный мифами – его взаимоотношений с природой, с женщинами, с влас-тью, мифология собственного детства, марксизма, своей Германии, Америки и, наконец, творчества. В XX веке автомифологизация со-храняет свою знаковую роль и, кроме того, приобретает особое до-полнительное значение скрытого смысла оппозиции правящему ре-жиму. По крайней мере, к мифологизации образа писателя-охотника Пришвин, безусловно, приложил руку – он сам любит этот об-раз, в нем он свободен, в нем он естественен, в нем он неуязвим.

В 1932 г., впервые оказавшись на медвежьей охоте, Пришвин про-веряет себя прямо «гамлетовским» вопросом («Я не эти ли самые елогки маягли мне, когда я в глубоком снегу продвигался к гелу, и гово-рили: быть или не быть охотником?»), он охотой испытывает на под-линность свое писательство и даже саму жизнь («Л может быть, я с этими своими птигьими охотами только представлялся охотником? Что если все это было только для литературы ... и сейгас все узна-ют, гто я бумажный охотник? Что если и мое словесное искусство то-же обман... и так вся жизнь обман на обмане?»). И без этого трудно понять Пришвина – он должен быть сам абсолютно уверен в том, что он настоящий – охотник, писатель... человек. Пришвин-охотник в про-низанном солнечным светом пространстве круга, очертившего берло-гу, живет по иному времени («Неужели всему этому огромному време-ни мерой была наша секунда?»). И все это настоящее. Тут не слукавишь, не обманешь, не проведешь – цена жизнь и смерть, настоящая опас-ность, традиция, уводящая в глубину человеческого и природного естественного противостояния (природы и культуры) – испытание, уважение к природе и ее силе, понимание, что это проверка тебя на прочность, честная проверка. Это и есть пришвинская охота. В образе писателя-охотника он бесстрашно и уверенно противостоит не просто «вредителю», а «Кашею-вредителю», то есть вредителю любого ран-га-и побеждает («с тех пор я как писатель "разъясненный" и устранен от гитателя... охотнигьих моих рассказов больше нигде не пегатают

871

... Ну, ладно же! Если новых писать нельзя, я возьму старые, признан-ные классигескими, общеизвестные, школьные: "Ярик", "Нерль", "Ленин на охоте" и множество других, соберу все в том "Записки охотника" – вот будет хрестоматия-то».

В 1932–1935 гг. он чувствует, что хронотоп революции («Револю-ция движется линейно, события и лица проходят... без ритма») вступа-ет в какое-то неразрешимое противоречие с хронотопом человеческой жизни («время общей жизни мира (солнце всходит и заходит) идет ритмигески»). Циклическое время природной и человеческой жизни сталкивается с линейным временем революции («все революционное движется по линии (не по кругу)... все является и [пропадает] без воз-вращения: усвоили и бросили, как выжатый лимон... умерших и больных выбрасывают без слез... Родину, мать, отца, друга – все ради движения вперед без возвращения») – движение вытесняет жизнь и создает ил-люзию жизни (ее метафорой становится «выжатый лимон»); в этой выхолощенной жизни ничего не может родиться – ее главное содер-жание скорость и беспамятство, жизнь не творится, а нудится («Жизнь такая ужасно нудная»). И какой замечательной представляется ему в эти годы обыкновенная человеческая жизнь без идей и рассуждений («я подумал вообще о сгастье того множества, которое в данный мо-мент совокупляется: как это хорошо\»)

Пришвин не исследует русскую жизнь, он живет ею и «поэтически описывает», он также не изучает русскую мысль – он сам мыслит, и его интересует в окружающем мире и встречающихся людях способ-ность мыслить, сама русская мысль в действии, в развитии, в совре-менной жизни, – она ведь не исчезла, не утонула в навязанном обще-ству советском образе жизни и мысли, она затаилась и прорывается в интимном дружеском общении, во встрече двух «на одной тропин-ке», в слове писателя; Пришвин находит живые ростки мысли, и для него это самое важное... он верит, что «ненужное», «лишнее» сейчас (включая и его собственное творчество) понадобится, именно оно-то и понадобится... (в позднем дневнике он запишет: «б/д. Вокруг меня идут люди, бросившие все свое лугнее в общий костер, гтобы он горел для всех, и гто мне говорить, если я свой огонек прикрыл ладошками и несу его и берегу его на то время, когда все сгорит, погаснет и надо бу-дет зажегь на земле новый

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
огонь. Как я могу уверить моих ближних в жизненном строю, что не для себя лигно я берегу свой огонь, а на то далекое время?»; он уверен, что понадобится природа... его галки и муравьи, собаки... мелочи жизни и человек, который живет здесь и сейчас и, конечно, меняется. Пришвин тоже за нового человека, за то, чтобы творчество проникало во все, чем занимается на своем месте каждый, но он уверен, что для этого не надо никого «перековывать» («Люди жить хотят, – дайте им жить!»). Это ни к кому обращенное, в общем-то отчаянное восклицание повисает в тексте...

872

Полярно противоположна и даже удивительна своей принципно-альностью государственная идея уничтожения личности – превращения живого и неживое («я думал о "живом геловеке", о котором соску-гилось теперь наше государство. ... Живой геловек ... которого государство хоет приспособить себе на пользу ("Ты дашь мне Пришви-на, а я тебе переброшу Толстого") и превратить в угреждение (Горький: не поймешь, – геловек это, город, улица, ведомство»)). Этические нор-мы, принятые в государстве, противоречат человеческим представле-ниям о добре и зле и в большой мере определяются антихристианской парадигмой («Герой современности – это сын, который своего родного отца как некто лигное и прошлое приносит в жертву обществу. Сын против отца вплоть до оправдания отцеубийства»). Очень существен-но, что подобная ситуация исключает саму возможность мирного раз-решения – даже в случае раскаяния блудному сыну некуда возвра-щаться... Эта логика уже проникает в сознание («к отцу ... бедному геловеку, привезли три сажени дров, свалили, и их нужно было перело-жить в сарай. Отец за Витьку, и тот приезжает в автомобиле, раздева-ется и [перекладывает] дрова. ~ Это слугайность ... его скоро выпрут. Партия таких хороших не терпит. В гем дело? В том, гто поступок этот глубоко "лигный", "хороший", "вольный", но никак не советский-партийный характеризует скорее добрые отношения сына с отцом где-нибудь в Америке ... гто нам, детям (буржуазной) культуры, пред-ставляется хорошим – это влугшем слугае безразлигно пролетарскому моралисту»). И все же писатель верит в то, что человек по своей при-роде не может бесконечно жить во зле – «добро перемогае зло» («ге-ловек по природной сущности своей держится за жизнь и предполагает лугшерожать, гем убивать»)', и даже это новое государство, в котором все так трудно, жестоко складывается, по Пришвину, когда-то долж-но... переродиться («Если только нашему Союзу предстоит жить, то рано или поздно непременно должна нагать формироваться и утверж-даться в своих правах лигность»).

В 1932–1935 гг. Михаил Пришвин продолжает жить в Загорске. Его образ жизни не изменился – это выражается как в круге общения, внешнем облике, стиле мышления, так и в способе работы и отноше-нии к творчеству («Мне хоется писать не то, гто надо бы, а гто пи-шется. И так это хорошо!») Ему это по-прежнему удается, хотя имен-но в эти годы окончательно определяется стиль взаимоотношений власти и литературы – формулируются принципы социалистического реализма, писателям предлагается свой стиль «сверять» с пролетар-ской идеологией, с задачами классово-борьбы пролетариата, с по-требностями генерального наступления социализма и культурной ре-волюции. 23 апреля 1932 года появляется постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций». Ситуа-ция, которая возникла в связи с этим постановлением, упразднившим ассоциацию пролетарских писателей, для Пришвина оказалась спа-сительной, поскольку с властью (напрямую, без посредничества лите-

573

ратурных объединений – «Перевала», РАППа) он не сталкивался, а «рапповцы», начиная с 1930 года, то и дело подвергают творчество Пришвина критическому разбору*. Конечно, нельзя сказать, что с это-го момента положение Пришвина кардинально изменилось («Осво-бождение писателей от РАППа похоже на освобождение крестьян от крепостной зависимости и тоже без земли: свобода признана, а пахать негде, и нигде не попишешь при этой свободе»), но все же именно в это время им была написана поэма «Жень-шень», или «Корень жизни», опубликованная в 1933 году. Первый съезд писателей свободы не при-бавил («съезд проваливался: докладгики, нагиная с Горького, гитали по напегатанным докладам ... меня запросили на съезде, о гем мог бы я сказать со съезда по радио, и я ответил: – Скажите, гто мы ждем от правительства второго шага: первым шагом было 23 Апреля. – Мне ответили, гто так нельзя»). С одной стороны, Пришвин понимает, что «условия писания явно улучшаются» и как будто «нечего вовсе и говорить»; с другой стороны, признает, что Чуковский и Эренбург попробовали «покритиковать», но съезд это не оживило («Съезд по-хож на огромный завод, на котором загадано создать в литературе со-ветского героя»). Пришвин даже как-то с удивлением отмечает, что его не выбрали в президиум («64 гелов. президиум: меня не выбрали: и хорошо, и неприятно: хорошо, гто я в оппозиции, гто я свободен и могу всегда

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru исчезнуть незаметно, плохо же...» Самоирония спасает его от того, чтобы это принимать слишком близко к сердцу («Уважения не нужно, а не уважат – обидно»), он чувствует какую-то общую «линию политики» не только в отношении себя. Может быть, потому, что ему на самом деле до последнего предела чужд этот стиль – советский – ни к чему не ведущих разговоров и хочется исчезнуть, не участвовать («Болтовня на съезде, интервью, снятие... я решил на день-два сбежать в Загорск. ... Ясный прохладный день. Тишина... Сгастье вер-нуться к себе. ... А съезд все идет» ... Кстати сказать, Пришвин сов-сем не считает себя героем и записывает, что сам «струсил даже того, кто сказал организатору радио-митинга» об ожидании от правитель-ства следующего шага, но в то же самое время знает в себе одну черту, которая никогда не подводила – позднее он однажды запишет о себе: «храбрый заяц» («всегда понимая себя как труса, на деле, когда подхо-дило в упор кто-нибудь, я всегда оставался на высоте, только редко это слугалось»). Считается (впрочем, вполне справедливо), что именно с поэмой «Жень-шень» Пришвин триумфально вошел в советскую литературу. И это при том, что повесть не отвечала ни одному из предъявляемых в это время к литературе требований. Безусловно, тема организации заповедника соответствовала современному пафосу строительства и использования природных богатств, однако в повести строится совер-шенно противоположная господствующей модели развития – модель, Ср.: Варламов А. Пришвин. С. 308–310.

874

воплощение которой в реальной жизни было абсолютно невозможно. Работая над своими «дальневосточными» материалами (поездка на Дальний Восток в 1931 году) Пришвин еще и не подозревает, что поэ-ма «Жень-шень» станет почти фантастическим результатом его, пря-мо скажем, странной, невозможной, но сработавшей литературной стратегии («я всегда нагибаю свое дело, как мне велят, но вещь выхо-дит всегда не такой, как мне велят») и упрямой, вопреки всему оче-видному, и тоже кажущейся невозможной модели его творческого по-ведения («за поэзию нельзя давать ордена и гины. Декадентство именно и стоит на том, кто поэзия – "сама по себе" (Не есть ли мое настояги-вое стремление быть самим собой – требование поэта: ... разрешение быть самим собой – вот все, кто может поэт искать у граждан для себя и на всяком месте оставаться поэтом – вот его долг и его граж-данственность.)»). Именно «Жень-шень» станет вехой, которая от-метит его окончательную интеграцию в советскую литературу*. И са-мое главное, что произойдет это не потому, что он в чем-то кому-то или чему-то уступает, – в том-то и дело, что ему удастся остаться самим собой («Некоторые ... пробуют каяться в своей интеллигент-ской] совести в надежде докаяться до пролетарской, но это им никогда не удастся, потому кто в совести пролетарской нет ничего, – пусто-та, в которую... врывается иное историгеское содержание приписка: во всяком слугае, не гуманитарного характерам).

Мир поэмы «Жень-шень» одновременно и реальный, географи-чески конкретный, и условно-поэтический; в поэме возникает почти научно-достоверное изложение связанного с растением жень-шень и с пятнистым оленем знания, благодаря которому очевидна возмож-ность и необходимость изготовлять из них лекарство; но на это насла-ивается (стилистически не противореча) сюжетная линия, связанная с внутренними переживаниями главного героя (любовь, расставание, ожидание и пр.) «Жень-шень» – это повесть о любви, в которой не обсуждается, «за» или «против» революции ее герой. В ней обсуждаются две моде-ли поведения, соответствующие двум моделям отношения человека к природе: первобытно-родовая («Всякий охотник поймет мое погги неудержимое желание схватить зверя и сделать своим» (Т. 4. С. 15)) и сложно-современная, соединяющая поэтическое («Прекрасноемгно-вение можно сохранить, только не прикасаясь к нему руками» (Там же) – культурная традиция Гете) с прагматично-рациональным – ор-ганизация заповедника с целью добычи оленьих пантов для изготов-ления лекарства. Охотник противостоит поэту – но поэту, способному к осуществлению реального дела, органично соединяющему в отноше-нии к природе традицию (культуру) и современность (цивилизацию).

* Что отнюдь не будет означать укрепления его положения в советском писательском сообществе и публикацию его последующих вещей: к примеру, ни одно из трех послевоенных произведений Пришвина не было опубликовано при его жизни; но до этого еще далеко.

875

Кроме того, в повести «Жень-шень» Запад в лице главного героя (сложный, сомневающийся, рефлексирующий человек «фаустовско-го» типа) и Восток в лице китайца Лувена (простой, органичный, тра-диционный, чувствующий и понимающий жизнь человек) не проти-востоят друг другу, но творчески взаимодействуют, дополняют друг друга, осуществляя задуманный проект организации заповедника. В художественном мире повести этот проект становится моделью ми-ра, в котором снимаются оппозиции «Восток–Запад», «природа–культура», «культура–цивилизация»,

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru поскольку осуществление вполне прагматичной цели, стоящей перед человеком, требует и умения, и трезвого расчета, и знания, и поэзии, и мудрости, и любви («Другой раз подумаешь в отчаянии, кто не стоит и жить. Но вот написалась же в этих условиях эта вещь "Олень-цветок", такая милая вещь в такое-то время! и она останется, и ради того, чтобы оставалось после себя, и следует жить, и в этом одном опора и нагало спокойствия даже и во время эпидемии и войны»).

Поэма «Жень-шень» противостоит новой культуре и по языку. К этому времени «новояз» заполняет газетное, журнальное и пр. официальное пространство, а также проникает в художественную литературу; все обобщающий, мертвящий, холодный язык унифицирует жизнь, обходит все подробности, частности живой жизни, ведет к единому нормативному сознанию. Для Пришвина это невозможно, он по-прежнему и в дневнике и в художественных произведениях сохраняет живой разговорный язык, но при этом понимает острую для современной литературы необходимость выхода к универсальному («Для меня как писателя весь труд состоял в преодолении своего провинциального и выходе моего родного лигного, мохового, елецкого слова в мир общего понимания... путь провинциального слова к универсальному проходит по следу нарастающей индивидуальности, и когда данный индивидуум становится лигностью. в этом самом процессе и слово родное делается словом универсальным», «универсальная литература, а не как теперь, советско-провинциальная»).

Надо заметить, что поэма «Жень-шень» уже в 1935 году была переведена на английский язык – пришвинское слово «вышло в мир общего понимания».

Успех повести, хотя рецензий о ней нигде не было, стал для Пришвина прямым доказательством того, что можно переиграть эту власть, можно прорваться к читателю со своим словом («Читаю "Жень-Шень", удивляюсь себе и думаю: нет, никто у нас не запрещает человеку оставаться самим собой»).

Однако в этом же 1933 году Пришвин понимает, что находится вне официальной писательской конъюнктуры («Эх, если бы не "враг", то какую бы вещь я мог бы еще написать! Какие дремлющие силы развернулись бы, и, конечно, я бы взялся за пьесу и какую бы пьесу-то написал! Но враг нагеку...»). Тем не менее, свое 60-летие в 1933 году он решает отметить юбилейным вечером на краеведческой секции Оргкомитета

876

Союза писателей («меня гестовали искренно, как никого из писателей не гестовали за все 15 лет сов. власти»). Вскоре после вечера Пришвин узнает о недвусмысленной, резко негативной реакции Л. Авербаха (в недавнем прошлом ответственного секретаря РАППа, в октябре 1932 года по настоянию Горького введенного в Оргкомитет Союза советских писателей) на это, в общем-то, незаметное в общественном смысле событие («"Пришвину надо не юбилеи устраивать, а назначить пересмотр его сочинений"»). Он принимает такое отношение к себе как неизбежное и уже привычное, с чем нельзя не считаться; это отношение определяет его «тактику борьбы», но не касается творческих планов. Напротив, в чем писатель уверен – так это в своих книгах, которые, надо сказать, в это время широко издаются («видел корректуру "Скорая любовь"... набирают "Корень жизни"... ижур[авлиную] родину". Цело идет») он также уверен в своем читателе, который прочтет и всё поймет («Оргкомитету писателей называется Моргкомитетом... Тактика борьбы: как можно меньше попадаться ему в поле зрения. Все дело в выигрыше времени: книги мои свое дело делают, они завоевывают публику, а "Морг" тем временем сам как "морг" попадет в поле зрения "всевидящего ока", как попал в свое время "РАПП". Тем только и хорошо в нашей жизни, кто все скоро меняется...».)

А несколько дней спустя в дневнике появляется запись, в которой проблемы творческой личности (писателя) переносятся в иное смысловое пространство – из культуры в реальность, где они «вдруг» перестают быть проблемами. Картина не укладывающегося в сознание, летящего куда-то «голодного» времени трансформирует все представления прежней культуры и, по сути, отменяет их: вот когда, по Пришвину, либеральные идеи XIX века на самом деле исчерпали себя и обернулись гибельной катастрофой («Наступил конец либерализма, питавшего старую революцию»). Причину краха либерализма писатель видел «в распаде слова и дела»: слова, не подразумевающие нормальной человеческой жизни, уводящие в пафосные утопические дали, в реальности вели в тупик, к абсурду насилия (классовой борьбы) и уже сами по себе становились лишними, ненужными в той жизни, к которой вели («"Троцкизм" – это соц. словесность, подобная керенщине, с той разницей, что керенщина в вопросе распада слова и дела глуповата, а троцкизм в этом до того дошел, что производил впечатления сознательно подготовленного вреда коммунизму. И чтобы спасти революцию, понятно, надо было сбросить последний балласт гуманизма и дать ход классовой борьбе... Прямо противоположен классовой борьбе "гуманизм" (керенщина, троцкизм, троцкизм – это доведенный до своего

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru абсурда гуманизм)... Классовая борьба (слова геловегеские, а дело зве-риное)... зажигает против себя две силы: в защиту геловека зажигает религию, а в защиту зверя... поднимает против себя... силу земли (и то и другое существует и, возможно, растет... но гуманизм (либерализм) абсолютно разбит...»). Оппозиция «слово–дело» в новой культуре не только не находит разрешения, но углубляется («(слова геловегеские,

877

а дело звериное)»), однако парадоксальным образом провоцирует по-явление спасительных ростков культуры («в защиту геловека зажига-ет религию») и природы («в защиту зверя... силу земли»). И эти ростки Пришвин постоянно везде обнаруживает, и оказывается, что жизни, абсолютно лишённой смысла, для него не существует. И он не «пото-му что», а «вопреки» страшной логике современной жизни ни за что не отдаст этот смысл на поругание, на уничтожение; этот смысл таится и будет таиться до самого конца в каждом его слове, в каждом произ-ведении, как соломинка, за которую можно ухватиться («Нигего не могу сказать вам о том, как мне после севера показалось в нашем бере-зовом лесу с высокой цветущей травой: это сгастье пришло. А когда сгастье приходит – уходят слова»). Он понимает – жизнь отнять могут (и чемоданчик с бельем наго-тове у него есть), но вот это необъяснимое чувство счастья в лесу – другими словами, смысл и радость бытия, которые он стремится со-хранить и передать в своем слове, никто и никогда не сможет у него отнять.

Ломка привычной системы ценностей, угроза голода, все более и более проникающие в повседневную жизнь признаки террора – все это приводило к утрате всех сколько-нибудь известных жизненных ориентиров. Картина небывалой страшной жизни свидетельствует, как мы сейчас говорим, о новых вызовах, на которые культура должна была искать новые ответы, и писатель это понимает («Человек до того несгастен, гто перестал уже о себе думать как о геловеке, забыл себя: разговаривают все о картошке. Поверх сознания мгится жизнь фан-тастическая, непонятная... она выше понимания нашего... Мне вдруг стало понятно, гто редактор попросил взять из сборника "Скорая лю-бовь" рассказ "Белая собака", в котором упоминается неодобрительно паспортная система. Я понял вдруг, гто... в то время когда люди принуж-дены забывать в деле добывания мороженой картошки и разговорах о ней, неприлично напоминать им о свободе. Вернулся паспорт. Запре-тили аборт. И половую жизнь скоро тоже загонят в твердые берега»). Не сама по себе отдельно от реальной жизни взятая «свобода» («Не приходится вздыхать о "свободе": эта блядь хорошо показала себя.»), и не «необходимость» сама по себе, с неизбежностью снова ведущая к свободе («Вот когда привыкнут к палке (гто так нужно), тогда ма-ло-помалу опять...»), а какое-то иное соотношение свободы и необхо-димости, «хочется» и «надо», личности и общества – об этом При-швин будет думать в своем дневнике до последних дней (« Да, Авербах прав: надо Пришвину не юбилей устраивать, а назнажить пересмотр его согинений... Мои книги действительно устарели. Надо искать в твор-гестве нового русла»).

Эта запись была сделана 15 марта 1933 года. Разве мог знать писа-тель, что поездка на Север (Соловки, Беломорканал), куда он отпра-вится несколько месяцев спустя – летом этого же года, на самом деле

878

станет началом нового этапа в его творчестве, а именно, приведет к работе, в которой он будет говорить о самой главной проблеме со-временности. И для этого ему действительно придется мучительно ис-кать «в творчестве нового русла» – новой формы романа: попытка написать роман на современную тему приведет писателя к жанру сказ-ки или мифа. «Роман-сказка» – так определит Пришвин жанр произ-ведения, над которым будет работать до конца жизни*.

В 1933 году Пришвин узнаёт, что Беломоро-Балтийский канал им. И. В. Сталина, соединяющий Белое море с Онежским озером, про-ходит по части «государевой дороги», проложенной Петром I во вре-мя Северной войны в 1702 году. Актуализация исторической ретро-спективы для писателя усугублялась тем, что свое первое путешествие в 1906 году он совершил в те же края: след «государевой дороги» Пет-ра Пришвин тогда еще застал и сфотографировал. Там же и тогда он услышал, что за работавшими на строительстве крестьянами везли ви-селицу... Не поехать на канал и не посмотреть на все своими глазами писатель просто не мог...

После поездки он приступает к работе над романом о свободе и необходимости (в его терминологии, «хочется» и «надо») и опреде-ляет географическое и историческое пространство романа. Только ле-нивый не упрекал Пришвина в течение всей его творческой жизни в безыдейности и равнодушии, в том, что он «подходил к современ-ности исподволь, осторожно», что шел «боковой тропой», что смотрел на жизнь «с какой-то башни крепости, куда не доносится реальный... шум» и пр. Этот «благостный, умиротворенный Пришвин», «замкну-тый и сознательно отчужденный», стремящийся «уйти в "непуганую" страну, укрыться там хотя бы на время...

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru отделиться от людей и сбросить с себя нагрузку общей участи**», в 30-е годы не уклоняется от труднейшей, безнадежной современной темы, которая только в наши дни получила название «лагерной», а в то время была даже не запретной, а просто невозможной, немислимой.

Пришвин берется за предложенную ему (как и многим другим) для участия в сборнике «Канал имени Сталина» (М., 1934) тему, совпадающую с его творческими планами, и начинает работать. Однако пафос строительства получает у Пришвина сначала в очерке, предложенном им в сборник, а затем и в романе совершенно иное – не идеологическое – измерение; ориентиром оказывается не пафос построения социализма, а труд сам по себе, и не полезность сооружения, а сопровождающее сооружение столкновение идей. Славословящий канон отсутствует («Я делаю, кто мне велит, но дело у меня выходит не

* Роман «Осударева дорога» многие до сих пор считают в лучшем случае «провальным», в худшем – «лакейской стряпней» (Варламов А. Пришвин. С. 463).

** Цит. по: Там же. С. 308–309, 389.

879

всегда именно так, как хотят. Положа руку на сердце, говорю, кто слушаюсь и всегда нагибаю дело приблизительно так, как мне велит, но вещь, сделанная мною, всегда выходит не совсем такой, как мне заказывали, и кто самое главное, вот эта разница против заказа неустранима из вещи оагеркнуто: и является свидетельством моей лигности»).

Текст, подготовленный Пришвиным для сборника, был отвергнут*.

В этот раз Пришвин знает, куда едет: на полях дневниковой тетради в эти дни пометка: «Гулаг». И никаких иллюзий по поводу того, как осуществляется освоение нового края и как ведется строительство, после поездок на Уралмаш и Дальний Восток (1931 г.) у него не осталось. Революция изменила ход истории, создала совершенно новую жизнь в России, насильственно выдавила из человека его творческие силы, заставила осуществлять свои проекты; новая шкала ценностей создала такую атмосферу жизни, к которой невозможно было привыкнуть («Опять тупое время: вся страна гниет, если не сгнила, за идею»), но с которой нельзя было не считаться – вопреки всем рассуждениям и чувствам страна этой жизнью и в этой атмосфере жила («когда смотришь на старый водопад, думаешь о вегности и ее творце, а водопады из-под геловегеской руки прямо подводят мысль к творческой родине самого геловега»). Так или иначе, революция интегрировала Россию в ряд индустриальных держав; новая культура, связанная не только с индустриализацией, но с сопутствующей этому процессу урбанизацией, демократизацией и ростом уровня образования (да и просто грамотности), ставила перед художником небывалые задачи**.

В России ситуация многократно осложнялась тем, что структурные изменения в обществе происходили в рамках революционной парадигмы – жизнь оказывалась сплавом технического прогресса и варварства по отношению к человеку («Один из этапных сегодня пробовал убежать. Стрелок попал ему в голову»). Грех «либерализма XIX века»

* См. об этом: Варламов А. Пришвин. С. 335–343.

** В конце 1930-х гг. другой писатель совсем другой страны осознает практически те же тектонические сдвиги в культуре и почти теми же, что и Пришвин, словами о них говорит: «Мы едва начинаем осваиваться среди шахт и электростанций. Мы едва начинаем обживать этот новый дом. ... Вокруг все так быстро изменилось:

взаимоотношения людей, условия труда, бычаи. Да и наш внутренний мир потрясен до самого основания. Хоть и остались слова ... но смысл стал иным ... мы еще не успели создать себе отчизну. ... На время гонка сама по себе становится важнее цели. Так бывает всегда. ... Упиваясь своими успехами, мы служили прогрессу – прокладывали железные дороги, строили заводы, бурили скважины. И как-то забыли, что все это для того и создавалось, чтобы служить людям. ... Надо вдохнуть жизнь в новый дом, у которого еще нет своего лица». Это Антуан де Сент-Экзюпери в повести «Планета людей» (гл. «Самолет»).

880

зеркально отразился в новой культуре, «слово» и «дело» поменялись местами: поставленное во главу угла «дело» поглощало смысл и ставило человека со всеми его чувствами и мыслями («слово») в положение жертвы. Новым и небывалым был грандиозный масштаб как «дела» («водопад: он теперь ругной»), так и человеческой трагедии («имена этих тружеников распыленно исчезли в громаде строительства»). Перевернутый мир, в котором писатель пытается обозначить какие-то приоритеты, нащупать те невидимые смыслы, которые неслотря ни на что заставляют человека жить и работать – в частности, на канале, там, где сама жизнь, кажется, невозможна... но в том-то и дело, что никогда, и нигде не расстается он с верой в то, что «для личности всегда есть выход»...*

В эти годы Пришвин, о котором уже современный автор пишет как о пытающемся

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru «примирить "надо" и "хочется" и сочинить свою утопию», уходит, кажется, на противоположный любой утопии по-люс: он опускается на самое дно народного сознания, которое веками инстинктивно вырабатывало способы защиты от всегда враждебной власти, даже лексика приходит из глубин русской истории, русской коллективной души: завоеватели, барин, работник... («Я принадлежу к массе русских людей, которые подгинулись завоевателям и стали ра-ботать с ними в ожидании, что рано или поздно завоеватели принуж-дены будут сгитаться с интересами завоеванных...»); «Мы нагибаем к злу привыкать, как к барину. Сейчас он бесится, но мы знаем: не надо на глаза попадаться, а когда перебесится, мы опять будем работать: без нас, работников, ему все равно не обойтись. Даже и так, что гем злей он [дерет], тем лугше, тем скорей перебесится»). И Пришвин подчи-няется власти в тех рамках, которые сам для себя определяет, но от-стаивает право на свободу личности, и вот уж за это стоит до послед-него... («В пеги революции не до искусства... Для государства искусство есть лишь один из приемов агитации, между тем искусство – это сами люди, сцепленные, слитые в одно, как капли в воде: искусство, как дождь из облака, падает на землю и тегетрекой по земле в берегах: государст-

* «21 июля 1937. С этим каналом я, как писатель, в сущности сам попал на канал, и мне надо преодолеть "свою волю": вернее, понять неос-корбленную часть души. А я попал невинно... я представил себе, что я сам на канал попал, хотя бы по культурно-просветительской части работал. И, конечно, я бы работал: "канал должен быть сделан". Я бы работал, как и вообще работают в советское время "неоскорбленной душой", и в этом моя свобода, мое счастье, моя правда» (Литературное наследие. 1990. № 2. С. 67). Это сейчас мы знаем, что люди в заключе-нии не просто работали, а бывали счастливы, если выпадала возмож-ность работать, да еще по своей специальности... – человек уже там, в заключении, внутри ада... начинает этот ад осваивать и в аду стано-виться свободным – вот что означает эпитафия, который Пришвин за-вещал к своему роману: «Аще сниду во ад, и Ты тамо еси».

881

во и занято этими берегами, но как земля и вода, косная и живая сти-хии не могут слиться в одно, быть одним и тем же, так не может слиться между собой искусство и государство. Так вот тогно и обще-ство с лигностью должны быть в постоянной борьбе: лигнось всегда остается сама, и если она сливается с обществом, то, знагит, она уми-рает»). Так, расправившись с либерализмом XIX века с его «распадом слова и дела», Пришвин начинает строить модель мира, в центре ко-торой, как и встарь, находится свободная личность с ее правом на творчество («какое бы ни было общество, социалистическое, капита-листическое и какое хотите – лигнось всегда должна противопостав-ляться массе... Какое же ужасное состояние общества должно быть, если всякую попытку лигности противопоставить себя "массе" прини-мают как контрреволюцию?»); но слово и дело в этом мире связаны по-иному («слово ценою дела»).

Усиление государственной власти, террор в еще невиданных фор-мах оставляет человеку единственную возможность: отстаивать внут-реннюю свободу. Рост внутренней свободы за счет утраты внешней оказывается в такой ситуации не только способом спасения, но и спо-собом борьбы с властью, с ее обезличивающей силой («Могугая сила поднимает города, но лиц нет»); внутренняя жизнь человека, так или иначе, развивается и создает не однообразную, а многообразную струк-туру жизни; тотальной уравниловке противостоит личность, с кото-рой связывается все то, что целенаправленно уничтожается в человеке и в обществе. Пришвин, с одной стороны, твердит свою «подзаборную молитву» («прошу у Бога дать силы не простить»)*, а с другой, ставит перед собой труднейшую задачу («как устроить свою жизнь, гтобы неизменно смотреть по хорошему и в то же время понимать и ясно гув-ствовать всю ту бездну горя, герез которую проносишь хорошую весть... Необходимость подвига (только не по книге, хотя бы самой священной, а в своем собственном дне и по себе»).

Таким «подвигом» в жизни и творчестве Пришвина стал его «ла-герный» роман, который он заканчивает в 1948 году, а потом до конца жизни (1954) мучительно перерабатывает.

Известно, что в ходе работы сменилось несколько названий рома-на: «Быль», «Былина», «Падун», «Школа радости», «Царь природы», «Педагогическая поэма», «Повесть о том, что было и чего не было», «Канал», «Новые берега» и, наконец, «Осударева дорога», а также три эпитафия: «Ужо тебе, строитель!», «Да умирится же с тобой / И по-бежденная стихия», «Аще сниду во ад, и Ты тамо еси».

Несмотря на многочисленные замечания рецензентов и близких друзей, он считает, что роман – значительное художественное произ-

* Ср.: «Да, я русский, кроткий, незлобивый человек, но я, кажется, теперь подхожу к последней черте и молюсь по-новому: Боже, дай мне все по-нять, ничего

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
не забыть и ничего не простить» (Из письма к А. Блоку. 1918 г.).
882

ведение, однако сомнения не оставляют его. Пять редакций романа подтверждают это – все они представляют собой попытки мучительного приспособления к требованиям редакторов, вплоть до изменения места действия и названия. Но только о первой редакции Пришвин записывает в дневнике с уверенностью: «Свидетельством моего худо-жества останется непереработанный экземпляр» (Круг жизни. С. 169). Жене и своему литературному наследнику Валерии Дмитриевне Пришвиной писатель завещает осуществление публикации романа в первой редакции с библейским эпитафием «Аще сниду во ад, и Ты тамо еси». Валерия Дмитриевна смогла сделать это в 1957 году, но текст романа подвергся тогда существенной редакторской правке, был опубликован без эпитафии (правда, В. Д. Пришвина смогла дать его в комментариях) и с более поздним (1952) вступлением. В таком виде роман неоднократно переиздавался*.

Однако не только поэтому до сих пор «Осударева дорога» вызывает у многих читателей и критиков неприятие и многочисленные недоуменные вопросы. По-видимому, «Осударева дорога», жанр которой Пришвин определяет как «роман-сказку», нужно рассматривать в свете неомифологического сознания как новый роман. Безусловно, «Осударева дорога» не является классическим неомифологическим романом и находится на периферии неомифологического сознания, но в то же самое время имеет ряд существенных признаков неомифологизма, которые нельзя не принимать во внимание: в роли мифа в романе выступает не мифология в узком смысле слова, а библейская мифология, исторические предания, бытовая мифология, историко-культурная реальность предшествующих лет, известные художественные тексты прошлого – по определению В. Руднева, характерные черты неомифологического сознания. Все это управляет динамикой построения сюжета, и само произведение уподобляется мифу – грань между текстом и реальностью, которая его окружает, стирается...

Пришвин очень хорошо понимал направление своего художественного поиска. В 1948 году в дневнике появляется такая запись: «В № 18 журнала "Америка" прочитал статью Ньютона Арвина о ближайшем будущем американской литературы. Вот его заключение: "...не документальная точность, а мифичность – вот что, весьма вероятно, даст нам литература ближайшего будущего". А между тем я этим занимаюсь уже полстолетия, и никто не хочет этого понимать. "Осударева дорога" – высшее выражение этого моего направления»**.

Роман-сказка «Осударева дорога» при своей кажущейся простоте – сложный современный роман, требующий расшифровки и толкования. Роман переполнен историческими, этнографическими и религиозными

* Впервые роман был опубликован согласно воле Пришвина в первой редакции (авторская машинопись 1948 г.) в Собр. соч. 2006. Т. 3. С. 227–460.

** Наше наследие. 1990. № 2. С. 78.

883

озными преданиями, античной, библейской мифологией, аллюзиями на художественные тексты.

Кроме того, трагизм происходящего на канале выражается в бесстрастно-остраненной форме, характерной для творчества Пришвина начиная с первых его произведений (не это ли имела в виду в статье «О "я" и "что-то"» (1913) З. Н. Гиппиус, когда называла Пришвина «легконогим и ясным странником с глазами вместо сердца»?). В «Осударевой дороге» столкновение содержания – современная трагедия – и формы очевидно.

Строительство Беломоро-Балтийского канала включается не только в исторический дискурс. В романе канал – метафизический символ насилия над природой, историей и человеческой личностью, имеющий соответственно географическую, историческую, религиозную и культурную подоплеку. Географические и исторические реалии для Пришвина чрезвычайно важны: перенести действие романа в какое бы то ни было другое место, как предлагают ему рецензенты, он не хочет и не может. Реалии делают роман исторически и социально конкретным, но они существуют в границах той модели мира, которую строит писатель: процесс десакрализации жизни, ориентирующий религиозное сознание на творчество жизни, символически указанный в главе «Сказанье о венике», приводит к победе той силы, для которой сакральности не существует вообще.

Работая над романом «Осударева дорога», Пришвин не писал анти- или просталинский роман о строительстве Беломоро-Балтийского канала. Тоталитарная культурная модель, характеризующаяся подчиненностью художественных задач внехудожественным идеологическим целям (определение М. Рыклина), не строится. Дело, по-видимому, в том, что роман представляет собой деконструкцию идеологии, но не в узком политическом смысле как критику определенной системы идей, а в широком дискурсивном смысле: по существу, роман является как бы деконструкцией

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru соцреалистического дискурса, глубокой полемикой с социалистическим реализмом. Причем деконструкция идеологии совершается как-то незаметно – весь роман ежеминутно сворачивает куда-то с проторенной, вроде бы прямой дороги... (что тоже прочитывается, к примеру, в организации событийного ряда: строительство, аврал во время аварии, героические действия заключенных, героическая смерть во имя дела – жертва, победа). И вот этот событийный ряд, легко узнаваемый в русле соцреалистической традиции, снова и снова рассыпается, поскольку все акценты смещаются в сторону общечеловеческой проблематики – то есть на самом деле речь в романе идет о неискоренимой тяге человека в любой жизненной ситуации вырваться за пределы исторического времени к общечеловеческим смыслам: положительное изложение событий строительства канала разрушается самим текстом, как-то бесконечно осложняется, обрастает подробностями жизни – человеческой и природной.

884

Позднее, в 1939 году, у Пришвина появилась идея создания «книги о книге» (термин М. Бахтина), то есть идея о романе, встроенном в структуру дневниковых записей, которые он называл «лесами» к роману. Именно в контексте дневника очевидной становится связь пришвинского романа с текстами предшествующих культурных традиций. Это, прежде всего, «Медный всадник» А. С. Пушкина, «Фауст» Гёте, «Антигона» Софокла, «Божественная комедия» Данте. Основной мифологический символ в романе – вода, живая стихия, организующая жизнь и отражающая ее, а также таящая в себе образ мира: в водопаде стихия падающей воды заключает в себе образ неведомого человека, «шагающего все вперед и вперед», в упорядоченной стихии – «плененной воде» – тоже скрыта неизвестная, «волшебная» сила воздействия на окружающий мир, придающая бытию новое качество прозрачности или подобия («новая плененная вода стала все вокруг переделывать, как иногда в сновидениях... все что-то кажется и тои не то» (Т. 3. С. 413)). В маленькой главке под названием «Победа» вода предстает совершенно в иной ипостаси: «свободные капельки» не только символизируют победу («капельки больше не падают, а поднимаются вверх»; «уходят вверх, к себе»; «образуют легкие свободные облака» (Т. 3. С. 450)), но и свидетельствуют еще живущим об этой неминуемой победе («Мы на досуге, вглядываясь, узнаем в облаках свою жизнь» (Там же)). Таким образом, пушкинский эпиграф к этой главе вносит в роман идею «умирения» – правда, не в земной жизни, а в небесной. Но и это не все. Канал – стержень этого мира – стержень мифа: у него есть почти имя – падун, которое не исчезло после того, как строительство закончилось, и камень, на который падала вода, убрали в музей; вода продолжает бежать по иному пути, и падун продолжает жить своей жизнью, это не просто гул падающей воды – весь смысл его в том, что в этом гуле водопада снова, как и было от века, слышен «мерный шаг человека: весь человек идет все вперед и вперед» (Т. 3. С. 459) – и ничего невозможно с этим поделать: сквозь линейное историческое время проступает цикличное время вечности, неустранимое, не уничтоженное.

Главный герой романа – мальчик Зук. Его поведение определяется внутренним конфликтом с начальником строительства Сутуловым, причем как в борьбе за власть, так и в борьбе за любовь – хотя эта ситуация смягчается возрастом и положением мальчика, но тем не менее определяет начало его жизненного поиска. В образной структуре романа Зук занимает особое место, обусловленное не только его возрастом, но и событием его второго рождения, определившим его особую судьбу («Его душа теперь была, как это часто бывает у тех, к кому возвращается жизнь: душа его была как вся земля, как вся природа, и он в ней как свой, и все тут было свое, близкое знакомое, прекрасное и понятное» (Т. 3. С. 245)). Этот художественный прием позволяет Пришвину сделать своего героя – мальчика Зуйка – символом уни-

885

версальной судьбы человека. В поисках пути Зук проходит архетипические искушения, возникающие перед личностью человека на его жизненном пути: властью (Сутулов), своеволием (Куприяныч), миллионом (Волков), преступлением – уголовным миром (Рудольф), любовью (Маша Уланова). В романе присутствуют библейский и античный мифы (аврал – «время остановилось, как в древней битве Израиля... Солнце остановилось», плавина – Ноев ковчег, костер на плавине – Прометей), выявляющие глубинные смыслы того, что происходит с мальчиком. Однако Зук совершает свой путь в пространстве, очерченном строительством канала, что и предопределяет результат поиска: «голубые знаки» татуировки, принципиально отделяющие уголовный мир от культурного, вносят в идиллию возвращения Зуйка к чекистам черту подлинной характеристики этого мира.

Образ Сутулова, олицетворяющий в романе власть, почти лишен живых черт личности. Его речь, поведение и образ мыслей во всех ситуациях предельно идеологизированы и прямолинейны. Природа и человек интересны и понятны ему тогда, когда они могут

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru быть использованы для дела, но непонятны и неинтересны сами по себе. Именно через Сутулова постулируется принципиально безбожный мир строительства и отвлечение к жизни отцов и дедов, причем не только принципиальное, но и обыденное – «к ситчикам и платочкам», а также и «сумасшедшим», не желающим подчиняться «старухам».

Существенное место в художественном мире романа занимает сказочная символика. Марья Моревна – сказочный образ невесты, обладающей несказанной красотой и мудростью («как могла она из сказки выйти сюда»). В силу использования сказочной и библейской традиции образ Марии Улановой не исчерпывается ее социальной ролью, а приобретает черты мудрости и красоты. Символом раздвоения личности оказывается «волшебное зеркальце» Зуйка, хранящее ее в образе Марьи Моревны. Хотя эта двойственность смягчает жесткость ее позиции, Уланова, как и Сутулов, остается олицетворением лагерной власти. Тем не менее в романе воспроизводится жизнь обычных людей, вовлеченных в страшную историю, к которым относятся и исполнители-чекисты; они тоже ведут между собой диалог-спор о пове-денческой норме (Уланова – Сутулов). Пришвин использует советские штампы, но, существуя вне обязательного идеологического контекста, они теряют свою силу и парадоксальным образом выражают едва ли не противоположный смысл. Выбор Улановой между любовью и иде-ей («я любимого человека отрезала от себя», он «губил все дело наше общее... я его, любимого, сама отдала под суд» (Т. 3. С. 384)) оказывается не окончательным и не абсолютным, поскольку окружающий ее мир не восполняет потери («пять лет... хранила втайне надежду на его возвращение» (Т. 3. С. 386)).

В художественном мире романа творческая деятельность человека оказывается не на стороне человеческой личности и сознания, а на сто-

886
роне власти. Отделение творчества от существа жизни в условиях на-сильственного отношения к бытию идеологизирует творчество и обес-смысливает результат: подлинной целью оказывается не строительство канала, а идея «перековки» человека («Мы не столько строим канал, как человека собираем, всего человека ждем и куем» (Уланова); «ка-нал – это придумка, это предлог, чтобы замучить и покончить с че-ловеком свободным» (заклученные) (Т. 3. С. 383)). Слово в романе становится ареной борьбы староверов и чекистов (Сергей Мироно-вич – Сутулов, Марья Мироновна – Уланова): традиционное слово и предание используются в чуждом для староверов контексте безбож-ного мира, и оказываются в нем соблазном: так, для Сергея Мироно-вича «крест от проволоки не пострадает» – в силу присутствия в нем божественной силы, а для Сутулова – в силу полного ее отсутствия, но обоим одинаково кажется, что кресту «ничего не сделается» («ни-чего ему от этого не сделается»).

Завещая библейский эпиграф «Аще во ад сниду, и Ты тамо еси» к своему многострадальному роману, Пришвин, обозначивший тем самым пространство строительства как ад, вносит в роман идею безу-словного присутствия Бога – идею спасения. В роман идея спасения проникает не как нормативная абсолютная истина, о которой одни ежедневно помнят, а другие вспоминают от случая к случаю, а как единственно возможный труднейший выход, который никому не мо-жет понравиться – он не приносит внешней свободы, но открывает возможность роста внутренней свободы, связанной с тайной личнос-ти, которую никто не может у человека отнять. А другого выхода для своих героев, так же, как для своих современников и для самого себя, Пришвин не видел. И пусть он понимает, что роман «не кристалл, по-добный "жень-шеню"», и много в нем на самом деле, быть может, провалов и ошибок, но он был первопроходцем, и ему удалось пройти этот путь «страдающей личности» до конца...*

Поездка на Беломорский канал в июле 1933 года (за месяц до ор-ганизованной Горьким поездки 120 писателей) была для Пришвина возвращением к началу его писательства: о Надвоицком водопаде Пришвин писал в своей первой книге «В краю непуганых птиц» («узна-вал долго и вдруг увидел: горные неподвижные камни как беззубая потер-певшая тельюсть... а тогда было как белые зубы. И так за 30 лет народ русский: то русло потерпело... а вода бежит по иному пути»). Вот это всегда было для Пришвина каким-то потрясающим аргументом, дока-зательством неиссякаемости жизни: после революции соловьи, кото-рые весной прилетели в разоренные усадьбы, чтобы снова, несмотря ни на что, петь; здесь вода, которая продолжает свой бег по новому руслу, и снова птицы, которые возвращаются на старые места, где все

* «10 ноября 1937. Кто же будет у меня Распятый? Личности не будет, но весь человек, работающий на канале, есть распятый человек, и "надо" будет ему крестом» (Литературное наследие. 1990. № 2. С. 68).

887

по-другому («Стоило распугать птиц? – я хотел ответить: – Когда распугивали, нас

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru об этом не спрашивали. Но птицы опять собираются»; у людей все намного сложнее, а результат похожий – жизнь идет («Пришли люди и трудились: не хотели, а надо»).

В 1935 году Пришвин совершил еще одну поездку – в северные леса, на Пинегу («нас внедрили в Дом колхозника, выселив из номера трех несчастливых. Грязно, клопы, но отношение нахальства прекрасное, и вера, что мы доберемся до Пинеги»). Это было настоящее трудное путешествие, в котором Пришвин был одержим идеей увидеть нетронутый лес, настоящую Чашу. Он передвигался пешком, на лошади, на лодке, преодолевая боль в спине с непривычки ездить верхом, терпел бессонные ночи в Доме колхозника, ужасную еду («так работать нельзя: то жилище клопное и невозможное, то пища голодная, никто не хочет помогать») и свое «хлестаковское положение» – нет ничего, а попросишь – и находится, и, главное, переживания за гибнущий лес, рубка и сплав которого производится без смысла и порядка («Ни одного партийца, занятого на севере лесосплавом, я не встретил тако-го, кто не разделял бы мою поэтическую жалость к лесу, который не столько берут, сколько бросают в лесу на гниение и на заражение ко-роем здорового леса»). Эта поездка отзовется в последней повести Пришвина «Корабельная чаша» (1952). Пришвин не чувствует себя жертвой времени и вообще жертвой... совершенно очевидно, что и при другом режиме его бы так же мучила история его первой любви, он бы так же охотился, добывал себе фото-аппарат и машину, любил бы природу, собак, вглядывался бы в небо и звезды, пошел бы на медведя... путешествовал; он бы точно так же бесконечно раздумывал о судьбе России, о культуре, литературе и Бо-ге... и точно так же вел бы дневник, потому что однажды, в далеком 1905 году, почти случайно записанные на листке перипетии его «па-рижского» романа принесли неожиданное облегчение, и он понял свое призвание к слову... и точно так же он бы старался писать, уверен-ный в своем читателе, и точно так же был бы готов разделить общую судьбу... И уж точно он обязательно был бы мастером короткого рас-сказа («Маленькие рассказы у писателя – это знаки его лигной живо-сти и непосредственного угастия в жизни. В кабинете, как роман, их нельзя написать, если так их будешь писать, выдумывая – они будут вялыми. ... Хороши эти рассказы, когда, кажется, сама искрящаяся жизнь их дает, и автор на ходу схватывает эти искорки (разумеется, потом тоже в кабинете превращая их в рассказы)»). Но, может быть, никогда не появилась бы в его дневнике такая запись, кажется, для Пришвина совершенно невозможная: «Страшно увидеть себя в зерка-ле страшного времени».

Я. Гришина

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Ранний дневник Дневники. 1914–1917 дневники. 1918–1919 дневники. 1920–1922 дневники. 1930–1931 Собр. соч. 1956–1957 Собр. соч. 1982–1986 Собр. соч. 2006 Цвет и крест Творить будущий мир Мы с тобой Путь к Слову Круг жизни ЛН

Хлыст

РГАЛИ

Пришвин Ы. Ы. Ранний дневник. СПб.: ООО «Издательство "Росток"», 2007. ПришвинМ. М. Дневники. 1914–1917. СПб.: ООО «Издательство "Росток"», 2007. ПришвинМ. Ы. Дневники. 1918–1919. СПб.: ООО «Издательство "Росток"», 2008. Пришвин Ы. Ы. Дневники 1920–1922. М.: Московский рабочий, 1995. Пришвин М. Ы. Дневники 1930–1931. СПб.: ООО «Издательство "Росток"», 2006. Пришвин Ы. Ы. Собр. соч.: В 6 т. М.: Худо-жественная литература, 1956–1957. Пришвин Ы. Ы. Собр. соч.: В 8 т. М.: Худо-жественная литература, 1982–1986. Пришвин Ы. Ы. Собр. соч.: В 3 т. М.: Терра-Книжный клуб, 2006.

Пришвин Ы. Ы. Цвет и крест. СПб.: ООО «Издательство "Росток"», 2004. Пришвин Михаил. Творить будущий мир. М.: Молодая гвардия, 1989. Пришвин М. М., Пришвина В. Д. Мы с то-бой. Дневник любви. СПб.: ООО «Изда-тельство "Росток"», 2003.

Пришвина В. Д. Путь к Слову. М.: Молодая гвардия, 1984.

Пришвина В. Д. Круг жизни. М.: Художест-венная литература, 1981. Литературное наследство. Т. 70: Горький и советские писатели. Неизданная перепис-ка. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Эткинд А. Хлыст (Секты, литература и ре-волюция). М.: Новое литературное обо-зрение, 1998.

Российский Государственный архив лите-ратуры и искусства.

1932

С. 6. ...оба моих путешествия, в Свердловск и во Владивосток... – Речь идет о поездках Пришвина на строительство Уралмаша по ко-мандировке журнала «Наши достижения» (январь–февраль 1931 г.) и поездке на Дальний Восток от редакции газеты «Известия» (июль–ноябрь 1931 г.). См.: Дневники 1930–1931. С. 322–561.

С. 7. ...меня дразнить Пильняком. – Диалог с Пильняком интен-сивно развивается на страницах дневника в течение 1922 г., после того как Пильняком был написан и опубликован роман «Голый год» (1921), а Пришвиным написана повесть «Мирская

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
чаша. 19-й год XX века» (1922), которую опубликовать не удалось (вперв. в 1978 г. (с купюра-ми), полн. в 1991г.). См.: дневники 1920–1922. С. 256, 260, 265–267 // Пришвин М. М. Собр. соч.: в 3 т. М., 2006. Т. 1. С. 583–667.

Полонский только гто сказал в РАППе, гто он перестроился... – В 1931 г. Полонский признал ошибочность своих взглядов, расценен-ных им как правооппортунистические, и заявил, что приступил к пе-ресмотру своих теоретических позиций.

...и вот теперь его перестроили извне... выгнали из «Нового мира». – В 1926–1931 гг. В. П. Полонский был главным редактором журнала, затем по инициативе Б. М. Волина, начальника Главлита, был уволен 17 декабря 1931 г.: «Сегодня меня сняли с "Нового мира". Был в сек-ретариате. Волин сделал короткий доклад, привел несколько выдер-жек из "Нового мира", – действительно, прозвучали скверно...» (По-лонский Вягеслав. Моя борьба на литературном фронте // Новый мир. 2008. № 6; указано В. Фатеевым).

...«не всякий глаголящий Господи»... – Мф 7: 21.

С. 8. ...воскликнешь по старой привычке: Господи, Господи! и тут пе-тух предрассветный закрижит. – Мф 26:73–75.

С. 9. ...я вполне лигно мегтал о мировой катастрофе... – Речь идет о юношеском увлечении марксизмом, когда, будучи студентом Риж-

890

ского политехникума, Пришвин с 1893 по 1896 г. участвует в работе марксистских кружков, затем в 1897 г. следует арест, годичное оди-ночное заключение в Митавской тюрьме и высылка на родину в Елец. В летописи жизни, составленной Пришвиным в 1918 г., коротко от-мечено: «1896.... схожусь... с марксистами, перевозу Бебеля. 1897. По-падаю в тюрьму за марксизм. Это один из определяющих моментов жизни... 1898–1900. Высланный на родину в Елец, продолжаю быть марксистом. 1900. В Берлине, Йена, Лейпциг. 1902. Марксизм мой постепенно тает... я учусь на агронома и хочу быть просто полезным для родины человеком. Сумасшедший год. Весной после окончания в Лейпциге еду посмотреть Париж. Встреча (имеется в виду Варвара Петровна Измалкова, студентка Сорбонны, и вспыхнувшая любовь к ней. – Я. Г.), последующий переворот от теории к жизни, опреде-ливший все мое поведение». Ср.: Дневники 1918–1919. С. 520–521.

С. 10. Алекс. Н. Толстой – вот уже год хлопогет о разрешении ему съездить за границу... – По-видимому, речь идет о поездке в Италию, которая состоялась весной 1932 г.

С. 11. ...явилось следствием книги моей о творгестве «Журавлиная родина». – «Журавлиная родина» (1929) с подзаголовком «Повесть о неудавшемся романе» Пришвин назвал «разбитым романом». Ср.: «5декабря 1928... задумал написать роман о творчестве, но предпочел самое творчество, и роман разбился»; задуманная фенологическая структура книги («под диктовку весны») разрушается по, кажется, не имеющей отношения к творчеству причине задержки весны, и вдруг исподволь, из глубины текста, сама по себе, естественно – от паузы в ходе весны – начинает прорасти тема творчества, творческого пу-ти. На протяжении всей творческой жизни Пришвин моделирует соб-ственный миф, и «Журавлиная родина» становится важной вехой в процессе автомифотворчества писателя.

Ср.: «Как правило, испытание слова сочетается с его пародирова-нием, – но степень пародийности, а также и степень диалогической сопротивляемости пародируемого слова могут быть весьма различны. ... Как исключение возможно испытание литературного слова в ро-мане, вовсе лишенное пародийности. Интереснейший пример такого испытания – "Журавлиная родина" М. Пришвина. Здесь самокритика литературного слова – роман о романе – перерастает в лишенный вся-кой пародийности философский роман о творчестве» (Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: 1975. С. 224–445).

Вольфила. – Вольная философская ассоциация (по первоначаль-ному замыслу – академия, что не было разрешено) создана в 1919 г. по инициативе Р. В. Иванова-Разумника, А. Белого и др. членов ред-коллегии сборника «Скифы» в Петербурге. Целью вольфила было исследование и пропаганда философских вопросов культуры, связь философии с жизнью, свободное творческое общение. См.: Белоус В. 891

Вольфила (Петроградская вольная философская Ассоциация). 1919– 1924: в 2 кн. М., 2005.

С. 11. Ужасно стыдно смотреть на самого себя... – имеется в виду Религиозно-философское общество, действительным членом которо-го Пришвин стал 29 ноября 1909 г. (см.: Ермигев А. А. Религиозно-фи-лософское общество в Петербурге (1907–1917). Хроника заседаний. СПб., 2007. С. 75) Пришвин записывает: «Вчера познакомился с Ме-режковским, Гиппиус и философым. ... Мне открывается что-то новое... большое. Я понимаю значительность этого знакомства... Но многое мне неясно. Оттого, что я не чувствую одинаково... Мне кажет-ся, у них много

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru надуманности... Я не чувствую путей к этим идеям... я этого не чувствую, и мне все кажется, я боюсь, не то донкихотство, не то просто комедия не из-за чего...» (Ранний дневник. С. 175–316). Также ср.: «3 февраля 1934. Только теперь я понимаю полярную про-тивоположность наших стремлений: они стремились из литературы выйти в жизнь, а я хотел из жизни войти в литературу и просто сделаться писателем. С точки зрения их ведь это было невозможно огра-ниченное устремление, и, конечно, мне это приходилось затаивать... Вот отчего иногда было ужасно стыдно быть в их обществе».

С. 12. ...это понимание (мое) не «революционно» – это биологизм... – ср.: «Несмотря на внешнее кажущееся тематическое отличие "Жесто-ких рассказов" Барсукова, например, от вещей Зарудина или Пришви-на, они... глубоко родственны. И Зарудин и Пришвин тесно связывают "охотничье" и "детское"... И вот этот весьма специфический "биоло-гизм", особая "биологическая" направленность... совершенно свобод-ная от всякой "примеси" художественного социологизма, является одним из существенных идеологических пороков художественной по-зиции "перевальцев"» (Глаголев Арк. О художественном лице «Пере-вала» // Новый мир. 1930. № 5. С. 158,160,161). Также ср.: «Все кри-тики не обращают внимания на то, что написал хорошую вещь. ... наша критика ищет ошибки, ищет врага. Сидишь и думаешь, с какой стороны тебя ударят. Кажется все хорошо – и советски, и коммунистично, и все, что хочешь, а вдруг у тебя найдут "биологизм". Батюшки, ну как можно было додуматься? Ну что за чепуха?!» (Из стенограммы выступления Пришвина на первом пленуме Оргкомитета Союза со-ветских писателей. 19 октября–3 ноября 1932 г. // Творить будущий мир. С. 113).

Лигность за шиворот и в ган... Вспомнить Чемреков. – Чан – пред-мет культа у сектантов-хлыстов, а также «хлыстовский образ коллек-тивного тела» (Эткинд). Пришвин в начале XX в. был одним из мно-гих представителей русской культуры, кого чрезвычайно интересовало хлыстовство. В дальнейшем в дневнике писатель рассматривал рус-скую революцию и культуру послереволюционных лет, в частности, как развитие и осуществление сектантской традиции. У Пришвина

892

чан – метафора народной жизни, истории, где «варится некое слож-нейшее по составу варево», судить о котором невозможно самим на-ходящимся в этом чане: «Все крутится и орет от злости и боли, жара и холода, вдруг на одну только минуту отдышка, и все это вместе... об-тираются, обсушиваются, закусывают, закуривают и благодарят Со-здателя за дивную Его премудрость на земле, на небе и на водах. Без-делицу тут им покажи, какую-нибудь зажигалку чикни, и сколько тут будет удивления, неожиданных мыслей, слов, тут же рожденных, ве-селья самого искреннего, задушевного, пока старший не крикнет: "Ре-бята, в чан!" – и все опять завертится, только голос соседа услышишь в утешение: "Это, брат, безобидно, всем одинаково"» (Путь к Слову. С. 164). Чемреки – одна из петербургских хлыстовских сект, до 1908 г. возглавлялась А. Г. Щетининым (называется под имени реки Чемрек в Ставропольской губернии, где Щетинин начинал проповедовать), затем переименованная в «Начало века», возглавлялась П. М. Легко-бытовым. См.: Ранний дневник. С. 175–316, 581–643; хлыст. С. 454– 486. С. 15. Община о. Николая Опоцкого, в Велебицах. – О. Николай Опоцкий (позже – епископ Макарий) в Новгородской епархии осно-вал вельбицкое братство (сектанты протестантского толка) с приход-ской школой. Деревня Велебицы Солецкого района Новгородской об-ласти – старинное поселение на берегу реки Шелони. ... («Где два-три во имя мое...») – мф 18: 20.

С. 16. ...с пастилой и с духами – кто смешней? – Пришвин по про-сьбе Мережковского познакомил его с Легкобытовым. Ср.: « – Вы при-ведите их к нам! – Назначили день и час. Хлысты, собираясь к Ме-режковскому, надушились у Марии Яковлевны, жены водопроводчика, а у Мережковского в это время покупали пастилу (серую) и пряники (круглые жамки) для народа. .. Мережковский: от кого-то ланды-шами пахнет?» (Ранний дневник. С. 243).

Предложение Блоку: бросься в ган к нам и будешь вождем народа. – Ср.: «30 января 1918» (Дневники 1918–1919. С. 33–34).

С. 17. Злейшая идея разделения, положенная в основу «закрытых распределителей»... – имеется в виду система государственного спец-снабжения – закрытые распределители с твердым контингентом при-крепленных к ним покупателей, сложившаяся в момент острого де-фицита продуктов питания, когда были выделены «особые» пайки и 120 000 человек в Москве прикреплены к специальным столовым и распределителям. См.: Паперный В. Культура Два. М., 1996. Андре Жид, побывавший в 1936 г. в СССР, в книге «Возвращение из СССР» (1936) отмечает, что литераторы находятся «в гораздо более выгод-ном положении, чем любые рабочие и ремесленники», что любому

893

пишущему обеспечены благоприятные материальные условия, «лишь бы он писал что

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru требуется».

С. 18. Вольфила о Блоке. – Возможно, имеется в виду речь А. Бе-лого на открытом заседании «Вольфила» 28 августа 1921 г., посвя-щенном памяти Блока.

...отулигногоромана «Разбойника Чуркина»... – Имеется в виду ро-ман Н. И. Пастухова, издателя газеты «Московский листок» (1881– 1918), «Разбойник Чуркин» (1882–1885), представляющий разбой-ника народным заступником (русским Робин Гудом), который грабил богатых и помогал бедным.

С. 20. ...подсидел мудреца и взял власть... – Имеется в виду пере-ворот в сектантской общине чемреков – свержение А. Г. Щетинина и организация новой общины «Начало века» П. М. Легкобытовым. Ср.: Ранний дневник. С. 581–643; Хлыст. С. 482–483, 645–647.

С. 28. Художник-мистик Н. – Имеется в виду Г. Э. Бострем.

С. 30. Птицы прилетели к тому месту, где был храм... – Речь идет о Храме Христа Спасителя в Москве, который взорвали 5 декабря 1931 г.

С. 32. ...большое гело берлоги. – Чело – вход в берлогу.

С. 37. У меня не было штуцера, я взял легенькую свою бекасиную гладкоствольную двадцатку с жаканами. – Штуцер – мощное, но не дальнобойное оружие с высоким останавливающим действием пули; жакан – пуля для стрельбы из гладкоствольного охотничьего ружья.

С. 39. ...и если лыжница... – имеется в виду лыжня. ...«да минует Меня гаша сия». – Мф 26: 39.

С. 42. Разбор сражения. – Очерк «Медведи» вошел в цикл «Ка-лендарь природы» (1935–1939): Собр. соч. 1982–1986. Т. 3. С. 360–378.

С. 51. ...их называют коблы. – Кобел (кобель). ...оскалепки... – осколки, щепки. ..лошадиный драг. – Живодер.

С. 52. ...запишем «идею» Даурии. – Даурия (Даурская земля) – на-звание части территории Забайкалья и до XVII в. западной части При-амурья, данное русскими по имени народности (дауры), некогда насе-лявшей эти места; в 1931 г. Пришвин совершает поездку на Дальний

894

Восток, привозит оттуда путевой дневник и отснятые пленки; дальне-восточные очерки вошли в книгу «Золотой рог». Ср.: Золотой рог. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934; Дневники 1930–1931. С. 383–561.

...«Цветогки» франциска Ассизского... – Франциск Ассизский – итальянский проповедник, основатель ордена францисканцев, автор религиозных поэтических произведений («Похвала добродетели», «Похвала Богу» и др.) Канонизирован в 1228 г. Рассказы о нем собра-ны в анонимном сборнике «Цветочки Святого франциска Ассизского».

В. Лихтенштадт. Науг. фил. идеи Тёте... – По-видимому, имеется в виду работа В. О. Лихтенштадта «Гёте. Борьба за реалистическое мировоззрение. Искания и достижения в области изучения природы и теории познания» (1920), в которой был опубликован частичный перевод научного труда Гёте «Учение о цветах» (1810) и обозначено значение Гёте-естествоиспытателя.

Замятин подал герез Горького письмо Сталину... – Не имея никакой возможности публиковаться в Советской России, в 1931 г. Е. И. Замя-тин смог эмигрировать благодаря ходатайству Горького. Надо сказать, что понимание новой жизни Пришвиным в значительной степени совпадает с взглядами Замятина, выраженными им, в частности, в ро-мане «Мы» (1921). Ср.: «9 Июля 1930. Обозначилось и теперь скоро выйдет наружу явным для всех: это направление революционного внимания к самому истоку собственности, в область пола и эроса. И это произошло как-то без всякого идейного предупреждения, прямо во-шло следствием раскулачивания и обобществления» (Дневники 1930–1931. С. 148).

С. 53. фактотум (лат. fac totum – делай все, устар.) – доверен-ное лицо, выполняющее всяческие поручения, секретарь.

С. 55. ...см. Неизданный Щедрин... – речь идет о подготовленной Р. В.

Ивановым-Разумником книге «Неизданный Щедрин» (1931), по его словам, «небольшой, но острой книжке».

Ср.: «В конце 1931 года я выпустил в Издательстве Писателей сборник "Неизданный Щедрин", соединив в нем несколько произведе-ний Салтыкова, до сих пор не входивших (или входивших неполнос-тью) в собрание его сочинений. Напечатал в том числе ... и полную редакцию "Сказки о ретивом начальнике". В предисловии я указал, что произведение Салтыкова остается злободневным и для настояще-го времени. Это само собой очевидное утверждение (которое часто можно встретить и на страницах официальной прессы) страшно вспо-лошило трусливое издательство. Книга была уже отпечатана, 50 эк-земпляров было уже сдано в книжные магазины, когда издательство распорядилось книгу задержать и опасную страницу из предисловия перепечатать с пропуском страшной фразы. Снова очаровательный,

895

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru чисто щедринский эпизод. ... Во всяком случае, весь этот эпизод был детально известен проведившим мое "дело" следователям. В связи с этой книгой – еще одно курьезное сообщение. В камере № 85 Лу-бянской "внутренней тюрьмы" сосед мой, коммунист Б., как-то рас-сказал мне, что "у них" (я понял – в ГПУ) книжку "Неизданный Щед-рин" буквально "рвали из рук другу друга", раскупили весь московский запас этой книги, ибо "Сказка о ретивом начальнике" была сенсацией дня. ... Придется привести здесь краткое содержание и этой сказоч-ки, чтобы читателю стало понятно, почему весь сыр бор загорелся. ... В книге "Неизданный Щедрин" я напечатал четвертый вариант этой сказки, наиболее обширный и по тем временам нецензурный. Оказалось, что он не менее нецензурен и по нашим временам... В крат-ком и бледном изложении ... содержание этой сказки такое: В неко-тором царстве, в некотором государстве жил-был ретивый начальник, у которого на носу была зарубка: "Достигай пользы посредством вре-да". Дали ему в управление целый край – стал он применять в нем свою систему: земледелие – прекратил, рыболовство – уничтожил, привел народ в страх и трепет, все по норам попрятались; а он сидит, радуется и мечтает: вот всё уничтожу, сокращу, в прах превращу, и то-гда вдруг из великого вреда родится великая польза: всеобщая катор-га. Тогда народ поумнеет, жизнь процветет, а я буду смотреть да радо-ваться, дарить мужикам по красному кушаку, а бабам по красному платку. Однако – вредит он год, вредит другой, а пользы от этого ни-какой не приходит: нивы заскорбели, реки обмелели, торговля пре-кратилась, народ обнищал. Думал, думал, отчего бы это так – и дога-дался: оттого, что вредил он с разумением, а вредить надо безо всякого разумения. Пошел к колдунье, та ему клапанчик в голове открыла, ра-зуменье – фюить! – улетело, и стал ретивый начальник вредить без разумения, но и тут ничего не выходит. Стал придумывать разные проекты, например, проект о закрытии Америки, и спохватился: "Но ведь, кажется, сие от меня не зависит?" Бился, бился – ничего не вы-ходит: вредит, а пользы нет. Тогда решил он призвать на помощь мер-завцев, которые тут как тут, словно комары на солнышке вьются, и говорит им: "Так и так, господа мерзавцы, врежу я много, а пользы выходит мало, не можете ли помочь мне?" Мерзавцы охотно взялись помочь, но поставили условием: чтобы мы, мерзавцы, говорили, а все прочие чтоб молчали, чтобы нам, мерзавцам, жить в холе и неженьи, а остальным прочим – в кандалах, чтобы нам, мерзавцам, жить в пол-ное свое удовольствие, а всем прочим чтобы ни дна, ни крыши; чтобы наша, мерзавцев, ложь за правду почиталась, а остальных про-чих хоть и правда, да про нас, ложью числилась; чтобы все прочие пикнуть не смели, а мы, мерзавцы, что про кого хотим, то и лаем... Со-гласился на их условия начальник, хотя и сказал: "Вижу, господа мер-завцы, что из работы вашей вреда, действительно, много будет, но выйдет ли из этого вреда польза – это еще бабушка надвое сказала". И господа мерзавцы стали действовать... Окончания сказочки можно

896

и не приводить. Достаточно и этого, чтобы понять, почему господа коммунисты стали "рвать из рук друг у друга" книгу с этой сказкой, – так всё это, как перчатка к руке, подходило к нашей советской дейст-вительности. И мог ли думать Салтыков, что его сатира ... через пятьдесят лет окажется как нельзя более злободневной! Недаром же и испуганное Издательство Писателей изъяло из моего предисловия фразу о злободневности сатиры Салтыкова. Все читатели понимали, что эта сказка о вредном начальнике попадет не в бровь, а в глаз тому начальнику, который довел советскую Россию начала тридцатых го-дов до голода и разорения. Один мой приятель (имеется в виду При-швин. – Ред.), живший в подмосковной деревне, дал книжку с этой сказкой прочитать соседним мужикам. Возвращая ему книгу, они ска-зали: "Здорово здесь про Сталина пишут!" ... Запретить напечатание этой сказки Салтыкова было невозможно – это значило бы признать, что между господами мерзавцами и господами коммунистами стоит знак равенства. Лучше было сделать вид, что сказка эта имеет только историческое значение» (Иванов-Разумник. Писательские судьбы. Тюремь и ссылки. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 260– 262).

С. 61. ... (смертью смерть!) – слова из Пасхального канона «Хрис-тос воскрес из мертвых».

С. 62. ... и после меня рассказы мои (напр., «Черный араб») долго бу-дут гаровать... – Ср.: «Это чисто поэтическая вещь, она может слу-жить самым ярким примером превращения очерка в поэму путем как бы самовольного напора поэтического материала. ... Если бы меня спросили, чем отличается прозаический очерк от поэтического, я от-ветил бы так: отличается направлением к тому или другому читате-лю... В поэтическом очерке "Черный араб" ... поэзия ... без огляд-ки на какое-нибудь практическое дело направлялась прямо к сердцу читателя. Так что прозаический очерк о моем опыте – это служебный, деловой; поэтический – свободный и, осмелимся сказать, празднич-ный» (Собр. соч. 1956–1957. Т. 2. С.

801).

...один из секретарей пустил «франса в халате»... – Имеется в виду книга личного секретаря Анатоля Франса Жана Жака Бруссона «Анатоль Франс в туфлях и в халате» (1925, русск. пер. А. А. Поляк и П. К. Губера), в которой речь идет о вкусах, человеческих пристрастиях, слабостях и интимной стороне жизни писателя. ...или как Вересаев пустил своего Пушкина. – Имеется в виду книга В. Вересаева «Пушкин в жизни» (1926–1927), которая вызвала неоднозначную критику пушкинистов и успех у читателей. Ср.: «В. Вересаев в данном случае и не претендовал на создание научной биографии великого поэта, что специально отметил в предисловии. ... В. Вересаев смотрел на Пушкина как художник и не стремился анализировать

897

его творчество, а старался дать представление о повседневной жизни поэта, пытался воспроизвести его характер, образ – как это и полагается, скажем, в романе. Только вот роман вышел необычным по форме. Однако В. Вересаеву казалось, что монтаж свидетельств современников дает яркое представление о "живом Пушкине, во всех сменах его настроений, во всех противоречиях сложного его характера, – во всех мелочах его быта..."»

(http://az.lib.ru/w/weresaew_w_w/text_0070.shtm).

С. 64. На востоке японцы расстреливают Шанхай. – Речь идет о захвате Маньчжурии Японией и наступлении на Шанхай, вызванном как экономическим кризисом в Японии, так и ростом революционного движения в Китае; в марте 1932 г. Временное Центральное правительство Китайской Советской республики объявило Японии войну.

С. 66. Европа не должна и не может закатиться, но она пройдет гerez востогную гистку... – аллюзия на сочинение О. Шпенглера «Закат Европы» (1918–1922).

С. 67. ...«за другимоя», «душу погубим»). – Ин 15:13.

...только и разговоры, гто о войне. – В 1932 г. Советский Союз установил дипломатические отношения с Китайской Советской республикой. В газетах в это время постоянно присутствует военный мотив, в частности связанный с захватом японцами Маньчжурии. Война в принципе была одним из основных мифов в советское время, сквозь который человек понимал новую жизнь, как личную, так и общественную («нет радостей, праздников, подарков, и ждать лугшего тоже нельзя: ждут войну», «если только этот перегиб не является вестником войны», «Война выясняет нам жизнь как сгастье», «опасность войны огонь серьезная», «Ребята рвутся на войну» и др. записи). Ср.: Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: Росспэн, 2008. С. 15–18.

С. 68. Хорошо в Америке? – Нет, дикари (Пильняк). – В 1931 г. Б. Пильняк совершил поездку в Америку, в результате которой был написан роман «О'кей – американский роман» (1933). Ср.: «"О'кей – американский роман" – шаг вперед по пути освобождения Пильняка от сменовеховских и националистических тенденций. В нем Пильняк дает картину бытовых, национальных и производственных отношений в Америке, вскрывает порочность капиталистической техники (фордовский конвейер). Пильняк с полным правом заявляет, что пишет "О'кей" для того, чтобы лишний раз разьяснить американским братьям-рабочим капиталистическую кабалу их существования» (За-славский Д. С птичьего дуазо // Литературная газета. 1933. № 14).

898

С. 69. ...вот оно опять возвращение (война, голод, сыпняк)... – В течение 1932 г. обозначились перебои с продовольствием («Вот-вот корова отелится, и у хозяйки бродят в голове негестивые мысли, как бы устроить так, гтобы не поить теленка дорогим молоком, а как-нибудь от него вовсе избавиться»), информация о голоде в основных хлебо-родных районах Центральной России, Северного Кавказа и Казахстана не проникала в газеты, но нехватка хлеба и хлебные очереди в некоторых районах возникала то и дело. В 1932–1933 гг. это произошло не вследствие засухи или недорода и даже не вследствие сплошной коллективизации и раскулачивания, но в результате принудительных хлебозаготовок. (Ср.: «Несмотря на энергичные усилия партийно-хозяйственного руководства, практиковавшего в сентябре-ноябре снятие с работы и исключение из партии руководителей районов, "срывавших план"; занесение на "черные доски" не выполняющих план колхозов, населенных пунктов, районов; объявление им экономиче-ского бойкота и другие меры, планы хлебозаготовок не выполнялись. Ситуация изменилась в декабре 1932 г., когда в регион по указанию Сталина прибыла комиссия ЦК ВКП(б) по вопросам хлебозаготовок во главе с секретарем ЦК партии П. П. Постышевым. ... У крестьян отбирали хлеб, заработанный на трудодни, в том числе и оставшийся с прошлых лет; хлеб на трудодни не выдавали; вывозили семенной хлеб. Нередко в ходе хлебозаготовок к крестьянам применялось насилие ... чтобы "выбить" хлеб, посадили в амбар под замок почти все село ... "Приходили, хлеб силком забирали и увозили", "дали, а по-том отобрали", "ходили по домам, забирали хлеб и картошку;

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru тех, кто противился, сажали на ночь в амбар", "из печки [хлеб] вытаскива-ли", – вспоминали старожилы. ... Это был искусственно организо-ванный голод» (Шурыгин В. Вопросы истории. 1991. № 6. С. 176–181).

С. 74. ...а помните, ведь с Японией война котилась нашим разва-лом... – Имеется в виду Русско-японская война 1904–1905 гг., кото-рая закончилась Портсмутским миром 1905 г., по условиям которого Россия признала Корею сферой влияния Японии, уступила Японии Южный Сахалин и права на Ляодунский полуостров с городами Порт-Артур и Дальний (Далаянь).

С. 75. Архимедовы круги. – По-видимому, имеются в виду три тео-ремы, изложенные в трактате «Измерение круга».

Бывало-то к гаю [плюшки] Филиппова... – Речь идет о семье фи-липповых – выходцев из Калужской губернии, которая в начале XIX в. стала выпекать и продавать калачи и пироги с разнообразной начин-кой. К 1876 г. у Филиппова были уже восемь булочных-пекарен, четы-ре из которых находились в Москве, а еще четыре – в Санкт-Петер-бурге. Филипповская булочная в собственном доме, на углу Тверской улицы и Глинищевского переулка, славилась на всю Россию.

899

С. 76. ...«мысль изрегенная есть ложь». – Строка из стихотворения Ф. Тютчева «Silentium!» (нач. 1830-х годов).

С. 77. ...пишу напряженно о соболе... – имеется в виду один из даль-невосточных очерков.

С. 79. ...если бы и эти превосходные люди стали у оагеркнуто: власти...– Имеются в виду левые эсеры – партия, к которой причи-слял себя Иванов-Разумник.

Работа и ритм. – Книга немецкого экономиста Карла Бюхера «Работа и ритм» (1896), с которой Пришвин познакомился, будучи студентом Лейпцигского университета, произвела на него сильное впечатление: исследуя производительный процесс и технологию тру-да у диких народов, Бюхер пришел к выводу, что на первых ступенях своего развития работа, музыка и поэзия были органически связаны между собой, причем доминирующим и обуславливающим элементом являлась работа.

С. 80. Золя во время Дрейфуса... – Имеется в виду письмо Э. Золя президенту Франции Ф. Форю «Я обвиняю» (1898), в котором Золя ставит в вину правительству и военному руководству Франции то, что они скрывают доказательства невиновности Дрейфуса и, следовательно, причастны «к одной из самых больших несправедливостей века».

...автор опирается на социализм: А. франс.) – А. франс – близкий друг лидера социалистов Ж. Жореса и литературный мэтр француз-ской социалистической партии. Его интерес к новому общественному строю находит выражение в его творчестве.

Р. Роллан пытается заменить собой... – возможно, имеется в виду «Письмо Федору Гладкову и Илье Сельвинскому (Об индивидуализме и гуманизме)» Р. Роллана (февр. 1931), в котором говорится: «Я верю в дело СССР. Я буду защищать его до последнего дыхания», «Я "инди-видуалист". Я верю в "человечность". И этот индивидуалист, и этот верующий в человечность борется на вашей стороне» (Роллан Р. Собр. соч.: в 14 т. Т. 13. М.: ГИХЛ, С. 217; указано В. П. Балашовым).

С. 82. Красюковские граждане... – Красюковка – живописная окра-ина Загорска, названная по имени бывшего владельца участка генера-ла Красюкова.

В дневниковую тетрадь вложена газетная вырезка: «Женщины Красюковки праздновали вместе с работницами женский день "8 мар-та". Битком набита была школа, "позавчера" еще бывшая церковью. Там, где они, эти же домохозяйки, когда-то усердно отбивали покло-ны, вчера гремел духовой оркестр. Под звуки рожка и барабана де-монстрировали пионеры готовность всегда бороться за дело "дедушки Ленина". Лились под сводами бывшего храма "дерзкие" речи и песни домашних хозяек о новой жизни, новом быте. Еще недавние "рабыни

900

религии" давали 10/ш обязательства бороться за линию партии, за мобилизацию средств, за новый быт, новую женщину, идти в ногу с ра-ботницами. Это не были пустые слова. Жены и матери кустарей и слу-жащих Красюковки – сегодня на втором месте в районах города по мобилизации средств. Они премировали портретом Сталина домаш-нюю работницу Агееву, подписавшуюся на займ 3 решающего года на 50 руб., при заработке мужа в 70 руб. Они премировали и выдвинули на работу в здравотдел за усердное распространения займа и за общест-венную работу пожилую домашнюю хозяйку Комарову. Тов. Овчинни-кова выдвинута на работу в кооперацию. Премии получили пионер-отряд и музыканты-слепцы, никогда не отказывавшиеся обслужить район музыкой. На этом же собрании женщины 3 района дали обеща-ние 11 /III устроить субботник по очистке железнодорожных путей от снега.

В бывшей церкви, отвоёванной школой, горсоветом и активной частью матерей у многочисленной кучки верующих, до-утра гремел оркестр. Были танцы, игры... Инициативная группа хорошо сумела ор-ганизовать "чашку чая" для всех участников вечера. Тов. Жалченко, идущая впереди всех общественных начинаний, школьная

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru работница Колюбакина и вложивший немалые усилия в переделку Красюковки на новый лад предгорсовета тов. Каширин могли законно гордиться: в этот вечер нанесен был крепкий, дружный, решительный удар старому 3-му району. На сцену выступил новый, который говорит: "Пятый район и другие районы города! Вызываем вас на социалистическое соревнование! Кто больше мобилизует средств? Кто больше даст молока рабочим? Кто крепче будет идти в ногу с рабочим в культработе, в общественно-политических кампаниях? Слушайте, слушайте! Говорит и борется за новый быт новая Красюковка!" М. Ломакин» Ару-кой М. М. подписано: «Вперед», № 22, 32 г.).

С. 83. ...помоги Господи нишего не простить. – Имеется в виду возникшая в дневнике 1917 г. и связанная с идеей возмездия молитва «Господи, помоги мне все понять, все вынести, и не забыть, и не простить», которая в 1918 г. становится лейтмотивом книги очерков «Цвет и крест» (одно из первоначальных названий – «Подзаборная молитва»); позднее «подзаборная молитва» возникает в повести «Золотой рог» (1934) и в «Повести нашего времени» (1944). В послевоенном дневнике точка зрения Пришвина на взаимоотношения личности и общества меняется. Ср.: «Смысл нашего времени состоит в поисках нравственного оправдания жизни, а не возмездия... Эта сила уже исчерпала себя» (1945). Ср.: Подзаборная молитва//Цвет и крест. С. 116–117; Круг жизни. С. 135–139. ...оглумила... – Глушной (орл.) – глуловатый.

С. 84. ...если «живет», то фуксом... – зд.: без оснований, не по праву, случайно.

901

С. 85. ...в нашей нынешней замшаной церкви... – Замшаный – по-крытый мохом, забытый.

С. 86. ...имея высшее покровительство в государстве... – Пришвин имеет в виду либо Н. А. Семашко, своего земляка, который в 1930–1936 гг. являлся членом Президиума ВЦИК, либо Горького, с которым его связывали дружеские отношения с начала века и переписка в течение всей жизни, но в 30-е гг. Пришвину уже не удалось лично встретиться с Горьким. В последнем письме к Горькому от 31 мая 1933 г. Пришвин, в частности, писал: «Алексей Максимович! Я лично в своем поведении для себя допустил величайшую роскошь: стараться быть со всеми людьми, как с самим собой. Вследствие этого я человек мало пригодный для политики и едва ли могу чем-нибудь помочь вам в деле устройства Союза писателей. Но мне кажется, что в личной беседе (без третьих лиц) я бы мог быть полезным человеком. И потому на всякий свой сомнительный случай имейте в виду, что я с большой радостью готов идти вам навстречу. Крепко жму вашу руку и желаю здоровья. Михаил Пришвин». В письме к Пришвину от 28 апреля 1934 г. Горький пишет: «"Доступ публики" ко мне закрывается и ныне закрыт по причине крайней дряхлости моей и легкой утомляемости. Силы – падают. На днях суток трое обильно кровохаркал и сейчас напрягаю все силенки для 1-го Мая. Не думайте, пожалуйста, М. М., что мое отношение к вам как-либо переменялось, нет – вы для меня один из оригинальнейших национальных литераторов, большого таланта и великого упрямства человек. Будьте здоровы! Это – замечательно хорошо – быть здоровым. А. Пешков» (Лн. т. 70. С. 361–362).

С. 87. Жаворонки пекут. – В день Свв. Сорока мучеников Севастийских (22 марта), который в народе получил «птичье» имя – Со-роки, по обычаю пекли печенье в виде летящих птиц с хохолком: счи-талось, что в этот день прилетает из теплых стран сорок птиц, и первая из них – жаворонка.

Горький американцам... – газетная вырезка с надписью: Известия № 81 1932 г.: «"Насилие", как вы и "многие" понимают его – недо-разумение, но чаще этого оно – ложь и клевета на рабочий класс Со-юза Советов и на его партию. Понятие "насилие" прилагается к соци-альному процессу, происходящему в Союзе Советов, врагами рабочего класса в целях опорочить его культурную работу – работу по возрож-дению его страны и организации в ней новых форм хозяйства.

На мой взгляд, можно говорить о принуждении, которое вовсе не есть насилие: ибо, обучая детей грамоте, вы ведь не насилуете их? Ра-бочий класс Союза Советов и его партия преподают крестьянству со-циально-политическую грамоту. Вы, интеллигенты, точно так же при-нуждены чем-то или кем-то почувствовать драматизм вашей жизни "между молотом и наковальней", вам тоже кто-то внушает начала со-циально-политической грамоты, и этот кто-то, разумеется, – не я.

902

Во всех странах крестьянство – миллионы мелких собственни-ков – является почвой для роста хищников и паразитов, капитализм во всем его безобразии вырос на этой почве. Все силы, все способнос-ти и таланты крестьянина поглощаются его заботами о своем нищен-ском хозяйстве. Культурный идиотизм мелкого собственника совершенно равен таковому же идиотизму миллионера, вы, интеллигенты, должны бы хорошо видеть и чувствовать это. В России до Октябрь-ской революции крестьянство

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru жило в бытовых условиях 17-го века, это – факт, который не осмелятся отрицать даже русские эмигранты, озлобление которых на советскую власть приняло уже комически-чуждый характер. Крестьянство не должно существовать в качестве полудиких лю-дей четвертого сорта, в качестве пищи для ловкого мужика, для по-мещика, для капиталиста, не должно существовать в условиях каторж-ного труда на мелко раздробленной истощенной земле, неспособной прокормить ее нищего собственника, безграмотного, лишенного воз-можности удобрить землю, поработать машинами, развивать агрокульту-ру. Крестьянство не должно оправдывать мрачную теорию Мальтуса, в основе которой, на мой взгляд, скрыто изуверство церковной мыс-ли. Если крестьянство в массе еще не способно понять действитель-ность и унижительность своего положения – рабочий класс обязан внушить ему это сознание даже и путем принуждения. Но в этом, од-нако, нет надобности, ибо крестьянин Союза Советов, страдавший мучения войны 14–18г.г., разбуженный Октябрьской революцией, уже не слеп и умеет практически мыслить. Его снабжают машинами, удобрением, пред ним открыты пути во все школы, ежегодно тысячи крестьянских детей выходят в жизнь инженерами, агрономами, вра-чами. Крестьянство начинает понимать, что рабочий класс в лице его партии стремится к тому, чтоб создать в Союзе Советов одного хозяи-на, у которого 160 миллионов голов и 320 миллионов рук, а это – главное, что надобно понять. Крестьянство видит, что все, что делается в его стране – делается для всех, а не для небольшой группы богатых людей, крестьянство видит, что в Союзе Советов делается только по-лезное для него и что 26 "научно-исследовательских институтов" стра-ны работают для обогащения его земли, для облегчения его труда. Крестьянин хочет жить не в грязных деревнях, как он жил века, а в агрогородах, где есть хорошие школы и ясли для его детей, театры, клубы, библиотеки, кинематографы для него. В крестьянстве растет жаждазнаний и вкус к жизни культурной. Если б крестьянин не пони-мал всего этого – работа в Союзе Советов не достигла бы в 15 лет тех грандиозных результатов, которые достигнуты соединенной энергией рабочих и крестьян». Месяц спустя в дневнике появляется запись о голоде в Поволжье («Работают саратовские, рассказывали, гто пришли сюда как в царст-во небесное, гто там деревня 400 дворов и петуха не услышишь, все съе-дено»).

903

С. 90. Веймар помог Гёте написать «фауста» ... у Горького на-оборот... – Хотя в годы жизни при Веймарском дворе (1775–1786) в силу занятости (Гёте был не только другом и советником герцога Карла Августа, но и министром в Государственном Совете) Гёте ни од-ного из начатых произведений (за исключением нескольких стихо-творений), не закончил («фауста» он пишет в течение всей жизни (1772–1831)), это было связано прежде всего с мировоззренческими и творческими проблемами, а не с необходимостью «отдать первен-ство за чечевичную похлебку», что было очевидным для Пришвина в положении Горького (ср.: «Горького купили не деньгами, но надеж-дами на осуществление его мечты». Ходасевич). Свое творческое по-ведение Пришвин в эти годы строит, учитывая опасность для писателя оказаться на этом общем пути («Быть везде, все видеть и не покидать пустыни, гтобы не сорваться и не отдать первенство за гегевигную похлебку»).

С. 91. Поиски неведомых стран («Колобок» и подобные путешест-вия)... – Имеются в виду две первые книги Пришвина «В краю непуга-ных птиц» (1907) и «За волшебным колобком» (1908), написанные в результате поездок в 1906 г. в Олонецкую губернию, а в 1907 г. в Ка-релию и Норвегию.

С. 92. ...от агрономии перескогил в литературу. – После оконча-ния агрономического отделения философского факультета Лейпциг-ского университета в 1902 г. Пришвин возвращается в Россию и с 1902 по 1904 г. работает вначале агрономом на хуторе графа Бобринского в Богородицком уезде Тульской губернии, затем в Клинском земстве Московской губернии и, наконец, в вегетационной лаборатории про-фессора Д. Н. Прянишникова в Петровской (ныне Тимирязевской) академии. После переезда в 1904 г. в Петербург он продолжает рабо-тать агрономом на опытной станции «Заполье» в Луге, но параллель-но сотрудничает в журнале «Опытная агрономия», составляет сель-скохозяйственные книги, а также начинает работать корреспондентом в газетах «Русские ведомости», «Речь», «День», «Утро России» и др. В 1905 г. Пришвин окончательно переходит на литературную рабо-ту–в это же время появляются первые записи его Дневника.

(Ю. Велльгаузен «Израильско-иудейск. религия»). – Имеется в виду книга немецкого ученого, протестантского богослова Юлиуса Велль-гаузена «Введение в историю Израиля» (1878 г., русск. пер. 1909), по-священная изучению последовательности и времени написания глав-ных книг Ветхого Завета.

Амос – пророк социальной революции? – Имеется в виду книга про-рока Амоса, входит в сб. «12 Малых пророков», состоит из отдельных изречений, написанных в

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
поэтической форме, скорее всего, после его смерти. Главное содержание книги – Суд (обличение грехов Израиля,

904

Иудеи и окружавших их народов) и покаяние (см.: О. Александр Мень.

Библиологический словарь. СПб., 2002).

Признак настоящих пророков (навиимов)... – Имеются в виду про-роки (евр. навиим), семнадцать из которых посвящены отдельные книги Библии (пророк Иеремия и др.), которые, как правило, пред-сказывали всевозможные бедствия и наказание людям за несправедное поведение.

С. 93. А. Гарнак («Сущность христианства»)... – Имеется в виду популярная книга крупнейшего немецкого теолога либерально-про-тестантского направления А. Гарнака «Сущность христианства» (1900), которая представляет собой стенографическую запись 16 лекций, про-читанных им в Берлинском университете (1899–1900). Считаю, что неокантианство – последнее слово философской мысли, Гарнак стре-мился согласовать с ним евангельскую веру.

С. 94. Будьте как дети! – Мф 18: 3.

С. 96. ... («на супротивныя даруй»). – Слова из молитвы за Отече-ство.

С. 97. ... сидит с пятилинейной... – Имеется в виду керосиновая лампа с фитилем в пять линий.

С. 98. .. лето Господне благоприятное... – Ис 61:1–3.

С. 104. Просовы – ямы, наполненные водой, но невидимые под снегом.

...своего рода хилиазм. – Хилиазм – религиозное учение, согласно которому концу мира будет предшествовать второе пришествие Иису-са Христа и тысячелетнее земное царство Божье верных и праведных.

С. 108. ...несколько сумное солнце... – Сумный (обл.) – задумчи-вый, унылый.

...Сработал «Страшный китаец». – Произведение под таким на-званием неизвестно.

С. 110. ...евгеника... – Евгеника (греч. – рождение лучших) – тер-мин, созданный френсисом Гальтоном в 1883 г.; в 1920 г. в Москве в Институте экспериментальной биологии, возглавляемом крупней-шим ученым, профессором Н. К. Кольцовым, генетиком, цитологом, зоологом, был открыт отдел евгеники и организовано Русское евгени-ческое общество, впоследствии запрещенное; в настоящее время евге-ника – успешно развивающаяся медицинская генетика.

905

С. 111. ...у нас в Харбине белогвардейцы врываются в управление КВЖД. – После Октябрьской революции многие русские офицеры бе-жали в Харбин, так что белогвардейские отряды действительно при-нимали участие в войне на стороне Японии.

Каляевка наводит на мысль... – Каляевка – устоявшееся в народе название территории Черниговского скита, где после революции осно-вали исправительно-трудовую колонию для инвалидов им. Каляева (указано Ю. Н. Палагиным.) Ср.: «Определение ... границ в худо-жественном творчестве. ... Вы можете "перезнать", и от этого у вас появится легкость в обращении с материалом, захочется кокетни-чать с ним. Это случилось у меня с очерком "Каляевка". Я великолеп-но освоил материал, но я сделал ошибку, сфотографировал людей ... Эти фотографии были напечатаны, и только после этого я понял, что я совершил преступление. Есть страшные границы в искусстве, кото-рых нельзя переступать. В гоголевском "Портрете" изображена эта страшная граница» (Пришвин М. Боевая форма литературы // Наши достижения. 1934. № 78). Очерк «Каляевка» с фотографиями вошел в кн.: Пришвин Михаил. Мой очерк. М.: Московское товарищество пи-сателей, 1933.

С. 114. Постановление ЦК... – Вклеена газетная вырезка: «О пе-рестройке литературно-художественных организаций (Постановле-ние ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г.)».

1. ЦК констатирует, что за последние годы на основе значитель-ных успехов социалистического строительства достигнут большой как количественный, так и качественный рост литературы и искусства.

Несколько лет тому назад, когда в литературе налицо было еще значительное влияние чуждых элементов, особенно оживившихся в первые годы нэпа, а кадры пролетарской литературы были еще сла-бы, партия всемерно помогала созданию и укреплению особых проле-тарских организаций в области литературы и искусства в целях укреп-ления позиций пролетарских писателей и работников искусства. В настоящее время, когда успели уже вырасти кадры пролетарской литературы и искусства, выдвинулись новые писатели и художники с заводов, фабрик, колхозов, рамки существующих пролетарских лите-ратурно-художественных организаций (ВОАП, РАПП, РАМП и др.) становятся уже узкими и тормозят серьезный размах художественно-го творчества. Это обстоятельство создает опасность превращения этих организаций из средства наибольшей мобилизации советских писателей и художников вокруг задач социалистического строитель-ства в средство

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru культивирования кружковой замкнутости, отрыва от политических задач современности и от значительных групп писателей и художников, сочувствующих социалистическому строительству. Отсюда необходимость соответствующей перестройки литературно-художественных организаций и расширения базы их работы. Исходя из этого, ЦК ВКП(б) постановляет:

906

- 1) ликвидировать ассоциацию пролетарских писателей (ВОАПП, РАПП);
- 2) объединить всех писателей, поддерживающих платформу советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, в единый союз советских писателей с коммунистической фракцией в нем;
- 3) провести аналогичное изменение по линии других видов искусства;
- 4) поручить Оргбюро разработать практические меры по проведению этого решения. ЦК ВКП(б)».

С. 118. И одна только жизнь осталась для меня нерасшифрованной. – Имеется в виду Варвара Петровна Измалкова, дочь петербургского действительного статского советника, студентка исторического факультета Сорбонны, встреча с которой произошла в 1902 г. в Париже во время путешествия Пришвина по Европе после окончания учебы в Лейпцигском университете. Варя стала первой любовью Пришвина, о которой он вспоминал в своем дневнике всю жизнь.

С. 121. Брюсова называли «преодоленной бездарностью»... – Ср.: «Брюсову не чуждо величие преодоленной бездарности» (Айхен-вальдью. Силуэты русских писателей. Т. 3. Берлин: Слово, 1923).

...«не нарушить пришел, а исполнить»). – Мф 5:17.

С. 122. А другой голос «прозевал» говорил мне о девушке... – Имеется в виду Варя Измалкова.

С. 123. ...чувствовать в отношении к жизни некоторую самоуверенность... – здесь: быть уветливым – чувствовать свою малость, ума-литься, смириться.

С. 131. Вгера гитал о Гапоне и Азефе... – Г. А. Гапон – священник, инициатор создания проправительственной организации «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга» в 1903–1904 гг. По его инициативе была выработана петиция, которую рабочие намеревались передать царю 9 января 1905 г. После кровавого воскресенья скрылся и бежал за границу. Осенью 1905 г. вернулся в Россию, пытался установить связь с эсерами. Его подозревали в связях с охранкой, поэтому одна из революционных групп судила его 28 марта 1906 г. и повесила в Озерках (близ Петербурга). Е. Ф. Азеф – революционер-провокатор, руководитель и одновременно агент охраны в партии эсеров.

...назван в Пушкино по соболям. – Имеется в виду самая крупная в нашей стране и в Европе зооферма черно-бурых канадских лисиц и соболей «Первая московская» или «Лисья поляна» в 13 км от стан-

907

ции Пушкино Сев. ж. д., где Пришвин уже бывал. Ср.: Зооферма. Очерки с

фотоиллюстрациями автора // Новый мир. 1931. № 1.

С. 132. Вот поколение моих времен было воспитано на следопытах, героях американских романов – «индейцах». Мы из-за них бежали в Америку. – В 1885 г., будучи гимназистом Елецкой мужской гимназии, Миша Пришвин, начитавшись Майн Рида (его любимым романом был «Всадник без головы»), с тремя друзьями-гимназистами совершил побег «в страну непуганых птиц». В летописи своей жизни (1918) он отмечает: «Побег в "Америку"», хотя иногда называет его «побегом в Азию»; «Конечно, тут книга виновата, что-то вычитанное... Прочитав книгу, мальчики бегут в неведомую страну, взрослые мальчики из народа начинают странствовать, искать невидимый град» (см.: О двух крайностях // Собр. соч. 1982–1986. С. 781; см. также: Кашеева цепь // Собр. соч. 2006. Т. 1. С. 95–111).

Ср.: «Никто и никогда не пытался создать подобие энциклопедического словаря, где приводились бы биографии популярных личностей, начавших свою карьеру с того, что в детстве они удрали из дому. В нынешние времена Майн Рид хоть и переиздается, но особой популярностью среди молодежи его книги не пользуются. На рубеже XIX и XX столетий картина была совершенно иная, и русские гимназисты, начитавшись Майн Рида, в массовом порядке удирали "в Америку". Их ловили ... с позором возвращали домой, но они все равно бредили бескрайними прериями, индейцами... и прочей подобной экзотикой» (Манин Евгений (Фила-дельфия). Убежавшие к славе // Чайка. 2002. 22 июля; www.chayka.org/oarticle.php?id=683).

...как Арсеньев «в дебрях Уссурийского края»... – Имеется в виду книга известного исследователя, путешественника и писателя В. К. Арсеньева «В дебрях Уссурийского края» (1907), описывающего путешествие в горную область Сихотэ-Алиня в 1906 г.; считается одним из самых замечательных образцов фактической прозы.

С. 135. ...в таких своих сочинениях вроде романа «Кашеева цепь», «Охота за сгастьем»... – Имеются в виду автобиографический роман «Кашеева цепь» (1927) и

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
автобиографический очерк «Охота за счастьем» (1926).
С. 136. ...известны «Башмаки»... – Имеется в виду цикл очерков «Башмаки
(Исследование журналиста)» (1925), в котором речь идет о сапожном ремесленном
промысле в г. Талдоме Московской области.
(«Девятая ель» и др.) – имеется в виду цикл очерков под названием «Девятая ель»
(впоследствии «Каляевка»).

В «Нов. Мире» помещен рассказ Сергеева-Ценского и статья к 30-летию его
литературной деятельности. – См.: Сергеев-Ценский. Устный счет // Новый мир.
1932. № 3; Ефремина. С. Сергеев-Ценский
908

(к 30-летию литературной деятельности) // Там же. В рецензиях на рассказы
Сергеева-Ценского в первой половине 1930-х гг. появляются обвинения в искажении
образа нового человека, в описании тоски интеллигенции и ее страданий, в
нагромождении ложных и надуманных психологических подробностей,
недоговоренности, недосказанности.

С. 140. ...променял «кукушку»... – Похоже, что имеется в виду не «кукушка», а
«синица в руке».

В. П. – существо слугайное... – Речь идет о Варваре Петровне Из-малковой.
С. 143. ...отдела (ГИЗла). – Государственное издательство литературы.

С. 144. Взера хытал Записки Льва Тихомирова, и для меня было обращение
революционера к православию очень понятно... – Под записками имеется в виду
кн.: Воспоминания Льва Тихомирова. М.; Л., 1927. Лев Тихомиров – в 1870–1880-е
гг. один из главных идеологов революционного народничества, член
Исполнительного комитета и редакции «Народной воли», а также террористической
группы «Свобода или смерть»; в 1882 г. во время разгрома «Народной воли» (после
покушения на Александра II) уезжает за границу; жизнь в эмиграции –
разочарование в революционной деятельности, разногласия с бывшими соратниками,
тяжелая личная жизнь в нищете, тяжелая болезнь сына – все это вместе приводит
к резкому повороту в мировоззрении Тихомирова: он пишет покаянное письмо
императору, издает брошюру «Почему я перестал быть революционером» (1888), в
которой обвиняет терроризм, и после возвращения в Россию до конца остается
убежденным монархистом, идеологом самодержавия, редактором монархической газеты
«Московские ведомости». Интерес к личности Тихомирова объясняется еще и тем, что
такой же путь – разочарование в «революции» и обращение к собственной личности
– прошел сам Пришвин. Переворот, который произошел с ним под влиянием встречи с
Варей Измалковой в Париже и любви к ней, открыл ему значение и суть личности,
привел к пониманию того, что «революция» – это отвлеченная идея, а личность –
это творческая жизнь («Лев Тихомиров бежал от нереальности революции к самой
жизни и, я думаю, эта "жизнь" (Суворин и правые) тоже была для него нереальна.
... Тут ужасно в его положении было, что не то, так вот это, из одной политики
в другую, а надо было просто жить, как все, без особенной политики, в своей
самости почувствовать реально мир, а потом можно бы и вернуться... У меня
относительно политики так было: "это само делается"; "подступает к самому
сердцу реальность... я и до сих пор остался поэтом этой реальности... и она
противопоставлена социальному (нереальности, неживому)"»). Кроме того, как
всегда и во всем,

909
Пришвин прежде всего отстаивает трезвость мысли и свободу («обращение
революционера к православию очень понятно, только очень трудно войти в
понимание, когда новообращенный смазывал щеку маслом св. Митрофания от зубной
боли»).

С. 144. Сегодня гитаю М. Шагинян о Гёте... – имеется в виду документальный
лирико-философский путевой очерк «Путешествие в Вей-мар» (1914), жанр которого
очень близок Пришвину. Гёте у Шагинян – идеал просветителя и гуманиста, силой
духа преобразующий общество.

С. 146. «Там прошлого нет и следа». – Слова из стихотворения М. Ю. Лермонтова «И
скудно и грустно» (1840).

С. 149. МВО – Московское военное общество.
С. 151. ...без легенды о «последнем из могикиан»... – Аллюзия на роман Фенимора
Купера «Последний из могикиан» (1826).

Фигнер Вера и 1-е Марта. – 1 Марта 1881 г. Вера Фигнер услышала два взрыва, а
затем на квартире писателя Глеба Успенского узнала о смерти Александра И. Однако
по смыслу кажется, что здесь ошибка и имеется в виду, к примеру, Клара Цеткин и
8-е Марта, то есть нечто оставшееся от деятельности человека.

С. 156. Лигно я ... долго не нуждался в этом общении, потому что смолodu был
приобщен... – Имеются в виду годы учебы в Германии, когда проявился интерес
Пришвина к немецкой культуре (философия, музыка) и решающим образом повлиял на
его мировоззрение.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
С. 161. ...смотрел в звездах на дубль ее... – Имеется в виду созвездие Кассиопея.

С. 162. Лигность не должна бросаться в ган (Блок)... – См. ком-мент, к с. 16.

С. 163. ...божница с гетверговой, а может быть, и венгальской све-гой... – Имеется в виду свеча, принесенная из церкви со службы в Ве-ликий четверг.

С. 164. Озеро Ханка. – Самый большой пресноводный водоем на Дальнем Востоке.

С. 166. Дорогая Фега Евсеевна... – Ср.: «Приобретению немецких аппаратов предшествовала некая предыстория. До революции отец печатался в Германии, кажется, крупным издательством Фишера. Пе-реводчицей его произведений была Фега Евсеевна Фриш, которая от

910

имени этого издательства и вела переписку с отцом. И вот через много лет молчания к отцу пришло от нее письмо с просьбой прислать что-нибудь для печати. Папа отобрал несколько уже напечатанных в на-ших журналах рассказов, в том числе и "Гон"* , названный в немецком издании "Двенадцать мужиков на одного зайца". Довольно скоро от Фриш пришло письмо с вырезками напечатанных в Германии папи-ных рассказов и извещение из банка, что на его личный счет перечис-лена некая сумма денег. Но у нас с Германией не было подписано кон-венции об авторских правах, так что деньги получить было нельзя. Сам ли отец или кто из знакомых – не помню – придумал вариант с посылкой. В тот момент у папы было два фотоаппарата: один про-стенный, пластиночный, форматом 9 x 12 и второй – такого же фор-мата, зеркалка со сменным телеобъективом для дальних съемок зве-рей и птиц. Он был очень громоздок – величиной с хороший чемодан и вешался на шею, что затрудняло продвижение с ним по лесной чаще. И вот папа пишет письмо переводчице с просьбой прислать в счет го-норара два фотоаппарата "Лейка" с принадлежностями. Получить их из таможни нам помог нарком А. В. Луначарский. В первый раз мы пришли в таможню, рассчитывая сразу же положить в карман порта-тивные камеры и вернуться домой. Не учли немецкой педантичности: в таможенном зале стоял большой ящик, который с трудом могли сдвинуть с места лишь два человека. Фирма предусмотрела все и ми-нимум на два-три года бесперебойной работы фотографа» (Из воспо-минаний Петра Михайловича Пришвина, которые в настоящее время готовятся к изданию. Архив Н. П. Бирюковой (Пришвиной)).

С. 170. ...понимать в прямом смысле слова «хлеб наш насущный» или видеть в корове Аписа... – Сквозь евангельские слова (Мф 6:11), так же как сквозь образ Аписа (священный бык, символ плодородия, почитавшийся в Египте на протяжении всей истории, начиная с 3600 г. до н. э.), обозначивших в культуре некое устойчивое соотношение свободы (поэзии) и необходимости (природы), нарушенное и требую-щее переосмысления в новой реальности, Пришвин выявляет совре-менный смысл времени («трагедия жизни перешла из пещер в погреба больших городов, в литейные и отделочные цеха заводов... силы всех луг-ших людей устремляются сюда»), обозначает направление творческой силы и неизбежность развития жизни в эту сторону, где только может и должна родиться и новая этика, и новая поэзия (эстетика). О язы-ческом поклонении египтян корове как богине Гатор (Хатор) и быку как Апису см.: Розанов В. В. Возрождающийся Египет. М.: Республика, 2002. ...поэтигеский ритм журавлиной родины... – имеется в виду болот-ный край в восточной части низменности в Талдомском и Сергиево-Посадском районах, в бассейнах рек Дубны, Хотчи и Вьюлки, где осе-
* См.: Собр. соч.: в 8 т. Т. 3. М., 1983. С. 316.

911

нию собирается около полутора тысяч серых журавлей, образуя одно из крупнейших в Европейской России предотлетных скоплений этих удивительных птиц; в 1979 г. эти места объявлены заказником, полу-чившим название «Журавлиная родина» по названию книги Пришви-на, который любил и хорошо знал эти места. См. коммент. к с. 11.

С. 171. ...следы невиданных зверей... – Аллюзия на поэму А. С. Пуш-кина «Руслан и Людмила».

Гостиница «Золотой Рог»... – Здесь и далее речь идет о поездке на Дальний Восток в 1931 г.

С. 180. Писатель не инженер... – Похожее определение «инженер человеческого материала» впервые появилось в очерке Ю. Олеши «Человеческий материал» (1929); считается, что выражение "писате-ли – инженеры человеческих душ" было высказан Олешей на встрече литераторов со Сталиным в доме Горького 26 октября 1932 г. Сталин процитировал этот афоризм, который ему позднее и приписывался. Запись Пришвина, очевидно, связана с логикой его собственных раз-мышлений в дневнике на тему «литература приравнивается к техни-ке», но неожиданно некоторое время спустя оказывается полемичной по отношению к официальной.

С. 181. Керенский и солдат: «мое будущее – могила»... – Ср.: «Од-нажды Мер. говорил на одном собрании христ. секции рел.-фил. общ-ва о богочеловеке и человекобоге, вдруг один бывший среди публики рабочий положил ногу на стол,

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru показывая всем на вид свой дырявый, грязный, истоптанный сапог. – Что вы на это скажете? – спросил раб-очий. Мережковский в гневе закричал на него: "Падаль!" Я хорошо понимаю, что сказанное слово "падаль" было как религиозно-фило-софское понятие, т. е. что о смертной плоти-материи говорил рабо-чий, о том же, что спустя несколько лет говорил Керенскому солдат, отказываясь идти в бой: "Я умру в бою, мне ничего не достанется"» (Ранний дневник. С. 307).

Антивоенный конгресс... – Имеется в виду 2 Всемирный антивоен-ный конгресс, который состоялся 27–29 августа 1932 г. в Амстердаме.

С. 182. ... (семья Розанова – наследственный сифилис, Блок – лиг-ный и неслугайный). – В семье Розанова был наследственный сифи-лис. См. об этом у К. И. Чуковского: «У Розанова была падчерица – Шура, высокая девушка, дочь его второй жены попадьи Варвары Дмитриевны. Раз – около 1907 г. – она назначила мне свидание у па-мятника Пушкину в Петербурге и сказала мне: "Я сифилитичка ... У моего отца (священника) был сифилис"» (Чуковский К. Дневник 1930–1969. М.: Современный писатель, 1997. С. 404; указано В. Фа-теевым).

912

«Тело наказывай, а души не тревожь!» (Гиляровский. Рассказ о на-казаниях.) – Неточная цитата из книги В. А. Гиляровского «Мои ски-тания». Ср.: «Этого у нас прежде не бывало: тело наказывай, а души не трожь!» (Гиляровский В. А. Мои скитания. Детство // Гиляровский В. А. Собр. соч.: в 4 т. М., 1999. Т. 4). С. 184. «Ужо тебе, строитель!» – Неточные слова из повести А. С. Пушкина «Медный всадник». Ср.: «Добро, строитель чудотвор-ный! – Шепнул он, злобно задрожав, – Ужо тебе!..»

С. 186. ...этот корень и наводит на понимание реликта как корня жизни... – Речь идет о поездке на Дальний Восток (1931 г.), в резуль-тате которой в начале 1933 г. в журнале «Красная новь» (№ 3) была опубликована поэма «Жень-шень» (иногда под названием «Корень жизни»), которую Пришвин, по его признанию, написал «одним ду-хом»; кроме того, был написан ряд очерков, составивших книгу «Зо-лотой рог» (1934). Ср.: Собр. соч. 1982–1985. Т. 4; ср. также: Путевой дневник поездки на Дальний Восток // Дневники 1930–1931. С. 383– 565.

С. 198. ...тупой педагог, так ярко, так правдиво изображенный Кор-неем Чуковским... и мной самим тоже неплохо в описании детства Ку-рымушки в романе «Кашеева цепь». – Имеется в виду глава «Лепые нелепицы» из книги К. И. Чуковского «Маленькие дети» (1929), ко-торая начинается полемикой с преподавателем, не понимающим зна-чения фантазии, сказки и пр. ...представил мою художественную концепцию зла гастью как био-логизм... – См. коммент. к с. 12.

К статье Чуковского: он пишет, гто инженер не может обойтись в своем восприятии без сказки... – в эти же месяцы 1932 года К. И. Чу-ковский отмечает в дневнике приметы «либерализации» в литературе после отмены РАППа и интерес к детской литературе: «16/VIII. Еще так недавно дом Герцена был неприглядной бандитской берлогой, ку-да я боялся явиться: курчавые и наглые рапы били каждого входящего дубинкой по черепу. Теперь либерализм отразился и здесь ... "К. И., что вы думаете о детской литературе?"»; «21/VIII. Любопытно наблю-дать теперь жизнь "Литературной газеты". Теперь ее руководители стремятся сделать ее наилиберальнейшей: заказывают статьи о Зо-щенке, об О. Мандельштаме, о моем "крокодиле". Но позиция ее тра-гически беспочвенна. Рапповщина рвется из всех щелей»; «21/VIII. Бумага Горького-Маршака ... о детской литературе робка – и об ошибочной литературной политике говорит вскользя. О сказке вооб-ще не говорит полным голосом, а только о развитии фантазии»; «29/IX. Я сейчас делаю сразу двадцать литературных дел, и одно ме-шает другому. Нельзя одновременно: писать статьи в защиту сказки

913

... и стихи для маленьких детей, и фельетон о редактуре классиков. А я делаю все вместе...»; «22/XI. Ездил ... в Москву ... на пленум ВЛКСМ. ... Моя дикая речь в защиту сказки» (Чуковский К. Дневник 1930–1969. М.; Современный писатель, 1997. С. 67–74). В 1932 г. Чуковский выступает с речью в защиту сказки на Пленуме ВЛКСМ.

Ср. записи на отдельном листке без даты, вложенном в дневнико-вую тетрадь Пришвина 1933 г:

«Известно, что когда повезет... Издатель, по-моему, глубоко прав, дорогой мой покровитель и друг, вот я недавно имел разговор с одним старым крестьянином, который не может помириться с современным колхозным строем и остается убежденным единоличником. Он гово-рил мне, что вот в прежнее время нам говорили о рае, и мы думали-гадали, где он, рай, и есть ли он и будет ли, а между тем рай был тут у нас на земле, и все мы жили в раю. Так говорит старый человек о потерянном рае. Молодой человек, конечно, посылает проклятия тому времени, но сам свой "рай", в свою очередь, откладывает на буду-щее время, не сознавая, что его рай тут и в

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru его собственном времени, в его деле. И "Колобок" о чем же другом говорит? Правда, с внешней стороны он как будто уводит нас куда-то за синие моря и там открывает "рай"... Но это имеет лишь чисто формальное значение. Если взять книгу целиком, то она берет грубейшую действительность ре-альный факт – жизнь края и открывает в ней, как в буднях, присущий ей "рай"... Переход к социал. реализму.

...уклон или несправедливый, по-моему, враг мой, я складываю ору-жие и замираю в расчете на скорость суда нашей эпохи. Не раз было в таком замирании, что я вдруг и одумаясь: это не уклон и не враг, а я ошибался. Но было и так много раз: проходит немного времени, и уклон ликвидируется, враг мой летит вверх тормашками. Так вот случилось в отношении сказки: механизацию объявили вредным уклоном и на очередь поставили возрождение сказки в берегах социа-листического реализма. Издатель достал из глубины своей души осо-бенное понимание моего "Колобка", он мне сказал: – Ваш "Колобок" замечателен тем, что он в сказочной форме дает глубоко реальное пред-ставление о северном крае. Скорее давайте его мне в печать. Припис-ка: Пусть это еще реализм не социалистический, но и этого доволь-но – преподать через сказку реальное. Так точно, помните, случилось и с настоящим сказочным колобком: волк его было проглотил, но жи-вот у него от этого заболел, и колобок, выйдя на свет из волчьего чре-ва, еще больше обрадовался жизни и еще веселее побежал. Несмотря на просьбу издателя напечатать "Колобок" в том же виде, как он был напечатан 28 лет тому назад, я решил подсвежить его и создать внеш-нее оправдание для его нового появления в свет. Правда, трудно было с ружьем и удочкой в наше время бежать за колобком, но нет границ во времени и пространстве. Дорогой мой друг и покровитель! Я не мог везде побывать в тех местах, где в молодости пробежал мой колобок, но все-таки был я на канале, где тогда был Край непуганых птиц, был

914

в Соловках, где тогда были монахи, был в Надвоицах и Новострое, где рыбу ловили, на Имандре и волк в этой книге... Пусть же Колобок сно-ва бежит, как бежал в старое время, а где [переходит] на новое, я на-пишу свои впечатления в письме к Вам, мой неизменный доброжела-тель, великодушным сочувствием и соразованием моему творчеству не раз спасший из волчьей пасти мой Колобок. Конеч: колобок в вол-ка... и там волчья пасть...» В 1932 г. Чуковский выступает с речью в за-щиту сказки на Пленуме ВЛКСМ.

С. 199. ...от терогного завода... – Терочный (терошный) завод – завод, где шла переработка картофеля для получения полуфабриката для крахмальных заводов.

С. 204. ...«сами комиссары, сами председатели». – Слова из час-тушки 20-х гг. (в 30-е гг. такие частушки уже не встречались): «Сами, сами комиссары / Сами председатели / Никого мы не боимся / Ни от-ца, ни матери».

С. 210. Он просится в мой дом... – На полях рукой В. Д. красным карандашом: М. М.! Это замечательное. Пометка появилась, когда в 1940 г. Борис Дмитриевич Удинцев, племянник писателя Мамина-Сибиряка, привел Валерию Дмитриевну Лебедеву (Лиорко) к При-швину, рекомендуя ее в качестве секретаря, которого писатель в это время искал. В. Д. приступила к работе над архивом. Ср.: Мы с тобой. Дневник любви.

С. 212. Конгил Дриянского (Записки мелкотравчатого)... – книга Е. Э. Дриянского «Записки мелкотравчатого» (1857) считается одной из лучших охотничьих книг о псовой охоте.

(«Амазонка» Дриянского). – Имеется в виду охотничья повесть «Амазонка» (1860).

С. 214. ...видел около «1-го номера» (Смыжки)... – Имеется в виду кооперативный магазин «Смычка» (города с деревней), который по-явился в период НЭПа, находился в торговых рядах у Пятницкой башни Троице-Сергиевой лавры и просуществовал до 1935 г., когда по решению правительства на смену ему был создан горторг (Краеведче-ский вестник. 2003. № 88.17 авг. Сергиев Посад; указано Л. Грилиной).

С. 222. ...взяла сало и решила: если бедные люди – отдать, а если богатые и дурные, то съесть. – Приписка 1943 года:

– Кто здесь живет? – спросила Зоя прохожего.

– Сундуковы.

– А что, они богатые или бедные?

– Были очень богатые.

Рассказ о том, как наживалось богатство и как разорились.

915

– Ну, значит, бедные?

– Почем знать, в сундуки к ним не лазили.

Рассказ, как человеческая легенда о человеке, что золото в мешке, в стоге сена зерно, сказ о белых мышах.

С. 223. ...увидели на кусту мелятника какую-то птицу... – Мелят-ник – густой мелкий подлесок.

- Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
- С. 224. Огерк Блока о Колобке: поэзия и еще что-то. – Пришвин в разные годы вспоминает устный отзыв А. Блока о своей книге «За волшебным колобком»: «Это не поэзия, то есть не одна только поэзия, тут есть что-то еще» (Дневники 1920–1922. С. 257).
- С. 226. Пленум Оргбюро. 30-го моя регъ «Сорадование». – Имеется в виду Первый пленум Оргкомитета Союза советских писателей (29 октября – 3 ноября 1932 г.). Ср.: «На самом деле речь Пришвина была противоречивой, и искренность в ней мешалась с недомолвками и лицедейством, к которому писатель уже давно прибегал. Ничего иного и быть не могло. Берендей охранял свою пещеру от людоедов как умел, и если сравнить основные положения выступления с дневниковыми записями ... то можно увидеть то ли игру, то ли диалог с самим собой, – но в любом случае хорошо скрытое ерничество и фирменную пришвинскую ядовитость. ... Но были в речи и совершенно искренние высказывания» (Варламов А. Пришвин. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 332–333). Полностью стенограмму выступления см.: Творить будущий мир. С. 108–114.
- С. 227. Иудушка)... – аллюзия на роман М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» (1872–1876) и главного героя романа Порфирия Владимировича Головлева (Иудушку), чье прозвище стало нарицательным, означающим лицемерие, предательство и ханжество под личиной добропорядочности и добродетели. Аналогия «Головокружение»... – Имеется в виду статья Сталина «Головокружение от успехов» (1930), осудившая перегибы в процессе коллективизации (см.: Дневники 1930–1931. С. 43).
- С. 228. Как Иов Многострадальный... – Кн. Иова.
- С. 231. ...играют в бляшки: прямо Дафнис и Хлоя... – Кружок, бляшка, кубик, квадратик, служащие в некоторых настольных играх для счета очков, взятки и пр. Дафнис и Хлоя – персонажи единственного полностью дошедшего до нас античного любовно-буколического романа древнегреческого писателя Лонга (II–III вв. н. э.), из которого родилась традиция европейских пасторалей XVII–XVIII вв., а имена Дафниса и Хлои стали классическими именами пасторальных героев.
- 916
- С. 233. «Каковы бы ни были монахи сами, ноугение их уже потому правильно, что в нем более практической реальности, чем в учениях уравнилельного оптимизма. Монахи пессимисты для земли» (К. Леонтьев). – Ср.: «Каковы бы ни были монахи сами (мы знаем, что в наше время и они очень ослабели), но учение их уже потому правильно, что в нем больше практической реальности, чем в учениях уравнилельно-го оптимизма... Монахи пессимисты для земли... И это уж одно превосходно, потому что учит покорности и терпению. Монахи более, чем кто-либо, реалисты в хорошем смысле этого слова, – они не мчатся за розовым облаком рая земного... Они если не все умом понимают, то сердцем чувствуют, что вблизи это розовое облако окажется всегда лишь серым, сырым и нездоровым туманом» (Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство. М., 1996. С. 302; указано Г. Кремневым).
- С. 234. ...к одной и той же жировке... – Жировать – кормиться. Когда ободнялось... – Ободнять, ободняло, т. е. наступил день. Поэма Клыгкова Мадур-Ваза имеет один убийственный недостаток: гитая, думаешь: «а как же в подлиннике, у самих вогулов?» – Клычков поэтически обработал вогульский эпос «Янгал-Маа» («Тундра») (Клычков С. Мадур Ваза Победитель. Вольная обработка поэмы «Янгал-Маа». М.; Л.: Academia, 1933); вогулы (вогуличи) – исчезающая народность финского племени в России, ... (песнь о Гайявате)... – имеется в виду поэма Г. Лонгфелло «Песнь о Гайявате» в переводе И. Бунина.
- С. 236. ...целый обоз единолигников, везут хлеб сдавать по новому декрету. – По-видимому, имеется в виду образование по указанию Сталина чрезвычайных комиссий в основных зерновых районах страны осенью 1932 г. – новый план сбора зерна.
- С. 237. Вреги Белого (Краеведческая секция)... – имеется в виду доклад под названием «Культура краеведческого очерка» на секции писателей-краеведов в Оргкомитете Союза писателей 23 ноября 1932 г.
- С. 238. ...себя в своих сочинениях... – План на 1-е декабря
- 1) Краев, очерк. Доклад. Стеногр. – предисловие. Узнать в «Товариществе писателей» судьбу «очерка»
 - 2) Отработать «Реликтовый край» для альманаха «товарищества писателей» 4У2 + 4 Даурия + и за границу. 2 листа. 2 листа фото
 - 3) Отработать Голубые песцы. 1 лист. Г
 - 4) Продвинуть Олень-цветок 1 лист. ЛВ. Отработать все,
 - 5) Гон пятнистых оленей на Гамове 1 как записки У2 листа. [
- Материал для доклада.
Кама (Кашеева Цепь, т. 1. стр. 176)
- 917

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
 Сулочь (Журавлиная родина, 144) Трактир Ремизова (Жур. родина, 89)
 Моренный ландшафт (Жур. родина, 83) или Заболотское озеро
 Сосуд вечности (Я и мы) Ж. Р. 63
 Родственное внимание Ж. Р. 63
 Морены, 5-е [начало] романа (Жур. родина 57)
 Торф и я (Жур. родина ст. 51)
 Ландшафт и ритм (Жур. родина 181)
 Моя астрономия – личное начало («мне теперь ничуть не стыд-но» Жур. родина 185,186) 1 нрзб. «родственного внимания».
 С. 240. ...«товарищ покойник». – Ср.: «Товарищ покойник! ... Ты пал жертвой озлобленной буржуазии, и вот вам всем пример: еже-ли вы будете сидеть сложа руки и оставите в покое жить буржуазию, вы заслужите участь Товарища Покойника» (Мирская чаша // Собр. соч. 2006. Т. 2. С. 653).
 С. 242. ...высокие мастера (волжки), артисты... – ср.: «...волжок, так называется в обувном деле артист, изготавливающий настоящую худо-жественную обувь» (Башмаки // Собр. соч. 1982–1986. Т. 3. С. 450).
 1933
 С. 247. ...подстоять не могли. – Подстоять зайца – значит не гнать, а, не двигаясь, стоять и ждать.
 С. 248. Охотник, охотник, задем же ты ее тогда не схватил за ко-пытце? – Рефрен, часто сопровождающий воспоминания о первой любви к Варе Измалковой. Ср.: жень-шень // Собр. соч. 2006. Т. 2. С. 676.
 С. 249. Общий путь всех русских больших писателей – это выйти из сферы искусства к тому-то более важному для геловека... – Ср.: «б/д. Истинное художественное творчество должно знать свое место и не становиться на место действия самой жизни, не становиться тем, что делает религия (дело жизни, как у Ницше, Гоголя, Толстого). Дело совершенно безнадежное для художника ставить на разрешение про-блемы морально-общественного характера, потому что все они разре-шаются только жизнью, а жизнь есть некая тайна, стоящая в иной плоскости, чем искусство. Художник должен быть скромн, потому что свет его, как лунный, только исходит от солнца, но сам он – не солн-це... Выходить за пределы своего дарования под конец жизни свойст-венно все русским большим писателям. Это происходит оттого, что
 918
 посредством художества, кажется, нельзя сказать всего. Вот в этом и ошибка, потому что "всего" сказать невозможно никакими средства-ми, и если бы кто-нибудь сумел сказать "все", то жизнь человека на земле бы окончилась» (Пришвин М. Незабудки. М.: Худож. лит-ра, 1969. С. 141-142).
 Пришвин находит свою скромную [задагу сближения], родственного внимания (Гаегки), имеющего общие корни с первобытным анимизмом (Дерсу: люди). Он враг грубого огеловеживания (Холстомер), но он в при-роде находит выросший слой геловежества, который дает нам зверя в родстве (Собаки). – В автомифологическом стиле (писатель исполь-зует его также для создания «одного из самых игровых произведений русской литературы 30-х годов» (А. Варламов) под названием «Мой очерк» (1933)), Пришвин пишет о Пришвине-писателе в третьем ли-це: в записи декларируется отношение автора к природе, строится мо-дель творческого поведения Пришвина-писателя; во-первых, «зеле-ная» природа для него – это образ мира, где ежеминутно происходит встреча прошлого и настоящего, природы и культуры – благодаря этой встрече в процессе художественного осмысления природы проявляется и становится значимым поведение маленькой пичужки (рассказ «Гаечки», 1926); во-вторых, подтверждается творческая продуктив-ность столкновения первобытной культурной традиции единства с при-родой с современным научным и художественным исследованием мира (Дерсу Узала (1849–1908), нанаец (гольд), охотник, который всю свою жизнь прожил в тайге под открытым небом, а зимой в юрте из бересты, с которым подружился и прошел многие километры (1902–1907) уссурийской тайги молодой ученый и будущий писатель В. К. Арсеньев – его книгу «Дерсу Узала» (1923) Пришвин очень це-нил; можно сказать, что она сыграла роль литературного подтекста поэмы «Жень-шень»); в-третьих, он отмежевывается от наделения животного человеческими качествами (рассказ Л. Толстого «Холсто-мер», 1885); и, в-четвертых, выделяет собаку как самое понятное и близкое ему существо, с которым он чувствует родство («выросший слой человечества») и понимает это чувство как единственно возмож-ный для себя способ познания природы («Собаки вывели меня в лю-ди»); впоследствии он назовет это чувство «родственным вниманием», как бы удваивая усилие человека (родовое плюс культурное) в его стремлении понять мир. В этом ключе написаны все «собачьи» рас-сказы писателя. Кроме того, в книге «Золотой Рог» (1934) Пришвин определяет феномен Дерсу, а вернее, роль художника в мире природы: «Дерсу явился на советскую арену не сам по себе, а через Арсеньева... к следопытству

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru инстинктивного человека Дерсу присоединяется сле-допытство разумного этнографа, вернее и точнее – инстинкт дикаря сохраняется и продолжается в разуме ученого. ... Одна черта осо-бенно меня поразила в рассказе Арсеньева о том, как он написал свою книгу. Оказалось, он никогда не думал о книге и особенно такой поэ-тической». Для Пришвина с книги Арсеньева началось его собствен-

919
ное путешествие на Дальний Восток. Ср.: Собр. соч. 1982–1986. Т. 4. С. 434–435. С. 250. Мой юбилей в секции Краеведения. – Ср.: «Вечер ... пре-вратился в первый импровизированный юбилей Пришвина, без вся-ких официальных приветствий и заранее подготовленных докладов, с выступлением самого Пришвина. Происходило это в Дубовом зале теперешнего ЦДЛ ... рассказ Пришвин вел непринужденно, как раз-говор за чайным столом или у костра на охоте. После этого прочел гла-вы из своей недавно законченной повести "Жень-шень"». Из отдельных выступлений помню дружественно-восторженное слово старейшего литературного сверстника – Андрея Белого о когда-то вышедшем из глуши северных лесов и озер "волшебнике слова"» {Реформатская К В. О Пришвине // Личное дело. С. 153–168}.

С. 251. Ветер Белого. – Имеется в виду вечер А. Белого в Политех-ническом музее. Ср.: «П. Н. Зайцев вспоминал: "Борис Николаевич беседовал с публикой о романе «Маски». Читал отрывки из них. ... Отвечал на многочисленные записки. В одной – на вопрос: «Почему роман "Маски" так непонятен ...?» – У меня есть книга «На рубеже двух столетий». – отвечал Белый. – Я написал ее в полтора месяца. И эту книгу – приняли. Она понята. А «Маски» я писал год и написал непонятную книгу. Зачем я это сделал? Я бы мог написать за это время семь книг и получить в семь раз больше гонорара. А в работе над «Масками» я семь шкур с себя содрал, измучился и переутомился... То, что непонятно сегодня, может быть понятно завтра... Я не хочу поль-зоваться штампами или писать под «Белого», хотя мне это сделать очень легко..."» (Делекторская И. «Маски» и маски Андрея Белого // <http://www.utoronto.ca/tsq/22/delektorskaya22.shtml>).

Весна света в Москве... – В 1918 г. в дневнике писателя появилась составленная им летопись жизни, в которой отмечено: «1885. Второй класс. Счет годов с весны», а в одной из последних записей своего по-лувекового Дневника, 30 декабря 1953 года, он записывает: «Мало ли чего в нашей жизни было разбито, но я спас и вывел к людям "весну света"» . Есть у Пришвина и рассказ «Весна света» (1938).

Пленум, притесанный Лунатарским. – Речь идет о том, что именно в своем докладе на 2-м пленуме Оргкомитета Союза советских писа-телей 12 февраля 1933 г., посвященном теме социалистического реа-лизма, А. В. Луначарский, знаток мировой литературы и культуры, который прежде пытался противостоять откровенно узкоклассовому, вульгарно-социологическому подходу к литературе, предлагает «по-степенно, осмотрительно, основательно подходить к созданию теории литературной практики... полностью усвоившей себе и применяющей метод диалектического материализма»; он подчеркивает, что для того чтобы не только усвоить «основные принципы диалектического мате-риализма», но «определить его специфическое применение в области

920
искусства, в частности художественной литературы... совершенно доста-точно усвоить лозунг социалистического реализма» (Лунагарский А. В. Собр. соч.: В 8 т. М.: Худож. лит-ра, 1963–1967. Т. 8. С. 517).

С. 252. ...взять «язычника» (эвдемониста)... – Эвдемонизм – эти-ческое учение Эпикура (от греч. eudemonia – счастье), признающее критерием нравственности и основой поведения человека стремление к счастью.

...«кризис индивидуализма»). – Имеются в виду идеи Ф. Ницше, выраженные в книге «По ту сторону добра и зла» (1886), где речь идет о непреодолимом кризисе индивидуализма, вытеснении индивида сверхчеловеком, то есть кризисе европейской культуры. Немецкая культурная традиция, прежде всего в лице Ницше и Вагнера, оказала в студенческие годы (Лейпцигский университет, 1900–1902) большое влияние на мировоззрение Пришвина («Роман моей жизни: столкно-вение Германии и России, я получил все от Германии» (Дневники 1914–1917. С. 151)); ср. также в автобиографическом романе «Каше-ева цепь»: «В этой книге каким-то чудесным путем философия соеди-нилась с поэзией, и то самое, что у Канта и других ползло, здесь летело, как метеор, на одно неповторимое мгновение ярко освещающая мировое пространство ... настоящее знание летит, как метеор, и человек ис-тинного знания сгорает и падает, как метеор; и пусть: старый бог умер. Так говорил Заратустра. Дома, ни о чем этом больше не думая, свобод-ным движением руки он подвигает к себе книгу "По ту сторону добра и зла" и там, читая до вечера, узнает ... оказывается, мир в себе, то, что невозможно достигнуть знанием и что если бы это и удалось как-нибудь узнать, то оказалось бы, может быть, очень смешным и ни-чтожным... Так говорил Заратустра» (Собр. соч. 2006. С. 404–405). О влиянии философии Ф. Ницше на Пришвина см. в кн.: Подоксе-нов А. М. Мировоззренческий

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru контекст повести М. М. Пришвина «Мир–ская чаша». Белгород; Елец, 2007. Диалог с Ницше пунктиром проходит через весь дневник писателя («Над изображаемой мной эпохой в "Кашеевой цепи" висела философия Ницше» (дневники 1926–1927. С. 533)). На страницах дневника то и дело возникает то явная, то скрытая полемика с Ницше (ср. за–пись от 27 октября 1930 г.: дневники 1930–1931. С. 262). Кроме того, проблему противостояния личности и общества (одну из важнейших в творчестве Ницше) на протяжении всей творческой жизни и в худо–жественных произведениях, и в дневнике решает Пришвин.

С. 253. Пьеса Мейерхольда «Вступление»... – имеется в виду пьеса «Вступление» по роману Ю. Германа (1931); с одной стороны, марк–систская критика в лице А. В. Луначарского считала, что театр Мейер–хольда «не соответствует подлинным вкусам и интересам пролетариа–та», с другой стороны, Троцкий, напротив, считал мейерхольдовскую актерскую школу попыткой «выдернуть из будущего то, что может раз–

921

виться как его неотторжимая часть», «частичным предвосхищением» этого желанного будущего» (Песогинский Н. Мейерхольд и «марксист–ская критика»

//<http://www.ptzh.theatre.ru/1995/8/86>). Взгляд Пришвина, которому футуристический стиль театра органически чужд еще и потому, что этот стиль совпадает с пафосом революционного времени – тоже оставляющего «фосфорически пролетающий след ку–рящейся жизни»; для Пришвина–писателя проблема времени – про–летающего (хронотоп революции) или остановленного (традиция Гё–те) оказывается в эпицентре его художественного поиска в поэме «Жень–шень», над которой он как раз в это время работает; Пришвин решает эту проблему по–своему. Ср.: жень–шень // Собр. соч. 2006. Т. 2.

С. 253. ...Читал «Корень» у Никитиной... – Речь идет о литератур–ном салоне «Никитинские субботники» (1914–1933), организован–ном литературоведом Е. Ф. Никитиной в ее квартире в Москве.

Мерзость запустения... – Мф 24:15–16.

...«Волки»... – По–видимому, имеется в виду рассказ «Волки–отцы» (1926) входит в цикл «Календарь природы».

С. 258. Прощеный день. – Воскресный день перед началом Вели–кого поста.

С. 260. ...был в Люксембургском саду... – Имеется в виду встреча с Варей Измалковой в Париже.

С. 261. ...«в поте лица»... – Быт 3:19.

...портреты безобидных существ... – Так называл Пришвин зане–сенные снегом деревья в лесу, напоминающие ему какие–то фигуры, которые он фотографировал.

С. 262. ...ездили поздравлять Дунижку... (орф. автографа) – Имеет–ся в виду двоюродная сестра Пришвина Евдокия Николаевна Игнато–ва, отношения с которой уходит в детство: Е. Н. в юности – член на–родовольческой организации «Черный передел», затем учительница в деревенской школе, организованной на собственные средства – че–рез Дуничку в раннем детстве Пришвин воспринял идеи народничества, а сама ее жизнь стала для него символом кризиса народнических идей: «Дуничка (орф. автографа. – Я. Г.) была застенчивая, она всегда жила и пряталась за стеной. Дуничка в морали ... пряталась, как бы виноватая тем, что не жила для себя и боялась жизни» (Путь к Слову. С. 35). В летописи своей жизни (1918) Пришвин отмечает: «Двоюрод–ная сестра Дуничка учит любить человека (Некрасовым)». В 1929 г. в дарственной надписи на книге «Кашеева цепь», подаренной Е. Н. Иг–натовой, Пришвин написал: «...в первые дни моего сознания моя вели–

922

кая учительница Дуничка внушила мне долг и любовь к природе и лю–дям». Ср.: Путь к Слову. С. 8.

...рассказ «Белая собака»... – Рассказ «Белая собака» (1929) входит в цикл «Календарь природы».

...упоминается неодобрительно паспортная система... – Речь идет о введении 27 декабря 1932 г. паспортной системы и обязательной прописки как порядка административного учета, контроля и регули–рования передвижения населения. Главной особенностью паспортной системы 1932 г. было то, что паспорта вводились только для жителей городов, рабочих поселков, совхозов и новостроек. Колхозники были лишены паспортов, и это обстоятельство сразу ставило их в положе–ние прикрепленных к месту жительства, к своему колхозу. Нарушение паспортного режима влекло за собою штраф или уголовную ответст–венность.

Запретили аборт. – В Советском Союзе аборт был запрещен в 1936 г., но впервые Сталин сказал о несоответствии темпов роста на–селения страны темпам строительства социализма на XVII съезде пар–тии (1934). В 1933 г. аборт был запрещен в Германии.

С. 263. Преде. РИКА... – РИК – Районный исполнительный коми–тет.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
...тройник Гейма... – имеется в виду ружье немецкой фирмы «Гейм» (основанной в 1865 г. в Зуле), получившей мировую известность бла-годаря тройнику с традиционным тройным запирающим стволов, дву-мя или тремя спусковыми крючками и переключателем стволов.

...пересмотреть «От земли и городов». – Здесь, видимо, имеется в виду цикл очерков «От земли и городов» (это название получил 4 том Собрания сочинений в 7 томах 1927–1930 гг.), в который во-шли очерки и рассказы, начиная с дореволюционных.

С. 267. ...«всякая кухарка»... – аллюзия на идею В. И. Ленина, вы-раженную в октябре 1917 г. в работе «Удержат ли большевики госу-дарственную власть»: «Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством. Но мы требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто управлять государством в состоянии только богатые или же из бога-тых семей взятые чиновники. Мы требуем, чтобы обучение делу госу-дарственного управления начало было немедленно, т. е. к обучению этому начали привлекать всех трудящихся, всю бедноту». Впоследст-вии высказывание превратилось в расхожий ленинский афоризм: «Всякая кухарка может управлять государством».

...сделать изображение всего радостным. – Пришвин цитирует по следующему источнику: Горнфельд А. Г. Двенадцатая ночь, или Как вам угодно // Шекспир В. Поли. собр. соч. / Библиотека великих пи-

923 сателей / Под ред. С. А. Венгерова. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1903. Т. 2. С. 498–508. В статье Горнфельд отмечает, что данные строки нахо-дятся в «заметках Гёте к "Западно-восточному дивану"» и представля-ют собой «столько же самонаблюдение великого поэта, сколько рас-суждение глубокого мышления о сущности поэтического творчества».

С. 268. ...драг... – здесь: драчун, обидчик.

С. 269. ...а ему хоть бы гто. – На последнем развороте тетради вклеена газетная вырезка: портрет Сталина с подписью: Рис. И. Брод-ского. В нижнем углу на последнем развороте вклеена еще одна вы-резка:

«...интересов колхозного дела. Если вы хотите быть руководителя-ми, вы должны уметь забывать об обидах, нанесенных вам отдельны-ми единоличниками. Два года тому назад я получил письмо с Волги от одной крестьянки-вдовы. Она жаловалась, что ее не хотят принять в колхоз, и требовала от меня поддержки. Я запросил колхоз. Из кол-хоза мне ответили, что они не могут ее принять в колхоз, так как она оскорбила колхозное собрание. В чем же дело? Да в том, что на собра-нии крестьян, где колхозники призывали единоличников вступить в колхоз, эта самая вдова в ответ на призыв подняла, оказывается, по-дол и сказала – нате, получайте колхоз. (Веселое оживление, смех). Несомненно, что она поступила неправильно и оскорбила собрание. Но можно ли отказывать ей в приеме в колхоз, если она через год ис-кренно раскаялась и признала свою ошибку? Я думаю, что нельзя ей отказывать. Я так и написал колхозу. Вдову приняли в колхоз. И что же? Оказалось, что она работает теперь в колхозе не в последних, а в первых рядах. (Аплодисменты)».

С. 270. Вгера потерял погти записанную тетрадь. – На первом развороте новой тетради рукой В. Д. Пришвиной позднейшая при-писка:

Поездка на Соловки и канал

Конец X – 33 г.

Машина XI – 33 [г.]

Не побрезговал 4/ХП

Смерть Белого

Новый Колобок

Лева отставлен от «секретаря»

На первой странице новой тетради: Михаил Михайлович Пришвин. Москва, Леонтьевский, 9/12, кв. 7, тел. 2–95–73. Загорск, Моск. обл., Комсомольская, 85. В случае потери прошу доставить по названному адресу и обещаю хорошее вознаграждение.

15 июля 1933 г. по 22 фев[раля] 1934 г.

924

С. 271. Сборы в поездку на Онего-Белом. канал и Соловки. – 23 июля 1933 г. Пришвин отправляется в поездку на Север (Соловки, Беломорский канал) в те места, где он путешествовал в 1906 г. и где родилась его первая книга «В краю непуганых птиц» (1907).

...передаст в МТП «Корень»... – имеется в виду издательство Мос-ковское товарищество писателей «Жень-шень» («Корень жизни»).

Взять с собой: 1) «Непуг. птиц», 2) «Колобок»... – Первые книги «В краю непуганых птиц» (1907) и «За волшебным колобком» (1908).

...«Скорая любовь»... – рассказ «Скорая любовь» (1928), который дал название

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
сборнику, входит в цикл «Календарь природы».
С. 272. ...ст. Горького «Когки и топки»... – Имеется в виду статья М. Горького «О кочке и о точке» (1933). Ср.: «Есть кочка зрения и точка зрения. Это надобно различать. Известно, что кочки – особенность болота и что они остаются на месте осушаемых болот. С высоты кочки не много увидишь. Точка зрения – нечто иное: она образуется в результате наблюдения, сравнения, изучения литератором разнообразных явлений жизни. Чем шире социальный опыт литератора, чем выше его точка зрения, тем более широк его интеллектуальный кругозор, тем виднее ему, что с чем соприкасается на земле и как-то взаимодействуют эти сближения, соприкосновения» (Правда. 1933. 10 июля. № 188).
...фома Неверующий]... – Ин 20: 25–28.

Вера без дел мертва... – Иак 2: 20.

С. 273. ...хвое прежнее безумие, узнавая в других... – Речь идет о первой любви к Варе Измалковой.

С. 275. ...губли. – Имеются в виду Чувиляевы.

Прошлое прошло: гувство замерло, ни чего не шевелится. – Имеются в виду годы (1904–1917), связанные с Петербургом. В конце 1904 г. Пришвин переезжает в Петербург и здесь начинает свою жизнь «бро-дьяги-писателя»: в Петербурге выходят его первые книги и газетные корреспонденции, здесь он знакомится с Д. С. Мережковским, З. Н. Гип-пиус и становится членом Религиозно-философского общества, зна-комится и дружески общается с А. М. Ремизовым, встречается с А. Бло-ком, В. В. Розановым, которого знал гимназистом как преподавателя географии в Елецкой гимназии. Петербургская тема занимает значительное место в творчестве Пришвина («я начал свою литературную жизнь в городе света... я полюбил Петербург за свободу, за право творческой мечты... этот город света... в своей трагической славе встает передо мной и поднимает меня» (Собр. соч. 2006. Т. 3. С. 583–587) и с полным правом может быть включена в так называемый «петербургский текст» (термин В. Н. Топорова). Кроме дневника, где постоянно

925
возникают обращения к поэме «Медный Всадник», к мифу о Петре, «униженным и оскорбленным» Достоевского, оппозиция «Петербург–Москва», «Петербург–коренная Россия», «Петербург–Ленин-град», мотивы большого города и «маленького человека» в нем и т. д., петербургская тема развивается не только в Дневнике, но и в очерках и художественных произведениях писателя, начиная от первого, утра-ченного рассказа «Домик в тумане» (1905), рассказа «Голубое знамя» (1918) и романа «Кашеева цепь» до рассказа «Город света» (1943) и романа-сказки «Осударева дорога» (1948–1954). Ср.: Ранний днев-ник. С. 175–316.

С. 275. На Стрелке... – Имеется в виду мыс в восточной части Ва-сильевского острова – один из самых красивых архитектурных ан-самблей города.

С. 276. ...база ОГПУ по строительству О [него]-Беломорского кана-ла. – В 1933 г. Пришвин узнаёт, что Беломоро-Балтийский канал им. И. В. Сталина, соединяющий Белое море с Онежским озером, про-ходит по части «государевой дороги», проложенной Петром I во вре-мя Северной войны в 1702 г. Актуализация исторической ретроспек-тивы для писателя усугублялась тем, что свое первое путешествие в 1906 г. он совершил в те же края: след «государевой дороги» Петра Пришвин тогда еще застал и сфотографировал (фотография была опубликована в его первой книге «В краю непуганых птиц»). Ср.: «Можно себе представить по этим фактам, чего стоила населению эта дорога! До сих пор в народе сохранились тяжелые воспоминания. В Выговском краю мне рассказывали старики, что для устройства до-роги согнали крестьян со всей России» (Собр. соч. 2006. Т. 2. С. 135– 139). Не поехать на канал и не посмотреть на все своими глазами пи-сатель просто не мог.

С. 278. ...тридцатипятники... – осужденные по ст. 35 Уголовного Кодекса, имевшие ранее судимость, в основном за воровство и мелкое мошенничество, и осужденные на три года для профилактики.

С. 279. Хлестаковское положение. – Аллюзия на комедию Н. В. Го-голя «Ревизор» (1836).

С. 280. – Барыню, барыню! – раздались голоса. – Видимо, имеется в виду русская народная песня «Барыня ты моя, сударыня ты моя».
Капельмейстер... – дирижер. Ср.: «Главной идеей этой новой про-пагандистской кампании стало перевоспитание заключенных посред-ством продуктивного труда. ... в ноябре 1932 года, через год после начала строительных работ, "Правда" сообщила о "переделке людей" на Беломорканале. ... Заключенный должен теперь не подвергаться наказанию, а совершенствоваться. ... Цель перевоспитания усмат-ривалась здесь не только в социальном переориентировании преступ-

926
ника: речь шла о создании Нового Человека, в котором нуждалось но-вое – социалистическое – общество ... враги пролетариата должны теперь не

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru уничтожаться, а участвовать в социалистическом труде, пре-вращаясь в Нового Человека. Вопреки реальным обстоятельствам, ца-рившим в советских лагерях, это были не только слова: кажется, что государственная верхушка еще испытывала в то время потребность обосновать массовое применение труда заключенных не только перед заграницей и советской общественностью, но и перед самой собой, причем граница между ложью и самовнушением была расплывчатой. Соответственно противоречивым был лагерный быт: с одной стороны, произвол и эксплуатация, о которых пишет Солженицын, с другой – усилия по педагогическому воздействию на заключенных, предпри-нимавшиеся лагерным руководством, с тем чтобы поднять их образова-тельный уровень и переменить их отношение к советскому государству. Как бы абсурдны и мучительны для заключенных ни были такие уси-лия, они все-таки предпринимались. В Белбалтлаге существовали мно-гочисленные культурные учреждения – музей, театр, симфонический оркестр, лагерная газета. Она носила программное название "Переков-ка": ее задачей было перевоспитать заключенных Белбалтлага в ло-яльных советских граждан» (Клейн Иоахим. Беломорканал: литерату-ра и пропаганда в сталинское время // Новое литературное обозрение. 2005. № 71; <http://magazine.russ.ru/n1o/2005/71/k1/14.htm>).

...Мурман... – Мурманский берег и Кольский полуостров.

С. 281. ... (обнаженная морена). – Мореной называются леднико-вые отложения, как перемещаемые ледником в настоящий момент, так и уже отложенные им осадки.

С. 283. Скот Холмогорский. – Холмогорская порода (Архангель-ская обл.) крупного рогатого скота была разведена путем скрещива-ния холмогорской породы с голландской в XIX в.; отличается скоро-спелостью и высокими надоями.

...последний монастырский жеребец завода Воронцова-Дашкова. – Глаф И. И.

Воронцов-Дашков сыграл большую роль в развитии коне-водства в России: в частности, с 1890 г. на его заводах вывели породу орловско-американских метисов, которая затем оказалась важной в выведении русской рысистой породы.

С. 286. Вольнонаемных вовсе нет: сами. Труд коллектива. – Ини-циатива строительства Беломорканала принадлежит Сталину; после утверждения проекта на заседании Политбюро 5 мая 1930 г. и рати-фикации 18 февраля 1931 г. Советом труда и обороны (СТО), в ноябре 1931 г. начинается строительство. «Особое значение имели соображе-ния финансового характера. Режим страдает от недостатка валюты, и это положение к началу 1930-х годов еще более обостряется. Мирно-

927
вой экономический кризис не оставляет в стороне и Советский Союз. Другую важную роль играют внутривластные причины, прежде всего коллективизация сельского хозяйства: к ее последствиям при-надлежит не только катастрофический голод зимы 1932–1933 годов, но и резкий спад объема экспорта. Торговый баланс ухудшается, все большие сложности возникают с оплатой импортных товаров, необ-ходимых для индустриализации. Ситуация еще более ухудшается к концу 1932 года, когда подходит срок выплаты ряда краткосрочных иностранных кредитов ... 9 июля 1930 года Сталин пишет в письме Молотову, что экономить нужно, где только ... В этой связи приме-нение труда заключенных казалось легким выходом: их работа была дешева и могла заменить машины, которые в противном случае при-шлось бы импортировать. В официальной истории строительства ка-нала читаем: "Основными творческими факторами, определившими оригинальность идей проекта, были темп и дешевизна". Лозунг звучал так: "... ни копейки валюты". Экономили также на строительных материалах, таких как железо и бетон. Их не хватало, и они должны были заменяться деревом, землей, торфом и др. Сложность заключа-лась и в тратах на аппарат охраны. И здесь пришлось экономить. С гор-достью отмечается, что в Белбалтлаге введена система самонадзора: таким способом в огромном концентрационном лагере число работ-ников ОГПУ было ограничено до 37 человек» {Клейн Иоахим. Бело-морканал: литература и пропаганда в сталинское время}.

С. 291. Дмитров, Слет ударников. – На сооружение канала Моск-ва-Волга (Дмитлаг ОГПУ) вместе с лагерным начальством прибыла часть досрочно освобожденных «ударников-каналармейцев» с Бело-морстроя, для которых в 1933 г. в Дмитрове провели заключительный слет ударников; на слете присутствовал М. Горький, причем клуб, где проходил слет, как и многие другие сооружения, вместе с техникой и людьми были перевезены с Белбалтлага. В частности, Горький ска-зал: «Нужно истребить тех врагов, которые стоят на нашей дороге, и повести борьбу с природой, за усмирение ее стихии. Когда эти силы будут освоены, тогда никто и ничто не сможет овладеть нами... Из вас вырабатываются борцы с природой. Но чтоб идти непрерывно по это-му пути, нужно отвинтить головы господам капиталистам» (Горький М. Выступление на Слете ударников Беломорстроя 25 августа 1933 г. в г. Дмитрове // Перековка на строительстве канала Москва-Волга (Орган Культвоспитотдела Дмитровского исправительно-трудового лагеря ОГПУ). 1933. 29 авг. № 59).

С. 299. ...глядя на удивительный водосливный гребень Шаваньской плотины... –

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Шаваньская водосливная плотина из наклонных дере-вянных кряжей высотой 12 м и длиной 100 м считалась образцом ин-женерного искусства; ее особенность в том, что постоянное орошение древесины водой предохраняет дерево от гниения.

928

С. 301. фаворский конгил «Жень-Шень». – С иллюстрациями

В. фаворского повесть «Жень-шень» вышла в издательстве «Москов-ское товарищество писателей» в 1934 г.

С. 304. Золотой рог. – Книга «Золотой рог» (1934) состояла из 4-х частей: первая часть – «Корень жизни. Жень-шень», вторая часть – «Соболь», третья часть – «Олень-цветок» и четвертая – «Го-лубые песцы» (впоследствии 2–4 части были объединены под назва-нием «Дорогие звери»). В предисловиях к журнальной публикации очерков, а затем в опубликованном и рукописном вариантах предис-ловия к книге Пришвин отмечает: «В первой части ее будет повесть "Жень-шень", то есть сотворенная мною легенда, а вторая – "Золотой рог", та фотографическая действительность, на основе которой я со-здал свою легенду», «На первом месте ... читатель имеет повесть "Корень жизни", или созданную "Даурию", а на ... втором "Гибель Даурии", а все остальные рассказы и очерки являются этюдами, по ко-торым написана повесть "корень жизни" ... Зачем это было сделано автором? Очевидно, он большое значение придает той волевой сторо-не художника, которая позволяет ему самому грубому факту сознатель-но создавать художественную атмосферу, которая как бы поднимает этот обыкновенный факт на воздух, и он, крылатый, управляемый, летит» (Собр. соч. 1982–1986. Т. 4. С. 723–734).

С. 305. Когда весть пришла, гто Лев Толстой умер...– ср. очерк «Отклики на смерть Толстого» (1910) (Собр. соч. 1982–1986. Т. 1.

С. 752–765). Алпатов – герой автобиографического романа При-швина «Кашеева цепь», alter ego писателя.

С. 307. ...написать очерк Б.Б.В.П., который пойдет и в сборник... – Б.Б.В.П. – Беломоро-Балтийский водный путь; известно, что осенью 1933 г. Пришвину передали предложение Горького написать очерк для коллективной книги о строительстве Беломоро-Балтийского ка-нала. Пришвин берется за предложенную ему для участия в сборнике тему, совпадающую с его творческими планами, и начинает работать. Однако пафос строительства получает у Пришвина в очерке, предло-женном им в сборник, совершенно иное – не идеологическое – изме-рение; славословящий канон отсутствует («Я делаю, гто мне велят, но ... вещь, сделанная мною, всегда выходит не совсем такой, как мне за-казывали, и гто самое главное, вот эта разница против заказа неустра-нима из вещи оагеркнуто: и является свидетельством моей лигнос-ти»), ориентиром оказывается не полезность сооружения («Плотину в Надвоицах можно понимать по сравнению с подобными плотинами в капиталист, странах, и тогда эта плотина нижего не представляет особенного»), а сопровождающее сооружение столкновение идей, не «перековка» («нельзя понимать "перековку" в глубоко моральном смыс-

929

ле») и не пафос построения социализма, а труд сам по себе и присущее человеку в любой ситуации желание участвовать в общем деле – ра-ботать («Пришли люди и трудились: не хотели, а надо. Через 500 лет стало свободно, а жили тут, потому гто тут геловек был покорен, и родина тащила. Такая природа всякой родины. Вот и канал...», «Роди-на – это угасток моего лигного труда в общем деле»). Пришвин при-вык искать выхода из любой ситуации, причем, выхода созидательного, творческого – ничего нет, а жизнь идет («Оглянешься на прошлое – гто пережито! – и страшно подумать о себе теперь: как я могу после всего жить так обыкновенно и как будто без отношения к страшному опыту... .. я припал к народу и пил из него слово, как ребенок пьет молоко у кормилицы, и это дало мне жизнь какую-то... живу, хотя иной раз и страшно думать, гто после всего я живу...»), в том-то и дело, что он всегда понимал, что жизнь все равно продолжается, и все равно человеку придется жить и искать способ жить в этом мире; однажды он запишет в дневнике: «Весенняя ветка, распуская свои смолистые попки, не помнит, гто она умирала осенью». Текст, подготовленный Пришвиным для сборника

«Беломоро-Балтийский канал имени Ста-лина. История строительства» (под ред. М. Горького, Л. Л. Авербаха и С. Г. Фирина, 1934), был отвергнут. Очерки «Отцы и дети. (Онего-Беломорский канал)» были опубликованы в журнале «Красная новь» (1934. № 1). Горький в письме к Пришвину от 28 апреля 1934 г. пи-шет: «История с рукописью для "ББ канала" – не ясна для меня и очень длинна, поговорим о ней при свидании» (ЛН. Т. 70. С. 361).

С. 312. Переписка «Отцы и дети». – Имеется в виду очерк по ма-териалам поездки на Беломорканал.

С. 314. Охотился самостоятельно на синеругку... – Синеручка – белка поздней осенью, имеющая небольшую синеву вокруг передних лап и на голове.

С. 316. Хорошо бы на работе своей о канале надписать: «Добрый папаша, к гему в

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru обаянии...» – строчка из стихотворения Н. А. Некрасова «Железная дорога» (1864). Стратегия выживания писателя в годы террора, конформизм («"приспособление":?») и его пределы – одна из проблем, которая в настоящее время постоянно и широко обсуждается: как удавалось сохранить себя и писать, публиковаться и даже быть актуальным в годы тотальной идеологизации культуры? Каждый писатель так или иначе вынужден был решать для себя эту проблему в своем творчестве – и Пришвин, конечно, не исключение: он хотел быть не уничтоженным, а услышанным. Как известно, опыт писания «в стол» был у писателя очень ранний: начиная с 1918 года, в его архиве постепенно формируется целый пласт неопубликованных художественных произведений, не говоря о дневнике. Но этот пласт сосуществует с прагматикой конкретных культурных действий.

930

Пришвин стремится присутствовать в официальной культуре, не изменяя себе и не отступая, он уверен, что может писать о том, что закажут, но не может писать так, как закажут. Каким образом это возможно и на что он надеется? И тут возникает проблема языка.

Литературный язык Пришвина находится в тесном взаимодействии с живым народным разговорным языком, который менее всего связан с новым складывающимся советским языком. Даже если считать, что в дневнике писатель пишет свободно, а в художественных произведениях с оглядкой, то не на цензуру и не на идеологию, по крайней мере, в эти годы. Язык писателя – не эзопов язык иносказаний или зашифрованных смыслов, а язык, на котором можно сказать всё... «имеющим уши». Как в дневнике, так и в художественных произведениях он «отягощен» разговорной составляющей, по сути своей обращенной к каждому конкретному человеку, что является и главной особенностью языка писателя, и его неотъемлемой частью. Это язык не идеологизированного человека – по-другому он не может, не умеет ни думать, ни писать, ни говорить. Может быть, в том и состоит писательская стратегия Пришвина, так же как тайна его личности и весь его талант – в языке, который оказывается неуловимым для цензуры, потому что существует на другой территории, за пределами «за или против» («1 Мая 1931. Как я живу? Живу, укрываясь делом, которое понять и разобрать до сих пор не могли; пожалуй, я даже и не укрывался. Я просто жил за счет своего таланта, меня талант выносил»). Ср.: Рыклин Михаил. Террорологии. Тарту; М.: Эйдос. 1992. С. 149.

С. 317. Утром был готов канал (Фауст, гость 11). – В течение всех последующих лет до самого конца жизни в процессе работы над романом «Осударева дорога» писатель будет разрабатывать одну тему: «хочется и надо», «личность и власть», «Евгений и Медный всадник»; связь пришвинского романа с текстами предшествующих культурных традиций становится все более и более очевидной: «Медный всадник» А. С. Пушкина, «Фауст» Гёте, «Антигона» Софокла, «Божественная комедия» Данте. ...«да будет воля Твоя!» ~ Мк 14: 36.

...понимание пришло герез 32 года... – имеется в виду первая любовь к Варе Измалковой.

С. 318. ... (а может быть, герез сказки Кота Мурлыки и Марью Мо-ревну)... – Имеются в виду сказки, которые Пришвин любил в детстве и всегда вспоминал: Вагнер Н. П. Сказки кота Мурлыки. Сборник философских сказок и притч. Полигамия и моногамия и моноандрия и полиандрия... – Моногамия – единобрачие, моноандрия – единоотечество, полиандрия – форма полигамии, многобрачие.

931

С. 318. *Notunculus* – это мое «дитя» ... душа поэта, выходящая на простору ног Галатеи. – *Notunculus* – уменьшенная копия человека, у которой отсутствуют какие-либо деформации или аномалии, кроме уменьшенного размера; в древнегреческой мифологии Галатея – статуя прекрасной девушки, изваянная скульптором Пигмалионом, полюбившим ее, и ожившая по велению Афродиты, С. 323. С малых лет забили меня геловеком... – см. коммент. к с. 262. Ср.: Личное дело... С. 9–19.

...«геооптимизм» и М. Горький. – В письме Пришвину от 22 сентября 1926 г. Горький писал: «Когда-нибудь некий философствующий критик будет писать о Вашем "пантеизме" или "панпсихизме" и замажет человеческое лицо Ваше патокой похвал или горчицей поучений. А для меня вот Вы теперь, в этот день утверждаете совершенно справедливым, крепко вами обоснованным геооптимизм, тот самый, который – рано или поздно – человечество должно будет принять как свою религию» (Лн. Т. 70. С. 334). Получив письмо, Пришвин записывает в дневнике: «Письмо Горького о "геооптимизме" подчеркивает одно из моих самых больших волнений в жизни» (Собр. соч. 1982–1986. Т. 8. С. 173).

С. 324. ...Робинзон на необитаемом острове... – аллюзия на книгу Д. Дефо «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо» (1719).

С. 332. По-прежнему «держаться ближе к лесам, дальше от редакций»... – имеется в виду подаренная Пришвину В. В. Розановым книга «О понимании» с дарственной

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
надписью: «Поближе к лесам, подальше от редакций». Известно, что подаренный экземпляр книги сгорел в 1911 г. во время пожара, когда Пришвин летом жил в одной из деревень Новгородской губ. Экземпляр книги Розанова «О понимании» хранится в личной библиотеке Пришвина (ГЛМ) с наклеенным экс-либрисом Пришвина и надписью его рукой: «Завет В. В. Розанова мне: Поближе к лесам, подальше от редакций». Ср.: «28 ноября 1909. [Петербург]. Состоялось свиданье с Розановым. – Пришвин был тихий мальчик, очень красивый. – А я бунтарь... – У меня с одним Пришвиным была история. – Это я самый. – Как?! Встретились два господина, одному 54 года, другому 36, два писателя, один в славе, сходящий, другой робко начинающий. 20 лет тому назад один сидел в коже учителя географии, другой стоял возле доски и не хотел отвечать урокам... – Это было когда-то. Я не мог поступить иначе: или вы, или я. Я посоветовался с Кедринским, он сказал: напишите докладную записку. Я написал. Вас убрали в 24 часа. Это был единственный случай... Он рассказывает, как плохо ему жилось учителем гимназии. ... Мой фантастический полет... Я говорил часа три подряд. Меня слушали, переспрашивали. Когда я сказал о том, сколько потеряло человечество, меня кочевой образ жизни на оседлый... Розанов сказал:

932

это у Ницше ... Он дарит мне свою книгу с трогательной надписью. Завет... Так закончился мой петербургский роман с Розановым. В результате у меня книга его с надписью "с большим уважением", "на память о Ельце и Петербурге". А когда-то он же сказал: из него все равно ничего не выйдет! И как и сколько времени болела эта фраза в душе...» (Ранний дневник. С. 226). Ср.: Леденев В. В. В. Розанов и М. М. Пришвин: к истории литературных встреч ученика и учителя // www.lebed.com; дневники 1930–1931. С. 665–666.

1934

С. 338. Среда изобретателей в глупом положении, благодаря глупому доктору Беляеву, написавшему роман. – Имеется в виду роман А. Беляева «Голова профессора Доуэля» (1925), фантастический рассказ о биологических экспериментах в загадочных клиниках.

С. 342. Мистический инженер Сологуба. – По-видимому, имеется в виду герой трилогии «Творимая легенда» (1914), учитель, а кроме того, изодранный химик и инженер Триродов: у него на балу появляются не только души умерших знакомых, но и Иисус Христос, с которым Триродов ведет острую полемику; в конце концов, он мистическим образом соединяется с душами другой страны.

С. 343. Читая Белого о людях, с которыми я тоже имел дело... – Имеется в виду книга воспоминаний А. Белого «Начало века» (1933), когда оба – и Пришвин и Белый – тесно общались с членами Религиозно-философского общества в Петербурге.

С. 348. «Строитель Кондриков». ~ Очерк под таким названием неизвестен. В. И. Кондриков был строителем и управляющим трестом Апатиты. Объявлен врагом народа (ок. 1933–1934) и расстрелян в 1937 г.

...в смысле того сосуда с гадами, который надо было проглотить апостолу... – Послание к Титу св. апостола Павла 3:9–11.

С. 354. ... (из «Die heilige Familie») ... – Имеется в виду работа К. Маркса и Ф. Энгельса «Святое семейство, или Критика критической критики» (1845).

С. 357. ...она глумная... – Глумная (орл.) – потешная, смешная, глуповатая, над чем подтрунивают.

Статья в «Литературке» «Михаил Пришвин»... – См.: Локс К. М. Пришвин // Литературная газета. 1934. № 22.

С. 360. ...одна лунь останется? – Говорят: «белый как лунь» (по-рода хищных птиц, самки которых отличаются серовато-белым оперением).

933

Здесь, по-видимому, имеется в виду, что останется пустое (белое) место.

С. 361. ...как к автору лучшей книги по картофелю... – Имеется в виду книга «Картофель в полевой и огородной культуре. Составил агроном М. Пришвин» (СПб., 1908).

С. 364. Важное известие: Авербах бахнули! – Авербах был отправлен на партийную работу на «Уралмаш» (Свердловск), то есть отлучен от литературной работы.

...судят как обывателей: Вересаев Пушкина). – См. коммент. к с. 62.

С. 365. Deus ex machine... – Бог из машины – так в античной трагедии называли появившегося на сцене при помощи механического приспособления персонажа, олицетворявшего божество, который должен был решать любые проблемы людей одним мановением руки.

С. 366. ...превратить в хунхузов. – Хунхузы – разбойники из китая тайских ссыльных и беглых солдат на Дальнем Востоке России и в Маньчжурии.

С. 367. Пошлость, испугавшая Гоголя... – Ср.: «Это свойство выступило с большей силой в "Мертвых душах". "Мертвые души" не потому так испугали Россию и произвели такой шум внутри ее, чтобы они раскрыли какие-нибудь ее раны или

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
внутренние болезни, и не потому также, чтобы представили потрясающие картины торжествующего зла и страждущей невинности. Ничуть не бывало. Герои мои вовсе не злодеи; прибавь я только одну добрую черту любому из них, читатель помирился бы с ними всеми. Но пошлость всего вместе испугала чита-телей. Испугало их то, что один за другим следуют у меня герои один пошлее другого, что нет ни одного утешительного явления, что негде даже и приотдохнуть или перевести дух бедному читателю. ... Мне бы скорей простили, если бы я выставил картинных извергов; но пош-лости не простили мне. Русского человека испугала его ничтожность более, чем все его пороки и недостатки. Явление замечательное! Испуг прекрасный! В ком такое сильное отвращенье от ничтожного, в том, верно, заключено все то, что противоположно ничтожному» (Го-голь Н. В. Духовная проза. М.: Русская книга, 1992. С. 127).

С. 371. ...если он не оседлал, не едет на герте... – Аллюзия на по-весть Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством», которая входит во II часть книги «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1829–1832).

С. 372. Видел «Петербургскую ногу» Рошалья... – Имеется в виду фильм Г. Рошалья и В. Строевой, снятый по мотивам произведений Ф. М. Достоевского с участием Л. Орловой, который получил мировое

934

признание и справедливо считается одним из лучших фильмов 30-х гг. Музыка к фильму написана Д. Кабалевским. Искусство кино вызывает у Пришвина мысли, связанные с проблемой соотношения визуаль-ного и словесного образа в культуре («К моему несовершенному сло-весному искусству я прибавлю фотографическое изобретательство»), что интересует его как фотографа, начиная с 1925 г.; в настоящее вре-мя к этому прибавился интерес, связанный с работой над сценарием по поэме «Жень-шень».

С. 375. ... (у Чехова рассказ о замечательном докторе и его жене). – Имеется в виду рассказ «Ионыч» (1898).

С. 376. ...а Н. пытается овладеть гертом... – Один из мотивов ав-торефлексии Пришвина, в которой Н. – он сам в своем усилии понять свое место в культуре и выработать собственное «творческое поведе-ние», вновь и вновь решая «современный вопрос»: сумел ли ты осед-лать «черта» или «черт» использует тебя.

С. 387. В. Герасимова. Панцирь и Збрало. – Речь идет о писатель-нице В. А. Герасимовой и ее сборнике рассказов «Панцирь и збрало» (1931).

С. 390. ...на тяге на княжеских местах. – Имеется в виду Влади-мир Сергеевич Трубецкой, с которым Пришвин вместе охотился в за-горские годы.

С. 393. Недавно умер в нас в городе старик... – Имеется в виду Вла-димир Михайлович Голицын. Ср. запись от 7 января 1930 г. (дневни-ки 1930–1931. С. 7).

С. 394. Народы земного шара в старой географии Водовозова... – Видимо, имеется в виду учебник В. И. Водовозова «Рассказы из всеоб-щей и русской истории и географии» (1870).

С. 395. ...3-я книга «Кашеевой цепи»: «Легкобытов». – Имеется в виду автобиографический роман под названием «Начало века. Из эпохи кающейся интеллигенции», который Пришвин задумал до ре-волюции, в 1909–1910 гг. Ранний дневник (1905–1913) явно рас-сматривался писателем как материал для романа, по крайней мере материалы двух папок под названием «Начало века» и «Богоискатель-ство» свидетельствуют, что речь в нем должна была идти о религиоз-но-философских взглядах сектантов (в частности, П. М. Легкобытова) и символов; в раннем дневнике обнаруживается план будущего произведения, множество черновых набросков, вариантов записей, рассуждений, портреты десятков известных и неизвестных участни-ков напряженного духовного поиска, персонажи романа и даже их

935

предполагаемые имена; этот замысел так и не был осуществлен, одна-ко в последующие годы Пришвин неоднократно к нему возвращался. Ср.: Ранний дневник. С. 175–316, 581–643.

С. 401. ...трель жиклера... – Жиклер – специальное отверстие в карбюраторе для дозирования подачи жидкого топлива или воздуха.

С. 412. Подтверждаются слухи о Шмидте... – Речь идет о поляр-ной экспедиции на пароходе «Челюскин», организованной с целью изучения Северного морского пути и возглавляемой О. Ю. Шмидтом, ученым-математиком, геофизиком, географом, астрономом, коорди-натором работ по покорению Арктики; по-видимому, имеются в виду слухи о том, что «Челюскин» вышел из ленинградского порта 16 июля 1933 г. и направился в Копенгаген (где судно было построено) для устранения некоторых дефектов, что вызывало сомнения в пригод-ности судна для плавания в полярных льдах.

С. 413. ...подобно Франклину, он погиб бы... – Имеется в виду по-лярная экспедиция 1845 г. под руководством английского полярника Джона Франклина, следы

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru которой исчезли в районе Гренландии.

С. 415. ...огерк, не напег[атанный] в «Канале». – Имеется в виду очерк «Соловки», напечатанный в журнале «Красная новь» (1934. №2).

С. 419. ...приезжал Троф. Мих. Борисов (Тайна маленькой регки)... – Имеется в виду повесть Т. М. Борисова «Тайна маленькой речки» (1927), в которой автор раскрыл мир и жизнь дальневосточных лосо-сей. Разговор с фребелижкой... – До революции так называли воспита-тельниц или слушательниц курсов по подготовке воспитательниц де-тей дошкольного возраста по методу немецкого педагога Ф. В. Фребе-ля (1782–1852).

С. 422. ...когда будет хорошая машина, то и геловек будет хорош. – В дневниковую тетрадь вклеена вырезанная из газетной статьи строч-ка: «Думают о корпусах, о машинах и забывают о главном – о челове-ке, который должен эти корпуса и машины осваивать». На полях приписка: «"Известия", Четверг, 21 Июня, № 143. "Культура и кустар-щина", инж. [Вейс], тех. директор завода им. Карла Маркса».

Моя литература вышла из «романа по воздуху»... – Имеется в виду парижский роман с Варей Измаковой.

С. 423. ...думал о «желтой опасности»: гто эта соловьевская фор-мула потеряла теперь всякий смысл... – Имеется в виду идея В. С. Со-ловьева о Востоке, противостоящем христианскому миру («панмон-голизм»). Эта идея наиболее полно была выражена Соловьевым в «Краткой повести об Антихристе», опубликованной в приложении к позднему сочинению «Три разговора о войне, прогрессе и конце все-мирной истории» (1899/1900). Впервые понятие «панмонголизм» Соловьев использовал в одноименном стихотворении 1894 г.: «Пан-монголизм, хоть имя дико...» (Соловьев В. С. Стихотворения и шуточ-ные пьесы. Л., 1974. С. 104).

С. 428. ...видевший в каждом кусту сексота. – Сексот – секретный сотрудник.

С. 430. ...истребление великолепных лесов под Завидовым. – Зави-довское военно-охотничье хозяйство было одним из первых в стране после революции. ...рассказы: «Крутоярский зверь» и «Птигье кладбище». – Имеются в виду ранние рассказы Пришвина «Крутоярский зверь» (1911) и «Птичье кладбище» (1911). Собр. соч. 2006. 463–518.

С. 431. ...где я тридцать лет тому назад ездил с целью вводить у крестьян травосеяние и товарищества. – Речь идет о введении пра-вильных многопольных севооборотов и создании кредитных товари-ществ сельских предпринимателей, чем Пришвин занимался, закончив агрономическое отделение философского факультета Лейпцигского университета. Ср.: «Вернувшись в Россию, я ... устроился в земстве как агроном. В то время ученому агроному в земстве было очень труд-но определиться, и все дело сводилось к устройству кредитных товари-ществ, к пропаганде травосеяния и торговле в земском складе разного рода сельскохозяйственными орудиями и семенами. На этом деле я мог пробыть всего только год» (Собр. соч. 1982–1986. Т. 3. С. 13).

С. 432. ...материал для таксации зверя... – Таксация – учет дикого зверя.

С. 436. Выдь на Волгу... – слова из стихотворения Н. А. Некрасова «Размышления у парадного подъезда» (1858).

С. 437. ...фордизм... – система организации поточного производ-ства, названная по имени Г. Форда и заключающаяся в массовой уни-фикации и конвейеризации производства; поскольку Америка была бесспорным мировым лидером в автомобилестроении в это время, в 1929 г. Россия обратилась к Генри Форду с просьбой оказать содей-ствие в создании завода для выпуска автомобилей в России. 31 мая 1929 г. между Фордом, Наркоматом национальной экономики СССР и торговой корпорацией «Амторг» был подписан контракт на оснаще-ние производственных мощностей в Нижнем Новгороде для произ-водства легковых автомобилей «Форд-А» и грузовых – «Форд-АА»,

937

а также контракт на поставку американских комплектующих в Россию в течение 4 лет и обучение советского технического персонала.

С. 437. ...осмотр Соцгорода, Монастырки, Молитовки. – Имеется в виду Соцгород автозавода – градостроительство в начале 1930-х гг. было связано с развернувшейся индустриализацией; Соцгород – пер-вый рабочий район, сопровождающий строительство автозавода, на проектирование которого был объявлен Всероссийский конкурс (1930 г.) Автомобильный завод был построен на берегу Оки в районе деревни Монастырка, которая, как и один из пригородов Нижнего Новгорода Молитовка, в 1929–1930 гг. сливаются с городом. Ср. ниже: «27 Июля. Соцгород – бурж. насмешка над социализмом. Разнообразные люди населили его, каждый внес свое лигное, и так мало-помалу стал закрываться идиотизм его создателя».

С. 438. Литейная земля... – устройства для разливки металла в литейные формы. (как Савельи́г у Гринева). – Аллюзия на повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка»

(1836).

С. 440. ...вопрос Ивана Карамазова является вновь во всей своей му-гительной силе. – См.: «Иван Карамазов, сидя в скверном трактире, говорит своему брату Алеше: "...русские мальчики как до сих пор ору-дуют? Иные то есть? Вот, например, здешний вонючий трактир, вот они и сходятся, засели в угол. Всю жизнь прежде не знали друг друга, а выйдут из трактира, сорок лет опять не будут знать друг друга, ну и что же, о чем они будут рассуждать, пока поймали минутку в тракти-ре-то? О мировых вопросах, не иначе: есть ли Бог, есть ли бессмертие? (курсив мой. – Я. Г.) А которые в Бога не веруют, ну, те о социализме и об анархизме заговорят, о переделке всего человечества по новому штату, так ведь это один же черт выйдет, все те же вопросы, только с другого конца. И множество, множество самых оригинальных рус-ских мальчиков только и делают, что о вековечных вопросах говорят у нас в наше время. Разве не так?"» (Булгаков С. Н. Иван Карамазов (в романе Достоевского «Братья Карамазовы») как философский тип // Булгаков С. Н. Избр. соч.: в 2 т. М., 1993. Т. 2. С. 15).

С. 445. ...как у Толстого Брошка к земле... – персонаж повести Л. Толстого «Казачьи» (1853–1863).

Выводок нашли на вырубке... – вклеена газетная вырезка: «Сро-ки осенней и зимней охоты. Президиум Мособлисполкома разрешил охоту на боровую, водоплавающую и болотную птицу с первого августа этого года по первое января 1935 г. Охота на белую куропатку раз-решена с первого августа по первое декабря, на серую куропатку – с 15 сентября по первое декабря и на зайца – с первого ноября этого года по первое февраля 1935 г. Охота на барсука разрешена с 15 сен-тября по первое ноября, добыча всех остальных видов пушнины раз-

решена с 15 ноября этого года по первое марта 1935 г. Ввиду малочис-ленности глухаря охота на него запрещена повсюду, кроме устроенных охотничьих хозяйств».

С. 446. ...«Хас-Булат удалой». – Народная песня «Хас-Булат уда-лой, твоя сакля бедна».

С. 449. ...сворка – длинный кожаный или матерчатый поводок без карабина, который использовали на псовой охоте.

С. 452. ...последняя глава «Родников Берендея»... – Книга «Родники Берендея» (1925) в журнальном варианте вышла с подзаголовком: «Из записок фенолога с биостанции "Ботик"»; впоследствии включена в книгу «Календарь природы» (1935–1939) как первая часть под на-званием «Весна».

С. 453. Провожает ... председатель колхоза ... красный обоз... – Речь идет о хлебозаготовках – сдаче хлеба государству, которая осу-ществлялась в виде «красных обозов», иногда состоящих из десятков телег. В «Крестыанской газете» от 12 сентября 1930 г. в заметке «Удар-ные бригады организуют красные обозы» отмечалось, что «ударная селькорская бригада организовала в колхозе "Заря" красный обоз с хлебом в 20 подвод».

С. 455. Ездили на Урём... – урочище Урём (Урев) находится в месте, где р. Вёкса вытекает из Плещеева озера.

С. 458. ...и я виноват тем, гто увлекся «охотой» (Толстой мора-лью, искусством) и пропустил лигность жены: даже пренебрег. – Ср.: «Это сомнамбулизм, сон. И в первый раз прошло извинение о болезни мамы, которое мучило все лето: "что же мне делать, если я ничего не вижу", "родился так", "таким уродом ". Это фатум бедной мамочки, что она пошла за Фауста, а не за колл. асессора. Это все-таки грех и не-счастье, но – роковое. ... То, что я провозился с деньгами, нумизма-тикой и сочинениями, вместо здоровья мамы, и есть причина, что пи-шу "Уедин.". Ошибка всей жизни. Так мы кармаем бессильно, пройдя ложный путь» (Розанов В. В. Опавшие листья. Короб второй и послед-ний (1915) //Розанов В. В. О себе и жизни своей. М., 1990; указано В. фатеевым).

С. 459. Портреты великих писателей и наши на эстраде... – Име-ется в виду 1-й Всесоюзный съезд советских писателей, который про-ходил в Колонном зале Дома Союзов с 17 августа по 1 сентября.

С. 460. ...первым шагом было 23 Апреля. – Речь идет о постанов-лении ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года «О перестройке литератур-но-художественных организаций», ликвидировавшем литературные группы и принявшем решение о создании единого Союза советских

939

писателей; это решение было принято всеми прежде всего как радост-ное долгожданное избавление от диктаторской власти РАППа, но Пришвин все же считает, что это только первый шаг по пути.

С. 464. ...загадано создать в литературе советского героя... – Ви-димо, имеется в виду новый метод «социалистического реализма», ко-торый уже был заявлен в статье И. Тройского (см.: Литературная газе-та. 1934. 23 мая); на съезде писателей тезисы социалистического реализма были сформулированы в речи секретаря

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
 ЦК А. Жданова, а затем в речи Горького.
 А наши говорят: Бог умер. – Имеются в виду слова Ф. Ницше, в философии которого Пришвин, как и многие исследователи, видит не сомнение в существовании Бога, а трагичность положения современного человека, который «Бога убил», чему и противопоставляет Пришвин сектантский перевод религиозного в бытовое и повседневное с его обыденной терминологией: «отдыхает, ушел, Его нет». Ср.: «6 Но-ября 1908. У хлыстов: косоворотки – метафизика, освобождение духа... Бог – звук. Когда Бог работает, люди спят, и когда Бог отдыхает, люди работают. Когда говорят "Бог" – значит, Он ушел... везде говорят теперь про Бога, значит, Его нет...» (Ранний дневник. С. 183).
 С. 466. ...броситься в ган, гтобы воскреснуть вождем народа. – См. коммент. к с. 16.
 С. 470. ...на сиже... – в шалаше.
 С. 476. Расценка выступления Бухарина верная... – По-видимому, речь идет о докладе Н. И. Бухарина «О поэзии, поэтике и задачах поэтического творчества в СССР», сделанном им на съезде 17 августа. Доклад вызвал разноречивые толки в писательской среде: говоря о мас-терстве, Бухарин назвал расстрелянного в 1921 г. Гумилева, похвалил Пастернака, отметил Б. Корнилова и П. Васильева, Маяковского. На съезде по поводу этого выступления возникли прения; но какую оцен-ку имеет в виду в данном случае Пришвин, неясно.
 С. 483. ...цеппелин... – дирижабль.
 С. 484. Прогитал повести Гёте, от бунта («Вертер») до порядка («Избир. сродство»)... – Имеется в виду романы «Страдания юного Вертера» (1774) и «Избирательное сродство» (1809).
 С. 488. ЦАГИ – Центральный аэрогидродинамический институт им. проф. Н. Е. Жуковского.
 Берендеево царство (Ботик) в упадке... – Пришвин жил в Пере-славле-Залесском на Ботике Петра I не очень долго – в 1925–1926 гг., но полюбил эти места навсегда. Ср.: «В письме был подробно указан
 940
 путь на лошадях прямо или же кругом, через Москву, по железной до-роге до станции Берендеево. Какие удивительные есть имена, и как они на меня действуют: дворец (Ботик Петра Первого. – Ред.) мне явился сказочным дворцом Берендеева царства, и пошло и пошло в душе берендить. "Ну, Берендей, – сказал я себе, – думать тебе боль-ше нечего"» (Собр. соч. 1982–1986. С. 173.) Ср. также: «19 Марта 1926. Читал записки прошлой весны. Просто удивительно: вся жизнь целиком ушла в книгу "Родники Берендея"»; «31 декабря 1926. Это был год для меня исключительно счастливый, проведенный у родни-ков Берендеева царства»; «14 февраля 1927. 1-ый закон Берендеева царства: "Помирать собирайся – рожь сей" (да будет воля Твоя)»; «7марта 1927. "Игра" в Берендеевом мире: "охрана детства"»; «20 мая 1927. Закон Берендея: от тюрьмы и сумы не отказы-вайся, но старайся все-таки жить так, чтобы суму не носить и не бы-вать в тюрьме».
 С. 491. Товарищ покойник и прог. – См. коммент. к с. 240.
 С. 492. «И звезда с звездой говорит». – Строка из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу» (1841).
 С. 494. ...нас пригласили в Лигу Наций... – 18 сентября 1934 г. Со-ветский Союз вступил в Лигу наций.
 С. 495. ...гто-то вроде «Родников»... – Имеется в виду книга «Род-ники Берендея» (1925).
 ...эта вещь должна освободиться от «обнажения приема»... – В 1928 г. Пришвин заканчивает повесть «Журавлиная родина» и чи-тает ее в кругу писателей. Их реакция для Пришвина была полной неожиданностью: он со своей новой повестью оказался чуть ли не в эпицентре культуры, даже не подозревая об этом («31 января 1929. Замятин открыл в моем писании "обнажение приема"... Пришлось познакомиться с учением Шкловского, – очень интересно. Уж очень вышло странно: я думал, пишу авторскую исповедь, а они признали в этом форму обнажения приема по Шкловскому притом»). Действи-тельно странно, но это один из замечательных парадоксов культуры, свидетельствующий о ее сложности и самодостаточности, о ее внут-ренних законах; так или иначе, к примеру, прием остранения, кото-рый считается формальной школой универсальным приемом постро-ения художественного текста, появляется в творчестве Пришвина как бы с противоположной стороны и им осмысляется не как формаль-ный, а как органический и наиболее ему свойственный («25 мая 1928. Сверкая, переливалась капля росы на хвоще, а я принял это за жизнь: каплей росы в майское утро сверкала жизнь в ее возможностях, в ис-тинном ее назначении. Мне было, будто я в своем полном разуме и чувстве вновь только что родился и, не зная, что будет завтра, всему удивился»). Остранение как способность увидеть вещь «первым гла-
 941

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru зом», т. е. выделить ее из привычного контекста и удивиться неожиданному от нее впечатлению, до самых последних страниц пришвинского дневника останется едва ли не основным признаком его стиля. (10 Октября 1934. Способность глазами ребенка, как будто "в первый раз" посмотреть на привычное всем ... я как художник ... стремлюсь убедить людей, уничтожая в них отраву привычки»; «3 июня 1935. Нет на свете более мрачной силы, чем та, от которой люди стремятся уйти за леса и доли и горы – это сила привычки. Привычка лишает выбора. Привычка – это паутина: ее выпускаем мы из себя, ею окутываемся и ничего не видим даже рядом с собой из своего кокона»). Между тем, писателю всегда была чужда идея намеренного (формального) использования (обнажения) любого конструктивного приема для построения произведения, что он и отмечает в данном случае, задумывая так и не написанный роман о машине. Формальная школа в литературоведении сложилась в 1910–1920 гг. (Общество изучения поэтического языка, ОПОЯЗ). Основные положения формальной школы были разработаны В. Б. Шкловским.

С. 501. Гамсун. – Ср.: «6/д 1937. "Соки земли" Гамсуна – настольно-ко действительно соки, что я вдруг понял только теперь смысл и значение слова "земля" – почему это мать, сила и т. п. В этом жадность труда, и вкус как "укус". Тут и мать моя, и моя поэзия, и счастье»; «20 ноября 1924. Три романа Гамсуна прочитаны: "Соки земли", "Санаторий Торахус", "Женщины у колодца". Хороши одни "Соки", в остальных чересчур много кори (Гамсун описывает буржуазию как болезнь корь на стихийном человеке)». В этом же 1924 г. Пришвин пишет о своем «натурном каком-то, чуть ли не антропологическом сродстве с Кнудом Гамсуном» (Собр. соч. 1982–1986. Т. 8. С. 695, 156. Здесь пометка рукой В. Д. Пришвиной: «При переписке: М. М. однажды вместе со мной перечитывал эти страницы и удивленно сказал: "Это было «настроение», это не Гамсун живет у меня, а Гоголь"»).

С. 512. ...тавот... – солидол, смазочный материал для трущихся частей в моторе автомобиля.

С. 514. Коровинский браунинг... – Пистолет был разработан как оружие самозащиты – маленький карманный пистолетик, который, по мнению специалистов, способен оценить только истинный любитель оружия.

С. 526. Сильнее смерти. Мопассан... – По-видимому, имеется в виду рассказ «Сильна как смерть» (1889).

С. 533. (Унигиотжение МТП и ЛТП – отдало их во власть ГИХЛа и СП). – Издательства – Московское и Ленинградское товарищества писателей, Государственное издательство художественной литературы и Союз писателей.

942
С. 535. А вот было в старое время, в 1914 г., когда только гто на-галась война, один старый священник в Новгороде как велигайшу свою тайну открыл мне, гто он сегодня молился за императора Вильгельма... – Имеется в виду протоиерей Александр Петрович Устьянский – новгородский священник, состоявший в переписке с В. В. Розановым и знакомый Пришвина в начале века. Ср.: «4 сентября 1914. Любовь к врагу – что это значит? Любовь к тому, что у врага есть хорошего, признание, что он, будучи хорошим, творит не зная что? Убеждение, что нет существа, вмещающего только зло? Не на этом ли основана и молитва за дьявола? О. Афанасий (священник в Хрущеве (Елец), где Пришвин родился. – Я. Г.) не находит возможным молиться за дьявола, потому что будто бы дьявол есть абсолютное зло и с ним покончено навсегда. Между тем легенда гласит, что дьявол некогда был ангелом. Дорогой Александр [Щетрович], научите меня понимать чувство любви к врагу человечества, за которого вы находите возможным молиться. Я понимаю христианское "любите врага" в смысле врага бытового, не абсолютного врага, поскольку он не ведает, что творит. Я не знаю источника любви к абсолютному злу и не понимаю, как молитва, значит, действие, может быть направлена к тому, что по существу своему неизменно» (Дневники 1914–1917. С. 95). См. также рассказ Пришвина «Отец Спиридон», под именем которого выведен о. Алек-сандр Устьянский (Цвет и крест. С. 322).

С. 536. ...кое-где на реках шуга и сало. – Ледообразование на реках начинается с появления заберегов, затем образуется плавающий лед – сало или шуга.

С. 539. ...цыплята от самоседки... – так называют наседку, само-волью, тайком севшую на яйца.

С. 542. Горболыся белка и синеругка. – Горболыся белка – серо-голубоватая с заметной рыжей полосой вдоль хребта; синеручка (си-неголовка) – см. коммент. к с. 314.

С. 543. ...хорош как одинок... – один, единственный, кому нет ров-ни, пары.

С. 545. ...«не единым хлебом жив геловек»... – Мф 4: 4.

С. 546. Осман осенист. – Осенистый зверь – матерый, несколько-ких осеней, старый. Блок-нот натуралиста. – Газетная вырезка с припиской рукой М. М. Пришвина: № 263, 11/ХІ 34: «Claudophora sauteri. В подмосковной тайге между Переславлем и

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Загорском есть одно замечательное озеро ледниковой эпохи: Заболотское озеро
полно рыбой, и множеств

943

во на нем водоплавающей дичи, но и рыба, и дичь – пустяки в сравнении с тем, что здесь живет драгоценный для науки и редчайший в мире реликт, изумрудно-зеленая шаровидная водоросль – *Claudophora sauteri*.
В 1927 году в "Известиях" была помещена заметка, призывающая ученых спасти реликт, который должен погибнуть при осушительных работах по Сулоти и на Дубне. Автор заметки отмечал сомнительное значение для края осушительных работ и указывал на громадные площади сухих пустошей, лежащих втуне рядом с болотами. Ученые немедленно взялись за дело спасения "шаров". Началась борьба, в которой ученые по тому времени были в невыгодном положении сравнительно с инженерами: осушители сумели добиться у крестьян, плохо понимавших эти агрикультурные работы, приговора в пользу осушения и тем самым лишили ученых возможности защищать реликт. Через несколько лет осушения, как было предсказано многими, крестьяне вместо полезной для корма скота осоки получили в иных местах хвощ, в других – непереходимую ни пешком, ни на лодке грязь.
Нынешней весной Военно-охотничье общество взяло в свои руки Заболотское озеро и другие угодья по Сулоти и Дубне. Собрав сведения о неудачных работах по осушению, общество решило восстано-вить Заболотское озеро и спуск, пробитый экскаватором, заделать плотиной. К счастью, на дне озера, в его неспущенной части "шары" еще сохранились и могут снова размножиться. Будут также восстановлены рыбные и охотничьи богатства края. Михаил Пришвин».

С. 549. Ронжа – лесная птица, разновидность сойки.

Жизнь Машки. –

До нового спидометра пройдено – 5598 км

20/VII поставлен спидометр, проба – 3 кил.

21/VII на 11-й завод – чтение 45

27/VII сумма поездок по городу, за бензином и пр. 44 кил. 1-я смазка (после ремонта)

31/VII в Загорске 25

3/Vin { в Хмельники 206

5/VIII за бензином 10 к.

6/VIII краен, стор. 30 к.

7/VIII краен, стор. 30 к.

8/VIIIурев С

10/VIII – за бензином и проводы на вокзал \

1 i -12/VIII – в Александровку на охоту 80 кил. 2-я смазка

14–25 На съезд в Москву (два раза) 470

27 – в Константинове и обратно 70 31–1 в Копалово–Федорцево–Полубарское–Загорск 114 кил.

4–5 Сент. Полубарское и обратно 103

944

7 Сент. Смазка машины (Куликов) за исключением двух задних сереежек и нужно кастор, маслом.

11 Сент. Мергусова бель туда и назад – 73 кил.

12 Сент. Чирково – 73 кил.

13 Сент. Ясниково – 76 кил. 14–15 Полубарское

916 –

813 = 103 килом.

16 Мергусова бель 993–916=77

17 Москва – заезд в Пушкино

18 Переславль

21 Горки возле Нового за глухарем

22 Ясниково

23 Два раза на вокзал

529 кил.

12 кил.

23 До Ясникова 1609–1534 _75

Всего машина прошла 8046 кил.

25 До Чиркова 1687 приписка: +1 раз

на вокзал – 1609 78 кил.

27 Алмазово + 2 раза на вокзал и проверка

тормозов 1787 – 1687 = 100 кил.

2 Октября до Наугольного 1806 – 1787 = 19

5 Окт. до Алмазова 1881 – 1806 = 75

12 Окт: с 5-го по 12-е: поездка на Сорок, завод +

по городу + в Торбеево и еще + по городу 1942 – 1806 = 136 21-го до Деулина

21-го/X – отавочена, смена масла, очистка мотора, полировка,

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
проверка аккумулятора 23/Х Наугольное, охота с Османом 24/Х – Совх. Смена охота
на вальдшнепов 30/Х – Тараберки охота 1/Х1 Федорцево и Переславице
С 9-го/Х1 Коммуна, в Коммуне каждый выходной день по
12 февр. включительно запись спидометра – 2960 килом. Генеральная смазка сделана
тому назад две поездки в Коммуну
(или Дворики), т. е. 100 килом, (надо переменить масло,
вычистить свечи, стаканчик). 7/V 1935 г. показатель спидометра – 3716
всего машина прошла – 5598

9314 килом.

В Марте 1935 г. приточены клапаны и вынуты прокладки
в шатунах кол. вала. По приезде с севера в июне следует отремонтировать
передок.

2-го Июля – машина сдана в ремонт в Загорск

с показанием спидометра 3799 к.

к которым следует прибавить 5598

9397

945

Мастер изменил спидометр на 14799, следует ее переменить на 9400 и это считать с
7-го Июля.

Воронка Лодочка Пыжи 20,12, 24

С. 549. ...выжлец... – (охотн.) гончий кобель.

Читаю «Океан» Низового. – Роман «Океан» считается наиболее интересным
произведением П. Низового (наст, фамилия П. Г. Тупи-ков), который начал
печататься в 1921 г. и входил в литературное объединение «Кузница».

«Литературная энциклопедия» отмечает, что «герои его погружены в
интимно-лирический мир ощущений», изображаются «в гармоническом слиянии
человека с природой», и, «находясь под влиянием Гамсуна, Низовой дал цикл
произведений, имеющий характер пантеистического гимна», отмечает, что
«пантеистически-лирические моменты в творчестве переплетаются с
индивидуалистическими, особенно в романе "Океан"».

С. 558. Осман понорил двух лисиц... – т. е. пользуясь чутьем, вошел в нору через
один из отнорков и нашел понорившую лисицу.

...убил шумового беляка. – Заяц, выскочивший на охотника пре-ждевременно от
неосторожного шума.

С. 559. (Непуг. птицы + Колобок + Ник. Старокол.). – Имеются в виду ранние
произведения Пришвина «В краю непуганых птиц» (1907), «За волшебным колобком»
(1908) и «Никон Староколенный» (1912).

С. 564. Послать деньги Разумнику. – Ср.: «У каждого из нас много
друзей-приятелей до черного до дня; но естественно, что на другой же день после
моего ареста все эти друзья-приятели забились в кусты, – очень напуганы и
зайцеподобны стали теперь люди, иной раз носящие весьма громкие имена ... только
два-три (из десятков друзей-при-ятелей) оказались действительными друзьями, не
боявшимися да-же (даже!) переписываться со мною, жителем саратовским. Таков
был старый друг еще и гимназических времен А. Н. Римский-Корсаков, но здесь
подробнее скажу только о другом старом друге, М. М. Пришви-не. Не только писал
он мне бодрые письма в Новосибирск и в Саратов, не только присылал новые свои
книжки, не только хлопотал в москов-ских издательствах о какой-нибудь работе для
меня, но даже, когда хлопоты эти не увенчались успехом, по собственному почину,
ни-сколько не скрывая этого, решил высылать мне ежемесячно по двести рублей.
Только благодаря ему я еще и существую в сем "физическом плане" – и не могу
молчать об этом» (Иванов-Разумник. Писательские судьбы. Тюремь и ссылки. С.
264–265, 500–501).

946

Иванов-Разумник – автор первой критической статьи о творчест-ве Пришвина
«Великий Пан» (1910–1911).

С. 567. ...я перевидел лисицу... – перевидеть – значит заметить пе-редвижение
зверя или птицы.

...на охоте по красному зверю... – Красный зверь {устар. охот.) – наиболее
ценимые охотниками звери: медведи, волки, лисицы.

С. 573. ...как угли аскеты Синайской горы – все тонкий яд лжи? – Первые обители
Синайских гор появились здесь во времена хрис-тианских гонений римского
императора Диоклетиана (303–304). С IV в. Синай, где поселилось множество
египетских христианских аске-тов, признается одним из значительных и почитаемых
церковью цен-тров монашества.

С. 574. (Алпатов на Светлом озере встречается с учителями «На-хала века» и
немоляками Мережковского. И потом в Петербурге...) – Алпатов – герой
автобиографического романа «Кашеева цепь», alter ego Пришвина. См.: Ранний
дневник. С. 175–316; У стен града неви-димого. (Светлое озеро) // Собр. соч.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

2006. Т. 2.

С. 577. ...погибнет Ваал...»). – Ваал, или Вал (господин) (III цар 18: 9; Ис 46: 1; Иер 9: 14) – название бывшего языческого божества, боготворимого в Финикии и Сирии.

С. 578. ...будто белая Ярославна стояла и глядела в половецкую даль... – аллюзия на «Слово о полку Игореве».

1935

С. 587. Фильм «Чапаев»... – Имеется в виду фильм «Чапаев» (реж. братья Васильевы, 1934), получивший первую премию на I Международном Московском кинофестивале в 1935 г. (председатель жюри – Сергей Эйзенштейн), в котором актер Б. Бабочкин создал яркий образ народного героя Гражданской войны.

...выругить «лейку»... – имеется в виду легендарный немецкий фотоаппарат Leica.

...заняться выправкой «Рассказы Охотника». – Состав сборника включал наиболее известные охотничьи рассказы Пришвина разных лет:

Бурундук.

1) Журка

2) Ежовые рукавицы

Щегол-турлукан Загеркнуто: Слепая пороша

947

3) Ужасная встреча

4) Терентий

5) Рождение Кастрюльки

6) Белка

7) Мишка

8) Беляк

9) Барсук

11) Говорящий грач

12) Еж

13) Луговка

14) Гаечки

15) Первая стойка

10) Школа в кустах

11) Матрешка в картошке

12) Ванька и Пуська

13) Птицы под снегом

14) Куница-медовка

15) Разговор птиц и зверей

16) Дергач и перепелка

Ярик

Иван-да-Марья Воробей Золотой луг

Предательская колбаса Золотая медаль

Юторассказ

1) Слепая пороша

2) Беляк

3) Глаза беляка

4) Нора

Ллопунки Ребята и утята

С. 590. ...недавно у нас сняли с церкви последние колокола... – Имеется в виду уничтожение колоколов Троице-Сергиевой лавры в январе 1930 г. Пришвин не только каждый день записывал в дневник, как «по-разному умирали колокола», но и фотографировал происходящее; до конца жизни он хранил в отдельной коробочке с надписью «Когда били колокола» 200 негативов. Снимки Пришвина уже в наше время были использованы при отливке новых колоколов в лавре. См.: Дневники. 1930–1931. С. 5–29.

С. 595. ...вместе идем и проходим. – Вклеена газетная вырезка: фотография и подпись к ней: «Корень жизни» – звуковой художественный фильм – снимает режиссер Московской кинофабрики А. Литвинов. Сценарий написан писателем Михаилом Пришвиным по материалам его повести «Жень-шень». На снимке: кадр из фильма – Мина – девушка, живущая в тайге, приводит оленя Хуа-Лу (Олень-цветок) к организатору оленеводческого питомника. В роли Мины – артистка Хильда Енингс, в роли Алексеева – артист Петр Смирнов. Приписка: «Известия» 17/11935

Читаю Франка: Лигность и вещь (Штерн)... – Имеется в виду статья С. Франка «Личность и вещь (Философское обоснование витализма)». 1908, представляющая мир как иерархию «личностей» различных ступеней, а также работа немецкого психолога и философа,

948

основателя философского персонализма «Личность и вещь» (1906–1924).

С. 596. Франк. Этика негилизма (1909 г.). – Имеется в виду статья «Этика

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
нигилизма (к характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции)», написанная для сборника «Вехи».

...вегером у Чувиляевых люди-маски. – В эти переломные послереволюционные годы культурно-исторического развития Пришвин то и дело отмечает и в себе и в окружающих людях попытки решить проблему самоидентификации и невозможность отождествить себя с той единственной социальной группой, которая определяет новую жизнь («24 января 1935. Оглянешься на прошлое – гто пережито! – и страш-но подумать о себе теперь: как я могу после всего жить так обыкновен-но и как будто без отношения к страшному опыту...»)¹, маска становится одним из способов скрыть свою личность за личиной, что приводит к однообразию и единообразию, уничтожающему живую жизнь, но часто помогает спасти ее (ср.: «20 ноября 1930. Игра двумя лицами (маскировка) ныне стала погги для всех обязательной. Я же хогу про-жить с одним лицом, открывая и прикрывая его, сообразуясь с обстоя-тельствами»: «23 декабря 1930. Нельзя открывать своего лица – вот это первое условие нашей жизни. Требуется обязательно мина и мас-ка.»)

Тема «маски» в культуре XX века была одной из существенных, но в 1930-е гг. проявился ее социальный подтекст. В 1933 г. вышел роман

А. Белого «Маски. Роман». Во вступлении к нему А. Белый пишет: «...сознательно заостряемый автором вопрос: как жить в таком гнилом мире? "Быть или не быть" (бытие, небытие), сознательный гамлетизм, размышление над черепом уже сгнившей действительности, мороча-щей, что жива ... революция уже рвет их (маски. – Ред.) с замаски-рованных; личности, в первом томе показанные в своем самостном эгоизме, уже – личности-личины». См.: Делекторская И. «Маски» и маски Андрея Белого, <http://www.utoronto.ca/tsq/22/delektorska-ya22.shtml>.

...27-го днем (похороны)... – Видимо, речь идет о похоронах

В. В. Куйбышева.

С. 598. ...какой-нибудь Стецкий – попилом сидит... – Алексей Ива-нович Стецкий был известен в писательских кругах, так как в 1933 г. был членом

Организационного комитета Союза советских писателей, во главе которого номинально находился М. Горький, но все дела бы-ли в руках Стецкого. Руководил пропагандистскими кампаниями в 1930-х гг.: под его руководством организована травля троцкистов, зиновьевцев, «вредителей», кулаков, «подкулачников» и т. д. С 1934 г. одновременно главный редактор журнала «Большевик».

Слышал о статье Панферова против Горького. – По-видимому, речь идет о продолжении дискуссии Панферова с Горьким о языке

949

(1934), в ходе которой Панферов утверждает, что «пишет на языке миллионов», на языке, «созданном революцией», а Горький упрекает его в словесных ошибках, небрежности, написании слов так, как они произносятся; вступивший в дискуссию Серафимович защищает Пан-ферова (роман «Бруски», посвященный коллективизации) с его «му-жицкой силой», «корявой» и «здоровой». В статье «Открытое письмо А. С. Серафимовичу» (Литературная газета. 1934. 14 февр.) Горький пишет: «Мужицкая сила – сила социально нездоровая», «в основе сво-ей не что иное, как инстинкт классовый, инстинкт мелкого собствен-ника, выражаемый, как мы знаем, в форме зоологического озверения», он возражает против «утверждения, что молодежь может чему-то на-учиться у Панферова, литератора, который плохо знает литературный язык и вообще пишет непродуманно, небрежно», он считает, что «культурно-политическая, талантливо последовательная работа пар-тии Ленина-Сталина направлена именно к тому, чтобы вытравить из сознания мужика эту его, хвалимую (Панферовым. – Ред.) "силу"». В ответной статье «Открытое письмо А. М. Горькому» (Правда. 1935. 18январь.), которую и имеет в виду Пришвин, Панферов прежде всего возражает против самого способа горьковской критики: «Я прочитал вашу третью длиннейшую "Литературную забаву". И в этой "литзаба-ве" вы снова слишком увлекательно забавляетесь, забывая о том, что имеете дело с живыми людьми, а не с манекенами. Абсолютно бездо-казательно вы пишете, что я занимаюсь "болтовней", называя мою речь на съезде писателей: "беспомощная статейка", "малограмотная статейка". Что это за методы спора? Это заушательство, которое вы в своей третьей "Литературной забаве" осуждаете».

С. 604. (Марьянка в «казаках»)... – Персонаж повести Л. Толстого «Казачи».

С. 605. Происхождение толстовской «пахоты». – Ср.: «Слова, ко-торыми определял гр. Толстой свое настроение: "Так нельзя жить" ... как может такой человек, как гр. Толстой, жить, если наряду с ним существуют обитатели ночлежных домов? Хорошо тем, которые никогда не открывали глаза на эти ужасы. Но как быть тому, кто их видел, кто их не может забыть, не хочет, не должен забыть? Можно их помнить? Ответом на эти вопросы послужат для нас результаты, к ко-торым пришел в своей деревне гр. Толстой. Их знают все, и подробно говорить о них не приходится. Он решил, что вся беда наша в том, что мы, интеллигентные и достаточные люди, собирающиеся помогать несчастным беднякам ... что мы сами

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
недостаточно нравственны для такого дела, и что прежде чем исцелять других, нам нужно исцелиться самим. Деньгами ничего сделать нельзя, ибо эти бедняки не в деньгах нуждаются. Их нужно научить работать, ценить и любить труд – тот труд, которым приобретаются средства к существованию. А как же можем мы научить их этому, когда мы сами ничего не дела-

950

ем? Следовательно, прежде всего нужно нам о самих себе подумать, исправиться, тогда все остальное само собою устроится. Тогда мы можем словом и делом учить, а не только словом, которому наши дела противоречат; и затем, мы, отказавшись от права на чужой труд, этим самым перестанем отнимать у других те средства, которые им необходимы, а нам служат для роскоши. И гр. Толстой, сбросивши с себя европейское платье, оделся по-мужицки, стал сам для себя топить печь, убирать комнату, пахать, сеять и т. д. "И тут-то, придя к этому сознанию и практическому выводу, – говорит он, – я был вознагражден вполне за то, что не заработал перед выводами разума и пошел туда, куда они вели меня"» (Шестов Л. Добро в учении гр. Толстого и Ницше (философия и проповедь) // <http://www.magister.msk.ru/library/philos/shestov/shest01.htm>).

С. 608. ...у Гоголя письма к друзьям, у Толстого – проповедь... – Имеется в виду книга Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847), а также автобиографический трактат Л. Толстого «Исповедь» (1879–1882) и др. произведения, излагающие нравственное учение Толстого. Ср.: «б/д. Истинное художественное творчество должно знать свое место и не становиться на место действия самой жизни, не становится тем, что делает религия (дело жизни, как у Ницше, Гоголя, Толстого). Дело совершенно безнадежное для художника ставить на разрешение проблемы морально-общественного характера, потому что все они разрешаются только жизнью, а жизнь есть некая тайна, стоящая в иной плоскости, чем искусство. Художник должен быть скромнее, потому что свет его, как лунный, только исходит от солнца, но сам он – не солнце... Выходить за пределы своего дарования под конец жизни свойственно все русским большим писателям. Это происходит оттого, что посредством художества, кажется, нельзя сказать всего. Вот в этом и ошибка, потому что "все" сказать невозможно никакими средствами, и если бы кто-нибудь сумел сказать "все", то жизнь человека на земле бы окончилась» (Пришвин М. Незабудки. М.: Худож. лит-ра, 1969. С. 141–142).

С. 610. Выгитал у Вернадского о радиологии: гто земля в своем составе постепенно переменяется... – В. И. Вернадский – основоположник радиологического направления в науке, связанного с проблемой возраста Земли: Вернадский ставит задачу выяснения роли радиоактивных элементов в истории планеты. Два года спустя, в 1937 г., на XVII Международном геологическом конгрессе в Москве Вернадский выступит с докладом «О значении радиологии для современной геологии».

С. 611. ...гитал «Княжну Мери»... – Одно из пяти произведений, составляющих роман М. К. Лермонтова «Герой нашего времени» (1840).

951

С. 612. Стражник Бутов... – Стражник – низший полицейский чин в сельских местностях России до 1917 г.

С. 613. Портрет хорош, оригинал-то скверен («Маскарад»). – Слова Арбенина в драме М. Ю. Лермонтова «Маскарад» (1835–1836).

С. 617. Шишков: Сибирская тайга, Мельников-Пегерский: Поволжье... – по-видимому, имеется в виду роман В. Шишкова «Угрюм-река» (1933), действие которого разворачивается в сибирской тайге, и романы Мельникова-Печерского (наст. имя П. И. Мельников) «В лесах» (1871–1875) и «На горах» (1875–1881), которые представляют собой художественное исследование народного быта и обычаев раскольников Нижегородского края.

«Лесные письма» в «Колхозные ребята»... – Вероятно, имеется в виду цикл рассказов Пришвина «Лесные письма» (1935), состоящий из трех рассказов: «Домкрат-богатырь», «Заячий след», «У сторожки Антипыча», а также рассказы разных писателей, публикуемые в журнале «Колхозные ребята» (1933–1937).

С. 623. ...в этих кругах выражение «я – бог» было даже и ходовым. – В данном случае имеются в виду представители художественной элиты начала века, идеи которых, по Пришвину, сблизились с идеями лидеров хлыстовских сект Петербурга. Ср.: «28 января 1909. Мелькнула такая мысль: как близко хлыстовство к тому, что проповедают теперь декаденты: все царства Легкобытова, Мережковского, Иванова, Рябова... И процесс одинаковый: Я – Бог». «2 декабря 1909. На улице я спрашиваю Легкобытова: – Кто Мережковский? – Он... я чувствую в нем дух, равный себе, его лицо, его все поведение, но он шалун. Фантазия... И гордость... Нужно умалиться до нас... Нужна простота и искренность... А он шалун... И, потом, отсутствие сознания, что мы будем судимы, т. е. ведут себя как боги, – они боги» (Ранний дневник. С. 203, 229).

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
С. 625. ...защита Клавдофоры... – Имеется в виду протест Пришвина (1928 г.) против спуска Заболотского озера в районе реки Дубны, где водилась реликтовая водоросль ледникового периода. Ср.: Журавлиная родина // Собр. соч. 1982–1986. Т. 3. С. 105–110.

С. 627. Пригласили в «Красную Новь»... – Первый советский «толстый» литературно-художественный и научно-публицистический журнал (1921 – 1942). В 1921–1927 гг. его главным редактором был А. Воронский (затем Ф. Раскольников, В. Ермилов), объединивший вокруг журнала так называемых писателей-попутчиков.

С. 628. «Домик в тумане»... – Имеется в виду первый рассказ Пришвина (1905). Ср.: «21 Марта [1912]. Некрасивая горбатая девушка, 952

бедная – кажется, что вот зачем она? И вот если и ее наделяю я чувством жалости, то не хочу ли этим я перешагнуть через перерыв в роде человеческом – связать ею в узелок оборванные концы – нити рода человеческого. И сколько же людей обиженных, заморенных существует для того, чтобы связать эти концы – в них красоты не может быть. И перейти в эту жизнь, решиться на это, но это невозможно, они к этому постепенно подошли, и их много, они вместе, а я один: я из себя живу, они – от судьбы» (Ранний дневник. С. 136–137). В конце 1904 г. Пришвин, переехав в Петербург, поселяется на Васильевском острове в доме вдовы чиновника Соколова (где получает прозвище «граф») и оказывается среди «униженных и оскорбленных», кажется, совсем не изменившихся со времен Достоевского.

«Проклятые» вопросы всплывают сами собой («зачем она?») – девушка-горбунья становится одним из персонажей тогда же написанного и пропавшего первого рассказа начинающего писателя «Домик в тумане». Ср.: «б/д. Не для того ли созданы все эти маленькие серые люди, чтобы на них испытали мы силу любви своей к жизни и силой этой приобщили их ко всему миру?» (Путь к слову. С. 106–109).

С. 630. ...нагиается семик. – Семик (Зеленая неделя, Русалочья неделя) – старинный русский женский обрядовый праздник, отмечается на седьмой четверг после Пасхи, за три дня до Троицы.

С. 632. ...сравниться с пустынностью моховых болот... – Моховые болота образуются выше уровня воды и зарастают вереском, пушицей, сфагнумом и др., они труднопроходимы или совершенно непроходимы, тут мало птиц, редко встретишь гнездо – сплошной моховой покров, деревьев нет или редко встречается одинокая сосна, вода стоит выше поверхности или на уровне ее. В отличие от моховых болот травяные (луговые) болота образуются от зарастания водоемов или заболачивания лугов во время весенних разливов.

С. 635. Подрумяненные деревья... – Подрумянить – отметить, сделать, надрезать, затеять.

С. 639. Кадры решают все... – С одной стороны, на XVII съезде (январь–февраль 1934 г.) наблюдалось усиление репрессивной политики партии, с другой – произошли некоторые послабления, которых требовало дальнейшее развитие индустриализации, а именно необходимость участия кадровых работников, специалистов, хозяйственников, многие из которых были за все предыдущие годы уволены с предприятий («12 Мая 1935. Из года в год все трудней и трудней с рабсилой или все слабей и слабей сила власти. И это понятно: мужик не пень и хорошо понимает, что советские законы минуют его»); в речи Сталина прозвучали неожиданные мотивы: «Бюрократизм и канцелярщина аппаратов управления... вот где источники наших трудностей... 953

Как быть с такими работниками? Их надо без колебаний снимать с руководящих постов, невзирая на их заслуги в прошлом». В речи было указано, что руководитель не обязательно должен быть членом партии с большим стажем, но должен быть специалистом, иметь высшее образование и опыт работы по специальности; позднее возник лозунг: «Кадры решают все!» Ср.: Верт Н. История советского государства. 1900–1991. М., 1992. С. 206–215.

С. 640. Статья Бухарина: фашизм и коммунизм... – Бухарин возражал против «причесывания под одну гребенку фашизма и коммунизма», в частности, еще на Конгрессе Коминтерна в 1928 г. Ср.: «Химическое представление о социал-демократии как о "социал-фашизме", выдвинутое в начале 20-х гг. Зиновьевым и превращенное Сталиным в политическую концепцию, приведет к особенно трагическим последствиям. В 1928 г. фашизм был для коммунистов всего-навсего расплывчатым и малоизученным реакционным явлением, отождествлявшимся, главным образом, с Италией Муссолини. Опасность гитлеризма была еще очень далеко. В отличие от большинства коминтерновских новшеств идея о том, что социалисты состоят в некотором родстве с фашистами и представляют еще большее зло, по всей видимости, пришла Сталину по душе задолго до этого. В 1924 г. он провознес фразу, которой было суждено сделаться ритуальным лозунгом коминтерновских провалов 1929–1933 гг.: "Социал-демократия есть объективно-умеренное крыло

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru фашизма... Это не антиподы, а близнецы". Хотя дискуссия 1928 г. по поводу социал-фашизма не освещалась в печати, представляется очевидным, что Бухарин возражал против принятия такой концепции в качестве руководящего политического принципа. Он сам во многом содействовал тому, что большевики враждебно относились к вождям социал-демократии с 1914 г., и его нынешние воззрения не исключали выпадов против них как ренегатов и столпов капиталистического строя. Они, однако, исключали сбрасывание со счетов социал-демократических партий и профсоюзов, представлявших подавляющее большинство европейских рабочих, как "социал-фашистов" и главнейшего врага рабочего движения. Интересы политического компромисса на VI конгрессе Коминтерна, очевидно, заставили его признать, что "социал-демократии свойственны социал-фашистские тенденции". Однако он немедленно добавил, что "было бы неразумно валить социал-демократию в одну кучу с фашизмом". Более того, он предвидел скрытый вывод о том, что коммунисты могут объединиться с фашистами против социалистов, и оспаривал его: "В нашей тактике не исключена возможность обращения к социал-демократическим рабочим и даже к некоторым низовым организациям социал-демократии, что же касается фашистских организаций, то к ним мы не можем обращаться"» (Коэн Стивен. Падение Бухарина и начало сталинской революции // Бухарин: политическая биография. 1888–1938. М.: Прогресс, 1933. Гл. 9. С. 331–402). Какая имен-

954

но статья Бухарина имеется в виду в данном случае, выяснить не удалось. С. 641. Заткни фонтан перстом!.. – Перифраз афоризма Козьмы Пруткова «Если у тебя есть фонтан, заткни его; дай отдохнуть и фонтану». С. 644. «Переславские круги». – Имеется в виду очерк «Переславские кручи», написанный по случаю вырубленных столетних сосен на берегу реки Векса, которые Пришвин вместе с другими краеведами зашищал от вырубки в 20-е гг.; очерк был опубликован в газете «Известия» 10 мая 1935 г. См.: Творить будущий мир. С. 173–174.

...молевой сплав... – Лесосплав – массовый, наиболее дешевый вид транспортирования леса по воде, при котором используется плавучесть древесины. При молевом сплаве, который обычно проводится в период весеннего паводка, лесоматериалы транспортируют не связанными между собой. Он применяется на первичной речной сети при невозможности использовать другие виды транспорта. Для направления движения леса по лесосплавному ходу устанавливают направляющие сооружения (боны), а для временной или окончательной его задержки в определенных местах сплавной реки – лесозадерживающие сооружения (запаны). При молевом сплаве часть лесоматериалов в результате потери ими плавучести тонет, засоряя русла рек; впоследствии от этого вида транспортирования отказались. ...погибающий со всеми своими монплезираи. – Монплезир в переводе с французского означает «мое удовольствие».

С. 645. Окорка, корить, недокор, перекор. – Окорка – очистка дерева от коры. Подсогга на смерть... – Подсочка – специальное ранение растущих деревьев в целях получения эфирных масел, смол, каучука, сахаристых соков.

...к комлю шкурят... – Комель – нижний, прилегающий к корню толстый конец дерева. Мутовогный сук... – сук, выросший в результате повреждения верхушечного побега, часто боковой, искривленный.

...серянка... (местн.) – болезнь дерева, вызываемая ржавчинными грибами.

...ошмыг... – механическое повреждение кроны и наружной части ствола дерева, вызываемое падением соседних деревьев.

...забусело... – Забусеть – потемнеть, покрыться плесенью.

Шпальные и двухшпальные тюльки. – Бревна, идущие на производство шпал, равные им по длине, называются шпальными; тюлька – чурбан, бревно; двухшпальные – более широкий брус.

955

С. 645. Справогник Селибера. – Имеется в виду «Справочник по лесной промышленности и лесному хозяйству» (1935), составленный Б. И. Селибером. Береза без пролыси трухнет... – Прольсы – пустое, голое место в лесу; трухнуть – засохнуть

С. 646. Трелевка. – Трелевка леса (от нем. treilen, англ. trail – тащить, волочить) – лесозаготовительная операция по сбору и транспортировке деревьев, очищенных от сучьев стволов (хлыстов), бревен от места их заготовки к погрузочным пунктам; может выполняться также валочно-трелевочными машинами. Лежневка – дорога из настланных бревен.

Волокуша – особое приспособление для перевозки на лошади тяжестей по бездорожной местности из двух длинных волочащихся по земле оглобель, скрепленных на концах поперечиной, к которой привязывается кладь.

Пруух – проух, дыра, отверстие, в которое что-то продевают.

Развалогная пила и сталинец. – Имеется в виду круглопильный развалочный станок

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru для распиловки коротких бревен; 1 июня 1933 г. Челябинский тракторный завод выпустил первую партию мощных гусеничных тракторов «Сталинец-60» общего назначения, которые использовались как пахотные тракторы и тягачи, бульдозеры и трубоукладчики.

...наголо и конец под дубинушку. – Видимо, имеется в виду, что работа выполнялась вручную под известную русскую народную песню бурлаков «Дубинушка» («Эх, дубинушка, ухнем!» Впервые написана Василием Богдановым в 1865 г. с припевом, взятым у бурлаков (известны и другие варианты); получила известность в исполнении Ф. Шалыпина.

С. 649. ...работал на сплотке... – Имеется в виду сплачивание лесоматериалов, которое производится на воде или на берегу.

С. 650. ...«пыж»... – остановка; перебои; «пробка». Рудстойка... – круглые лесоматериалы.

С. 656. ...с законом сузема. – Сузем, сузем (новг., вологодск., олон., арх., сиб.) – глухой, сплошной, дремучий лес.

С. 657. ...знаменитые опоки. – Меловой известняк.

С. 660. ...«хлысты». – Хлыст – ствол поваленного дерева, от комля до вершины очищенный от сучьев и ветвей.

956

С. 661. ...густавовать бесконечную ценность жизни). – Выписки из записной книжки на Сухоне, в Котласе и т. д.: Лотовка – волжский плот (лот – груз назад). Полой – старицы, или проливы между островами на реке. Непокойный рельеф: террасы возле речек и т. п. Трелёвка – подвозка к основной магистрали. «Усы» – ветви основной магистрали. Рубка на прииск (ищут дерево данного размера). Обоновка: от бон.

Вычегодская дача (Котласск леспромхоза): Нюбский мех. лесопункт. Зимняя очистка (летом нет времени), но зимой возможно сжечь лишь на 80%.

р. Уфтыга – зимняя сплотка на 20%.

Паром – однопалубная весенняя сплотка.

Дябрино – запань возле Котласа.

Ошлоговать

Ледоход был по малой воде, пришлось плотины строить, собирать воду и так продвигать моль к запаням: 14 сооруж. на 1 километре.

Запань Шипицино, Забелинская запань, Марковская – все возле Котласа.

Речки песчаные, без резких падений.

«Веретья» = острова леса-беломошника среди болот: много диких оленей.

Глухари по соснякам, нет в ельниках (?) Медведи ближе к селени-ям (?)

Ссылных поселили в глухом лесу: рыбы им не хватало, охоту они не знали и разбежались.

Падь (так называется?) заросшая частым ельником.

Холодная ночь, на плоту огонек догорает... человек возится оагеркнуто: с рулем... Солнце восходит, морозит. Человек бросает огонь, берется за руль и греется.

Весна прошла на низком горизонте воды, вспыхнуло несколько дней и опять – на перекатах 8–10 см.

Первичный сплав заканчивается, и древесина из запаней разом будет модем пущена в Двину.

Исаков инж. (?) леспромхоза на р. Илеша (Пинега), к нему ехать. приписка: Устье Илеша.

Лобанов – зам. секр. райкома – сейчас в Горке.

Носанов Вас. Андр. – замест. дир. леспромхоза в Верхн. Тойме.

Ларионов Алекд. Мих. – уполном. Крайкома Архангельска. Петроградская, 139, кв. 4.

Савин – преде. Рика (сейчас в Горке).

Весной 31 года вырвался лес в море, и сейчас все берега Белого моря завалены лесом, и ушло много в океан.

Горохов Вас. Алекс. – директор Лесотехнич. института в Архангельске.

957

Лебедев проф. – отец сев. подсочки, однобокий пророк. Древнее смолокурение на Пинеге. Промколхозы на Пинеге.

Неуставные артели (колхозы 2 порядка): это из ссыльных, у них комендант.

С. 662. Затайка... – начало таяния снега.

Река вошла в урез. – Урез – линия пересечения водной поверхности реки с берегом.

...бор беломошник... – сосновый бор, растущий на почве, покрытой светлым мхом.

...стяга не вырубись. – Стяг – шесть, жердина. С. 663. Извоз... – деревня в Архангельской области. С. 664. ...каря... – ворона.

С. 668. ...«пинжаки» оказались тем самым народом, который 30 лет тому назад

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
огаровал меня в Карелии. – Речь идет о первом путешествии Пришвина в 1906 г.
С. 669. Дума о «загнанных в сузем» и погибших, втайне радуясь, что сам остался
в живых... – Аллюзия на древнегреческий миф «Странствия Одиссея». Ср.:
«Оставшиеся в живых поспешно погрузились на корабли и отплыли в сокрушение
великом о милых Мертвых, но радуясь в сердце, что сами спаслись от смерти» (пер.
В. А. Жуковского).
...улыбкой тайною природа... – неточная строка из романа А. С. Пушкина «Евгений
Онегин».
...канат из березовой вицы... – зд.: вица – искрученная, иногда свитая или
скрученная в два и три прута хворостина для связки.
...подохлупники... – Охлупь – гребень, верхняя грань, ребро крыши.
...чтобы князь не гнил... – Князь – верхний стык стропил и скатов: резная доска
по коньку; также верхнее бревно под коньком кровли.
С. 670. Есть ли кошки? – Кошки (местн.) – сухое место, лишенное растительности,
песчаная отмель в реках.
Ветровой... – сильный ветер.
...на стружках... – Стружок (арх.) – лодка, выдолбленная из осиновой колоды,
большею частью без пришивных бортов.
С. 671. Согра – (вологодск., арх., перм., сиб.) – болотистая равнина, с
кочкарником, ельником, вереском.
958
Керас. Керга – деревни в Архангельской области.
...путик: конгается избушкой... – Путик – тропинки, пробитые на участке для
охоты, на которые местные охотники делили между собой лес, чтобы не мешать друг
другу. Охотничий путик тянется на несколько десятков километров с избушками для
ночевки на всем протяжении, с капканами на зверей, с зарубками по пути, где не
может охотиться другой охотник.
С. 672. Бережину всю сплывили... – зд.: бережина – береговой лес.
С. 674. ...вывернутый кокорь. – Кокорь, кокора (диалект, сев.) – вывороченный
пень, пень с корневищем; также выкорь (арх.) – буреломное дерево, вывороченное
с корнем, бурелом, выкорча; выкорчеванный бурелом лес, пень.
С. 675. ...квартира в ОРСе... – ОРС – отдел рабочего снабжения.
С. 680. ...совсем как Дерсу. – см. коммент. к с. 249.
...как у героев Ибсена. – Возможно, описка и имеется в виду Гам-сун.
С. 681. Фаутные кусты... – Фаутные кусты, деревья – большие, гнилые,
дефективные.
...является сера... – смола.
С. 682. Найти карбас... – Карбас – гребное речное судно, иногда парусное.
С. 684. ...с кремневым ружьем «крынко й»... – Крынка – одноствольное дробовое
ружье системы Крынка (австрийского оружейного мастера Кренкетогенбурга), было
распространено в России до 1914 г.
...зеленеют наволоки... – Наволок – заливной луг, низменный берег реки.
«Усекомые» (искаж.) – насекомые.
Кагули (диалект.) – качели.
С. 685. ...пожни... (местн.) – покос, луг.
С. 686. ... (фарватер) прилук... – Прилука – лодка для сплава.
...уйти в Едому... – в лесную глушь.
...заказали два кукуля... – Кукуль (куколь) – капюшон.
С. 688. ...хорошенькие губки... – тонкие съедобные грибы желтого цвета, растущие
на белом оленьем мхе.
959
С. 688. Хонговое дерево = хонга... (арх.) – сухостойная сосна, или хоножник.
Ляга... (сев.) – непросыхающая лужа, колдобина, ямина с водой. С. 689. ...от
закорышей... – от червяков.
Губин великан, а режь его как у первобытных людей: короткие фразы (стихи)
изображают. – Губин станет прототипом одного из персонажей последней
повести-сказки Пришвина «Корабельная чаша» (1953) Мануйлы, который тоже будет
говорить стихами:
Ср.: «Речка Черная и речка Белая – две сестры.
Черная речка скорее сбегает в Пинегу,
И оттого Белая сестра сильной спешит.
Есть маленькая птичка на севере, и у птички маленькие лапки.
По берегу Черной речки бегают птичка,
Птичка сбегает, и на песке остается от лапок строчка,
На целый день на берегу Черной речки целая страница»
(Собр. соч. 1982–1986. Т. 6. С. 391).
С. 690. ...на рассошине... (местн.) – место разделения реки на два рукава.
С. 691. ...в своей становой... (...едомной) избушке... – Становая избушка –

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
специально поставленная избушка для приюта, встречается в Архангельском крае, в Сибири; едомная избушка – пристанище охотника в тайге (едома).

...оделся в лузан... (перм., сиб.) – род короткой рубахи без рукава, из войлока или холста, надеваемой поверх всей одежды для защиты от холода или мокроты. Табагный сук – сгнивший сломанный сук, древесина которого принимает бурый цвет и легко растирается в порошок; вызывает загнивание дерева.

С. 692. Перегарогная ложина... – зд.: болото, менее топкое, чем согра.

У каждого свои рубыши («знамя»). – Рубыши – зарубки на дереве топором в виде определенного, у каждого охотника своего знака («знамени»), отмечающего его территорию.

Ногевка на сендухе... – Сендуха – открытый двор, пространство при избе, «свежий воздух» – в отличие от закрытых помещений.

...не сiju на том путике. – Путик – см. коммент. к с. 671.

...кособолонная. – Винтообразное или спиральное направление волокон дерева, порок (кособолонность, косослой), который усиливается с возрастом дерева; доски из такого дерева коробятся; встречается у всех пород, особенно сосны.

960

Рашмак... – шест.

Пасынок... – не загнивший сук, почти вертикально вросший в древесину вместе с корой. Бревна с пасынком для распиловки непригодны – такой сук, не будучи связанным с древесиной дерева, выпадает из досок.

«Мороз»... – Морозобоина – продольная трещина, идущая к центру, образуется при быстрых колебаниях температуры.

...превратился в Мергеня. – Мергень (тоб.; от монг. mergeri) – смелый охотник, хороший стрелок.

С. 693. ...ельники долгомошники – лес на влажных болотистых почвах.

...зырянское... – коми-зыряне.

С. 694. ...пригина необходимости курной избы... – Курная изба – изба с печью без дымохода.

Шаста... (волог., арх.) – еловый мох, мшина на ельнике, мшарник.

С. 699. ...«под суслон»... (местн.) – несколько снопов, поставленных для просушки колосьями вверх, покрытых снопом.

Поймали в вершу... – Верша – приспособление для ловли рыбы типа ловушки в виде корзины с прутьяной воронкой.

С. 700. ...пожни: [пасут] лошадей). – Пожня – поле, которое можно пахать; на пожне пасут скот, так называют луг, покос.

С. 703. Прилук – (стрежень, основн. тегение). – Прилук (сев.) – внешняя, большая дуга берега – при луке, изгибе реки; стрежень – быстрая часть течения реки.

С. 708. Хорнема. – Название деревни.

С. 712. ...в пролубь... – прорубь.

С. 714. ...раскрылась на псалме: «Живые помощи»... – Пс 90.

С. 717. ...как «фрам» во льдах... – «фрам» (Fram – норвежек. «Вперед») – полярная шхуна, на которой совершали свои путешествия Ф. Нансен, О. Свердруп и Р. Амундсен.

С. 718. ...тащили обоновку и захватывали моль в громадный кошель. – Обоновка – запруда из бонов, который устанавливают направление молевому сплаву; различается сплав молевой (отдельными бревнами по течению), плотовый (связанные материалы буксируются судном) и кошельный, когда лес размещается в ограждениях из бревен – кошелях и транспортируется буксиром-теплоходом.

961

С. 718. ...«спорная вода»... – запруженная.

С. 720. ...от болот и зябели... – Зябель – зяблый, мерзлый хлеб, морозобитная нива.

С. 724. ...подтоварник... – круглый лесоматериал небольшого диаметра.

С. 730. ...а с Нёнаксы быстро нагиается перемена... – Нёнакса – деревня в Архангельской области.

...лес ужасный, непроходимый стал таким доступным и радостным... – Приписка: NB 1952 г.: «Эта запись от 25/VI 1935 г. раскрывает картину леса: как он приближается к человеку (как человек его приближает). Путешествие как средство открыть глаза на красотуazole себя (Московский лес)». Запись сделана в период работы над повестью-сказкой «Корабельная чаша», в связи с чем Пришвин перечитывает дневник путешествия на Пинегу.

Запись на листке, вложенном в тетрадь 1935 года:

«Кужим – приток Мезени, республика Коми.

Слуда – высокий берег реки.

Поветь – крытый двор, передызье – род сеней, соровато – захламлено, засорено.

Едомная избушка – таежное пристанище охотника, от слова едома – тайга; сузем –

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
дремучий лес; Летняя Песю – приток Мезени, не имеет водостока в зимнее время года, когда промерзают питающие ее болота к востоку от Мезени.
Збаться или зобиться – заботиться, беспокоиться, хлопотать.
Камень – гора или горная гряда с видимыми признаками высту-пающих горных пород.
Тропть (охотничий жаргон) – искать, распутывать след зверя.
Наволчный луг, от слова наволк – песчаный нанос, со временем поросший травой.
Рбышки – пометки топором, делаемые охотником на стволах де-ревяев.
Бор-беломошник, или просто беломошник, – сосновый лес, почва в котором покрыта белесым лишайником, разновидностью ягеля (оленьего мха).
Угр – холм, а также скат, склон холма.
Плиска – та же птица, что и славка или Черноголовка.
Щеврица – то же, что и лесной конек или лесной жаворонок, ер-ник.
Кошки – песчаные отмели на реке. Мень – мыс.
Зимник – дорога, становящаяся проезжей только зимой, когда за-мерзают часто встречающиеся на ней болота. Согра – еловое болото.
Сендух – открытый двор, пространство при избе, «свежий воз-дух» – в отличие от закрытых помещений.

962

Губки – тонкие съедобные грибы желтого цвета, растущие на бе-лом оленьем мохе. Окл, или околок, – часть деревни, расположенная особняком, часто на значительном удалении. Нередко в тех краях вся деревня со-стоит из нескольких окол, чаще всего под одним общим названи-ем».

С. 733. Конгено проявление. – Речь идет о фотографических плен-ках, которые хранятся в фотоархиве писателя.

С. 739. ...«любите ближнего»). – Мф 22: 39.

С. 745. ...искушение сатаны... – Мф 4:1–10.

С. 746. Любовь к Дальнему (к Богу), любовь к ближнему (гелове-ку). – К антитезе любви к ближнему и дальнему, сформулированной Ф. Ницше в книге «Так говорил Заратустра», Пришвин постоянно воз-вращается в разные годы, обнаруживая в современной жизни колли-зии, в которых оба моральных принципа актуализируются, иногда непримиримо сталкиваются, требуя переосмысления.

С. 748. Пушной номер «На Стройке». – Имеется в виду журнал «СССР на стройке» (1935. № 10. Окт.) – пропагандистский журнал, который издавался в Советском Союзе с 1930 по 1941 г. и в 1949 г. на четырех языках (русском, английском, немецком и французском). Журнал большого формата (А3) печатался на бумаге высокого качест-ва с использованием новейших технологий тех лет; ситуация запрета конструктивизма привела фотохудожников к фотомонтажу как к аль-тернативному способу самовыражения, дававшего к тому же возмож-ность не только активно участвовать в формировании нового худо-жественного направления, но и распространять результаты своих экспериментов по всему миру. Применение монтажа являлось отлич-ным способом подведения фактов под идеологическую основу: клей и ножницы в сочетании со стилистикой авангарда позволяли преобра-зить любую картину, превратив тем самым реальность в утопию. До-стижение этих целей, конечно же, требовало высочайшего качества исполнения, а потому к созданию «СССР на стройке» были привлече-ны лучшие из лучших фотографов и художников того времени. В на-стоящее время журнал считается одним из самых инновационных графических проектов XX в.

Номер посвящен пушно-меховому хозяйству СССР, в нем поме-щено восемь рассказов Пришвина, среди которых «Архары», «Пер-вый глухарь», «Зайцы», «Орел» и др., а также целый ряд фотографий работы Пришвина с авторскими подписями (см.: http://trendsetter.ru/art/ussr_in_construction).

С. 749. Объясагили. – обложить ясаком, податью.

963

С. 750. Материалы к роману «Нага л о века». – Ефим Несговоров (Н. А. Семашко). Встреча с ним в ? году у Е. Н. Ка-расевой, разговор.

Центры

Хрущево Новгород

Елец Елец-Хрущево

Тюмень Алексино

Рига Талдом-Москва

Лейпциг Переславль-Москва

Клин Загорск-Москва

Петроград

Как я начал участвовать в своих собственных похоронах (т. е. приводить в порядок свой архив).

Я был противником архивов вот почему. Сологуб, умирая, распо-рядился сжечь отобранный им сверток бумаг. Пришла комиссия и ре-шила не жечь. Спор: имела ли комиссия право не жечь. Я решил: не имела. Умерла Дуничка. Накануне я сумел

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru старушку занять, хорошо проститься. Не хотелось идти в крематорий. Почему бы не остаться со своим собств. впечатлением? Колебания. Бессознательно пошел. И по-нял во время похорон, что идти надо было непременно. Так потом из этого вывелось, что архивом надо непременно заняться и это равняется участию в похоронах самого себя.

С этого разу, т. е. после 10-го Июля (Кремация Дунички), и начал вписывать в эту тетрадку свою жизнь.

Рукой В. Д. Пришвиной: Подруга Глотовой В[арва]ра Петр. Глотов с женой Каля.

Глотова от отвращения к полу уехала от мужа. М. по-ехал уговорить жену вернуться и чистотой понравился ей. 10 дней ро-мана с В. П.

Рождение М. М. При-швина

Сдал экзамен в сельской школе в Хрущево

Поступил в гимназию в Ельце приписка: 1884 - 1-й, 85 - 2-й, 86 - 3-й, 87 - 3-й - 1873 г.

1882 (9)

1883 (10) 1-й класс

С[ело] Хрущево Соловь-евск. волост[и] Елецк. у[езда] Орл[овской] губ[ернии]

приписка: Учитель «Павел Васильевича

(Побег 1884 - 11 л.) Мила и Нолли Сказки Кота Мурлыки Всадник без головы.

приписка рукой В. Д. Пришвиной: книги, оставившие впечатление на всю жизнь, по мне-нию М. М., определив-шие его романтику и «путешествие»

964

Исключен из 4-го класса - 1888 (15)

Тюменское реал[ьное] - 1889 (16) училище поступил 6 Ноября

припыска: 90 - 5-й, 91 - 6-й

Окончил 6 классов

Красноуфимское про-мышленное училище

- 1892 (19)

(12/11)

- 1892 (19)

Экстерн, в Елабуге за 7кл.

- 1893 (20)

«Студент» (погоны) в Елабуге. 700 верст на извозчике зимой. При-влекли погоны (форма), как «у студента»

Кий о спину. Парикма-хер], бильярд, в Хру-щево как победитель

Жизнь у парикмахера, увлечение бильярдом. Соблазнил молодого парикмахера

бильярдом. Как теща настигла обоих молодых бил-лиардистов, отлуп. М. М. кием. В Хрущево явился как победитель.

1893 (20) Служащ. на ж. д. Жучка, Кютнер, Ром. Вас. На балу объяснилась, но не соблазнила. Анна Хар-ламп. К[ютнер] ее по-добрал. М. плакал, сде-лал предложение

Жучка (служащая на жел. дор.) на балу объяснилась, но не соблаз-нила. Роман

Васильевич Кютнер. Анна Харламповна. Кютнер ее подобрал, когда было уже поздно,

Миша плакал, сделал предло-жение.

Рижский Политех[ниче-ский] Институт приписка: (Химико-Аг-роном)

Летняя поездка на Кав-каз

Встреча с В. Д. Ульрихом приписка: и начало марксизма

оагеркнуто: Марксизм

Тюрьма

Елецкая высылка Поездка за границу

- 1894 (21)

- 1895 (22)

- 1895 (22)

- 1897 (24)

- 1898-

900

- 1900 (27)

1899 г. 25 Авг. 1-й раз-дел (25-27)

965

Берлин

1900 (27)

У[ниверсите]т Биолог, отд. полгода. Вагнер. Жучка с К. в Б[ерли]не

в валенках

Иена

Лейпциг - сдал экзамен

Университет Биологич. отд. полгода. Увлечение Вагнером. Встреча с Кютнером и

Жучкой в Берлине, она опустила, в валенках. По-видимому, любила Мишу.

1901 (28) На лето в Иен. У[нивер-сите]т (горы) Тюринген. Вартбург, замок

Мей-стерзингеров

дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
1902 (29) 1/ш 1902 сдал экзамен. В коммерческом Инст. один м-ц. Профессор
Комм. Арифм[етики]: «неужели вы ничего другого не можете вы-брать». И поступ. на
Аг-роном. У Еврейки-Про-фессорши. Роман «Идиота» – Клумова, Глотова, Анна Ив.
Париж

- 1902 (29)

Возвращение [в] Россию – 1902 (29) Граф Бобринский - 1902 (29)

Агрономия в Клину – 1903 (30)

Встреча с Варварой Пет-ровной

Работа на его хуторе

Е. П. Жил с Петром Карл. Малявским, сек-ретарем Земства

Встреча с Ефр. Павл. Прислуживала им. Нелюбимого мужа бросила в деревне

(Бадыгина). Ребенок Яша оставался в деревне. приписка рукой В. Д.: М. М. думал,
что ребенок не от Бадыгина.

Агрономия в Петровском – 1904 (31)

Е. П. с Яшей. Рождение Сережи. У Прянишни-кова, вегетацион. лабо-ратория, работа
на опытной станции

Работа на опытной станции у Прянишникова, вегетацион. лабора-тория.

966

Петербург - 1905(32) Уехал один. Жил на Ва-

сильевском] ост. 13 ли-ния. Лидочка и горбунья

Как помогал устраивать брак горбуньи из жалости к ней с моряком, обязанность
которого была писать ей письма из кругосветного пу-тешествия. Первый рассказ не
напечатанный и пропавший «Домик в тумане» об этой истории.

Примегание: Мать, еще молодая, влюблена в Мишу, Мише нравит-ся хорошенькая

Лидочка, которая ему признается, что от кого-то беременна, все вместе устраивают
брак горбуньи. Мать, почуяв не-что между Лидочкой и Мишей, отказывает Мише от
комнаты. В мо-мент разгрома является Ефр. Павл.

лесной - 1905(32) Приехала Е. П. с Яшей

и больным Сережей (|) около Рождества. «Елка нелепая». Жил журна-лом «Опытн.

Агроно-мия», компиляции

Приехала Ефр. Павл. с Яшей и больным Сережей, который умер около Рождества.

«Нелепая елка», М. М. вспоминает ее всегда с ужасной болью, чувство одиночества,
неустроенность. Жил жур-налом «Опытная агрономия», компиляциями.

Луга-Заполье – 1905 (32) Агроном на Опытн.

станции [Череменец-кий] монастырь. Выгна-ли за розы которые он отказался

прислать про-фессору Глазенапу. Проф. Глазенап, местн. помещик попечитель

М[алая] Охта - 1905- Рождение Левы. Бу-

1906 (33) дильник (Латыш). «Де-док». Родник. «Домик в тумане»

Рождение Левы, история с будильником (латыш-часовщик чинил будильник плохо, Миша

пошел объясняться, латыш был груб или нечестен. Миша вспылil, в разгаре спора

стал бить витрины и стас-кивать все часы со стен за маятники, его окровавленного

повели в полицию вместе с латышом. Какой-то полк, чин из восточных стал на

сторону Миши). Первый рассказ в «Роднике» – «Дедок».

Песочная ул. – 1909(36) Рождение Пети. Религи-

озно]-ф[илософское] о[бщест]во

967

Загеркнуто: Ропшинская ул. Смоленск, губ. - 1909 (36)

Брынь

1910

Сгорел 14 Сент. Золото-ложская ул. (Александ-ро-Невская лавра). Ал. Толстой –
бумажки

Сгорел 14 Сент. См. рассказ «Мои тетрадки». Золотоножская ул. (Ал

ександро-Невская лавра). См. запись встречи с Алексеем Толс-тым в дневнике 1941
г.

Белев Новгород

1911 1911

Песочки

Елец

Хрущево Петроград

1912 1913

- 1914 (41)

[неск. деревень]и горо-дов, Песочки приписка: Лаптево Ропшинская в деревне

Лаптево от ко-маров под окнами кост-ры. Жил из-за леса, для охоты.

Зимой квартира на Роп-шинской ул. на Петер-бургск. стороне в 2 комн.

Ушаков

Фортиф. – Песочки на реке Шелонь снимал лес 3000 десятин за 30 р. де-ревня Мшага
(для охоты)

Песочки. Новг. в Вели-бугах.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Смерть Марии Ивановны

1915 Сент. 25 2-й раздел (42)

1917– На 12-й линии у Мар. 1918 Мих. Раздольской около (44–45)

Ремизова.

(Козочка)

Секретарь Помощника Министра в Мин-ве Торговли. Хлеб

968

Хрущево–Елец

1919

Елец

М[алый] Починок Следово, дер. Е. П., ур. Бадыкина, по мужу Смогалева

Алексино

1920

– 1920 (46)

– 1920(47)

Роман с С. П. Отъезд Еф. П. с Н. М. и Петей, беременна Мишей.

20/11919 Смерть Ник. Мих. по пути из Дорого-бужа на службу, найденную ему М-ом

18/6 выехали из Ельца в Дорогобуж

Учитель русск. яз. в 2-й ступени. 18 верст ходил за кисл. капустой, овсом и

махоркой (паек). Сапоги

Как отец ученика подарил ему сапоги (ходил в лаптях).

Иваники – 1921 (48) Батищевская оп[ытная]

станция. Энгельгарды приютили, кормили

Дубровка – ул. Герцена – 1922 (48) д[убров]ка у Клычкова

Жил у Клычкова в Дубровке, в Москве для приездов имел комнату в доме Герцена.

1923 (49) 3/VIII 24 ук[усила] бе-

Костино – ул. Герцена

Переславль

Сергиев-Загорск Загорск

Поездка на Дальний Восток

ш[еная] кошка

1925–1926 (53)

1926 (53)

1927 (54)

1931 (58)

1932 (59)

1933 (60)

1934 (61)

1928 (55)

1929 (56)

1930 (57)

Автомоб. в ноябре. «Жень-Шень». Гибель РАППа

969

Весной на Север, на Пи- – 1935 (62) «Жень-Шень» по-не-
негу мецки.

Поездка. Север

Поездка в Кабарду – 1936 (63) «Ж. Ш.» по-англ. Поезд-

ка на Кавказ

Весенняя и летняя рабо- – 1937 (64)

та по охране леса в Те- 1938 (65)

ребреве близ Загорска 1939 (66)

1940 (67)

1941 (68)

1942 (69)

1943 (70)

Брат Сергей – доктор, умер от тифа на Кавказе в нач. револ. Жена Мария Никол.

Ал[ексан]др – доктор, умер в Лебедяни от тифа (Маруха) нашли в овраге; ушел от

жены с «Марухой», ее нашли мертвую в овраге. Лазарев Мар. Ник.

(жена Лопатина) посоветовал бежать Оля, Катя

Роман Николая, как любил, решил жениться, сел не на тот поезд, из-за этого брак
расстроился.

Искательство и неудовлетворенность у всех, видимо, от Маши, Игнатовых.

Сестра Лидия р. 1866 г.

ум. 1918 г.

В младенчестве умер брат Дмитрий, сестра Мария.

Города, в которых я был.

1. Елец (Орл. г.) +

2. Белев (Тул. г.)

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

3. Москва +
 4. Тюмень + Красноуфимск. Елабуга.
 5. Рига + Владикавказ. Тифлис. Батум.
 6. Берлин
 7. Иена
 8. Лейпциг +
 9. Париж +
 10. Петербург +
 11. Клин +
 12. Дорогобуж
 13. Брынь
 14. Тула
 15. Орел
- Александров Варде
Гоммерфсон Трандгейм Стокгольм Гельсингфорс Омск – Павлодар – Каркаралинск +
Нижний –
Варнавин + Светлое озеро
Царское село
Ялта +
Бахчисарай
Симферополь
970
16. Мценск
 17. Новгород +
 18. Псков
 19. Ревель
 20. Петрозаводск S Повенец Архангельск
S Кемь

Севастополь Феодосия Талдом + Переславль + Свердловск Сергиев-Загорск +
Владивосток Нальчик + 51 город.

1873. Рождение Михаила Пришвина.

23-го января. Отец Мих. Дмитр. Пришвин, мать Мария Ивановна, урож. Игнатова, из Белева. (Имеется метр, выпись.) Родился в с. Хрущево, Соловьевской волости, Елецкого уезда (12 в. от Ельца, Орловск. губ.). Имение Хрущево досталось отцу при разделе купеческого дома Пришвиных в Ельце, с чем-то 200 десят. Раньше имение принадлежало дворянам Левшиным. В 6 верстах от этого имения матери моей при выходе ее замуж было куплено 100 дес. земли, хутор Васильевское. При типичных дворянских условиях внешней жизни (имение – типично дворянское, соседи: крупные либеральные дворяне Стаховичи, средние Ростовцевы и всякие мелкие) кровь моя сложилась из крови трех пород купечества. По отцу Пришвины – крупная елецкая буржуазия, не даровитая, но степенная. Впрочем, во время деда Дмитрия Ивановича дом разлагался. И отец мой не торговал, а занимался в имении любительством: был коннозаводчик, садовод и стрелок. Он проиграл имение в карты и оставил мать мою всю жизнь «работать на банк». Другая порода купцов была Горшковы: моя бабушка, жена Дмитрия Ивановича: Мария Петровна Горшкова. И дом Горшковых ко времени моего рождения разлагался, как и дом Пришвиных. Но Горшковы были все даровитые, и закончился даровитыми чудаками вроде описанного в «Кашеевой цепи» художника Михаила Николаевича Горшкова. Третья порода – это по матери Белевские купцы Игнатовы, лесного староверского рода. Их дом, разлагаясь, закончился целой плеядой революционеров, из которой в «Кашееву цепь» вошли «Дунечка» (Евдокия Николаевна Игнатова, скончалась в доме ветеранов революции в 1936 г. 84 лет от роду), «Гарибальди» (Илья Николаевич Игнатов, известный сотрудник «Русских Ведомостей») и «Марья Моревна» (Мария Васильевна Игнатова, превращенная в «Кашеевой цепи» в дворянку).

До меня родились и умерли во младенчестве брат Дмитрий, сестра Мария (смерть Мани смутно помню). Сестра Лидия (род. в 1866, умер. 18?), брат Николай (1868–1919), Александр (1870 – | до рев.) и Сергей (1875 – в нач. рев.)

На полях:

Пришвины (купцы), Игнатовы ([Ветераны] революции), Горшковы (Чудаки). Среда: дворяне, народники. Дунечка.

971

На полях, рукой В. Д.: брак в 1861 г. М. И. – 19 лет.

Пожар

Начало века. Конец России Интеллигенция и народ Петербург как война и мир:

Деревня вся Россия Елец Идея: Китеж

Объем рабочих: 1905 г. – 1919

Драка за имя Бога, значит не

надо называть имени, а бороться за жизнь, не называя имени.

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Приняв готовность на все страдания, доказать силу жизни и развить эту радость насквозь

Гореть – так всем гореть: и поджигали на пожаре уцелевшие дома
Лица:

Алпатов: писатель: для всех ясно, что искусство не жизнь, а вид – это жизнь.
Легкобытов. Мережковский и вся интеллигенция. Распутин: не личность, а легенду.

Начало романа: Семашко из заграницы (Ефим Несговоров) свидание у «Женички»: спор за личность, за самость – с одной стороны, с другой – за «этическое».

Далее выписки из Гёте» Гете. Страдания молодого Вертера.

– Эти дураки и не замечают, что дело не в месте, и что весьма редко тот, кто занимает первое место, играет при этом и первую роль. Сколько королей, которые в руках у своих министров, и как часто министром управляет его собственный секретарь! Кто в таком случае первый? Тот, полагаю, кто видит дальше и глубже других и достаточно хитер и ловок, чтобы использовать силы и страсти людей для выполнения своих замыслов.

– Часто оказывается, что мы с нашим лавированием и шатанием из стороны в сторону достигаем большего, чем другие с их парусами и веслами, и – тогда мы приходим к действительному познанию своих сил, убеждаясь, что не только не отстаем от других, но подчас даже обгоняем их.

– Я мог убедиться на этом (т. е. на рассказах сказок детям. – М. Д.), что автор, выпуская свой рассказ вторым, исправленным изданием, неизбежно вредит этим успеху своей книги, даже если она в по-этическом отношении стала и вдвое лучше.

– На свете весьма редко приходится иметь дело с «или – или», чувства и образы действий имеют столь же многообразные оттенки, как и носы, начиная от орлиного и кончая вздернутым («попугайчиком». – М. П.).

– Во мне просыпается такое чувство, словно меня разжаловали, лишили чести и отняли у меня шпагу.

– Как я счастлив, что мое сердце способно перечувствовать простое, бесхитростное блаженство человека, принесшего к столу своему

972

качан им самим выращенной капусты; радость его – не в ней одной, а в прожитых веселых днях – в том светлом утре, когда он посадил ее, в отрадных вечерах, когда он поливал ее и любовно следил за успешным ростом – все это он переживает теперь в одном счастливом мгновении.

Отчего это? когда я читаю памятники искусства, которые никогда не читал, то они иногда кажутся близко знакомыми и даже сам делаешь то самое? Очевидно, был какой-то посредник культуры, через которого и воспринял классика. (Это – интимность, дневники в романах Гёте, напр., лирические записки в начале некоторых глав).

– Глупцы и умные люди равно безвредны. Опасными являются полуглупцы и полумудрецы. (Гёте. Избирательное средство.)

Романы Гёте похожи на те оперы, где поют-поют и вдруг заговорят. В сущности эти «разговоры» в его повестях...

– Нужно вести пеструю и шумную жизнь, чтобы терпеть вокруг себя обезьян, попугаев и негров. (Изб. средство.)

– Пусть каждому будет предоставлена свобода заниматься тем, что его привлекает, но подлинным предметом изучения для человека есть человек. («Избирательное средство»)

– Достоин уважения лишь тот естествоиспытатель, который умеет описать и изобразить самое чуждое и курьезное в природе вместе со всем окружением, в его доподлинной собственной стихии». (Изб. ср-во.)

Вот происхождение моего Курьмушки: Глава VIII («Изб. средство» Гёте)

«Лишь немногие умеют заниматься недавним прошлым. Нас либо с силою приковывает к себе настоящее, либо мы теряемся в прошедшем, стараясь по возможности вызвать и восстановить давно и окончательно утраченное. Даже в знатных и богатых семьях, которые многими обязаны своим предкам, нередко наблюдается, что о деде больше помнят, чем об отце».

«Все совершенное в своем роде должно выходить за пределы своего рода, оно должно стать чем-то другим, несравнимым. Во многих звуках соловей – еще птица; затем он взвизгивает над своим классом и словно пытается показать остальным пернатым, что значит – петь».

Гёте сказал о своем творчестве, что он ничего не придумывает, что «мир гениальней моего гения».

С. 750. Много боляжек залежала свободная продажа хлеба. – Решением партии и правительства колхозная торговля хлебом разрешена только после 15 января 1933 г., после полного выполнения хлебозаготовок по Союзу; затем появилось Постановление СНК СССР № 581 «О дополнении списка городов, производящих свободную продажу

973

хлеба в магазинах НКСнаба СССР» от 19 марта 1934 г., в котором кроме списка городов определялись начало и размеры продажи хлеба.

С. 761. Результат моей статьи «Переславские круги»... – Ср.: «Помню, какой-то иностранец, молодой человек в плаще появился на берегу Плещеева озера в Переславле-Залесском. За день он пешком обошел озеро кругом и уехал. Мне говорили, что его поразила река Вёкса, вытекающая из Плещеева озера: таких капризно-диких рек будто бы в Европе уже больше не увидишь. Благодаря этому иностранцу я с особенным вниманием смотрел на эту речку и вместе с другими любителями красивых памятников природы защищал от рубки многолетние сосны на кручах этой реки. ... Теперь эти кручи срубили: остались пни и голый песок» (Известия. 1935. 19 мая; Творить будущий мир. С. 173–174).

С. 772. ...пар валит от коры дерева... – Вклеена газетная вырезка «Академия»:

★ НЕМЕЦКИЕ РОМАНТИЧЕСКИЕ ПОВЕСТИ. 2 тома. Антология художественной прозы немецких писателей-романтиков, содержащая образцы философской, исторической, фантастической, сказочной и драматической повестей гейдельбергских и иенских романтиков. В частности, впервые на русском языке появляется почти вся проза немецкого классика-новеллиста Клейста. Книги снабжены историко-литературными комментариями и вступительной статьей Н. Берков-ского.

★ «ВОСТОК» – сборник № 2, в котором собраны произведения наиболее ярких классических поэтов Ирана – от Фирдауси (X век) до Джамии (XV век), в творчестве которых отражены как идеология господствующего класса феодалов Ирана, так и основные направления поэтических школ. Большинство этих произведений печатается на русском языке впервые.

★ НАРОДНЫЕ РУССКИЕ СКАЗКИ – А. Афанасьева – основное собрание русского крестьянского сказочного творчества середины прошлого века. Новое полное издание снабжено научными комментариями и многочисленными иллюстрациями. Издательство Академии архитектуры: (Вышли)

★ О ЗОДЧЕСТВЕ – новый перевод с латинского оригинала классического труда великого итальянского зодчего эпохи Возрождения – Леоне Альберти. I том. Сочинение Альберти, один из основных теоретических трудов итальянского Ренессанса, впервые появляется на русском языке в полном виде.

★ БЕСЕДЫ ОБ АРХИТЕКТУРЕ – И. Маца. В книге в популярной форме излагаются основные вопросы теории архитектуры и основные задачи архитектурной практики.

974

С. 775. ...где живет и она. – Имеется в виду Варя Измалкова, первая любовь Пришвина, о которой он вспоминает всю жизнь.

А фацелия с телами и рыдающий агроном Зубрилин? – Сюжет, всплывший из далеких глубин памяти, когда Пришвин в бытность свою агрономом в начале XX в. ездил по Клинскому уезду Московской области «по делам травосеяния», воспроизводит неожиданный разговор с попутчиком о любви; этот разговор в разных вариантах возникает в дневнике Пришвина несколько раз, пока в 1940 г. не реализуется в поэме «Фацелия» (первая часть книги «Лесная капель»). Ср.: «–А была ли у вас, – спросил он, – когда-нибудь своя фацелия? ... была ли она? – Я понял и ответил, как подобает мужчине, что, конечно, была, что как же иначе... – И приходила? – продолжал он свой допрос. – Да, приходила... – Куда же делать-то? – Мне стало больно. Я ничего не сказал, но только слегка руками развел в смысле: нет ее, исчезла. Потом, подумав, сказал о фацелии: – Как будто ночевали синие птицы и оставили свои синие перья. – Он помолчал, глубоко взгляделся в меня и заключил по-своему: – Ну, значит, больше она уже не придет» (Собр. соч. 2006. Т. 3. С. 7–9).

С. 781. ...сели на дифференциал... – устанавливается между приводами колес (межколесный дифференциал).

...на ржанице... – поле, с которого убрана рожь в текущем году.

С. 784. Не эта ли былина легла в основу «Дубровского»? – Имеется в виду повесть А. С. Пушкина «Дубровский» (1832–1833).

...после него монастырь... Спас-Закубежье... – имеется в виду Успенский Дубенский Шавыкинский монастырь (Шавыкинская пустынь). В первой половине XVIII в. располагался на острове, омываемом речками Дубной, Дубенкой, Быстрицей и Вытраской; упоминается в житии Сергия Радонежского как один из основанных им (монастырь «на Дубенке», «Пресвятая Богородица честнаго ея Успения на острове, иже есть на Дубенке»); село Спас-Закубежье находилось на левом берегу р. Дубны. ...ни в гох ни в сон не верит... – т. е. не суеверен и ничего не боится.

...когда еще и Ленин охотился... – цикл рассказов «Ленин на охоте» был опубликован в 1926 г., затем вошел в цикл «Охотничьи были» (Собр. соч. 1982–1986. Т. 3. С. 380–384).

С. 791. заворонка... (прост.) – путаница, замешательство, неожиданное осложнение. После принятия Земельного Указа от 9 ноября 1906 г. (П. А. Столыпин)

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru и разрешения крестьянам выходить из общины и закреплять полученный надел земли в собственность, в России начинается елutorское движение. Пришвин наблюдает развитие реформы на родине в Хрущеве (Елец) (Ср.: Ранний дневник. С. 317–470). Очерки Пришвина на эту тему публикуются в газете «Русские

975

ведомости» и в журнале «Заветы». Многие из них впоследствии вошли в книгу «Заворошка» (1913), в предисловии к которой Пришвин пишет: «Первая часть этой книги – "Родная земля" представляет собой отклики деревенской жизни родного мне края; вторая часть, "Новые места" – впечатления от поездки с переселенцами в сибирские степи» (Собр. соч. 1982–1986. Т. 1).

С. 794. ...видел сигнальный экземп. «Севера». – Имеется в виду первый том Собрания сочинений в 4 томах (1935–1939), которое Пришвин в это время готовил. ... (как ярко это у Толстого: убил жену! прекратить род!) – Имеется в виду главный герой повести Л. Толстой «Крейцера соната» (1889) Позднышев, убивший жену из ревности. В повести Толстой призывает к отказу от «половой страсти» как «страшного зла»: «Ну, а если есть цель жизни, то ясно, что жизнь должна прекратиться, когда достигнется цель. ... цель человечества – благо, добро, любовь. ... Мешают страсти. Из них самая сильная, и злая, и упорная – половая, плотская любовь, и потому если уничтожатся страсти ..., то ... цель человечества будет достигнута, и ему незачем будет жить. ... Род человеческий прекратится? Да неужели кто-нибудь, как бы он ни смотрел на мир, может сомневаться в этом? Ведь это так же несомненно, как смерть. Ведь по всем учениям церковным придет конец мира, и по всем учениям научным неизбежно то же самое. Так что же странно-го, что по учению нравственному выходит то же самое?» (Толстой Л. Н. Крейцера соната // Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. М., 1982. Т. 12. С. 146–147).

... (а Розанов, бросающий гения через воронку в ад)... – Пришвин имеет в виду размышления Розанова в «Уединенном» (1912) об И. Е. Репине, личность которого Розанов воспринимает с точки зрения ключевой для русской культуры установки на принципиальное единство, нераздельность жизни и творчества художника. В Репине Розанов видит отсутствие этого единства, раскол – страшное «сочетание гения и уродства», «ложной, притворной жизни»: «Как это печально и страшно. Верно, я многого не понимаю, так как это мне кажется страшным. Какая-то "воронка в глубь ада"...» (Розанов В. В. Поли. собр. «опавших листьев». Кн. 1. Уединенное / Под ред. В. Г. Сукача. М.: Русский путь, 2002. С. 48; коммент. А. Медведева). С. 795. (Пик Сталина). – Имеется в виду вершина Западного Парамира, которая в 1932 г. была названа пиком Сталина (7495 м.); впоследствии переименован. У Розанова жена поглощает мужа... – Ср.: «Океан – женщина. Материк – мужчина. И бури и тишина, и влага и опасность. И крепость и первобытность и потопление»; «Жена входит запахом в мужа и всего его делает пахучим собою; как и весь дом. ... Все шила. И "приши-

976

ла" к себе тело мужа, душу его, биографию его, "все" его»; «Нет Шперка, а есть Анна Лавровна. Я безумно его любил за это ("отречение от себя", "от эгоизма", от гордости и самолюбия)» (Розанов В. В. Опавшие листья. Короб второй и последний (1915) // Розанов В. В. О себе и жизни своей. М., 1990. С. 568–570).

...у Толстого муж убивает жену. – См. коммент. к с. 794. С этой нигилистической позицией Толстого Розанов полемизировал в статье «Кроткий демонизм» (1897). Считая, что деление любви на «земную» (плотскую) и «небесную» (духовную) в корне порочно, Розанов воспринимает любовь в целомудренном единстве: плотская любовь «как радостный долг и вместе невыразимое счастье бытия, исполненное таинственного содержания и религиозной высоты» (Розанов В. В. Соч.: в 2 т. М., 1990. Т. 1: Религия и культура. С. 205; коммент. А. Медведева).

...сделать, чтобы рождающая женщина стала Мадонной ... А ведь так же оно и есть у Христа (а сделала порошным церковью). – В этой устремленности Пришвина к идеалу «святой плоти» – философские установки Розанова. Так, последний отмечал, что впервые «обожение тела», его неуменьность удалось изобразить итальянским художником эпохи Ренессанса: «Под кистью Корреджио (любимая тема его – "святая ночь", минута рождения) задрожало святое тело. .. Гера на-конец родила; и все так же осталась нетленной. Теперь, умиленно смотря на нее, с материнской нежностью склоненную над младенцем, мы понимаем, что есть в телесном – ноумен, перед которым молитва есть истинная и истинному дань. Нравственное и прекрасное, телесное и духовное, земное и божеское – все в каждой матери, но все особенное – в Единой Небесной Матери» (Розанов В. В. Афродита-Диана (1899) // Розанов В. В. Собр. соч. Во дворе язычников. М., 1999. С. 71); «Только в дивном, небесном искусстве Рафаэля, который, кажется, не дал не только ни одного изображения Христа в "училище", но везде взял Его "младенцем" и в связи с присутствующей тут же земной "Матерью" – сказалась реакция к Востоку, постижение "ясней" и окружения "пастухов" и "стад"» (Розанов В. В. Иродова легенда (1901) // Розанов

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
В. В. Собр. соч. В мире неясного и нерешенного. М., 1994. С. 46–48).
В характерном для европейской цивилизации просвещенческом расколе «идеального» и «животного» Розанов видел причину «пас-сивной», номинальной семьи, нигилистического отношения к полу. Этот раскол, по Розанову, возникает в христианском богословии, где существо Божие, отождествляясь с «творческим разумом» Аристотеля, монофизично противопоставляется «плоти», «вопреки глаголу «яслей», «Вифлеема», «стад животных», окруживших рождение Спасителя, и поклонившихся Ему "волхвов" "с Востока"». Таким образом, Библия, по Розанову, в отличие от богословия являет реабилитацию плоти: «во-площение» («Слово – плоть бысть и вселися в ны»)

977

«составляет первый глагол Евангелия»; «Бесспорно, что в существо христианства ("во-площается") входит именно просветление пола и полового; что тайна – почему Слово предвечное ... избрало "материнские" для этого пути ... содержит в себе такое освящение на-чал "материнства" и "семьи". ... Вот евангельская часть освящения "брака", в его реальном существе, не только не противоречащая поло-жительному ветхозаветному учению о поле, но и раздвигающая его до небесных черт» (Розанов В. В. Женщина перед великою задачей (1889) // Розанов В. В. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 1: Религия и культура. С. 236,239).

Позже в нигилистическом отношении к плоти Розанов обвинил католицизм, который «не понимает существа воплощения» (Розанов В. В. Иродова легенда (1901) // Розанов В. В. Собр. соч. В мире неясного и нерешенного. М., 1994. С. 47), и Православную церковь с ее монофизичностью и аскетизмом: «Церковь Православная моно-физична ... в той тенденции, что из "воплощения Сына Божия" изъела собственно "плоть", "воплощение" ... не допускает религи-озному свету проникнуть в материю, в жизнь, в человеческие отно-шения» (Розанов В. В. Русская Церковь (1906, 1909) // Розанов В. В. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 1: Религия и культура. С. 341–432; коммент. А. Медведева).

...снять покрывало Майи. – Впервые встречается в инд. текстах упанишад; в философии Шанкары является обозначением «перевер-тывающего» преобразующего принципа, определяющего существова-ние мира. На Западе это слово стало известно благодаря выражению Шопенгауэра «покрывало Майи», выражающем иллюзорный харак-тер мира.

С. 796. ...конец Ины... – Ина Ростовцева – персонаж романа «Ка-щеева цепь», прототипом которого является Варя Измалкова.
Не оспаривай глупца. – Строка из стихотворения А. С. Пушкина «Памятник» (1836).

С. 797. ...немеги бисер перед свиньями... – Мф 7: 6.

...надо геловеку в обществе надевать маску и строить лигину. – Маска как способ защиты личности в чуждом или опасном окруже-нии, как свобода в выборе модели поведения – все это Пришвин по-нимал еще в 1930 г. («23 декабря. Нельзя открывать своего лица – вот это первое условие нашей жизни. Требуется обязательно мина и мас-ка»; «20 ноября. Игра двумя лицами (маскировка) ныне стала почти для всех обязательной. Я же хочу прожить с одним лицом, открывая и прикрывая его, сообразуясь с обстоятельствами»); и его собствен-ная личина охотника, человека, ведущего странный на общепринятый взгляд образ жизни («Левин читал меня и восхищался, но когда побы-вал у меня в крысиной комнате в д[оме] Герцена, раззнакомился»), писателя, чуждого писательскому сообществу в том виде, в каком оно

978

существовало в столице в эти годы, исключенного из общественной писательской жизни: к примеру, его не выбирают в Президиум на Первом съезде писателей («64 чело-в. президиум: меня не выбрали: и хорошо, и неприятно: хорошо, что я в оппозиции, что я свободен и могу всегда исчезнуть незаметно, плохо же...»), да и выдержать стиль («съезд проваливался: докладчики, начиная с Горького, читали по на-печатанным докладам ... Болтовня ... интервью, снятие»), он не способен («я решил на день-два сбежать в Загорск ... Счастье вернуться к себе, быть у себя. А съезд все идет»). Его никогда не при-глашают вместе с другими в особняк Рябушинского, где обитал Горь-кий и где проходили писательские вечеринки – да и представить себе Пришвина на таком рауте невозможно: он не только не светский чело-век, а совершенно напротив, он скорее человек сознательно выбирающий если не маргинальный, то уж точно полумаргинальный образ жизни («Покупка домика ... в Переславище очень занимает меня ... что-то вроде пустынножительства»). В том-то и дело, что своим образом жизни Пришвин пытается совместить культуру (творчест-во) – пространство свободы, и свой образ жизни, который одновре-менно и органичен для него, и является маскировкой – скрывает суще-ство его личности и творчества (дневник). Пришвин обнаруживает, что личина, маска и его полумаргинальная жизнь, его хитрость и юрод-ство уходят корнями в традицию русской литературы и имеют в куль-туре высокий смысл – борьбы со злом средствами

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru искусства («творчество есть оагеркнуто: великая маскировка великое скрывание (напр., Толстой) или даже создание липа, личности, единства, закры-вающих зло»). В то же самое время все это оказывается результатом почему-то неизбежной вековой борьбы – по крайней мере, он без-ошибочно определяет в московской толпе иностранца – по поведе-нию и по лицу («лицо человека без промежуточного слоя животно-живой хитрости»). См. также коммент. к. с. 596.

С 802. ...писался герез десятиригное «і», другой мир писался герез «и» восьмиригное... – реформа орфографии (1918) упростила алфавит, и буква «ижица», которая обозначала гласный «и» в немногих словах греческого происхождения, была упразднена.

С. 810. ...юрдство церковью допускалось неохотно, и правильно: с ним легко попасть на путь своеволия, демонизма (хороший пример сам Розанов). – Об отношении официальной церкви к явлению юродивых Г. П. Федотов писал: «Лишенное церковного признания и благословения с XVIII века, русское юрдство не могло не выродиться, хотя мы лишены возможности определить степень его уклонения от древних образцов. ... На Москве власть, и государственная и церковная, начинает подозрительно относиться к блаженным. Она замечает при-сутствие среди них лжеюродивых, натурально безумных или обман-щиков. Происходит умаление и церковных празднеств уже канонизи-

979

рованным святым (Василию Блаженному). Синод вообще перестает канонизировать юродивых. Лишаясь духовной поддержки церковной интеллигенции, гонимое полицией, юрдство спускается в народ и претерпевает процесс вырождения» (Федотов Г. П. Святыи Древней Руси (1931). М., 1997. С. 180, 189). Начало восприятию Розанова как юродивого в негативном смысле положил В. П. Буренин статьей «О литературном юрдстве и кликушестве» (1895). В положительном смысле об юрдстве Розанова писал А. М. Ремизов: «Во дни протопо-па этот простой "русский природный язык" (со своими оборотами, со своим синтаксисом "сказа") в противоположность высокой книжно-письменной речи "книжников и фарисеев" в насмешку, конечно, и пре-зрительно называли "вяканьем" (так про собак: лает, вякает), как ваше "розановское" зовется и поныне в академических кругах "юрдством". ... "розановский стиль" – это самое юрдство – это и есть насто-ящее, идет прямой дорогой от "вяканья" Аввакума из самой глубли русской земли» (Ремизов А. М. «Воистину». Памяти В. В. Розанова (1926) // В. В. Розанов: рго et contra. Личность и творчество В. Роза-нова в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология: В 2 кн. / Сост., вступ. ст. и примеч. В. А. Фатеева. СПб., 1995. Кн. 2. С. 354). Подробнее о юрдстве Розанова см.: Фатеев В. А. «...Я шалу-нок у Бога» // Литературоведческий журнал. М., 2000. № 13/14. Ч. 1. С. 5–26; коммент. А. Медведева).

С. 812. По методу «епитимьи»... – Епитимья (грег. наказание) – исполнение исповедовавшимся христианином по назначению духов-ника тех или иных дел благочестия; имеет значение нравственно-ис-правительной меры.

С. 817. ...«и на земле мир»... – Лк 2:14.

С. 825. Заседание президиума: молгалины... – Аллюзия на комедию А. С. Грибоедова «Горе от ума» (1824) и одного из ее главных персо-нажей Молчалина.

С. 833. ... (одно виденье, непостижимое уму). – Аллюзия на стихо-творение А. С. Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...» (1829) воз-никает в связи Варей Измалковой, которая снится ему всю жизнь.

С. 834. Читал знаменитое письмо 9/Х12 г. – Имеется в виду об-мен письмами с Варей Измалковой, что произошло один раз в 1912 г. Тогда же Пришвин послал ей свои книги с надписью: «Помните свои слова: "Мое лучшее, да, лучшее навсегда останется с вами!" Забыли... А я храню ваш завет: лучшее со мною. Привет от Вашего лучшего» (ср.: Ранний дневник. С. 5–174).

С. 839. Смотрел Аэроград. – Имеется в виду фильм А. Довженко «Аэроград» (1935), снятый при поддержке Сталина; по сценарию го-

980

род строят на том месте, где позже построили город-порт Советская Гавань (Дальний Восток).

«Русское богатство» и «Аполлон»... – литературный, научный и политический журнал «Русское богатство» народнического направ-ления, один из крупнейших ежемесячных журналов второй половины XIX в., возник в 1876 г. и просуществовал до 1918 г. (с 1914 по 1918 г. под названием «Русские записки»). «Аполлон» – русский иллюстри-рованный журнал по вопросам изобразительного искусства, музыки, театра и литературы; издавался в 1909–1917 гг. в Санкт-Петербурге. В «Аполлоне» выступали представители различных течений в русском искусстве начала XX в. В журнале печатались сочинения И. Ф. Аннен-ского, А. А. Блока, В. Я. Брюсова, Вяч. И. Иванова, М. А. Кузмина, Н. С. Гумилева.

С. 848. ...кто за ужас «Колхозник»! – Имеется в виду журнал «Кол-хозник»,

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru организованным Горьким в 1934 г. В 1935 г. журнал преобразован в двухнедельник «Молодой колхозник».

С. 850. ...дает журфиксы... – Журфикс (фр. jour fixe – определен-ный день) – в дореволюционной России определенный день недели в каком-либо доме, предназначенный для регулярного приема гостей; на журфикс приезжали без приглашения; затем журфикс – фиксиро-ванный день встречи с представителями прессы для общения в нефор-мальной обстановке.

С. 855. Читал Бердяева в изложении Бухарина... – Видимо, имеет-ся в виду статья: Бухарин Н. Философия культурного филистера // Из-вестия. 1935. № 284. 8 дек.; № 286. 10 дек.

С. 857. Стахановское движение... – Движение названо по имени Алексея Стаханова, в ночь на 31 августа добывшего за смену 102 тон-ны угля при норме 7 тонн (см.: Роговин В. Сталинский неонеп // [http:// trst.narod.ru/rogovin/t3/xxxvi.htm](http://trst.narod.ru/rogovin/t3/xxxvi.htm)).

С. 859. «Ежика» и лугший номер. – Вероятно, имеется в виду жур-нал «Еж», закрытый в 1935 г.

С. 860. Была елка рождественская, теперь стала новогодняя... – С 1927 г. рождественская елка была запрещена как «религиозный пе-режиток» и вновь разрешена перед наступлением 1936 г., но уже как новогодняя, «без религиозной обрядности». Ср.: «Возрождение ста-ринного обычая пришлось на 1935 год. Никита Хрущев в своих воспо-минаниях описал тот короткий разговор между Сталиным и 2-м сек-ретарем ЦК КП(б) Украины Павлом Постышевым, после которого советским людям опять было разрешено украшать новогоднее дерево. "А не вернуть ли детям елку?" – спросил Постышев, на что вождь,

981 почти не раздумывая, ответил: "возьмите на себя инициативу, а мы поддержим". Так 28 декабря 1935 года в газете "Правда" появилась крошечная заметка за подписью 2-го секретаря ЦК КП(б) Украины. Постышев напомнил детям рабочих, как они "с завистью через окно посматривали на сверкающую разноцветными огнями елку и веселя-щихся вокруг нее детей богачеев", и предложил им устроить уже для своих детей веселый праздник "в каждом учреждении, в каждом кол-хозе". Но все же 1936 год большинство жителей СССР встретили без лесной красавицы, потому что многие из них восприняли предложе-ние члена ЦК КП(б) как провокацию. А между тем смелая инициатива Постышева почти сразу превратилась в красивую легенду. Якобы пе-ред отъездом 2-го секретаря ЦК Украины в Москву, где и состоялся его разговор со Сталиным, у Павла Постышева тяжело заболел сын, а когда отец вернулся и поставил рядом с кроватью мальчика маленькую елочку с красивыми огоньками, тот быстро пошел на поправку. Биль это или небиль, теперь неважно. Важно то, что Ель ожила и в 1937 го-ду весело сверкала огнями в каждом детском учреждении. Именно в декабре этого года в Москве, в Колонном зале Дома Союзов появи-лась первая Главная елка Страны Советов. Но в жизни Павла Петро-вича Постышева этот праздник был последним: в начале 1938 года его арестовали и чуть позже расстреляли» (Володина В. Непраздничные приключения новогодней елки // <http://www.rasklad.ru>).

Указатель имен

Абрамов, зав. лесопунктом – 818

Аввакум Петровых (1620 или 1621–1682). протопоп, идеолог раско-ла – 980

Августин Аврелий (354–430), блаж. – 103

Авербах Л. Л. – 56, 156, 226–229, 233, 260, 262, 264, 289, 292, 321,

327, 345, 364, 384, 388, 390, 391, 877, 878, 930, 934 Авербух – 598

Агалов Борис Николаевич, писатель-очеркист – 415, 436, 869

Агеева, домработница – 900

Агния Ивановна, уборщица – 703, 706

Азеф Евно Фишелевич (1869–1918), один из лидеров партии эсеров, провокатор – 131, 907

Айвазовский Иван Константинович (1817–1900), живописец-мари-нист – 27

Айхенвальд Юлий Исаевич (1872–1928), критик и публицист – 907 Аквилон, сотрудник газеты «Стройка» – 117

Аксаков Сергей Тимофеевич (1791–1859), писатель, член-коррес-пондент Петербургской АН (1856) – 535, 829

Александр II (1818–1881), имп. (с 1855) – 909, 910

Александра Федоровна (1872–1918), супруга (с 1894) последнего императора Николая II – 739

Алпатов-Пришвин (Пришвин) Лев Михайлович (1906–1957) – 65, 71, 75, 76, 86, 90, 98, 99, 101, 103, 108, 110, 114, 117, 118, 120, 126, 153, 155, 163, 190, 193, 199, 202, 211, 218, 227, 231, 236, 237, 240, 243, 251–253, 257, 271, 273, 275, 280, 303, 307, 312, 317, 319, 331, 344, 349, 354, 356, 358, 364, 365, 376, 377, 379, 381, 386, 389, 393, 399, 403, 409, 428, 493, 494, 500, 511, 525, 556, 557, 581, 585, 593, 595, 627–629, 631, 639, 731, 743, 746, 747, 785, 797, 813, 819, 825, 924,

967

Алпатов Михаил (?) – 305, 306

Алпатова-Пришвина Галина – 258, 275, 303, 312, 331, 365, 377, 382, 387, 494, 557, 838 Альбанов – 771

983

Альберты Леон Баттиста (1404–1472), итальянский ученый, архитектор, теоретик искусства – 974 Альмединген, редактор – 426 Алянский Самуил Мироновых – 55

Амундсен Руальд (1872–1928), норвежский полярный путешественник и исследователь – 961 Ананьев Александр Георгиевич – 290 Андреев, инспектор – 644

Андреев Леонид Николаевич (1871–1919), писатель и драматург – 173

Андрей, колхозник – 270 Андрей, шофер (?) – 667, 668

Андроников Ираклий Луарсабович (1908–1990), писатель, литературовед – 603

Анзимиров Иван Ферапонтович – 398 Аникин Борис – 587 Анисимов Александр Иванович

– 290 Анка, жительница Сегожи – 294, 295 Анна Дмитриевна – 180, 182, 387, 470

Анненский Иннокентий Федорович (1855–1909), поэт, критик, переводчик, драматург, педагог – 981 Антип, лесник – 631, 632

Антипин Василий Иванович, житель дер. Ручей – 702, 704 Антипов Василий Кузьмич, охотник – 183 Арвин Ньютон – 883

Аристотель (384–322 до н. э.), древнегреческий философ – 977 Арсеньев Владимир

Клавдиевич (1872–1930), исследователь Дальнего Востока, географ, писатель – 132, 166, 171, 361, 617, 908, 919

Арсеньева Маргарита Николаевна – 359, 362

Архимед (ок. 287–212 до н. э.), древнегреческий ученый – 75

Афанасий, о., священник в Хрущеве – 943

Афанасьев А. А. – 974

Афанасьева, комсомолка – 192

Аффоний, монах – 843

Бабель Исаак Эммануилович (1894–1940), писатель – 157, 182 Бабогкин Борис

Андреевич (1904–1975), актер, режиссер – 947 Бабуркин Федор Кузьмич – 76 Бадыгин

– 966 Бадыгиняков (?) – 966, 967 Балашов В. П. – 900

Балль Степан Станиславович, инженер – 350 Бальмонт Константин Дмитриевич (1867–1942), поэт, переводчик, критик – 305, 360, 364, 493

984

Барбюс Аиры (1873–1935), французский писатель, общественный

деятель – 782 Барсуков – 892

Баснын (Баскин), охотник – 147, 148 Бахметьев – 227, 233

Бахтин Михаил Михайлович (1895–1975), философ культуры, филолог – 885, 891

Бабель Август (1840–1913), один из основателей и руководителей Германской социал-демократической партии и II Интернационала – 890

Безродный, механик – 327, 328, 354, 423, 488 Безыменский Александр Ильич

(1898–1973), поэт – 153 Беленький – 288, 290, 320 Белкин, механик (?) – 624

Белоконь – 153 Белоус В. – 891

Белый Андрей (Бугаев Борис Николаевич; 1880–1934), писатель и поэт – 11, 16, 17, 58, 156, 210, 226, 227, 229, 232, 236–238, 241, 242, 250, 251, 253, 254, 258,

313, 336, 337, 343, 345, 347, 348, 360, 378, 568, 597, 891, 894, 917, 920, 924, 933, 949

Беляев, художник (?) – 746

Беляев Александр Романович (1884–1942), писатель – 338, 933 Беляев Борис Иванович, учитель – 737

Бердяев Николай Александрович (1874–1949), философ – 855, 867, 981

Берковский Наум Яковлевич (1901–1972), литературовед – 974 Беспалый – 627

Бетховен Людвиг ван (1770–1827), немецкий композитор – 533, 853

Бирюкова (Пришвина) Н. П. – 911

Блок Александр Александрович (1880–1921), поэт – 11, 16–20, 68–70, 162, 182, 224, 343, 345, 424, 501, 791, 833, 882, 893, 910, 913, 916, 925, 981

Бобринский Владимир Алексеевич, гр. (1867/1868–1927), владелец имения в Богородицке Тульской губернии – 904, 966 Бобрышев – 858 Богданов

Васильев – 956

Боков Виктор, рабочий, будущий поэт – 259, 444, 476 Бонг-Бруевич Владимир

Дмитриевич (1873–1955), советский государственный и политический деятель – 598, 606 Борисов Трофим Михайлович – 290, 292, 296, 299, 345, 359, 419, 605, 936

Бострем Г. З., художник – 28, 70, 303, 308, 309, 314, 317, 324, 336, 340, 343, 361, 364, 371, 375, 376, 415, 423, 440, 445, 455, 457, 458, 495, 528, 592, 604,

744, 745, 776, 791, 796, 855, 857, 894

Бостремы – 378, 757, 790, 795

985

Брайдес Георг (1842–1927), датский литературный критик – 162 Браунинг Джон

(1855–1926), американский конструктор и промышленник – 515 Брик – 7

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
 Бродский Исаак Израилевич (1883/84–1939), живописец, график – 924
 Бруссон Жан Жак, секретарь А. Франса – 897
 Брюсов Валерий Яковлевых (1873–1924), поэт, переводчик, кри-тик – 121, 345, 347, 360, 457, 459, 478, 501, 907, 981
 Буденный Семен Михайловых (1883–1973), советский военачаль-ник – 61,90
 Булгаков Сергей Ныколаевых (1871–1944), религиозный мысли-тель – 938 Булкин – 380, 385
 Бунын Иван Алексеевых (1870–1953), писатель, переводчик – 917 Буранова – 456
 Буренын Виктор Петровых (1841–1926), поэт, публицист – 980 Бутурлин, охотник – 247, 409
 Бухарын Николай Ивановых (1888–1938), советский политический и государственный деятель – 188, 364, 415, 476, 478, 511, 544, 557, 590, 640, 641, 855, 858, 940, 954, 955, 981
 Бухбанд Яков Арнольдовых, начальник Услуга – 277, 280, 286, 290, 320
 Бывшее, охотник – 567
 Быков Яков Петровых, старший мастер профилактория – 400 Быстрое, партизан – 671
 Бюхер Карл (1847–1930), немецкий экономист, статистик – 900
 Вагнер Вильгельм Рихард (1813–1883), немецкий композитор – 865, 921, 966
 Вагнер Николай Петровых (1829–1907), зоолог, писатель – 931 Варвара Николаевна – 265 Варламов А. – 874, 879, 880, 916, 919 Васильев П. – 940
 Васильевы, братья (псевд.) Георгий Николаевич (1899–1946) и Сер-гей Дмитриевич (1900–1959), кинорежиссеры и сценаристы – 947
 Велльгаузен Юльус, немецкий богослов – 92,93, 904 Венгеров Семен Афанасьевых (1855–1920), литературовед, библио-граф – 924
 Вересаев (Смидович) Выкентый Выкентьевых (1867–1945), прозаик, литературовед, поэт-переводчик – 62, 364, 897, 934
 Вернадский Владимир Ивановых (1863–1945), естествоиспытатель, мыслитель-энциклопедист – 610, 951
 Верт Н. – 954
 Верховский Юрий Николаевых (?) – 220
 986
 Веселкин – 639
 Виленский, писатель – 279, 866 Вилков – 585
 Вильгельм II Гогенцоллерн (1859–1941), германский имп. (1888–1918) – 535, 943
 Винчи Леонардо да (1452–1519), итальянский живописец, ученый-энциклопедист, архитектор, изобретатель – 31, 241, 271, 493, 569
 Водозов Василий Ивановых (1825–1886), педагог, методист, автор учебников – 394, 935 Водопьянов Михаил Васильевых (1899–1980), летчик – 309
 Волин Б. М., начальник Главлита – 525, 890 Володина В. – 982 Воронин – 457
 Воронский Александр Константиновых (1884–1937), критик, писа-тель – 71, 72, 345, 348, 952
 Воронцов-Дашков Илларион Ивановых (1837–1916), гр., государс-твенный деятель – 283, 927
 Ворошилов Клымент Ефремовых (1881–1969), советский военачаль-ник – 345, 384, 388, 409
 Воруланынов Егор Евдокимовых – 452
 Врубель Михаил Александровых (1856–1910), живописец – 241
 Галилей Галилео (1564–1642), итальянский астроном – 241 Гальтон Френсис (1822–1911), английский биолог, психолог, антро-полог – 905 Гамов Аскольд – 165
 Гамсун (Педерсен) Кнут (1859–1952), норвежский прозаик, драма-тург – 492, 501, 549, 577, 613, 942, 946, 959
 Гапон Георгий Аполлонович (1870–1906), священник, провокатор – 131,907
 Гардман, художник – 832
 Гарнак Адольф (1851–1930), немецкий богослов, церковный исто-рик – 93, 95, 99, 905
 Гедройц Константин Каэтановых (1872–1932), агрохимик, почво-вед – 212
 Гейне Генрих (1797–1856), немецкий поэт, прозаик, публицист – 200
 Геккерен, барон – 393
 Генрыхсон Алексей Матвеевых, механик – 321, 328–330, 336, 349– 352, 354, 396, 402, 403, 415, 417, 420, 421, 423, 435, 436, 438, 439, 444–446, 449, 495, 607, 608, 610, 611, 624
 Герасимова Валерия Анатольевна – 387,421,422,424, 425,428,440, 441,467, 935
 Герман Юрий (Георгий) Павловых (1910–1967), писатель – 92J
 987
 Герцен Александр Ивановых (1812–1870), публицист, прозаик, изда-тель – 202, 845, 852
 Гершензон Мыхаыл Осипових (1869–1925), историк литературы и общественной мысли – 112

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
 Гесын, зав. механическим цехом – 438
 Гёте Иоганн Вольфганг фон (1749–1832), немецкий поэт, драматург, прозаик, мыслитель, естествоиспытатель – 24, 52, 90, 92, 144, 145, 241, 267, 322, 481, 484, 493, 501, 547, 747, 875, 885, 895, 904, 910, 922, 924, 931, 940, 972, 973
 Гыляровский Владымир Алексеевич (1853–1935), писатель – 182, 913
 Гыппыус Евгения Ивановна – 549, 555
 Гыппыус Зынаида Николаевна (1869–1945), поэтесса, критик, мемуарист – 253, 343, 884, 892, 925
 Глаголев Аркадии – 892
 Гладков Федор Васильевич (1883–1958), писатель – 273, 274, 900
 Гладышев, работник станции обслуживания – 350
 Гоголь (Гоголь-Яновский) Николай Васильевич (1809–1852), писатель, критик, религиозный мыслитель – 34, 113, 130, 144, 173, 249, 259, 314, 339, 348, 367, 375, 378, 475, 480, 497, 536, 597, 604, 608, 623, 661, 752, 870, 918, 926, 934, 942, 951
 Голицын Владимир Михайлович – 142, 935
 Голубцов Алексей, охотник – 653
 Горелов, зав. гаражами – 438
 Горнфельд Аркадий Георгиевич (1867–1941), критик, литературовед, переводчик – 923, 924
 Горохов Василий Александрович, директор Лесопроминститута в Архангельске – 721, 857
 Горький М. (Пешков Алексей Максимович; 1868–1936), писатель, критик, публицист, общественный деятель – 10, 11, 18–20, 52, 54, 56, 59, 88–91, 96, 120, 121, 127, 131, 137, 145, 147, 156, 184, 192, 199–201, 203–205, 209, 210, 221, 224, 226, 232, 235, 271, 272, 277, 291, 295, 323, 345, 347, 358, 379, 387, 388, 390, 394, 398, 406, 420, 456, 459, 463, 474, 477, 510, 557, 564, 574, 589–591, 598, 605, 608, 610, 612, 624, 638, 780, 781, 799, 807, 824, 873, 874, 877, 887, 895, 902, 904, 912, 913, 925, 928–930, 932, 940, 949, 950, 979
 Горшков Валентин Николаевич – 457
 Горшков Михаил Николаевич, художник – 971
 Горшкова Мария Ларионовна – 457
 Горькушин, учитель – 190
 Грибоедов Александр Сергеевич (1795–1829), писатель, дипломат – 980
 Григорьев (Григорьев-Патрашкин) Сергей Тимофеевич (1875–1953), писатель – 202
 Григорьев Павел Васильевич, крестьянин, охотник – 32–35, 37–40, 42–44, 46, 47, 70, 72, 75
 988
 Григорьев Сергей Тимофеевич, художник – 5, 28, 97, 109, 120, 131, 156, 218, 219, 250, 258, 364, 399, 420, 424, 599, 640, 748, 829, 834, 835
 Грилинал. – 915
 Грин (Гриневский) Александр Степанович (1880–1932), писатель – 263
 Грозная Ева Борисовна – 437 Грозный Рем Федорович – 437 Грозный Федор Григорьевич – 437
 Гронский И. М. – 145, 149, 153, 231, 232, 234, 235, 254, 255, 258, 267, 269, 347, 388, 629, 825, 940
 Груздев Илья Александрович – 55
 Грязнова Евдокия Егоровна («Канарейка») – 686
 Губер Петр Константинович (?) – 185, 897
 Губин Александр Осипович – 680, 688, 689, 691, 692, 708, 844, 960
 Губин Яков – 690
 Гумилев Николай Степанович (1886–1921), поэт, критик, переводчик – 940, 981
 Гусаров, милиционер Каляевки – 112
 Гусина – 624
 Давыдов, главный механик Горьковского автозавода – 437
 Данте Алигьери (1265–1321), итальянский поэт, философ, политический деятель – 885, 931
 Дарвин Чарлз Роберт (1809–1882), английский естествоиспытатель – 383, 547
 Дашевский, зам. директора Сульфатстроя – 723
 Дедков Николай, секретарь парткома – 487, 488, 490, 499, 503, 575
 Делекторская И. – 920, 949
 Демьян Бедный (Придворов Ефим Алексеевич; 1883–1945), поэт, писатель – 53, 54, 825, 839, 849
 Денисов Алексей Васильевич, охотник – 402, 843
 Дефо Даниэль (ок. 1660–1731), английский писатель, политический деятель – 932
 Динамов ~ 420, 576
 Дитёв Василий Иванович, зав. лесосплавной конторы в Вологде – 651
 Довгань Владимир Филиппович, секретарь – 277, 278, 280, 281, 287, 290
 Довженко Александр Петрович (1894–1956), кинорежиссер, драматург – 842, 980
 Достоевский Федор Михайлович (1821–1881), писатель, мемуарист – 113, 120, 130, 144, 173, 243, 249, 314, 317, 318, 372, 426, 440, 441, 501, 597, 604, 606, 608, 628, 629, 870, 926, 934, 938, 953
 Дрейфус Адольф, французский офицер – 80, 900

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Дриянский Е. Э. – 212, 915
989
Дроботковский Павел Владимировых, начальник сельскохозяйственной части – 284
Дудынец Владимир Дмитриевых (1918–1998), писатель -- 149 Дуныхка – см. Игнатова
Евдокья Николаевна Дуня, домработница М. М. Пришвина – 74, 76, 205, 207, 268, 488 Дьяконов – 437
Евдокимов – 227, 228, 238, 250, 255 Егоров Александр Георгиевич – 772
Егоров Владимир Иванович, учитель – 750, 772, 782, 784, 795, 828, 829
Егорова Александра Георгиевна – 795, 809, 814, 819 Екатерина Михайловна – 75
Ермылы – 227
Ермылов Владимир Владимировых (1904–1965), литературный критик, литературовед – 347, 768, 952 Ермышев Александр Александровых – 892 Есенин Сергей Александровых (1895–1925), поэт – 69, 72 Ефимов Иван Семеновых – 589 Ефимова Нина Яковлевна – 589 Ефремин А. С., критик.– 227, 908
Жданов, инженер – 860
Жданов Андрей Александровых (1896–1948), советский политический деятель – 940
Живов – 758, 858
Жид Андре Поль Гийом (1869–1951), французский писатель, драматург, эссеист, критик – 313, 893 Жилин Василий Дмитриевых, зав. Бобровской запанью – 727 Жинкин – 69
Жорес Жан (1859–1914), французский социалист – 900 Жуковский Василий Андреевич (1783–1852), поэт, переводчик, критик – 958
Зайцев, охотник – 469, 784, 785 Зайцев П. Я. – 920
Замошкын Н. И – 134, 145, 345, 347, 587, 588, 593, 595, 598, 825, 826, 831
Замятин Евгений Иванович (1884–1937), прозаик, драматург, критик – 52, 53, 69, 705, 895, 941 Зарудин – 892 Зарудный – 611, 833 Заславский Д. – 898 Зворыкин – 212, 409 Зиновьев – 954 Змиев Кузьма Андреевич – 277
990
Зоия мама – 13, 26
Золя Эмиль (1840–1902), французский писатель – 80, 900 Зориг – 544
Зоценко Михаил Михайловы! (1894–1958), писатель-сатирик – 913 Зубрилин, агроном – 775, 776, 975
Зуев Дмитрий Павлович, сотрудник газеты «Постройка» – 456
Ибсен Генрик (1828–1909), норвежский драматург, поэт – 680, 959 Иван (Иоанн) IV Васильевич Грозный (1530–1584), русский царь – 652, 707
Иван Иванович, бывший земский начальник – 102, 108, 119, 268, 466 (?)
Иванов, охотник – 777, 778
Иванов Всеволод Вягеславович (1895–1963), прозаик, драматург – 229, 825
Иванов Вягеслав Иванович (1866–1949), поэт, филолог-классик – 952, 981
Иванов Иван Ксенофонович, сапожник – 780
Иванов-Разумник (Иванов) Разумник Васильевич (1878–1946), историк мысли, публицист – 53, 55, 68, 72, 78, 79, 183, 210, 218, 315, 339, 343, 345, 367, 396, 400, 564, 598, 608, 774, 758, 774, 781, 831, 891, 895, 897, 899, 946, 947
Ивантер – 837
Игнатов Илья Николаевич (1858–1921) – 971
Игнатова Евдокия Николаевна (1852–1936) – 262, 364, 365, 403, 448, 459, 598, 827, 922, 923, 964, 971 Игнатова Мария Васильевна (?–1908) – 971
Игнатова Софья Яковлевна – 365 Игнатовы – 345, 365, 598
Измалкова Варвара Петровна – 140, 613, 891, 907, 909, 918, 922, 925, 931, 936, 966, 975, 978, 980 Илья – 558
Именитое Григорий Ильич – 347, 349, 426 Именитое Дмитрий Ильич – 289
Иоанн Кронштадтский (Сергиев Иван Ильич; 1829–1908), св. – 710
Исаков, зав. лесопунктом – 701, 702
Кабалевский Дмитрий Борисович (1904–1987), композитор, педагог – 935
Каганович Лазарь Моисеевич (1893–1991), советский политический и государственный деятель – 360 Казаринов, председатель РИКа – 263
Калик Михаил Наумовых (род. 1927), кинорежиссер – 379, 395, 404, 412, 414, 419, 589
991
Калинин Михаил Иванович (1875–1946), советский политический и государственный деятель – 90, 298, 667, 686 Калмыков – 590, 598, 599, 603, 859
Каляев Иван Платоновых (1877–1905), революционер – 111 Каменев (Розенфельд) Лев Борисовых (1883–1936), советский политический и государственный деятель – 333
Каменский Василий Васильевич (1884–1961), поэт – 155, 227, 228, 250, 265, 613
Кан Александр Еремеевич, помощник инспектора ОТК – 438
Кант Иммануил (1724–1804), немецкий философ – 921
Канторовых – 754, 756
Караваева, коммунистка – 459, 470

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
 Карасев Василь – 24
 Каратаев – 435, 542
 Каратаевы – 501
 Кармен, цыганка – 286, 290, 866
 Карцов, охотник – 147
 Касьянова Антонины Васильевна, служащая Торгсина – 383 Катинский, охотник – 163, 271, 409, 440, 476, 637, 639 Каширин, председатель горсовета – 97
 Керенский Александр Федоровых (1881–1970), юрист, политический и государственный деятель – 90, 96, 181, 187, 188, 575, 587, 912
 Кыров (Костриков) Сергей Мыроновых (1886–1934), советский по-литический и государственный деятель – 597, 598
 Кыршон Владимир Михайловых (1902–1938), драматург – 227, 229, 336
 Кыхын, начальник Услуга – 286, 287
 Кышкын Мыхайл Ныколаевыг, биолог – 279, 281, 285, 290, 377, 866, 867
 Клейн Иоахым – 868, 927, 928
 Клышков Сергей Антоновых (1889–1937), поэт, прозаик, перевод-чик – 227, 234, 250, 839, 917, 969 Ключевский Василь Осыповых (1841–1911), историк – 496
 Кожевников – 97 Кожевниковы – 365
 Кольцов Николай Константиновых (1872–1940), биолог, основопо-ложник отечественной экспериментальной биологии – 349, 801, 812, 905
 Кондаков Алексей Васильевых, представитель ЦК комсомола – 223 Коноплянцев Александр Михайловых – 69, 367, 386, 577, 578, 581, 587, 611, 838, 839
 Коперный Николай (1473–1543), польский астроном, создатель ге-лиоцентрической системы мира – 70 Коптелин, охотник – 236, 315 Корабельников – 390, 391
 Корнылов Борис Петровых (1907–1938), поэт – 940
 992
 Коротаевы – 428
 Костя, тракторист – 105, 259, 349, 350, 476 Косырев, секретарь комсомола – 616
 Котнисон – 336
 Котынский, охотовед – 301, 365, 430–432
 Кохагин Василий Андреевых, шофер – 411
 Кохерыгин Петр Константиновых, доктор – 214, 215, 386, 389
 Козн Стивен – 954
 Кремнев Г. – 917
 Крепе Герман Михайловых, основатель (1930) и первый директор Лапландского заповедника – 617, 627 «Крестный», охотник – 37–41, 43–46, 48, 50
 Кроленко Ал. Ал. – 55
 Крюков Николай Васильевых, художник – 758
 Крюков, секретарь М. Горького – 11, 390, 391
 Кузмын Мыхайл Алексеевых (1875–1936), поэт, критик – 981
 Кузнецов, балетный танцор – 256
 Куйбышев Валерыан Владымировыг (1888–1935), советский полити-ческий и государственный деятель – 597, 598, 949 Кулешов, фотокорреспондент «Правды» – 644
 Кулыков Николай, шофер – 422, 426, 473, 474, 476–478, 489, 526, 945
 Кумашенский Федор Андреевых, охотник – 491, 492, 624, 625 Купер Джеймс Фенымор (1789–1851), американский писатель – 287, 910
 Курбатов, художник – 279, 866 Куршевский – 760, 761, 763
 Кутузов Мыхайл Илларионовых (1745–1813), полководец, генерал-фельдмаршал – 804, 805, 819 Кыхын Петр Павловых, работник КВО – 277 Кютнер Роман Васильевых – 965, 966
 Лаврухин, пролетарский писатель – 53
 Лапын Виктор Герасимовых, инженер – 437, 442, 443, 610, 611, 616
 Ларскы, редактор журнала «Охотник» – 192, 564
 Лебедев Иван Степановых, шофер – 785
 Левый Борис – 250, 467, 530, 556, 562, 825, 831, 837, 978
 Левытан Исаак Ильых (1860–1900), художник-передвижник – 372
 Легкобытов Павел Михайловых (1863–1937) – 16, 18–20, 162, 464, 466, 893, 894, 935, 952, 972 Леденев В. – 933
 Ленин (Ульянов) Владимир Ильых (1870–1924), организатор, теоре-тик и лидер коммунистического движения в России, основатель Советского государства – 16, 18–20, 28, 58, 89, 96, 120, 138, 144, 162, 180, 235, 265, 451, 488, 591, 595, 596, 610, 748, 762, 767, 784, 790, 828, 870, 900, 923, 950, 975
 993
 Леонов Леонид Максимовиг (1899–1994), советский писатель – 76, 79, 156, 202, 210, 235, 256 Леонтьев Константин Николаевиг (1831–1891), писатель, философ,
 литературный критик – 53, 233, 264, 845, 917 Лермонтов Михаил Юрьевиг

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
 (1814–1841), поэт, прозаик – 492, 501,
 593, 613, 910, 941, 951, 952 лесков николай Семеновиг (1831–1895), прозаик,
 публицист – 173,
 391, 457, 459
 Лидин Владимир Германовиг (1894–1979), писатель – 76, 79, 202,
 228, 234, 235, 255 лина (Акулина) Никитигна – 13
 Литвинов Алексей Аркадьевиг, режиссер – 176, 358–361, 365, 415, 420, 426, 839,
 948
 Литвинов – 331, 596
 Литвинова Анна Владимировна – 420
 Лихтенштадт В. О. – 52, 895
 Логинов Павел Ивановиг, учитель из Купани – 450
 Локс К., литературовед – 358, 933
 Ломакин М. – 106, 340, 382, 426, 448, 901
 Лонг (II–III вв. н. э.), древнегреческий писатель – 916
 Лонгфелло Генри Уодсуорт (1807–1882), американский поэт, писа-тель, филолог –
 917
 Лорх Александр Георгиевиг (1889–1980), агроном, селекционер – 361
 Луговской Владимир Александр о виг (1901–1957), поэт – 509 Лукин Юрий Борисовиг
 – 321, 349, 357, 358
 Лунагарский Анатолий Васильевиг (1875–1933), советский партий-ный и
 государственный деятель, литератор – 251–253, 265, 343, 911, 920, 921
 Лундберг – 606
 Лушин Платон Матвеевиг, рабочий – 681
 Майборода, инженер – 437–439 майоров, охотник – 381, 384 Малявский Петр Карловиг
 – 118, 125, 966
 Мамин-Сибиряк (Мамин) Дмитрий Наркисовиг (1852–1912), писа-тель – 915
 Мамонтов (Мамантов) Константин Константиновиг (1869–1920), генерал-лейтенант –
 501
 Мандельштам Осип Эмильевиг (1891–1938), поэт, прозаик, эссеист, переводчик –
 263, 913
 Мантейфель Петр Александровиг (1882–1960), биолог, охото-вед – 162, 288
 Мария Виссарионовна – 214
 Марк Твен (Сэмюэл Ленгхорн Клеменс; 1835–1910), американский писатель – 853
 994
 Марков – 591
 Марк Карл (1818–1883), немецкий экономист, теоретик комму-нистического движения
 – 144, 162, 163, 180, 240, 354, 498, 550, 762, 767, 854, 870, 933, 936
 Маршак, директор Сульфатстроя – 723, 724
 Маршак Самуил Яковлевиг (1887–1964), поэт, переводчик – 460,
 463, 913 Марья Павловна ~ 9, 10, 211
 Маяковский Владимир Владимировиг (1893–1930), поэт, критик,
 теоретик футуризм – 69, 72, 501, 940 Медведев А. – 976–978, 980
 Мейерхольд Всеволод Эмильевиг (1874–1940), актер, режиссер, тео-ретик театра –
 253, 258, 265, 337, 378, 921 Мейерхольд Зинаида Николаевна – 265
 Мельников-Пегерский Андрей (Мельников Павел Иванович; 1818– 1883), писатель –
 494, 617, 952
 Менделеева Мария? Дмитриевна ~ 345, 777
 Менжинский Вягеслав Рудольфовиг (1874–1934), советский госу-дарственный и
 политический деятель, юрист – 400
 Мень Александр Владимировиг (1935–1990), о., проповедник, бого-слов – 905
 Меньшиковы-Корейши, княжеский род – 429, 430, 639
 Мережковский Дмитрий Сергеевиг (1866–1941), писатель, критик, публицист,
 общественный деятель – 16, 67, 82, 182, 251, 339, 343, 345, 574, 746, 747, 839,
 858, 892, 893, 912, 925, 947, 952, 972
 Мершин, кинооператор – 176, 177, 598
 Металлов – 420, 436
 Метерлинк Морис (1862–1949), бельгийский драматург, поэт, эссе-ист – 757
 Мегников Илья Ильиг (1845–1916), зоолог-эмбриолог, патолог, им-мунолог – 151
 Милюков, секретарь комсомола – 616
 Михаил (Петровиг?), внук М. М. Пришвина – 12, 155, 197, 585, 586 Михайлова, певица
 – 287, 290, 866 Молоков – 459, 460
 Молотов (Скрябин) Вягеслав Михайловиг (1890–1986), советский партийный и
 государственный деятель – 316, 352, 406, 480, 481, 536, 928
 Мопассан Ги де (1850–1893), французский писатель – 526, 547, 942 Моцарт
 Вольфганг Амадей (1756–1791), австрийский компози-тор – 757, 839
 Муссолини Бенито (1883–1945), итальянский фашистский дикта-тор (1922–1943) – 954
 Назаров Александр Семеновиг, зав. производственно-плановым от-делом треста

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
«Севлес» – 644, 645, 647–649, 651, 652
995
Накоряков Я. Я. – 533, 596, 609
Нансен Фритъоф (1861–1930), норвежский путешественник, обще-ственный деятель – 961
Наполеон I (Наполеон Буонапарте), имп. (1769–1821) – 151
Наседкин – 345
Неймаер Петр – 293
Некрасов Николай Алексеевич (1821–1877/1878), поэт, критик, пуб-лицист – 307, 923, 930, 937
Негаев Сергей Геннадьевич (1847–1882), революционер-анархист – 326
Никитин Константин Сергеевич, лесничий Усоляя – 625
Никитина Е. Ф., литературовед – 252, 253, 922
Николай I (1796–1855), имп. (с 1825) – 393
Николай II (1868–1918), имп. (с 1894) – 739
Николай Опочкий, о. – 15, 893
Никольский, главный редактор журнала «Охотник» – 192
Нилус – 102, 108, 192
Нирмой, певица – 279
Ницше Фридрих (1844–1900), немецкий философ, филолог и писа-тель – 241, 746, 747, 865, 918, 921, 933, 940, 951, 963
Новиков, директор колхоза (?) – 768, 776
Новиков-Прибой (Новиков) Алексей Силыг (1877–1944), писатель-маринист – 149, 156, 218, 254, 345, 459
Ньютон Исаак (1643–1727), английский математик, механик, аст-роном и физик – 241
Оболенская – 839
Огнев, профессор – 119, 230
Озолопин, механик – 437, 439, 533
Олеша Юрий Карлович (1899–1960), писатель – 912
Орешин Петр Васильевич (1887–1938), поэт – 557, 839
Органов, поэт – 831
Орджоникидзе Серго (Григорий Константинович) (1886–1937), со-ветский политический и государственный деятель – 616
Орликова, сотрудница киностудии – 360
Орлов Николай Иванович, фотограф и охотник – 653, 654
Орлова Любовь Петровна (1902–1975), актриса – 934
Островский Александр Николаевич (1823–1886), драматург – 378
Острый Иван, изобретатель – 80, 221, 327, 798
Ошанин Лев Иванович (1912–1996), поэт – 491
Павленко, член оборонной комиссии (?) – 415
Павлов Иван Петрович (1849–1936), физиолог – 770, 771, 803, 841, 852
Палагин Ю. Я. – 906
Панкратов, редактор газеты – 723, 724
996
Панферов Федор Иванович (1896–1960), писатель – 253, 598, 624, 949, 950
Парфенов – 588, 589
Паперный В. – 893
Парышев, зав. кузовным цехом и главным конвейером Горьковско-го автозавода – 437, 438, 444, 500
Пастернак Борис Леонидович (1890–1960), поэт, прозаик – 940
Пастухов Я. И., издатель газеты «Московский листок», писатель – 894
Паша (Паня), племянница Е. П. Пришвиной – 387, 388, 428, 511
Пендрие – 169, 184
Перелешин, бывш. помещик – 119
Песогинский Я. – 922
Петр I (1672–1725), имп. (с 1721) – 207, 271, 288, 475, 588, 742, 879, 925, 926, 940, 941
Петряев ~ 345
Пильняк (Вогау) Борис Андреевич (1894–1938), прозаик – 7, 8, 68, 72, 76, 79, 149, 155, 156, 159, 196, 210, 218, 226–230, 345, 825, 890, 898
Плеханов Георгий Валентинович (1856–1918), деятель социал-де-мократического движения, философ, публицист – 415, 416
Погосянц Лена – 530
Подоксенов А. М. – 921
Подольская Клавдия Ивановна – 289, 290
Покровский Борис Иванович, художник – 766
Полибин, профессор – 285
Полковников, актер – 279, 866
Полонский (Гусин) Вягеслав Павлович (1886–1932), критик, исто-рик – 7, 57, 69, 71, 72, 75, 76, 230, 890
Поляк А. А. – 897
Пономарев Борис Васильевич – 437
Постышев Павел Петрович (1887–1939), советский партийный и государственный деятель – 899, 981, 982
Приблудов Григорий Моисеевич, бандит (?) – 277, 294, 295
Призент Михаил – 53
Пришвин Александр Михайлович (1868–1911), брат М. М. Пришви-на – 970, 971
Пришвин Дмитрий Иванович, дед М. М. Пришвина – 971
Пришвин Дмитрий Михайлович (умер в детстве), брат М. М. При-швина – 970, 971
Пришвин Михаил Дмитриевич (?–1880) – 971
Пришвин Михаил Михайлович (1919), сын М. М. Пришвина – 969
Пришвин Николай Михайлович (1869–1919) – 969, 970
Пришвин Петр Михайлович (1909–?) – 9, 10, 27, 71, 77, 91, 94, 108, 110, 118–120, 131, 182, 183, 193, 196, 197, 199, 205, 211, 212, 216, 223, 247, 270, 272, 273, 275, 277, 286, 301, 302, 312, 316, 349, 353,
997

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
354, 363, 366, 377, 380, 381, 383–385, 388, 393, 399, 419, 423, 428, 449, 458, 463, 464, 470, 476, 477, 484, 486, 489, 494, 498, 507, 515, 517, 523, 544, 556, 558, 559, 567–569, 579, 581, 585, 595, 606, 609, 611, 617, 624, 628, 629, 631, 637–639, 644, 652, 653, 658, 667, 684, 686, 689, 690, 695, 699, 707–711, 718, 721, 722, 729, 732, 738, 753, 759, 767, 768, 774, 775, 780, 783, 785, 788, 790, 794, 803, 805, 817–823, 831, 834, 837, 840, 843, 849, 850, 852, 853, 855, 859, 967, 969

Пришвин Сергей Михайлович (1876–1917) – 970

Пришвина (урожд. Лиорко, в первом браке Лебедева) Валерия Дмитриевна (1899–1979) – 883, 889, 915, 924, 942, 964, 966, 972

Пришвина (урожд. Бадькина, в первом браке Смогалева) Ефроси-нья Павловна (1883–1953) – 5, 6, 25, 29, 30, 59, 68, 76, 86, 87, 92, 100, 108, 114, 118, 126, 146, 155, 173, 180, 196, 197, 199, 211, 213, 216, 235, 240, 243, 250, 252, 258, 260, 268, 330, 362, 365, 366, 382–384, 387, 388, 398, 401, 417, 418, 424, 428, 441, 466, 487, 494, 495, 500, 506, 511, 512, 579, 582, 614, 639, 743, 751, 757, 759, 775, 782, 795, 798, 812, 838, 847, 849, 852, 855, 966, 967, 969

Пришвина Зоя Алексеевна – 25–27, 65, 125, 173, 190, 196, 197, 211, 222, 232, 271, 380, 382–385, 581, 585, 586, 799, 916

Пришвина Лидия Михайловна (1866–1919) – 307, 381, 458, 970, 971

Пришвина (урожд. Игнатова) Мария Ивановна (1842–1914) – 968, 971

Пришвина Мария Михайловна (умерла в детстве), младшая сестра М. М. Пришвина – 970, 971

Пришвина Мария Николаевна, жена С. М. Пришвина – 970

Пришвина (Горшкова) Мария Петровна, бабушка М. М. Пришвина – 971

Прянишников Дмитрий Николаевич (1865–1948), основатель агро-химической школы – 904, 966

Птушко Александр Лукич (1900–1973), кинорежиссер, художник – 459, 525, 530

Пугачев Емельян Иванович (1740 или 1742–1775), донской казак, предводитель Крестьянской войны (1773–1775) – 298, 572, 629

Пудовский – 357

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837) – 18, 62, 72, 109, 113, 130, 146, 173, 200, 210, 226, 298, 299, 324, 364, 393, 501, 593, 726, 789, 828, 829, 833, 885, 898, 912, 913, 931, 934, 938, 958, 975, 978, 980

Пяст (Пестовский) Владимир Алексеевич (1886–1940), поэт, переводчик, стиховед, мемуарист – 264, 357, 360, 364

Радек (Собельсон) Карл Бернгардович (1885–1939), деятель между-народного социал-демократического движения – 533, 535, 536, 578

Радилов Павел, художник – 829

Раков Евгений Иванович, шофер – 348

998

Раскольников (Ильин) Федор Федорович (1892–1938), политический деятель, дипломат, литератор – 952

Распутин (Новых) Григорий Ефимович (1864 или 1865–1916), крестьянин Тобольской губернии, фаворит Николая II и Александры Федоровны – 16, 140, 972

Рафаэль Санти (1483–1520), итальянский живописец – 456, 493, 977

Рейзен Марк Осипович (1895–1992), певец (бас) – 54

Реклю Жан Жак Элизе (1830–1905), французский географ, социолог – 227

Рембрандт Харменс ван Рейн (1606–1669), голландский живописец, рисовальщик, офортист – 241, 372, 456

Ремизов Алексей Михайлович (1877–1959), прозаик, драматург – 16, 182, 217, 250, 253, 305, 345, 378, 597, 918, 925, 968, 980

Реомюр Рене Антуан (1683–1757), французский физик, естествоиспытатель – 24, 29, 31, 57, 150, 151, 162, 241, 515, 529

Репин Илья Ефимович (1844–1930), живописец – 976

Реформатская Надежда Васильевна – 133, 920

Реформатские – 345, 365

Реформатский Александр Александрович – 133

Рид Томас Майн (1818–1883), английский писатель – 908

Римский-Корсаков А. Н. – 946

Риги Коррадо – 427

Роговин В. – 981

Розанов, кустарь – 265

Розанов Василий Васильевич (1856–1919), писатель, мыслитель, публицист – 16, 112, 162, 182, 214, 248, 587, 791, 794, 795, 839, 911, 912, 925, 932, 933, 939, 943, 976–980

Розанова Варвара Васильевна – 214

Розанова Варвара Дмитриевна, вторая жена В. В. Розанова – 913

Розанова Надежда Васильевна ~ 775

Розанова Татьяна Васильевна (?) – 810

Роллан Ромен (1866–1944), французский писатель – 80, 81, 137, 156, 900

Романов Осип Александрович, охотник – 671, 678, 680, 686, 688, 690–692, 695–702, 707

Рошаль Григорий Львович (1898–1983), кинорежиссер, педагог-

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
 372, 934
 Рублев Андрей (ок. 1360–1370 – ок. 1430), живописец – 112
 Рублева, художница – 758
 Рудаков – 646
 Руднев, охотник – 456, 458
 Руднев В. – 883
 Румянцев Константин Васильевич, лесовод – 625 Румянцева Екатерина П. ~ 831
 999
 Русакова Екатерина – 345, 358
 Руссо Жан-Жак (1712–1778), французский писатель, философ – 52 Рыжов, критик –
 611
 Рыжов Андрей Иванович, житель Перова – 194, 199, 201 Рыжова Евдокия
 Александровна, жительница Перова – 194 Рыклин Михаил – 869, 884, 931 Рябов – 952
 Рязановский – 775
 Савин Егор Васильевич – 783, 784, 788, 789 Савин К. И. – 348, 672 (?)
 Савинков Борис Викторович (1879–1925), один из лидеров партии эсеров, прозаик,
 поэт – 343
 Салтыков-Щедрин (Салтыков) Михаил Евграфович (1826–1889), писатель-сатирик,
 публицист – 54, 55, 181, 895–897, 916
 Свердруп Отто (1854–1930), норвежский полярный исследователь – 961
 Свегина Анна Артемовна, сестра милосердия – 358 Свистун – 347
 Седов Михаил Петрович – 163, 722 Селибер Б. И., лесовод – 645, 956 Селиванович –
 101, 105
 Сельвинский Илья (Карл) Львович (1899–1968), поэт – 900 Семашко, председатель
 Детгиза – 835
 Семашко Николай Александрович (1874–1949), врач, нарком здравоохранения – 151,
 250, 345, 364, 575, 582, 601, 747, 748, 902, 964, 972
 Семенов – 166, 464
 Семеров Петр Федорович, геолог – 290, 293
 Сент-Экзюпери Антуан де (1900–1944), французский писатель – 880
 Серафимович (Попов) Александр Серафимович (1863–1949), прозаик – 228, 229, 950
 Сервантес Сааведра Мигель де (1547–1616), испанский писатель – 425
 Сергеев Петр Акимович – 559
 Сергеев-Ценский (Сергеев) Сергей Николаевич (1875–1958), писатель –
 136–138, 145, 156, 173, 254, 345, 347, 599, 908, 909
 Сергеев Алекс. Ксенофонович, лодочник, охотник – 653–655, 798
 Сергей Радонежский (1321–1391), св., основатель Троице-Сергиевской лавры – 206,
 219, 472, 784, 854, 975
 Серов Николай, лесник – 631, 632
 Сидоров, портной – 256, 315
 Симеон Богослов (949–1022), византийский религиозный писатель, поэт, мистик –
 495
 1000
 Сипягин Дмитрий Сергеевич (1853–1902), государственный деятель, министр
 внутренних дел (1900–1902) – 434 Скворцов Иван Дмитриевич – 277 Скосырев,
 председатель секции краеведения – 260 Слетов – 345
 Смирнов Анатолий Андреевич, зав. лабораторией – 437
 Смирнов (Виктор Васильевич?), редактор (?) «Нового мира» – 145,
 149, 263, 345 Смирнов М. М., сын священника – 395 Смиттен Елена Густавовна – 848
 Соколов-Микитов (Соколов) Иван Сергеевич (1892–1975), русский писатель – 53
 Сократ (470/469–399 до н. э.), древнегреческий философ – 279 Солженицын
 Александр Исаевич (род. 1918), писатель, драматург,
 публицист, общественный деятель – 868, 927 Соловейчик, доктор – 389, 392
 Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900), философ, богослов, публицист, поэт –
 936, 937
 Солугуб (Тетерников) Федор Кузьмич (1863–1927), писатель, поэт, критик,
 публицист – 342, 933, 964
 Солодухин Владимир Петрович – 278, 290, 314
 Софокл (497/495–406 до н. э.), древнегреческий драматург – 885, 931
 Софья Моисеевна, детский доктор – 530 Спицин, агроном – 452
 Ставский – 415, 471, 475, 477, 576, 598, 624, 799, 859, 869
 Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879–1953), советский партийный и
 государственный деятель – 11, 18–20, 52–54, 58, 66, 82, 88, 89, 105, 106, 108,
 119, 153, 155, 163, 180, 201, 235, 314, 331, 341, 344, 356, 381, 388, 401, 460,
 560, 574, 591, 599, 600, 608, 616, 639, 641, 688, 709, 753, 845, 850, 879, 895,
 897, 899, 900, 912, 916, 917, 924, 927, 928, 950, 953, 954, 976, 981, 982
 Станиславский (Алексеев) Константин Сергеевич (1863–1938), режиссер, актер,
 педагог – 39, 220

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
 Стаханов Алексей Г. (1905/06–1977) – 981
 Стебу Т – 66
 Стецкий Алексей Иванович, член оргкомитета Союза советских писателей ~ 356, 357, 598, 949
 Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911), государственный деятель, министр внутренних дел (1906–1911) – 413, 975
 Строева В. – 415, 934
 Субботский (Субоцкий) – 228, 252
 Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912), публицист, прозаик, драматург, фельетонист – 140, 909 Суках В. Г – 976
 Супко Павел Семенович, шофер – 312, 338, 342, 344, 346, 354, 399
 1001
 Сухомлинов Владимир Александрович (1848–1926), генерал от кавалерии – 188 Сыгов – 781
 Тальников – 127, 248, 345, 348, 349
 Татарский, директор леспромхоза – 681
 Тимофеев Юрий Иванович – 515–517, 523, 533, 554, 760
 Тихомиров Лев Александрович (1852–1923), публицист, религиозный мыслитель – 140, 144, 909
 Тихонов Александр Николаевич (1906–1993), советский поэт, прозаик – 459, 858
 Тодмант, ученый – 288, 290, 320
 Толстая Софья Андреевна – 181, 243, 457, 757
 Толстой Алексей Николаевич (1883–1946), гр., русский советский прозаик, драматург, поэт – 10, и, 25, 56, 210, 218, 254–256, 459, 589, 638, 873, 891, 968
 Толстой Лев Николаевич (1828–1910), гр., писатель, публицист – 120, 130, 144, 173, 200, 238, 241, 243, 248, 249, 305, 314, 318, 324, 347, 445, 457, 458, 498, 501, 547, 569, 592, 598, 601, 603–606, 608, 612, 642, 743, 757, 759, 794–796, 803, 804, 819, 824, 849, 850, 870, 918, 919, 929, 938, 939, 950, 951, 976, 977, 979
 Топоров Владимир Николаевич (род. 1928), филолог – 925
 Троицкий, помощник зав. кузовным цехом Горьковского автозавода – 437–439
 Троцкий (Бронштейн) Лев Давыдович (1879–1940), деятель революционного движения, критик, публицист – 921 Трубецкой Владимир Сергеевич, кн. – 935
 Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883), писатель, критик, публицист – 223, 296, 409, 431, 535, 597, 607, 608, 628
 Тютчев Федор Иванович (1803–1873), поэт, публицист, дипломат – 899
 Удинцев Борис Дмитриевич – 915 Ульрих В. Д – 965
 Умеров Сайд Ягья, работник КВО – 277, 287 Урусов, коммунист – 71
 Успенский Глеб Иванович (1843–1902), прозаик, публицист – 910 Успенский Т. – 225
 Устинов, зав. лесопунктом – 703, 706, 709 Устьянский Александр Петрович, прот. – 943
 Фаворский Владимир Андреевич (1886–1964), график и живописец – 58, 97, 143, 301, 343, 365, 371, 748, 749, 751, 758, 929
 Фадеев Александр Александрович (1901–1956), писатель – 172, 227–229, 264, 467, 578, 593, 598, 624
 Фатеев Валерий Александрович – 890, 912, 980
 1002
 Федин Иван Владимирович, охотовед – 628 Федосов Алексей Владимирович, охотник – 345, 542–544 Федотов Георгий Петрович (1886–1951), историк, богослов, публицист – 979, 980
 Фет (Шеншин) Афанасий Афанасьевич (1820–1892), поэт – 441 Фигнер Вера Николаевна (1852–1942), участница революционного движения, писательница – 151, 910 Филимонов – 345, 347, 357, 359, 613 Филипьев – 66
 Философов Дмитрий Владимирович (1872–1940), публицист, литературный критик – 892 Фирин С. Г – 930 Фицпатрик Ш. – 898
 Флобер Гюстав (1821–1880), французский прозаик, драматург – 238, 239
 Флоренский Павел Александрович (1882–1937), свящ., богослов, ученый – 301, 865 Фокин Иван Иванович – 450
 Фор Феликс (1841–1899), президент Франции (1895–1899) – 900 Форд Генри (1863–1947), американский промышленник – 937 Форш Ольга Дмитриевна (1873–1961), прозаик – 53, 56, 57 Франк Семен Людвигович (1877–1950), философ, историк культуры, публицист – 595, 596, 948, 949 Франклин Джон (1786–1847), английский полярный исследователь – 413, 936
 Франс Анатоль (Тибо Анатоль Франсуа; 1844–1924), французский писатель – 62, 63, 80, 573, 897, 900
 Франциск Ассизский (1181 или 1182–1226), св., проповедник, религиозный

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
писатель, основатель ордена францисканцев – 52, 895
Фребель Фридрих (1782–1852), немецкий педагог – 936
Фриш Фега Евсеевна – 166, 172, 195, 248, 910, 911
Фролов Дмитрий Кузьмиг – 409
Халатов – 96, 101, 105, 273, 274 Халуев, доктор – 782 Херсонский – 459
Ходасевич Владислав Фелицианович (1886–1939), поэт, критик, ме-муарист – 904
Хрущев Никита Сергеевич (1894–1971), советский политический и государственный деятель – 981
Цеткин Клара (1857–1933), немецкий политический деятель – 910 Цыпин (Ципин) – 487, 560, 835, 837
Чапаев Василий Иванович (1887–1919), участник Гражданской вой-ны – 580, 593, 598 1003
Чемоданов, студент – 259
Чередов Василий Павлович, председатель колхоза – 669, 670 Чернов Виктор Михайлович (1873–1962), политический деятель, один из основателей партии эсеров – 89, 343 Чернов Петр Иванович, зав. эксплуатационным участком – 633, 634, 644
«Чех», охотник – 37, 39–46, 48, 49
Чехов Антон Павлович (1860–1904), писатель, драматург, врач, журналист – 200, 247, 375, 387, 935
Чувыляев – 250, 327, 452, 467, 470, 564
Чувыляева Любовь – 319, 360, 441, 831
Чувыляевы – 143, 275, 587, 596, 609, 732, 733, 827, 925, 949
Чуковский Корней Иванович (Корнейчуков Николай Васильевич; 1882–1969), литературный критик, детский поэт и прозаик, пе-реводчик – 192, 198, 459, 460, 874, 912–915
Чулков – 143, 227
Чумандрин, писатель – 53, 84, 264
Шагынян Марыэтта Сергеевна (1888–1982), прозаик, поэтесса, ли-тературный критик, переводчица – 144, 145, 254, 910 Шаляпин Федор Иванович (1873–1938), певец (бас) – 53, 54, 956 Шевелев Алексей Иванович, технический директор – 712, 713 Шекспир Уильям (1564–1616), английский поэт, драматург – 18, 126, 267, 271, 374, 481, 484, 501, 558, 569, 579, 582, 589, 591, 923 Шершунових Иван Григорьевих, лесовод, охотник – 104, 625, 818 Шестов Лев (1866–1938), философ-экзистенциалист, критик, пуб-лицист – 182, 951 Шингарев Андрей Иванович (1867–1918), русский публицист, обще-ственный деятель – 787 Шишков Вячеслав Яковлевих (1873–1945), писатель – 617, 952 Шкловский Виктор Борисович (1893–1984), писатель, литературо-вед – 121, 157, 277, 310, 345, 347, 379, 415, 599, 869, 941, 942 Шлейермахер Фридрих (1768–1834), немецкий богослов, фило-соф – 394 Шмидт Лазарь Юльевич – 436
Шмидт Отто Юльевич (1891–1956), математик, геофизик, госу-дарственный деятель – 285, 412, 425, 442, 457, 460–462, 464, 936
Шолохов Михаил Александрович (1905–1984), писатель – 273 Шопенгауэр Артур (1788–1860), немецкий философ – 978 Шоу Джордж Бернард (1856–1950), английский писатель, драма-тург – 156 Шпекторов Прокопий Захарович – 101
Шпенглер Освальд (1880–1936), немецкий философ-культуро-лог – 898 Шперк Анна Лавровна – 977 1004
Шперк – 977
Штенников, партизан – 717, 720
Штерн Вильям (1871–1938), немецкий психолог, философ – 595, 948
Шульц, зав. издательством – 155, 156, 251, 259
Шумяцкий – 356, 357, 359, 360, 362, 374, 379, 406, 420, 425, 436, 477
Шурыгин В. – 899
Щедрин, сын М. Е. Салтыкова-Щедрина – 54, 55 Щербаков – 824–827, 830
Щетинин Алексей Григорьевич, сектант – 16, 20, 893, 894 Щукин Александр Николаевич, директор кинотреста в Архангель-ске – 730, 732
Эйзенштейн Сергей Михайлович (1898–1948), киносценарист, ре-жиссер – 947
Элиасберг, переводчик – 475
Энгельс Фридрих (1820–1895), немецкий философ, экономист, ис-торик – 762, 767, 870, 933
Эпикур (341–270 до н. э.), древнегреческий философ – 921
Эренбург Илья Григорьевих (1891–1967), прозаик, поэт, публицист, критик, переводчик – 460, 544, 874
Эрлих – 598
Эткинда.М. – 892
Эттингер (Этингер) Павел Давидових, критик – 758, 775 Эфрос – 426, 427

Дневники 1932–1935 гг. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Юдин С. Ф., зав. совхозом Майхэ – 175, 345
Ягушкин Кирилл, охотник – 686–689, 701, 703, 812 Яковлев – 825 Яловецкий – 587,
654, 827

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://prishvinmihail.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!